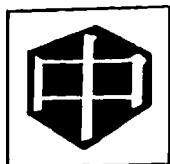

ИСТОРИЯ КИТАЯ

Под редакцией
А. В. Меликсетова

3-е издание,
исправленное и дополненное

Рекомендовано Министерством
образования Российской Федерации
в качестве учебника для студентов
высших учебных заведений, обучающихся
по историческим специальностям

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**Издательский Дом
«ОНИКС 21 ВЕК»
2004**

УДК 93/99
ББК 63.3(5)
И89

Авторы учебника:

Л.С. Васильев — гл. I—IV; *З.Г. Лапина* — гл. V—VIII;
А.В. Меликсетов — гл. XIII—XVIII; § 5 гл. XIX, § 3 гл. XX;
А.А. Писарев — гл. IX—XII, XIX (кроме § 5), XX (кроме § 3)

Рецензенты:

кафедра востоковедения МГИМО МИД РФ;
доктор исторических наук, профессор *А.А. Бокищанин*;
доктор исторических наук, профессор *А.М. Григорьев*

**История Китая: Учебник / Под редакцией А.В. Мелик-
И89 сетова.** — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Изд-во МГУ; Изд.
дом "ОНИКС 21 век", 2004. — 752 с.

ISBN 5—211—04948—9 (Изд-во МГУ)

ISBN 5—329—01066—7 (Изд. дом "ОНИКС 21 век")

В учебнике излагается история Китая с древнейших времен до наших дней. Авторы книги — известные историки-китаеведы, преподаватели кафедры истории Китая ИСАА при МГУ.

Для студентов, изучающих всемирную историю, а также для всех интересующихся историей Китая.

УДК 93/99
ББК 63.3(5)

ISBN 5—211—04948—9 (Изд-во МГУ)

ISBN 5—329—01066—7 (Изд. дом "ОНИКС 21 век") © Коллектив авторов, 2004

Предисловие

Огромный интерес российской общественности к прошлому и настоящему нашего великого соседа, его культуре и экономическим успехам, ко всем аспектам его жизни сегодня удовлетворяется публикацией значительного числа книг и статей самой разнообразной тематики. В настоящее время российское китаеведение — одна из наиболее плодотворно работающих отраслей российского востоковедения. Это в полной мере относится и к историкам-китаеведам, за последние годы опубликовавшим книги и статьи почти по всем периодам долгой и непрерывной китайской истории. Однако явно не хватает работ обобщающего характера, которые могли бы претендовать на изложение всей истории нашего великого соседа. Между тем потребность в написании таких книг очевидна. «История Китая» — попытка заполнить пустующую нишу. Авторы книги — историки-китаеведы, в течение многих лет работающие над исследованием разных исторических периодов Китая, что и позволило объединить их усилия для достижения поставленной задачи. В этом смысле написание данной книги — определенное историографическое подытоживание предшествующей исследовательской работы ее авторов.

Будучи преподавателями кафедры истории Китая Института стран Азии и Африки при МГУ, в течение десятилетий читавшими и читающими общие и специальные курсы по истории Китая и истории стран Азии и Африки, участвовавшими в написании многих учебных пособий, авторы предлагаемого вниманию читателя издания накопили немалый педагогический опыт, который послужил основательным фундаментом при работе над данной книгой, которая ставит своей целью дать сводно-обобщающее изложение всей истории Китая.

Приступая к работе, авторы понимали всю сложность поставленной перед ними задачи. Речь шла о Китае — стране истории, стране непрерывной культурной традиции, в том числе и традиции историописания. Начиная с глубокой древности, профессионально умелые и старательные чиновники фиксировали на гадательных костях, бронзовых сосудах, бамбуковых планках и шелковых свитках, а затем и на бумаге все то, что они видели и слышали, что происходило вокруг них и заслуживало упоминания.

Это поддерживавшееся государством летописание всегда являлось важной составной частью духовной жизни Китая. Первое и титаническое по характеру обобщение такой повседневной историографической работы принадлежит кисти великого китайского историка Сыма Цяня (выходца из семьи потомственных историографов) на рубеже II—I вв. до н.э. Созданная им книга «Шицзи» («Исторические записки», или «Записки историка») — это огромное по объему и глубокое по мысли сочинение, которое стало своего рода образцом, дидактической моделью для исторических исследований в Китае. В последующие два тысячелетия труд Сыма Цяня послужил основой для создания так называемых династийных историй.

Обычно каждая новая династия после своего утверждения на престоле создавала комиссию профессиональных историков, в задачу которых входило написание истории предшествующей династии. Всего таких историй традиционно насчитывается 24. Они составлялись высококвалифицированными специалистами, стремившимися достаточно объективно изложить исторические события предшествующей династии и подвести читателя к выводам, которые должны были подтвердить легитимность правящей династии. Естественно, что доказательство легитимности новой династии подчас требовало новой интерпретации и событий далекого прошлого. В этом случае члены этих комиссий (они все-таки были не просто историками, а чиновниками по ведомству истории!) препарировали в нужном духе исторический материал. Однако это «переписывание» истории происходило при строгом соблюдении накопленной веками конфуцианской этики и дидактики, нравоучительной заданности: история всегда должна была подтверждать, что небесную санкцию на управление Китаем (Поднебесная империя) может получить только тот, кто обладает наивысшей благодатью-добродетелью *дэ*. Именно обладание *дэ* и его потеря лежали в основе закономерности движения династийных циклов. Поэтому история, трактуемая в конфуцианском духе, косвенно доказывала, что люди (прежде всего правители) сами определяют судьбу страны и тем самым творят историю. Небо в этом смысле было лишь регулирующе-контролирующей инстанцией.

Многовековая работа историков всегда в Китае считалась очень важной и высоко ценилась. Канонические символы (в первую очередь конфуцианские) и исторические труды были главными предметами гуманитарного образования (а традиционный Китай другого образования и не знал), открывавшего дорогу к замещению чиновничьих должностей, повышению социального статуса и росту политического престижа. История при этом воспринима-

лась как школа жизни, своего рода собрание поучительных рассказов о деяниях правителей и исторических прецедентах. Апеллирование к истории, к прецеденту, к примеру древних было одним из наиболее весомых аргументов в политических спорах имперского Китая. В XIX–XX вв. в обращении к истории, к древности искали себе идейную опору реформаторы, да и революционеры обращались к тому же источнику.

Современная китайская историография генетически восходит, что вполне естественно, к своей национальной историографической традиции. Крутой идеологический поворот, связанный с приходом к власти коммунистов и образованием КНР, не отменил важнейшей особенности китайской историографии — она продолжала оставаться официальным, государственным, партийным делом, важным идеологическим и политическим оружием в руках государственно-партийного руководства. Еще до завоевания власти в апреле 1945 г. VII расширенный пленум ЦК КПК (шестого созыва) после серьезного обсуждения принял «Решение по некоторым вопросам истории нашей партии», в котором давалась маоистская версия развития КПК и всего освободительного движения китайского народа. Этот партийный документ на многие годы определил развитие историографии нового Китая. На историческом переломе от утопического коммунизма Мао Цзэдуна к прагматической политике рыночного социализма Дэн Сяопина в июне 1981 г. VI пленум ЦК КПК (одиннадцатого созыва) принял «Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР», в котором во многом по-новому были осмыслены пути развития китайской революции. Вместе с тем начавшееся с конца 70-х гг. постепенное обновление всей духовной жизни страны сказалось и на современной китайской историографии — в научный оборот вводятся новые источники, складывается критический подход к исследованию некоторых исторических сюжетов, возникают плодотворные различия в трактовке исторического процесса.

Авторы с большим уважением и вниманием относятся к достижениям китайской историографии, стремясь в полной мере использовать их при написании данной книги. Однако при всем этом мы остаемся российскими историками, стремящимися с наших современных позиций понять и истолковать китайскую историю.

Изложить в рамках одной книги многотысячелетнюю историю Китая всегда было весьма трудным и сложным делом. И все-таки, несмотря на ограниченность книжной «территории», мы стремились наполнить ее максимально возможным количеством фактического материала. Цель была в том, чтобы читатель смог найти в

этой книге не схематический исторический очерк, но весомо и убедительно продемонстрировать характерные черты и особенности истории китайского общества и государства.

Не менее (а может быть, и более) трудной и важной задачей было теоретическое истолкование огромного материала с общих для авторского коллектива позиций. Отметим, что авторы книги — единомышленники в основных методологических подходах к исследованию китайской истории при всех различиях в тематике их научной и педагогической деятельности. В течение многих лет мы стремились избежать гнета официальной «пятичленной» формационной концепции, отстаивали свое право рассматривать развитие китайского общества на определенном историческом этапе как «восточное», «азиатское», развивающееся по законам, весьма отличным от тех, которые управляли становлением европейской цивилизации. Отсюда — большое внимание к описанию и анализу традиционных общественных институтов, специфике экономического строя.

Для авторов этой книги духовные условия жизни человека и нормативные традиции, коими он в этой своей жизни руководствуется, имеют первостепенное значение. Поэтому религия, идеология, общественная мысль рассматриваются как не менее существенные факторы исторического развития, чем способы обработки земли или формы землевладения и отношения собственности. В этой связи мы стремились уделить особое внимание проблемам культурного развития, без изучения которых, на наш взгляд, невозможно достаточно глубоко осветить исторический процесс. Так, изучение процессов и результатов «встречи» китайской цивилизации — после «открытия» Китая — западной культурой и проникновение в эту страну европейской «машинной цивилизации» помогают понять особенности генезиса и развития китайского капитализма. Авторы стремились избежать упрощенных подходов в анализе этого взаимодействия и дать реальную картину сложного процесса цивилизационного взаимодействия.

Как нам представляется, большую роль в истолковании развития традиционного Китая играет правильное освещение проблемы династийных циклов. В этом контексте мы пытались во многом по-новому рассмотреть также и историческую роль массовых народных восстаний и выступлений, связанных с острыми социальными проблемами Китая. При исследовании взаимоотношений революционных и реформистских тенденций общественного развития авторы стремились отказаться от априорных оценок, желая показать реальное место этих тенденций в истории Китая. Учитывая огромную роль утопической традиции, суще-

ственно повлиявшей на китайскую политическую культуру, в книге обращено внимание на проблему соотношения утопизма и прагматизма в общественной жизни страны. Крах «реального социализма» позволил более критично и более объективно показать, проанализировать и оценить взаимоотношение «китаизированного марксизма» и национализма, борьба между которыми в настоящее время обретает характер экономической и социальной конкуренции между континентальным Китаем (КНР) и Тайванем (Китайская республика). В этой связи развитие Тайваня впервые в нашей историографии рассматривается как интегральная часть истории Китая во второй половине XX в.

Надеемся, что внимательный читатель легко увидит глубокое уважение авторов к нашему великому соседу, его истории и культуре, стремление объективно и доброжелательно понять и истолковать китайскую историю и максимально убедительно донести до российского читателя это прочтение китайской истории.

* * *

Авторы глубоко признательны рецензентам А.Н. Григорьеву, А.А. Бокшанину, В.А. Корсуну — известным историкам-китаеведам и опытным преподавателям — за поддержку и ценные профессиональные замечания, которые мы постарались учесть.

Мы благодарны нашим коллегам К.М. Тertiцкому и М.В. Карпову за помощь в подготовке данной книги к изданию, а также И.С. Спириной и Н.П. Чесноковой за внимательное отношение к рукописи нашей книги.

Глава I

ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА В КИТАЕ

1. АРХЕОЛОГИЯ О ПРЕДЫСТОРИИ КИТАЯ

Достижения современной антропологии и археологии — вначале преимущественно западной, затем главным образом китайской — позволили вскрыть мощные пласты предистории Китая. Имеются в виду не те историзованные легенды, коими насыщены многие древнекитайские источники, начиная с «Книги документов» («Шуцзин»), главы первого (наиболее раннего) слоя которой написаны преимущественно в начале эпохи Чжоу (остальные чуть позже, а затем все они были отредактированы Конфуцием). Об этих легендах будет сказано несколько ниже. Подлинная предистория начинается с так называемого синантропа, т.е. обнаруженной в районе Пекина разновидности человекообразных, или архантропа. Найденные на рубеже 20—30-х гг. нашего века в пещере Чжоукоудянь костные останки синантропа, и прежде всего его зубы, в частности лопаткообразные резцы, столь обычные для монголоидов, позволили выдвинуть гипотезу, что чжоукоудяньский синантроп, как и обнаруженные позже близкие к нему ланьяньский и юаньмоуский архантропы, является прямым предком-предшественником китайцев. Гипотеза эта не беспочвенна, но сомнительна (хотя бы потому, что современная физическая антропология все больше склоняется в пользу точки зрения, что синантроп был тупиковой ветвью развития человекообразных и что, следовательно, в происхождении современных сапиентных монголоидов существенную роль должны были сыграть иные предковые линии, возможно смешавшиеся с потомками синантропа). Об этом, в частности, свидетельствуют некоторые явно западные черты и признаки нижнепалеолитической культуры Динцунь, датируемой много позже эпохи синантропа — примерно 200—150 тыс. лет назад.

Процесс сапиентации, как известно, протекал около 40 тыс. лет назад, и потому весьма трудно сказать, какую роль в нем сыграл динцуньский человек, костных останков которого не было обнаружено (нашли только культурные вещные памятники), не говоря уже о синантропе. Да и протекал этот процесс на Ближнем Востоке, а не в Китае, куда сапиентные люди пришли, судя по находкам археологов, достаточно поздно. Для обеих групп

монголоидных неантропов, т.е. людей сапиентного типа в Китае (череп из Люцзяна на юге и три черепа из Шандиндуна в Чжоукоудяне на севере), характерна морфологическая нечеткость, а именно сочетание различных расовых черт в разной пропорции — при заметном, однако, преобладании монголоидных.

Учитывая все сказанное, заметим, что даже те признанные специалисты, такие, как К. Кун, например, которые считаются сторонниками аутентичного процесса генезиса монголоидов на территории Китая, вынуждены признать, что о чистоте линий не может идти речи и что в процессе мутаций, которые способствовали трансформации досапиентного монголоида в сапиентный тип шандиндунца, был «кто-то еще», кто «вмешался» в этот процесс со стороны, т.е. из числа сапиентных людей, прибывших в Китай извне.

Верхнепалеолитические культуры, характерные для ранних сапиентов, на территории Китая представлены слабо, как и культуры развитого мезолита, пришедшего на смену верхнему палеолиту 14—12 тысячелетий назад. Мезолитический микролит северных степей можно обнаружить на крайних северных рубежах современной территории Китая, а несколько отличный от него в культурном плане юго-восточноазиатский мезолит с его каменными орудиями типа чопперов (орудия из гальки) — на крайнем юге этой территории. Трудно, однако, сказать, какую роль тот и другой сыграли в процессе генезиса китайского неолита.

Дело в том, что неолит — это не просто качественный этап в истории культур каменного века. Это великий исторический рубеж для всего человечества, ибо именно в эпоху так называемой неолитической революции (X—VI тыс. до н.э.) произошел решающий переход от свойственной палеолиту присваивающей экономики собирателей и охотников к производящему хозяйству земледельцев и скотоводов. В этом смысле земледельческий неолит является сложным комплексом взаимосвязанных нововведений и изобретений, включающим в себя окультуривание злаков и иных растений, одомашнивание различных видов животных, а также переход к оседлому образу жизни, изобретение прядения и ткачества, строительство домов и иных сооружений, изготовление сосудов из керамики для хранения и приготовления пищи и т.д. и т.п. Результатами неолитической революции были мощный демографический взрыв, приведший к быстрому распространению неолитических земледельцев по ойкумене, а также появление избыточного продукта, позволяющего в случае нужды иметь запасы или содержать часть общества, не связанную с производством пищи.

Как известно, следы неолитической революции в полном ее объеме и на протяжении ряда тысячелетий прослеживаются археологами — в пределах Старого Света — лишь в одном регионе, на Ближнем Востоке. Во всех остальных, тем более в отдаленных районах Старого Света, включая и Китай, неолит появился уже в более или менее сложившемся виде извне. Доказать это, как в случае с Китаем, подчас трудно. Но одно несомненно: неолитической революции типа ближневосточной более нигде не обнаружено, хотя в юго-восточноазиатском регионе прослеживается аналогичный процесс, но не в зерновом, а в клубнеплодном варианте, что резко меняет дело (известно, что к урбанистической, т.е. городской, цивилизации такого рода неолит не привел, оказавшись в Юго-Восточной Азии на достаточно примитивном уровне).

Если оставить в стороне проблему субнеолита, т.е. мезолитических культур, знакомых с отдельными элементами неолита, то первые неолитические культуры появились на территории Китая (комплекс вариантов Яншао в бассейне Хуанхэ и отдельные культуры типа Хэмуду на юге) в виде неолита расписной керамики, который в те времена (VI—V тыс. до н.э.) был уже хорошо известен на Ближнем Востоке. И хотя китайские варианты серии неолита расписной керамики заметно отличались от ближневосточных (основное зерно — чумиза, одомашненное животное — свинья восточно-азиатской породы, иные формы жилищ и некоторые другие важные различия), общим для всех них был неолитический комплекс как таковой, включая и едва ли не наиболее ценное в нем для исследователя — роспись на сосудах. Элементы росписи, стандартные и отражающие духовный мир и мифологические представления неолитического земледельца, в основном и основным были общими и одинаковыми для всех, что явственно свидетельствует о единстве процесса генезиса и распространения по ойкумене неолитического человека с его развитой материальной и духовной культурой. Впрочем, кроме росписи сосудов об этом же единстве свидетельствует и стандартная в главных своих чертах практика захоронения покойников.

Варианты яншаоского неолита бассейна Хуанхэ (Баньпо, Мяодигу, Мацзяо и др.) хорошо изучены и детально описаны китайскими археологами. Жилища представляют собой в основном квадратные или круглые полуземлянки с жердево-земляным покрытием, небольшим очагом и обращенным к югу входом. Рядом с жилищами — загон для свиней, амбары для хранения пищи. Поселок состоял из нескольких домов, здесь же были расположены мастерские для изготовления каменных орудий, обжига керамики и т.п. Одно из зданий обычно выделялось размерами

и, видимо, было своего рода ритуально-культовым общинным центром, а также, возможно, и местожительством старейшины-первосвященника. Орудия труда из камня (топоры, ножи, тесла, долота, молотки, зернотерки, серпы, песты и т.п.) тщательно обрабатывались и шлифовались. Такие орудия, как шилья, иглы, крючки, наконечники, вкладыши, пилы, ножи, делались из кости. Главным оружием был лук со стрелами. Из камня, кости и раковин изготовлялись и различные украшения. Разнообразной по типу, форме и назначению была керамика, лучшую часть которой составляла расписная, с орнаментальным узором и рисунками, обычно нанесенными черной краской по красно-коричневому фону. Захоронения, как правило, располагались неподалеку от поселков, чаще всего с немалым погребальным инвентарем, преимущественно с ориентацией головы покойника на запад.

Культура расписной керамики в форме чаще всего недолговечных (два-три века) поселений просуществовала в бассейне Хуанхэ до рубежа III—II тыс. до н.э., когда она была достаточно резко замещена неолитической культурой черно-серой керамики типа Луншань. Луншаньско-луншаноидный слой позднего неолита с изготовленной на гончарном круге керамикой — уже безо всякой росписи, хотя порой и очень хорошей, иногда с тончайшими стенками, — возник на базе Яншао, но явно под влиянием извне. Влияние это видно в появлении гончарного круга (круг, как и колесо, не изобретались везде и случайно — это разовое кардинального характера изобретение, распространявшееся, как и металлургия, затем по ойкумене), ближневосточных по происхождению новых сортов зерна (пшеница и др.) и пород скота (коза, овца, корова). Кое-что в этом варианте китайского неолита было весьма специфическим (скапулимантия, т.е. практика гадания на костях; сосуды типа *ли* с тремя ножками в виде вымени), возможно, указывающим на развитый скотоводческий комплекс, впоследствии так и не прижившийся в земледельческом Китае. Хэнаньский и шэньсийский Луншань, Цицзя и Цинляньган, Давэнькоу и Цюйцзялин — все это различные луншаноидные варианты, каждый со своей спецификой, со своими связями. Но все они свидетельствуют о наступлении эпохи позднего неолита, а некоторые, как западная Цицзя (пров. Ганьсу), — и о знакомстве с изделиями из металла. Все новое в луншаноидном комплексе было, скорее всего, результатом культурной диффузии, спорадических импульсов извне, проявлявшихся в виде проникновения в бассейн Хуанхэ различного рода мигрантов.

Нововведения луншаноидного комплекса при всей их значимости не слишком сказались на образе жизни неолитических

земледельцев Китая. Как и прежде, жили они главным образом на высоких берегах речных долин в небольших поселках с жилищами яншаоского типа. Занимались в основном мотыжным земледелием, уделяя некоторое внимание скотоводству, охоте, рыбной ловле и собирательству. Необходимые в хозяйстве изделия ремесла изготовлялись обычно самими крестьянами, хотя уже и возникало специализированное производство, прежде всего изготовление керамики на гончарном круге. Одежда, питание и образ жизни людей были предельно простыми, а законы мотыжного переложного земледелия вынуждали крестьян время от времени (раз в несколько десятилетий) менять местожительство, осваивая новые земли и соответственно основывая новые поселения. Ситуация стала существенно иной лишь с переходом неолитических земледельцев к веку металла.

Появление бронзы в древности обычно шло рука об руку с возникновением урбанистической цивилизации, т.е. со строительством городских центров с их храмами и дворцами. В развитии передовых древних обществ это был принципиальный качественный рубеж, знаменовавший формирование надобщинных (протогосударственных) политических образований. Как известно, очень важная для понимания процесса социальной эволюции проблема политогенеза до сих пор, во всяком случае в отечественной историографии, прояснена недостаточно. Однако совершенно очевидно, что для возникновения протогосударственных структур нужны были какие-то существенные предпосылки, важные условия, оптимальное сочетание которых рождалось далеко не везде. Не случайно наука насчитывает лишь очень немного так называемых первичных очагов урбанистической цивилизации, причем и они, эти первичные очаги, обычно были как-то связаны между собой. Одним из таких очагов и был бассейн Хуанхэ.

Заметим, что нормативные принципы организации, свойственные ранним восточным обществам, находившимся на уровне первобытности, но уже знакомым с комплексом развитого неолита, хорошо изучены современной антропологией. Специалистами доказано, что к числу этих принципов относится обязательность эквивалентного (реципрокного) обмена-дара, включая обмен материальными ценностями на престиж, т.е. на подчеркнутое уважение коллектива по отношению к тем, кто способней других и чаще приносит им свою богатую добычу или щедро делится со всеми тем, что имеет. На этой основе эквивалентного взаимобмена складывалась традиционная система патронажно-клиентных связей, в рамках которой получатели даров и потребители дарованной всем продукции оказывались в зависимости от тех, кто щедрой рукой дарил и давал остальным то, чем обладал.

Другим важным нормативным принципом, с особой силой проявившим себя именно в поселениях неолитических земледельцев, где каждое домохозяйство обычно принадлежало большой семейно-клановой группе (отец-патриарх с его женами, младшими братьями и взрослыми сыновьями; жены и дети братьев и сыновей; иногда также прибывавшие к группе одинокие аутсайдеры), стала практика централизованной редистрибуции (перераспределения). Ее суть сводилась к тому, что глава группы имел право от имени коллектива распоряжаться всем его совокупным имуществом. Право редистрибуции помогало главе семейно-клановой группы с помощью щедрых раздач имущества группы повышать свой престиж, обзаводиться клиентами и благодаря этому претендовать на выборные должности старейшины общины или его помощников. Именно эти два института — обязательный реципрочный взаимообмен и право редистрибуции — создали условия для возникновения усложненной структуры общества в виде земледельческой общины с ее выборным руководством.

Земледельческая община стала фундаментом первичных протогосударств, появление которых было первым шагом в процессе политогенеза. Первичные протогосударственные образования, формирование которых шло бок о бок со сложением урбанистической цивилизации, возникали отнюдь не везде и лишь при условии сочетания ряда благоприятствовавших этому обстоятельств. Обстоятельства, о которых идет речь, включают в себя климатическо-экологический оптимум для земледелия, необходимую демографическую насыщенность данного региона, прежде всего плодородной долины реки, а также высокий уровень производственного потенциала, достигнутый лишь в позднем неолите и в эпоху бронзы. Все эти условия, объективно достаточные для регулярного производства такого количества продуктов, прежде всего пищи, которое позволяет коллективу содержать необходимые для функционирования аппарата администрации и освобожденные от обязательного физического труда по ведению земледельческого хозяйства слои (имеются в виду правитель с его родственниками, чиновники, жрецы, воины, обслуживающие их нужды ремесленники, слуги и рабы), уже существовали в бассейне Хуанхэ в середине II тыс. до н.э. Дворцовые комплексы, представленные, в частности, находками в Эрлитоу и Эрлигане, наглядно свидетельствуют именно об этом.

Эрлитоу-эрлиганский комплекс культурных нововведений не ограничивается строениями дворцового типа. Более важной его характеристикой является бронза, причем не ранняя, но весьма

развитая — хорошо выделанные изделия, включая оружие и сосуды с богатым орнаментом. Заметных и явных следов ранней бронзы китайского происхождения пока не обнаружено. Условно именно эрлиitou-эрлиганскую бронзу считают ранней, но она может считаться таковой лишь по сравнению с пришедшей ей на смену аняннской бронзой, т.е. зрелой, высококачественной, разнообразной и даже вычурной. Если же ставить вопрос о технологии и об искусстве бронзолитейного дела, то уже в Эрлиitou то и другое соответствует весьма продвинутому уровню. И несмотря на очевидные особенности бронзолитейного дела, присущие именно китайской бронзе и отличающие ее от западных аналогов, проблема происхождения металлургии бронзы в Китае остается загадкой. Во всяком случае на базе примитивных и, скорее всего, импортных металлических изделий западной луншаноидной культуры Цицзя за несколько веков, отделяющих Цицзя от Эрлиitou, столь развитая металлургия появиться просто не могла. Нужны были все те же ускоряющие развитие импульсы извне. О существовании такого рода импульсов убедительно свидетельствует аняннский этап развитого бронзового века в Китае, т.е. урбанистическая цивилизация Шан-Инь.

В районе Аняня, расположенного в средней части бассейна Хуанхэ, чуть к северу от реки (северный край совр. пров. Хэнань), археологи в конце 20-х гг. нашего века открыли городище и могильники эпохи развитой бронзы. Раскопки позволили обнаружить огромный архив надписей на гадательных костях, расшифровка которых дала специалистам материал необычайной ценности и, в частности, позволила отождествить обнаруженное городище близ Аняня (район дер. Сяотунь) с хорошо известным по древним письменным памятникам государством Шан-Инь.

Тексты надписей, содержавшие имена шанских правителей, позволили заключить, что аняннский очаг урбанистической цивилизации просуществовал около двух-трех веков (XIII—XI вв. до н.э.) и являл собой заключительную фазу шанской истории, которая по данным письменных памятников, прежде всего много томного сочинения Сыма Цяня, незадолго до начала нашей эры написавшего свой огромный труд «Шицзи», просуществовала значительно дольше. Не вполне ясно, можно ли считать эрлиitou-эрлиганский этап ранней фазой Шан; на этот счет существуют разные точки зрения. Но, фиксируя многие черты сходства сложившегося на луншаноидной неолитической основе эрлиitou-эрлиганского комплекса развитой бронзы с анянским, отметим принципиальное различие между обеими фазами. Оно сводится

прежде всего к двум основным элементам — письменности (гадательные надписи) и царским гробницам.

Письмо в анянском архиве предстает в виде гадательных надписей со многими сотнями идеограмм-иероглифов и хорошо продуманным календарем с циклическими знаками. Раскопки же свыше десятка царских гробниц поразили специалистов неожиданными находками: рядом с царственным покойником и многими сотнями сопровождавших его на тот свет сподвижников, жен и слуг были обнаружены великолепные изделия из бронзы, камня, кости и дерева (оружие, украшения, сосуды с высокохудожественным орнаментом и горельефными изображениями) и, что самое важное, — великолепные боевые колесницы с тонкими и прочными колесами со множеством спиц, а также запряженные в эти колесницы боевые лошади. Ни колесниц, ни повозок, ни просто колес, за исключением гончарного круга, китайский неолит не знал. Не было в неолитическом Китае и одомашненной лошади, не говоря уже о том, что пригодные для колесниц породы лошадей вообще не водились и поныне не водятся в степях Сибири — они были выведены на Ближнем Востоке митаннийцами и хеттами, которые, к слову, изобрели и боевые колесницы, куда запрягались прирученные ими лошади. Обнаруженные археологами в царских гробницах Аняна колесницы по своему типу являются копией хетто-митаннийских и вообще индоевропейских.

Можно упомянуть также, что значительная часть бронзового оружия шанцев была снабжена украшениями в весьма специфическом, так называемом «зверином стиле» — с изображением животных в позе стремительного рывка, широко распространенном в зоне сибирских и евроазиатских степей. Сказанного вполне достаточно для обоснованного вывода о том, что нововведения анянской фазы шанской урбанистической цивилизации не были результатом только автохтонного развития неолитических земледельческих племен луншаньско-луншаноидного круга и пришедших им на смену ранних протогосударственных структур эрлитоу-эрлиганского комплекса бронзового века. По меньшей мере частично элементы анянского комплекса появились в Китае откуда-то извне. Что касается колесниц и лошадей, то здесь все достаточно ясно. Вопрос лишь в том, как, каким образом индоевропейского типа боевые колесницы (не говоря уже о лошадях) появились в средней части бассейна Хуанхэ — если принять во внимание, что следов колесниц к востоку от Алтая (да и там, скорее, были телеги, чем колесницы) археологами пока не обнаружено.

2. ПРОТОГОСУДАРСТВО ШАН

Как уже упоминалось, для возникновения надобщинных политических структур (протогосударств) необходим был комплекс сопутствовавших этому условий нормативно-институционального и природно-производственного характера. При этом первичные протогосударственные образования обычно возникали одновременно с элементами урбанистической цивилизации, т.е. в зонах, где складывались условия для развитого урбанизма. Одной из таких зон и был бассейн Хуанхэ, где сложилось протогосударство Шан.

Прежде чем приступить к характеристике шанского общества и его культуры, необходимо обратить внимание еще на некоторые нормативные институты, выявленные в процессе изучения достижений современной антропологии. Первый из них — феномен власти-собственности. Суть его, тесно связанная с реципрокным взаимообменом и централизованной редистрибуцией, сводится к праву верховного правителя надобщинного коллектива распоряжаться всем его достоянием как бы от его имени и в его интересах. Это право основано не на собственности — собственности как таковой общество, о котором идет речь, не знает, — оно основано только на власти правителя. Высшая власть, нередко и осознанно сакрализованная (носитель ее приравнивается к божеству или сыну божества), именно в силу специфики позиции ее носителя, ставшего над коллективом, обретает права и прерогативы верховного собственника. Вначале власть порождает представление и понятие о собственности в ее наиболее понятном коллективу смысле — собственности всеобщей, коллективной, распоряжается которой от имени коллектива сакрализованный его правитель. Это и есть феномен власти-собственности в обществе, уже знакомом с властью, но еще незнакомом с собственностью, тем более частной. Существенно заметить, что К. Маркс, стремившийся разобраться в сущности структуры восточных обществ, одним из первых обратил внимание на то, что отсутствие частной собственности — ключ к восточному Небу. Руководствуясь этим, он выдвинул, как известно, идею о существовании особого «азиатского» способа производства, суть которого в его понимании как раз и сводилась к противостоянию аппарата власти во главе с верховным собственником («восточным деспотом») коллективам земледельческих общин. Идси Маркса об «азиатском» («государственном») способе производства вписываются в современные представления о Востоке, излагаемые в нашей книге, опирающейся в этом смысле на фундамент современной антропологии.

Второй нормативный институт, о котором необходимо упомянуть, приступая к характеристике Шан, — это процесс трибализации (от лат. *triba* — «племя»). Современная наука использует понятие «племя» только для обозначения структурированной этнополитической общности, т.е. этнической группы, имеющей вождя. Неструктурированную стоит именовать просто этнической общностью. Этническая общность рождает племя или группу родственных племен в процессе трибализации. Что касается сущности этого процесса, то следует заметить, что он не возникает сам собой, но является результатом контакта данной этнической общности с уже существующим в зоне той либо иной урбанистической цивилизации государственным образованием, по образу которого как раз и структурируется племя, причем для этого не обязательно наличие элементов урбанизма. Существование в формирующемся племени вождя и некоторых его помощников уже является достаточной основой для последующей его эволюции в направлении к более развитым институтам государственности.

Теперь, обратив внимание на проблемы власти-собственности и трибализации, попытаемся проанализировать государственность Шан и взаимоотношения шанцев с их соседями, а также выяснить, кем были шанцы, откуда они появились в бассейне Хуанхэ. Начнем с характеристики их расового типа. Хотя среди многочисленных изображений человека (в основном на бронзе) встречаются различные расовые типы, включая европеоидов, шанцы в массе своей были монголоидами, что относится и к хозяевам царских гробниц, т.е. к правителям. Загадка индоевропейских по типу боевых колесниц с одомашненными на Ближнем Востоке лошадьми, имеющая самое непосредственное отношение к шанской аристократии (как-никак, а колесницы с лошадьми обнаружены в основном в царских гробницах), остается неразгаданной.

Напомним, однако, что к западу от бассейна Хуанхэ в эпоху Шан жило индоевропейское племя тохаров. Известный исследователь тохаров Э. Паллиблэнк еще в 1966 г. предположил, что это племя могло сыграть посредническую роль в проникновении в Китай элементов урбанистической цивилизации. Кроме того, некоторые лингвисты находят очевидные параллели между раннечжоуским языком и индоевропейским (сравнить с шанским языком невозможно — от Шан сохранились лишь надписи на костях; только чжоуский текст канонической книги песен «Шицзин» с его рифмами помог шведскому синологу Б. Карлгрену совершить великое открытие — расшифровать звучание раннечжоуских иероглифов), а специалисты широкого плана, включая виднейшего историка китайской культуры Д. Нидэма, обнаруживают

впечатляющие параллели в календарно-астрономических и астрологических традициях шанско-чжоуского Китая и Ближнего Востока. Тем не менее факт остается фактом: в шанском протогосударстве жили преимущественно (если даже не исключительно) монголоиды, к тому же многими корнями связанные с неолитом бассейна Хуанхэ. Можно напомнить, что в процессе метисации монголоидный тип оказывается, как правило, сильнее европеоидного, что хорошо видно и в наши дни. Если учесть, что гипотетическая внешняя примесь европеоидов в Шан была в любом случае крайне небольшой и никак не может в этом плане быть сопоставлена, скажем, с ариями, которые прибывали в бассейн Ганга многочисленными волнами и к тому же хорошо защищали свой расовый тип варно-кастовыми брачными запретами, то есть основания предположить, что многочисленные мигранты сравнительно быстро и безболезненно были ассимилированы без остатка, причем об этом не сохранилось даже воспоминаний (это было связано с феноменом исторической амнезии шанцев, о котором будет идти речь чуть ниже).

Если не считать дворцов, то в основном шанцы жили в таких же хижинах-полуземлянках, что и их предшественники, насельники культур китайского неолита. Что касается шанских — это относится и к эрлитоу-эрлиганским — дворцов и городских стен, то они отличались от ближневосточных, изготовлявшихся из камня и кирпича. Делали их методом *хан-ту*: уплотнявшиеся каменными пестами слои земли или глины, ограниченные в ширину дощатыми переборками, ряд за рядом — по высыхании — клали друг на друга. Создавалась толстая глиняно-земляная стена, снаружи напоминающая кирпичную кладку. Стену, видимо, чем-то крепили — она была достаточно прочной и кое-где сохранилась до наших дней, что и позволило археологам обнаружить остатки фундаментов строений и стен. Сходство с кирпичом, пусть внешнее, наводит на аналогии с ближневосточной древностью, где кирпичная кладка господствовала. Но кирпича шанцы, однако, не знали. *Хан-ту* — его функциональная замена.

Ближневосточные по происхождению злаки — пшеница, ячмень (знакомые, видимо, уже и луншаньцам), а также бобы, фасоль, конопля, различные овощи и фрукты, не говоря уже о чумизе, были хорошо известны шанцам. Но они знали и то, что в те времена не знал еще никто в мире, — имеется в виду шелководство, уникальное китайское изобретение. Из домашних животных, насколько можно судить по надписям, преобладали свинья и собака, но встречались также коровы и лошади, овцы и козы, куры, утки и гуси. Возможно, водились и прирученные слоны. Среди диких животных, объектов охоты, были кабаны,

олени, тигры. Много ловили рыбы и дичи. В пищу употребляли грибы, ягоды, корни и травы. В земледелии господствовал ручной труд с использованием преимущественно деревянных орудий (мотыги, серпы и т.п.) с каменными вкладышами или рабочими частями. Особое внимание уделялось охоте, имевшей помимо прочего ритуальное и прикладное значение (тренировка для воинов). Именно здесь, как, впрочем, и в военных походах, применялись боевое оружие из бронзы и колесницы.

Достаточно развитым было ремесло, включая строительство. Сохранились остатки специализированных мастерских — керамических, камнерезных, бронзолитейных и иных. Мастера-ремесленники имели очень высокую квалификацию, о чем свидетельствуют орнаменты на изделиях из бронзы или камня, и иные, тонкие изделия, украшения, символические изображения. Бронза, колесницы, шелковые одежды — вот конкретные свидетельства высочайшего уровня шанского ремесла. Этот уровень, естественно, был достигнут лишь в дворцовых мастерских. Быт простых земледельцев мало чем отличался от того, что было достигнуто земледельцами неолита несколькими тысячелетиями ранее, будь то строения, орудия труда, хозяйственные поделки, одежда, украшения и т.п.

Вообще принципиальное различие между правящими верхами с их окружением (аппарат администрации, ремесленники, воины, слуги) и производящими крестьянскими массами представлено в реалиях общества Шан выпукло и зримо. Но эта разница была лишена расового или этнокультурного оттенка, который преобладал во взаимоотношениях между пришлыми индоариями и аборигенным населением в бассейне Ганга приблизительно в то же время. Напротив, она была преимущественно социальной и административно-политической, зачатки которой формировались по меньшей мере с эрлитоу-эрлиганской фазы с ее дворцами самых ранних на территории Китая правителей протогосударственных образований, пусть еще и очень небольших и неразвитых. Аньянская фаза Шан демонстрирует эту разницу уже очень четко и последовательно, что свидетельствует как об уровне развития общества, так и о стандарте цивилизации, намного превосходящем тот, что был свойствен эрлитоу-эрлиганской фазе. Перед нами, судя по надписям и археологическим раскопкам, — сложное составное протогосударство, административно подразделявшееся на структурно неодинаковые части.

Первая и главная из них — зона с центром в столице, которая находилась под непосредственным управлением правителя-вана и центральной администрации Шан. Трудно утверждать, что именно аньянское городище и было столицей, здесь есть определенные

сомнения. Но в любом случае аньяньское городище было частью столичной зоны, радиус которой измерялся, видимо, несколькими десятками километров. В центре зоны жили ван и его приближенные, воины и чиновники, ремесленники и слуги. Здесь располагались дворцы и мастерские, амбары и склады, казармы и поля, прежде всего «большие поля», о которых не раз упоминалось в гадательных надписях. В работе на больших полях нередко принимали участие ван и его приближенные, а урожай предназначался как для ритуально-культовых нужд, так и для пополнения казенных амбаров. Насколько можно судить по данным надписей (гадали, не приказать ли чиновникам *ссяожэнь* призвать крестьян *чжун* на поля), обрабатывали эти поля приходившие специально для этого крестьяне окрестных поселений. Археологи при раскопках в районе Аньяна обнаружили склад из 3,5 тыс. серпов, что подтверждает существование больших полей (крестьяне получали казенные серпы для сбора урожая). Можно думать, что зона больших полей и мелких крестьянских хозяйств, вокруг столицы вана обрамлялась зоной охотничьих угодий, т.е. нетронутой природы, территориально как бы отделявшей эту зону от следующей.

Вторая зона — обширная территория региональных владений, управлявшихся уполномоченными шанского вана, его родственниками и приближенными. Это была зона вассалов вана, о чем в надписях немало упоминаний. Владений насчитывалось несколько десятков, может быть сотня-две. Если судить по количеству титулованной знати, упомянутой в надписях, — 35 *хоу*, 40 *бо*, 64 *фу*, 53 *цзы* и еще некоторое количество *тянь* и *нань*, то всего было около 200 владений, каждое со своим клановым именем и поселениями, о создании которых, часто по специальному указу вана, говорится в надписях. В крупных владениях количество поселений могло, видимо, исчисляться десятками, так что они практически представляли собой небольшие протогосударства, входившие в состав Шан. Их территория, скорее всего, была нестабильной как за счет естественных для полуавтономных образований такого рода междоусобиц, так и вследствие постоянной тенденции к расширению их за счет захвата новых земель.

О второй зоне по сравнению со столичной известно сравнительно мало, надписи чаще всего говорят о военных походах через то или иное владение и о набегах варварских соседних племен на их территории. Видимо, вторая зона в целом была периферией Шан, более или менее надежно прикрывавшей столицу вана от набегов извне. Обе зоны, населенные шанцами, ограничивались сравнительно небольшим пространством (круг или эллипс с диаметром примерно в 150 км) в северной и центральной части

совр. пров. Хэнань, а число шанцев равнялось вначале примерно 150—200 тыс. За обеими зонами, которые, если следовать поздней китайской традиции, можно бы именовать внутренним поясом *нэй-фу*, располагалась аморфная третья зона, населенная чуждыми Шан племенами (внешний пояс *вай-фу*).

Судя по надписям, войны с племенами третьей зоны практически не прекращались. Служба вану, выполнение «дела вана», главная обязанность всех его вассалов из второй зоны региональных владений. Причем кроме собственно военных действий и отражения нападений выполнение «дела вана» включало в себя и поднесение подарков, трофеев, прежде всего пленных, которых чаще всего приносили в жертву предкам вана при очередной календарной дате жертвоприношений. Такого рода жертвы обычно исчислялись сотнями, о чем опять-таки часто упоминают надписи. Однако соседние племена не только воевали с шанцами, но и перенимали у них немало ценных цивилизационных нововведений. Регулярные контакты с Шан резко ускоряли шедший в них процесс трибализации, что вело к структурированию и соответственно к укреплению этих племен, по крайней мере наиболее энергичных из них, каким было, например, племя чжоусцев. Стоит заметить также, что взаимоотношения региональных правителей из числа шанцев с окружавшими их нешанскими племенами отнюдь не всегда бывали враждебными. Они могли быть и союзническими, особенно когда речь шла о междоусобных войнах между самими враждующими друг с другом правителями. Но, несмотря на это, служба вану, этноцентрический импульс и координирующая роль центра всегда преобладали над сиюминутными интересами ведущих междоусобицы властителей. Высший суверенитет и сакральная святость шанского правителя-вана были для всех шанцев превыше всего.

Правитель-ван, возглавлявший шанцев (заметим, что только этим именем они именовали себя, свой город и свое государство — термин *инь* стал прилагаться к обозначению шанцев и Шан позже, лишь чжоусцами), был, как можно судить по данным надписей, одновременно и первосвященником. Именно он исполнял торжественные ритуалы в честь покойных предков *ди* или *шан-ди* (*ди*, *шан-ди* — это живущие наверху, т.е. на небе). Своей персоной он символизировал, как то обычно бывало на сходной ступени развития едва ли не во всех протогосударствах, сакральное единство всей шанской общности. Более того, именно он и только он один («Я, Единственный» — обозначал себя ван в надписях) выступал в качестве посредника между миром живых его соплеменников и умершими обожевленными предками — *ди*. Об их высшей святости и неоспоримом могуществе можно судить прежде

всего из не раз уже упоминавшихся надписей, в которых *шан-ди* оповещаются обо всем, что происходит на земле с их потомками, а те обращаются к ним за советом и содействием по любому поволу, будь то урожай, война или благополучное разрешение от бремени супруги вана.

Практика наследования должности правителя-вана находилась еще в процессе становления. Со времен У Дина (конец XIII в. до н.э. — надписи и вообще аньянская фаза начинается с его правления) до У И (нач. XI в. до н.э.) должность вана передавалась не от отца к сыну, но от брата к брату либо от дяди к племяннику с учетом старшинства и поколения, возможно также, с элементами уходящей в прошлое традиции выбора. Только с У И стала нормой передача власти от отца к сыну, что свидетельствовало о победе в доме вана принципа конического клана с его главной, основной и множеством боковых, коллатеральных линий. Заслуживает внимания и то обстоятельство, что в поздних надписях появляются названия нескольких кланов, близких к дому вана, — Доцзы-цзу (клан сыновей ванов), а также Сань-цзу и У-цзу (клан профессиональных воинских дружин). Можно предположить, что в конце эпохи Шан возникали и иные кланы, в том числе и профессионалов-ремесленников. Об аристократических кланах в шанских региональных владениях уже упоминалось.

Конический клан, клановая структура как таковая, окончательное упрочение новой системы наследования в доме вана — все это свидетельствовало о завершении развития социальной структуры Шан на позднем этапе существования шанского общества. Усовершенствована была и административная структура. Обращая внимание на функции носителей должностей, степень их близости верхам и иные факторы, можно выделить три ее основные категории: высшие администраторы (сановники и советники, причастные к принятию важных и ответственных решений); низшие чиновники-распорядители (посредники и ведавшие учетом канцеляристы); лица, отвечавшие за военную подготовку и охоту (к последней категории кроме собственно военных следует отнести оружейников, колесничих, конюших, псарей и т.п.).

Содержался весь этот немалый аппарат власти — речь идет только о столичной зоне, которая представлена в материалах надписей, — за счет, как следует полагать, урожая с тех самых больших полей, которые обрабатывались привлекавшимися для этого из пригородных районов земледельцами-*чжун*. Судя по всему, урожай с этих полей был рентой-налогом с обрабатывавших их земледельцев — не исключено, что для этого по жребию или по очереди выделялись общинники из пригородных поселений, находившихся под властью вана и входивших в столичную зону. Этот

урожай был тем самым избыточным продуктом, без наличия которого протогосударство как таковое не могло бы возникнуть и существовать. Редистрибуцией этого продукта, как и всего прочего (прежде всего ремесленного), занималась администрация столичной зоны, во всяком случае представители двух первых ее категорий. Обе они, как и третья, не говоря уже о самом ване, его семье и челяди, существовали главным образом за счет этого продукта, все остальное лишь немного добавляло к главному — урожаю с больших полей столичной зоны.

Мало, практически вовсе нет сведений в гадательных надписях о бытовой и хозяйственной культуре земледельцев, о крестьянской общине. Можно почти с полной уверенностью считать, что шанская община как таковая существовала, что именно ее представители, — а не чужеземцы, наемники либо неполноправные, как это нередко бывало с храмовыми землями на Ближнем Востоке, — обрабатывали поля, используя казенные орудия. Эта уверенность основана на следующем. Во-первых, в надписях нет ни слова о чужеземцах и неполноправных, не говоря уже о рабах или наемниках, которые могли иметь отношение к обработке земли. На земле работали шанские крестьяне-*чжун*, полноправные общинники. Чужеземцы же из числа пленников, о которых много говорится в надписях, в лучшем случае могли использоваться (пока не подошел день очередного торжественного принесения их в жертву в честь того или иного предка) на тяжелых работах, например по расчистке земли для пашни. Во-вторых, поселения-*и*, исчислявшиеся в Шан, судя по надписям, сотнями, — это, скорее всего, и были общины. Во всяком случае специальный анализ термина «*и*» позволяет сделать такое предположение, не говоря уже о том, что с начала эпохи Чжоу об общине земледельцев есть много материалов и существование ее не может быть подвергнуто сомнению. Впрочем, тем же знаком «*и*» (поселение) обозначались и столичный центр, и другие шанские города, в первую очередь центры региональных подразделений, структура которых была более сложной, чем у обычной деревенской крестьянской общины.

Обращает на себя внимание специфика духовной культуры и мировоззрения шанцев. Традиционное первобытное мифологическое мышление, столь ярко и явственно проявлявшее себя в расписной керамике Яншао, в период господства луншаньско-луншаноидной серии культур, видимо, стало приходить в упадок, о чем можно судить по характеру археологических находок (отсутствуют свидетельства о существовании сколько-нибудь заметной мифологии). На стадии раннего бронзового века (фаза Эрлитоу-Эрлиган) следов культовой практики и мифологического

мышления также обнаружено крайне немного — нет изображений божеств или героев, остатков культовых сооружений. Разумеется, нельзя утверждать, что ничего подобного в представлениях протошанцев не было вовсе. Речь идет о том, сколь незначительное место оно занимало, особенно если сравнить предшанский Китай (Эрлитоу-Эрлиган) с самыми ранними протогосударственными образованиями на Ближнем Востоке, в Индии или Америке, где культу богов и героев, многочисленным мифическим сказаниям и изображениям отводилось бесспорное центральное место в изделиях, обнаруживаемых археологами, как и во всей бытовой и праздничной культуре народов.

Аньянский этап явился еще одним важным шагом, очередной ступенью в развитии теперь уже шанской духовной культуры в этом же направлении. Роль божеств, во всяком случае наиболее признанных и уважаемых, играли умершие предки правителей. О героях говорить не приходится — о них нет данных, как нет (или крайне мало) и мифологических сюжетов в многочисленных изображениях. Наконец, что весьма существенно, отсутствуют храмы и храмовые комплексы, вместо них — храмы-алтари в честь все тех же умерших предков-*ди*, *шан-ди*. В надписях вместо сведений о богах фиксируется существование «сверхъестественных» природных сил (дождь, ветер, гора, река). Причем шанцы поклонялись и приносили жертвы не столько обожествленным духам природных сил, сколько самим этим грозным силам как таковым, которые, как им казалось, следовало задобрить, дабы избежать неприятностей. И это в то время, когда аньянская фаза продемонстрировала резкий качественный скачок во многих важных сферах не только материальной, но и духовной культуры. И хотя некоторые мифологические мотивы были запечатлены в круглой каменной шанской скульптуре, в резьбе и орнаменте на бронзовых сосудах, в целом мифология в аньянской культуре Шан занимала на удивление незначительное место. Ритуалы и религиозные верования, культы и мировоззренческие представления были до предела демифологизированными. Явно преобладал рационализированный ритуал, ярче всего проявлявшийся во взаимоотношениях с обожествленными предками-*ди*: мы вам (уважение), вы — нам (заботу и поддержку). Очень важную роль играл ритуальный церемониал. То и другое свидетельствовало об определенной специфике религиозных представлений, о практицизме мировоззренческого комплекса в целом.

С этой особенностью духовной культуры и менталитета шанцев связана еще одна особенность — своеобразная историческая амнезия. Китай, как известно, страна истории. Тем необъяснимей

тот странный факт, что в шанских надписях отсутствуют сведения об историческом прошлом шанцев. Упоминаются лишь имена предков, но даже намек нет на их деяния, на предания старины или на заметные события в прошлом (хотя бы в недавнем — например, в связи с перемещениями коллектива шанцев либо какой-то его части). В том, что такие перемещения были (причем сравнительно недавно, перед правлением У Дина), сомнений нет — надписи датируются временем У Дина и позже, но не ранее, да и в раннечжоуских главах «Шуцзина» немало сказано о перемещении иньцев при Пань Гэне, предшественнике У Дина. Перемещения в данном случае упомянуты лишь как очень наглядный пример исторической амнезии, ибо об этом-то шанцы должны были вспомнить и хотя бы раз, хоть в каком-либо контексте что-то сказать. Но нет сомнений, что шанцы могли, также хотя бы кратко, рассказать о деяниях столь уважаемых ими предков-ди, дабы прославить их в назидание потомкам. Ничего этого в надписях на шанских костях нет, а количество расшифрованных текстов не оставляет сомнений в том, что это не случайность.

Истории для шанцев как бы не существует. Быть может, именно потому, что нет развитой мифологии, а в те далекие времена и на том протоисторическом уровне мышления все исторические события, деятели и герои так или иначе обретали форму мифологических. Можно сказать более осторожно: где-то на бытовом уровне низших слоев общества, в традиционных повествованиях сказителей то и другое (история и мифология), возможно, все же существовали, играя определенную роль в формировании культурной памяти и традиций народа, но в официальной практике Шан, в сакральных текстах эпохи этого нет. Создается впечатление, что шанские верхи нарочно хотели забыть, вычеркнуть из памяти предания старины и связанную с ними героическую мифологию в отличие, скажем, от индоариев в бассейне Ганга, где высшие варны свято хранили в памяти все, связанное с прошлым. Только ради благополучия сегодняшнего дня они постоянно общались с умершими и обожествленными ими предками-ди, шан-ди, считавшимися, как уже говорилось, всемогущими и потому заменившими собой всех богов и мифических героев.

Такого рода нарочитая историко-мифологическая амнезия, быть может, как-то связана с загадкой происхождения шанцев аньянской фазы: шанские правители-ваны быстро ассимилировались в монголоидной среде аборигенов (если предположить, что они были потомками мигрантов, прибывших в бассейн Хуанхэ на боевых колесницах с аксессуарами неизвестной китайскому неолиту и раннему бронзовому веку развитой урбанистической цивилизации), не желали вспоминать о прошлом и вели

себя в этом смысле наподобие древнерусских Рюриковичей. Разница лишь в том, что в отличие от Рюриковичей они все же вспоминали о своих далеких полуреальных—полумифических предках-предшественниках, но безо всякой конкретики, без реминисценций — только имя и место в генеалогическом ряду.

3. ЧЖОУСЦЫ И КРУШЕНИЕ ШАН. ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЧЖОУ

Шанцы с их боевыми колесницами и многими тысячами хорошо обученных воинов, включая лучников и копейщиков, были весьма опасными для более слабых соседей. Они не раз демонстрировали свою грозную боевую силу, расширяя территорию Шан за их счет. Но, как уже упоминалось, соседние племена в результате контактов с Шан развивались ускоренными темпами, быстро проходя процесс трибализации и обретая протогосударственную структуру. Во главе формировавшихся племен подчас оказывались амбициозные вожди, которые в свою очередь немало делали для усиления собственного племени и создания боеспособной коалиции антишанской направленности. Более всего преуспели в этом деле чжоусцы, вначале весьма небольшая общность, обитавшая — или, точнее, перемещавшаяся — на землях, расположенных к западу от Шан.

Этногенетические связи чжоусцев неясны. В «Шуцзин» и «Исторических записках» Сыма Цяня сохранились легендарные предания о некоей Цзян, которая зачала и родила мальчика после того, как наступила на след великана. Когда мальчик вырос, в нем проявились определенные способности, особенно в сфере земледелия. За это он был отмечен должностью-титолом *хоу-цзи* (князь-просо), получил земли в Тай и стал носителем пожалованного ему легендарным императором Шунем родового имени Цзи. Его потомки переселялись с места на место, то утрачивая свои земледельческие навыки, то обретая их вновь, пока при Гуни Лю не переселились в бассейн притока Хуанхэ р. Вэй (район совр. г. Сиань). Однако только через несколько поколений при Гугуни Дань Фу чжоусцы прочно осели на землю. Дань Фу женил своего младшего сына Цзи Ли на шанской аристократке Тай Жэнь и сделал его своим преемником. Цзи Ли успешно управлял чжоусцами в тесном контакте с Шан, за что получил от шанского вана почетный титул *си-бо* (правитель Запада). Но особенно много для развития чжоусцев сделал его сын Чан, будущий великий Вэнь-ван.

Мудрость, добродетели и величие Вэнь-вана известны в Китае каждому вот уже несколько тысячелетий. И это не случайно.

За полвека своего правления, лишь в конце которого Чан принял титул «ван» (до того это была исключительная прерогатива правителя Шан), он достиг многого. Под его руководством чжоусцы активно впитывали шанскую культуру, заимствуя письменность, боевые колесницы, бронзу и образ жизни высшей шанской знати. Сам Вэнь-ван лидировал в этом процессе, делая явный акцент на сферу культуры, образования, гуманитарных знаний (иероглиф *вэнь*, посмертно вошедший в его имя, указывает именно на эти качества и заслуги). Вместе с тем Вэнь-ван лелеял и далеко идущие политические планы, сколачивая вокруг Чжоу антишанскую коалицию, закладывая основы военной силы чжоусцев. Впрочем, довести дело до конца он не успел. Это сделал его старший сын Фа, вошедший в историю Китая под именем У-вана (Победитель, Воинственный правитель). Продолжая дело отца, У-ван в 1027 г. в битве при Муе одолел войско последнего шанского вана Чжоу Синя. Чжоу Синь покончил с собой, а У-ван, войдя в столицу Шан, отправился в храм предков, где совершил жертвоприношение в честь шанских *шан-ди*. Мало того, он вручил бразды правления побежденному им Шан в руки сына Чжоу Синя У Гэна, назначив присматривать за ним своих братьев Гуань-шу и Цай-шу. После этого, демобилизовав воинов и щедро наградив шанскими ценностями всех участников похода, включая и союзников по коалиции, У-ван возвратился домой.

Древнекитайские источники, повествуя об этих событиях и о несколько странном на первый взгляд поведении победителя, дают основание предположить, что чжоусцы и их союзники стремились не столько к свержению власти Шан, сколько к устранению недобродетельного правителя Чжоу Синя. Хотя У-ван после победы был по меньшей мере равным по статусу и титулу (не говоря уже о явном превосходстве позиций и силы) новому шанскому правителю, власть над всем могущественным государственным образованием Шан была сохранена за У Гэном. У-ван сообщил о победе не своим предкам, начиная с его отца Вэнь-вана (подобного рода практики у чжоусцев, как следует полагать, просто не существовало), но шанским предкам, *шан-ди*, которые жили на Небе и оттуда (в бассейне Хуанхэ это было всем хорошо известно) руководили своими потомками, в немалой мере обеспечивая их успехи.

Создается впечатление, что, обратившись к *шан-ди*, У-ван тем самым как бы стремился сообщить им, что не покушается ни на их власть на Небе, ни на власть их потомков на земле. А поступил он так потому, что его победа не делала в глазах населения бассейна Хуанхэ власть победителя легитимной, ибо легитимность приобреталась покровительством *шан-ди*, живших на Небе, а не

преимуществом удачного случая и тем более просто силы. Правда, фактически чжоусцы верховодили после победы и даже начали строить новый город-столицу Лои (совр. Лоян) значительно восточнее их прежнего местожительства с тем, чтобы управлять своими союзниками и побежденными шанцами, находясь в центре бассейна Хуанхэ. Но, несмотря на всю бесспорность высшей власти победителей-чжоусцев, эта власть не считалась легитимной, что, как можно предполагать, смущало прежде всего самого У-вана, воспринимавшего идеи мироустройства (включая Небо и *шан-ди*) сквозь призму шанской традиции, ибо альтернативы у него не было.

Вскоре после победы над Шан У-ван умер, оставив правительством-регентом при малолетнем сыне Чэн-ване своего брата Чжоу-гуна, одного из самых известных и почитаемых деятелей эпохи Чжоу. С его смертью ситуация резко изменилась: с одной стороны, шанцы увидели в этом знак Неба, волю *шан-ди*, карающую нелегитимного правителя; с другой — братья Чжоу-гуна Гуань и Цай, поставленные контролировать шанского У Гэна, заподозрили Чжоу-гуна в узурпации власти и вместе с У Гэном выступили против него. Мятеж длился три года и лишь неимоверными усилиями Чжоу-гуна был подавлен. И вот теперь второе за немногие годы сокрушительное поражение шанцев уже всеми было воспринято как знак Неба, подтверждающий легитимность победителей-чжоусцев. Сами шанцы после своего второго поражения были поделены на несколько частей и переселены на новые места: в район Лои — строить новую столицу; в Сун, специально созданный удел, править которым, принося жертву шанским предкам, было поручено представителю одной из ветвей правящего дома Шан; в удел Чжоу-гуна Лу и еще понемногу в разные места. На старом месте осталась небольшая часть шанцев, отданная в качестве удела брату Чжоу-гуна Кан-шу (удел Вэй). Таким образом, победа чжоусцев на этот раз была полной и окончательной. Следовало лишь закрепить ее формально, что для населения бассейна Хуанхэ, воспитанного в шанских мировоззренческих традициях, оказалось делом крайне важным и необходимым.

Именно Чжоу-гун сумел успешно решить проблему закрепления высшей власти чжоусцев, что и сделало его имя почитаемым в веках. Речь идет о теории Мандата Неба. В шанских текстах Небо в качестве высокочтимой сакральной силы не выделялось, оно было лишь местожительством умерших правителей, *шан-ди*. В начале эпохи Чжоу, как о том свидетельствуют ранние главы «Шу-цзина», было отчетливо вычленено и выдвинуто на передний план именно Небо как абстрактная Божественная сила, сперва приравненная к *шан-ди*, которые — если судить по контексту сооб-

шений «Шуцзина» — теперь воспринимались не во множественном, а в единственном числе. Шанди как божество, живущее на Небе, стал конкретным олицетворением все того же Неба, причем акцент со временем все явственнее переносился с Шанди на Небо. Делалось это не случайно: шан-ди (или Шанди) были шанскими, Небо же не принадлежало никому. Оно поддерживало того, кто был легитимен. Мало того, именно Небо создавало легитимность. Делая шаг за шагом по этой непростой логико-политической линии рассуждений, Чжоу-гун и его помощники вплотную подошли к центральному звену всей цепи мировоззренческих переосмыслений: почему же и за какие деяния Небо делает легитимной власть того или иного правителя? И коль скоро этот ключевой вопрос был задан, его решение оказалось приемлемым для всего населения бассейна Хуанхэ: право (мандат) на власть Небо дает не тому, кто силен и удачлив (что считалось естественным и само собой разумеющимся во всем мире, но не в шанско-чжоуском Китае), а тому, кто мудр, справедлив и добродетелен. Но кто же это?

Вот здесь-то чжоусцы и обратились к истории — той самой, которая была, на их счастье, в таком небрежении у их предшественников-шанцев. Учили они также и специфику шанского мировоззрения, в котором явственно преобладала этика социального прагматизма (я — тебе, ты — мне), оттеснив на задний план религию и мифологию. То есть Чжоу-гун и его помощники сформулировали принцип этического детерминанта *дэ*. В понятии *дэ* (сакральная добродетель, харизма, благодать) на передний план было выдвинуто его этическое содержание, хотя глубинной основой оставались религиозно-ритуальные мистические взаимоотношения, связывавшие людей с предками и Небом.

Но новизна идеи этим не ограничивалась. Главное в ней сводилось к тому, что сакральное *дэ* можно накапливать и утрачивать, — этот аспект нового понятия сближает его с индийской кармой. Накопление происходит в результате добродетельного поведения, утрата — наказание за недобродетельность. Высшим судьей при этом и выступает Небо, которое вручает мандат на управление всей Поднебесной (*Тянься* — этим термином в Китае всегда обозначали все то, что находится не просто под Небом, но под властью Неба) тому, кто накопил наибольшее количество *дэ*, отбирая его у того, кто свое некогда неизбывное *дэ* утратил. Отсюда следовал логический вывод: когда-то легендарный родоначальник шанцев Чэн Тан должен был быть выдающимся обладателем *дэ* — иначе Небо не остановило бы на нем свой выбор и не вручило бы ему мандат. Но со временем преемники Чэн Тана растратили его *дэ*, а последний из них, Чжоу Синь, был

абсолютно его лишен, а потому и вел себя соответственно («Шуцзин» и другие древнекитайские источники не жалеют красок, чтобы опорочить Чжоу Синя как человека распутного и безнравственного, отдалявшего от себя достойных и приближавшего недостойных, издевавшегося над мудрыми и даже слушавшего советы женщин). В то же время великий чжоуский Вэнь-нан быстро и умело накапливал *дэ*, передав его сыну, который сохранил и увеличил его. Именно поэтому (о себе и своей роли Чжоу-гун скромно умолчал) Небо отвернулось от утративших *дэ* шанских правителей, отняло у них Божественный мандат и вручило его обладавшим *дэ* чжоуским правителям. Отсюда — легитимность власти Чжоу. Но и это еще далеко не все.

Коль скоро для своих мировоззренческих построений чжоусцы, и Чжоу-гун в частности, вынуждены были опереться на историю и таким образом придать ей немалый авторитет, они не остановились на одном цикле — этого было недостаточно, и это могло нести на себе оттенок случайности, необязательности. Нужен был еще хотя бы один цикл такого рода. И он был создан из умело интерпретированных легенд, сохранившихся в традициях населения бассейна Хуанхэ. Имеется в виду так называемая *проблема Ся*.

Дело в том, что начиная с эпохи Чжоу в китайскую историографическую традицию прочно вошло представление, согласно которому государству и династии Шан предшествовали столь же значительные по размерам и длительности существования государство и династия Ся. Между тем в шанских надписях нет ни слова о Ся, как нет и знака «Ся». Кроме того, все находки доаньянских городищ, которые некоторые исследователи предлагают считать свидетельством реального существования Ся, говорят лишь о наличии мелких и мельчайших протогосударственных образований, явно не объединенных в рамках какой-то системы, какого-то более крупного государственного образования, с которым могли бы вступить в конфликт шанцы. И, кроме всего прочего, нет оснований считать эти городища принадлежащими именно Ся, а не, скажем, доаньянскому (до У Дина) периоду Шан.

Все эти сложности и составляют проблему Ся, далеко еще не решенную в синологии. Впрочем, есть весомые основания полагать, что такой проблемы вообще не существует, что чжоусцы выдумали ее для того, чтобы за счет мифических государства и династии Ся создать еще один цикл, один виток обретения и утраты небесного мандата. В раннечжоуских главах «Шуцзина» о династии Ся говорится, что некогда была ее власть, а потом правители Ся утратили *дэ*, а с ним и небесный мандат, который после этого перешел к высокодобродетельному шанскому Чэн Тану.

Но почему именно Ся? Дело в том, что в начале Чжоу этим знаком (*Хуа-ся*) нередко обозначали весь известный и освоенный в то время Китай, все то, что затем чаще именовали Поднебесной. Этот термин вполне подходил для обозначения того, что должно было предшествовать Шан. Стоит обратить внимание и на то, что в самых ранних главах «Шуцзина», почти нет имен и история древних событий представлена намеченной лишь в общих контурах. Можно сказать, что в главах первого слоя «Шуцзина» был создан лишь некий фантом, голая конструкция о Ся, своего рода символ существовавшего государственного образования, будто бы предшествовавшего Шан. Тем самым были намечены контуры второго цикла, второго витка, в результате чего вместе оба цикла уже достаточно убедительно отражали некую весомую закономерность, связанную с волей Неба: Небо дает мандат достойному и отбирает его у недостойного, вновь вручая достойнейшему. Так было и в случае с Ся, и в случае с Шан, и теперь так же обстоит дело с Чжоу. Иными словами, чжоусцы правят легитимно, само великое Небо вручило Вэнь-вану и его пресмникам мандат на управление Поднебесной.

Позже, в VIII–VI вв. до н.э., когда проблема легитимности чжоуских правителей опять стала на повестку дня, ибо реальная власть их в период Чуньцю резко ослабла, историографическая традиция на новом этапе вновь заработала на полную мощь. Именно в то время были написаны те главы (второй слой) «Шуцзина», в которых появились и имена, и сюжеты легендарной истории, будто бы предшествовавшей Шан. И снова стоит обратить внимание на то, что это делали чжоусцы, потому что именно чжоусцам и их правителям это было нужно. Создать и укрепить историческую традицию, историзовать легенды, из которых брались реалии, имена и разного рода псевдоисторические сюжеты, было для Чжоу и в начале его истории и позже, в Чуньцю, жизненно важным.

Таким образом, история в Китае с начала Чжоу была настолько политизирована, что подчас активно создавалась заново, практически из ничего, почти на пустом месте. Отголоски событий далекого прошлого, заимствованные у соседей предания и имена, историзованные легенды — все это умело интерпретировалось, вписывалось в линейную хронологическую схему и обрело облик древней истории — той самой, что совершенно отсутствовала в шанских текстах.

Это не значит, что китайскому историческому источнику вовсе нельзя доверять. Но все сказанное означает, что история и исторические факты в Китае с древности ставились на службу официальной идее. И хотя это характерно не только для Китая и не

только для древних времен, именно в Китае на протяжении всей его истории это играло очень существенную роль: умело интерпретированный факт всегда был весомым аргументом в споре, в том числе на самом высоком уровне, в момент решения важнейших государственных проблем.

Создав более или менее убедительную для всех официальную государственную идею и умело подкрепив ее апелляцией к истории, чжоусцы заложили фундамент своего 800-летнего господства, во всяком случае легитимной власти. Но сложность ситуации заключалась в том, что, укрепившись на своем троне, первые чжоуские правители, однако, не располагали необходимой для управления большим государством административно-политической структурой, которую можно было бы использовать для последовательной и результативной институционализации власти Чжоу.

Здесь важно обратить особое внимание на то, что процесс политогенеза, о котором уже шла речь, имеет ряд ступеней. Первая из них — это простое протогосударство (антропологи именуют его английским термином *chiefdom*, чифдом — вождество), в котором над коллективом четко возвысился лишь вождь с небольшой группой его помощников. Трибализованные группы (племена), в том числе чжоусцы в момент завоевания Шан, находились именно на этой ступени. Вторая — протогосударство сложное или составное, каким было государственное образование Шан с его многочисленными региональными подразделениями, каждое из которых являло собой простое чифдом-вождество. Третья ступень — раннее государство, т.е. многоступенчатая иерархически организованная административно-политическая структура, основанная на клановых и внеклановых патронажно-клиентных связях, обеспечивающая управление обширной территорией с этнически гетерогенным населением и к тому же обычно уже хорошо знакомая, с престижным потреблением правящих привилегированных верхов за счет ренты-налога со своих производителей и дани с зависимых соседей.

В процессе развития общества одна ступень гармонично замещает другую (разумеется, если не случается серьезных катаклизмов), перескакивать же через ступени безнаказанно нельзя. Между тем именно нечто подобное и произошло с чжоусцами. Одолев Шан, они в силу исторических обстоятельств оказались вынужденными создать на большой территории бассейна Хуанхэ из множества разноразмерных структур раннее государство, бывшее третьей ступенью процесса политогенеза. Раннее государство как структура отличается от сложного протогосударства тем, что оно на порядок крупнее его территориально и численно, имеет

более сложную социально-политическую организацию с администрацией на трех уровнях (местный, региональный и центральный), с большим количеством специальных служб, с развитой идеологической системой, санкционирующей и легитимизирующей власть, с ощутимыми привилегиями для верхов и многими иными особенностями. Кое-чего чжоусцы добились, прежде всего в сфере легитимизации власти, что и упрочило их господство. Но перепрыгнуть через ступень (с первой на третью) им было очень трудно: требования исторических реалий, вызов эпохи ждали ответа, который малочисленное племя чжоусцев не в состоянии было дать, что не преминуло сказаться на результатах. Имеется в виду характер созданной ими политической структуры.

Первые чжоуские правители старательно пытались создать централизованное государство. Реальностью же оказалась децентрализация раннечжоуского Китая, причем иного результата в сложившихся условиях и не следовало ожидать. Разумеется, чжоусцы использовали шанский опыт, квалификацию шанских ремесленников при строительстве новой столицы, куда, заметим, были переселены и шанские воины-профессионалы (восемь иньских армий, как они именуются в источниках). Использовалась также схема шанской администрации, лишь немного дополненная за счет чжоуской. Были взяты на службу и шанские чиновники. Все это сыграло определенную роль в укреплении чжоуской государственности. Однако создать сколько-нибудь прочную и стабильную централизованную структуру, тем более империю, чжоусцы не смогли. Более того, они переняли у шанцев их систему региональных владений, которая в условиях растянутых коммуникаций, непрочных связей, разноплеменного населения и слабости центра неизбежно вела к политической раздробленности. Одной из важных причин, приведших к такому результату, была неразвитость системы централизованной редистрибуции и как следствие — необходимость создания уделов-вотчин и служебных кормлений для администраторов высших рангов, приближенных и родственников чжоуских правителей.

Система высшего звена централизованной администрации Западного Чжоу (период с 1027 по 771 г. до н.э. именуется так потому, что столица чжоусцев в те времена оставалась прежней и именовалась Цзунчжоу, фиксируя происхождение и родовые корни чжоусцев) базировалась на троичной основе. Высшими сановниками и ближайшими советниками вана считались трое гунов, из которых двое, Чжоу-гун и Шао-гун, были братьями У-вана, а третий, Тай-гун, представлял род Цзян, с которым у чжоуских правителей из рода Цзи существовали прочные дуально-брачные связи. Но «гуи» — это, скорее, знатный титул, нежели должность.

Три высшие должности в Западном Чжоу занимали сановники категории *тай* — *тай-цзай*, *тай-бао* и *тай-цзун* (великий управитель, великий воспитатель и великий церемониймейстер), причем первые две занимали те же Чжоу-гун, практически управлявший страной, и Шао-гун, живший в столице при малолетнем Чэн-гуне и отвечавший за его воспитание. Чуть ниже были три должности категории *сы* — *сы-ту*, *сы-кун* и *сы-ма* (управляющий сельским хозяйством; управляющий ремеслом и строительством; управляющий военными делами, прежде всего конями и колесницами, своего рода маршал).

Однако такого рода троичная система была исходной, но не догматичной: росло и число гунов, и количество чиновников категории *сы* (вэйский Кан-шу после подавления мятежа и получения удела стал *сы-коу*, кем-то вроде судьи-надзирателя за подвластными ему в Вэй шанцами). Кроме того, помимо гунов в число высшей чжоуской аристократии входили и иные титулованные особы — *хоу*, *бо*, *цзы*, *нань*. Обычно это были правители издревле существовавших шанских и иных полуавтономных владений, а также те чжоусцы, которые получили уделы от вана заново. В любом случае количество всех носителей титулов и одновременно обладателей высших должностей составляло не более сотни-двух, как то было и у шанцев. Пожалуй, наиболее достоверной может считаться цифра 71 — именно столько уделов было создано, по данным трактата «Сюнь-цзы», в начале Чжоу, причем 53 из них принадлежали выходцам из дома вана.

Удельная система, частично заимствованная у шанцев, частично появившаяся в силу обстоятельств, сыграла роковую роль в судьбах Чжоу, пересчеркнув все надежды на создание централизованного государства. Правда, на первых порах большинство заново создававшихся чжоуских уделов, особенно отдаленных от столиц, были не столько автономными административно-политическими структурами (тем более изолированными вотчинами), сколько военно-территориальными образованиями для наведения порядка на местах. Эти уделы и их немногочисленное коренное население в случае нужды достаточно легко перемещались с места на место, а их управители, получив из рук вана документ типа инвеституры на право владения (обычно это была соответствующая надпись на ритуальном бронзовом сосуде с перечислением объектов дарения и владения, от знамен и колесниц до людей разных племен, включая сопутствующих владельцу людей вана, т.е. самих чжоусцев), вначале ощущали себя, скорее, комендантами гарнизона в далекой глуши, чем полновластными правителями. Связующие нити между такими уделами и чжоуским центром с его сакрально-легитимным ваном, вскоре начавшим

именоваться пышным титулом «сын Неба», были не слабее, чем у региональных властителей второй зоны Шан с шанским ваном-первосвященником. Однако со временем ситуация изменялась, причем достаточно быстрыми темпами.

Прежде всего, уделы оказались неравноценными. Уделы центральной зоны (между старой и новой столицами) и столичных районов, располагавшиеся в сравнительно обжитых местах, были мелкими и, как правило, не имели заметной автономии. Именно здесь достаточно эффективно действовала администрация центра, в основном находившаяся в Лои, но частично и в Цзунчжоу. Видимо, поэтому многие уделы этой части страны быстро превращались в нечто вроде условных служебных кормлений. Правда, по мере ослабления власти западножоуских ванов по меньшей мере часть межстоличного района вновь была занята и освоена некоторыми удлами, включая заново переместившихся сюда, как это было, в частности, с уделом Чжэн, южным соседом Лои. В любом случае, однако, мелкие уделы центральной зоны — за немногими исключениями вроде Сун — почти не оставили следов своего существования. Иное дело — уделы периферийные, располагавшиеся вдали от центра, от обеих столиц.

Эти периферийные уделы, вначале игравшие роль форпостов, граничных застав, с течением времени увеличивались в размерах за счет аннексий соседних территорий и междоусобных войн, росла и численность их населения. В то же время само число этих уделов все время сокращалось. Одновременно менялась и их внутренняя структура. Скомпонованный по воле случая гетерогенный коллектив подвергался естественному процессу этнической консолидации. Как бы пройдя через плавильный котел, жители удела пускали новые корни, устанавливали между собой родственные связи и через несколько поколений уже логично и закономерно считали себя жителями данного удела, подданными своего господина, владельца удела.

Что же касается правителей, то они воспринимали свой удел в качестве вотчины, со временем все меньше нуждаясь в подкреплении своего права на владение от вана, хотя формально эта процедура инвеституры еще продолжала существовать. Они становились наследственными владельцами уделов, по размерам порой сравнимых с территорией центра, находившейся под непосредственной юрисдикцией вана и его администрации. Таким образом вчерашние уделы превращались в полунезависимые государственные образования, чей вассалитет от сюзерена-вана со временем становился все менее ощутимым. Именно этот процесс вскоре после институционализации Западного Чжоу как государства стал едва ли не основным, определявшим и структуру

западночжоуского общества, и динамику его эволюции, да и вообще всю специфику существования чжоуского Китая как конгломерата различных государственных образований.

4. ЗАПАДНОЕ ЧЖОУ: ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

Период правления первых чжоуских правителей — Чжоу-гуна, Чэн-вана, его сына Кан-вана и внука Чжао-вана — сравнительно небольшой (1025–948 гг. до н.э.). Но то были самые славные для Западного Чжоу три четверти века. Именно на это время пришелся процесс институционализации чжоуской власти, центральными моментами которой стали создание концепции небесного мандата, возведение второй столицы, использование опыта шанцев в разных местах и прежде всего в новой столице, укрепление администрации центра, эффективно действовавшей в районе между столицами, в зоне центра и, наконец, возникновение системы уделов. Это были годы укрепления власти центра и попытки создания той самой империи, которая позже воспринималась потомками как некогда существовавшая, — достаточно напомнить о схемах позднечжоуского трактата Чжоули, где дано детальное описание администрации такого рода империи.

Однако реально создать ее так и не удалось. В то время как на поверхности, отраженной во множестве надписей на бронзе и иных текстах раннего Чжоу, действительно, многое выглядело как доказательство реального существования крепкой власти центра с его налаженными бюрократическими ведомствами, эффективным аппаратом администрации, твердо фиксированными взаимодействиями между столицами и периферией (именно это вошло в позднейшую традицию и дало основание для иллюзии о существовании раннечжоуской империи), на деле в стране преобладали процессы иного рода, т.е. дезинтеграционные импульсы, связанные с естественной динамикой эволюции удельной системы.

Вначале эти процессы были малозаметны — в противовес усилиям, направлявшимся на создание прочной власти центра во главе с сакральной фигурой вана, сына Неба, усилиям, которые олицетворялись титанической личностью Чжоу-гуна и стремлением его преемников следовать взятому им курсу. «Цзо-чжуань», комментарий к летописи «Чуньцю», один из наиболее ценных для историка чжоуских текстов, характеризовал Кан-вана как правителя, «щедро одарявшего своих родственников уделами» и «давшего народу отдых» после бурных событий, пришедшихся на долю Чжоу-гуна и Чэн-вана, которые способствовали «успокоению государства». Эта характеристика в деталях может быть

оспорена, ибо уделов больше раздавали У-ван и Чжоу-гун, чем Кан-ван, но динамика подмечена точно: первые бурные десятилетия чжоуской истории после завоевания Шан сменились при Кан-ване (1004–967 гг. до н.э.) сравнительно спокойным течением событий. Вместо бесплодных усилий по укреплению власти центра Кан-ван предпочел завершить процесс создания удельной системы, которая, как о том уже говорилось, объективно вела к децентрализации. И, спокойно восприняв новую реальность чжоуского мира, он стал больше заботиться о том, чтобы на северной и южной периферии этого мира можно было давать активный отпор варварским племенам, способствуя тем самым расширению территории Чжоу.

Естественно, что расширявшаяся за счет этого территория не усиливала позиции вана. Напротив, вновь завоеванная периферия, да и уделы, располагавшиеся на давно освоенных чжоусцами окраинах, фактически оказались под властью тех удельных правителей, которые доминировали в том или ином районе. Чжао-ван (966–948 гг. до н.э.) стал первым чжоуским правителем, который с огорчением начал пожинать плоды этой вынужденной политики. При нем, как о том упоминается у Сыма Цяня, «в управлении государством проявились слабости и изъяны». Видимо, имелось в виду то, что, хотя Чжао-ван, как и его отец, совершил немало успешных походов, способствовавших расширению владений Чжоу, из последнего такого похода на юг он не вернулся, погубив шесть чжоуских армий при не вполне выясненных обстоятельствах. Разумеется, можно говорить просто о военном поражении, но факт остается фактом: могущество первых чжоуских ванов при Чжоу-ване очевидно близилось к концу.

Последним из ранних чжоуских ванов, чье имя осталось в памяти потомков, был Му-ван (947–928 гг. до н.э.). Он много воевал на северных и западных границах, любил лошадей и, согласно легендам, обладал страстью к дальним пугешествиям (например, на Запад к знаменитой богине Сиванму).

Во второй половине X и первой половине IX в. до н.э. в чжоуском Китае сложилась децентрализованная политическая структура феодального типа, в рамках которой наряду с государством вана уже существовало несколько достаточно больших и немало более мелких полуавтономных государственных образований. Каждое из этих образований, выросши на базе некогда пожалованного и затем укрепившего свои позиции удела, претендовало на политическую самостоятельность. Сакральный сюзеренитет вана князья чжухоу еще признавали, легитимность его власти не оспаривалась, но практически каждый из его вассалов действовал самостоятельно, исходя из собственных интересов.

Внутренняя структура вновь возникших царств и княжеств обычно копировала чжоуский центр. Из надписей на бронзе явствует, что во многих уделах существовали высшие чиновники *цин-ши* и *тай-ши*, а также должностные лица категории *сы* (*сы-ту*, *сы-ма*, *сы-кун*). Как и в самом Чжоу, должности не обязательно, но очень часто были наследственными, причем тесная связь между должностью, титулом, родством и владением территорией практически была нормой. Все меньше на арене политической жизни появлялось удачливых аутсайдеров и все большую роль играли родственные кланы внутри княжеств. Шла успешная институционализация власти, создавалось устойчивое административно-политическое равновесие теперь уже на уровне царств и княжеств, т.е. практически независимых в скором будущем государств.

Чжоуский центр вынужден был считаться с этим. И хотя более поздние историографы достаточно потрудились над тем, чтобы пригладить неприглядную политическую ситуацию, на практике ваны уже почти не имели реальной власти за пределами столичных зон. Из более поздних схем, хорошо известных в Китае, может сложиться впечатление, что дело обстоит иначе, что существовала строгая иерархия титулов — *гун*, *хоу*, *бо*, *цзы*, *нань* (в европейской синологии их обычно отождествляют с герцогом, маркизом, графом, виконтом, бароном), что сын Неба дважды в год совершал поездки в уделы, а все вассалы с примерно той же регулярностью появлялись в его столице с соответствующими подношениями, создавая таким образом иллюзию порядка и строгой иерархической нормы. На деле все было не так. Поездки случались от случая к случаю и чаще вызывались необходимостью, а не требованиями какой-то общепризнанной нормы. Подношения бывали, причем обоюдные. Что же касается титулов, то здесь какая-либо стройная система отсутствовала, а сами титулы в текстах с легкостью взаимозаменялись (Шяо-гун, например, мог именоваться Шяо-бо). Нередко в документах они вовсе опускались, как это было в случае с Юем, владельцем бронзового сосуда с надписью «Да Юй дин», который унаследовал удел от Наньгуна и явно имел право на высокий аристократический титул. Но это не говорит о том, что титулы ничего не значили, просто титулатура не всегда бывала приведена в соответствие с иными, более важными в то время характеристиками чжоуской знати — родством, должностью, владением, реальной властью. К тому же титулы в чжоуском Китае никак не вписывались в нормы обычной иерархической лестницы, по логике которой носителей низших титулов должно было бы быть больше, чем обладателей высших; в чжоуском же Китае, насколько можно судить по текстам, в среде титулованной аристократии явно преобладали носители высших титулов.

Копируя чжоуский центр, удельная знать искала внутреннюю стабильность и административную эффективность в жесткой клановой структуре с ее строгой внутренней иерархией, тесно связанной с линией и старшинством родства внутри правящего клана. Такого рода кланы, получившие наименование *цзун-цзу* или *цзун-фа* (иногда *гун-цзу*), служили одновременно и для счета родства, и для обозначения кланово-корпоративных воинских наименований, княжеских дружин, обычно комплектовавшихся из родственников правителя, как то стало нормой в Китае еще в конце Шан. Эта кланово-корпоративная структура удельной знати в рамках разраставшегося удела накладывалась на аморфно-сегментарную клановую структуру сельской общины подданных князя. При этом клановая структура верхов как бы подчиняла себе клановую структуру общинных низов, превращая ее в свой фундамент и давая ей свое клановое имя.

Впрочем, по мере разрастания удела за счет междоусобиц и аннексий в нем появлялось обычно несколько кланов *цзун-цзу*, имевших различное происхождение и свою территорию. Влиятельные представители боковых линий в рамках разраставшегося удела нередко создавали новые кланы, как правило, сочетавшиеся с заметной должностью их главы при дворе правителя. Естественно, что это рождало соперничество внутри разросшегося удельного государства, являлось причиной внутренних войн, заговоров и т.п. Правда, во второй половине Западного Чжоу, о которой идет речь, междоусобицы еще только намечались. Удельные княжества были пока внутренне цельными и сильными, порой настолько, что могли бросать вызов самому вану.

Впервые подобного рода столкновение произошло в середине IX в. до н.э., в годы правления Ли-вана. Источники повествуют о Ли-ване как о правителе жестком и своенравном. Судя по всему, он хотел усилить власть Чжоу и действовал соответственно, решительно подавляя тех, кто смел выступать против него. По словам Сыма Цяня, Ли-ван стал присваивать себе чужие богатства (видимо, аннексировал владения, чьи правители давали для этого повод). Удельные князья были обеспокоены этим, открыто ронгали, вызывая гнев вана, наконец, вслух высказывали свое негодование. В конце концов усилиями удельных князей Ли-ван был свергнут, и 14 лет (842—828) до совершеннолетия его сына Сюань-вана страной управляли князья-регенты (этот период назван *гунхэ* «совместное правление» — термин, сохранившийся до наших дней).

Сюань-ван (827—782 гг. до н.э.) унаследовал от отца крутой нрав и, будучи явно недоволен развитием событий, стремился противостоять им. Он попытался провести ряд реформ, включая

отказ от практики обработки больших полей и введение всеобщего земельного налога, десятины чэ. Видимо, именно с этим нововведением была связана и его попытка провести перепись населения. Сын и преемник Сюань-вана Ю-ван сумел процарствовать до своего бесславного конца и гибели государства всего десять лет. После этого старший сын и законный наследник Ю-вана Пин-ван — видимо, с большинством его подданных-чжоусцев — с помощью нескольких вассалов-чжухоу был перевезен на восток, во вторую столицу Лои, и именно на этом заканчивается Западное Чжоу (1027—771 гг. до н.э.).

Как выглядело западночжоуское общество и что было характерным для процесса его трансформации, протекавшего на фоне уже описанных политических событий и сводившегося в основном к децентрализации власти в Чжоу и укреплению разраставшихся уделов?

Следует начать с того, что реформы, которые пытались провести Ли-ван и Сюань-ван, касались прежде всего чжоуских территорий, расположенных близ Цзунчжоу и заселенных общинными поселениями чжоусцев. Именно здесь традиционно существовали крупные формы землевладения, о чем свидетельствуют некоторые песни Шицзина и более поздние тексты, как, например, чжоуские главы древнекитайского источника Го юй. Из этих данных явствует, что в чжоуских землях существовали — как то было и в Шан — большие совместно обрабатывавшиеся поля, наиболее значительные из которых возделывались с участием самого вана и его приближенных. Из песни «Ци юэ» (седьмой месяц), описывающей, скорей всего, чжоуское общество до завоевания Шан или вскоре после этого, вытекает, что вся производственная деятельность крестьян находилась под строгим контролем чиновников правителя, прежде всего надсмотрщиков *тянь-цзюней*, которые были, возможно, и старейшинами своих общин, и ответственными за работу крестьян на большом общем поле правителя. Источники свидетельствуют о том, что чжоуские поля отчетливо делились на два клена — поля *сы*, каждое из которых крестьянская семья обрабатывала для себя, и поля *гун*, которые все семьи обрабатывали вместе для правителя. В песне «Да тянь» есть даже поэтическая строка:

Пусть дождь сначала оросит поле гун,
А затем уж и наши поля сы.

Как видим, поле *гун*, т.е. большое общее поле, поле правителя, — на первом месте. Вся же фраза перекликается с теорией конфуцианца Мэн-цзы, жившего в III в. до н.э. Согласно этой теории, в древности в Китае существовала система *цзин-тянь*,

суть которой сводилась к тому, что в квадрате из девяти равных полей (три по вертикали и три по горизонтали) центральное поле было общим (*гун*) и обрабатывалось совместно восемью крестьянами, владевшими остальными полями квадрата. Теория Мэн-цзы символически отобразила формы землепользования и механизм редистрибуции урожая в далеком прошлом. И как таковая она едва ли может быть оспорена, ибо примерно так и выглядели землепользование и редистрибуция в Шан и на чжоуских землях в Западном Чжоу: за право обрабатывать свои земли и кормиться с них семейные группы общин платили обязанностью обрабатывать большие поля правителя, урожай с которых предназначался и для ритуальных нужд, и для повседневных потребностей аппарата администрации со всеми его вспомогательными службами.

Можно предположить, что постепенное разрастание территории Чжоу создавало ситуацию, когда количество самих чжоусцев, их новых поселений и обрабатываемых земель категории *сы* росло быстрее, чем могло создаваться новых больших полей, не говоря уже о том, что для содержания больших полей нужны были немалые дополнительные средства, а это в эпоху упадка власти вана и его администрации становилось обузой для казны. Видимо, именно этим и были вызваны реформы Сюань-вана: отказавшись от участия в обработке ритуального большого поля (т.е. показав свое отношение к системе больших полей как к пережитку прошлого), взамен он ввел налог в виде десятины-чэ, для чего им и была проведена перепись податного населения. Неясно, чем завершились эти реформы, — вскоре после них Западное Чжоу как государство исчезло, а его территория стала основой нового полуварварского царства Цинь, развивавшегося по своим нормам. Однако факт остается фактом: и при Сюань-ване и после него, как о том свидетельствуют песни Шицзина, продолжали существовать большие поля, урожай с которых шел в казну в качестве ренты-налога. Так продолжалось по меньшей мере до перемещения столицы чжоуского вана на восток, в район Лои, в 771 г. до н.э.

Что касается района второй чжоуской столицы, Лои, то он с самого начала Чжоу во многом отличался от древних чжоуских земель со столицей в Цзунчжоу. Эти отличия сводились прежде всего к тому, что в Лои основную массу жителей составляли, как о том можно судить по данным источников, покоренные и перемещенные шанцы и их потомки. Этнически пестрое население района второй столицы не было сковано жесткими традициями глубокой древности. Поэтому именно здесь, скорей всего, идея о необходимости взимания поземельного налога с крестьянских общин уже в Западном Чжоу (во всяком случае после реформ

Сюань-вана) должна была получить достаточно благоприятные возможности для реализации. Можно предположить, что городское население Лои, его строители, ремесленники, торговцы и воины, по меньшей мере частично содержались за счет налога с крестьянских общин, хотя значительная доля средств для их содержания поступала, видимо, из внутренних резервов (обработка приусадебных участков горожанами и воинами).

Если говорить о системе налогообложения в уделах, то данных на этот счет практически нет или почти нет, как, впрочем, и сведений о существовании в уделах больших полей. Упоминание в «Шицзине» о том, что именно на полях удела Шэнь, созданного Сюань-ваном, была введена практика взимания десятины-чэ, позволяет предположить, что земельный налог являлся нормой в уделах и что с нововведением Сюань-вана в уделе Шэнь в западночжоуском Китае на последнем этапе его существования складывалась единая общая система взимания налогов. Это важно особо подчеркнуть, ибо процесс шел таким образом, что все чжоуские и нечжоуские районы, включая уделы, в то время уже вполне очевидно обрели сходство и, более того, постепенно сливались в единую цивилизационную общность, имевшую свои специфические характеристики.

Для всего западночжоуского общества бассейна Хуанхэ, или, точнее, той его части, которая позже стала именоваться термином «Чжунго» (серединные государства) и куда не включались полуварварские окраинные царства вроде Западного Цинь или южного Чу, эта цивилизационная общность к концу Западного Чжоу стала нормой, как единым и нормативным был язык, на котором говорили жители Чжунго — в отличие, например, от южного Чу. Всюду уже прочно господствовали мощные и разветвленные клановые структуры (*цзун-цзу, цзя*), нередко включавшие в себя и крестьянские общины. Мощные и сплоченные клановые или удельно-клановые корпорации членились на мелкие нуклеарные семьи и в среде знати, и у общинных крестьян.

Переход к повсеместному применению налога-чэ еще больше способствовал индивидуализации семьи как низовой автономной хозяйственной ячейки в рамках крестьянской общины. Скорей всего, нечто похожее было и в городах с их торгово-ремесленным и военным населением, обилием чиновников и обслуживающего персонала. Семейные ячейки в городах, видимо, имели определенную хозяйственную автономию, но не слишком большую: труд и продукт городских жителей шел не на рынок, которого еще не было, а в казну, откуда специалистам, как следует полагать, выдавали продукты питания и различные необходимые вещи. Процесс приватизации и связанный с ним процесс

возникновения рынка и товарно-денежных связей еще были — если они вообще были в зачаточном состоянии, как то вытекает из материалов источников.

Подобного рода система редистрибуции была характерной для всех ранних государственных образований, какими являлись и западночжоуские. Однако в Китае эта система работала не так, как на Ближнем Востоке, где в древности преобладали храмовые хозяйства, выполнявшие функции государственной казны, склада и аппарата администрации одновременно. В чжоуском, да и в шанском Китае таких храмовых хозяйств не было, как не существовало и олицетворявших могущество божеств храмов. Избыточный продукт общинной деревни вне зависимости от форм его получения проходил, видимо, через ведомство *сы-ту* (свои *сы-ту* были не только в столице вана, но и в уделах), а неземледельческий в городах — через ведомства *сы-куна*, *сы-ма* и других высших сановников. Что же касается божеств и вообще религии в Чжоу, то об этом стоит еще раз сказать особо.

Как и шанцы, чжоусцы поклонялись своим предкам, точнее, предкам своих правителей. В конце Западного Чжоу они уже не именовались термином «*ди*», на смену которому пришло слово Шанди (у шанцев — совокупность их высших предков, *шан-ди*, в начале Чжоу — Божественная сила, имевшая отношение к предкам и ассоциировавшаяся с Небом), фактически обозначавшее все то же Небо, единственное высшее божество, которое признавалось чжоусцами. Небу от имени правителя-вана, сына Неба (*тянь-цзы*), торжественно приносились жертвы, но не человеческие. Аналогичные жертвы приносились на алтаре Земли, *шэ*, который был как у каждого владетельного аристократа, в каждом княжестве, так и в любой деревне. А всеобщее поклонение умершим правителям постепенно замещалось поклонением предкам в рамках каждого клана.

Согласно более поздним данным конфуцианского канона Ли-цзи, уже в те времена, о которых идет речь, правитель-ван имел в своем храме предков семь алтарей *мяо* для приношения жертв умершим предшественникам. Простолюдинам же вообще не полагалось иметь храмов в честь предков — на их алтарях, как правило, стояли дощечки с именами близких им по времени покойников. Степень родства и близость к верхам имели отношение и к срокам траура по умершим.

В целом же чжоуские религиозные верования и представления в отличие от шанских как бы разделились: высшее государственное значение приобрел культ Неба, отправлявшийся лично ваном и только им в полном его объеме; определенную роль стали играть культы земли-территории (*шэ*) на различных уровнях,

вплоть до деревенского; что же касается центрального у шанцев культа правящих предков, то он трансформировался в Чжоу в сложную иерархическую систему культов предков социальных групп различных категорий. Никаких иных божеств и храмов в их честь чжоуская религиозная система не знала, хотя на низшем своем уровне была знакома (что характерно для всех народов на сходной ступени развития) с анимистическим поклонением явлениям природы, с пережитками тотемизма, магией, знахарством и т.п.

Легко заметить, что рационализм ритуалов, заметный уже в шанское время, в чжоуском Китае продолжал развиваться. Духам предков и духам природы приносили жертвы, дабы они не вредили. Примерно так же строились и взаимоотношения чжоусцев с духами земли-территории *шэ*: не принесешь жертву — не будет урожая; не отстоишь город с алтарем *шэ* от разрушения врагом — потеряешь свою землю. Даже взаимоотношения знати с уходящими на Небо духами их умерших предков и с самим великим Небом имели, как было и в Шан, явно прагматический смысл: небесные силы призваны были заботиться о благе живущих, а живущие напоминали им о себе в положенные сроки специальными жертвоприношениями.

Следует обратить внимание на то, что с начала Чжоу практика шанских гаданий на костях и панцирях черепах (на очищенной поверхности писался текст, выдавливались и затем прижигались лунки, а по трещинам после прижигания гадатели судили о реакции *ди*, к которым обращался правитель) сошла на нет, а на смену ей пришло гадание на стеблях тысячелистника. Впоследствии, уже в Восточном Чжоу, эта практика гадания была хорошо разработана, обрела облик сочетаний двух черт (цельной и прерванной) и в форме триграмм (три такие черты должны присутствовать в любом сочетании — всего восемь сочетаний) и гексаграмм (шесть черт — шестьдесят четыре сочетания) легла в основу гаданий по формулам книги Ицзин. Со временем эта книга обросла различными по характеру и все отчетливей обретающими философский смысл комментариями. Как известно, впоследствии Ицзин был включен в конфуцианское Пятикнижие (Уцзин), и это превращение книги гаданий в часть конфуцианского канона убедительно свидетельствовало о том, что текст Ицзина был не столько мистическим справочником, сколько весьма рациональным осмыслением различных, легко изменяющихся жизненных ситуаций.

Этическая идея, заложенная в начале Чжоу в концепцию небесного мандата, и отчетливо фиксируемый рационализм в сфере верований и культов способствовали оттеснению мифологического мышления и суеверий, включая мистику, на периферию

чжоуской культуры и выдвижению на передний план ритуала и церемониала. Это в свою очередь вполне коррелировалось с особенностями эволюции чжоуской политической структуры и, в частности, с формированием в верхних правящих слоях общества мощной и влиятельной аристократии. Чжоуская удельная знать, незнакомая с религиозными догмами, могущественными богами и связанной с ними мифологией, считала едва ли не главным в сфере верований и культов строгий ритуал и торжественный церемониал, а во взаимоотношениях между людьми — детально разработанный этикет. Собственно, именно хорошее знание ритуала и церемониального этикета прежде всего отличало знатные верхи от неграмотных и необразованных низов. И хотя формально мудрые и способные из низов всегда приветствовались и включались в правящую элиту (выявление таковых входило даже в должностные обязанности администраторов разных рангов), на деле это значило лишь одно: неважно, откуда ты родом, важно, чтобы ты выглядел своим среди аристократических верхов, т.е. был образованным и грамотным, знал ритуалы и церемониал. Тот, кто принадлежал к верхам, должен был быть — или стать — аристократом, т.е. обладателем должности, причастным к влиятельному клану и, главное, строго соблюдающим нормы этикета, центральным пунктом которого уже в конце Западного Чжоу стали ритуал и церемониал. А в начале Восточного Чжоу и особенно в период Чуньцю (722—464 гг. до н.э.) все эти черты и признаки приобрели еще большую важность.

Глава II

ВОСТОЧНОЕ ЧЖОУ: ПЕРИОД ЧУНЬЦЮ

1. ПЕРИОД ЧУНЬЦЮ (VIII—V вв. до н.э.)

Принципиально новый этап в истории чжоуского Китая начался с гибели Ю-вана и переноса его сыном Пин-ваном своей столицы на восток, в Лои (771—770 гг. до н.э.). Хотя считается, что этот шаг был сделан, как о том сказано у Сыма Цяня, самим ваном «с целью укрыться от нападений жунов», т.е. тех самых племен, которые, действительно, положили конец Западному Чжоу, на деле решение о перемещении правителя чжоусцев принимали влиятельные чжухоу, окружавшие юного Пин-вана. И причиной тому было вовсе не желание обезопасить западную столицу и самого вана от варваров, хотя они и беспокоили чжоусцев своими набегами. Ведь территория, освобожденная Пин-ваном и его подданными (древние чжоуские земли Цзунчжоу), оказалась под властью назначенного тем же Пин-ваном правителя нового удела Цинь, со временем ставшего наиболее могущественным в чжоуском Китае. Главное было в том, что переезд на восток приводил статус вана в соответствие со всеми иными реалиями того времени.

Ван давно уже перестал быть полновластным властителем Поднебесной, а ее делами распоряжались правители фактически независимых государств. Получив свой домен в Лои, Пин-ван превратился в своего рода первого среди равных, причем его первенство основывалось не на мощи стоявшего за ним государства или аппарата центральной власти — то и другое осталось в прошлом, — но только на сакральной значимости его как сына Неба, владельца небесного мандата.

Пин-ван процарствовал около полувека, и за это время он и его домен окончательно перестали быть центром политической жизни страны. Такого рода центрами попеременно становились наиболее могущественные из царств, вчерашних наследственных уделов, — сначала царство Ци на крайнем востоке Китая, в районе устья Хуанхэ, затем очень большое и крепкое царство Цзинь на западе, на границе с новым и быстро усиливавшимся царством Цинь. Но правильней было бы сказать, что в рамках Чжунго в период Восточного Чжоу сложилось нечто вроде политического полицентризма — явление, характерное именно для децентрализованных структур. И хотя более слабые царства — Вэй, Сун,

Чжэн, Лу и некоторые другие — редко выступали в качестве самостоятельной силы, в составе коалиций каждое из них вносило свой вклад в политическую борьбу, что и создавало эффект полицентризма с его изменяющимися центрами сильной власти и влиятельного соперничества. Иначе говоря, перенос столицы чжоуского вана на восток означал отказ сына Неба от политического контроля за его вассалами, обретавшими тем самым реальную независимость. Более того, это ставило вана порой в униительную зависимость от тех, кто обладал в стране реальной силой. И все же, несмотря на это, чжоуский ван оставался сыном Неба, всеобщим сюзереном (по крайней мере, в пределах Чжун-го), ибо только его власть в Поднебесной по-прежнему считалась легитимной. Это с особой силой проявилось и стало заметным после полувекового царствования Пин-вана, когда в Китае наступил период Чуньцю.

Начало периода Чуньцю датируется точно — 722 г. до н.э. Это первый год знаменитой луской хроники «Чуньцю» (весны-осени), отредактированной, по преданию, самим Конфуцием. Конец периода чаще всего связывается с годом смерти философа (479), иногда с последними записями в комментариях к хронике (464). Обращает на себя внимание то, что провинциальная хроника царства Лу стала основой летосчисления целого периода китайской истории. Правда, Лу не обычный удел. В свое время он был пожалован самому Чжоу-гуну, и здесь свято хранились все записи, воспевающие деяния великого отца-основателя Чжоу. В Лу активно разрабатывались приписывавшиеся Чжоу-гуну предложения и идеи, и в немалой мере именно поэтому там достигли высокого уровня совершенства и культура, и грамотность, и практика историописания. Не случаен и тот факт, что Конфуций был лусцем, т.е. родился и вырос в царстве, где грамотность, образование, культура и традиции старины, не говоря уже об историописании, были в большом почете. Но при всем том сам факт знаменателен: начиная с 722 г. до н.э. исторические события известны главным образом по хронике «Чуньцю» и — что очень важно — по нескольким комментариям к ней, важнейшим из которых следует считать «Цзо-чжуань».

Здесь необходимо заметить, что «Цзо-чжуань» и беллетризованный сборник эпизодов из чжоуской истории Го юй (который с некоторой натяжкой тоже можно считать комментарием к «Чуньцю») не только написаны значительно позже, в IV—III вв. до н.э., но и несут на себе явственный заряд конфуцианской интерпретации ранней чжоуской истории, включая и период Чуньцю. А поскольку это практически основные источники, подробно повествующие о событиях того времени, важно критически

относиться к сообщаемым ими сведениям, особенно если эти сведения по тем или иным причинам вызывают сомнения. И все же именно Цзо-чжуань и Го юй насыщают лапидарную хронику «Чуньцю» живым историческим материалом, о котором и пойдет речь ниже.

Этот материал свидетельствует о том, что в VIII—VI вв. до н.э. территория бассейна Хуанхэ к востоку от излучины реки, отделявшей срединные государства от Западного Цинь, была поделена между несколькими крупными царствами и десятком-другим средних и малых княжеств, число которых постоянно убывало. На северо-востоке было расположено быстро развивавшееся царство Ци, рядом с ним к северу — начавшее играть сколько-нибудь значительную роль в политических отношениях лишь к концу Чуньцю царство Янь, на северо-западе и западе располагалось самое крупное царство Цзинь, чуть к востоку от него — Вэй, а южнее Вэй, за Хуанхэ, — домен вана и находившиеся неподалеку от него царства Чжэн и Сун. К востоку от Сун, несколько южнее Ци, было Лу. Между перечисленными (в основном в южной части бассейна, южнее реки) располагались остальные царства и княжества, часть которых граничила со считавшимся, как и Цинь, полуварварским южным Чу, правители которого постоянно наращивали свою мощь и часто вмешивались в дела срединных государств. К юго-востоку от Чу, в низовьях рек Хуай и Янцзы, размещалось государство У, начавшее играть значительную роль в конце Чуньцю, как и соседнее с ним на востоке государство Юэ. Такова в самых общих чертах была геополитическая карта периода Чуньцю. Важно заметить, что для всех царств и княжеств, даже для таких явных аутсайдеров, как У и Юэ, не говоря уже о более тесно связанных с Чжунго царствах Цинь и Чу, чжоуский ван считался сакральным главой и сюзерсом. Чжуский правитель мог позволить себе присвоить титул «ван», что было неслыханной дерзостью с его стороны, но даже при этом он не становился равным чжоускому вану, ибо не был сыном Неба и не имел оснований претендовать на этот статус.

Рассматривая геополитическую ситуацию на расположенной рядом с Чжунго территории, важно учесть, что здесь было немало кочевых и полукочевых племенных образований варваров (*жунов, и, ди*). Эти варварские группы под влиянием Чжоу давно уже трибализовались, обрели своих вождей, многое переняли из шанско-чжоуской культуры. И хотя чжоусцы подчеркнуто отличали себя от них, правители чжоуских царств и княжеств, включая и самого сына Неба, в дипломатических и иных целях нередко брали себе в жены женщин из варварских племен (одной из них была Бао Сы, из-за которой, как считается, чжоуский Ю-ван

лишился трона и жизни). Эти женщины часто становились законными женами правителя того или иного царства. Сыном одной из них, женщины из племени *ди* например, был знаменитый цзиньский правитель Вэнь-гун (Чжун Эр).

Домен Пин-вана с центром в Лои оказался одним из сравнительно слабых владений в Чжунго. Он был не в состоянии содержать и двор вана, и его администрацию, и еще значительные в недавнем прошлом (вспомним о 8 иньских армиях в Лои) воинские подразделения. Соответственно резко сократились возможности вана не только вмешиваться в чужие дела, в дела его васалов, но и защищать собственные интересы. Неудивительно, что после смерти Пин-вана, явно смирившегося с потерей реальной власти в Чжунго, первое полустолетие периода Чунью оказалось временем прогрессирующего ослабления чжоуского Китая. Крупные царства, прежде всего Ци и Цзинь, в эти годы раздирались ожесточенными внутренними усобицами. На фоне создавшегося таким образом политического вакуума проявляли свои агрессивные устремления царства второго разряда, такие, как Чжэн и Сун, враждовавшие друг с другом, пытавшиеся создавать коалиции и время от времени даже выяснявшие свои то и дело осложнявшиеся отношения с доменом вана.

Разумеется, такого рода безвластием или вакуумом власти на уровне центра в Чжунго энергично пользовались все царства и княжества, включая и те, которые считались варварскими (т.е. были населены не чжоусцами, а *жунами*, *ди* и иными народами). С каждым десятилетием прогрессирующее ослабление власти центра, чжоуского вана, грозило все большими неприятностями для Чжоу. Постоянно растущие распри и междоусобицы вели к окончательному распаду той хрупкой чжоуской цельности, которая еще оставалась со времен У-вана и Чжоу-гуна. Создавалась реальная угроза варваризации чжоуского Китая. Ситуация резко изменилась лишь после того, как усилилось и стало диктовать свою волю в Чжунго царство Ци.

Царство Ци в начале Чжоу было пожаловано в качестве удела одному из трех гунов — знаменитому Тай-гуну из рода Цзян, сыравшему весьма важную роль в победе над шанцами. Это был едва ли не самый отдаленный от столицы Цзунчжоу удел на далеком востоке, в районе полуострова Шаньдун, близ устья Хуанхэ и морского побережья. Тай-гун получил широкие полномочия по управлению восточными окраинами чжоуского государства; его богатые рыбой и солью новые владения стали быстро развиваться, так что уже в IX в. до н.э. удел Ци был одним из самых сильных в стране. По-видимому, его побаивались ослабевшие чжоуские ваны и завистливые соседи из числа влиятельных

князей, чем, в частности, можно объяснить жестокую казнь цисского Ай-гуна по навету его соседа. Ни деталей события, ни причин казни источники не раскрывают, но сам факт наводит на предположение, что в основе конфронтации чжухоу с правителем Ци лежали главным образом зависть и страх. После этой казни царство Ци почти столетие как бы приходило в себя, а в 731 г. до н.э. даже подверглось нападению жунов, от которых удалось спастись лишь с помощью соседних княжеств, в частности Чжэн. Затем в Ци начались междоусобицы, продлившиеся несколько десятилетий. Когда в 685 г. до н.э. цисский трон опустел, двое претендентов, братья Цюй и Сяо Бо, сошлись в решающей схватке. Цюй жил в эмиграции в соседнем и сравнительно крупном царстве Лу, Сяо Бо — в более отдаленном и слабом Цзюй. Влиятельные цисские сановники Го и Гао активно поддерживали Сяо Бо, но многие цисцы были за Цюя. Ближайший сподвижник Цюя Гуань Чжун с отрядом воинов выступил наперерез продвигавшемуся в Ци Сяо Бо. Была устроена засада, и во время короткой битвы Гуань Чжун меткой стрелой в живот сразил Сяо Бо. В Лу было послано донесение, что дело сделано и патрон Гуань Чжун Цюй может ехать в Ци, где его ждет трон.

Однако все оказалось не так. Как выяснилось позже, стрела попала в металлическую пряжку Сяо Бо, и это спасло ему жизнь. Придя в себя, он поспешил в Ци, где с помощью Го и Гао занял трон под именем Хуань-гуна. В Лу было направлено послание с требованием казнить Цюя и Гуань Чжуна. Цюй был казнен, но за Гуань Чжуна вступился его приятель Бао Шу-я, с которым они вместе в юности занимались торговыми операциями и который высоко ценил его ум и способности. Бао уговорил Хуань-гуна не только простить Гуань Чжуна, но и любыми способами привлечь его на свою сторону во имя процветания Ци. Хуань-гун потребовал от Лу выдать ему Гуань Чжуна живым и после беседы с ним сделал его своим советником, дав большие полномочия. Гуань Чжун в свою очередь покаялся перед Сяо Бо и поклялся в верности ему. После этого он приступил к реформам, смысл которых сводился к укреплению порядка в царстве и превращению его в сильнейшее в Поднебесной.

В описании реформ не все ясно. Некоторые из них — как о том рассказано в более поздних источниках — явно не могли быть осуществлены в те далекие времена. Но если абстрагироваться от сомнительных деталей, то можно сказать, что суть реформ Гуань Чжуна сводилась к следующему. В столичной зоне был создан 21 район — *сян*, по три для ремесленников и торговцев и 15 для служилого населения, т. е. для воинов. Каждые пять из этих пятнадцати возглавлялись соответственно самим гуном и двумя его

влиятельнейшими сановниками и сторонниками, Го и Гао. Живя вместе, ремесленники, торговцы и воины должны были, по мысли Гуань Чжуня, учиться друг у друга ремеслу и проникаться корпоративными интересами — это призвано было способствовать повышению их квалификации. Что касается сельского населения, периферии царства, то там создавались поселения *и* — по 30 семейств, десятков таких и должен был составлять волость — *цзу* и т.д. вплоть до округа — *шу*, во главе которого должен был стоять сановник в ранге *дафу*. Каждый руководитель *шу* обязан был регулярно отчитываться о делах своего *шу*. Кроме того, существовали также инспектора, в обязанность которых входило знакомство с делами на местах.

Выполнение предписаний всей этой тщательно расписанной административной схемы было для той далекой эпохи нереальным; в лучшем случае ее можно принять за образец, не более того. Не исключено, что она была создана много позже и задним числом приписана Гуань Чжуну. Но стремление упорядочить администрацию, лежавшее в основе этой идеальной схемы, было вполне реальным и по многим пунктам осуществимым. А так как Гуань Чжун находился во главе циской администрации около сорока лет, то нет сомнений, что кое-чего в этом направлении он добился. Во всяком случае Ци за короткое время превратилось в сильное и крепкое государство с мощной армией и обрело огромное политическое влияние в Чжунго, что позволило Хуаньгуну играть решающую роль на политической сцене Поднебесной. Ци присоединило к себе ряд слабых соседних княжеств и подчинило своему влиянию практически все остальные. Хуаньгун покарал и потеснил многие варварские владения, преимущественно жунов, обнес новой стеной столицу чжоуского вана, страдавшую от варваров. Эти успехи способствовали росту его престижа, и в 680 г. до н.э. на совещании князей — *чжухоу* в знак уважения к его заслугам чжоуский ван официально присвоил Хуаньгуну высокочтимый титул *ба*.

Позднейшая древнекитайская историография выделяет три основные формы правления: *ди-дао*, правление легендарных древних мудрецов, обладавших наивысшими добродетелями; *ван-дао*, правление легитимных правителей, обладавших небесным мандатом; и *ба-дао*, правление нелегитимных, но могущественных правителей, отвечавших за порядок в Поднебесной тогда, когда ван не был в состоянии его обеспечить. *Ба* считались гегемонами, причем в их функции официально входило «поддерживать дом Чжоу» и защищать Чжунго от набегов кочевников-варваров. И, надо сказать, с обеими этими функциями Хуаньгун и особенно Гуань Чжун хорошо справлялись. Как было замечено в свое

время Конфуцием, который в общем-то не слишком симпатизировал Гуань Чжуну, если бы не Гуань Чжун, «мы все ходили бы с растрепанными волосами и запахивали халаты на левую сторону», т.е. уподобились бы варварам. Иными словами, Гуань Чжун и его царственный патрон гегемон-ба Хуань-гун в годы слабости и политического вакуума спасли Чжоу от активности жунов, придав Чжунго силу и порядок.

Совершенно естественно, что гегемон-ба сознавал свою силу, ощущал слабость и даже ничтожество чжоуских ванов, в чьем домене к тому же часто бывали междоусобицы, в которые Хуань-гун по своему статусу вынужден был вмешиваться, навводя порядок. По строгим меркам сформулированной Чжоу-гуном теории небесного мандата это означало, что чжоуские ваны либо лишились *дэ*, либо их *дэ* ослабло настолько, что Небу впору было задуматься, не передать ли мандат более достойному. В первой половине VII в. до н.э. более достойным в Чжунго был именно циский Хуань-гун: он навел порядок, усмирил варваров, сохранил в нормальном состоянии столицу чжоуского вана с ее обитателями, помогал всем нуждающимся в его помощи. И Хуань-гун не раз намекал на то, что он мало вознагражден за свои деяния, и даже намеревался было торжественно принести жертву Небу на священной горе Тайшань (это считалось прерогативой чжоуского вана, который, впрочем, не был в состоянии ее реализовать), но Гуань Чжун отговорил его от столь рискованного поступка.

Вся сложность и деликатность ситуации заключалась в том, что Великий Мандат Неба на деле был лишь сладостной идеей, ибо механизма реализации воли Неба не существовало. Добиться мандата силой было нельзя. А как доказать, что ты добродетелен настолько, что Небо должно предпочесть тебя пусть слабому, но отнюдь не погрязшему в пороках и пока еще легитимному чжоускому вану?

Стремясь к цели, Хуань-гун задумал и осуществил грандиозный поход на юг, в Чу, с целью унижить это могущественное царство и заставить его ответить за гибель чжоуского Чжао-вана. Но чуский правитель сумел ловко избежать ответственности, заметив, что в гибели Чжао-вана чусцы не виновны, ибо их в том районе вообще не было в ту пору, а чжоуского вана они чтут и готовы присылать ему положенную дань, о которой цисцы им напомнили. Поход завершился миром, а спустя несколько лет, в 651 г. до н.э., на съезде князей в Куйцю, приуроченном к 70-летию Хуань-гуна, уже раздавались голоса, что Хуань-гун слишком заносится.

Гуань Чжун тонко чувствовал ситуацию и далеко не случайно отговаривал своего патрона от рискованных шагов: чжухоу явно

не намерены были соглашаться с тем, что именно правитель Ци должен стать четвертым обладателем мандата. Чжоуский ван учел эту позицию Гуань Чжуня и встретил его в 649 г. до н.э. в своей столице с величайшими почестями, от которых смущенный гость решительно отказался. Но, как бы то ни было, гегемония Хуань-гуна подходила к концу: в 645 г. до н.э. умер Гуань Чжун, а в 643-м — сам Хуань-гун. После его смерти в Ци разгорелась ожесточенная борьба за власть, результатом которой было ослабление Ци. Место *ба* оказалось вакантным, и его попытался занять правитель Сун, заручившийся поддержкой ряда небольших княжеств. Однако царство Сун, несмотря на решительные и жесткие меры его правителя, было слишком маленьким, чтобы стать гегемоном. А так и оставшуюся вакансию через несколько лет занял цзиньский Вэнь-гун (Чжун Эр).

Цзинь было крупнейшим из царств Чжунго, но еще в 745 г. до н.э. его правитель имел неосторожность выделить своему дядюшке богатый удел в Цюйво, после чего правители Цюйво стали соперничать с легитимными правителями Цзинь. Борьба за власть, в которую вмешивался и ван, пытаясь положить ей конец, долгие десятилетия шла с переменным успехом, пока мятежники в конце концов не добились своего. Однако к этому времени Чжунго уже имело гегемона-*ба*, причем его формальный приоритет признавали все, включая ставшее вновь единым царство Цзинь.

В 677 г. до н.э. власть в Цзинь попала в руки Сянь-гуна, имевшего несколько сыновей, но решившего сделать наследником младшего из них, сына любимой наложницы из жунов Ли Цзи. Ли Цзи была властной интриганкой, и жертвой ее хитрых интриг стали старшие сыновья Сянь-гуна, вынужденные бежать в другие страны. Бежал и Чжун Эр, второй по старшинству. Источники красочно описывают одиссею Чжун Эра, около 19 лет странствовавшего по различным царствам, испытавшего и горечь унижения, и радость обретения поддержки. На его родине, в Цзинь, после смерти Сянь-гуна власть была передана следующему по старшинству (после Чжун Эра) сыну умершего, а затем его наследнику. Советники правителя, взявшие власть в свои руки, покончившие с Ли Цзи и ее сыном, не очень-то хотели возвращения Чжун Эра (правда, вначале они предложили было ему трон, от которого тот отказался). Но после длительных странствий Чжун Эр с помощью царства Цинь возвратился на родину, сверг с трона племянника и в 636 г. до н.э. взял власть в свои руки, став Вэнь-гуном.

Вэнь-гун, которому к этому времени было уже 62 года, с юношеской энергией принялся за реформы в собственном царстве, упорядочив администрацию и наказав виновных. Затем, используя военную мощь Цинь, он покарал тех правителей, которые

плохо отнеслись к нему в дни его странствий, и помог тем, кто содействовал ему. Проблема возникла, когда царство Цзинь столкнулось с Чу, правитель которого некогда хорошо принял Чжун Эра, за что тот обещал в случае военного столкновения в будущем трижды отступить и таким образом расплатиться за гостеприимство. Именно так он и поступил, но в конечном счете чужды все же потерпели сокрушительное поражение. Вэнь-гун часть своих богатых трофеев преподнес чжоускому вану, получив от него почетный титул *ба*.

Стоит заметить, что еще чуть раньше этого, в 635 г. до н.э., Вэнь-гун цзиньский оказал важную услугу вану, избавив его от очередного мятежного претендента на трон. Тогда ван предложил Вэнь-гуну в качестве награды некоторые земли, однако цзиньский правитель попросил другой милости: права после смерти быть вписанным в могилу по подземному переходу, что было прерогативой вана. Ван решительно отказал в просьбе, поучительно заметив, что ни одного из своих священных прав никому не уступит — разве что Небо само вручит Вэнь-гуну свой мандат. В этом случае он, ван, скромно удалится в дальние края.

Ситуация очень знакомая: как и циский Хуань-гун, цзиньский Вэнь-гун ощущал свою мощь, помогал вану выжить и вполне искренне считал, что именно он, а не слабый и беспомощный чжоуский ван должен быть как-то выделенным, пусть вначале хотя бы в форме обладания одной из прерогатив, положенных сыну Неба. Но, как и в случае с циским Хуань-гуном, чжоуский ван держался твердо, ссылаясь на небесный мандат, который формально оставался у него, ибо Небо не подавало знака об изменении своей воли. И Вэнь-гун был вынужден с этим согласиться, не получив в качестве утешения даже должности *ба*. Лишь в 632 г. до н.э., после разгрома Чу и преподнесенных вану трофеев, он стал *ба*. Но был им только четыре года, после чего скончался.

Следует сказать, что за те немногие годы, что Вэнь-гун провел на своем троне в качестве *ба*, он сделал немало, в частности любил, как и в свое время циские Хуань-гун и Гуань Чжун, успехов в упорядочении Чжунго и даже способствовал укреплению позиций вана. Достижения его оказались столь значительными, что после его смерти Цзинь еще на протяжении века — полутора оставалось сильнейшим из царств, так что его правители, фактически сохраняя за собой функции гегемона *ба*, заботились о наведении порядка в Чжунго, помогая отверженным или изгнанным законным правителям царств и княжеств и т.п. Но официально титулом *ба* эти правители обычно не обладали.

Китайская историографическая традиция исходит из того, что всего в чжоуском Китае было пять *ба*, называя при этом различные

имена в разных версиях. И действительно, в отдельных источниках подчас упоминается имя какого-либо из правителей, будто бы получившего от вана должность *ба*. Но это было уже позже, когда такая должность практически не имела значения. Главных же *ба* в чжоуской истории было только два, о которых было рассказано выше. Оба они сделали весьма важное общее дело: не дали распасться чжоускому государству в наиболее критическое для него время, в VII в. до н.э. Позже феномен политического вакуума исчез и был заменен борьбой сильнейших за преобладание — борьбой, в которой чаще всего на передний план выходило все то же могущественное царство Цзинь, длительное время выполнявшее функции государства-*ба*, хотя временами демонстрировали свою мощь и другие — Ци, Цинь, Чу и даже далекие южные У и Юэ.

2. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА КИТАЯ В VII–VI вв. до н.э.

Социально-политическая реальность раздробленного и поглощенного междоусобной борьбой Китая в период Чуньцю может быть истолкована в понятиях феодального общества и феодальной государственности. Речь не идет о феодализме как формации в рамках известной схемы, которая длительное время господствовала в отечественном обществоведении и все еще находится на вооружении в исторической науке КНР. Феодализм, в полном соответствии с принятым мировой историографией толкованием этого феномена, есть общественно-политическая система, характерная для децентрализованных государственных образований и отличающаяся определенным комплексом взаимосвязанных и взаимообусловленных институтов и идей, принципов и норм поведения, преобладающих типов социальных связей и ценностных ориентаций. В частности, имеются в виду существование аристократического родства и могущественных всесильных знатных кланов (феодальные дома или роды), опирающихся на наследственные крупные земельные владения (уделы, феодалы, вотчины), а также связанные с этим междоусобная борьба и местничество титулованной знати. Для структуры, о которой идет речь, характерно наличие таких институтов, как иерархия и вассалитет со строгим соблюдением кодекса чести и принципов аристократической этики, нормы рыцарской доблести, включая культ преданности господину, сюзерену, а также культ аристократизма.

Все эти важнейшие черты и признаки феодализма были характерны для чжоуского Китая периода Чуньцю, особенно в

VII—VI вв. до н.э. Ван не имел реальной власти за пределами своего домена, но сохранял сакрализованную харизму, считался сыном Неба и имел право на ряд важных привилегий, преимущественно ритуально-церемониального характера. Только он имел безусловное право на титул «ван» и был безусловным господином, сюзереном для всех своих вассалов, включая и могущественных гегемонов-*ба*. И если некоторые из потенциальных вассалов, как, например, правители Чу, самовольно начинали именовать себя ванами, это не признавалось в центре, в Чжунго, где самозванца по-прежнему именовали его старым титулом.

Как верховный сюзерен ван имел исключительное право инвеституры, и хотя это право во многом превратилось в формальность, оно тщательно сохранялось: специальные посланцы вана ездили в царства и княжества, дабы в торжественной обстановке в храме предков правящего рода вручить новому правителю жезл и другие аксессуары его власти. Сохранилось, хотя и в сильно урезанном виде, и право вана в некоторых случаях вмешиваться в дела царств, в частности назначать (или утверждать) крупнейших сановников в них.

Таким образом, связующим единством чжоуского Китая продолжал быть ван, сын Неба. Но подлинным властителем и в силу этого безусловным сюзереном для вассалов вана был *ба*, всевластный, но нелегитимный хозяин Чжунго. Эта малохарактерная для любой другой страны ситуация была привычной для Китая именно потому, что Китай со времен Чжоу-гуна был ориентирован на примат этического детерминанта и что поэтому в нем формально царил культ высшей этики, рядом с которой грубая сила занимала скромное второе место. Правда, здесь нужны некоторые оговорки. Данные источников свидетельствуют о том, сколь мало считались чжоуские аристократы с этическими принципами как таковыми: в жесткой борьбе за власть, ради желанного трона они обычно шли на любые интриги и поступки, вплоть до коварных убийств правителей, истребления целых кланов, в том числе родственных. Таким образом, в этом плане Китай ничем не отличался от других стран с их жестокими междоусобицами и взаимным истреблением знатных родов.

Можно добавить к сказанному, что не только высшие этические соображения и боязнь нарушить легитимность власти сдерживали гегемонов-*ба* от того, чтобы заменить собой фигуры чжоуских ванов, — этому мешало явственное нежелание князей-*чжоу* менять слабого, но легитимного правителя-вана на сильного и всевластного, зато пока что нелегитимного гегемона-*ба*. Нежелание подобного рода легко понять: давление нового сына Неба в таких обстоятельствах сказалось бы на каждом из них много

ощутимее, чем то, которое было при безвластном чжоуском ване. Однако, принимая все эти вполне практические соображения во внимание, нельзя не коснуться и этической, точнее, ритуально-этической стороны проблемы.

Конечно, высшая чжоуская владетельная знать пренебрегала элементарными этическими нормами в борьбе за власть, а князья не хотели давать слишком большую волю гегемону *ба*, предпочитая иметь в качестве сына Неба слабого вана. Но весь этот очевидный эгоистический расчет как бы останавливался при выходе событий на высший уровень ритуала, нормы которого были продиктованы незыблемой этикой Великого Мандата Неба. Эти нормы были не только нерушимы — они были священны. Это была высшая сакральная ценность чжоуского Китая. И потому вполне естественно, что все эгоистические расчеты отходили на задний план, а на передний выступало самое главное: на чьей же стороне сегодня Небо? И видны ли какие-либо признаки изменения его воли?

Видимых признаков не было. А чжоуские ваны и их умные советники делали все, что было в их силах, дабы убедить всех, что Небо еще на их стороне, причем именно потому, что они хорошо знают высший этический стандарт, старательно его соблюдают, да еще и, кроме того, пользуясь признанным своим старшинством, назидательно поучают всех тех, кто вольно или невольно от него отступал. В итоге в чжоуском Китае периода Чуньцю создавалась ситуация сосуществования двух высших сюзеренов: один царствовал и пользовался покровительством Неба, а другой реально управлял Поднебесной, но Небом как бы не был замечен. И все преимущества такого положения оказались на стороне того, за кем стояло Небо. В этом — в отличие от других аналогичных структур, например Японии времен сёгуната (XII–XVI вв.), — была специфика чжоуского Китая, определившая многие важные параметры развития китайской цивилизации и всего китайского общества в последующие века.

Все *чжухоу* считались наследственными властителями своих царств и княжеств, причем принцип наследования был аналогичен тому, который существовал в доме Чжоу, откуда он, видимо, и был заимствован: правитель мог назначить своим наследником любого из сыновей. Правда, после смерти правителя престол наследовал не обязательно тот из сыновей, кому хотел передать трон отец, а чаще тот, кто сумел преуспеть в борьбе за наследование и кому больше везло. Ван вручал победителю инвеституру. Такой порядок, естественно, многим не нравился, ибо способствовал нестабильности. Но, хотя на совещаниях князья подчас пытались изменить столь способствующую смуте ситуацию

и сделать нормой наследование старшими сыновьями законных жен, этот принцип примогенитуры, характерный для европейских феодальных монархий, в Китае так и не прижился. Зато укрепилась другая очень важная для чжухоу норма. Самой большой привилегией, делавшей их действительно хозяевами в собственном доме и превращавшей в суверенов в рамках своего царства или княжества, стало безусловное право создавать новые уделы, которым до 745 г. до н.э. пользовался один лишь чжоуский ван. Впрочем, нельзя сказать, чтобы князья этим правом злоупотребляли.

Дело в том, что создание удела, которым нередко становилось аннексированное соседнее княжество, влекло за собой рождение влиятельного клана *цзун-цзу*, глава которого становился наследственным владельцем удела-клана. Чаще всего, хотя и не обязательно, владельцы таких уделов (в крупном царстве за редким исключением их насчитывалось не больше шести, в средних и мелких — обычно не более трех—пяти) были *цинами*. Это и явилось причиной устойчивого представления, что цины — следующая после чжухоу ступень иерархической лестницы. На деле это не совсем так. Специальный анализ заставляет предположить, что должность цина (*шан-цин*, просто *цин*, *ся-цин*) предоставлялась либо высшим государственным деятелям в царстве, вроде Го и Гао в Ци, статус которых в свое время подтверждался волей самого вана, либо руководителям армий, а иногда, как в Цзинь, и их заместителям. Однако это не значит, что каждый из цинов имел свой удел. В том же Цзинь одно время цинами были стразы трое из клана Ци, занимавшие высшие воинские позиции в шести цзиньских армиях. Но тем не менее можно считать нормой, что наследственной знатью, владевшей уделами-вотчинами и возглавлявшей правящие кланы в этих уделах, были прежде всего те из восточножоуских аристократов, кто имел должность цина.

Должность цина была очень влиятельной, что хорошо почувствовали правители Лу, когда в VI в. до н.э. они практически вовсе лишились власти, которая была поделена между тремя цинами, их отдаленными родственниками. Словом, *чжухоу* достаточно быстро поняли, насколько невыгодно для них создание новых уделов, ведущее к ослаблению их власти. Таким образом, *цин* — это министерского или генеральского ранга должность, связанная с высоким статусом и наследственным владением уделом, с ролью главы клана или ближайших (как в цзиньском клане Ци) его родственников. Но при этом каждый цин оставался просто аристократом, т.е. личностью, имевшей право на звание *дафу* (большой человек).

Термином «дафу» в текстах именовали тех же цинов, равно как и аристократов более низкого ранга, владевших служебными кормлениями или получавших содержание (*лу*) из казны. Другими словами, понятие *дафу* перекрывало собой узкоспециальную и много реже встречавшуюся должность цин. Нередко в текстах, когда речь идет об аристократии высшего ранга, употребляется бином *цин-дафу*. Но при всем сходстве и порой взаимозаменяемости терминов «цин» и «дафу» между ними существовала и разница: цин обязательно был главой удела-клана, наследственным аристократом или его ближайшим влиятельным родственником, имевшим важную должность и владевшим частью этого удела-клана как наследственным и передаваемым по наследству имением, своего рода вотчиной.

Дафу мог занимать такое же положение, но редко, лишь в виде исключения. Как правило, дафу отличался от цина именно тем, что не имел вотчины, не был наследственным аристократом, а лишь пользовался, владел определенной частью территории удела-клана, часто городом с прилегающей округой, доходами с которой кормился. Иными словами, аристократы-дафу любого происхождения, включая и сыновей вана и чжухоу, были лишь должностными лицами, служившими своему сюзерену и получавшими от него содержание (кормление). Как правило, служили дафу прежде всего и главным образом в качестве воинов на боевых колесницах. Они либо имели свою колесницу, либо были помощниками сюзерена на его колеснице, что считалось очень почетным назначением. Впрочем, дафу, как и цины, в свободное от военных забот время имели и иные функции, занимая различные должности или выполняя отдельные поручения административного, дипломатического, ритуально-церемониального и иного характера.

Цины и дафу в период Чуньцю, прежде всего в VII—VI вв. до н.э., представляли собой если и не самый высший, то в любом случае очень высокий и весомый слой, элитную часть аристократии. Феодальная структура немыслима без оформления социального слоя аристократии, причем феномен аристократии имеет свои очевидные признаки, среди которых важную роль обычно играли элементы аристократической этики, благородства и куртуазности, которые в восточножозуэском Китае наиболее полно отражал термин «ли» (этика и ритуальный церемониал).

Цины и дафу были элитной частью чжоуской знати. Однако существовал и гораздо более многочисленный слой низшей аристократии. В источниках встречаются упоминания о том, как того или иного из этого слоя сделали дафу. Отсюда следует вывод, что помимо дафу (включая и цин) были и, так сказать, не титулованные

аристократы. По рождению они обычно принадлежали к тем же влиятельным и богатым удельным клановым группам и, получая соответствующее образование, воспитание и право принадлежать к знатым верхам, находились в числе нетитулованных вассалов и вначале не имели сводного обозначения. Лишь позже, в основном с VI в. до н.э., низшую часть чжоуской знати стали именовать емким термином «*шан*» (чиновник, воин, мужчина) и воспринимать как тот естественный фундамент титулованных правящих верхов, из которого чжоуская знать черпала своих верных помощников, ревностных исполнителей, преданных чиновников и слуг (слуг типа оруженосцев, но не прислуги!).

Стоит особо заметить, что восточночжоуская знать в отличие от средневековой европейской с ее строгой сословной замкнутостью не была закрытым сословием. Напротив, в ее число сравнительно легко попадали смелые воины, хорошо проявившие себя безродные приближенные того или иного правителя, порой даже из числа пленных инородцев. Правда, это не представляло собой массового явления, но и не имело характера исключения. Напротив, это было нечто вроде нормы: умные и способные должны всегда выдвигаться — таков закон китайского государства, китайской администрации. Впрочем, выходцы из иных слоев вслед за выдвижением обычно обретали уделы или кормления (города), формировали собственные кланы и быстро становились неотличимыми от остальных аристократов, ибо воспитывались в единых стандартах.

Междоусобные войны вели, как правило, к усилению крупных царств и аннексии малых и слабых. За годы Чуньцю, согласно подсчетам американского синоведа Суй Чжюня, можно насчитать многие сотни войн. Из 259 лет этого периода лишь 38 обошлись без них. Войны шли то в одном месте, то в другом, а порой и в нескольких сразу. Количество вовлеченных в них владений, если взять сводный индекс, равняется 1200, уничтожено и аннексировано — 110 владений (включая и мелкие варварские), так что к концу Чуньцю их осталось весьма немного. В следующий за ним период Чжаньго было всего семь крупных владений и еще очень незначительное количество небольших, включая такие, как домей вана или Лу.

Воевали главным образом аристократы, ибо основной силой в бою была колесница с тремя воинами — колесничим в центре (в момент сражения он мог остановить лошадь, закрепить удила и стрелять), копьеносцем справа (широкий простор для правой руки) и хозяином колесницы слева, имевшим достаточный маневр для использования различного оружия, прежде всего лука. За колесницей следовала вспомогательная группа, состоявшая

обычно из 10 воинов пехоты. Основной бой шел между колесничими, пехота самостоятельных функций не имела и лишь поддерживала знатных воинов, бравших на себя всю тяжесть сражения, — ситуация, весьма характерная и для рыцарских сражений в феодальной Европе. Интересно заметить, что в источниках нередко описываются казусы, свидетельствующие о том, что даже в бою не исчезала присущая знати рыцарская куртуазность. Так, порой аристократ приветствовал своего противника, особенно если это был высокопоставленный военачальник или сам правитель, со знатными пленными также обращались по-рыцарски и т.п.

Политика ведения войн была очень непоследовательной: сегодня войны велись с одним царством, завтра — с другим, иногда даже в коалиции со вчерашним противником. Пленников возвращали или меняли. Частые внутренние усобицы, заговоры и перевороты вели к тому, что обычным делом стало бегство аристократа из своего государства в чужое, а то и скитания по чужим странам. Не всегда скитальца встречали тепло, но всегда принимали, снабжали необходимым, иногда давали богатое кормление, порой и должность. Известен, по крайней мере, один случай, когда беглый аристократ из Чэнь получил в Ци заметную должность, а спустя несколько веков именно его потомки оказались правителями этого царства. Если прибавить к сказанному, что аристократов различных царств и княжеств порой связывали родственные и семейные узы (правда, это было более характерным для князей-чжухоу, нежели для цинов-дафу и тем более тех, кто стоял ниже их), что в промежутках между войнами велась активная дипломатическая деятельность и знатные представители царств и княжеств часто посещали друг друга, а также если принять во внимание, что все аристократы духовно, по статусу и воспитанию, стереотипам поведения и речи, традициям и культуре, ритуалам и церемониалу были весьма близки друг другу, то рыцарские формы общения с противником в бою не покажутся чем-то странным.

Аристократы были в центре внимания тех, кто писал летописи, а затем сводные исторические сочинения. Это и понятно: знать была властью, представители власти — основа любой государственности, летописи же и сводные труды посвящались в чжоуском Китае прежде всего описанию политических событий. Поэтому столь ярко обрисованы в них те, кто действовал на политической арене и находился в составе правящей элиты — *ваны* и *ба*, *чжухоу* и *цины-дафу*. О тех, кто был ниже дафу, применительно к VII-VI вв. в текстах говорится очень немного, хотя именно из них, среднего и низшего слоя знати, постепенно складывался мощный и со временем ставший фундаментом империи

социальный слой *ши*. Спецификой этого слоя было то, что он пополнялся не только за счет представителей боковых линий знати, которые в четвертом-пятом поколениях постепенно утрачивали свои генеалогические права на родство с высшими представителями аристократии, но и за счет честолюбивых и энергичных выходцев снизу — одно из важных значений термина *ши* — мужчина-воин — подтверждает именно это (вспомним о вспомогательных отрядах пехоты при колесницах в бою).

В распоряжении специалистов есть несколько типов социальных лестниц. Их схемы представлены в текстах, имеющих отношение к Чуньцю. Если свести их воедино, то складывается достаточно интересная и динамическая картина. Верхи, т.е. знать, правящий аппарат государств, — это *тянь-цзы* (сын Неба), *чжухоу*, *цины* и *дафу*. *Ба* как специально вычлененная категория в схемах отсутствует — это те же чжухоу. В схемах, относящихся к концу периода, все чаще дафу делятся на *шан-дафу* и *ся-дафу* — старших и младших. И отдельно упоминаются *ши* как самый низший слой управленческой аристократии. Далее в схемах отведено место простому народу — это крестьяне (*шужэнь*), ремесленники и торговцы (*гун-шан*). И наконец — слуги и рабы. Если сопоставить данные схемы с иными текстами, в частности с изложением проектов реформ Гуань Чжуня в Ци, то можно заметить, что слово *ши* вначале использовалось для обозначения воинов, позже стало употребляться также и для обозначения знати вообще (это хорошо видно, например, из текста трактата Или) и лишь в конце периода Чуньцю — для обозначения сформировавшегося слоя чиновничества, превратившегося в фундамент всей системы управления. Важно заметить, что в структуре Чуньцю торговцы и ремесленники, как и в предшествующие века, тоже были преимущественно, если не исключительно, на положении мелких служащих, живших в городах, работавших на заказ и получавших обеспечение в основном за счет казны. Если верить Сыма Цяню, и сам Гуань Чжун в молодости был такого рода торговцем, близким к своему господину и выполнявшим его поручения.

Таким образом, все варианты социальных лестниц в Чуньцю сводятся к тому, что существовали две основные социальные группы: с одной стороны, это были правящие феодальные верхи с обслуживавшими их воинами, торговцами и ремесленниками (т.е. специалистами по снабжению знати и воинов всем необходимым), а также слугами и рабами различных категорий, удовлетворявшими весьма многочисленные и все возрастающие потребности как аристократии, так и аппарата управления в государствах (все они были горожанами); с другой — крестьяне-*шужэнь*, жители деревень-общин. Обращает на себя внимание, что во всех

перечислениях — это сохранялось и впоследствии — слой земледельцев занимал место сразу же после правящих верхов и считался социально более высоким, чем все остальные (т.е. обслуживающий персонал, начиная с ремесленников и торговцев). Собственно, это и был народ, тот самый простой, производящий и обеспечивающий основные жизненные потребности государства народ, во имя которого и для блага которого — как это начало утверждаться еще до времен Конфуция и превратилось в нормативную формулу после оформления его доктрины и превращения конфуцианства в официальную государственную идеологию — только и существуют государства и аппараты управления ими во главе с правителями.

Здесь очень важно обратить внимание на то, насколько гармонично феодальная структура децентрализованного военно-политического образования вписывается в привычные для всего Востока принципы охарактеризованного некогда К. Марксом «азиатского» (государственного) способа производства. Если использовать этот марксистский аналитический термин для обозначения тех явлений, которые реально имели место в древнем мире, и, в частности, на традиционном Востоке, то становится очевидным, что до эпохи приватизации (т.е. в обществах, не знакомых с античного типа рыночно-частнособственнической системой отношений и обслуживающими эту систему институтами — развитым правом, охраняющим статус свободного гражданина и собственника; аппаратом власти, поставленным на службу общества и строю контролируемым правовыми нормами и соответствующими им процедурами; выборностью администрации и полной подотчетностью ее электорату, т.е. гражданам, имеющим избирательные права, и т.п.) господство «азиатских» (государственных) форм власти было абсолютным. Чаще всего это господство выражалось в виде существования централизованных государств и больших империй, созданием которой завершилась и эволюция древнекитайского общества. Но даже в тех не слишком частых и длительных случаях, когда на передний план выходила явно выраженная политическая децентрализация (независимо от той конкретной формы, которую она принимала, включая и феодализм), ситуация в целом не изменялась: «азиатская» форма власти-собственности оставалась «азиатской» (государственной). Отсутствие частной собственности оставалось «ключом к восточному Небу», а феодализм — никакой не формацией в привычном восприятии, но только и именно структурой, свойственной децентрализованному обществу (правда, не всякому децентрализованному обществу и не обязательно — но это уже совсем другой вопрос).

В текстах, касающихся политической истории Чуньцю, в том числе в летописях и комментариях к ним, о простом народе говорится мало и, как правило, вскользь. Это и понятно: крестьяне практически никакой роли в политической жизни той эпохи не играли, а основными действующими лицами выступали те, кто был связан со слоем управителей, будь то представители знати, воины, профессионалы-ремесленники, слуги или даже рабы, евнухи и т.п. Но в распоряжении синологов есть памятник народной литературы — сборник стихов, песен и официальных гимнов «Шицзин», где собрано немало данных о жизни простых людей, об их стремлениях и страданиях. Считается, что «Шицзин» был в свое время отредактирован Конфуцием, который из первоначальных примерно трех тысяч известных ему фольклорных и ритуальных произведений отобрал лишь 305, вошедших в сборник, позже канонизированный конфуцианцами и тщательно изучавшийся, как и остальные конфуцианские каноны, каждым новым поколением и особенно той его частью, которая стремилась сделать карьеру.

В народных песнях наибольшего по объему раздела книги — «гофын» (нравы государств) — собраны, по мнению специалистов, преимущественно произведения периода Чуньцю. Здесь преобладают обычные жизненные мотивы и темы — любовные, matrimониальные, жалобные, скорбные. Люди радуются скорой свадьбе, жалуются на разлуку с любимым или союз с нелюбимым, сетуют на жизненные сложности и невзгоды, тревожатся за ушедших на войну, скорбят о гибели близких и т.д. В песнях нередко бытовые мотивы — желание сшить любимому платье, готовность трудиться во имя блага близких, особенно престарелых родителей и малых детей. Есть жалобы на непосильный труд, упреки в адрес тех, кто сам не работает, а ест много и живет припеваючи (явные намеки на социальное неравенство), и угрозы бросить родные места и уехать далеко, где будет жить легче. Обращает на себя внимание тот факт, что практически нет песен о заботах и деятельности ремесленников и торговцев, рабов и слуг — людей, живущих интересами группы социальных слоев, прямо не связанных с земледелием.

Социальные мотивы в сборнике звучат весьма мягко:

В барашковой шубе с каймой из пантеры
Ты с нами суров, господин наш, без меры...

Зато ярко выражена лояльность и преданность, хотя и не без упрека:

На службе царю я усерден, солдат.
Я просо не сеял, забросил свой сад.
Мои старики без опоры...

В разделе од, где немало сказано о сильных мира сего, есть дидактические мотивы и поучения в адрес верхов и даже самого правителя:

Если пойдешь, государь, сам ты стезею добра,
Люди с тобой пойдут, сгинут и злоба, и гнев.

Стихи, песни и оды VIII—VI вв. до н.э., составляющие большую часть канона, — не документальный источник. Но тем не менее эти рифмованные строки весьма информативны, причем само отсутствие упоминаний о чем-либо уже говорит читателю о многом. Так, например, можно сделать вывод о том, что социально-экономическая структура Чуньцю еще почти не знала товарно-денежных отношений и рынка, хотя бы и контролируемого властями, — в лучшем случае в песнях можно встретить редкие упоминания о меновой торговле, известной человечеству с глубин первобытности. Нет упоминаний о деньгах, а в представлении людей богатство оказывается принадлежностью знати, т.е. должности, власти.

Отсутствуют и батальные мотивы. Конечно, «Шицзин» не эпос. Эпоса — особенно такого, как индийская Махабхарата или греческая Одиссея, — чжоуский Китай, где не принято было воспевать войны и героизм ратного подвига, вообще не знал, хотя они были чуть ли не ежедневной реальностью жизни. В песнях много жалоб на тяжелый ратный труд, но нет описаний сражений и воспевания победителей. Можно было бы подумать, что это результат редакции Конфуция, не уважавшего силу, в том числе и военную, и выше всего ставившего воспитание добрых чувств, этические нормы, гуманное отношение к людям и т.п. Но Конфуций со всеми его идеями — плоть от плоти китайской традиции, чем он и гордился. Дело, видимо, в том, что демифологизированная шанско-чжоуская традиция просто не была подходящей почвой для героического эпоса, тесно связанного с развитой и чуть ли не все собой вытесняющей мифологией.

Деление восточночжоуского общества на два основных вида социальных групп (земледельцы и все остальные) не следует воспринимать буквально, оно весьма условное. Тексты позволяют заключить, что четкой грани между земледельцами и городским населением, включая знать, не было. Анализ многих случаев использования в текстах термина «гожэнь» показывает, что заключенное в нем понятие охватывало представителей разных категорий горожан, включая и тех, кто имел поля неподалеку от столицы, где подчас апелляцией к гожэнь решались весьма серьезные проблемы. Что касается этих апелляций, то они отнюдь не были игрой в демократию. Гожэнь представляли собой реальную силу со своими интересами. Все они так или иначе служили правящим

верхам и зависели от них, ибо все городские жители — ремесленники, торговцы, слуги — напрямую были связаны с обслуживанием знати, работали по ее законам и кормились за счет осуществлявшейся ею как аппаратом власти редистрибуции избыточного продукта общества. В обстановке постоянных междоусобиц, войн и заговоров, переворотов, интриг и вообще политической нестабильности от этой массы *гожэнь*, от ее поддержки или несогласия многое могло зависеть.

Все это говорит о том, что постулат, согласно которому народ — основа, а правители обязаны заботиться о нем и считаться с ним, не был выдуман Конфуцием и его последователями. Напротив, принципы именно такого типа взаимоотношений между правящими верхами и производящими либо обслуживающими их низами складывались давно и утверждались на практике веками, вполне оправдывая себя как с точки зрения верхов, так и с позиции низов. И хотя по социальной позиции, образу жизни, характеру воспитания и поведения, да и по многим иным параметрам между аристократией и народом (особенно земледельцами) была едва ли не пропасть, на деле эта пропасть не была непреодолимой, ибо не зиждилась на сословной спеси верхов и сословной приниженности низов, что было столь характерным для феодальных структур средневековой Европы. И даже если политическая структура в Чуньцю не отличалась устойчивостью и стабильностью, положение дел в целом от этого не менялось. Низам в конечном счете было не очень важно, кто именно сядет на трон и кого из аристократов выгонят из родного царства. Зато верхам было важно заручиться поддержкой низов в случае угрозы со стороны врага или внутреннего заговора.

Вот эта-то зависимость, во всяком случае в большей степени верхов от низов, нежели наоборот, была, пожалуй, доминантой во взаимоотношениях между правящей знатью и управляемым ею народом. Нередко она камуфлировалась клановыми связями, весьма разветвленными и искусственно сохранявшимися в рамках *цзун-цзу*, в аристократических уделах-кланах, едва ли не во всех царствах. Однако закамуфлированность такого рода ничуть не противоречила реальной готовности всех членов клана, низы которого состояли из простых земледельцев, слуг, торговцев или ремесленников, даже рабов (живя в том или ином уделе-клане, и они считались как бы его членами, пусть самыми низшими), выступать вместе с господином за его интересы, отождествлявшиеся с интересами клана в целом. В текстах и в реальной жизни, которую эти тексты достаточно полно и адекватно отражали, абсолютно господствовала впоследствии очень четко сформулированная Конфуцием идея о том, что государство — это большая

семья. Имелось в виду то немаловажное и для всех вполне очевидное обстоятельство, что в рамках любого социально-политического образования верхи брали на себя функцию отца в масштабе не только своего клана (где иначе никто и не мыслил), но и государства в целом. Низы же выполняли функцию многочисленных домочадцев большой семьи, в которой у каждого свое дело и свои обязанности, но где вместе с тем все осознают себя членами большого, спаянного общими интересами коллектива, возглавляемого всеми признанным главой, отцом-патриархом.

Разумеется, представление о том, что государство и даже большой клан типа *цзун-цзу* — это просто большая семья, аллегорично не в меньшей мере, нежели представление о том, что правящий Поднебесной по Великому Мандату Неба правитель — сын Неба. И хотя эту аллегорию все вполне осознавали, она не мешала, а, напротив, помогала, в частности предотвращала превращение частей общества в замкнутые сословия и предоставляла шанс умным и способным, энергичным и амбициозным. А это с точки зрения стабильности и процветания любой структуры немалого стоит. И зафиксированная в канонах конфуцианства идея о том, что Поднебесная — для всех (*тянься вэй гун*), и идеи второго великого конфуцианца древности Мэн-цзы о том, что народ — это самое главное, а все остальное существует во имя его блага, что не понимающий этого правитель — не правитель и заслуживает низвержения, в конечном счете восходят именно к представлениям о неразрывности верхов и низов. И правящие верхи, и производящие либо обслуживающие низы — части единого социально-родового тела, единого живого организма. Разумеется, у головы этого организма одни функции, у остального тела и особенно его рабочих частей, прежде всего рук и ног, — другие. Но все взаимозависимо, все равно необходимо для нормального функционирования организма в целом.

Организмический взгляд на социум не был в истории китайской мысли чересчур навязчивым, но подспудно он едва ли не всегда существовал и оказывал свое воздействие, постоянно напоминая о внутреннем единстве и непременной взаимозависимости верхов и низов. Но, постулируя такого рода единство и взаимозависимость и тем самым сыграв существенную роль в том, что социально-политическая структура Чуньцю не превратилась в систему замкнутых сословий, традиционный китайский взгляд на верхи и низы общества тем не менее всегда отчетливо видел разницу между теми и другими. И разница эта в конечном счете сводилась к тому, чем мыслящая голова отлична от работающих рук и ног единого организма.

Веками складывавшаяся чжоуская феодальная знать, наследственная аристократия с ее высокоразвитыми принципами и нормами ритуального церемониала, рыцарской этики и т.п. была своего рода эталоном, ориентиром для всех остальных. Однако представители правящего слоя отнюдь не всегда придерживались норм этики и соблюдали церемониал, а что касается добродетели многих его представителей, то о ней в условиях кровавых междоусобных схваток, заговоров и переворотов, коварных убийств близких родственников, включая отцов и братьев, не стоило бы всерьез и говорить, если бы не тексты, подобные «Или». Имеются в виду тексты, упорно напоминавшие о традиции, опиравшиеся на нее и тем самым укреплявшие ее, отметавшие все ее нарушения как нечто второстепенное, досадное, но не слишком существенное. Значимость такого рода текстов — а их было немало — в том, что все они как бы напоминали: жизнь есть жизнь и в ней произойти может все что угодно, но норма остается нормой. И всем новым поколениям следует ориентироваться именно на нее. При этом имелось в виду, что норма была чтимой и обязательной для всего народа, а не только для знати. Но для того, чтобы народ ориентировался на традицию, на древнюю норму и воспринимал все отклонения как досадные помехи, нужна была целенаправленная идеологическая индоктринация. И эта индоктринация стала реальным фактом жизни чжоуского Китая уже в период Чуньцю. Впрочем, для этого были и иные серьезные причины, о которых стоит сказать особо.

3. ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЖОУСКОГО КИТАЯ

Рационализированная, демистифицированная и демифологизированная в своей глубинной основе ментальность высших слоев сыграла едва ли не решающую роль как в судьбах восточно-чжоуской государственности, так и в истории Китая в целом. Дело в том, что суеверия и верования крестьянских низов находились на достаточно примитивном уровне ранних религиозных систем и не могли оказать существенного воздействия на религию верхов. Религия же верхов (начиная с приносивших жертвы *шан-ди шанцев*) оказалась в Чжоу, особенно после трансформации шан-ди сначала в Шанди, а затем в Небо, весьма специфическим феноменом. Ей не были свойственны ни развитый миф, ни культ полубожественных героев-демиургов, ни сотериологические идеи спасения в загробном мире, ни идея молитвы во имя избавления от грехов. У нее не было церковной организации, священных догматов, классических канонов. В некотором смысле можно сказать,

что древнекитайской религии не существовало вообще, а вместо нее были постепенно отмиравшие либо трансформировавшиеся элементы раннерелигиозной системы первобытных времен, имевшие хождение в основном среди социальных низов.

Эквивалентом отсутствующей официальной религии развивавшегося государства стали аристократическая этика и ритуальный церемониал. Высшим сакральным авторитетом было всемогущее, но недоступное Небо. Ритуально-этическая связь с Небом по-прежнему (как то бывало и в Шан с предками шан-ди) осуществлялась прежде всего самым ваном, а основополагающая идея небесного мандата, тесно связанного с добродетелью-благодатью *дэ* в правящем доме, была при всей своей рациональности едва ли не единственной религиозно-мистической доктриной, определявшей мировоззрение правящих верхов, а через них — и всего чжоуского Китая. Впрочем, мистики и здесь было немного, ибо адаптивный характер связи сына Неба с Небом был вполне очевиден. Разработка этой системы шла, естественно, по линии создания документальной основы превосходства вана как высшего носителя *дэ*, как символа, продолжавшего сохранять некое высшее социально-культурное единство чжоуского Китая.

В отличие от писцов-грамотеев в ближневосточной древности, озабоченных прежде всего хозяйственной отчетностью на храмовых землях, или брахманов в Индии, обычно в устной форме фиксировавших ведические сказания и комментарии к ним, составители документов в эпоху Чжоу были прежде всего чиновниками-летописцами или чиновниками-историографами. И если в западночжоуские времена на их долю выпадало главным образом создание текстов типа инвеституры или краткого описания заслуг, важных событий (надписи на бронзе), то в VII–VI вв. именно их усилиями начали изготавливаться документы иного рода. Речь идет о так называемых главах второго слоя «Шуцзина», датируемых как раз этим временем. Главы эти, насколько можно судить, писались специалистами своего дела при дворе вана, в его столичном архиве, а главной целью их составления было доказать, что высшее право на власть в Поднебесной должно остаться за легитимным ваном, а также объяснить, почему это важно.

Сравнение с мифами ханьского времени, собранными и изданными в Китае сравнительно поздно, когда были учтены устные предания различных народов, вошедших в состав империи, показывает, что составители глав второго слоя «Шуцзина» щедро черпали из того же источника — те же или схожие имена, сюжеты и т.п. Но сравнение с ханьскими мифами показывает, как тщательно чжоуские историографы «очищали» древние предания, лишая их мифогероической и мифопоэтической основы и придавая

им звучание строго выверенных легендарных повествований, претендующих на полную достоверность. Псевдоисторические реконструированные рассказы были затем умело выстроены в линейно-циклический ряд в строгом соответствии с нормами и принципами теории небесного мандата и соответствующего восприятия в Китае глобального исторического процесса. Главным же итогом всей работы, о которой идет речь, было создание представления о золотом веке далекого идеализированного прошлого, который воспринимался как мир Высшей Гармонии и Абсолютного Порядка.

Нынешний текст «Шуцзина» начинается именно с глав, рассказывающих об этом. В первых из них идет речь о великих древних мудрецах Яо и Шуне. Яо был первым из легендарных императоров древности, о его деяниях рассказано немало и с нескрываемым восхищением. Он был воплощением высшей добродетели и выдающихся способностей. Его заслуги неизмеримы и неисчерпаемы. Яо упорядочил летосчисление, создал и укрепил империю, привел в состояние гармонии сперва своих близких родственников (девять кланов — *цзу*), затем свой народ (*байсин*, т.е. сто фамилий), а потом и весь мир, т.е. Поднебесную (в данном случае употреблено сочетание *ваньбан*, все государства). После этого в Поднебесной наступила эпоха процветания и начался тот самый золотой век гармоничного порядка, о котором ностальгически вспоминается в первой главе «Шуцзина».

Мудрый Яо умело подобрал себе помощников, прислушиваясь при этом к мнению людей. Он не передал власть своему сыну, в способностях которого сомневался, а выбрал в преемники мудрого и добродетельного Шуня, зарекомендовавшего себя почтительностью к сварливым родителям и злым родственникам, умеренностью в образе жизни, исполнительностью, а также некоторыми административными способностями. Дав ему в жены двух своих дочерей, Яо еще раз проверил способности Шуня управляться с людьми, в данном случае с семьей, и, убедившись в том, что не ошибся, передал ему на склоне лет власть. После смерти Яо Шунь стал полным правителем Поднебесной и продолжил дело Яо. Он окончательно наладил отношения в семье, навел порядок в администрации и позаботился о системе наказаний, а также о регулярном контроле за работой аппарата власти. Шунь определил сферу действий своих помощников, унифицировал регламент, знаки власти, ритуалы, разделил Поднебесную на двенадцать регионов и приказал назначенным возглавлять их правителям управлять достойно, опираясь на способных и умных.

Как и Яо, Шунь передал свою власть не сыну, а наиболее достойному и умному из своих помощников. Им оказался Юй,

великий усмиритель разбушевавшейся природы, укротитель водной стихии. Специальной главы о Юе в «Шуцзине» нет, да и вообще в отличие от Яо и Шуня он более похож на культурного героя, каких китайская мифология не знала и не прославляла. Юй в этом смысле блестящее исключение. Он вошел в историю не как умелый управитель, ибо все необходимое в этом плане до него успешно сделал и Яо и Шунь, но именно как герой, чьи подвиги в борьбе с разбушевавшейся водной стихией в конечном счете не только послужили на благо людям, но и как бы завершили общее дело, поставили точку на всем нелегком процессе социокультурных преобразований и политико-административных установлений, т.е. достроили стройное царство Гармонии и Порядка в Поднебесной.

Юй передал власть своему сыну, и именно от него пошла, судя по главам второго слоя «Шуцзина», та самая династия Ся, о которой в немногих словах, скорее постулируя контуры, нежели излагая факты, впервые завел речь еще Чжоу-гун. Теперь в изложении историографов периода Чуньцю династия Ся выглядит уже достаточно убедительно. Основал ее великий Юй, продолжали дело Юя его преемники, и так было вплоть до последнего из них, презренного Цзе (имя его впервые появилось только в главах, о которых сейчас идет речь). Цзе утратил дэ династии Юя и тем привел Ся к гибели, заставив великое Небо отобрать у него мандат и передать его добродетельному шанскому Чэн Тану.

Так к VI в. до н.э. стала выглядеть легендарная предыстория Китая — та самая, которой столь мало интересовались шанцы и которую столь возвеличили в своих интересах чжоусцы. И не так уж важно, откуда взялись имена и деяния. Сыма Цянь в своей капитальной сводке упоминает о том, что среди тех, кому в начале Чжоу были даны уделы, можно встретить потомков Яо, Шуня и Юя. Видимо, это так и было, причем вполне вероятно, что предания соответствующих племенных групп были использованы при составлении легендарной предыстории. В конце концов не так уж и важно, существовали ли на самом деле правители или вожди, именовавшиеся этими именами, совершали ли именно они те или иные поступки, которые впоследствии были им приписаны. Важно совсем другое: предыстория должна была обрести славные имена великих мудрых правителей и выдающиеся их деяния. Таким образом должна была быть создана дидактическая модель золотого века, которая могла бы служить эталоном для следующих поколений. И эта модель была создана до середины VI в. до н.э., т.е. до Конфуция, который, как известно, в свое время восклицал: «О, сколь велик был Яо как правитель! Небо велико, и лишь Яо соответствовал ему... Сколь славны его дела!.. Сколь величественны Шунь и Юй!»

Показательно, что главы второго слоя «Шуцзина», писавшиеся в годы политической децентрализации и феодальных междоусобиц периода Чуньцю, являют собой наглядный контраст убогой реальности заговоров, интриг, переворотов и далеких от добродетели норм поведения правящих верхов чжоуского Китая. Но подтекст этих умело сконструированных и оказавших свое воздействие в первую очередь на те же верхи глав очевиден: вот он, истинный эталон добродетели и гармонии, вот к чему следует стремиться, вот какой была и вновь должна стать Поднебесная! Возвеличенные, искусственно поднятые на недостижимый пьедестал Высшая Гармония и Мудрый Порядок не только опирались на всеми уважаемую, никем не подвергавшуюся сомнениям идею небесного мандата, но и, отталкиваясь от этой идеи, заново формировали во многом утраченный менталитет подданных властителя Поднебесной. Этот менталитет был оживлен идеалами золотого века в их наглядной и конкретной форме. Тем самым формировался мощный социопсихологический заряд, направленный против децентрализации с ее раздробленностью и усобицами, своекорыстием и аморальностью рвущихся к власти честолюбцев.

Историографы — *шан*, создавшие идеал золотого века, были не столько чиновниками вана, выполнявшими его социальный заказ, сколько идеологами сильного государства, без которого нет политической стабильности, господствует беспорядок и дисгармония в отношениях между людьми.

Следует добавить, что помимо теоретической разработки идеи гармонии, порядка и единства Поднебесной с ориентацией на мудрость древних чжоуские ваны делали все, что было в их силах, дабы противостоять децентрализации или нелегитимному сплочению страны под властью гегемонов-*ба*. Чжоуским ванам, среди которых в период Чуньцю, насколько можно судить, не было выдающихся личностей, нелегко было отстаивать свой суверенитет и высший сакральный статус сына Неба. Но они изо всех сил старались сохранить свое исключительное положение и по меньшей мере частично в этом преуспели. Они не позволили первым двум всесильным гегемонам-*ба* сместить их. Они все время подчеркивали исключительность своих прерогатив и строго соблюдавшегося корпуса ритуально-церемониальных норм, в конечном счете высоко ценившихся аристократией царств, стремившейся их усвоить и бесспорно признававшей превосходство вана в этой сфере.

Таким образом, и теоретические разработки на высшем уровне идеологических конструкций, и практические шаги в сфере ритуала и церемониала, во многом выполнявшей в чжоуском Китае функции отсутствовавшей в стране развитой религиозной

системы, решительно противостояли центробежным тенденциям чжоуского общества. Это противостояние, опиравшееся на теорию небесного мандата и на добавленные к ней усилиями чжоуских историографов идеалы золотого века великих древних мудрецов, постоянно рождало мощный импульс упорядочения Поднебесной, подчинения своеволия чжухоу единой высшей нормативной традиции и возглавляемой сыном Неба административной иерархии. Такого рода постоянное идейное давление сверху было союзником слабого вана в его борьбе с могущественными вассалами. Но в еще большей степени оно было импульсом в пользу централизации как таковой — вне зависимости от того, кем и когда она будет завершена.

Это последнее обстоятельство стоит подчеркнуть особо. Дело в том, что внутри царств и княжеств в Чуньцю происходил аналогичный всеобщему восточночжоускому процесс внутренней дезинтеграции и ослабления центральной власти. Могущественные вассалы из числа наследственных владельцев уделов и глав крепких кланов *цзун-цзу* активно противостояли своим сюзеренам-чжухоу, что становилось особенно очевидным в тех государствах и тогда, где и когда правители по тем или иным причинам оказывались ослабленными, как то было в царстве Лу. Поэтому интеграционный импульс был обращен не столько против чжухоу (хотя он противостоял прежде всего их самовластию) сколько вообще против децентрализации и дезинтеграции, свойственных структуре древнекитайского общества периода Чуньцю. Этот импульс и сыграл свою решающую роль в судьбах чжоуского Китая.

Глава III

ВОСТОЧНОЕ ЧЖОУ: ПЕРИОД ЧЖАНЬГО

1. ОТ ЧУНЬЦЮ К ЧЖАНЬГО: УСИЛЕНИЕ ЦЕНТРОСТРЕМИТЕЛЬНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ

Если начало Восточного Чжоу и первая половина периода Чуньцю, т.е. основная часть VIII и VII вв. до н.э., прошли под знаком становления феодальной структуры, то во второй половине Чуньцю, начиная примерно с конца VII в. до н.э., чжоуский феодализм вступил в полосу стагнации и трансформации. Этот процесс прослеживается по нескольким основным направлениям, создавшим вкуче мощный центристский импульс, противостоять которому центробежные силы были уже не в состоянии. Процесс стагнации и трансформации в общих чертах сводился к созданию предпосылок для возникновения мощной централизованной имперской бюрократической структуры.

Как о том уже говорилось, первоначал к преобразованиям был дан в одной из наиболее значимых для любого общества сфер — в сфере духовной культуры, и прежде всего идеологии, ритуально-этической традиции, игравшей в чжоуском Китае роль официальной религии. Социальные идеалы, воспетые в главах второго слоя «Шуцзина», равно как и строго сформулированные нормы ритуального церемониала, несли в себе мощный заряд общечжоуского культурного единства. И хотя такого рода заряд не всегда является решающей силой, что доказывает пример Индии, где единый религиозно-культурный фундамент никогда не мешал сосуществованию многих государств и языковых общностей, как первоначал он мог сыграть, и в условиях чжоуского Китая, действительно, сыграл свою важную роль, быть может, далеко не сразу всеми осознанную. Можно добавить к сказанному, что (в отличие от древнеиндийской) древнекитайская идеология не была отстранена от реальной жизни, напротив, именно ею прежде всего и главным образом занималась, что, безусловно, способствовало усилению значимости идейного импульса.

Параллельно с идейно-ментальной шла, а в некоторых отношениях была и более значимой социально-политическая трансформация. За век-полтора правители-чжухоу убедились в том, что создание могущественных уделов-кланов и укрепление позиций наследственной клановой знати (цинов и дафу) ведут к ослаблению их собственной власти, не говоря уже об уменьшении доходов.

Результатом этого было прекращение создания новых уделов-кланов и стремление сократить количество уже имеющихся. И если вначале в некоторых царствах, таких, как Цзинь, была сделана попытка заменить близкородственные уделы-кланы неродственными правителю, то позже выяснилось, что такая замена мало что изменяет: традиции брали свое вне зависимости от степени родственной близости удельных кланов к дому правителя. Логично, что в стремлении укрепить свою слабеющую власть правители в большинстве царств взяли курс на уничтожение уделов-кланов, а вместе с ними и наследственной знати как таковой. Взамен они все чаще и охотней использовали выходцев из низшей прослойки чжоуской аристократии, т.е. чиновников и воинов из слоя *ши*. В отличие от цинов и дафу *ши* во второй половине периода Чуньцю к наследственной знати отношения не имели, на аристократические привилегии и кормления претендовать не могли. Единственное, чего они могли достичь, — это назначения на чиновную должность, которая хорошо оплачивалась, вначале чаще всего тоже кормлениями, но на условиях беспрекословного повиновения административному начальству. Кормления для чиновников-*ши* стали условными служебными пожалованиями: служишь — пользуешься пожалованным. Иными словами, чиновники-*ши* начали полностью зависеть от формировавшейся администрации, аппарата власти государства.

Таким образом, процесс дефеодализации социально-политической структуры чжоуского Китая периода Чуньцю проявлялся в том, что уменьшалось число могущественных уделов-кланов внутри царств. В одних случаях это происходило за счет распада некоторых из царств, в первую очередь могущественного Цзинь, которое в V в. до н.э. разделили между собой три самых влиятельных в нем удела-клана, Хань, Чжао и Вэй₂ (это иное Вэй, отличное от древнего удела и обозначавшееся другим иероглифом), каждый из которых стал затем одним из семи сильнейших в период Чжаньго. В других царствах процесс ослабления влиятельных уделов-кланов шел преимущественно за счет деградации клановой структуры как таковой. Могущественные кланы в уделах-вотчинах исчезали, различные их линии активно враждовали друг с другом, а внутри уделов появлялись обычные подданные. Среди этих подданных увеличивалось количество горожан, *гожэнь*, вмешательство которых в государственные дела все учащалось и за лояльность которых все чаще приходилось бороться враждующим линиям.

Стоит заметить, что это вмешательство чаще всего было в пользу сильных в их борьбе за централизацию власти. И князья-*чжухоу*, и правители усиливавшихся благодаря междоусобным войнам сильных уделов (подчас равных средним царствам и княжествам)

стояли за укрепление власти правящих верхов и комплектовали свои административные аппараты уже не за счет близких родственников из числа цинов и дафу, как то бывало прежде, но, как упоминалось, чиновниками-*ши*, чьи родственные связи не имели значения и не принимались во внимание, кто служил за жалованье там, где его взяли на службу, нередко в чужом царстве. Что же касается цинов и дафу, то их количество и тем более могущество быстро сходили на нет. Часть их была уничтожена в продолжавшихся войнах, особенно в междоусобных битвах, остальные постепенно превращались в тех же чиновников с условными служебными владениями. В конце Чуньцю дафу было уже сравнительно невысокой должностью, которая могла сопровождаться лишь жалованьем, подчас достаточно скудным, как это было, например, в случае с Конфуцием.

Социально-политическая трансформация шла бок о бок с административно-политической. Суть ее была в том, что взамен аннексированных уделов или княжеств все чаще создавались уезды — *сяни*, во главе которых вначале оставляли прежних правителей, но в новом статусе: это был уже не всевластный аристократ-вотчинник, но управляющий уездом высокопоставленный чиновник. Позже во главе *сяней* обычно ставили простых чиновников-*ши*, получавших за свою службу жалованье из казны (право на служебное кормление постепенно отмирало, сохраняясь лишь для высших немногочисленных сановников из тех же *ши*). Превращение удельно-вотчинной клановой структуры в административно-территориальную с чиновниками-*ши* во главе уездов сыграло очень важную роль в процессе дефеодализации чжоуского Китая. Изменился характер городов, которые быстро превращались в торгово-ремесленные центры, переставая быть ставкой знатного аристократа. Описываемый процесс был также тесно связан с важными социально-экономическими изменениями, которые тоже внесли свой весомый вклад в трансформацию чжоуского общества.

Социально-экономические перемены в Чуньцю шли медленно, особенно в VIII–VII вв. до н.э. И далеко не случайно в песнях канона «Шицзин» почти не встречаются упоминания о деньгах, торговле, ремесленниках, горожанах. Процесс приватизации в чжоуском Китае начался сравнительно поздно и стал заметным не ранее VI в. до н.э. Именно этим временем датируются сообщения о реформах, проводившихся в разных царствах и сводившихся к изменению характера и форм налогообложения, что свидетельствовало об упадке прежней семейно-клановой общины и появлении вместо нее новой по формам ведения хозяйства деревенской общины, разделенной на хозяйственно-самостоятельные мелкие

дворы-домохозяйства. Источники, касающиеся этого времени, все чаще упоминают об определенном количестве общинных деревенек и, жалующихся в кормление тому или иному должностному лицу, причем иногда упоминается и о количестве дворов как объекте пожалования.

Приватизация, коснувшаяся прежде всего бывших уделов-кланов с их замкнутыми хозяйствами, привела к появлению групп населения, частично или полностью работающих на рынок. Процесс возникновения рынков в городах, становившихся центрами приватизированной экономики, шел медленно, как и развитие торговли, появление и распространение денег, вначале существовавших в нескольких разных формах в различных царствах. Сколько-нибудь заметным он стал лишь в период Чжаньго (V—III вв. до н.э.), когда в чжоуском Китае появилось уже много городов с работающими на рынок ремесленниками и торговцами, причем значительная часть деревенских жителей тоже оказалась вовлеченной в рыночное хозяйство. Именно в период Чжаньго в Китае, судя по многочисленным данным источников и сетованиям в них от имени ревнителей традиций, появились богатые простолюдины, а рядом с ними — безземельные арендаторы и батраки-наемники. Наемный труд, долговая кабала, богатство одних и бедность других вне зависимости от причастности их к власти и знати — естественное следствие процесса приватизации, развития рынка и товарно-денежных связей.

Меньше всего сферой рыночных отношений была затронута общинная деревня. Консерватизм земледельцев хорошо известен, причем этот здоровый консерватизм проявлялся в чжоуском Китае, как и на всем Востоке, в том, что община с крайней неохотой давала санкцию на отчуждение земли кем-либо из ее членов. Применительно к Чжаньго сообщений о такого рода сделках вообще нет, и косвенно это означает, что общинные земли, как правило, не продавались и в сферу рыночных связей не включались. Это не значит, однако, что община не изменялась. Напротив, в эпоху перехода от Чуньцю к Чжаньго (VI—IV вв. до н.э.) такого рода изменения были весьма заметными. Количество земледельцев возрастало быстрыми темпами. Появление в Китае железа и начало широкого применения изделий из него способствовали возделыванию залежных и целинных земель, до того почти не осваивавшихся жившими в районе речных долин чжоусцами. Началась практика массового перемещения избыточного или недовольного своей жизнью земледельческого населения на новые места, о чем упоминается в «Шичзи».

Результатом освоения новых территорий был своего рода демографический взрыв, т.е. резкое увеличение количества населения в

период Чжаньго. Это хорошо видно хотя бы на примере изменения характера войн, о которых столь часто и подробно говорится в источниках. Если в Чуньцю войны велись по преимуществу аристократами на колесницах (с некоторым количеством обслуживавшей колесницы пехоты) и в них принимали участие тысячи, редко десятки тысяч воинов, то в Чжаньго войны представляли иную картину. Ушли в прошлое боевые колесницы вместе с их хозяевами-аристократами. Основой боевых действий стала пехота, состоявшая из рекрутов (один двор в деревне поставлял рекрута, несколько других экипировали его и обеспечивали всем необходимым). Число участников сражений достигало уже многих десятков, а порой и сотен тысяч, да и численность каждого из семи крупных царств Чжаньго измерялась миллионами жителей. С IV в. до н.э. северное царство Чжао переняло у соседей-кочевников их форму одежды (штаны для воинов) и по их примеру стали использовать лошадей для езды верхом, применяя необходимые для этого седла, стремяна и т.п. Начиная с этого времени наряду с пехотой в войнах стали участвовать и конники, хотя этот вид воинов в Китае всегда оставался малочисленным и воспринимался как своего рода гвардия.

Демографические перемены оказали сильное воздействие на развитие рыночных отношений и всех новых приватизированных форм ведения хозяйства. В этой связи стоит заметить, что процесс приватизации и развития рынка вызывал в обществе преимущественно негативную реакцию. И это было результатом не столько ностальгии по добрым старым временам (хотя такого рода фактор играл свою роль), сколько опасений, связанных с усилением власти отдельных частных лиц, обладающих богатствами и потому определенным могуществом. Следовало как-то ограничить это могущество, что стало едва ли не первоочередной задачей правителей чжоуского Китая после того, как могущество родовой аристократии было окончательно сломлено и власти правителей и их чиновников ничто не угрожало.

Процесс существенной трансформации всей структуры древнекитайского общества, наметившийся и проявившийся уже в VI—IV вв. до н.э., на рубеже Чуньцю и Чжаньго, поставил перед чжоускими верхами немало новых и весьма сложных проблем. Это был своего рода вызов эпохи, на который следовало дать адекватный ответ, ибо без этого общество не могло дальше существовать. Но каким должен был быть этот ответ? Что следовало сделать, на чем должен был быть поставлен акцент, какие необходимо было приложить усилия, чтобы в новых и достаточно резко изменившихся обстоятельствах чжоуский Китай не просто выжил, но и сделал бы решающий шаг для достижения всегда желанных гармонии и порядка?

Здесь важно заметить, что в царствах чжоуского Китая периода Чуньцю идеал гармонии и порядка рассматривался и оценивался по-разному. Существовали по меньшей мере две модели, различавшиеся между собой целями и средствами достижения желаемого идеала. Первую из них можно было бы назвать моделью Чжоу-Лу, вторую — Ци-Цзинь. В чем сущность каждой из них и в чем различия между ними?

Дом Чжоу, или домен вана, был тем сакральным центром, величие которого уже в Чуньцю оставалось в прошлом. Отсюда ностальгия по далекому прошлому, стремление твердо держаться традиций старины, ибо только они давали легитимное право вану на власть и этическое превосходство знающего ритуалы и нормы чжоуского дома над чжухоу и тем более над претендующими на высший авторитет выскочками-ба. Именно в Чжоу, как о том уже шла речь, и велась работа над главами второго слоя «Шуцзина» со всей их идеологией, с отстаивавшими легитимность дома Чжоу идеалами времен Яо, Шуня и Юя. Впрочем, как это ни парадоксально, о доме Чжоу в Чуньцю мало что известно, а редкие материалы об этом в хронике «Чуньцю» и комментариях к ней, включая Го юй, позволяют судить лишь о том, что ван старался всеми силами сохранить свой высокий и защищенный признанной всеми легитимностью статус. Лишь косвенные данные позволяют судить о том, что в столице вана был, видимо, солидный архив (по преданию, в нем работал в свое время и полубогатый мудрец Лао-цзы), что там жили придворные историографы и что в задачу работников историописания и архива могли входить, в частности, разработки основ чжоуской официальной идеологии.

Больше известно о Лу — и потому, что это был удел великого Чжоу-гуна, и потому, что это была родина Конфуция. О луских архивах в источниках есть лестные отзывы со ссылкой на высокопоставленных приезжих гостей, в частности из Цзинь. Луские историографы писали хронику «Чуньцю». Правители Лу как потомки Чжоу-гуна имели официально признанные привилегии в сфере ритуала, что отражено, в частности, в гимнах Шицзина — в них есть только шанские, чжоуские и луские ритуальные гимны, больше никаких. Естественно, что правители Лу столь же тщательно, как и дом вана, хранили традиции старины, столь многое для них значившие. Их родство с домом вана и общие интересы в определенной степени сближали между собой эти два государства, что и легло в основу чжоу-луской модели идеалов. Естественно заметить, что еще до Конфуция, с именем которого связана детальная разработка, углубление и придание нового звучания этой модели, она уже в основных своих параметрах возникла и

существовала. Более того, можно сказать, что не Конфуций возвысил лускую модель, обеспечив ей в конечном счете признание и бессмертие, а чжоу-луская модель породила Конфуция, сделала его таким, каким он был.

Сказанное означает, что чжоу-луская модель идеалов сводилась к тщательному уважению традиций старины, воспеванию мудрости древних, подчеркиванию чжоуской легитимности, уважению наследственной аристократии с ее кланами и этическими принципами, воспеванию патерналистской формулы государственности (государство — семья; правитель — отец родной), эволюции в сторону гармонии на этической основе, культу древности, уважению к заповедям старины. Это была своего рода протоконфуцианская модель организации общества и государства, модель с некоторыми явными элементами социально-политической утопии, особенно если иметь в виду неприглядную политическую реальность и в доме вана, и тем более в раздиравшемся всесильными сановниками на части княжестве Лу.

Вторая модель, ци-цзиньская, во многом противоположна чжоу-луской. Это была установка на реалии, на власть силы, в частности гегемонов-ба, установка на реформы, в том числе весьма радикальные, порывающие с традициями. Реформы бывали и в Чжоу (вспомним Сюань-вана), и в Лу, но там на передний план явственно выдвигались иные идейные установки и связанные с ними политические и экономические конструкции. В Ци же с его реформатором Гуань Чжуном и в Цзинь, где после Вэньгуна реформы стали едва ли не нормой, именно реформирование всего отжившего лежало в основе усиления обоих царств. Позже, в IV в. до н.э., аналогичным путем было реформировано при Шан Яне царство Цинь, нечто похожее испытало в то время и южное царство Чу. Серьезные реформы приписываются старшему современнику Конфуция в царстве Чжэн, Цзы Чаню.

В известном смысле можно сказать, что рано или поздно, но большинство чжоуских государств периодов Чуньцю и Чжаньго встало именно на этот путь, где идеалом было создание сильного государства и жесткого порядка, а методы достижения цели виделись в использовании всеобщепобязательных нормативных регламентов властей. Циско-цзиньско-циньская модель делала решительную ставку не на клановые связи и знать, но на выходцев из неродственных, а то и чужеземных по происхождению кланов. Она была динамичнее и оказалась более подготовленной для соперничества с частным собственником — врагом государства и власти центра. Эту модель можно считать протолегистской, хотя далеко не все те, кто осуществлял реформы, особенно в Цзинь, были легистами, т.е. сторонниками нормативного

регламента, закона в его восточном выражении (что начальство велело, то и есть закон).

Разница между первой и второй моделями очевидна, однако в чем-то они были и сходными: обе выступали за порядок и силу централизованного государства, для чего необходимо было ослабить как (вначале) всесильную владетельную знать, так и (позже) богатевшего частного собственника; обе исходили из того, что народ является основой государства, а власть заботится о благе народном; обе не были чужды реформам, равно как и традициям. Словом, обе были «азиатскими», если иметь в виду концепцию Маркса о Востоке.

Однако при всем том одна модель явно делала акцент на патерналистские методы, а другая — на силовые. Противостоя друг другу, они были как бы двумя сторонами единого в основных своих параметрах процесса складывания сильного государства. И именно в ходе противоборства и общего движения к единой в конечном счете цели в итоге и было создано государство такого рода. Но прежде, чем это было достигнуто, прошло несколько веков, наполненных борьбой мнений и столкновением идей. В этом смысле период Чжаньго следует считать, пожалуй, наиболее насыщенным интеллектуальным соперничеством временем во всей многовековой истории Китая.

О причинах этого уже упоминалось: в чжоуском Китае конца периода Чуньцю остро ощущался объективный вызов эпохи, на который следовало дать адекватный ответ. Готового, и тем более хорошо разработанного и аргументированного ответа ни у кого не было. Зато было множество достаточно упрощенных ответов, каждый из которых имел свои плюсы и минусы. Необходимо было время, чтобы в ходе идейного соперничества эти плюсы и минусы выявили себя, а основные концепции смогли бы укрепить свои позиции, завоевать сторонников, сумели бы воспользоваться удачно сложившимися обстоятельствами для успеха.

В итоге в середине I тыс. до н.э. чжоуский Китай оказался как бы на распутье. Протекало множество сложных параллельных процессов, которые вызывали серьезные следствия, в корне меняли привычную структуру, рождали новые социальные слои и вели к отмиранию старых. Ко всему этому следовало приспособиться, и сделать это нужно было осознанно, приняв во внимание всю сложность ситуации и всю противоречивость разнородных интересов. Добиться этого можно было лишь в условиях мощного взлета интеллектуальной рефлексии. Такого рода взлет был подготовлен предыдущими веками, завершившимися в этом плане разработкой идеала гармоничного и упорядоченного государства и общества, приписываемого древним мудрецам. Вот от этого-то идеала,

как от уже достигнутой интеллектуальной высоты, и шли в своих напряженных поисках древнекитайские мыслители, первым и наиболее выдающимся среди которых был Конфуций.

2. КОНФУЦИЙ И ЕГО УЧЕНИЕ

Конфуций, Кун-цзы (551—479 гг. до н.э.), выходец из луских ши, первым дал свой вариант ответа на вызов быстро и резко трансформировавшегося чжоуского общества. Опираясь на чжоуско-лускую модель идеологических ценностей и приоритет этической нормы в поиске путей к стабильности, упорядоченной гармонии, он предложил в качестве основы успешной эволюции великий принцип постоянного самоусовершенствования — человека, общества, государства. Методика и механизм совершенствования — тщательное соблюдение этических и ритуально-церемониальных нормативов с ориентацией на общепризнанную мудрость древних. «Передаю, а не создаю; верю в древность и люблю ее», — сказано об этом в трактате Луньюй («Беседы и суждения»), написанном после смерти философа и содержащем его афоризмы и поучения, обращенные преимущественно к ученикам. И хотя в своем учении Конфуций (первым в Китае став-

Конфуций (Кун-цзы)

ший общепризнанным Учителем и именно в ходе бесед с учениками вырабатывавший основы своей концепции) был подлинным творцом нового, все созданное им так основательно и умело опиралось на традиции, что принципиальный тезис Луньюя не слишком расходился с истинным положением вещей.

Конфуций — это прежде всего великая этическая традиция, восходящая к Чжоу-гуну, это высшая мудрость Яо, Шуня и Юя, запечатленная в идеалах Шуцзина. Однако вместе с тем Конфуций — это и конфуцианство, т.е. доктрина, приспособ-

ившая древние мудрые этические нормы к требованиям изменившейся эпохи, причем сделавшая это в общих чертах столь удачно, что именно она, конфуцианская традиция, в первую очередь

определила менталитет, образ жизни и систему ценностей в Китае, что весомо ощущается и в этой стране, и в ряде других стран современного Дальнего Востока вплоть до наших дней.

Итак, чему учил Конфуций своих учеников? Мало уделяя внимания идее небесного мандата (и явно в ней разочаровавшись), он выдвинул на передний план альтернативную категорию Дао, т.е. великого истинного пути, мудрого и справедливого порядка, нормы правильного поведения. «Кто утром познал дао, может вечером умереть без сожаления»; «Если в Поднебесной царит дао — старайтесь быть на виду, если нет — скройтесь», — сказано в трактате Луньей. Оставив за Небом лишь последнее слово и как бы отодвинув его так, чтобы оно не слишком мешало людским делам, Конфуций именно *дао* превратил в этический критерий всего должного. Соответственно было изменено и содержание раннежоуского понятия *дэ*, которое, перестав быть исключительной прерогативой знати и лишившись своего сакрального, тесно связанного с Небом содержания, стало своего рода конкретным проявлением *дао*, символом существования этической нормы, добродетельного поведения благородного человека.

Само понятие благородного человека (*цзюнь-цзы*, сын правителя, т.е. благородный) тоже было коренным образом изменено и стало употребляться Конфуцием уже не применительно к ушедшей в прошлое аристократии, но по отношению к истинно порядочному, высокодобротельному и потому именно благородному в современном звучании этого понятия человеку. Цзюнь-цзы у Конфуция стал неким недостижимым идеалом высших добродетелей, комплексом всего наидостойнейшего. Это рыцарь морали и добра, почти святой бессребреник, думающий и заботящийся не о себе, но о других. Он преисполнен чувства гуманности (*жэнь*), долга и справедливости (*и*), высоко ценит ритуальный церемониал (*ли*), готов постоянно учиться и самосовершенствоваться, дабы освоить все необходимые знания и применить их для пользы общества и создания государства высшей гармонии и разумного порядка.

Социальный порядок Учителю виделся в том, что в государстве, как и в семье, старшие должны управлять, младшие подчиняться и быть объектом заботы. Патернализм чжоуской клановой структуры у Конфуция плавно трансформировался в высокозначимый культ мудрых старших, древних предков, как в каждой семье, так и в стране в целом. «Пусть государь будет государем, подданный подданным, отец отцом, а сын сыном». Иными словами, все должны знать свое место и выполнять положенные им функции — только тогда и будет достигнут высший порядок, а вместе с ним и желанная социальная гармония. Отличие

государства от семьи вполне осознавалось, но это было отличие вторичного характера, количественное, а не качественное. Заключалось же оно в том, что один государь в отличие от отца в семье не в состоянии управлять, ему нужны хорошие помощники. Хорошими же помощниками могут стать лишь те, кто ориентируется на идеал *цзюнь-цзы* и готов всего себя отдать великому делу преобразования Поднебесной, погрязшей в сварах и интригах, во лжи и обмане, в себялюбии и разврате.

Едва ли не важнейшей целью жизни Конфуция было воспитание из своих учеников хороших чиновников, которых можно было бы использовать в управлении и которые при этом руководствовались бы изложенными им принципами жизни, поведения и мироустройства. В трактате *Луньюй* много говорится о том, как нужно управлять, в чем состоит искусство администрации. Следует всегда поступать правильно и справедливо, не спешить с решением сложных вопросов, уметь слушать других, вникать в суть дела, не разбрасываться на мелочи, избегать рискованных шагов и опасных поступков.

Следует всегда привлекать к управлению мудрых и способных, которые в свою очередь обязаны нелицеприятно возражать правителю в случае необходимости, никогда не обманывать его успокаивающими заверениями. То есть «управлять — значит поступать правильно». Мудрость умелой администрации Конфуций видел в том, чтобы хорошо знать людей, их чаяния и чувства, чтобы идти впереди управляемых и трудиться ради них, вести их за собой, воздействуя на них как своим умом, знаниями, добродетелями, так и конкретным личным примером. При этом во взаимоотношениях между людьми должны господствовать ритуально-церемониальные нормы *ли*, ибо «без *ли* почтительность превращается в утомительность, осторожность становится трусостью, смелость смутой, а прямота грубостью». *Ли* — важнейший организующий, дисциплинирующий и соединяющий людей импульс. Овладевший им сможет управлять Поднебесной «так же легко, как показать ладонь».

Ученики Конфуция прилежно внимали его поучениям и очень старались стать такими, какими хотел их видеть Учитель. Однако это не всегда удавалось. По подсчетам Г. Крила, из 22 упомянутых в *Луньюе* учеников девять обрели должности и еще один от нее отказался. Из этого следует, что современные Конфуцию правители высоко ценили школу Учителя и его принципы воспитания. Но сам Конфуций был суров и бескомпромиссен. «Цю не мой ученик! Бейте в барабан и выступайте против него!» — воскликнул он, когда узнал, что назначенный администратором Цю повысил налоги. Отступление от принципов было для Конфуция

недопустимым. Неудивительно, что правители не решались приглашать самого Учителя занять какую-либо замстную должность.

Позднейшая апологетическая традиция утверждает, что Конфуций имел должность министра правопорядка в Лу, но это явная легенда. В Луныое об этом ничего не сказано, да и самого Лу как государства в зрелые годы Конфуция (когда теоретически он только и мог быть приглашен на должность министра) фактически не существовало, а царством управляли три циня из родственных друг другу кланов. В трактате сохранились лишь рассуждения Конфуция на тему о том, как хорошо было бы получить должность и что бы он сделал, произойди это. «Если бы меня взяли на службу, в течение 12 месяцев я навел бы порядок, а за три года все было бы в совершенстве...» Рассуждая на тему о том, что Небо даровало ему его весомое *дэ* и вложило в него высочайший комплекс цивилизованности — *вэнь*, которым после Вэньвана никто в Китае в столь полной мере (как это следовало понимать) еще не обладал, Конфуций, видимо, в глубине души надеялся на то, что Небо подаст знак и призовет его к управлению Поднебесной. В 50 лет, постигнув волю Неба, он, по его словам, десятилетия после этого «внимал чутким ухом» этой Небесной воле, но безрезультатно.

Впрочем, неудачи в исполнении тайных надежд внешне мало сказывались на деятельности мудреца. С энергией подлинного первооткрывателя он продолжал разрабатывать свои идеи и передавать их ученикам. Развивая идею социальной гармонии, Учитель выдвинул идеал *сяо* — сыновней почтительности, лежавшей в основе возвеличенного им культа предков. «Служить родителям по правилам-*ли* при их жизни, похоронить их по правилам-*ли* после смерти и приносить им жертвы по правилам-*ли*» — вот концентрированное изложение *сяо*. И речь здесь идет не только о том, что дети должны заботиться о здоровье родителей, об их питании и удобствах, быть почтительными к ним и строго соблюдать все законы траура по многочисленным родственникам, что уже само по себе было очень важным и составляло едва ли не основу семейных правил-*ли*. Намного важнее то, что культ предков и *сяо* в принципе упорядочивал социальные отношения людей на низовом массовом уровне.

Люди не равны и не могут быть равны по их месту в семье и обществе, но каждый должен хорошо знать свое место — при всем том, что оно не неизменно, а, напротив, меняется со временем и в зависимости от обстоятельств. И человек сам в определенной степени хозяин своей судьбы, ибо от него, его способностей, добродетели, стараний и иных качеств многое зависит в его жизни, несмотря на то, что многие привилегии уже при рождении

получают высокопоставленные, власть имущие и богатые. Иными словами, знатность знатностью, богатство богатством, но и от самой личности зависит немало. «Люди по природе в общем-то одинаковы; образ жизни — вот то, что их различает», — сказано в Луньюе. «Только самые умные и самые глупые не могут изменяться», считал Учитель. Все остальные должны стремиться к самоусовершенствованию.

Конфуций верил в едва ли не безграничные возможности человека и, отталкиваясь от этой веры, всегда стремился способствовать распространению знаний. Принципы его эпистемологии (теории познания) в основном сводились к тезису: «Когда знаешь, считай, что знаешь; коли не знаешь, считай, что не знаешь, — это и есть знание». Главное же — любить знание и стремиться к познанию всегда, всю жизнь. При этом важно уметь должным образом использовать полученные знания: «Учение без размышлений напрасно, а размышления без учения опасны». Обе части этого афоризма весьма емки: чтобы думать и что-то создавать, нужно многое знать; нельзя пытаться что-то сделать, не зная всего, что для этого нужно знать. Вообще же «учиться и время от времени реализовывать узнанное — разве это не приятно?» — с этого афоризма, как известно, начинается текст Луньюя, что придаст ему особое звучание.

Итак, человек для Конфуция — это человек, оснащенный знаниями и стремящийся к знаниям, знание же для него — прежде всего знание нравственное, т.е. познание законов жизни. Когда Конфуция спросили о смерти, он резонно заметил: «Мы не знаем, что такое жизнь, — что уж нам говорить о смерти?!» Учитель был великим моралистом и гуманистом, он учил восхищаться знанием, преклоняться перед всем изящным и радующим глаз (эстетика в его учении да и вообще в древнекитайской мысли воплощалась в термине *юэ*, букв. «музыка»), строго соблюдать заветные древностию нормы, ритуалы и церемониал, ценить гармонию и чувство меры и восхищаться теми, кто преуспел во всем этом. Но вместе с тем Конфуций, как и вся шанско-чжоуская традиция до него, почти не интересовался проблемами онтологии и натурфилософии, мистики и сверхъестественного, магии и суеверий. Все, что не имело самого непосредственного отношения к тому, как людям следует жить и какими они должны быть в этой жизни, как создать гармоничное общество и совершенное государство, было вне сферы его интересов и внимания. Небо, его воля и связанная с ней судьба людей — вот, пожалуй, единственный элемент мистики, который можно встретить в афоризмах Конфуция. Но и рассуждения на эту тему отнюдь не насыщены мистикой и верой в сверхъестественное. Даже наоборот,

они весьма трезвы и рационалистичны — просто небесная воля в них играет роль надчеловеческой разумной силы, вектор которой опять-таки вполне познаваем: веди себя как должно, и Небо всегда будет с тобой.

Благо Человека — наивысшая цель и ценность в доктрине Конфуция. Но его гуманизм столь же мало походил на европейский гуманизм времен Возрождения, как требование философа всегда принимать во внимание, что любят и хотят люди, ни в коей мере не имело ничего общего с демократическими настроениями. Совсем напротив, люди в конфуцианстве — не субъект, но прежде всего объект — объект заботы, управления, наставления. Правда, не все. *Цзюнь-цзы* — это именно субъекты («*цзюнь-цзы* не инструмент»), тогда как противопоставленные им *сяо-жэнь* (простые люди, те, кто привычно заботится не о высокой морали, но о повседневной низменной выгоде) и есть объекты, ими и следует управлять, о них и должны заботиться в их же собственных интересах высокоморальные *цзюнь-цзы*.

Патернализм Конфуция вполне вписывался в традицию и устраивал власть имущих, как и устраивал их возвеличенный им культ предков и мудрецов. Но максимализм Учителя, его нравственная бескомпромиссность были неприемлемы, и отнюдь не случайно, что самого Конфуция на службу не брали, отделяясь от него ничего не обязывающими должностями вроде дафу при не имеющем реальной власти правителе. Разумеется, такого рода синекура к концу жизни мудреца в чжоуском Китае уже мало что значила. Как известно, в этом скромном статусе он и умер, горько оплакиваемый учениками, которые во время длительного траура жили рядом с его могилой. Именно усилиями учеников и был составлен трактат «Луньюй», зафиксировавший для потомков мудрость Учителя.

Афоризмы, конкретные поучения и вся тональность доктрины Конфуция позволяют заключить, что по своей натуре Великий Учитель был не столько консерватором-традиционалистом (хотя именно этот аспект в своем поведении он всячески акцентировал), сколько новатором едва ли не радикального плана. Целью его было преобразовать погрязшую в пороках Поднебесную, причем идеалом для него было не неясное в своих очертаниях будущее, но очень понятное всем и искусно возвеличенное в специально разработанных социально-политических и этико-административных конструкциях Светлое Прошлое древних мудрецов. Впрочем, нарочитый акцент на традицию не должен затмить то бесспорное обстоятельство, что на деле традиция использовалась в конфуцианстве лишь в качестве формы.

Конечно, форме в этой доктрине придавалось огромное значение, она была элементом ритуала и церемониала, основой социального порядка. Но при всем том главным было все же то, чем и как заполнена форма. А заполнялась она не только патернализмом и культом древних, но и высокой нравственной позицией ответственных за судьбы людей и призванных руководить ими старших, бескомпромиссностью в моральных принципах, ясно декларированным стремлением к знаниям и постоянному самоусовершенствованию, т.е. к реализации заложенных в каждом лучших его потенций. И именно поэтому Конфуцию удалось, пусть не при жизни, добиться того, что редко выпадало на долю мудрецов-реформаторов: по начертанным им эскизам, по его модели в конечном счете стал развиваться Китай. Его ответ на вызов эпохи оказался наиболее удачным среди других.

Разумеется, все это выявилось далеко не сразу. Ни ученики Конфуция, ни ученики его учеников и последующие поколения конфуцианцев вначале многого не добились. Им внимали, к ним шли учиться, их идеи находили слушателей и почитателей, но правители в конце Чуньцю и тем более в Чжаньго в них не были заинтересованы. Чжоу-луская модель эволюции Поднебесной, стократ усиленная и улучшенная, как бы обретшая крылья в конфуцианстве, не была принята даже там, где она появилась, т.е. в домене Чжоу или в Лу, переживавших нелегкий период упадка власти легитимных правителей. Там же, где легитимные правители из числа могущественных *чжухоу* обретали силу, в чести были реформаторы и законодатели другого типа — из числа тех, кто не делал нарочитого акцента на древние традиции и высокую нравственность, но, напротив, считал своим долгом прямо и откровенно, преимущественно силовыми методами, проводить необходимые реформы и никак не увязывать их с тем, что будто бы было в древности. Впрочем, эта по-своему весьма логичная практическая политика правителей не меняла того факта, что на поставленный трансформирующимся Китаем вызов следовало искать ответы. Один из них, конфуцианский, стал широко известен уже в V в. до н.э. За ним, в конце V и в IV в. до н.э., последовали другие, каждый из которых заслуживает внимания и оценки.

3. МОИСТЫ, ЛЕГИСТЫ, ДАОСЫ И ИНЫЕ ШКОЛЫ ДРЕВНЕКИТАЙСКОЙ МЫСЛИ

Мо-цзы (Мо Ди, 479—400 гг. до н.э.), как и Конфуций, стремился к участию в большой политике. Однако в этом деле он не преуспел и не сделал карьеры, а его реформистские и радикальные

идеи остались достоянием группы его учеников и последователей, чье влияние в чжоуском Китае было намного меньше, чем конфуцианцев. Для этого были веские причины. Будучи учеником одного из учеников Конфуция и разделяя немало его идей (борьба за благо народа как конечная цель; стремление к укреплению государства; привлечение к администрации мудрых и способных), Мо-цзы вместе с тем предложил ряд оригинальных постулатов, шедших вразрез с традициями и потому наталкивавшихся на естественное неприятие со стороны тех, к кому он апеллировал.

Исходя из того, что причиной зла в Поднебесной является взаимная ненависть и эгоистическое стремление к собственному благу за счет ближнего, Мо-цзы выдвинул идею универсализма, почти коммунистического по характеру идеала всеобщего единения искусственно усредненных людей. Он выступил против воспетых конфуцианцами тесных семейно-клановых связей и расточительных траурных обрядов по близким родственникам, да и вообще против деления на своих и чужих, тем более на богатых и бедных. Простая пища, скромная одежда, небольшое удобное жилище для всех и каждого, все заботятся друг о друге и все любят всех — вот идеал, к которому следует стремиться. Разумеется, в обществе всеобщей любви и всеобщего равенства должны быть и одинаковые потребности. И Мо-цзы решительно выступил не только против длительного по характеру траура в семьях (не лучше ли позаботиться о живых, предоставив мертвым скромную могилу?), но и против разного рода удовольствий и развлечений, против всего, что радует глаз и относится к миру изящного. Изысканные блюда, красивая музыка суть излишества, которые не могут быть предоставлены всем и которые поэтому не нужны.

Пафос стремления Мо к обществу одинаковых и умеренных в своих потребностях людей был рожден неравенством, богатством безродных выскочек, нищетой обедневших народных масс и иными кричащими противоречиями в социальной структуре, которые становились в Китае на рубеже Чуньцю и Чжаньго все более очевидными. Он был весьма далек от ставшего уже едва ли не общепризнанным идеала золотого века далекого прошлого. Но его представления об идеальном социуме сталкивались с необходимостью оптимальной организации реально существующего социума, с проблемами создания разумной администрации справедливо устроенного государства. Развивая эту сторону вопроса, Мо создал своего рода договорную — почти в духе Руссо — теорию государства. Искогда был хаос, когда все выступали против всех. Но потом мудрые поняли, что так жить нельзя, и создали систему многоступенчатой администрации во главе с сыном Неба.

Вакансии в иерархической административной лестнице должны были заполняться за счет выдвижения старательных младших, готовых солидаризироваться со старшими и вовремя сообщать о тех, кто замечен в каких-либо отклонениях от нормы.

Универсализм вкупе с унификацией в теории Мо привели к концепции концентрации власти в руках старших при атомизированном народе, соотносящем свое поведение с волей начальства под угрозой доносов и страха наказаний. Так мечта о социальной справедливости при последовательной ее разработке легко превратилась в модель иерархической структуры в рамках гигантского супергосударства, щедро вознаграждающего послушных (куда исчезли постулаты о всеобщем равенстве?) и сурово наказывающего непокорных. Утопическим в утопии Мо был не столько сам идеал, сколько его несоответствия реалиям. Утилитарный расчет на то, что взаимная выгода (все любят всех, что ж здесь плохого!?) подвигнет людей принять его схему жизни, натолкнулся на упорное неприятие тех, кто привык больше любить своих, чем чужих, и тем более тех, кто любил хорошо поесть или развлечься, если это оказывалось возможным.

Сам Мо, насколько известно из источников, был человеком щедрым и готовым помочь людям. Едва ли он сознавал, чем чревата его утопия, — он хотел, чтобы всем было хорошо. Но при этом обязательны власть и порядок, для поддержания которых нужны и доносы, и наказания. Мо, видимо, казалось, что он все хорошо придумал. Известно, что его последователи, разделяя идеалы своего вождя, выступали против войн, на которые столь щедр был период Чжаньго, и в военных столкновениях нередко шли помогать слабым — ведь именно войны в первую очередь мешают осуществлению идеала «все любят всех». Немалые надежды Мо, как и Конфуций, возлагал на Небо, полагая, что оно вступится за его идеи и даст знак, не одобряющий поведения противников универсальной гармонии. Он критиковал Конфуция за фатализм, считая, что человек может взять судьбу в свои руки и решительно изменить ее в духе его, Мо, идеалов. Но отвергаемая им судьба была в конечном счете неблагоприятна именно к нему. Объясняя неудачи Мо в реализации его замыслов, великий древнекитайский даос Чжуан-цзы заметил: «Мо-цзы не любил людей». И это, пожалуй, самая точная, хотя по отношению к самому Мо и не слишком справедливая оценка.

Моизм как социально-политическая доктрина в принципе соответствовал циско-цзиньской реформаторской модели развития государства и царства. Однако это был лишь первый, своего рода пробный шаг теоретического осмысления модели, предназначенной сломать явно устаревавшую традицию. Кроме того, Мо-цзы не ставил своей целью вовсе отвергнуть традицию — он стремился раз-

вивать ее в интересах централизованной администрации, сильного государства. Но, как бы то ни было, сделав свой шаг именно в этом направлении, он, независимо от его личных устремлений и человеческих качеств, начал движение в сторону поиска концепции эффективного государства при пассивных подданных. Как о том писал известный историк древнекитайской мысли В.А. Рубин, это было движение от конфуцианской традиции к легизму.

Легизм как доктрина был сформулирован сравнительно поздно, не ранее IV в. до н.э., хотя отсчет первым протолегистским реформам можно начинать с Гуань Чжуна. В отличие от половинчатого моизма с его утопическими иллюзиями легизм был четко сориентирован на силу и принуждение государственной власти. Строго говоря, сам термин (*фа-цзя*, школа «законников») в данном случае не слишком точен, ибо легисты не были сторонниками закона в европейском смысле этого слова. Идея *фа* на практике и тем более в теории древнекитайского легизма означала строгий регламент, административный приказ, веление начальства. Любое указание сверху должно выполняться неукоснительно, под угрозой строгих наказаний за неповиновение. Подобно конфуцианцам и моистам, легисты дали свой вариант организации общества и управления государством, причем этот вариант оказался наиболее жестким по отношению к бесправным и запуганным подданным, что опять-таки отвечало радикально-реформаторской модели развития Китая. Легисты как теоретики были в этом плане продолжателями того пути, который начал Мо. Но в отличие от него они не были утопистами. Напротив, их идеи явственно соответствовали административной практике, все более очевидно складывавшейся в ведущих царствах чжоуского Китая. Далеко не случайно теоретиками легизма были не свободные от службы мыслители, лишь мечтавшие о реализации своих идей (какими были и Конфуций, и Мо-цзы), но всемогущие министры, имевшие реальную возможность проверить свои теории на практике и практикой апробировать их пригодность.

Специалисты обычно выделяют две основные ветви легизма. Первая из них связана с именем министра царства Хань Шэнь Бу-хая (400–337 гг. до н.э.). Незадолго до его прихода к управлению царство Хань поглотило Чжэн, чьи правители в прошлом на протяжении ряда поколений исполняли функции министров (*цин-ши*) домена Чжоу. Таким образом, чжэнские и цзиньские политические традиции были той основой, на которой Шэнь Бу-хай создавал свою теорию управления. Смысл этой теории сводился к тому, что главное — искусство умелого руководства. Глава государства должен опираться на многих способных помощников, не доверяясь абсолютно ни одному из них. В доктрине Шэня правитель —

это ось, вокруг которой вращается множество спиц. Он должен быть точным в выражении своих мыслей и неторопливым в делах, обязан контролировать свои чувства и продумывать действия. При этом мудрость его не должна бросаться в глаза, а управлять следует по принципу недеяния (*увэй*), т.е. все видеть, слышать, знать, уметь, предвидеть и организовывать так, чтобы не было необходимости в повседневном вмешательстве сверху, чтобы все шло само собой, как следует, в крайнем случае — при минимальной корректировке со стороны правителя. Шэнь обращал особое внимание на то, чтобы все вещи и явления соответствовали своим наименованиям, дабы не было путаницы. Все должностные лица обязаны соответствовать своим должностям и справляться с обязанностями, причем основными условиями при подборе администраторов должны быть объективные показатели, и конечно же, повседневный и строгий контроль.

Теория, можно даже сказать искусство управления по Шэнь Бу-хуа содержит и много других полезных рекомендаций. Так, правитель должен внешне выглядеть любезным, но внутренне постоянно быть готовым к решительным действиям; ему не следует хвастать ни умом, ни властью, но при случае он должен умело пользоваться тем и другим. Хороший правитель обычно дает подчиненным свободу действий, но в то же время жестко их контролирует. Ему никогда не следует отдавать невыполнимых приказов, и он обязан тщательно продумывать все сказанное. Что касается технологии подбора кадров, то она должна базироваться на конкурсной основе — и в этом плане Шэнь Бу-хуа можно считать если не отцом, то своего рода прародителем будущей экзамениционной системы.

Легизм в варианте Шэня — это более высокая теория, нежели повседневная практика, скорей, идеальная конструкция, чем реальная модель поведения. Но тем не менее нетрудно заметить, что в теории управления по Шэню собрана мудрость поколений администраторов, и вся эта мудрость сконцентрирована на том, чтобы дать в руки умелому правителю механизм надежной централизации власти. Существенно заметить, что теория Шэня не касается проблем взаимоотношения управителей с управляемыми, с народом. Пафос ее в отлаживании системы администрации наверху, во взаимоотношениях между различными отрядами и звеньями администрации как таковой.

Вторая ветвь легизма — это теория Шан Яна. Выходец из царства Вэй, Шан Ян стал всесильным министром в царстве Цинь, и именно для этого в недавнем прошлом полуварварского государства он создал свою доктрину. Суть ее, как она предстает со страниц приписываемого Шан Яну трактата «Шан-цзюнь шу»

(«Книга правителя области Шан»), сводится к тому, что главное в администрации — это жесткая власть, основанная на системе доносов и суровых наказаний даже за незначительные проступки. Человек по природе порочен и глуп. Глупость его для начальства даже удобна — легче управлять. Но пороки надлежит сурово и решительно искоренять, для чего в стране необходимо безраздельное господство закона, т.е. приказа. Приказы должны быть ясными и понятными всем, а выполнение их — задача администрации. Блюсти законы обязаны все, независимо от должности. Если закон и, следовательно, порядок обеспечены, государство становится сильным. Народ же нужно искусственно ослабить — в этом таится сила государства.

Единый для всех закон и тесно связанная с ним система наказаний — основа социально-политической, да и всякой иной регуляции общества. Что же касается народа, то его поведение следует унифицировать и регулировать с помощью строгих и мелких регламентов. Усилия людей необходимо сконцентрировать на главном, что дает силу государству, — на земледелии и военном деле. Земледелие обеспечивает изобилие, военные занятия — силу. Конечно, существуют и иные слои общества, которые в большинстве своем вредят и мешают усилению государства. Это и говоруны-ученые, и частники-стяжатели, и торговцы, ориентированные на рынок. Все, чем они занимаются, — второстепенные, чтобы не сказать вредные занятия, которые должны строго ограничиваться и жестко контролироваться. Для этого необходимы действенный контроль и хорошо налаженная система доносов и круговой поруки как среди простого народа, так и в рядах чиновничества.

Аппарат власти следует держать в строгости, нельзя позволять его членам злоупотреблять служебным положением и поддаваться коррупции. В аппарате не нужны ни слишком умные (от них много хлопот), ни чересчур способные; в нем должны преобладать средние и законопослушные, дельные и преданные правителю служаки. Он должен быть свободным от групповых и частных интересов, унификация здесь особенно важна.

Как упоминалось, в своем трактате Шан Ян заимствовал и развил многие идеи Мо-цзы, будь то ставка на унификацию, доносы и наказания или явственное стремление превратить весь народ в усредненную массу, удобную для манипулирования сверху. И даже нарочитое ослабление подданных перед лицом всесильной машины власти тоже восходит к ищям Мо. Конечно, Шан Ян внес в свою доктрину и немало нового, создавая из нее нечто намного более жестокое и античеловечное по сравнению с тем, что было в моизме. И если Мо хотел сделать как лучше для людей, то Шан Ян,

будучи предельно циничным, откровенно презирал народ, считая его быдлом, для которого нужен прежде всего кнут. Зато многие конкретные проблемы, связанные с оптимальной организацией системы администрации, Шан Ян разработал очень детально, видя в этом основу мощи государства. Он создал иерархию рангов-ступеней административной лестницы с ощутимыми льготами для тех, кто поднялся достаточно высоко, а также стал награждать внеочередными рангами воинов, прославившихся в битвах, создав тем самым стимул для воинской доблести и успехов. Ему также принадлежит идея продавать богатым ранги за весьма высокую плату, ослабляя тем самым могущество частных собственников и укрепляя материальную базу казны.

Были и другие, менее известные варианты легизма. В целом же как течение мысли легизм оказался наиболее последовательным выражением интересов сторонников той модели развития древнекитайского государства и общества, которая отвечала духу радикальных реформ, отказа от отживших традиций и усиления государства за счет ослабления народа. «Слабый народ — сильное государство» — девиз Шан Яна, но им, пусть в разной степени, руководствовались и все остальные реформаторы-легисты, которых в период Чжаньго можно было встретить почти во всех царствах, хотя и не везде они добивались одинаковых успехов.

Если моизм и легизм, при всем их несходстве с конфуцианством, были социально-политическими доктринами и в духе классической древнекитайской традиции стремились создать разумно организованное общество и эффективное централизованное государство, то некоторые другие течения мысли в Китае IV—III вв. до н.э. шли вразрез с этой традицией в принципе. Имеется в виду подчеркнутый уход в сторону от поисков оптимально структурированного социума, интерес к проблемам натурфилософии, мистики и метафизики, официально игнорировавшимися в шанско-чжоуской древности. Этот интерес проявлял себя по-разному. Простейшей его формой было издревле знакомое Китаю отшельничество мудрецов, несогласных с правящими верхами и их политикой, как то было на рубеже Шан Чжоу с Бо И и Шу Ци. Даже если упомянутых аскетов следует считать легендарными, а не реально существовавшими деятелями, связанные с их именами легенды способствовали укреплению в чжоуском Китае самой идеи ухода от активной жизни — идеи, которой отдал дань и Конфуций (если в государстве нет *дао*, — уходите). Другой, более резкой и эпатажной общественной формой неприятия господствующих доктринальных установок следует считать так называемый *янчжоуизм*.

Ян Чжу, философия которого изложена в 7 гл. сравнительно позднего (эпоха Хань) трактата «Ле-цзы», тоже принадлежит к числу полулегендарных фигур. Однако реальное существование

прототипа этой личности доказывается упоминанием его имени в трактате «Мэн-цзы» (III в. до н.э.), где конфуцианец Мэн-цзы горько сетует на то, что идеи Мо и Яна заполонили Поднебесную. Ян Чжу известен тем, что первым в китайской мысли поставил проблему жизни и смерти: смерть всех уравнивает, ибо умирают и умные, и глупые, а коль скоро так, стоит ли заботиться о том, чтобы быть мудрым и добродетельным, гуманным и справедливым? Живи, пока тебе дано жить, и получай все удовольствия, которые может дать жизнь, — после смерти ничего не будет, кроме гниющего тела... Гедонизм Яна был по-своему последователен. Ради блага Поднебесной не стоит слишком стараться, как и ради славы, долголетия и даже богатства. Живи спокойно и естественно, легко относись и к жизни, и к смерти. Асоциальность Яна, несколько перекликаявшаяся с уходом от жизни отшельников, была тем не менее существенно иной, ибо в отличие от аскетов он охотно паразитировал на обществе, питаясь его соками, стремясь получить от этого удовольствие, но не прилагая усилий для умножения его позитивных потенций и накоплений. Экстравагантный социальный экстремизм Яна, однако, был, как и суровый аскетизм отшельников, одной из протодаосских идейных доктрин.

Даосизм, т.е. учение о Дао в духе метафизики, натурфилософии и откровенной мистики, — сложный комплекс идей. Он появился сравнительно поздно, на рубеже IV—III вв. до н.э., если даже не в III в. до н.э., но в процессе его генезиса сыграли свою роль как древние народные суеверия с оттесненными на интеллектуальную периферию мифологическими конструкциями или аскетическо-экстремистские поиски истины вне цивилизации, вне общества, хотя порой и за его счет, так и некоторые идеи, происхождение которых неясно. Это в первую очередь фундаментальные конструкции типа *инь—ян* (женское и мужское начала) и *у-син* (пять первоэлементов). Не углубляясь слишком в аргументацию, заметим, что концепция *инь—ян* близка к древнеиранской зороастрийской с ее дуализмом Добра и Зла, Света и Тьмы, а пять первоэлементов (земля, вода, огонь, металл, дерево) вписываются в древнеиранскую формулу Авесты (земля, вода, огонь, металл, растения, скот). Кроме того, знакомство с трактовкой даосами древнекитайских категорий *дао* и *дэ* позволяет предположить, что интерпретация этих понятий шла под воздействием ведической традиции Индии. Это становится очевидным, если проанализировать с такого рода позиций самый известный даосский трактат «Дао-дэ цзин». Этот трактат является жемчужиной древнекитайской мысли, а его авторство приписывается легендарному мудрецу Лао-цзы, якобы жившему в VI в. до н.э. и бывшему старшим современником Конфуция.

Большинство специалистов согласны в том, что Лао-цзы — фигура легендарная. Но тем не менее именно он считается автором трактата (других претендентов на авторство нет), хотя доподлинно

Лао-цзы

но известно, что «Дяо-дэ цзин» написан не в предполагаемые годы жизни Лао-цзы, а много позже, в середине III в. до н.э. Емкие афоризмы трактата впечатляют, ибо захватывают глубины мироздания. Дао — все и ничто, всюду и нигде, все пронизывает собой, но не ощущаемо органами чувств. Это, если угодно, китайский аналог Великого Брахмана древнеиндийских вед и упанишад. Дао как Абсолют имеет свою эманацию в конкретных предметах феноменального мира. Эта эманация — дэ, весьма напоминающая в трактате древнеиндийский Атман, проявление Великого

Брахмана — Абсолюта. Если вспомнить, что до появления трактата *дао* и *дэ* применялись в совершенно ином смысле, то трудно избавиться от впечатления, что эти термины были просто использованы авторами нового сочинения для перевода на китайскую иероглифику чуждых древнекитайской додаосской мысли идей, пришедших в Китай извне, из индо-иранской религиозно-культурной традиции.

Метафизика даосов близка к ведической по многим пунктам. К уже сказанному можно добавить идею о первочастицах *ци*, которыми пронизано все в феноменальном мире: жизнь — комплекс *ци*, распад его — смерть. Тончайшие *ци*, *цзин-ци*, — наиболее деликатное духовное начало в жизни, что опять-таки напоминает древнеиндийские идеи о жизни как комплексе дхарм, распадающемся после смерти и воссоздающемся в новом сочетании после кармического перерождения. Трудно сказать, как именно, когда и каким образом могли проникнуть в позднечжоуский Китай такого рода основополагающие метафизические идеи, составившие фундамент китайского даосизма. Но о случайном сходстве здесь говорить трудно — слишком сложна та метафизика, которая вырабатывалась в древнеиндийской мысли не менее тысячелетия до того, как отголоски ее появились в китайском даосизме, вообще в Китае, где метафизических спекуляций ранее практически не

существовало, где проблемами натурфилософии и мистики мыслители в отличие от древнеиндийских не интересовались.

Другой древнекитайский даосский трактат, «Чжуан-цзы», тоже составленный в III в. до н.э., заметно отличен от первого. Он наполнен не столько глубокими рассуждениями на метафизические темы, сколько интересными притчами, анекдотами, парадоксами, короткими эссе, написанными хорошим литературным языком. В то же время по характеру философской мысли это сочинение соответствует основным идеям «Дао-дэ цзина», почти не отступая от их канонического звучания. Собственно, именно Чжуан-цзы следовало бы считать основоположником древнекитайского даосизма. Он и только он один настаивал на том, что автором «Дао-дэ цзина» следует считать некоего никому не известного Лао-цзы, который в притчах его трактата представлен реальной исторической личностью, — он будто бы даже поучает самого Конфуция, с усердием несофита старательно внимающего этим поучениям, как бы признавая несостоятельность собственной доктрины. Метафизика «Чжуан-цзы» насыщена представлениями о первоизданном Хаосе, о первичных Не-Сущем и Сущем (Едином), которые породили все вещи феноменального мира, о Логосе-Слове как мистическом преломлении конфуцианско-шэньбухаевской идеи «выпрямления имен», наконец, о впечатляющем долголетии познавших смысл жизни и смерти мудрецов. Стоит заметить, что именно после появления трактата «Чжуан-цзы» принадлежавший известным авторам даосский трактат «Дао-дэ цзин» многие стали именовать просто «Лао-цзы».

Но главным в древнекитайском даосизме как принципиально новом течении философской мысли следует считать то, что он стал гимном нонконформизму в менталитете древних китайцев, до того практически незнакомом с глубинами метафизических конструкций, с натурфилософскими построениями и мистическими рассуждениями о первоизданном, о возникновении жизни, о сущности смерти, о внефеноменальном мире Великого Дао и т.п. Такого рода новые идеи, вкуче с представлениями об *инь-ян* в их философской трактовке (до того эти термины воспринимались как светлая и темная стороны горы) и тем более о первоэлементах *у-син* (пятиричные структуры были известны в Китае задолго до появления там идеи *у-син*, но опять-таки не были объектом сознательного и специального философского осмысления), тоже следует считать одним из ответов на вызов эпохи. Даосский ответ, обогащенный заимствованными и хорошо усвоенными, основательно переработанными мощной китайской традицией идеями, был призывом к резкому расширению того познавательного эпистемологического инструментария,

посредством которого можно и нужно было теперь осмысливать все усложнявшуюся интеллектуальную действительность позднечжоуского Китая.

4. ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА И ПОИСКИ ПУТЕЙ К ОБЪЕДИНЕНИЮ КИТАЯ

Расцвет древнекитайской мысли, пришедшийся на VI—IV вв. до н.э., происходил на фоне быстрой трансформации не только структуры чжоуского Китая в период Чунью, но и политической ситуации в стране. Идея единства Поднебесной на основе гармонии и порядка все активнее разделялась большинством выдающихся умов периода Чжаньго и постепенно пробивала себе дорогу в реальной жизни. Уменьшалось число соперничавших друг с другом правителей. Все большей властью внутри своего государства пользовался каждый из них. На передний план в период Чжаньго выдвинулись считанные политические соперники: царства Цинь, Чу, Ци. Чуть меньшими возможностями располагали Чжао, Вэй и Хань, возникшие на базе распавшегося в V в. до н.э. могущественного Цзинь, а также северное царство Янь. Временами, подобно метеорам, блистали южные У и Юэ. Окончательно приходили в упадок и постепенно поглощались крупными соседями прежде влиятельные государства, такие как Чжэн или Сун. Заметно уменьшившиеся в размерах домены Чжоу и царство Лу со своими привилегиями оставались полунезависимыми лишь на правах небольших анклавов. В целом же политическая борьба в период Чжаньго шла между Цинь, Чу и Ци, в качестве союзников которых использовались бывшие цзиньские земли (Чжао, Вэй, Хань) и северное Янь. Поэтому специалисты часто говорят о «семи сильнейших» в Чжаньго.

В недавнем прошлом полуварварское царство Цинь быстрыми темпами наверстывало упущенное, сохраняя в то же время свое преимущество — сильную власть правителя. В 384 г. до н.э. здесь было официально запрещено принесение в жертву людей для сопровождения умершего правителя — обычай, давно уже осужденный в государствах Чжунго. Строились и обносились стенами и рвами новые города. Велась активные и успешные войны с соседями, прежде с могущественным царством Цзинь, а затем с тремя его преемниками. Для защиты от Цинь вэйцы выстроили даже земляную насыпь, своего рода стену. И тем не менее еще и в IV в. до н.э. Цинь продолжало рассматриваться в Чжунго как полуварварское государство, близкое по статусу к племенным образованиям *ди* или *и*.

Ситуация заметно изменилась в годы правления Сяо-гуна (361—338). Вспомнив и возвеличив времена Му-гуна (659—621), впервые заявившего о могуществе Цинь и расширившего его владения, Сяо-гун объявил своего рода конкурс на лучший план усиления мощи страны. На этот призыв отозвался вэйский *ини* Ян, который в 359 г. до н.э. прибыл в Цинь и предложил провести реформы, суть которых сводилась к поощрению земледельческих усилий внутри царства и к активной подготовке к войнам. Назначенный министром, Вэй Ян (Шан Ян) в качестве главного метода осуществления реформ выдвинул систему жестких обязательных регламентов, малейшее неподчинение которым влекло за собой суровые наказания, как экономические (семьям, не пожелавшим делиться и каждой семейной парой в отдельности возделывать свое поле, предстояло выплачивать увеличенный налог), так и административно-уголовные. Именно эта методика послужила причиной того, что реформаторы типа Шан Яна стали именоваться легистами, т.е. сторонниками неукоснительного соблюдения закона, распоряжения властей.

За два тура реформ, осуществленных с небольшим интервалом в 50-х гг. IV в. до н.э., Шан Ян сумел существенно ослабить семейные связи, сделав в принудительном порядке малую нуклеарную семью самостоятельной хозяйственной ячейкой и связав группы (пятерки и десятки) таких заново созданных семейных дворов круговой порукой с обязательством слежки друг за другом и допоса по начальству в случае необходимости. Обширные пустующие земли царства стали, кроме того, заселяться приглашенными в Цинь на выгодных условиях колонистами. Лиц, не занятых в земледелии и не включенных в воинские подразделения, подвергали преследованиям и облагали высокими налогами и повинностями. Шан Ян ввел в стране систему административных рангов, высшие из которых даровались лишь за особые заслуги. Только обладание достаточно высоким рангом давало право на замещение государственной должности и получение соответствующих ей благ. Как правило, ранги давали имеющим воинские заслуги, что поощряло рвение тех, кто стремился к военной службе. Что же касается торговцев и ремесленников, то наиболее богатые из них могли, как упоминалось, за очень высокую цену купить ранг, что ослабляло их экономический потенциал и соответственно усиливало позиции казны.

Всех недовольных реформами либо превращали в рабов, либо ссылали в отдаленные районы, где все та же всевидящая и всемогущая административная система, созданная усилиями Шан Яна, вынуждала их подчиниться. Страна была разделена на уезды, управлявшиеся назначенными из центра чиновниками. Бюрократия, тоже

жестко связанная круговой порукой, была надежным и послушным орудием централизованной администрации. Многочисленность строгих предписаний и мелочная регламентация вели к тому, что люди боялись выйти за рамки дозволенного и молчаливо подчинялись власти. Ослабленный таким образом народ стал фундаментом силы государства Цинь. Никто не смел ослушаться указов: даже когда наследник престола попытался было сделать это, его наказали, отрезав нос его воспитателю, что было неслыханным оскорблением для будущего правителя царства.

Реформы Шан Яна достаточно быстро дали заметный эффект. И хотя сам реформатор после смерти Сяо-гуна был четвертован оскорбленным им наследником, престиж Цинь в чжоуском Китае сильно вырос. Армии его одерживали одну победу за другой, расширяя территорию царства за счет завоеваний. Сын Неба признал успехи Цинь, даровав в 343 г. до н.э. Сяо-гуну титул гегемона и прислав в 334 г. до н.э. его наследнику жертвенное мясо. Что касается этого наследника, то он в 324 г. до н.э. (правда, вслед за некоторыми другими правителями — Ци, Вэй, Хань) объявил себя ваном и тем самым сравнялся в титулатуре со своим чжоуским сюзереном. А его ближайший помощник Чжан И начал активно сколачивать коалицию царств, направленную против могущественного южного Чу.

Полуварварское южное Чу, правители которого раньше всех (с середины VII в. до н.э.) демонстративно начали именовать себя ванами, стало активно вмешиваться в дела Чжунго еще в период Чуньцю, причем эти контакты вели к энергичному проникновению на юг многих элементов развивающихся на севере традиций. Их живыми носителями, в частности, нередко становились знатные беженцы, которых охотно и с почетом принимали в Чу. В период Чжаньго царство Чу стало одним из сильнейших и энергично расширяло свои владения за счет аннексии более слабых соседей, в том числе и в землях Чжунго (царство Чэнь и др.). Укреплению Чу во многом способствовали реформы легиста У Ци (У-цзы), ослабившие позиции аристократии и усилившие власть правителя. Именно Чу поддержало инициативу Су Циня, направленную на сколачивание блока царств по вертикали — против Цинь. Эта идея была призвана нейтрализовать замысел Цинь и его министра Чжан И создать блок царств по горизонтали — против южного Чу.

Стоит также особо отметить, что южное Чу во многом отличалось от царств, расположенных к северу от него (Чжунго), где в период Чжаньго достаточно широко распространилось конфуцианство, ставшее основой древнекитайского менталитета. Отличия сводились не столько к относительной слабости конфуцианства на юге, сколько главным образом к тому, что именно здесь, в

Чу, были наиболее распространены даосские идеи, явственно противостоявшие северокитайским. Точных данных на этот счет очень мало, но многие косвенные свидетельства позволяют полагать, что именно южным путем, через Чу, видимо, и проникали в Китай те протодаосские настроения, истоки которых можно встретить в древней индо-иранской мысли. Впрочем, само полуварварское Чу в период Чжаньго было еще недостаточно развитым для того, чтобы синтезировать протодаосские идеи с традиционными китайскими. Это было сделано, скорее всего, в другом царстве, в Ци, ближайшем соседе Чу в приморских районах Восточного Китая.

Царство Ци было, как уже упоминалось, одним из наиболее развитых в чжоуском Китае, что наглядно проявилось еще во времена Хуань-гуна и Гуань Чжуна. Позже роль Ци стала менее значительной. Однако в период Чжаньго это царство опять стало одним из сильнейших и наиболее процветающих, а столица Ци, город Линьцзы, — едва ли не крупнейшим в стране. После того как в 386 г. до н.э. Тянь Хэ, всемогущий сановник Ци из рода Чэнь, сыном Неба и другими чжухоу был признан легитимным правителем царства, Ци под властью новой династии Тянь не только резко активизировало свою политику, активно вмешиваясь в политические интриги и искусно лавируя между Цинь и Чу с умелым использованием при этом поддержки других царств Чжунго, но и стало привлекать к себе лучшие умы всего чжоуского Китая.

Именно в столице Ци, близ ворот Цзи, была создана во второй половине IV в. до н.э. своеобразная академия Цзися, куда приглашались все известные китайские мыслители, получавшие от правителей Ци звание дафу и соответствующее содержание. В числе таких ученых, как постоянно живших в Цзися, так и посещавших академию, были представители всех направлений чжоуской мысли. Но более всего Цзися было центром даосизма и близких к нему идейных течений, адепты которых появлялись здесь, видимо, преимущественно с юга, из Чу. Скорее всего, именно таким путем в академию прибыл такой известный ученый, как Цзоу Янь, одна из наиболее загадочных фигур философии периода Чжаньго. Именно ему приписывается философская разработка идей о пяти первоэлементах (*у-син*) и об *инь—ян*. Кроме того, Цзоу Янь первым в Китае стал настаивать на том, что чжоуский Китай (Поднебесная) — это лишь девятая часть одного из девяти континентов, т.е. небольшой регион мира. Оригинальные взгляды Цзоу Яня в аутентичных текстах не сохранились. Однако сам факт существования и разработки высказанных им идей позволяет предположить, что они, как упоминалось, были стимулированы внешними влияниями со стороны индо-иранского мира и что эти влияния проникали в Цзися через юг, долгим путем с запада на восток по обширным землям Чу.

Богатое Ци, аннексировав ряд соседних государств, включая Сун, стало в III в. до н.э. одним из сильнейших в чжоуском Китае и одно время даже соперничало с Цинь в борьбе за звание *ди* (император), от которого, впрочем, в то время (начало III в. до н.э.) оба царства благоразумно отказались. Ци, как известно, последним пало в 221 г. до н.э. в борьбе с Цинь за гегемонию в чжоуском Китае.

Что касается трех царств, возникших на развалинах огромного Цзинь, то все они тоже играли заметную роль в борьбе сильнейших в Чжаньго. С именем Улин-вана связано усиление северного Чжао в конце IV в. до н.э. и включение в состав войска конницы, с которой до тех пор китайцы не были знакомы. Вэйский Вэньхоу прославился своей мудростью на рубеже IV—III вв., хотя после его смерти это не слишком способствовало укреплению Вэй. Южная часть Цзинь, Хань, присоединив царство Чжэн, укрепила свои позиции. Однако все три бывшие части Цзинь, действуя обычно сообща, не могли стать достойным соперником того же Цинь — чаще они использовались Ци, дабы сплотить государства Чжунго против полуварварского напористого царства.

Царство Янь стало процветающим и богатым лишь в III в. до н.э., когда соотношение сил в чжоуском Китае в основном уже сложилось. Борьба с соседним на юге Ци не была в пользу Янь, как и не принесли большого успеха временные союзы и тем более конфликты с другими соседями, прежде всего из числа наследников Цзинь. В целом следует заметить, что из царств Чжунго лишь Ци сохранило силу и влияние, тогда как остальные чаще терпели поражения, чем добивались успеха. Борьба в период Чжаньго, жестокая и кровопролитная, когда число убитых в сражениях и казненных пленных исчислялось десятками, а порой и сотнями тысяч (особенно прославились жестокостью войска Цинь), была в основном в пользу полуварварских еще вчера государств. Почему же?

Уже шла речь о том, что в конце Чуньцю в чжоуском Китае (как в рамках Чжунго, так и на периферии) возникли две различные модели развития. В период Чжаньго спецификой царств Чжунго оказалось сближение обеих моделей, т.е. в конечном счете смягчение жестких волевых операций реформаторов общеправяемой традицией, стократ усиленной после ее разработки Конфуцием и его последователями. Эта начальная стадия длительно для всего чжоуского Китая процесса синтеза обеих моделей проявила себя в рамках царств Чжунго тем, что, воспетая конфуцианцами традиция, явственно довлела над умами, доминировала и в менталитете, и в соответствующих ему акциях. Это и была та цивилизованность в лучшем смысле этого слова, которая, прежде всего в глазах самих жителей Чжунго, всегда отличала их

не только от дальних варваров, но и от ближайших полуварварских соотечественников-соседей, прежде всего от Цинь и Чу.

Что же касается Цинь и Чу, то там легизм как жесткая политика силовых реформ был воспринят в его обнаженной, практически почти ничем не облагороженной форме. Это способствовало последовательности проведения и результативности реформ как таковых, особенно в постшаньянском Цинь, а также явилось причиной той жесткости силовых методов, которые, будучи рождены и благословлены жестким легизмом, стали нормой во взаимоотношениях этих государств с их противниками. Существенно добавить, что высшие авторитеты в сфере древнекитайского военного дела Сунь-цзы и У-цзы (У Ци), уроженцы развитых царств Чжунго, лучше всего сумели применить свои способности вне Чжунго. Для Суня, согласно традиции, это была служба в царстве У, а для У Ци — в Чу (военные успехи У Ци в Вэй не принесли ему желанной власти и вынудили бежать в Чу).

Как бы то ни было, но мощь Цинь и Чу неуклонно росла, причем этот рост был связан не только с военным могуществом, но и с внутренней трансформацией. Особенно очевидным это было для сильнейшего из них — Цинь. Первым из знаменитых древнекитайских мыслителей, кто вынужден был признать это и сделать соответствующие выводы, оказался Сюнь-цзы, виднейший древнекитайский конфуцианец.

Сюнь-цзы (313–238 гг. до н.э.), как и его старший современник Мэн-цзы (372–287 гг. до н.э.), принадлежали к числу интеллектуальной элиты Чжаньго. Оба бывали в академии Цзися, но в разное время, едва ли встречаясь (Сюнь-цзы был слишком молод, когда маститый и всеми признанный мудрец Мэн-цзы уже умер). Но судьба распорядилась так, что именно они оказались во главе двух наиболее влиятельных и притом весьма различных направлений конфуцианства. Мэн-цзы, как и его великий предшественник Конфуций, был ортодоксом, чьи возвышенные идеалы не до-

Мэн-цзы

пускали компромиссов. Считая, что «изречения Ян Чжу и Мо Ди заполонили Поднебесную», Мэн-цзы видел свой долг в том, чтобы восстановить и приумножить престиж потускневшего было

на фоне новых доктрин конфуцианства. И он многое сделал для этого, приняв вызов вновь сформировавшихся идеологических концепций, будь то цинизм Яна, экстремизм Мо или даосские идеи о наполняющих Вселенную микрочастицах *ци*.

Развивая идеи Конфуция, Мэн-цзы вновь подчеркнул, что общество состоит из трудящихся низов и управляющих верхов, причем верхи существуют ради блага низов и всегда должны помнить об этом. Мэн-цзы воспел доброту натуры человека. По его мнению, люди становятся злыми от тяжелых условий бытия, и причины тому социальные. Он упрекал всех современных ему правителей в том, что они далеки от идеала, а в качестве идеала предложил упоминавшуюся уже систему *цзин тянь*. Эту форму труда, владения землей и налогообложения Мэн-цзы считал оптимальной. Он охотно делился своей мудростью с приглашавшими его правителями и брал за это щедрые дары, высоко ценя свои знания. Но, подобно Конфуцию, реальной властью Мэн-цзы не обладал.

Если Мэн-цзы стоял за чистоту конфуцианства и противопоставлял это учение всем новым, то Сюнь-цзы в отличие от него способствовал тому, чтобы учение Конфуция перестало быть только благородной нравственной нормой и стало бы чем-то большим для мятущейся в поисках гармонии и высшего порядка огромной страны. Сюнь-цзы считается реалистом. В молодости посетив царство Цинь (он был родом из Чжао), наблюдательный философ был поражен тем эффектом, который дали реформы Шан Яна. На него произвели большое впечатление и процветание страны, и господствовавшие в Цинь порядок и дисциплина. Считая вопреки Мэн-цзы, что человек по натуре порочен и лишь правильное воспитание способно сделать его нравственным, Сюнь-цзы с сочувствием воспринял некоторые легистские идеи, способствовавшие «правильному воспитанию» в его понимании. Оставаясь, как и все конфуцианцы, горячим сторонником самосовершенствования человека, он счел по меньшей мере некоторые методы из арсенала легизма заслуживающими внимания для реализации такого рода самосовершенствования.

Будучи прагматиком и в отличие от Мэн-цзы стремясь придать такой же оттенок конфуцианству в целом, Сюнь-цзы не остановился перед тем, чтобы переинтерпретировать традиционный облик Конфуция, приписав ему казнь некоего шао-чжэна Мао во времена, когда Конфуций будто бы был министром в Лу. Примечательно, что Мао был казнен не за какие-либо серьезные (уголовные) преступления, а лишь за то, что своими речами смущал народ. Иными словами, Сюнь-цзы пытался представить Конфуция не просто гонителем инакомыслящих, но кем-то вроде министра-легиста, борющегося за послушание, дисциплину, поряд-

док, точное выполнение предписаний начальства с жестоким наказанием за непослушание.

Нельзя сказать, что вся мудрость и деятельность Сюнь-цзы сводились лишь к этому. Он был глубоким и незаурядным мыслителем, немало внесшим в конфуцианство и в древнекитайскую мысль в целом. Однако стремление к рационалистическому синтезу классического (и явно утопического — особенно в представлении Сюнь-цзы) конфуцианства с добивающимся реальных успехов и в конечном счете по ряду позиций сходным с ним легизмом стало главным в его учении. Далеко не случайно оба знаменитых ученика Сюнь-цзы, философ Хань Фэй-цзы и министр Ли Сы, стали соответственно великими теоретиком и практиком именно легизма, практически уже вовсе отбросив конфуцианский камуфляж.

Поворот в идеях, совершенный влиятельным конфуцианцем Сюнь-цзы, — очень важный шаг на пути великого синтеза идей, под знаком которого прошла почти вся вторая половина I тыс. до н.э. в Китае. Именно этот путь был доминантой периода Чжаньго. И хотя Чу и Цинь отличались от большинства царств Чжунго в первую очередь тем, что в них меньшую роль играла конфуцианская традиция, именно они внесли свой весомый вклад в формирование древнекитайской позднежоуской цивилизации. Вклад Чу проявился в форме обогащенного даосизмом менталитета с его интравертной погруженностью индивида в мировоззренческие проблемы (в чем-то близкие к классическим индийским), склонностью к мифопоэтической лирике (первый поэт, заявивший себя как авторская личность, Цюй Юань, был родом из Чу) и заметным стремлением сблизиться с высокой культурой конфуцианского Чжунго. Что же касается Цинь, то здесь возник собственный вариант синтеза конфуцианства и легизма, который был реализован при дворе известного богатого купца Люй Бувэя и обрел форму энциклопедии Люй-ши чуньцю.

Правда, в самом Цинь существовали, видимо, разные точки зрения на то, каким должно быть упомянутому синтезу и следует ли ему вообще быть в этом царстве. Ведь тот факт, что при дворе Люй Бувэя собирались (как то было и в циской академии Цзися, с которой Люй очевидно соперничал) десятки и сотни выдающихся умов Китая, мыслителей разных школ, авторов будущей энциклопедической сводки, сам по себе может рассматриваться лишь как тенденция, пусть даже назревшая и закономерная. Хорошо известно, однако, что этой тенденции противостояла другая, отстаивавшая классический легизм как систему администрации в ее наиболее жестком шанъяновском стиле.

Вообще проблемы администрации в рамках столь желанного царства высшей гармонии и образцового порядка становились в конце Чжаньго все более актуальными и жизненно важными.

Мыслители разных школ так или иначе затрагивали их в своих рассуждениях, однако наиболее полные и завершенные конструкции были предложены конфуцианцами и легистами, причем эти предложения гармонично вписывались в те модели с их основными целями и установками, о которых уже шла речь.

Чжоу-луская конфуцианская идеальная конструкция Поднебесной была впечатляюще отражена в капитальном трактате «Чжоули», написанном примерно в III в. до н.э. В этом умело составленном и тщательно систематизированном тексте оказалась в мельчайших деталях воплощена идеальная схема гигантской государственной машины, которая несколькими веками раньше лишь в общих чертах была намечена в материалах «Шуцзина», повествовавших о золотом веке Яо, Шуня и Юя. В «Чжоули» дано описание гигантского централизованного административного аппарата, необходимого для управления империей. Аппарат состоит из шести министерств — Неба во главе с *да-цзаем*, Земли во главе с *да-сыту*, церемоний во главе с *да-цзунбо*, войны во главе с *да-сыма*, наказаний во главе с *да-сыкоу* и общественных работ (описание этого последнего в тексте отсутствует и замещено разделом «Као-гун цзи», в котором подробно рассказано о ремеслах и ремесленниках).

В каждой из глав, характеризующих то или иное министерство, подробнейшим образом, с учетом иерархического соподчинения и ранга, обрисована номенклатура ведомств и служб, скрупулезно описаны регламент и сферы деятельности каждого из чиновников всех звеньев управления. В многочисленных пояснениях и комментариях содержится немало интереснейших подробностей о функциях и обязанностях чиновников аппарата администрации. Так, например, в министерстве Земли в их число входит забота о крестьянских наделах, о поддержании должных отношений между людьми, включая обеспечение вдов и сирот, стариков и неимущих. Здесь же упоминается о необходимости вести регистрацию земли и населения, определять нормативы повинностей, следить за состоянием дорог и гостиниц при них и даже заботиться о том, чтобы мужчины и женщины вовремя вступали в брак.

Чиновники этого министерства были обязаны руководить ремесленниками и торговцами, поддерживать порядок на рынках, следить за мерами, монетами, ценами и пошлинами, качеством товаров и перемещениями торговцев. Особая категория администраторов призвана была ведать лесами, водами, горами, озерами, парками, металлами и минералами, охотой и заготовкой рогов, клыков и перьев. Служителям амбаров следовало заботиться о семенах и страховом фонде зерна для убогих и нищих. Аналогичным образом выглядели в трактате и описания функций чиновников других министерств.

Феномен трактата Чжоули давно уже находится в центре внимания специалистов. Дело в том, что его текст составлен таким образом, будто все описанное в нем некогда реально существовало, т.е. являет собой ту структуру золотого века прошлого, которую нерадивым потомкам ныне следует вспомнить и восстановить ради их же блага. На деле же «Чжоули» является идеальной схемой, в которую ее авторы вложили (кое в чем опираясь на действительно существовавшие в различных царствах или в аппарате управления времен Западного Чжоу нормы администрации, включая номенклатуру чиновников, а кое-что сочинив заново) свое представление о том, как должна выглядеть Поднебесная и как следует ею управлять. Трактат в этом смысле является тем самым ответом на вызов времени, который формулировался конфуцианцами на протяжении почти трех веков, от Конфуция до Сюнь-цзы. Суть этого ответа сводилась к тому, что централизованная империя должна быть единым цельным социально-политическим организмом, в котором все тщательно пригнано, ничто не опущено, а генеральной основой, своего рода костяком является стройная чиновничье-бюрократическая конструкция.

Составление трактата «Чжоули» означало не только то, что конфуцианский ответ на вызов эпохи был окончательно сформулирован, но также и то, что сторонники этой модели имеют достаточный интеллектуальный потенциал и поддержку в обществе для того, чтобы попытаться реализовать их проект. Однако слабость и проекта, и его составителей и сторонников была в отсутствии серьезной политической основы. И доминанты Чжоу, и царство Лу и некоторые другие примыкавшие к ним государства, характеризовавшиеся сильными и влиятельными конфуцианскими традициями, не были в числе тех, на чьей стороне в конце Чжань-го была сила. А политическая и военная сила в ту пору оказалась на стороне тех крупных царств, где давно уже пользовалась предпочтением иная, легистская в своей основе, модель Поднебесной. Восходящая к циско-цинъюнской модели реформ, она сильно трансформировалась после реформ Шан Яна в Цинь и в конце IV и тем более в III в. до н.э. практически уже стала именно цинъюнской легистской моделью чиновничье-бюрократического государства.

Этому способствовали и те серьезные стадийно-структурные изменения, которые с особой силой проявили себя в конце периода Чжань-го. Прежде всего, в позднечжоуском Китае на смену ранним государствам пришли государства вполне развитые. Специфическим отличием развитых государств от ранних, если следовать привычной схеме этапов развития политогенеза, является формирование таких важных институтов, как система принуждения, опирающаяся на жесткий регламент (закон), а также появление в качестве итога приватизации развитой системы рыночно-частнособственнических

отношений. То и другое вполне проявило себя в царствах времен Чжаньго с их большими городами, развитыми ремеслом и торговлей, рыночными связями и в то же время с мощной силовой структурой, призванной контролировать и ограничивать потенции частных собственников и рынка.

Именно этот последний момент важно особо подчеркнуть, так как в нем отражаются принципиальные различия между классическим традиционным Востоком, в нашем случае представленным позднечжоуским Китаем, и античной Европой, первые полисы которой появились незадолго до начала периода Чжаньго. Если для европейского пути развития с появления эллинских полисов основой структуры стали рыночно-частнособственнические отношения, на страже которых стояло само гражданское общество полисов, выработавшее необходимые для защиты граждан и собственников институты власти (демократия с ее сложными процедурами) и правовой защиты, то для восточного пути всегда была характерна структура командно-административно-распределительного типа. Разумеется, рынок, строго контролируемый властью, был необходим и для традиционного Востока с его развитыми государствами. Будучи не в состоянии обойтись без него (он играет роль кровеносной системы в развитом организме) и обогащаясь, стабилизируясь за его счет, командно-распределительная структура тем не менее всегда оставалась на Востоке господствующей.

Это проявлялось как в полном ее произволе по отношению к подданным (граждан традиционный Восток не знал, а подданные официально никогда не имели тех льгот, привилегий и гарантий для индивида-собственника, которые были основой структуры античного типа), так и в декларируемых ею принципах (государство превыше всего или, по Шан Яну, слабый народ — сильное государство), не говоря уже о сложившихся стереотипах поведения самого общества. Известно, например, что в истории Китая в нередкие для нее моменты децентрализации и деструкции частные собственники первыми гибли под ударами разъяренной толпы восставших обездоленных крестьян, которые видели своих врагов прежде всего в нерадивых чиновниках и богачах, виновных в кризисе. Известно и то, что спокойно чувствовали себя богатые собственники только под защитой сильного государства и в периоды стабильности и процветания. Из этого следует, что частные собственники на Востоке, в частности в Китае, не только были лишены прав и гарантий, но и сами были заинтересованы в существовании ограничивавшей их возможности и жестко их контролировавшей сильной власти.

Формирование именно такого рода взаимоотношений между частными собственниками и укреплявшей свои позиции центра-

лизованной властью как раз и приходится на период Чжаньго, в основном на вторую его половину. Этот процесс наиболее наглядно демонстрируется успехами царства Цинь в связи с реформами Шан Яна. Но так или иначе — он был характерным и для всех остальных царств, для всего позднечжоуского Китая. За два с небольшим века периода Чжаньго чжоуский Китай изменился в этом смысле весьма существенно, кое в чем до неузнаваемости. Вспомним, что в начале его еще агонизировала удельная система, практически отсутствовал рынок, лишь зарождались частная собственность и товарно-денежные связи, только-только появилось железо, и с его широким распространением стали ощущаться преимущества железного века. Правда, уже сказали свое веское слово Конфуций, начались заметные перемены в менталитете общества. Но, как бы то ни было, именно за первые два века после Конфуция, в период Чжаньго, Китай сумел добиться очень многого.

Рухнула прежняя замкнутость. Конечно, войн в период Чжаньго было не меньше, чем в Чуньцю, но они не мешали экономическому развитию, расцвету городов с их ремеслами и торговлей, деньгами и рынками. Распространение достижений железного века, и в частности новых орудий труда, способствовало развитию ирригации и дало сильный толчок экономическому росту деревни. Явно запоздавший в чжоуском Китае процесс приватизации шел бурными темпами и не мог не коснуться крестьянства, связав его с городским рынком. Рос объем производства, быстро увеличивалось народонаселение, что способствовало ускоренному освоению пустовавших прежде территорий. Дал заметный результат давно уже протекавший, но резко убыстрившийся именно в Чжаньго процесс адаптации варварских и полуварварских государственных образований. Источники времен Чжаньго уже практически не упоминают о *жунах* и *ди* на собственно китайской территории, — *жуны*, *ди*, даже южные хуайские *и* были в большинстве своем китаизированы и стали интегральной частью Поднебесной.

Невиданного расцвета достигла в Чжаньго древнекитайская мысль со всеми ее «ста школами». Спецификой философских поисков стало явно выраженное стремление направить основные интеллектуальные усилия на то, чтобы выработать приемлемую для большинства формулу государства и общества гармонии и порядка. И если некоторые направления мысли уходили в сторону от целенаправленного поиска, как это имело место в случае с даосизмом, то такого рода исключения лишь подтверждали правило. Правило же сводилось к тому, что в период Чжаньго, как и до него, в центре внимания духовной культуры Китая были устремления к социальному и политическому совершенствованию. Устремления подобного рода опирались на жесткую норму,

ритуальную этику и формализованный церемониал, но не на религию, тем более не на развитую религиозную систему, которой в чжоуском Китае фактически не существовало.

Период Чжаньго был отмечен ярким расцветом и художественной культуры. Совершенствовались музыка и музыкальные инструменты, что было не только тесно связано с потребностями развивавшегося ритуального церемониала, но стимулировалось также и развитием гражданской поэзии и песенной лирики, вершиной которой следует считать элегии первого китайского поэта Цюй Юаня (до него поэзия была представлена лишь безымянными стихами, одами и гимнами «Шицзина»). Делали первые, но впечатляющие шаги живопись (рисунки на шелке и т.п.) и скульптура, развивалось искусство каллиграфии. Большие успехи были достигнуты в городской и особенно дворцовой архитектуре. Именно в Чжаньго расцвело искусство книгописания и книгоделания — первые китайские книги являли собой связки длинных бамбуковых планок (на каждой планке — вертикальная строка или пара строк иероглифов), причем объемистая книга требовала для ее перемещения чуть ли не целую телегу.

Все эти крупные и в основе своей благотворные для Китая перемены и процессы протекали, однако, на фоне постоянных и жестоких войн. Эти войны теперь уже опирались на строгие правила военного искусства, детально разработанные выдающимися воинами-профессионалами и запечатленные в специальных трактатах, которые до наших дней высоко ценятся и тщательно изучаются в военных академиях. Лейтмотив этих трактатов, прежде всего «Сунь-цзы» и «У-цзы», сводится к тому, что война — это не преодоление противника грубой силой, но высокое искусство тактики, маневра, хитрости и обмана, базирующееся на хорошем знании состояния дел в лагере противника (здесь важную роль должны были играть шпионы), на учете психологии, морального духа армии и т.д. и т.п.

Разумеется, не всегда все эти тонкости использовались в перманентных и крупномасштабных войнах, которых было в период Чжаньго, как уже говорилось, великое множество. Но они, как и все перемены, сказались на характере войн. Правда, из источников далеко не всегда ясно, насколько удачно был использован тактический маневр, но зато они наглядно показывают, сколь часто и как безжалостно расправлялись с побежденными, уничтожая их десятками, а то и сотнями тысяч (чего не было в войнах периода Чуньцю). Лидировало же в такого рода истребительных войнах царство Цинь.

Глава IV

СОЗДАНИЕ КИТАЙСКОЙ ИМПЕРИИ. ДИНАСТИИ ЦИНЬ И ХАНЬ

1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И КРАХ ИМПЕРИИ ЦИНЬ

Именно теперь, в конце длительной эпохи Чжоу, на заключительном этапе периода Чжаньго в Поднебесной (конкретные очертания которой к этому времени практически слились с Чжунго, ибо принципиальная разница между цивилизованными срединными царствами и полуварварской периферией в основном исчезла) начали вырисовываться контуры единой империи. Эту империю, формирование фундамента которой заняло почти тысячу лет, нельзя назвать скороспелой. Напротив, основные ее механизмы и детали были тщательно продуманы и в своей совокупности почти идеально соответствовали как полуутопическим проектам поколений мудрецов-реформаторов, так и некоторым генеральным социологическим закономерностям политогенеза.

Речь идет в первую очередь о том, что, если вспомнить теории «азиатского» (государственного) способа производства, — перед нами на глазах складывающаяся гигантская машина хорошо продуманной бюрократической администрации в рамках все увеличивающейся за счет завоеваний империи. Опирающийся на принципы власти-собственности и централизованной редистрибуции аппарат бюрократической администрации этой империи уже готов был взять в свои руки все рычаги абсолютной власти. Но как этими рычагами распорядиться? И именно здесь столкнулись две параллельно совершенствовавшиеся модели древнекитайского общества.

Сразу стоит заметить, что многое в этих моделях было однотипным и достаточно адекватно отражало реалии позднечжоуского Китая. Для обеих была характерна концентрация власти в руках правящих верхов, используя привычные марксистские термины, — государства-класса, который твердо стоял надо всем остальным обществом, намереваясь управлять им в его же собственных (но прежде всего, конечно, в своих) интересах. Вопрос был лишь в том, как управлять. И в этом пункте словесные споры помочь не могли. Решить проблему могла только практика исторического процесса. Практика же вначале явно была на стороне силы, легистского кнута в рамках циньской модели.

Именно военные успехи Цинь положили начало превосходству этого царства над другими. Возрастание его военной мощи восходит к реформам Шан Яна, смысл и цель которых как раз и сводились к тому, чтобы за счет усиления жесткой административно-бюрократической власти и предоставления льгот земледельцам создать условия для военно-политической экспансии. Результаты реформ (которые столь поразили посетившего Цинь в начале III в. до н.э. Сюнь-цзы) сказались на военных успехах. Наибольшие достижения в этом плане связаны с полководцем Бай Ци, который в середине III в. до н.э. одержал над соседними царствами ряд решающих побед, завершившихся неслыханными жестокостями. Так, например, после сражения под Чанпином в 260 г. до н.э. все четыреста тысяч воинов царства Чжао были казнены (цифра столь невероятна, что подчас ставится исследователями под сомнение).

Успехи Цинь, как упоминалось, вызвали отчаянную попытку уцелевших царств создать коалицию, вертикаль — *цзун* (включающую все царства от северного Янь до южного Чу), против

Цинь Ши-хуанди

западного Цинь. Коалицию поддерживал и дом Чжоу. Но было уже поздно. Противники Цинь один за другим терпели поражение. Рухнул и дом Чжоу, а девять треножников — символ власти сына Неба — перешли к Цинь. Уже в 253 г. до н.э. именно циньский ван вместо чжоуского сына Неба принес в своей столице очередную официальную жертву в честь небесного Шанди. На этом, собственно, формально и кончилась эпоха Чжоу. Однако завершающие удары, окончательно сокрушившие соперников Цинь в борьбе за империю, пришлось на последующие десятилетия и были связаны с име-

нем и деятельностью последнего правителя царства Ин Чжэна, будущего императора Цинь Ши-хуанди (239—210 гг. до н.э.).

Став у власти в 246 г. до н.э. в 13-летнем возрасте, он вначале опирался на помощь главного министра Люй Буэя (Сыма Цянь приводит легенду, согласно которой Ин Чжэн был сыном наложницы, подаренной его отцу этим Люем, делая намек на сомнительное происхождение императора), но затем решительно отстранил его от должности и назначил на нее легиста Ли Сы, уже упоминавшегося ученика Сюнь-цзы. Ли Сы оказывал большое влияние на молодого правителя, и некоторые специалисты

не без основания считают, что именно его, а не Ин Чжэна следует считать подлинным создателем империи Цинь.

Судя по имеющимся данным, Ли Сы был решителен и жесток. Он оклеветал своего талантливого соученика Хань Фэй-цзы, блестящего теоретика позднего легизма, которому явно завидовал, и тем самым довел его до гибели (впоследствии, прочитав сочинения Ханя, Ин Чжэн сожалел, что заключил его в тюрьму, где тот, по преданию, принял яд, полученный от Ли Сы).

Ин Чжэн и Ли Сы продолжили успешные войны с соперниками на востоке. В 230 г. до н.э. было уничтожено царство Хань, в 225 г. — Вэй, в 223 г. — Чу, в 222 г. — Чжао и Янь, а в 221 г. — Ци. После этого вся Поднебесная оказалась в руках Ин Чжэна. Он основал новую династию Цинь и стал именовать себя первым ее правителем (Ши-хуанди, Первый священный император). Собственно, именно этот 221 год до н.э. и поставил точку на периоде Чжаньго с его соперничеством царств и кровопролитными войнами. Естественно, что перед новым императором сразу же стал вопрос, как управлять добытой им в боях империей.

По совету Ли Сы Ши-хуанди решительно отверг идею создания уделов для своих близких, на чем настаивали советники, уважавшие традицию. И это легко было понять — удельная система вполне доказала свою деструктивность в периоды Западного Чжоу и Чуньцю, так что возрождать ее при стремлении к жесткой централизации не было ни смысла, ни необходимости. Что же касается традиций, то Ши-хуан готов был пренебречь ею. Взамен император создал стройную апробированную шанъяновским легизмом систему централизованной администрации. Он ликвидировал привилегии наследственной знати, насильственно переместив около 120 тыс. ее семей из всех царств чжоуского Китая в свою новую столицу с тем, чтобы оторвать аристократов и потомков прежних правителей от родных мест, лишить связи с бывшими подданными и тем ослабить этот наиболее опасный для его власти социальный слой. Вся империя была разделена на 36 крупных областей, границы которых не совпадали с очертаниями прежних царств и княжеств, а во главе этих областей были поставлены губернаторы — *цзюньшоу*. Области в свою очередь были поделены на уезды (*сянь*) во главе с уездными начальниками, *сяньлинями* и *сяньчжанами*, а уезды — на волости (*сян*), состоявшие из мелких административных образований — *тинов*, по десятку деревенок — общин *ли* в каждом из них.

Все должностные лица империи, будь то чиновники на уровне *тинов*, *сянов*, *сяней* или *цзюней*, работники центральных ведомств или цензората-прокуратуры, имели соответствующие административные ранги, свидетельствующие о месте и статусе

их обладателя. Если низшие из этих рангов могли иметь обычные простолюдины, то средние, начиная с 8-го, принадлежали только чиновникам, получавшим за свою службу жалованье из казны, а высшие (19 и 20-й ранги имели считанные единицы) предполагали даже право на кормление. Прокуроры в этой системе администрации обладали особым статусом и исключительными полномочиями. Они были своего рода личными представителями императора, обязанными внимательно следить и правдиво докладывать ему обо всем, что происходит в стране. Тем самым система шанъяновских доносов была реализована в общегосударственном масштабе. Впрочем, вне зависимости от государева ока вся масса чиновничества была по шанъяновским же рецептам повязана круговой порукой с взаимной слежкой и наказанием за недонесение, с ответственностью поручителей за их провинившихся протеже.

В империи были отменены административные распоряжения и указы, действовавшие до того во всех царствах и княжествах, а взамен было введено новое жесткое законодательство. Суть этого законодательства (опять-таки по-шанъяновски до предела элементарная) сводилась к беспрекословному подчинению распоряжениям начальства под страхом суровых наказаний за малейшую провинность. Была введена новая система мер и весов, унифицированы денежные единицы (главной из них стала круглая медная монета с квадратным вырезом и именем правящего императора на лицевой стороне, сохранившаяся с тех пор до XX в.), меры длины (полуверста — *ли*) и площади (*му*). Вместо усложненного чжоуского письма было введено упрощенное (*лишу*), в основных своих параметрах сохранившееся до XX в.

Весь административный аппарат страны, призванный следить за проведением в жизнь нововведений и осуществлять управление на всех уровнях, имел ряд важных привилегий, в частности освобождался от налогов и повинностей и хорошо оплачивался. Для лучшего контроля за ним была введена двойная система подчинения: чиновники на местах подчинялись как начальникам более крупных территориально-административных объединений, в которые они были включены, так и министрам и чиновникам соответствующих центральных ведомств, с требованиями которых они обязаны были считаться (как, впрочем, и с требованиями и указаниями цензоров-прокуроров). Военные подразделения также были включены в общую административную схему и лишены обособленности, которая могла бы излишне усилить власть их руководителей. Стоит заметить, что сразу же после создания империи Ши-хуанди приказал собрать во всех царствах оружие (имелось в виду оружие из бронзы, лучшее из того, чем обладали армии) и свезти его в столицу, где из него были отлиты колокола

и массивные статуи. Жест этот, несомненно, имел символический характер, ибо вообще-то император придавал оружию, как и армии, огромное значение.

Следуя легистским нормам, Цинь Ши-хуан поощрял земледельческие занятия. Все крестьяне империи получили наделы земли, налоги и повинности были достаточно умеренными, во всяком случае на первых порах, а земледельцы имели даже право, как уже упоминалось, на административные ранги — это придавало им престиж, вызывало уважение со стороны односельчан, а также давало шанс при выборах на должность старейшин (*сань-лю*) и т.п. Ремесла и торговля, имевшие уже в основном частный характер, хотя и продолжавшие обслуживать потребности двора и казны, не пользовались открытой поддержкой властей. Однако их и не преследовали, как к тому в свое время призывал Шан Ян. Напротив, наиболее богатые из ремесленников и торговцев могли стать откупщиками, налаживать производство руды, соли или вина, правда, под контролем властей. Контролировались и цены на важнейшие продукты питания, прежде всего на зерно. Была создана сеть государственных мастерских, куда отбирались для выполнения трудовых повинностей на определенный срок лучшие мастеровые, умевшие изготавливать оружие или иные высококачественные изделия, необходимые для все расширявшихся престижных потребностей верхов.

В рудниках, на строительстве дорог и иных тяжелых работах, включая строительство столицы с ее сотнями роскошных дворцов и мавзолеем для императора, а также на сооружении Великой стены использовались как рядовые подданные, обязанные нести трудовую повинность, так и порабощенные за преступления, коих было весьма много. Миллионы преступников, мобилизованных крестьян и ремесленников ежегодно направлялись на эти стройки, особенно на север, где возводилась стена. Существовавшие там и прежде валы, возводившиеся правителями северных царств Чжунго против набегов кочевников, были перестроены, соединены воедино и превращены в облицованную камнем гигантскую стену с башнями, бойницами и воротами именно при Ши-хуане, за десять с небольшим лет. За эти же годы была отстроена сеть стратегических дорог, соединявших столицу с далекими окраинами империи. Сам император ездил по ним с инспекционными поездками, устанавливал время от времени в различных районах империи стелы, на которых записывал свои деяния и заслуги.

Заметим, что в целом легистская система административных реформ и методика их осуществления давали эффект, причем достаточно быстрый и наглядный. Империя преобразовывалась

очень быстро, обретая безусловный Порядок, но не слишком то заботясь при этом о внутренней Гармонии. Пожалуй, именно в этом и было ее слабое место. Конфуцианцы и иные оппоненты императора много и открыто критиковали его за отказ от традиций, жестокость наказаний, небрежение к тем самым духовным потенциям нравственности и добродетели, которые были едва ли не главным в учении Конфуция и во многом соответствовали уже сложившейся ментальности и основам мировоззрения жителей Поднебесной. Император агрессивно реагировал на критику. В 213 г. до н.э. он приказал сжечь все древние книги, в 212 г. — казнить 460 наиболее активных оппонентов. Это усилило ненависть к нему. На Ши-хуана совершались покушения, он боялся спать дважды в одном и том же дворце и не сообщал, где намерен провести следующую ночь.

Ненависть к новым порядкам и их живому олицетворению Ши-хуану усиливалась, по мере того как первые результаты реформ, давших экономический эффект, стали перекрываться дискомфортом, вызывавшимся армейско-казарменными порядками в стиле Шан Яна, к которым подавляющая часть населения Поднебесной не привыкла. Отправление на строительство Великой стены воспринималось в стране как ссылка на каторгу, откуда мало кто возвращается. Длительные войны против сюнну на севере и во вьетских землях на юге тоже были чем-то вроде бессрочной ссылки. По мере нехватки средств в казне поборы с населения увеличивались, что вызывало протесты. Недовольство жестоко подавлялось, виновные — будь то критикующие конфуцианцы или бунтующие крестьяне — сурово наказывались. Средств для строительства и войн требовалось все больше, взять их можно было только лишь за счет увеличения налогов и трудовых повинностей. И налоговый гнет беззастенчиво увеличивали, не считаясь с тем, вынесет ли его и без того обездоленный народ. К тому же жестокость по отношению к конфуцианцам и конфуцианству лишила людей даже не столько права апеллировать к традиции, сколько духовного комфорта. В результате порядок без гармонии обратился в экстремистский произвол, в своего рода беспредел, способный вызвать лишь отчаяние и толкнуть на крайние меры ради поправленных принципов и идеалов.

Как легко заметить, циньская модель централизованного государства, воплощенная в жизнь стараниями Ши-хуана и Ли Сы, заметно отличалась от конфуцианской в стиле идеальной схемы Чжоули. Если у конфуцианцев огромную роль играли патернализм и постоянная мелочная, даже навязчивая забота управляющих верхов об управляемых низах, к которой чжоусцы за долгие века в определенной мере привыкли и которая санкционирова-

лась традицией, то здесь все было иначе. Конечно, справедливости ради следует заметить, что и в легистской схеме Цинь Ши-хуана было определенное место для традиции, опиравшейся именно на конфуцианские ценности. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть помещенные в шестой главе сочинения Сыма Цяня тексты стел, в которых есть немало рассуждений на тему о гуманности и справедливости, даже о деяниях древних мудрецов. Иными словами, циньский император был в какой-то мере причастен к идее синтеза конфуцианства и легизма, пусть даже в наиболее близкой к жесткому легизму форме. И все же от такого синтеза у Ши-хуана остались в основном только стереотипные фразы. Что же касается конкретных дел и тем более стратегии строительства империи, то здесь легистская административная модель предстала в своем наиболее бесчеловечном варианте.

Это хорошо видно на примере всей деятельности императора, который явно недостаточно понимал и, главное, практически не учитывал традиционную социально-психологическую ориентированность своих подданных. Фразы из стел, обращенные к потомкам, никак не влияли на смягчение политики, где преобладал безусловный административный диктат и практически не было места привычному для людей традиционному конфуцианскому патернализму. Умело выстроенный Ши-хуаном и Ли Сы гигантский аппарат бюрократической администрации давил на подданных. Тех же, кто критиковал императора, Ши-хуан гневно ставил на место, а то и безжалостно казнил.

Все это и привело к краху империи. Пока был жив Ши-хуан, никто не смел, да и не мог всерьез противостоять аппарату государственного принуждения. Но после его смерти (в 210 г. до н.э.) ситуация резко изменилась. Унаследовавший трон Эр Ши-хуанди не только не обладал способностями, характером и авторитетом отца, но и вообще едва ли годился в правители (сам Ши-хуан перед смертью завещал передать власть критиковавшему его порядку старшему сыну, чего Ли Сы и другие приближенные сделать не захотели). В результате империя вступила в период придворных интриг и политической неустойчивости, что в свою очередь придало силы оппозиции двора императора. Начались восстания. Их по-прежнему жестоко подавляли, но сил на это уже не хватало. В стране быстрыми темпами росло недовольство. Испуганный Эр Ши-хуан попытался было прибегнуть к казням сановников и приближенных, наиболее ненавистных народу и опасных трону и лично ему. Но империи уже ничто не могло помочь.

Осенью 209 г. до н.э. вспыхнуло восстание Чэнь Шэна, за ним начались другие. Эр Ши-хуан объявил большую амнистию в Поднебесной, стал мобилизовывать войска против повстанцев. Были

сокращены расходы на дорогостоящие стройки, обвинены в преступлениях и казнены еще некоторые видные сановники, включая и Ли Сы. Но, несмотря на все усилия, движение восставших ширилось и набирало силу. Во главе его стал Сян Юй, выходец из бывшего царства Чу. Евнух Чжао Гао, сменивший Ли Сы в качестве главного советника императора, попытался было взять власть в свои руки. По его приказу Эр Ши вынужден был покончить с собой. Однако вскоре во дворце был заколот и сам Чжао Гао. Циньский двор агонизировал, и вскоре династия Цинь прекратила свое существование.

Тем временем у Сян Юя объявились соперники, сильнейшим из которых стал выходец из крестьян Лю Бан. Длительная междоусобная борьба завершилась победой Лю Бана, который и стал основателем новой династии Хань.

История гибели династии Цинь поучительна и заслуживает специального внимания. Как известно, эта тема интересовала многих, начиная с современников событий. Так, в шестую главу труда Сыма Цяня, посвященную жизнеописанию Цинь Ши-хуанди, включено эссе Цзя И, касающееся причин падения, казалось бы, могущественной империи, просуществовавшей менее 15 лет. Цзя И упрекал Ши-хуана за излишнюю самоуверенность, жестокости и бесчинства, осуждал его за отказ внимать критике и исправлять ошибки. Он считал, что недовольство и восстание народа в такой ситуации были неизбежны. По его мнению, отказ от традиций, пренебрежение ими в конечном счете стали причиной краха Цинь.

Можно во многом согласиться с Цзя И. Но более важно обратить внимание на то, что империя Цинь стала в истории Китая своего рода гигантским социально-политическим экспериментом. Это был триумф жесткого легизма, неожиданно продемонстрировавшего в момент наивысшего своего торжества всю его внутреннюю слабость. Казалось бы, — вот она, желанная цель! Страна объединена и усмирена, враги повержены, народ пользуется благами эффективных экономических реформ, империя почти процветает. Правда, для окончательного торжества нужны еще некоторые усилия — необходимо достроить столицу с ее 270 дворцами и пышным мавзолеем, нужны стратегические дороги, Великая стена для защиты от набегов и демонстрации величия империи. Необходимы и дорогостоящие военные экспедиции против варварских племен на севере и юге, дабы все знали о Цинь и трепетали. При этом легистских правителей империи не смущало то, что народ не привык к резко изменившемуся образу жизни, что новые стандарты противоречат укоренившимся традициям, а первые экономические результаты оказались съедены непо-

сильными последующими затратами и расходами жизненных сил подданных империи.

Нельзя не считаться с тем, что период Чжаньго подвел Поднебесную к объединению. Справедливо и то, что институционально, с точки зрения создания работающей административной схемы гигантского государства, наибольший вклад в объединение Поднебесной внесли именно легисты. Собственно, благодаря легизму и реформам Шан Яна укрепилось царство Цинь, сумев одолеть своих соперников и основать империю. Естественно, что эта империя стала легистской и что это был триумф легизма. Однако легизм в его шанъяновской форме был оправдан и принес полезные плоды в отсталом царстве Цинь середины IV в. до н.э., т.е. в стране, где еще не было ни больших городов, ни развитой частной собственности и торговли, ни сколько-нибудь заметной интеллектуальной традиции. Те немногие конфуцианцы, которые посещали Цинь или жили там во времена Шан Яна, не играли заметной роли в жизни полуварварского общества, еще достаточно равнодушного к традициям Чжунго. Неудивительно, что Шан Ян открыто третировал их, именую паразитами за то, что они не занимались полезным физическим трудом.

Но с тех пор многое изменилось, в том числе и царство Цинь, где во второй половине III в. до н.э. уже существовала частная собственность и были достаточно развиты торговля, города и даже интеллектуально-культурные традиции. Еще больше в этом плане изменились государства других частей чжоуского Китая, особенно Чжунго, где ремесла и торговля, города и частная собственность, интеллектуальная жизнь и игра мысли, подчас весьма тонкая и изощренная, давно уже стали нормой. И все это многообразие жизни Цинь Ши-хуан и Ли Сы хотели подчинить своим жестким легистским законам.

В отличие от конфуцианской традиции, которая гармонично впитывала в себя нововведения и, более того, придавала им обогащенный высоко нравственной традицией приемлемый для всех облик, легизм относился к иным доктринам резко отрицательно. Он отвергал все то, что зарождалось в соответствии с духом этической традиции конфуцианства, что вписывалось в эту традицию и обогащало интеллектуальный потенциал Поднебесной. Тем самым легизм помимо его жесткости и бесчеловечности становился откровенно реакционным. Он откровенно отрицал все новое и не соответствовавшее его нормам. Он не любил неожиданностей, ибо они были для него опасны, не терпел замечаний и тем более критики со стороны оппонентов, ибо это подрывало прочность его позиций. То есть, в тех условиях, которые уже

сложился в Китае к концу Чжаньго, легизм оказался нежизнеспособным.

Это утверждение может показаться резким — ведь сумел же Ши-хуан добиться многого за немногие годы его власти. Достаточно вспомнить о Великой стене! Но на это есть четкий ответ: жестокий режим способен на многое, но ценой невероятного напряжения сил, ценой жизни поколения. Однако крайность никогда не может стать нормой. Любой экстремизм неизбежно порождает ответную реакцию, причем достаточно быстро. Общество не выносит длительного перенапряжения. Релаксация же в обществе легистского типа означает крушение всего того, на чем держится жесткость легизма. А коль скоро основы рушатся, гибнет и все остальное. В этом и заключается главная причина краха вроде бы сильной и великой империи. В этом и проявилась нежизнеспособность легизма, который неизбежно должен был быть заменен иной структурой, более мягкой, человеческой и потому жизнеспособной. Такой структурой в Китае стала конфуцианская империя — империя Хань.

2. ИМПЕРИЯ ХАНЬ. У-ДИ И ЕГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

Китайская империя складывалась как централизованное государство на протяжении ряда веков. В принципе империя — это высшая ступень процесса политогенеза. Существовать она может лишь на основе централизованного аппарата власти, который в свою очередь должен опираться на силу. Поэтому нет ничего удивительного в том, что китайская империя возникла в легистской форме. Это был своего рода апофеоз циничной силы. Однако одной силы для формирования устойчивой империи мало. Нужны институты, которые способствовали бы стабилизации социума и хозяйственному балансу. Тому и другому легисты уделяли мало внимания — и проиграли. На смену им пришла новая династия, приложившая немалые усилия для создания социальной стабильности и экономической устойчивости. То и другое было объективно необходимым для структуры, в привычных рамках которой, базировавшихся на власти-собственности и централизованной редистрибуции, возникли противостоявшие тому и другому новые институты рыночно-частнособственнического характера.

Эти институты, как о том уже упоминалось, были вписаны в прежние, но легисты нисколько не заботились о том, чтобы создать некий устойчивый баланс между имущими и неимущими, городом и деревней, правящими верхами и обездоленными низами. И именно массы обездоленных — безземельных и батраков, арен-

даторов и наемников, рабов и слуг — сыграли немалую роль в создании той нестабильности, которая проявилась после смерти Ши-хуана и утраты его преемниками главного, что они имели, т.е. грубой силы. Создать подлинно устойчивую империю, которая опиралась бы не только и даже не столько на силу, сколько на умело выстроенную административно-политическую и социально-хозяйственную структуру, обеспечивавшую консервативную стабильность и обществу, и государству, выпало на долю правителей династии Хань.

Империя Хань возникла не сразу после того, как в 207 г. до н.э. династия Цинь прекратила свое существование. Китай на протяжении нескольких лет был ареной жестокой политической борьбы между претендентами на пустующий императорский трон. Возглавлявшие враждующие регионы военачальники в энергичных схватках сводили счеты друг с другом, создавая на завоеванных ими землях все новые и новые княжества и царства, названия которых иногда совпадали с прежними, существовавшими на тех же территориях до Цинь, а иногда звучали по-новому. Сильнейшими среди них, как упоминалось, оказались вновь созданные политические образования домов Сян и Хань. Борьба между ними завершилась в 202 г. до н.э., когда принявший титул императора ханьский Лю Бан (Гао-цзу) фактически овладел властью во всей Поднебесной.

Лю Бан
(основатель династии Хань)

Но какая империя досталась Лю Бану?! Страна лежала в руинах, ибо отнюдь не все поверженные противники согласились на безоговорочную капитуляцию. Многие из них, напротив, продолжали сопротивляться, ведя дело ко все большей разрухе. Однако главное было в том, что сила центростремительных факторов и тенденций, веками вызревавшая в недрах чжоуского Китая и в немалой степени обеспечившая Цинь Ши-хуанди объединение страны в гигантскую империю, не просто иссякла, но и как бы обернулась своей противоположностью. Наглядный отрицательный опыт недолговечного легистского эксперимента Ши-хуана и последовавший затем развал его империи были той реальностью, с которой столкнулся

одолевающий своих соперников и вновь пытавшийся собрать империю воедино Лю Бан. Конечно, долгодействующие факторы и тенденции сыграли при этом свою позитивную роль, ибо они объективно отражали то, что было результатом длительного исторического процесса: Китай был готов к объединению и вопрос сводился лишь к тому, кому и как удастся этого добиться. Но неудача Цинь не просто замедлила позитивный процесс. Она как бы повернула его вспять, резко замедлила его ход, заставила многое создавать заново, причем в самых неблагоприятных для этого условиях всеобщей разрухи и развала.

Здесь важно вспомнить, что легизм Ли Сы, реализованный в империи Цинь, был крайне нетерпимым. Он ставил своей целью вытравить из памяти людей все то, что так или иначе не совпадало с его нормами и тем самым было оппозиционно по отношению к ним. Понятно, что при этом вся громадная административно-чиновничья система создавалась из тех, кто был слепо послушен легистской доктрине и ревностно реализовывал на практике ее нормативы. И это было как раз то наследство, которое получил не очень-то образованный выходец из крестьян Лю Бан, когда он сел на трон и оказался перед необходимостью управлять империей. Как управлять? С кем управлять? На кого и на что опираться? Эти вопросы были для него тем более актуальными, что, судя по данным восьмой главы труда Сыма Цяня, специально посвященной Гао-цзу, едва ли не все не многие годы его правления в качестве императора новой династии Хань прошли в сражениях с мятежниками, то и дело пытавшимися оспорить его победу и статус императора. И хотя Лю Бан в конечном счете одолел всех своих врагов и, по выражению того же Сыма Цяня, «усмирил Поднебесную», повернув государство «на верный путь», ему и тем более стране это далось нелегко.

Разумеется, у Лю Бана были знающие и опытные советники, в том числе и из числа уцелевших конфуцианцев. Однако они мало что могли сделать при жизни императора в условиях постоянных войн и мятежей, разрухи и развала, не имея достаточного количества помощников-единомышленников, которые были уничтожены еще в Цинь. Кроме того, в институциональном плане противопоставить подуразвалившейся, но все же как-то существовавшей легистской административной системе им было практически нечего. Тексты «Чжоули» здесь помочь не могли. Поэтому Гао-цзу не очень-то спешил с радикальными реформами, не слишком старался противопоставить свой новый режим обанкротившемуся легистскому. Напротив, он старался опереться на те остатки административной легистской структуры, которые

уцелели со времен Цинь, сделав при этом все необходимое для того, чтобы смягчить жесткость легизма Ли Сы и Цинь Ши-хуана.

Уже в 202 г. до н.э. по случаю инаугурации Лю Бан провозгласил широкую амнистию, призвав всех беглых и изгнанных вернуться домой и получить свои земли и жилища. Он отменил суровые наказания времен Цинь и сделал акцент на нижнем звене администрации, на сельских старейшинах — *саньлао*, в среде которых бытовали древние традиции. Сохранив легистскую систему административных рангов, низшие восемь из них он распорядился по-прежнему присваивать простолюдинам, включая *саньлао*. В 199 г. до н.э. было начато строительство дворцового комплекса Вэйянгун в новой ханьской столице Чанань. Однако главной слабостью ханьской власти продолжало быть отсутствие надежной централизованной административной системы. Создать ее вместо развалившейся циньской было делом нелегким и требовало много времени. Кроме того, Гао-цзу сознавал необходимость вознаградить всех, кто помог ему одержать победу, кто был рядом с ним в суровые годы, кто был в числе его родственников и приближенных. Способ вознаграждения, известный из древне-китайской истории, был один — раздать заслуженным людям титулы, ранги и соответствующие земельные пожалования, по большей части с заметными иммунитетными правами, что превращало всех их в могущественных удельных властителей.

Трудно сказать, какой из факторов при этом решении сыграл наибольшую роль, быть может, чашу весов при сомнениях — а сомнений не могло не быть: слишком хорошо было известно, какие опасности таит в себе создание в рамках страны большого количества полунезависимых уделов, — перевесила ссылка на традицию, которой пренебрег в свое время Цинь Ши-хуан, но с которой твердо решил считаться Лю Бан. Во всяком случае, принципиальное решение было принято уже в первые годы его власти, когда в Поднебесной и было создано 143 удела. В среднем это были уделы в 1–2 тыс. дворов, иногда меньшие, но подчас и много большие, вплоть до 10–12 тыс. Каждый из владельцев удела и только он имел титул *хоу*, передававшийся вместе с уделом по наследству. Ближайшие преемники Лю Бана продолжали в этом смысле его политику, жалую десятки новых уделов своим близким родственникам и заслуженным помощникам. Со временем многие представители удельной знати настолько укрепились в своих владениях, что наиболее близкие из них по степени родства с императором стали именоваться уже титулом *ван*. Ваны и *хоу* чувствовали себя в своих уделах прочно и порой затевали мятежи против законного правителя Поднебесной.

Впрочем, в масштабах Поднебесной в целом удельная знать и по числу и по количеству подданных занимала не слишком заметное место. Хотя хлопот с ней было немало, на политику страны в целом она влияла не столь уж сильно. Львиная доля территории и подданных властителя Поднебесной оставалась под властью центра, и потому едва ли не самой важной задачей было создать надежную систему централизованной администрации, на которую могла бы опираться империя. Собственно, это и было главной целью деятельности нескольких ближайших преемников Лю Бана, вплоть до его великого правнука У-ди, который окончательно решил, наконец, проблему управления империей. Но до У-ди были еще правители, о которых необходимо сказать хотя бы несколько слов.

Со 195 по 188 г. страной управлял один из сыновей Лю Бана — Хуэй-ди. После него власть перешла в руки вдовы Лю Бана, императрицы Люй, которая окружила себя родней из своего клана Люй. Многие из их числа получили высшие титулы *ванов* и *хоу*, наследственные уделы и высокие должности. Императрица Люй скончалась в 180 г. до н.э. от загадочной болезни, которую Сыма Цянь, насколько его можно понять, склонен был считать небесной карой за ее преступления. После смерти Люй временщики из ее клана были уничтожены.

В истории и исторической традиции Китая к императрице Люй-хоу отношение сугубо отрицательное. Ее осуждают за жестокость по отношению к соперницам, за убийства государственных деятелей, низложение законных наследников, возвышение родственников из клана Люй и многое другое. Конечно, внимательно прочитав посвященную ей девятую главу труда Сыма Цяня, можно согласиться с тем, что она была властной, жестокой и честолюбивой правительницей. Но заключительные строки той же главы говорят: «...правительница Гао-хоу осуществляла управление... не выходя из дворцовых покоев. Поднебесная была спокойна. Наказания всякого рода применялись редко, преступников было мало. Народ усердно занимался хлебопашеством, одежды и пищи было вдоволь».

Это значит, что придворные интриги и кровавые разборки вокруг трона не слишком-то сказывались на положении дел в стране. Даже напротив, реформы Лю Бана, включая снижение налогов с землевладельцев, проведение ирригационных работ, обложение тяжелыми налогами богатых торговцев и заботу о поддержании статуса рядовых чиновников, постепенно давали позитивные результаты. Смягченные легистские методы управления и поощрение конфуцианских традиций приводили к пополнению администрации за счет активных конфуцианцев. Знаточи

конфуцианства сумели по памяти восстановить тексты уничтоженных Цинь Ши-хуаном книг, и в первую очередь всего конфуцианского канона, обросшего теперь многочисленными комментариями. И то обстоятельство, что ни Хуэй-ди, ни Люй-хоу, погруженные в дворцовые развлечения и интриги, не очень-то вмешивались в дела управления Поднебесной, как бы перепоручив их представителям традиционной культуры, заменившим собой скомпрометированных легистских сановников, пошло (вкупе со своевременными и разумными реформами Лю Бана) на пользу Поднебесной. Это стало особенно очевидным, когда на престол сел один из сыновей Лю Бана Вэнь-ди.

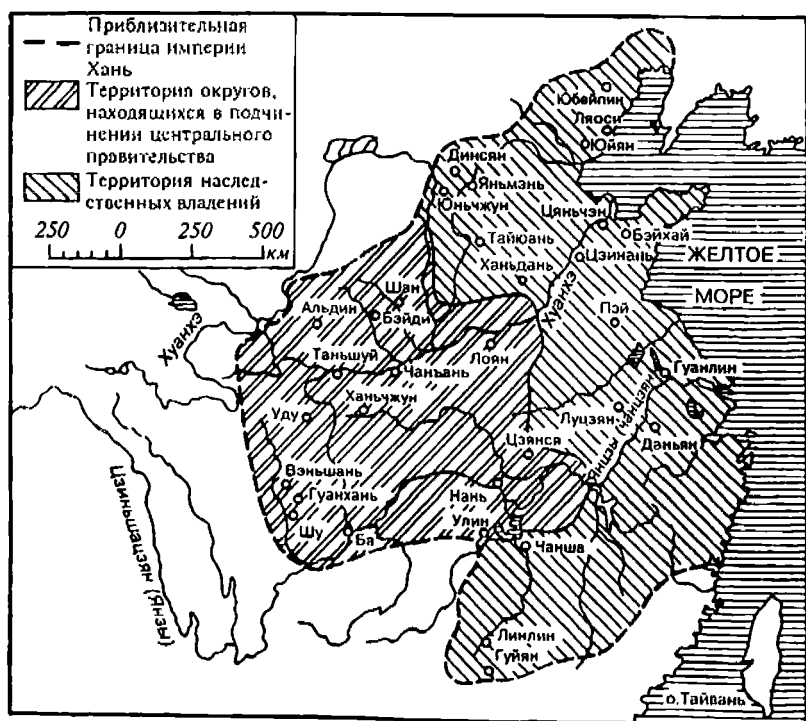
За 23 года своего правления (179—157 гг. до н.э.) Вэнь-ди много сделал для возрождения конфуцианских традиций и процветания ханьского Китая. Он начал с того, что объявил всеобщую амнистию, щедро награждал очередными рангами чуть ли не всех их обладателей, отметил особенными наградами и пожалованиями тех, кто сыграл главную роль в искоренении клана Люй и наведении порядка в стране. Вэнь-ди отказался от жестокой практики наказания за преступления родственников преступника. При этом он ссылался на конфуцианский тезис о том, что чиновники обязаны воспитывать народ, а не наносить ему вред несправедливыми законами. По случаю назначения наследником своего сына и возведения в ранг императрицы его матери Вэнь-ди снова щедро награждал многих и особенно выделил неимущих, вдов и сирот, бедных и одиноких, а также стариков старше восьмидесяти, которым были пожалованы шелка, рис и мясо. Награды были даны и ветеранам, приближенным Лю Бана.

В день солнечного затмения в 178 г. до н.э. Вэнь-ди выступил с покаянным обращением к народу, скорбя о своем несовершенстве и предлагая по древнему обычаю выдвигать мудрых и достойных, готовых послужить на благо народа. В том же году он лично провел борозду на храмовом поле и объявил о праве каждого выступать с критическими замечаниями в адрес самого высокого начальства. В 177 г. до н.э. Вэнь-ди заключил с то и дело беспокоившими Поднебесную северными соседями сюнну договор о братстве. Он разрешил части сюнну расположиться в районе Ордоса, т.е. на землях Поднебесной к югу от стены, где издревле обитали кочевники и заниматься земледелием было делом рискованным.

Вэнь-ди был щедр на милости, он прощал восстававших против него мятежных аристократов, выступал за смягчение наказаний, особенно телесных, отменил в 166 г. до н.э. земельный налог, одновременно усилив пошлины и подати с городского населения, торговцев и ремесленников (налог был восстановлен

после его смерти в 156 г. до н.э.). Император заботился о своевременном приношении жертв, о процветании народа, об умиротворении сюнну. В неурожайный 159 год до н.э. он сильно сократил престижные расходы двора, открыл казенные амбары для выдач голодающим и разрешил продавать ранги, а также обладающим рангами бедным крестьянам уступать их более зажиточным соседям. Дело дошло до того, что в конце жизни Вэнь-ди потребовал от своих домашних одеваться в простую одежду, не носить дорогих украшений и завещал после его смерти не слишком тратить на дорогостоящие траурные обряды.

Вэнь-ди умер в 157 г. до н.э. Впоследствии он был очень высоко оценен потомками, восхвалявшими его добродетели. Стоит заметить, что достоинства Вэнь-ди хорошо вписывались в традиционные представления о мудром и добродетельном правителе, и именно он был первым из ханьских императоров, которого можно считать образцовым с точки зрения конфуцианства. Это означает, что примерно за треть века ханьский Китай сильно переменялся. Скомпрометированный жестокими годами тяжелых экспериментов легизм ушел в прошлое, оставив в качестве

Территория империи Хань до завоевательных походов У-ди

наследства централизованную бюрократическую систему и немалое количество связанных с ней институтов. Усилиями конфуцианцев это наследство было серьезно трансформировано и к эпохе Вэнь-ди достаточно легко вписывалось в те воспетые схемами Чжоули патерналистские традиции, которые стали явственно выходить на передний план.

Годы правления сына Вэнь-ди и внука Лю Бана императора Цзин-ди (156—141 гг. до н.э.) были отмечены амнистиями, демонстрировавшими милосердие к павшим. Цзин-ди умиротворял сюнну, гасил мятежи удельных князей, занимался упорядочением администрации, а в своем посмертном эдикте всех пожаловал очередным административным рангом. Важно заметить, что в годы его правления началось планомерное наступление на права удельных князей, земли которых урезались, что подчас служило поводом для мятежей.

Преемником Цзин-ди был его сын и правнук Лю Бан У-ди (140—87 гг. до н.э.). Именно за годы его правления, которое было одним из наиболее долгих и плодотворных в истории Китая, конфуцианство не только окончательно вышло на передний план и стало основой образа жизни китайцев, но и оказалось фундаментом всей зрелой китайской цивилизации. С этого времени, с царствования ханьского У-ди, почти полуторатысячелетний период древнекитайской истории — истории урбанистических государственных образований и складывания цивилизационных основ — завершает свой путь и передает эстафетную палочку истории развитой и сложившейся конфуцианской империи.

Ханьский Китай времен У-ди — это период расцвета еще недавно, чуть более полувека назад воссозданной из руин империи. Земледелие в стране процветало, причем налоги были сравнительно низкими, обычно не более 1/15 части урожая. Правда, они дополнялись подушной податью, а также различного рода отработками и повинностями, но в целом все это было обычно и потому терпимо. Резко увеличилось население страны, достигшее в I в. до н.э. 60 млн человек. Освоение новых земель дало толчок развитию агротехники, включая пахоту с применением тяглового скота (впрочем, оставшуюся достоянием лишь немногих), а также грядковую систему обработки

У-ди
(император династии Хань)

земли вручную (именно при этом способе обработки крестьяне в подавляющем своем большинстве получали хорошие урожаи со своих полей). Тщательно поддерживались старые и по мере необходимости создавались новые ирригационные системы. В порядке были дороги, а вдоль дорог поднимались новые города, число которых с начала имперского периода истории Китая непрерывно увеличивалось.

У-ди немало заимствовал из легистского опыта, переняв и развив те его стороны, которые оказались жизнеспособными и даже необходимыми для управления империей. Он восстановил учрежденную еще во времена Цинь Ши-хуана государственную монополию на соль, железо, отливку монет и изготовление вина, причем механизм реализации этой монополии, весьма выгодным для казны, была система откупов. Богатые торговцы и ремесленники из числа зажиточных городских и особенно столичных жителей выплачивали в казну огромные деньги за право заниматься солеварением, металлургическим промыслом, винокурением или изготовлением монет и за получение дохода от всех этих производств. В городах существовали и казенные предприятия, где работали (чаще всего в порядке отработок, т.е. трудовой повинности) лучшие ремесленники страны. Они изготавливали самые изысканные изделия для престижного потребления верхов, а также оружие и снаряжение для армии и многое другое. Все это способствовало развитию хозяйства и увеличению числа частных собственников. Отношение к частным собственникам и особенно к богатым торговцам в ханьском Китае не отличалось от чжоуских времен, хотя и не было столь бескомпромиссным, как в шаньянском легизме. Богатые торговцы жестко контролировались властью, возможности реализации их богатств были законодательно ограничены, хотя им разрешалось тратить деньги на покупку социально престижного ранга либо определенной — не слишком высокой — должности.

У-ди многое взял от административной системы легизма. Страна была разделена на области во главе с ответственными перед центром губернаторами. Важную роль, как и в Цинь, играла система повседневного контроля в лице облеченных высочайшими полномочиями цензоров-прокуроров. Преступники подвергались суровым наказаниям, нередко их, а то и членов их семей обращали в рабов-каторжников, использовавшихся на тяжелых работах, в основном строительных и горнодобывающих. В целях усиления централизации власти в 121 г. до н.э. был издан указ, фактически ликвидировавший систему уделов — каждому владельцу удела законодательно предписывалось делить свое владение между всеми его многочисленными наследниками, что призвано было

окончательно ликвидировать влиятельную прослойку последственной знати, временами порождавшую мятежи и общую нестабильность в империи.

Будучи сильным и умным политиком, У-ди уделял огромное внимание внешнеполитическим проблемам, главной из которых были все те же сюнну, активизировавшиеся на северных границах. В поисках союзников в борьбе с ними еще в 138 г. до н.э. на северо-запад был послан Чжан Цянь, который вначале попал в плен к сюнну на долгие десять лет, но затем сумел бежать и выполнить возложенное на него поручение. Разведав территорию и изучив народы, обитавшие к западу от сюнну, Чжан Цянь после долгих лет странствий возвратился домой и составил для императора подробный отчет о своем путешествии. Отчет этот, будучи включен в качестве особой главы в сводный труд Сыма Цяня, дошел до наших дней и весьма помогает специалистам, изучающим историю бесписьменных народов, живших к северу от Китая в ханьское время.

У-ди был удовлетворен полученными от Чжан Цяня сведениями. И хотя главной цели — создания коалиции против сюнну — экспедиция не достигла, она дала много материала для оценки политической ситуации на северо-западных границах ханьского Китая. Получив сведения о великолепных даваньских (ферганских) лошадях, У-ди послал военные экспедиции в Ферганскую долину. Кроме лошадей, которые были в результате этого привезены в императорские конюшни, походы на Давань позволили открыть регулярные торговые связи с народами, обитавшими на территории современного Восточного Туркестана. Эти связи, обязанные своим происхождением в конечном счете Чжан Цяню, впоследствии получили наименование торговли по Шелковому пути, ибо из Китая на запад по вновь открытым торговым путям везли преимущественно высоко ценимый там шелк, доходивший транзитом до Рима. Великий шелковый путь с тех пор функционировал веками, хотя и нерегулярно, связывая со странами Запада оторванный от других развитых цивилизаций Китай. У-ди также направлял успешные военные экспедиции на восток, где им была подчинена часть корейских земель, и на юг, в район Вьетнама, где была аннексирована китайцами часть вьетнамских земель.

Успешная внешняя политика У-ди способствовала не столько развитию торговых связей с дальними странами (им в Китае придавали мало значения), сколько расширению территории империи, укреплению ее границ. И во внешней, и тем более во внутренней политике император преследовал цель упрочить фундамент императорской власти и возродить ту славу о великой

и процветающей Поднебесной, которая была едва ли не важнейшим элементом высокочтимой китайской традиции. Неудивительно поэтому, что сам У-ди потратил немало усилий для того, чтобы не просто возродить влияние конфуцианства в империи (этот процесс давно и успешно шел после крушения Цинь и без его усилий), но воссоздать новое, имперское, или, как его иногда называют, ханьское, конфуцианство. Принципиальное отличие имперского конфуцианства было не столько в доктрине, которая осталась практически неизменной, сколько в новом подходе к заново сложившимся реалиям, в новом отношении к изменившемуся со времен Конфуция миру. Или, иначе говоря, в большей его терпимости к иным доктринам, тем более поверженным, не выдержавшим испытание историей. И дело здесь не только в синтезе как идее, которая давно уже, веками пробивала себе дорогу. Гораздо важнее был тот самый принцип практической пользы, прагматического восприятия мира, который сложился в Китае во многом под влиянием все того же конфуцианства.

У-ди хотел, чтобы новая официальная имперская идеология впитала в себя все то полезное, что помогло стране и ему лично, всей династии Хань наладить управление империей и опираться при этом на народ, воспитанный на идеалах и традиции, но в то же время уважающий силу и подчиняющийся власти. В первую очередь это означало сближение доханьского конфуцианства с легизмом, точнее, с теми элементами легизма, которые вполне могли сосуществовать с конфуцианством и даже подкрепить его порой основанные на благих пожеланиях постулаты. Ведь и конфуцианцы, и легисты считали, что управлять Поднебесной должны государь с его министрами и чиновниками, что народ должен уважать власть и подчиняться ее представителям и что все это в конечном счете способствует благу и процветанию, миру и счастью подданных. Стоит вспомнить, что примерно таким языком говорил и Цинь Ши-хуан в его стелах. Разница же между доктринами и особенно их реализацией была в том, какими методами следует достигать поставленных целей. Конфуцианцы делали упор на самосознание и самоусовершенствование людей, на воспитание в них гуманности, добродетели, чувства долга и уважения к старшим. Легисты — на запугивание, подчинение и суровые наказания за неповиновение. В этой ситуации умелое сочетание конфуцианского пряника с легистским кнутом могло дать и реально дало весьма позитивные результаты. Но это было еще далеко не все.

У-ди собрал около себя около ста выдающихся ученых-*боши* (*боши* — почетное ученое звание, своего рода профессора), которым время от времени, как о том повествуется в 56-й главе

династийной истории Хань-шу, задавал важные для него вопросы о том, как следует управлять империей, по каким критериям подбирать помощников и чиновников, как интерпретировать древнюю мудрость применительно к задачам сегодняшнего дня и т.п. Насколько явствует из текста главы, наиболее умные и точные ответы на поставленные вопросы давал старший современник У-ди, выдающийся конфуцианец ханьского времени Дун Чжун-шу.

Дун Чжун-шу был не просто великолепным знатоком и ревностным адептом учения Конфуция, на изречения которого он постоянно ссылаясь и чью хронику «Чуньцю» сделал основой собственного сочинения «Чуньцю фаньлу». Исторической заслугой этого выдающегося мыслителя было то, что он сумел вплести в ткань конфуцианства возникшие и вошедшие в обиход, обретшие популярность и признание новые неконфуцианские идеи, будь то связанные с именем Цзоу Яна концепции об *инь-ян* и *у-син*, некоторые идеи Мо-цзы (например, о небесных знамениях) или даосов с их категорией *цзи* и иными элементами космогонии в древнеиндийском стиле, т.е. с немалой долей мистики. Именно в этой внешне весьма эклектической идейно-философско-религиозной доктрине и нашел свое завершение тот синтез, о котором уже не раз упоминалось.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что этот синтез был ненавязчив, он лишь вплетался узорами в конфуцианскую ткань; что конфуцианство было основой учения Дуна, которое и легло затем в фундамент государственной официальной идеологии китайской империи и получило название ханьского конфуцианства. Интересно заметить, что именно у Дуна впервые прозвучала идея о том, что сам Конфуций обладал всеми достоинствами для того, чтобы Небо в свое время обратило на него внимание и вручило ему Великий Мандат на управление Поднебесной. Хотя этого, как известно, не случилось, о чем в свое время скорбел и сам Конфуций, такого рода допущение лишь возвеличивало великого мудреца в глазах поколений.

Нельзя сказать, что после нововведений Дун Чжун-шу в китайской империи больше не было споров, затрагивающих приоритет конфуцианства. Они проявили себя, например, в ходе оживленной дискуссии по поводу государственных монополий, состоявшейся в 81 г. до н.э. при преемнике У-ди императоре Чжао-ди и зафиксированной чуть позже Хуань Куанем в трактате «Янь те лунь» (Спор о соли и железе). Борьба вокруг того, оставить монополии или упразднить, вылилась в открытый спор между теми, кто склонялся в пользу легистских методов управления (государственные монополии), и конфуцианцами, считавшими, что не

сила государства, а добродетели государя должны привлекать людей. Здесь важна даже не дискуссия сама по себе (хотя она и весьма интересна, ибо уделила много внимания аргументации сторон), сколько то, что в конечном счете спор между представителями разных подходов к управлению империей внес свой весомый вклад в создание той самой гигантской иерархической системы централизованной бюрократической администрации, которая в ее идеальной форме была предложена конфуцианцами еще в трактате «Чжоули». Разумеется, теперь схема «Чжоули», обогащенная заимствованными у легистов хорошо разработанными институтами управления, перестала быть идеальной конструкцией, а, напротив, обрела плоть и кровь, превратилась в реальность. Собственно с обретением этой реальности имперский Китай и стал тем государством, которым он продолжал быть, с незначительными идейными и институциональными изменениями, вплоть до XX в.

Таким образом, древнекитайский период становления основ цивилизации и государственности, создания зрелого и достаточно совершенного в основных своих параметрах аппарата администрации централизованного государства пришел к своему логическому завершению. В ханьском Китае времен У-ди конфуцианско-легистский аппарат власти с его вышколенными чиновниками, тщательно отбиравшимися перед назначением на должность из числа хорошо зарекомендовавших себя знатоков официальной конфуцианской доктрины, стал итогом длительного процесса синтеза идей и эволюции политических и социальных институтов. Необходимый элемент принуждения в рамках имперской администрации гармонично сочетался с традиционным патернализмом, а веками воспитывавшаяся социальная дисциплина ориентированных на почтение к старшим подданных подкреплялась конфуцианским духом соперничества и самоусовершенствования, который в условиях имперского Китая всегда был двигателем, позволявшим огромной административной машине не застояться, не заржаветь. И хотя после У-ди ханьский Китай вступил в полосу затяжного кризиса (вообще последующая история страны развивалась циклами, от расцвета и стабильности к кризису и упадку, а затем к очередному расцвету), заложенных традицией, преимущественно конфуцианством, потенциалов вполне хватило для того, чтобы китайская цивилизация и государственность сохранили свою жизнеспособность.

3. ДИНАСТИЯ ХАНЬ ПОСЛЕ У-ДИ. РЕФОРМЫ ВАН МАНА

После смерти У-ди ханьский Китай, как упоминалось, вступил в длительный период стагнации, а затем кризиса. Если в годы сильной централизованной власти в функции специально назначавшихся инспекторов (тех же цензоров-прокуроров, которые существовали при династии Цинь) входило, помимо прочего, следить за тем, чтобы «земли и дома местных могущественных семей не превышали» установленной нормы, а правители на местах «справедливо вершили суд и не притесняли народ», то с развалом эффективной власти центра ситуация резко изменилась. Слабые и безвольные преемники У-ди оказались не в состоянии контролировать власть на местах. Более того, слабостью ханьской империи была недостаточная степень институционализации именно низшего звена администрации. Еще не установилась твердая и апробированная практика подготовки и умелого использования кадров чиновников этого самого массового низового уровня. Кроме того, слабости неустоявшейся системы комплектования чиновников способствовало ожесточенное соперничество местной элиты с формирующимся имперским бюрократическим аппаратом.

Дело в том, что за вторую половину I тыс. до н.э. существенно изменился характер древнекитайской деревни-общины. Если до того деревня-община представляла собой совокупность примерно одинаковых по степени зажиточности дворов, а имущественная разница между ними, коль скоро она становилась заметной, гасилась за счет спорадического перераспределения общинной земли, то с развитием процесса приватизации и товарно-денежных отношений неравенство, пусть не сразу, стало заметным и в деревне. Особенно социальное и имущественное неравенство стало проявлять себя именно в ханьское время, когда жесткие стандарты легизма, сурово ограничивающие частного собственника, были существенно ослаблены и очень многое зависело от того, сколь эффективно осуществляют контроль над страной государственный аппарат, имперская власть центра.

Пока власть, особенно при У-ди, была сильна, равенство в деревне искусственно поддерживалось (за чем и обзаны были, как о том только что упоминалось, следить специальные инспектора). Но как только власть начала слабеть, центробежные силы на местах все активнее стали проявлять свои возможности. В деревнях возникали крепкие хозяйства, которые быстро богатели и прибирали к рукам все новые и новые земли, превращая их вчерашних обладателей в арендаторов и наемников. Возникавшие на этой экономической основе так называемые «сильные дома» (в

текстах они именовались различными терминами) делили между собой (порой в ходе жестокого соперничества) власть и влияние. Обездоленные крестьяне нередко должны были покидать свои родные места и уходить на новые, где они оказывались в положении зависимых клиентов (*кэ*, букв. — «гость») от все тех же деревенских богатеев. Вынужденные в условиях неэффективной власти центра сами заботиться о своем благополучии, сильные дома обрастали набранной из неимущих и пришлых людей домашней стражей (*буцзой*), которая в критической ситуации могла выступать как вполне боеспособное воинское формирование.

Ворочая многими миллионами, а то и десятками миллионов монет, о чем часто упоминается в источниках, сильные дома не только становились общепризнанной и имеющей реальную власть элитой империи, но и обретали возможности для влияния на аппарат администрации. Более того, аппарат администрации на уровне уезда и округа в основном комплектовался именно из представителей этих сильных домов и уж во всяком случае сильно зависел от их «общего мнения».

Почему сильные дома в период упадка империи оказались в ханьской деревне столь влиятельной силой? Дело в том, что помимо чисто экономических факторов (обогащение деревенского меньшинства в условиях товарного хозяйства) мощи богатых кланов в сельской общине активно способствовали и некоторые другие. Во-первых, как только стало возможным правдами и неправдами приобретать общинные земли, все получавшие высокие оклады чиновники и обогатившиеся за счет рыночных операций собственники начали стараться вкладывать свои доходы именно в землю, что было не столь прибыльным, сколь престижным и надежным. Это, естественно, способствовало практическому слиянию деревенской элиты со всеми сильными мира сего, и прежде всего с влиятельной элитой чиновников. Во-вторых, важную роль играло ослабление власти как таковой.

В условиях эффективной власти центра любой причастный к власти был прежде всего чиновником и лишь во вторую очередь — собственником. Тот краеугольный постулат, что власть порождает и сохраняет свою собственность и что собственность власть имущего опосредована именно его причастностью к аппарату администрации, был понятен всем, ибо восходил к древнему принципу власти-собственности. Но коль скоро наступал кризис власти и казна соответственно пустела, а интересы чиновника оказывались существенно затронутыми, ситуация изменялась. Чиновники, с одной стороны, начинали более жестко давить на и без того стонавшую от ударов кризиса деревню, что вело к разорению крестьян и углублению кризиса, а с другой — они все

больше ощущали интересы собственников как свои и даже (в изменившейся ситуации) как первостепенные.

Сплетение интересов деревенской имущественной элиты и аппарата администрации на местах в свою очередь резко усугубляло экономический кризис, что влекло за собой дальнейшее ослабление и политическую децентрализацию государства. Именно этот процесс и наблюдался в конце первой династии Хань. Он проявлялся прежде всего в осязаемом уменьшении роли государственного администрирующего начала в стране, а также в том, что функции власти фактически оказывались в руках сильных домов с их обширными землями, денежными ресурсами, обильной клиентеллой и к тому же с претензиями на высокий нравственный потенциал, аристократизм духа и высокие конфуцианские стандарты.

Восприняв в качестве социально-нравственной основы конфуцианский идеал благородного мужа (*цзюнь-цзы*) и стремясь своим образом жизни продемонстрировать высшие нормативы бытия воспетого в конфуцианских трактатах типа «Или» слоя аристократов-чиновников *ши*, представители деревенской элиты (все те же сильные дома) именно себя считали охранителями добродетельных устоев рушащейся под ударами кризиса империи. Именно себя они все чаще именовали «надеждой народа» и «достойными мужами», обладающими нравственной чистотой истинных *ши*. Стремясь сохранить за собой право на выражение «общего мнения» и выступления с позиций «чистой критики», сильные дома ревниво следили друг за другом, что объективно способствовало сохранению и культивированию в их среде высокого стандарта конфуцианской нормы, более того, — формированию своеобразного аристократизма духа. Аристократизм этот отличался от соответствующего стандарта феодальной структуры Чуньцю тем, что опирался не столько на реалии социально-политических прерогатив наследственной знати, сколько на высокую репутацию, на создание и сохранение конфуцианского «лица». «Потерять лицо», т.е. лишиться репутации, было для ревностного конфуцианца непереносимым ударом, вынести который мог далеко не каждый из них.

Разумеется, все эти черты и важнейшие характерные признаки элиты формировались в ханьском Китае постепенно, оттачиваясь веками. Но именно они означали, что идеи и замыслы У-ди и Дун Чжуншу, положенные в фундамент послесиньской империи, начали обрастать традициями. Теми самыми конфуцианскими традициями, которым суждено было сохраниться в веках и оказывать свое влияние на Китай вплоть до наших дней. И следует особо подчеркнуть, что с наибольшей силой и эффективностью

эти традиции реализовывали себя лишь в условиях сильной власти центра, тогда как при ослаблении этой власти они только сохранялись, причем прежде всего и главным образом именно на низовом уровне, на уровне все той же местной элиты.

Результатом подобного рода тенденции оказывались и реформы, к которым обычно прибегали властители китайской империи в периоды ослабления их власти, стагнации и тем более кризисов. Смысл всех известных специалистам реформ в истории империи сводился к тому, чтобы с помощью традиционных конфуцианских рекомендаций и соответствующих механизмов восстановить утраченный обществом порядок и тем самым активно противостоять деструкции и хаосу. Первая из такого рода реформ связана с именем известного ханьского правителя Ван Мана.

Вообще-то попытка реформ, направленных преимущественно на обуздание аппетитов богатых сильных домов, была сделана еще в годы правления Ай-ди (6—1 гг. до н.э.), но успеха не имела. Вскоре после этой неудачи власть в стране захватил Ван Ман, тесть императора Пин-ди (1—5 гг.) и регент при малолетнем его сыне. В 8 г. он низложил малолетнего императора Ин-ди и провозгласил себя основателем новой династии Синь. Став императором и проявив себя ревностным конфуцианцем, ярким сторонником традиций, Ван Ман приступил к реформам, являвшим собой причудливую смесь идеализированных конструкций с реальными и даже суровыми мерами, направленными на подрыв всемогущества самовластной элиты на местах. Первой и главной задачей нового императора было укрепление государственной власти и всей тесно связанной с ней системы централизованной redistribution.

Именно с этой целью Ван Ман объявил все земли в империи государственными и строго запретил их куплю-продажу. Конфискованные таким образом владения сильных домов предназначались для распределения между всеми теми частнозависимыми, кто не имел своей земли и находился на положении арендаторов, клиентов, а то и просто рабов в домохозяйствах могущественных деревенских кланов. В качестве нормативного принципа для распределения была избрана схема Мэн-цзы о цзин-тянь, причем утопичность ее нимало не смутила реформатора, для которого самым важным были не строго поделенные на четкие квадраты по 100 му (ок. 7 га) поля, но сам принцип, заложенный в этой схеме. Принцип же исходил из того, что есть только два вида земельного владения — крестьянский и государственный, и, таким образом, во взаимоотношениях между земледельцем и казной нет места никаким посредникам, вчерашним богачам-собственникам.

Кроме реформ в сфере земельных отношений Ван Ман издал специальный указ о ликвидации частного рабства, запрете купли и продажи людей. Все рабы автоматически приобретали статус зависимых и соответственно оказывались под определенным покровительством со стороны государства, что тоже явилось сильнейшим ударом прежде всего по сильным домам и их хозяйствам. Рабами — в соответствии с древней традицией — оставались лишь преступники, причем количество рабов этой категории при Ван Мане резко возросло за счет суровых наказаний всех тех, кто нарушал новые законы либо активно им противодействовал. Специальными указами Ван Ман ввел потерявшие было уже силу государственные монополии на вино, соль, железо и даже кредит. В стране были пущены в оборот монеты нового типа, отливка которых также стала монополией государства.

Реформы встретили отчаянное сопротивление тех, кто по указам императора лишался едва ли не всего своего имущества, всех поколениями накопленных богатств. Стремясь подавить недовольство, реформатор не стеснялся прибегать к репрессиям, опираясь при этом, что важно подчеркнуть, на аппарат администрации. Используя новые порядки, аппарат администрации извлекал из экспроприации чужих богатств немалые выгоды для себя. А так как для проведения реформ в жизнь и для укрепления аппарата власти в столь трудной для империи обстановке требовались немалые расходы, то Ван Ману пришлось пойти и на некоторые непопулярные меры — он увеличил налоги и ввел ряд новых поборов и повинностей с различных категорий населения. Это последнее, видимо, сыграло едва ли не решающую роль в росте недовольства реформами.

Оценивая реформы в целом, необходимо заметить, что в принципе они были достаточно продуманными и при умелом проведении их в жизнь вполне могли бы вывести страну из состояния кризиса. Правда, в любом случае это обошлось бы стране достаточно дорого. Но легкими и безболезненными реформы, да еще в момент тяжелого кризиса, едва ли бывают вообще. Поэтому нельзя считать, что Ван Ман действовал неумело и потому проиграл. Решающую роль в его судьбе, как и в судьбах империи, сыграло иное: в II в. своенравная Хуанхэ изменила свое русло, что привело к гибели сотен тысяч людей, затоплению полей, разрушению городов и поселков.

Хуанхэ на протяжении нескольких тысяч лет письменно фиксированной китайской истории неоднократно меняла свое русло, что было связано с обилием ила (лесса), который несла в своих водах эта не случайно названная Желтой река. Обычно за ее водами внимательно следили чиновники, отвечавшие за

очистку русла и возведение дамб. Но в годы стагнации и кризиса, в моменты деструкции и ослабления власти ослабевала и эта важная функция китайской администрации. За реками переставали, не могли тщательно следить. И возмездие не заставляло себя ждать. А если принять во внимание, что для воспитывавшегося в рамках определенной традиции населения, включая и самого Ван Мана, прорыв Хуанхэ и связанные с этим великие бедствия однозначно свидетельствовали о том, что Небо недовольно положением дел в Поднебесной и предупреждает о своем недовольстве именно такого рода глобальными катаклизмами, то не приходится спорить о выводах, которые всеми были сделаны после смены русла Хуанхэ: великое Небо против реформ Ван Мана.

Осознав это, император вынужден был не только открыто покаяться, но и отменить значительную часть своих указов. Такого рода вынужденная акция сыграла роковую роль. Противники реформ возликовали, ситуация в стране вновь решительно изменилась, что в очередной раз породило хаос и разброд. Кризис стал углубляться, недовольные и обездоленные вновь взяли за оружие, в стране начались восстания. В результате этих многочисленных восстаний, наиболее заметную роль среди которых сыграли восстания так называемых «краснобровых» (принадлежавшие к этому движению бойцы красили брови в красный цвет, дабы отличаться от остальных), армии империи теряли почву под ногами и отступали к столице. В 23 г. Чанань пала, а Ван Ман был убит. Вскоре после этого в ходе выяснения отношений между повстанцами различных движений верх взяли краснобровые. Но это был их последний успех. Воспользовавшись междоусобицами между главарями повстанцев, ханьские генералы одержали победу над краснобровыми и выдвинули в качестве нового императора одного из представителей дома Хань — Лю Сю.

4. ВТОРАЯ ДИНАСТИЯ ХАНЬ (25–220)

Став императором и приняв имя Гуан У-ди, новый правитель все той же династии Хань фактически продолжил начатые неудачливым Ван Маном преобразования, направленные на укрепление власти государства и ослабление позиций сильных домов, властной элиты на местах. Главной своей заботой Гуан У-ди считал необходимость дать всем земледельцам поля и предоставить им возможность прокормить самих себя, уделив казне скромную долю, официально сниженную вначале до 1/30 урожая. Для того, чтобы каждый пахарь получил свое поле, была роздана практически вся земля, оказавшаяся в руках государства после реформ

Ван Мана, включая существенную часть полей тех сильных домов, которые сопротивлялись реформам и чьи земли были конфискованы. Параллельно с этим чиновники новой династии проводили энергичные меры по приведению в порядок ирригационной системы страны, изрядно пострадавшей в годы кризиса и восстаний. Были освобождены от рабского состояния преступники-каторжники и большинство частных рабов, которым тоже были предоставлены земельные наделы.

Все эти меры сыграли свою позитивную роль, и за короткий срок вторая династия Хань вывела страну из состояния тяжелого кризиса и обеспечила ей основу для процветания, проявившего себя в различных сферах — в области агротехники (например, распространение грядковой системы и пахоты на волах, применение новой системы земледелия), ирригации, торговли (в том числе по Великому шелковому пути) и, наконец, внешней политики (войны с гуннами, освоение далеких южных земель и т.п.). Немалые успехи были достигнуты и в сфере науки и культуры — расцвет математики (трактат «Математика в девяти главах», подытоживающий все знания древних китайцев в области операции с числами, в том числе и отрицательными, а также начал геометрии и алгебры), создание едва ли не первого в мире сейсмографа, достижения в области градостроительства и архитектуры, включая умение строить здания в несколько этажей, или такое важное нововведение для страны, уважающей письменный текст, как изобретение бумаги.

Словом, серия реформ, умело проведенная в жизнь первым императором второй ханьской династии Гуан У-ди (25–27) и его преемниками, особенно Мин-ди (58–75), дала свои результаты и способствовала стабилизации империи, расцвету ее производства и культуры, успехам как внутренней, так и особенно внешней политики. Достаточно упомянуть об успешных походах знаменитого китайского полководца и дипломата Бань Чао, который в 70-х гг. I в. сумел с небольшим отрядом подчинить ханьскому Китаю значительную часть мелких государственных образований, расположенных вдоль туркестанской части Великого шелкового пути (китайцы именовали эти земли термином «Си-юй» — Западный край), что не только способствовало торговле с зарубежными странами, но и заметно укрепляло позиции империи в ее противостоянии гуннам (сюнну).

Итак, желанная стабильность наконец-то пришла к исстрадавшейся стране. Наступило время если и не утопических Гармонии и Порядка, то во всяком случае спокойствия и довольства. Однако это продолжалось не слишком долго. Уже на рубеже I–II вв. ситуация в империи начала ухудшаться. Для того, чтобы разобраться в

причинах этого (вспомним, что нечто похожее произошло и с первой ханьской династией после У-ди; аналогичные процессы были характерны также практически для всех последующих династий имперского Китая), необходимо рассмотреть особенности китайского династийного цикла, проявившие себя весьма наглядно с первой же имперской династии — Хань.

Циклы, о которых идет речь, обычно начинались и завершались в обстановке тяжелых экономических кризисов, социальных неурядиц и политической дестабилизации, что внешне проявлялось чаще всего в форме восстаний неимущих и обездоленных. Независимо от того, заканчивался кризис победой восставших либо их поражением — в любом случае приходившая на смену рухнувшей новая династия (даже если это были вторгшиеся с севера иностранцы) начинала свое правление с реформ. Механизм цикла, начинавшегося с реформ и завершавшегося очередным кризисом, при всей своей стандартности всегда был в общем-то достаточно сложным, ибо свое влияние на него оказывали самые разные факторы, сила и воздействие которых отнюдь не были одинаковыми. Поэтому каждый цикл имел свои особенности и различную продолжительность. Однако их общей чертой являлось взаимодействие ряда экономических, социально-демографических и экологических процессов, равнодействующая которых создавала вполне определенный критический импульс. Обычно все начиналось с нарушений в сфере земледельческого хозяйства и традиционных норм существования общинной деревни, которая и оказывалась исходной точкой кризиса.

Как конкретно это выглядело? Мы уже говорили о том, что со времен реформ Шан Яна в царстве Цинь и Ши-хуана в масштабах всего Китая насаждались административно-социальные корпорации из искусственно создававшихся пяти- или десятидворок. В период империи в эти корпорации входили как бедные, так и весьма богатые дворы, в том числе так называемые сильные дома, причем каждый в рамках пятидворок был обязан отвечать за соседей по принципу круговой поруки. И хотя эта система жестко действовала отнюдь не всегда, о ней всегда вспоминали, когда следовало укрепить позиции власти центра. Практически это означало, что как раз в периоды ослабления этой власти, т.е. в моменты кризисов и даже предшествовавшей им обычно стагнации, общинная деревня оказывалась в состоянии деструкции: каждый отвечал сам за себя, в результате чего бедняк легко становился жертвой богатого соседа.

В период реформ или возникновения новой династии, т.е. в разгар тяжелого кризиса либо после его преодоления, как то было в Хань во времена Лю Бана, Ван Мана или Гуан У-ди, происходил

радикальный передел земель. Традиционное китайское государство с глубокой древности и едва ли не до XX в. справедливо считало себя высшим субъектом власти-собственности и централизованной редиистрибуции, так что ни у одного реформатора никогда не возникало и тени сомнения в его праве, даже обязанности умно распорядиться землей, а именно сделать так, чтобы каждый пахарь имел свое поле и соответственно платил налоги. Землями наделялись все трудоспособные земледельцы. Более того, чиновники изыскивали любые возможности для увеличения их числа, для чего освобождались зависимые или давались дополнительные наделы на домоладцев, включая подчас и рабов. Эти земли в империи традиционно именовались землями *минь-тянь* (народными), что, впрочем, не должно вводить в заблуждение: имелось в виду не право крестьян свободно распоряжаться своими наделами, но право государства раздавать эти наделы, а в случае нужды и перераспределять их среди общинников.

Наряду с землями *минь-тянь* существовала и категория служебных земель — *гуань-тянь*. Они предназначались в качестве вознаграждения для чиновников и знати, которым определенное количество этих земель давалось в виде кормления с правом использовать налоговые поступления с обрабатывавших эти земли крестьян. Все земли обычно распределялись между земледельцами с учетом их расположения, плодородия и вообще наличия в том либо ином уезде. В среднем семья обладала вплоть до позднего средневековья примерно 100 му. Считалось, что поля были распределены между крестьянами более или менее равномерно и на длительный период времени, и именно в это время обычно функционировали пяти- и десятидворки с круговой порукой. Однако стабильность такого рода существовала, как правило, в рамках династийного цикла не слишком долго, чаще всего — не более чем на протяжении столетия.

Законы рынка, пусть и ограниченного в своих возможностях, действовали неумолимо, а со временем начинали оказывать свое воздействие и иные факторы, прежде всего демографические и экологические. Суть процесса сводилась к тому, что увеличивавшееся население (его средняя величина для Китая с рубежа новой эры вплоть до династии Мин колебалась в пределах 60 млн, но в годы кризиса она обычно уменьшалась в три-четыре раза, а в моменты процветания могла и существенно возрасти) уже в первые десятилетия после реформ поглощало все свободные пахотные земли, а это вело к тому, что богатые в деревне всеми правдами и неправдами начинали забирать у своих бедных соседей их участки. Формально продавать землю было запрещено, но фактически можно было заложить свой участок или просто передать его

богатому соседу, оставаясь на своей бывшей земле в качестве арендатора. Рано или поздно, но сделка обретала законную силу, а казна лишалась налогоплательщика. Что же касается тех, кто приобретал крестьянские земли, то они обычно имели тесные связи с уездным начальством и либо обладали налоговыми привилегиями, либо откупались от повышенных налогов. Это, естественно, вело к тому, что поступления в казну уменьшались.

Аппарат власти, стремясь сохранить объем налоговых поступлений, за счет которых он существовал, незаконно увеличивал поборы с тех, кто мог еще что-то дать. Результатом становилось разорение все большего числа земледельцев и углубление кризиса в сферах экономики (упадок хозяйства, гибель беднейших крестьянских дворов), социальных отношений (недовольство крестьян, появление разбойничьих шаек, мятежи и восстания) и, наконец, политики (неспособность правящих верхов справиться с кризисом, засилье временщиков, явное ослабление эффективности аппарата власти). На этом династийный цикл обычно и завершался, а страна после кризиса и сопутствовавших ему восстаний или вражеских нашествий оказывалась в состоянии опустошения, но в то же время и своего рода катарсиса, некоего очищения, открывавшего дорогу к возрождению. Иногда цикл удлинялся за счет вовремя и удачно проведенных реформ, которые «спускали пар» и продлевали существование той или иной династии, порой надолго, на век—полтора. Но в конечном счете ситуация повторялась, и очередной кризис сметал династию.

Социально-очищающая функция династийного цикла была очень важна для империи как жизнеспособной структуры, ибо именно она, пусть жестокой ценой страданий миллионов, гарантировала стабильность системы в целом. Смена же династий всегда убедительно объяснялась ссылками на теорию Мандата Неба, причем реалии вполне согласовывались с буквой и духом этой древней теории: кто как не дурные правители, утратившие свое *дэ*, были виновны в том, что в стране наступил кризис?! Кому как не им платить за это потерей мандата, который передавался Небом в новые руки?

Вплоть до рубежа I—II вв. вторая ханьская империя была на подъеме. Успешно функционировал ее административный аппарат, проблема комплектования которого тоже заслуживает серьезного внимания. Помимо восходящей к глубокой древности практики выдвижения мудрых и способных с мест (за что отвечали все чиновники и чем наиболее активно пользовались выходцы из богатых семей и сильных домов), грамотных администраторов готовили в специальных школах в провинциальных центрах и особенно в столице (школа Тай-сюэ), где выпускники подвергались

строгой экзаменовке и делились на разряды. Имела значение, особенно в Хань, и практика протекции, личной рекомендации, за которую поручители несли ответственность. В особой позиции находились представители высшей знати, перед которыми с легкостью открывались все дороги. Позже некоторое распространение получили такие формы карьеры, как право «тени» (высшие сановники могли способствовать продвижению кого-либо из своих близких родственников) или даже покупка ранга, степени и должности, правда не из числа высших.

Администрация империи, формировавшаяся таким образом, имела несколько уровней. Высший уровень составляли столичные сановники, управлявшие палатами (административной, контрольной, дворцовой) и министерствами (обрядов, чинов, общественных работ, военного, финансового и др.). Эти ведомства имели свои представительства и на среднем уровне провинций и округов. Нижний же уровень власти обычно был представлен лишь одним номенклатурным чиновником, начальником уезда (уездов в империи обычно насчитывалось около полутора тысяч), в функции которого входила организация управления с опорой на богатую и влиятельную местную элиту. И хотя чиновники, как правило, назначались не в те места, откуда они были родом (причем обычно они перемещались в среднем раз в три года, дабы не прирастали к должности и не увязали в злоупотреблениях), элементы коррупции в империи всегда существовали, а в моменты стагнации и кризисов стократ возрастали. Правда, существовали и противостоявшие им контрольные инспектора, наделенные огромными полномочиями. Это всегда служило серьезным противовесом коррупции, не говоря уже о том, что традиционные нормы конфуцианства были непримиримы к их нарушителям, что также во многом ограничивало аппетиты власть имущих, побуждая их действовать осторожно и соблюдать меру.

Все эти институты, складывавшиеся веками, отработывавшиеся практикой и существовавшие в период Хань в самой начальной и несовершенной своей форме, способствовали тем не менее укреплению администрации империи. Именно благодаря им и лежавшему в их основе конфуцианству с его строгими и бескомпромиссными принципами, по крайней мере, на первую половину династийного цикла приходились времена стабильности и процветания. Они же в меру своих сил сдерживали деструктивные явления в период второй половины цикла, стагнации и кризиса, причем в рамках каждой династии эти процессы протекали в зависимости от конкретной ситуации. В период правления второй династии Хань события складывались таким образом, что уж с начала II в., когда заметно усилился и все явственней проявлялся

процесс поглощения земель и соответственно укрепления позиций все тех же сильных домов, правители империи не только оказались не в состоянии противодействовать кризису, но и откровенно отстранились от государственных дел, предоставив ведение их временщикам из числа родственников императриц и находившихся в сговоре с ними влиятельных евнухов, политический вес и реальная значимость которых постоянно возрастали.

В результате двор империи стал утопать в интригах, евнухи и временщики, организованные в клики, стремились уничтожить друг друга и возвести на престол очередного императора из числа своих ставленников. С этим, естественно, не могла смириться набиравшая политическую мощь, но отдаленная от двора конфуцианская бюрократия. Ее представители в столице сетовали на чрезмерные траты двора и стяжательство временщиков и евнухов. В провинции резко возросло недовольство родственниками и ставленниками придворных евнухов и временщиков, чувствовавшими безнаказанность и творившими произвол. В активную политическую борьбу в середине II в. включились учащиеся конфуцианских школ, особенно столичной Тай-сюэ. Во всю мощь развернулось в стране упоминавшееся уже движение «чистой критики», ставившее своей целью прославить имена честных и неподкупных, противопоставив их лихоимцам двора. В ответ на это влиятельные евнухи и царедворцы обрушились с жестокими репрессиями на идейных руководителей конфуцианской оппозиции. В 70-х гг. II в. противоборство приняло открытый характер, причем временщики явно одерживали верх над своими противниками.

Пока политическая борьба на верхах империи развивалась и становилась все более острой, кризисные явления в хозяйстве обретали свою завершенную форму. Крестьянские земли переходили в руки сильных домов, количество податных земледельцев сокращалось, и соответственно уменьшался поток налогов в казну. Разоренные общинники пополняли ряды недовольных, порядка в стране становилось все меньше. В такой обстановке многие из сельского населения предпочитали отказаться от своих прав на землю и перейти под покровительство тех богатых односельчан, кто мог себя и их обеспечить надежной защитой в становящееся все более тревожным время. В наступающий период стагнации и разброда и к тому же на фоне острых столкновений при дворе ситуация в империи становилась нестабильной и неуправляемой. Именно в эти годы и начало набирать силу социальное недовольство народа, принявшее на сей раз форму сектантско-религиозного движения под лозунгами даосизма.

Философская доктрина Лао-цзы и Чжуан-цзы на рубеже нашей эры все более определенно трансформировалась в религиозные

по своей сути поиски спасения и благоденствия. Разумеется, даосизм как доктрина и в имперском Китае не утратил своей религиозно-философской идеи, сводившейся в конечном счете к слиянию с Дао, к достижению Дао. Но на массовом народном уровне высокая философия все определенной и очевидней захлестывалась религиозно-сектантскими идеями, в основе которых были и естественное стремление каждого к продлению жизни и достижению бессмертия (как за счет волшебных эликсиров и талисманов, так и в результате тяжелой аскезы, дематериализации организма), и извечные крестьянские идеалы великого равенства в упрощенно организованном социуме, свободном от давления со стороны государства и его бюрократии.

Идеи равенства нашли свое отражение в трактате «Тайпин-цзин», который в свою очередь стал фундаментом даосской секты «Тайпиндао». Глава этой секты Чжан Цзюэ, прославившийся искусством врачевания и, по преданию, спасший множество людей в годы эпидемии, на рубеже 70–80-х гг. II в. неожиданно оказался во главе многочисленного и политически активного движения сторонников нового «желтого» неба, которое в 184 г. (начало очередного 60-летнего цикла, игравшего в Китае роль века) должно было прийти на смену погрязшему в пороках «синему» небу династии Хань. Покрывавшие свои головы желтыми платками сторонники секты планировали в этот сакральный момент поднять восстание, о чем, естественно, вскоре стало известно всем в Китае.

Народное восстание, а точнее, слухи о подготовке его были как гром среди ясного неба для погрязших в междоусобной борьбе правящих верхов. Обвиняя и подозревая друг друга в сотрудничестве с мятежниками, они в конечном счете почти объединились в борьбе против нового врага. С восстанием «желтых повязок», вспыхнувшим, как и предполагалось, в начале 184 г., власти справились достаточно быстро, тем более что подавление его началось еще до того, как наступил роковой момент. И хотя отступившие в дальние районы империи отдельные отряды повстанцев еще достаточно долго продолжали напоминать о себе, главным итогом неудавшегося восстания было то, что оно как бы поставило точку на затянувшемся противоборстве в верхах и заставило наиболее активные и энергичные силы в империи прибегнуть к тактике открытой борьбы, что практически означало конец династии Хань.

В борьбу на высшем уровне вмешались не только армейские генералы, но и наиболее могущественные из сильных домов на местах. В ходе военных действий был до основания разрушен и сожжен Лоян, а двор переехал в Чанань, древнюю столицу страны.

На передний план в политической борьбе выдвинулись новые лидеры, среди которых наиболее influential стал один из представителей местной элиты Цао Цао. Он способствовал возвращению императора в Лоян и тем самым стал опорой трона. Вскоре именно Цао Цао, державший императора почти что своим заложником, сумел одержать победу над соперниками. При этом он, естественно, умело использовал свое выгодное политическое лицо защитника и спасителя империи и ее символа, императора. Добившись фактического положения диктатора уже на рубеже II—III вв., Цао Цао достаточно долго управлял агонизировавшей империей. Он откровенно сделал ставку на силу и именно с помощью военной силы и преуспел.

Здесь следует обратить внимание на то, что, делая ставку на силу, умелый политик и весьма образованный интеллектual из числа конфуцианской элиты Цао Цао искусно заигрывал с учеными-*шэн*, используя их авторитет, поддерживал традиции бесед в стиле «чистой критики», привлекал к управлению страной выдающихся интеллектуалов империи. Но он отчетливо предвидел грядущий крах династии Хань, более того, сам его готовил. Став высшим должностным лицом и присвоив все мыслимые звания и титулы, Цао Цао приучал свое окружение к тому, что вскоре власть в империи перейдет к новой династии. Перед смертью в 220 г. он недвусмысленно сравнивал себя с великим чжоуским Вэнь-ваном, дав понять, что возлагает на своего сына Цао Пэя задачу завершить начатое им дело и основать эту династию. Именно так Цао Пэй и поступил. В 220 г., вскоре после смерти отца, он, захватив ханьский престол, основал династию Вэй. Правда, одновременно с ним двое других претендентов на императорский трон основали на юго-западе и юго-востоке страны еще два государства, Шу и У. В результате возник феномен Троецарствия, короткая история которого овеяна ореолом рыцарского романтизма. Впоследствии, тысячелетие спустя, она была красочно воспеана в одноименном романе.

Оценивая четырехвековое правление династии Хань и роль восстания «желтых повязок» в крушении централизованной империи, на смену которой пришел четырехвековой период политической раздробленности и практически непрестанных войн, не говоря уже о вторжении кочевников, необходимо отметить главное: созданная Конфуцием и приспособленная усилиями У-ди и Дун Чжуншу к потребностям огромной империи официальная идеология не только выдержала все выпавшие на долю страны нелегкие испытания, но и на деле доказала свою жизнеспособность. Более того, несмотря на выдвигание на первый план военной функции и соответственно некоторое приращение роли

чиновной бюрократии, несмотря на вторжение кочевников и длительный процесс варваризации северной части страны, наконец, невзирая на усиление позиций религиозного даосизма и проникавшего в Китай как раз в описываемое время буддизма с его мощным интеллектуальным потенциалом, конфуцианская традиция продолжала оставаться фундаментом китайской цивилизации. На верхнем уровне империи шли деструктивные процессы, в огне войн и варварских нашествий гибли миллионы, но те, кто продолжали жить, в этих условиях оставались не просто китайцами, но и прежде всего конфуцианцами. А ведущей в этом плане силой стала та самая местная элита, тот самый слой образованных *шци*, которые хранили и развивали традицию.

Конфуцианизация местной элиты в период Хань с последующей постоянной концентрацией лучших ее представителей в бюрократической администрации привела к появлению принципиально нового качества, т.е. к превращению древних служивых-*шци* в ревностных хранителей великих достижений веками самосовершенствовавшейся цивилизации. Именно на этой основе вырабатывался жесткий стереотип, своего рода конфуцианский генотип, носителями которого стали аристократы культуры и который с честью выдержал все испытания безвременья. В конечном счете он, этот генотип, сыграл решающую роль в возрождении великой империи с ее успешно функционировавшей бюрократической администрацией, состав которой сверху донизу комплектовался преимущественно за счет конкурсной системы государственных экзаменов, выдерживали которые лишь немногие и наиболее способные из среды все тех же конфуцианцев-*шци*.

ГЛАВА V

КИТАЙ В ЭПОХУ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ

1. ПЕРИОД ТРОЕЦАРСТВИЯ И ПОПЫТКИ ОБЪЕДИНЕНИЯ КИТАЯ ПОД ВЛАСТЬЮ ИМПЕРИИ ЦЗИНЬ (III—IV вв.)

Цикл подъема, обеспеченного мощью ханьской государственности, возвестившей эру добродетельного правления и установившей относительный социальный мир и ослабление центробежных тенденций в стране, давно канул в Лету. В эпоху наступившего упадка один дворцовый переворот следовал за другим. На смену отшумевшей крестьянской войне, разрушившей бессиленную раздорами Ханьскую империю, пришла губительная для общества междоусобная борьба между ханьскими полководцами и предводителями крупных армий.

Эти внутренние войны разорили хозяйство Китая и обезлюдили страну. За столетие численность населения сократилась с 50—60 до 16—17 млн. Пришла в упадок ирригационная система. Источники свидетельствуют о частых наводнениях и других стихийных бедствиях, а также о голоде, поражавшем целые области. В связи с уменьшением площади обрабатываемых земель и запустением сел резко сократилось общественное производство. Города были разграблены и сожжены, торговая деятельность почти прекратилась.

Китай надолго погрузился в пучину анархии и хаоса, превративших страну в огромное пепелище. Усмиритель восстания «желтых повязок», талантливый полководец и искусный дипломат Цао Цао в 216 г. объединил под своей властью северную часть бывшей империи в бассейнах рек Хуанхэ и Хуайхэ. А в 220 г. его сын Цао Пэй низложил последнего ханьского императора и провозгласил себя главой новой династии Вэй (со столицей в Лояне). Одновременно на юго-западе — в Сычуани — и на юго-востоке — в низовье Янцзы — возникли еще два самостоятельных государства Шу и У. Начался период Троецарствия.

Вэйский правитель Цао Пэй вел успешные войны с кочевниками, а также со своими политическими соперниками. Основу усиления могущества Вэй создали реформы, проведенные еще Цао Цао. Учитывая условия разоренной страны, Цао Пэй отменил подушную подать и снял недоимки. Недостаток рабочей силы он компенсировал путем создания так называемых «воен-

ных поселений» в пограничных и внутренних районах, известных еще со времени ханьской династии. За поселениями были закреплены крестьяне-переселенцы и рабы. Военные поселения, ставшие средством восстановления сельского хозяйства и обеспечения армии продовольствием, дали возможность упрочить власть, подавить восстание и вести успешные войны с другими царствами.

Достойным соперником царства Вэй стало царство Шу, созданное на юго-западе, в верховьях Янцзы, со столицей в Чэнду. Во главе него встал отпрыск ханьского императорского дома Лю Бэй. Но более всего прославился в Шу Чжугэ Лян — искусный военачальник и мудрый политик. Именно по его инициативе в Шу, как и в государстве Вэй, много внимания уделялось организации сельского хозяйства и совершенствованию военного дела. Со смертью Чжугэ Ляна распри в правящих кругах ослабили Шу, свели на нет все начинания, и скоро царство Шу было присоединено к государству Вэй.

Царство У было основано Сунь Цюанем со столицей в районе современного Нанкина. Отгороженное от севера р. Янцзы, оно долгое время стояло в стороне от междоусобной борьбы. Земли там были мало освоены. Редкое население занималось главным образом подсечно-огневым земледелием.

В эпоху нестабильности широким потоком сюда направлялись уроженцы Севера. Они принесли развитую сельскохозяйственную культуру, прежде всего плужное земледелие и пахоту на волах. Все это способствовало расширению запашки, росту урожайности риса и других культур.

Главной тенденцией в политической жизни Китая в период Троецарствия, приведшей к нестабильности, стало обострение противоречий внутри военно-политической верхушки общества. Губительное для судеб страны противостояние трех государств сопровождалось постоянными войнами. Сначала северяне завоевали государство Шу. Затем было окончательно покорено ими и царство У. Политическая власть в самом царстве Вэй еще в 249 г. фактически перешла в руки могущественного рода Сыма. Один из его представителей Сыма Чжао объявил себя цзиньским ваном, а после его смерти его сын Сыма Янь низложил правителя царства Вэй и занял престол, назвав свою династию Цзинь. В 280 г., с завоеванием царства У, на смену Троецарствию пришел период, известный в традиционной историографии как Западная Цзинь (265—316). Но объединенным под властью этой династии Китай был недолго. Последствием вторжения западных и северных кочевых племен на Центральную равнину стало перенесение столицы из Лояна на юг. Китай снова оказался раздробленным на отдельные владения.

Заняв трон, Сыма Янь предпринял ряд мер, направленных на централизацию страны. Прежде всего, чтобы укрепить собственную власть, он обратился к традиционному испытанному средству — раздаче уделов в провинциях во владение своим ближайшим родственникам, надеясь на их поддержку. Хозяева уделов, делившихся на три разряда, свободно распоряжались на своей территории как экономическими ресурсами, так и войском. В их ведении были выбор местных чиновников и управление гражданскими и военными делами. Еще при жизни Сыма Яня удельные властители стремились ко все большей самостоятельности, но видимость единой центральной власти еще сохранялась. В этих условиях власть искала средства своего усиления, и в первую очередь — укрепления финансового положения. Между тем в деревне хозяйничали сильные дома. Воинам своих отрядов, а также домашней страже главы сильных домов предоставляли небольшие участки земли. Бездомных, разоренных и пришлых, называемых в источниках «гостями», они также «сажали на землю», превращая их в лично-зависимых, связанных с хозяином земли рентными отношениями. Казна все более лишалась доходов. Сильные дома захватили огромные пространства земли. Возвышение крупных землевладельцев грозило новым расчленением страны.

В 280 г. Сыма Янь издал указ о надельной системе; послужившей образцом для правителей последующих веков. В условиях, когда перед неокрепшей властью встала извечная проблема, как упорядочить отношения с подданными, восстановить стабильность в обществе, укрепить структуру власти, действия молодого государства были направлены прежде всего на организацию производства, сулившего казне регулярное поступление доходов.

Развивая традиционные представления о так называемой «колодезной системе» (*цзин-тянь*) как прообразе установления идеального баланса между казной и населением во всех аспектах их отношений, Сыма Янь в первую очередь приступил к реформам, направленным на оптимальное соединение незанятых рабочих рук и бесхозной заброшенной земли.

Рассматривая все обрабатываемые земли как казенный фонд, согласно установлению 280 г. власти предоставили каждому трудоспособному возможность получить надел при условии выполнения повинностей в пользу казны. Так, на трудоспособного мужчину в расцвете лет полагался земельный участок (*чжань-тянь*) в 120 му, из них 50 му подлежало обложению налогом в пользу казны, а урожаем с остальной части надела пользовался сам возделыватель поля.

Основной трудовой единицей считались мужчины и женщины в возрасте от 16 до 60 лет. Они могли претендовать на полный

надел. Крестьяне в возрасте 13—15 и 61—65 лет пользовались наделом лишь в половинном размере. С каждого двора, если главой был совершеннолетний мужчина, кроме налога полагалось взимать ежегодно три штуки шелковой ткани и три весовые меры шелковой ваты. Кроме того, крестьяне должны были отработать на казенных работах до 30 дней в году.

Неизвестно, насколько широко указ 280 г. был проведен в жизнь, но очевидно, что степень упорядоченности аграрных отношений в Китае III в., полностью зависимой от силы и крепости новой государственной структуры, нельзя преувеличивать. Даже из текста самого эдикта о наделной системе (дошедшего до нас в «Истории династии Цзинь») следует, что создать оптимальный вариант сочетания интересов казны и землевладельцев удалось лишь в центре, откуда и начиналось, по конфуцианским представлениям, упорядочение пространства Поднебесной. На местах, особенно в пограничных районах, по мере удаления от императорского двора все труднее становилось контролировать подданных, и соответственно норма налогообложения там была меньше. Тем самым в провинции создавались более льготные условия, стимулирующие подъем заброшенных земель.

Наделная система предусматривала также упорядочение отношений казны с чиновниками. Цзиньский правитель провозглашал предоставление им в качестве вознаграждения за службу «должностных наделов», доходы от которых шли в их пользу. Размеры этих земельных наделов зависели от ранга и занимаемой должности и выдавались на время службы. Обрабатывались они лично-зависимыми держателями. Во владениях чиновников высших рангов могло быть не более 50 дворов, освобожденных от казенных повинностей. Реформа в целом не затронула интересы частного землевладения, но создала серьезную угрозу оттока рабочей силы.

Несмотря на провозглашение аграрной реформы (о ней известно лишь из текста указа), стабилизация в стране не наступала. По-прежнему шла борьба за власть и престол, порождая конфликты между центральной властью и владельцами уделов. Одновременно росло народное возмущение. Особенно массовым было движение в Сычуани и Шаньси. Отряды повстанцев нападали на усадьбы сильных домов, чиновников, вторгались в городские поселения. Со смертью Сыма Яня в 290 г. началось соперничество между его родственниками, что вылилось в мятеж восьми ванов. Междоусобная борьба, продолжавшаяся почти 15 лет (291—306), окончательно подорвала силы империи Западная Цзинь. Китай оказался незащищенным перед нашествием кочевников, чья власть на Севере крепла с каждым днем.

2. НАШЕСТВИЕ КОЧЕВНИКОВ НА КИТАЙ

В III—IV вв. в Восточной Азии к северу от Китая шел процесс великого переселения народов, достигшего в Европе границ Римской империи. Он начался с перемещения южных гуннов (*нань сюнну*), *сяньбийцев*, *ди*, *цянов*, *цзе* и других племен, которые с севера постепенно продвигались на Среднекитайскую равнину — колыбель этнической общности древних китайцев.

Племена кочевников были естественными хозяевами степей Внутренней Азии. Хотя номады отличались между собой по этническому признаку и принадлежали к различным языковым группам, всех их объединяла родная степь. Из поколения в поколение ее обитатели настолько приспособились к местным условиям, что их культура, все виды деятельности, сама их жизнь, наконец, так тесно сомкнулись с процессами, происходящими в природе, что они стали в известном смысле как бы неотъемлемой частью освоенного ими ландшафта.

Эти молодые народы без труда читали природную книгу родной степи. Мобильные и непритворливые, они легко преодолевали огромные расстояния, идеально приспособились к степному существованию, и потому противостоять их стремительному натиску оседлым народам было нелегко. Однако в трудную пору погодных ненастий, когда степь не могла прокормить скот и он погибал, кочевники покидали места своего обитания в поисках новых кочевий и все упорнее проникали на север Китая — здесь возникали и гибли, сменяя друг друга, так называемые варварские государства.

С распадом гуннского союза на Севере южные группы гуннов остались жить в северных районах Шаньси и Внутренней Монголии. Их основным занятием являлось скотоводство. Представители верхушки пяти гуннских племен избирали верховного правителя — *шаньюя*, который постепенно стал обладать наследственной властью. Шаньюи были издавна связаны родственными отношениями с китайской императорской фамилией, получали в жены китайских принцесс, их старшие сыновья зачастую воспитывались при ханьском дворе. В ставках шаньюев и аристократов скопились значительные ценности. Ханьские императоры стремились наладить отношения с кочевниками.

При дворе шаньюя и глав пяти аймаков служили китайские чиновники. Китайские купцы вели торговлю, вывозили скот. Отряды гуннов не раз приходили на помощь императорам или брали на себя охрану границ. С крушением Ханьской империи шаньюи начали активно вмешиваться в китайские междоусобицы.

В начале IV в. раздираемое смутой Цзиньское государство стало легкой добычей кочевников. Китай пережил трагедию национального масштаба. Север страны, огромные территории Срединной равнины в бассейне реки Хуанхэ, был отторгнут степными племенами. Войска Цзиньской империи оказались бессильными против мощной гуннской конницы, занявшей центральные провинции. В 311 г. пал Лоян, а в 316 — Чанъань. Император династии Цзинь был схвачен, подвергнут унижению и казнен. Все причастные к власти в страхе бежали на юг. Придворные, собравшиеся в г. Цзяньэ (Нанкин), провозгласили одного из отпрысков дома Сыма императором династии Восточная Цзинь (316—419).

Вслед за гуннами, нанесшими удар империи Западная Цзинь, пришли в движение другие многочисленные племена, кочевавшие вдоль сухопутных рубежей китайской империи.

После гуннов наиболее крупным объединением были племена *сяньби*, кочевавшие на северо-востоке и занимавшиеся охотой и скотоводством. Их вожди и знать давно уже торговали с китайскими купцами, посылали ко двору дань и заложников, получали титулы и ценные подарки в обмен на обещания прекратить набеги.

Китайские политики издавна пытались использовать *сяньбийцев* в борьбе против гуннов. Еще с III в. *сяньбийские* племена делились на несколько крупных союзов. Наиболее многочисленными из них были союзы *муюнов*, владевших Южной Маньчжурией, и племен *тоба*, кочевавших во Внутренней Монголии и Ордосе. Племена *муюнов* заняли Хэбэй, вели против гуннов длительные войны. При поддержке китайцев они создали свое государство Янь.

К богатствам Срединной империи потянулись и обитатели западных краев: племена тибетской группы заняли земли Ганьсу, Шэньси и Нинся. Их знать утвердила царскую власть и образовала государство Цинь. Эти северо-западные племена обладали военным могуществом. Их завоевательные устремления привели к столкновению с муюнами, а затем и с китайцами. Огромное войско, возглавленное Фу Цзянем, правителем Цинь, выступило в поход, преодолевая высокие горные хребты и стремительные реки. Через Хэнань войско государства Цинь двинулось на юго-восток, направляя удар против китайцев, удерживавших прибрежные районы р. Янцзы. В 383 г. у р. Фэйшуй, в бассейне Хуайхэ, они пришли в столкновение с малочисленным войском противника. Полководцы Южного Китая, применив хитрость в стиле древнего военного искусства, нанесли полчищам Фу Цзяня жестокое поражение. Кочевники в панике бежали. Царство Цинь распалось.

Государства, созданные завоевателями на севере Китая, отличались политической нестабильностью. Войны сопровождались обращением в рабство коренного населения. Северный Китай, древнейший очаг культуры с наиболее развитыми и густонаселенными территориями, превратился в арену почти столетней войны. Лишь новое грандиозное нашествие прекратило эти беспрерывные военные столкновения и походы: сяньбийские племена тоба захватили Северный Китай. В конце IV в. их вождь Тоба Гуй был провозглашен императором. Организуя государственный аппарат, он обратился к китайской системе управления. Сломив сопротивление мелких государств племенных союзов, тобийцы в 367 г. вторглись в Китай. На завоеванной территории создавались органы власти по китайскому образцу. Внук Тоба Гуя установил в Северном Китае правление династии Северных Вэй (386—534).

3. ЮЖНЫЕ И СЕВЕРНЫЕ ГОСУДАРСТВА (IV—VI вв.)

Вторжение кочевников в Северный Китай открыло новую эпоху, названную в традиционной историографии периодом Наньбэй чао — Южных и Северных династий. В это смутное время резко обозначилось противостояние Севера и Юга.

Разрушения, причиненные кочевниками, междоусобные войны, поборы, голод, эпидемии, обрушившиеся на Север, привели к массовому бегству китайцев на юг. Здесь, на землях, богатых природными ресурсами, с мягким благоприятным климатом, довольно редкое население состояло из различных местных племен и сравнительно немногих ханьцев. Новые пришельцы с Севера занимали плодородные долины, теснили исконных жителей, нередко захватывая их поля. Северяне расширяли запашку и осваивали производство риса, создавая оросительные сооружения и активно используя свой многовековой опыт обработки пашен и ирригационного строительства.

На Юге разгорелась ожесточенная борьба за землю. Государственная организация была весьма слаба и не могла отстоять свои притязания на верховную собственность на землю. Фонд государственных земель оставался скудным. Крупные же землевладельцы (сильные дома) брали под свое покровительство беглых, увеличивая за их счет свои хозяйства. Поля крупных владельцев обрабатывались зависимыми от них арендаторами (*дянькэ*).

В середине V в. южное правительство безуспешно пыталось расширить фонд казенных земель. Но власть императора была весьма слаба, а земли в долине р. Янцзы и у морского побережья принадлежали пришлой и местной владетельной знати. Все это

привело к длительной и напряженной борьбе. В IV в. противоречия между местными и пришельцами с Севера часто выливались в вооруженные столкновения. При дворе Восточной Цзинь плелись тайные заговоры, время от времени власть узурпировали влиятельные сановники.

В конце IV — начале V в. восстание крестьян, членов даосской секты «Пять доу риса», а также рост противоречий внутри правящих кругов привели к падению власти династии Цзинь. После этого сменились еще четыре династии. Власть их императоров обычно не простиралась за пределы столичного района. Считая Янцзы надежной защитой от конников, они и не пытались возвратить китайские земли. Походы на Север предпринимали лишь отдельные полководцы, но они не получали поддержки двора и аристократов. Последние попытки отвоевать Север относятся к первой половине V в. Но южные войска встретили отпор со стороны хорошо организованной конницы тобийцев, завладевших к тому времени Северным Китаем.

Начиная с IV в. на Севере господствовали варвары. Исконное китайское население занимало подчиненное положение. Ко времени тобийского завоевания страна являла собой картину упадка. Многие поля запустели и поросли сорняками. Туговые деревья засохли, ирригационная сеть разрушилась, деревни обезлюдели. Города превратились в развалины, их жители были истреблены или бежали на юг. Ремесло сохранилось частично лишь в деревне. Обмен осуществлялся натуральным образом. Функции денег зачастую выполняли шелковые ткани и лошади.

Спрекращением нашествий и войн население постепенно возвращалось к «очагам и колодцам». Сильные дома захватывали земли и подчиняли себе землепашцев. Сбор налогов был крайне затруднен, казна все больше пустела. В этих условиях бывшие кочевники, покорившие оседлое население, взяли на вооружение китайский опыт управления. Вэйский двор в лице императора Тоба Хуна, приверженца ханьской культуры, прибегнул к мерам по закреплению права государства в распоряжении землей. В 485 г. императорский указ, устанавливающий некоторое ограничение роста крупных землевладений, способствовал дальнейшему развитию опыта аграрных преобразований, предпринятых еще в государстве Цзинь в III в. и известных как надельная система. Введение надельной системы символизировало стремление упрочить принцип государственности. Четче, чем в 280 г., указ 485 г. фиксировал право крестьян на казенный надел, устанавливал его размеры и обязанности его держателей. Крестьяне от 15 до 70 лет имели право на владение пахотной землей. Женщины получали надел вдвое меньше, чем мужчины. На пахотном поле следовало

выращивать зерновые культуры, прежде всего просо. По достижении глубокой старости, при потере трудоспособности или со смертью податного его земля передавалась другому держателю. Купля-продажа и любой вид временной передачи пахотного участка воспрещались, однако на практике этот запрет, как правило, нарушался.

Вторую часть надела составляла приусадебная садово-огородная земля, предназначенная для выращивания тутовых деревьев, конопля и овощей. Садово-огородный участок, по существу, считался наследственным, и в случае необходимости его можно было продать или купить. Наследственной числилась и земля, занятая двором-усадебой.

Держание надела было обусловлено ежегодными налогами — так называемой «триадой повинностей» — зерном, шелковой или конопляной тканью (или ватой) и казенными работами — каждый податной отрабатывал определенное число дней в году. Основой налогообложения считалась чета податных. Налоговая система, предусматривающая соединение земледелия и ремесла в рамках крестьянского двора, отвечала натуральному характеру традиционной общины и естественному разделению труда между мужчиной-пахарем и женщиной-пряхой. Казна стремилась гарантировать свое право на получение постоянного потока налогов. С этой целью в деревне по древним образцам вводилась детализированная система управления. Пять дворов составляли низшую единицу, называемую *линь*; пять *линь* составляли *ли*; пять *ли*, куда входило 125 дворов, образовывали деревенскую организацию *дан*.

Эти объединения управлялись сельскими старостами. В качестве вознаграждения старосты частично освобождались от повинностей и налогов. Принцип круговой поруки отражал стремление государства упорядочить отношения с земледельцами, используя для этого кланово-патронимические связи, большие родственные и соседские коллективы в деревне.

Двор как податная единица служил основой учета. Поскольку дворы включали обычно несколько родственных семей, власти добивались выявления и обложения налогами каждой четы и были заинтересованы в разрушении замкнутых общин-дворов. Указ оговаривал введение особых имущественных наделов, начисляемых в виде дополнительных пахотных полей владельцам рабов и рабочего скота, а также многосемейным. На неженатых членов семьи начислялась 1/4, на раба — 1/8, а на вола — 1/10 часть обычного надела.

Чиновникам, состоящим на государственной службе, полагались во временное пользование наделы земли, доходы с которых

выступали в качестве натурального жалования. Не занимаясь хозяйством, они лишь кормились с этих наделов пока находились на службе. На этих землях, как и на землях членов царского рода, тобийской знати, сильных домов, работали крестьяне или посаженные на землю *буцой* (слуги и домашняя стража), а также припленные (*кэху*) и другие категории землевладельцев.

Надельная система не исключала наличия землевладения сильных домов. Укрепление государственной собственности на землю способствовало усилению централизованной империи. Система управления в ней складывалась по древнекитайскому образцу. Процесс китаизации бывшей кочевой знати, оказавшейся у власти, шел сравнительно быстро.

Следующий этап в усвоении китайской культуры сяньбийцами связан с перенесением старой столицы Пинчэн (на северных окраинах Китая) в Лоян. Именно здесь были проведены реформы, означавшие резкий поворот к забвению сяньбийских традиций и к китаизации всех подданных государства. В случае смерти сяньбийца воспрещалось предавать земле его прах в родном северном крае, и теперь его велено было хоронить в Хэнане. Более того, род Тоба стал называться Юань, все 109 сяньбийских двухсложных фамилий были заменены на китайские односложные. При императорском дворе официальным языком стал китайский, а осмелившиеся говорить на родном языке лишались чина.

Тобийские власти добровольно выбрали приемлемый для них путь развития, свойственный китайской цивилизации. Они официально заявили себя преемниками древнего легендарного правителя Хуан-ди, сознательно переняли основы китайской культуры — ритуал и нормы семейной этики, распространенной на общество и государство. В соответствии с китайскими принципами административного устройства был организован и государственный аппарат. Деля по традиции чиновников на девять рангов, власти высшие четыре ранга замещали главным образом представителями сяньбийской аристократии, а остальные пять — знатными китайцами. Уделяя большое внимание происхождению подданных, они стали поощрять браки между сяньбийской аристократией и верхушкой китайской знати.

При дворе запрещалось ношение варварской одежды, и мода на китайское платье скоро распространилась и среди рядового населения. Тобийская верхушка отказалась от своих исконных верований, в том числе и от шаманизма. Политика тобийских властей, усвоивших опыт государственного строительства, и особенно осуществление надельной системы способствовали подъему сельского хозяйства, расширению посевов, увеличению урожаев.

Одновременно отстраивались города, ставшие культурными и экономическими центрами, оживилась торговля.

Но постепенно тобийский двор все более терял контроль над сильными домами. Северовэйская держава распалась на Западное и Восточное государства. В середине VI в. к власти в них окончательно пришли китайцы.

4. КИТАЙСКАЯ КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ БУДДИЗМА, ДАОСИЗМА И КОНФУЦИАНСТВА

Гибель династии Хань и как следствие этого — общий упадок в стране в период Троецарствия, ослабление центральной власти (этого гаранта социальной стабильности, по конфуцианским представлениям) привели, казалось, к глубоким необратимым переменам. Рушились прежние мировоззренческие стереотипы. Сама жизнь (утверждаемая китайской культурой как высшая ценность) в условиях глобальных коллизий той эпохи оказалась под угрозой уничтожения. Обнаружилась хрупкость бытия и превратность человеческой судьбы.

Настроение, рожденное неустроенностью мира и иллюзорностью существования, сомнения в обывательских ценностях, овладевшие обществом того времени, звучали в творчестве «трех Цао». Честолюбивый полководец Цао Цао (155—220) и его сыновья Цао Пэй (187—226) и Цао Чжи (192—232), «слагавшие стихи в седле или у руля боевого корабля», прославляли военную доблесть и призывали ценить быстротечные радости брэнного бытия. Вдохновенные поэтические строки Цао Цао «За вином нужно петь! Ведь жизнь человека, как утренняя роса» стали лейтмотивом той эпохи. Казалось, в III—IV вв. проводилось своего рода испытание жизненности самой традиции китайской культуры. Вместе с тем шло ее углубленное постижение, а подлинная преемственность с древней мудростью воспринималась как следование прежде всего самому духу традиции.

В период глубокого духовного кризиса значительную роль в судьбе Китая сыграл буддизм. Учение Будды, проникшее на рубеже новой эры из Индии на Дальний Восток и ставшее здесь мировой религией, оказало влияние на все стороны жизни средневекового общества. Монахи и проповедники приходили сюда через Центральную Азию и обосновывались сначала в Ганьсу, Шэньси и Хэнани. В V в. в южные царства стали также прибывать через Бирму видные вероучители буддизма Хинаяны, которые добились различных льгот при дворе. Но в основном на Дальнем Востоке распространился буддизм в форме Махаяны («Большая

колесница», или «Широкий путь спасения»), отличавшийся менее суровыми требованиями к верующим. Строгий аскетизм был обязателен лишь для принявших постриг и стремившихся к нирване монахов. Мирянам же достаточно было соблюдать лишь пять заповедей из десяти, и за свою преданность новой религии они могли рассчитывать на буддийский рай.

Буддизм учил, что основу мироздания составляет движение частиц — дхарм. Соединяясь или распадаясь, они порождают или прекращают жизнь, составляя длинную цепь перерождений, превращений одного существа в другое. Поскольку миром управляет закон возмездия, добродетельные могут обрести в следующем рождении более совершенную форму, заняв более высокое место в жизни. Напротив, проступки влекут за собой понижение социального статуса и даже перевоплощение в животное. Таким образом, восхождение или падение человека зависит от кармы, т.е. суммы поступков в этой жизни (равно как и во всех предыдущих воплощениях), определяющих будущее после смерти.

Четыре важнейшие истины, изреченные основателем верования Буддой — Сиддартхой Гуатамой (Шакья-Муни, VI—V вв. до н.э.), — гласили, что жизнь неотделима от страданий. Избавиться от них можно лишь с прекращением круговорота перерождений, что достигается примерным поведением. Будда наметил восьмичленный путь спасения, следование которому обеспечивало прекращение перерождений и растворение в нирване. Что касается махаянской традиции, то длительная цепь перевоплощений самосовершенствующихся личностей должна была приводить в рай, а не к нирване. При этом верующий не был одинок: в достижении спасения ему помогали бодхисатвы. Эти существа, стремящиеся к просветлению, совершая свой высокий нравственный подвиг и достигнув состояния нирваны, из альтруистских мотивов не становились буддами, а оставались в колесе перерождений. Они предпочитали подчиняться законам кармы ради того, чтобы оказать помощь в обретении спасения всем живым существам, в том числе и человеку.

Одна из причин популярности буддизма состояла в том, что он открывал каждому перспективу индивидуального спасения и тем самым утверждал самоценность отдельной личности, в то время как конфуцианство рассматривало человека исключительно в рамках семьи и государства.

Как мировая религия буддизм с его этикой равенства людей и всеобщего сострадания играл важную интегрирующую роль в обществе, удовлетворяя потребности человека в стабильных формах жизни и психологического комфорта.

Постепенному усилению позиций буддизма во многом благоприятствовала общая социально-политическая обстановка III—VI вв. с ее кризисами, междоусобицами и неустойчивостью бытия. Стены монастыря давали реальную защиту от постоянных смут, здесь совершались погребальные церемонии, поминовения павших воинов, обещавшие им жизнь в раю. Но более всего монастыри привлекали возможностью освободиться от налогов и притеснений властей. Обитель буддизма притягивала к себе и обездоленный люд, изгнанный со своей земли кочевниками. Здесь же богатые аристократы обретали душевный покой и уединение. Приобщение к китайскому буддизму было тем легче, что он предусматривал наряду с общиной (сангхой) монахов существование буддистов мирян, в чью обязанность входила поддержка монахов и пожертвования монастырям.

В III—IV вв. вокруг столичных центров — Дояня и Чанъаня — действовало около 180 буддийских монастырей, храмов и кумирен, а к концу V в. в государстве Восточная Цзинь их насчитывалось уже 1800 с 24 тыс. монахов. Некогда чужеземная религия, быстро адаптировавшись к новой обстановке, впитала местную обрядность, признала культ предков и другие народные культы, включила в свой пантеон святых древних мудрецов и мифических героев Китая. В буддизме на первый план вышли те идеи и принципы, которые более всего соответствовали традиционным китайским нормам и идеалам.

В ходе своего распространения буддизм подвергся значительной китаизации. Первоначально он вообще воспринимался как одна из сект даосизма. Так, уже в IV в. считалось, что Будда — это воплощение Дао. В целом даосизм, обеспечивавший преемственность культурного самосознания китайцев, выполнял роль посредника между буддизмом и народными верованиями. Недаром для толкования важнейших индо-буддийских понятий сначала использовались знакомые китайцам термины религиозного даосизма, и лишь позднее, в V в., перешли к непосредственной транскрипции буддийских терминов.

В условиях неприязненного отношения к буддизму как иноземному учению доказывалось полное совпадение буддийской морали и нравственного идеала китайской традиции. Буддизм даже находил объяснение необходимости ухода от мира, что было немыслимо с точки зрения конфуцианства.

Китайский буддизм был многолик. Его многочисленные секты обязаны своим происхождением разным вероучителям — патриархам и переводчикам сутр. Секты тяготели к тому или иному региону (пути развития Севера и Юга Китая существенно различались), обслуживали социокультурные потребности различных

слоев общества. Каждая из школ китайского буддизма рассматривала себя как наиболее полную и законченную форму учения Будды.

Со временем проповедников буддизма из Индии и «Западного края» сменили китайские. На Севере деятельность кучарского монаха Кумарадживы (прибыл в Чанъань в 402 г.) по переводу сутр проходила под знаком усвоения канона в его индийском варианте.

Ученик Кумарадживы Дао-шэн (умер в 434 г.), опираясь на махаянистскую нирвану-сутру, выдвинул тезис о природе Будды во всем живом и отстаивал возможность внезапного просветления и спасения для каждого.

Большой вклад в китаизацию буддизма внес первый китайский патриарх буддизма и первый переводчик сутр Дао-ань (312–384), основатель монастыря в пров. Хубэй. Он разработал также образцовый монастырский устав и ввел единый фамильный знак Ши (от рода Шакья, из которого происходил Будда). С его именем связано также утверждение культа Будды грядущего — Майтрейи, ставшего самым популярным божеством на всем Дальнем Востоке. Изображение Майтрейи в виде толстобрюхого монаха с глуповатой улыбкой, до срока скрывающей мудрость Будды, символизировало ожидание эры всеобщего благоденствия. Вожди крестьянских движений нередко объявляли себя возродившимся Майтреей, а культ его занимал центральное место в идеологии тайных обществ.

Вторым китайским патриархом буддизма, его блестящим популяризатором был ученик Дао-аня — Хуэй Юань (334–417), основатель монастыря в пров. Цзянси. Он положил начало южно-китайскому амидизму, в основе которого был культ Будды — Владыки Западного рая — Амитабы, связанный с мечтой о возрождении после смерти и райском будущем в царстве «чистой земли». Предполагалось, что молитвы Амитабе и даже одно лишь произнесение его имени способны даровать вечную жизнь в этом обетованном рае. Сторонники амидизма, разделявшие тезис о равенстве мужчин и женщин, питали и стимулировали деятельность других тайных обществ и многочисленных крестьянских восстаний.

Внедрение в китайское сознание буддизма привело к расширению культурного горизонта страны. Рост контактов с народами Индокитая и Индии стимулировался паломничеством ученых монахов к святым местам. Так, в 399–415 гг. Фа Сянь описал свое путешествие в Индию в «Записках о буддийских царствах». Вместе с ответными религиозными миссиями в Китай прибывали иностранные купцы. Внешние связи способствовали развитию мореплавания и судостроения, расширяли знания о дальних, незнакомых странах.

Успешное распространение буддизма объяснялось рядом важных причин. Прежде всего конфуцианство как официальная идеологическая доктрина империи в годы ее глубокого кризиса ушло на второй план. Создавшийся своеобразный духовный вакуум заполнили буддизм и даосизм. Даосизм, пережив поражение, связанное с восстанием «желтых повязок» в конце Хань, в III–VI вв. вновь обрел прежние позиции и наряду с буддизмом стал популярной религией. Своеобразное государство даосских патриархов из рода Чжан, сформировавшееся на окраинах развалившейся Ханьской империи, на протяжении веков снабжало страну образованными и хорошо подготовленными для выполнения повседневных обязанностей даосскими проповедниками, гадалками, врачевателями, алхимиками, геомантами и т.п. К их услугам охотно прибегали едва ли не все китайцы как в северных, так и в южных царствах. По буддийскому образцу даосы создали монастыри, ставшие очагами культуры. Именно там писали трактаты даосские ученые монахи, заложившие основу «Дао-цзана», аналога буддийской Трипитаки (компендиум текстов). Наиболее интересным из даосских трудов этого времени стал трактат Гэ Хуна «Баопу-цзы», в котором наряду с алхимическими изысканиями и рассуждениями о бессмертии ощутимы и попытки сближения даосизма с конфуцианством.

Что касается конфуцианства, то его влияние в годы кризиса было более ощутимо на уровне образованной элиты, причем не только и не столько при дворах правителей (вначале лишь на Юге, позже, по мере китаизации северных варваров, и на Севере, особенно в государстве тобийцев Северное Вэй), сколько в китайской деревне, оставшейся со времен Хань под влиянием сильных домов. Последние издревле были склонны к усвоению конфуцианских добродетелей, что создавало в деревне устойчивый фундамент для признания их патерналистской позиции. Выходцы из образованных представителей сильных домов воспринимались всеми как старшие и требовали к себе должного уважения. Утвердившись в рамках своих и соседних деревень, эти ревнители конфуцианства возрождали на массовом уровне древнее учение. Из числа этой элиты по мере стабилизации политической обстановки выдвигались и чиновники, постепенно составляющие остов привычной для Китая бюрократической структуры.

Расширение культурного горизонта привело к качественному сдвигу в самом способе мышления, обретавшем целостность и универсальность древней мудрости. Неповторимым колоритом отличалась противоречивая интеллектуальная жизнь образованной элиты. В своем кругу они обратились к практике свободных дискуссий, так называемых «чистых бесед». Их темой становились

как традиционно конфуцианские, так и вызванные к жизни новыми веяниями метафизические проблемы, в том числе рассуждения о бессмертии либо о буддийской нирване, о высшем предназначении человека, его отношениях с природой, обществом и государством.

При этом ученые конфуцианцы отнюдь не гнушались верованиями народного, т.е. широко распространенного среди китайского народа, даосизма. Об этом, в частности, свидетельствует появление в IV в. знаменитой книги конфуцианца (чиновника при цзиньском дворе) Гань Бао «Соу шэнь цзи» («Записки о поисках духов»), в которой были собраны даосские истории о необычном и удивительном.

Наглядным выражением глубокого духовного перелома стал стиль жизни, отраженный в сборнике «О мире новые рассказы» («Ши шо синьйу»). «Знаменитые мужи», духовные лидеры той поры, своим поведением отрицали омертвевшую форму официального ритуала, все более перестававшего выполнять (как это было в древности) роль социального регулятора в обществе. Вошло в моду демонстративное манкирование служебными обязанностями. Прямой вызов конфуцианской добропорядочности (вплоть до пренебрежения погребальным ритуалом) выражался в подчеркнутой неряшливости, в изъятии антипатии к сильным мира сего.

Провозглашенный знаменитым поэтом Цзи Каном принцип «переступить ритуал и утвердить естественность» стал реакцией на схоластику ханьского конфуцианства. Раскованная жизнь «знаменитых мужей», запечатленная в метафоре «стиль ветра и потока», ярко выражала экологичность китайской культуры. Ведь природа как фундаментальное начало всей жизни, включая человека, выступала его учителем (по-китайски — «прежде рожденным»). К познанию истины, природной по своей сути, была обращена личность художника-творца, вторящего целостности Неба и Земли.

Восторг от познанного изливался в стихе, выплескивался на свиток белого шелка. На стыке живописи и поэзии рождалось искусство каллиграфии, выявляя живописность китайского иероглифа, несущего зримые черты пиктограммы, картины, символа. Вершиной устремленности к познанию природы и мира человека стало непревзойденное искусство каллиграфа Ван Сичжи (307–365). Равняясь на древних мудрецов, постигавших в малом целое, он утверждал, что «почерк выдает злодея».

Продолжая традиции древнего династийного историописания, Фань Е составил «Историю Поздниханьской династии» («Хоуханьшу»). Проникнутая гражданским пафосом история противостояния трех государств «Сань го чжи» (III в.) была посвящена теме ответственности человека за содеянное им. Показательно,

что династийный труд запечатлел взаимодействие фольклорной и летописной традиций. В то время как бродячие сказители — «толкователи книг» — вели свое повествование по канве династийной истории, последняя впитывала в себя дух народных преданий, буддийских сутр и даосских трактатов. В традиционной культуре целостно взаимодействовали все ее жанры, и недаром на основе «Сань го чжи» в XIV в. был создан роман «Троецарствие».

Социальные конфликты и нашествия кочевников, происходившие в III—V вв., не нарушили преемственности китайской культуры, хотя и вызвали некоторый ее упадок. Однако вскоре пульс интеллектуальной жизни был восстановлен.

В Цзянькане — столице Восточной Цзинь — жили видные ученые и писатели. В области математических знаний прославился ученый Цзу Чунчжи. Мыслитель Фань Чжэнь в трактате «О смертности духа» (507) опровергал тезис о бессмертии души. Свои имена прославили поэты. Наиболее ярким талантом выделялся Тао Юаньмин (365—427) — автор утопии «Персиковый источник».

В общении ханьцев — носителей древней оседлой культуры — с молодыми народами степи на бытийном уровне не всегда легко было выявить минусы и плюсы. Ведь нередко и мелкие конфликты, и войны в масштабе крупных временных циклов в конечном счете неожиданно оборачивались взаимокультурными приобретениями двух сторон. Особое место в этом общении занял буддизм, ставший духовной скрепой культурного взаимодействия ханьцев с их кочевыми соседями.

Именно с III—V вв. в плавильном котле этносов шло интенсивное и плодотворное взаимообогащение культур. Достаточно сказать, что кроме буддизма, пришедшего в Китай через степь, ханьцы заимствовали многое у кочевых соседей (и превратили в свое): седло, короткие куртки и штаны, отдельные виды головных уборов и мебели, различные продукты скотоводства, музыкальные инструменты и мотивы, танцы. Усвоение достижений степняков во многом способствовало сложению уникальной китайской этнокультуры, впитавшей эти инокультурные элементы на своей собственной основе.

Глава VI

ВОССТАНОВЛЕНИЕ И РАСЦВЕТ ИМПЕРИИ: ДИНАСТИИ СУЙ И ТАН

1. ПРАВЛЕНИЕ ДИНАСТИИ СУЙ (581—618)

Во второй половине VI в. культурные, экономические и политические различия между Севером и Югом страны значительно смягчились. Варвары Севера постепенно ассимилировались с местным населением, а боеспособная тобийская конница — опора степняков — перестала существовать. Кочевники Центральной Азии, создав мощный союз — Тюркский каганат, — угрожали очередным вторжением. Опасность подчинения новым завоевателям стала реальной. Неудивительно, что в этих условиях инициатива возрождения единства страны принадлежала северянам.

В одном из многочисленных северных государств — Чжоу — к власти пришла военная группировка китайско-варварской знати Северо-Западного Китая, ставшая центром консолидации сил. В противоборстве с сепаратистскими устремлениями сильных домов она добилась воссоединения страны под властью китайцев, и в 581 г. военачальник Севера Ян Цзянь (Вэнь-ди) был провозглашен императором новой династии, получившей название Суй.

Сравнительно быстрое воссоединение огромной страны объяснялось следующими причинами. Культурные, экономические и политические интересы Китая требовали прекращения внутренних войн и объединения нестойких царств в единую империю. Мелкие и слабые царства не могли защитить огромную сухопутную границу земледельческих районов Китая от набегов кочевников-соседей. Затянувшиеся изнурительные междоусобицы подрывали сельское хозяйство, ремесло, торговлю, затрудняли использование огромной ирригационной системы, а сложившаяся еще в древности культура земледелия была немыслимой без искусственного орошения. Необходимость ликвидации последствий губительных разливов рек и опустошительных засух требовала единения средств и рабочих рук и была не под силу отдельным властителям.

Расчленение Китая, отсутствие сильного и прочного общегосударственного аппарата затрудняли возможность наладить жизнь в стране. В то же время ее объединению способствовали интенсивные культурные контакты, издавна существовавшие между Югом и Севером. Дальнейшее заселение северянами юга страны стимулировало тяготение жителей этих районов друг к другу.

Образование новой династии круто изменило течение китайской истории. На смену четырехвековой эпохе раскола и противоборства пришло время единения и централизации. Прекращение междоусобицы вызвало мощный экономический и культурный подъем в стране. Расширилась площадь посевов, выросло население.

Во время внутренних войн и нашествий кочевников в IV–V вв. почти все города Китая были разграблены или сожжены. Древние столицы Чанъань и Лоян превратились в руины. На юге Китая жизнь сохранившихся городов мало чем отличалась от деревенской. Однако уже в VI в. возродилось градостроительство. И на юге и на севере стали появляться новые города — как пограничные города-крепости, торгово-ремесленные центры на больших реках и в местах добычи сырья или как морские порты. Заново отстраивались поражавшие воображение современников столицы — центры культуры и ремесла, зримое средоточие функций государственного управления.

Ремесленники одной специальности селились на одной улице или в одном квартале, а на рынках лавки торговцев, лепясь друг к другу, составляли ряды. В VI в. на их основе сложились торгово-ремесленные объединения, получившие название *туань* и *хан*. Этими терминами обозначались и торговые ряды, и ремесленники одной профессии, и собственно ремесленные корпорации. Деятельность цехов регламентировалась обычным правом.

Император Ян Цзянь выдвинул, в согласии с конфуцианской доктриной, курс на упорядочение отношений в стране, стабильность и процветание. Новые власти снизили налоги, отменили соляную и винную монополии казны, выпустили новую монету. Будучи приверженцем конфуцианства, Вэнь-ди стал приглашать на службу ученых, заложил основы института экзаменов, успешная сдача которых открывала перспективу получения должности чиновника для каждого жителя Поднебесной.

Суйский двор заимствовал бюрократическую систему ханьского образца, было упорядочено административное деление, значительно сокращен штат государственных служащих.

Ян Цзянь настойчиво добивался укрепления власти центра и беспощадно расправлялся с местной знатью. Но в 604 г. он был убит своим сыном Ян Гуаном, который и вступил на престол. Основу политики Ян Гуана (Ян-ди) составляли мероприятия, направленные на обогащение казны, экономическую и политическую централизацию.

Ян Гуан учредил экзамен на степень *цзиньши* («продвинутого мужа»), ставший позднее одним из главных каналов выдвижения на службу, подчеркнув тем самым приоритет гуманитарного,

гражданского начала в стране. Что касается военных, то их перевели в разряд податного люда, в подчинение провинциальным гражданским властям.

Новый император перенес столицу в Лоян, переселив в него до 10 тыс. богатых семей. Великолепный дворцовый ансамбль, громадный парк с редкостными растениями, диковинными зверями, прудами и каналами поражали современников сказочной роскошью.

Для усиления связи центра с периферией был сооружен водный путь, соединивший долины рек Хуанхэ и Янцзы. Великий канал, созданный на базе старых и новых каналов, рек и озер, имел множество шлюзов. Внутренний водный путь, проходивший с Юга на Север, способствовал развитию торговли, укреплению контактов столицы с провинцией, регулярности перевозок продуктов с Юга — рисовой житницы страны. Кроме того, он обеспечивал большую маневренность в случае необходимости переброски войск.

Другим крупным мероприятием того времени стало укрепление и реконструкция Великой стены (607—608). Строительство казенных сооружений, возрастающие расходы знати и двора требовали все больше средств. И власти произвели переучет населения, увеличили налогообложение и сроки повинности. Труд на отработках, особенно на сооружении казенных объектов, был сродни рабскому. Строители кораблей, перевозчики зерна, занятые подневольной работой, жили в тяжелейших условиях.

Грандиозное строительство, поражавшее современников своей пышностью, непомерные траты, обеспечивающие роскошь императорского двора, — все это стало возможным благодаря использованию властями традиционного средства — надельной системы, позволяющей, как это уже не раз случалось в китайской истории, молодым восходящим династиям, возродив «коренное», главное занятие — земледелие, наладить и все другие ветви древа государственности.

Длительные войны и междоусобицы начала VII в. привели к опустошению многих районов, к запустению полей и массовой гибели людей. Уже во время войн, развязанных Ян Цзянем, многие земли, ранее принадлежавшие знати и чиновникам, стали государственными, а надельная система распространилась по всей империи. Прекращение распрей способствовало обработке заброшенных и целинных земель и восстановлению ирригационной системы в широких масштабах. Установление единой власти в стране дало возможность упорядочить учет населения. При Ян Цзяне власти выявили более 1,5 млн крестьян, не внесенных ранее в

податные списки, официально сократили размер надела, налог же с двух с лишним даней зерна возрос до трех даней с четы, а трудовая повинность достигла 30 дней в году. Впервые на рабов предоставляли такой же надел, какой давался свободному земледельцу. При этом была сделана уступка хозяевам рабов: подать с их надела была вдвое меньше. Большая часть налога, собранного с крестьян, поступала в казну, а меньшая — в местные склады.

Во время правления Ян Гуана еще более возросли трудовые повинности. Источники свидетельствуют о привлечении на строительство Лояна 2 млн человек, на сооружение Великого канала и Великой стены — 1 млн.

В империи Суй в рамках наделной системы были восстановлены так называемые «должностные земли (*гуань-тянь*)», доходы с которых шли в кормление чиновникам. Кроме того, из казенного фонда членам императорской фамилии, носившим титул вана, выделялись владения до 10 тыс. му земли. Ян Гуан, сократив ранги титулованной знати с девяти до трех, тем самым стремился ограничить эти владения.

На примере династии Суй отчетливо видна классическая динамика восходящей и нисходящей линий развития династии и государства в целом: сначала упрочение императорской власти, культурный взлет, уступки основным производителям, а затем — усиление агрессивной внешней политики, рост разорительных налогов и крупного землевладения и, наконец, развал страны.

Правители Суй вели затяжные, но малоуспешные войны на всем протяжении границ империи. Стабилизация внешнего положения рассматривалась как средство упрочения их позиций внутри страны. Тем же целям служила и гибкая дипломатия: натравливание одних племен на другие, разжигание внутривластной розни, задабривание титулами и подарками, династические браки, приглашение членов правящих родов почетными заложниками ко двору императоров. Эти методы наиболее ярко проявились в отношениях с Тюркским каганатом, распавшимся вскоре на Восточный и Западный. В борьбе за объединение страны в конце VI в. суйские власти иногда признавали свою зависимость от тюрков.

Действия китайцев на северо-востоке были направлены на овладение Ляонином и морскими путями в Желтом море. Так, объектом захватнической политики империи Суй стали государства Когуре и Пэкче (в северной и юго-западной частях Корейского полуострова). Силла (на юго-востоке полуострова) выступала союзником Суйской империи. В ожесточенной войне 612–614 гг. китайцы трижды совершали неудачные походы в Корею. Тяготы

военных походов и особенно неудача корейских войн послужили одним из толчков к широкому народному выступлению против правящей династии. Особенно упорными и массовыми были восстания в Шаньдуне и Хэнани, где прошел с военными походами Ян Гуан и скопились беглые воины и возчики. Именно там в 610 г. повстанцы образовали самостоятельное царство, провозгласив его главой Доу Цзяньдэ, бывшего сельского старосту и воина.

Одновременно начались раздоры в правящем стане. В возникшей смуте сильнейшим оказался родственник Ян Гуана по женской линии Ли Юань. В 617 г. в Тайюане он поднял мятеж и вскоре с войском, усиленным конницей союзных тюркских племен, захватил Чанъань. После неудачи корейского похода Ян Гуан, спасаясь от мятежников, бежал на юг. В 618 г. в г. Цзянду он был убит дворцовою стражей, а Ли Юань провозгласил основание династии Тан.

2. ВОЦАРЕНИЕ ДИНАСТИИ ТАН (618–907)

Танский период стал эпохой расцвета средневекового Китая. Объединению страны под властью танского дома во многом способствовала политика Ли Юаня, сумевшего добиться поддержки различных групп населения. Он отменил податную задолженность за прошлые годы и ограничил сроки государственной барщины, освободил крестьян, проданных в рабство. Новые власти объявили о помощи голодающим, вели борьбу с последствиями наводнений. Политическим противникам было обещано помилование в случае изъявления покорности. Государство покровительствовало купцам и торговле.

Хотя Ли Юань обещал амнистию восставшим, он уничтожил повстанческие центры, а руководителя восстания Доу Цзяньдэ приговорил к казни. Вооруженная борьба за объединение страны и гибкая политика дома Тан обеспечили им к 628 г. полную победу. Важным этапом на пути к ней стало возвращение Ли Юаня к традиционной надельной системе в 624 г. Впервые в истории об этой аграрной системе можно судить не только по государственному законодательству, но и на основе данных подворных реестров (обнаруженных во время экспедиций в 1907–1914 гг. на северо-западе Китая — в Дуньхуане и Турфане), свидетельствующих о претворении указа в жизнь на всей территории огромной страны вплоть до самых ее окраин.

Длительные войны и междоусобия начала VII в. привели к опустошению страны — запустению полей, массовой гибели населения. Ведя борьбу с могущественными соперниками, Танский двор

вновь обратился к надельной системе. По эдикту 624 г. каждый взрослый трудоспособный мужчина получал право на садово-огородный надел и пахотное поле в 80 му, подлежащее ежегодному переделу с учетом изменения возрастного и семейного состава хозяйств.

Вначале трудоспособным считали каждого, достигшего 18-летнего возраста (при нехватке рабочих рук), а впоследствии, когда все пустоши были распаханы, — 21 года. Размеры наделов зависели от качества почвы, от степени заселенности данной местности. На садово-огородном наделе следовало сажать тутовые и другие деревья. При некоторых ограничениях это наследственное владение семьи можно было покупать, продавать и закладывать. Распоряжаться подобным же образом с пахотным участком, кроме исключительных случаев, не разрешалось. Однако эти оговорки — лишнее свидетельство того, что купля-продажа и заклады всех видов земель практиковались. Новым при Тан явилось лишение женщин (кроме вдов) права на надел. В отличие от частных государственных рабы получали полный или половинный надел, что фактически превращало их в обыкновенных крестьян.

И чтобы ни один из податных не смог ускользнуть от налогового обложения, над ними был усилен контроль. Учет населения по возрасту велся по пяти категориям: от рождения до 4 лет, от 4 до 16, от 16 до 21 года, от 21 до 60 и, наконец, после 60. Трудовая повинность была сокращена с 30 до 20 дней в году. В местах, где ткани не производились, взималось серебро, а у скотоводов — бараны. Если крестьянин отработывал больше положенного времени, его освобождали от части уплаты зерном и тканями. На время освобождались от податей поднявшие целину и перешедшие в малонаселенные районы. В танский период в половинном размере надел могли получить также купцы и ремесленники. В условиях надельной системы непосредственные производители становились вместе с наделами единым объектом собственности государства, облагаемым рентой-налогом.

Необходимые для проведения надельной системы детальный учет населения, фиксация повинностей, бесперебойное поступление налогов в казну обеспечивались принципом круговой поруки. Низшей административной единицей была общинная деревня, чьи традиционные органы самоуправления все более становились звеньями фискального аппарата государства. Вместе с тем анализ реестров показывает, что казна нередко шла на компромисс и община продолжала играть определенную роль в регулировании землепользованием крестьян на основе норм обычного права.

Надельная система заложила основу процветания страны. После нескольких лет упорной борьбы с соперниками танский дом смог стабилизировать положение. Однако само царствование Ли Юаня было непродолжительным. Его сын Ли Шиминь (Тай-цзун) хладнокровно расправился со своими братьями, а затем, заставив отца отречься от престола, занял его место. Пролцарствовал он 23 года (626—649).

Расцвет танского Китая не в последнюю очередь был связан с государственной мудростью его правителей. Первые танские императоры, сознательно следуя курсу своих суйских предшественников, учли и их печальный опыт упущенных возможностей. Особенно преуспел в этом Тай-цзун — властный и умный правитель, обладавший завидным политическим чутьем и тактом. Не случайно именно он в своей деятельности воплощал учение «о гармонизации мира (государства) ради блага народа» (*цзин цзи*), направленное на достижение социальной гармонии (как продолжения космической) и пресечение мятежа и хаоса. Автором этого учения, предложившего реальный путь к воплощению идеалов предков в современных условиях, был Ван Тун (584—617), создавший в подражание «Луньюю» «Изложение о середине» (Чжун шу). Его социально-политический проект достижения «Великого равновесия», представленный еще в суйское время, тогда был отклонен императором, но учение Ван Туна воплотили в жизнь его последователи — крупные танские сановники. Ли Шиминь, почитаемый традицией «образцовым правителем», умело трактовал заветы древних ради насущных задач современности, последовательно разделял суйскую версию конфуцианских канонов.

Учение о гармоническом управлении предполагало необходимость перенесения принципа природной гармонии с помощью космоткача в лице современного правителя на общество и государство. В этом виделось присущее китайской культуре представление о политике (как и любом созидании-творчестве в целом) как искусстве природосообразного действия, предусматривавшего соблюдение во всем принципа золотой середины (т.е. ритма и меры) с учетом расстановки сил в стране, чтобы балансировать на грани возможностей.

Действуя в этом духе, Ли Шиминь (много сделавший для усиления контроля над бюрократией, чтобы стабилизировать власть правителя) в то же время добивался при дворе более равномерного и целесообразного представительства важнейших регионов, последовательно поощрял приток свежих сил в администрацию. Показательно, что именно в этой среде появились ученые-сановники, «talанты, (разумевшие) *цзин цзи*». Они владели умением гармонизировать мир ради блага народа и считали себя наряду с правителем ответственными за состояние дел в стране. Одним из

них был Вэй Чжэн, прозванный современниками Человек-зеркало, в чьи обязанности входило нелицеприятно указывать сыну Неба на его промахи и наставлять в политике. Недаром самого сановника, претендующего на роль «зеркала гуманности», рассматривали ретранслятором мудрости, почерпнутой из древних канонов.

Плодотворный диалог правителя и подданного, гармонично взаимодействующих как большой колокол и малая свирель, во многом благоприятствовал созданию политического курса двора, обеспечивая культурный и политический взлет Танской империи.

3. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ТАНСКОЙ ИМПЕРИИ

В условиях средневекового Китая государственная организация складывалась по древним образцам, а все общество воспринималось как сложная иерархическая система. Основой этой системы служил тезис конфуцианства, гласивший о том, что благородный муж должен возвышаться, а низкий, недостойный — умаляться. Предполагалось, что членение общества на верхи и низы справедливо, если соблюден критерий совершенства. В основе иерархии лежал моральный принцип: социальную пирамиду увенчивал сын Неба, ставший им за свои добродетели, далее шли благородные (*гуй*), а большинство подданных назывались «добрым человеком» и «низким человеком».

Конечно, уже в древности, а тем более в средние века этот принцип был нарушен, а порой даже «перевернут»: те, кто был наверху, уже только поэтому считались благородными (часто не будучи таковыми). Но пока на уровне идеала этот принцип еще «работал», он обеспечивал потенции дальнейшей эволюции общества.

Все жители Поднебесной считались подданными государства, персонифицированного в особе императора. При этом каждая прослойка общества придерживалась определенных правил поведения и этикета, имела свое экономическое обеспечение, свой тип одежды, украшений и жилищ.

Высшим слоем общества была привилегированная наследственная аристократия. Она различалась по титулам и рангам и получала соответствующие по размеру земельные владения. К потомственной знати причислялись некоторые чиновники и сановники из числа «особо заслуженных». В Китае не было майората, и многодетность в знатных домах приводила к дроблению крупных землевладений и борьбе в среде титулованной знати.

Наиболее многочисленную часть правящего слоя общества составляли чиновники, служившие опорой централизованной влас-

ти. Они занимали различные ступени на иерархической лестнице чинов и делились на девять рангов. Чинам и рангам соответствовала оплата в виде земельного владения или жалованья. Ни звание, ни ранг, ни право на должностное землевладение не передавались по наследству. Новые поколения чиновничества пополнялись за счет молодых талантов: лишь сдавший экзамен и получивший ученую степень мог стать кандидатом на должность в государственном аппарате.

Большая часть населения (не считая знати и чиновников) причислялась к так называемому «доброму люду». В их обязанности входили обработка земли и своевременное выполнение всех видов повинностей. Подавляющее большинство «добрного люду» составляли крестьяне. Некоторые из них, прикупив земли, использовали труд арендаторов, «пришлых» и рабов. Занятие земледелием считалось почетным. К «доброму люду» причисляли и ремесленников, и купцов, облагаемых податями и повинностями так же, как и крестьян. На самом низу социальной лестницы находился «подлый люд», включавший тех, кто не платил налога (актеры, нищие, проститутки), а также лично-зависимых, слуг и рабов.

Социальная структура общества Китая, несмотря на дробление на обособленные социальные группы, не воздвигала между ними непроходимых перегородок и тем самым не исключала передвижения каждого по иерархической лестнице. Выходец из рядовых налогоплательщиков мог оказаться среди верхов общества. Имело место и обратное: сановника за преступление могли понизить в должности или, более того, разжаловать в простолюдины.

Система государственного устройства и бюрократический аппарат складывались на основе опыта, накопленного в древности. Верховная власть концентрировалась в особе императора, сыне Неба и одновременно отца своих подданных. А он, обладая неограниченными правами, должен был управлять страной на основе традиций и законов, опираясь на разветвленный бюрократический аппарат. По традиции государь считался представителем высших небесных сил и проводником их воли. Сын в общении с Небом, он одновременно выступал в качестве заботливого отца для любимых старших сыновей — чиновников — и неразумных младших детей — остальных подданных. Так природная по характеру семейная структура распространялась на все общество.

От императора требовалось, чтобы он вступал в контакт с великими предками и заботился о народе. Ближайшими помощниками сына Неба были два советника — *цзайсяны*. Их должности занимали члены императорского дома или влиятельные сановники. Управление страной осуществлялось через три палаты: Кабинет

министров, Совет Двора, Государственную Канцелярию. Эта трех-частная система центральных органов, пройдя долгую эволюцию, приняла в танское время достаточно заверченный вид. Кабинет министров ведал в основном органами исполнительной власти, а две другие палаты готовили и публиковали указы императора.

Согласно традиции государственный аппарат как средство управления по своей структуре рассматривался уподобленным продолжением личности монарха. Тем самым личностные функции сына Неба — его телесная зримость (внешний облик), речь, слух, зрение и мышление — посредством государственного аппарата рассредоточивались в социальном пространстве, воплощая коммуникативную способность правителя налаживать гармоничное общение с Небом и подданными. Поэтому понятно, что функции палат составляли единый организм и не были узкоспециализированы, а как бы дополняли друг друга. Император должен был лишь регулировать общение трех палат (порой успешно противопоставляя их друг другу), чтобы контролировать и держать всю систему в равновесии. В этом, в частности, проявлялась государственная мудрость, обусловленная характером всей китайской культуры, — добиться успеха в деле управления можно было лишь при соблюдении гармонии между целью и средством. Процедура функционирования государственного аппарата, нацеленная на выработку целесообразной политики, проходила несколько этапов, предусматривая рассмотрение любой проблемы с «трех сторон» (т.е. в трех палатах).

Так, например, указы правителя составлялись на основе информации, поступавшей в докладах с мест, доклады же направлялись для первичного рассмотрения в Кабинет министров, выполнявший совещательную функцию. Далее сведения, изложенные в докладах, проверялись в Совете Двора и лишь затем, после длительной дискуссии, Государственная канцелярия накладывала свою окончательную резолюцию. Если мнения Совета Двора и Государственной канцелярии расходились, в дело лично вмешивался сам император. Цикл выработки указа и его шлифовка общими усилиями замыкался на Кабинете министров, куда он уже в окончательной редакции вновь поступал для исполнения.

В свою очередь эта исполнительная функция Кабинета министров реализовывалась через шесть традиционных ведомств. Главным из них было Ведомство ритуала, который пронизывал все стороны жизни средневекового общества. Это ведомство следило за соблюдением обрядов, нравственностью подданных, их образованием, религиозными организациями. Кроме того, в его функции входили организация приема иностранных послов и посылки посольств, а также надзор над остальными пятью ведомствами.

В обязанности Ведомства чинов входил контроль за назначением чиновников и их увольнением, своевременным перемещением по должности и награждением. Финансовое — вело учет податных и наделов, упорядочивало обложение налогами. Военное ведомство занималось военными чинами, войсками, охраной границ, ведало военными поселениями на окраинах империи. Ведомству наказаний были подчинены суды, тюрьмы, судопроизводство. Ведомство общественных работ определяло характер трудовых повинностей, проведение работ по строительству, устройству дорог, перевозки, обеспечивало функционирование ирригационной системы.

При дворе были специальные управления по обслуживанию персоны императора, императорских палат, гарема, охраны имущества казны.

Исключительная роль принадлежала палате инспекторов и цензорату, служившим как бы глазами и ушами правителя. Вместе с тремя палатами эти контрольные органы способствовали реализации власти сына Неба, обеспечивая непрерывность потока информации во всех звеньях государственного аппарата, снизу вверх к правителю и наоборот. Но прежде всего они контролировали бюрократический аппарат как в столице, так и в провинции, причем имели право подавать доклады непосредственно сыну Неба, минуя промежуточные инстанции. Само существование такого контрольного органа должно было служить единоначалию власти и предотвращать любые нежелательные тенденции в стране. Вся империя делилась на провинции, округа и уезды, различавшиеся по категориям в зависимости от числа податных и массовых налоговых сборов.

Важной функцией государственного аппарата явилась организация экзаменов трех степеней. Испытания проводили главы администрации, причем столичные экзамены на высшую степень *цзиньши* устраивались при императорском дворе. Экзаменационная система обеспечивала высокий уровень конфуцианской образованности кандидатов в чиновники и высокое качество имперской администрации. Высшая ученая степень давала право на замещение ключевых административных постов. Кроме того, экзаменационная система служила методом проверки благонадежности кандидатов в чиновники, воздействия на направление умов образованной части общества и обновления чиновного аппарата власти, регулярно снабжая его новыми кадрами вплоть до уездного уровня.

Ниже уездных центров стояли деревенские организации, возглавляемые старостами. В деревне низшей единицей были объединения четырех или пяти дворов, в свою очередь входившие в

более крупные общинно-административные деревенские организации.

Старосты и общинные органы самоуправления вели учет населения, наблюдали за возделыванием полей и шелководством, своевременной уплатой налогов, выполнением трудовой повинности, обеспечением круговой поруки, отвечали за порядок и спокойствие в деревне, отправлением религиозных церемоний. Им надлежало следить, чтобы в округе не было беглых разбойников и контрабандистов.

В эпоху Тан была кодифицирована традиционная правовая норма. После долгой и кропотливой работы в 737 г. опубликовали всеобъемлющий кодекс «Тан люй шуи», оказавший влияние не только на юридическую мысль Китая на протяжении нескольких столетий, но и ставший образцом для законодательства сопредельных с Китаем стран Дальнего Востока. Его мировоззренческой основой было конфуцианство, облекавшее полной юридической компетенцией лишь императора. Главным принципом государственного правления стала детально разработанная регламентация всех сторон жизни, строгая социальная иерархия и административная субординация. Жестко карались малейшие нарушения порядка при дворе и проступки против сына Неба.

В духе юридических норм, определенных еще в древности, кодекс отождествлял этические нормы в государстве с этикой семейной. Конфуцианская мораль нашла отражение в признании отцеубийства тягчайшим преступлением. Свод уголовных законов определял прежде всего отношения между родственниками, хозяевами и рабами. Большинство статей кодекса было посвящено привилегиям и обязанностям «любимых сыновей» сына Неба и одновременно «пастырей народа» — чиновников. Уложения, касающиеся этой прослойки, достигли в кодексе завершенной полноты и отточенности.

Чиновники, обладавшие рангами, пользовались привилегиями: личный ранг определял должность и реальный правовой статус чиновника. Они могли избежать физических наказаний путем понижения их ранга, должности или титула. Правда, это означало нежелательную для конфуцианцев «потерю лица», что было нестерпимым унижением для провинившегося. Родство с высокопоставленным чиновником становилось источником привилегий. В то же время все действия чиновников находились под неусыпным контролем. Более того, совершенные ими даже незначительные проступки, например нарушения нормативных сроков обработки документов правителя, карались весьма сурово.

Кодекс в целом стоял на страже интересов государства. Степень наказания обычно имела ситуационный характер, т.е. зави-

села от статуса виновного и жертвы. Так, хозяина за убийство провинившегося раба наказывали ста ударами большой палки, а неумышленное убийство господина рабом или слугами каралось смертной казнью.

Танская империя обладала значительными военными силами. Армия вербовалась из рекрутов, которые призывались на военную службу и проходили обучение. В каждой провинции и округе выставляли воинов, выделенных сельскими организациями. Войско обеспечивало империи успех обширных завоевательных походов. Армейские подразделения несли службу как в столице, так и в провинции. Императорский дворец и столицу охраняли гвардейцы. На границах военные поселенцы занимались хлебопашеством и несли военную службу. В случае надобности власти прибегали к услугам конницы кочевников. Военные чиновники по статусу, как и в эпоху Суй, считались ниже гражданских.

4. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ТАНСКОЙ ИМПЕРИИ

В отличие от предшественников правители династии Тан пересмотрели свою политику в отношении Тюркского каганата. Если основатель династии даже платил им дань, то уже в 628–630 гг. при Ли Шимине был осуществлен грандиозный поход против тюрков. За ним последовала целая серия захватнических походов по Великому шелковому пути. В 640 г. танские войска уничтожили государство Гаочан, расположенное в Турфанской низменности. Затем они вели многолетнюю войну против уйгур. В 657 г. с их помощью, а в 679 г. в союзе с Восточным каганатом танские власти нанесли окончательный удар Западному каганату.

Китайские гарнизоны размещались по всему древнему Великому шелковому пути вплоть до Урумчи. Вместе с караванами из государств Средней Азии в Китай и из танской столицы на запад шли послы, путешественники, паломники. В 648 г. в Китай прибыла посольская миссия от киргизов. Продвижению китайцев на запад способствовал распад державы Сасанидов. Как известно, последний сасанидский царь Йездигерд III даже просил заступничества у Китая.

При Ли Шимине продолжалось завоевание Кореи. В 645 г. танские войска приблизились к Пхеньяну, но из-за сопротивления горожан вынуждены были отступить. В 660 г. 130-тысячная китайская армия высадилась на юге Корейского полуострова и разгромила Пэкче. Его окончательное падение произошло в 663 г., когда Китай в союзе с государством Силла нанес поражение японскому флоту, прибывшему на помощь Пэкче. Одновременно китайские

армии вторглись в Корею с севера. В 668 г. они захватили Пхеньян. Территории Когуре и Пэкче были превращены в военные губернаторства и присоединены к Китаю. Борьба корейцев против поработителей привела к объединению Кореи во главе с государством Силла. Китайцам пришлось отступить. Ту же традиционную политику разжигания вражды между племенами китайские власти вели в отношении киданей и мохэ. Когда же в 698 г. было провозглашено новое государство Бохай, дипломаты Срединной империи тщетно пытались использовать его против корейцев. В 705 и 713 гг. между Бохаем и Танской империей завязались торговые отношения.

С начала VII в. Китай установил первые официальные связи с Японией, откуда в 607 г. прибыли послы для переговоров. Мощественный китайский флот совершил экспедицию на острова Тайвань и Рюкю. Позднее с островитянами поддерживались посольские отношения.

В начале VII в. китайские войска разгромили племя тогонцев, родственных сяньбийцам (в пров. Цинхай), включив их земли в состав Танской империи. В 634 г. в Чанъань прибыли послы из Тибета. Через несколько лет, в 647 г., между Китаем и Тибетом был заключен мир, скрепленный браком Сроцзангамбо с китайской принцессой Вэнь Чэн. В Лхасе поселились китайские чиновники, военные, купцы.

Начало официальных отношений между Китаем и Индией также относится к VII в. В 641 г. в Чанъань прибыли послы из государства на севере Индии — Харши, но с распадом этой державы посольский обмен был прерван. Когда китайские послы Ван Сюаньцэ и Цзян Шижэнь в 645 г. направились в Индию из Лхасы, на них было совершено нападение. Ван Сюаньцэ удалось бежать в Тибет, откуда он осуществил победоносный поход в долину Ганга. В VII—VIII вв. посольства в Китай приходили из Кашмира, Магадхи, Гандхары, из княжеств Южной Индии и Цейлона.

Частые военные столкновения происходили на юго-западе с образовавшимся в Юньнани государством Наньчжао. Эти войны, как правило, кончались поражением Китая. Захватническая политика танского Китая распространялась и на юг. В 602—603 гг. китайские войска вторглись в северную часть современного Вьетнама, а затем направились к государству Тямпа, откуда вскоре они были вытеснены. В Северном Вьетнаме в 679 г. танские правители учредили наместничество Аньнань (Умиротворенный Юг). С Камбоджей, островной империей Шривиджайей и Читу (на юге Малакки) Китай поддерживал посольские отношения.

Китайское правительство пыталось использовать обмен посольствами для поддержания своего авторитета как на международной арене, так и внутри страны. Основы дипломатии, выработанные

еще в древности, в VII–IX вв. начали складываться в стройную систему. Сутью ее было признание Китая главенствующим в мире государством, которому в лице императора должны подчиняться все зарубежные страны. Прибывающие в Китай были обязаны изъявлять покорность, а привезенные дары рассматривались как дань. Сложился особый церемониал приема послов, призванный символизировать сюзеренитет Китая. Властители стран, приславшие посольства, объявлялись вассалами императора. В знак особой милости им передавали ритуальные регалии власти, подарки, китайскую одежду.

Такой чисто номинальный сюзеренитет признавался лишь китайцами. Другие государства обычно рассматривали свои отношения с империей как равноправные. Однако в некоторых случаях имел место реальный вассалитет как определенная форма зависимости, обусловленная давлением и военной угрозой со стороны Китая. Так, вполне реальной была зависимость от Китая вождей некоторых тюркских и других племен после разгрома каганата, временный вассалитет государств Силла и Наньчао в момент их ослабления.

Рост внешних связей Китая в VII–VIII вв. расширил внешне-торговые и культурные связи с зарубежными странами. В Китай приезжали посольства византийского императора, неоднократно прибывали и посланцы арабских халифов. Оживленные торговые связи поддерживались с Ближним Востоком не только через Великий шелковый путь, но и морем. Один из таких путей протянулся от Гуанчжоу до Багдада. Вместе с арабскими купцами в Китай проникло и мусульманство, появились и христианские проповедники несторианского толка. Столь значительное расширение связей с внешним миром объяснялось подъемом культуры и экономики не только Китая, но и многих государств Востока.

5. ГОРОДА, РЕМЕСЛО, ТОРГОВЛЯ

Городская жизнь танского Китая была отмечена возрастанием значения города как культурного, экономического и политического центра. При этом стала очевидной и преемственность с древней традицией. Город, как живой организм, гармонически вписывался в природный ландшафт. Подобно любой структуре, построенной по законам традиционной китайской геомантии (*фэншуйсюэ*), он был ориентирован по частям света и, как правило, четко спланирован в виде прямоугольника. Пространство внутри городов, обнесенных земляными валами и стенами, делилось на замкнутые квадраты.

Не случайно композиция Чанъаня повторяла традиционную планировку дома-усадьбы Северного Китая, а сама столица строилась по канонам городов, сооруженных на равнинной местности. Расположенный напротив главных ворот императорский дворец с парком позади занимал место главного здания, за ним обычно находился сад или огород. Как и Чанъань, другие города, непременно с садами и огородами, естественно смыкались с сельской местностью. Более того, в самом городе широко культивировалось искусство разбивки парков, сотворенных по подобию первозданной природы, любованию которой было эстетической потребностью китайцев. Как и в деревне, в замкнутых кварталах (при династии Северных Вэй — *ли*, а позже — *фан*) горожане, организованные в пятидворки и десятидворки, были связаны взаимной ответственностью, в том числе и перед казной. Квартальная застройка обеспечивала функционирование города по принципу сельской общины, зарекомендовавшей себя как устойчивая система.

Единство ритма пространства и времени в живом организме города проявлялось, в частности, и в развитой службе времени, направленной на регуляцию временных циклов жизни горожан. Подобная регламентация была единственно эффективным средством наладить городскую жизнь, не допуская в ней нежеланного хаоса. Так, ворота в городских стенах на ночь запирались, а специальные конные отряды, патрулируя улицы, следили за порядком. Всем, кроме чиновников высших рангов, ночью запрещалось выходить на улицу. Закон наказывал семьюдесятью палочными ударами каждого, кто в неположенное время осмеливался перебраться через городской вал или внутренние заграждения.

Четкое регулирование пространственной структуры города и временного распорядка его жителей во многом обеспечивало жизнеспособность городского организма, вобравшего в себя многочисленное население.

Славу и блеск Танской империи придавали три ее столицы — Чанъань, Лоян и Тайюань. Они поражали современников роскошью и сказочной красотой императорских дворцов, храмов и пагод, парками, прудами и цветниками при домах знати. На этом фоне особо выделялся Чанъань, послуживший образцом для постройки японского города Нара.

В восточной части Чанъаня находились императорские дворцы, дома знати и богачей. В городах функционировали административные учреждения, суды, тюрьмы, монастыри и кумирни. Здесь жили влиятельные сановники, чиновники и военачальники, купцы и монахи. В столице селились и чужестранцы, выходцы из Ближнего и Среднего Востока. Позднее, в начале VIII в.,

кроме даосских и буддийских монастырей и храмов появились манихейские, несторианские, зороастрийские святилища, алтари Маздака и другие храмы. В тесных и узких переулках ютились ремесленники и простой люд.

Постройка Великого канала, проведение административной реформы и меры по унификации денежного обращения способствовали оживлению городской экономики. В начале VII в. недалеко от морского побережья на магистрали Великого канала возник Ханчжоу. На путях с севера на юг вырос Кайфын, а на Великом канале — Янчжоу. Крупными торгово-ремесленными центрами стали Чэнду, Чанчжоу, Сучжоу. Значительно расширились древние портовые города Цюаньчжоу, Гуанчжоу, Учан.

Широко развивалось городское ремесло. Возникли горнодобывающие и плавильные промыслы. В Цзянси сложился центр производства керамических и фарфоровых изделий, а Янчжоу славился кораблями. Шелковые ткани из Чэнду проникали на Запад по Великому шелковому пути. В широких масштабах вели добычу соли, обработку металлов и камня, вываривали сироп из сахарного тростника. Искусство каменотесов, резчиков по дереву и камню, лепщиков украшало дворцы, храмы, жилые помещения состоятельных горожан.

Танское время было отмечено дальнейшим укреплением цеховых организаций (*хан* или *туань*). В некоторые цехи входило до 400 семей. Ханы регламентировали весь уклад жизни, прием в ученики, определяли распорядок работы, строго охраняли цеховые секреты. Но цены на местных рынках находились под контролем казны. За землю, занятую под лавки и мастерские, казна взимала плату. Ремесленник работал на заказ и лишь оставшийся товар продавали на рынке. Часть ремесленников трудилась при монастырях. Большие ткацкие мастерские нередко принадлежали чиновникам.

В VII—VIII вв. значительно развилось казенное ремесло. Продукция многих казенных рудников и плавильных, оружейных и ткацких мастерских, монетных дворов, мастерских по производству печатей, изготовлению экипажей и т.д. обычно не шла на рынок. В отраслях ремесла, где требовалась высокая квалификация, занятие отца передавалось, как правило, по наследству сыну.

Подъем переживала и торговля. Торговые пути протянулись по Янцзы и Великому каналу, по рекам, сухопутным дорогам и тропам, вдоль морского побережья. Крупнейшим рынком стала столица Чанъань, а важнейшим перевалочным пунктом — Янчжоу. С заходом солнца торговля прекращалась. На рынках размещались

меняльные лавки, склады, постоянные дворы, погреба винокуров, кабаки, публичные дома, а в местах скопления горожан устраивались театральные представления. Торговлю с отдаленными районами стимулировали периодические ярмарки. К народным и религиозным праздникам приурочивались ярмарки прихрамовые, городские и деревенские. Торговля с соседними народами шла на пограничных ярмарках.

Рост городской экономики, подъем внутренней и внешней торговли обеспечивались увеличением сельскохозяйственной продукции, расширением добычи металлов, ростом монетного обращения. Правительство осуществляло жесткий контроль над торговлей. Поборы, безвозмездные изъятия, налоги в пользу армии, вымогательства чиновников ущемляли торговцев.

Казна владела монополией на отливку медной монеты. С VII в. установили единую государственную денежную единицу *цян* — в виде круга (символ Неба) с отверстием в форме квадрата (символ Земли) внутри. Счет обычно вели связками монет, нанизанных на шелковый шнур. Танские деньги ходили не только по всей империи, но и за ее пределами: в Согдиане, Японии, Корее.

Власти все более расширяли ассортимент облагаемых пошлиной товаров. В VIII в. казна ввела особый налог на чай, и за контрабанду чаем подвергали смертной казни.

Невычлененность многолюдного средневекового города из общества, его органическая вписанность в общую систему общественных связей обусловили тот факт, что юридическая мысль и практика Китая не различали по статусу горожан и сельских жителей и специальных правовых норм для городов и их жителей не было. Не было у китайского города, как в Европе, ни вольностей, ни самоуправления, ни коммунальных свобод. Даже верхи городского общества — аристократия и служилая знать — горожанами себя не осознавали.

6. ТАНСКАЯ ИМПЕРИЯ В VIII–IX вв.

Пик славы и процветания крупнейшей азиатской державы — Танской империи пришелся на годы правления императора Сюань-цзуна (713–755). Это время осталось в памяти потомков как период высочайшего взлета китайской культуры, который был подготовлен предшествующим периодом.

В VII в. значительных успехов достигла экономика страны. Развитие мелкого сельскохозяйственного производства стимулировалось проведением надельного землепользования. Расширилась площадь обрабатываемых полей, умножились сорта выращиваемых

мых культур и урожаи. На юге стали больше выращивать сахарного тростника.

Строительство новых каналов и водоподъемных сооружений дало возможность возделывать поля в местностях, ранее не доступных для обработки. Одним из важнейших достижений было усовершенствование водоподъемного колеса (чаще бамбукового с глиняными кувшинами), приводимого в движение тяглым скотом или усилиями самих крестьян. Чтобы не истощать почву, землевладельцы чередовали посевы, оставляя часть земли под паром. Нередко на одном поле сеяли поочередно две культуры, поспевавшие в разное время.

Природная доминанта определяла общий принцип ведения сельского хозяйства, диктовала оптимальный вариант гармоничного соединения технических достижений и возможностей земли. Отличительной чертой танского земледелия стало выделение в нем двух главных регионов.

На Севере с его издавна антропогенным ландшафтом в условиях муссонного аридного климата технология земледелия отвечала уже давно сложившимся традиционным приемам, сводимым к высокому искусству общения крестьян с землей и навыкам владения сельскохозяйственными орудиями. Земледелец был «подключен» к сезонным циклам, ощущал, например, «спелость почвы», максимально готовой к посеву, сроки сбора урожая и т.п.

Целенаправленная деятельность государства на поддержание достигнутого ранее высокого уровня производительности труда и максимальное использование земли (при сохранении традиционных сельскохозяйственных орудий) дала свои плоды. Был достигнут значительный прирост производства зерновых, распахан (в основном реосвоен) в больших масштабах целина.

Что касается Юга, то там влияние антропогенной деятельности на вмещающий ландшафт ощущалось меньше, чем на Севере. В гористой местности с неглубокими мелкими долинами основным направлением в сельском хозяйстве стало террасирование горных склонов, расширение сети местной оросительной системы, рост применения тягловой силы скота. Хозяйственное освоение Юга шло под знаком природосообразной, высокопроизводительной технологии заливного рисоводства. Это обеспечивало меньшую уязвимость от непостоянства природной стихии. Созданные человеком поля были выровнены, а вода, подаваемая на них по мере надобности, — проточная, содержащая ил. Так постепенно наслаивался культурный слой чернозема. Сотворенная человеком грядковая культура риса на Юге гармонично вписывалась в естественные природные процессы и ритмы. Развитие шло по интенсивному пути и носило замкнутый натуральный характер. Учет

своеобразия природных условий во многом способствовал общему подъему сельского хозяйства.

В течение VII в. увеличилось население страны. Вместе с расширением деревенской периферии возросло число городов и горожан. Рост общественного разделения труда стимулировал развитие ремесленного производства и общее благосостояние страны.

Таким образом, путем осуществления наделного землепользования (посредством которого государство реализовало свою верховную власть на землю и право распоряжаться налогами с нее, освещенное традицией) удалось гарантировать бесперебойность финансовых поступлений.

Но с происшедшими в VII–VIII вв. существенными изменениями в аграрных отношениях система контроля оказалась не в состоянии препятствовать безудержному росту крупных землевладений. Влиятельные частные дома, чиновники, купцы, прибегая к ухищрениям, а то и к открытому насилию, захватывали новые земли всеми доступными способами. Например, строя дамбы, сооружая каналы и водохранилища, они отводили воду и лишали крестьянские поля влаги, тем самым разоряя земледельцев. Вынужденные бросать свои наделы, те становились арендаторами и попадали в зависимость от хозяев земли.

На смену наделной системе с соответствующей ей формой землепользования постепенно пришла система земельных владений, обрабатываемых частнозависимыми арендаторами. Этот процесс протекал стихийно. К тому же императорский дом часто сам способствовал этому, жалую родственникам и другим влиятельным лицам казенные земли (*гуань-тянь*) с крестьянами, часть этих земель сдавалась арендаторам.

Уменьшение числа государственных податных вело к сокращению налоговых поступлений и истощению казны. Бесконечно издаваемые императорские указы воспрещали «занимать поля без ограничений и скрывать податных», карали за «поглощение» полей и податных душ. Запреты купли-продажи пытались распространить и на земли, находившиеся в частном владении. Специальные комиссии двора пытались выявлять истинное положение дел, проверяли списки податных, наказывали тех, кто возводил сооружения, лишавшие крестьянские поля воды. Эдикт 736 г. побуждал беглых возвращаться к своим наделам, обещал вернуть им землю и предоставить налоговые льготы. Чтобы увеличить число налогоплательщиков, императорский двор пытался превратить в землепашцев даже демобилизованных воинов. Но все меры оказывались тщетными. «Поглощение» земли и разорение крестьян принимало все более широкий размах, и остановить этот процесс становилось все труднее. Налоговые реестры уже не отражали

реального состояния дел: разорявшиеся крестьяне, покинувшие свои деревни, по-прежнему числились налогоплательщиками, но налогов не платили. Казна же не имела средств провести переучет земель и тем более не могла сохранить прежние аграрные порядки.

По мере того как к VIII в. произошли изменения в аграрных отношениях, все явственнее стали проявляться тревожные симптомы династийного кризиса. Прежде всего, катастрофически уменьшились доходы казны от сельского хозяйства. Империя все более теряла ранее завоеванные и вассальные территории. Потерпев поражение в битве с арабами при Таласе в 751 г., Китай лишился прежних позиций на Великом шелковом пути. Еще раньше от власти Тан освободилась Корея. На северо-востоке земледельческому Китаю угрожали племена киданей.

На юго-западе (в Юньнани) активизировалось государство Наньчжао. Не прекращались набеги тибетцев и уйгуров. Китайской империи пришлось вести на окраинах дорогостоящие оборонительные войны, отрывавшие крестьян от земледелия и истощавшие казну. Все тревожнее становилось положение при императорском дворе, где обострилась борьба политических группировок. Одной из болевых точек танского общества все более становилась угроза единству страны.

Еще в 711 г. ради защиты северных границ от кочевых племен и обеспечения безопасности торговых путей, ведущих в страны Западного края, танские власти создали институт генерал-губернаторства (*цзедуши*). В середине VIII в. среди губернаторов в особенности выделялся Ань Лушань. И если раньше занимавшие пост *цзедуши* были облечены лишь военными полномочиями, то Ань Лушань (располагавший крупными воинскими силами, несшими охрану границ) сумел сосредоточить в своих руках гражданские и финансовые функции. Опираясь на отборные войска из соседних племен, в 755 г. он двинулся на Чанъань и, вступив в заговор со столичными чиновниками, поднял мятеж против танского дома. Император бежал из столицы. И хотя в конце концов мятеж был подавлен, страна не сразу пришла в себя: посягательство на священную особу сына Неба недавно еще могущественной империи воспринималось властями как «потеря лица».

Война *цзедуши* с императорским домом и междоусобица в стане самих генерал-губернаторов дестабилизировали положение на севере страны. Налоги в пользу казны поступали лишь с мест, расположенных южнее Хуанхэ и Янцзы. Число налогоплательщиков сократилось на три четверти, а налоговое бремя на остальное население все увеличивалось. В этих условиях стало нецелесообразным сохранять прежние аграрные порядки, связанные с надельной

системой. С «размыванием» слоя крестьян-землепользователей стала очевидной бесцельность сохранения отмирающей структуры, и в 780 г. по предложению первого министра Ян Яня был введен закон, упразднявший «триаду повинностей», выполняемую наделными крестьянами. Государственный аппарат, отказавшись от передела полей, перестал противодействовать «поглощению» земли. В соответствии с изменившимися условиями была выработана отвечающая реальной ситуации новая налоговая система. Отныне налог стал взиматься исходя из одного критерия — в зависимости от количества и качества земли. Возраст и трудоспособность облагаемых лиц в расчет не принимались. Все население (дворы) в соответствии с земельными владениями было поделено на девять категорий.

Реформа причислила к налогоплательщикам лиц, ранее освобожденных от налогообложения. Крут податных расширился также за счет жителей города — торговцев и ремесленников, обязанных теперь вносить подоходный налог.

Был принят закон о двухразовом взимании налога, предусматривающий два срока: летний и осенний. Тем самым казна увеличила поступления за счет обложения второго урожая, выращиваемого во многих провинциях Китая. Налог мог взиматься натурой и в денежной форме.

Реформа Ян Яня узаконила свободную куплю-продажу земли, официально признав тем самым полный упадок наделной системы. Так казна (в который раз!), по традиции применяясь к изменившимся обстоятельствам, в соответствии с моментом изменив лишь внешнюю форму общения с подданными, отстояла свое верховное право на землю и на право получения с нее налога. Увеличение налогов ухудшало положение крестьян-землевладельцев. Они все чаще теряли землю и попадали под власть крупных землевладельцев, превращаясь из «хозяев» в зависимых арендаторов.

Реформы Ян Яня в целом имели позитивное значение для стабилизации экономических отношений. Династия Тан сумела просуществовать еще свыше столетия, но кризис в стране не был приостановлен, процесс концентрации земли все продолжался, а казна все больше теряла налоги.

Нуждаясь в средствах, правительство в середине IX в. провело конфискацию казны буддийских монастырей, все чаще стало прибегать к порче монеты. Выпуск денег, не отвечающих их весу и номиналу, дестабилизировал финансы и, подрывая торговлю и ремесло, ложился тяжелым бременем на население. Чтобы увеличить поступления в казну от монополии на соль и чай, власти карали смертной казнью за контрабанду, но эти меры были все менее эффективными.

Политическая власть династии Тан, пошатнувшаяся уже после мятежа Ань Лушаня, все более слабела. Усилилась самостоятельность военных наместников, их должности стали наследственными, и они становились независимыми хозяевами на подвластных им территориях. В IX в. власть династии ослабела еще больше. При дворе возникло острое соперничество группировок и клик за посты и доходы. Императоры превратились в марионеток евнухов и временщиков. Добившиеся влияния в правительстве старались использовать институты экзаменов для назначения на чиновные посты своих ставленников. Кумовство и взятки все больше влияли на исход испытаний.

Положение в стране рождало острое недовольство в среде чиновничества, образованной элиты и рядовых горожан. Недовольны были и крестьяне. Страна оказалась на грани династийного кризиса.

7. КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА IX в. и КРАХ ДИНАСТИИ ТАН

Явным свидетельством развивающегося династийного кризиса стали все участвовавшие выступления низов общества, начавшиеся еще во время мятежа Ань Лушаня в 762 г. в пров. Чжэцзян. В стране периодически вспыхивали разрозненные восстания разорившихся крестьян, бунты военных. Все это было ответом на неспособность государственной власти обеспечить социальный порядок в стране и ограничить произвол чиновников, взимающих налог выше освященной традицией нормы.

В период обострения династийного кризиса росло число тех, кто в трудную годину выпадал из рамок веками выстроенной социальной структуры и лишался элементарных средств к существованию. Так, в восстании 859 г. в пров. Чжэцзян, ставшем преддверием надвигавшегося хаоса в стране, основную массу повстанцев составляли беглые крестьяне. Вызовом верховной власти, нарушавшей принцип взимания налога и тем разрушавшей сцепление различных социальных сил в обществе (а значит и его стабильность), стало создание восставшими своего собственного государства. В нем они надеялись обрести не только средство защиты от произвола, но прежде всего единственно доступный им в сложившихся условиях способ сохранения и поддержания своей собственной жизни.

Отвергнув аморальную политику верхов, противоречащую доктрине конфуцианства, восставшие, как умели, решительно реализовывали свое понимание принципа справедливости. Они захватывали казенные и монастырские кладовые, а похищенное зерно и награбленные ценности делили между собой.

Эта тенденция к претворению на практике всеобщей уравнительности в период политической дезорганизации особенно ярко проявилась в крестьянской войне, когда в 874 г. вспышки протеста по всей стране переросли в массовое движение.

Сначала в восстаниях, разразившихся в Ганьсу, Шэньси, Хэнань, Аньхуэ и Шаньдуне, наиболее влиятельным из повстанческих лидеров стал Ван Сяньчжи. В 875 г. к нему присоединился Хуан Чао — выходец из семьи, разбогатевшей на контрабандной торговле солью. В отличие от рядовых крестьян он знал грамоту, прекрасно владел мечом, стрелял на скаку из лука. В 876 г. войска Ван Сяньчжи и Хуан Чао уже контролировали пять провинций в междуречье Хуанхэ и Янцзы. Воззвания лидеров движения, аккумулирующие настроения восставших, обличали жестокость и продажность чиновников-лихоимцев, нарушение законов, превышение налоговых ставок. Все это способствовало созданию в стране «механизма» долговременного эмоционального возбуждения. Крайние меры, немыслимые в период стабильности, воспринимались теперь не только как дозволенные, но и как справедливые. Начался грабеж богатых землевладельцев. В первую очередь протест восставших был направлен против представителей официальной власти. Повстанцы сжигали казенные реестры и долговые записи, уклонялись от выплаты налогов и отбывания повинностей. Захватывая государственное имущество, они «по справедливости», как они ее понимали, распределяли его между нуждающимися.

В 878 г. Ван Сяньчжи совершил поход на Лоян. Подступы к столице охранялись правительственными войсками и наемной конницей кочевников. В битве за Лоян погибло 50 тыс. восставших, а Ван Сяньчжи был схвачен и казнен. Апогеем восстания стал момент, когда Хуан Чао, возглавив повстанческий лагерь, принял титул «Великого полководца, штурмовавшего Небо». Он назвал свое войско справедливым средством возмездия правящим кругам, презревшим свою обязанность в отношении к подданным. С этого момента восстание переросло в крестьянскую войну: именно тогда возникла реальная угроза уничтожения правящей династии. В конце 878 г. войско Хуан Чао, укрепив свою власть на юге страны, переправившись через Янцзы, двинулось по землям Чжэцзяна, Фуцзяни и Гуандуна. В 879 г. был взят Гуанчжоу, где произошла стычка повстанцев с жителями иностранного поселения, в частности с персидскими и еврейскими купцами.

Из Гуандуна повстанцы ушли на Север. Однако в Хубэе, близ Санъяна, их войско, потерпев поражение, вновь направилось на Юг. На правом берегу Янцзы под прикрытием мощных потоков реки повстанческие вожди собрали новые силы и летом 880 г. вновь выступили на Север, двигаясь по Великому каналу. В конце того

же года без боя был занят Лоян. Раскол в обществе усилился настолько, что многие из горожан, в том числе военачальники и гражданские чины, присоединились к восставшим.

Чтобы защитить другую свою столицу — Чанъянь, правительство направило гвардейские части к Тунгуаню — естественной крепости у изгиба Хуанхэ. Но судьба Чанъяня была решена — перевес оказался на стороне восставших. Император вместе с приближенными бежал, а повстанцы в начале 881 г. вступили в столицу.

Как сообщали средневековые летописцы, «разбойники шли с распущенными волосами и в парчовых одеждах». Хуан Чао как глава крестьянской иерархии «ехал в колеснице из золота», а охрана его была в расшитых одеждах и пестрых богатых шапках.

Сведения о политике восставших после взятия столицы крайне противоречивы и неполны. Но очевидно, что они начали с преследований тех, кто, по их мнению, был повинен в бедах страны. Как сообщают источники, Хуан Чао приказал убивать членов императорской фамилии и изгонять со службы чиновников трех высших рангов. Очевидцы сообщали и о других карательных мерах Хуан Чао: «Богачей разували и гнали босыми. Задержанных чиновников убивали, поджигали дома, если не могли там ничего найти, а всех князей и знатных людей уничтожали». Вместе с тем также отмечалось, что «разбойники» делились своей добычей с бедняками, «раздавая им ценности и шелка».

Уничтожив носителей императорской власти и заняв танский дворец, повстанцы провозгласили Хуан Чао императором. Теперь перед ним встала задача устройства государства. Создавая его структуру ради выживания и утверждения новой власти, Хуан Чао в соответствии с конфуцианскими представлениями заботило прежде всего создание административного аппарата. Его привилегированной частью стали соратники и военачальники Хуан Чао, получившие назначение на посты советников и членов различных коллегий. Преследуя на первых порах танскую правящую элиту, руководители восстания постепенно изменили политику в отношении чиновников, возвратив их на прежние места. Были предприняты меры для наведения порядка. Воинам запретили убивать и грабить население. В Чанъяне соблюдались все конфуцианские обряды. В духе традиции утверждалось, что повелением Неба мандат на правление Поднебесной был предоставлен новому справедливому императору. В мае 883 г. Хуан Чао был вынужден покинуть столицу. В 884 г. в Шуньдуне его войско оказалось в безвыходном положении, и тогда, как гласит легенда, Хуан Чао покончил жизнь самоубийством.

Крестьянская война, несколько лет бушевавшая в стране, по напряженности и размаху не имевшая прецедента в истории

Китай, потерпела поражение. В 907 г. правящая династия была свергнута, распался прежде мощный госаппарат — главная скрепа империи. Страна раскололась на мелкие государства, а их властители, соперничая друг с другом, претендовали на трон сына Неба. Время между 906 и 960 гг. традиционная историография назвала «Эпохой пяти династий и десяти царств». «Возраст» династий, приходивших в упадок, не превышал 13—16 лет, и сменявшие друг друга карликовые государственные образования были недолговечны.

На Юге в ходе крестьянской войны произошло ослабление местной власти, дробление крупного землевладения. Здесь стало преобладать мелкое землевладение, частично основанное на труде арендаторов. Землевладельцы нередко предоставляли льготы держателям, обрабатывающим их поля. Заинтересованность новых хозяев в улучшении ирригации, в возделывании целины привела к некоторому подъему сельского хозяйства и оживлению городского ремесла. Увеличился торговый обмен, расширилось речное и морское судоходство. Области в долине Янцзы и к югу от нее становились экономически развитыми районами.

Иным было положение на Севере, где борьба за власть затянулась надолго: в жестоких войнах новые династии постоянно сменяли друг друга. Многие города подверглись разграблению. В начале X в. одна из богатейших столиц мира — Чанъань — была сравнена с землей, а в междоусобной борьбе 30-х годов была разрушена и значительная часть Лояна с его великолепными дворцами и библиотеками. Враждовавшие между собой военачальники облагали население поборами по своему произволу. Запустение деревень, упадок ирригационной системы, ветхость дамб вызывали частые разливы Хуанхэ. Потерявшие кров земледельцы уходили на юг. Население резко сократилось. Опустели и пограничные военные поселения. Все воинские силы оказались вовлеченными во внутренние распри.

Положением в Китае воспользовались кидане. Их многолетние торговые и политические связи с империей способствовали переходу от кочевого образа жизни к оседлому, приобщению к земледелию. Но политический строй киданей еще долго хранил отпечаток старых порядков. Восемь больших родовых организаций (аймаков) пользовались самоуправлением и возглавлялись старейшинами. Лишь в 916 г. один из влиятельных вождей Апоки (Амбигань) из рода Елюй, нарушив выборное начало, провозгласил себя императором. В 937 г. новое государство стало называться Ляо. Его глава широко привлекал ханьских чиновников, попавших в плен, к строительству государственного аппарата. По китайскому образцу была создана и киданьская письмен-

ность. Строились города, поощрялся рыночный обмен, налаживалась добыча руды и соли.

Киданьские правители вмешивались в политическую жизнь Китая. В свою очередь, китайские власти искали помощи у киданьской конницы и потому платили киданям дань шелком и уступали им северные районы страны. Под власть Ляо перешло 16 земледельческих округов, находившихся на территории современных провинций Хэбэй и Шаньси.

Необходимость стабилизации внутреннего положения принудила кайфынских правителей реорганизовать армию и из отборных воинов создать гвардию для противостояния государству Ляо. Походы на север были трудны и дорогостоящи. Опасность вторжения со стороны киданей стимулировала прекращение междоусобных войн и объединение страны. Поэтому, когда в 960 г. войска, вышедшие в поход против киданей, провозгласили военачальника Чжао Куанъяня императором династии Сун, он получил широкую поддержку не только войска, но и горожан Кайфына, жаждавших мира.

8. КУЛЬТУРА ТАНСКОЙ ЭПОХИ

С объединением страны открылись новые возможности для плодотворного развития разных областей науки, искусства, литературы; расширились знания о тайнах природы. Алхимики в поисках эликсира бессмертия изучали свойства металлов и минералов. Врачи постигали целебные свойства растений, совершенствовали традиционную медицину. Средневековые инженеры и математики прославились своими познаниями при строительстве городов, каналов и крепостных стен. Так, достижениями строительной техники начала VII в. стали 37-метровые каменные арочные мосты в Хэбэе и в Шаньдуне протяженностью более 1 км. Наблюдения за сменами сезонов, за небесными светилами расширяли астрономические знания. Астрологи составляли гороскопы. Немалый вклад в астрономию внес буддийский монах И Хан (VIII в.).

Конфуцианство, вновь занявшее в период Суй и Тан позиции официальной идеологии, диктовало основные нормы жизни в стране, стояло на страже моральных принципов и определяло характер администрации, систему образования. Из опыта древних черпались детально разработанные принципы взаимоотношений в семье и обществе, между правителем и его подданными. Почитание предков и пиетет в отношении к прошлому, учение о гуманности и сыновнем почтении, обряды и правила

этикета прочно вошли в генетическую память населения империи. В основу танских законов были положены порядки, выработанные поколениями конфуцианцев, а отчасти также легистами. Конфуцианство удерживало ведущие позиции прежде всего в области политического устройства общества, образования, дипломатии, теории военного искусства и других областей знаний, относящихся к управлению страной.

Влияние конфуцианства достаточно явственно проявилось в историописании. При императоре Ли Шимине это занятие как дело государственной важности было превращено в официальное служение, а историки оказались на положении высоких государственных чиновников. Они занимались подготовкой династийных историй предыдущих эпох, формируя их по образцу «Исторических записок» Сыма Цяня. В ту пору на основе хроникальных записей прежних авторов было создано восемь так называемых «нормативных» династийных историй, охватывавших период I—VII вв. н.э. В специальных учреждениях историки-архивариусы обрабатывали сведения о текущих событиях и отдельных деятелях. Материалом служили императорские указы, отчеты ведомств, доклады с мест и другие документы. Составленные ими сборники обычно хранились до конца царствования династии. При новой власти осуществлялась окончательная доработка и выпуск в свет истории страны в период правления предшественников.

Исторические труды включали сведения об экономике, государственном правлении, культуре, календаре, этикете, войнах, народных восстаниях, стихийных бедствиях, космических явлениях, о народах, обитавших вблизи Китая и в более отдаленных странах. Тогда же появились и критики исторических трудов; первым из них считается Лю Чжицзи, создавший в 710 г. «Проникновение в историю» (Шитун).

Суйские и танские императоры собирали древние труды и за доставленные в императорскую библиотеку свитки или фрагменты произведений платили шелком. Ученые восстанавливали многие из текстов на шелке и бамбуковых планках и переписывали их на бумагу.

Для подготовки учащихся к экзаменам из древних конфуцианских трудов были составлены сборники канонов «Четырехкнижие» (Сы шу) и «Пятикнижие» (У цзин). Некоторое время в танских столицах и в провинции в специальных школах училось до 60 тыс. человек. Среди них были и сыновья тюркских каганов и князей из Турфана и Тибета. Кроме того, при дворе императора Ли Лунци в VIII в. было создано высшее собрание конфуцианских ученых, получившее название академии Ханьлинь. Публика-

ция указов и распоряжений постепенно вылилась в своеобразную газету — правительственный вестник. Ученый Ду Ю (755–812) составил первый сборник энциклопедического характера «Тундянь».

Важнейшей чертой средневековой идеологии Китая являлся синкретизм, родившийся на основе сосуществования так называемых «трех учений»: конфуцианства, религиозного даосизма и китайского буддизма. Путем синтеза идей и представлений, извлеченных из учения буддизма, с традиционной китайской мыслью, с конфуцианским прагматизмом возник чань-буддизм (от санскр. *дхьяна* «медитация»), основанный, по преданию, индийским проповедником VI в. Бодхидхармой, отвергшим изучение канонических сутр, ритуалы и поклонение Будде в принципе и провозгласившим главным средством познания и просветления медитацию. Наряду с культивированием длительной медитации патриархи *чань* разработали также метод постижения истины путем внезапного озарения, полагая, что интеллектуальный анализ лишь внешней стороны явления не способствует выяснению его сущности, т. е. познанию истины. Трезвость и рационализм китайцев, проявившиеся в учении *чань*, оказались напластованными на глубочайшую мистику индо-буддизма.

Школа *чань* с ее проповедью непосредственности и духовной свободы оказала большое влияние на китайское искусство и поэзию.

В танскую эпоху плодотворно шло развитие учения буддизма, сформировалось несколько оригинальных школ. Школой философского синтеза, основанной в VI в., стала секта Тяньтай (по названию горы в пров. Чжэцзян, где был основан главный монастырь этой школы). Утверждая, что Будда в каждой песчинке и в каждом человеке, секта Тяньтай развивала взгляд на мир как на единое целое, выражала идею взаимопроникновения явленного и сущностного, утверждала возможность спасения в этой жизни для всех живых существ. Основатель учения Тяньтай разработал иерархию основных направлений буддизма, соответствующих уровням просветления, и стремился интегрировать традиции буддизма Севера и Юга. Правители всячески покровительствовали школе Тяньтай, видя в ней средство политической консолидации империи.

Учение Хуаянь, основателем которого по традиции считается Фа-шунь (557–640), развивало положения школы Тяньтай и утверждало, что все дхармы возникли одновременно и имеют два аспекта: статический (связанный с наименованием) и динамический (связанный с явлением). Все в мире тяготеет к единому центру — в религии — к Будде, в империи — к правителю. Учение Хуаянь оказало влияние на средневековую китайскую

философию; одно из его понятий — *ли* (закон, принцип, идеал) — было заимствовано неоконфуцианцами.

Широкими массами буддизм воспринимался как разновидность китайского даосизма. Они принимали в новом учении все то, что было связано с облегчением страданий в этой жизни и с надеждой на вечное блаженство в будущем. Буддизм привлекал и тем, что монахи врачевали страждущих, отпускали грехи, совершали погребальные обряды, возносили молитвы за мирян. Храмовые праздники, молебны и прочие церемонии, совершавшиеся в монастырях, нередко выливались в шумные народные празднества и проходили в атмосфере религиозной экзальтации. Притягательность буддизма усиливалась и благотворительностью монастырей: монахи оказывали помощь населению во время эпидемий, рыли колодцы, строили мосты, бесплатные столовые, общественные бани, убирали мусор и пр.

Развитие буддизма в средневековом Китае сочеталось с усилением буддийских монастырей как социального института. Монастыри захватили большие земли, в их распоряжении находилось множество земледельцев, зависимых и рабов. Они владели ремесленными мастерскими, занимались торговлей, ростовщичеством, содержали гостиницы, имели и свою вооруженную охрану. Их хозяйства представляли собой экономические организации, концентрировавшие большие богатства. Государство стремилось поставить в определенные рамки последователей Будды и осуществлять свой контроль над монастырями.

Буддийская церковь, помогая светской власти укреплять ее положение, сама не всегда подчинялась ей, вступая нередко в конфликт с императором. Выражением этого стали гонения на монахов в VI в., попытки Ян Цзяня возвысить конфуцианство и поклониться гробу Конфуция. Ли Юань (основатель Танского государства) в эдикте 624 г. обвинял буддистов в уклонении от государственных повинностей и упрекал монахов в корыстолюбии. Со второй половины VII в. часть монастырей была взята на казенное содержание. Правительство устанавливало правила и квоты приема в сангху, а внутренней жизнью монастырей ведали специальные бюрократические органы. Нередко двор прибегал к конфискации монастырского имущества и возвращению в мир приверженцев буддизма.

Сын Ли Юаня Ли Шиминь уже не вступал в противоречия с монахами и жертвовал средства на отливку статуи Будды. Императрица У Цзэтянь, пришедшая к власти с помощью буддийских служителей, предоставила монастырям большие льготы, в том числе и на пользование землей. Позднее буддисты уже не риско-

вали вступать в борьбу с аппаратом империи. По мере нарастания влияния буддизма росло стремление идеологов конфуцианства восстановить престиж своего учения. Провозвестниками этого движения, вылившегося впоследствии в создание неоконфуцианства, стали Ван Тун (кон. VI — нач. VII в.), затем Хань Юй (768—824) и Ли Ао (VIII—IX вв.). Виднейший конфуцианский ученый и писатель Хань Юй осудил поклонение «гиблым костям», имея в виду мощи Будды, привезенные в Чанъань. Он выдвинул антибуддийскую программу, требуя расстричь всех монахов и уничтожить все монастыри.

Когда династийный кризис в танском Китае вновь начал давить о себе знать, правительство снова решилось на радикальные меры. По указу от 845 г. было конфисковано имущество монастырей и живших в них монахов. Те из монахов, кто хотел сохранить свое немалое имущество, вынуждены были покинуть монастыри и вести светский образ жизни, платя государству налоги. Секуляризация 845 г. сильно подорвала не только экономические позиции, но и влияние китайского буддизма в целом. Однако он не прекратил своего существования. Обаяние буддизма с его яркими праздниками, щедрой благотворительностью, чтением заупокойных сутр и обещанием спасения и райской жизни не дало ему исчезнуть. Антибуддийские настроения политического толка не могли пресечь культурный синтез китайских традиций с наследием Будды.

В этой системе оставалась ниша и для исконно китайского учения даосизма, все более превращавшегося в народную религию на основе переосмысления положений древних.

Даосская религия восприняла древние анимистические верования, культ Неба и культ святых мудрецов. Выйдя из недр народных верований, даосизм средневековья унаследовал их аморфность, став неразрывно связанным со всеми аспектами быта и духовной культуры китайцев. Образ потустороннего мира даосов распадался на царство демонов, где мучились души грешников, и населенные божествами небеса, уготованные для праведников. Ад и рай были представлены в виде колоссальной небесной канцелярии со строгой иерархией.

Даосизм привлекал все слои общества прежде всего учением о вечной жизни. Система обретения бессмертия предусматривала так называемое «питание духа». Тело человека рассматривалось даосами как микрокосм, скопление Божественных сил, обиталище многочисленных духов, а системе телесных духов соответствовала иерархия Небесная. Духи на Небе вели счет добрых и плохих дел и определяли срок жизни человека. Верующим следовало соблюдать заповеди и вести добродетельный образ жизни.

Суть второго условия достижения бессмертия — «питание тела» — заключалась в соблюдении строжайшей диеты и системы дыхательной гимнастики, привлекающей в организм животворный эфир. Даосы верили в силу заклинаний, талисманов, физических упражнений, оберегов.

В даосизме прослеживались две струи — простонародная и аристократическая. Даосизм окультуренный, связанный с магией и физиогномистикой, привлекал широкие народные массы и часто был объектом нападок со стороны властей, видевших в них опасность для устоев государства, носителей бунтарско-эгалитаристских традиций. Эти идеи даосизма питали учение даосских и буддийско-даосских сект и различных тайных обществ. Разработав учение о Западном рае — обители богини Сиванму, нерожденной матери и прародительницы всех людей, — даосы выводили идею всеобщего равенства. Идеи социальной справедливости с уравнительными тенденциями были особенно популярны, поскольку даосы выступали часто как врачеватели, гадалки и предсказатели.

Образованные верхи более привлекали философские проблемы даосизма, в частности его древний культ простоты и естественности. В слиянии с природой обреталась свобода самовыражения и выход за рамки официальных норм, открывались новые возможности для творчества. В поисках бессмертия adeпты учения прибегали к алхимии, дыхательным упражнениям, медитации.

Учение даосов оказало влияние на развитие алхимии и медицины. Сочинения, смысл которых был закрыт для непосвященных, сохранили рецепты лекарств, а также описания свойств металлов и минералов.

Ярким выражением синкретизма стал пантеон даосизма. Даосы включали в сонм божеств легендарных правителей, мифических героев и мудрецов, среди них в первую очередь Хуан-ди и Лао-цзы. Пантеон богов имел свою иерархию. Они обладали личными человеческими качествами и были близки народу по древним преданиям. На равных с богиней Западного рая в пантеон даосизма вошли основатели конфуцианства. К многочисленным даосским божествам причислялись и различные исторические деятели. Но наибольшей популярностью пользовались поборники справедливости и правого дела — восьмерка бессмертных мудрецов, наделенных чертами людей и волшебников одновременно.

Последователи религиозного даосизма претендовали на превращение своего учения в государственную религию. Даосы работали по подобию буддийского образца свои заповеди, составили список заслуг и проступков добропорядочных подданных. Са-

мые суровые кары полагались за государственную измену и бунт. Неудивительно, что в начале династии Тан императоры из рода Ли, будучи однофамильцами великого Лао-цзы, вели свое происхождение от легендарного основателя даосизма, которого официально обожествили.

Буддизм и проникшие вместе с ним индийские и среднеазиатские влияния привнесли новое дыхание в культуру Китая. Так, на смену плоским рельефам ханьской скульптуры окончательно пришли объемные каменные изваяния Будд и бодисатв, рядовых паломников в пещерных храмах V—VI вв. в Шаньси, Шэньси и Ганьсу, синтезирующих пришедшие мотивы с местной традицией. Памятниками буддийской скульптуры и живописи стали Дуньхуанские пещерные храмы на северо-западе Китая с богатыми фресками, отражающими наряду с религиозными сюжетами живую ткань жизни Китая того времени.

Глубокое проникновение буддизма во все сферы китайской жизни ознаменовалось новшествами в архитектурном творчестве также иного рода. Монотонность пейзажа северной равнины Китая оживилась вертикалями многоэтажных каменных и кирпичных буддийских пагод — символом идеи духовного восхождения в беспредельность. «Малая пагода диких гусей» (523 г.) в Хэнани и «Большая пагода гусей» в Шэньси (652 г.) не только запечатлели памятные вехи распространения буддийского вероучения в Китае, но и стали центром культурного притяжения.

Как и в предшествующую эпоху, шло интенсивное паломничество на родину Будды. В 629—645 гг. буддийский монах Сюаньцзан совершил путешествие через территорию современного Синьцзяна в Среднюю Азию и через Гиндукуш в Северную Индию. В «Записках о западных странах периода великой династии Тан» он рассказал о 128 государствах. Этот труд до сих пор остается ценнейшим источником для изучения истории народов Средней Азии и Индии. Дальние путешествия были сопряжены с большим риском и оказывались под силу лишь целеустремленным и сильным натурам.

Рост разнообразных контактов, обусловленный распространением буддизма, расширил представления китайцев о мире. Восторженный прием встретило в Китае искусство Средней Азии: мелодии, песни и музыкальные инструменты, буйные, темпераментные танцы. Художники Западного края снискали славу, изображая полуфантастические для китайцев западные пейзажи, божества, растения, зверей. Широко распространилась в Китае иранская техника полихромной живописи, производившая столь поразительный объемный эффект, что, по отзыву очевидцев, фигуры на фресках «словно сходили со стены». С VII в. широко

стали распространяться новеллы, повествующие о чудесных дарах и талисманах, преподнесенных двору иноземными посольствами из дальних стран.

Проявлением общего культурного подъема в стране стал и расцвет танской поэзии. В плеяде блестящих поэтов особое место занимает Ли Бо (699—762), за свой талант прозванный «бессмертным пришельцем с Неба». Ли Бо писал на живом языке, близком духу народных песен «Юэфу». Он чутко вслушивался в биевание родной речи, восхищался самобытностью культуры и истории отчизны, вдохновлялся ее природой. Его лирике были присущи естественность, лаконизм и задушевность. Ощущая себя одним из «десяти тысяч творений природы», он мог понимать ее голос:

На южном озере
Покой и тишина
И лотос хочет мне
Сказать о чем-то грустном
Чтоб грустью и моя душа была полна...

Огромный вклад в китайскую поэзию внес Ду Фу (712—770). Творчество поэта так проникновенно выразило эпоху, что его стихи стали называть «поэтической историей». Пожалуй, именно Ду Фу более других поэтов следовал завету Конфуция «излагать, но не создавать», когда словно считывал небесные письма, превращая их в поэтические строки.

Среди культурных деятелей танского времени выделялся поэт и художник, мастер пейзажа Ван Вэй (701—761) с его поэзией, полной картинности, и картинами, полными поэзии. Его творчество дало сильный импульс развитию живописи на шелке и на бумаге, а на свитках кисть художника творила не только пейзаж, но и стихи, созвучные ему.

С позиций конфуцианской справедливости, предусматривающей следование во всем «золотой середине», выдающийся поэт Бо Цзюйи (778—846) обличал сборщиков налогов — этих «шакалов и волков», терзающих разоренных крестьян («сдирают последний лоскут», «вырывают последний лоскут», когда «колосясь зерном еще не успели налиться»).

При императорском дворе поощрялось светское искусство. В стихах и красках мастера прославляли радость земной жизни и веселье. Идеалом женской красоты считалась круглолицая, как луна, знаменитая наложница танского императора Сюань-цзуна Ян Гуйфэй, чью красоту воспевали лучшие поэты Китая.

ГЛАВА VII

КИТАЙ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ДИНАСТИИ СУН (960—1279)

1. ПОЛИТИКА ПЕРВЫХ СУНСКИХ ИМПЕРАТОРОВ

Возвратить земли, захваченные киданями, сунским властям не удалось, и по размеру новое государство уступало империи Тан. Зато политика основателя дома Сун и его потомков была направлена на упрочение всекитайской власти и на искоренение ярко проявленных в предшествующую танскую эпоху центробежных тенденций на местах. Эта ориентированность на внутренние проблемы жизни государства, образно называемая «укреплением ствола и ослаблением ветвей», способствовала тому, что империя Сун была процветающей.

Правда, она не смогла достичь блеска и славы танской династии. Но, помня о плачевном конце своих предшественников, правители династии Сун с самого начала приняли меры по централизации страны. С этой целью они в первую очередь упразднили прежние административные единицы, возглавлявшиеся всевластными военными наместниками, и ввели новое административное деление: теперь все районы подчинялись непосредственно императору. Высшими административными единицами, включая крупные города, стали провинции, делившиеся на области, округа и уезды. Кроме того, выделялись военные округа (местонахождение военных властей) и инспекции — в местах разработок соли и плавки металлов.

Чтобы урезать полномочия провинциальных чиновников, были созданы параллельные организации, чьи обязанности и права не были строго очерчены. Деятельность местных властей контролировалась также столичными служащими, наделенными с ними равными правами. Каждые три года провинциальным чиновникам предписывалось менять место службы. Местные органы лишались права самостоятельно принимать решения по гражданским делам.

Перераспределение прав и обязанностей внутри центральных органов, особенно за счет уменьшения полномочий ближайших советников императора — *цзайсянов*, — также способствовало усилению единодержавной власти. Для лучшего надзора за всеми чиновниками повысили значение контрольных органов инспекционной палаты и цензората.

Государственный строй империи Сун зиждился на политических устоях, унаследованных от прежней династии, и новая власть, стремившаяся упрочить свое положение, по традиции обращалась к истокам конфуцианства, придавая свою трактовку его первоизданной мудрости. Указом императора Конфуций был канонизирован, в его честь сооружались храмы, а его потомки как самые уважаемые подданные пользовались почетом и разнообразными льготами.

Приоритет монаршей власти поддерживала и система образования, призванная насаждать официально санкционированную идеологию и основанная на изучении надлежаще отобранных и интерпретированных еще в танское время древних канонов.

Право выдвижения и аттестации чиновников принадлежало исключительно центру. Во время очередных дворцовых экзаменов, проводившихся раз в три года, преуспевали всего несколько десятков из 700 претендентов. Получившие высшую ученую степень «продвинутый муж» (*цзиньши*) становились кандидатами на занятие важных чиновничьих должностей.

Дублирование звеньев государственного аппарата привело к разрастанию штата служащих. Сунский двор безуспешно пытался сократить непомерно разбухший бюрократический аппарат.

Борьба за централизацию наряду с ослаблением власти на местах сочеталась с попыткой двора опереться на широкие круги чиновничества. Положение в обществе определялось в большей степени должностью и чином, нежели богатством. Наиболее резко выделялась своим привилегированным положением высшая чиновная знать. Императорская власть предоставляла крупным сановникам многочисленные льготы. Так, их сыновья раз в три года (по случаю больших празднеств и торжественных церемоний, в дни рождения императора и жертвоприношений) получали назначение или продвигались по службе без экзаменов, лишь за заслуги отцов. При продвижении влиятельного сановника по службе повышали в должности и его многочисленных потомков.

Сложным было положение и в армии, состоявшей в основном из наемников. Она была рассредоточена по всей стране, но подчинялась непосредственно императору. В столице квартировало «войско запретного города», собранное там для охраны сына Неба. Кайфын переполняли бездельничающие воины императорской гвардии.

В провинции и в округах формировались гарнизоны, командиры которых подчинялись местным властям. Войска отличались низкой дисциплиной и слабой подготовкой, вооружения нередко не хватало. Границы империи охраняли незначительные войсковые части.

Снижению боеспособности армии способствовали и ущемление прав командной прослойки, и презрительное отношение гражданских лиц к военным. И хотя численность сунской армии все время увеличивалась (за первые 80 лет существования династии в 6 раз, и на ее содержание пошло 5/6 государственных поступлений), само военное дело было поставлено слабо. Принцип «укрепления ствола и ослабления ветвей» привел к тому, что традиционное для Китая возвышение гражданского начала в ущерб военному достигло в сунское время своего апогея. Для этого были свои объективные причины.

К северу от Срединной империи крепили новые молодые государства, основанные кочевниками, и сдерживать их натиск сунский двор оказался не в состоянии. Противостояние китайского государства превосходящим его по военной силе государственным образованиям северян трагически сказалось на судьбах страны. В итоге усилившееся чжурчжэньское государство Цзинь одержало верх над сунским правителем, и под напором армии чужеземцев он вынужден был вместе со своими придворными бежать из Кайфына, к югу от Янцзы, где в 1127 г. и была воссоздана власть императорского дома со столицей в Ханчжоу. Поэтому в традиционной историографии время правления Сунской династии разделяется на два периода: северный (960—1127) и южный (1127—1279).

Что касается положения Китая в XI в., то нестабильность внутри страны, при императорском дворе и на местах развивалась на фоне общего недовольства политикой властей в отношении северных соседей.

Сунское правительство, всецело занятое внутренними проблемами, с трудом обеспечивало оборону границ и проводило пассивную внешнюю политику. Первый сунский император считал главным установление мирных отношений с таким опасным противником, как кидане. Той же политике следовали и его преемники, постоянно посылая своих представителей к государям Ляо. По договору 1004 г. сунская империя обязалась ежегодно выплачивать киданям огромную дань шелковыми тканями и серебром. Для этого потребовалось резко увеличить налоги. По некоторым данным, общая их сумма возросла за первые полвека существования династии в 3,6 раза.

В первой четверти XI в. киданям удалось овладеть севером Хэбэя и прочно обосноваться на Ляодунском полуострове, прервав связь Китая с Кореей. В 1024 г. был заключен новый договор, согласно которому империя Сун обязалась ежегодно выплачивать 300 тыс. штук шелковых тканей и 200 тыс. ляннов серебра.

В то же время на северо-западе появился новый опасный противник — тангутское государство Западное Ся. Сначала китайские правители считали его своим вассалом. Но когда тангуты заняли провинцию Ганьсу и северную часть Шэнси (на северо-западе нынешней Внутренней Монголии), ситуация изменилась.

Тангутская культура, во многом воспринявшая влияние китайской, тибетской и уйгурской культур, была самобытна. Уже в начале XI в. Западное Ся превратилось в сильную державу, а его правитель Юань Хао в 1038 г. принял титул императора. Ударной силой молодого государства была конница. Изнурительные китайско-тангутские войны шли на протяжении всего XI в. После редких мирных перерывов вновь вспыхивали пограничные конфликты. Вторжения тангутов превратили в пустыню некогда цветущие земли и нанесли серьезный ущерб сельскому хозяйству Китая. Кроме того, активная внешняя политика тангутов мешала торговле по Великому шелковому пути с Индией и Средней Азией. Неоднократные попытки китайцев открыть новый караванный путь через северо-восточный Тибет и Наньшань закончились неудачей.

Сунский двор добивался заключения мирных договоров. В 1043 г. по условиям мира с Западным Ся китайская сторона согласилась ежегодно уплачивать тангутам 100 тыс. штук шелковых тканей и 30 тыс. цзиней чая. Однако и эта попытка не принесла желанного покоя. Взаимоотношения Западного Ся и империи Сун осложнились также тем, что тангуты часто действовали заодно с другим, не менее опасным противником Китая — киданьским государством Ляо.

2. ПОЛОЖЕНИЕ В ДЕРЕВНЕ

Тенденцией к ослаблению государственности была отмечена и аграрная политика сунского правительства. Упорядочить взимание налоговых поступлений, чтобы пополнить государственную казну, становилось все затруднительней. В социальной жизни Китая X—XI вв. произошли значительные изменения. Официально в сунское время аграрные отношения по-прежнему регулировались указом Ян Яня (780 г.). Иными словами, земельный налог выплачивался казне дважды в год, чаще всего натурой (рисом, просом, пшеницей, пеньковыми и шелковыми тканями), а норма обложения зависела от местности и исчислялась пропорционально размеру земельного владения. Каждый податный был обязан выплачивать в среднем доу (10 литров) зерна с му, при этом традиционно основу благосостояния государства составлял земельный

фонд из так называемых «народных земель» (*минь-тянь*), а главными налогоплательщиками выступали самостоятельные хозяева, держатели участков земель размером от 30 до 40 му.

Однако эта важнейшая для казны часть крестьянства — самостоятельные хозяева-земледельцы — все уменьшалась, а вместе с тем, как то было характерно для династийного цикла, нарастала тенденция усиления крупного землевладения. Его расширение происходило за счет освоения целины и пустошей, вспашки участков в труднодоступных горных районах, но главным образом за счет захвата и купли участков мелких владельцев. Владельцы крупных владений чаще всего свободно распоряжались своей землей — передавали ее по наследству, закладывали, продавали. Частных лиц, насильно захватывающих земли, называли «поглотителями».

В перераспределении владений участвовали чиновники всех рангов и званий, купцы, богатые горожане и зажиточные крестьяне, военные и ростовщики. Большими земельными массивами владели сильные дома — из числа влиятельных сановников и крупных чиновников. Источником расширения их владений были пожалования императора, а также захваты казенных земель (*гуань-тянь*). Шло сильное сокращение площади казенных земель, владений родственников императора, военных поселений, «должностных» земель, отдаваемых в кормление чиновникам, а также земель храмов, общественных амбаров и учебных заведений. Их обрабатывали сидевшие на них крестьяне, платившие налоги владельцу земли (частично эти земли могли, видимо, сдаваться в аренду на договорных началах).

Посягая на земли казенного фонда и мелких землевладельцев, новые хозяева разными способами уклонялись от налогов, а нередко и добивались официального от них освобождения. Перераспределение земли не находило отражения в налоговых списках, и поступления в казну резко падали. По данным некоторых источников, в XI в. казна недополучила налогов с 60–70% пахотной площади. Власти тщетно пытались ограничить рост крупных владений, и к 1022 г. те занимали уже половину всей обрабатываемой в стране площади.

Деревенские богачи, не обладавшие титулами, зажиточные землевладельцы без ученых званий, не обладавшие политическими и экономическими привилегиями, тоже захватывали земли, оказывая нажим на местные власти. Присвоение шло особенно интенсивно, если землевладелец к тому же был ростовщиком: нередко за невозвращение ссуды по большей части рассчитывались имуществом и землей.

Провинциальные чиновники изошренно увеличивали норму налогообложения. Например, на местах при перевозке налоговых

поступлений дополнительно взыскивали за «утруску». Самыми разорительными были игра на колебании цен, а также перерасчет натуральной формы налога в денежную и произвольная замена продуктов. Так, однажды «законный» налог возрос вчетверо: сначала вдвое — при переводе налога тканями на деньги, а затем — при перерасчете их на пшеницу.

Особенно губительными были чрезвычайные поборы на военные нужды и на случай стихийных бедствий. По каждому поводу, например при покупке сельскохозяйственных орудий, земли, при ремонте жилищ, следовало платить косвенные налоги. Многочисленными были и подушные налоги, выплачиваемые рисом и деньгами.

Дополнительной причиной ухудшения положения широких слоев населения, в том числе и землевладельцев, являлась и казенная монополия на соль, вино, дрожжи, уксус и особенно на чай. Крайне тяжелы были повинности по обслуживанию казенных учреждений: крестьян заставляли быть гонцами, носильщиками, стражниками, сторожами, слугами, сопровождавшими транспорт. Даже над лишившимися земли крестьянами тяготели прежние фискальные обязательства.

Бывшие землевладельцы либо превращались в бродяг, либо на кабальных условиях становились арендаторами чужих земель. По мере роста крупных владений категория таких держателей — издольщиков — все увеличивалась. Наиболее многочисленной среди них была группа кэху — тех, «кто не имел имущества и жил на чужбине». Подавляющее большинство сельских кэху заносились в списки хозяев-налогоплательщиков и оказывались в их полной зависимости. Казна же, заботясь лишь о налогах, не вмешивалась в эти отношения. Кэху возделывали землю хозяев за долю урожая. Отчуждаемая в пользу владельца земли, она устанавливалась всегда произвольно и, как правило, превышала 50% урожая. Нередко кэху принуждали вносить еще и налоги казне и выполнять повинности за их арендодателей.

В малонаселенных районах, где потребность в рабочей силе была велика, передвижение кэху строго ограничивалось. На юге их зависимость была несколько слабее. По сведениям официальных источников, категория кэху составляла 35–40% сельского населения страны, но, вероятно, на деле была еще больше. Нередко в реестровых книгах крестьяне, потерявшие землю и ставшие кэху, по-прежнему значились как налогоплательщики.

Все меры, предпринятые казной для сохранения слоя мелких владений (различные льготы нуждающимся), оказались тщетными. Рост слоя малоземельных и безземельных арендаторов, тяжесть

издолющины резко обострили положение в деревне. Налоговый и ростовщический гнет, все возрастающие расходы на содержание армии и разбухшего чиновничьего аппарата усугубили разорение крестьян и стали причиной массовых выступлений.

В 90-х годах X в. под лозунгом уравнивания богатства и бедности разразилось массовое восстание в Сычуани, где концентрация земельных богатств в частных руках была особенно вызывающей. Как всегда, восставшие выступили против несправедливого, с их точки зрения, превышения нормы взимания налога. Во главе с Ван Сянбо, Ли Шунем и Чжан Юем восстали арендаторы земель, вносившие их владельцам 50—70% урожая и отбывающие нелегкие трудовые повинности.

Крестьяне разоряли усадьбы, громили дома местных чиновников, отбирали у богачей запасы зерна, деньги, продовольствие, одежду и все это делили между бедными. К восставшим присоединялись также торговцы, страдавшие от засилья казенной монополии на производство и торговлю чаем. В 994 г. в Сычуани повстанцы провозгласили государство Великое Шу, а к лету этого же года укрепились на большей части провинции. Но уже к концу 995 г. правительство подавило главные очаги восстания.

Во второй четверти XI в. центр повстанческой борьбы переместился на север. Новым явлением в жизни Китая стали восстания горожан. В 1043 г. в Шаньдуне к восстанию крестьян присоединились воины из частей, посланных на его усмирении, а также жители мелких городов. Повстанцы во главе с Ван Луном заняли несколько уездов. Горожане и часть провинциальных чиновников вместе с уездными войсками переходили на сторону мятежников. Лишь с большими усилиями восстание было подавлено.

Крупным выступлением (пров. Хэбэй) был отмечен 1047 г. Повстанцы, главным образом ремесленники и мелкий городской люд, во главе с Ван Цзе, выходцем из крестьянской бедноты, подняли мятеж в окружном г. Бэйчжоу. Они завладели складом оружия, освободили арестованных из тюрьмы и создали свое государство. Чиновники Бэйчжоу стали главными советниками при «ване Восточного спокойствия» — Ван Цзе. Девизом повстанческого войска стало низвержение династии Сун.

Восстание проходило под лозунгом тайного общества буддийского толка (связанного с культом будды грядущего — Майтрейи), проповедующего наступление эры всеобщего счастья и благоденствия.

Повстанцы Бэйчжоу 66 дней отражали штурм регулярной армии. Однако весной 1048 г. восстание было подавлено, а его руководитель Ван Цзе четвертован. Сам город переименовали в Энчжоу, чтобы навсегда стереть память о восстании.

3. РЕФОРМАТОРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В 30–80-х гг. XI в.

Напряженность положения на границах, нестабильность внутри страны, связанная с локальными, но упорно нарастающими народными восстаниями, привели Китай в середине XI в. к глубокому социально-политическому кризису.

Настоятельность и срочность перемен в жизни империи ярко выразил идеолог реформ Фань Чжунъянь (989–1052), утверждавший, что «устой государства с каждым днем ветшают, чиновников становится все больше, население страдает, варвары заносчивы, грабители своевольничают».

Выдвижение реформ осознавалось как следование конфуцианской традиции, исконно предполагавшей время от времени профилактически оздоравливать общественный организм. Ради того чтобы своевременно поставить заслон хаосу и беспорядку, она освящала реформы, нацеленные на искоренение неизбежно возникавших пороков в функционировании государства.

В поисках средств выхода из создавшегося положения пришли в движение различные слои китайского общества, и прежде всего его образованная элита. Их социальная психология была во многом сходной. С разной долей глубины всех их объединял общий духовный стержень — конфуцианство. Однако гуманная суть, характерная для древнего учения, все больше извращалась в угоду корыстным интересам правящих верхов страны. В официальной трактовке все более нарастала тенденция выхолащивания конфуцианства, исконно учившего искусству общения верхов и низов ради продолжения самой жизни и благополучия всего общества. Теперь оно все более сводилось к идологии, односторонне утверждавшей незыблемость деспотии, дух раболепства и безусловного подчинения старшим и сыну Неба, освобождая при этом последних от их прямых обязанностей.

Представители элиты средневекового китайского общества были тесно связаны между собой. В большей степени были реализованы связи вертикальные, формировавшиеся земляческими, семейно-клановыми, родственными отношениями. Наметившаяся в экономической жизни тенденция быстрого развития юго-восточных районов усилила противостояние Юга и Севера и привела к тому, что и в политике произошло размежевание по земляческому принципу.

Долгое время ближайшее окружение основателя сунского дома составляли выходцы из северных и центральных районов Китая. Правящая группировка ревностно следила, чтобы на высокие должности не допускались «люди с другой стороны реки». Именно тогда усилилось соперничество группировок южан и северян.

Все более обострялись противоречия между столичной знатью Севера и провинциальными чиновниками Юга. Эта борьба нашла свое выражение в соперничестве за политическое влияние на императора.

Сначала оппозиционные настроения возникли вдали от императорского дома, где неустанный контроль сына Неба над мыслями подданных был менее ощутим. В XI в. наряду с казенными школами, где воспитывались кадры чиновников из высшей служебной знати, было немало и частных училищ. Они создавались, как правило, при книгохранилищах, архивах правительственных учреждений либо при частных библиотеках выдающихся ученых. В стенах такой академии, «питомнике талантов» в Иньтяне (пров. Хэнань), нашли себе прибежище мыслители конфуцианского толка, остро ощущавшие необходимость обновления политической и духовной жизни страны.

Расцвет академии — этого традиционного для китайской культуры института передачи знаний от учителя к ученику — был связан с градоначальником г. Иньтяня Ян Шу, создателем областного училища. Южанин по происхождению, он на собственном опыте ощутил безраздельную власть столичной правящей группировки при дворе, не допускавшей южан даже на незначительные государственные должности. Именно отсюда впервые прозвучали обращения к императору с просьбой произвести перемены в его ближайшем окружении.

Одним из ведущих деятелей оппозиции стал преподаватель академии Фань Чжунъянь, происходивший из некогда родовитой, но обедневшей семьи пров. Цзянсу. По отзывам современников, он не только вдохновенно «толковал древние каноны, но и часто взволнованно говорил о делах Поднебесной, был отважен и ничего не боялся». Именно Фань Чжунъянь подал доклад из «десяти тысяч иероглифов», изложив в нем мнение о необходимости изменить принципы назначения военных и гражданских чиновников в провинции. Реформатор призвал «вытеснить бездельников, уволить самозванцев, тщательно и строго проводить экзамены». Этот доклад был прежде всего направлен против Люй Ицзяня (978–1044) — ловкого политика, не гнушавшегося поддержки евнухов, который сумел, находясь у власти в течение 10 лет, трижды занять пост цзайсяна.

После длительного соперничества с придворной кликой Фань Чжунъяню и его сторонникам удалось получить посты в центральном административном аппарате. Проекты реформ излагались в многочисленных докладах трону, содержащих рекомендации относительно укрепления финансовой и военной мощи государства.

Реформаторы, связывая благосостояние государства с процветанием земледелия, обратились к древнему учению о земледелии (в отличие от торговли и ремесла) как важнейшему источнику финансовых поступлений казны. Для преодоления экономических трудностей Фань Чжунъянь разработал программу ирригационных и мелиоративных работ под контролем казны, а для поощрения земледелия рекомендовал уменьшить трудовые повинности. Чтобы дать сельскому хозяйству дополнительные рабочие руки, Фань Чжунъянь предложил урегулировать выполнение повинностей в казенных учреждениях. Стремясь сократить расходы на дорогостоящее войско, он ратовал за восстановление древней системы, позволяющей обеспечивать и вооружать воинов-земледельцев за счет общины.

Важной мерой реформатор считал сокращение административного аппарата. Он подверг критике принцип повышения в должности в зависимости от срока службы, а не от способностей, предложил ограничить незаслуженные привилегии чиновной знати, чьи многочисленные потомки ежегодно получали назначения, минуя экзамены. Фань Чжунъянь требовал также пересмотра системы образования, все больше сводившейся к механическому зазубриванию древних канонов. Реформатор предлагал щедро поощрять и выдвигать чиновников, хорошо разбиравшихся в земледелии, ирригации, финансах. Ограничение привилегий чиновной знати, основанных на праве наследования, и видоизменение принципа отбора по способностям могли бы увеличить социальную мобильность в обществе и обновить административный аппарат в центре и на местах.

Предложения Фань Чжунъяня, поддержанные его сторонниками в серии докладов 1043–1044 гг., встретили сильную оппозицию верхов. Потерпев поражение при реорганизации административного аппарата, идеологи преобразований даже не смогли приступить к осуществлению экономической части своей программы. Яростное сопротивление их противников послужило причиной отставки Фань Чжунъяня и его единомышленников.

Кризисное положение в стране, вызвавшее к жизни проекты преобразований, оставалось прежним. Рост народных восстаний, обострение взаимоотношений внутри правящей верхушки, разрушительные стихийные бедствия еще больше осложнили комплекс проблем, не решенных в 40-х гг. И хотя борьба за реформы на время ослабела, политическая мысль, возбуждаемая нерешенными социальными и политическими проблемами, продолжала развиваться.

Властителем дум образованной элиты вскоре становится Ли Гоу (1009–1059), знаменитый своими трудами наставник из Цзянси,

воспитавший плеяду учеников и разделявший учение *цзин цзи*. Если у родоначальника этого учения Ван Туна понятие «*цзин цзи*» воплощалось в ценностях этического характера, которые следовало заботливо передавать из рода в род будущим поколениям, то Ли Гоу трактовал *цзин цзи* как необходимость осуществить три главных аспекта плана действий сына Неба по гармонизации общества: обогащение государства, усиление армии, успокоение народа.

Особый интерес представляет то, что впервые именно в XI в. традиционное понятие «*цзин цзи*» оказалось связано с «обогащением государства», отчего западное понятие «*есопоту*», пришедшее в Китай в XIX в., было выражено этим традиционным термином, в котором экономическая мысль не вычленялась самостоятельно, а была лишь одним из аспектов целого.

Взгляды Ли Гоу, «разумевшего *цзин цзи* ученого», сформулировавшего основные этапы последовательной программы действий для склоненного на его сторону правителя, во многом определили плодотворные политические поиски эпохи. Среди крупных деятелей, испытывавших влияние Ли Гоу, были Ван Аньши (1021–1086) и знаменитый историк Сыма Гуан (1019–1086). Понимая необходимость адаптировать структуры и институты общества и государства к изменившимся условиям, оба — приверженцы реформ — неоднократно подавали доклады трону, но путь решения проблем понимался ими по-разному. Уже в феврале—мае 1071 г. (а реформы начались в 1068 г.) логика развития преобразований развела по разным дорогам прежних единомышленников Ван Аньши и Сыма Гуана.

Ван Аньши декларировал необходимость смягчения социальных противоречий в обществе и предложил меры по урегулированию отношений верхов и низов (казны с подданными). Он выступил против засилия крупных владельцев земли, торговцев, ростовщиков, дестабилизирующих, по его мнению, положение в стране.

Одной из первых проведенных им мер стало упорядочение перевозок в столицу централизованно закупаемого казной зерна в провинции. Чтобы устранить посредничество спекулянтов-ростовщиков, наживающихся на этой операции, создавался казенный фонд зерна для своевременного реагирования на колебания рыночных цен (в связи с сезонными циклами). Тем самым были исключены финансовые потери при его перевозке. Аналогичные цели преследовало и создание казенных амбаров, позволяющих казне выдавать «ссуды под зеленые побеги» в самую трудную для земледельцев весеннюю пору, когда кончались запасы зерна и крестьяне попадали в зависимость от ростовщиков, ссужавших их зерном под высокие проценты (100–200). Отныне, исключая

вмешательство ростовщиков, казна предоставляла ссуду на условиях 10–20%.

Ван Аньши предложил изменить прежний порядок выполнения трудовых повинностей, заменив их денежным налогом. В соответствии с земельной реформой были обмерены с целью упорядочения налогообложения земли крупных землевладельцев, утаенные от казны. Нововведения проводились и в области торговли: мелким торговцам (как и крестьянам) выдавались денежные ссуды с тем, чтобы они смогли противостоять конкуренции крупных торговцев. Вся торговля в стране велась теперь под контролем государства через специально созданные управления.

Много внимания Ван Аньши уделял созданию ополчения на рекрутской основе и учреждению казенных arsenалов.

Хотя интересы ростовщиков, крупных торговцев и крупных земельных собственников оказались ущемлены правительством, население от этого не выиграло. Реформы способствовали усилению центральной администрации и фискального контроля государства как над крестьянами, так и над мелкими торговцами и ремесленниками. Определяющим в реформах было стремление пополнить доходы казны за счет бесперебойного притока налоговых поступлений от земледелия и средств, полученных от казенной торговли и ремесла в результате ущемления частного предпринимательства и частной торговли.

Вождем противников Ван Аньши стал Сыма Гуан, выступавший не против реформ вообще, а против политического лидерства Ван Аньши. В условиях средневековой борьбы, развернувшаяся вокруг реформ, выливалась в столкновение конкурировавших группировок при императорском дворе. В 1077 г. Ван Аньши в условиях глубоких разногласий в реформаторской группировке был вынужден уйти в отставку, но проведение реформ продолжалось еще несколько десятилетий.

Идеологи и практики реформ сунской эпохи действовали в традиционных рамках китайской (конфуцианской) политической культуры: это были преобразования, направленные на гармонизацию в конфуцианском духе отношений императора и его подданных посредством совершенствования и укрепления существующей социально-политической структуры. Стабильность этих отношений подрывалась, как полагали реформаторы, прежде всего разного рода крайностями, и в первую очередь чрезмерным развитием рыночных отношений, крупного частного землевладения и частной инициативы, что способствовало ускорению имущественной и социальной дифференциации и тем самым вело к возникновению хаоса и угрозы взрыва, способного разрушить китайскую государственность и нанести урон всему обществу.

Реформы Ван Аньши и других реформаторов сунской эпохи (как и реформы Ван Мана за тысячу лет до этого) носили консервативный охранительный характер и в определенной мере укрепляли Сунское государство, способствуя его культурному и экономическому подъему.

4. НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ЭКОНОМИКИ XI–XIII вв.

Сунский период стал вехой культурного (в широком смысле этого слова) взлета страны. В процветающем сельском хозяйстве, в эволюции городского организма ясно проявилось расширение культурного горизонта, обогащенного во многом знанием об окружающем мире. Не только появились новшества во всех сферах жизни, но и обозначилась тенденция перенесения центра развития на юг от Янцзы.

Сначала в экономическом аспекте доминировал Север. Еще в начале правления сунской династии власти провели здесь ряд поощрительных мер — распашку целинных земель, рытье колодезей, осуществление лесопосадок для смягчения последствий стихийных бедствий. Поощрялись также отбор семян и скрещивание растений.

Все достижения в сельском хозяйстве были связаны с традиционным земледелием — поля вспахивали сохами или мотыгами, редко используя мулов и еще реже — лошадей (преимущественно в военном деле). Гидравлические колеса — по крайней мере, там, где не было сильного течения воды, — приводились в движение ногами. О поступательном развитии сельского хозяйства свидетельствовала и тенденция постепенного расширения запашки по мере интенсивного освоения Юга. К 1080 г. на юго-востоке сосредоточилось 64 процента всех посевных площадей страны. И недаром народная поговорка тех времен гласила, что «урожая, собранного в Цзянсу и в Ху (Чжэцзян, Усин), хватит на всю Поднебесную».

Расширение посевной площади происходило с учетом непрерывно меняющихся погодных условий. Стихийные бедствия (наводнения и засухи) были постоянным явлением, и именно от ирригационного строительства в значительной степени зависел урожай. Начиная уже с XI в. для орошения полей повсеместно использовали подъемное колесо, в конструкцию которого постоянно вносились усовершенствования. Именно в сунскую эпоху появились новые сорта проса, пшеницы, сои. Особенно знаменательным стало распространение высокоурожайного сорта риса, завезенного в Китай из южновьетнамского государства Тьямпа

(Чампа, на территории современного Вьетнама). Значительно расширились на юге посадки сахарного тростника. Внедрение и дальнейшее распространение этих новых для Китая культур итожило плоды его культурного взаимодействия с другими странами. Больше, чем в предшествующую эпоху, стал культивироваться чай. Сначала он был известен лишь в приморских районах Гуандуна, Гуанси, Фуцзяни, а на рубеже XII—XIII вв. стал уже повсеместно произрастать на юге страны. В XI в. в Китай из Средней Азии и с островов Индийского океана была завезена культура хлопка.

Все плодотворнее шло освоение целины в нижнем течении Янцзы и Хуайхэ, а также в пров. Чжэцзян. Одним из методов расширения обрабатываемой площади стало создание полей, окруженных плотинами на месте осушенных озер, болот и речных русел. Высота плотин порой достигала шести метров. На них прокладывались дороги, вдоль которых сажали деревья, защищающие от ветра и волн. Для укрепления дамб у их основания выращивали тростник и камыш. Вторя изменениям погодных условий, через отверстия в плотинах в случае засухи водой орошали поля, а при наводнении плотины служили защитой от прилива стихии. Все это позволяло на этих рукотворных полях выращивать стабильный урожай риса: в среднем 300 литров с му, а в особо благоприятные годы — 600—700 литров. Такие результаты достигались также за счет внедрения различных нововведений. Так, во время посадки рисовой рассады использовали специальные салазки, облегчавшие передвижение по полю. Для обрушивания риса и других злаков, а также выжимания растительных масел стали употреблять водяные мельницы и водные прессы. С давних времен крестьяне умело чередовали сорта растений при посеве и выращивали несколько культур одновременно (например, рис и пшеницу), что давало возможность снимать в сезон два урожая. Семена и рассаду риса тщательно отбирали.

Действия китайских земледельцев были природосообразны, они естественно вписывались в природные циклы и вторили местным условиям. Одним из способов адаптации к природному ландшафту, как это запечатлено в «Книге земледелия» (Пун шу), было культивирование террасовых полей по склонам гор. Там же, где были источники воды, сеяли поздний неклекий рис. И тогда с помощью водоподъемного колеса, снабженного деревянными черпаками или глиняными кувшинами, вода легко поднималась вверх, даже на высокогорные поля. Что касается богарных земель, то там сеяли соответственно просо и пшеницу.

Доведенная до высокой степени искусства культура земледелия позволяла китайским крестьянам обрабатывать и засевать земли, отвоеванные у природы. Недаром земледелие традиционно

считалось благородным занятием, а конфуцианские ученые полагали, что, совершенствуя себя, они должны подражать упорству земледельца, заботливо и умело возделывающего ниву. В том же ключе следует рассматривать и уподобление особы императора заботливому пахарю, возвращающему культурное поле Поднебесной и своевременно удаляющему с него сорняки.

Тенденция перенесения центра развития с севера на юг была присуща и городской жизни. Сунское время отмечено ростом города как средоточия культуры, ремесла и торговли. Четче, чем прежде, выявился процесс обособления города от деревни. Повсюду возникали новые и разрастались старинные поселения. Наряду с крупными центрами, такими, как Кайфын, Ханчжоу, Чэнду и Учан, складывались и новые торгово-ремесленные посады (*чжэнь*), выраставшие как «внешние города».

Высокого уровня достигло строительное искусство. Дворцовые постройки и дома знати возводились в два-три этажа. В крупных городах было хорошо налажено городское хозяйство: специальные цехи доставляли воду, чистили город от мусора и нечистот, несли пожарную службу. Это было тем более важно, что в столицах Кайфыне и Ханчжоу жило по несколько сотен тысяч горожан.

В XI в. добыча меди в Китае возросла в 30 раз по сравнению с IX в., а железной руды — в 12 раз. Расширилась добыча свинца, олова, ртути, золота, серебра; совершенствовалась техника плавки и обработки металлов. С применением каменного угля и химических реактивов, а также гидрометаллургическим методом выплавлялась медь. Кузнечных дел мастера изготавливали из металла оружие, ножи, гвозди, обручи, посуду. Мастерство сунских промысловиков и ремесленников достигло высокого уровня.

Десятками видов шелковых тканей славился Юг. Там же возник уникальный способ ткачества декоративных панно. В XI в. с освоением новой для Китая культуры хлопка появились станки для его очистки и изготовления ткани из хлопковой нити (без примеси льна или конопли). Усовершенствовалась техника производства керамических и фарфоровых изделий. Китай того времени особо славился зеленоватыми или серо-голубыми сосудами (*селадонами*) и изделиями с причудливым декором сетчатых подглазурных трещин (*кракле*).

На улицах города лепились бесчисленные мастерские по изготовлению одежды и обуви, мебели, домашней утвари, вееров, зонтов, туши для письма, жертвенной утвари, ювелирных изделий и т.д.

Основным типом ремесленного предприятия, как и в прежние эпохи, была мастерская-лавка. Ремесленник, трудившийся здесь вместе с членами своей семьи, подмастерьями и учениками, сам

же и сбывал товары. Венецианский купец Марко Поло, посетивший Китай в конце XIII в., сообщал, что в мастерских в ремесленных кварталах работало 10, а иногда и 40 человек. В сунское время вхождение ремесленников в цехи стало почти обязательным. Государственная казна пыталась приспособить этот институт в фискальных целях и принуждала объединяться в цехи даже уличных гадалей, водоносов, банщиков и т.п.

В XIII в. в Ханчжоу насчитывалось 414 цехов со своей иерархией. Там, как правило, цехи (*ханы*) тоже были смешанного типа торгово-ремесленные. Лишь в таких важных отраслях, как оптовая торговля рисом и скотом, возникали влиятельные чисто купеческие объединения. Членом хана обычно был глава семьи, хотя ремеслом занималась вся семья. Цеховое право регламентировало число подмастерьев и учеников на одно хозяйство, определяло вступительные взносы в цех (равные для всех мастеров), условия работы и ее оплаты, а также цены на готовые изделия. Передача на сторону цеховых секретов запрещалась. В торгово-ремесленных кварталах торговля шла даже ночью. Цех имел собственные праздники и культы, защищал интересы мастеров, помогал своим в случае болезни или похорон. Старшина и казначей были обязаны взимать штрафы, отвечали за уплату налогов, выполнение казенных заказов и трудовых повинностей.

Ханы обладали лишь некоторым внутренним самоуправлением и находились под неусыпным контролем государства.

Казна упрочила свою монополию на добычу и сбыт металлических руд, соли, на литье монеты, обжиг и продажу древесного угля, на производство и продажу чая, вина, дрожжей, уксуса. Казенные мастерские сосредоточивались в крупных ремесленных пунктах, в местах добычи полезных ископаемых и особенно в столицах Кайфыне и Ханчжоу. Наиболее крупными были оружейные, судостроительные, шелкоткацкие мастерские, печатные и монетные дворы, где ремесленники работали на условиях выполнения повинностей или принудительного найма. Продукция этих мастерских удовлетворяла потребности императора и высшей знати, шла на оснащение армии, в счет уплаты дани чжурчженям и киданям и частично на внешний рынок.

С развитием сельского хозяйства и ремесла оживилась и торговля. Ежедневно в крупных городах на площадях или у ворот функционировали рынки с разнообразным ассортиментом товаров первой необходимости. В известные всем горожанам дни открывались специализированные рынки по продаже лекарств, угля, риса, лошадей, ювелирных изделий, одежды, конопляной пряжи.

По большим праздникам ярмарки проходили и на территории храмов и монастырей. Кроме того, на внутренних торговых путях

и в местах скопления деревенского населения появились поселения городского типа, где на рынках и ярмарках шел бойкий обмен сельскохозяйственных продуктов на ремесленные. Важную посредническую роль в сбыте изделий ремесла и продуктов земледелия выполняли бродячие купцы, что являлось немаловажным в условиях, когда межобластные связи были еще слабы, а движение товаров небольшое.

Вместе с тем рост ремесла и торговли увеличил денежную массу. В стране кроме железных и медных монет вошло в обращение золото и серебро, ходившие в виде слитков. Несмотря на суровые законы, каравшие частных лиц за вывоз монеты, в сопредельных странах широко ходили китайские монеты. В Сунской же империи впервые наряду с металлическими стали применяться и бумажные деньги. На рынках действовали меняльные конторы. Специальные маклеры посредничали при найме рабочей силы, а также при сделках оптовых продавцов с лавочниками.

Внутренняя торговля — важный источник доходов казны — строго ею контролировалась. Самый крупный кайфынский рынок приносил казне годовой доход в 400 тыс. связок монет. Кроме налогов со своего дохода ремесленники и торговцы были обязаны платить казне за землю, арендуемую под лавки, а часть товаров продавать по низким, установленным властями ценам. О значительном развитии рыночных отношений свидетельствовало и то, что торговля перестала считаться низким занятием для чиновника. Даже члены императорской фамилии получали доходы от содержания торговых домов. Разбогатевшие купцы и ремесленники, купив чины, тем самым приближали свой статус к статусу чиновника.

Активизировались и внешние связи Китая. На юге его торговля с Бирмой и Вьетнамом шла по узким горным тропам. С северными кочевыми племенами велся обмен на пограничных рынках под контролем казны. Морская торговля осуществлялась через приморские портовые города Цюаньчжоу, Нинбо и Ханчжоу. Как крупнейший торговый центр особо выделялся Гуанчжоу, где жили торговые посредники, прибывшие из Индии, Персии, арабских стран. Иногда численность этих иностранных купцов доходила до 200 тыс. Китайские корабли плавали вдоль Индокитайского побережья к странам Южных морей, в Японию и к островам Тихого океана. Они везли изысканные шелковые ткани, фарфор, металлические изделия, золото и серебро. В Китай же доставлялись пряности, драгоценности, слоновая кость, благовония, ценная древесина. С потерей в XII в. земель на севере и окончательным перемещением центра экономической жизни на юго-восток удельный вес морской торговли во внешнеторговом обороте значительно

возрос. Прочные и устойчивые китайские корабли кроме груза могли брать на борт до 600–700 человек.

Бурный расцвет земледелия и городов свидетельствует о сунском времени как о важном этапе развития китайской культуры. Динамичное культурное и экономическое развитие Китая позволяет сделать вывод о том, что в начале второго тысячелетия Китай был не только крупнейшей, но и наиболее развитой страной тогдашнего мира. По расчетам В.А. Мельянцева, в танско-сунское время в Китае наблюдался значительный экономический рост: среднегодовые темпы прироста валового внутреннего продукта равнялись 0,35–0,45% в год, а подушечные — 0,15–0,25%. Причем этот феномен был обусловлен не только вовлечением в производство новых ресурсов (экстенсивное развитие), но и в немалой мере (примерно на 25–30%) действиями интенсивных факторов. Это означало, что в сунское время ВВП в расчете на душу населения в Китае мог достигать 600–700 ам. дол., что выше, чем в других наиболее развитых афро-азиатских странах (Египет — 470–530, Индия — 550–650 ам. дол.) и, по крайней мере, в два раза выше, чем в Западной Европе того времени (300–350 ам. дол.).

Превосходство Китая в рассматриваемое время имело место не только в сфере производства. Так, по уровню грамотности (20–30% населения) Китай по меньшей мере на порядок опережал Западную Европу. Отметим также, что именно в сунское время доля занятых в сельском хозяйстве снизилась до 2/3 (повторно такие цифры будут только в конце XX в.!), что свидетельствовало об успехах урбанизации, о культурной и социально-экономической зрелости китайского социума. Этот подъем в духовной и материальной сферах — так называемый «сунский феномен» — стал выражением значительных потенций развития традиционного общества, высокого взлета его культуры.

5. КУЛЬТУРА В X–XIII вв.

Славу и известность сунской культуре обеспечила не в последнюю очередь ее глубокая органичная приверженность древней культурной традиции, зачастую по-новому осмысленной. В частности, это ярко проявилось в трех культурных нововведениях сунского времени — изобретении пороха, компаса и ксилографии (печатание с резных досок). Принципиальные идеи этих новшеств восходили к древности, но лишь в сунское время они были потребованы в новых сферах.

Порох был изобретен в ходе многовековых опытов древних алхимиков, смешивавших серу и селитру с древесным углем, чтобы

получить эликсир бессмертия. В сунском Китае порох применяли ради забавы и развлечений, украшая праздники причудливыми красками фейерверков. Однако есть основание считать, что подчас он использовался и в военном деле.

В 70-х гг. X в. были изобретены зажигательные стрелы, огненные зажигательные диски и греческий огонь. Кроме того, при осаде городов стали поджигать фитили в начиненных порохом глиняных горшках, чтобы пробивать брешь в толще прежде не-уязвимых для неприятеля стен.

В XIII—XIV вв. секрет пороха проник через Среднюю Азию в Европу и в соседнюю с Китаем Японию.

Большим нововведением в сунское время стало и применение магнитной стрелки. Традиционный китайский компас представлял собой железный ковшик на четырехугольном основании (символ двухмерной земли), ручка которого в отличие от стрелки современного компаса показывала на юг, где находился источник благодатной силы *ян*, дарующей жизнь, приносящей в мир весну и живительный свет. Компас, имевший хождение в Китае с XI в., был не только принципиально отличен от современного по своему устройству, но и применялся в совершенно иных целях. В древности с его помощью геоманты, познавшие законы «ветра и воды», выбирали места, благоприятные для жилища, разнообразных сооружений, в том числе и погребений.

В сунское время возможности «показывающего на юг» компаса были востребованы в дальних путешествиях. Применение компаса в мореплавании, помогавшее преодолеть дальние расстояния, способствовало расширению культурного горизонта и дальнейшему упрочению культурных и экономических связей с близкими и дальними соседями.

Третье сунское нововведение — искусство ксилографии (книгопечатания с помощью резных досок, на которых гравировались иероглифы в зеркальном отражении) — восходило к древней традиционной технике производства печатей на камне и металле. Резные доски были пригодны для долгого хранения и повторного печатания текста.

Все эти новшества стимулировались прежде всего запросами эпохи. Известно, что в 1041—1048 гг. в Китае простолудин Би Шэн изобрел подвижной (наборный) шрифт. Однако ввиду отсутствия в китайской письменности алфавита «живые иероглифы» оказались непрактичными и в отличие от резных досок не прижились. Подобно тому как изобретение печатного станка способствовало расширению культурного горизонта и развитию искусства в Западной Европе, так и внедрение ксилографии благотворно повлияло на расширение культурного пространства Китая. Родился

принципиально иной в отличие от древнего свитка тип сброшюрованной книги. Удешевление книжной продукции в значительной степени способствовало росту грамотности. Круг читателей многократно возрос. Открывались казенные и частные типографии, книжные лавки, создавались частные и казенные библиотеки, развивалось школьное образование. В дворцовых книгохранилищах шла многообразная работа по комментированию, изданию классических произведений древности и исторических сочинений различных жанров. Рост производства бумаги, расцвет ксилографии, наконец, развитие коммуникаций создали предпосылки для издания в Кайфыне и Ханчжоу официальной газеты «Столичный вестник», информировавшей о событиях с мест.

Следствием общего культурного подъема в стране и расширения знаний, достигнутых на основе преемственности древней традиции, явилось складывание типа цельной личности, органически сочетавшей в одном лице поистине энциклопедические знания и талант художника в широком смысле этого слова. Яркой фигурой такого рода был Шэнь Ко (1031–1095), сделавший блестящую карьеру — от провинциального чиновника до чрезвычайного посланника императорского двора. Широкий круг его интересов распространялся, говоря современным языком, на астрономию, географию, теорию музыки, градостроительство, литературу и язык, археологию, общественные науки, военное дело и ирригацию. Свои теоретические изыскания Шэнь Ко успешно внедрял в практику, оставив после себя «Записки Спящей реки» (Мэнси би тань), подытожившие достижения в области естественных наук и техники производства.

В начале XII в. под руководством Чжэн Цяо было написано «Всеобщее обозрение», содержащее сведения по самым разнообразным отраслям знаний. Цзя Сянь создал труд об искусстве счета, Шао Юн выдвинул теорию развития Вселенной и разработал новые методы лечения болезней.

Прибытие в страну посольств с дипломатическими, культурными и торговыми миссиями способствовало расширению познания китайцев о дальних и ближайших соседях. Родился новый жанр географических сочинений — описания отдельных местностей империи. Для издания работ по медицине был основан особый комитет. Создавались многотомные труды по астрономии, математике, ботанике, геологии. Однако приоритет по-прежнему оставался за гуманитарными областями знаний.

Важным этапом в развитии конфуцианской политической мысли стало учение «об управлении миром и ради блага народа», трактовавшее положение древних ради насущных задач современности. Ученые исходили из представлений о высокой миссии сына

Неба в его усилиях по созданию социальной гармонии государственного организма, намечали пути предотвращения смуты.

Учение об управлении отражало универсализм политической культуры средневековья, вмещавшей такие отрасли знания, как история, экономика, политика, этика, военное дело, проявляющиеся лишь как определенная тенденция внутри единого недифференцированного цельного знания. Это учение во многом способствовало духовному взлету средневекового общества. Представители образованных кругов в основном помышляли о благе государства и искренне отождествляли его с интересами народа.

Политическая заостренность была особенно присуща традиционно почитаемому занятию — истории. Выдающиеся летописцы создавали многотомные труды и новые жанры произведений. Сторонник реформ Оуян Сю, работая над династийными историями, доказывал преимущества централизованной монархии, выражая скорбь по поводу бедствий, которые приносят стране междоусобицы. Капитальный труд Сыма Гуана по истории Китая, ставший образцом для многих поколений историков, за назидательный характер был назван императором «Всепроникающим зеркалом, управлению помогающим», что четко выявило суть понимания истории как важного средства совершенствования человека и социума, исконно присущего китайской культуре. История, мыслимая как продолжение классических канонов, как «всепроникающее зеркало», фокусировала мудрость предков и ретранслировала потомкам достижения (а порой и промахи) героев прошлого. Обращение к истории становилось средством самопознания. Своей энергией духа прошлое не только творило и программировало будущее, но и созидало его.

Пишет перед древностью проявлялся во всем, в частности в собирании реликвий прошлого. Так, владелец удивительной коллекции Оуян Сю (запечатленной им в «Записках о древности» — Цзигулу) не только с огромным тщанием и благоговением собирал надписи на каменных стелах (традиционно возводимых в Китае в честь памятных событий), но и, пожалуй, впервые в китайской истории стал сопоставлять эти эпиграфические источники с династийными историями, внося в последние существенные уточнения.

В сунское время в целом усложнилась методика работы над историческими сочинениями, появились элементы исторической критики.

Культурную элиту традиционного Китая составляли яркие личности, нередко сочетавшие в одном лице талант ученых, мыслителей, политиков, поэтов. Развивая традиции классической

поэзии танского времени, они в высокохудожественных и ярких по силе выражения чувств и тонкости формы стихах проявляли большой интерес к человеческой личности.

Основателем сунской школы стал Оуян Сю — замечательный мастер ритмической прозы и поэзии. Продолжая традиции известного танского ученого и поэта Хань Юя (768–824) и Лю Цзунъюаня (кон. VIII — нач. IX в.) (ориентировавшихся на древний стиль конфуцианских текстов), Оуян Сю возглавил движение за обновление поэзии. Его соратником был Мэй Яочэнь (1002–1060) — последователь танского поэта Ду Фу. Для творчества Мэй Яочэня свойственны социальные мотивы, стремление к справедливости. Учениками и последователями Оуян Сю стали Ван Аньши, поэт Су Дунпо и др.

Культура не была монополией исключительно обитателей императорских дворцов и домов высшей знати. Именно в сунский период развивались многообразные жанры литературы. Героями сказаний, театральных представлений становились образованные горожане, купцы, ремесленники, выходцы из различных слоев общества. Атмосфера городской жизни с ее шумными зрелищами, скоморошными представлениями, нравоучительными театрализованными повествованиями сказителей питала влиятельное течение в литературе, представленное новым ее жанром — городской средневековой повестью *хуабэнь*. Искусство популярных народных рассказчиков пользовалось такой всенародной любовью, что их приглашали даже в императорский дворец.

В X–XIII вв. традиционная китайская живопись вступила в свой золотой век. Именно тогда возникла Академия живописи, собравшая лучших мастеров кисти. Ведущим художественным жанром стал пейзаж, непревзойденным мастером которого был Го Си (1020–1090). Живописные свитки, пронизанные идеями единства человека с природой, выражали, скорее, настрой художника, а не саму реальность.

Чтобы насладиться творениями мастеров, время от времени их доставали из деревянных изящных футляров, и доставали именно тот свиток, который более всего гармонировал с душевным состоянием его владельца и временем года.

6. СУНСКОЕ НЕОКОНФУЦИАНСТВО (XI–XIII вв.)

Широкое распространение чужеземного для Китая буддизма и рост популярности исконно китайского даосизма со всей очевидностью обнаружили кризис классического конфуцианства и необходимость реформирования этой древней мудрости. Это и было

сделано усилиями учителей сунского периода — Чжоу Дуньши (1007—1073), Шао Юна (1011—1077), Чжан Цзая (1020—1078), Чэн И (1033—1107), Чэн Хао (1032—1085) и самого великого из них — Чжу Си (1130—1200).

Движение за новое толкование конфуцианских канонов (начатое еще в танское время) в XI—XIII вв. привело к обновлению древнего учения. На основе восстановления аутентичного конфуцианства шло его углубленное переосмысление с позиций, присущих в большей степени буддизму и даосизму. Своеобразным ответом на их вызов стало творчество Чжоу Дуньши. В «Изъяснении плана Великого предела» (Тай цзи тушо) философ емко выразил представление о строении Вселенной и концептуально по-новому описал процесс космогенеза. Он понимал его как следствие разворачивания принципа предельности (тай цзи), заключающего в себе некую программу космических трансформаций: Великий предел, порождающий все многообразие мира (два начала — *инь* и *ян*, пять первоэлементов, четыре времени года и «тьму вещей», добро и зло, пять аспектов добродетели и т.д.), Чжоу Дуньши соотнес с понятием Беспредельного, или Неисчерпаемой первоизначности, пределом отсутствия (небытия), восходящим к «Даодэ-цзину».

В концепции кругооборота жизни мыслитель особо выделил понятие нравственно-мироустроительного закона — принципа *ли* (отсюда одно из названий неоконфуцианства — *лисюэ*). Тем самым основанную на важнейших конфуцианских категориях свою универсальную (от космологии до этики, чрезвычайно стройную, построенную на «Ицзине») систему Чжоу Дуньши обогатил даосско-буддийской проблематикой. В русле этих же представлений он полагал необходимым следовать закономерностям Космоса и в общественной жизни.

Взгляды Чжоу Дуньши во многом были близки Шао Юну — автору труда «Свыше представленное управление (гармонизация) миром» (Хуан цзи цзинши). Разработав учение «о числах и образах», воплощенных в триграммах и гексаграммах, Шао Юн видел в «Великом пределе» (некоем графике мирового процесса, отождествляемом им с дао) выражение идеального порядка, космических трансформаций, возникших раньше Неба и Земли.

На основе синтеза даосских космогонических представлений и учения Мэн-цзы (IV—III вв. до н.э.) о познании и самоусовершенствовании как условиях упорядочения Поднебесной Шоа Юн создал целостное учение о структуре Вселенной, единосущной сознанию и психике человека. Он идентифицировал сердце с «Великим пределом» и дао, а учение о прежденебесном — с «законом

сердца». Под влиянием буддизма Шао Юэнь разработал также концепцию космических циклов, обуславливающих развитие всего сущего, в том числе человека.

Идеи Чжоу Дуньи развивали также его последователи и ученики братья Чэн. Чэн Хао (1032—1085) вслед за своим учителем утверждал, что «искреннее сердце», тождественное Небу как высшему природному началу, есть проявление универсального принципа. Разрабатывая онтологию своего учения, мыслитель утверждал, что сердце, постигшее гуманность (в таких его аспектах, как долг-справедливость и ритуал — *ли*, мудрость-знание — *чжи* и доверие — *синь*), в состоянии органично слиться с миром (не членимым на внутреннее и внешнее). Отсюда Чэн Хао выдвигал первостепенной задачей процесса обучения познание гуманности.

В учении младшего брата Чэн Хао — Чэн И (1033—1107) — категория принципа-*ли* выступала в качестве структурообразующего начала, единого для всей Поднебесной: как утверждал мыслитель, «принцип одной вещи тождествен принципу тьмы вещей». Так, относительно природы Неба принцип-*ли* выполняет функции предопределения (*мин*), а в отношении человека — функции его индивидуальной природы (*син*). Чэн И фактически отождествлял *дао* с принципом, обуславливающим взаимопревращение двух начал, достигающих предела. Он сопрягал понятие принципа с категорией Великой пустоты, усматривая в ней высшее и полное его проявление. Мыслитель делал акцент на первичности универсального принципа и распространял его действие на социальную сферу. В этом контексте Чэн И приходил к выводу о справедливости иерархического устройства общества (деления на выше- и нижестоящих), единого для природы и человечества.

Чжан Цзай (1020—1078) развивал представления об универсальности и справедливости Небесного повеления, которое следует воспринимать «радостно» и «спокойно». Согласно со всеобщим миропорядком справедливы, по мнению мыслителя, и отношения в обществе, построенные по аналогии с Космосом.

Чжан Цзай подверг резкой критике даосские и буддийские трактовки таких понятий, как «пустота», их представление о сознании как источнике феноменального мира, а также их теорию познания мира. Свое учение он сводил к зависимости знания от чувственного восприятия «вещей», которое рождается посредством контакта духовной, внутренней субстанции человека с внешним миром.

Обобщение взглядов своих предшественников, в особенности братьев Чэн, осуществил Чжу Си. Если они, выступая в разной мере и по разным поводам с критикой буддизма и даосизма, уже произвели, каждый по-своему, синтез древнего конфуцианства с учением своих оппонентов, заимствуя их космогонические постро-

ения и философские спекуляции, то Чжу Си придал неоконфуцианству универсальный и систематизированный характер. Учение приобрело ярко выраженную этическую интерпретацию, а доминанта неоконфуцианства обернулась этическим универсализмом: любой аспект бытия трактовался в моральных категориях, единых для Космоса и общества. Тем самым было снято противоречие между даосско-буддийской культурой и конфуцианством в трактовке характера общения природы и человека как двух сторон единого мира.

Подводя итоги своим исканиям, Чжу Си утвердил тезис о вечности первопринципа — *ли*, неразрывно связанного с категорией *ци*. В доктрине всеобщности и единства космологических и моральных принципов Чжу Си сделал упор на проблемы натуры человека, этики и любви. В отличие от буддизма, искавшего пути к идентификации индивидуума с абсолютом, он проповедовал могущество человеческих знаний. Утверждая, что сущность знания — в «постижении вещей», Чжу Си трактовал это положение в духе чань-буддизма: постичь истину возможно вследствие интуитивного озарения и внезапного просветления.

В 1241 г. Чжу Си причислили к величайшим конфуцианским авторитетам, а с 1313 г. неоконфуцианство уже в форме чжусианства официально включили в систему государственных экзаменов на получение ученых степеней.

Как нередко бывало в истории, выработанные в противостоянии с соперничающими учениями первоначально свежие и оригинальные мысли с возведением их в абсолютные истины стали со временем жесткой догмой. Многие идеи Чжу Си легли впоследствии в основу имперской идеологии и стали служить укреплению незыблемых общественных порядков.

Чжу Си
(философ времен династии Сун,
1130—1200)

7. НАШЕСТВИЕ ЧЖУРЧЖЕНЕЙ

Проведение преобразований, направленных на устранение со-
трясавшего страну жесткого кризиса и спасших династию от

краха, не смогло, однако, решить острейших проблем внутри- и внешнеполитического характера. По-прежнему, чтобы сохранить мир на границе, приходилось выплачивать дань северным соседям. Кроме того, в 20—30-е гг. XII в. повстанческое движение вновь охватило юг и центр Китая. В восстании в Чжэцзяне в 1120—1122 гг. участвовало более 1 млн человек. Недовольство порядками империи подогревалось проповедью тайной организации «Учение о свете» с элементами манихейских, буддийских и даосских верований. Поводом к выступлению послужил правительственный указ об обложении налогом традиционных промыслов, связанных с разработкой в горах мрамора, резьбой по дереву и камню, выращиванием ценных пород деревьев, что приносило местным жителям дополнительный доход.

Вождь восставших Фан Ла — состоятельный хозяин и владелец участка лаковых деревьев — в своих воззваниях обличал расточительность и продажность властей. Но особенно резко он выступил против выплаты дани киданям и тангутам. Повстанцы получали поддержку в деревнях и городах 14 округов Чжэцзяна, Аньхуэя и Цзянси. В 1121 г. они овладели Ханчжоу. В длительной упорной борьбе восстание было с трудом подавлено.

Одновременно с восстанием в Чжэцзяне в провинциях Хэбэй, Хэнань, Шаньдун, на севере Цзянсу и в Аньхуэе действовали повстанческие армии Сун Цзяна и 36 его соратников. В их рядах сражались крестьяне и арендаторы, рыбаки и матросы, бродяги и мелкие чиновники, монахи и торговцы. Восстание, охватившее столичную провинцию Хэнань, представляло особую опасность для властей. Тайными убежищами повстанцев стали островки, затерявшиеся среди озер и болот. История этого движения, паролем которого было «Все люди — братья», запечатлена не только в фольклоре, но и стала темой популярного романа «Речные заводы» Ши Найяня (XIV в.).

Китайское правительство, обеспокоенное народными выступлениями и испытывающее огромные финансовые трудности в связи с уплатой дани, начало переговоры с чжурчжэнями. Эти племена, обитавшие на северо-восточной границе Китая, занимались скотоводством, охотой и издавна торговали с Китаем, доставляя в обмен на шелк, железо и оружие своих лошадей, кожи, соболей, корень женьшеня и речной жемчуг. Но после того как государство киданей Ляо подчинило чжурчжэней, их связи с Китаем затруднились. Разложение первобытно-общинного строя у чжурчжэней привело к длительной внутренней борьбе и возникновению протогосударственного образования. Власть захватила племенная аристократия. Ее вождь Агуда в 1115 г. был провозглашен императором государства Цзинь (Золотое) (1115—1234).

Чжурчжэни начали войну против империи Ляо, к тому времени значительно ослабевшей. В 1120 г. сунский двор, увидев в чжурчжэнях союзника в борьбе с киданями, заключил с ними военное соглашение против Ляо.

В 1115—1125 гг. чжурчжэни разгромили империю Ляо. Большинство киданей подверглось истреблению. Спасаясь от завоевателей, отдельные отряды киданей и ранее подвластных им племен ушли на запад, где в районе Иссык-Куля основали государство кара-киданей Западное Ляо (1124—1211).

В войне обнаружилась слабость сунского двора и его войск. Воспользовавшись этим, чжурчжэни, одолев киданей, вторглись в северокитайские земли. Весной 1126 г. их конница приблизилась к Хуанхэ и стала угрожать Кайфыну.

При императорском дворе одержали верх сторонники заключения мира с Цзинь ценой передачи чжурчжэням земель к северу от Хуанхэ. Это вызвало возмущение части горожан и чиновников, их поддерживали рядовые ремесленники и торговцы, подмастерья и жители окрестных деревень. На ведущих постах при дворе оказались сторонники отпора чжурчжэням. Против неприятеля были высланы войска. Однако вскоре ситуация изменилась. Сунский двор приостановил военные приготовления для борьбы с чжурчжэнями и начал переговоры с цзиньскими полководцами. В 1127 г. чжурчжэни вновь подступили к Кайфыну и захватили его. Император отправился в стан противника просить мира, но был взят в плен. Чжурчжэни устремились на юг. Продвигаясь по Великому каналу, они сожгли г. Янчжоу. Затем чжурчжэньские конники переправились в лодках на южный берег Янцзы.

С захватом Кайфына цзиньская верхушка, учитывая недостаток политического опыта управления ханьцами и уязвимость своей военной мощи, решила укрепиться севернее Хуанхэ, а к югу от нее в 1127 г. временно создала зависимое от Цзинь государство во главе с бывшим сунским чиновником. Однако это государственное образование, призванное стать оплотом чжурчжэней при завоевании юга Китая, вскоре рухнуло. В том же году на юге была воссоздана власть дома Сун. После долгих скитаний императорский двор с одним из сыновей сунского правителя обосновался в Ханчжоу, ставшем на полтора столетия южной столицей династии (1127—1279). Здесь под защитой мощных потоков Янцзы сунский двор чувствовал себя в относительной безопасности.

Но положение в стране не было стабильным. Свидетельством этому стало и вспыхнувшее в 1130—1135 гг. в Хунани и Хубэе восстание во главе с Чжун Сяном. Его более 20 лет готовила даосская секта, чье учение — так называемый «новый закон», — осуждавшее социальное неравенство, пало на благодатную почву. И без

того взрывоопасная обстановка, порожденная превышением налоговой нормы (что выглядело несправедливостью в глазах земледельцев), усугублялась еще и тем, что в связи с вторжением цзиньских войск сунские власти ввели дополнительные поборы. К тому же население стало все больше подвергаться грабежу любителями легкой наживы — дезертирами из регулярной армии. Восставшие, защищая население, вскоре испытали на себе последствия нашествия чжурчжэньских войск. В этой обостренной ситуации, перейдя к крайним мерам, они стали предавать огню провинциальные канцелярии, монастыри и кумирни, дома богатей, убивать особо ненавистных им чиновников, купцов и монахов. Восстание охватило 21 уезд, а повстанческая армия насчитывала свыше 400 тыс. Один из вождей, обличавший порочность сунского законодательства, провозгласил «равенство знатных и простых, уравнивание бедных и богатых». Повстанцы создали царство Чу, пытаясь на практике воплотить свои идеалы о справедливом общественном устройстве. Они упразднили повинности и подати, а все имущество пытались делить поровну. Выступив против чжурчжэней, крестьянские предводители встали на защиту родины. В условиях, когда значительная часть ханьского этноса уже в который раз в китайской истории оказалась в рамках враждебного ему государства, граница двух империй — Цзинь и Сун — еще не была установлена и шло постоянное противостояние двух армий.

В Хэнани, Шаньдуне, Шаньси чжурчжэни встретили сильный отпор. Вынужденные отойти сначала на север, они тем не менее продолжали свое продвижение.

В 1130—1137 гг. для борьбы с Сунами чжурчжэни создали на территории современных провинций Шаньдун, Хэнань, Шаньси, а также на севере Аньхуэя и Цзинси буферное государство Ци и направили основной удар на главную базу Сун в нижнем течении Янцзы. В это время при южносунском дворе шли долгие споры о судьбах китайских земель, захваченных Цзинь.

Падение северосунской столицы, потеря своих исконных земель и, наконец, вынужденное бегство сына Неба от северных варваров воспринимались всеми слоями китайского этноса как национальное унижение. В патриотическом антицзиньском порыве слились два потока сопротивления: народные ополчения, созданные еще в XI в. в ходе реформ Ван Аньши, и регулярная сунская армия. Среди решительно настроенных на бескомпромиссную борьбу с чжурчжэнями особо выделялся военачальник, уроженец Хэнани Юэ Фэй (1103—1141), прославившийся победами над врагом. Но когда в 1136 г. государство Цзинь завязало отношения с южносунским двором, китайская сторона откликнулась на предложение вступить в переговоры. При дворе победила группировка, настаивавшая на за-

ключении мира с северным противником, что было продиктовано осознанием реального соотношения сил: империя не могла продолжать ведение военных кампаний, а казна с трудом выдерживала бремя расходов.

В 1135–1136 гг. на пост первого министра назначили сторонника мирных переговоров Цинь Гуя. Сына Неба все более беспокоила возможность военного сепаратизма в стране. Военачальники, в том числе Юэ Фэй, которым было велено прекратить военные действия, стали, по мнению двора, проявлять чрезмерное своеволие и могли в дальнейшем легко выйти из-под контроля двора. Войско Юэ Фэя нанесло чжурчжэням ряд серьезных поражений в Северном Китае. Но вскоре пришел указ, требовавший от Юэ Фэя срочно явиться в столицу, а армию — отвести. В 1141 г., по прибытии полководца в Ханчжоу, его заключили в тюрьму и тайно казнили.

В 1142 г. после длительных войн и сложных дипломатических переговоров между государствами был заключен мирный договор. Сунский император признал себя вассалом цзиньского правителя и обязался выплачивать ежегодную дань — 300 тыс. кусков шелка и 300 тыс. слитков серебра. Граница между империями устанавливалась по р. Хуайшуй, в междуречье Хуанхэ и Янцзы. Сунский двор признал права чжурчжэней на захваченные ими китайские земли. Подобные же договоры были заключены в 1164–1168 гг. и 1208 г.

По оценке некоторых исследователей, неблагоприятные изменения в расстановке сил между Сун и Цзинь пробили брешь в традиционной внешнеполитической доктрине Китая и сильно изменили представления китайцев о соседях: Сунская империя теперь не могла претендовать на признание ее всеобъемлющей Поднебесной и оказалась лишь одним из государств в ряду других, в том числе империи Цзинь. Правда, это не совсем так. Исконное противопоставление Китая всем другим странам с глубокой древности было основано прежде всего на осознании ценности его культуры, в основе своей склонной к компромиссам во имя достижения гармонии и жизни, что в принципе противопоставлено конфликтам. Именно в этом был «запас прочности», устойчивости китайской государственности. Иными словами, Китай был велик не своим могуществом, а культурой (что прежде, как правило, совпадало), позволявшей гармонизировать отношения в любых ситуациях. В неблагоприятных условиях как бы приходило «второе дыхание» и изыскивались новые формы общения с партнером, позволявшие Китаю не «терять лица». В данном случае дань оформлялась как «ежегодные приношения» подарков (в виде шелка и серебра) агрессивным и заносчивым варварам, что временно разряжало напряженность и давало возможность выживать обеим сторонам.

Память о доблестном патриоте, но слабом политике Юэ Фэе продолжала жить в народе. Спустя 60 лет после казни полководца ему посмертно присвоили высокий титул и воздвигнули храм в его честь. Юэ Фэй стал героем народных преданий, песен и театральных представлений. Что же касается Цинь Гуя, в сущности, талантливого дипломата и трезвого политика, реально осознававшего превосходство сил противника и обеспечившего Китаю долгие годы мирного процветания, то он в сознании народных масс стал символом продажного сановника. Ортодоксальной историографией, не знавшей полутонов, Цинь Гуй был заклеен «изменником» за «позорный» мир с варварами.

Реформы XI в. и мирное урегулирование взаимоотношений с чжурчжэнями в XII в. позволили сунскому Китаю, пусть территориально весьма ограниченному, просуществовать еще свыше столетия. Южносунская империя со столицей в великолепном городе Ханчжоу стала центром дальневосточной государственности и культуры. Надолго обезопасив себя от вторжений с севера, Южный Китай развивался быстрыми темпами и превратился в богатое и процветающее государство.

Блеск его высокой культуры, достигшей своего апогея в период правления южносунских императоров, отражает едва ли не наивысший расцвет средневекового китайского государства. Однако над южносунским Китаем с XIII в. вновь стали сгущаться тучи. Нависла очередная опасность с Севера. На сей раз угрожали монголы, сравнительно легко разгромившие чжурчжэней и устремившие свой взор на богатый и процветающий Южный Китай. В противостоянии монголам прошел едва ли не весь XIII век, завершившийся крушением южносунской империи и воцарением в стране новой династии Юань, основанной монгольскими завоевателями.

ГЛАВА VIII

КИТАЙ В ЭПОХУ ПРАВЛЕНИЯ ДИНАСТИИ ЮАНЬ (1271—1368)

1. ЗАВОЕВАНИЕ КИТАЯ МОНГОЛАМИ

В XII в. на территории современного Китая сосуществовали четыре государства: на севере — чжурчжэньская империя Цзинь, на северо-западе — тангутское государство Западное Ся, на юге — Южносунская империя и государственное образование Наньчжао (Дали) в Юньнани.

Эта расстановка сил стала итогом иноземных вторжений кочевых племен, обосновавшихся на китайских землях. Единого Китая уже не было. Более того, когда в начале XIII в. над страной нависла опасность монгольского завоевания, каждое из государств оказалось крайне ослабленным внутренними неурядицами и было не в состоянии отстоять свою независимость.

У северных границ Китая племена, состоявшие из татар, тайчжиутов, керитов, найманов, меркитов, известные в дальнейшем как монголы, появились в начале XIII в. Еще в середине XII столетия они кочевали на территории современной МНР, в верхнем течении р. Хэйлуңцзян и в степях, окружающих озеро Байкал.

Природные условия мест обитания монголов обусловили занятие кочевым скотоводством, выделившимся из первобытного комплекса земледельческо-скотоводческо-охотничьего хозяйства. В поисках пастбищ, богатых травой и водой, пригодных для выпаса крупного и мелкого рогатого скота, а также лошадей, монгольские племена кочевали по бескрайним просторам Великой степи. Домашние животные снабжали кочевников продуктами питания. Из шерсти выделялся войлок — строительный материал для юрт, из кожи изготавливались обувь и предметы домашнего обихода. Ремесленная продукция шла на внутреннее потребление, в то время как скот обменивался на необходимые кочевникам продукты земледелия и городского ремесла оседлых соседей. Значение этой торговли было тем более весомым, чем более многоотраслевым становилось кочевое скотоводство. Развитие монгольского общества во многом стимулировалось связями с Китаем. Так, именно отсюда в монгольские степи проникали изделия из железа. Опыт кузнечных дел мастеров Китая, примененный монголами для изготовления оружия, был применен ими в борьбе за пастбища и рабов.

Центральной фигурой монгольского общества были лично свободные араты. В условиях экстенсивного кочевого скотоводства эти рядовые кочевники пасли скот, занимались стрижкой овец, изготавливали традиционные ковры, необходимые в каждой юрте. В их хозяйстве порой использовался труд обращенных в рабство военнопленных.

В кочевом обществе монголов со временем произошла значительная трансформация. Первоначально свято соблюдались традиции родовой общины. Так, например, во время постоянного кочевья все население рода на стоянках располагалось по кругу вокруг юрты родового старейшины, составляя тем самым своеобразный лагерь-курень. Именно эта традиция пространственной организации социума помогала выжить в трудных, порой опасных для жизни степных условиях, когда сообщество кочевников было еще недостаточно развито и нуждалось в постоянном сотрудничестве всех его членов. Начиная же с конца XII в. с ростом имущественного неравенства монголы стали кочевать аилами, т.е. небольшими семейными группами, связанными узами кровного родства. С разложением рода в ходе длительной борьбы за власть складывались первые племенные союзы, во главе которых стояли наследственные правители, выражавшие волю племенной знати — нойонов, людей «белой кости».

Среди глав родов особенно возвысился Есугэй-батур (из рода Борджигин), кочевавший в степных просторах к востоку и северу от Улан-Батора и ставший вождем-каганом мощного рода — племенного объединения. Преемником Есугэй-батура стал его сын Темучин. Унаследовав воинственный характер отца, он постепенно подчинил себе земли на Западе — до Алтайского хребта и на Востоке — до верховья Хэйлунцзяна, объединив почти всю территорию современной Монголии. В 1203 г. ему удалось одержать верх над своими политическими соперниками — ханом Джамуху, а затем и над Ван-ханом.

В 1206 г. на съезде нойонов — курултае — Темучин был провозглашен всемонгольским повелителем под именем Чингис-хана (ок. 1155—1227). Он назвал свое государство монгольским и сразу же начал завоевательные походы. Была принята так называемая Яса Чингис-хана, узаконившая захватнические войны как образ жизни монголов. В этом ставшем повседневным для них занятии центральная роль отводилась конному войску, закаленному постоянной кочевой жизнью.

Ярко выраженный военный образ жизни монголов породил своеобразный институт нукерства — вооруженных дружинников на службе нойонов, комплектовавшихся по преимуществу из родоплеменной знати. Из этих родовых дружин создавались воору-

женные силы монголов, скрепленные кровными родовыми связями и возглавляемые испытанными в долгих изнурительных походах руководителями. Кроме того, покоренные народы нередко вливались в войска, усиливая мощь монгольской армии.

Захватнические войны начались с нашествия монголов в 1209 г. на государство Западное Ся. Тангуты были вынуждены не только признать себя вассалами Чингис-хана, но и выступить на стороне монголов в борьбе против чжурчжэньской империи Цзинь. В этих условиях на сторону Чингис-хана перешло и южносунское правительство: пытаясь воспользоваться ситуацией, оно прекратило выплачивать дань чжурчжэням и заключило соглашение с Чингис-ханом. Между тем монголы стали активно устанавливать свою власть над Северным Китаем. В 1210 г. они вторглись в пределы государства Цзинь (в пров. Шаньси).

В конце XII — начале XIII в. в империи Цзинь произошли большие изменения. Часть чжурчжэней стала вести оседлый образ жизни и заниматься земледелием. Процесс размежевания в чжурчжэньском этносе резко обострил противоречия внутри него. Утрата монолитного единства и прежней боеспособности стала одной из причин поражения чжурчжэней в войне с монголами. В 1215 г. Чингис-хан после длительной осады овладел Пекином. Его полководцы повели свои войска в Шаньдун. Затем часть войск двинулась на северо-восток в направлении Кореи. Но главные силы монгольского войска вернулись на родину, откуда в 1218 г. начали поход на Запад. В 1218 г., овладев прежними землями Западного Ляо, монголы вышли к границам Хорезмского государства в Средней Азии.

В 1217 г. Чингис-хан снова напал на Западное Ся, а затем восемь лет спустя начал решающее наступление на тангутов, учинив им кровавый погром. Завоевание монголами Западного Ся закончилось в 1227 г. Тангутов вырезали почти поголовно. В их уничтожении участвовал сам Чингис-хан. Возвращаясь домой из этого похода, Чингис-хан умер. Монгольское государство временно возглавил его младший сын Тулуй.

В 1229 г. великим ханом был провозглашен третий сын Чингис-хана Угэдэй. Столицей империи стал Каракорум (к юго-западу от современного Улан-Батора).

Затем монгольская конница направилась к югу от Великой китайской стены, захватывая земли, оставшиеся под властью чжурчжэней. Именно в это трудное для государств Цзинь время Угэдэй заключил античжурчжэньский военный союз с южносунским императором, посулив ему земли Хэнани. Идя на этот союз, китайское правительство рассчитывало с помощью монголов разгромить давних врагов — чжурчжэней и вернуть захваченные

ченные ими земли. Однако этим надеждам не суждено было сбыться.

Война в Северном Китае продолжалась до 1234 г. и закончилась полным разгромом чжурчжэньского царства. Страна была страшно опустошена. Едва закончив войну с чжурчжэнями, монгольские ханы развязали военные действия против южных Сун, расторгнув договор с ними. Началась ожесточенная война, длившаяся около столетия. Когда монгольские войска в 1235 г. вторглись в пределы Сунской империи, они встретили ожесточенный отпор населения. Осажденные города упорно защищались. В 1251 г. было решено послать в Китай большое войско во главе с Хубилаем. В одном из походов участвовал великий хан Мункэ, который погиб в Сычуани.

Начиная с 1257 г. монголы наступали на Южносунскую империю с разных сторон, особенно после того, как их войска прошли к границам Дайвьета и подчинили себе Тибет и государство Наньчжао. Однако занять южнокитайскую столицу Ханчжоу монголам удалось лишь в 1276 г. Но и после этого отряды китайских добровольцев продолжали сражаться. Ожесточенное сопротивление захватчикам оказывала, в частности, армия во главе с крупным сановником Вэнь Тяньсяном (1236—1282).

После длительной обороны в Цзянси в 1276 г. Вэнь Тяньсян потерпел поражение и попал в плен. Службе Хубилая он предпochел смертную казнь. Патриотические стихи и песни, созданные им в заключении, получили широкую известность. В 1280 г. в боях на море монголы разгромили остатки китайских войск.

2. КИТАЙ ПОД ВЛАСТЬЮ МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ

Несмотря на долгое и стойкое сопротивление, впервые в своей истории весь Китай оказался под властью иноземных завоевателей. Более того, он вошел в состав гигантской Монгольской империи, охватившей сопредельные с Китаем территории и простиравшейся вплоть до Передней Азии и приднепровских степей.

Претендуя на универсальный и даже вселенский характер своей державы, монгольские правители дали ей китайское название Юань, означавшее «первоначальное творение мира». Порвав со своим кочевым прошлым, монголы перенесли свою столицу из Каракорума в Пекин.

Перед новым правительством встала сложная задача утвердиться на троне в стране чуждой монголам древней культуры, веками создающей опыт государственного строительства в условиях земледельческой цивилизации.

Монголы, завоевавшие великого соседа огнем и мечом, обрели тяжелое наследство. Бывшая Срединная империя, и особенно

ее северная часть, переживала глубокий упадок, вызванный губительными последствиями нашествия кочевников. Само развитие некогда процветавшего Китая было повернуто вспять.

Согласно данным источников того времени, в середине 30-х годов XIII в. народонаселение на севере сократилось более чем в 10 раз по сравнению с началом века. Даже к концу монгольского нашествия население юга по численности в четыре с лишним раза превосходило северян.

Экономика страны пришла в упадок. Запустили поля и обезлюдели города. Широкое распространение получил рабский труд.

В этих условиях перед правящими кругами Юаньской империи с неизбежностью встал вопрос о стратегии отношений с покоренным китайским этносом.

Разрыв культурных традиций был так велик, что первым естественным побуждением шаманистов-монголов было превратить непонятный им мир оседлой цивилизации в огромное пастбище для скота. Однако волею судьбы ввергнутые в притягательное культурное поле побежденных победители вскоре предпочли отказаться от первоначальных планов едва ли не поголовного истребления населения завоеванной территории. Советник Чингисхана, киданин по происхождению, Елюй Чуцай, а затем и китайские помощники Хубилая убедили императоров династии Юань в том, что традиционные китайские методы управления подданными способны дать значительные выгоды ханскому двору. И завоеватели стали заинтересованно познавать все известные в Китае способы упорядочения отношений с различными категориями населения.

Однако монгольской элите пришлось долго учиться. На политический климат Юаньской империи оказывали влияние все более обнаруживающие себя две ведущие тенденции. Стремлению усвоить жизненно необходимый опыт китайских политиков препятствовало недоверие к своим подданным, чей образ жизни и духовные ценности были изначально непонятны монголам. Все их усилия были направлены на то, чтобы не раствориться в массе китайцев, и главной доминантой политики юаньских правителей стал курс на утверждение привилегий монгольского этноса.

Юаньское законодательство делило всех подданных на четыре категории по этническому и религиозному принципам.

Первую группу составляли монголы, в ведении которых сосредоточилось руководство практически всем административным аппаратом и командование войсками. Монгольская верхушка буквально распоряжалась жизнью и смертью всего населения. К монголам примыкали так называемые «сэму жэнь» — «люди разных рас» — иностранцы, составляющие вторую категорию. В ходе своих

завоеваний монголы вступали в добровольный или насильственный контакт с различными народами мира. Они достаточно терпимо относились ко всем вероисповеданиям и были открыты самым разным внешним влияниям. Обращение к выходцам из разных стран, по всей видимости, позволяло новым правителям легче держать в узде многочисленных ханьцев, следуя принципу «разделяй и властвуй». Именно в монгольский период в Китае брали на службу выходцев из Средней Азии, Персии и даже европейцев.

Достаточно упомянуть, что в Пекине поселилось 5 тыс. христиан-европейцев. В 1294 г. при юаньском дворе до конца своей жизни находился посол папы монах Джованни Монте Корвино, а в 1318–1328 гг. в Китае жил итальянский путешественник-миссионер Одарико ди Парденоне (1286–1331). Особенно известен был венецианский купец Марко Поло (ок. 1254–1324). Он прибыл на Дальний Восток с торговыми целями и долгое время состоял в высокой должности при Хубилае. Китайская политическая элита была отстранена от кормила правления. Так, финансами ведал узбек Ахмед, военачальниками служили Наспер ад-дал и Масаргия. Хотя по сравнению с монголами иностранцы занимали более низкое положение в социальной структуре общества, они так же, как и представители господствующего этноса, пользовались особым покровительством властей и имели свои собственные суды.

Третью категорию составляли китайцы-северяне, а также ассимилированные кидане, чжурчжэни, корейцы и т.д.

Низший, четвертый, разряд свободного населения составляли жители Юга Китая (*нань жэнь*).

Исходное население Срединной империи подвергалось всевозможным ограничениям. Людям было запрещено появляться на улицах города ночью, устраивать какие бы то ни было сборища, изучать иностранные языки, обучаться военному искусству. Вместе с тем сам факт деления единого ханьского этноса на северян и южан преследовал цель вбить клин между ними и тем самым укрепить свою власть захватчиков.

Озабоченные прежде всего упорядочением отношений с китайским большинством, монголы взяли на вооружение китайскую модель развития общества, в частности традиционные представления о сущности власти императора как носителя в едином лице всех функций управления: политических, административных, правовых.

Созданная в этой связи специальная группа ведомств состояла из 15 учреждений, обслуживающих потребности императорского двора и столицы.

Главным управленческим органом монголов стал традиционный императорский совет — кабинет министров с шестью ведомствами при нем, восходящими еще к суйскому времени. Мощ-

Империя Юань

ным средством борьбы с центробежными тенденциями в стране стал цензорат, исконно использовавшийся в Китае для надзора за чиновниками.

Но основой могущества монголов оставалось их преимущество в военной области: они обеспечили себе ведущие позиции в управлении военными делами (Шумиюань) и в главном военном ведомстве вооружений.

Вопреки бытующему мнению о высокой степени централизации Юаньской империи функции правительственной администрации, администрации уделов и других территорий распространялись в основном на столичную провинцию. Чтобы восполнить отсутствие администрации низшего уровня за пределами юаньского дома, там создавали центры управлений, куда посылали чиновников из центра, наделенных огромными полномочиями. Хотя правительство и провозгласило свою власть над местными структурами, полного административно-политического контроля ему достичь не удалось.

Под управлением центрального правительства, по существу, находилась лишь столица — г. Дадун (совр. Пекин) и примыкавшие к столичной области северо-восточные пределы Юаньской державы. Остальная территория была поделена на восемь провинций.

Постепенное приобщение монгольской элиты к китайской культуре проявилось в восстановлении традиционного китайского института экзаменов, тесно связанного с функционированием административного аппарата и системой образования. Эти компоненты традиционно обеспечивали кадрами все органы государственного управления и определяли культуру и образ жизни ханьского этноса. Показательно, что еще в 1237 г., до установления династии Юань, при Угэдэе по совету Елюй Чуцай была предпринята попытка возродить экзаменационную систему. Любопытно, что в испытаниях предусматривалось участие даже конфуцианцев, взятых в плен и ставших рабами, причем их хозяева наказывались смертной казнью, если они прятали рабов и не посылали их на экзамены.

По мере стабилизации и упрочения власти монгольских ханов над Китаем и возникновения в данной связи потребности в новых сферах управления и административном аппарате начинается процесс их частичного восстановления.

Однако характер общения носителей двух культур складывался не всегда гладко. Здесь существовало несколько аспектов. Особенно сложными были отношения монгольских властей с китайскими книжниками на юге, получившими традиционное образование и ученое звание еще в сунское время. Воцарение династии Юань ознаменовалось отменой института экзаменов, и потому бюрократическая машина, созданная монголами до завоевания южносунского Китая, оказалась заполненной китайцами-северянами и представителями других народностей. В этих условиях южане-книжники, отстраненные от службы, были востребованы главным образом в системе образования.

Пытаясь привлечь на свою сторону китайских интеллектуалов и погасить среди них антимонгольские настроения, юаньские

власти в 1291 г. издают указ об учреждении публичных школ и академий (*шююань*), определявший принципы набора их персонала и его продвижения по служебной лестнице.

Академии, представлявшие собой учебные заведения более высокого уровня и менее зависимые от властей, сохранили при монгольской династии свои позиции. Академия выполняла роль собирателя и хранителя книг, а нередко и их издателя. Эти учебные заведения стали пристанищем для многих южносунских ученых, находивших здесь применение своим знаниям и не желавших находиться на службе у юаньского двора.

С другой стороны, всякое продвижение монгольских правителей по пути приобщения к китайской культуре встречало противодействие в самой монгольской среде. Во время правления Хубилая — последнего великого хана и первого императора династии Юань — вопрос о введении экзаменационной системы как средства отбора чиновников и стимула для приобретения знания вставал несколько раз. Но попытки ввести новую систему отбора чиновников через экзамены вызывали недовольство и сопротивление монгольской знати, опасавшейся отхода от племенных порядков. Насколько сильным было это противодействие, свидетельствует тот факт, что обнародованное в 1291 г. при Хубилае постановление, разрешавшее китайцам занимать любую должность ниже губернатора провинции, при его преемниках не было проведено в жизнь.

Преодолеть препятствия на пути восстановления экзаменационной системы, и в том числе сломить сопротивление монгольской знати, удалось только Жэнь-цзуну (1312—1320), приверженцу конфуцианства, издавшему в 1313 г. указ об экзаменах. Начиная с 1315 г. экзамены проводились регулярно каждые три года вплоть до конца правления династии Юань.

Для монголов и иностранцев предусматривалась иная программа, чем для китайцев. Это объяснялось не только дискриминацией последних, но и худшей подготовкой первых. Монголы с трудом привыкали к непривычной для них культурной среде и политическим традициям. В то же время многие из бывших степных кочевников становились по-китайски образованными людьми и могли соперничать, пусть на льготных условиях, с утонченными китайскими книжниками.

Кроме общих экзаменов, связанных с изучением и толкованием конфуцианских канонов, были введены и некоторые специальные экзамены. Так, много внимания уделялось экзаменам по медицине. Постоянные войны вызвали повышенную потребность во врачебном уходе, и потому монголы стремились использовать древнюю китайскую медицину на собственное благо.

В политике монгольских правителей в области государственного строительства и образования, и в частности в отношении к китайскому институту экзаменов, особенно ярко отразилось противостояние китайского и монгольского начал, укладов жизни двух этносов, культуры земледельцев и кочевников, фактически не прекращавшееся в течение всего юаньского периода. В условиях первоначального поражения китайской культуры все более обнаруживалась тенденция к заметному восстановлению и даже торжеству ее позиций. Показательно, в частности, и учреждение монгольских школ по китайскому образцу и обучение в них монгольской молодежи на китайских классических книгах, хотя и в переводе на монгольский язык.

Другой очень важной стороной благотворного влияния китайской культуры было историописание.

Пытаясь представить себя в качестве законных правителей — наследников предшествующих китайских династий, монголы много внимания уделяли составлению официальных династийных историй. Так, при их покровительстве после нескольких лет подготовительных работ всего за три года были составлены истории династий Ляо (907—1125), Цзинь (1115—1234) и Сун (960—1279). Таким образом завоеватели стремились учесть настроение коренного населения и особенно его культурные традиции и тем самым способствовать политической консолидации своей власти.

Значительным шагом в этом направлении стало создание еще в начале 60-х гг. XII в. историографического комитета Гошиюаня, призванного хранить и составлять исторические записи и документы. Так была восстановлена традиция, уходящая в период Хань. Впоследствии Гошиюань была объединена с конфуцианской академией Ханьлинь в целях написания не только вышеназванных китайских историй, но и для составления хроник правления монгольских императоров на монгольском и китайском языках.

Историографическая работа над династийными историями стала сферой идеологической борьбы. Одним из главных вопросов дискуссии был вопрос о легитимности не китайских династий Ляо и Цзинь, а это означало, что ставилась под сомнение и законность существующей монгольской династии.

Подводя итог культурным заимствованиям монгольской элиты, можно сказать, что их политика, особенно в области образования, явилась своего рода компромиссом, уступкой высшим слоям покоренного этноса со стороны монгольской правящей прослойки, вынужденной пойти на это вследствие потребности страны в чиновниках (как монгольских, так и китайских), из-за ослабления монгольской власти над Китаем и определенной китаизации монгольского двора и знати. Победенный этнос как

носитель древнего культурного субстрата и укорененной политической традиции постепенно одержал победу над формами традиционных институтов, привнесенных монголами.

В связи с осознанным курсом на разделение подданных на различные слои строилась и социально-экономическая политика государства, и прежде всего в аграрной области.

В условиях дезорганизации экономики страны монгольские правители совершили поворот к упорядочению управления подвластными территориями. Взамен бессистемных хищнических поборов они перешли к фиксации налогообложения: было создано налоговое управление в провинциях, проводились переписи населения.

Монгольская знать распоряжалась землями в Северном и Центральном Китае. Значительную часть финансовых поступлений монгольские правители получали с удельных владений. Новые хозяева раздавали пахотные поля, угодья, целые селения монгольской знати иностранцам и китайцам, поступавшим к ним на службу, буддийским монастырям. Был восстановлен институт должностных земель, кормивших привилегированную часть общества из числа образованной элиты.

На юге Юаньской империи большинство земель осталось у китайских владельцев с правом купли-продажи и передачи по наследству. На Юге налоги были более тяжелы, чем на Севере.

Политика завоевателей способствовала разорению слабых хозяйств и захвату земли и крестьян монастырями и влиятельными семьями.

В ходе покорения Китая монголами исконное население оказалось на положении невольников, чей труд в сельском и домашнем хозяйстве, в ремесленных мастерских фактически был рабским. Немногим легче оказалась и доля арендаторов частных земель — *дяньху* и *кэху*, страдавших от нефиксированных налогов. Они отдавали большую часть урожая хозяевам земли — монгольским и китайским чиновникам, и буддийским монастырям.

Тяжелыми поборами облагались цеховые ремесленники. Нередко их вынуждали дополнительно отдавать часть товара, бесплатно работать на гарнизон.

Купцы и их организации также облагались тяжелой податью и платили многочисленные пошлины. Китайским торговцам для перевозки товара требовалось специальное разрешение.

Финансовая политика монгольских властей ухудшила положение всех слоев населения. Резко обострились отношения и с китайской элитой общества. Китайцы, служившие Хубилаю, недовольные его правлением, поднимали мятежи. В 1282 г. в отсутствие

хана в столице был убит всемогущий Ахмед. Иностранцы постепенно стали покидать страну.

Правители династии Юань — преемники Хубилая — были вынуждены со временем пойти на сотрудничество с господствующим классом Китая и заполнить учреждения чиновниками из ханьцев.

Хубилай, продолжая войны с южными китайцами, бросил свои силы на восток. В 1274 г., а затем в 1281 г. он снарядил военно-морские экспедиции для покорения Японии. Но корабли его флотилии погибли от бури, так и не достигнув японских островов. Затем завоевательные устремления юаньского императора обратились на юг. Еще в 50-х гг. XIII в. войска Хубилая вторглись в Дайвьет, где встретили решительный отпор. В 80-х гг. хан вновь предпринял попытки завоевать страну, но там началась ожесточенная партизанская война. Китайский флот, посланный монголами на юг для завоевания портов, был потоплен в дельте Красной реки. Монгольские военачальники увели остатки своих войск на север. В 1289 г. дипломатические отношения двух стран были восстановлены.

Преемники Хубилая, правившие в Пекине, некоторое время еще продолжали активную внешнюю политику. В 90-х гг. XIII в. ими была предпринята военно-морская экспедиция на о. Ява. С ослаблением военной мощи империи юаньские императоры отказались от завоеваний.

3. СВЕРЖЕНИЕ МОНГОЛЬСКОГО ИГА

К середине XIV в. империя Юань пришла в полный упадок. Политика властей разрушительно действовала на жизнь города и деревни Северного Китая. К тому же разразившиеся стихийные бедствия — разливы рек, изменение русла Хуанхэ, затопление обширных равнин — сокращали посевные площади и вели к разорению земледельцев. Городские рынки опустели, мастерские и лавки ремесленников закрылись.

Казна компенсировала сокращение натуральных поступлений выпусками новых бумажных денег, что в свою очередь вело к банкротству ремесленников, торговых компаний и ростовщиков.

Обстановка в стране чрезвычайно накалилась. Юаньские власти, опасаясь массового взрыва, запретили народу хранить оружие. При дворе был даже выработан проект истребления большей части китайцев — обладателей пяти наиболее распространенных в стране фамилий.

В 30-х гг. XIV в. крестьяне повсеместно брались за оружие. Их поддерживали горожане и народности Юга. В песнях, популярных

рассказах бродячих сказителей воспевались непобедимые герои, храбрые полководцы, отважные силачи и справедливые мужи прошлого. На эти темы разыгрывались театральные представления. Именно тогда появился роман «Троецарствие», воспевавший славное прошлое китайского этноса, и прежде всего воинскую доблесть, необычайное мастерство древних китайских военачальников. Ученые-астрологи сообщали о зловещих небесных знамениях, а гадалки прорицали конец власти иноземцев.

Среди тайных религиозных учений разных толков и направлений особо популярной была мессианская идея о пришествии «Будды будущего» — Майтрейи (Милэфо) — и начале новой счастливой эры, а также учение о свете манихейского толка. Тайное буддийское «Общество Белого лотоса» призывало к борьбе с захватчиками и формировало «красные войска» (красный цвет — символ Майтрейи).

В 1351 г., когда на строительство дамб на Хуанхэ власти согнали тысячи крестьян, восстание приняло массовый характер. К нему присоединились земледельцы, солевары, жители городов, мелкий торговый люд, представители низов господствующего класса. Движение было направлено на свержение чужеземного ига и власти династии Юань.

«Общество Белого лотоса» выдвинуло идею воссоздания китайского государства и восстановления власти династии Сун. Один из руководителей восставших Хань Шаньтун, будучи объявлен потомком некогда царствовавшего дома, был провозглашен сунским императором. Руководство военными действиями принял на себя один из вождей тайного братства Лю Футун. Предводители восстания обличали монгольских правителей, утверждая, что у власти в стране стоят «подлость и лесть», что «воры стали чиновниками, а чиновники — ворами».

Восстание «красных войск» охватило почти весь север страны. Повстанцы заняли Кайфын, Датун и другие крупные города, достигли Великой китайской стены, приблизились к столице. Правительственные же войска терпели поражение.

В 1351 г. восстания охватили и центральные районы Китая, где также проповедовалось пришествие Майтрейи. В этом экономически развитом районе страны заметную роль в движении наряду с крестьянами играли и горожане. Повстанцы действовали против юаньских властей и крупных местных землевладельцев, совершали успешные походы по долине Янцзы в провинциях Чжэцзян, Цзянси и Хубэй. В Аньхуэ восставших возглавил Го Цзясин. В 1355г. после смерти Го Цзясина командование войском принял на себя Чжу Юаньчжан — сын крестьянина, в прошлом бродячий монах.

Повстанцы этой провинции были связаны с движением «красных войск» и признавали претендента на сунский престол. Монгольская знать создавала военные отряды, назначала на высокие посты представителей китайской знати, посылала против восставших отборные императорские войска. Отряды «красных войск» понесли серьезные потери. В 1363 г. главные силы Лю Футуна подверглись разгрому, а сам он был убит. Часть отрядов «красных войск» отошла через Шэньси в Сычуань, часть присоединилась к Чжу Юаньчжану.

Антимонгольское движение в Центральном Китае продолжало крепнуть. Чжу Юаньчжан обосновался в Нанкине. Поскольку китайские чиновники в этом крае не поддерживали власти Юаней (как то было на Севере), он многих из них назначил советниками.

Одержав победу над соперниками, Чжу Юаньчжан отправил войско на север и в 1368 г. занял Пекин. Последний из правящих в Китае потомков Чингис-хана бежал на север. Чжу Юаньчжан, провозглашенный в Нанкине императором новой династии Мин, еще около 20 лет отвоевывал территории страны.

Глава IX

КИТАЙ В ЭПОХУ ПРАВЛЕНИЯ МИНСКОЙ ДИНАСТИИ (1368–1644)

1. ДИНАСТИЯ МИН: ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

Правление династии, основанной Чжу Юаньчжаном, было отмечено явным стремлением восстановить ряд принципов, характерных для танского периода, однако наряду с этим в политике Чжу Юаньчжана явно прослеживается влияние и юаньских образцов. Разумеется, то характерное, что было присуще Китаю на протяжении почти трехсот лет правления минской династии, было связано с деятельностью такой яркой и противоречивой личности, которой являлся сам ее основатель.

Чжу Юаньчжан, несмотря на свое простое происхождение, был достаточно образованным человеком, сведущим в китайской исторической и философской традициях. Он хорошо знал деяния предыдущих правителей Китая, уже будучи императором, много времени посвящал изучению классических памятников философской и общественно-политической мысли. В частности, им были составлены комментарии к наиболее сложному из них — трактату «Даодэ цзин». Свои представления об идеальном общественном устройстве он черпал, что вполне естественно, также в китайской традиции. Его идеи основывались на представлении о необходимости могущественной императорской власти, опирающейся на общины, освобожденные от гнета имущественного неравенства. Став, возможно, одним из наиболее сильных правителей в истории Китая, Чжу Юаньчжан предпринял небезуспешную попытку реализовать эти планы. Таким образом, в его правлении отчетливо различимы мотивы, характерные для политики большинства китайских династий на исходном этапе их утверждения, однако в деятельности основателя минской династии они проявились с особой силой.

Чжу Юаньчжан
(основатель династии Мин)

Характерной чертой правления Чжу Юаньчжана, отличавшей его от предыдущих царствований, было недоверие, которое правитель испытывал в отношении чиновничества, считая его склонным к коррупции и неспособным донести до народа, о благе которого радеет правитель, истинную волю императора. Воссоздав трехступенчатую экзаменационную систему (1382), просуществовавшую в Китае до начала XX в. и ставшую во многом образцом для подражания при создании бюрократических структур в абсолютистской Европе, Чжу Юаньчжан оставался истинным деспотом, обрушившим гонения на окружавших его сановников. Ему всюду мерещились заговорщики, готовившие свержение императора. В одном из законоустановлений, обращенных к народу, он писал: «В прежние времена сановники были в состоянии идти одним путем с государем <...> Нынешние же не таковы. Они затуманивают государев разум, вызывают гнев государя. Группировки с коварными замыслами действуют беспрестанно, возникающая одна за другой». Одновременно он обрушивался и на мелкое чиновничество: «Коварные мелкие чиновники нарушают законы с помощью крючкотворства».

Масштабы репрессий во времена Чжу Юаньчжана были беспрецедентными в китайской истории — пострадало, по всей видимости, не менее 40 тыс. человек, среди которых находились бывшие сподвижники императора, соратники, с помощью которых ему удалось прийти к власти и которых он опасался прежде всего. Это отношение к собственному чиновничеству стало доминантой политики всех минских императоров, стремившихся найти ему некий социальный противовес.

Истинную опору императорской власти Чжу Юаньчжан видел в системе общин, объединяющих наделенное землей крестьянство. В результате мер, предпринятых в период правления Чжу Юаньчжана, была во многом воссоздана наделная система, хотя об этом не объявили официально. По сути дела, это была глубокая земельная реформа, осуществленная в ходе упорядочения структур, связанных с налогообложением. Новая политика покоилась на двух комплексах мер: установлении государственного контроля над земельными ресурсами и использовании людского потенциала империи. В условиях, сложившихся после завершения освободительной войны, новому императору удалось сравнительно легко создать обширный сектор государственных земель, считавшихся казенными в период правления сунской и юаньской династий. Государственный фонд пополнили также владения приверженцев юаньской династии и тех, кого Чжу Юаньчжан подверг репрессиям. В ходе осуществления этих мер в бассейне Янцзы и в северных провинциях Китая были, в сущности, лик-

видированы арендные отношения, и основной фигурой в деревне стал самостоятельный крестьянин-землевладелец.

Минское государство стремилось утвердить себя в качестве верховного собственника земли и подданных, что проявилось в ходе осуществления мер, направленных на учет земли и подданных. Уже на следующий год после основания династии был издан императорский указ, повелевавший всем подданным регистрироваться при составлении новых подушных реестров. В 1370 г. была проведена первая перепись населения, имевшая целью не только учесть всех подданных, но и определить размеры имущества каждого двора. Анкеты, в которых содержались эти сведения, отсылались в центральное ведомство налогов, а копии оставались у главы домохозяйства и в местных административных органах. В зависимости от имущественного положения дворы облагались земельным налогом и трудовыми повинностями так, что их размер зависел от количества земли, работников и имущества в отдельном хозяйстве.

В 1381 г. в эту систему были внесены изменения, позволившие упорядочить процедуру сбора налогов и отбывания повинностей. Эта система в своих основных чертах сохранилась вплоть до конца императорского периода в истории Китая. Она основывалась на объединении дворов в группы, связанные круговой порукой в выполнении в срок и полностью государственных налоговых и повинностных обязательств. В соответствии с новыми принципами каждые 10 дворов объединялись в *цзя*, а каждые 10 *цзя* составляли *ли*.

В создании этой системы Чжу Юаньчжану явно не принадлежало первенство, достаточно вспомнить аналогичные попытки, предпринимавшиеся в сунский период. Однако для первого императора минской династии система *лицзя* являлась не просто удобным средством организации сбора поземельного налога и отправления государственных повинностей, но и основой гармонического социального порядка, достижения единения власти и народа. Эти идеи были разработаны им в специальном трактате, озаглавленном «Великое предостережение». Он состоял из описания многочисленных случаев служебных преступлений, совершенных чиновниками, и был снабжен нравоучительными комментариями императора. В этом трактате ярко проявилась приверженность Чжу Юаньчжана китайской традиции, стремление утвердить в империи «просвещенную деспотию».

В соответствии с повелением государя текст этого произведения должен был храниться в каждом доме, а в случае его отсутствия в семье последняя подлежала наказанию по закону. Таким образом, в минской державе этот трактат должен был стать средством массовой индокринации подданных. Чтобы быть понятным

простому народу, правитель составил этот документ на языке, близком к разговорному. Даже незнание иероглифов не освобождало людей от изучения «Великого предостережения», поскольку деревенские старейшины были обязаны читать его вслух односельчанам, сопровождая своими комментариями.

В связи с упрочением статуса общины первый минский правитель особые надежды возлагал на институт деревенских старейшин. Их надлежало набирать из числа лиц, достигших 50 лет и известных своим безупречным в нравственном отношении поведением. Старейшины должны были сообщать верховному правителю обо всех случаях предосудительного поведения старост *лицзя* и местного чиновничества, которому под страхом смерти запрещалось появляться в деревнях для сбора налогов.

Если институт деревенских старейшин как основа саморегулирования в общине социальных отношений после смерти Чжу Юаньчжана постепенно пришел в упадок, то система круговой поруки укоренилась в качестве удобного для властей средства сбора налогов и отправления повинностей. Сведения об экономическом положении отдельных дворов собирались на основе их принадлежности к определенной *ли*, а затем включались в данные, характеризовавшие положение в волости (*сян*), если речь шла о сельском округе, и в квартале (*фан*), если обследование проводилось в городе. Составленные таким образом реестровые книги полагалось обернуть в желтую бумагу, в связи с чем они получили название «желтых реестров». Их данные обобщались чиновниками уездных органов управления, на основе чего составлялись сведения, характеризовавшие общее количество дворов, численность трудоспособных мужчин, общее количество земли и прочей собственности в *ли*. Эти сведения отсылались на места, где обобщались данные об экономическом и демографическом положении всей провинции. На их основе составлялись реестровые книги, которые полагалось обернуть в голубую бумагу и отослать ко двору. В отличие от «желтых реестров» они именовались «голубыми реестрами».

В 1390 г. были проведены новые обследования, позволившие уточнить содержание «желтых реестров». С этого времени обследования проводились довольно регулярно с интервалом в десять лет, что позволяло, по крайней мере в начальный период правления династии, учитывать изменения, происходившие в сфере имущественных отношений.

Помимо уплаты землевладельцами поземельного налога каждый подданный империи был обязан нести трудовые повинности в пользу государства. В зависимости от рода занятий (об этом сообщалось в «желтом реестре») подданный попадал в определенную категорию в реестре трудовых повинностей. Трудовые

повинности делились на три основные категории: «прямые», «специализированные» и «смешанные». Первые непосредственно были связаны с функционированием системы *лицзя* и состояли в обязательстве раз в десять лет в течение одного года выполнять функции главы десятидворки. «Специализированные» — налагались в результате принадлежности к той или иной профессии (например, различные виды ремесленного производства, добыча соли). «Смешанные» трудовые повинности являлись наиболее распространенной формой и налагались на те дворы, которые в данный момент не были заняты выполнением обязанностей в рамках системы *лицзя* и распространялись главным образом на хозяйства земледельцев. К их числу относились такие работы, как служба в присутственных местах, доставка властям топлива, взвешивание зерна, поставлявшегося в виде налога, охрана государственных зернохранилищ, участие в общественных работах по содержанию ирригационных систем. Надо отметить, что минские власти, в особенности в начальный период правления династии, уделяли много внимания ирригационному строительству — одной из основ аграрного процветания государства. Только в период правления Чжу Юаньчжана было осуществлено несколько тысяч различных ирригационных проектов.

В случае изменения по каким-то причинам установленных квот на «специализированные» повинности власти могли переводить дворы с выполнения одних повинностей на другие. Это распространялось как на дворы, облагаемые «специализированными» повинностями, которые могли обязать изменить профессиональную ориентацию, так и на дворы, числившиеся в разряде «смешанных» повинностей. В начале XVI в. из 11,5 млн дворов, зарегистрированных в налогово-повинностных реестрах, около 2 млн составляли хозяйства, которые должны были давать мужчин для службы в армии и были связаны «специализированными» повинностями. Подавляющее большинство дворов были зарегистрированы по разряду «смешанных» повинностей.

В 1377 г., как это было принято в императорском Китае, официальное освобождение от трудовых повинностей получили чиновники, находившиеся на государственной службе, что вполне объяснимо.

Но платить поземельный налог в первые века существования минской империи они были обязаны. После того как в начале правления династии были отменены незадолго до этого учрежденные служебные надель, главным источником доходов чиновничества наряду с государственным жалованием оставались поступления от принадлежащих их семьям земель. В сфере поземельного налогообложения, таким образом, вплоть до конца XVI в.

положение чиновника по отношению к государству как верховному собственнику на землю ничем не отличалось от положения рядового земледельца. Однако в последней трети XVI в. (указ 1586 г.) чиновники освобождались от уплаты поземельного налога с части принадлежавшей им земли. Своего пика этот процесс достиг в первые десятилетия XVII в. незадолго до падения династии, когда чиновничество получило новые земельноналоговые льготы. Эти меры, предпринимавшиеся последними императорами минской династии для того, чтобы снизить заинтересованность чиновничества в получении незаконных доходов, имели отрицательный с точки зрения своих социальных последствий результат. Чиновники все больше превращались в слой крупных землевладельцев (главным образом за счет перехода под их покровительство рядовых землевладельцев, заинтересованных в уклонении от уплаты налогов), что не могло не сопровождаться обезземеливанием деревенских низов и сокращением налоговых поступлений в казну.

Параллельно укреплению общинно-клановых институтов, которые должны были противостоять впоследствии местному чиновничеству, Чжу Юаньчжан начал создавать уделы (*зо*), способные, по мысли правителя, сформировать систему администрации, существовавшую наряду с ординарной. Уделы раздавались членам императорского клана, в первую очередь сыновьям, и рассматривались не как образования в рамках империи автономных административных структур и уж тем более не земли, находившиеся в собственности удельного правителя-вана, а как средство контроля над официальной администрацией. По замыслу, это была ставка на особо доверенных в силу кровного родства лиц императора, готовых пресечь проявления смуты и сепаратизма в самом зародыше. На уделы, создававшиеся по границам империи, были возложены важные задачи по охране границ государства и отражению внешних вторжений, в первую очередь со стороны кочевых соседей Китая.

Однако как средство укрепления позиции верховной власти уделы свое предназначение не оправдали, став источником сепаратизма и междоусобной борьбы между наследниками Чжу Юаньчжана после его смерти. В соответствии с указами о престолонаследии, составленными основателем династии, трон должен был переходить к старшему сыну от старшей жены, а в случае его смерти — к внуку правителя. Шестнадцатилетний внук императора, вступивший на престол после его смерти, смог удержать власть лишь в течение трех лет, столкнувшись с ожесточенным сопротивлением владельцев уделов из числа сыновей покойного правителя. В 1402 г. в ходе быстротечной гражданской войны он

был свергнут с престола своим дядей Чжу Ди, удел которого был расположен в Северном Китае. По одним сведениям, юный император погиб во время пожара, охватившего императорский дворец, по другим — он остриг волосы и, обрядившись в рясу монаха, отправился в странствие по Китаю.

Пришедший к власти император Юн Лэ (1403—1424) оказался вторым и последним после основателя династии по-настоящему сильным ее правителем. При нем минский Китай достиг процветания и могущества, расширились международные связи и произошло усиление международного влияния китайской империи в Индокитае и Юго-Восточной Азии. Еще одним важным по своим политическим последствиям деянием императора было решение о переносе столицы империи из Нанкина в Пекин (1421).

Осознавая опасность удельной системы для центральной власти, Юн Лэ отказался от нее как одного из устоев государственной системы. Однако ее отмена произошла не сразу. Клан наследников Чжу Юаньчжана продолжал оставаться привилегированной в социальном отношении группой, сложившейся со временем в слой наследственной аристократии. Если ее первые поколения находились непосредственно на содержании государства, то с середины XVI в., по мере сокращения политического значения уделов, владетельные князья все в большей мере ориентировались на расширение собственных земельных владений, обращаясь с соответствующими просьбами ко двору. Императоры в свою очередь стремились идти навстречу этим просьбам, как бы конвертируя прежнее политическое влияние удельных владетелей в крупную земельную собственность. Это была своеобразная форма откупа правящего дома от родни, способной выступить с претензиями на верховную власть. Этот процесс имел еще одно объяснение: казне становилось все труднее содержать многочисленные ветви императорского клана, который к концу династии разросся настолько, что по численности был вполне сопоставим с социальным слоем книжников-чиновников (*шэньши*). Именно владения аристократов, и в первую очередь высших категорий императорской родни, оказались объектом ударов мощного народного движения, развернувшегося в конце правления династии и приведшего к ее падению.

За период правления минской династии земледелие в Китае достигло новых высот, чему способствовали методы ирригации, заимствованные во Вьетнаме, а также использование новых сельскохозяйственных культур, таких, как сладкий картофель и арахис. Однако это не привело к сколько-нибудь существенным технологическим сдвигам. Продолжала действовать тенденция, оформившаяся еще в сунский период: вместо введения новых

технологий и усовершенствованных орудий труда сельское хозяйство становилось все более трудоинтенсивным, сопровождавшимся переходом от плужного к мотыжному земледелию. За счет этого китайская деревня оказывалась способной прокормить все увеличивавшееся население империи.

В период правления Мин в городах сосредоточивалась значительная часть населения империи, а по количеству жителей они намного превосходили самые крупные городские центры тогдашней Европы. В XVI в. население Пекина составляло около 1 млн человек, а Нанкина превосходило 1 млн человек. В этот период шел интенсивный процесс превращения деревень с развитым ремеслом и торговлей в новые городские центры, которые лишь в редких случаях приобретали статус городов. Зато коммерция здесь могла развиваться более свободно, поскольку отсутствовал пристальный контроль со стороны правительственной администрации. В городах же положение ремесленников и в особенности торговцев мало изменилось по сравнению с временами правлений прежних династий. Городское население облагалось налогами и повинностями в пользу казны, а сами ремесленники могли привлекаться к отработкам на казенных предприятиях. По-прежнему отсутствовали гарантии не только собственности, но и личной свободы.

Наибольшего развития в этот период достигло шелкоткачество, хлопкоткачество, красильное дело, производство керамики, фарфора и бумаги, книгопечатание. Пришли в упадок прежние центры ремесленного производства, однако возвысились новые — Нанкин, Сучжоу, Ханчжоу. Крупнейшим центром производства фарфора стал Цзиндэчжэнь (пров. Цзянси), изделия которого высоко ценились на Востоке и в Европе.

Минский период ознаменовался новыми успехами в области кораблестроения. Строились четырехпалубные суда, способные совершать плавания на многие тысячи километров вдали от берегов Китая. XV—XVI вв. были временем расцвета строительного дела. Именно к минскому периоду относится сохранившаяся традиционная застройка современных китайских городов. В это же время были созданы дворцы, храмы на могилах минских императоров, продолжено строительство императорского дворца в Пекине, достроена и частично реставрирована Великая стена.

Однако, несмотря на значительные достижения Китая в эпоху Мин, и в этот период китайской истории действовали прежние социальные механизмы, определявшие движение династийного цикла. Примерно со второй половины XV в. подъем постепенно сменился упадком. Составляющие кризиса были теми же, что и в прежние времена. Одним из главных факторов являлся рост народонаселения, обгонявший введение в оборот новых сель-

скохозяйственных земель. К концу XVI в. по сравнению с начальным периодом правления династии количество пахотной земли, приходившееся на душу населения, сократилось почти вдвое. Несмотря на это, усиливаются налоговые притязания властей, связанные с необходимостью содержания государственного аппарата, а также финансирования военных действий. Накануне падения династии одна только военная часть бюджета составляла примерно 20 млн лянв серебра, в то время как в начале ее правления весь государственный бюджет насчитывал 2 млн. Показателем кризиса, как всегда, были народные выступления против властей, отмеченные с начала XVI в., а также политическая борьба, развернувшаяся при императорском дворе.

2. ИМПЕРАТОРСКАЯ ВЛАСТЬ И ОППОЗИЦИЯ

Недоверие минских императоров к корпорации книжников-чиновников, составлявших основу системы государственного управления в императорском Китае, начало чему положил сам основатель династии, проявлялось в том числе и в той роли, которую играли при дворе евнухи. Ничего нового в участии евнухов в политической жизни двора не было, однако новыми были масштабы их вовлечения в государственную политику. Если первый минский император стремился противопоставить администрации свой собственный клан, то его потомки хотели привлечь для этой цели евнухов, обслуживавших императорский гарем.

Минские правители рассматривали евнухов как наиболее лояльную группу приближенных к императорскому двору и рассчитывали использовать их для выполнения обязанностей, связанных с гражданским и военным управлением. Уже в 1420 г. при дворе была основана специальная школа, в которой евнухов обучали основам государственного управления. На протяжении XVI—XVII вв. правление временщиков из числа евнухов становится истинным бедствием политической жизни в Китае. Именно эта проблема выдвигается на первый план в ходе реформаторского движения, начатого представителями минского чиновничества, обеспокоенного положением дел в державе. Отрицательное воздействие евнухов на политическую жизнь усиливалось по мере роста их численности. Если в начале правления династии количество евнухов превышало 10 тыс. человек, то ко второй половине XVI в. их численность превзошла 100 тыс. человек. В своем подавляющем большинстве евнухи были поглощены стремлением к личному обогащению, а не желанием принести пользу отечеству. Они были также повинны в вопиющем непрофессионализме и

страшной коррупции, поразившей государственный аппарат империи в период ее заката.

Одним из наиболее ярких примеров пагубного воздействия временщиков-евнухов на положение дел в империи было правление в середине XV в. всемогущего фаворита Ван Чжэня. В этот период вновь обострилась опасность, исходившая от монголов, незадолго до этого изгнанных из Китая. Во главе с талантливым предводителем Эсеном они начали вторжение в пределы Северного Китая. Императорская армия во главе с самим юным правителем выступила навстречу врагу. Командование армией было поручено Ван Чжэню. Однако он не проявил военных талантов, и в сражении, состоявшемся в 30 км к северо-западу от Пекина, минская армия была наголову разбита, Ван Чжэнь погиб, а император попал в плен, в котором ему пришлось пробыть около года. Лишь благодаря умелым действиям генерала Юй Цяня, возглавившего оборону столицы, ее удалось отстоять. Вместо благодарности вернувший себе через некоторое время престол император приказал расправиться с военачальниками, спасшими страну от разрушительного вторжения кочевников.

Во второй половине XV в. широкую известность приобрело имя влиятельного любимца императора Лю Цзиня. Этот евнух был знаменит казнокрадством и nepотизмом, достигшим беспрецедентных масштабов. После того как он был отправлен в отставку в 1510 г., выяснилось, что размеры его состояния составили около 250 млн лянв, что примерно составляло все военные затраты империи за 10 лет. Безудержная коррупция, в которой были повинны евнухи, стала одной из причин углубления династийного кризиса на протяжении XVI — начала XVII в.

Первые проявления недовольства сложившейся ситуацией среди чиновничества, добившегося своего положения в результате личных усилий, а не близости к императорскому гарему, имели место уже в конце XV в. Это нашло свое выражение в петиционной кампании, начатой прежде всего чиновниками палаты цензоров, обязанных по долгу службы проверять деятельность всех звеньев государственного аппарата. В их меморандумах доказывалась вина ряда евнухов в коррупции, содержалось требование устранить наиболее одиозные фигуры. В 1498 г. оппозиционерам удалось добиться свержения коррумпированной придворной клики. На первом этапе оппозиционного движения, в котором принимали видное участие ученые мужи из императорской академической палаты (Ханьлинь шуянь), преобладали разоблачения фактов коррупции и мздоимства.

В начале XVI в. это общественное движение постепенно перерастает в оппозицию реформаторов, призывающих к осуществле-

нию целого ряда преобразований, призванных оздоровить политическую жизнь империи. Следует подчеркнуть, что выдвигавшиеся предложения не выходили за рамки традиционных представлений о добродетельном правлении и, в сущности, были направлены на возрождение в первую очередь влияния чиновничества, обязанного своим общественным положением личным заслугам и добродетелям. В меморандуме на имя императора, поданном тремя видными сановниками в 1506 г., содержались требования повседневного участия императора в принятии государственных решений, критика за излишнее пристрастие его к развлечениям и роскошному образу жизни. Верховный правитель страны, как говорилось в этом документе, должен вести скромную жизнь, посвящать себя государственным трудам, глубоко изучать конфуцианские каноны, scrupulously соблюдать положенные ему церемонии.

В докладе содержался призыв провести чистку государственного аппарата, выдвигать на должности людей, известных своей образованностью и безупречными нравственными качествами. Разумеется, евнухи, достигшие своего высокого положения благодаря близости к императору, а не в результате блестящей сдачи государственных экзаменов, должны были быть отстранены от управления государством.

Экономические требования реформаторов также вполне укладывались в традиционные рамки представлений об условиях добродетельного правления. Они рекомендовали повысить внимание к земледелию — основе экономики империи, не допускать повышения налогового бремени, проявлять заботу о поддержании ирригационных систем, настаивали на экономии в государственных расходах, выступали против дорогостоящих проектов, строительства роскошных дворцов и т.д. В числе их требований были и смягчение государственных монополий, проведение преобразований в армии.

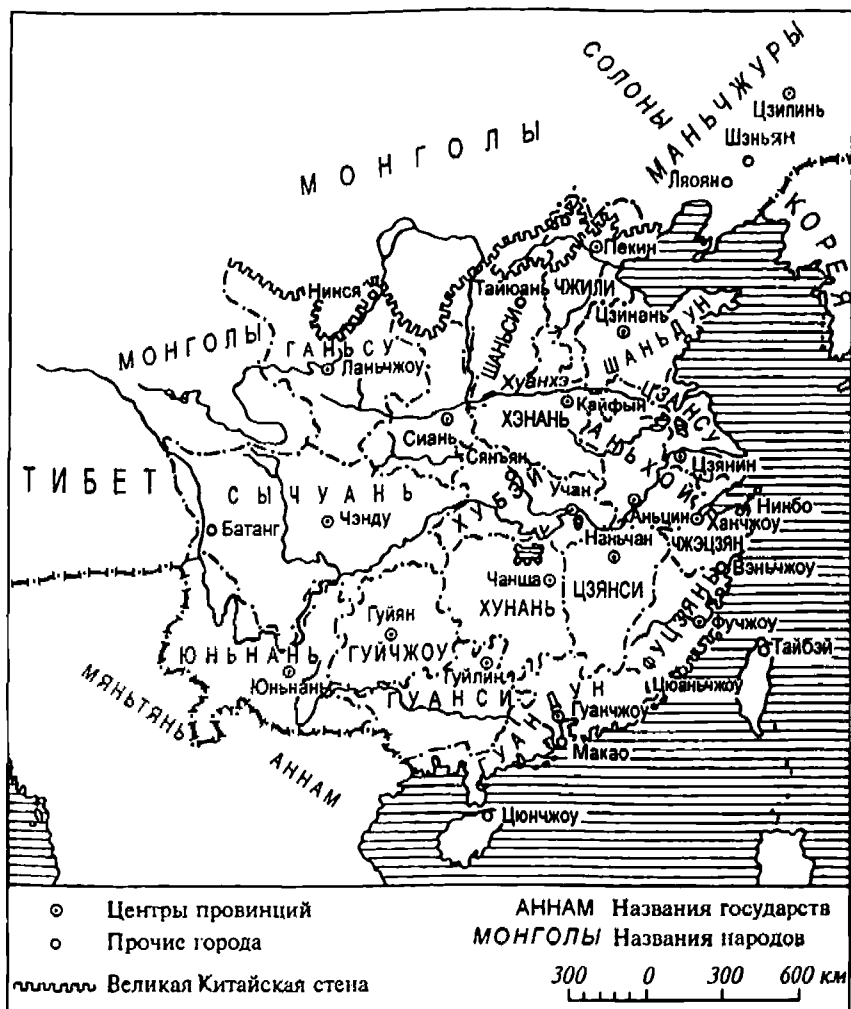
В 1508 г. на участников реформаторского движения обрушились тяжелые репрессии. Было арестовано 300 столичных чиновников. Несколько лет спустя аресты оппозиционеров возобновились, удар был нанесен по академии Ханьлинь, около 200 видных книжников и чиновников оказались в тюрьмах. Многих из них приговорили к смертной казни, ссылке, конфискации имущества. Те же, кому удалось сохранить жизнь, лишились ученых званий и чинов, превратившись в простолюдинов.

Однако в конце 70-х гг. XVI в. сторонникам реформ удалось прийти к власти, воспользовавшись благосклонным отношением к ним императора, обеспокоенного нарастанием общественного кризиса. Деятельность реформаторов возглавил видный представитель чиновничьего слоя и общественный деятель Чжан Цзюйчжэн. В

период его правления осуществлялись меры, направленные на преодоление явлений, связанных с приметами династийного кризиса. Правительство за счет средств, предназначенных для строительства новых роскошных дворцов, выделило ассигнования на ремонт и восстановление ирригационных сооружений, пострадавших в результате разливов на Хуанхэ. Были проведены в жизнь земельно-налоговые реформы, направленные на учет податного населения, преодоление тенденций концентрации земли в руках крупных собственников. В эти годы были проведены последняя самая крупная в истории традиционного Китая перепись населения и учет земли, а в налоговые реестры внесены необходимые изменения.

Еще одной важной мерой, имевшей противоречивые последствия, явились изменения, внесенные в систему сбора налогов. До этого ведущей формой поборов был натуральный налог, взимавшийся зерном (прежде всего рисом, в некоторых случаях пшеницей), а также тканями. Помимо этого в качестве части налога с населения собирались деньги звонкой монетой, а также ассигнованиями. Причем исходным считалось зерно, а объем остальных составляющих налога рассчитывался на основе рыночных цен на рис. Суть налоговой реформы, получившей название «единого кнута», состояла в объединении налогов и повинностей в единый налог, а также в коммутации налогов и повинностей, в основу чего было положено серебро. Реформы, проведенные в период правления Чжан Цзюйчжэна, продолжили комплекс мер, принимавшихся минскими правителями начиная с первой четверти XVI в. и получившими завершение лишь незадолго до падения династии. Однако в последней трети XVI в. на этом пути были достигнуты значительные успехи. Переход к новой системе налогообложения отражал сдвиги, связанные с дальнейшим развитием рыночных отношений, а также стремление государства упорядочить систему сбора налогов и увеличить поступления в казну, испытывавшую постоянный дефицит в наличных средствах.

Однако полностью заменить натуральный налог денежным не удалось, но такая цель и не ставилась. Там, где было удобнее продолжать собирать налог в натуральной форме, сохранилась прежняя система (главным образом в рисопроизводящих провинциях, обеспечивавших императорский двор и государственный аппарат зерном). В связи с тем что денежная часть налогов собиралась медными деньгами, а рассчитывалась на основе рыночного курса серебра, реальная величина налога была подвержена колебаниям, зависившим от рыночной конъюнктуры. С одной стороны, это создавало дополнительные возможности для злоупотреблений, с другой — подрывало прежнюю стабильность

Империя Мин в конце XVI в.

налоговой системы. В связи со втягиванием Китая в международную торговлю на протяжении XVI в., в условиях, когда империя имела положительное сальдо во внешней торговле, в китайскую экономику в значительных количествах поступало серебро, добывавшееся в испанских колониях в Латинской Америке. Однако на рубеже XVI–XVII вв. освоенные залежи драгоценного металла были использованы, рудники выработаны. В связи с этим приток серебра в Китай замедлился, и в этой ситуации произошло изменение рыночных соотношений цен на серебряные ляны и медную монету. Одним из результатов этого было реальное увеличение

массы налогоплательщиков, большую часть которых составляло самостоятельное крестьянство, а также увеличение суммы налоговых платежей. Это обстоятельство наряду с прочими, отмеченными выше, стало важной составляющей кризисных явлений, охвативших империю в первые десятилетия XVII в.

Реформы, проведенные в годы пребывания Чжан Цзюйчжэна на посту государственного канцлера, включали также меры по осуществлению регулярных проверок деятельности чиновничества. Император дал согласие на аудиенции сановникам и личное участие в делах государственного управления. Серьезные меры были приняты в этот период и к усилению войск, пограничной стражи, более тщательному подбору офицерских кадров.

После смерти Чжан Цзюйчжэна противники обвинили своего канцлера в государственных преступлениях, а члены его семьи были истреблены. В самом конце XVI в. борьбу за реформы возглавил опальный сановник и единомышленник Чжан Цзюйчжэна, видный общественный деятель Гу Сяньчэн. Он нашел опору в среде членов академии Дунлинь, расположенной в Уси. Программа, разработанная дунлинцами, в общих чертах совпадала с предложением более ранних реформаторов и была направлена на предотвращение династийного кризиса путем установления гармонических отношений между государством и обществом в результате сокращения налогового бремени и возвышения роли честных чиновников, радеющих о благе отчины. Важной частью их предложений явилось принятие мер по прекращению захватов земель самостоятельного крестьянства крупными землевладельцами.

В 1620 г. реформаторам удалось добиться прихода к власти молодого императора, согласившегося поддержать их планы. Однако враждебные придворные группировки организовали заговор. Правитель был отравлен, и власть вновь оказалась в руках придворной клики, в которой главную роль играли евнухи. Таким образом, те силы, которые стремились к предотвращению развития тенденций, способных привести к глубокому общественному кризису, чреватому падением правящего дома, проиграли, и это делало перспективу внутренней смуты почти неизбежной.

3. МИНСКИЙ КИТАЙ И ВНЕШНИЙ МИР

Первая половина правления минской династии была отмечена энергичной внешней политикой, свидетельствовавшей о том, что китайская держава стремится утвердить себя как истинный центр мировой цивилизации, не ограничиваясь той ее частью, которая традиционно была объектом китайской экспансии. Имен-

но в этот период окончательно сложилась и укрепилась внешне-политическая доктрина китайской империи, в рамках которой весь окружающий мир рассматривался как варварская периферия, с которой возможны лишь вассальные отношения.

Первоначально усилия правящей династии были сосредоточены на решении задачи полного изгнания из страны монгольских завоевателей. Борьба с монголами собственно на китайской территории и в районах, прилегающих к ней, продолжалась еще в течение 20 лет после утверждения на китайском престоле Чжу Юаньчжана. В первые десятилетия XVI в. Китай перешел к наступательным операциям против кочевников. Важную роль в обеспечении безопасности северо-западных границ империи сыграла победа полумиллионной китайской армии в сражении на р. Толе (1410). Успешные для китайских войск военные операции против кочевников продолжались и позднее, однако к середине XVI в. в результате усиления кочевых государств и ослабления империи, втягивавшейся постепенно в виток очередного династийного цикла, ситуация резко изменилась. Свидетельством тому была катастрофа 1449 г., когда китайская армия была разгромлена, а император попал в руки предводителя западных монголов-ойратов Эсена. Как отмечалось выше, в этот критический момент с большим трудом удалось отстоять столицу империи. С этого времени именно защита страны от экспансии с северо-запада, т.е. основное традиционное направление внешней политики, выходит на первый план.

В 70-е гг. XVI в. много беспокойства китайским войскам и администрации доставляли японские пираты, флот которых был разгромлен китайскими судами вблизи островов Рюкю. В результате военного конфликта в 80-е гг. XVI в. Корея признала свою зависимость от Китая.

В начале XV в. Срединная империя оказалась перед угрозой вторжения со стороны могущественной державы Тимура. Однако поход завоевателей был остановлен в связи со смертью Тимура в 1405 г. В это же время Китай предпринял вторжение во Вьетнам, воспользовавшись внутренней смутой в этом государстве и рассчитывая превратить его в новую провинцию империи. Однако в результате упорного сопротивления вьетнамцев минскому двору пришлось отказаться от своих планов и признать национальное правление во Вьетнаме в обмен на согласие установить с Китаем вассальные отношения (1431).

Несомненно, одним из наиболее любопытных феноменов внешней политики Китая в минский период были активные попытки расширения влияния в регионах, которые традиционно

не считались сферой интересов Китая. В период между 1405 и 1433 гг. было организовано семь экспедиций в страны Юго-Восточной и Южной Азии. Перед ними были поставлены широкие

Чжэн Хэ
(флотоводец и путешественник
времен династии Мин)

задачи: осуществление географических открытий, изучение дальних стран, установление политических контактов и возможное включение этих государств в сферу влияния китайской империи. Во главе флотилий был поставлен Чжэн Хэ, свнух, придерживавшийся исламского вероисповедания. С его именем связаны уникальные результаты, достигнутые во время этих плаваний. В чрезвычайно дорогостоящих экспедициях участвовали десятки судов, на бортах которых насчитывалось около 30 тыс. человек; среди них были моряки, солдаты, ученые. Непосредственным мотивом, приведшим к организации первой экспедиции, явилось стремление китайских властей найти возмож-

ных союзников в борьбе против Тамерлана, готовившего, как это было известно, широкомасштабное вторжение в Китай. Впоследствии к этому добавилось и стремление установить гегемонию Срединной империи в регионе Юго-Восточной Азии, наладить связи с китайскими общинами, к этому времени уже сложившимися здесь, расширить представления о сопредельных с Китаем государствах. В этом смысле наибольший интерес для китайских политиков и мореходов представляли Малайя, Суматра, Ява и Филиппины. Однако китайским кораблям удалось не только достигнуть берегов государств Юго-Восточной Азии, но и продвигнуться дальше на Запад, к берегам Индии, Цейлона, Персидского залива и даже доплыть до восточного побережья Африки.

Экспедиции под командованием Чжэн Хэ продемонстрировали способность китайской державы не только распространять свое влияние на сопредельные народы, имевшие сухопутные границы с империей, но и организовывать длительные морские экспедиции на огромные для той эпохи расстояния. Это также свидетельствовало о достигнутом уровне развития империи, ее эко-

номических ресурсах. Тем не менее в 40-е гг. XV в. минское правительство приходит к решению прекратить активную внешнеполитическую деятельность в регионах, находившихся вне сферы традиционного китайского влияния. Это было продиктовано двумя факторами: истощением ресурсов и возрождением опасности, исходившей от кочевых народов, угрожавших границам с северо-запада. Более того, прекращение активной внешней политики в южном направлении сопровождалось, по сути дела, закрытием страны. В 1446 г. из Китая были высланы послы дальних государств, а в 1552 г. было принято решение отозвать весь флот к китайским берегам и прекратить строительство крупнотоннажных судов.

На протяжении XVI в. имели место контакты с европейцами. До этого Китай развивал торговые отношения лишь с арабами и персами. Европейцы, первыми оказавшиеся у берегов Китая, были или торговцами или пиратами, а как правило, — и теми и другими одновременно. Первыми установили более или менее регулярные контакты с империей португальцы, прибывшие в Гуанчжоу в 1516 г. Им удалось наладить регулярную торговлю с Китаем и основать свои поселения в ряде приморских городов. Однако в середине XVI в. эти поселения были ликвидированы китайскими властями, и португальцам для ведения торговли был оставлен лишь небольшой порт у побережья недалеко от Гуанчжоу. Так образовалась португальская колония Макао (1557), и поныне остающаяся ее владением.

За португальцами последовали голландцы, занявшие в 1624 г. Тайвань, затем англичане, первая экспедиция которых подошла к берегам Китая в 1637 г. Помимо торговцев в Китай прибыли католические миссионеры, наиболее известный из которых Маттео Риччи (1552—1610). Он сделал много не только для распространения в Китае христианства, но и для распространения сведений о европейских государствах среди высших сановников империи. Маттео Риччи — один из немногих европейцев, допущенных ко двору, и остаток своей жизни он провел в Китае.

В самом конце XVI в. Китай столкнулся еще с одной опасностью, исходившей от Японии. Объединитель Японии Тоётоми Хидэёси строил честолюбивые планы завоевания соседних стран, а первым шагом в их осуществлении должны были стать Корея и Китай. В 1592 г. началось японское вторжение в Корею. 160-тысячная японская армия, не встретив сильного сопротивления, продвигалась к границе с Китаем, что заставило минское правительство принять меры по организации отпора японской интервенции. На следующий год началась война, закончившаяся поражением японских войск, которые подвергались атакам не

только китайской армии, но и корейских партизан и терпели поражения от действий корейского флота.

В 1597 г. после срыва китайско-японских переговоров японцы вновь начали вторжение в Корею, на этот раз собрав 100-тысячную армию. Китайские гарнизоны в Корее были разгромлены и вытеснены из страны. Возобновилась тяжелая и кровопролитная для обеих сторон война. Тем не менее в результате совместных действий китайской армии, корейских партизан, умелых операций корейского флота для японских войск создавалась весьма тяжелая ситуация. И если бы не смерть честолюбивого правителя Японии, война могла бы затянуться надолго.

Между тем в первые десятилетия XVII в. минская династия столкнулась с еще более серьезными проблемами: глубоким внутренним кризисом и угрозой, исходившей от маньчжуров — соседей Китая на севере.

Глава X

КИТАЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В XVII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

1. ПАДЕНИЕ ДИНАСТИИ МИН И ЗАВОЕВАНИЕ КИТАЯ МАНЬЧЖУРАМИ

В 30–40-е гг. XVII в. китайская держава находилась на завершающем этапе очередного династийного цикла. Как и в предшествующие эпохи, этот процесс сопровождался увеличением налогового бремени, сосредоточением земель в руках имущей части деревни, ростом торгово-ростовщической эксплуатации и коррупции чиновничества. Все это привело к одному из наиболее продолжительных и мощных в истории Китая народных восстаний — войне 1628–1644 гг.

После ряда побед и поражений в начале 40-х гг. восстание вступило в стадию нового подъема. В это время в лагере повстанцев существовали два центра — один на границе провинций Хубэй—Шэньси (традиционном районе антиправительственных движений), другой — в пров. Сычуань. В Хубэй—Шэньсийском районе инсургентов возглавил выходец из семьи земледельцев, в прошлом пастух и почтовый курьер Ли Цычэн (1606–1645), сычуанский центр находился под контролем бывшего воина правительственных войск Чжан Сяньчжуна (1606–1647).

Восставшие провели реорганизацию вооруженных сил на регулярной основе, попытались создать новые органы власти, построенные, впрочем, на традиционных для Китая принципах государственного управления. Основными требованиями восставших были свержение правящей минской династии, сокращение непосильного налогового бремени, ликвидация чиновников, известных жестокостью и лихоимством. Цель, которую преследовали вожди повстанческих отрядов, действовавших в районе Хубэй—Шэньси, состояла в захвате Пекина и основании новой династии. После того как в руки восставших перешел город Сиань, лидер Хубэй-Шэньсийского центра Ли Цычэн был провозглашен императором (1643), что в полной мере соответствовало традициям антиправительственной борьбы в Китае.

Весной 1644 г., не встречая сильного сопротивления со стороны правительственных войск, повстанческая армия быстро продвигалась к Пекину. Ослабленная внутренней войной, продолжавшейся более 15 лет, а также борьбой против маньчжуров,

постоянно предпринимавших опустошительные набеги на Китай, минская династия была не способна противостоять внутренней смуте. В апреле 1644 г. Пекин был захвачен отрядом Ли Цзычэна, а последний император минской династии покончил жизнь самоубийством.

Заняв столицу, победители стремились обеспечить порядок в городе и установить спокойствие. Торгово-ремесленным корпорациям горожан была обещана поддержка, из тюрем освобождались узники, коррумпированные минские чиновники привлекались к суду. Однако для содержания армии и государственного аппарата новым властям, так же как и их предшественникам, требовались значительные средства, получить которые можно было только за счет налогов. По этой причине правительство Ли Цзычэна объявило о восстановлении отмененных незадолго до этого минских налогов и повинностей. Этот непопулярный шаг ставил прочность положения повстанцев под угрозу. Между тем еще большую опасность для новой династии представляли войска маньчжуров, угрожавшие Китаю с севера.

Маньчжурские племена, являвшиеся потомками воинственных чжурчженей, некогда завоевавших Китай, обитали за северными границами китайской империи и в начале XVII в. переживали процесс политической консолидации. Особую роль в этом сыграл видный маньчжурский военачальник Нурхаци, сумевший в первые десятилетия XVII в. создать первое государство маньчжуров. Его сын и преемник хан Абахай провозгласил государство Цин (Чистое), став его первым правителем.

К этому времени маньчжуры восприняли многие элементы китайской культуры, в первую очередь некоторые важнейшие принципы государственного управления. Управление государством Цин было сосредоточено в шести ведомствах, подобных минским. Маньчжурские правители в своей завоевательной политике опирались на сильное войско, состоявшее главным образом из конницы, разделенной на восемь армий (знамен), в связи с чем оно получило название «восьмизнаменное». В ходе завоевательных походов против Китая, Монголии и Кореи в составе цинских войск были дополнительно созданы восемь армий, состоявших из монголов, а позднее — восемь армий из китайцев, желавших служить маньчжурским правителям. Общая численность маньчжурских вооруженных сил накануне решающего вторжения в Китай насчитывала около 200 тыс. человек.

В начале 40-х гг. XVII в. маньчжуры постоянно совершали опустошительные набеги на территорию Китая, уводя с собой тысячи пленных, которых обращали в рабов.

Весной 1644 г. минский генерал У Саньгуй, командовавший армиями, охранявшими подступы к Великой стене, неожиданно предложил маньчжурскому командованию, которое готовилось к очередному набегу на Китай, пропустить их конницу в китайские земли. Причины, толкнувшие У Саньгуя на этот шаг, не вполне ясны. Очевидно, он имел далеко идущие честолюбивые планы, рассчитывая использовать маньчжурскую конницу для разгрома повстанческого движения Ли Цзычэна с целью основать впоследствии собственную династию. Не исключено, что свою роль сыграли и мотивы личного характера. По сообщениям китайских источников, Ли Цзычэн пытался заручиться поддержкой У Саньгуя в будущей борьбе с маньчжурами. Последний также был готов к переговорам. Однако во время посещения дома семьи У Саньгуя Ли Цзычэн был пленен красотой его любимой наложницы, что не осталось незамеченным. Узнав об этом, генерал вместо переговоров с новым императором установил контакт с маньчжурами.

Сначала маньчжуры отвергли предложение У Саньгуя, но затем воспользовались предоставленной возможностью и без боя преодолели Великую стену, а армия У Саньгуя присоединилась к маньчжурам в наступлении на Пекин. Стремясь подчеркнуть твердость своего намерения сотрудничать с маньчжурами, У Саньгуй отдал своим воинам приказ изменить прическу на маньчжурский лад — обрить голову спереди, а длинные волосы, оставленные сзади на затылке, заплести в косу. На несколько столетий эта своеобразная прическа стала символом подчинения китайцев новой маньчжурской цинской власти.

Завоевание маньчжурами Китая, начавшееся при поддержке У Саньгуя весной 1644 г., продолжалось почти сорок лет и завершилось лишь в 1683 г. 27 мая 1644 г. в районе Шаньхайгуанского прохода в Великой стене состоялось сражение между войсками Ли Цзычэна и объединенными силами маньчжуров и У Саньгуя. Войско Ли Цзычэна под ударами маньчжурской конницы было вынуждено отступить, затем оставить Пекин и вернуться на запад к старым базам повстанческой борьбы. После вступления в Пекин маньчжуры провозгласили императором Китая одного из сыновей хана Абахая. С этого момента на протяжении 267 лет в Китае правила маньчжурская династия Цин (1644—1911).

Единый центр, способный объединить и возглавить сопротивление вторжению кочевников, так и не сложился. Отступавшие отряды Ли Цзычэна были неспособны оказать стойкое сопротивление преследовавшим их цинским армиям. Да и сам Ли Цзычэн не воспринимался как легитимный правитель Китая даже товарищами по антиправительственной борьбе. Второй, наиболее

авторитетный и влиятельный вождь повстанцев, Чжан Сяньчжун, контролировавший пров. Сычуань, вообще не принял участия в походе на Пекин. Весной 1645 г. после ожесточенных сражений на территории Северо-Западного Китая основные силы повстанцев Ли Цзычэна были разгромлены, а вскоре в одном из боев погиб и их предводитель. Лишь летом 1646 г., намереваясь дать маньчжурам решающее сражение, выступил Чжан Сяньчжун. Однако и его попытка остановить маньчжурское вторжение закончилось неудачей. В одном из боев зимой 1647 г. он был ранен, пленен, а затем и казнен.

После гибели наиболее влиятельных руководителей антиминских повстанцев их отряды не были рассеяны полностью. Завершив захват Северного Китая, маньчжуры столкнулись с упорным сопротивлением в провинциях Центрального и Южного Китая. Здесь в отражении маньчжурского вторжения приняли участие самые широкие слои городского и сельского населения. В китайской традиции особенно отмечаются трагические события, разыгравшиеся во время осады г. Янчжоу (весна 1645 г.), расположенного у Великого канала и имевшего важное стратегическое значение. Сопротивление горожан возглавил Ши Кэфа, военачальник, оставшийся верным поверженной минской династии. В течение десяти дней войска и горожане отбивали попытки маньчжуров взять город штурмом, наконец он пал и был отдан победителям на разграбление. По свидетельству современников, при этом погибло около 800 тыс. человек.

Сравняв с землей Янчжоу, цинские войска вышли на подступы к Нанкину — второму после Пекина политическому центру Китая. Военачальники, возглавившие оборону Нанкина, опасаясь расправы, предпочли сдаться, несмотря на наличие в городе многочисленных военных сил и готовность горожан сражаться. Нанкин был взят без боя.

Продвижению маньчжуров на юг способствовало отсутствие единства среди военных и политических сил, стремившихся к изгнанию захватчиков. Эти антиманьчжурские силы включали уцелевшие повстанческие отряды, отдельные минские армии, вставшие на путь сопротивления, вооруженные отряды, создававшиеся горожанами Центрального и Южного Китая. Попытки достичь организационного объединения патриотических сил были безуспешными. Из-за политических противоречий и амбиций руководителей «Армия тринадцати соединений», созданная на основе объединения различных политических сил, стремившихся участвовать в борьбе с маньчжурами, фактически распалась в 1647 г. после ряда поражений.

Так завершился первый период маньчжурского вторжения в Китай. На протяжении 1644—1647 гг. цинским армиям удалось подавить сопротивление в Северном и Центральном Китае, а также в основных районах Южного Китая. Однако патриотическая борьба все еще продолжалась. В 1648 г. в большинстве провинций вновь вспыхнули вооруженные восстания. Их подавление продолжалось в течение двух лет, до 1650 г., и это можно считать вторым этапом маньчжурского завоевания Китая.

Между тем и после восстановления во многих ключевых районах Китая контроля династии Цин в некоторых провинциях сохранились очаги сопротивления. В Хунани, Гуйчжоу, Гуанси продолжали сражаться остатки антиминских повстанческих отрядов, командование над которыми принял Ли Динго, один из сподвижников Чжан Сяньчжуна. Против Ли Динго маньчжурами были направлены армии У Саньгуя, которому удалось вытеснить повстанцев в пограничную с Индокитаем провинцию Юньнань. Вплоть до 1662 г. Ли Динго упорно сопротивлялся, но и его ждало поражение и гибель.

Сильное сопротивление, принявшее формы партизанской войны, развернулось в Юго-Восточном Китае, где главную роль в его организации играли представители патриотически настроенных городских слоев. Наиболее известным было имя Чжэн Чэнгуна, выходца из состоятельной купеческой семьи, занимавшейся прибрежной торговлей. Он имел в своем распоряжении сильный флот, ему оказывали поддержку отряды, действовавшие в тылу цинских войск. На протяжении 1650-х гг. корабли Чжэн Чэнгуна поднимались далеко вверх по течению Янцзы, угрожая даже Нанкину. Маньчжурские армии неоднократно терпели поражения от войск Чжэн Чэнгуна. Основным районом его влияния были прибрежные провинции, главным образом Фуцзянь и крупный портовый город Сямэнь (Амой).

Для подавления сопротивления Чжэн Чэнгуна на океанском побережье маньчжуры создали значительный флот, отселив жителей побережья в глубь материка. В этой ситуации Чжэн Чэнгун был вынужден покинуть китайский берег и перенести свои базы на Тайвань, находившийся в это время в руках голландцев. В начале 1662 г. ему удалось изгнать их с острова и основать там государство, ставшее с этого времени последним оплотом антиманьчжурской борьбы в Китае. Разгром армий Ли Динго, вытеснение Чжэн Чэнгуна на Тайвань принято считать завершением третьего этапа маньчжурского завоевания Китая, когда на материке были окончательно подавлены очаги сопротивления (1650—1662).

Последней попыткой возобновить вооруженную антиманьчжурскую борьбу на континенте стало восстание, поднятое

китайскими военачальниками, оказавшими в свое время помощь маньчжурам в завоевании Китая. Это возглавил У Саньгуй, решивший осуществить свои планы создания собственного государства в южных районах Китая, где дислоцировались его армии, принимавшие участие в подавлении движения Ли Динго. На столь решительный шаг У Саньгуя толкнуло решение цинских властей о роспуске армий наместников южных провинций. Продолжавшаяся несколько лет война завершилась в 1681 г. оккупацией маньчжурами Юньнани. У Саньгуй скончался еще до окончательного поражения, став в Китае символом национального предательства.

С этого времени последним центром патриотической борьбы оставался Тайвань. Государство, созданное Чжэн Чэнгуном, было сильным в военно-политическом и экономическом отношениях. При династии Чжэнов осуществлялись меры, направленные на подъем экономики, поощрялись освоение новых земель, развитие рыболовства, различных промыслов. После подавления маньчжурами всех очагов сопротивления на континенте правители Тайваня сочли дальнейшую борьбу против династии Цин бесперспективной и признали власть маньчжуров. В 1683 г. на остров высадились правительственные войска. Так завершился последний, четвертый, этап подчинения Китая (1662—1683).

Маньчжурское завоевание было последним, но далеко не первым поражением могущественной китайской империи в борьбе с кочевниками. Причины поражения во многом были вполне традиционными: ослабление государства, связанное с завершающим витком династийного цикла; многолетняя внутренняя смута, подточившая политические основы державы. Определенную роль, несомненно, сыграло и то, что патриотические силы не смогли добиться единения в борьбе против кочевников, более того, часть китайской элиты выступила на стороне завоевателей.

Нельзя не отметить также и гибкость политики, проводившейся маньчжурским правительством. После того как первые попытки провести конфискацию земли в Северном Китае в пользу воинов «восьмизнаменных» войск были встречены китайским населением враждебно, маньчжуры прекратили широкое вмешательство в земельные отношения. Было принято решение о поощрении обработки целинных и незанятых земель; цинский двор объявил об отмене наиболее обременительных налогов и повинностей, введенных минским правительством, а также при Ли Цзычэне. Эти меры несколько сгладили противоречия между маньчжурской династией и населением завоеванной страны. Следует отметить также, что в Северном Китае вообще более спокойно восприняли факт подчинения завоевателям с севера, поскольку Северный

Китай в предшествующие эпохи неоднократно становился объектом подобных завоеваний. Население же Южного Китая в меньшей мере было готово мириться с воцарением некитайской династии. Именно южные провинции Китая впоследствии стали истинным центром антиманьчжурской борьбы.

Маньчжурское нашествие стоило огромных жертв Китаю. По свидетельству китайских источников, численность населения страны сократилась на несколько десятков миллионов человек. некогда процветавшие города лежали в руинах, плодородные земли были заброшены. Маньчжурское владычество в Китае сопровождалось тяжелым национальным гнетом.

2. ЦИНСКАЯ ДЕРЖАВА В ПЕРИОД РАСЦВЕТА (КОНЕЦ XVII—XVIII вв.)

Конец XVII—XVIII вв. стали периодом постепенного возрождения Китая, понесшего тяжелые потери в годы внутренних смут и маньчжурского нашествия. В сельскохозяйственный оборот вновь вводились заброшенные земли, осваивались пустоши, возрождались традиционные сельские промыслы. Во многом это явилось результатом того, что маньчжурское правительство, учтя уроки народных восстаний, установило сравнительно умеренные нормы налоговых изъятий. Наиболее важное значение в этом смысле имели налоговые реформы первой четверти XVIII в. Императорским указом 1713 г. ставки поземельного налога были объявлены неизменными, что означало ограничение налоговых платежей. Наряду с этим предусматривалось слияние поземельного и подушного налогов на основе первого. Таким образом, в сущности, лишь землевладельцы имели налоговые и повинностные обязательства по отношению к казне.

Изменения, внесенные в налоговую систему Китая, были нацелены на сокращение налогового бремени и отвечали интересам всего сельского населения. Как полагают некоторые исследователи, именно реформа налогообложения стала одним из наиболее важных факторов, приведших к бурному росту населения в Китае в XVIII в. Дело в том, что подушное обложение играло роль своеобразного регулятора демографических процессов. После ликвидации подушного налога выполнение обязательств перед казной перестало занимать умы тех, кто находился на нижних ступенях социальной лестницы, в то время как некоторые традиционные стереотипы, и прежде всего стремление иметь многочисленное потомство, сохраняли свое действие.

Однако это была лишь одна из причин быстрого роста народонаселения. К этому необходимо добавить также стабильность

экономического и политического положения, что было результатом вполне осознанных действий цинского правительства, стремившегося обрести прочные основания для своей власти в завоеванном Китае. Определенную роль сыграло и распространение таких сельскохозяйственных культур, как арахис и сладкий картофель. Это сделало возможным продолжение процесса миграции в южные провинции Китая, где переселенцы занимали земли хотя и неудобные для интенсивного поливного рисоводства, однако вполне пригодные для выращивания арахиса и батата.

Результатом всех этих процессов был демографический взрыв, пожалуй, не имеющий аналогов в истории традиционных обществ. Если в конце XVII в. численность населения Китая вряд ли превышала 100 млн человек, то к концу XVIII в. оно достигло цифры 300 млн, а в середине XIX в. составило более 400 млн человек. Это имело далеко идущие экономические и социальные последствия, действие которых испытало на себе и китайское общество в XX в. Важнейшее из них — прогрессирующее увеличение «давления» населения на землю, что именно с цинской эпохи приобретает характер аграрного перенаселения. В конце XVI в. в Китае на душу населения приходилось примерно 8 му земли, в середине же XIX в. — менее 3 му. Одновременно происходило сокращение производства зерна на душу населения. По сравнению с сунским Китаем в конце XIX в. оно было почти вдвое ниже.

Отмеченные явления сопровождались продолжением роста трудоинтенсивности сельского хозяйства в стране. Это привело к тому, что традиционные технологии, принятые в китайском типе орошаемого рисоводческого хозяйства, были в десятки раз более трудоинтенсивными, чем в условиях европейских аграрных технологий. Одним из результатов этого в свою очередь стала технологическая стагнация, более того, переход к примитивным орудиям труда в сельскохозяйственном производстве. Так, в цинский период широкое распространение получил плуг, изобретенный еще в период Мин, в основе конструкции которого лежало использование тягловой силы человека. В сущности, это было орудие, конструктивно близкое к сохе, которое изготавливалось либо лишь с одной металлической частью — лемехом, или же целиком было сделано из дерева. Таким образом, экономический подъем в XVIII в. явился следствием иных процессов, отличных от тех, которые характеризовали экономические сдвиги в европейских государствах в аналогичную эпоху.

Уже в конце XVII в. в связи с возрождением городской жизни в Китае между городами восстанавливаются ранее прерванные торговые связи. В XVIII в. отмечается подъем как казенного, так и частного ремесленного производства. Весьма широкое распрост-

ранение в этот период получает изготовление хлопковых и шелковых тканей, которые производятся не только для внутреннего потребления, но и на экспорт. Приморские провинции стали главными центрами ткацкого производства. Лишь в районе Шанхая в хлопчатобумажном производстве были заняты около 200 тыс. ткачей. В этих же провинциях изготовлялся знаменитый фарфор, отличавшийся чрезвычайно высоким качеством и получивший широкую известность за пределами китайской державы. В Цзиньдэжэне, ставшем крупнейшим центром фарфорового производства, в этой отрасли трудилось несколько сотен тысяч человек.

Юньнань — крупнейший центр горной промышленности, который обеспечивал работой сотни тысяч рудничных мастеров. В Гуандуне находились развитые центры металлообработки. На протяжении XVIII в. значительное развитие получили такие отрасли ремесленного производства, как добыча соли, изготовление бумаги, сахара, совершенствовались также художественные промыслы. На протяжении этого столетия продолжался и рост мануфактурного производства, однако господствовали его начальные формы, а сами предприятия этого типа, несмотря на значительные масштабы их производства, терялись в общей массе чисто ремесленных заведений.

Значительного объема в XVIII в. достигла торговля. В ее организации преобладали местные рынки, формировавшиеся рыночные округа (несколько мелких сельских поселений, тяготевших к более крупному, в котором находился рынок). В зависимости от интенсивности коммерческих связей местные рынки функционировали с различной периодичностью — от постоянно действовавших, до собирающихся раз в одну-две недели. Развивалась торговля и в пределах городской округи. В цинском Китае существовали также обширные межрегиональные связи.

В это же время получает распространение каботажное плавание, что является свидетельством расширения торговых связей в приморских провинциях страны. Осуществляется обмен товарами между крупнейшими регионами Китая. Север снабжает Юг некоторыми видами продовольствия и сельскохозяйственным сырьем, южные провинции поставляют изделия городского ремесла и крестьянских промыслов, а также продовольствие, в первую очередь рис, который доставляется на Север по Великому каналу. И все же, несмотря на очевидные приметы экономического подъема, коренного сдвига в общественных связях в цинский период не произошло, в стране продолжали господствовать местные рынки, а единого национального рынка еще не было даже в XIX в.

XVII—XVIII вв. были не только временем экономического расцвета, но и периодом дальнейшего развития культуры. И хотя это

время не отмечено выдающимися свершениями в области общественной мысли и культуре в целом, оно оставило имена глубоких и оригинальных мыслителей. Наибольшую известность приобрели Гу Яньу (1613–1682), Ван Фучжи (1619–1692) и Хуан Цзунси (1610–1695). Это были широкообразованные люди, проявлявшие глубокий интерес к различным отраслям традиционной китайской учености. Искренние патриоты Китая, они принимали участие в антиманьчжурской борьбе и до конца жизни оставались противниками маньчжурского владычества.

Пытаясь отыскать пути к совершенствованию современного ему общества, Гу Яньу в соответствии с китайской традицией призывал к переоценке конфуцианства с позиции древности, очищению его от позднейших наслоений. Ван Фучжи, напротив, подчеркивал важность исторических уроков позднейших эпох. Он составил яркий политический трактат, в котором осуждал деспотический характер государственной власти, призывал предоставить местной ученой элите больше прав в решении государственных вопро-

сов. Ван Фучжи был эрудированным и авторитетным историком философии. Его имя и труды пользовались популярностью среди оппозиционно настроенной китайской образованной элиты конца XIX в., выступавшей за проведение преобразований в цинском обществе. Хуан Цзунси в большей мере волновали проблемы социального характера. Он выступал за государственную политику облегчения положения неимущих путем наделения землей всех нуждающихся в ней. Его перу принадлежали также фундаментальные труды по истории философии в эпоху Сун и Юань.

Политика цинской династии в отношении культуры была отмечена рядом противоречивых черт. Вместе с тем было бы яв-

Канси
(император династии Цин)

ным преувеличением полагать, что маньчжуры не сделали ничего положительного для продолжения китайской культурной традиции. Напротив, цинские правители восприняли эту традицию

наряду с китайским литературным языком, стремясь сохранить и упрочить ее. В период правления императора Канси (1662—1723) были предприняты усилия по составлению энциклопедий и словарей, причем именно к годам правления этого императора относятся наиболее ценные и фундаментальные публикации такого рода. В это время были собраны и изданы многие литературные памятники предшествующих эпох, в частности опубликован сборник более двух тысяч поэтов танской эпохи, включавший около 50 тыс. стихотворений.

В период правления императора Цяньлуна (1736—1796) работы по отысканию и публикации литературных памятников продолжались. Благодаря выпущенному в свет «Полному собранию произведений по четырем разделам литературы», работа над которым затянулась на 12 лет, многие значительные произведения китайской литературы были возвращены из небытия и вновь обрели широкую известность.

Вместе с тем власти придирчиво следили за работой литераторов, безжалостно пресекая любые попытки выступить с критикой цинских порядков. Особенно сурово карались авторы, стремившиеся с патриотических позиций осветить историю завоевания Китая маньчжурами. Гонениям подвергались не только современники, отважившиеся на это, но и произведения авторов прошлого, если в них воспевалась освободительная борьба против завоевателей или выставлялись в невыгодном свете «невеселые варвары». Особенно большой урон китайской литературе был нанесен правительственной цензурой в годы «литературной инквизиции» (70-е гг. XVII в.), когда были публично сожжены или запрещены и вследствие этого утрачены тысячи экземпляров ценных изданий.

После подчинения Китая маньчжурский двор приступил к проведению завоеваний, направленных против соседних с Китаем народов. Цель этой политики состояла в упрочении положения новой династии, утвердившейся на китайском престоле силой. Еще одним важнейшим мотивом (видимо, наиболее существенным) было желание ликвидировать вековую опасность, угрожавшую китайской земледельческой цивилизации со стороны кочевой периферии. Эту опасность маньчжуры, в недавнем прошлом сами кочевники, осознавали вполне отчетливо.

Еще в период борьбы за захват Китая маньчжурское влияние распространилось на Корею и Восточную Монголию. После присоединения Тайваня основным направлением экспансии становятся западные земли, издавна населенные кочевыми народами, исконными соседями Китая. Здесь китайской державе противостояли государственные образования, сложившиеся в Северной

Империя Цин в середине XVIII в.

Монголии (в Халхе), Джунгарии, населенной ойратами (племена, родственные монголам), а также восточно-туркестанское государство Кашгария, где проживали тюркоязычные уйгуры.

В 1691 г. борьба за подчинение Халхи завершилась включением ее в состав цинской державы. Напряженными были отношения империи Цин с Джунгарией, являвшейся могущественным в военном отношении государством. Переговоры о мире между Китаем и правительством ханства перемежались военными походами, которые вплоть до середины XVIII в. не принесли окончательного успеха цинской стороне. Как нельзя более кстати, с точки зрения дипломатии империи, была начавшаяся в это время ожесточенная борьба за джунгарский престол. Один из ее участников, хан Амурсана, обратился к Китаю с просьбой о помощи. Цинские власти, ожидавшие повода для покорения Джунгарии, направили туда крупные военные силы, которым удалось установить контроль над ханством. Поняв, что обращение к Китаю привело к утрате страной независимости, в 1755 г. Амурсана поднял восстание, продолжавшееся около двух лет и завершившееся победой цинского оружия. Подавление восстания сопровождалось крайней жестокостью. В результате военных действий, эпидемий, бегства населения его численность сократилась едва ли не вдвое.

Вдохновленные этими победами, в 1757 г. цинские войска приступили к захвату соседней Кашгарии. Ее упорное сопротивление было преодолено, и в 1759 г. Кашгария и Джунгария вошли в состав империи в качестве провинции, получившей название Синьцзян (Новая граница). Наряду с захватом Монголии это явилось крупнейшим территориальным приобретением цинского Китая. Таким образом, была решена вековая геополитическая задача, которая стояла перед китайским правительством со времени зарождения китайской государственности, — включение кочевой периферии в состав империи ликвидировало опасность вторжения кочевников. Вместе с тем для народов Восточного Туркестана это означало утрату национальной государственности.

Экспансия китайской державы была направлена также на юго-запад. Здесь внимание правителей Китая, как и в предшествующие эпохи, привлекал Тибет. В 1720 г. цинские войска заняли восточную часть Тибета и вскоре распространили свой контроль на всю страну. Опираясь на полуторатысячный гарнизон, размещенный в Лхасе, китайские власти внимательно следили за нежелательными, с точки зрения китайской дипломатии, изменениями политической ситуации в Тибете. При этом китайские наместники не останавливались перед устранением неудобных им правителей страны. В 1750 г. ими было организовано убийство правителя Тибета, стремившегося избавиться от маньчжурского владычества.

Отныне все наиболее важные государственные решения здесь должны были приниматься только с согласия цинского двора. К концу XVIII в. представители китайского правительства в Лхасе контролировали финансы, принимали участие в назначении и смещении важнейших сановников и чиновников. Внешняя политика Тибета также находилась в руках цинского двора. Фактически это означало ликвидацию тибетской государственности.

Гораздо менее успешными были попытки цинского Китая подчинить страны Индокитая. Поход 1768 г., предпринятый против Бирмы, куда была послана сорокатысячная армия, закончился поражением и отступлением в пределы китайских границ. Поражение оказалось настолько серьезным, что маньчжурский главнокомандующий покончил жизнь самоубийством. В том же году для захвата бирманской столицы снова была отправлена армия, еще более многочисленная (60 тыс. человек). Эта попытка также закончилась неудачей. По договору, заключенному между двумя сторонами, Китай должен был отвести свои войска с территории Бирмы, а войска — расплавить все артиллерийские орудия до пересечения китайской границы. Однако впоследствии, стремясь сохранить традиционные торговые связи между двумя государствами, высоко ценимые в Бирме, правительство этой страны пошло на возобновление дипломатических связей с Китаем и даже признало его сюзеренитет. Однако это не повлекло за собой возвращения войск или установления китайской администрации.

В конце 80-х гг. XVIII в. Китай предпринял попытку подчинить себе Вьетнам, ослабленный в это время мощным народным восстанием. Воспользовавшись просьбой вьетнамского государя о помощи в борьбе с восставшими, цинские власти направили во Вьетнам многочисленные войска. В 1788 г. они восстановили на престоле вьетнамского правителя и установили контроль над столицей. Однако пребывание китайских войск во Вьетнаме продолжалось не слишком долго. Уже в 1789 г. они потерпели поражение от повстанческих отрядов. Понимая, что вести длительную войну с китайской державой весьма сложно, предводители восставших пошли на переговоры с китайской стороной. Несколько позднее Вьетнам признал сюзеренитет Китая. Но зависимость Вьетнама от Китая, как и Бирмы, была формальной и ограничивалась посылкой в Пекин подарков для китайского императора, что было условием сохранения торговых контактов.

В результате осуществления завосвательной политики, войн, которые Китай почти непрерывно вел на протяжении XVIII в., пределы китайской державы значительно расширились за счет земель до этого независимых государств. Некоторые из пограничных стран были включены в сферу политического влияния Ки-

тая, что сопровождалось признанием его сюзеренитета. Это имело своим итогом формирование в Восточной и Центральной Азии нового геополитического пространства, находившегося под контролем цинской державы, а также закрепление в сознании маньчжурских правителей традиционных представлений о Китае как центре Вселенной (все прочие государства рассматривались как варварские, обреченные на признание гегемонии китайской империи). Это оказало решающее влияние на действия китайской дипломатии в новую эпоху, открытую началом активных контактов между капиталистическим Западом и традиционным Китаем.

В XVII в. китайская держава впервые приходит в соприкосновение с Российским государством. Это было следствием активного продвижения русских поселенцев все дальше на восток к Тихоокеанскому побережью. Большое значение имели экспедиции В. Пояркова, Е. Хабарова, организованные в середине XVII в. Они положили начало освоению обширного и богатого края в Прибайкалье и бассейне Амура. Именно в это время были построены русские укрепленные поселения в этом районе: Иркутск, Нерчинск и расположенный ближе всего к востоку Албазин, ставший вскоре центром особого воеводства.

Русское проникновение в земли, сопредельные с границами Китая, было встречено его правителями настороженно. Они опасались установления власти нового соседа к северу от Маньчжурии, которую рассматривали в качестве укрытия в случае изгнания из Китая. В связи с этим отношение маньчжуров к территориям, примыкавшим к бассейну Амура, было вполне определенным: они стремились оградить их военной силой от внешнего проникновения, не проявляя при этом стремления к хозяйственному освоению этих территорий.

Столкнувшись с вооруженным сопротивлением, российское правительство пыталось решить возникшие проблемы мирным путем. В Пекин было отправлено несколько посольств: Ф. Байкова, И. Перфильева, Н. Спафария. Однако это не привело к установлению дипломатических отношений между двумя странами. Причина заключалась в стремлении цинской стороны строить отношения с Россией на основе традиционных для китайской дипломатии принципов, важнейшим из которых было признание соседними государствами сюзеренитета Китая. От русских послов требовали признания едва ли не вассальной зависимости России, обуславливавшей выполнение русскими посланцами соответствующих ритуалов. Например, Спафарию, получившему европейское образование, принявшему подарки стоя, объявили, что отношения между двумя странами будут зависеть от выполнения

русскими послами обряда, предусматривавшего земные поклоны перед троним императора. Китайская сторона выдвинула также требование ликвидировать все русские поселения в бассейне Амура.

Отказ русских послов выполнить унижительные, с их точки зрения, для России церемонии и явился основным предлогом, выдвигавшимся цинской стороной для отказа от установления дипломатических отношений. Условия, выдвинутые цинской стороной, противоречили международному дипломатическому этикету, принятому в отношениях России со странами Западной Европы, и были отвергнуты российскими дипломатами. Ими также не было принято требование ликвидации поселений в бассейне Амура, поскольку земли, о которых шла речь, никогда реально не принадлежали Китаю, не имевшему в этих районах ни стабильного китайского населения, ни правительственной администрации.

Не добившись от России обязательства положить конец переселенческому движению в районы Дальнего Востока, маньчжурские власти решили прибегнуть к военному давлению. Наступление на земли, к этому времени уже вполне освоенные русскими поселенцами, они начали почти сразу же за присоединением к Китаю последнего оплота антиманьчжурского сопротивления — Тайваня.

Уже в 1684 г. цинские войска попытались овладеть албазинским острогом. В 1685 г. он был окружен десяти тысячным маньчжурским войском, в распоряжении которого насчитывалось около 200 артиллерийских орудий. С русской стороны им противостояли 450 человек, способных держать оружие и имевших, по сообщению русских источников, лишь три пушки и четыре ядра. После того как китайские войска подожгли острог, албазинцы капитулировали. Условия сдачи были почетными — уцелевшие защитники вышли из крепости в полном порядке, сохранив оружие. Осенью того же года по приказанию нерчинского начальства поселенцы вернулись в район Албазина, собрали урожай и восстановили острог, окружив его более мощными укреплениями. Весной следующего года маньчжурские войска возобновили осаду крепости, используя десятки судов и сотни пушек. Несмотря на тяжелые потери, защитники крепости оказывали упорное сопротивление цинским войскам, имевшим превосходство в численности и вооружении.

Русская сторона, не обладая достаточными ресурсами для затяжной войны с Китаем, приняла решение пойти на переговоры. Переговоры начались летом 1689 г. в районе Нерчинска. Представители маньчжурского двора пытались повлиять на их ход, угрожая применить военную силу. Переговоры протекали в неблаго-

приятной для российской дипломатии обстановке: гарнизон Нерчинска насчитывал всего несколько сотен человек, цинское же командование располагало почти десяти тысячным войском, десятками судов и сотнями пушек.

В этих условиях 27 августа 1689 г. был заключен первый русско-китайский договор, получивший название Нерчинского. Согласно этому договору, граница между Россией и Китаем была определена только по верхнему течению Амура. Российская дипломатия была вынуждена принять требование о выводе поселенцев и военных отрядов с левобережья Амура, но ввиду разночтений в текстах документов юридически разграничение не было однозначно закреплено. Для России Нерчинский договор, заложивший основы межгосударственных отношений между двумя странами, означал потерю обширных территорий, освоенных и заселенных русскими подданными в течение нескольких десятков лет. По договору Россия отказалась от Албазина, но и цинские представители дали заверения, что Китай не будет создавать укрепления на утраченных Россией землях.

После заключения Нерчинского договора Россия проводила дружественную политику по отношению к Китаю, стремилась к развитию и упрочению отношений. В 1728 г. был подписан Кяхтинский договор. В нем устанавливались границы между Россией и землями, населенными монголами, подтверждалось, что территориальное разграничение между двумя странами на Дальнем Востоке не завершено и станет предметом последующих переговоров. В договоре определялись принципы торговых отношений между двумя странами, статус духовной миссии в Пекине. Созданная еще в 1715 г. для удовлетворения религиозных нужд увезенных в Пекин пленных албазинцев эта миссия играла роль первого дипломатического и торгового представительства России в Китае и стала важным центром научного изучения Китая.

После заключения этих соглашений на протяжении XVIII — первой половины XIX в. характер отношений между двумя странами и граница между ними не претерпели существенных изменений. Русско-китайские торговые связи продолжали расширяться, однако цинские власти оттягивали решение вопроса об окончательном территориальном разграничении на Дальнем Востоке и выдвигали требования, свидетельствовавшие о стремлении строить отношения с Россией как с государством, зависимым от Китая.

Начиная с XVI в. европейцы устанавливают регулярные контакты с Китаем. В этом первенствовали португальские купцы, внимание которых привлекла коса на одном из южнокитайских островов, на побережье провинции Гуандун. В 1537 г. они получили

разрешение китайских властей на строительство здесь складов для хранения товаров. Это положило начало колониальному владению Макао (Аомэнь) — по имени местечка, где были заложены первые сооружения фактории.

Португальский форпост находился под пристальным контролем китайских властей, а сами португальцы полностью подчинялись цинским чиновникам и не обладали какими-либо исключительными правами. Около столетия Макао сохранял значение важнейшего пункта иностранной торговли в Китае и лишь со второй половины XVII в. в результате проникновения в страну голландцев и англичан утратил его.

На протяжении первых десятилетий XVII в. попытки установить дипломатические и торговые отношения с Китаем были предприняты и голландской Ост-Индской компанией. В первой половине XVII в. голландцы обосновались на Тайване. Это было время внутренней смуты и войны в Китае, и императорские власти не препятствовали голландцам.

Тайваньцы, вынужденные платить тяжелые налоги, сопротивлялись правлению чужеземцев, которым пришлось подавить несколько антиголландских выступлений. В 60-е гг. XVII в. голландцы были изгнаны с Тайваня Чжэн Чэнгуном. Таким образом они потеряли базу, весьма удобную для военного и экономического проникновения в Китай. Тем не менее именно голландские купцы во второй половине XVII в. имели наилучшие отношения с китайской империей по сравнению с другими европейцами. Цинские императоры благоволили к ним, поскольку именно голландцы оказали маньчжурам весьма существенную помощь в покорении Китая, предоставив в их распоряжение военных специалистов, в первую очередь артиллеристов. Голландцы были также единственными из европейцев, кто согласился соблюдать правила этикета, принятые при цинском дворе.

Однако использовать в полной мере возможности экономических связей с Китаем голландцы не смогли, поскольку в XVIII в. в мировой торговле их серьезно потеснили англичане. В конце XVII в. в пригороде Гуанчжоу англичане основали одну из первых факторий в континентальном Китае, ставшую в первые десятилетия XIX в. основным пунктом распространения английских товаров. Недовольство коммерческих кругов Запада вызвало то, что с середины XVIII в. огромный китайский рынок был закрыт для европейских коммерсантов. В 1757 г. цинский двор, стремясь оградить страну от иностранного проникновения, поставил под запрет всю торговлю вдоль китайского побережья, за исключением района Гуанчжоу. В этой ситуации правящие круги Англии

и других европейских держав склонялись к принятию решительных шагов для открытия китайского рынка. К этому правительства европейских стран подталкивали требования, выдвигавшиеся предпринимательскими кругами, заинтересованными в превращении Китая в рынок для сбыта продукции европейской капиталистической промышленности. Был и еще один важный мотив, лежавший, в частности, в основе английской политики. К началу XIX в. Англия имела весьма значительный дефицит в торговле с Китаем, что побуждало ее особенно энергично настаивать на допущении английских товаров на китайский рынок.

Период экономического расцвета и сравнительной стабильности в социальных отношениях китайского общества продолжался до последней четверти XVIII в. С этого времени становятся очевидными приметы кризиса империи и нарастания социальной напряженности в обществе. Во многом эти явления были результатом завоеваний, осуществлявшихся маньчжурами на всем протяжении XVIII в. Военные походы, охрана новых границ, подавление восстаний покоренного населения — все это требовало огромных затрат. Подчинение одной лишь Центральной Азии обошлось империи в сумму, равную всем доходам государства за два года, а средства, необходимые для охраны границ, ежегодно составляли до трети всех налоговых поступлений в казну. Разумеется, мобилизовать эти ресурсы можно было лишь за счет увеличения общего налогового бремени. Поскольку поземельный налог должен был оставаться стабильным, это достигалось путем роста дополнительных сборов. Усиление государственной эксплуатации сопровождалось ужесточением рентных притязаний землевладельческой части деревни, стремившейся разделить бремя государственных налогов с арендаторами.

Признаки династийного кризиса, переживаемого цинской державой, проявились и в разложении государственного аппарата, в распространении коррупции, охватившей значительные слои чиновничества. Так, например, Хэ Шэнь — фаворит императора Цяньлуна (1736-1796), в течение 20 лет один из наиболее приближенных к императору сановников, сосредоточил в своих руках ряд важнейших государственных постов. С приходом к власти нового императора Хэ Шэнь был обвинен в казнокрадстве и других злоупотреблениях и приговорен к смертной казни. Принадлежавшее ему имущество, конфискованное и возвращенное в казну, превосходило ценности императорского двора, а общая его стоимость равнялась государственным доходам за восемь лет. Таким образом, только одним этим всемогущим министром было украдено больше, чем потрачено на присоединение Синьцзяна.

По признанию цензоров, обязанных бороться против злоупотреблений, чиновники присваивали обычно более половины сумм, выделенных государством на проведение ирригационных работ. Так было, в частности, во время строительства на Хуанхэ в 1820 г., когда из средств, предназначенных государством для починки дамб и других ирригационных сооружений, ими было присвоено 60%. Еще один пример злоупотреблений чиновничества — установившаяся система сбора налога, предназначенного для финансирования отправки риса из бассейна Янцзы в Пекин. Реально величина этого налога в четыре раза перекрывала официально установленную ставку, при этом три четверти общей суммы шло в карман местного чиновничества.

Определенную роль в обострении династийного кризиса сыграл и рост народонаселения, не сопровождавшийся значительным ростом посевных площадей. Дефицит земель в расчете на душу населения приводил к росту цен на них, ухудшению условий аренды. Это сопровождалось увеличением ростовщической эксплуатации со стороны землевладельцев. Усилия властей по организации переселения в районы, где оставались свободные земли, и по обработке незанятых земель в глубинных китайских провинциях не давали ощутимого результата, поскольку все сколько-нибудь приспособленные для традиционных китайских форм земледелия районы были освоены. Присоединение к Китаю огромных пространств в Центральной Азии не могло решить проблемы аграрного перенаселения в Китае, поскольку в состав империи вошли главным образом пустыни и полупустыни.

Все эти обстоятельства вели к росту социальной дифференциации в общине, имели своим следствием увеличение слоя деревенских низов, пополнявших ряды безземельных, пауперов, батраков. Нередко сельский и городской люд без определенных занятий пополнял ряды разбойников. В последней трети XVIII в. сельский бандитизм стал настолько распространенным, что вокруг зажиточных деревень, в особенности в южных провинциях Китая, стали воздвигать оборонительные укрепления. Эти кризисные явления вызвали сопротивление общественных низов, проявившееся в ряде народных восстаний на рубеже XVIII—XIX вв.

В цинский период истории Китая организаторами народного сопротивления продолжали оставаться религиозные секты и тайные общества. В отличие от религиозных сект тайные общества ставили своей целью главным образом подготовку и осуществление антиправительственных восстаний. Вера в изначальное равенство людей, уравнивание бедных и богатых, проповедь взаимопомощи, пропаганда наступления новой, счастливой эры, что связывалось с приходом земного воплощения будды Майтрейи,

утверждение на земле новых принципов общественных отношений сектанты связывали с победой восстания, поднятого под их руководством. Самым распространенным лозунгом, выдвигавшимся инсургентами, был призыв к свержению маньчжурской династии, не имевшей, по убеждению повстанцев, легитимных прав на китайский престол, и утверждение на нем императора-китайца. Именно он должен был претворить в жизнь мечты простых людей о счастье и процветании. Идеиные искания лидеров религиозных сект и тайных обществ, восходившие к утонченной интеллектуальной традиции прошлого, были понятны лишь узкому кругу посвященных. Для привлечения рядовых участников использовались обращения, в которых доходчиво объяснялись причины бедственного положения народа и содержались призывы готовиться к антиправительственной борьбе.

В деятельности этих организаций огромную роль выполнял сложный, насыщенный мистицизмом ритуал. Он был призван внушить сектантам ощущение силы и единения. Один из элементов этого ритуала — *ушу*, или «военные искусства», с обучения которым, как правило, и начиналось привлечение новых сторонников. Наиболее широко распространенным видом боевых искусств было умение вести рукопашный бой. Постигание его тонкостей давало неофиту ощущение защищенности, возвышало его в глазах окружающих, что в какой-то мере компенсировало его обычно невысокий социальный статус. Привлеченные таким образом новые сторонники обучались сложным ритуалам, соблюдение которых, как считалось, делало их неуязвимыми для действия холодного и огнестрельного оружия.

Организационные структуры сект и тайных обществ в ряде случаев были весьма разветвленными и охватывали не только деревни, но и уездные и даже провинциальные города. Их членами становились представители различных общественных групп, большинство составляли малоимущие крестьяне, привлеченные проповедью братской взаимопомощи и имущественного равенства, но руководителями часто становились *шэньши*, купцы и даже чиновники, вдохновлявшиеся идеями свержения маньчжурского господства и установления китайского правления. Буддийское и даосское духовенство зачастую также симпатизировало сектантам. По преданию, одно из наиболее популярных и массовых обществ «Триада» было основано монахами буддийского монастыря Шаолиньсы, и поныне широко известного в Китае как одного из традиционных центров искусства рукопашного боя. Когда монахи отказались признать установление маньчжурского правления, монастырь был осажден цинскими войсками и сожжен.

Почти все его защитники погибли в бою, избежать смерти, как гласит легенда, удалось лишь «пяти старшим братьям», которые отправились в странствие по Китаю, обучая народ искусству ушу и призывая к борьбе с маньчжурами.

Наиболее активным в конце XVIII в. становится «Общество Белого лотоса», в основе идеологии которого лежали идеи наступления справедливой эры правления будды Майтрейи, призывы к имущественному уравниению, свержению власти маньчжурской династии. В 1796 г. под его руководством началось одно из наиболее крупных в цинский период народных восстаний, охватившее главным образом провинции Центрального Китая. На протяжении 1798—1799 гг., когда народная война приобрела наибольший размах, повстанческим войскам удалось нанести ряд поражений цинским войскам и взять под контроль значительные территории.

Правительство, напуганное размахом восстания, сосредоточило все силы для его подавления. Были смещены неспособные и бездеятельные военачальники, переброшены крупные подкрепления. Примерно в 1800 г. в ходе гражданской войны наступил перелом, ускоренный тем, что на сторону маньчжурского двора перешли многие влиятельные кланы, верхи которых были напуганы размахом народной борьбы и наступившей смутой. Отряды местной самообороны, созданные ими, приняли активное участие в войне, оказывая помощь войскам центрального правительства. С восставшими расправлялись с крайней жестокостью. Население, оказывавшее помощь инсургентам, насильно уводилось из районов боевых действий, а их жилища и посевы уничтожались. В середине 1800 г. был схвачен и казнен в Пекине один из наиболее популярных руководителей восстания Лю Чжисе, однако сопротивление продолжалось.

Чтобы привлечь на свою сторону недовольных, цинские власти пообещали сократить налоги и поборы, а также простить тех, кто готов прекратить сопротивление. Вместе с тем для содержания армии повстанцы были вынуждены проводить насильственные мобилизации и реквизировать продовольствие, что не всегда находило поддержку у населения. К концу 1803 г. пекинское правительство смогло восстановить контроль почти над всей территорией Центрального Китая. Лишь в глухом районе на стыке Сычуани, Хубэя и Шэньси, покрытом густыми лесами, продолжали укрываться последние отряды повстанцев. К середине 1804 г. были подавлены и эти последние очаги сопротивления.

С поражением восстания 1796—1804 гг. религиозные секты и тайные общества не отказались от дальнейшей борьбы. В 1813 г. «Общество Небесного разума» (скорее всего, одно из ответвле-

ний «Белого лотоса») организовало восстание в Северном Китае. Его руководитель был объявлен правителем Китая, преемником минской династии. В октябре 1813 г. отряд заговорщиков, насчитывавший около 200 человек, проник на территорию «Запретного города» — резиденцию маньчжурских правителей в Пекине. Однако нападение было отбито многочисленной дворцовой стражей. Цинские войска расправились с восставшими, их предводитель был схвачен и казнен. К началу 1814 г. были разгромлены последние повстанческие отряды.

Несмотря на поражения, религиозные секты и тайные общества продолжали антиправительственную деятельность на протяжении всего XIX века. Под их руководством крестьяне и горожане боролись против маньчжурской династии, требуя сокращения налогов и повинностей, ликвидации коррумпированного чиновничества.

Характер народной борьбы на рубеже XVIII—XIX вв. по сравнению с предшествующими эпохами не претерпел существенных изменений. Это были по-прежнему вполне традиционные требования свержения династии, утратившей мандат на управление государством, подкрепленные патриотическими лозунгами восстановления китайского правления.

3. ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ КИТАЯ НАКАНУНЕ ВТОРЖЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ДЕРЖАВ

После маньчжурского завоевания характер социально-экономических отношений в Китае не претерпел кардинальных изменений. Это в равной мере можно отнести к сфере как городской экономики, так и аграрного строя. В этом смысле можно говорить о едином минско-цинском периоде в истории Китая. Для этого времени, с точки зрения функционирования экономических и социальных институтов, характерно действие тех же тенденций, которые сложились в стране в послесунский период. Они характеризовались возрастанием значения интенсивного поливного рисоводства, прогрессирующим увеличением численности населения, деградацией технологической основы сельскохозяйственного производства.

В соответствии с традицией и в цинский период все земли делились на две категории: народные (*минь*) и чиновничьи или государственные (*гуань*). Основой экономической и социальной жизни в деревне продолжала оставаться китайская клановая община, покоившаяся на совместном владении землей и родственных связях, объединявших общинников. Земли, находившиеся в

коллективном владении, как правило, обрабатывались совместно, а также сдавались в аренду членам общины или жителям соседних деревень. Арендная плата, собиравшаяся с общинной земли, принадлежала всему деревенскому коллективу. По установившейся традиции коллективные земли, реально принадлежавшие общине, включались в категорию гуань, т.е. с них, как и с других земель, входивших непосредственно в казенный фонд, поземельный налог не собирался.

На характер использования доходов от земли указывало само название той или иной формы коллективного землевладения. Получили распространение, например, «училищные» земли, доход от которых шел на содержание деревенской школы, оплату услуг учителя, помощь талантливой молодежи, желавшей продолжить образование, испытать себя на государственных экзаменах, если у родителей не было средств.

Доходы от «храмовых» земель использовались для религиозных церемоний в деревенском храме предков, а от «благотворительных» — предназначались для помощи наименее обеспеченным членам общины. Перечисленные категории земель в соответствии с нормами обычного права запрещалось продавать и покупать без согласия всех общинников.

Коллективная земельная собственность под разными названиями была распространена во всем Китае. Однако особенно заметную роль она играла в провинциях центрально-южного Китая, где преобладало поливное рисоводческое земледелие. В некоторых провинциях коллективные земли составляли около половины всего земельного фонда. Особенно велика была роль коллективного землевладения в таких провинциях, как Гуандун, Фуцзянь и Чжэцзян. Помимо коллективного владения пахотной землей община контролировала невозделанные угодья, лесные, неудобные для обработки земли.

В китайской деревне важная роль принадлежала и совместному труду. В особенности это характерно для поливного рисоводства, когда в период посева рисовой рассады, пельма непродолжительный, несколько соседних семей объединяли свои трудовые усилия. Большую роль играла также коллективная деятельность по поддержанию в порядке систем искусственного орошения, характерная для большинства сельских районов Китая. Наличие коллективной земельной собственности, совместная работа — все это было истинным фундаментом деревенской жизни, сплачивало членов общины, препятствовало росту социальной дифференциации.

Кроме коллективного в общине существовало также индивидуальное землевладение. Частные земли разрешалось продавать и сдавать в аренду, однако обычное право обязывало землевладельца

перед продажей земли предварительно заручиться согласием на это членов общины и предложить землю для покупки сначала кому-нибудь из них. В деятельности этого института проявлялись владельческие притязания общины на индивидуальное землевладение и стремление сохранить в неприкосновенности земельный фонд общины в качестве единого целого.

Еще одной важной чертой китайской общины являлись родственные связи, объединявшие, как правило, всех жителей деревни. Основной формой этих связей продолжал оставаться патронимический клан — группа родственных семей, происходивших от одного предка и придерживавшихся обычая экзогамии. В организации клановых отношений между северными и южными районами Китая существовали определенные отличия: к северу от Янцзы деревня состояла из нескольких кланов, к югу — клан и деревня чаще всего совпадали.

Клановые отношения получали воплощение в культе предков и сопутствовавших ему религиозных церемониях и социальных институтах. Центром религиозной деятельности в деревне были храмы, чаще всего посвященные духам предков. Здесь в соответствии с традицией проводились церемонии, посвященные предкам — основателям патронимии, здесь же собирались все жители деревни или представители групп, составлявших ее, для решения общедеревенских проблем.

Иногда храмы предков использовались как школьные здания, в которых выходцы из клана, получившие образование, давали уроки грамоты своим юным сородичам. Храмы были и штабами, руководившими местными отрядами самообороны, предназначенными для защиты клана от разбойничьих шайк, вооруженных отрядов соседних кланов, а в некоторых случаях и от вторжения правительственных войск.

Всеобщее распространение общинно-клановых связей, являвшихся подлинной основой социальных институтов китайской империи, не противоречило наличию внутри общины (клана) различных форм господства и подчинения, эксплуатации. Основной формой этой эксплуатации в деревне была аренда-издольщина. Возникавшие внутри общинного коллектива арендные отношения маскировались принадлежностью эксплуататора и эксплуатируемого к одному клану. Нередко (особенно в южных районах) роль арендодателя играл богатый и могущественный клан, эксплуатировавший более слабую общину. В этом случае верхи и низы одной клановой группы объединялись, пытаясь удержать в повиновении подчиненную общину. В источниках зафиксированы многочисленные примеры борьбы между доминирующими кланами или же между сильной и слабой коалициями

общин. Победа, одержанная одним из враждующих кланов в кровопролитных сражениях, обеспечивала присоединение новых земель, контроль над водными источниками, а также центрами местной торговли.

Сельская верхушка в китайской деревне состояла из двух основных групп. Первая — землевладельцы, происходившие в основном из разбогатевших общинников, сдававших землю в аренду. Часто, эксплуатируя арендаторов, они сами с помощью членов своих семей обрабатывали часть принадлежавшей им земли. Их образ жизни мало отличался от той жизни, которую вела основная масса крестьян-землевладельцев, о чем можно судить по материалам местных хроник. Весьма типичной была следующая ситуация. Ранним утром отец отдавал распоряжения своим сыновьям: один должен был пахать в поле землю, другой отправлялся на рынок в соседнее большое село, третий, самый способный, оставался дома и целиком посвящал себя изучению древних книг, готовясь к сдаче экзаменов на получение ученого звания.

Вторая доминирующая социальная группа — землевладельцы, составлявшие образованную часть китайского общества, обладатели ученых званий и чиновничьих рангов. К этой группе относились также выходцы из общин (разумеется, чаще из могущественных кланов), которым удалось получить образование и сдать экзамен на получение ученого звания, что было стандартным путем, открывавшим доступ к чиновничьей карьере. Они именовались *шэньши* (т.е. «имеющие пояс», что являлось внешним признаком принадлежности к образованной элите общества), образ жизни, поведение и одежда сильно отличали их от основной массы сельского населения. Те *шэньши*, которые являлись землевладельцами, также сдавали землю в аренду. Барская запашка и связанное с ней хозяйство помещичьего типа, как и крепостническая система, не получили в традиционном Китае сколько-нибудь широкого распространения.

Однако далеко не все *шэньши* были достаточно крупными землевладельцами, чтобы жить на земельную ренту. В этом случае источником их основных доходов являлось занятие «интеллигентным» трудом: они становились школьными учителями, репетиторами, готовившими соискателей к государственным экзаменам, руководили сельскими общественными работами, возглавляли отряды местной самообороны. Те, кто стали чиновниками и поступили на государственную службу, получали казенное жалованье и имели некоторые «побочные» источники доходов. В целом доходы группы *шэньши* от земельных владений вряд ли превышали одну треть от всех совокупных доходов этого социального слоя.

Доходы от службы, земельных владений и предпринимательства распределялись соответственно как 3 : 2 : 1.

Несмотря на родственные связи, объединявшие верхи и низы общины, эксплуатация в деревне была жестокой. Арендная плата в зависимости от формы аренды колебалась от 30 до 70% урожая, составляя в среднем по стране 40%. Широко были распространены обременительные залоги за взятую в аренду землю, подношения землевладельцам при заключении арендного договора. Вместе с тем существовали и нормы традиционного обычного права, свидетельствовавшие о том, что не только арендатор, но и землевладелец нес определенные обязательства перед теми, кому он передавал для обработки свою землю. Эти нормы обязывали арендодателя в случае неурожая и стихийных бедствий снижать арендную плату или отменять ее вовсе, если урожай погибал полностью.

В позднеимператорский период в Китае подавляющую часть населения составляли самостоятельные крестьяне-землевладельцы, что являлось весьма существенной чертой аграрного строя страны. В целом же господствовало мелкое и среднее землевладение. Большинство арендодателей владели 50–100 му земли (3–6 га), а крестьяне имели в среднем 10–20 му (0,6–1,2 га). Крупные землевладения, насчитывавшие сотни или тысячи му, были исключением и не определяли характер аграрных отношений. Как правило, землевладельцы-арендодатели занимались в деревне ростовщичеством, а сама ростовщическая эксплуатация наряду с арендой являлась вторым важнейшим источником процветания деревенских верхов.

Самостоятельное крестьянство владело более чем половиной пахотных земель и составляло более половины всего сельского населения. Хозяйства таких крестьян-землевладельцев были наиболее широко распространены к северу от Янцзы, где роль арендных отношений была неизмеримо менее значительной, чем на юге.

Все землевладельцы обязаны были платить налоги. Основным являлся единый подушно-поземельный налог, введенный в первой половине XVIII в. Его величина исчислялась в зависимости от количества и качества земли, находившейся во владении того или иного двора. Вносить налог за землю были обязаны все категории землевладельцев, включая и те группы, которые можно отнести к господствующему классу. Не делалось исключения и для шэньши, которые освобождались только от трудовых повинностей, но за ними сохранялось их главное обязательство перед государством — служить ему, исполняя труд ученого-книжника или чиновника-бюрократа.

Подушно-поземельный налог являлся одной из форм ренты-налога и свидетельствовал о том, кто же являлся верховным и

истинным собственником земли в императорском Китае. Таким собственником было государство, в сущности, сдавшее землю в аренду тем, кто фигурировал в налоговых реестрах в качестве владельцев. С этой точки зрения между шэньши, землевладельцем-арендодателем и рядовым крестьянином не было существенных отличий — все они были всего лишь держателями государственной земли.

Часть пахотных земель (примерно 10%) принадлежала непосредственно императорской фамилии, а кроме того, маньчжурской аристократии, офицерам и солдатам маньчжурских войск. Земли императорских поместий обрабатывались прикрепленными к ним крестьянами. Так же обрабатывались и земли служивших в «восьмизнаменных» войсках маньчжуров, которые помимо этого широко использовали труд многочисленных рабов, захваченных ими в период борьбы за завоевание Китая. «Восьмизнаменные» земли были расположены главным образом в районах Северного Китая и вокруг 72 городов, признанных стратегически важными центрами. В них размещались маньчжурские гарнизоны, солдатам и офицерам которых в первые годы правления маньчжурской династии были переданы земли, конфискованные у местного китайского населения.

Как и в минский период, в цинском Китае была распространена еще одна форма казенного землевладения — военные поселения, земли которых обрабатывались воинами пограничных гарнизонов. Однако эти отношения, привнесенные в Китай завоевателями-кочевниками, не могли сколько-нибудь существенно изменить традиционный общественный строй. На протяжении XVIII — начала XIX вв. рабство все в большей мере приобретало черты крепостных отношений, а особый статус «восьмизнаменного» землевладения был ликвидирован в середине XIX в.

Процесс социальной дифференциации, естественным образом протекавший в клановых общинах, приводил к формированию на одном полюсе общинных богатых верхов, на другом — малоземельного и безземельного бедного крестьянства. Эти явления, отчетливо наблюдаемые на всем протяжении истории императорского Китая и подчиненные закономерности циклического движения, так и не привели к разложению общинно-клановой основы социальной жизни китайского общества. Этому препятствовало государство, заинтересованное в сохранении традиционной социальной структуры и являвшееся высшим собственником земли. Этому процессу оказывали противодействие и сами общинные институты, тормозившие процессы имущественной дифференциации между верхами и низами общины при помощи системы взаимопомощи, благотворительности и т.д.

В организации городского ремесла на протяжении XVII—XVIII вв. также не произошло глубоких перемен по сравнению с периодом правления минской династии. Торговое и ремесленное население объединялось в корпоративные организации (хан), при создании которых важную роль играли клановые и земляческие связи. Характерной чертой китайских городских корпораций (впрочем, как и в подавляющем большинстве других стран Востока) было господство цехо-гильдий, когда ремесленник, как правило, являлся и продавцом собственной продукции, что свидетельствовало о незавершенности процесса отделения торговли от ремесла.

Торгово-ремесленные корпорации, обладавшие правами внутреннего самоуправления, являлись, по существу, организациями, предназначенными для сбора налогов и отбывания повинностей в пользу казны. Частное ремесло (*сы*), как и частное землевладение (*минь*), было обложено многочисленными налогами и повинностями. Подобно крестьянину, частный ремесленник был беззащитен перед властями, имевшими право привлечь мастера из самой отдаленной провинции к работе на столичных казенных предприятиях. При этом только на дорогу могло уйти несколько месяцев. Власти придирчиво контролировали частные ремесленные предприятия, перераспределяли его доходы в пользу государства, производя «закупки» ремесленной продукции по ценам, значительно уступавшим рыночным.

Как и в предшествующие эпохи, маньчжурское правительство продолжало руководствоваться традиционной теорией, согласно которой земледелие являлось основным, а торговля и промышленность — вспомогательным занятием подданных. Процветающий предприниматель и купец рассматривались властью не как опора трона, а, скорее, как нежелательные и даже потенциально опасные для устоев государства социальные фигуры. Поэтому китайские города не обладали особым правовым статусом, способным обратить их не только в центр экономической жизни, но и в автономный от властей центр политической активности. В этом смысле сколько-нибудь существенная разница между городом и деревней отсутствовала. Управление в городе возлагалось на чиновников, присланных из столицы и являвшихся в равной мере весильными как в городе, так и в деревне.

Пренебрежительное отношение к частной ремесленно-торговой деятельности проистекало также из того, что императорский двор использовал развитый казенный ремесленный сектор, а это позволяло не зависеть от частного ремесленного производства. Казенные предприятия действовали в различных отраслях производства и вполне обеспечивали маньчжурский двор, высшие слои

чиновничества и армию. В условиях господствовавших социальных отношений имущество и жизнь предпринимательских групп населения ни в коей мере не были защищены законом. Последнее обстоятельство являлось весьма серьезным препятствием на пути становления капиталистических отношений.

Правление цинской династии не внесло ничего существенно нового в характер политического строя китайской державы, продолжавшей оставаться «восточной» деспотией. Самодержавный правитель пользовался неограниченной властью, а управление страной основывалось на классических формулах, появившихся еще в древности и переживших века. Они звучали так: «В Поднебесной нет земли, кроме той, что принадлежит государю» и «Все живущие на этой земле являются подданными государя». Эти определения, ставшие отправным пунктом законодательства цинского Китая, отражали огромную роль государства и его правителя, который являлся одновременно верховным собственником всех земель и неограниченным властелином своих подданных.

Цинский правитель в соответствии с китайской традицией именовался Сыном Неба, что прямо указывало на его Божественное происхождение, и считался лицом священным, посредником между Небом и людьми. Концепция Божественной сущности не только императорской власти, но и самого верховного правителя усиливалась в силу того, что он играл роль верховного жреца, совмещая таким образом политические и сакральные функции. Это находило выражение в следующем: дважды в год верховный правитель возглавлял самые важные, с точки зрения китайцев, религиозные церемонии, отправлявшиеся в столичных Храме Земли и Храме Неба. В них император проводил ритуальную борозду по специально подготовленному для него полю, что символизировало благополучное начало сельскохозяйственных работ, возносил моления и приносил жертвы Небу, призывая его быть милостивым к его подданным. В соответствии с законом под страхом смерти было запрещено произносить вслух собственное имя императора, который именовался по девизу его правления. Например, первый маньчжурский император правил под девизом «Шуньжи», что в переводе означает «благоприятное правление». Подданным, не приближенным ко двору, было запрещено видеть лицо правителя, поэтому во время следования его кортежа окна и двери домов следовало наглухо закрывать.

Сын Неба, совмещавший в своей деятельности верховное законодательное и административное начала, опирался на два совещательных органа: императорский секретариат и военный со-

вет. Стремясь привлечь на свою сторону представителей китайской ученой элиты, маньчжуры пытались соблюсти видимость равноправия. По этой причине в состав императорского секретариата входило равное число сановников-китайцев и маньчжуров. Однако при вынесении окончательных решений императоры все же в большей степени полагались на советы из числа наиболее приближенных членов императорского дома и высшей маньчжурской знати. После учреждения в первой трети XVIII в. военного совета, при назначении которого принцип пропорциональности не соблюдался, именно к нему перешли функции основного совещательного органа при императоре. Опираясь на традиционную для Китая систему управления, маньчжуры, насчитывавшие накануне завоевания империи всего лишь 700 тыс. человек, утвердили свое господство над китайским народом. В сущности, это была система национального гнета, которой народ Китая упорно сопротивлялся.

Система центральных органов управления в своих основных чертах также оставалась прежней. Осуществляя свою власть, маньчжурские правители опирались на систему органов управления, состоявшую из шести ведомств: церемоний, чинов, налогов, судебных, военных дел и общественных работ. Сведения со всей страны поступали в одно из соответствующих министерств, обрабатывались там в виде меморандумов, проектов указов и ложились на стол императора, который и принимал окончательные решения. Несмотря на огромные масштабы империи и сложность системы государственного управления, император был хорошо информирован о происходящем в державе, которая была вполне «управляемой». Благодаря системе почтовых станций, повсеместно созданной военным ведомством, самые важные известия оперативно поступали из провинций в столицу. К примеру, наиболее важные депеши могли быть доставлены в столицу из далекой провинции Гуандун в течение всего лишь двух недель.

Подписанные императором указы оглашались со стены, ограждавшей с юга императорский дворец, именовавшийся Закрытым городом. После этого специально назначенный для исполнения данной процедуры чиновник вкладывал свиток с текстом указа в клюв изваяния феникса. Далее изваяние птицы на веревках спускалось вниз со стены, свиток почтительно извлекали из клюва и уносили в глубь дворцового комплекса. Считалось, что с этого момента указ вступал в законную силу и его следовало принять к неукоснительному исполнению.

В административном отношении китайская держава делилась на 18 провинций, во главе которых были поставлены губернаторы. В некоторых случаях несколько провинций объединялись в

наместничества, возглавляемые наместником. Каждая провинция в свою очередь делилась на десять областей, которых таким образом насчитывалось 180, а область состояла из уездов, во второй половине XVIII в. их было примерно полторы тысячи. В ведение провинциальных и уездных органов управления были поставлены те же сферы государственного управления, что и в столице. Провинциальная управа состояла из следующих отделов: финансового, образования, государственных монополий.

Управление на местах осуществлялось уездными администрациями. Их деятельность затрагивала вопросы налогообложения, отправления судебных функций, образования, организации государственных экзаменов на получение ученого звания. В зависимости от величины уезда его административный персонал мог насчитывать от 200 до 2 тыс. человек. Наряду с деревенским самоуправлением, основанным на действии клановых институтов, которые непосредственно не подчинялись уездной администрации, в сельской местности (так же, как и в городе) действовала система *баоцзя* — круговой поруки. Население было объединено в группы, состоявшие из десяти дворов, члены которых несли ответственность друг за друга при выплате налогов, отбывании повинностей, в случае нарушения законов. Во главе десятидворок, в свою очередь объединенных в стодворки, стояли старосты. Они несли личную ответственность перед уездным чиновничеством за происходящее на вверенной их попечению территории.

Укрепляя систему *баоцзя*, бывшую традиционной формой коллективной ответственности подданных перед государством, цинские правители Китая стремились противопоставить ее естественно возникшей и исконно существовавшей форме коллективности клановой общины. Община не признавалась в качестве административной единицы, по этой причине чиновники доводили распоряжения до местного населения, используя структуры, связанные со стодворками и десятидворками. Однако их исполнителями являлись именно общинники, объединенные не столько системой *баоцзя*, сколько институтами кланового самоуправления.

Весьма многочисленным населением империи, которое к концу XVIII в. по подсчетам современных исследователей составило около 300 млн человек, управляли всего 27 тыс. чиновников (20 тыс. — гражданские, 7 тыс. — военные). К сдаче экзаменов на получение ученой степени, что являлось необходимым условием для получения гражданского или военного чиновничьего ранга, допускалось все полноправное население, т.е. выходцы из семей, главы которых уже были обладателями ученого звания, а также те, кто принадлежал к земледельцам (*нун*), ремесленникам (*гун*) и торговцам (*шан*).

Система экзаменов, которая установилась с эпохи Тан, имела трехступенчатый характер. Экзамены подразделялись на уездные, провинциальные и столичные. Соискатели ученых степеней должны были продемонстрировать высокий уровень иероглифической грамотности и глубокое знание классических произведений, входивших в состав так называемого «Девятикнижия», включавшего исторические и философские трактаты древности. Реальные надежды на получение чиновничьего ранга и соответствовавшей ему должности имели главным образом лишь те, кто успешно сдал экзамены в провинции или столице, что было связано со сравнительно немногочисленной номенклатурой чиновничьих постов. Все чиновники цинской империи включались в соответствующие списки, в которых отмечались основные этапы их карьеры. Эти списки обновлялись в основном один раз в три года, что было связано с периодичностью государственных экзаменов. Точно так же один раз в три года — производилась перееаттестация чиновничества. Она завершалась решением ведомства чинов и утверждалась императором — о повышении, понижении, оставлении на прежнем месте или увольнении в отставку того или иного администратора.

После окончания службы чиновник, как правило, стремился вернуться в родные места, где занимал видное положение в «неофициальной» администрации — органах деревенского (кланового) самоуправления. В старом Китае была популярна поговорка, ярко отражавшая подобные устремления образованных людей: «Что может быть лучше, чем вернуться в родную деревню в ореоле славы и в богатом халате». Под руководством *шэньши* общинники занимались ирригационным строительством, а также другими общественными работами. Чиновники, вышедшие в отставку, нередко становились преподавателями деревенских школ, составителями общинных хроник. Часто они выступали защитниками интересов односельчан перед лицом местной официальной администрации.

В цинском Китае чиновники, находившиеся на государственной службе, получали жалованье в денежной и натуральной форме, но отнюдь не земельные владения. И хотя размеры жалованья были сравнительно незначительными, однако после нескольких лет службы чиновник нередко становился вполне состоятельным человеком. Путь к богатству лежал через получение различных подношений, которые далеко не всегда рассматривались как прямые взятки, и присвоение части налоговых сборов с населения. Часто после выхода в отставку *шэньши* приобретали земельные владения и делали богатые подарки родному клану, включая и передачу в дар земельных владений. Именно таким образом общины

и кланы увеличивали фонд общественных земель — клановых, храмовых, училищных, благотворительных и т. д. В клановых хрониках некоторых районов Южного Китая прямо указывалось, сколько земли должен преподнести в дар сородичам удачливый и наделенный талантом соискатель ученых званий и чиновничьих рангов.

Социальная структура цинского общества претерпела, собственно говоря, незначительные изменения по сравнению с минским периодом. Тем не менее некоторые отличия существовали. В цинском Китае появилась новая привилегированная часть населения, состоявшая из завоевателей-маньчжуров. Они составляли замкнутую страту. Браки между маньчурами и китайцами были запрещены, точно так же, как и продажа коренному населению принадлежавших маньчурам земель. В отношении маньчжуров действовали особые установления, отмечавшие их привилегированный статус.

На протяжении конца минской и цинской эпох несколько изменилось положение торгово-ремесленных слоев населения. Хотя правительство и продолжало относиться к неземледельческой деятельности настороженно, тем не менее им была предоставлена возможность войти в состав элиты (господствующего класса) китайского общества поздней императорской эпохи, состоявшей из книжников-чиновников, землевладельцев-арендодателей и богатых торговцев.

В цинском Китае половина чиновников, получивших высокие ученые звания, являлись выходцами из семей, в которых в течение нескольких поколений не было *шэньши*. Другая группа господствующего класса — землевладельцы-арендодатели — вообще законодательно не выделялась особо, а рассматривалась как часть слоя землевладельцев. Торговцы также не являлись замкнутым слоем, и вложение капитала в землю вполне могло превратить их в землевладельцев, что и воспринималось в качестве важного мотива предпринимательской деятельности.

Основные юридические нормы, определявшие принципы государственного управления, были заключены в сводах законов цинского Китая. В их основу были положены минские законы, восходившие к законодательству танского Китая. Дополненные и усовершенствованные своды законов цинской империи были зафиксированы более чем в тысяче глав, которые в свою очередь содержали тысячи статей. Однако попытки найти в этом огромном законодательном своде намек на определение прав подданных китайской империи были бы безрезультатными. Традиционные китайские законы — это всего лишь перечень наказаний за нарушение прав одной инстанции — китайского деспотического государства.

Итак, с точки зрения фундаментальных социальных институтов китайское общество императорской эпохи представляется стабильным. Это была социальная структура, в основе которой лежали клановые общины, объединенные имперской государственностью. В качестве социального слоя, обеспечивавшего противоречивое соединение этих двух начал, выступали книжники-чиновники, каждый из которых на протяжении собственной жизни мог представлять общину (до поступления на государственную службу и после отставки) или государство (в период нахождения на службе). Именно эти черты общественного строя традиционного Китая циклически воспроизводились в его истории.

Сказанное, однако, не означает, что императорский Китай — это общество, не знавшее развития. В его истории сменялись династии и философские учения, совершенствовались искусства, углублялись знания об окружающем мире, появлялись новые религиозные системы, постепенно совершенствовалась технология сельскохозяйственного и ремесленного производства. Наконец, китайскую историю характеризовало чисто пространственное развитие, приведшее к образованию в XVIII в. огромной по территории и численности населения империи.

Однако истинной доминантой, определявшей то, что можно назвать развитием императорского Китая, были явления, связанные с положением и ролью китайской бюрократии. Иначе говоря, развитие императорского Китая — это история развития слоя шэньши и всех сопутствовавших этому слою социальных институтов: системы государственных экзаменов, конфуцианского образования и т.д. С этой точки зрения цинский Китай являлся в какой-то мере воплощением представлений Конфуция об обществе, где не родовитость и богатство, а знания и образованность лежат в основе достижения высокого общественного положения. Этот исторический опыт был радикально отличен от процессов, составлявших суть европейской истории в период средневековья, где развитие определялось утверждением института частной собственности и рынка, ставших основой перехода Западной Европы к буржуазному обществу.

Глава XI

ВКЛЮЧЕНИЕ КИТАЙСКОЙ ИМПЕРИИ В МИРОВЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ДУХОВНЫЕ СВЯЗИ

1. ПЕРВАЯ «ОПИУМНАЯ» ВОЙНА

Середина XIX в. стала переломным периодом в истории Китая. Этот перелом был связан с насильственным приобщением китайского общества к формам цивилизации, выработанным европейской ветвью мирового развития. Капитализм представлял собой общественное явление глобального порядка, имевшее в качестве своей экономической основы сложившийся к середине XIX в. мировой рынок. В самой капиталистической цивилизации были воплощены и те ценности, многие из которых возникли в европейской истории еще в эпоху античности. К их числу можно отнести автономный характер статуса личности, разделение таких сфер общественной жизни, как власть, собственность, политика, религиозная деятельность, каждая из которых была представлена обособленным социальным институтом. К этому надо добавить и определенные представления о времени, а стало быть и о том, что принято называть историческим процессом. В христианстве, ставшем духовной основой жизни на средневековом Западе, содержалась идея о начале и конце истории, которые соединяет восхождение человека и общества в целом к пределу, воплощенному в едином Божественном начале. Китайская же традиция, как мы видели, основана на иных ценностях и представлениях.

Китайская империя, несмотря на обнаружившиеся в конце XVIII в. приметы нового династийного (но не системного!) кризиса, была вполне способна не только разрешать возникавшие проблемы способами, неоднократно опробованными в истории китайской государственности, но и обеспечивать экономический рост (расширение посевных площадей, увеличение производимого продукта, рост населения, усложнение торговых связей и т.д.). Правда, с европейской точки зрения это был «рост без развития», если под развитием понимать усложнение технологических связей между человеком и природой, интенсификацию самих технологий и смену соответствующих этим процессам общественных форм. То есть можно сказать, что китайское общество

несколько не нуждалось в экономических или духовных ценностях западной цивилизации, и они могли быть только навязаны ему.

В этом и состоит драма китайской (и шире — мировой) истории, к которой часто подходят с этической точки зрения. Более нравственно было бы, очевидно, если бы Восток и Китай как его часть были предоставлены самим себе, течению своего циклического времени. Но в этом случае капиталистический Запад перестал бы быть самим собой, да и история никогда не стала бы в полном смысле слова всемирной. В этом свете экспансия мирового капитализма на основе складывания мирового рынка предстает как «естественноисторический» процесс.

На рубеже XVIII—XIX вв. западные державы, и в первую очередь Англия, все более настойчиво пытаются проникнуть на китайский рынок, который в это время едва приоткрыт для иностранной торговли. Со второй половины XVIII в. вся внешняя торговля Китая могла проходить лишь через Гуанчжоу (за исключением торговли с Россией, которая велась через Кяхту). Все иные формы торговых отношений с иностранцами были запрещены и строго карались по китайским законам. Китайское правительство стремилось контролировать отношения с иностранцами, и с этой целью число китайских торговцев, которым было разрешено иметь с ними дело, было сокращено до минимума. Всего лишь 13 торговых фирм, составивших корпорацию гунхан, имели право вести дела с иностранными купцами. Действовали они под придирчивым контролем чиновника, присланного из Пекина.

Самим иностранным купцам было разрешено находиться на китайской территории лишь в пределах небольшой концессии, расположенной недалеко от Гуанчжоу. Но даже и на территории этого поселения они могли быть только в течение нескольких месяцев, летом и весной, когда собственно и велась торговля. Китайские власти стремились не допустить распространения среди иностранцев сведений о Китае, справедливо полагая, что они могут быть использованы для проникновения в страну, минуя чиновничий контроль. Самим китайцам под страхом смерти запрещалось обучать иностранцев китайскому языку. Более того, запрещался даже вывоз книг, поскольку они также могли быть использованы для изучения китайского языка и получения информации о стране.

Развитию торговли мешало также то, что импортные пошлины в результате манипуляций местных чиновников в некоторых случаях достигали 20% от стоимости товара, в то время как официально установленная норма составляла не более 4%. Иногда

иностранные торговцы сталкивались с ситуациями, которые интерпретировались ими как обман и мошенничество со стороны китайских партнеров, хотя на самом деле это было результатом обычного чиновничьего произвола. Нередко представитель центральных властей, присланный контролировать торговлю и собирать средства для центральной казны, обирал купцов, входивших в гунхан. Купцы брали кредит у иностранцев для покупки товаров, а впоследствии не могли его вернуть, так как вынуждены были делиться теперь уже занятыми средствами с могущественным пекинским наместником.

На протяжении веков экспорт товаров из Китая преобладал над импортом. В Европе среди высших слоев общества огромным спросом пользовались чай, шелковые ткани, китайский фарфор. За купленные в Китае товары иностранцы расплачивались серебром. Вывоз товаров из Китая и соответственно приток туда серебра увеличился после принятия английским правительством в 1784 г. решения о снижении таможенных пошлин на импортируемый из Китая чай. Данное решение было продиктовано стремлением ликвидировать контрабандную торговлю в обход таможенных застав. Результат не заставил себя ждать: контрабандная торговля резко сократилась, таможенные сборы возросли, увеличился общий объем торговых операций с Китаем, что повлекло за собой резкое увеличение оттока серебра из английской денежной системы. Это обстоятельство рассматривалось английским правительством как таящая угрозу денежной системе Британии и ее экономике в целом.

Перед правящими кругами Англии, таким образом, была поставлена непростая задача: добиться от китайского правительства, совсем не желавшего того, более широкого открытия китайского государства для иностранной торговли и подведения под нее договорно-правовой основы. Важной представлялась также проблема изменения структуры торговых отношений между двумя государствами. Английские купцы стремились найти такие товары, которые имели бы спрос на китайском рынке и экспортом которых можно было бы оплатить вывоз китайского чая, шелка и фарфора.

Попытки Англии установить дипломатические отношения с китайской империей на основе принятых в европейском мире принципов, предпринятые в конце XVIII — начале XIX в., не увенчались успехом. В 1793 г. в Китай была послана миссия под руководством лорда Джорджа Маккартни. Это был и широко образованный человек и опытный дипломат, в течение нескольких лет возглавлявший английское посольство в России. Миссия была

послана на средства английской Ост-Индской компании, но при этом представляла интересы английского правительства. Маккартни прибыл в Китай на борту 66-пушечного военного корабля в сопровождении большого количества представителей научных и артистических кругов Англии. В состав экспедиции входили еще два судна, нагруженные образцами продукции, производимой английской промышленностью.

Цели английской экспедиции были сформулированы в предложениях, обращенных британскими дипломатами к китайскому правительству. В них не было ничего, что могло бы восприниматься как стремление установить неравноправные отношения с Китаем или тем более посягнуть на его суверенитет. Они состояли в следующем: обе стороны обмениваются дипломатическими представительствами; Англия получает право создать постоянное посольство в Пекине; китайский посол может прибыть в Лондон; кроме Гуанчжоу для внешней торговли открываются еще несколько портов на китайском побережье; китайской стороной с целью устранения произвола со стороны чиновников устанавливаются таможенные тарифы, которые публикуются. И только последнее требование может рассматриваться как попытка ущемить в некоторой степени суверенитет Китая: английский дипломат обратился с просьбой предоставить британским купцам какой-либо остров вблизи китайского побережья, который можно было бы превратить в центр английской торговли в Китае. При этом делалась ссылка на имеющийся прецедент — остров Макао, находившийся под контролем португальцев.

Переговоры проходили в обстановке, скорее, взаимной благожелательности, чем враждебности. Английская миссия была любезно принята императором Цяньлуном, тем не менее не выразившим желания пойти навстречу английским предложениям. Для правительства Поднебесной империи Великобритании могла в лучшем случае претендовать на звание зависимого варварского государства, с которым Китай поддерживал бы дружеские отношения. Английским посланцам было сказано, что в Китае есть все необходимое и он не нуждается в английских товарах, образцы которых, привезенные Маккартни, были приняты в качестве дани. Таким образом, Китай отклонил предложение вступить в мир современных экономических и международных отношений на равноправной основе. Тем не менее суверенная китайская держава и с нравственной, и с юридической точки зрения имела полное право сохранять свою замкнутость и почти полную изоляцию от окружающего мира.

Еще меньший результат с точки зрения установления межгосударственных отношений имела английская миссия под руководством

лорда Амхерста, прибывшая в Китай в 1818 г. Ее представители вели себя вызывающе, китайские же власти вообще отказались вести с ними переговоры.

Итак, в первые десятилетия XIX в. в отношениях между Китаем и Западом, в первую очередь Китаем и Англией, возникли острые противоречия: торговля между двумя сторонами все расширялась, меняя свой характер, однако международно-правовые институты, способные регулировать ее, отсутствовали.

Не менее сложной для английской стороны была и проблема изменения характера торговли между двумя странами с тем, чтобы это не противоречило меркантилистским принципам английской политики. Однако китайский внутренний рынок, фантастически емкий по европейским масштабам, был ориентирован на местное производство. Слова, произнесенные императором Цяньлуном о наличии в стране всего, что только можно пожелать, были констатацией реального положения дел. Вот как об этом писал Р. Харт, лучший во второй половине XIX в. западный знаток Китая, проживший в этой стране не один десяток лет и длительное время занимавший здесь пост главы таможенной службы: «Китайцы имеют лучшую на свете еду — рис; лучший напиток — чай; лучшие одежды — хлопок, шелк, меха. Даже на пенни им не нужно покупать где бы то ни было. Поскольку империя их столь велика, а народ многочисленен, их торговля между собой делает ненужными всякую значительную торговлю и экспорт в зарубежные государства».

Английские торговцы упорно пытались отыскать товар, который был бы принят китайским рынком. В конце XVIII в. стали проступать очертания следующей конфигурации торговых связей на Дальнем Востоке. Англия поставляет ткани фабричного производства в Индию, индийские же товары поступают на китайский рынок. Однако китайский рынок не стремился принять не только английское сукно, но и индийский хлопок. И все же такой товар в конечном счете был найден — им оказался опиум, традиционным производителем которого (и экспортером в Китай) была держава Великих моголов еще до ее превращения в английскую колонию.

Опиум был известен в Китае как медицинское средство начиная с VIII в. Предполагается, что он был завезен в Китай арабскими купцами. Однако как наркотическое вещество опиум становится известен с XVIII в. благодаря распространению его в период оккупации голландцами Тайваня. В XVIII в. курение опиума распространяется среди жителей ряда приморских провинций Южного Китая, а в конце XVIII в. опиокурение становится серьезной общественной

проблемой, существование которой начинает признаваться правительственными кругами. Характерно, что эта губительная страсть охватила в первую очередь верхи китайского общества — чиновничество, а также тех, кто входил в «восьмизнаменную систему».

Именно опиум как, пожалуй, наиболее удобный товар для торговли с Китаем был избран английскими купцами в качестве средства выравнивания торгового баланса между странами. В Индии выращивание мака было превращено в монополию Ост-Индской компании, обязывающей индийских крестьян производить это растение и сдавать его в качестве налога коллекторам компании. Купцы, имевшие патент компании, доставляли его к китайскому побережью. Здесь опиум продавали китайским купцам, разумеется, за серебро, которое впоследствии использовалось для закупки чая и других товаров, вызывавших интерес англичан. Таким образом, с точки зрения коммерческих интересов англичан проблема была решена: серебро продолжало питать артерии британской экономики и при этом импорт из Китая продолжал расти.

Но возникшая ситуация имела и определенную нравственную сторону, что отчетливо осознавалось как на Западе, так и на Востоке. Торговля опиумом вполне справедливо рассматривалась общественным мнением и в самой Англии, и в Китае как аморальный, недостойный путь решения коммерческих проблем. Характерно, что руководство Ост-Индской компании запретило распространение опиума в Британской Индии, а вывоз его в Китай стремилось преподнести как частное дело коммерсантов, торговавших с этой страной. Резкой критике опиоторговля неоднократно подвергалась и представителями оппозиции в британском парламенте. В самом Китае ввоз опиума неоднократно запрещался, в частности императорскими указами 1796 и 1800 гг.

Однако огромные прибыли, которые получали английские купцы, Ост-Индская компания и Британия в целом, заставляли продолжать торговлю наркотиком. Если в середине XVIII в. в Китай в течение года ввозилось в среднем 400 ящиков опиума, то к 40-м годам XIX в. их число уже составляло около 40 тыс. К этому времени прибыли от торговли опиумом перекрыли доходы от импорта шелка и чая. К 1836 г. доходы британцев от опиоторговли составили 18 млн лянов серебра, что превышало полученный доход в результате операций с чаем и шелком. Прибыли самой Ост-Индской компании от экспорта опиума превышали одну десятую всех доходов компании.

В деле опиоторговли были затронуты слишком могущественные коммерческие, а как следствие — политические интересы, чтобы ее добровольное прекращение со стороны англичан под

давлением нравственных мотивов могло стать реальным. Единственной силой, способной прекратить эту торговлю, было китайское правительство, испытывавшее все большее беспокойство по поводу складывавшейся ситуации. Принятые им указы не исполнялись. Недалеко от китайского побережья, в районе Гуанчжоу, иностранцы устроили плавучие склады, где хранился опиум и откуда его получали китайские торговцы. Местные китайские власти не могли, а отчасти и не хотели положить конец контрабанде, так как сами были заинтересованы в этом промысле.

В 1836—1838 гг. по указанию императора наиболее влиятельные чиновники державы приняли участие в обсуждении сложившейся ситуации — им было предложено посылать в столицу меморандумы с изложением программы мер, необходимых для прекращения опиоторговли. В китайском правительстве сложилось два направления, сторонники которых пытались решить проблему диаметрально противоположными способами. Одна группа предлагала легализовать торговлю опиумом и таким образом увеличить доходы казны, поскольку в таком случае торговля проходила бы через китайскую таможню, а не в обход ее. Другая группа чиновников, напротив, выступала за то, чтобы, используя самые решительные меры, положить конец проникновению в страну опиума.

Император Даогуан был склонен поддержать предложения тех, кто выступал с решительных позиций, ибо опиекурение к этому времени представляло собой большую угрозу. Действительно, к 40-м гг. XIX в. пагубное пристрастие к наркотику охватило уже сотни тысяч человек, а по некоторым оценкам — около 2 млн, в том числе и высшие слои администрации, включая столичное чиновничество.

Наибольшее впечатление на императора произвели предложения, содержащиеся в меморандуме генерал-губернатора Хугуана (провинции Хунань и Хубэй) Линь Цзэсюя (1785—1850). Это был честный человек, искренне вдохновленный стремлением уберечь соотечественников и страну от порока, распространившегося столь широко. Про таких, как он, в Китае было принято говорить «чистый чиновник».

Генерал-губернатору Линь Цзэсюю в пределах вверенного ему Хугуана удалось почти полностью искоренить опиекурение с помощью жестких и последовательных мер: опиум подлежал полной конфискации, а опиекурильни закрытию; опиум разрешали использовать в небольших дозах только как лечебное средство.

Линь Цзэсюй был вызван ко двору, предстал перед императором и за девятнадцать аудиенций сумел убедить его в эффективности предлагаемых им мер. В конце 1838 г. он получил назначе-

ние в качестве особоуполномоченного двора в Гуандуне, наделенного всеми правами для того, чтобы положить конец распространению наркотика.

Уже через неделю после прибытия в марте 1839 г. в Гуанчжоу Линь Цзэсюй приказал китайским торговцам прескратить опиеторговлю, распорядился конфисковать находившийся у них опиум, а также изъять его у содержателей заведений, которые посещали пристрастившиеся к наркотику. Кроме того, он обратился к иностранным торговцам с требованием немедленно сдать весь опиум китайским властям и дать письменное обещание не заниматься впредь этим видом торговли.

Переговоры, которые с западной стороны возглавлял Ч. Эллиот, представитель английского правительства по контролю над торговлей в Гуанчжоу, зашли в тупик. Англичане согласились лишь передать запасы наркотика, находившиеся на территории их фактории. Эти запасы составляли немногим более 1 тыс. ящиков опиума, в то время как на плавучих складах их хранилось более 20 тыс. Стремясь добиться от англичан удовлетворения своих требований, Линь Цзэсюй прибег к мерам давления: английская фактория, на которой находилось более 300 человек, была окружена китайскими войсками, а все китайцы-слуги отозваны.

Жесткость и настойчивость, проявленные Линь Цзэсюем, возымели действие, и англичане согласились сдать имевшийся у них опиум, многие из них подписали даже письменное обещание не заниматься впредь этим промыслом (замегаим, это обещание в последствии было нарушено).

Почти на протяжении двух месяцев представители китайских властей занимались конфискацией огромных запасов (на очень внушительную по тому времени сумму — 10 млн лянгов) ядовитого зелья, которые были сосредоточены вблизи китайского побережья. Более трех недель ушло на уничтожение конфискованного.

Однако все эти меры не только не разрядили ситуацию, но еще более накалили ее. Англичане были полны решимости взять реванш, использовав действия, предпринятые Линь Цзэсюем, для начала войны против Китая. В ноябре 1839 г. произошло первое крупное столкновение между английскими военными судами и кораблями китайского военно-морского флота. Однако формально ни одна из сторон не объявила о начале войны.

Весной 1840 г. вопрос о войне против Китая обсуждался в палате общин и, несмотря на сильную оппозицию непосредственному военному вмешательству Британии в события в Китае, было принято решение: не объявляя формально войну, послать к китайскому побережью военно-морскую эскадру. В июне 1840 г. английский

флот, в состав которого входило 20 боевых кораблей, при поддержке нескольких десятков гражданских судов, имевших в общей сложности на борту несколько сотен орудий и более 4 000 человек команды, показался вблизи южнокитайского побережья.

План военной кампании был составлен англичанами на основе предложений, сделанных В. Жардином, одним из крупных коммерсантов, вовлеченных в торговлю с Китаем (компания «Джордан и Матиссон» и поныне является одной из наиболее влиятельных в коммерческих кругах Гонконга). Список требований, подготовленных англичанами, включал: компенсацию за конфискованный опиум; возмещение издержек на организацию военной кампании; ликвидацию препятствий для развития торговли; установление равноправных отношений между странами, как это понимали англичане; предоставление английской стороне острова вблизи китайского побережья, который мог бы стать базой британской торговли в Китае.

Нанесение ударов предусматривалось в нескольких местах. Первоначально военные действия могли быть сосредоточены на юге, в районе Гуанчжоу — основном центре, через который проходила торговля. В случае, если бы китайское правительство не отреагировало на это должным образом, следующим местом военных действий должны были стать приморские провинции нижнего течения Янцзы. Здесь главным объектом удара были выбранны города Чжэньцзян, расположенный в стратегически важном районе, там, где соединяются Янцзы и Великий канал, и Нанкин, древняя столица Поднебесной империи. Захват Чжэньцзяна должен был блокировать экономические связи между провинциями Центрального Китая, поставлявшими рис на север и непосредственно маньчжурскому двору, и столицей. Угроза Нанкину, как предполагалось, могла оказать морально-политическое воздействие на китайское правительство и принудить его пойти на принятие английских требований. Если же победа английского оружия и на втором этапе войны не приведет к желаемым результатам, тогда предполагалось перенести военные действия непосредственно на север — наступление по направлению Тяньцзинь—Дагу—Пекин должно было создать непосредственную угрозу центральному правительству.

Как показали дальнейшие события, этот военно-стратегический план был составлен весьма удачно, и в дальнейшем именно он лежал в основе военных кампаний, предпринимавшихся иностранцами в Китае.

Блокировав Гуанчжоу, основная часть британской эскадры двинулась вдоль китайского побережья на север, чтобы подкре-

пить английские требования демонстрацией всей мощи современного оружия. Настоящим началом войны можно считать первую операцию эскадры по захвату китайской территории. В июне 1840 г. десант британской морской пехоты захватил г. Динхай — административный центр Чжоушаньских островов, впоследствии превращенных в базу операций сил вторжения.

Затем английские суда двинулись дальше на север и в августе показались на рейде порта Дагу, расположенного в устье р. Бэй-хэ, захват которого открывал для иностранцев дорогу к Пекину. Появление британской эскадры вблизи Пекина вызвало панику при дворе. В ходе начавшихся переговоров представители маньчжурского двора настаивали на возвращении английского флота на юг, обещая, что именно в Гуанчжоу дипломатические контакты будут продолжены. Англичане согласились на эти предложения, рассчитывая на то, что демонстрация военной мощи будет лучшим аргументом в их пользу после возобновления обсуждения английских условий.

Действительно, первый опыт ведения войны против Китая убедил англичан в полном превосходстве современного оружия над военной техникой, находившейся на вооружении китайских войск еще со времени покорения маньчжурами Китая 200 лет тому назад. На китайцев военная техника англичан также произвела весьма сильное впечатление. Они были поражены возможностями паровых судов англичан, которые, как писал один из современников событий, «могут передвигаться по воде без ветра или против ветра, по течению или против течения». Не менее сильное воздействие на их воображение оказали возможности английской корабельной артиллерии. К этому надо добавить нарезные английские ружья, позволявшие вести стрельбу на расстоянии, недоступном для фитильных и кремневых ружей, состоявших на вооружении цинских войск.

Осенью 1840 г. Линь Цзэсюя обвинили в том, что иностранцы оказались почти у стен столицы империи. Он был смещен со своего поста и отправлен в изгнание (правда, после окончания первой «опиумной» войны его помиловали и ему были возвращены важные государственные посты). На переговорах маньчжурский двор представлял один из членов императорского клана, стремившийся отвести английскую угрозу путем уступок и компромиссов. Он пообещал удовлетворить финансовые требования британцев, передать им остров Гонконг, полностью возобновить торговые связи и установить между двумя странами равноправные отношения. Таким образом, требования, выдвинутые англичанами несколько месяцев назад и повергшие цинский

двор и самого императора в состояние ужаса, были приняты китайской стороной.

Вплоть до августа 1841 г. основные события, связанные с англо-китайским конфликтом, развивались в районе Гуанчжоу. Переговоры прерывались вспышками военных действий, англичанам удалось даже блокировать столицу провинции Гуандун, захватив укрепления, находившиеся на подступах к ней. Английский десант, насчитывавший немногим более 2 тыс. человек, окружил один из крупнейших городов Китая, в котором был размещен гарнизон, превышавший 20 тыс. человек, не считая местного населения, готового взяться за оружие и принять участие в сопротивлении английскому вторжению.

Население расположенных вблизи Гуанчжоу деревень, организованное местными цзэньши, самостоятельно выступило против англичан и едва не разгромило британский десант. Но цинские власти, опасаясь, что борьба против иностранцев может вылиться в восстание против цинского правления, не поддержали это сопротивление.

Англичане, поняв, что, даже захватив Гуанчжоу, им вряд ли удастся заставить центральное правительство пойти на уступки, в августе 1841 г. перенесли основные военные действия в приморские провинции нижнего течения Янцзы. Весной 1842 г. экспедиционный корпус англичан получил новые подкрепления: из Индии прибыли 20 военных судов в сопровождении десятков кораблей, на борту которых к берегам Китая были доставлены более 10 тыс. английских сипайских войск. Пали Нинбо, Шанхай, Чжэньцзян, к августу английские суда находились на рейде Нанкина, и угроза захвата иностранцами древней столицы Китая представлялась реальной.

В августе 1842 г. между Англией и Китаем начались переговоры, которые завершились 26 августа 1842 г. подписанием Нанкинского договора. Основные цели, к достижению которых стремились англичане, были ими достигнуты: Китай взял на себя обязательства выплатить огромную по тем временам контрибуцию — 21 млн ляннов серебра; для иностранной торговли помимо Гуанчжоу были открыты еще четыре порта: Амой, Фучжоу, Нинбо, Шанхай — с правом постоянного пребывания в них британских подданных; Англия получила в вечное владение остров Гонконг, а корпорация гунхан была ликвидирована. Наконец, в договор была включена статья, касавшаяся регламентации таможенного обложения английских товаров.

Положения Нанкинского договора означали не только установление международно-правовых основ отношений между Ки-

таем и Западом, представленным в данном случае Англией, что произошло впервые в китайской истории, но и моделировало тип этих отношений в будущем. Стороны, подписавшие договор, были далеко не равноправными его участниками. Суверенитет Китая по Нанкинскому соглашению был ущемлен, по крайней мере, дважды. Китайская держава была вынуждена уступить иностранному государству часть своей территории, а также утратила безусловный контроль над собственной таможенной системой. Англичане же, таким образом, получили главное, к чему они стремились, — доступ на китайский рынок в условиях, наиболее благоприятных для них. Именно то обстоятельство, что суверенитет китайской державы был частично утрачен, дает основания говорить, что Нанкинский договор был неравноправным для Китая по сути, а не только с точки зрения политических условий его подписания. Этим соглашением открывалась совершенно новая страница в истории китайского государства — как части зависимой периферии мировой капиталистической системы. Кроме того, тем самым были заложены предпосылки для формирования китайского национализма, в основе которого лежало стремление к национальному освобождению и воссозданию в полной мере суверенного государства.

Следует отметить, что главный вопрос, явившийся причиной войны, — легализация торговли опиумом, — был обойден статьями Нанкинского договора. Во время переговоров китайцы настаивали на прекращении опиоторговли, англичане же предложили легализовать ее, но, очевидно опасаясь общественного мнения, в том числе и в самой Британии, заявили, что не настаивают на этом. Тем не менее и без официального разрешения китайских властей ввоз опиума в Китай продолжался, и даже в больших масштабах, чем в прошлом.

В договоре, заключенном между Китаем и Англией через год, в октябре 1843 г., были оговорены еще несколько важных для английской стороны принципов: она получила право «наиболее благоприятствуемой» державы, что означало автоматическое распространение на нее всех прав и привилегий, получаемых другими иностранными государствами. Помимо этого, в развитие принципов, связанных с вопросами таможенного обложения, заложенных в Нанкинском договоре, были определены пределы для импортных пошлин на английские товары. Они не должны были превышать 5% стоимости товара, что следует считать низким уровнем обложения. Кроме того, это связывало руки китайскому правительству в проведении политики, направленной на поддержание национального предпринимательства, в случае если

китайское правительство решило бы выступить с позиций протекционизма. В дальнейшем, в XX в., борьба за восстановление таможенной автономии стала одним из важнейших направлений национального движения.

Вскоре примеру Великобритании последовали и другие европейские державы: в 1844 г. соглашения с Китаем, воспроизводившие главные положения Нанкинского договора, были подписаны США и Францией. Правда, в них содержались некоторые отличия, свидетельствовавшие о стремлении иностранных держав расширить свои права в Китае. Американцы добились принятия китайской стороной принципа консульской юрисдикции и экстерриториальности, а французы получили право на строительство католических храмов в портах, открытых для иностранной торговли, что впоследствии дало им основание требовать предоставления свободы миссионерской деятельности во всем Китае.

2. ТАЙПИНСКОЕ ВОССТАНИЕ

Причины, которые привели к началу одного из крупнейших в истории Китая народных восстаний, поставившего под угрозу правление цинской династии и продолжавшегося пятнадцать лет, представляли собой сложное переплетение факторов, носивших традиционный характер, с новыми явлениями, связанными с вторжением иностранных держав. Приметы династийного кризиса, о котором речь шла выше и которые проявили себя в восстаниях рубежа XVIII–XIX вв., были усугублены последствиями интенсивного вовлечения китайского общества в мировые хозяйственные и культурные связи.

Возможно, наиболее значительные последствия, приведшие к росту народного недовольства, имело все более увеличивавшееся отрицательное сальдо Китая в торговле с западными державами, что в свою очередь было результатом огромного увеличения ввоза в страну опиума. На протяжении 1820–1840-х гг. в результате торговых операций китайская экономика получила около 10 млн лян серебра прибыли, в то время как вывезено его из Китая было примерно 60 млн. Это отразилось на рыночном соотношении серебра и медной разменной монеты. Так, если в начале XIX в. за один лян серебра давали 1 тыс. медных монет (*туцзыр*), то в начале 1840-х гг. — до 1500 монет. Последнее обстоятельство имело самое непосредственное отношение к проблеме налогового бремени. Как отмечалось выше, поземельный налог назначался в зависимости от количества и качества земли и ис-

числялся в граммах серебра. Непосредственная выплата производилась медной монетой в соответствии с реально складывающимся на рынке соотношением. Таким образом, реальное налоговое бремя, и в первую очередь на территории провинций Южного Китая, через которые и шла основная торговля с Западом, должно было увеличиться, и весьма существенно.

Второе обстоятельство, также связанное с иностранным вторжением и питавшее источники народного недовольства, состояло в перенесении основного объема торговли после первой «опиумной» войны в приморские провинции бассейна Янцзы. Это было результатом сопротивления, которое встретили иностранцы в Гуандуне, а также открытия для иностранной торговли целого ряда новых приморских городов. Товары, которые раньше приходилось транспортировать на юг, теперь было весьма удобно отправлять за границу, используя водную транспортную сеть бассейна Янцзы. Это лишило работы весьма значительную часть населения южных провинций, принадлежавшего к общественным низам, которые к середине XIX в. уже традиционно были связаны с перевозками товаров для иностранной торговли.

Таким образом, новые факторы, связанные с воздействием мирового рынка и капитализма, стали как бы частью традиционного механизма, действие которого приводило к обострению династийного кризиса и вспышке народного сопротивления.

К отмеченным обстоятельствам следует добавить и ряд других, носивших вполне традиционный характер. Народное недовольство вызвали последствия стихийных бедствий, обрушившихся на Китай в 40-е гг. XIX в. Плохое содержание ирригационных сооружений привело к тому, что в 1841 и 1843 гг. Хуанхэ прорвала дамбы, контролировавшие ее течение. Это вызвало затопление огромных территорий, в результате чего погибло около 1 млн человек. В 1849 г. в провинциях нижнего течения Янцзы случился один из самых жестоких неурожаев в XIX в. Засуха, ураганы и нашествие сельскохозяйственных вредителей почти полностью уничтожили посевы.

В условиях серьезного ухудшения положения значительные массы сельских и городских низов могли принять участие в антиправительственных выступлениях. Кроме того, в провинциях Южного Китая, где, собственно, и началось восстание, были весьма сильны традиционные противоречия между двумя группами населения — *пунти* («коренные», или *бэньди* на пекинском диалекте) и *хакка* («пришлые», или *кэцзя* в нормативном чтении). Первые, организованные в могущественные клановые общины, занимавшие наиболее удобные для земледелия и плодородные

земли долин, считали себя истинными хозяевами здешних мест. Хакка были потомками более поздних переселенцев, которым достались земли предгорий, более пригодные для выращивания батата, чем ведения поливного земледелия. Из их числа выходили арендаторы земель пунти. Помимо этого хакка как более поздним пришельцам чаще приходилось сталкиваться с местным не-китайским населением и вести с ним борьбу за землю.

Хакка были весьма благодатной средой для пропаганды анти-правительственных настроений. Неудовлетворенность своим положением, постоянное ощущение приниженного социального статуса заставили их винить в этом общественный порядок в целом, олицетворением которого являлась правящая маньчжурская династия. На Юге, в особенности в среде хакка, было много сторонников тайного общества «Небо и земля», занимавшегося антимаьчжурской пропагандой и призывавшего народ к сверже-

нию цинской династии и установлению китайского правления.

Неудивительно в связи с этим, что будущий руководитель Тайпинского восстания был родом из деревни хакка — Хун Сюцюань (1814—1864) родился в простой крестьянской семье в пров. Гуандун. Хун с детства испытывал склонность к учению. Когда мальчику исполнилось шесть лет, родители отдали его в деревенскую школу, которую он сумел успешно закончить, что удавалось очень немногим его сверстникам.

Семья Хун Сюцюаня, его родственники по клану, включая его самого, надеялись, что, выучив-

Хун Сюцюань
(руководитель Тайпинского
восстания)

шись, он сможет сдать экзамены на ученое звание, а затем начать и чиновничью карьеру. Таким образом, его юношеские устремления основывались на вполне лояльном отношении к существующему общественному порядку и, казалось, ничто не обещало, что жизнь и время сделают из него вождя одного из самых значительных народных восстаний в истории Китая. Однако преследовавшие Хун Сюцюаня неудачи во время экзаменов на получение первого ученого звания (*жэньюань*) повлияли на всю его дальнейшую жизнь.

В 1837 г. после очередного провала на экзаменах Хун, трагически переживавший случившееся, тяжело заболел. Он впал в

нервную горячку, сопровождавшуюся бредом и галлюцинациями. Во время болезни ему явилось видение — старец, восседавший на троне и подающий ему меч, украшенный драгоценными камнями. Оправившись от болезни, будущий вождь восстания, пытаясь разобраться в посщавшем его видении, обратился к изучению переводов священных христианских книг, которые годом ранее он привез из Гуанчжоу. В результате их длительного и тщательного изучения Хун пришел к выводу, что явившийся ему старец есть Бог Отец, предназначивший его к исполнению Божьего Завета — освобождению людей и основания на земле Божьего Царства. Впоследствии Хун Сюцюань назвал свое государство Тайпин тяньго (Небесное государство великого благоденствия), откуда и пошло название восстания. Себя Хун Сюцюань считал младшим братом Иисуса Христа и будущим правителем Небесного Царства на земле.

Попытка обратить односельчан в новую веру, представлявшую из себя причудливое соединение христианских идей с китайской традицией, знатоком которой можно считать Хун Сюцюаня, не увенчалась успехом, хотя он и нашел последователей среди некоторых родственников (так, приверженцем новых идей стал его двоюродный брат Хун Жэньгань) и верных друзей.

Стремясь расширить круг своих последователей, Хун Сюцюань переезжает в одну из деревень в соседней провинции Гуанси (уезд Гуйпин), где у него были родственники. В этом бедном горном районе, населенном бедняками-хакка и оторванными от сельской жизни рабочими-углежогами, число сторонников нового учения увеличилось. Здесь же им при поддержке ближайших друзей было основано «Общество поклонения Небесному Владыке», которое вскоре насчитывало до 2 тыс. человек.

Несмотря на преследования властей и временные неудачи, проповедь Хун Сюцюаня и его сподвижников привлекала все новых последователей. Из их среды вскоре и сформировалась группа будущих руководителей восстания. Среди них был энергичный и талантливый организатор Ян Сюцин (1817—1856). Будучи простым углежогом, он претендовал на признание того, что его устами с последователями движения говорит Сам Бог Отец (когда Ян Сюцин впадал в состояние, напоминавшее эпилептический припадок). Совсем юным примкнул к инсургентам Ши Дакай (1831—1863), происходивший из зажиточной семьи в Гуанси. Он привел в ряды повстанцев несколько сотен человек, являвшихся его родственниками по клану. Среди руководителей движения можно назвать также Вэй Чанхуэя, человека довольно состоятельного, семья которого принадлежала к *шэньши*. У каждого из них были

свои причины решиться на участие в деле, которое могло кончиться гибелью.

Летом 1850 г. Хун Сюцюань призвал своих сторонников собраться в деревне Цзинь тянь (тот же Гуйпин) в Гуанси, чтобы подготовиться к решительной борьбе с властями. На призыв откликнулись примерно 20–30 тыс. человек — мужчины, женщины, дети. Многие, продав все имущество, приходили к тайпинам целыми семьями и даже кланами.

Уже на ранней стадии восстания сторонники Хун Сюцюаня стремились реализовать некоторые важнейшие принципы его учения. Одним из них было положение об изначальном равенстве всех людей. В этом сказались влияние как христианских идей, так и китайской традиции, связанной с историей религиозных сект и тайных обществ. Как мы видели ранее, принцип изначального равенства всех созданий Божьих исповедовался и последователями религиозных сект, в основе верований которых лежали в первую очередь буддийские принципы. Сторонники Хун Сюцюаня попытались воплотить эти верования в некоторых общественных институтах. Одним из наиболее важных нововведений у восставших стали общественные кладовые, куда последователи движения должны были отдавать все имущество, превышающее минимум, необходимый для самой простой жизни. Сюда впоследствии передавалось также захваченное повстанцами в ходе гражданской войны.

Тайпинское руководство разделило своих последователей на мужские и женские отряды, объявив, что вступление в брак будет разрешено после победы народной войны. В тайпинских рядах были запрещены и сурово карались употребление табака и наркотиков, а также азартные игры. В знак непризнания власти маньчжурской династии тайпины отрезали косу и носили распушенные волосы, спадавшие на плечи. По этой причине в правительственных источниках их часто называли «длинноволосыми».

Социальный состав восставших был разнородным — это было в полном смысле народное движение, собравшее под свои знамена людей разного общественного положения и различных национальностей. В его рядах были земледельцы хакка, а также те, кто принадлежал к местным кланам, рабочие-углежогои и шахтеры, занятые на разработках в горных районах Гуанси, бедняки и состоятельные люди, выходцы из семей *шэньши*, *ханьцы* и представители местных народов, в первую очередь *чжуан*, и др. Но, разумеется, основную массу составляли те, кого можно отнести к низам тогдашнего китайского общества, — его маргиналы и даже люмпены.

Тем не менее из этой крайне разнородной массы людей, увидевших в движении тайпинов путь к иной, более достойной жизни,

ни, его руководителям удалось создать вполне дисциплинированное и боеготовое войско. Уже летом и осенью 1850 г. повстанцам пришлось неоднократно вступать в военные действия с отрядами деревенской самообороны, которые по приказанию местного начальства направлялись на подавление начавшейся смуты. Выступления, организованные местными могущественными кланами, были отражены восставшими.

Число сторонников движения росло, ему становилось тесно в отдаленном, богом забытом районе Гуанси. В январе 1851 г. было официально объявлено о начале восстания и образовании Небесного государства великого благоденствия, а также об основной цели восставших — свержении установившегося общественного порядка, воплощением которого в глазах тайпинов была правящая маньчжурская династия.

Казалось, что инсургенты стремятся полностью искоренить все, что имело хоть какое-то отношение к китайской культуре и исторической традиции, и утвердить на их месте совершенно другие, западные, ценности. Они расправлялись со всеми, кто так или иначе был связан со службой правящей династии. Беспощадно уничтожались все члены семей, в домашнем скарбе которых были найдены хотя бы отдельные предметы церемониальной одежды чиновника. Руководители движения объявили об отказе от традиционной системы экзаменов и набора посредством нее кандидатов на государственную службу. Они выступали против традиционных китайских религиозных «трех учений», назвав их ересью, безжалостно уничтожая при этом культовые сооружения и изваяния святых, дорогие сердцу не только книжника-чиновника, но и простого человека. На место всего этого они выдвинули христианство в интерпретации Хун Сюцюаня как единственно верное учение.

Однако движение тайпинов не означало полного разрыва с прошлым. Уже в самом названии тайпинского государства (Тайпин таньго — Небесное государство великого благоденствия) обнаруживается сочетание христианских влияний с вполне традиционными представлениями. «Небесное государство» — эту первую часть названия, скорее, можно отнести к влиянию западных религиозных концепций. Хотя для тайпинов Бог — это «*тянь-цзю*» (Хозяин Неба), т.е. Бог Отец по библейской традиции. В сознании простого китайца он вполне мог совмещаться с привычным представлением о Небе, которое также способно к творению, но это принципиально иной акт, нежели тот, который лежит в основе христианских учений.

Явное воздействие традиционных китайских представлений мы находим во второй части названия государства, созданного

тайпинами, — «великое благоденствие». Именно этот термин встречаем в древнем трактате «Чжоу ли» (Ритуал Чжоу). Именно отсюда главным образом были почерпнуты Хун Сюцюанем основные идеи, связанные с принципами государственного и общественного строя, который инсургенты были призваны утвердить в своем государстве.

Думается, что ничего принципиально нового не было и в обращении к иностранному религиозному учению, в данном случае христианству. Достаточно вспомнить, что идеология религиозных сект восприняла ряд положений буддизма, китайцам был известен и ислам, хотя родина этих учений далеко от Китая. Да и само христианство не являлось совершенно новым и неизвестным китайцам учением. Несмотря на гонения в XVIII в., христиане существовали в цинской державе. Шокирующей была та жесткость в религиозной пропаганде и действиях, которой отличались тайпины. Впоследствии это сослужило им плохую службу, оттолкнув их потенциальных последователей из числа простых китайцев или шэньши, готовых откликнуться на призыв к возрождению китайской государственности, но неспособных отказаться от традиционной китайской учености, постижение которой составляло смысл их существования.

Тайпинское восстание принято разделять на несколько этапов. Первый этап охватывает 1850—1853 гг. Это было время, когда восставшие собирали силы, создавали вооруженные отряды, в дальнейшем превратившиеся в армии, и с боями продвигались на север. Он завершился осадой и захватом Нанкина, который был превращен тайпинами в столицу своего государства. Наивысший подъем восстания пришелся на 1853—1856 гг. В этот период инсургентам удалось не только создать вполне стабильное государственное образование на территории нескольких приморских провинций нижнего течения Янцзы, но и предстать в качестве реальной угрозы цинской династии. События, связанные с кровавой междоусобной борьбой в тайпинском руководстве осенью 1856 г., делят историю восстания на восходящий период и время, когда восставшие безуспешно пытались удержать завоеванное в тяжелой борьбе. 1856—1864 гг. — последний этап в тайпинской истории, завершившийся падением Нанкина и гибелью всех основных участников тайпинской драмы.

Осенью 1851 г. тайпины захватили небольшой город в северной Гуанси — Юнъянь, где пробыли до весны следующего года. Здесь было завершено образование политических институтов тайпинского государства, Небесным ваном (правителем) стал Хун Сюцюань, что свидетельствовало о его главенствующем положе-

нии в тайпинской иерархии. Ян Сюцин, командующий тайпинскими войсками, получил титул Восточного вана. Вэй Чанхуэй стал Северным ваном, а Ши Дакай — Отдельным ваном. Каждый из этих правителей имел под своим командованием собственные вооруженные силы и административный аппарат. Верховным вождем считался Хун Сюцюань, которого вскоре стали приветствовать обращением «ваньсуй» (пожелание «десяти тысяч лет жизни»). Однако истинным военным руководителем и верховным администратором был Ян Сюцин, государственный талант которого раскрылся в полной мере. Впоследствии Хун большую часть времени проводил за написанием религиозных и философских сочинений, в то время как главное бремя государственных забот лежало на плечах Ян Сюцина.

Осенью 1852 г. тайпины были блокированы в Юнъане регулярными правительственными войсками. Сумев неожиданным ударом прорвать осаду, нанеся поражение цинским отрядам, пытавшимся остановить их, с боями они двинулись на север. Неудачи сменялись громкими победами. Тайпинам так и не удалось овладеть столицей Хунани г. Чанша, несмотря на его длительную осаду, однако наступление на Учан — столицу Хубэя — завершилось захватом этого важнейшего политического и военного центра Китая (февраль 1853 г.). В руки тайпинов, которых к этому времени насчитывалось, очевидно, до полумиллиона человек, попали запасы вооружения из учанских арсеналов. На Янцзы ими также было захвачено большое количество речных судов.

В сложившейся обстановке руководству повстанцев предстояло сделать серьезный выбор — решить, куда двигаться дальше. Можно было продолжить наступление на север с целью захвата столицы и свержения маньчжурской власти. Избери тайпины этот вариант, им, возможно, удалось бы сбросить цинское владычество, поскольку в этот момент центральное правительство не располагало сколько-нибудь значительными силами между Учаном и Пекином, способными остановить инсургентов.

Однако было принято другое решение — повернуть на восток и, спустившись по течению Янцзы, овладеть Нанкином и превратить его в столицу тайпинского государства. За этим решением стояли опасения повстанцев, бывших южан, слишком далеко уходить на север, который представлялся им незнакомым и чуждым. Не последнюю роль сыграли также воспоминания о том, что победитель монгольской династии Юань Чжу Юаньчжан также сначала столицей своего государства сделал именно Нанкин.

В марте после ожесточенной осады тайпины захватили Нанкин. С этого времени город оставался столицей Небесного государства вплоть до его падения в 1864 г.

Сделав своей базой провинции центрально-южного Китая, расположенные главным образом в бассейне нижнего течения Янцзы, восставшие не отказались полностью от идеи подчинения Северного Китая. Уже весной 1853 г. ими была организована первая экспедиция для завоевания Пекина. Несмотря на то что войсками командовал один из наиболее талантливых тайпинских военачальников, поход закончился неудачей, главным образом из-за недостаточного количества сил. К октябрю того же года армии, численность которой сократилась до 20 тыс. человек, удалось дойти до пригородов Тяньцзиня, но взять город столь немногочисленные силы, лишенные к тому же осадной артиллерии, не смогли. Посланный в начале 1854 г. на помощь второй отряд, насчитывавший приблизительно 40 тыс. человек, не смог поправить дело. Оправившись к этому времени от первых поражений, цинские войска после нескольких месяцев упорных боев разгромили обе армии, участвовавшие в северной экспедиции, их командиры были взяты в плен и казнены. Таким образом, тайпины как минимум дважды упустили реальный шанс положить конец маньчжурскому правлению и объединить Китай под властью Небесного вана.

Вначале правительственные силы были слишком слабы и постоянно терпели поражения от восставших. Опасаясь вступить с тайпинами в решающее сражение, цинские армии следовали за ними на почтительном расстоянии. После того как тайпины осели в Нанкине, правительственные войска создали два укрепленных лагеря на подступах к городу, накапливая силы и готовясь к решительному сражению, которое должно было привести к перелому в военных действиях. Однако этот перелом был связан не столько с активностью войск центрального правительства, сколько с формированием новых вооруженных сил, находившихся под контролем китайских чиновников-военачальников и созданных на основе отрядов ополчения могущественных кланов в тех районах, по которым прокатились волны тайпинского нашествия. Первыми такими соединениями были отряды «хунаньских молодцов», сформированные по разрешению цинского правительства видным чиновником хунаньского происхождения Цзэн Гофанем (1811—1872). Первые победы над тайпинами принадлежали именно хунаньской армии.

Создание китайских армий, находившихся под контролем именно китайских, а не маньчжурских военачальников, означало очень многое с точки зрения будущего тайпинского государства. Местная китайская элита, представленная могущественными кланами и связанным с ними чиновничеством, предпочла оказать поддер-

жку маньчжурской династии, а не тайпинам, разрыв которых с общественными устоями конфуцианской государственности, как мы уже говорили, оказался слишком радикальным.

Складывание региональных военных формирований, находившихся под номинальным контролем центра, имело и еще одно весьма важное для будущего политического развития Китая последствие: тем самым были заложены ростки явления, которое в китаеведческой литературе принято называть «региональным милитаризмом». Суть его состояла в том, что ослабленная развивавшимся династийным кризисом, внутренними смутами и внешними вторжениями императорская власть была уже не способна удерживать страну в рамках системы централизованного контроля. Влиятельные местные чиновники, подчинившие себе многочисленные вооруженные формирования, созданные первоначально для борьбы с тайпинами, превращались в силу, политически весьма независимую от пекинских властей. Этот процесс имел и другую сторону — «региональными милитаристами» были не маньчжуры, а представители китайской по своему происхождению чиновничьей элиты. В этом находило выход ее стремление к социальному самоутверждению, и маньчжурская правящая группа, желавшая продолжения своего правления в Китае, вынуждена была с этим смириться.

Между тем, превратившись во властителей Нанкина и территории площадью примерно 50 на 100 км вокруг него, тайпинские правители все более утрачивали облик аскетических руководителей народного движения. Содержание кладовых использовалось для строительства роскошных дворцов, содержания многочисленной челяди и гаремов. Уравнительные принципы, не забытые окончательно, были оставлены исключительно для подданных.

Именно в Нанкине, положение в котором прочно контролировалось тайпинской администрацией и армией, повстанцы на практике попытались реализовать свое видение общества «всеобщей гармонии». Городское население делилось на мужскую и женскую общины, отношения между которыми были ограничены; последние в свою очередь делились на объединения по профессиональному признаку. Ткачи изготавливали ткани, женщины-швеи шили из них одежду, оружейники делали доспехи и мечи, а гончары — посуду для дворцов тайпинских правителей. Деньги в этом царстве уравнительного коммунизма были отменены, и каждый мог, по крайней мере, рассчитывать, что его нужды будут удовлетворены из общественных кладовых. Однако эта система, введенная в практику общественной жизни в Нанкине, просуществовала недолго и была отменена в результате протестов и недовольства горожан.

За этими мерами, принятыми тайпинами, стояло не только стремление на практике осуществить идеи примитивного социализма, весьма распространенные в традиционных обществах различных типов и питавшиеся идеологией сельских и городских низов, но и желание утвердить модель восточного деспотизма в ее наиболее чистом виде — так, как она была описана в древних трактатах.

Этой же цели была подчинена и программа преобразований в сельских районах, так никогда и не осуществленная в жизни. Ее основные положения сформулированы в сочинении «Земельная система Небесной династии», автором которого был сам Хун Сюцюань. Эта система основывалась на уравнительном распределении земли между общинами, которые одновременно являлись религиозными и низшими военными объединениями. Их члены совместно отправляли культы, связанные с христианским учением, интерпретированным и преобразованным Хун Сюцюанем. Каждая из таких общин выделяла мужчин боеспособного возраста для службы в армии. Все, что превышало минимум необходимых потребностей, подлежало сдаче в государственные хранилища. В этом проявилось стремление Хун Сюцюаня утвердить образец восточного деспотизма в его наиболее классическом виде. Аграрная программа Хун Сюцюаня не была направлена на ликвидацию крупного землевладения. Ее цель состояла в экспроприации земли всех землевладельцев в пользу государства. Вряд ли можно было ожидать, что деревня (может быть, за исключением наиболее обездоленных ее жителей) охотно откликнется на выдвижение программы такого рода.

Тем не менее практическое проведение политики тайпинской администрации в жизнь в перешедших под ее контроль сельских районах говорило о ее определенных социальных ориентациях. В сущности, тайпины не приняли практических мер, которые можно было бы интерпретировать как стремление изменить характер аграрного строя. Правда, они пытались сократить арендную плату в случае неурожая или стихийных бедствий. Впрочем, все это входило в традиционный перечень мер, которые должна была осуществлять любая династия, стремившаяся управлять в соответствии с принципами *дао* и *дэ*.

В целом, однако, вплоть до осени 1856 г. положение в тайпинском лагере оставалось стабильным. Тайпинам удалось удерживать весьма значительную территорию, имевшую стратегическое значение, и не только успешно отбивать атаки, но и наносить поражения правительственным войскам и отрядам местных военных предводителей, выступивших на стороне цинского правительства.

Тайпинское государство было резко ослаблено внутренней борьбой, вспыхнувшей осенью 1856 г. и отметившей собой ру-

беж, после которого восстание пошло по нисходящей линии. Причины происшедшего по-разному оценивались историками, но более всего это походило на стремление захватить верховную власть в тайпинском государстве. Действующими лицами сентябрьских событий были все основные руководители тайпинского государства, сумевшие уцелеть в ходе походов и боев. Прежде всего это была борьба между Небесным ваном Хун Сюцюанем и его наиболее влиятельным соратником Ян Сюцином, уже ко времени занятия Нанкина сосредоточившим главные нити политического и военного контроля в своих руках.

После превращения Нанкина в тайпинскую столицу отношения между ними стали резко ухудшаться, начало чему было положено еще в конце 1853 г., когда Ян под предлогом того, что его устами вещает Сам Бог Отец, осудил Хуна за недостойное поведение, объявив, что он «начал слишком много грешить».

В начале лета 1856 г. произошел еще один эпизод, который также можно было истолковать как претензию Ян Сюцина на захват главенствующего положения в тайпинской иерархии. На этот раз «Бог Отец» потребовал, чтобы Хун Сюцюань пожелал ему, Ян Сюцину, не «девять тысяч лет жизни», а все «десять», что по существующему церемониалу было положено желать только самому Хун Сюцюаню.

Ян Сюцин, который деспотическими методами правления восстановил против себя других тайпинских руководителей, для рядовых тайпинов продолжал оставаться любимым и почитаемым предводителем восстания. Об истинных причинах сентябрьских событий 1856 г. можно строить предположения, внешне же их канва выглядит следующим образом.

На рассвете 2 сентября 1856 г. части, верные Северному вану Вэй Чанхуэю, ворвались в резиденцию Яна и безжалостно уничтожили всех, кто там находился, включая и самого Ян Сюцина. Через несколько дней после этого был издан эдикт от имени Хун Сюцюаня, в котором Вэй Чанхуэй подвергался осуждению за происшедшее, более того, он был приговорен к публичному наказанию палками во дворце верховного правителя тайпинов. Уцелевшие сторонники Ян Сюцина, которых в Нанкине насчитывалось несколько тысяч человек и которые, несомненно, представляли опасность для участников заговора, желая быть свидетелями унижения своего врага, без оружия собрались в указанном месте. Но здесь они были окружены бойцами Вэй Чанхуэя и безжалостно и хладнокровно уничтожены.

Узнав о случившемся, Ши Дакай, находившийся в это время на войне, снял войска с передовых позиций и в октябре объявился

у стен Нанкина. Происшедшее вызвало его крайнее осуждение, которое он и не пытался скрывать. Вэй готовил расправу и над Ши Дакаем, надеясь таким образом избавиться от основных соперников в борьбе за главную роль в тайпинской державе.

Ши Дакаю чудом удалось избежать смерти. Получив сообщение о готовящейся расправе над ним, он бежал из города. По одним сведениям, его верные люди помогли ему спуститься с городской стены по веревке, по другим — телохранители вынесли его за пределы Нанкина в корзине, в которой обычно зеленщики доставляли в город овощи. Тогда по распоряжению Вэя была совершена расправа над членами семьи Ши Дакая, оставшимися в городе.

Однако победа Вэй Чанхуэя была непродолжительной. Через месяц по требованию Ши Дакая и других многочисленных руководителей тайпинов он был лишен жизни вместе с несколькими сотнями своих приверженцев. Ши Дакай с триумфом вернулся в Нанкин.

Не совсем ясна роль, которую в этих событиях играл Хун Сюцюань. Скорее всего, он являлся участником заговора, направленного против Яна, но впоследствии стал опасаться чрезмерного усиления власти того, кто, выполняя его волю, расправился с Восточным ваном. Тем не менее устранение Вэй Чанхуэя, на которого и была возложена вся ответственность за трагические события, помогло ему сохранить ореол верховного правителя, чрезмерным доверием которого воспользовались враждебно настроенные приближенные.

Последовавшие государственные перевороты и контрперевороты были поистине ужасны. Погибли тысячи людей, составлявшие цвет тайпинского военного командования и политического руководства. По данным источников, их число составило более 20 тыс. человек.

Все это вызвало рост взаимного недоверия в тайпинском руководстве и в конечном счете привело к расколу движения. В 1856 г. Ши Дакай, очевидно не без оснований опасавшийся за свою безопасность, покинул Нанкин и со своими вооруженными приверженцами (около 100 тыс.) отправился в самостоятельный поход, надеясь основать новый центр тайпинского движения в богатой провинции Сычуань.

События осени 1856 г. нанесли тайпинскому движению удар, от которого оно по-настоящему так и не смогло оправиться. Однако, несмотря на это, тайпины продолжали оказывать упорное сопротивление, отстаивая территорию своего государства еще почти 10 лет. За это время выдвинулись новые талантливые руководители и государственные деятели, которые вынашивали проск-

ты реформ, способных изменить облик традиционного китайского общества, сделав его более современным.

Одним из наиболее выдающихся руководителей тайпинского государства на этапе его поздней истории стал Ли Сючэн (1824—1864), с именем которого связано немало удачных военных операций. С проектом реформ, выдержанных в духе западных влияний, в 60-е гг. выступил двоюродный брат Хун Сюцюаня Хун Жэньгань (1822—1864), ставший последователем его идей еще в 40-е гг. Впоследствии, спасаясь от преследований, он вынужден был укрыться в Гонконге. Хун Жэньгань предлагал ввести в Китае современные средства связи, выступал за строительство железных дорог, развитие банков, промышленности, торговли.

Между тем силы, боровшиеся против тайпинов, все увеличивались. Главное бремя гражданской войны несли на себе региональные вооруженные формирования, значение которых все более росло. Под командованием Ли Хунчжана (1823—1901), служившего несколько лет в армии «хунаньских молодцов» Цзэн Гофаня, в начале 60-х гг. образуется Хуайская армия. В нанесении решающих ударов по тайпинам принял участие Цзо Цзунтан (1812—1885), возглавивший действовавшую против них армию в пров. Чжэцзян.

Эти армии, вооруженные и обученные на европейский манер, далеко превосходили тайпинские войска по оснащенности, но уступали им в боевом духе. С начала 60-х гг. иностранцы, отказавшись от политики нейтралитета, которого они придерживались с начала восстания, также начинают вмешиваться в военные действия, выступая на стороне пекинского правительства. С их точки зрения, тайпины, отказавшиеся подтвердить положения Нанкинского договора 1842 г., являлись менее удобными партнерами, чем маньчжурское правительство. На стороне маньчжуров воевали отряды европейских наемников. Позднее были созданы специальные подразделения, в которых иностранцам была отведена роль офицерского корпуса, рядовыми же бойцами были китайцы.

В 1862 г. Ши Дакай, стремясь превратить в новую базу тайпинского движения пров. Сычуань, был блокирован на берегах горной реки Дадухэ превосходящими силами противника. Положившись на обещание, данное цинским командованием, в случае добровольной сдачи сохранить его бойцам и ему самому жизнь, он сдался на милость победителей. Однако слова они не сдержали. Рядовые бойцы были преданы мечу, а сам Ши Дакай перевезен в Чэнду и там казнен.

В начале 1864 г. столица Небесного государства была подвергнута блокаде правительственными войсками. Весной подвоз продовольствия в город прекратился, стала реальной угроза голода.

Хун Сюцюань, глубоко уверенный в том, что вмешательство Божественных сил поможет его державе преодолеть все испытания, отказался обсуждать, возможно, разумные предложения о прорыве блокады и уходе на юг, откуда и началось само движение.

К лету 1864 г. стало очевидным, что помощи ждать неоткуда. Видимо, приняв яд, 1 июня 1864 г. Хун Сюцюань скончался, а в конце июля начался решающий штурм столицы Небесного государства. Сигналом к штурму города был подрыв неприятелем части мощных оборонительных стен, окружавших Нанкин. Пятнадцатилетний сын Хуна, коронованный в качестве Небесного вана, несмотря на помощь опытных и верных советников, был бессилен что-либо сделать.

Тем не менее юному правителю в окружении небольшой группы наиболее преданных и близких сановников (в нее входили Ли Сючэн и Хун Жэньган) вместе с вооруженным отрядом удалось вырваться из Нанкина, где последние защитники тайпинского государства вступили в уличные бои с войсками цинского правительства. Они сражались до последнего человека.

В октябре Небесный ван был захвачен и казнен (Ли Сючэн попал в плен и был предан смерти еще ранее). Но разрозненные тайпинские отряды продолжали сопротивление и после гибели своих предводителей. Одни из них боролись на севере, на территории провинций Аньхуэй и Шаньдун, другие — оказывали сопротивление на юге. Одна из групп тайпинов под давлением правительственных войск даже перешла границу с Вьетнамом и впоследствии приняла участие в событиях франко-китайской войны 1884—1885 гг.

Последствия Тайпинского восстания были поистине трагичны. Обширные районы страны обезлюдели и лежали в руинах. За время гражданской войны по разным оценкам погибло 15—20 млн человек.

Имели ли тайпины шансы одержать победу в борьбе и если да, то как могла повлиять их победа на дальнейший ход китайской истории? Думается, что такой шанс у них был, достаточно сослаться на пример, связанный с историей прихода к власти минской династии. И сами факты истории тайпинского государства убеждают, что в 1856 г. правление цинской династии едва удерживало власть. С другой стороны, некоторые обстоятельства заставляют усомниться в том, что в случае прихода к власти тайпинам удалось бы удержать ее надолго. Слишком радикальным был вызов, брошенный ими устоям китайской государственности и культуры, что сделало их врагами и *шэньши*, недовольных правлением маньчжурской династии, и простых крестьян, которые не хотели отказываться от привычных верований предков.

Тем не менее победа тайпинского дела означала бы не что иное, как восстановление, правда, в иной форме, но все-таки традиционной китайской деспотии.

3. КИТАЙ И ИНОСТРАННЫЕ ДЕРЖАВЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Тайпинское восстание значительно ослабило цинскую державу перед лицом угрозы внешнего вторжения. Этой ситуацией спешили воспользоваться западные государства, стремившиеся навязать Китаю новые неравноправные соглашения, закрепить успех, достигнутый в период первой «опиумной» войны и добиться новых уступок со стороны цинского правительства. Однако в начале 50-х гг. XIX в. страны Запада были связаны войной на востоке Европы, в которую оказались вовлечены Россия и Османская империя. После поражения России в Крымской войне (1853—1856) их руки оказались развязанными, и они, в первую очередь Англия, приступили к осуществлению планов дальнейшего проникновения в Китай.

Последовавшие далее события получили название второй «опиумной» войны и растянулись на четыре года (1856—1860). В ее истории можно выделить два крупных периода: осень 1856 — весна и лето 1858 г. и лето 1858 — лето 1860 г. Первый из них завершился подписанием Тяньцзиньских соглашений, в результате второго были заключены Пекинские договоры. Во вторую «опиумную» войну (в отличие от событий 1840-х гг.) помимо Англии оказалась вовлеченной Франция, принимавшая непосредственное участие в военных действиях против Китая. Россия и США заняли позицию нейтралитета. Выступая в роли посредников на переговорах между представителями цинского двора и европейских государств, они тем не менее имели собственные цели, к достижению которых им во многом проложили дорогу Англия и Франция.

Поводом для начала новой войны против цинской державы послужил инцидент с лорчей «Эрроу» (лорча — тип небольшого китайского судна, использовавшегося главным образом для каботажного плавания). Суть его состояла в следующем. В октябре 1856 г. китайские власти арестовали 12 моряков с этого судна по обвинению в пиратстве у китайского побережья. Обвинение, очевидно, имело основания. Однако проблема заключалась в том, что корабль был зарегистрирован в Гонконге (правда, ко времени описываемых событий срок регистрации уже истек) и носил на борту британский флаг. Внешне происходящее выглядело как

арест китайскими властями экипажа английского судна. Именно так и стремились представить дело англичане.

Осенью начались военные столкновения между английскими военными судами и китайской береговой охраной. Первое нападение английского флота произошло в конце октября. Англичане вели переговоры, прерывавшиеся вспышками военных действий, с губернатором Гуанчжоу Е Миньчэнем без объявления войны цинской империи. Вскоре к ним присоединились французы. Предлогом для их участия в событиях послужило убийство местным населением французского миссионера в провинции Гуанси.

Е Миньчэнь занял на переговорах уклончивую позицию, стараясь оттянуть время. Пытаясь оказать на него давление, державы подвергли Гуанчжоу блокаде и в декабре 1857 г. захватили город, после чего он оставался под их контролем почти в течение четырех лет. Е Миньчэнь был арестован и сослан англичанами в Калькутту, где вскоре умер. Однако развитый достигнутый успех англичанам помешали события, связанные с восстанием сипаев в Британской Индии (1857—1859), которое поставило под сомнение прочность их колониальных захватов в Южной Азии.

Весной 1858 г. переговоры между Англией, Францией и Китаем были перенесены в Шанхай. Однако они ни к чему не привели, и в результате англо-французский флот появился у побережья Северного Китая. Чтобы подтвердить серьезность своих намерений, западные союзники заняли форты г. Дагу, которые прикрывали движение по р. Байхэ. В сущности, для англо-французской эскадры путь на Пекин был открыт.

И снова начались переговоры, на которых цинская сторона была вынуждена принять все требования западных держав. Это привело к заключению в мае—июне серии Тяньцзиньских соглашений между Китаем и целым рядом иностранных государств — Англией, Францией, Россией, США.

Англо-китайский договор, подписанный цинской стороной с «пистолетом, приставленным к горлу», по выражению английского представителя лорда Элгина, содержал целый ряд новых и важных для британцев условий. Для иностранной торговли были открыты еще 11 портовых городов, что предоставляло Западу все возможности для самого широкого проникновения на китайский рынок. Иностранцы приобрели право свободы передвижения по китайской территории и свободной миссионерской деятельности. Кроме того, англичане получили компенсацию за организацию военной экспедиции в размере 4 млн ляннов серебра. На следующий день был подписан договор французов с китайской стороной, положения которого повторяли в деталях содержание англо-китайского соглашения. Излишне говорить, что америка-

но-китайский договор предусматривал распространение на США прав, полученных другими странами Запада (за исключением пункта о контрибуции).

Русско-китайский договор предусматривал положения, характерные лишь для отношений между этими двумя континентальными государствами. Одним из важных был вопрос территориального разграничения на Дальнем Востоке. Огромные территории в бассейне Амура, оставленные Нерчинским соглашением для разрешения в будущем, все в большей степени привлекали внимание России. Русская колонизация к этому времени уже проникла в районы Дальнего Востока, включая Камчатку, как бы охватывая непосредственно бассейн Амура. Изменение международной ситуации на Дальнем Востоке, активное вовлечение в политику в этом регионе европейских держав побуждали Россию более энергично заняться вопросом о будущем этих районов. В особенности неотложной, с точки зрения русской дипломатии, эта проблема стала представляться после того, как в результате российских дальневосточных экспедиций, предпринятых в 40-х гг. XIX в., выяснилось, что устье Амура вполне судоходно и современные военные суда могут подняться по нему до среднего течения реки и далее приблизиться к русским границам в Азии. Не без основания русское правительство опасалось, что англичане, захватившие юг Китая, способны распространить свой контроль и на этот район, в сущности оставшийся вне территориального разграничения.

Россия имела основания опасаться и агрессивных действий со стороны западных государств на ее дальневосточных границах. Во время Крымской войны, летом 1854 г., Петропавловск-Камчатский был атакован силами объединенной англо-французской эскадры. И хотя эта операция закончилась для западных союзников неудачно (их десант был разгромлен и сброшен в море гарнизон города), тем не менее это был весьма тревожный сигнал.

Весной 1858 г. переговоры о территориальном разграничении между Россией и Китаем велись одновременно в Айгуне (ныне — г. Хэйхэ на китайской территории) и Тяньцзине. Айгунские переговоры, возглавляемые генерал-губернатором Восточной Сибири Муравьевым, были удачными для российской стороны. Муравьев добился от китайских партнеров по переговорам согласия в том, что граница до соединения Амура с Уссури будет проходить по течению Амура, при этом земли по левому берегу реки будут принадлежать России, а по правому — Китаю. Территории к востоку от Уссури, вплоть до морского побережья, были оставлены в совместном владении до решения этого вопроса в будущем.

Менее удачным для России был визит эскадры под командованием Путятина, которая весной 1858 г. находилась у берегов

Китая. Командующему русской эскадрой и одновременно важнейшему дипломатическому представителю России удалось добиться от китайской стороны лишь принципиального согласия на обсуждение проблем территориального разграничения между государствами.

Соглашения, достигнутые между Китаем и иностранными державами, подлежали ратификации императором. Однако китайская сторона, уступив давлению иностранцев, стремилась теперь не допустить ратификации Тяньцзиньских документов, пытаясь использовать оставшееся в ее распоряжении время (соглашения подлежали ратификации через год после подписания) для укрепления подступов к Пекину.

Представители Китая требовали, чтобы иностранные делегации, прибывшие для обмена ратификационными грамотами, передвигались по суше в сопровождении сравнительно незначительного эскорта. Иностранцы предпочли другое решение — направиться в сопровождении внушительной эскадры непосредственно к Тяньцзиню, рассчитывая в очередной раз использовать демонстрацию военной мощи в качестве фактора воздействия. Однако форты Дагу, укрепленные за прошедший год, 25 июня 1859 г. встретили англо-французскую эскадру мощным артиллерийским огнем. Десант, высаженный союзниками для захвата фортов, также был разгромлен. Потери союзников составили более 400 человек убитыми и ранеными, несколько судов были потоплены и некоторые повреждены. Это заставило западные державы временно отступить и начать подготовку широкомасштабного вторжения в Китай, которое и было предпринято летом следующего 1860 г.

Интервенция началась в августе. Англичане сосредоточили в Северном Китае десятитысячный корпус, примерно столько же солдат имели в своем распоряжении французы. Объединенная англо-французская эскадра насчитывала более 70 боевых судов. Не вступая в переговоры, иностранцы захватили форты Дагу, тем самым открыв для себя путь к Тяньцзиню и далее к Пекину. Китайские войска, деморализованные неожиданным наступлением противника с суши, не смогли организовать серьезного сопротивления. В сентябре на подступах к столице Срединной империи они потерпели еще одно сокрушительное поражение.

Позиция цинского правительства в этой ситуации отличалась непоследовательностью. Начавшиеся переговоры с иностранными державами были прерваны арестом части иностранной делегации. Как выяснилось впоследствии, некоторые из арестованных погибли от рук стражи, некоторые умерли, не вынеся тяже-

лых условий китайской тюрьмы. Эти факты были использованы западными союзниками в качестве предлога для грабежа и разрушения императорского летнего дворца, расположенного в окрестностях Пекина и содержавшего несметные сокровища. Дворец буквально сравнивали с землей, вывезя отсюда все, что представляло хоть какую-нибудь ценность.

Императорский двор был в полной растерянности. Император бежал из столицы, оставив в качестве уполномоченного для ведения переговоров князя Гуна. В этот критический момент, когда представители иностранных держав не могли отыскать никого из числа представителей высшей цинской администрации, кто бы мог вести с ними переговоры, посредником выступил энергичный российский дипломат генерал Н.П. Игнатьев.

В конце октября английские войска вошли в Пекин, где на территории императорского дворца Гугуна произошло подписание Пекинского англо-китайского договора. Этот договор означал наступление нового этапа иностранного проникновения в Китай, зафиксировав целый ряд положений, к достижению которых давно стремились зарубежные государства. Помимо контрибуции (8 млн лян серебра) англичане получили право содержать в Пекине на постоянной основе посольство, к ним отошла часть территории полуострова Цюлун, непосредственно прилегающая к Гонконгу; Тяньцзинь пополнил собой список портов, открытых для иностранной торговли; китайское правительство согласилось на эмиграцию китайских рабочих (кули); католической церкви возвращалась собственность, конфискованная после начала гонений на иностранных миссионеров в первой трети XVIII в. Таково было содержание и французо-китайского договора, в который французам удалось включить также пункт, разрешавший миссионерам покупать в пределах всего Китая землю и строить на ней храмы.

Эти положения в соответствии с принципом наибольшего благоприятствования были распространены на Россию и США. Впрочем, у российской дипломатии были особые задачи, с которыми удалось справиться Н.П. Игнатьеву. Вопрос о территориальном разграничении на Дальнем Востоке в Пекинских соглашениях был разрешен к полному удовлетворению российской дипломатии. Было не только закреплено разграничение по течению Амура, но и определена граница к востоку от слияния Амура и Уссури. Однако надо признать, что делимитация этой границы (определение на географических картах), осуществленная вслед за подписанием Пекинского русско-китайского договора, была в отрыве от сложившейся к тому времени практики территориального

разграничения (если граница устанавливалась по водной артерии). Обычно в таком случае граница проводилась по середине фарватера или крайне редко по средней линии течения реки. В данном случае граница была обозначена по китайскому берегу Амура. Это давало аргументы российской дипломатии в будущем использовать эти документы для обоснований позиций, отвечавших в первую очередь ее интересам.

Добившись в очередной раз капитуляции Китая и заставив его принять требования, выгодные Западу, иностранцы в конце 1860 г. вывели свои войска из Пекина. Соглашения, подписанные в китайской столице, означали закрепление статуса Китая как зависимой полуколониальной периферии капиталистической мировой системы.

События, связанные со второй «опиумной» войной, не завершили натиск западных держав на Китай. Добившись в целом выгодных для Запада условий проникновения на китайский рынок, каждая из европейских держав стремилась обеспечить и свои собственные интересы в Китае. В некоторых случаях борьба за сферы влияния принимала форму военных столкновений. Именно так складывались отношения между Китаем и Францией в середине 80-х гг. XIX в.

В 60-е гг. XIX в. Вьетнам и другие страны Индокитая становятся одним из важнейших регионов, с которыми связаны планы колониального проникновения Франции. Продвижение Франции на север к границам с Китаем неизбежно должно было привести к ее столкновению со Срединной империей.

Пытаясь организовать сопротивление французскому вторжению, вьетнамское правительство стремилось опереться на помощь Китая, в частности, оно обратилось за поддержкой к отрядам «черных флагов» (часть тайпинских войск, перешедших границу с Вьетнамом после поражения и осевших на территории Вьетнама). Весной 1882 г. вьетнамская армия совместно с отрядами «черных флагов», которым было даровано прощение пекинским правительством, нанесли поражение французским войскам. Это остановило их продвижение на север и на время отсрочило захват Северного Вьетнама. В сущности, уже эти события означали начало войны между Китаем и Францией в борьбе за Вьетнам.

Тем не менее французское правительство было исполнено решимости окончательно покорить Вьетнам, рассматривая его и как плацдарм в дальнейшем продвижении в южно-китайские провинции. В этом сталкивались интересы Франции и Англии, и французы стремились опередить своих соперников. Адмирал Дюп-ре, губернатор Южного Вьетнама, перешедшего к этому време-

ни под контроль Франции, писал еще в 1873 г.: «Следует особо подчеркнуть, что соперничество в этом регионе между Великобританией и Францией все усиливается в связи с тем, что обе державы продвигаются в одном и том же направлении, к Юньнани, но британцы из Бирмы, а французы из Вьетнама».

Политика цинского правительства и на этот раз отличалась крайней непоследовательностью, поскольку определялась борьбой двух фракций при дворе. Ли Хунчжан, один из главных организаторов победы над тайпинами, назначенный представителем на переговорах с французами, стремился не допустить прямого военного столкновения. Одновременно при дворе существовала и весьма влиятельная партия войны, представленная главным образом высшей маньчжурской знатью. Как бы там ни было, летом 1883 г. во Вьетнаме уже были регулярные китайские части, введенные сюда из провинции Юньнань. Они должны были поддерживать вьетнамские войска и отряды «черных флагов» в их борьбе против агрессии Франции.

В августе того же года французам удалось навязать вьетнамской стороне договор. По этому договору Вьетнам официально признавался протекторатом Франции, которая получала право контроля над его внешней политикой, в том числе право контролировать его отношения с Китаем. В соответствии с договором французские войска вводились в Тонкин (Северный Вьетнам). Все это являлось прямым вызовом Китаю, продолжавшему считать Вьетнам зависимым от него государством, и открывало, таким образом, начальную фазу франко-китайской войны.

Весной 1884 г. французы выступили против китайско-вьетнамских войск, стремясь отодвинуть их к китайской границе. Военная удача была на стороне Франции, и вскоре Китай, представленный на переговорах Ли Хунчжаном, заключил с Францией соглашение. Он признавал все договоры, подписанные до этого между Францией и Вьетнамом, т.е. признавал превращение Вьетнама во французскую колонию, и открывал для французской торговли провинции Юньнань и Гуанси. В обмен на это Франция обещала не предпринимать агрессивных действий против южнокитайских провинций. Обе стороны договорились в течение трех месяцев прийти к заключению постоянного договора на основе принципов, изложенных выше.

Однако Китай не спешил подписывать договор с Францией, французы же, наоборот, стремились закрепить достигнутые успехи заключением постоянного соглашения, передававшего им Вьетнам в колониальное владение. В августе 1884 г. французская эскадра предприняла неожиданное и не спровоцированное нападение

на китайскую эскадру, расположенную на рейде Фучжоу. В результате обстрела, начатого французами и продолжавшегося около часа, были потоплены 11 китайских кораблей, составлявших основу современного военного флота. После этого французские корабли подвергли блокаде южнокитайские порты.

Одержав столь легкую победу у китайского побережья, французы столкнулись с неожиданно упорным сопротивлением китайских войск в Северном Вьетнаме. Весной 1885 г. они понесли тяжелое поражение, в результате которого были вынуждены отступить в глубь территории Вьетнама, оставив приграничные с Китаем районы, занятые ими до этого.

В апреле 1885 г., примерно через год после заключения предварительного франко-китайского соглашения, в Тяньцзине был подписан постоянный договор на условиях, выгодных французам. Несмотря на поражение, которое французские войска потерпели во Вьетнаме, их успехи у китайского побережья заставили китайское правительство отказаться от дальнейшего сопротивления. Франко-китайский Тяньцзинский договор предусматривал прекращение военных действий и отказ Китая от особых отношений с Вьетнамом. Фактически это означало превращение Вьетнама во французскую колонию. Франция также получила право вести торговлю в южнокитайских провинциях, граничащих с Вьетнамом.

Начатый Францией процесс отторжения от Китая государств, пускай формально, но признававших его сюзеренитет, был продолжен Японией. В середине XIX в. Япония, пострадавшая не в меньшей степени, чем Китай, от иностранной агрессии, после «Реставрации Мэйдзи» (1868) встала на путь последовательных реформ по западному образцу. Это позволило ей в конце XIX в. претендовать на роль колониальной державы в дальневосточном регионе.

Внимание японского правительства привлекала Корея, являвшаяся традиционным объектом японской экспансии. Однако в Японии понимали, что попытка захвата Кореи неизбежно приведет к конфронтации с Китаем.

Первые столкновения между Китаем и Японией из-за Кореи относятся к 80-м гг. XIX в. В 1882 г. в Корею были введены как китайские, так и японские войска под предлогом борьбы с антиправительственными выступлениями в этой стране. Осенью 1884 г. в Корее группировка реформаторски мыслящих сановников двора, придерживавшихся прояпонской ориентации, совершила попытку государственного переворота. Его цель состояла в устранении верховного правителя, который противился реформам и

которого поддерживал цинский Китай. Это привело к столкновению между китайскими и японскими войсками, фактически подерживавшими заговорщиков. Во главе китайских войск, в этот период сумевших одержать верх над японцами, стоял молодой генерал Юань Шикай, которому в будущем было суждено сыграть весьма видную роль в китайской истории.

Несмотря на то что попытка переворота была подавлена, Китай был вынужден пойти на переговоры с Японией. Причина состояла в том, что, оправившись от неудачи, Япония высадила на корейском побережье мощный экспедиционный корпус. В апреле 1885 г. между Китаем и Японией было заключено соглашение, в соответствии с которым Корея, в сущности, превращалась в протекторат своих более могущественных соседей. Обе стороны согласились вывести свои войска с территории Кореи, при этом было оговорено, что, если одна из держав сочтет необходимым вновь послать их, она должна предупредить об этом противную сторону.

События, происшедшие весной 1894 г., почти полностью повторили события десятилетней давности. Начавшееся в Корее восстание заставило правительство обратиться за помощью к цинскому Китаю, который, правда без особой готовности, откликнулся на нее. Предупрежденные о том, что китайские войска посланы в Корею, японцы также отправили туда экспедиционный корпус, значительно превосходивший по численности китайские войска.

Ли Хунчан, как обычно, возглавивший переговоры с цинской стороны, стремился во что бы то ни стало избежать прямого военного столкновения с Японией, однако Япония упрямо стремилась к конфликту. В июле 1894 г., не получив согласия Китая на совместное проведение в Корее политики реформ, японцы приступили к осуществлению своего плана, начав с ареста корейского правителя, что означало не что иное, как начало государственного переворота.

Ли Хунчан, видимо, рассчитывал главным образом на вмешательство европейских держав в данной ситуации, надеясь, что они воспротивятся установлению единоначального японского контроля над Кореей. Японцы же тем временем открыли военные действия против Китая. Ими был потоплен транспорт с китайскими солдатами, отправленный для усиления группировки, дислоцированной в Корее (в результате погибло более 1 тыс. человек), и атакованы китайские войска, расположенные вблизи Сеула.

После того как японцы фактически развязали войну с Китаем, обе стороны в августе были вынуждены официально объявить о ней. Развернувшиеся осенью 1894 г. на территории Кореи

боевые действия между сухопутными частями быстро привели к полному разгрому китайских войск и их паническому бегству на китайскую территорию. Тогда же японцами было нанесено тяжелое поражение китайской Северной эскадре, составленной из самых современных судов, построенных при помощи иностранцев. В октябре военные действия были перенесены на территорию Китая — китайским войскам было нанесено поражение на берегу пограничной реки Ялу. После этого японское наступление развернулось в направлении крупнейших китайских военно-морских баз на севере — Люйшуня и Даляня, которые вместе со всем вооружением и оснащением почти без боя были захвачены Японией. В начале 1895 г. японцы высадили многочисленный десант в районе г. Вэйхайвэй (пров. Шаньдун), являвшегося базой Северной эскадры, остатки которой укрылись здесь после понесенного поражения. И сам город, и эскадра также были захвачены японцами, не встретившими сколько-нибудь серьезного сопротивления. Это было полное и сокрушительное поражение Китая.

Рассматривая в качестве вполне реальной угрозы продвижения японских войск в направлении столицы, цинское правительство решило пойти на переговоры, результатом которых могли быть только новые уступки Японии. Представителем Китая на переговорах вновь был назначен Ли Хунчжан. Местом обсуждения положений мирного договора стал японский город Симоносеки. Здесь в апреле 1895 г. и завершились переговоры. Требования Японии были явно неприемлемы для Китая — японская сторона настаивала на выплате огромной контрибуции (300 млн лян), оккупации Мукдена, превращении Пекина в город, открытый для иностранной торговли, передаче Японии Тайваня, Пескадорских островов, Ляодунского полуострова. Япония также требовала признать независимость Кореи и открыть для японских торговцев внутренние районы Китая.

Во время переговоров китайская дипломатия не без успеха стремилась использовать противоречия между западными державами, соперничавшими в борьбе за установление контроля в Средней империи. США выступили на стороне Японии, в то время как китайская сторона была поддержана Францией и Россией, в особенности опасавшейся усиления позиций Японии на Дальнем Востоке. В результате Япония была вынуждена снять некоторые из требований, вызывавших наибольшее сопротивление китайской стороны: Пекин сохранял свой прежний статус, Япония отказалась от оккупации Мукдена и согласилась с сокращением контрибуции на одну треть.

В результате давления со стороны России во время обмена ратификационными грамотами Симоносекского соглашения (8 мая

1895 г.) Япония согласилась отказаться от оккупации Ляодунского полуострова за некоторую дополнительную компенсацию со стороны Китая.

Поражение в японо-китайской войне было расценено внешним миром и в самом Китае как свидетельство провала политики реформ, проводившихся в цинской державе на протяжении предшествующих 30 лет. Особенно болезненным для патристически настроенных представителей китайской политической элиты был факт разгрома, нанесенного именно Японией, которая традиционно (однако без достаточных оснований) рассматривалась как государство, едва ли не независимое от Поднебесной империи.

4. ПОЛИТИКА САМОУСИЛЕНИЯ И ПОПЫТКИ РЕФОРМ В КИТАЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Черeda военных поражений Китая в столкновениях с западными державами, приведших к утрате страной полноты государственного суверенитета (установление иностранного контроля над таможенной системой, консульская юрисдикция, экстерриториальность, создание селтльментов), явилась побудительным мотивом к поиску путей выхода из создавшегося положения. Таким выходом могла быть только политика реформ. Она получила название «движение по усвоению заморских дел» (*янъу юньдун*) или «политика самоусиления» (*цзы цян*) и проводилась на протяжении 1860—1890-х гг. Ее завершением принято считать события японо-китайской войны, результаты которой продемонстрировали большую эффективность реформ в Японии по сравнению с «самоусилением» в Китае.

Пытаясь разобраться в причинах побед Запада и поражений Китая, идеологи политики преобразований прежде всего обращали внимание на те сферы, где превосходство европейских держав было наиболее очевидным, в первую очередь на военно-техническую мощь иностранных держав. Именно это отмечал один из выдающихся ученых и политических деятелей Китая середины XIX в. Вэй Юань (1794—1856). Наибольшую известность получил его энциклопедический труд, содержащий обширные сведения по географии, экономике, политическим институтам зарубежных государств. Написанная на основе многочисленных китайских и иностранных источников, эта книга содержала также и некоторые собственные рекомендации автора, связанные с мерами, которые следовало принять цинскому правительству для разрешения проблем, возникших перед китайской державой. Предложения Вэй Юаня включали строительство арсеналов для

производства современного оружия, верфей для сооружения паровых судов, реорганизацию армии, учреждение организаций, предназначенных для сбора сведений о западном мире, включая переводы иностранной литературы, реформу системы подготовки офицеров армии и флота.

В публикациях Фын Гуйфэня (1809–1875), известного педагога и исследователя своего времени, была поставлена проблема взаимосвязи конфуцианской традиции и новых веяний, связанных с приобщением Китая к западным ценностям. Надо отметить, что постановка вопроса о восприятии достижений чуждой культуры была революцией для китайского сознания. Цивилизация, сделавшая передачу основ своей культуры принципом взаимодействия с окружающим миром, нуждалась в обосновании самой возможности заимствования извне. Иначе говоря, эта возможность требовала легитимизации на основе конфуцианской традиции. Данная проблема была решена Фын Гуйфэнем следующим образом.

С его точки зрения, превосходство морально-этических принципов, заложенных конфуцианством, было несомненным. Поэтому, допуская заимствование паровых судов и современного огнестрельного оружия, следовало сохранять верность конфуцианскому учению. В китайской мысли второй половины XIX в. это было сформулировано следующим образом: «...восточное учение — основное; западное учение — прикладное» (*чжун сюе вэй бэнь, си сюе вэй юн*). Впоследствии именно эта проблема (соотношение «восточного» и «западного» учений) стала одной из доминант китайской мысли не только в XIX в., но и на всем протяжении XX в.

После поражения Китая во второй «опиумной» войне в полемику о путях выхода из создавшегося положения были вовлечены высшие сановники империи, входившие в ближайшее окружение императора, правившего под девизом Сяньфын. Су Шунь, фаворит императора, глава налогового приказа, известный своим корыстолюбием, объединил вокруг себя противников нововведений, выступавших за восстановление изоляции Китая. Этой группе противостояли сановники во главе со сводными братьями императора — князьями Гуном и Чунем. В январе 1861 г. на имя императора был направлен меморандум за подписью князя Гуна. В нем предлагалось создать специальный орган в системе высших государственных ведомств для разработки политики, призванной найти пути выхода из кризиса в отношениях Китая с внешним миром. Канцелярия по управлению делами заморских стран (так было предложено назвать этот орган, сокращенно *Цзунли ямынь*) должна была в первую очередь наладить сбор современной и достоверной информации об иностранных державах и организовать в торговых портах сбор пощ-

лин с иностранных товаров. Впоследствии в функции этого ведомства вошли также вопросы производства современных вооружений, паровых судов, боеприпасов, машинной техники, телеграфных и железнодорожных линий. Таким образом, создание *Цзунли ямыня* ознаменовало, в сущности, начало проведения пусть ограниченных, но важных реформ, в ходе которых подспудно создавались условия для возникновения в Китае новых экономических институтов, заимствованных у стран Запада.

Позиции сторонников нововведений при дворе упрочились после государственного переворота, происшедшего осенью 1861 г. После смерти императора Сяньфыня в августе 1861 г. Су Шунь стал во главе регентского совета, призванного править от имени малолетнего наследника престола Тунчжи. Он был сыном императрицы Цыси (1835–1908). Волевая, властолюбивая женщина, она строила далеко идущие честолюбивые планы захвата верховной государственной власти. Цыси удалось достичь согласия со сводными братьями покойного императора и, воспользовавшись тем, что государственная печать находилась в ее руках, организовать арест членов регентского совета во главе с Су Шунем. Цыси образовала совместное регентство со старшей женой покойного правителя Китая бездетной императрицей Сяо Чжэнь. При этом особая роль принадлежала Гуну, получившему титул «князя-советника по государственным делам». В 1865 г. князь Гун был лишен этого звания, после чего Цыси могла принимать решения по важнейшим государственным делам практически единолично. Через некоторое время при не вполне выясненных обстоятельствах скоропостижно скончалась вдовствующая императрица Сяо Чжэнь, что означало устранение последнего препятствия, отделявшего Цыси от безраздельной власти.

Субъективно цели сторонников «самоусиления» состояли в укреплении в первую очередь военного потенциала Китая, что должно было явиться главным условием подавления внутренней смуты, оказания достойного сопротивления иностранным державам и укрепления пошатнувшейся власти цинской династии. Однако вскоре сторонники курса реформ вполне естественно пришли к выводу о необходимости осуществить не только переподготовку войск, но и их перевооружение, а для этого необходимо было наладить собственное производство современных видов оружия. В одном из мемуаров князя Гуна говорилось: «При всестороннем исследовании политики самоусиления становится очевидным, что главным в ней является подготовка войск, а подготовку войск в свою очередь необходимо начинать с производства оружия».

Но создание современного военного производства было невозможно без использования индустриальных технологий. Наиболее отчетливо эта мысль была выражена в одном из меморандумов крупнейшего деятеля эпохи «самоусиления» Ли Хунчжана, писавшего: «Сегодня главным средством обороны от врагов и основой самоусиления является производство машин».

Итак, стремясь найти пути к укреплению системы восточного деспотизма в Китае, выглядевшей во второй половине XIX в. весьма архаической, сторонники реформ пришли к осознанию необходимости создания современной по своей технологической форме промышленности в первую очередь усилиями самого деспотического государства. С этой точки зрения годы «самоусиления» явились временем создания условий для формирования китайского капитализма «сверху» путем усилий, предпринимавшихся самим государством, предпочитавшим пока сохранять незыблемыми устои традиционной политической системы.

Важно отметить, что наиболее активными практическими деятелями реформ стали организаторы подавления антиправительственных движений середины XIX в., создатели местных воинских формирований — Ли Хунчжан, Цзэн Гофань и Цзо Цзунтан. Именно они и основали первые в Китае арсеналы, использовавшие современную западную технику для производства вооружений. Первый современный арсенал был создан Цзэн Гофанем в 1861 г. в г. Аньцин. Затем арсеналы, а впоследствии и механические заводы и верфи появились в Сучжоу, Шанхае, Нанкине, Тяньцзине, Сиане, Гуанчжоу, Чэнду и других крупнейших городах Китая.

Характерной чертой этого вида промышленности и военных формирований было то, что они контролировались центральными правительственными ведомствами лишь номинально. В действительности и арсеналы, и армии, образованные в ходе подавления тайпинов, оставались в руках региональных военачальников. Это свидетельствовало о начавшемся упадке традиционной государственности. По форме эти процессы весьма напоминали явления, свойственные концу династийного цикла, обычно отмеченному децентрализацией власти. Но в условиях включения Китая в мировую капиталистическую систему династийный кризис был связан с возникновением тенденций, которые можно охарактеризовать как начальную фазу генезиса капитализма. Это в свою очередь создавало предпосылки для разрыва с прежним циклическим ходом китайской истории.

На протяжении 1860–1890-х гг. в Китае в рамках казенного сектора было создано около 20 промышленных предприятий, связанных с военным производством, на которых было занято при-

мерно 10 тыс. рабочих. Технологически это была современная промышленность, основанная на применении машин, однако с точки зрения социальной организации ее было трудно охарактеризовать как буржуазное предпринимательство. Продукция, производимая на этих фабриках, минуя рынок, шла непосредственно на снабжение армий. Таким образом, здесь отсутствовал один из основных мотивов капиталистического производства — стремление получить прибыль. Положение рабочих подчас было близко статусу государственных крепостных, а не свободной наемной рабочей силы. Тем не менее нельзя недооценивать усилия, предпринятые китайскими милитаристами второй половины XIX в. в связи с созданием основ современного промышленного производства в Китае.

Необходимость обеспечения государственной промышленности сырьем и транспортными структурами заставляла лидеров региональных группировок браться за решение и этих проблем. Государство контролирует угледобывающее производство, строит железные дороги. В 1881 г. для перевозки угля от мест добычи к побережью в Северном Китае построена первая железная дорога.

Начиная с 80-х гг. XIX в. экономическая сторона политики «самоусиления» претерпевает некоторые существенные изменения. Начиная строиться не только военные, но и гражданские предприятия (главным образом в текстильной промышленности), к участию в которых допускается национальный капитал. Правда, и в этот период государство продолжает исповедовать прежнюю идеологию по отношению к частному предпринимательству, которое рассматривается как потенциальная угроза общественным устоям. Например, в 1882 г. китайским коммерсантам было запрещено в течение 10 лет строить современные частные предприятия. Единственной формой участия их в современном предпринимательстве в связи с этим было вложение средств в казенную промышленность.

После того как гражданская часть казенной промышленности оказалась связанной с рынком, выявилась низкая эффективность казенного управления, к которому начинают привлекаться и частные вкладчики капитала. В результате возникли две системы управления государственно-частными предприятиями: «контроль чиновников, предпринимательство торговцев» и «совместное предпринимательство чиновников и торговцев». В сущности, переход к подобным методам управления промышленностью означал постепенное движение к полноценному частнокапиталистическому предпринимательству на основе приватизации казенной промышленности.

Это движение было весьма противоречивым. В некоторых случаях экономически неэффективное предприятие из разряда

казенно-частных могло быть переведено в категорию частных. Так произошло в 1894 г. с крупнейшим металлургическим предприятием Китая того времени Ханьянским заводом, проданным в частные руки. Одновременно расположенная в той же провинции Хубэй прибыльная текстильная фабрика, являвшаяся смешанным предприятием, была выкуплена Чжан Чжидуном в казну, причем частные вкладчики получили лишь половину принадлежавшей им доли. Неудивительно в связи с этим, что в процессе создания и «приватизации» крупных современных государственных предприятий ведущую роль играли не столько торговцы, оставшиеся, в сущности, беззащитными перед произволом со стороны государства, сколько чиновники — представители складывающегося бюрократического капитала.

К середине 90-х гг. XIX в. на всех казенных и смешанных предприятиях была занята уже весьма значительная по численности группа фабричных рабочих, насчитывающая около 40 тыс. человек. Уровень эффективности работы казенного сектора, даже военных заводов, весьма значительно уступал производительности аналогичных европейских предприятий. Так, Хубэйский арсенал, выпускавший в конце XIX в. по лицензии винтовки системы «маузер», тратил на производство одной единицы продукции в 7 раз больше времени, чем на заводах «Маузер» в Германии.

Второй путь складывания в Китае капитализма был связан с движением «снизу» в результате создания главным образом средних и мелких предприятий торговцами и зажиточными землевладельцами. В некоторых случаях образовывались современные промышленные предприятия в области переработки сельскохозяйственной продукции целыми клановыми организациями, особенно на юге Китая. На протяжении 70–90-х гг. XIX в. было основано более 70 таких промышленных предприятий с общим числом занятых около 30 тыс. человек. Несмотря на то что представители торгового и мануфактурного капитала также участвовали в создании современной промышленности, китайская промышленная буржуазия формировалась главным образом за счет сельских богачей, а также за счет бюрократии. Китайское государство вплоть до конца XIX в. продолжало придерживаться политики ограничения активности предпринимательского слоя. Для того чтобы иметь некоторые гарантии неприкосновенности капиталов, представители складывающейся национальной буржуазии были вынуждены вступать в смешанные общества, находившиеся под контролем региональных кланов и чиновничества.

Положение рабочих на смешанных и частных предприятиях, как и на государственных, было жалким: ненормированный ра-

бочий день, почти даровой труд, традиционная система полицейского надзора за рабочими.

Под влиянием втягивания Китая в мировые хозяйственные связи, путь для чего был проложен опиумной торговлей, в недрах традиционной китайской экономики также происходили весьма существенные процессы, свидетельствовавшие о зарождении буржуазного предпринимательства в аграрных структурах, являвшихся оплотом традиционной общественной системы. Эти явления были связаны с развитием внешней торговли.

Наряду с традиционными для экспорта товарами в 60-е гг. особое значение приобретает вывоз хлопка-сырца. Этот процесс явился одним из результатов гражданской войны 1861—1865 гг. в США, когда блокада северными штатами Юга привела к тому, что один из важнейших в мировой торговле регионов по производству хлопка был отрезан от потребителей. Последнее обстоятельство привело к возрастанию роли Китая как важнейшего поставщика данного вида сырья на мировой рынок. В указанные годы целые уезды в южнокитайских приморских провинциях переходят на выращивание хлопка, результатом чего стало нарушение характерного для всех традиционных обществ соединения зернового производства с выращиванием технических культур. Естественным следствием этого была коммерциализация сельской экономики в этих районах. Крестьяне, отказавшиеся от производства риса в пользу технических культур, были вынуждены обращаться к услугам рынка для приобретения продовольствия. И даже после того, как положение в США и в мировой торговле с хлопком восстановилось после поражения южных штатов, процесс товаризации сельского хозяйства для Китая выглядел необратимым.

Примерно те же процессы были характерны и для производства шелка-сырца. Однако в данном случае это было результатом эпидемии тутового шелкопряда, поразившей западноевропейское сельское хозяйство, что также вызвало увеличение потребности в вывозе этого товара из Китая.

Не менее существенное влияние на трансформацию традиционных экономических и социальных институтов оказал и ввоз иностранных товаров в Китай. На протяжении второй половины XIX в. ввоз опиума продолжал оставаться наиболее прибыльной статьей доходов иностранных торговцев. Несмотря на попытки иностранцев добиться широкого экспорта тканей, этот вид торговли не получил значительного распространения, зато фабричная пряжа иностранного производства вскоре стала завоевывать китайский рынок. Причина состояла в колоссальном разрыве в производительности труда между индустриальным производством

пряжи на Западе и традиционной технологией, продолжавшей господствовать в Китае. Производительность труда на британских текстильных фабриках в прядении была в 80 раз выше, чем на ремесленных предприятиях Китая, в то время как в ткачестве она превосходила производительность китайского ремесленника лишь в 4 раза. В связи с этим за период 70–90-х гг. XIX в. импорт иностранной пряжи увеличился в 20 раз, а тканей — всего лишь на 40%. Иностранные ткани получали все более широкое распространение на китайском рынке. В особенности после того, как усовершенствование технологий в области ткачества и открытие в 1869 г. Суэцкого канала понизили себестоимость одного куска тканей, привезенных из Европы, почти в 20 раз.

В результате для китайского крестьянина приморских провинций стало более выгодным использование иностранной пряжи, чем пряжи отечественного производства. В образовавшуюся брешь между собственно земледелием и крестьянской домашней промышленностью устремился торгово-ростовщический капитал, взявший на себя прежде всего снабжение сельских дворов в деревнях, расположенных неподалеку от портов, открытых для торговли, иностранной фабричной пряжей. За небольшое вознаграждение крестьяне сначала на ткацких станках традиционного типа производили ткани для местных торговцев. Следующим этапом было предоставление дворам, которые оказались таким образом вовлеченными в буржуазное предпринимательство, более современной ткацкой техники. Этот процесс представлял не что иное, как зарождение наиболее простых форм мануфактурного производства, ориентированного на удовлетворение потребностей не только замкнутого крестьянского хозяйства, но и постепенно формирующегося национального рынка.

Основным внешнеторговым партнером Китая во второй половине XIX в. продолжала оставаться Британская империя, на долю которой приходилось около 2/3 китайского импорта и примерно 50% экспорта. Другие державы стремились также к увеличению своего присутствия на китайском рынке. В 80-х гг. XIX в. важным торговым партнером Китая становятся США, ввозившие в Китай керосин — один из весьма существенных элементов китайского импорта.

Еще одним, третьим, путем развития в Китае капитализма было создание иностранного капиталистического сектора в китайской экономике. Вследствие недальновидной политики цинского правительства и постоянного давления со стороны иностранцев, опиравшихся на авторитетное превосходство европейского оружия, система таможенных отношений действовала в Китае в пользу иностранного капитала, а не зарождавшегося нацио-

нального предпринимательства. В результате второй «опиумной» войны таможни оказались под иностранным контролем. Еще в 1859 г. под давлением англичан было создано Управление императорскими таможнями. Вскоре во главе его были поставлены иностранцы, призванные следить за выполнением Китаем обязательств по выплате контрибуций, которые обеспечивались отчислениями от таможенных сборов. В течение нескольких десятилетий во главе китайских таможен стоял англичанин Харт, а к середине 90-х гг. в них служило около 800 иностранцев, большинство из которых составляли англичане. Неудивительно, что экспортные пошлины (что было важно в первую очередь для национального предпринимательства) примерно в два раза превышали импортные. Это свидетельствовало о том, что цинское правительство проводило, в сущности, протекционистскую политику, но по отношению к иностранному капиталу.

К концу XIX в. в Китае действовало около 600 иностранных фирм, в том числе более 100 промышленных предприятий, представлявших наиболее современный сектор китайской экономики. Это были верфи, доки, шелкопрядильные, ткацкие, маслобойные, газовые, чаеперерабатывающие заводы и т.д. Кроме того, иностранцы занимали серьезные позиции в сфере современных финансов, транспорта, связи.

Мировой рынок, иностранное предпринимательство на протяжении второй половины XIX в. все интенсивнее и глубже проникали в структуры китайской традиционной экономики. С 60-х гг. Север, с 70-х гг. провинции бассейна Янцзы, в 80-е гг. юго-западные, а с конца XIX в. и северо-восточные регионы Китая оказываются периферийным элементом мирового рынка. Разумеется, эти процессы свидетельствовали о том, что традиционный Китай постепенно становился «полукапиталистическим», однако степень вовлеченности китайской экономики в мировые хозяйственные связи и в первое десятилетие XX в. оказалась сравнительно незначительной.

В целом становление капитализма в Китае (впрочем, как и в других полукOLONиальных и зависимых странах, превратившихся в периферию мирового капиталистического хозяйства) отличалось рядом существенных особенностей по сравнению с классическим течением этого процесса в истории европейской цивилизации. Здесь не столько происходило вытеснение менее развитых форм буржуазного предпринимательства более современными, сколько одновременный рост и наиболее архаических (элементарные формы мануфактуры), и самых развитых его проявлений (крупная фабрика, основанная на использовании современных машин).

Причем в сфере технологически наиболее совершенной индустрии монопольные позиции принадлежали традиционному государству и иностранному капиталу. Это объективно ставило зарождающуюся национальную буржуазию в ситуацию конфликта как с устоями деспотической государственности, так и с колониальными державами Запада, являясь источником проявления китайского национализма. В отличие от традиционной ксенофобии этот национализм стремился соединить призывы к возрождению независимого и могущественного Китая с идеалами модернизации, понимаемой как перенесение на китайскую почву не только современных индустриальных отношений, но и социальных и политических порядков.

Неизбежным историческим парадоксом складывающейся ситуации было то, что объединение на основе современного рынка и современных форм политической организации было возможно в результате распада прежней политической системы, зиждившейся на скрепляющем общество единстве, обеспечиваемом «восточным» деспотизмом. Правившая в Китае маньчжурская династия объективно не была заинтересована в быстром экономическом развитии страны, поскольку неизбежным следствием этого стало бы усиление ханьцев и упадок господствующего положения маньчжуров. Ростки будущей дезорганизации этого традиционного общества содержались в региональном милитаризме, становившемся на протяжении второй половины XIX в. все более влиятельным фактором китайской внутренней политики.

Глава XII

НАЗРЕВАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО КРИЗИСА

1. РЕФОРМАТОРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И КАН ЮВЭЙ

Тридцатилетний опыт проведения политики «самоусиления» продемонстрировал, что маньчжурская монархия оказалась неспособной эффективно соединить отстаивание независимости страны и ее модернизацию. Китай все больше приобретал признаки полуколониальной страны.

Неприятие достижений Запада, за исключением военных технологий и производства оружия, характерное для маньчжурских правителей, разделяла и большая часть представителей традиционного китайского господствующего класса. *Шэньши*, обязанные своим общественным статусом конфуцианским устоям китайской деспотии, отвергали возможность реформ политических институтов. Тем не менее в конце XIX в. среди молодежи, получившей традиционное образование и связывавшей свое будущее с государственной службой, формируется оппозиционное движение, участники которого приходят к мысли о необходимости не только экономических перемен, технологических нововведений, но и реформ, затрагивающих основы политической системы империи. Главным побудительным мотивом, заставлявшим их отстаивать реформы, осуществление которых могло привести к упадку традиционного господствующего класса, частью которого они сами являлись, была необходимость открыть дорогу становлению независимого и процветающего Китая. По их мнению, это было невозможно без более широких заимствований западного опыта в области не только экономических, но также и политических отношений.

Это оппозиционное движение сторонников реформ знаменовало собой наступление нового этапа в развитии китайского национализма, стремившегося теперь соединить тысячелетнюю традицию Срединного государства с восприятием экономических достижений Запада и его опыта парламентской демократии. К намеченной цели реформаторы полагали возможным прийти путем преобразований политической системы Китая сверху, в результате реформ, предпринятых самим императором. Их идеал — конституционная монархия, по типу той, что была установлена в Японии после реставрации Мэйдзи.

Видную роль в движении реформаторов сыграла группа молодых соискателей ученых званий, главным образом выходцев из южных провинций Китая, испытавших наибольшее влияние Запада. Признанным лидером оппозиционеров был Кан Ювэй (1858–1927), происходивший из семьи гуандунских *шэньши*. Это был в высшей степени талантливый человек, получивший превосходное конфуцианское образование. В возрасте 27 лет он выдержал экзамены на высшее ученое звание *цзиньши*. К этому времени его имя было уже широко известно среди *шэньши* благодаря целому ряду его работ, посвященных конфуцианству. В своих трудах Кан Ювэй стремился выявить искажения оригинальных текстов, принадлежащих отцу китайской философии, и представить Конфуция одним из первых реформаторов китайской традиции. Он считал это необходимым для обоснования возможности преобразований в китайской империи конца XIX в.

Однако Кан Ювэй не ограничивался лишь изучением истории китайской цивилизации. В не меньшей степени его влекла история стран Запада, а также ход реформ в других странах Востока, таких, как Япония, Турция. Мимо его внимания не прошли и деяния Петра I, сумевшего, по его мнению, добиться небывалого усиления мощи России. В одном из своих произведений Кан Ювэй писал: «Государства, вставшие на путь реформ, обрели силу; сохранившие же приверженность прежнему исчезли. Современные проблемы Китая состоят в стремлении опереться на старые установления и отсутствии понимания того, как встать на дорогу перемен».

Кан Ювэй известен не только научными трудами и публицистическими произведениями, он был также талантливым преподавателем, основавшим в начале 90-х гг. школу в Гуанчжоу. Наиболее стойким его последователем и любимым учеником стал Лян Цичао (1873–1929), также происходивший из известной в Гуандуне семьи *шэньши*. Важную роль в движении за реформы сыграл и Тань Сытун (1865–1898), выходец из Хунани, одаренный молодой человек, получивший прекрасное традиционное образование и сумевший добиться высших ученых званий еще в юном возрасте.

Озабоченные проблемой восстановления суверенитета Китая, оппозиционно настроенные выходцы из среды политической элиты понимали, что ее решение необходимо искать в изучении опыта модернизации зарубежных государств, и тщательно собирали все доступные им сведения об истории и жизни стран Запада. Известным распространителем такого рода знаний был Ван Тао (1828–1897), которого по праву считают основателем современ-

ного китайского журнализма. Более десяти лет он провел в Гонконге, активно общаясь с иностранцами, в том числе с выдающимся переводчиком на английский язык произведений китайских классических мыслителей Д. Леггом. Около года Ван Тао пробыл в Англии, что обогатило его познания о Западе личным опытом. В журналах, издававшихся им, освещались различные стороны жизни европейских государств. Сам Ван Тао являлся сторонником постепенной индустриализации Китая по западному образцу, а его политические пристрастия были связаны с конституционно-монархической формой правления по типу существовавшей в Великобритании.

Для распространения сведений об истории и жизни на современном Западе немало сделали и европейские миссионеры. Пожалуй, наибольшее влияние на программу преобразований, разрабатывавшуюся реформаторами, оказал Т. Ричард (1845–1919).

Пребывание Кан Ювэя в Пекине в 1895 г., куда он прибыл для участия в экзаменах на получение высшей ученой степени цзиньши, совпало с завершающим этапом японо-китайской войны. Совместно с Лян Цичао он составил «Меморандум из 10 тысяч слов», адресованный маньчжурскому императору. В этом документе содержался призыв не подписывать мирный договор с Японией, являвшийся, по мнению авторов петиции, унижительным для Китая, перенести столицу в глубь территории Китая, в Сиань, а также провести целый ряд реформ для модернизации и усиления Китая. В сущности, это была программа широких преобразований, положения которой реформаторы отстаивали впоследствии в ходе самого движения за реформы в 1898 г.

Этот меморандум имел широкий резонанс среди представителей ученой элиты, собравшихся весной 1895 г. в Пекине на очередную экзаменационную сессию для получения высшего ученого звания. Из 1200 цзюйженей, находившихся в этот период в столице, 604 храбреца осмелились поставить свои подписи под этим документом. Это свидетельствовало о большом сдвиге в настроениях шэньши, по крайней мере, часть из них под влиянием патриотических побуждений была готова поддержать политику более радикальных преобразований по сравнению с теми, что проводились в годы политики «самоусиления».

Многое в этой ситуации зависело от настроений, господствующих в придворных кругах, а также от взглядов самого императора. Гуансюй, правивший с 1889 г., был образованным человеком, искренне озабоченным положением, в котором оказалась китайская держава. Но его возможности принимать политические решения были весьма ограничены, поскольку реально власть

оставалась у его тетки, вдовствующей императрицы Цыси, а Гуансюй был вынужден повиноваться ей. Однако понимание того, что без глубоких преобразований, на которые Цыси никогда не решится, но без которых не возродить Китай, заставляло его искать сближение с реформаторами. Как всегда, присутствовали и соображения личного свойства. Цыси не только мало считалась с мнением императора в принятии государственных решений, но и деспотически вмешивалась в его личную жизнь. Она стремилась разлучить его с любимой наложницей и настояла на его браке с одной из представительниц маньчжурской аристократии, к которой Гуансюй не испытывал никаких чувств.

Пытаясь добиться сочувствия своим замыслам со стороны императора, реформаторы пользовались поддержкой некоторых персон из непосредственного окружения Гуансюя. В 90-е гг. при дворе существовали две крупные группировки, враждовавшие между собой. Первая состояла из приверженцев Цыси и ориентировалась на шэньши — выходцев из северных провинций Китая. Ее члены были противниками углубления реформ и во внешней политике рассчитывали на содействие со стороны России. Вторая группировка, видное место в которой занимал воспитатель императора Вэн Тунхэ, напротив, имела поддержку среди ученой элиты Южного Китая, соглашалась с необходимостью некоторых весьма осторожных преобразований и искала содействия со стороны Великобритании и Японии.

Получив в Пекине после успешной сдачи экзамена небольшую чиновничью должность, Кан Ювэй со своими сторонниками немедленно приступил к широкой пропаганде своих идей. Для этого в столице, а затем и в других городах Китая были основаны отделения «Общества усиления государства», началось издание газеты, в которой реформаторы разъясняли необходимость реформ.

В течение последующих трех лет было организовано 24 таких отделения, восемь школ и восемь издательств, занимавшихся распространением знаний о зарубежных государствах и пропагандой необходимости реформ. Наиболее активным было отделение общества в Хунани, которым руководил Тань Сыгун.

1898 год ознаменовался новым наступлением иностранных держав на интересы Китая. Воспользовавшись в качестве предлога убийством в пров. Шаньдун двух немецких миссионеров, Германия направила к берегам Китая военно-морскую эскадру, захватившую г. Циндао и окружающую его область Цзяочжоу. Цинскому правительству пришлось в этой ситуации не только сдать Цзяочжоу в аренду Германии в качестве военно-морской базы, но и предоставить ей монопольные права на железнодорожное

строительство на территории всего Шаньдуна. Эти события явились сигналом для других иностранных держав, выдвинувших собственные требования, связанные с предоставлением концессий. «Битву за концессии» продолжила Россия, получившая в аренду часть Ляодунского полуострова с городами Дальний и Порт-Артур, ставшими ее военно-морскими базами, а также права на постройку южной ветки Китайско-Восточной железной дороги (права на строительство северной ветки КВЖД Россия приобрела еще в 1895 г.).

От России и Германии стремились не отстать и другие иностранные державы. Франция добилась предоставления в аренду части китайского побережья напротив о. Хайнань, Англия же арендовала сроком на 99 лет часть полуострова Цзюлун, расположенную напротив старейшей английской колонии в Китае — Гонконга.

В начале 1898 г. Кан Ювэй оказался во главе патриотического движения, сторонники которого добивались от императора решительности в проведении реформ. Очередной меморандум, адресованный Кан Ювэем маньчжурскому правителю, наконец дошел до него, и император принял решение опереться на реформаторов в осуществлении преобразований. Стремясь укрепить общественное движение в поддержку реформ, Кан Ювэй и его сторонники весной 1898 г. создали «Общество защиты государства».

11 июня 1898 г. был опубликован императорский указ «Об установлении основной линии государственной политики». Он положил начало реформаторскому курсу, который продолжался немногим более трех месяцев — с 11 июня по 21 сентября 1898 г. Император встретился с Кан Ювэем, ко двору были приближены его единомышленники, что преследовало цель создать противовес влиянию консервативной группировки.

В течение «100 дней реформ» от имени императора было издано свыше 60 указов, многие из которых были важны для решения задачи возрождения Китая.

В императорских указах определялась цель политики реформ — создать сильное и независимое государство. Для этого, как было объявлено, необходимо изменить структуру центральных правительственных ведомств. Традиционно существовавшие шесть приказов впервые были дополнены ведомствами промышленности и торговли, горных разработок, сельского хозяйства и железных дорог. Это свидетельствовало о понимании императором особой важности поощрения национального предпринимательства, создания современных транспортных систем, а также модернизации сельского хозяйства.

Помимо этого, сторонники реформ считали необходимым радикально модернизовать армию, ликвидировать излишние звенья в административной системе. На государственных экзаменах предлагалось отказаться от сочинений, выдержанных в правилах традиционного стиля, в образовательные программы необходимо было включать элементы западных наук, а в столице следовало основать университет.

Могло показаться, что Цыси отошла на второй план, уступив инициативу Гуансюю, однако в действительности она выжидала, готовясь нанести удар реформаторскому движению. И Гуансюй и Цыси понимали, что решающая схватка между ними неизбежна, и готовились к ней. Цыси удалось добиться отставки воспитателя императора Вэн Тунхэ, одной из главных фигур в ближайшем окружении императора, поддерживавшем начинания правителя. Однако Гуансюй настоял на назначении представителей реформаторского движения в правительственные органы. В частности, видный пост был предоставлен Тань Сытуну, занимавшему наиболее радикальные позиции среди реформаторов. Он был сторонником перехода к такой политической системе, когда император избирался бы всенародным голосованием, что означало, в сущности, переход к президентской республике.

Противники реформ при дворе призывали положить конец преобразованиям, арестовать и казнить основных вдохновителей реформ. В частности, в начале сентября один из цензоров потребовал устранить Кан Ювэя и Лян Цичао.

Цыси назначила своего ставленника, видного маньчжурского чиновника Жун Лу, генерал-губернатором столичной провинции и предполагала арестовать участников оппозиционного движения во время предстоявшего в октябре смотра войск в Тяньцзине. Со своей стороны, реформаторы также готовились к проведению государственного переворота. Первоначально вынашивались планы переноса столицы в район Шанхая, куда могла бы переехать часть правительства и двора, оказавшая поддержку реформаторским устремлениям монарха. Однако, узнав о замысле Цыси организовать государственный переворот, император, поддерживаемый реформаторами, решил обратиться за помощью к генералу Юань Шикаю, под командой которого находились самые боеспособные части новой армии, вооруженные и обученные по иностранному образцу. Юань Шикай — опытный царедворец, стремившийся лишь к собственной карьере, поддержав в дворцовой борьбе наиболее сильную партию, первоначально согласился прийти на помощь императору. Во время личной встречи с Гуансюем Юань заявил, что «убить Жун Лу так же легко, как рас-

правиться с собакой». Однако предостережения Вэн Тунхэ, в свое время предупреждавшего императора о непорядочности и неискренности Юань Шикая, оказались справедливыми.

Получив 18 сентября на совете с реформаторами указание расправиться с Жун Лу, а затем перебросить армию в Пекин и арестовать Цыси, Юань Шикай поставил об этом в известность противников Гуансюя. Ранним утром 21 сентября части, возглавляемые Цыси, вошли на территорию императорского дворца, блокированного войсками противников реформ. В Пекине начались аресты реформаторов, сам император был также подвергнут домашнему аресту. Шесть видных участников реформаторского движения, включая Тань Сытуна, отказавшегося покинуть столицу, были казнены без суда и следствия. Кан Ювэю и Лян Цицао при помощи иностранцев чудом удалось избежать гибели.

Поражение движения за реформы свидетельствовало о том, что идеи, связанные с новым этапом в развитии китайского национализма, в первую очередь стремление превратить путем реформ сверху маньчжурскую деспотию в конституционную монархию современного типа, сумели овладеть умами лишь сравнительно незначительной части китайской традиционной элиты, к которой, собственно говоря, и апеллировали сторонники Кан Ювэя. Впоследствии, пытаясь объяснить причины неудачи преобразований, Лян Цицао писал: «Реформы затронули интересы нескольких сотен членов академии Ханьлинь, несколько тысяч цзиньши, многих тысяч цзюйжэней и миллионов сюцаев и государственных стипендиатов. Все они объединились против реформ». В то же время новые социальные силы, и прежде всего национальная буржуазия, интересам которых отвечал бы успех реформаторов, были еще крайне слабы и не способны сыграть сколько-нибудь самостоятельную и объединяющую роль в движении.

Все большее значение приобретал конфликт между центральной властью и региональными элитами, заложенный еще при подавлении Тайпинского восстания. Он был связан со стремлением региональных милитаристских элит, состоящих из представителей ханьского господствующего класса, в максимальной степени эмансипироваться от контроля со стороны центрального правительства, в котором ключевую роль продолжали играть выходцы из маньчжурской аристократии. Однако в сознании части традиционной ученой элиты, несмотря на существовавшие противоречия, маньчжурская монархия продолжала сохранять свое значение «мироустроительной силы», единственного реального гаранта поддержания целостности китайской державы, хотя с этой задачей она справлялась все труднее.

2. РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ И СУНЬ ЯТСЕН

С особой силой антиманьчуризм получил выражение в деятельности другой группы оппозиционеров — китайских революционеров, поставивших перед собой задачу свержения маньчжурской династии и установления в Китае республиканской формы правления, которая одна только, по мысли революционеров, была способна обеспечить достижение независимости, модернизации, создания сильного процветающего Китая, в котором основополагающим был бы принцип равенства перед законом, а не этническая исключительность.

Признанным лидером революционного движения являлся Сунь Ятсен (1866—1925). Уроженец, подобно Кан Ювэю, провинции Гуандун, он происходил из простой крестьянской семьи, не имевшей отношения к конфуцианской учености и чиновничьей службе. В районе, откуда он был родом, были сильны традиции антиманьчжурской борьбы, связанные с деятельностью тайных обществ, и воспоминания о недавних событиях Тайпинского восстания, в которых принимали участие некоторые члены клана Сунь.

Материальное положение семьи несколько улучшилось после того, как старший брат Суня эмигрировал на Гавайские острова, где составил себе некоторое состояние, основав преуспе-

вающую скотоводческую ферму. Когда Ятсену исполнилось 12 лет, старший брат взял его к себе, решив дать ему образование в одной из миссионерских школ на Гавайях. В течение трех лет молодой Сунь посещал школу при английской миссии, где получил начальное образование, овладел английским языком, проникся глубоким интересом к культуре и общественным установлениям западных государств. Этот интерес был столь серьезен, что старший брат решил отправить его в Китай, чтобы юноша не утратил связи с родной культурой. Однако пребывание в доме роди-

Сунь Ятсен

телей было непродолжительным. Воспитанный в христианских воззрениях, Сунь Ятсен не мог принять религиозные верования предков, казавшиеся ему еретическими заблуждениями. Однаж-

ды, чтобы доказать односельчанам, что их боги ложны, он осыпал ударами изваяние идола в деревенской кумирне. Отношения с соседями и родней были испорчены. Молодой человек продолжил образование в одной из миссионерских школ в Гуандуне, а затем поступил в медицинский институт в Гонконге, который окончил в 1892 г.

Годы учебы в медицинском институте явились не только временем профессионального становления Сунь Ятсена как будущего врача, но и были посвящены дискуссиям с друзьями о причинах утраты Китаем былого величия и о путях его возвращения. Молодые люди, входившие в кружок, членом которого был Сунь, интересовались как древней, так и современной историей Китая, в первую очередь событиями Тайпинского восстания и особенно антиманьчжурскими устремлениями восставших. Уже к этому времени начинает формироваться убеждение, что условием возрождения Китая не может не быть свержение господства маньчжуров над китайским народом.

Тем не менее в этот период, подобно сторонникам реформ, Сунь не оставлял надежды на то, что правящая династия еще способна пойти на осуществление более глубоких реформ, чем те, которые проводились в период «самоусиления». В этом духе Сунь Ятсен написал меморандум «Представление Ли Хунчжану» (1893), адресованный очень влиятельному цинскому сановнику и содержавший план осуществления реформ. Первой важнейшей темой этого документа было требование шире использовать на государственной службе патристически настроенных сановников, происходивших из ханьцев, имевших глубокие представления о западном обществе. Второй важнейшей темой был призыв оказать всемерную поддержку национальному предпринимательству, без которого решение проблемы восстановления величия Китая невозможно. При этом Сунь Ятсен не упоминал о необходимости каких-либо политических преобразований.

Сунь Ятсен рассчитывал лично вручить меморандум Ли Хунчжану, отправившись с этой целью в поездку на север Китая. Путешествие обогатило его впечатлениями о жизни собственной страны, убедило в неотложности преобразований. Однако встретиться с Ли Хунчжаном, в связи с событиями японо-китайской войны, ему не удалось.

Горечь, вызванная ощущением ненужности правительству способных и искренних патриотов, была усилена поражениями, которые Китай терпел в ходе разгоревшейся войны. Разочарование в политике императорского правительства, таким образом, переросло в убеждение, что неперенным условием восстановления суверенитета Китая и его возрождения является свержение

правлящей династии. Однако в отличие от тайпинов и членов тайных обществ Сунь Ятсен предполагал прийти не к восстановлению на престоле очередной династии, а к созданию республиканского государства. Это была новая форма проявления китайского национализма, основанная на убеждении, что условием восстановления независимости и успешного продвижения по пути модернизации должны быть глубокие политические преобразования, к которым можно прийти лишь в результате революционного свержения деспотических порядков.

Оставив надежду убедить высших маньчжурских сановников в необходимости продолжения реформ, отказавшись от карьеры врача, которая могла обеспечить спокойную и благополучную жизнь, в конце 1894 г. Сунь Ятсен отправился на Гавайи. Здесь он создал первую в истории Китая революционную организацию — «Союз возрождения Китая» («Синчжунхуэй»). Цели этой организации выражены в клятве, которую произносили вступившие в союз: «...изгнать маньчжуров, восстановить государственный престиж Китая, учредить демократическое правительство».

Первоначально малочисленный «Союз возрождения Китая» объединил патриотически и антиманьчжурски настроенных молодых выходцев из образованной среды, соприкоснувшихся с европейской культурой и западным образом жизни, и получил поддержку китайских предпринимателей из числа эмигрантов. Революционеры рассчитывали добиться поставленных перед собой целей, организовав восстание в одном из регионов Китая. По их мнению, страна уже была подготовлена к участию в антидинастийном восстании. Члены организации рассчитывали использовать многочисленные тайные общества юга Китая, с которыми они установили тесные отношения. Этому способствовало то, что многие из сподвижников Сунь Ятсена поддерживали тесные контакты с руководителями тайных обществ раньше и даже, благодаря образованию и прекрасному владению боевыми искусствами, были признаны вожаками в некоторых из них.

Почти год ушел на подготовку первого восстания под руководством «Союза возрождения Китая». Местом для его начала был избран Гуанчжоу, столица провинции, являвшейся родиной для большинства сподвижников Сунь Ятсена. Город был удален от центра, здесь у революционеров установились прочные связи с тайными обществами, население было проникнуто сильными антиманьчжурскими настроениями. План восстания включал захват городских административных органов в результате действий группы заговорщиков, поддержку начавшегося выступления отрядом из Гонконга, а также вступлением в Гуанчжоу отрядов местных тайных обществ.

Однако казалось бы тщательно разработанный план провалился. Отряды тайных обществ не сумели проникнуть в город, группа, прибывшая на корабле из Гонконга, которая должна была передать революционерам оружие, была арестована на городской пристани. Некоторые из участников неудавшегося выступления были арестованы и казнены, а Сунь Ятсену чудом удалось скрыться, избежав верной смерти.

С этого времени цинские власти смотрели на Сунь Ятсена как на одного из самых своих опасных противников, за его голову было обещано крупное вознаграждение, а китайской заграничной резидентуре было дано задание обнаружить его и захватить. Тем временем основатель «Союза возрождения...» собирал средства на организацию нового выступления среди членов китайских эмигрантских общин в Японии, на Гавайских островах, в США, в Европе. В 1896 г. маньчжурским агентам удалось заманить Сунь Ятсена на территорию китайской миссии в Англии и арестовать. Они рассчитывали секретно, на специально зафрахтованном для этой цели корабле, вывезти Сунь Ятсена на родину, где его ждала неминуемая расправа. Однако мужество и выдержка не изменили революционеру — ему удалось сообщить о происшедшем своим английским друзьям. В результате начавшейся шумной кампании в защиту Сунь Ятсена он был освобожден, а его имя получило широкую известность на Западе как имя вождя революционной партии в Китае.

Растянувшийся на долгие годы период изгнания Сунь Ятсена (ему удалось ступить на родную землю, и то ненадолго, только в 1907 г.) совсем не означал, что планы свержения власти маньчжуров были оставлены. Сунь Ятсен продолжал активно вербовать сторонников революции среди членов китайских эмигрантских общин, численность которых в первое десятилетие XX в. превысила 2 млн человек. Он также не оставлял попыток организовать новые восстания, которые, впрочем, не имели успеха.

3. ВОССТАНИЕ ИХЭТУАНЕЙ

На рубеже XIX–XX вв. цинская династия столкнулась и с другой формой оппозиции, представленной массовым народным движением, что наиболее ярко проявилось в ходе восстания под руководством тайного общества «Ихэтуань» (Отряды справедливости и мира). Участники этого выступления, принявшего форму народной антииностранной борьбы, переросшей в итоге в восстание против правящей династии, вдохновлялись патриотическими чувствами. Однако в отличие от реформаторов и революционеров,

стремившихся объединить патриотизм с идеей модернизации, ихэтуани исповедовали ксенофобию, отвергая все пришедшее в Китай с Запада. Их идеалом было возвращение к устоям традиционной китайской жизни, а важнейшим лозунгом, особенно на начальном этапе восстания, — призыв к уничтожению и изгнанию иностранцев из Китая.

В отличие от Тайпинского восстания, охватившего провинции Южного Китая, движение ихэтуаней развивалось на Севере, начавшись осенью 1898 г. в провинции Шаньдун. Это связано с тем, что именно провинции Северного Китая, прежде всего Шаньдун и столичная провинция Чжили, оказались вовлеченными в события японо-китайской войны. На Севере в конце XIX в. особенно активно действовали миссионеры, строились церкви, железные дороги, на территориях концессий размещались гарнизоны иностранных войск.

В восприятии представителей самых различных социальных групп именно иностранцы были повинны в тяготах, с которыми пришлось столкнуться населению Северного Китая. Крестьяне страдали от увеличения налоговых сборов, что было результатом выплаты контрибуции Японии. Особенно ухудшилось положение тех слоев населения, которые обслуживали пути, связывавшие север Китая с центрально-южными провинциями. Массы лодочников и транспортных рабочих потеряли источники существования из-за появления новых видов транспорта — железных дорог и пароходов, находившихся главным образом в руках иностранцев. Между тем именно эти группы были наиболее восприимчивы к призывам принять участие в самых радикальных действиях, включая вооруженную борьбу. Властям всегда было трудно удерживать в повиновении именно эту часть населения, менее всего связанную со стабилизирующей ролью общинно-клановых структур. В результате вторжения на китайский рынок иностранной фабричной продукции усугубилось положение городского ремесленного населения, все больше сталкивавшегося с конкуренцией со стороны иностранных товаров. Шэньши в массе своей также были далеки от симпатий к нараставшему религиозному и культурному проникновению с Запада. Проповедь миссионеров воспринималась как угроза китайской традиции, осваивавшей их господствующее положение в обществе. К перечисленному надо добавить неурожаи и стихийные бедствия, поразившие в это время ряд районов Северного Китая.

Первоначально цинский двор отнесся к ихэтуаням как к откровенным бунтовщикам. По мнению двора, это были всего лишь бандиты, организованные тайными обществами, использовавшими традиционные приемы для привлечения новых сторонников

в свои ряды. В частности, особую роль в пропаганде и деятельности сторонников ихэтуаней играло военное искусство — ушу. Руководители ихэтуаней обучали своих последователей искусству рукопашного боя, что воспринималось иностранцами — свидетелями происходящего как изучение приемов бокса. По этой причине европейцы называли ихэтуаней «боксерами», а само восстание — «боксерским».

Не без оснований подозревая местное чиновничество в сочувствии инсургентам, цинский двор назначил на пост губернатора провинции Шаньдун генерала Юань Шикая, известного своей близостью к иностранцам. Перед ним была поставлена задача: любыми средствами прекратить нападения на иностранных миссионеров, расправы с китайцами — последователями христианского учения, уничтожение христианских храмов, железных дорог, телеграфных линий. Именно против этих примет присутствия Запада и было главным образом направлено негодование ихэтуаней, вскоре показавших себя жестокими и безжалостными гонителями всего иностранного.

Действия, предпринятые Юань Шикаем, были весьма эффективными. Войска, пользуясь преимуществом в организации и вооружении, быстро нанесли ряд поражений отрядам восставших, что вынудило их отступить на территорию столичной провинции Чжили. Это создало непосредственную угрозу столице и другим крупнейшим городам Северного Китая. Однако решимость цинского двора покончить с бунтовщиками была поколеблена действиями иностранцев. В ответ на угрозу со стороны повстанческих отрядов они захватили порт Дагу, начав таким образом войну с Китаем.

В создавшейся обстановке императрица Цыси приняла решение использовать в борьбе с иностранным вторжением народное движение. Принятие этого решения облегчалось тем, что в призывах повстанцев не было лозунгов, направленных против правящей династии. 20 июня 1900 г. пекинское правительство объявило войну державам, в столицу и Тяньцзинь вошли отряды ихэтуаней, начавшие совместно с цинскими войсками осаду иностранных миссий и концессий. Сначала казалось, что бесстрашие ихэтуаней, бросавшихся с холодным оружием в бой против иностранных войск, могло привести их к победе. Отряд английского адмирала Сеймура, посланный в Пекин снять блокаду иностранного квартала, был разгромлен. Однако, как показали дальнейшие события, восставшие были бессильны перед мощью современных войск.

Собрав 40 тысячную армию из подразделений, представленных восемью державами (Англия, Франция, Германия, Италия,

Австро-Венгрия, Россия, США, Япония), иностранцы преодолели мужественное сопротивление ихэтуаней и в августе 1900 г. заняли Пекин. По приказанию Цыси двор оставил столицу, переместившись сначала в г. Тайюань, а затем в Сиань. Гуансюй, продолжавший находиться под домашним арестом, был вынужден сопровождать свою царственную тетку, приказавшую перед бегством из императорского дворца умертвить любимую наложницу императора. Вести переговоры о мире с державами было поручено Ли Хунчжану.

Переговоры, растянувшиеся более чем на год, проходили в обстановке продолжавшейся иностранной интервенции. В Северный Китай был переброшен дополнительный отряд германской армии под командованием фельдмаршала Вальдерзее, насчитывавший более 20 тыс. человек. Иностранные армии последовательно подавляли оставшиеся очаги сопротивления. По масштабам вовлечения иностранных войск «интервенция восьми держав» была беспрецедентным военным столкновением между китайской империей и западным миром. Его результатом вновь стало сокрушительное поражение Китая, зафиксированное в Заключительном протоколе, завершившем переговоры между державами и Китаем. В соответствии с этим документом цинское правительство было обязано выплатить в течение 39 лет огромную сумму в 450 млн юаней. Китай должен был вывести войска из столичного округа, ему было запрещено покупать за границей современное оружие. Управление посольским кварталом Пекина полностью переходило в руки иностранцев, опиравшихся на гарнизоны иностранных войск. Кроме того, цинское правительство брало на себя обязательство содействовать иностранной торговле и судоходству в Китае. Лишь в январе 1902 г. правительство и двор возвратились в Пекин.

Ксенофобия, а также достигнутое на некоторое время единство действий между правительством и ихэтуанями объясняют настороженность и даже враждебное отношение к ихэтуаням со стороны основных групп оппозиции. Либералы в эмиграции во главе с Кан Ювэем и революционеры во главе с Сунь Ятсеном не могли поддержать такое выступление.

4. «НОВАЯ ПОЛИТИКА» И РАЗВИТИЕ КРИЗИСА ИМПЕРИИ

Результатом подавления выступления ихэтуаней было закрепление полуколониального статуса китайской державы, формально сохранившейся как суверенное государство, однако, в сущности, полностью зависимой от западных держав.

На рубеже XIX–XX вв. в своем окончательном виде сложились сферы влияния западных держав. Регионом преимущественного экономического проникновения Англии стал юг Китая, а также провинции среднего течения Янцзы. Сферой влияния Японии становятся провинции нижнего течения Янцзы (главным образом Фуцзянь), Франция стремилась утвердиться в провинциях Юга, прилегавших к ее владениям в Индокитае (Юньнань, Гуанси, Гуандун), Германия установила контроль над Шаньдунем, а основные интересы России были сосредоточены в Маньчжурии, где нарастало соперничество с Японией.

Новое сокрушительное поражение, понесенное Китаем, стало главным побудительным мотивом, приведшим к обнародованию в августе 1900 г. императорского указа о необходимости проведения реформ. В январе 1901 г. в Сиани, где все еще находился императорский двор, был опубликован эдикт, в котором объявлялось о новой серии реформ, получивших название «новой политики». Вскоре был создан правительственный комитет, ответственный за ее проведение. «Новая политика», подобно «политике самоусиления», преследовала цели укрепления положения правящей династии и устоев деспотического режима. В сущности же, это означало попытку проведения более радикальных преобразований по сравнению с попыткой 60–90-х гг. XIX в.

Наиболее важной чертой «новой политики» было наметившееся изменение в отношении правительства к торгово-предпринимательским слоям. Впервые в истории китайской империи государство объявило о своем стремлении отойти от ограничения предпринимательства, встав на путь его поощрения. Созданное в 1903 г. указом двора Министерство торговли должно было всячески способствовать притоку частного капитала в промышленность и коммерцию. За этим последовали указы, направленные на упорядочение горнорудного дела, были сняты ранее существовавшие запреты на разработку природных ресурсов в ряде районов страны и одновременно приняты весьма существенные положения, связанные с упорядочением монетной системы. В провинциальных центрах и наиболее развитых городах была разрешена организация торгово-промышленных палат, деятельность различных акционерных обществ и торговых союзов. Эти новые структуры впоследствии стали средством отстаивания не только экономических, но в определенной мере и политических интересов формирующейся буржуазии Китая.

Немаловажное значение имели и реформы государственных структур, свидетельствовавшие о стремлении приблизить формы государственного управления к западным образцам. Вместо

архаического Управления по делам различных стран (Цзунли ямынь) было создано Министерство иностранных дел. Была несколько модернизирована система судопроизводства — отменены наиболее варварские формы следствия, жестокие пытки, образовано Министерство внутренних дел.

Особое значение придавалось реформе армии. Начало было положено отменой экзотической системы комплектования офицерского корпуса, в частности отменой экзаменов на поднятие тяжестей и стрельбу из лука. Вместо этого началось формирование военных учебных заведений нового образца, в деятельности которых широко использовался опыт европейских государств. Особое внимание уделялось германскому опыту строительства вооруженных сил. Генерал Юань Шикай, ставший одним из инициаторов и деятелей военной реформы, был сторонником ликвидации традиционной системы, основанной на территориальном принципе комплектования наемной армии. Однако его планы по введению всеобщей воинской повинности двор не поддержал. В результате «новая армия» создавалась как наемная, но при этом для поступления на службу было необходимо соответствие образовательному и имущественному цензу. Это делало армию, с одной стороны, более подготовленной к использованию новой техники, с другой — более восприимчивой к новым политическим идеям, что проявилось в годы китайской революции.

Общим результатом «новой политики» было укрепление позиций предпринимательских, а также региональных элит, рассчитывавших использовать реформы в собственных интересах. Их главная цель — ослабить центр, не способный эффективно выполнять свои функции обеспечения «верховного единства» и независимости государства, и перераспределить власть в свою пользу.

Этот процесс шел под воздействием сдвигов в экономическом развитии, которые определялись становлением китайского капитализма. В меньшей степени им была затронута китайская деревня, за исключением районов, непосредственно прилегавших к крупным «договорным» портам. Социальная дифференциация капиталистического типа, в основе которой лежали товарно-денежные отношения и использование наемной рабочей силы, все еще продолжала уступать расслоению традиционного типа. Тем не менее на положение дел в деревне оказывали влияние новые явления, характерные для экономики в целом, заставляя ее реагировать на изменения рыночной конъюнктуры.

Более ощутимым был процесс становления капитализма в городской экономике. К началу XX в. в стране уже действовало около 200 механизированных предприятий, принадлежавших наци-

ональному капиталу. Их количество за первое десятилетие XX в. более чем удвоилось.

Наибольшего размаха предпринимательская деятельность достигла в районах бассейна Янцзы, особенно в пров. Цзянсу. На этот регион Китая приходилось около 70% компаний и фирм, зарегистрированных до 1908 г. Особенностью развития китайского капитализма, как и капиталистических отношений в других странах Востока, было то, что наряду с постепенной ломкой традиционных экономических отношений шло развитие мелкого предпринимательства. Лидировать в становлении и развитии капиталистического уклада продолжали различные слои чиновничества, богатые шэньши, т.е. те, кто был непосредственно связан с центральной и провинциальной администрацией. Среди представителей национальной буржуазии можно было встретить и высокопоставленного придворного, члена академии Ханьлинь, и рядового обладателя ученого звания *шэньюань*. Наряду с этим в ее составе были и представители компрадоров, опиравшиеся на поддержку иностранного сектора. Все более заметную роль в формировании китайской буржуазии начинали играть выходцы из торгово-ростовщической среды, а также представители эмигрантской буржуазии.

Представление о том, на основе каких социальных слоев формировалась китайская буржуазия, может дать следующий пример. Из 26 хлопкопрядильных и прядильно-ткацких фабрик, построенных за период 1890–1910 гг., 16 было непосредственно основано чиновниками, три открыто ими вместе с выходцами из купечества и пять предприятий создано посредниками-компрадорами.

Несмотря на то что в начале XX в. китайский капитализм находился в стадии становления, явственно прослеживается цикличность в его развитии. Подъемы (1895–1903, 1905–1908) сменялись серьезными кризисами (1900–1903, 1909–1913). Тяжелее всего эти кризисные явления отразились на самом слабом секторе растущего капитализма — дофабричного производства. Особую роль в общеэкономическом спаде было суждено сыграть финансовому кризису в Шанхае и других «договорных» портах, что произошло в 1910 г. Китай все больше втягивался в процесс капиталистического развития. Капиталистический уклад не был, конечно, господствующим, но, безусловно, являлся ведущим.

В этой ситуации ярко проявились неспособность и отсутствие стремления маньчжурской династии создать действительно благоприятные условия для отечественного предпринимательства. Торгово-предпринимательские круги все настойчивее требовали проводить последовательно протекционистскую политику,

использовать государственную казну для ускорения экономического развития Китая, отменить лицзинь, унифицировать систему мер и весов, бороться с произволом со стороны бюрократии.

Китайские предприниматели стояли во главе движений за бойкот иностранных товаров. В 1905 г. в южных и юго-восточных провинциях они организовали бойкот американских товаров, в 1907—1908 — японских, а в 1908 г. — германских. Кризис оказал воздействие и на положение в деревне, по которой прокатилась волна стихийных выступлений: «голодных» бунтов, отказов от уплаты налогов, во время которых подвергались разгрому правительственные учреждения. Всего в 1910 г. отмечено 112 таких случаев.

После разгрома реформаторского движения в 1898 г. идеи, вдохновлявшие его участников, не только не были забыты, но и продолжали завоевывать новых сторонников как среди представителей китайской эмиграции, так и в самом Китае, где в период «новой политики» возникло легальное конституционное движение. Его основной формой стали петиционные компании с просьбой к маньчжурскому двору о введении конституции.

С 1906 г. начинается следующий этап «новой политики», связанной с конституционными маневрами правящей династии. В 1906 г. в страны Европы была отправлена специальная делегация для изучения опыта государственного устройства западных государств. В августе 1908 г. объявлено, что после необходимой подготовки, которая продлится до 1917 г., в стране будет введена конституция. Одновременно было разрешено образование различных кружков и обществ на местах, ставивших своей целью изучение опыта представительного правления в иностранных государствах и его пропаганду. Идя на эти шаги, цинское правительство рассчитывало укрепить свои связи с либерально настроенными представителями образованной и предпринимательской элиты страны, однако разрешенные организации могли стать и основой либеральной оппозиции режиму.

Смерть в ноябре 1908 г. деспотичной правительницы Китая императрицы Цыси (незадолго до этого при не вполне выясненных обстоятельствах умер Гуансюй, содержавшийся до конца своих дней под домашним арестом) ускорила проведение маньчжурским правящим домом конституционных реформ. В 1909 г. от имени малолетнего императора Пу И было объявлено о создании в провинциях совещательных комитетов по подготовке конституции, ставших впоследствии истинными центрами объединения оппозиционно настроенных представителей либеральных элит. Члены комитетов, формировавшихся на основе выборов, предусматривавших весьма высокий ценз (в выборах приняли учас-

тие лишь 0,3% населения), стали весьма активными участниками политической жизни Китая, выступая инициаторами петиционных кампаний за ускорение введения конституции.

В ноябре 1910 г. правительство объявило о созыве в Пекине Национальной ассамблеи, явившейся прообразом будущего парламента. Ее делегаты выступали за сокращение сроков перехода к конституционной монархии и были поддержаны в этом провинциальными комитетами. Под воздействием активизировавшихся петиционных кампаний маньчжурские власти были вынуждены пообещать ввести конституционное правление в 1913 г.

5. ПОДЪЕМ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ

Наряду с либеральной оппозицией, действовавшей легально на территории империи, а также в эмиграции (здесь особым влиянием продолжали пользоваться вожди реформаторского движения 1898 г. Кан Ювэй и Лян Цичао), не оставляли надежд добиться свержения маньчжурской деспотии и деятели революционного движения во главе с Сунь Ятсеном. После ряда попыток организовать восстания, закончившихся неудачей, революционеры попытались объединить усилия нескольких революционных организаций, сложившихся в южных провинциях Китая в начале XX в. Помимо «Союза возрождения Китая», в котором ведущая роль принадлежала Сунь Ятсену, наиболее крупными были организации, действовавшие в провинциях Хунань, Чжэцзян и Цзянсу. В Хунани во главе «Союза китайского возрождения» (Хуасинхуэй) стоял Хуан Син (1874—1916), происходивший из семьи школьного учителя, мужественный человек и талантливый организатор. Хуан Сину предстояло сыграть выдающуюся роль в качестве военного руководителя революционеров. В Чжэцзяне во главе «Союза возрождения славы Китая» (Гуанфухуэй) стоял видный интеллектual Чжан Бинлинь (1868—1936).

Летом 1905 г. в Японии на основе объединения революционных организаций, крупнейшей из которых являлся, конечно, «Союз возрождения Китая», был образован «Китайский революционный объединенный союз» (Чжунго гэмин тунмэнхуэй). В основу программы этой организации были положены «три народных принципа», сформулированные Сунь Ятсеном и пропагандировавшиеся на страницах печатного органа лиги — журнала «Минь бао» (Народная газета). «Три народных принципа» — это национализм, демократизм и народное благоденствие. Под национализмом в этот период Сунь Ятсен разумел свержение инородной

по своему происхождению правящей династии и возвращение к китайскому правлению. Демократизм подразумевал установление в Китае демократической республики. И, наконец, народное благоденствие означало решение аграрного вопроса путем установления системы единого государственного налога на землю в зависимости от ее рыночной цены, что, по мысли Сунь Ятсена, должно было привести к мобилизации дифференциальной ренты в руках государства, должного обратить ее на благо всего общества. Сунь Ятсен полагал, что эта система позволит постепенно решить историческую задачу — дать землю тем, кто ее обрабатывает, и тем самым закрыть дорогу капиталистическому развитию Китая.

Несмотря на то что программа революционеров была направлена на освобождение от маньчжурского владычества, а сами революционеры в достижении этой цели рассчитывали на помощь со стороны западных держав, в сущности, это была именно доктрина китайского национализма, стремившегося, как отмечено выше, соединить восстановление суверенитета Китая с идеями модернизации общества. Публикации на страницах «Минь бао», вдохновленные справедливым протестом против полуколониальной зависимости, в которую Китай был поставлен Западом, подтверждали это.

В борьбе за достижение намеченных целей «Объединенный союз» использовал примерно ту же тактику, что и «Союз возрождения Китая». «Объединенный союз» не ставил перед собой задачу организации массового народного движения, его участники полагали, что китайское общество уже достаточно подготовлено к тому, чтобы объединиться под лозунгом свержения правящей маньчжурской династии. Остается лишь подготовить революционный взрыв в одном из районов Китая, и это вызовет общенациональное выступление против цинской деспотии. По этой причине участники «Объединенного союза» сосредоточились на подготовке антиправительственных выступлений, стремясь, как и прежде, привлечь к этому тайные общества. Особое внимание уделялось пропагандистской работе среди солдат и офицеров китайской новой армии, главным образом тех ее частей, которые в большей степени были подготовлены к восприятию революционных идей.

Впоследствии Сунь Ятсен говорил, что свержению маньчжурской династии предшествовали 10 неудачных попыток революционных выступлений, предпринятых им и его сторонниками. После образования «Объединенного союза» его члены организовали восемь восстаний, в основном в южных провинциях

Китай, закончившихся поражением. Видную роль в их организации и проведении играл Хуан Син, однако в некоторых выступлениях непосредственно участвовал сам Сунь Ятсен. Во время шестого по счету восстания в Южной Гуанси (декабрь 1907 г.) он под пулями шел во главе шеренги революционеров, штурмовавших укрепления г. Чжэнань-гуань, захват которого открывал путь в глубь провинции. Однако и на этот раз революционеры постигла неудача.

Наиболее мощным и хорошо подготовленным было выступление в Гуанчжоу весной 1911 г. В нем приняли участие более 800 боевиков, объединенных в отряд «презrevших смерть». Во главе, как всегда, стоял мужественный Хуан Син, прибывший в Гуанчжоу в конце апреля. План, как и во время первого выступления «Союза возрождения Китая» в 1895 г., состоял в захвате отрядами боевиков правительственных учреждений и провозглашении революционной власти. Однако незадолго до намеченной даты восстания террорист-одиночка по собственной инициативе совершил покушение на командующего маньчжурскими войсками, и наместник распорядился ввести дополнительные меры предосторожности. Прибывшие в Гуанчжоу суда тщательно обыскивались, а у солдат «новых войск», которых не без оснований подозревали в революционных настроениях, отбирали патроны и холодное оружие. Несмотря на то что часть отрядов не смогла прибыть в город, 27 апреля восстание началось. Хуан Син во главе отряда бойцов атаковал и с боем взял резиденцию наместника. Однако после этого революционерам пришлось вступить в кровопролитный бой с подоспевшим крупным отрядом правительственных войск. Столкновения продолжались до глубокой ночи, Хуан Син был ранен в руку, революционерам пришлось отступить. Переждав несколько дней на конспиративной квартире, Хуан Син бежал в Гонконг. «Объединенный союз» потерял в этом выступлении 72 человека. Несмотря на поражение восстания в Гуанчжоу, известие о нем широко распространилось в Китае, и это выступление сыграло свою роль в нарастании антиманьчжурских и революционных настроений.

Первая половина 1911 г. прошла под знаком углублявшегося общественного кризиса, ярким проявлением которого было движение «В защиту железных дорог». В мае 1911 г. пекинское правительство приняло решение о национализации строившихся железнодорожных магистралей, соединявших Ханькоу (пров. Хубэй) с провинциями Сычуань и Гуандун. В результате этого решения пострадали китайские держатели акций, уже вложившие средства в это предприятие. Объявив о национализации, цинское

правительство одновременно договорилось о займе у консорциума, предоставленного капиталами западных держав (Англия, Франция, Германия, США). Таким образом власти рассчитывали поправить свое финансовое положение. Одновременно это означало фактическую передачу контроля над этим крупнейшим проектом в области национального предпринимательства иностранцам.

Действия пекинского правительства вызвали взрыв негодования предпринимательских кругов провинций, участвовавших в осуществлении этого проекта. В особенности пострадали вкладчики Сычуани, совещательный комитет по подготовке конституции которой возглавил движение протеста против решения правительства. Осенью 1911 г. оно переросло в вооруженные стычки с правительственными войсками, которые цинские войска уже не смогли подавить.

Глава XIII

СИНЬХАЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И УЧРЕЖДЕНИЕ КИТАЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (1911—1918)

1. ПОБЕДА СИНЬХАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1911 г.

Углубление и обострение кризиса Цинской империи в течение 1911 г. привело к тому, что осенью того же года мощный социально-политический взрыв уничтожил империю. Началом этих событий стало восстание в г. Учане — центре провинции Хубэй. Несмотря на тяжелые поражения многих восстаний, китайские революционеры продолжали готовить антиманьчжурские вооруженные выступления в городах и провинциях Китая. Одним из центров подготовки антиманьчжурских выступлений был Ухань, где действовали две революционные организации — так называемое Литературное общество и Союз общего прогресса. Эти тайные организации разделяли политическую платформу Объединенного союза и поддерживали с ним организационный контакт.

В Хубэе (впрочем, как и в других провинциях) революционеры работали прежде всего среди солдат и офицеров «новой армии», сумев привлечь на свою сторону почти треть (около 5 тыс. человек) всего состава частей «новой армии», расположенных в городе. Готовившееся здесь выступление должно было быть частью общекитайского восстания, планировавшегося Объединенным союзом. Однако выступление пришлось начать неожиданно — властям стало известно о готовившемся восстании, начались аресты и казни, революционерам грозил разгром.

Вечером 10 октября в ответ на репрессии властей восстали солдаты саперного батальона во главе с сержантом Сюн Бинкунем. Восстание поддержали другие части учанского гарнизона, в руки восставших перешел арсенал. Ночью развернулись ожесточенные бои за правительственные учреждения, которые к утру были взяты восставшими. Маньчжурские власти бежали из города. Учанское восстание победило.

11 октября руководители революционных организаций собрались в помещении провинциального Совецательного комитета на совместное заседание с руководством этого комитета. Обращение революционеров за помощью к либерально-конституционным деятелям и организациям было вполне естественным: не обладая опытом легальной политической деятельности и не имея

соответствующих политических структур, революционеры искали поддержки антиманьчжурски настроенных авторитетных деятелей и влиятельных политических организаций. Не случайно и то, что председатель хубэйского провинциального Совещательного комитета Тан Хуалун пошел на такое сотрудничество. Выходец из богатого и старого купеческого рода, Тан Хуалун получил хорошее классическое образование (имел ученую степень цзиньши), дополненное изучением юридических наук в Японии, успешно служил в бюрократическом аппарате. Будучи сторонником глубоких политических и экономических реформ, примкнул к либерально-конституционному движению, стал его лидером в Хубэе, активно участвовал в политической жизни Пекина. Разочарование в возможностях реформирования деспотического режима и патриотизм подтолкнули Тан Хуалун и его сподвижников в провинциальном Совещательном комитете к революционерам. Учанские революционеры, в свою очередь, также как и другие последователи Сунь Ятсена, были убеждены в том, что антиманьчжурская революция должна объединить всех китайцев, вне зависимости от их политических взглядов. Так начиналось сотрудничество революционеров и реформаторов, имевшее решающее значение для судеб антиманьчжурской борьбы.

На этом совместном заседании было образовано хубэйское революционное правительство, военным руководителем которого был избран генерал Ли Юаньхун — человек, далекий от революционных идеалов. Учанские революционеры — солдаты и младшие офицеры — хотели, естественно, на посту военного руководителя революционного правительства видеть кого-то из китайских генералов, надеясь на их антиманьчжурские чувства. Главой гражданской администрации был избран Тан Хуалун.

Фактически сложившееся военное правительство (оно было образовано под названием Стратегический центр) приняло два важнейших решения. Прежде всего оно потребовало отречения Цинской династии и провозгласило Китайскую республику, т.е. сразу же постаралось выполнить первое программное требование китайских революционеров. А затем обратилось ко всем провинциям с призывом поднять восстание против маньчжурского деспотизма. В Обращении, в частности, говорилось: «Голодный народ, заброшенные поля, повсюду стоны и мольбы бедняков о помощи. Кто как не маньчжуры лишили народ всего и поставили его на край гибели? ...Мы обращаемся к вам, отцы и братья 18 провинций Китая. Не щадите сил для полной победы над врагом и возрождения нашей страны, чтобы мы могли смыть наш позор и на вечные времена учредить республику». Этот общий декларативный документ был дополнен обращением к «уважаемым са-

новникам», т.е. к китайским крупным бюрократам, губернаторам, намесникам, которые фактически и являлись социально-политической опорой цинского режима. Авторы этого документа апеллировали к патриотическим чувствам китайских сановников, рассчитывая получить их активную поддержку или хотя бы политически их нейтрализовать.

В знак освобождения от маньчжурского ига все участники революционных выступлений срезали свои косы, в течение всего маньчжурского господства служившие зловещим символом подчинения китайцев маньчжурам.

Понимая важность внешнеполитического фактора для развития революции, хубэйские революционные власти сразу же направили в Ханькоу консулам иностранных государств дипломатические ноты, в которых признали преемственность обязательств по всем договорам, заключенным цинскими властями. В ответ 18 октября державы заявили о своем нейтралитете. Вскоре им представился случай доказать реальность своего нейтралитета: цинское правительство попросило иностранные державы о крупном займе для борьбы с революцией и получило отказ.

На призыв хубэйских революционеров к свержению маньчжурского деспотизма откликнулся весь Китай. В течение ближайших двух месяцев власть маньчжуров была свергнута в 15 провинциях. К декабрю цинская власть фактически сохранялась только в трех северных провинциях — Чжили, Хэнань и Ганьсу. Даже три северо-восточные провинции — Фэнтянь, Цилинь, Хэйлунцзян — заявили о своем нейтралитете. Начались волнения на национальных окраинах Китая — в Тибете, Синьцзяне, Внешней Монголии.

Главной ударной силой революции стала революционная армия. Ее ядром были перешедшие на сторону восставших части «новой армии», в которых вели в предреволюционные годы работу члены суньятсеновского Объединенного союза и других антиманьчжурских организаций. Эти части насчитывали около 100 тыс. бойцов, к которым в первые же месяцы присоединилось почти 300 тыс. добровольцев. В революционную армию шли крестьяне, ремесленники, рабочие, члены тайных обществ. Особенно важную роль в формировании революционной армии играла учащаяся молодежь, быстро и горячо откликнувшаяся на призыв к восстанию. Кадровые солдаты и офицеры «новой армии» становились командирами быстро разраставшейся подлинно народной армии защиты революции.

Почти в половине отколовшихся от цинской власти провинций (Хунань, Шэньси, Шаньси, Юньнань, Гуйчжоу, Чжэцзян) смена власти произошла революционным путем, благодаря актив-

ным действиям революционных частей «новой армии». Однако в ряде других провинций (Цзянсу, Цзянси, Аньхой, Гуанси, Гуандун, Сычуань, Фуцзянь, Шаньдун) переход власти в руки антицинских сил происходил по сути дела мирным путем: перед лицом единого фронта революционеров и либеральных реформаторов, перед напором народных масс китайцы-бюрократы вставали на путь поддержки антиманьчжурского движения, присоединялись к изгнанию чиновников-маньчжуров. Измена цинскому двору китайских сановников и военачальников существенно ослабила деспотический режим, во многом предопределив его быстрый крах.

Цинский двор был застигнут врасплох учанским восстанием и волной революционного подъема. Маньчжуры оказались не в состоянии контролировать ситуацию. За помощью двор решил обратиться к известному, но уже опальному китайскому сановнику Юань Шикаю, игравшему большую политическую роль в Китае в конце XIX — начале XX в., хорошо известному западным державам. 27 октября 1911 г. он назначается главнокомандующим карательными войсками, а 2 ноября ему дают пост премьер-министра.

Однако Юань Шикай не торопится в Пекин, не приступает к исполнению своих обязанностей, выжидая развития военно-политической ситуации, результатов наступления правительственных войск. А эти войска состояли прежде всего из частей так называемой Бэйянской армии — северной группировки «новой армии» (около трети ее общего состава), в свое время реорганизованной и руководимой самим Юань Шикаем. Преданные правительству войска под командованием генерала Фэн Гочжана начали наступление на Ухань и после тяжелых боев 2 ноября заняли Ханькоу, а 27 ноября — Ханьян, остановившись перед героическими защитниками Учана. Но это был последний успех правительственных войск. В то же время революционные войска в Восточном Китае предприняли ответное наступление и 2 декабря заняли Нанкин. Складывалось временное военное равновесие.

В разгар этих боев Юань Шикай приезжает в Пекин и 16 ноября приступает к исполнению своих обязанностей главы правительства. В условиях полного политического бессилия малолетнего императора, его регентов и всего его маньчжурского окружения Юань Шикай оказывается хозяином положения в Пекине, сосредоточивает в своих руках всю реальную власть. Большое значение для укрепления его позиций имела и политическая поддержка великих держав, которые видели в Юань Шикае политического гаранта своих интересов. Заручился он и обещанием значительных займов. Получив от Цинского двора всю полноту власти для борьбы с революцией, Юань Шикай в то же время тайно

вступил в контакт с лидерами революционного юга, стараясь нащупать почву для компромисса, при котором вся полнота власти осталась бы в его руках.

Как опытный политик, Юань Шикай видел обреченность династии и это подогревало его честолюбивые планы. Уже в середине ноября Юань Шикай через британского посланника зондирует позиции держав в отношении планов провозглашения его императором. Одновременно в переговорах с лидерами революционеров он обсуждает возможность своего выдвижения на пост временного президента.

Парадоксальность этой ситуации была в том, что Юань Шикай оказывался приемлемой фигурой для самых различных политических сил. Так, Ли Юаньхун, полагавший, что Юань Шикай больше других подходит для поста временного президента, обращался в письмах к нему: «Разве вы не самый знаменитый и самый способный человек среди китайцев... Возрождение китайцев и поддержание суверенитета Китая зависит от вас». Примерно такой же была и позиция видного революционера, сподвижника Сунь Ятсена, главнокомандующего революционными силами Хуан Сина. Более того, Сунь Ятсен, предлагая пост президента республики Ли Юаньхуну, в ноябре 1911 г. писал, что он «не имеет ничего против» и Юань Шикая. Для них Юань Шикай был прежде всего китаец!

Реальная военно-политическая ситуация конца 1911 г., страх Юань Шикая перед наступлением революционных армий на север, на Пекин, заставляют его искать перемирия с революционным югом, чтобы затем за столом переговоров добиться желаемого политического компромисса. Используя посредничество британского консула в Ханькоу, 1 декабря Юань Шикай передает через него революционерам предложение о перемирии, а также предложение начать переговоры.

Переговоры Севера и Юга начались в Шанхае 18 декабря. Север был представлен Тан Шаои (министром в кабинете Юань Шикая), а Юг — У Тинфаном (бывшим китайским посланником в США). Тан Шаои упорно отстаивал идею создания конституционной монархии при номинальной власти маньчжурского императора. Фактически в поддержку этой позиции высказались и западные державы. 20 декабря консулы Англии, Германии, Франции, США, России и Японии направили участникам переговоров идентичные ноты, в которых говорилось о необходимости «достигнуть скорейшего согласия, способного положить конец настоящему конфликту». Однако представитель Юга не шел на уступки, предлагая Юань Шикаю пост президента республики только после отречения династии.

Республиканская позиция южан укреплялась и быстрой консолидацией революционной власти. Это было связано прежде всего с возвращением Сунь Ятсена в Китай и работой конференции представителей провинций, взявшей на себя функции национального законодательного собрания.

О событиях в Учане Сунь Ятсен узнал в США из газет 12 октября и принял решение вернуться в Китай, но не кратчайшим путем, а через Европу, надеясь получить в столицах европейских государств политическую и материальную поддержку революции. Через Лондон и Париж Сунь Ятсен 21 декабря прибыл в Гонконг, а 25 декабря был торжественно встречен в Шанхае. На следующий день на совещании руководителей Объединенного союза Сунь Ятсен был выдвинут на пост временного президента Китайской республики.

29 декабря 1911 г. в Нанкине конференция представителей провинций приступила к выборам президента. На голосование были выставлены кандидатуры Сунь Ятсена, Хуан Сина и Ли Юаньхуна. За Сунь Ятсена было подано 16 голосов из 17. Такое единодушное свидетельствовало о его огромном авторитете, о стремлении представителей провинций радикально решить вопрос о форме власти. В тот же день, получив в Шанхае сообщение об итогах голосования, Сунь Ятсен телеграфирует в Нанкин, что согласен принять на себя полномочия временного президента. А в телеграмме в Пекин на имя Юань Шикая он сообщает, что принимает этот пост временно, в силу чрезвычайных обстоятельств и готов его уступить.

1 января 1912 г. Сунь Ятсен прибывает в Нанкин и в 10 часов вечера принимает президентскую присягу: «Я клянусь свергнуть маньчжурское самодержавное правительство, укрепить Китайскую республику, заботиться о счастье и благоденствии народа, руководствоваться общественным мнением народа. Обязуюсь быть преданным интересам нашей страны и всегда служить народу.

Когда самодержавное правительство будет свергнуто, когда внутри страны не будет больше смуты, когда Китайская республика займет подобающее ей место среди других государств и будет признана ими, тогда я сложу с себя полномочия. Торжественно клянусь в этом народу».

1 января 1912 г. становится днем официального провозглашения Китайской республики. Сунь Ятсен приступает к исполнению обязанностей президента и формирует правительство, приглашая в качестве министров видных и политически близких ему деятелей. Хуан Син стал военным министром, Цай Юаньпэй — министром просвещения, Ван Чунхуэй — министром иностранных дел. Министерские посты заняли либеральные деятели и вид-

ные сановники империи. На пост вице-президента 3 января был избран Ли Юаньхун. Однако вице-президент и политически далекие от Сунь Ятсена министры фактически не приступили к своим обязанностям, выжидая развития политических событий. Все это говорит о том, в каких сложных условиях начинало работать первое республиканское правительство. Однако несмотря на эти трудности ему многое удалось сделать.

Прежде всего правительство пыталось отменить многие средневековые установления и обычаи. 2 марта были изданы указы, запрещавшие опеку, применение пыток при допросах, торговлю людьми, а также указ об освобождении всех, проданных в долговое рабство. Указ от 5 марта обязывал все население срезать косы и тем самым освободиться от символа национального позора. 31 марта отдано распоряжение о запрещении варварского обычая бинтовать ноги девочкам.

Важное политическое значение имело создание 28 января на базе конференции представителей провинций Национального собрания (Цаньиюань) — высшего временного законодательного органа Китайской республики. В него вошли 38 представителей от 17 провинций.

Главное же достижение правительства в области нормотворчества — это подготовка и принятие временной конституции Китайской республики. Конституция готовилась под руководством Сунь Ятсена и была принята Национальным собранием 10 марта, а на следующий день обнародована президентом. Конституция провозглашала равноправие всех граждан «независимо от расы, класса и религии», право частной собственности и свободу предпринимательства, основные демократические свободы (неприкосновенность личности и жилища, свободу слова и печати, свободу организаций), право «сдавать экзамены для замещения чиновничьей должности» для всех граждан. Конституция провозглашала также разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную. Предусматривались выборы в постоянно действующий парламент в течение 10 месяцев.

Принятие этой подлинно демократической конституции имело огромное историческое значение для развития идей демократии в Китае, для утверждения демократических институтов. Этот документ на долгие годы стал политическим ориентиром демократических сил страны.

Однако в начале 1912 г. основное внимание президента и его правительства было обращено, естественно, на завершение борьбы с цинской монархией. Юань Шикай, узнав об избрании Сунь Ятсена временным президентом, дает указания Тан Шаою прервать переговоры в Шанхае, настаивая на возможности соглашения с

Югом только на основе признания конституционной монархии. Одновременно Юань Шикай пытается мобилизовать свои военные силы. В ответ на это правительство Сунь Ятсена объявляет о подготовке революционной армии для наступления на Пекин. Решимость республиканского правительства, углубление политического кризиса в Пекине заставляют, однако, Юань Шикая вскоре изменить свою тактику. Окончательно убедившись в прочности республиканских институтов, в невозможности возглавить китайское государство без отречения цинской династии, Юань Шикай решает принести в жертву своим честолюбивым расчетам монархический режим. 1 февраля он вынуждает вдовствующую императрицу поручить ему ведение переговоров с Нанкином на условиях отречения династии.

Переговоры завершаются соглашением, которое предусматривало денежное содержание императорской семьи, сохранение ее имущества, ее титулов и гражданских прав. 5 февраля Национальное собрание утвердило условия отречения. 12 февраля вдовствующая императрица от имени малолетнего императора Пу И издает эдикты об отречении. В одном из эдиктов, в частности, говорилось: «Общее желание ясно выражает Волю Неба, и не нам противодействовать этим желаниям... Мы с императором с нашей стороны сим актом передаем суверенитет народу в целом и заявляем, что конституция отныне будет республиканской, тем самым удовлетворяем требования тех, кто ненавидит беспорядок и желает мира, кто следует учению мудрых, согласно которому Поднебесная принадлежит народу». После 267-летнего господства в последних числах года *синьхай* по традиционному календарю (поэтому революция и называется Синьхайской) рухнула власть маньчжурской династии.

Важной политической особенностью эдиктов об отречении было содержащееся в них провозглашение республики и передача власти Юань Шикаю, что должно было усилить позиции Севера при решении вопроса о власти. На следующий день после отречения собралось руководство Объединенного союза и почти единогласно высказалось за соглашение с Юань Шикаем. В тот же день Сунь Ятсен складывает перед Национальным собранием свои полномочия временного президента и выдвигает на этот пост Юань Шикая. 15 февраля Национальное собрание единогласно избирает Юань Шикая временным президентом. В тот же день в ознаменование исторической победы китайского народа было организовано торжественное шествие к могиле основателя минской династии Чжу Юаньчжана. Шествие возглавил Сунь Ятсен.

В конце марта в Нанкин приезжает Тан Шаои, вступивший к этому времени в Объединенный союз, в качестве назначенного

Юань Шикаем премьер-министра и начинает формировать правительство. Некоторые министры суньятсеновского правительства — Цай Юаньпэй, Ван Чунхуэй — сохранили свои посты. Вошли в правительство и другие сподвижники Сунь Ятсена — Чэнь Цимэй, Сун Цзяожэнь. Однако на ключевые посты военного министра и министра финансов Юань Шикай назначил близких ему Дуань Цижуя и Сюн Сицина. Состав правительства по существу носил коалиционный характер, отражая реальное соотношение сил.

После формирования нового республиканского правительства Сунь Ятсен полагает свою миссию временного главы государства завершённой и 1 апреля выступает перед Национальным собранием с заявлением об отставке. 3 апреля он уезжает в Шанхай. Завершается решающий этап революции — этап свержения маньчжурского деспотизма и утверждения республиканского строя. Завершается он историческим компромиссом, инициаторами которого были Юань Шикай и Сунь Ятсен, компромиссом, который позволил по сути дела избежать кровопролитной гражданской войны и прямого вмешательства иностранных держав, способных привести к распаду страны.

Начинается новый этап политической жизни Китая, связанный с попытками утвердить парламентские формы управления страной и стремлением Юань Шикая к авторитарному правлению.

2 апреля Национальное собрание принимает решение о перенесении столицы Китая в Пекин, отменяя свои прежние решения и идя навстречу Юань Шикаю. Уже 29 апреля Национальное собрание, пополненное делегатами от ранее не представленных провинций, открыло свою сессию в Пекине. В центре внимания всей политической жизни Пекина и всей страны встали проблемы, связанные с выборами парламента, назначенными на конец 1912 — начало 1913 г. Активно проходит процесс формирования политических партий, процесс размежевания различных политических направлений.

Ведущей силой в Национальном собрании оставался Объединённый союз Сунь Ятсена — главная организация китайских революционеров. Однако именно в это время начинается консолидация оппозиционных сил, весьма пестрых по социальному происхождению и по политической направленности, происходит и процесс размежевания в революционном лагере. Этому, естественно, способствовало решение главной исторической задачи — свержение ненавистного маньчжурского ига, в борьбе с которым возможны были широкие социально-политические коалиции и компромиссы весьма разнородных политических сил.

В январе 1912 г. возникает Партия единства (Тунгидан), организатором которой был видный деятель Объединённого союза

Чжан Тайянь, разошедшийся с Сунь Ятсеном еще до революции. Это была партия умеренных реформаторов (Чжан Цзянь, Чэн Дэцюань, Тан Шоуцянь), ориентировавшаяся прежде всего на поддержку цзянсу-чжэцзянских предпринимательских кругов. Примкнул к этой партии и недолго состоявший в Объединенном союзе Тан Шаои.

В мае 1912 г. на базе более мелких организаций (в том числе и Партии единства) создается Республиканская партия (Гунхэдан), председателем которой становится Ли Юаньхун. В ее руководство вошли также Чжан Цзянь, У Тинфан, Чэн Дэцюань, Чжан Тайянь. Эта партия стала главной парламентской оппозицией Объединенному союзу, парламентской опорой Юань Шикая.

В первые дни после успешного учанского восстания на съезде в Шанхае была создана Китайская социалистическая партия (Чжунго Шэхуэйдан). Инициатором ее создания и ее бессменным руководителем был Цзян Канху — один из первых пропагандистов идей социализма в Китае. По своим политическим позициям партия была близка к Объединенному союзу, поддерживая социалистическую направленность идей Сунь Ятсена. В январе 1912 г. партия уже насчитывала около 5 тыс. членов и имела более 30 местных отделений.

Активное участие в политической жизни принимал и Объединенный союз, ставший, естественно, самой заметной политической организацией Китайской республики. Вслед за правительством руководящие органы союза в апреле 1912 г. переводятся в Пекин, где союз начинает работать в новых условиях. В новой программе союза, принятой еще на съезде в марте, наряду с лозунгами укрепления республиканского строя и развития парламентаризма, содержалось требование проведения политики «государственного социализма». Это отражало многообразие политических взглядов руководства союза. Если Сунь Ятсен в эти первые послесиньхайские дни видел актуальную задачу союза в реализации принципа народного благоденствия, то большинство руководящих деятелей союза (Сун Цзяожэнь, Хуан Син, Чэнь Цимэй, Ху Ханьмин, Ван Цзинвэй) видело союз прежде всего парламентской партией.

Вместе с тем эти разногласия не помешали руководству союза осознать необходимость радикальной перестройки союза, его превращения из боевой, но достаточно узкой конспиративной организации в массовую политическую партию, способную успешно бороться за политическое лидерство в условиях парламентской демократии. Инициатором и главным перестройщиком союза был Сун Цзяожэнь, получивший поддержку Сунь Ятсена. Новая партия мыслилась как массовая открытая организация,

способная стать центром притяжения всех без исключения левых сил, стимулирующая процесс политической поляризации и становления двухпартийной парламентской системы.

В период после своего ухода с поста временного президента и до реорганизации Объединенного союза Сунь Ятсен много выступает в разных частях страны с пропагандой своего учения, подчеркивая, что первые два «народных принципа» (национализм и народовластие) уже в основном выполнены и теперь необходимо приниматься за реализацию третьего — принципа народного благоденствия, за проведение политики «государственного социализма». Однако эта пропаганда не нашла тогда понимания и поддержки среди различных слоев китайского народа, что, возможно, подтолкнуло Сунь Ятсена на компромисс с теми деятелями союза, которые хотели видеть политическую программу новой партии как широкую платформу для объединения всех левых и патриотических сил. Именно на такой платформе в августе 1912 г. в Пекине состоялся учредительный съезд новой партии, на котором к Объединенному союзу присоединились еще четыре партии (Единая республиканская партия, Общество всеобщего прогресса, Общество действительного прогресса республики, Общенациональная партия). Новая партия стала называться Национальной партией (Гоминьдан). Сунь Ятсен был избран ее председателем. Основные программные установки партии были выражены в требованиях достижения политического единства страны, развития местного самоуправления, осуществления национального объединения, проведения политики народного благоденствия, поддержания международного мира.

После проведения учредительного съезда Гоминьдана Сунь Ятсен отходит от активной партийной работы. Стремясь способствовать проведению в жизнь принципа народного благоденствия, он принимает пост генерального директора железных дорог и разрабатывает грандиозный план железнодорожного строительства, видя в нем важнейшее условие социально-экономического преобразования Китая. Практическое руководство всей партийной работой перешло в руки Сун Цзяожэня и других сподвижников Сунь Ятсена, развернувших бурную предвыборную деятельность. Вместе с тем Гоминьдан, видя именно в парламентской борьбе главный путь демократического развития страны, идет на отказ от революционных вооруженных сил, сыгравших решающую роль в победе революции, проводит демобилизацию революционных армий на Юге.

Развитие политических событий в первые месяцы после создания Гоминьдана, казалось бы, подтверждало правильность взятого курса на создание массовой парламентской партии, ибо на

парламентских выборах Гоминьдан добился убедительной победы. Несмотря на то, что в выборах из-за различных ограничительных цензов (имущественный, возрастной, профессиональный и т.п.) принимало участие всего 10% населения страны, эти выборы явились историческим рубежом на пути демократического развития Китая. Гоминьдан получил 269 из 596 мест в палате представителей и 123 из 274 в верхней палате. На втором месте шла Республиканская партия.

Победив на парламентских выборах, Гоминьдан, естественно, претендовал на формирование правительства. Однако такой переход власти в руки Гоминьдана не устраивал Юань Шикая. Прежде всего он попытался объединить все негоминьдановские силы в парламенте. Созданная еще в ноябре 1912 г. вернувшимся из эмиграции Лян Цичао Демократическая партия (Миньчжудан) объединяется с Партией единства и Республиканской партией в новую организацию — Прогрессивную партию (Цзиньбудан), ставшую парламентской опорой Юань Шикая.

Однако не парламентские методы борьбы были для Юань Шикая главными — прежде всего он рассчитывал на военную силу. С этой целью идет дополнительная мобилизация, расширяется и укрепляется Бэйяньская армия, некоторые ее части перебрасываются в стратегически важные районы страны (Ухань, Шанхай, Нанкин). Чтобы получить средства для укрепления армии, без согласия парламента Юань Шикай в апреле 1913 г. берет заем в 25 млн ф. ст. от консорциума западных банков (Англия, Франция, Германия, Япония, Россия). Проводятся прямые террористические акции против демократических сил. Так, в марте 1913 г. по тайному приказу Юань Шикая в Шанхае был убит Сун Цзяохэнь, как лидер парламентского большинства претендовавший на пост премьер-министра.

Все эти события происходят на фоне обострившихся отношений Севера и Юга. Если на Севере укреплялась прямая военная власть Юань Шикая, то на Юге нарастало стихийное народное движение против существовавших порядков: вооруженные выступления традиционных тайных обществ, убийства «плохих» чиновников, голодные крестьянские бунты и т.п. Большой размах получило народное восстание под руководством крестьянина Бай Лана, продолжавшееся в провинциях Центрального Китая почти два года и только осенью 1914 г. жестоко подавленное войсками Юань Шикая. Возобновляют антиправительственную деятельность прежние организации революционеров. Так, хубэйские революционеры летом 1913 г. стали готовить выступление против Ли Юаньхуна, но он сумел предупредить в июне их выступление и жестоко с ними расправился.

Об убийстве Сун Цзяожэня Сунь Ятсен узнал, находясь в Японии. Он сразу же возвращается в Китай и уже 27 марта на совещании гоминьдановского руководства предлагает разорвать отношения с Юань Шикаем и начать с ним вооруженную борьбу. Это, однако, не встретило полной поддержки его соратников. В то же самое время Юань Шикай открыто переходит в наступление. Он назначает временным премьер-министром своего военного министра и командующего Бэйянской армией Дуань Цижуя и 6 мая издает президентский указ «Об искоренении беспорядков и умиротворении». Вслед за этим освобождает от занимаемых постов Хуан Сина (командующий южной армией), Ли Лецзюня (губернатор Цзянси), Бо Вэньвэя (губернатор Аньхой), Ху Ханьмина (губернатор Гуандуна), пытаясь лишить Гоминьдан реальной военной и политической силы. В ответ на это в июле 1913 г. верные идеям республиканизма и преданные Гоминьдану вооруженные силы на юге страны начинают вооруженную борьбу против Юань Шикая, которая получила название «второй революции».

Гоминьдан выступил с обращениями к народу, в которых призвал к вооруженной борьбе с узурпатором власти Юань Шикаем, обвиняя последнего в стремлении добиваться трона: «В то время, когда миллионы людей живут в нищете, он думает только о своей коронации». Однако энергичного отклика на свои обращения Гоминьдан не получил. Многие члены партии на этот призыв не отозвались и большинство гоминьдановских парламентариев против Юань Шикая не выступило. Широкие слои китайского народа не поддержали этой вооруженной борьбы. Лишь верные Гоминьдану воинские части в провинциях Цзянсу и Цзянси и в городах Нанкине и Шанхае поднялись на антиюаньшикаевскую борьбу.

К сентябрю 1913 г. Юань Шикаю удалось подавить гоминьдановское выступление. Военная и политическая сила оказалась на его стороне. «Вторая революция» потерпела поражение. Так завершились события 1911–1913 гг., вошедшие в историю как Синьхайская революция.

Синьхайская революция, как революция национально-освободительная и антидеспотическая, победила, освободив Китай от маньчжурского ига, ликвидировав империю и на ее обломках создав республику. Вместе с тем к концу 1913 г. стало ясно, что революционные демократы народнического толка во главе с Сунь Ятсеном, сыгравшие руководящую и решающую роль в победе Синьхайской революции, потерпели поражение. Антиманьчжурские лозунги Объединенного союза сплотили на республиканской платформе самые широкие, но весьма социально политически разнородные силы китайской нации. Этот широкий единый

национальный фронт и был основой успеха Синьхайской революции. Однако ее победа уничтожила основу национального политического объединения и в результате Сунь Ятсен и его ближайшие сподвижники с их программой народного благоденствия и «государственного социализма» остались весьма узкой группой революционных демократов, пока еще не имевших массовой социальной базы.

Неоднозначно сказалась победа Синьхайской революции на национальных окраинах страны. Так, после начала революционных выступлений в Китае в Синьцзяне члены Объединенного союза вместе с участниками тайных обществ подняли восстание в Урумчи. Восстание было жестоко подавлено. Более успешно началось выступление революционных частей «новой армии» в Илийском крае: в январе 1912 г. им удалось свергнуть маньчжурскую власть, а затем распространить новую власть и на Урумчи. Но летом 1912 г. в этой разгоревшейся гражданской войне побеждает ставленник Юань Шикая, насаждая в Синьцзяне суровый военный режим.

По-иному развивались события во Внешней Монголии. Здесь еще летом 1911 г. состоялось тайное совещание монгольской светской и духовной знати, в котором участвовал и глава ламаистской церкви *богдо-геген*. Собравшиеся приняли решение об отделении Монголии от Китая и направили в Россию делегацию с просьбой о помощи. Российское правительство, обещая поддержку монгольской знати, в то же самое время возражало против отделения Монголии от Китая. Ситуация изменилась после падения цинской династии. 1 декабря 1911 г. в Урге произошел переворот, власть в свои руки взяла монгольская знать, заявившая о независимости Монголии. Маньчжурские чиновники бежали из Монголии. Все это изменило и позицию русской дипломатии. 3 ноября 1912 г. в Урге было подписано российско-монгольское соглашение — Россия обещала Монголии помощь в сохранении ее автономии. Правительство Юань Шикая не признавало автономии Монголии, пыталось силой подавить выступление монгольского народа, но в конце концов было вынуждено вступить в переговоры с Россией и 5 ноября 1913 г. подписать российско-китайскую декларацию, признававшую соглашение 3 ноября 1912 г. Эти события явились важным шагом на пути восстановления монгольской государственности, но они надолго осложнили российско-китайские отношения.

В Тибете свержение маньчжурского деспотизма привело к антикитайским выступлениям тибетцев, стремившихся к сохранению традиционной государственности. Юань Шикай послал войска для подавления тибетского национального движения, но сразу

же столкнулся с противодействием Англии и был вынужден приостановить карательную экспедицию. К концу 1912 г. в Лхасу с согласия далай-ламы вошел трехтысячный отряд английских войск. Тибету удалось сохранить свой традиционный статус.

2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ПОСЛЕ ПОБЕДЫ СИНЬХАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Юань Шикай поспешил воспользоваться подавлением «второй революции» и укрепить свою власть. 6 октября 1913 г. были проведены выборы президента. В соперничестве с Ли Юаньхуном Юань Шикай, используя все формы давления на депутатов и их подкупа, добился своего избрания. Ли Юаньхун был избран на следующий день вице-президентом. Последовала полоса международного признания республиканского правительства правительствами Англии, России, Японии и др. (США признали Китайскую республику еще в мае 1913 г.)

4 ноября 1913 г. президент наносит удар по своим главным оппонентам: он распускает Гоминьдан и лишает гоминьдановских депутатов парламента их мандатов — тем самым фактически разгоняет парламент. В январе 1914 г. он формально распускает парламент, а также все провинциальные собрания. Последний удар по рожденной революцией политической системе Юань Шикай наносит 1 мая, отменяя демократическую конституцию марта 1912 г. и вводя новую, которая сосредоточивала в президентских руках по сути дела диктаторскую власть. Однако, не удовлетворяясь этой властью, он стремится к восстановлению монархии, надеясь стать основателем новой династии. 23 декабря 1914 г. Юань Шикай, облаченный в императорские одежды, совершает торжественное жертвоприношение в храме Неба. Он начинает восстанавливать атрибутику времен монархии, а также прежние звания и чины. Вновь вводится традиционная экзаменационная система отбора чиновников.

Эту подготовку к восстановлению монархии Юань Шикаю приходится вести в усложнившейся для Китая международной обстановке в связи с началом мировой войны. Уже 6 августа 1914 г. китайское правительство заявило о своем нейтралитете, рассчитывая, что воюющие державы не перенесут свои военные действия на китайскую территорию. Однако Япония, объявив 22 августа войну Германии, поспешила использовать ситуацию и высадила экспедиционный корпус в провинции Шаньдун с целью захвата германских владений. Воспользовавшись занятостью западных держав войной в Европе, Япония попыталась вытеснить

их из Китая, превратив его фактически в свой протекторат. 18 января 1915 г. японское правительство через своего посланника в Пекине вручило Юань Шикаю так называемое 21 требование. Требования включали: признание захвата Шаньдуна, согласие на господство Японии в южной Маньчжурии и Внутренней Монголии, контроль над Ханьепинским металлургическим комбинатом, назначение японских советников в китайскую армию, полицию, министерства финансов и иностранных дел, предоставление концессий и т.п. Сообщения об этих требованиях вызвали в стране взрыв возмущения. Юань Шикай колебался. Он видел реакцию китайской общественности, но вместе с тем рассчитывал на очень важную, как ему казалось, помощь Японии в его монархических планах. В конце концов в мае 1915 г. Юань Шикай уступает японскому нажиму и принимает эти требования. Во многом это решение оказалось для него роковым, став одним из важных факторов роста сопротивления самых широких кругов китайского общества попыткам реставрации монархии. А эти попытки делались все более настойчивыми.

Летом 1915 г. Юань Шикай инспирировал петиционную кампанию с требованиями провозглашения монархии и восшествия Юань Шикая на престол. В провинциях проводятся «референдумы», на которых единогласно высказываются за восстановление монархии. В декабре 1915 г. созданная Юань Шикаем вместо парламента Центральная совещательная палата принимает решение об учреждении конституционной монархии и обращается к Юань Шикаю с просьбой о вступлении на трон. Церемония вступления на престол уже намечалась на начало следующего, 1916 г. Однако Юань Шикай и его ближайшее окружение просчитались, столкнувшись с непреодолимым сопротивлением самых различных социально-политических сил.

Естественно, что Юань Шикай встретил сопротивление как довольно узкого слоя радикальных республиканцев, выросших на традициях антидеспотической борьбы, так и более широких, в определенном смысле «демократических» слоев (городская буржуазия, мелкая буржуазия, новая интеллигенция, студенчество, часть «просвещенных шэньши» и т.п.), особенно в южных провинциях, связывавших именно с развитием республиканской государственности определенные надежды на повышение своего социального статуса, на расширение возможностей для своего участия в экономической и политической жизни. Именно в этой среде действовал Сунь Ятсен, здесь он вербовал своих сторонников. Еще в июне 1914 г. в эмиграции в Японии он реорганизуе запрещенный Юань Шикаем Гоминьдан в Китайскую революционную партию (Чжунхуа гэминдан), которая мыслилась им как

узкая боевая организация его сторонников, способная противостоять террористическому режиму и успешно бороться за его свержение. Направленность новой партии хорошо видна из той клятвы, которую каждый вступивший давал вождю партии — Сунь Ятсену: «Во имя спасения Китая от гибели, повинаясь Сунь Ятсену, вновь осуществить революцию, претворить в жизнь два принципа — народовластие и народное благоденствие, учредить “конституцию 5 властей”, исправить государственное управление, улучшить жизнь народа, укрепить основы государства и обеспечить мир во всем мире».

Вместе с тем замыслы Юань Шикая не встретили той поддержки, на которую он, казалось бы, мог рассчитывать в среде пекинской и провинциальной бюрократии, на активную помощь которой он опирался, идя к власти, и интересы которой он, казалось бы, и выражал. Действенно помогая Юань Шикаю в борьбе за власть, бюрократия не проявила готовности пойти навстречу его притязаниям на диктаторскую власть, облаченную тем более в монархические одежды. Несколько неожиданно эта бюрократия выявила свои республиканские настроения. Конечно, если употреблять выражение Сунь Ятсена, это был «показной республиканизм, лишь прикрывавший личные амбиции», но он во многом ослабил политические позиции Юань Шикая. Именно личные амбиции бюрократической верхушки, рассчитывавшей в условиях республиканского политического образа жизни добиться большего личного политического успеха и влияния, оттолкнули ее от своего недавнего кумира. Не встретили поддержки у провинциальной бюрократии и централизаторские стремления Юань Шикая, в которых она справедливо увидела попытку посягнуть на только что завоеванную независимость от Пекина и свободу от необходимости делиться с пекинской бюрократией своими доходами.

Эти настроения во многом отразились на изменении политической позиции Прогрессивной партии, которая ранее способствовала победе Юань Шикая и консолидации консервативных, антиреволюционных сил. Стремление Юань Шикая установить свою диктатуру и затем облечь ее в монархические одежды постепенно превратило Прогрессивную партию в оппозиционную Юань Шикаю силу, заставило ее включиться в нараставшее антимонархическое движение. Лидеры этой партии, многие из которых (включая Лян Цичао) бежали на Юг, становятся организаторами и идеологами антимонархических выступлений. Примечательно идейное обоснование Лян Цичао своей позиции: «Я всегда, в любое время против революции, — подчеркивал он, обращаясь к монархистам. — Я против вашей монархической революции в

настоящее время так же, как и вы были против республиканской революции в прошлом».

Подъему антимонархических настроений способствовало и предательство национальных интересов правительством Юань Шикая, которое фактически пошло на принятие унижительных и грабительских японских требований в мае 1915 г. В ответ в стране начались массовые демонстрации и митинги протеста, бойкот японских товаров и т.п. Таким образом, борьба против Юань Шикая приобретала не только антимонархический, но и патриотический, национальный характер.

Позиция западных держав, рассматривавших Юань Шикая теперь как японского ставленника, была весьма сдержанной, отнюдь не поощрявшей Юань Шикая. В октябре 1915 г. державы направили правительству Юань Шикая заявление, в котором советовали «...временно отложить изменение формы правления во избежание возможных беспорядков».

В этой обстановке нарастания стихийного и организованного антимонархического протеста начинаются выступления местных политических и военных лидеров южных провинций. В конце 1915 г. бежавший из Пекина генерал Цай Э в провинции Юньнань при поддержке местной бюрократии провозглашает «независимость» своей провинции и призывает к борьбе с Юань Шикаем. Постепенно в эту борьбу втягиваются губернаторы и военачальники других южных провинций — Гуандуна, Гуанси, Гуйчжоу, Сычуани, Хунани, Фуцзяни. Используя рост антимонархических настроений и в еще большей мере опираясь на традиционные сепаратистские настроения юга страны, они развернули военные действия против Юань Шикая, известные под названием «войны в защиту республики», или «третьей революции». Юань Шикай бросает войска на подавление выступлений мятежных провинций, но они терпят поражения, объяснявшиеся не столько военной силой южан, сколько нежеланием юаньшикайских генералов воевать.

Весной 1916 г. военно-политическая ситуация для Юань Шикая существенно ухудшается. Против него выступили не только его открытые противники — он теряет поддержку, казалось бы, самых верных сподвижников: Дуань Цижуй, Сюй Шичан, Фын Гочжан, Чжан Сюнь и некоторые другие бэйянские генералы в обстановке развертывавшейся гражданской войны Севера и Юга склоняются к отказу от монархических авантюр Юань Шикая, ищут других путей упрочения своей власти.

Все это означало фактический провал авантюристического курса Юань Шикая. Уже в марте он был вынужден заявить об отказе от своих претензий на престол, а 6 июня 1916 г. он неожиданно умер.

Гражданская война 1916 г. и поражение Юань Шикая имели огромные и неоднозначные последствия для истории Китая. Провал Юань Шикая был, безусловно, поражением наиболее махровой китайской реакции, но он был и поражением попытки сохранения единого и централизованного китайского государства. Разрушение такой социально-политической скрепы, как деспотическая монархия, привело к всплеску центробежных сил, почувствовавших огромные возможности в условиях резкого ослабления центральной власти. Оценка этих центробежных сил представляет определенную сложность. С одной стороны, в этих местнических движениях была буржуазно-демократическая струя, связанная с развитием (особенно на Юге) местных капиталистических рынков и местных буржуазных сил, тяготившихся гнетом Пекина, связанная с традициями народного антиманьчжурского движения. С другой стороны, эти стихийно демократические настроения были использованы прежде всего наиболее влиятельными группами местных бюрократов, особенно местными военачальниками, для утверждения своей бесконтрольной власти на местах, для создания так называемых милитаристских режимов.

Старейшей и наиболее влиятельной была бэйянская милитаристская группировка, сложившаяся еще при маньчжурском режиме с участием Юань Шикая. После его смерти она фактически распалась, оставив после себя соперничавшие группировки, крупнейшими среди которых были аньхуэйская и чжилийская (названные так по происхождению своих главарей). Главой аньхойской группировки был один из сильнейших милитаристов и влиятельнейший политический деятель Дуань Цижуй, в основном контролировавший в рассматриваемое время политическую жизнь Пекина. Главой чжилийской группировки был Фын Гочжан, пользовавшийся поддержкой генералов У Пэйфу, Цао Куня, Ван Чжанюаня и др. Маньчжурия прочно контролировалась фыньтянской (мукденской) группировкой во главе с Чжан Цзолинем, ориентировавшимся на поддержку Японии. Фактически независимыми были губернаторы пров. Шаньси Янь Сишань, пров. Шэньси — генерал Чэнь Шуфань, пров. Юньнань — генерал Тан Цзияо, пров. Гуанси — генерал Лу Жунтин. Борьба за политическое и военное влияние, за контроль над территориями и налогами и т.п. шла не только между группировками, но и внутри них.

Логика развития милитаристских режимов и их социальная природа были весьма просты. Режимы эти опирались на открытую военную силу. Насмная армия давала силу для удержания власти в определенном районе, власть же давала возможность получать через налогообложение средства для найма солдат. Вот подлинный «порочный круг» функционирования этих режимов.

Социальное происхождение милитаристов было различным, но, естественно, преобладали выходцы из шэньшйско-землевладельческой и бюрократической среды. Захватив власть, многие из них стремились — и не без успеха — «сколотить» себе состояние: захватывали и «покупали» землю, вкладывали награбленные средства в предпринимательство и т.п. Однако их политическое поведение определяли не социальное происхождение, не вовлеченность в бизнес, а больше всего стремление к укреплению и расширению власти. Ради этого они вели друг с другом непрерывные войны, вступали в коалиции с одними против других, признавали власть более сильных и подчиняли себе (напоминая чем-то вассалитет) более слабых, искали (и находили) покровительства иностранных держав. Отсюда та легкость, с которой милитаристы меняли свою политическую ориентацию и своих политических союзников, отсюда же их поиски сильных зарубежных покровителей, что делало некоторых из них игрушкой иностранных держав.

Вместе с тем эти режимы не представляли специфических классовых интересов ни старых, традиционных, «азиатских», ни новых, буржуазных и обуржуазивающихся, сил. Это были паразитические военно-бюрократические режимы, опиравшиеся на силу штыка, что и определяло их политическую неустойчивость.

Милитаристские распри стали основным фоном политической борьбы республиканского Китая. После смерти Юань Шикая президентом стал Ли Юаньхун, вице-президентом — Фын Гочжан, премьер-министром — Дуань Цижуй. После достаточно напряженной борьбы в пекинской администрации, в которой премьер пытался сосредоточить в своих руках всю полноту унаследованной от Юань Шикая власти, президент все-таки смог настоять на восстановлении временной Конституции 1912 г. и созыве разогнанного его предшественником парламента 1913 г. Однако «старый» парламент был поставлен перед новыми политическими проблемами, которые отражали своеобразный и временный компромисс антиюаньшикаевских сил. Президент Ли Юаньхун выражал интересы прежде всего южных милитаристских группировок, премьер-министр Дуань Цижуй — северной (бэйянской), примирить их интересы было трудно. «Пробой сил» этих группировок оказался вопрос о вступлении Китая в войну на стороне Антанты.

Бэйянские милитаристы связывали с этой акцией определенные планы укрепления своего политического и военного влияния в масштабах всей страны, встречая, естественно, активную поддержку заинтересованных в этом стран Антанты. Однако эта

идея не пользовалась популярностью в стране. Против вступления в войну были настроены демократические силы Китая. Сунь Ятсен, к этому времени вернувшийся из эмиграции в Шанхай, резко осуждал эти планы, выступал против участия Китая в захватнической войне, справедливо полагая, что Дуань Цижуй попытается использовать военную ситуацию для укрепления своей личной власти и для разгрома подлинных республиканцев. Вступление в войну не поддерживали и некоторые милитаристы. В мае 1917 г. Дуань Цижуй поставил в парламенте вопрос о вступлении в войну, но поддержки не получил. Президент Ли Юаньхун воспользовался парламентским провалом Дуань Цижую и сместил его с поста премьера, что, однако, вызвало ответное давление бэйянских милитаристов на президента, вынудившее его распустить строптивый парламент в июне 1917 г.

Политической неразберихой попытался воспользоваться один из последних активных сторонников свергнутой династии генерал Чжан Сюнь. Он был видным военным деятелем империи, активно боролся затем на стороне Юань Шикая, оставаясь после его смерти генерал-инспектором войск долины Янцзы и губернатором провинции Аньхуэй. В знак преданности прежнему режиму он сам и его подчиненные демонстративно продолжали и после революции носить косы. 1 июля 1917 г. он ввел свои войска в Пекин и провозгласил восстановление монархии во главе с бывшим императором Пу И. И хотя это выступление не встретило поддержки других милитаристов, оно объективно отражало настроение расколотого и разгромленного бывшего правящего сословия (шэньши) и эфемерную надежду обрести единство под знаменем восстановления монархии в ее конституционной форме. Не случайно идеологом этого выступления и советником Чжан Сюня был великий китайский мыслитель Кан Ювэй, болезненно переживавший раскол интеллектуальной элиты страны и в монархии видевший путь воссоздания этого единства, а с ним и единства страны.

Дуань Цижуй в этой сложной ситуации доказал, что он обладает реальной властью. Ему удалось объединить силы бэйянских милитаристов и создать мощную армию, способную быстро освободить Пекин. С политической поддержкой Дуань Цижую выступили Лян Цичао (ставший даже его советником) и другие видные деятели. К 12 июля монархический путч был подавлен. Дуань Цижуй вернул себе пост премьер-министра, заставил уйти в отставку Ли Юаньхуна и поставил на его место Фын Гочжана. После этого 14 августа 1917 г. Китай объявил войну Германии. Опираясь на этот сомнительный успех и на поддержку держав, Дуань Цижуй провозгласил себя основателем «второй республики», сделал

попытку силой объединить Китай, что, однако, лишь усугубило политический раскол страны.

Депутаты разогнанного бэйянскими милитаристами парламента в своем большинстве бежали на юг, где вместе с южными милитаристами стали организаторами борьбы против наступления войск Дуань Цижуня. В июле 1917 г. с кораблями китайского военно-морского флота, оставшимися верными первому президенту страны, Сунь Ятсен возвратился в Гуанчжоу. 25 августа открылась чрезвычайная сессия «старого» парламента, на которой было объявлено о создании Военного правительства во главе с Сунь Ятсеном, которому было присвоено звание генералиссимуса. Однако реальной военно-политической властью Сунь Ятсен не обладал и был вынужден опираться на вооруженные силы и политическое влияние местных милитаристов, которые, в свою очередь, видели в Сунь Ятсене политически популярное прикрытие своих местнических действий. Военное правительство Сунь Ятсена провозгласило начало Северного похода под лозунгами защиты Конституции 1912 г. Юньнаньские, сычуаньские и гуансийские милитаристы, естественно, не столько стремились к объединению страны под властью парламента 1913 г., сколько хотели укрепить свои военно-политические позиции на местах, не отвлекая значительных сил на борьбу с бэйянскими милитаристами и даже вступая с ними в определенные политические сделки. Все это очень скоро обострило отношения между союзниками. В мае 1918 г. чрезвычайная сессия парламента заменила главу военного правительства директорией из 7 человек, включая и Сунь Ятсена, которого окончательно лишили самостоятельности. Реальная же власть была в руках гуансийского милитариста Лу Жунтина. Все это заставило Сунь Ятсена фактически признать провал своих планов использования южных милитаристов для решения задач объединения страны. Он вышел из правительства, покинул Гуанчжоу и возвратился в Шанхай.

Однако и бэйянские милитаристы не располагали достаточными силами для подчинения Юга, для победы в гражданской войне 1917—1918 гг. И главная причина их военной слабости — внутренний политический раскол, ведущий к дальнейшей эрозии политических структур.

Милитаристские распри распавшейся после смерти Юань Шикая бэйянской группировки обострялись также кризисом политической и парламентской жизни в Пекине. Некогда влиятельная Прогрессивная партия во главе с Лян Цичао после многих реорганизаций, отражавших потерю ею политического влияния, превращается в так называемую Исследовательскую группировку (Яньцзюси). Скомпрометированная поддержкой антинациональ-

ной политики Дуань Цижюя, эта группировка постепенно перестает играть существенную политическую роль. Бывшие гоминьдановские депутаты парламента создали так называемую Группировку политических наук (Чжэпсюэхуэй), не унаследовавшую политической популярности Гоминьдана. Узкой по составу, но влиятельной среди многих высших бюрократов и финансовых деятелей стала так называемая Группировка путей сообщения, лидер которой — Цао Жулинь — стремился укрепить политические и финансовые связи пекинского правительства с Японией. В 1918 г. возникает новая политическая организация, тесно связанная с Дуань Цижюем и довольно откровенно ориентированная на поддержку Японии, — Клуб Аньфу. Вскоре этот клуб делается влиятельной политической силой в Пекине.

В условиях милитаристских войн и политического кризиса парламентская жизнь принимает уродливые формы. Летом 1918 г. пекинское правительство аньхуэйской группировки провело новые парламентские выборы, отличавшиеся особым размахом подкупов и давшие победу аньфуистам. Президентом был избран ставленник Дуань Цижюя — Сюй Шичан. Южное Военное правительство и «старый» парламент, заседавший в Гуанчжоу, не признали этих выборов.

Вместе с тем к концу мировой войны борьба милитаристских группировок зашла по существу в тупик и временно затихла, не дав стране подлинного мира и не позволив ни одной из них возобладать в этой борьбе.

В узкополитическом смысле борьба за власть и влияние в послесиньхайские годы шла в основном в социально-политических рамках привилегированных верхов, однако она все больше затрагивала коренные социальные интересы почти каждого китайца. Милитаристские войны вели к тяжелым потерям и жертвам среди мирного населения, к повсеместному и значительному увеличению налогового бремени, особенно тяжелого для рядового труженика, но все больше затрагивавшего и интересы имущих слоев, они превращали милитаристские режимы в объекты манипулирования со стороны держав и лишали страну политических и военных средств защиты своих национальных интересов. И хотя развитие страны в эти годы объективно не может быть оценено однозначно отрицательно, ибо был сделан значительный шаг вперед в социально-экономическом и идейно-политическом развитии страны, в глазах широкой китайской общественности милитаризм и милитаристы становились олицетворением всех несчастий, воспринимались как основной источник материальных тягот и национального унижения, как главное препятствие на пути возрождения Китая.

Вместе с тем сложные и тяжелые послесиньхайские годы с их антиюаньшикаевской борьбой, «войной в защиту республики», широким движением против принятия «21 требования» Японии, парламентскими выборами, милитаристскими распрями и войнами вели ко все расширявшемуся втягиванию в политику прежде всего горожан, солдат наемных армий, а иногда и сельского населения. Эти годы стали также и временем прямого обращения борющихся политиков к населению с целью завоевания политической поддержки. Борьба за голоса избирателей, за расширение «партий», за привлечение на свою сторону политических деятелей и групп привела к использованию в политике современных средств массовой информации. Именно в эти годы возникают сотни газет и журналов различных политических направлений. Политические идеи и лозунги распространяются с быстротой телеграфных и газетных сообщений. В стране начинает складываться совершенно новый политический климат, лишенный прежнего единообразия и порядка.

Таким образом, послесиньхайские годы ожесточенной политической борьбы породили новый тип национального противоречия, сделали остро необходимой задачу борьбы за национальное объединение страны как предпосылку освобождения от полукOLONиальной зависимости и социально-экономического обновления.

Однако развитие Китая в послесиньхайские годы привело к тому, что возможности военно-политического объединения на старой социальной базе были существенно ослаблены. Главная причина этого заключалась в том, что правящая часть господствующего в императорском Китае класса («класс-государство») оказалась политически разбитой Синьхайской революцией и еще в большей мере последующей милитаристской борьбой и полным торжеством ее местных интересов, ее политическое влияние и ее политические возможности резко ослабли. По сути дела в этом заключался один из главных политических итогов Синьхайской революции. Разгром господствовавших политических сил привел к образованию своеобразного «политического вакуума», ибо новые политические силы, представлявшие активно развивавшиеся капиталистические социально-экономические тенденции, были еще слабы и не оформлены. Это проявлялось прежде всего в том, что эти силы еще не стали реальной политической альтернативой милитаризму. Об их слабости свидетельствует также и неспособность к самостоятельным политическим выступлениям наиболее радикальных представителей освободительного движения во главе с Сунь Ятсеном, отсутствие активной политической деятельности буржуазно-демократических элемен-

тов, стихийность и вспомогательная роль в политической жизни рабочего движения.

Однако именно в эти смутные годы складываются объективные условия («политический вакуум») для постепенного самоопределения этих новых социальных сил, закладываются предпосылки их выступлений на арене политической борьбы.

3. РАЗВИТИЕ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ КИТАЙСКОГО ОБЩЕСТВА ПОСЛЕ СИНЬХАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Обострение политической борьбы и обновление самого стиля политической жизни после Синьхайской революции сопровождались и существенными сдвигами в духовной жизни китайского общества. Они были вызваны прежде всего, естественно, победой Синьхайской революции, изгнанием маньчжурской династии, распадом империи, созданием республики, обострением милитаристской борьбы. Но не только. К этому времени на духовной жизни китайского общества стали сказываться социально-экономические изменения, вызванные ускорившимся развитием капитализма и больше всего возросшей включенностью страны в глобальные процессы общественного развития.

На различных уровнях духовной жизни эти сдвиги были различны. На нижнем уровне общественного сознания, на уровне обыденной психологии широких народных масс, инерция духовных традиций была велика и изменение этого обыденного сознания проходило медленно, но оно все-таки шло и революционные события, безусловно, стимулировали этот процесс.

Повышенная инертность обыденного сознания объяснялась, в первую очередь, специфичностью его структуры. Господствовавшая конфуцианская идеология играла в традиционном Китае и роль основной религиозной системы, сосуществуя в течение многих веков с даосизмом и буддизмом. Причем это длительное сосуществование привело к складыванию на нижнем социальном уровне системы религиозного синкретизма, включавшей в себя не только конфуцианство, даосизм и буддизм, но и народные верования, обычаи и суеверия. Эта синкретическая религиозная система безраздельно господствовала среди подавляющей массы китайцев. В массовом сознании конфуцианство выступало как наиболее социально конформистский элемент, оставаясь вместе с тем и его самой рационалистической частью и противостоя нонконформистской мистике других религиозных элементов (не только буддизма и даосизма, но также и привносимого христианства).

Влияние этой мистической тенденции в полной мере, хотя и по-разному, проявилось в Тайпинском восстании и создании тайпинского государства, в одном из последних «старокитайских бунтов» — в восстании ихэтуаней. Разгром восстания ихэтуаней не снял и не мог снять назревавших противоречий, порожденных полукOLONиальным положением страны, отражавших растущую националистическую реакцию на национальное унижение. Победа антиманьчжурской революции, политическая активность народа, усиление национального самосознания вели к непрерывному росту этой реакции, что и было наиболее существенным сдвигом в сознании широких народных масс.

Традиционализм, таким образом, еще полностью преобладал в массовом сознании, но и на более высоком — «идеологизированном» — уровне общественного сознания он также все еще оставался важнейшей духовной силой, во многом определившей идеологическую борьбу в первые послесиньхайские годы.

Послесиньхайский социально-политический переворот привел к глубокому и своеобразному идеологическому кризису китайского общества и прежде всего к кризису официальной конфуцианской идеологии. Этот кризис отчетливо проявился уже в ходе самой Синьхайской революции, когда монархический режим оказался без достаточной идеологической поддержки «думающего» сословия конфуцианских ученых, что не могло не способствовать его падению. Слабость апологетической промонархической деятельности конфуцианских ученых — один из серьезных симптомов этого кризиса, углублявшегося в годы милитаристских междоусобиц. Другое его проявление — нежелание этих ученых активно поддерживать монархические устремления Юань Шикая, что привело не только к его политической изоляции, но и к идейной, обрекшей эти устремления на провал. Как показали все эти события, конституционно-модернизаторские идеи глубоко «заразили» ведущих идеологов страны и стали одной из причин фактического распада официальной охранительной идеологии.

Таким образом, слабость охранительной идеологии была характерной чертой идеологической ситуации в стране в послесиньхайские годы. Вместе с тем эти адепты уходящей имперской идеологии еще воздействовали на духовную жизнь страны в новых исторических условиях, являясь носителями наиболее традиционалистских взглядов и занимая все еще ведущее место в системе школьного образования, в бюрократическом аппарате. Но в идейных битвах они и их реставраторские идеи уже существенной роли не играли. Главное место безраздельно принадлежало идеологам обновления.

Эти идеи начали складываться в основном в предшествующие два-три десятилетия и явились результатом действия новых для

страны факторов духовного развития. Если до «открытия» страны китайская духовная жизнь базировалась на внутренних социальных отношениях и в русле национальной традиционной мысли, то теперь ситуация в корне меняется: идеологическая жизнь Китая все больше делается составной частью мировых идеологических структур, она развивается как своеобразный синтез современных идеологических концепций, привнесенных извне, и традиционной национальной мысли, переживающей мучительную ломку в условиях ускорившегося политического и социального развития страны. Причем включенность «идейной» жизни страны (во всяком случае на ее «верхнем этаже») в глобальные процессы идейного развития была значительно более глубокой, чем, скажем, включенность китайской экономики в мирохозяйственную жизнь. А это вело к тому, что «идейная» жизнь Китая зачастую уже обгоняла собственное «социальное время».

Идейно-политический спектр активных деятелей духовной жизни страны послесинхайского периода был широким, но недостаточно кристаллизованным, что и отражало своеобразие переживаемого страной момента. Все мыслящие люди Китая понимали, что страна находится на перепутье, что перед нею стоит проблема выбора путей создания новой государственности и глубокого обновления всей национальной жизни.

Эта новая обстановка своеобразно отразилась на идеологах прежнего лагеря реформаторов (Лян Цичао, Кан Ювэй, Янь Фу и др.). Они старались переосмыслить свои старые идейно-теоретические позиции в свете опыта китайской революции, осознать в теоретических понятиях суть происходящего кризиса, найти выход из него в соответствии со своими общественными идеалами. Причем это переосмысление было болезненным и сложным, заставляя их подчас менять исходные идейные рубежи. Необходимость перемен диктовалась прежде всего изменением места этих идеологов в общественной жизни Китая — из критиков существовавшего строя они все больше превращались в критически мыслящих апологетов, боявшихся новых социально-политических потрясений.

«Властитель дум» передовой общественности предреволюционных лет — Лян Цичао — и в эти годы остается наиболее видной фигурой идейной жизни. Вернувшись в октябре 1912 г. после длительной вынужденной эмиграции на родину, он сразу же активно включается в идейно-политическую борьбу. Причем лейтмотивом его выступлений становится призыв к объединению всех китайских патриотов в их борьбе за предотвращение политического распада страны как главного предварительного условия последующего глубокого обновления Китая. Так, он стремится

изжить прежнее, по его мнению, исторически уже преодоленное различие между реформаторами и революционерами. Он идет даже на то, чтобы всячески затушевывать прежние глубокие различия этих двух направлений. «В действительности, — писал он, — различия между двумя партиями только в средствах, по существу же они друг другу помогали... Честно говоря, только благодаря совместным более чем десятилетним усилиям радикального и умеренного течений удалось создать теперешний государственный политический строй. Они равны в своих заслугах и просчетах». Отвлекаясь от некоторого искажения недавних исторических реальностей, в подобных высказываниях Лян Цичао нельзя не увидеть ясно осознанного стремления к объединению всего «ученого сословия», которое бы стало основной политической силой новой государственности.

Поэтому вполне естественно, что Лян Цичао увидел в Юань Шикае политического деятеля, способного объединить все «ученое сословие» и объединить страну. Отсюда и его поддержка централизаторских замыслов Юань Шикая. Вместе с тем Лян Цичао обращается к Юань Шикаю с призывом правильно оценить свои политические возможности и опереться в борьбе за укрепление новой государственности на образованную, передовую общественность, создать сильную просвещенную политическую партию, способную стать подлинной опорой новой власти. В письме к Юань Шикаю Лян Цичао советовал: «Только с привлечением всех политических мыслителей из числа старых конституционалистов и старых революционеров можно будет создать настоящую, крепкую общую партию». И далее, предостерегая от опоры лишь на военную силу, от недооценки политической роли «мыслителей», он пишет: «В противном случае они могут, несмотря на отсутствие у них крепких кулаков и дубин, опрокинуть кресла правителей».

Поддержав централизаторские замыслы Юань Шикая, Лян Цичао не поддержал его монархических устремлений. И эта политическая и идейная позиция достаточно последовательна. Она исходит как из принципиального неприятия революции как метода общественного преобразования, так и из убеждения, что после Синьхайской революции Китай нуждался прежде всего в стабилизации, в укреплении уже существовавшей власти.

Вместе с тем в эти годы Лян Цичао продолжал развивать свою концепцию неприятия революционных методов обновления общества, в основном еще сложившуюся в предреволюционные годы. Материал самой Синьхайской революции и последующих достаточно драматических для судеб людей политических событий давал обильную пищу для размышлений. Весь этот материал ос-

мыслен Лян Цичао однозначно, как указывающий на разрушительный характер всякой революции, не ведущей ни к каким позитивным преобразованиям жизни общества. «Как семена тыквы могут порождать только тыкву, семена бобов — только бобы, так и революция может породить только новую революцию, но никак не политическое преобразование... В мире еще не было случая, когда какая-нибудь страна улучшила свое политическое положение вследствие революции». Эти убеждения Лян Цичао пронес через всю свою жизнь.

Подчеркивая последовательную антиреволюционность мировоззрения Лян Цичао, нельзя вместе с тем не видеть в нем некоторых сдвигов в постановке проблем обновления Китая. Если в предреволюционный период Лян Цичао, оставаясь реформатором, сторонником конституционно-монархической системы, акцент в своей пропаганде делал на необходимости глубоких преобразований и фактически выступал одним из наиболее серьезных критиков существующего строя, то теперь акцент смещается — приоритет отдается идее укрепления центральной власти и стабилизации политического положения. В этом смещении — отражение изменения объективного социально-политического положения Лян Цичао и всех консервативных националистов, выразившееся на идеологическом уровне в осознании социальной ответственности за спасение единства Китая и господствующего положения в нем своей социальной среды.

Только с учетом этого смещения можно правильно понять и изменение отношения Лян Цичао к конфуцианству в послесинхайские годы. Прежде он был одним из самых активных и глубоких критиков конфуцианства, видя в нем главное препятствие на пути модернизации страны. Теперь же его позиция меняется. Он начинает выступать защитником и пропагандистом конфуцианства как мощной идеологической скрепы китайского общества. В обстановке начавшегося распада страны он обращается к конфуцианской традиции, сыгравшей, по его мнению, решающую роль в становлении китайской нации. «Конфуций представляет китайскую цивилизацию... Не было бы Конфуция... не было бы китайцев как самостоятельной нации», — пишет он теперь. «Наша страна сумела сохранить целостность и поддержать свое существование в течение двух тысяч лет. Мы обязаны этим тому, что конфуцианское учение служило невидимым стержнем общества. Необходимо поэтому использовать конфуцианство как ядро общественного воспитания в будущем».

По-прежнему оставаясь националистом и по-прежнему видя в упадке «национального духа» причину слабости Китая, Лян Цичао начинает все больше связывать сплочение китайской национальной

общности с конфуцианством, его национализм приобретает вследствие этого черты китаецентризма, теряя свое критическое начало и делаясь сугубо консервативным, охранительным.

Еще более консервативную идейно-политическую позицию занимает в эти годы Кан Ювэй — выдающийся мыслитель Китая, учитель Лян Цичао. Поскольку революция «есть только продукт эмоций, но не разума», поскольку она ведет к разрушению общества и государства, «революция есть самоубийство», — так писал Кан Ювэй после Синьхайской революции. В разгуле милитаризма, национальном унижении, ухудшении жизни народа он видел естественное порождение революции, отказ от традиционных форм социально-политической организации общества.

Опираясь на весьма критический анализ послесиньхайской политической действительности, Кан Ювэй развернул активную пропагандистскую деятельность, направленную на дискредитацию самой идеи демократического переустройства Китая. Он утверждал, что ни в одной стране мира демократия и такие ее атрибуты, как, скажем, всеобщее избирательное право, не ведут к миру и процветанию. «Тем более, — делал он вывод, — демократия непригодна для Китая, где никогда не существовало демократической республики, где ученые никогда не выдвигали республиканских идей, где народ не имеет демократических традиций, не понимает и не понимает, что такое демократия». Нельзя не заметить некоторой убедительности в трактовке Кан Ювэем китайских политических традиций или в критическом анализе политической действительности, однако вся эта аргументация используется не для того, чтобы призывать к созданию и развитию демократических институтов и традиций, а для призыва вернуться к монархической форме правления в каком-либо его конституционном варианте. Учитель здесь выступает последовательнее своего ученика, справедливо видя в республиканской форме правления прежде всего полный подрыв политической сплоченности правящей части господствующего класса и, следовательно, потерю им своей политической власти в общекитайском масштабе.

Эта же логика социального конформизма подталкивала Кан Ювэя — крупнейшего реформатора конфуцианства — к подчеркиванию традиционной социальной роли конфуцианства. «Когда в последние годы в Китае поощряется слепое подражание западной политике, обычаям, религии, идеологии, когда отказываются от тысячелетиями устанавливавшейся китайской национальной культуры и национального духа — это беспредельное безумие, глупейшие поступки, которые лишь приведут к гибели нации и государства». Справедливая критика «слепого подражания» служит здесь лишь дополнительным обоснованием необходимости

идеологического единообразия страны как фактора сплочения не только политической элиты, но и всей нации. Отсюда и его предложения, выдвинутые в 1916 г., о восстановлении конфуцианства как общегосударственного культа. Мыслитель, так долго ратовавший за обновление страны и фактически так много сделавший для подрыва монопольных позиций официальной имперской идеологии, ищет теперь прежде всего пути сплочения распадающегося господствующего класса. Ищет, но не находит.

Поворот к защите и возвеличиванию традиционных духовных ценностей характерен и для других мыслителей — Ван Говэя, Ян Ду, Сунь Юйцзюаня, Ху Ина, Лю Шипэя, Ли Сехэ, которые до революции в своих «поисках истины» обращались к западной культуре. Характерен пример эволюции Янь Фу — одного из первых китайцев, получивших систематическое образование в Европе. Своими переводами трудов европейских ученых он больше других сделал для пропаганды в Китае европейских научно-технических достижений, да и самого «западного» образа жизни. После революции Янь Фу все больше выступает с критикой западной действительности и пропагандистом конфуцианских традиций. Для него, как и для большинства образованных китайцев, ужасы мировой войны стали одной из причин разочарования в духовных и материальных ценностях Европы, а обострение политического кризиса в Китае, вызванного, как полагали многие из них, отказом от национальных традиций, — другой. «Современный кризис в Китае, — писал Янь Фу, — есть результат падения нравов людей, а священное учение наших предков, имеющее тысячелетнюю давность, — это влага, оживляющая корень будущей жизни».

Таким образом, в послесиньхайские годы уже более или менее оформляется консервативное идейное течение, представители которого являлись, если использовать известное выражение К. Маркса, «идеологической составной частью господствующего класса». Это течение было во многом наследником имперской идеологии цинского Китая, что и проявлялось прежде всего в приверженности традиционным духовным ценностям, в том числе и идеям авторитарного правления. Но во многом они (ведущая их часть во всяком случае) исповедовали уже и новые идеи, связанные со стремлением обновить Китай, с признанием неизбежности социально-экономических и идейно-политических перемен. Общность идейных позиций представителей этого консервативного национализма не переросла в формирование сплоченного идейно-политического течения, способного стать решающей силой в идейно-политических битвах, что было закономерным отражением углублявшейся дезинтеграции господствующего класса.

Именно поэтому это консервативное течение находилось как бы в идеологической обороне. Знаменем времени было возникновение, быстрое развитие и активное наступление нового идейного течения — так называемого движения за новую культуру, развернувшегося в Пекине и Шанхае в годы мировой войны. Под лозунгом «Наука и демократия!» это движение объединило наиболее передовую, молодую и образованную часть китайской интеллигенции. Участники этого движения представляли действительно новое поколение образованной элиты китайского общества, связанное уже не с системой традиционных экзаменов и службой в бюрократическом аппарате, а с современным образованием (за рубежом и в Китае) и с обслуживанием сферы образования, культуры, буржуазного хозяйства, республиканских учреждений. Это было не только новое поколение образованного сословия, но и новая интеллигенция, представлявшая иную социальную среду — новые средние слои. Это были патриоты, остро и болезненно переживавшие упадок своей родины, ее бедность и отсталость, разнузданность милитаристских режимов, однако видевшие выход из создавшегося положения не в возвращении к традиционным ценностям, а в смелом движении вперед, в осовременивании своей родины, в модернизации всех сторон жизни Китая. Их патриотизм и национализм включали не только принятие свершившихся политических изменений, но и стремление резко ускорить движение Китая вперед, в будущее, на которое они смотрели оптимистически, что во многом определялось признанием и принятием достижений наиболее развитых зарубежных стран (Европы, США, Японии) как образца развития, следуя которому Китай сможет быстро преодолеть свою отсталость, бедность, раздробленность.

Идейным центром «Движения за новую культуру» стал журнал «Синь циннянь» («Новая молодежь»), начавший выходить в 1915 г. под редакцией профессора, а позже (с 1917 г.) декана факультета гуманитарных наук Пекинского университета Чэнь Дусю. Многие преподаватели и студенты Пекинского университета, включая и его ректора (с 1916 г.) Цай Юаньцзя, были активными участниками движения. Видную роль в организации и развитии движения сыграли также Ли Дачжао, У Юй, Юнь Дайин, Лу Синь, Цянь Саньтун, Лю Баньнун, Чжу Цзиннун, Гао Ихань, Ху Ши, Фу Синянь.

Название журнала — «Новая молодежь» — было символично, отражая надежды лидеров движения на новое поколение китайской интеллигенции и ту действительно большую роль, которую учащаяся молодежь в нем играла. «Новая, патриотически настроенная, преданная государству и обществу молодежь, — писал в

первом номере журнала Чэнь Дусю, — в противоположность типичным для старого общества “хилым и бледным книжникам” должна обладать здоровым духом, стремиться не к обогащению и не к карьере, а к тому, чтобы приносить пользу обществу. Она должна совершенствоваться, развивать свою индивидуальность, бороться за национальную честь и национальное могущество».

«Движение за новую культуру» видело своего основного идейного врага в конфуцианстве, рассматривая его как главный идейный оплот монархистов и реакционеров. Направляя свою ожесточенную критику против традиционных идеологических догматов, оно вместе с тем целилось в старые политические институты, в сторонников реставрации старых порядков. «Если мы будем строить государство и общество на базе конфуцианских принципов, — писал Чэнь Дусю, — это означает, что не нужно ни республиканской конституции, ни реформы, ни новой политики, ни нового образования, напрасно тогда была пролита кровь за революцию, за парламент и законы. Это означает возвращение к старому режиму». Только что вернувшийся после учебы в Японии Ли Дачжао страстно полемизировал с Кан Ювэем, предложившим восстановить государственный культ Конфуция: «Конфуций — апологет монархического деспотизма. Конституция — гарантия свободы современных наций. Как деспотизм исключает свободу, так и Конфуций не оставляет места для конституции. Если Конфуция, апологета деспотизма, втиснуть в современную конституцию, гарантию свободы, то она даст ростки деспотизма, а не свободы». Столь же резко на страницах «Синь циннянь» ставил эту проблему сычуаньский профессор У Юй: «...Без искоренения конфуцианских культов немыслимы политические преобразования и установление республиканского строя».

Вместе с тем в конфуцианстве новая молодежь видела и препятствие для развития образования и науки в Китае, для освоения культурных достижений зарубежных стран, без чего, как они полагали, Китай никогда не сможет вырваться из экономической, политической и культурной отсталости. «Для развития современной науки в Китае, для поднятия культуры страны до уровня мировой цивилизации, — писал У Юй, — необходимо прежде всего разгромить реакционную конфуцианскую идеологию». На страницах «Синь циннянь» в статье «О вере» студент Юнь Дайин обрушивался на религию во всех ее формах и на ее апологетов, ибо, как он писал, «тот, кто стремится сохранить слепую веру, препятствует прогрессу и просвещению народа, наносит вред обществу».

Отвергая конфуцианство, участники «Движения за новую культуру» отвергали и все традиционные политические порядки. Они

выступали горячими защитниками всех завоеваний Синьхайской революции, рассматривая создание республики лишь как начало подлинной демократизации страны. Идеалы подлинной демократии они видели воплощенными на Западе. Особенно их привлекал образец Французской республики с ее лозунгами свободы, равенства и братства. Пропагандируя эти образцы, авторы «Синь циннянь», стремясь понять причины живучести деспотических порядков в Китае, объясняли их не только господством конфуцианской идеологии. Так, Чэнь Дусю писал, что демократическое правление «становится невозможным в условиях патриархального общества со всеми свойственными ему консервативными чертами, нарушающими принципы юридического равенства и экономические принципы свободного производства». Поэтому он требовал «окончательно уничтожить традиционный бюрократический и автократический режим, тысячелетиями существующий в Китае, и заменить его свободным, независимым народным правлением». Здесь уже явственно звучит требование сломать всю старую социально-политическую структуру, разгромить бюрократически организованный господствующий класс. В той же статье Чэнь Дусю проблема подлинной демократии поставлена как проблема активной политической роли народных масс: «Единственное и основное условие действительно демократического конституционного правления состоит в том, чтобы подавляющее большинство народа политически осознало свое положение активного хозяина страны. Народ должен создать свое правительство, выработать свои законы и выполнять их, уяснить собственные права и пользоваться ими». Этот новый общественный строй «может развиваться лишь как результат самосознания и самодеятельности большинства народа. В противном случае такой строй будет фиктивным или формальным украшением». При всей расплывчатости понятия «народ» здесь представляет интерес настойчивое требование «самодеятельности народа», столь необычное и новое для общественно-политической мысли Китая.

В подобном направлении развивается и мысль Ли Дачжао. «Самосознание народа, — писал он, — выражается в борьбе за создание такого общества, которое стоило бы любить. Будет ли государство хорошим или плохим, зависит от людей, от народа, они сами должны создать хорошее, достойное любви государство, китайский народ должен сам решить свою судьбу, и он в состоянии сделать это». Социальный оптимизм Ли Дачжао проявляется еще ярче в его статье, посвященной победе Февральской революции в России. Высоко оценивая эту победу и ее влияние на развитие событий в Китае, он писал: «И если ради республики понадобится еще одна революция, народ, не задумываясь,

пойдет на любые жертвы, отдаст за нее жизнь». Страстной защитой самой идеи революционного преобразования общества проникнута статья профессора Гао Иханя. Полемизируя с антиреволюционными выступлениями Лян Цичао, он писал, что «не было такой революции (если иметь в виду действительно революции, а не пугчи), которая не способствовала бы улучшению положения страны».

Выступая за всестороннее обновление китайского общества, участники «/(движения за новую культуру» во многом видели смысл и пафос своей борьбы в освобождении личности. В этом требовании заключался момент наиболее радикального разрыва участников движения с китайской традицией. Здесь же и наиболее «западническая» часть их мировоззрения. Через свободное развитие личности, через создание «нового человека», «новой молодежи» они надеялись построить и новое общество, обновить и возродить Китай. И именно на Западе видели они образец общества и государства, деятельность которых, если говорить словами Чэнь Дусю, направлена на «защиту личной свободы, прав и счастья человека». При неизбежной некоторой идеализации Запада безусловной заслугой участников движения было четкое понимание связи освобождения личности и обновления общества. Так, обращаясь к китайской молодежи со страниц журнала «Синь циннянь», Чэнь Дусю призывал ее «воспитывать в себе прилежание, бережливость, честность, чистую совесть, правдивость и верность. Эти качества способствуют как развитию личности, так и развитию всего общества». Боль за униженность рядового китайца звучала во многих выступлениях журнала. Профессор Ху Ши, особенно активно выступавший по этим вопросам, писал, что «борьба за свободу и честь личности есть борьба за свободу и честь отечества; государство свободы и равенства не создается ничтожной чернью». Писатель Лу Синь, так много делавший для утверждения человеческого достоинства личности своими художественными произведениями, выступал с тех же позиций и как публицист, считавший невозможным общественный прогресс без подлинного освобождения человека. Профессор Цай Юаньпэй и другие авторы журнала настойчиво ставили проблемы развития свободы и достоинства личности, стремясь привлечь к ним внимание китайской общественности и особенно молодежи.

Составной и важной частью «Движения за новую культуру» являлась так называемая литературная революция, ставившая своей задачей преобразование литературного языка и обновление литературы. Журнал «Синь циннянь» и такие его авторы, как Чэнь Дусю, Ли Дачжао, Лу Синь, Цянь Сюаньтун, Ху Ши, Лю Баньнун и другие выступали застрельщиками этих преобразований. Им

было свойственно понимание огромного общественного значения замены старого языка классической литературы и официальной переписки (*вэньянь*), оторванного от устной речи, новым литературным языком, складывавшимся на основе общенародного разговорного языка (*байхуа*). Сделать язык книги, газеты, журнала, документа понятным простому человеку значило не только расширить доступность подлинной грамотности для народных масс, но и превратить печать и литературу в мощное средство массового идейного воздействия. Эти усилия передовой интеллигенции встретили горячий отклик, получили действительно широкую поддержку, отражавшую рост национального самосознания. Об этом свидетельствовало прежде всего широкое распространение байхуа в издании газет, журналов, а затем и книг. К 1918 г. в «Синь циннянь» все статьи печатались на байхуа. «Я начал писать рассказы в 1918 г., — вспоминал Лу Синь, — когда журнал “Синь циннянь” призывал к литературной революции. Это движение, конечно, теперь отошло в историю литературы, но тогда оно, несомненно, было революционным движением».

«Движение за новую культуру» охватило значительные слои китайской интеллигенции, особенно молодой, поставило перед образованной частью общества острые проблемы обновления страны, нанесло удар по традиционной идеологии и тем самым открыло возможности для демократизации сознания передовой части китайской нации. В определенном смысле его можно рассматривать как завершение китайского просветительского движения, как важный этап становления буржуазно-демократического сознания. Буржуазного, прежде всего, в том смысле, что оно было тесно связано с капиталистической эволюцией страны, с ее буржуазным прогрессом, хотя отнести к апологетам капитализма активных участников и идеологов этого движения вряд ли возможно. Проблемы именно экономического развития и его социальной направленности (капитализм или некапитализм) участники движения не ставили — по сути дела они перед ними и не стояли: выбор был уже сделан — идти по пути Европы, Японии, США. Был сделан выбор между средневековыми китайскими порядками и европейским прогрессом. В этом выборе в пользу европейского прогресса и проявился коренной разрыв передовой интеллигенции с традиционным мышлением, по этому вопросу они вели острую полемику с консерваторами, с «реакционными китайскими романтиками», если использовать выражение Ю.М. Гарушиянца. Экономическая программа в таком контексте как бы подразумевалась сама собой, как следствие принятия самой идеи «прогресса».

Национально-освободительные мотивы в «Движении за новую культуру» звучали слабо, ибо его участники не воспринимали так остро, как консерваторы, распад прежде великой империи, не чувствовали себя жизненно связанными с распадавшейся государственностью, а противоречия с империалистическими державами, полуколониальное положение страны не были еще осознаны в полной мере. Однако именно защита прав личности, борьба под лозунгом «Наука и демократия!», реальные достижения литературной революции и т.п. привели к развитию того огромного потенциала подлинного патриотизма, который так сильно «сработал» на следующем историческом этапе.

Разрыв с традиционной идеологией и традиционными социально-политическими институтами был детерминирующим моментом в формировании самого «Движения за новую культуру» как идейно-политического движения, был главной идейной связью его участников. Однако в более широком контексте мировоззренческие и политические позиции его участников существенно отличались друг от друга. Единые в своей борьбе против средневековья, они в стремлении построить новый Китай чем дальше, тем больше расходились в понимании целей и средств этого процесса. Идейно-политические различия между активистами движения, выявившиеся в годы мировой войны, перерастают в дальнейшем в противостоящие идейно-политические платформы. Однако в рассматриваемые годы «Движение за новую культуру» представляется по сути дела своеобразным единым фронтом борцов против средневекового прошлого.

Подчеркивая идейный разрыв участников движения с традиционным идейным наследием, этот разрыв не следует абсолютизировать. Молодая прогрессивная интеллигенция ясно декларировала свою приверженность «западничеству», однако во многом она еще оставалась под влиянием традиционных представлений. И не могла не оставаться, так как объективные условия самого Китая еще не создали достаточной почвы для такого полного разрыва. Во многом традиционной была сама основная идея этого обновленческого движения — «за новую культуру», где понятие «культура» выступает в широком китайском традиционном истолковании как основной регулятор жизни и развития общества. Через обновление «культуры» к обновлению общества, через развитие «правильной идеологии» у китайской молодежи — к созданию «правильного» общественного устройства. Даже в самой критике конфуцианства проглядывали иногда традиционные черты. Так, У Юй в борьбе с конфуцианской идеологией пользовался оружием даосизма. Ли Дачжао сохранял представление о существенных преимуществах китайской цивилизации перед европейской в

сфере духовной жизни, считал, что классические конфуцианские труды могут служить развитию прогрессивных социальных взглядов, полагал, что конфуцианство, с которым теперь приходится бороться, — это уже фальсифицированное, а не подлинное учение великого мыслителя. На представлениях Чэнь Дусю о воспитании молодежи легко заметить влияние конфуцианской концепции «благородного мужа» и т.п. В дальнейшей идейно-политической эволюции участников движения эта традиционная «подоснова» их взглядов сыграет существенную роль.

Особое место в духовной жизни в послесиньхайские годы занимает эволюция общественно-политических взглядов Сунь Ятсена. Внешне этот период его жизни выглядит бедным. В предшествующие три десятилетия, несмотря на тяжелые поражения, он непреклонно шел к своей основной цели — свержению цинской династии и векового деспотизма. Победа Синьхайской революции возвела его на вершину политического успеха. Поражения в борьбе с Юань Шикаем и другие политические неудачи заставляют его временно уйти с авансцены политической жизни. Вместе с тем эти поражения выявили и слабость суньятсеновской программы возрождения Китая, которая не смогла стать знаменем массового политического движения. Начинается длительная полоса идейно-политического кризиса Сунь Ятсена, из которого он выходит только после мировой войны, но выходит обновленный как политик и мыслитель, сумевший вновь стать подлинным вождем национально-освободительного движения. На эти кризисные годы приходится и решающий этап формирования мировоззрения Сунь Ятсена, закладывания основ той программы социально-экономических и политических преобразований, которая в течение последующих трех десятилетий станет во многом определять облик национально-освободительного движения в Китае.

Внутренний кризис Сунь Ятсена, с одной стороны, был вызван, естественно, неудовлетворенностью результатами Синьхайской революции. Вождь революции, провозгласивший, что «цель нашей революции — добиться счастья для Китая», болезненно воспринял (и по-иному не мог воспринять) политическую реальность послесиньхайских лет. Кризис, таким образом, был вызван переоценкой возможностей Синьхайской революции, вообще переоценкой возможностей революционного политического переворота в деле переустройства жизни общества. С другой стороны, Сунь Ятсен тяжело переживал политический и идейный отход от него наиболее видных соратников по общей борьбе в предреволюционные годы (Хуан Син, Чжан Бинлинь, Сун Цзяожэнь и др.). «Вопреки ожиданиям уже при первом успехе рево-

люции среди членов нашей партии обнаружили разногласия, — с горечью писал Сунь Ятсен. — Многие пришли к выводу, что мои идеалы слишком высоки, что они не отвечают китайской действительности... И когда порыв революционной бури стих, сомнение зародилось даже у ближайших единомышленников».

В своеобразной ситуации послесинхайских лет Сунь Ятсен как идеолог оказался без привычной уже многочисленной армии идейных последователей. Суньятсенизм как идейно-политическое течение в эти годы не представлял собой заметного явления на поверхности общественной жизни, переживая стадию внутренней трансформации, разработки новых идей и новых подходов к решению коренных проблем развития страны. Идеиные поиски и значительные теоретические сдвиги нашли свое отражение в работах Сунь Ятсена того времени.

Сразу же после Синхайской революции он выступает с серией статей, в которых делится своими поисками и раздумьями по поводу реализации своего третьего принципа — принципа народного благоденствия, исходя из того предположения, что революция уже реализовала два первых — национализм и народовластие. В этой связи он уделяет много внимания идеям социализма, причем подчеркивает, что ему особенно близки идеи «государственного социализма».

Однако горькие политические реальности последующих лет заставляют его по сути дела признать нерешенность своих основных социально-политических целей и по-новому формулировать эти цели и пути их достижения. В эти годы Сунь Ятсен создает свой наиболее фундаментальный теоретический труд — «Программа строительства страны», состоящий из трех книг — «Духовное строительство (Учение Сунь Вэня)» (1918), «Материальное строительство (Промышленный план)» (1919), «Социальное строительство (Первые шаги народовластия)» (1917).

Развитие социально-экономической и политической программ Сунь Ятсена тесно связано с решением им некоторых мировоззренческих вопросов, во многом определивших его выбор целей и средств. В эти годы он утверждает в неприятии представлений о классовой борьбе как движущей силе истории. Он рассматривает эту концепцию как перенесение законов биологии на общество. В «Духовном строительстве» он подчеркивал: «Эволюция человечества принципиально отличается от эволюции видов. В то время как основным принципом эволюции видов является борьба за существование, основным принципом эволюции человечества является взаимопомощь. Общество и государство — это внешние формы выражения взаимопомощи, а добродетель, гуманность, справедливость и долг — ее неотъемлемые атрибуты. Когда

человечество следует этим принципам — оно процветает; когда оно пренебрегает ими — оно гибнет. По этим принципам человечество живет уже сотни тысяч лет». Общественная структура Китая представлялась Сунь Ятсену пока еще аморфной, не затронутой глубоким классовым антагонизмом, что, как он полагал, облегчало социальное переустройство страны.

Во многом исходя из этого, формируется и суньятсеновское понимание роли и значения революционных методов преобразования общества. Еще накануне революции он утверждал, что «к революции следует прибегать лишь в самых крайних случаях, чтобы не причинять понапрасну страдания народу». Однако теперь его представление о революции расширяется, оно не сводится только лишь к разрушению старого, а включает и строительство нового, конструктивную работу. Утверждая, что «в революции самое трудное — ломка, а самое легкое — строительство», в 1917 г. он уже писал, что «революционная ломка закончилась».

Суньятсеновские представления о революционном строительстве отражали существенные моменты его мировоззрения. Он писал: «Что же такое революционное строительство? Это — строительство необычное, строительство форсированное. Оно отлично от обычного строительства, которое ведется с учетом естественного хода развития общества, с учетом требований общей ситуации и выгоды. Другое дело — революция. Она несет с собой чрезвычайную ломку, сокрушая династии и низвергая самодержавие. Но если революционная ломка имеет чрезвычайный характер, такой же характер должно иметь и революционное строительство». Тезис о характере революционного строительства как «необычном», «форсированном», «чрезвычайном» в дальнейшем развивался в его идеях о путях и методах преодоления отсталости Китая. Сунь Ятсен предлагал воспринять все достижения передовых западных стран, являвшиеся результатом «естественного» (*тяньянь*) развития, но не повторять это естественное развитие, которое не позволило бы Китаю быстро войти в число наиболее передовых и мощных держав, а прервать это естественное развитие, пойти по пути ускоренного, «искусственного», «рукотворного» прогресса (*жэньлиды цзиньбу*).

Оценка концепции «ускоренного прогресса» не может быть однозначной. В ней причудливо сочетается обоснованная убежденность в творческих способностях народа, разбуженного революцией, с почти мистической верой в «особые» качества китайской нации, которые позволяют ей не считаться с законами истории. «Китайская нация — самая большая и самая одаренная» — этими словами начинается работа Сунь Ятсена «Социальное строительство». В «Промышленном плане» он утверждал, что принятие

этого плана приведет, в частности, к тому, что «миллион миль дорог будет построен в самое короткое время, словно по мановению волшебной палочки». Он неоднократно отмечал возможность догнать и перегнать наиболее развитые страны путем скачкообразного развития. Отдавая дань традиционному китаецентризму, Сунь Ятсен вставал, таким образом, на зыбкую почву шовинистических представлений об «особых» возможностях китайской нации. Все это наложило субъективистско-националистический и утопический отпечаток на многие стороны его программы.

Политическая реальность послесиньхайского периода, все большая очевидность полуколониального положения Китая оказали существенное воздействие на формулирование Сунь Ятсеном его политической программы. Именно в эти годы он все четче осознает униженное и зависимое положение своей страны и задачи борьбы за восстановление национального суверенитета. Накануне войны он писал главе японского кабинета, что «Китай будет бороться за освобождение от оков, которыми опутали его иностранные державы, и за пересмотр неравноправных договоров». В то время он еще предполагал, что Китай сможет вести эту борьбу при поддержке Японии. Однако последующие события и особенно наглое «21 требование» Японии заставили Сунь Ятсена понять, что японский империализм является злейшим врагом китайского народа. В апреле 1917 г. в связи с вопросом об объявлении Китаем войны Германии он написал брошюру «Вопрос жизни и смерти Китая», в которой дал оценку этой войне как грабительской, идущей между империалистическими странами за передел мира. Вместе с тем брошюра содержала анализ и суровую критику колониальной политики Англии и Франции, позволявшую сделать вывод, что ее автор все глубже осознает место Китая в колониальной системе империализма и важность разрыва этих колониальных пут. Об этом говорят и заключительные слова его фрушаментального труда, написанные сразу после войны: «Китай, самая богатая и населенная страна в мире, станет объектом, за счет которого попытаются возместить убытки от войны... Пока Китай останется отданным на милость милитаристских держав, ему будет грозить или раздел на части между несколькими державами, или поглощение одной из них».

Однако нельзя не отметить, что борьба с колониализмом мыслилась Сунь Ятсеном как борьба, ведущаяся прежде всего мирными средствами: «Китайский народ пробудился после многолетнего глубокого сна и понял, что мы должны воспрянуть и пойти по пути мирового прогресса. Сейчас мы уже вступили на этот путь. Должны ли мы организоваться и сплотиться для войны или для мира?.. Как основатель Китайской Республики, я хочу видеть

Китай организованным для мира. Поэтому я беру перо во имя мирного развития Китая и пишу эти планы — планы более эффективные, чем то оружие, за которое я брался, чтоб свергнуть маньчжурскую династию». Эта формулировка носит принципиальный для мировоззрения Сунь Ятсена характер, подобный подход во многом в дальнейшем определил разработку им его политической стратегии и тактики.

Политическая реальность Китая этих лет заставляет Сунь Ятсена осознать невыполненность в ходе Синьхайской революции его лозунга народовластия, попытаться понять причины этого, наметить пути достижения подлинного народовластия. Анализ этих причин отражает важные стороны его политической концепции. Он писал о послесиньхайских событиях: «И вот китайский народ, который сравнивают с морем ничем не связанных между собой песчинок, вдруг был возвышен до положения носителя верховной власти в республике. Не удивительно, что он оказался неподготовленным к этому...» Мысль о неподготовленности китайского народа к демократическим формам государственной жизни высказывалась им неоднократно, и во многом эта мысль похожа на высказывания деятелей консервативного лагеря. Однако подход Сунь Ятсена, совпадая с консервативным в констатации политических реальностей, отличается от него своим политическим оптимизмом, призывом к углублению демократических преобразований, верой в демократические потенции китайского народа.

Сунь Ятсен призывает своих сторонников считаться с политической реальностью — с отсутствием демократических традиций в Китае — и выдвигает задачу политического воспитания народа в демократическом духе в ходе революции. Так рождалась концепция политической опеки. «Вот почему, — делает он вывод из отсутствия демократических традиций и силы традиций деспотизма, — при переходе от монархии к республике необходим период политической опеки, без которого мы неизбежно придем к хаосу». Кто же должен выступить в качестве опекуна, насаждающего демократические порядки среди китайского народа? Таким опекуном, по мысли Сунь Ятсена, должна быть созданная им революционная партия. «Хозяина нашей республики, — писал Сунь Ятсен о китайском народе, — можно сравнить с новорожденным, а нашу революционную партию — с его матерью. Поскольку она его родила, ее долг — взрастить и воспитать его. Только так мы выполним свой революционный долг. Вот почему революционная программа и устанавливает специальный период политической опеки, чтобы взрастить и воспитать этого хозяина и вернуть ему власть, когда он станет совершеннолетним». Кон-

цепция политической опеки была существенным обновлением толкования принципа народоуластия, означавшим попытку учесть послесинхайские политические реальности, правильно понять место его революционной партии в новой политической системе, найти пути преодоления политической косности и апатии широких народных масс. Вместе с тем эта концепция отражала своеобразие подхода Сунь Ятсена к исторической роли народных масс, которая, по его представлениям, является скорее объектом, чем субъектом революционного преобразования. На формирование этой противоречивой по своей сути и по своим политическим последствиям концепции оказали большое влияние традиционные конфуцианские представления о природном неравенстве людей, об особой политической роли образованной элиты.

В эти годы Сунь Ятсен основательно разрабатывает программу социально-экономической перестройки Китая и формулирует социально-экономические цели своей борьбы. Его программа складывается из двух тесно связанных частей. С одной стороны, это детальный план развития производительных сил, выполнение которого поставило бы Китай в число наиболее развитых и могущественных держав с высоким уровнем жизни. С другой — это постановка задач изменения социальных и экономических условий страны, которые бы и позволили добиться быстрого роста производительных сил, «добиться счастья для Китая».

Именно в «Промышленном плане» наиболее полно развиты суньятсеновские идеи о развитии производительных сил. Этот детальный план можно свести к трем основным направлениям: во-первых, быстрое развитие инфраструктуры и особенно железных дорог и морских портов; во-вторых, быстрое развитие промышленности, прежде всего тяжелой и горнорудной, а также пищевой, легкой, автомобильной, полиграфической и жилищного строительства; в-третьих, быстрое развитие сельского хозяйства путем его механизации, улучшения агротехники, развития ирригации на основе постепенного преобразования социальной структуры деревни. Причем план не только ставил общие технико-экономические задачи, но и давал детальную разработку строительства современного производственного аппарата. В этих планах Сунь Ятсена полностью выявилось его стремление к модернизации страны путем использования всех достижений мировой науки и техники, его стремление изжить традиционный китайский изоляционизм и включить Китай в общечеловеческий поток прогрессивного развития.

Не менее основательно подошел Сунь Ятсен и к разработке программы глубоких социально-экономических преобразований

в Китае, без чего, как он справедливо полагал, нельзя вырвать страну из отсталости.

Исходный пункт программы этих преобразований — представление о решающей роли государства во всей жизни общества. Прогрессивные социально-экономические преобразования мыслились Сунь Ятсеном как непрерывное возрастание социально-экономической роли китайского национального государства: от отсталой полукOLONиальной структуры к «смешанной» с взаимовыгодным партнерством государственного и частного предпринимательства и затем переход к государственно-капиталистической системе без частного предпринимательства, к полной государственной централизации капиталов. Решить аграрную проблему он мыслил также через государственное регулирование. Введение государством единого налога, изымавшего дифференциальную ренту («в духе Генри Джорджа» — В.И. Ленин), и отмена всех остальных поборов должны были, по мысли Сунь Ятсена, подорвать традиционную систему эксплуатации крестьянства (казенно-чиновничью, ростовщическую, арендную), способствовать реализации лозунга «Каждому пахарю свое поле». Вместе с тем Сунь Ятсен понимал, что уничтожение традиционной системы эксплуатации и изменение поземельных отношений сами по себе не решают проблемы отсталости и нищеты деревни и всей страны. Решение этих проблем он видел в развитии производительных сил деревни (механизация, электрификация, ирригация и т.п.) при поддержке национального государства, быстро реализующего программу индустриализации страны. Решение аграрного вопроса, таким образом, трактовалось как интегральная часть общей программы социально-экономической и технико-экономической перестройки Китая.

Огосударствление собственности выступает как основное средство ускорения развития производительных сил страны и как средство преодоления социальных антагонизмов, как средство «добиться счастья для Китая». Социальную систему будущего сам Сунь Ятсен в своих планах называл «социализмом» или чаще — «государственным социализмом» и образец подобной системы видел уже осуществленным в Германии. Все это свидетельствовало о неясности и противоречивости социального идеала Сунь Ятсена в те годы, который может быть охарактеризован, если использовать выражение С.Л. Тихвинского, как «некий идеальный государственный капитализм».

Осуществление гигантских планов индустриализации Китая Сунь Ятсен полагал возможным в исторически краткие сроки только при условии получения значительной технической и экономической помощи со стороны великих держав. Однако тепе

решение планы Сунь Ятсена принципиально отличались от прежних, когда он рассчитывал получить по сути дела благотворительную помощь. Теперь расчет на иностранную помощь строится на принципах взаимной выгоды, на стремлении заинтересовать иностранный капитал в развитии такого потенциально огромного рынка как Китай. Такой тип взаимовыгодных отношений мог сложиться, конечно же, лишь при том условии, что Китай будет выступать как равноправный и сильный партнер.

В теоретическом труде Сунь Ятсена военных лет явно преобладала разработка сложных перспективных планов переустройства страны, а не выступления на политическую злобу дня. Однако это не означало, что он далек от политических проблем. Скорей всего он полагал, что пути решения политических задач теоретически ясны, хотя требуют огромных усилий для их практической реализации. Иное дело коренная социально-экономическая перестройка общества, в область которой все больше и передвигается, как он полагал, центр тяжести освободительной борьбы китайского народа. Здесь, он считал, необходима огромная работа не только по концептуальному осмыслению путей переустройства Китая, но и по преобразованию идеологии своих последователей, которые будут претворять в жизнь эту программу. Вместе с тем Сунь Ятсен рассматривал свои планы социально-экономической перестройки китайского общества в неразрывной связи с решением неотложных политических вопросов. «Проблема эта, — писал он об индустриализации, — будет успешно решена лишь при условии, если мы сохраним за собой право контроля над ее осуществлением, в противном случае она останется нерешенной. Ключ к будущему Китая — к его существованию или гибели — и заключен как раз в таком промышленном развитии, при котором мы сохраним право контроля». В этом высказывании, полном патетики, — истолкование Сунь Ятсеном связи экономики и политики, понимание им того, что создание подлинной национальной государственности, свободной от империалистического и милитаристского произвола, является предварительным условием социально-экономического обновления страны. Постепенное осознание взаимосвязи задач национально-освободительных и социально экономических, которые можно решить через создание и укрепление национального государства, возглавляемого революционной партией, становлению которой он посвятил свою жизнь, являются характерной особенностью складывавшейся программы Сунь Ятсена.

Усиление национально-освободительных мотивов, поиски новых путей демократизации китайского общества, детальная разработка программы социально-экономических преобразований, —

вот основные тенденции развития «трех народных принципов» Сунь Ятсена в годы мировой войны. В этой эволюции его идей легко прослеживается стремление максимально использовать все достижения развитых западных стран. Вместе с тем и на новом этапе в суньятсенизме сохраняется стремление, сложившееся еще в начале века, направить развитие Китая иным, по сравнению с Европой и Америкой, путем, найти «свое», «китайское» решение наиболее быстрой и наименее болезненной модернизации китайского общества.

В острой идейно-теоретической борьбе этих лет Сунь Ятсен активно не участвовал — это был для него своеобразный подготовительный период перед выходом на арену острой борьбы в послевоенные годы. Вместе с тем его концептуальный подход к проблемам развития Китая не уместился в рамках идейно-теоретической борьбы между почвенниками, «реакционными романтиками», с одной стороны, и буржуазно-демократическим, западничеством — с другой. Это объяснялось как происхождением его теоретических построений, так и социальной нацеленностью его программы.

Эволюция взглядов Сунь Ятсена являла собой непрерывный и плодотворный синтез традиционных и новых, «западных» идей и теорий. Он осознанно стремился к такому синтезу, к осмыслению достижений капиталистического мира на базе некоторых традиционных идейных комплексов. В его работах рассматриваемого периода больше всего проявляется стремление соединить традиционные представления о решающей социально-экономической роли государства с идеями промышленной цивилизации и тем самым избежать развития капитализма с его ростом социальных антагонизмов, пойти по пути «государственного социализма». Типологически эта система взглядов может быть обозначена, используя формулировку Ленина (кстати, аналогичную формулировку давал и П.Н. Милюков), как «народническая». Основные идейно-политические течения рассматриваемого времени — консервативное, буржуазно-демократическое, народническое — несмотря на существенные, подчас коренные расхождения, во многом все-таки воздействовали на духовную жизнь в общем направлении — они развивали и накапливали патриотический и националистический потенциал, который в полной мере выявился уже на новом историческом этапе. Отражая объективные процессы становления китайской нации, эта идейно-политическая борьба способствовала превращению национализма в детерминирующий фактор общественного развития.

Названные идейно-политические течения были основными, но они, конечно же, не исчерпывали всего многообразия духовной жизни страны. Идеологический плюрализм послесинхайской эпохи, сменивший идеологическую монополию конфуцианства, открытость Китая идейным воздействиям более развитых стран, стремление самих образованных китайцев к освоению открывшегося им нового духовного мира породили чрезвычайное многообразие и пестроту идейных позиций.

Среди теоретиков, оказавших определенное воздействие на духовную жизнь страны, должны быть названы такие ученики Лян Цичао, как Чжан Дунсунь и Лян Шумин, последователи и пропагандисты интуитивизма Бергсона. Чжан Дунсунь переводил работы Бергсона на китайский язык, посвятил ряд статей философии Канта, Джеймса, Риккерта. Лян Шумин увлекся изучением и пропагандой модернизированного буддизма, читал курс лекций по индийской философии в Пекинском университете. Последователем Бергсона был Чжан Цзюньмай. Среди китайской молодой интеллигенции были последователи почти всех современных западных идейных течений.

Были последователи и антибуржуазных идейных течений. Наибольшее число последователей приобрел анархизм. Первые анархистские организации были созданы еще до Синьхайской революции среди китайских эмигрантов во Франции и Японии. В 1911 г. возникает первая анархистская организация в Гуанчжоу, затем в Шанхае, Пекине и некоторых других местах. Успехи пропаганды анархизма в послесинхайские годы связаны с именем Лю Шифу, начинавшего свою политическую деятельность в качестве соратника Сунь Ятсена по Объединенному союзу. В послесинхайские годы он ведет огромную пропагандистскую работу, стремясь привлечь под знамена анархизма передовую китайскую интеллигенцию. Свою пропаганду он рассматривает как распространение идей социализма, ибо «анархизм — это социализм, предусматривающий уничтожение правительства». Со страниц издаваемого им журнала «Миньшэн чжоукань» («Голос народа»), а также других анархических изданий широко распространялись идеи Бакунина, Кропоткина, Прудона, которые оказали значительное влияние на передовую интеллигенцию, хотя ее большинство и не стало анархистами. Нашли определенное отражение в этих изданиях и идеи марксизма. В этой связи весьма примечательна полемика, которую вел Лю Шифу в первые послесинхайские годы с Сунь Ятсеном и Цзян Канху.

Лю Шифу активно откликнулся на выступления Сунь Ятсена в 1912 г. по проблемам социализма и подверг эти выступления суровой критике, доказывая, что концепция Сунь Ятсена далека от подлинного социализма. При этом Лю Шифу продемонстри-

ровал неплохое знание «Капитала» К. Маркса. Столь же острой была и полемика Лю Шифу с Цзян Канху — лидером Китайской социалистической партии, взгляды которого он рассматривал как более грубое искажение идей социализма, чем теоретические построения Сунь Ятсена. Полемика Лю Шифу и Цзян Канху показала вместе с тем, что марксистские идеи были уже известны некоторым идеологам того времени.

Первые китайские анархисты вели большую пропагандистскую работу среди интеллигенции, пытались найти дорогу и для пропаганды анархических идей среди рабочих, были организаторами первых профсоюзов и организаторами забастовок. Но вместе с тем их деятельность можно рассматривать в русле общедемократической борьбы против монархической, реакционной идеологии и политики, подрыву которых они, безусловно, содействовали. Содействовали анархисты пробуждению и расширению интереса китайской общественности к социализму и марксизму.

При всей теоретической и политической разнородности этих идейных течений в годы войны в большинстве из них просматривается некоторая (на первый взгляд парадоксальная) общность в трактовке социальных идеалов — все они в той или иной мере восходят к традиционным представлениям об идеальном обществе будущего (утопии типа *датун* и т.п.), что в свою очередь облегчало восприятие европейских идей социализма, с одной стороны, и облегчало «китаизацию» этих новых идей — с другой, создавая весьма своеобразную идейную ситуацию.

4. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СДВИГИ В ПОСЛЕСИНЬХАЙСКИЕ ГОДЫ

Радикальные политические перемены в Китае не могли, естественно, сразу же сказаться на его экономическом и социальном развитии. Но постепенно их влияние стало сказываться, особенно в годы мировой войны, которая существенно изменила объективное положение Китая. Сказалось это как на возможностях экспансии иностранного капитала в Китае, так и на особенностях функционирования самого китайского рынка.

Наиболее активная экспансия иностранного капитала приходится на начало XX в., когда сумма иностранных капиталов удвоилась по сравнению с началом века, достигнув 1610 млн ам. дол. (1914). На первом месте по своим капиталовложениям шла Англия, давно и настойчиво действовавшая на китайском рынке с момента его открытия, последующие места занимали Россия, Германия, Япония. За годы мировой войны экспансия иностранного капитала резко ослабла ввиду того, что рынок частных инвестиций был практически парализован и расширение иностран-

ных капиталовложений осуществлялось в основном за счет реинвестиции прибыли. Общий объем иностранных вложений в 1918 г. можно оценить в 1691 млн ам. дол., в том числе прямые инвестиции 1092,8 млн ам. дол., задолженность китайского правительства — 575,4 млн, задолженность частных компаний — 22,7 млн. Важнейшей особенностью структуры иностранных капиталовложений в Китае оставалось, как и в начале XX в., полное преобладание прямых деловых вложений в китайское хозяйство, причем удельный вес этих вложений имел тенденцию к возрастанию. На первом месте стояли вложения в транспорт — 531 млн ам. дол. (33% всех вложений), что позволяло фактически контролировать механические виды транспорта. Благодаря этим вложениям иностранному капиталу принадлежало или контролировалось им через систему займов более 90% железных дорог и почти 80% тоннажа всех морских и речных паровых перевозок.

Иностранные капиталовложения в обрабатывающую и горнорудную промышленность, а также в коммунальные предприятия составляли только 197 млн ам. дол. (12,3%), что, однако, более чем вдвое превышало промышленные вложения национального капитала. Иностранных промышленных предприятий было всего несколько сот, но это были самые крупные и технологически передовые для Китая предприятия и, следовательно, наиболее конкурентоспособные. Так, в наиболее развитой — хлопчатобумажной — промышленности иностранному капиталу принадлежало (1918) 42,9% веретен и 43,95% ткацких станков. В механизированной добыче угля на долю иностранного капитала приходилось 77,3%. Фактически под полным иностранным контролем находились механизированная добыча железной руды и механизированная выплавка чугуна. Сильные позиции занимал иностранный капитал также в пищевой, химической, полиграфической и некоторых других отраслях.

Иностранные банки, которых к концу войны насчитывалось всего полтора десятка, фактически контролировали китайский денежный рынок. В условиях нараставшей политической раздробленности, милитаристских войн, правовой незащищенности даже богатого китайца было вполне естественно, что китайские имущие слои стремились держать свои средства именно в иностранных банках. Это вело к тому, что иностранные банки в значительной мере оперировали фактически китайскими средствами. Капиталы иностранных банков и их финансовая роль возрастали также вследствие того, что именно в эти банки поступали таможенные доходы, а с 1913 г. и доходы от соляной монополии, и находились на специальных «гарантийных счетах», контролирувавшихся иностранными банками с целью финансового обеспечения

уплаты китайских внешних долгов. Иностранные банки в Китае обладали также очень важным правом денежной эмиссии, фактически регулируя объем денежной массы в стране. В годы мировой войны эмиссионная активность иностранных банков значительно возросла: с 1912 по 1919 г. эмиссия американских кредитных учреждений выросла в 8 раз, французских — в 6 раз, японских — в 5 раз, английских — в 1,5 раза, что неизбежно вело к дальнейшему усилению контроля за китайским денежным рынком.

Оставалась значительной роль иностранного капитала во внешней торговле, что было связано в первую очередь с рядом привилегий иностранного капитала, вырванных в свое время у Китая силой оружия. Иностранный капитал способствовал дальнейшему втягиванию Китая в мировую торговлю, в капиталистическое разделение труда. Несмотря на кругую внутрисполитическую ломку и мировую войну за послесинхайское десятилетие объем внешней торговли Китая почти удвоился, достигнув в первый послевоенный год 1134,9 млн ам. дол. С ростом объема внешней торговли увеличивался и торговый пассив, достигший в тот же период уже 282 млн ам. дол. Особенностью китайского экспорта было преобладание среди предметов вывоза (1920) готовой продукции (39,55%) и полуфабрикатов (20,5%), причем главной статьёй экспорта была продукция китайского традиционного ремесла. Остальная часть экспорта складывалась в основном из сельскохозяйственного сырья и совсем немного — из продукции горнодобывающей промышленности. В импорте полностью преобладали предметы потребления (71,5%), причем аграрный Китай был вынужден ввозить в значительных размерах продовольствие и хлопок. С возрастанием пассива торговли для Китая обострялась проблема платежного баланса. Торговый пассив компенсировался в основном денежными переводами китайских эмигрантов (*хуацяо*), иностранными капиталовложениями, расходами иностранцев в Китае и т.п.

Мировая война не только временно ослабила экспансию иностранного капитала в Китае, но и усилила неравномерность активности империалистических держав, изменив условия их конкуренции. В результате вступления Китая в войну на стороне Антанты Германия практически потеряла свои довольно сильные позиции в Китае. Война ограничила возможности Англии, Франции и других европейских держав в расширении их экономической деятельности в Китае. В то же самое время Япония, а отчасти и США получили благоприятные возможности для своей экспансии. В годы войны Япония использовала благоприятные условия и попыталась даже превратить Китай в сферу своего монопольного влияния. Японский капитал сделал рывок в промыш-

ленной экспансии. За годы войны возросли позиции японского капитала в основной отрасли китайской промышленности — хлопчатобумажной, где число веретен на японских предприятиях утроилось, а число ткацких станков почти удвоилось. Именно в эти годы начинается и развитие японской тяжелой промышленности в Китае. Усилив посредством займов еще накануне войны свой контроль за Ханьпинским металлургическим комбинатом, японский капитал в годы войны построил крупные чугунолитейные заводы в Бэньсиху (1915) и Аньшане (1918), что означало контроль за 85% всех доменных печей в Китае. Расширяется добыча каменного угля на японских предприятиях в Фушуне, Бэньсиху, Яньтае (примерно четверть всей угледобычи в Китае), железной руды в Аньшане и Мяозэроу (фактически полный контроль за механизированной добычей железной руды в Китае). Так постепенно складывается горно-металлургический комплекс в Маньчжурии, ставший своеобразным придатком японских монополий, стремившихся сделать этот район поставщиком полуфабрикатов для своей тяжелой промышленности. Усилился приток японского капитала в железнодорожное строительство и особенно в торговый флот. В течение 1913—1918 гг. доля Японии во внешнеторговом судообороте Китая выросла с 32% до 52%, а во внутриторговом судообороте эта доля возросла до 40%.

Используя ослабление влияния и возможностей европейского капитала и европейских правительств, Япония попыталась монополизировать предоставление займов Китаю, справедливо рассматривая кредит как важнейшее средство захвата рынка. За годы войны Япония предоставила Китаю несколько десятков займов на общую сумму 675 млн иен. Одновременно усилилось и освоение японскими торговцами китайского рынка. За годы войны удельный вес Японии во внешней торговле Китая фактически удвоился. Резко возрос ввоз в Китай японской хлопчатобумажной пряжи и тканей, бумаги, сахара и некоторых других товаров, на расширение производства которых особенно рассчитывала китайская буржуазия. Япония не ограничивалась, однако, усилением экономической экспансии в Китае, — она попыталась расширить свои сферы влияния и даже фактически подчинить себе политику пекинского правительства, выдвинув в 1915 г. пресловутое «21 требование». Единодушный протест китайского народа сорвал эти планы.

Неравномерность империалистической экспансии в послесинхайские годы не означала ослабления позиций иностранного капитала в Китае. Наоборот, к концу мировой войны можно констатировать дальнейшее укрепление позиций иностранного предпринимательства, которое фактически держало в своих руках все

командные высоты экономики Китая. Не переоценивая внедренность иностранного капитала в китайское хозяйство, относительные размеры которого были невелики — немногим более 3 ам. дол. на душу населения (что в несколько раз меньше, чем в некоторых колониях), необходимо подчеркнуть, что иностранный капитал захватил и освоил именно «высоты» экономики, оставляя основной хозяйственный массив вне своего прямого воздействия. Иностранный капитал фактически монополизировал ключевые позиции, определявшие перспективы развития национального воспроизводственного процесса: поставки современных по техническому уровню средств производства, развитый капиталистический кредит, научно-технические знания и технологический опыт («ноу-хау»), современные виды транспорта и связи. Однако реальное экономическое воздействие мирового капитализма на Китай определялось не только позициями иностранного предпринимательства в Китае, но и всей экономической, политической и военной мощью империализма, поставившего Китай в положение полуколонии. Захват иностранным предпринимательством командных высот китайской экономики и был одним из проявлений полуколониальной зависимости.

Усиление позиций иностранного капитала в послесиньхайские годы означало не только увеличение полуколониальной зависимости Китая, но и ускорение процесса втягивания китайского хозяйства в мировой рынок, углубление процессов капиталистической эволюции китайской экономики. Во многом это связано с тем, что национальное капиталистическое развитие началось с «открытием» Китая и привнесением в Китай капиталистического производства. Национальное капиталистическое предпринимательство возникло под прямым влиянием, «по примеру» иностранного и в тесной экономической и «географической» связи с ним. Китайские капиталистические предприятия возникали прежде всего в центрах господства иностранного капитала — открытых портах, концессиях, селтльментах, куда устремился национальный капитал, ибо он имел здесь несравненно более благоприятные условия (экономические и правовые) для своей деятельности, чем в остальных районах страны, несмотря на определенную дискриминацию и острую конкуренцию со стороны иностранного капитала. Это в полной мере относится и к развитию китайского капиталистического предпринимательства в послесиньхайские годы.

Этот период, особенно годы мировой войны, был весьма благоприятным для развития национального капитала. Не случайно китайская буржуазия называла эти годы своим «золотым веком». Раскрепощенная победой революции, китайская буржуазия сумела

выгодно использовать конъюнктуру военных лет. Если накануне мировой войны национальному капиталу принадлежало 698 фабрично-заводских предприятий с 271 тыс. рабочих и капиталом в 331 млн юаней, то после войны число предприятий выросло до 1759, число занятых рабочих до 558 тыс. и капитал — до 591 млн юаней. Если в 1914 г. было зарегистрировано только 62 млн юаней новых капиталовложений китайских предпринимателей, то в 1920 г. эта цифра возросла до 155 млн. Между 1912 и 1920 гг. ежегодный прирост промышленной продукции составлял, по расчетам М.-К. Бержера, примерно 14%. Особенно быстро развивалась хлопчатобумажная промышленность, почти в полтора раза выросло число прядильных веретен. Активно развивались также пищевая, спичечная, табачная и другие отрасли по производству потребительских товаров. Рост тяжелой промышленности даже в эти благоприятные годы был незначительным. Не сумел активизироваться национальный капитал и в строительстве и эксплуатации железных дорог, хотя он несколько увеличил свою долю в судоходстве, особенно внутреннем, до трети всех перевозок к концу войны.

Современный национальный банковский капитал начал складываться в Китае только на рубеже XX в. К 1912 г. было основано 7 китайских банков с общим капиталом в 75 млн юаней, в течение же 1913—1919 гг. создано еще 43 банка с общим капиталом в 102,7 млн юаней. Быстрый рост числа китайских банков связан прежде всего с выпуском пекинским правительством государственных займов: покупая по пониженному и продавая по повышенному курсу государственные ценные бумаги, частные банки могли получать значительные прибыли. Но в этом же и их основная экономическая слабость — они были плохо связаны с национальным денежным рынком, размеры привлеченных ими средств были незначительны, финансированием национальной промышленности они почти не занимались и им не удавалось потеснить традиционные («туземные») кредитные учреждения — меняльные лавки и ломбарды, которых в 1918 г., считая официально зарегистрированные, было 3 тыс. с капиталом в 169 млн юаней и которые по сути дела определяли лицо китайской кредитной системы в ее низовых звеньях.

Сильные позиции, естественно, национальный капитал продолжал занимать в торговле, однако здесь он был особенно распылен, поскольку еще полностью преобладали традиционные формы торговли. За послесинхайские годы национальный капитал несколько укрепил свои позиции во внешней торговле.

Китайский национальный капитал, таким образом, существенно укрепил свои позиции в экономической жизни страны, хотя продолжал оставаться силой зависимой и подчиненной. О его

абсолютных размерах в рассматриваемое время мы можем говорить лишь весьма приблизительно из-за крайнего несовершенства китайской статистики. Оценить национальный капитал к концу войны можно примерно в 2 млрд юаней (1918) при соотношении капиталов в промышленности, банковском деле и торговле приблизительно как 1 : 2 : 3. Необходимо, однако, принимать во внимание, что сумма капитала в сфере обращения охватывает два разнородных явления — современный, развитый банковский и торговый капитал, с одной стороны, и торгово-ростовщический капитал — с другой. Статистика дает весьма приблизительное и неточное соотношение этих двух типов капитала, пытаясь учесть не только «зарегистрированный», но и весь фактически функционирующий в сфере обращения капитал. Причем преобладание традиционных, несовременных типов капитала к этому времени все еще сохранялось. Процесс «осовременивания» капитала шел медленно. Наиболее развитая часть капитала все еще была тысячами нитей связана с капиталом типа первоначального накопления. Чисто экономических стимулов «осовременивания» было явно недостаточно, требовалось радикальное внеэкономическое вмешательство, которое могло бы подтолкнуть и ускорить процесс первоначального накопления, консолидировать национальный капитал.

Определенной массовой производственной базой для развития национального промышленного капитала являлась дофабричная промышленность, продолжавшая играть решающую роль в обеспечении нужд городского и сельского населения не только многими видами потребительских товаров и услуг, но и в снабжении крестьянина и ремесленника простейшими орудиями труда. Во всех формах дофабричной промышленности было занято не менее 10% населения страны, в том числе в больших городах более 12 млн человек занятых ремеслом. Включение Китая в мировой капиталистический рынок и развитие фабрично-заводского производства в самом Китае не могли не сказаться болезненно на кустарно-ремесленном и мануфактурном производстве: погибали целые отрасли и центры дофабричной промышленности (хлопкопрядение, производство масляных светильников и т.п.). Однако в целом дофабричная промышленность продолжала развиваться, ибо капиталистическая эпоха несла с собой для нее не только разрушение. Накануне и особенно после Синьхайской революции в отдельных отраслях дофабричной промышленности наблюдался некоторый технический прогресс, насколько он вообще возможен в рамках кустарно-ремесленного производства. Проявилось это в применении усовершенствованного металлического ткацкого станка вместо прежнего деревянного, в распространении

простейших машин в вязальном, швейном и некоторых других видах производства. Разрушая одни отрасли дофабричной промышленности, мировой рынок стимулировал рост других и даже способствовал возникновению новых (производство спичек, кружев, соломенных шляп на экспорт и т.п.). Все эти годы устойчиво рос экспорт кустарно-ремесленной продукции.

Дофабричная промышленность к концу войны прочно удерживала свои позиции в производстве многих товаров, давая в целом примерно три четверти всей промышленной продукции страны. Даже в такой передовой отрасли, как хлопчатобумажная, где национальное и иностранное фабричное производство развивалось особенно быстро, позиции ремесленно-мануфактурного производства не были еще поколеблены, в 1918 г. внефабричным способом перерабатывалось 67% всего хлопка. Столь же сильны были позиции кустарно-ремесленного производства в выработке муки, переработке чая, производстве шелковой пряжи и ткани, масла и даже добыче каменного угля. Еще более прочными были позиции дофабричной промышленности в традиционных отраслях — производстве национальной одежды и обуви, бумаги, фарфора, изделий из бамбука и соломы, вышивок и т.п. Кустарное и мануфактурное производство почти полностью обеспечивали и саму дофабричную промышленность орудиями труда, также как крестьянское хозяйство и крестьянские промыслы, полностью производили традиционные средства транспорта.

Многообразные типы хозяйственной организации дофабричной промышленности сложились в основном еще в средние века. После «открытия» Китая начинается процесс капиталистической трансформации этой сферы хозяйства. Возможность этой трансформации была связана не только с воздействием мирового рынка, но и с полной подчиненностью в канун «открытия» Китая кустарно-мануфактурного производства торгово-ростовщическому капиталу, который и в последующие десятилетия оставался «хозяином» этого сектора народного хозяйства. Изменения, происходившие накануне и после Синьхайской революции, — расширение работы на капиталистический рынок и использование усовершенствованных орудий труда и механических двигателей — способствовали перерастанию мануфактуры в фабрику, кустарной мастерской — в капиталистическую. Однако из-за экономической незаинтересованности «хозяина» вкладывать капиталы в техническое перевооружение этот процесс охватил лишь незначительное меньшинство дофабричных предприятий. Большинство производителей продолжало пользоваться рутинной техникой, хотя уже и в объективно новых условиях рыночного производства.

Часть ремесленников сохраняет свою экономическую самостоятельность и прежние формы хозяйственной организации (лавка-мастерская, работа на заказ, странствующий ремесленник и т.п.), однако эти формы производства и сбыта могут продолжать существовать лишь при работе на ограниченный (как правило, местный) рынок, при незначительных масштабах развития данной отрасли, при приспособлении производства к индивидуальным потребностям (ювелиры, портные, сапожники и т.п.), при занятиях ремонтно-починочной работой. Они и составляли мелкотоварный уклад дофабричной промышленности.

Все больший выход продукции дофабричной промышленности на внешний рынок и развитие рынка внутреннего вели к дальнейшему подчинению дофабричной промышленности торгово-ростовщическому капиталу, лишали ремесленника хозяйственной самостоятельности, сужали базу мелкотоварного уклада.

В тех же отраслях ремесленного производства, которые работали на экспорт или имели массовый внутренний рынок, подчинение в прошлом самостоятельного ремесленника и крестьянина, занимавшегося промыслом, торгово-ростовщическому капиталу зашло особенно далеко и капиталистическая работа на дому (рассеянная мануфактура) полностью преобладала над ремесленной мастерской. Это относится прежде всего к наиболее развитой отрасли дофабричной промышленности — текстильной (хлопко- и шелкоткачество, вязание кружев, трикотажное производство, вышивание), а также к некоторым другим (производство обуви, соломенных шляп, изделий из бамбука и т.п.). Причем особенно активно торгово-ростовщический капитал наступает на деревенские промыслы, лишенные какой-либо цеховой защиты.

Внутри городских ремесленных цехов также развиваются капиталистические отношения, все больше применяется наемный труд, происходит сращивание верхушки цехов с торгово-ростовщическим капиталом. В благоприятной рыночной конъюнктуре периода мировой войны усиливается приток торгово-ростовщического капитала в рассеянную и централизованную мануфактуру, активно растет и развивается мануфактурное производство, причем индивидуальное предпринимательство уступает место акционерному.

Ускорились перемены и в деревне. Прежде всего завершается ликвидация казенных, государственно-феодальных форм землевладения и эксплуатации, привнесенных в китайскую деревню маньчжурским завоеванием. Распад землевладения военного сословия, землевладения военных поселений и превращение этих земель в частновладельческие активно шли на рубеже веков. Но именно революция и новое республиканское законодательство

окончательно ликвидировали привнесенные формы казенного землевладения и личной зависимости (крепостной — *чжуандины* и т.п., а также рабской — *нули, нуу*).

Медленнее шли изменения в традиционном, «азиатском» землевладении и землепользовании, в традиционных китайских (фискальных, ростовщических, арендных) формах эксплуатации сельского населения. В наследство от императорского Китая республиканский Китай получил тяжелейшее аграрное перенаселение, в значительной мере определившее производственный и социальный облик китайской деревни. В 1917 г. обрабатывалось примерно 1,5 млрд му земли, что и определяло ничтожно малый размер среднего крестьянского хозяйства — менее 20 му земли (чуть более 1 га). Малоземелье, обостряемое неравномерным распределением земли, вело к тому, что значительная часть сельского населения не могла быть полностью занята на сельскохозяйственных работах, отсюда — наличие огромного числа свободных рабочих рук. Природная среда и демографическая ситуация существенно воздействовали на социально-экономическое развитие китайской деревни, приспособили аграрную структуру к реальной природно-демографической ситуации, а также повлияли на капиталистическую эволюцию деревни.

В послесинхайское десятилетие в результате развития внутреннего рынка, расширения и усложнения его связей с внешним рынком, в результате общего ускорения экономического развития страны продолжает меняться социально-экономический облик деревни: традиционные формы эксплуатации деревни — налоговые, арендные, торгово-ростовщические — оказались чрезвычайно гибкими, относительно легко приспособляющимися к новым условиям, условиям развивающегося капиталистического рынка. Особую роль в новых условиях играет торгово-ростовщический капитал. Торгово-ростовщическая эксплуатация, оставаясь по своим размерам «дополнительной» по сравнению с налоговой и арендной, играет все большую роль в экономическом развитии деревни, постепенно качественно преобразуя и «основные» формы эксплуатации. В условиях общего сдвига всего китайского хозяйства в сторону производства меновых стоимостей арендная плата, получаемая арендодателем, налоговые поступления в натуральной форме, присваиваемые милитаристом и чиновником, продукты сельского хозяйства, попадавшие в руки ростовщика, — вся эта продукция, произведенная мелкокрестьянским потребительским хозяйством, все больше поступает на рынок, все больше превращается в товар. Однако эта товаризация хозяйства была принудительной для крестьянина. Увеличение товарной доли сельскохозяйственной и побочной продукции

вызывалось не столько потребностями развивавшегося крестьянского хозяйства, сколько стремлением многоликого сельского эксплуататора как можно больше выжать доходов из закабаленной части крестьянства. Непосредственным эксплуататором, непосредственным «хозяином» деревни (во всяком случае по отношению к основной массе крестьянства) выступает отнюдь не развитый капитал, а капитал типа первоначального накопления.

Большинство крестьян было, таким образом, фактически отрезано от прямых связей с рынком, выступало на нем опосредованно, через своих эксплуататоров, продолжая вести погребительское в сущности хозяйство. Однако зажиточное меньшинство крестьян, особенно в пригородных и приморских районах, а также в районах производства технических культур (где уже 60–70% крестьянской продукции поступало на рынок), выступало в качестве самостоятельных товаропроизводителей и товаровладельцев, являясь носителями мелкотоварных отношений. Несмотря на довольно высокую степень развития товарно-денежных отношений в китайской деревне, мелкотоварный уклад был слабым и малодинамичным, ибо налоговый, арендный, торгово-ростовщический гнет оставлял мало места для крестьянского предпринимательства, для зарождения капиталистических фермеров.

Экономическим сдвигам в послесиньхайские годы соответствовали и социальные перемены. Естественно, что ускорение капиталистической эволюции прежде всего вело к количественным изменениям рабочего класса и буржуазии.

Несовершенство китайской статистики затрудняет количественные оценки и заставляет прибегать к расчетам. В послесиньхайское десятилетие значительно вырос китайский рабочий класс. Учитывая занятых в обрабатывающей промышленности фабрично-заводского типа, в горнодобывающей промышленности с использованием механических двигателей и на современном механическом транспорте, можно оценить количество фабрично-заводских рабочих по окончании мировой войны как приближающееся к полумиллионному. Еще более 2 млн человек было занято на предприятиях мануфактурного типа. Таким образом, общее количество промышленных рабочих среди населения страны было ничтожным, хотя тенденция его роста и была значительной.

Особенности рабочего класса определялись небольшим «стажем» капиталистического предпринимательства в Китае и полуколониальным характером капиталистической эволюции. Основным источником формирования рабочего класса было беднейшее крестьянство, поставлявшее главную массу неквалифицированной рабочей силы, а также ремесленники и городские низы. Преобладание легкой и пищевой промышленности предопределило

и преобладание женского и детского труда. Даже в Шанхае, где удельный вес технически передовых предприятий был относительно высок, женщины-работницы составляли 55%, а дети — 8%. Всего же в обрабатывающей промышленности рабочих-мужчин было всего 40%.

Еще одной особенностью рабочего класса была его молодость. Причем речь идет не только об исторической молодости, но и о систематическом процессе омолаживания рабочего класса, сознательно проводившемся китайскими и иностранными предпринимателями. Так, в Шанхае лица в возрасте от 10 до 25 лет составляли 69% всех рабочих, а среди работниц — даже 87%. Средний возраст занятых в горнодобывающей промышленности колебался в пределах 20–30 лет. В текстильной промышленности речь шла прежде всего о быстрой смене законтрактованных девушек-работниц. В металлургической и горной промышленности особенно быстро сменялись мужчины-чернорабочие.

Все это заставляет утверждать, что, несмотря на значительный подъем промышленного развития, возможности для формирования фабрично-заводского кадрового пролетариата оставались чрезвычайно суженными. Кадровых рабочих насчитывалось всего несколько десятков тысяч человек, в подавляющем большинстве это были рабочие в первом поколении.

Социальные и экономические условия труда и жизни рабочих были чрезвычайно тяжелыми. Рабочий день законодательно не нормировался и фактически продолжался от 10 до 18 часов. Мизерная заработная плата не обеспечивала, как правило, прожиточного минимума средней семьи, а приходившие из деревни на работу в город не могли здесь содержать семью, что создавало текучесть рабочей силы, а это в свою очередь стимулировало использование женского и детского труда. Конечно, по сравнению с доходами городской и деревенской бедноты зарплата промышленного рабочего выглядела как весьма значительная и была притягательной для бедноты, рассматривавшей фабрично-заводского рабочего как человека «зажиточного», обеспеченного. На самом деле обеспеченным по самым скромным масштабам был лишь узкий слой высококвалифицированных рабочих (определенные категории работников железных дорог, машиностроителей, полиграфистов, механиков текстильной промышленности и некоторые другие), которые оплачивались выше прожиточного минимума, поэтому иногда могли дать своим детям образование, иметь некоторые сбережения и т.п.

Ухудшало положение рабочего сочетание капиталистической эксплуатации колониального типа с тяжелым бременем докапиталистических методов эксплуатации, что особенно проявлялось

в подрядной системе найма и труда. В горной и обрабатывающей промышленности большинство рабочих нанималось через подрядчиков. Эта система не только вела к уменьшению фактической оплаты труда рабочего (ибо подрядчик, «старшинка» значительную часть контрактной оплаты забирая себе), но и ухудшала общие условия труда и найма, делала рабочего полностью бесправным, лишенным постоянных связей с другими рабочими, с предприятием.

Складывавшийся китайский рабочий класс, таким образом, представлял собой сложную, неоднородную, находившуюся в процессе своей консолидации социальную структуру, в которой к небольшому ядру (несколько десятков тысяч) кадрового промышленного пролетариата примыкали широкие слои временных, сезонных, законтрактованных фабрично-заводских рабочих (около полумиллиона), два миллиона рабочих мануфактур, а также огромные полупролетарские массы — более 10 млн рабочих кустарной промышленности и более 30 млн кули.

На консолидацию рабочего класса, на формирование его сознания огромное влияние оказал тот своеобразный факт его истории, что, еще не добившись каких-либо завоеваний для себя в экономической и социальной борьбе, он относительно рано был втянут в борьбу политическую под национальным знаменем. Это имело место в ходе Синьхайской революции, в борьбе с «предателем Юань Шикаем», в выступлениях против «21 требования» и т.п. Полное преобладание национального и националистического в этих движениях не могло не оказать существенного воздействия на особенности формирования классового самосознания.

Победа Синьхайской революции и последовавший в годы мировой войны экономический подъем способствовали развитию и консолидации китайской буржуазии. Возросла ее численность и увеличилось ее богатство и экономическое влияние. В 1915 г. уже насчитывалось 1262 торговые палаты с 245728 членами. Ускорило сближение различных слоев буржуазии (выходцев из торговцев, ростовщиков, мануфактурщиков, компрадоров, крупных бюрократов, богатых землевладельцев), хотя ее полной интеграции еще не произошло.

Быстрее этот процесс шел в городе, значительно медленнее в деревне. Сельская зарождавшаяся буржуазия была продуктом капиталистической трансформации традиционных сельских эксплуататоров-арендодателей, ростовщиков, торговцев. Превращение традиционного сельского богача в буржуа было замедленным и трудным в реальном социально-экономическом контексте китайской деревни. Но процесс все-таки шел и даже несколько ускорился после Синьхайской революции.

Экономическое развитие в рассматриваемые годы, несмотря на значительный экономический подъем, не привело еще к складыванию буржуазии как класса, способного «подтолкнуть» дальнейшую капиталистическую эволюцию, прямым политическим вмешательством убрать многочисленные препятствия для этой эволюции. К концу первого послесиньхайского десятилетия городская буржуазия не обладала еще политической силой, которая соответствовала бы ее действительной экономической роли и которая позволила бы ей возглавить национально-освободительное движение. Не оказалось у нее и политических сил, способных помочь реализовать огромный, массовый буржуазный потенциал сельских богачей, без чего перспектива утверждения капитализма и политического господства буржуазии была иллюзорной.

Политическая слабость китайской буржуазии объяснялась в первую очередь тем, что китайский капитализм и китайская буржуазия не имели своей собственной предыстории, их возникновение явилось прежде всего результатом «открытия» Китая и привнесения развитых форм капитализма. Те социальные группы, из которых формировалась современная буржуазия, до «открытия» страны были интегральной частью господствующего класса традиционного, «азиатского» общества и не имели собственных традиций борьбы против этого общества. Предпринимательские слои в Китае всегда были устранены из политической жизни, и это унаследовала китайская буржуазия и в XX в. Даже по прошествии десяти лет после победы Синьхайской революции в Китае не было политических и экономических общенациональных организаций китайской буржуазии, не было буржуазных политиков и идеологов, способных программу буржуазного развития страны сделать действенным политико-идеологическим оружием утверждения гегемонии буржуазии.

Как показало первое послесиньхайское десятилетие, претензию на такую гегемонию заявили так называемые новые средние слои — служащие республиканских учреждений и капиталистических фирм, учителя и студенты, функционеры политических партий и общественных организаций, офицерство. «Новыми» они были потому, что с начала XX в. интенсивно шел процесс распада прежнего служивого сословия (шэньши) и разворачивался процесс складывания новой интеллигенции — служивой и не служивой.

Отмена экзаменационной системы, а затем гибель империи лишили шэньши официального высокого статуса и основных источников доходов. Миллионы шэньши и миллионы их детей оказались за пределами господствующего класса, как бы вне системы. Они были вынуждены искать новый социальный статус и новые

источники доходов. Именно они прежде всего заполняли аудитории быстро растущего числа китайских университетов и составляли значительную часть уезжавших учиться за границу. Именно они шли в военные училища и занимали офицерские должности в быстро растущих милитаристских армиях. Именно они пополняли число лиц «свободных профессий», которые теперь получали новый статус и новую сферу деятельности. Именно они делали функционерами и активистами создававшихся политических партий и общественных организаций и т.п. Это не значит, однако, что новые средние слои не пополнялись выходцами из нешэньшуйской среды — эти слои пополнялись, естественно, за счет многих других социальных групп, но шэньшуйская среда выдвигала наиболее подготовленных, обедневшие *шэньши* были и наиболее активными в своей социальной переориентации.

Незавершенность складывания классов нового, буржуазного общества и недоразрушенность старых традиционных общностей, переходность всей социальной структуры Китая послесиньхайского времени делали социальные позиции новой интеллигенции весьма автономными, а относительно высокий образовательный уровень (всегда в Китае престижный) и приобщенность к современным формам производственной и политической организации позволяли не без успеха претендовать на лидерство в политической жизни страны. Появление новых средних слоев (в более узком смысле — новой интеллигенции) и их новая социально-политическая роль были наиболее значимым, хотя и выявившимся не сразу, социально-классовым сдвигом, следовавшим за Синьхайской революцией.

Глава XIV

КИТАЙ ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1918—1927)

1. «ДВИЖЕНИЕ 4 МАЯ» 1919 г. И ПОДЪЕМ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ

Окончание мировой войны, в которую был вовлечен и Китай, с новой остротой выявило основные противоречия китайского общества и прежде всего его полуколониальное положение. Вместе с тем его раздробленность, не позволявшая использовать формально сохранявшуюся национальную государственность для решения национальных задач, стала все более осознаваться как первейшее препятствие национальному возрождению. Вот почему в первые же месяцы после окончания войны делаются новые попытки объединения Севера и Юга. Они были стимулированы как обострившимся в годы войны сознанием необходимости преодолеть раздробленность страны, так и политическим маневрированием держав, в частности нежеланием США и некоторых европейских государств примириться с возросшим влиянием Японии в Китае.

Попытки создать новую объединительную конференцию предпринимались уже с конца 1918 г. В феврале 1919 г. в Шанхае встретились представители пекинского и гуанчжоуского правительств и начали обсуждать пути прекращения военных действий между Севером и Югом, а также меры, необходимые для воссоздания единства страны. Противоречивые милитаристские интересы не позволили конференции добиться каких-либо конструктивных результатов и, прерванная в мае 1919 г., она так и не сумела возобновить свою работу. Однако развитие политических событий в стране весной этого же года выявило новые политические и идейные факторы, которые в перспективе могли способствовать объединению Китая, но уже иными путями, без милитаристов и вопреки их интересам.

В начале 1919 г. внимание китайской общественности было привлечено к открывшейся в январе в Париже мирной конференции, на которой Китай, рассчитывая на «благодарность» стран Антанты, предполагал существенно улучшить свои международные позиции. Отражая возросшее общественное давление, китайская объединенная правительственная делегация потребовала ликвидации позорного японо-китайского соглашения от 9 мая

1915 г. («21 требование») и сфер влияния, возвращения Китаю концессий и таможенной автономии, вывода иностранных войск и т.п. Но прежде всего китайская делегация надеялась на возвращение Китаю всех прав и владений Германии в пров. Шаньдун, фактически захваченных в годы войны Японией. Однако китайскую делегацию и китайскую общественность ждало глубокое разочарование. Союзники отказались вообще рассматривать вопрос о восстановлении суверенитета Китая, погрязшего в неравноправных договорах, и, поддавшись политическому шантажу со стороны Японии, 30 апреля признали за ней захваченное ею «право» на германское «наследство».

Это циничное решение вызвало взрыв стихийного возмущения в разных городах Китая и в самых различных социальных слоях. Первыми выступили пекинские студенты. 4 мая более 3 тыс. студентов 13 высших учебных заведений Пекина вышли на площадь Тяньаньмынь с требованиями не подписывать Версальский мирный договор, аннулировать «21 требование», изгнать из правительства прояпонски настроенных министров и т.п. Попытки японофильского правительства Дуань Цижуня силой подавить молодежное движение протеста вызвало лишь новую и более широкую волну антияпонских и антиправительственных выступлений уже не только в Пекине, но и в Тяньцзине, Шанхае, Нанкине, Чанша и других городах. В майские дни в движении протеста активно участвовали учащиеся высших и средних учебных заведений. Однако новые правительственные репрессии в начале июня привели к тому, что социальный состав этого антияпонского движения расширился, а центр его переместился в Шанхай, где 4 июня, солидаризируясь с учащейся молодежью, объявили всеобщую стачку торговцы, которую поддержали забастовкой шанхайские рабочие. В патриотическом движении протеста участвовало примерно 60 тыс. шанхайских рабочих, а затем и рабочие других городов. Они использовали традиционное средство пролетарской борьбы — забастовку, и это стало принципиально новым явлением политической жизни страны.

Массовая кампания протеста заставила правительство отказаться от подписания Версальского мирного договора, уволить японофильских министров, прекратить репрессии против участников патриотического движения. Все это говорило о его значительном успехе. Однако историческое место «Движения 4 мая» определяется не только этим. Начавшись как стихийный протест, «Движение 4 мая» постепенно принимало черты сознательного антиимпериалистического движения (хотя и направленного в данном случае только против японского империализма), впервые объединившего социально разнородные силы — учащуюся моло-

дежь, буржуазию, рабочий класс. Общенациональный характер подъема был столь значительным, что даже некоторые милитаристы (например, У Пэйфу) вынуждены были его поддерживать. Хотя гнев китайской общественности был направлен в первую очередь против японского империализма, активные выступления против Версальского мирного договора и требования восстановить суверенитет страны свидетельствовали о том, что сделан важный шаг к сознательной общенациональной борьбе против всей системы колониального гнета.

«Движение 4 мая» было подготовлено всем идейно-политическим развитием страны в послесиньхайские годы, постепенным складыванием мощного потенциала национальной борьбы, все более четким осознанием подлинных национальных интересов. Растущий национальный и националистический потенциал в событиях мая—июня 1919 г. получил свое яркое выражение. Вместе с тем само массовое патриотическое выступление стало поворотным пунктом в идейно-политическом развитии Китая, выдвинув на первый план проблему национального спасения и с новой остротой поставив вопрос о путях развития и возрождения страны. «Движение 4 мая» как бы завершает просветительское «Движение за новую культуру», свидетельствует о начале активной политизации передовой китайской интеллигенции и об усилении радикальных настроений. На этот поворот, имевший судьбоносное значение для Китая, во многом повлияла победа Октябрьской революции в России.

Победа Октябрьской революции не могла не привлечь внимание радикально настроенных участников «Движения 4 мая» к опыту Октября, к марксизму. Из среды радикальной интеллигенции, из активистов «Движения 4 мая» вышли первые сторонники марксизма — Чэнь Дусю, Ли Дачжао, Дэп Чжунся, Цай Хэсэнь, Чжан Тайлэй, Пэн Бай, Юнь Дайин и некоторые другие. Особенно большое значение для распространения марксизма в Китае имел переход на марксистские позиции Чэнь Дусю и Ли Дачжао — лидеров «Движения за новую культуру» и «Движения 4 мая», обладавших большим политическим и моральным авторитетом среди передовой молодежи.

Именно Ли Дачжао принадлежал призыв к китайскому народу «последовать примеру русских», провозглашенный им в конце 1918 г. Осенью 1919 г. в журнале «Синь циннянь» он публикует статью, которую можно рассматривать как первую попытку в Китае дать систематизированное изложение основ марксистского учения. Обращение Ли Дачжао и других революционно настроенных китайских молодых интеллигентов к опыту Октября было вполне естественным. В победе молодой советской респуб-

лики в борьбе с интервенцией стран Антанты (т.е. тех же империалистических держав, которые рвали Китай на части), в программе социальных преобразований, в антиколониальной внешней политике новой России они увидели пути решения собственных проблем. Фактически распространение марксизма в послевоенные годы во многом связано с изучением опыта российских большевиков и Октября. Не случайно первые сторонники марксизма переводили прежде всего работы Ленина и Троцкого, написанные после февраля 1917 г., видя именно в них выражение революционного марксизма. Речь шла, таким образом, о восприятии ленинских идей, обобщавших опыт октябрьского переворота, о восприятии ленинизма вне сложного и длительного развития всей марксистской мысли.

«Китайцы обрели марксизм в результате применения его русскими... — напишет впоследствии Мао Цзэдун. — Идти по пути русских — таков был вывод». В опыте Октября, в идеях ленинизма молодых китайских радикалов привлекла близкая им мысль о том, что процесс естественно-исторического развития («тяньяньды цзиньбу» — по Сунь Ятсену) можно прервать и перейти к такому революционному развитию («жэньлиды цзиньбу» — по Сунь Ятсену), которое позволяло бы построить справедливое социалистическое общество не как посткапиталистическое, а как альтернативное ему. Однако передовая китайская интеллигенция отнюдь не однозначно подходила к опыту Октября, к идеям ленинизма. В послевоенном Китае развернулась острая полемика о путях развития страны — она продолжила те споры, которые начались еще в конце XIX в. и активно шли в предсунхайские и послесунхайские годы.

Продолжался спор об историческом месте традиционной китайской цивилизации, или — несколько шире — об особенностях истории и взаимодействии культур Востока и Запада. Философ Ху Ши, ставший известным и влиятельным в ходе «Движения за новую культуру», продолжал настаивать на отказе от традиционных конфуцианских ценностей и проведении полной вестернизации как единственного пути возрождения Китая. «Без всякого почтения, — писал Ху Ши, — я осуждаю нашу восточную цивилизацию и горячо воспеваю современную цивилизацию Запада».

С противоположных позиций выступал авторитетный ученый старшего поколения Ку Хунмин, видевший именно в конфуцианской традиции возможности возрождения богатого и могучего Китая. Эту же точку зрения отстаивал молодой философ Лян Шумин — один из наиболее ярких мыслителей-традиционалистов, ставший популярным благодаря своим выступлениям в

защиту китайской традиционной культуры. Пафос его выступлений состоял прежде всего в констатации гибельности для Китая пути вестернизации и в утверждении возможностей обновления страны на путях возрождения конфуцианских морально-этических ценностей. Лян Шумин утверждал даже, что китайская культура, основанная на конфуцианстве, в перспективе вытеснит все другие и станет мировой: «Будущая мировая культура — это возрожденная культура Китая... ибо конфуцианство — это не просто идея, а сама жизнь». Видные философы Сюн Шили, Чжан Цзюньмай, Фэн Юлань и некоторые другие стремились к определенному обновлению традиционной конфуцианской мысли. Эти мыслители не сыграли заметной общественной роли, не сумели увлечь патриотически настроенную прогрессивную молодежь, но их научная и публицистическая деятельность способствовала сохранению и развитию традиционной китайской мысли, интерес к которой на последующих исторических этапах существенно возрос.

Однако такие крайние подходы к оценке исторического места китайской цивилизации не преобладали, ибо к послевоенному времени среди китайской интеллигенции все больше утвердилось представление о необходимости синтеза культур и цивилизаций в ходе включения Китая в мировой процесс культурного и экономического развития. Вместе с тем эта полемика еще раз привлекла внимание китайской общественности к проблеме выбора идеологических ориентиров, став своеобразной прелюдией к развертывавшейся дискуссии о социализме.

Принципиально новый момент в вечный спор о путях развития Китая был внесен революционным опытом Октября, идеями ленинизма. Наиболее радикальная молодежь восприняла их как убедительный пример, который, как им казалось, можно успешно повторить и на китайской почве. Это, естественно, не могло не вызвать беспокойства и идейного сопротивления здравомыслящей части китайской интеллигенции. Так начинался новый виток дискуссии о социализме.

20 июля 1919 г. в газете «Мэйчжоу пиньлунь» Ху Ши публикует статью под примечательным заголовком — «Больше заниматься конкретными проблемами, меньше говорить об “измах”!» В ней, в частности, говорилось: «Пристрастие к бумажным “принципам” очень опасно, так как пустые лозунги могут быть легко использованы бесстыдными политиками для своих пагубных дел». Ху Ши призывал не вставать на путь революции, а идти медленной, но верной дорогой постепенных реформ, решать конкретные проблемы жизни страны, преодолевать отсталость «шаг за шагом».

И хотя статья Ху Ши прямо не была адресована китайским сторонникам марксизма, они поспешили дать ему отпор. 17 августа в том же журнале публикуется статья Ли Дачжао «Еще раз о конкретных проблемах и "измах"». Ли Дачжао писал не только о праве обсуждать теоретические проблемы, но и о необходимости такой теоретической работы. «Наше общественное движение, с одной стороны, нуждается, конечно, в изучении практических вопросов, а с другой — в пропаганде теоретических принципов. Это две неразрывно связанные стороны одного дела». Ли Дачжао защищал и защитил право первых сторонников марксизма на пропаганду социалистических идей. Это было первое литературное столкновение сторонников и противников марксизма. В течение ближайших двух лет эта теоретическая борьба продолжалась и обострялась.

Обострению этой борьбы способствовали приезд в Китай американского философа-прагматиста Джона Дьюи и английского философа Бертрانا Рассела и их выступления с лекциями и в печати о том, как они понимают пути развития Китая. Эти ученые относились с огромным уважением к китайской культуре и с симпатией — к борьбе китайского народа за свое национальное и социальное освобождение. Они убеждали своих слушателей в необходимости кропотливой повседневной работы по преодолению отсталости Китая, говорили об отсутствии в Китае социально-экономической и культурной почвы для пропаганды и тем более для реализации социалистических идей. К их выступлениям относились по-разному.

Естественно, что эти выступления поддержал последовательный противник революционных методов преобразования общества, один из наиболее авторитетных политиков и идеологов Лян Цичао. Не вызвала удивления и его достаточно резкая критика попытки распространения социалистических идей на китайской почве. Более значимыми оказались статьи талантливого публициста Чжан Дунсуя, сторонника социалистических идей. Именно как социалист он стремился глубоко проанализировать китайскую действительность и на основе этого ответить на вопрос о возможностях социалистического развития Китая. Таких возможностей на исторически обозримый период он не увидел. Отсюда и его призыв к постепенному преобразованию китайской действительности, к индустриализации страны, развертыванию культурно-просветительной работы, развитию образования, расширению кооперативного движения и к другим конкретным делам, которые изменяют Китай. По сути, путь к социализму он видел в развитии капитализма. Он утверждал, что его подход основывается на учении Маркса. Справедливо боясь в этих условиях оплошности самой

идеи социализма или появления социализма ложного, фальшивого, Чжан Дунсунь утверждал, что «...в Китае сейчас совершенно нет никакой необходимости пропагандировать социализм». Со сходных позиций критиковали идею социалистического развития Китая и другие публицисты (Лань Гуньу, Пэн Иху, Фэй Цзюэтянь).

В конце 1920 — начале 1921 г. эти выступления вызвали резкую отповедь первых сторонников и пропагандистов марксизма в Китае — Ли Дачжао, Чэнь Дусю, Ли Да, Ли Цзи, Ши Цуньтуна и некоторых других. Отвечая на основной тезис противников социализма об отсутствии соответствующих предпосылок в Китае, Ли Дачжао переводит спор как бы в другую плоскость, считая, что для ответа на этот вопрос «...нужно прежде всего ответить на другой вопрос: созрели ли экономические предпосылки социализма в мировом масштабе?» И, естественно, отвечает на это положительно. Эту мысль развивал в своей статье и Ли Да: «Объединившись с трудящимися мирового социализма, китайские трудящиеся сообща раздавят капиталистов и вместе построят социалистическую Поднебесную!» В рамках этого тезиса китайские марксисты развивали мысль о том, что Китай вполне созрел для борьбы за некапиталистическую перспективу развития, за альтернативную капитализму социальную систему. «Возможно, найдутся люди, — писал Цзи Шэн, — которые скажут вам: коммунизм может возникнуть только тогда, когда уже будет капитализм. Отвечайте на это: мы потому и осуществляем коммунизм, чтобы предупредить появление капитализма».

Более того, докапиталистический характер Китая, его экономическая отсталость представлялись многим китайским марксистам преимуществом Китая, благоприятной предпосылкой социалистического развития страны. Полемизируя с этих позиций с противниками пропаганды социализма в Китае, китайские марксисты ощущали недостаточность обращения к идеям Маркса и искали аргументы прежде всего в опыте Октября, в ленинском опыте. Ли Да подчеркивал роль Ленина, который «...сумел не только блестяще раскрыть истинную суть марксизма, но и умело применить его. В этом величие Ленина, и современники должны преклоняться перед ним. Озаренный ленинским светом, марксизм, извращенный Либкнехтом, Бебелем, Бернштейном, Каутским и другими, возродил свою истинную сущность». Не успев достаточно серьезно познакомиться с теоретическим наследием Маркса, первые китайские марксисты сразу же взяли на вооружение ленинизм.

Однако не только молодые марксисты выступили на защиту идей социализма. В полемику включились и другие сторонники социалистического развития Китая. Так, сподвижник Сунь Ятсена Фэн Цзыю в брошюре «Социализм и Китай» (1920) восторженно пропагандирует идею социализма как средство спасения

и возрождения Китая. Характерно, что аргументация этого приверженца суньятсенизма, и прежде всего его убеждение в том, что отсталость Китая благоприятствует переходу страны на социалистический путь развития, во многом совпадала с аргументацией китайских марксистов. Фэн Цзыю высказывал уверенность, что уже пришло время для осуществления в Китае социализма и что, опираясь на опыт русских большевиков, можно быстро добиться успеха: «Не пройдет и десяти лет, как в Китае будет построено социалистическое государство».

На защиту идей социализма выступили и анархисты, игравшие уже заметную роль в идейно-политической жизни Китая, возглавлявшие ряд рабочих профсоюзов, издававшие несколько десятков журналов и газет. Однако анархисты не только выступали в защиту социалистических идей, не только отстаивали представления о необходимости и возможности социалистического развития Китая, но и остро полемизировали с марксистами. Они расходились с ними прежде всего в оценке опыта русской революции. Они критиковали большевиков за установление диктатуры, полагая, что любая диктатура, в том числе и диктатура пролетариата, неизбежно ведет к деспотизму. «Мы не признаем власти капиталистов, не признаем власти политиков. Равным образом мы не признаем и власти рабочих», — так было написано в статье «Мы против большевиков» в анархическом журнале «Фэндоу». Марксисты, естественно, выступили в защиту своего понимания опыта русских большевиков, в защиту самой идеи диктатуры пролетариата.

«Как мы видим, — подчеркивал Л.П. Делясин, первым обративший наше внимание на историческое значение этого “спора”, — в дискуссии о социализме затрагивались весьма важные проблемы, теоретическое решение которых должно было оказать (и действительно оказало) влияние на характер политической деятельности активной и сознательной части китайского общества, помочь ей в определении целей и средств борьбы за новый Китай». Реформисты-прагматики, выступавшие против постановки непосредственно социалистических задач, успеха в этом споре не имели, не получили поддержки основной массы ищущей молодежи. Иное дело сторонники немедленного социалистического переустройства Китая — они явно выигрывали в этом споре, привлекая симпатии к идеям социализма, создавая определенную массовую базу для их распространения.

Этот успех не был случайным, он во многом объяснялся политическим нетерпением и радикализмом патриотически настроенной молодежи, искавшей простых и быстрых решений трудных проблем национального и социального освобождения страны. И первые китайские марксисты-ленинцы такие решения пред-

лагали. При этом важно отметить, что сами сторонники марксизма и ленинизма расценивали предлагаемые ими решения как радикальный разрыв с традиционной идеологией, с традиционными социально-политическими порядками, хотя на самом деле эти марксистские рецепты обновления Китая в наибольшей степени соответствовали традиционному типу общественного сознания с его стремлением к восстановлению «справедливого» и «гармоничного» социального порядка через тотальное регулирование всей жизни общества мощным государством. И в этом соответствии, в этом созвучии одна из главных причин нарастающего идейно-политического успеха революционеров-утопистов.

Революционеры-утописты одержали победу над реформаторами-прагматиками в литературно-теоретическом споре, который постепенно перерастал в спор идейно-политический, существенно сказавшийся на всей последующей истории Китая.

2. ОБРАЗОВАНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ КИТАЯ (КПК)

Взросшая идейно-политическая активность первых сторонников марксизма-ленинизма привлекла внимание Коминтерна. В апреле 1920 г. группа владивостокских коммунистов во главе с Г.Н. Войтинским направилась в Китай с целью изучения политической ситуации и установления связей с прогрессивными деятелями. Эта группа быстро нашла взаимопонимание с китайскими сторонниками марксизма. По ее инициативе и при ее помощи стали создаваться первые марксистские кружки. В июле 1920 г. первый кружок был организован в Шанхае, его руководителем стал Чэнь Дусю. В октябре 1920 г. под руководством Ли Дачжао был создан кружок в Пекине. Кружки возникли также в Чанша (руководитель Мао Цзэдун), Гуанчжоу, Ухане, Цзинане и среди китайских эмигрантов в Токио. В феврале 1921 г. предпринимается попытка организовать кружок среди китайской молодежи во Франции. Из этого марксистского кружка вышло много будущих видных деятелей КПК (Чжоу Эньлай, Дэн Сяопин, Ли Лисань, Чэнь И, Ли Фучунь, Не Жунчжэнь, Ли Вэйхань и др.). Фактическое руководство деятельностью кружков осуществлял журнал «Синь циннянь», который с осени 1920 г. стал (не без финансовой поддержки Коминтерна) по сути первым политическим органом коммунистического движения в Китае, а его обновленную редакцию (после того как из-за несогласия с новой ориентацией журнала его покинул Ху Ши) возглавил Чэнь Дусю.

Участники кружков не только изучали марксизм, но и делали первые шаги по популяризации марксистского учения. Издаются

первый полный перевод «Манифеста Коммунистической партии», переводы некоторых других работ Маркса и Энгельса, а затем и Ленина. С ноября 1920 г. в течение примерно года полудетально выпускается журнал «Гунчандан» («Коммунист»). Начинают издаваться журналы и газеты для рабочих, а также брошюры и листовки. Организуются школы для рабочих, рабочие клубы, делаются попытки празднования 1 мая и т.п. Всей этой деятельности Коминтерн оказывал не только теоретическую и организационную, но и финансовую поддержку.

Социальный состав первых марксистских кружков был неоднородным. Среди первых сторонников марксизма рабочих еще не было, преобладала передовая учащаяся молодежь, в основном вышедшая из социально-привилегированной среды. В первых кружках были сторонники не только марксизма, но и анархизма и некоторых других социалистических течений, а больше всего было революционно настроенных националистов. Не случайно в это время к коммунистическим кружкам примкнули многие в дальнейшем видные деятели Гоминьдана (Дай Цзитао, Чэнь Гунбо, Чжоу Фохай, Гань Найгуан, Ши Цуньтун и др.).

Политическая активность первых марксистских кружков, идейно-теоретическое размежевание, ускорившееся в ходе «дискуссии о социализме», общий национальный подъем подтолкнули руководство этих кружков к мысли о необходимости форсировать образование партии. Этим решающим шагом явился съезд представителей марксистских кружков, ставший и I съездом Коммунистической партии Китая (КПК). Съезд проходил нелегально в Шанхае с 23 июля по 5 августа 1921 г. На съезде присутствовало 12 делегатов от семи кружков, насчитывающих 53 человека: Чжан Готао, Лю Жэньцзин (Пекин), Ли Ханьцзюнь, Ли Да (Шанхай), Чэнь Таньцю, Дун Биу (Ухань), Чэнь Гунбо, Бао Хуэйсэнь (Гуанчжоу), Дэн Эньмин, Ван Цзиньмэй (Цзинань), Мао Цзэдун (Чанша), Чжоу Фохай (Токио).

Несмотря на предсъездовскую остроту идейно-теоретического размежевания, состав участников съезда был весьма нестрем по своему идейно-политическому облику, что и предопределило характер съездовских дискуссий. Большинство участников съезда во главе с Чжан Готао отстаивало идею создания босвой, дисциплинированной и хорошо организованной партии большевистского типа, цель которой — установление диктатуры пролетариата. Эту позицию поддержали представитель Коминтерна Г. Маринг и уполномоченный Дальневосточного секретариата Исполкома Коминтерна Никольский, которые принимали активное участие в организации и проведении съезда. Меньшинство съезда во главе с Ли Ханьцзюнем, констатируя слабость марксистских сил,

призывало к созданию легальной организации, концентрирующей свои усилия на изучении и пропаганде марксизма. Отвергнув позицию меньшинства, съезд рассматривал установление диктатуры пролетариата как непосредственную задачу создаваемой партии. Съезд противопоставил политическую борьбу рабочего класса всем другим политическим течениям, встав фактически на сектантские позиции. На съезде был одобрен ряд документов программного характера. Съезд избрал Временное бюро в составе Чэнь Дусю (секретарь), Чжан Готао и Ли Да.

Реализуя решения своего первого съезда, коммунисты стремились активно включиться в рабочее движение, стать его подлинными инициаторами и организаторами. Развернувшийся в начале 20-х гг. подъем стихийного забастовочного движения благоприятствовал работе коммунистов. В июле 1921 г. в Шанхае по инициативе коммунистов создается Всекитайский секретариат профсоюзов, сделавшийся постепенно подлинным руководящим центром рабочего движения. Большое значение для рабочего движения имела успешная стачка моряков Гонконга (январь—март 1922 г.), поддержанная правительством Сунь Ятсена в Гуанчжоу и забастовками солидарности в Шанхае, встретившая сочувствие и помощь за рубежом.

Последующие политические события, связанные с подъемом и разгромом рабочего движения, четко выявили своеобразие объективного положения КПК в условиях господства милитаристских режимов в полуколониальной стране. Важнейшее значение имела судьба забастовки на Пекин-Ханькоуской железной дороге в феврале 1923 г. Здесь большим влиянием пользовались профсоюзы, руководимые коммунистами, которые вели успешную борьбу за права рабочих. Испугавшись роста влияния профсоюзов, милитарист У Пэйфу 7 февраля жестоко расправился с забастовщиками, разгромил профсоюзы. Эта террористическая акция знаменовала начало определенного спада рабочего движения. События 7 февраля 1923 г. еще раз показали изолированность рабочего движения от общего национального подъема, от национально-демократического движения. Таким образом, сама логика первых шагов политической борьбы коммунистов подводила их к пониманию необходимости объединения с национально-демократическими силами для достижения победы в борьбе против милитаризма и империализма.

Вместе с тем осознать этот политический императив для первых китайских коммунистов, которые «последовали примеру русских» и были приверженцами крайнего политического радикализма, идеи перманентной социалистической революции, было очень трудно. Для такого идейно-политического поворота большое

значение имели решения II конгресса Коминтерна (1920). На этом конгрессе Ленин, сохраняя свою приверженность концепции перманентной социалистической революции для стран Запада, выдвигает для стран Востока, для колониальных и полуколониальных стран концепцию антиколониальной, национально-освободительной революции и в этой связи концепцию единого антиимпериалистического фронта. Эта ленинская идея базировалась на осознании факта невозможности социального освобождения народов колониальных и полуколониальных стран до свержения колониального господства империализма. В рамках единого антиимпериалистического фронта коммунисты должны были, по мысли Ленина, стремиться занимать активные и руководящие позиции, максимально радикализировать антиколониальные революции и в случае их успеха пытаться перевести освобождающиеся страны на некапиталистический путь развития. Оставаясь в рамках ленинской утопии альтернативного капитализму развития, эта концепция на политическом уровне открывала огромные возможности для решения действительно назревших задач национального освобождения, для объединения разнородных социальных сил в борьбе с колониализмом.

На основе этого нового концептуального подхода Исполком Коминтерна (ИККИ) разрабатывал и рекомендовал КПК новую тактическую линию. Эти проблемы впервые китайские коммунисты обсуждали на съезде народов Дальнего Востока (Москва—Петроград, 21 января—2 февраля 1922 г.), где присутствовала китайская делегация, включавшая не только коммунистов, но и представителей Гоминьдана (Чжан Цюбо), анархистов (Хуан Линшун), Социалистической партии (Цзян Канху) и др. Отвергнув представления китайских коммунистов о социалистическом характере китайской революции, коминтерновцы поставили на обсуждение вопрос о взаимоотношениях коммунистов с другими антиимпериалистическими политическими силами, о соотношении проблем национального и социального освобождения. Съезд четко сформулировал идею единого антиимпериалистического фронта. Часть китайских делегатов была принята Лениным и есть сведения, что он поставил перед ними вопрос о сотрудничестве с Гоминьданом.

Эти новые программные установки отразились уже и на работе II съезда КПК, состоявшегося в Шанхае с 16 по 23 июля 1922 г. В работе съезда участвовало 12 делегатов от 123 членов партии. Съезд уделил большое внимание анализу работы коммунистов в рабочем движении, принял Устав КПК, ориентированный на создание массовой пролетарской партии большевистского типа, принял решение о вступлении КПК в Коминтерн. Большое значение имело принятие съездом программы-минимум,

опубликованной в виде «Декларации II съезда КПК». В этом документе формулируются концепция единого антиимпериалистического фронта и необходимость поддержки рабочим классом революционного буржуазно-демократического движения. Однако реализовать эту политику оказалось сложнее, чем сформулировать.

3. РЕОРГАНИЗАЦИЯ ГОМИНЬДАНА И СОЗДАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ БАЗЫ В ГУАНДУНЕ

Непосредственного участия в «Движении 4 мая» Сунь Ятсен не принимал, однако он не мог не испытать огромного влияния национального подъема. Если в годы войны Сунь Ятсен все глубже осознает объективное место Китая в колониальной системе империализма, то после войны для него становится все очевиднее связь империализма и китайского милитаризма. Он приходит к закономерному выводу о том, что победа Синьхайской революции не привела пока еще к реализации ни принципа национализма, ни принципа народовластия. Реализация этих принципов возможна только при полной победе «национальной революции», направленной против колониальной зависимости, и «политической революции», направленной против милитаризма и раздробленности.

Для реализации этих целей Сунь Ятсен 10 октября 1919 г. заявляет о необходимости реорганизации Чжунхуа гэминдан (Китайская революционная партия) в Чжунго гоминьдан (Китайская национальная партия). Речь шла о преобразовании узкой, конспиративной организации, действовавшей в основном за пределами Китая, в массовую и боевую партию, действующую прежде всего на основе местных ячеек внутри Китая. Начинался длительный и сложный процесс реорганизации Гоминьдана, превращения его в ведущую политическую силу национальной революции. Этот процесс происходил в принципиально новых условиях, связанных с постепенным созданием революционной базы в Гуандуне, что было связано с приглашением Сунь Ятсена в Гуанчжоу, где власть в конце 1920 г. захватил милитарист Чэнь Цзюньмин. В апреле 1921 г. в Гуанчжоу по инициативе Сунь Ятсена собрался старый (1913-го г.) республиканский парламент и избрал Сунь Ятсена чрезвычайным президентом Китайской республики. На этом посту Сунь Ятсен стремился сделать провинцию Гуандун базой революционных сил страны, оплотом военного объединительного похода на Север.

Как президент Сунь Ятсен стремился расширить социальную базу своей власти, в частности поддерживая забастовщиков в

Гонконге, привлекая в свое правительство коммунистов (из-за этого Чэнь Дусю не смог принять участия в I съезде КПК), расширяя и укрепляя Гоминьдан. Однако эта деятельность встретила сопротивление держав и милитаристов, в том числе и Чэнь Цзюньмина, который в июне 1922 г. совершил военный переворот и изгнал Сунь Ятсена. Но в феврале 1923 г. Чэнь Цзюньмин сам был изгнан соперничающими с ним гуансийскими и юньнаньскими милитаристами, которые вновь пригласили Сунь Ятсена возглавить правительство. Сунь Ятсен принял приглашение, но попытался извлечь уроки из своих прошлых поражений в Гуанчжоу. Суньятсеновское истолкование этих уроков можно свести прежде всего к пониманию необходимости избавиться от зависимости от милитаристов и для этого завершить создание хорошо организованной партии, опирающейся на собственную партийную революционную армию и на поддержку народных масс. Большое значение для реализации этих уроков имели связи Сунь Ятсена с советской Россией.

Дружественная по отношению к Китаю политика России не могла не привлечь внимания Сунь Ятсена. В союзе с советской Россией он увидел важный фактор укрепления своих политических позиций внутри и вне Китая. В 1920 г. в Шанхае и Гуанчжоу Сунь Ятсен встречался и беседовал с Г.Н. Войтинским, а затем и с другими работниками Коминтерна — Г. Марингом (в 1921 г.) и С.А. Далиным (в 1922 г.). Сунь Ятсен вступает также в переписку с наркомом по иностранным делам РСФСР Г.В. Чичериным. В одном из писем Чичерину в августе 1921 г. Сунь Ятсен подчеркивал: «Я чрезвычайно заинтересован вашим делом, в особенности организацией ваших Советов, вашей армии и образования». Большое значение для определения позиции Сунь Ятсена по отношению к советской России и к коммунистическому движению имели его переговоры с представителем РСФСР А.А. Иоффе, завершившиеся подписанием 27 января 1923 г. в Шанхае коммюнике, в котором, в частности, говорилось: «Д-р Сунь Ят-сен считает, что в настоящее время коммунистический строй или даже советская система не могут быть введены в Китае, так как там еще не существуют те условия, которые необходимы для успешного утверждения коммунизма или советизма. Эта точка зрения целиком разделяется полпредом РСФСР, который, далее, считает, что самой насущной и важной задачей Китая является его национальное объединение и приобретение полной национальной независимости. В этом великом деле, заверил он д-ра Сунь Ят-сена, Китай пользуется самой горячей симпатией русского народа и может рассчитывать на поддержку России».

Эта поддержка была для Сунь Ятсена чрезвычайно важна, ибо он все яснее понимал, что при всей симпатии США, Европы,

Японии к нему лично и к его делу он не может рассчитывать на прямую военную, экономическую, политическую поддержку этих держав. А без такой поддержки довести до конца его планы объединения и освобождения страны было невозможно. Солидарность правительства новой России и ее правящей партии с китайской революцией внушала Сунь Ятсену большие надежды. Эта солидарность отражала своеобразие позиции советской России по отношению к Китаю. С одной стороны, Москва вела переговоры с Пекином о возобновлении дипломатических отношений, подчеркивая свое уважение к Китайской республике. С другой — Москва готова была поддержать те политические силы в Китае, которые противостояли пекинскому правительству и с которыми можно было связывать перспективы революционного преобразования Китая. С точки зрения московского партийно-государственного руководства, в этой позиции не было противоречия, она вполне вписывалась в соответствующее понимание взаимоотношений национальных интересов советского государства и интересов мировой революции.

Политическое сближение Сунь Ятсена с советской Россией логически вело его и к сотрудничеству с китайскими коммунистами, делавшими первые, но политически уже заметные шаги в организации рабочего движения. Сотрудничество с советской Россией и коммунистами, опыт русской революции стали важными факторами в деле реорганизации Гоминьдана. Еще в конце 1922 г. в Шанхае Сунь Ятсен созывает конференцию по реорганизации Гоминьдана и по результатам ее работы 1 января 1923 г. публикует декларацию, в которой формулирует цели партии и пути ее реорганизации. Вернувшись в Гуанчжоу и возглавив правительство, Сунь Ятсен активизировал реорганизацию Гоминьдана. В августе 1923 г. он посылает в Москву военно-политическую делегацию во главе с Чан Кайши, в состав которой входит и коммунист Чжан Тайлэй. В течение нескольких месяцев делегация знакомилась с постановкой партийной, государственной, военной работы, встречалась с руководителями советского государства и Коминтерна. Делегация провела переговоры, результатом которых стало предоставление военной, финансовой, технической помощи Гоминьдану для реорганизации партии, создания новой армии, укрепления госаппарата.

Делегация Гоминьдана установила тесные связи с руководством Коминтерна, рассчитывая на его политическую поддержку. 28 ноября 1923 г. президиум исполкома Коминтерна обсуждал проблемы китайской революции при участии делегации Гоминьдана. Была принята специальная резолюция, которая говорила о солидарности Коминтерна с освободительной борьбой китайского

народа во главе с Сунь Ятсеном и вместе с тем содержала определенные политические рекомендации. Главный тезис этой резолюции — «...национализм... должен означать уничтожение гнета как иностранного империализма, так и отечественного милитаризма» — вполне соответствовал тенденции эволюции взглядов Сунь Ятсена. Однако другой — очень важный для Коминтерна — тезис этой резолюции о том, что необходимо уничтожить «...институт крупных и многочисленных средних и мелких землевладельцев, не работающих на земле», был совершенно неприемлем для Сунь Ятсена и его последователей и вместе с тем не отражал реальностей аграрного строя и крестьянского движения в Китае.

Поездка этой делегации способствовала быстрому развитию связей Гоминьдана с Советским Союзом. Уже в октябре 1923 г. в Гуанчжоу по приглашению Сунь Ятсена приехал опытный партийный работник М.М. Бородин, назначенный главным советником по реорганизации Гоминьдана. Одновременно в Гуанчжоу прибывает из СССР первая группа военных советников, приглашенных для создания военной школы Гоминьдана и организации новой, партийной армии. Вскоре начинает поступать и вооружение для этой армии.

Тогда же Сунь Ятсен назначает комиссию по реорганизации Гоминьдана в составе Ляо Чжункая, Ван Цзинвэя, Чжан Цзи, Дай Цитао и Ли Дачжао. В ноябре был опубликован «Манифест о реорганизации Гоминьдана», проведены выборы делегатов на первый конгресс партии. Реорганизация проходила, вполне естественно, с большими трудностями, с политической борьбой различных группировок и течений в Гоминьдане, по-разному представлявших себе цели и характер реорганизации партии. Одним из главных моментов этой борьбы был вопрос о форме и характере сотрудничества с коммунистами.

Сотрудничество Гоминьдана с Советским Союзом и тем более с Коминтерном не могло не выдвигать перед Сунь Ятсеном и Гоминьданом этой проблемы. Шаг к сотрудничеству с китайскими коммунистами Гоминьдан сделал благодаря Сунь Ятсену. Однако и Сунь Ятсен не соглашался на создание единого фронта на межпартийной основе, не желая отказываться от претензий на политическую монополию и соглашаясь лишь на индивидуальное вступление коммунистов в Гоминьдан. С другой стороны, Коминтерну также пришлось проделать значительную разъяснительную работу в КПК, направленную на преодоление определенных левосектантских тенденций и недоверия ряда коммунистов к Сунь Ятсену и Гоминьдану.

Уже решения и материалы II (1920) и IV (1922) конгрессов Коминтерна нацеливали коммунистов Китая на выработку по-

литики единого антиимпериалистического фронта. Вместе с тем исполком Коминтерна подготовил и специальные документы, касающиеся создания единого фронта КПК и Гоминьдана. Кроме уже упоминавшегося решения президиума ИККИ от 28 ноября 1923 г. было принято еще два документа: резолюция ИККИ от 12 января 1923 г. «Об отношении КПК к партии Гоминьдан» и «Директива ИККИ III съезду КПК» от 24 мая 1923 г.

Все эти документы исходили из ясного понимания национального характера развивавшегося в Китае революционного процесса, из признания объективного факта нарастания антиимпериалистической борьбы различных слоев китайского народа, из правильной оценки ведущей политической роли суньятсеновского Гоминьдана. Резолюция от 12 января указывала на необходимость сотрудничества коммунистов с гоминьдановцами исходя из того, что «...единственно серьезной национально-революционной группировкой в Китае является партия Гоминьдан» и что «...при нынешних условиях целесообразно для членов КПК оставаться внутри партии Гоминьдан».

Стремясь преодолеть недоверие многих коммунистов к Сунь Ятсену, вновь пришедшему к власти в Гуанчжоу благодаря поддержке милитаристов, в директиве говорилось: «...в вопросе гражданской войны между Сунь Ятсеном и северными милитаристами мы поддерживаем Сунь Ятсена». В то же самое время подчеркивалась необходимость превращения этой войны в подлинно революционную, народную, не связанную милитаристскими комбинациями.

Отмечая теоретическую и политическую трезвость этих коминтерновских документов, нельзя вместе с тем не видеть и многих слабостей и ошибок, проистекавших из неразработанности теоретического анализа китайской социально-экономической действительности, из ошибочной оценки соотношения классовых сил, из догматизма политического мышления. Так, все эти документы исходили из того, что «центральным вопросом всей политики является именно крестьянский вопрос» и что, «только подводя аграрный базис под лозунги антиимпериалистического фронта, мы можем надеяться на действительный успех». Эти положения базировались не на анализе аграрного строя китайской деревни, не на реальной оценке уровня крестьянского движения и не на учете возможности принятия этого подхода даже самыми верными последователями Сунь Ятсена, а скорее на аналогиях с опытом русской революции. Не отличалась трезвостью и оценка уровня рабочего движения, что вело к утверждению о «само собой разумеющейся» руководящей роли партии рабочего класса в едином фронте. Не очень помешав созданию

единого фронта, эти догматические положения осложнили проведение в жизнь политики единого фронта на последующих этапах революционного процесса.

Таким образом, Москва, оказывая значительную политическую и военную поддержку суньятсеновскому Гоминьдану, рассматривала его как массовую общенациональную организацию, а КПК — как политический авангард, который сумеет стать действенным руководителем этого единого фронта победоносной борьбы китайского народа против милитаризма и империализма и тем самым перехода революции на новый этап. Для руководителей Коминтерна — сторонников мировой социалистической революции — вопрос правомерности такого вмешательства во внутренние дела Китая, естественно, не вставал.

Проблемы единого фронта были в центре внимания очередного, III съезда КПК, состоявшегося с 10 по 23 июня 1923 г. в Гуанчжоу, куда к этому времени уже переехал из Шанхая ЦК и где коммунисты имели теперь возможности для легальной работы. 30 делегатов съезда представляли 420 членов партии. В отчетном докладе Чэнь Дусю была охарактеризована вся сложность развития партии, претендовавшей быть пролетарской, но делавшей только первые шаги по организации рабочего движения. Еще меньше партия успела сделать по организации крестьянского движения. Во внутрипартийной жизни вызывали тревогу уже появившиеся групповщина и фракционность, слабая связь некоторых членов партии с парторганизациями, неуплата членских взносов (деятельность партии в основном финансировал Коминтерн).

Главный вопрос работы съезда — вопрос о вступлении в Гоминьдан. Большинство съезда (Чэнь Дусю, Ли Дачжао, Цюй Цюбо, Чжан Тайлэй и др.) поддержало директиву Коминтерна об индивидуальном вступлении коммунистов в Гоминьдан при сохранении организационной и политической самостоятельности партии. Меньшинство (Чжан Готао, Цай Хэсэнь и др.) критиковали эту идею с левацких, сектантских позиций. Резолюция об индивидуальном вступлении в Гоминьдан была принята незначительным большинством, что свидетельствовало о влиянии левацких настроений, существенно сказавшихся в дальнейшем на политике партии. В ЦК было избрано 9 человек: Чэнь Дусю, Ли Дачжао, Цай Хэсэнь, Ван Хэбо, Мао Цзэдун, Чжу Шаолянь, Тань Пиншань, Хуан Дэлун (Сян Ин), Ло Чжанлун. Генеральным секретарем ЦК КПК в третий раз был избран Чэнь Дусю.

Решения съезда послужили одной из предпосылок активного участия коммунистов в реорганизации Гоминьдана, в фактическом создании единого фронта. Как уже говорилось, Ли Дачжао

был включен Сунь Ятсеном в комиссию по реорганизации Гоминьдана, а Чжан Тайлэй — в гоминьдановскую делегацию, направившуюся в Москву. Многие видные коммунисты проделали большую работу по реорганизации местных гоминьдановских организаций: Ли Дачжао — в Пекине, Цюй Цюбо, Чжан Тайлэй, Дэн Чжунся — в Шанхае, Тань Пиншань — в Гуанчжоу. Это способствовало политическому сближению коммунистов и гоминьдановцев, фактическому складыванию единого фронта, накоплению опыта этого непростого сотрудничества. Участие в работе по реорганизации Гоминьдана советника М.М. Бородина, помощь советских военных специалистов в создании партийной армии, сотрудничество Гоминьдана с Коминтерном также способствовали сближению гоминьдановцев и коммунистов.

Важнейшим этапом реорганизации Гоминьдана и складывания единого фронта стал I конгресс Гоминьдана, проходивший в Гуанчжоу с 20 по 30 января 1924 г. На конгрессе присутствовало 165 делегатов, представлявших более 11 тыс. членов партии. Программа нового, реорганизованного Гоминьдана сформулирована в основном документе конгресса — манифесте, в составлении которого принимали участие коммунисты, а также М.М. Бородин. Манифест давал обновленную трактовку «трех народных принципов», причем на первый план выдвигалась задача реализации принципа национализма в его новой формулировке, акцентирующей внимание на борьбе против мирового империализма и китайского милитаризма: «Беспорядки в нашей стране создаются великими державами, интересы которых в Китае сталкиваются и которые во имя своих целей истребляют наш народ руками милитаристов». Трактую принцип народовластия, манифест рассматривает будущее конституционное устройство на основе конституции «пяти властей» — законодательной, судебной, исполнительной, экзаменационной и контрольной. Манифест провозглашает стремление «избежать недостатков, которые несет с собой парламентаризм», «устранить пороки, присущие системе выборов». Традиционно излагается принцип народного благоденствия, включавший прежде всего уравнивание прав на землю и идею ограничения капитала.

Трактовка «трех народных принципов» в манифесте, подчеркивавшая их антиимпериалистическую направленность и антикапиталистическую окраску, отражала влияние на Сунь Ятсена опыта Октября, влияние его сотрудничества с Коминтерном, китайскими коммунистами, с М.М. Бородиным. Однако эта трактовка, охотно принятая левыми в Гоминьдане и коммунистами, не поддерживалась влиятельными консервативными, правыми силами в Гоминьдане. Лишь огромный личный авторитет Сунь

Ятсена позволил принять манифест и «допустить» коммунистов в Гоминьдан, временно приглушив противоречия этих позиций.

Большое внимание конгресс уделил проблемам партийного строительства. В своем выступлении Сунь Ятсен говорил, что он хотел бы сделать партию Гоминьдан «...такой же хорошо организованной и сильной, как революционная партия России». Он ориентировался на создание партии ленинского, большевистского типа с железной дисциплиной и строгой централизацией, с претензией на политическую монополию. В одной из резолюций конгресса говорилось, что «...организационным принципом Гоминьдана является демократический централизм». Большевистская трактовка организационных принципов построения партии дополнялась установлением особой роли президента (*цзунли*) партии, обладавшего по существу диктаторскими правами.

Конгресс избрал Центральный исполнительный комитет (ЦИК) Гоминьдана в составе 41 члена, среди которых было 10 коммунистов. Многие коммунисты заняли руководящие посты в аппарате Гоминьдана, работали в местных организациях. Это и было фактическим образованием единого фронта.

Идейно-теоретическим знаменем единого фронта, всего развивавшегося национально-освободительного движения все больше становится суньятсеновская программа возрождения и освобождения Китая, его «три народных принципа». И дело не только в личном авторитете первого президента Китайской республики, а прежде всего в том, что разработанная им программа формулировала заманчивые цели и показывала реальные пути их достижения. В послевоенные годы Сунь Ятсен продолжает совершенствовать свою программу, стремясь сделать ее основным документом реорганизуемой партии Гоминьдан. Особенно большое значение имел цикл «Лекций о трех народных принципах», прочитанных им в 1924 г.

Сочетание — а не противопоставление — в суньятсенизме идей национального и социального освобождения было сильной стороной программы Сунь Ятсена. В лекциях он уделял этому большое внимание, полемизируя, в частности, и по этому поводу с марксистами. Отвергая марксистскую концепцию классовой борьбы, он видел движущую силу исторического прогресса в «примирении интересов громадного большинства общества». Разрабатывая свой социальный идеал, Сунь Ятсен не без полемической остроты подчеркивал, что «...народное благоденствие — это и есть социализм или, как он по-другому называется, коммунизм». Причем приоритет в формулировании этой идеи социальной справедливости Сунь Ятсен не хочет отдавать не только марксистской, но и вообще европейской мысли, развивая тезис о китайском

происхождении этого круга идей. Он связывает происхождение социалистических и коммунистических идей с китайской традиционной (до многом конфуцианской) концепцией «великой гармонии» (*датун*). Эта традиция имеет за плечами не только тысячи лет теоретического развития, но и опыт практического осуществления, ибо коммунизм в Китае «...был претворен в жизнь в период Хун Сюцюаня. Экономическая система, создававшаяся Хун Сюцюанем, была системой коммунистической. И это было коммунистической действительностью, а не только теорией».

Говоря о своем социальном идеале, Сунь Ятсен подчеркивал связь времен: «Если все будет принадлежать всем, то наша цель — народное благоденствие — будет действительно достигнута и воцарится мир “великой гармонии”, о котором мечтал Конфуций». Обращение к традиционной мысли и традиционной фразеологии отражало не только политические потребности поиска путей к сердцу и уму каждого китайца, но и определенную эволюцию взглядов самого Сунь Ятсена, который в прочитанных лекциях более глубоко осмысливает связь своих идей с традиционной китайской мыслью.

Вместе с тем нельзя не видеть, что некоторая конфуцианизация суньятсенизма означала в то же самое время усиление утопического элемента его мировоззрения. Однако эта утопизация мировоззрения Сунь Ятсена существенно не сказалась на его политической программе и политике. В Сунь Ятсене своеобразно уживались утопист-мыслитель и прагматик-политик. В послевоенные годы, как и в предшествующие десятилетия своей политической деятельности, Сунь Ятсен демонстрировал здравый смысл, поиск взаимовыгодного компромисса, предпочтение реформистских методов решения назревших проблем и четкое понимание того, что к насильственным, революционным методам необходимо обращаться только в крайних случаях. Такой социальный идеал и такие пути его достижения обладали огромной притягательной силой. Идеи суньятсенизма овладевали массами.

4. КИТАЙ НАКАНУНЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1925–1927 гг.

Реорганизация Гоминьдана способствовала укреплению позиций правительства Сунь Ятсена в Гуандуне, расширению сферы его политического воздействия. Стабилизации власти гуанчжоуского правительства способствовало также создание революционной армии, которому Сунь Ятсен придавал особенно большое значение. В условиях милитаристского разгула Гоминьдан мог действительно укрепить свои политические позиции только при

собственной эффективной военной силе, не зависимой от прихотей китайских генералов. Создать такую армию было очень не просто, ибо у Сунь Ятсена не было ни опытных военных кадров, ни оружия, ни денег. Значительная советская помощь позволила в основном решить эти проблемы.

Уже в самом начале 1924 г. на острове Вампу (Хуанпу) в устье Чжуцзян в 25 км от Гуанчжоу создается военная школа, призванная готовить кадры революционных офицеров для партийной армии. В нее за полтора года было проведено три набора курсантов общей численностью около 2 тыс. человек. В школе преподавали и вели политико-воспитательную работу советские военные специалисты. В мае 1924 г. в Гуанчжоу прибыл в качестве главного военного советника П.А. Павлов, много сделавший для организации школы Вампу и революционной армии. В июле 1924 г. он трагически погиб. На этом посту его заменил известный советский полководец В.К. Блюхер. Советские военные специалисты разных профилей включались в преподавательскую и организационную работу в революционной армии. В политической работе в школе принимали участие как видные гоминьдановцы (например, Дай Цзитао), так и видные деятели КПК (например, Чжоу Эньлай), стремившиеся повлиять на политическую ориентацию курсантов. Начальником школы был Чан Кайши. Одновременно формировались и учебные части — сначала батальоны, а к 1925 г. — два учебных полка. Поступление советского оружия и снаряжения помогло сделать школу Вампу и учебные части реальной военной силой.

В первый же год своего существования они получили боевое крещение, защищая правительство Сунь Ятсена от мятежников. Тяжелое экономическое положение заставило правительство предпринять весьма непопулярные среди гуанчжоуского купечества финансовые меры — ввести новые налоги. Верхушка купечества, тесно связанная с английским капиталом (особенно через Гонконг) и не согласная с политикой гоминьдановского правительства, воспользовалась кризисной ситуацией и попыталась осуществить антиправительственный переворот силами купеческой милиции (*шантуань*). Сунь Ятсен пытался разрешить этот кризис компромиссом, искал поддержки купечества, надеялся даже включить шантуаней в свою армию. Однако лидеры гуанчжоуского купечества, и прежде всего руководитель шантуаней (к тому же богатейший купец Гуанчжоу) Чэнь Ляньбо, поддержанные гонконгскими властями, решили использовать кризисную ситуацию для свержения правительства Сунь Ятсена. В тринадцатую годовщину Синьхайской революции (10 октября 1924 г.) купцы Гуанчжоу и ряда других городов Гуандуна прекратили торговлю,

а шантуани подняли вооруженный мятеж. Это выступление, известное как мятеж «бумажных тигров», заставило Сунь Ятсена обратиться к военной силе. Революционные части из курсантов, рабочие отряды, первые артиллерийские части под общим командованием Чан Кайши были брошены по плану, составленному советскими военными советниками, против мятежников. Быстрый разгром «бумажных тигров» укрепил военно-политические позиции гоминьдановского правительства и позволил ему нанести в начале 1925 г. тяжелое поражение главному противнику гоминьдановского правительства — Чэнь Цзюньмину (1-й Восточный поход), существенно расширив свое влияние в Гуандуне, укрепив революционную базу. В этих боях происходило становление революционной армии.

Расширение и упрочение влияния гоминьдановского правительства создавали благоприятные легальные условия для развития рабочего и крестьянского движения, которое, в свою очередь, делалось важным фактором укрепления революционной базы и увеличения влияния Гоминьдана в национально-освободительном движении.

Рабочий отдел ЦИК Гоминьдана, в котором активную роль играли коммунисты, вел значительную деятельность в Гуанчжоу и Гуандуне по организации рабочего класса, по восстановлению профсоюзного движения. Уже к маю 1924 г. было организовано в профсоюзы около 100 тыс. рабочих. Значимость Гуанчжоу как одного из центров рабочего движения была продемонстрирована в антиимпериалистической стачке китайских рабочих в июле – августе 1924 г., вызванной репрессиями англо-французской администрации концессии в Шамяне (район Гуанчжоу). В знак протеста бастовавшие китайские рабочие стали покидать территорию концессии. Забастовщиков поддерживали рабочие Гуанчжоу, а также гоминьдановское правительство. Все это заставило власти концессии уступить нажиму забастовщиков. Эта победа знаменовала начало нового подъема рабочего движения.

Гуандун стал и первой провинцией, где складывалось организованное крестьянское движение. Его начинателем был коммунист Пэн Бай, который еще в 1921 г. приступил к организации крестьянского союза в уезде Хайфэн. К 1923 г. этот союз объединял почти четверть крестьянских семей уезда. Разгром Чэнь Цзюньмина, укрепление власти гоминьдановского правительства способствовали развертыванию этой работы и в других уездах. Организаторами крестьянских союзов выступали прежде всего коммунисты, активно работавшие в крестьянском отделе ЦИК Гоминьдана, ставшие инициаторами и организаторами курсов крестьянского движения. В мае 1925 г. в крестьянских союзах 22 уездов Гуандуна

насчитывалось более 200 тыс. человек. На съезде представителей этих союзов в мае 1925 г. была создана крестьянская организация, поставившая своими задачами снижение арендной платы и налогов, организацию и вооружение крестьян, что в основном соответствовало объективным условиям развития провинции.

Укреплению революционной базы в Гуандуне благоприятствовала и общая обстановка в стране в 1924–1925 гг., характеризовавшаяся оживлением национально-освободительной борьбы. Это оживление подтолкнуло пекинское правительство пойти на подписание 31 мая 1924 г. «Соглашения об общих принципах урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской Республикой». Подписание этого соглашения было результатом напряженной дипломатической деятельности и нажима на Пекин прогрессивной китайской общественности. Соглашение предусматривало установление дипломатических отношений, отказ СССР от «специальных прав и привилегий», от русской части «боксерской контрибуции», от прав экстерриториальности и консульской юрисдикции. В отношении КВЖД было подписано специальное соглашение, по которому КВЖД объявлялась «чисто коммерческим предприятием» и управлялась на паритетных началах СССР и Китаем. Это был первый в XX в. равноправный договор Китая с великой державой, заложивший основы тесного и взаимовыгодного сотрудничества двух соседних государств. Его подписание отражало также возросшее понимание пекинским правительством значения сотрудничества с СССР для защиты национальных интересов.

Другим проявлением этого оживления стал затяжной кризис милитаристских режимов. В Пекине с 1920 г. у власти находилась чжилийская группировка, почти постоянно соперничающая с другими группировками. Проявлением этого соперничества была чжилийско-фэнтяньская война 1922 г., победа в которой позволила лидеру чжилийцев Цао Куню в следующем году занять пост президента республики. Однако соперничество этих сильнейших группировок продолжалось. Новая чжилийско-фэнтяньская война началась осенью 1924 г. В разгар этой войны, в октябре 1924 г., один из чжилийских генералов, Фэн Юйсян, выступил против руководителей чжилийской группировки У Пэйфу и Цао Куня. На этот раз это была не обычная милитаристская распря. За этим выступлением стояла определенная социально-политическая переориентация генерала Фэн Юйсяна под воздействием подъема национально-освободительной борьбы. Фэн Юйсян, имевший и прежде дружеские связи с гоминьдановцами, заявил о своей поддержке программы Сунь Ятсена и Гоминьдана, легализовал на подвластной территории деятельность Гоминьдана и КПК,

попросил (и получил) военную помощь у Советского Союза. Свои войска он переименовал в «национальную армию» (*гоминьцзюнь*). Поскольку на подвластной мятежному генералу территории находился и Пекин, это, естественно, привело к острому политическому кризису. Новое правительство возглавил лидер аньфуистов Дуань Цижуй, включивший в правительство сторонников фэнтяньцев и Фэн Юйсяна. Присутствие в Пекине войск генерала Фэн Юйсяна, укрепление суньятсеновского правительства на юге страны, общий национальный подъем заставили Дуань Цижую выступить с инициативой созыва общеитайской конференции по объединению страны и пригласить на эту конференцию Сунь Ятсена.

Сунь Ятсен, который еще недавно, в сентябре, был готов возглавить Северный поход своей армии, воспользовавшись милитаристскими распрями, без колебаний принял это приглашение. 13 ноября 1924 г. в сопровождении своей жены Сун Цинлин, лидеров Гоминьдана, а также советника М.М.Бородина он отправляется в Пекин. Его поездка на север превратилась в яркую патриотическую демонстрацию, стала важным фактором расширения влияния Гоминьдана и идей национальной революции. На несколько месяцев внимание страны было приковано к поездке Сунь Ятсена, к его выступлениям против милитаристских махинаций, за созыв подлинно Национального собрания, за отмену неравноправных договоров. Это была последняя политическая битва тяжело больного Сунь Ятсена. 12 марта 1925 г. он умер. Смерть «отца китайской революции», подлинного вождя национально-освободительной борьбы, авторитетного руководителя Гоминьдана была невосполнимой потерей для китайского народа.

Проявлением нарастающего национального подъема было и оживление рабочего движения вслед за Гуандуном в других провинциях Китая. Постепенно восстанавливались профсоюзные организации, активизировалась борьба рабочих за свои права. Особенно быстро разворачивалась борьба железнодорожников Севера, текстильщиков приморских городов. Большое значение имели забастовки на японских текстильных фабриках Шанхая в феврале и Циндао в мае 1925 г. Начавшись как стихийный протест против усиления гнета и притеснений со стороны японских предпринимателей, эти выступления рабочего класса переросли в национальные, антиимпериалистические. В одном из обращений шанхайского стачкома говорилось: «Уважаемые соотечественники, скорее поднимайтесь на борьбу за суверенитет Китая». Эти стачки пользовались поддержкой широких слоев населения.

КПК стремилась использовать этот подъем для усиления своего влияния в рабочей среде. Здесь вели организационную и

политическую работу коммунисты Цюй Цюбо, Цай Хэсэнь, Чжан Готао, Чжан Тайлэй, Дэн Чжунся, Ли Лисань, Лю Шаоци и др. Подъем рабочего движения и рост профсоюзов позволили коммунистам провести в мае 1925 г. в Гуанчжоу II съезд профсоюзов, на котором была образована Всекитайская федерация профсоюзов (ВФП), объединившая 540 тыс. членов профсоюзов.

В этой обстановке оживления рабочего движения, общего подъема национально-освободительной борьбы в январе 1925 г. в Шанхае состоялся IV съезд КПК. В его работе принимали участие 20 делегатов, представлявших около 1 тыс. членов партии. Работа и решения съезда отразили поиски путей превращения КПК в массовую политическую партию пролетариата, имеющего прочного крестьянского союзника. Поэтому съезд ставил задачи вовлечения в партию рабочих, укрепления партийного руководства профсоюзами. Вместе с тем на съезде первый опыт крестьянского движения в Гуандуне был истолкован как диктующий выдвижение аграрных требований, прежние лозунги были дополнены установкой на борьбу с крупными землевладельцами, деревенскими мироедами (*тухао* и *лешэнь*). Действенность решений съезда, направленных на расширение участия и политического влияния партии в национально-освободительном движении, во многом, однако, ослаблялась доминировавшими на съезде левосектантскими тенденциями, выявившимися еще во второй половине 1924 г. В условиях обострения политической борьбы в гуандунской революционной базе часть руководства КПК (прежде всего Чэнь Дусю, Цай Хэсэнь и Мао Цзэдун), критикуя правительство Сунь Ятсена с левацких позиций, вели линию на фактический уход из Гоминьдана. В решениях съезда эта тенденция проявилась прежде всего в постановке вопроса о гегемонии пролетариата в национальной революции. Причем этот вопрос ставился не в теоретическом плане, а как практическая задача, как лозунг действия. Съезд избрал новый ЦК в составе 9 человек. Генеральным секретарем вновь был избран Чэнь Дусю.

Провал объединительной конференции в Пекине, продолжавшиеся милитаристские войны демонстрировали органическую неспособность милитаристов решить проблему национального объединения мирными средствами. Укрепление революционной базы в Гуандуне, развитие единого фронта, рост рабочего и крестьянского движения создавали предпосылки складывания новой мощной силы, способной революционными методами объединить Китай. В стране назревала революционная ситуация.

5. НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП НАЦИОНАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ (МАЙ 1925 г. — ИЮНЬ 1926 г.)

Нараставшая классовая борьба китайских рабочих в приморских городах к лету 1925 г. переросла в массовые антиимпериалистические выступления, ставшие началом Национальной революции. В Шанхае забастовки на японских текстильных фабриках, начавшиеся в феврале, расширились в мае в ответ на репрессии хозяев и властей. Однако борьба рабочих за свои экономические интересы в условиях жестоких репрессий со стороны властей и японских империалистов была чрезвычайно трудна и ЦК КПК принял решение выдвинуть на первый план общенациональные лозунги, превратить чисто экономическую борьбу рабочих в массовое антиимпериалистическое выступление. Поскольку преследовалась цель не только облегчить положение бастующих, но и усилить влияние КПК в широких массах, было решено организовать 30 мая в Шанхае студенческую демонстрацию под антиимпериалистическими лозунгами.

Эта демонстрация студентов была расстреляна британской полицией международного селтльмента, что лишь усилило и расширило массовые выступления в Шанхае — в разных формах они охватили почти все слои китайского населения. Забастовали рабочие не только всех японских предприятий, но и английских, прекратили учебу все студенты и учащиеся средних школ, прекратилась торговля, начался бойкот японских и английских товаров. На жестокие репрессии Шанхай ответил подлинным взрывом национальных патриотических чувств.

В этом подъеме национальной борьбы особенно большую роль играл шанхайский рабочий класс, организованный прежде всего коммунистами. Уже 31 мая коммунисты создали Генеральный совет шанхайских профсоюзов, председателем которого стал Ли Лисань. В ходе забастовки Генсовет провел большую работу по созданию профсоюзов и прежде всего на японских и английских предприятиях, сумев организовать рабочих. Генсовет фактически стал легальным органом руководства борьбой шанхайских трудящихся. В начале июня под руководством Генсовета бастовало более 130 тыс. рабочих 107 иностранных предприятий. Наиболее активными были текстильщики японских и английских фабрик. Забастовка охватила и небольшое число китайских предприятий (26 тыс. забастовщиков на 11 предприятиях).

Под влиянием коммунистов находился также Объединенный союз студентов, сыгравший столь важную роль в развертывании антиимпериалистической борьбы. Объединенный союз торговцев различных улиц не только непосредственно участвовал в

патриотических акциях (демонстрации, бойкоты иностранных товаров, закрытие лавок), но и оказывал материальную помощь забастовщикам. 7 июня на гребне национальной борьбы по инициативе и под руководством коммунистов был создан Объединенный комитет рабочих, торговцев и студентов, фактически являвшийся организацией единого фронта. Объединенный комитет выдвинул программу национальных требований, состоявшую из 17 пунктов и ставшую фактически платформой «Движения 30 мая».

Основное содержание этой платформы носило общенациональный характер и было направлено прежде всего на ликвидацию политического засилья иностранцев в Шанхае и унижительного положения китайцев в их родном городе, что и вело к таким трагическим последствиям, как убийство молодого рабочего Гун Чжэнхуна на японской текстильной фабрике 15 мая или расстрел английской полицией студенческой демонстрации 30 мая. Собственно пролетарские интересы были выражены лишь в одном пункте — в требовании ввести рабочее законодательство и свободу организации профсоюзов и забастовок на иностранных предприятиях.

Генеральная торговая палата Шанхая, оплот шанхайской буржуазии, отказалась войти в Объединенный комитет и выдвинула собственную программу из 13 пунктов, также содержавшую антиимпериалистические требования, но в менее радикальной форме. Таким образом, весьма неоднородная шанхайская буржуазия была захвачена антиимпериалистическим подъемом, участвовала в движении протеста, хотя, вполне естественно, степень ее активности была неодинакова. Патриотический подъем оказал воздействие даже на пекинское правительство: Дуань Цижуй заявил о поддержке национальной борьбы в Шанхае и программы из 13 пунктов, пожертвовал денежные средства в стачечный фонд и направил ноты протеста дипломатическому корпусу. Даже милитаристы Чжан Цзолинь и Сунь Чуаньфан заявили о солидарности с патриотическим движением в Шанхае.

Однако условия борьбы в одном из центров империалистического господства были трудными, патриотическое движение имело дело с опытнейшими политическими противниками. Ценой некоторых уступок империалистам и милитаристским властям (а 13 июня в Шанхай вступили войска фэнтяньской группировки милитаристов, которые ввели в городе военное положение) удалось нейтрализовать крупную буржуазию, в июле постепенно прекратили забастовку средние и мелкие торговцы. Забастовку продолжали рабочие, но их положение становилось все сложнее. В этих условиях репрессий и отхода союзников среди некоторых руководителей КПК в Шанхае (Ли Лисань) и части рабочих усилились левацкие настроения, толкавшие их на выдвижение

отчаянных предложений выхода из этой трудной ситуации (вплоть до предложений о вооруженном восстании, обреченном, естественно, в той обстановке на тяжелейшее поражение). ЦК КПК не поддержал эти авантюристические предложения и по совету Коминтерна в начале августа принял решение о снятии политических лозунгов и постепенном прекращении забастовочной борьбы с целью вывести профсоюзы из-под удара репрессий.

В шанхайских событиях фактически была реализована идея единого фронта, но не в гоминьдановской форме, а в форме широкого стачечного объединения различных социально-политических сил. В ходе борьбы КПК пришлось решать сложные тактические задачи взаимоотношений с участниками этого единого фронта. Если по отношению к мелкобуржуазным слоям позиция КПК была последовательной, то по отношению к буржуазии — весьма двойственной, ибо КПК стремилась в практической борьбе привлечь буржуазию, использовать ее средства и влияние для усиления нажима на своих противников, но в то же время в пропагандистско-политических материалах рассматривала ее как «соглашательскую». Эта двойственность тактики отражала нечеткое понимание движущих сил национально-освободительного движения, сказавшееся в дальнейшем на политике КПК в едином фронте.

Наибольший отклик шанхайские события, вполне естественно, нашли на революционном юге страны. Реакция китайского населения английской колонии Гонконг была столь сильной, что коммунистам уже 19 июня удалось организовать массовую забастовку в поддержку шанхайских трудящихся и их 17 требований, к которым были добавлены еще шесть требований, отражавших не только социальные интересы гонконгских рабочих, но и общие интересы всех китайцев, проживавших в Гонконге. 21 июня к гонконгским забастовщикам присоединились рабочие англо-французской концессии Шамянь в Гуанчжоу. Забастовщиков поддержала основная часть гуанчжоуского купечества. Начался бойкот английских товаров. Объединенный комитет студентов объявил забастовку учебных заведений. 23 июня забастовщики организовали массовую демонстрацию, которая была расстреляна по приказу английских властей. Это кровавое злодеяние не только не приостановило движение солидарности, но и сделало стачку действительно всеобщей. В Гонконге забастовало 250 тыс. китайских рабочих и большинство из них покинуло Гонконг, большинство китайцев покинуло также Шамянь.

Инициаторами и главными организаторами этих национальных выступлений были коммунисты, действовавшие в сотрудничестве с Гоминьданом и гоминьдановским правительством. Руководящим

органом всеобщей забастовки стал стачком во главе с лидером гонконгских моряков коммунистом Су Чжаочжэном. Большую политическую и материальную помощь забастовщикам оказало гоминьдановское правительство. С их помощью забастовщики продержались 16 месяцев и добились удовлетворения части требований. В свою очередь эта грандиозная забастовка укрепила политическое и военное положение революционной базы в Гуандуне, подняла авторитет Гоминьдана и гоминьдановского правительства, расширила опыт политического сотрудничества коммунистов с гоминьдановцами в рамках единого фронта.

Национальный подъем охватил и некоторые другие районы страны, в частности Пекин. Забастовки, демонстрации, митинги, бойкот японских и английских товаров втянули в борьбу значительные слои городского населения. Однако в основном эти выступления носили неравномерный и стихийный характер и, встретив серьезное сопротивление милитаристских властей и империалистов, они к концу лета пошли на убыль. Несмотря на это отступление подъем антиимпериалистической борьбы сыграл огромную роль в развитии революции.

«Движение 30 мая» было прежде всего массовым рабочим выступлением, в организации и руководстве которым большую роль играли коммунисты. Это способствовало росту авторитета партии в рабочих массах, притоку рабочих в ряды партии, численность которой за четыре месяца после начала «Движения 30 мая» выросла в 2,5 раза (до 3,8 тыс.).

«Движение 30 мая» имело большой международный резонанс. Солидарность с национальной борьбой китайского народа советских трудящихся, организованных рабочих многих капиталистических стран была моральной и политической поддержкой. Материальная помощь международного пролетариата сыграла определенную роль в развитии забастовочной борьбы.

Все эти события имели переломное значение для судеб национально-освободительного движения. Стихийный общенациональный патриотический подъем резко изменил обстановку в стране, положив начало революции 1925—1927 гг.

Подъем национально-освободительной борьбы прежде всего в Южном и Восточном Китае своеобразно сказался на военно-политической обстановке на Севере. Продолжалось соперничество двух основных милитаристских группировок — фэнтяньской Чжан Цолиня и чжилийской У Пэйфу. При постепенном ослаблении позиций Чжан Цолиня усиливалось воздействие «национальной армии» Фэн Юйсяна на политическую ситуацию. Действия армии Фэн Юйсяна, открыто солидаризировавшейся с борьбой гоминьдановского правительства, сковывали военные силы

северных милитаристов, углубляли политический раскол и соперничество в их среде, создавали определенные условия для активизации деятельности Гоминьдана и КПК в этих районах. В полной мере это проявилось осенью 1925 г. Действиям «национальной армии» благоприятствовала и обострившаяся милитаристская борьба. Так, генерал Сунь Чуаньфан из чжилийской группировки, используя военное ослабление фэнтяньцев и их политическую непопулярность, занял Шанхай и все нижнее течение Янцзы, нанеся серьезное военное поражение войскам Чжан Цзолиня. В это же время фэнтяньский генерал Го Сунлин установил политические контакты с Фэн Юйсяном и с патриотических позиций решил бороться против своего недавнего покровителя, поддержав наступление «национальной армии» Фэн Юйсяна на позиции фэнтяньцев. 26 ноября 1925 г. войска Фэн Юйсяна вошли в Пекин, 27 ноября генерал Го Сунлин поднял восстание и объявил войну Чжан Цзолиню. Быстро заняв Южную Маньчжурию, его войска начали продвигаться к ставке Чжан Цзолиня — Мукдену и в конце декабря вышли к его окрестностям. Положение фэнтяньской группировки стало критическим. Лишь прямое военное вмешательство японской армии спасло Чжан Цзолиня от полного разгрома. Совместно с фэнтяньцами японские войска участвовали в подавлении восстания Го Сунлина, причем самого Го вероломно убили, заманив в японское консульство.

Поражение восстания Го Сунлина осложнило положение Фэн Юйсяна, но не приостановило наступление 1-й «национальной армии» на Тяньцзинь, который в конце декабря 1925 г. был освобожден. Все это заставило милитаристов и их зарубежных покровителей искать пути объединения своих сил. В феврале 1926 г. Чжан Цзолинь и У Пэйфу смогли временно договориться о борьбе с «национальной армией». Продолжало усиливаться прямое вмешательство империалистических держав, активизировалась борьба милитаристских режимов против патриотических выступлений народных масс.

Военный и дипломатический нажим держав заставил Фэн Юйсяна в начале 1923 г. уйти в отставку и уехать в Москву. Части 1-й «национальной армии» были вынуждены оставить район Пекина и Тяньцзиня, отступив в пров. Чахар. Трагически сложилась и судьба 2-й «национальной армии» в пров. Хэнань. В январе 1926 г. против 2-й «национальной армии» вспыхнуло восстание местных крестьян, организованное тайным традиционным обществом «Красные пики». Непосредственной причиной восстания стало введение командованием 2-й «национальной армии» новых налогов для обеспечения подготовки дальнейшей войны с фэнтяньцами. С точки зрения крестьян это была борьба против захвативших

их родную провинцию очередных милитаристов. Этим выступлением воспользовался У Пэйфу и довершил разгром 2-й «национальной армии».

Общим контрнаступлением реакции объяснялся и трагический расстрел массовой антиимпериалистической демонстрации в Пекине 18 марта 1926 г. войсками Дуань Цижуня.

Несмотря на поражение «национальной армии», ее военнополитическая активность сыграла большую роль в дестабилизации милитаристских режимов на Севере, в отвлечении сил реакции от революционной базы в Гуандуне.

Изменение общекитайской политической обстановки в результате революционных событий «30 мая» позитивно сказалось на укреплении военно-политических позиций гуанчжоуского правительства. Руководство Гоминьдана правильно оценило эти изменения в стране и усиление политической роли гуанчжоуского правительства, провозгласив его 1 июля 1925 г. Национальным правительством Китайской республики и тем самым прокламируя задачу объединения всего Китая под своей властью.

Образование Национального правительства явилось результатом определенного компромисса между различными гоминьдановскими группировками, объединенными стремлением распространить власть Гоминьдана на всю страну. Правительство возглавил один из видных левых деятелей Гоминьдана — Ван Цзинвэй, в его состав вошли ведущие деятели основных течений внутри гоминьдана (Ляо Чжункай, Ху Ханьминь, Сюй Чунчжи, Сунь Кэ, Тань Янькай, Дай Цитао и др.). Коммунисты, не войдя в правительство, оказывали ему политическую поддержку, оставляя за собой право на его критику.

Поскольку главным противником Национального правительства при решении задач объединения Китая выступали милитаристы, силой оружия защищавшие свою самостоятельность, то, вполне естественно, главным методом объединения Китая становилась война, а главным инструментом этой политики — новая армия. В этих условиях реорганизация армии могла во многом определить успех этой политики. План реорганизации армии был подготовлен группой советских военных специалистов во главе с В.К. Блюхером и предусматривал создание единой военной организации на основе «партийной армии» с включением в нее переформированных милитаристских частей. О переформировании армии было объявлено одновременно с провозглашением Национального правительства. Теперь она состояла из шести корпусов (командующие — Чан Кайши, Тань Янкай, Чжу Пэйдэ, Ли Цзишэнь, Ли Фулинь, Чэн Цянь) и называлась Национально-революционной армией (НРА). Общее руководство военным делом

было возложено на Военный совет, возглавлявшийся председателем правительства. Несмотря на сохранение некоторых черт старой армии (прежде всего ее наемнический характер), НРА, благодаря ее реорганизации и продолжавшейся политизации (создание во всех частях политорганов, активное участие в политработе гоминьдановцев и коммунистов) постепенно превращалась в значительную военно-политическую силу.

Уже осенью 1925 г. реорганизованная армия включилась в активные военные действия. В сентябре НРА выступила против Чэнь Цзюньмина, войска которого при английской поддержке вновь пытались захватить восточную часть Гуандуна (2-й Восточный поход). Частями НРА в этом походе командовал Чан Кайши, а в руководстве военными действиями участвовали советские военные специалисты. В течение двух месяцев войска Чэнь Цзюньмина были полностью разгромлены. Затем внимание НРА было переключено на освобождение южной части Гуандуна (Южный поход) вплоть до о. Хайнань. В январе 1926 г. пров. Гуандун была полностью освобождена от остатков армий других милитаристов. Это была важная военная и политическая победа Национального правительства.

Подъем национально-освободительного движения и укрепление революционной базы в Гуандуне активизировали идейно-политическую борьбу внутри Гоминьдана по вопросу о путях развития страны. Более четкую позицию заняли консервативные (их обычно называли «правыми») силы в Гоминьдане, настаивавшие по-прежнему на разрыве с КПК и готовые к компромиссу с милитаристами. В ноябре 1925 г. группа ветеранов Гоминьдана (Цзоу Лу и др.) провела недалеко от Пекина (район Сишань) совещание, объявившее себя «пленом ЦИК Гоминьдана» и принявшее решение об исключении из Гоминьдана коммунистов, а также левого гоминьдановца Ван Цзинвэя, об увольнении советника М.М. Бородин и т.п. Однако это выступление значительного отклика в Гоминьдане не получило. Более значимым по своим последствиям было выступление Дай Цзитао, которого можно назвать идеологом «новых правых», или правоцентристского ядра Гоминьдана, настроенных антикоммунистически, но в то же время стремившихся к борьбе с милитаризмом и империализмом и поэтому допускавших тактические соглашения с КПК.

Дай Цзитао резко критиковал левых в Гоминьдане (прежде всего, естественно, коммунистов) за искажение суньятсеновского понимания целей и методов проведения национальной революции, за то, что они ставят перед национальной революцией невыполнимые, утопические задачи и тем самым обрекают ее на поражение.

После смерти Сунь Ятсена Дай Цзитао претендовал на роль ведущего истолкователя суньятсенизма. Он стремился представить суньятсенизм чисто традиционным китайским учением, продолжением и развитием учения Конфуция, свободного от «западного» воздействия и развивающего китаецентристские и мессианские концепции имперской идеологии. Акцентируя внимание на суньятсеновском понимании классового сотрудничества и полного неприятия идей классовой борьбы, Дай Цзитао стремился идейно противопоставить коммунистов сторонникам суньятсеновских «трех народных принципов». С этой целью он опубликовал летом 1925 г. две теоретико-пропагандистские работы, встреченные, естественно, неоднозначно. Его позиция нашла поддержку и понимание Фэн Цзыю, Цзоу Лу, Ху Ханьмина и многих других ветеранов Гоминьдана. Поддержал его и Чан Кайши, восходящий военный и политический деятель Гоминьдана.

Коммунисты (и прежде всего блестящий публицист Цюй Цюбо) подвергли резкой критике выступления Дай Цзитао, расценив их как проявление расизма и национализма поднимавшейся китайской буржуазии. Дав резкий отпор Дай Цзитао, коммунисты, как показали последующие события, недооценили политическую значимость его деятельности. А она свидетельствовала о нарастании среди значительной части гоминьдановских активистов тенденции переосмысления опыта национально-освободительной борьбы за последние два-три года под воздействием роста рабочего движения, усиления политической роли КПК, обострения классовых конфликтов.

К началу 1926 г. в Гоминьдане складывалась весьма сложная и внешне парадоксальная ситуация, определявшаяся неоднозначными последствиями первых успехов национально-освободительной борьбы. С одной стороны, увеличение политической роли КПК, радикализация освободительной борьбы, вовлечение в нее трудящихся масс привели к нарастанию антикоммунистических настроений консервативной, правой части Гоминьдана, среди многих старых гоминьдановцев. Выразителями этих тенденций стали «сишаньцы» и Дай Цзитао. Националистическая позиция Дай Цзитао все больше разделялась и частью левых деятелей Гоминьдана. С другой стороны, резко возросла политическая активность левого крыла Гоминьдана во главе с Ван Цзинвэем, имевшим поддержку коммунистов.

Своеобразно отразилась эта противоречивая ситуация на работе и решениях II конгресса Гоминьдана, состоявшегося в январе 1926 г. в Гуанчжоу. В работе конгресса приняли участие все группировки Гоминьдана (кроме крайне правых), представлявшие почти 250 тыс. членов, однако при полном политическом

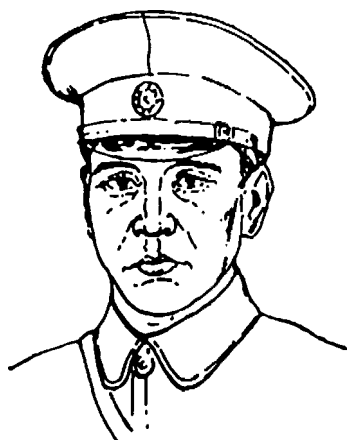
преобладании левых во главе с Ван Цзинвэем. Конгресс исключил «сишаньцев» из Гоминьдана, подтвердил право коммунистов на индивидуальное членство, принял резолюции по рабочему и крестьянскому вопросам, подчеркнул значение сотрудничества с Советским Союзом. В руководящие органы Гоминьдана конгресс избрал составивших там большинство левых деятелей, включая коммунистов, причем последние заняли руководящие посты в трех важнейших отделах ЦИК — организационном, крестьянском и пропаганды. Дай Цзитао был повторно, а Чан Кайши впервые избран в ЦИК.

Конгресс прошел под знаком разгула левой фразы, не сумев дать трезвую оценку ни положению в стране, ни политической ситуации в Гоминьдане, не отразив политических реальностей развития Гоминьдана. Преобладание левой политической фразеологии в документах конгресса и в его организационных решениях лишь усложнило дальнейшее развитие единого фронта. В полной мере это сказалось в событиях марта 1926 г.

Коммунисты ошибочно интерпретировали итоги II конгресса Гоминьдана, проглядев в нем нарастание, причем не только среди правых, недовольства укреплением позиций коммунистов в руководящих звеньях единого фронта. Неспособность или нежелание считаться с политическими интересами других участников единого фронта обернулись неожиданным для КПК и Коминтерна выступлением тех лидеров Гоминьдана, которые до этого отнюдь не относились к правым. 20 марта Чан Кайши объявил в Гуанчжоу военное положение, ввел в город части своего корпуса, арестовал несколько десятков коммунистов. И хотя вскоре военное положение было отменено, а арестованные освобождены, фактически события 20 марта стали политическим переворотом, ибо произошла существенная персдвжжка власти. Ван Цзинвэй под предлогом болезни покинул Китай, председателем правительства стал Тань Янькай, а реальная власть все больше сосредоточивалась в руках Чан Кайши, опиравшегося как на военную силу, так и на растущую поддержку внутри Гоминьдана.

В этих изменившихся политических условиях был проведен в мае 1926 г. пленум ЦИК Гоминьдана, который принял решение об ограничении деятельности коммунистов в Гоминьдане, запретив им занимать руководящие посты, и о контроле за рабоче-крестьянским движением. Другим важнейшим политическим итогом пленума стало усиление власти Чан Кайши. Он стал председателем ЦИК Гоминьдана, заведующим организационным отделом военных кадров, председателем военного совета и самое главное — главнокомандующим НРА. Захватив фактическую

власть, Чан Кайши вместе с тем не выступал открыто против концепции единого фронта, против КПК, против рабоче-крестьянского движения, продолжал поддерживать лозунги борьбы с милитаризмом и империализмом, выступал за дружбу с Советским Союзом.

Чан Кайши

События весны 1926 г. в Гуанчжоу во многом по-новому высветили проблемы единого фронта и перспективы национально-освободительной революции. Сплочение вокруг Чан Кайши правонационалистических элементов в Гоминьдане свидетельствовало, что они заинтересованы в развитии единого фронта, в сохранении поддержки КПК и массового движения, в расширении сотрудничества с СССР, но на вполне определенных политических условиях, главное среди которых — сохранение гегемонии в

руках этих сил. Этот поворот событий потребовал от Коминтерна и КПК трудного и принципиального решения о позиции коммунистов в новых условиях. На этот раз руководство Коминтерна и КПК трезво оценили реальную ситуацию, признали факт неблагоприятной перегруппировки сил, сочли необходимым пойти на компромисс с теми политическими силами, представителями которых выступил Чан Кайши, ради создания предпосылок дальнейшего развития национально-освободительной революции.

Это правильное решение, означавшее некоторое отступление КПК, вместе с тем сохранило единый фронт и подготовило условия для нового расширения и углубления революционного процесса, связанного прежде всего с началом Северного похода.

6. СЕВЕРНЫЙ ПОХОД НРА (ИЮЛЬ 1926 г. — МАРТ 1927 г.)

Идея Северного похода, ставившего своей целью объединение Китая под властью Гоминьдана, принадлежала еще Сунь Ятсену и была чрезвычайно популярна в Гоминьдане. Однако реальные условия для осуществления этой идеи сложились только к лету 1926 г.

«Движение 30 мая» радикально изменило политическую обстановку в стране, дав мощный стимул национально-освободи-

тельному движению самых разных социальных слоев. Окрепло военно-политическое положение революционной базы в Гуандуне. К лету 1926 г. под властью Национального правительства была уже не только пров. Гуандун, но также Гуанси, Гуйчжоу и часть пров. Хунань. Переформированные милитаристские войска этих провинций образовали дополнительные корпуса НРА, общая численность которой превысила 100 тыс. человек. Возрос авторитет Национального правительства и в других районах страны. Противостоявшие Национальному правительству милитаристские клики располагали армиями, по численности в несколько раз превосходившими НРА, но эти армии были ослаблены внутренними противоречиями и соперничеством, а также поднимавшимся в этих районах рабочим и крестьянским движением. Союзником Национального правительства выступала и «национальная армия» Фэн Юйсяна, хотя и отступившая на запад, но сохранившая значительную военную силу.

Майский пленум ЦИК Гоминьдана принял постановление о начале Северного похода, и национальное правительство отдало приказ о военной мобилизации. Это решение поддерживалось всеми группировками в Гоминьдане, рассматривавшими войну за объединение Китая под властью Гоминьдана как решающее средство утверждения гоминьдановской гегемонии в стране и ослабления гоминьдановских противников как «слева», так и «справа». Особенно активно эта идея поддерживалась, естественно, группировкой Чан Кайши, которая сам Северный поход могла считать, таким образом, политическим оправданием мартовского военного переворота.

Руководство КПК после серьезных колебаний, связанных с негативным отношением московского руководства к самой идее Северного похода, выступило в поддержку идеи и плана Северного похода, оценив его как начало нового этапа национально-освободительного движения. Понимая расчеты гоминьдановского руководства, коммунисты поставили своей задачей развернуть массовое рабоче-крестьянское движение в ходе Северного похода, чтобы под его давлением оттеснить от руководства единым фронтом правонационалистические элементы и самим возглавить развитие революционного процесса. Поддержав военное наступление против северных милитаристов, коммунисты направили свои основные усилия на организацию и политическое проследование рабочих и крестьянских масс, рассчитывая на превращение КПК в ходе этой борьбы в массовую политическую партию, способную радикализировать развитие освободительной борьбы и претендовать на руководство ею.

Северный поход, став возможным прежде всего благодаря на­растанию революционной ситуации, вызвал новый подъем на­ционально-освободительного движения вне зависимости от по­литических расчетов его участников.

1 июля 1926 г. Национальное правительство официально про­возгласило манифест о начале Северного похода, а 9 июля НРА выступила в поход. План Северного похода был разработан при участии советских военных специалистов во главе с В.К. Блюхе­ром. Этот план учитывал значительное численное превосходство милитаристских сил, поэтому предполагал нанесение сокруши­тельных ударов концентрированными силами НРА по отдельным милитаристским группировкам. Большую роль в повышении бое­вой мощи НРА сыграли советские поставки оружия (винтовки, пулеметы, орудия, самолеты, боеприпасы и т.п.) и участие со­ветских военных специалистов не только в планировании воен­ных операций, но и непосредственно в боевых действиях (совет­ники в частях НРА, летчики). Наступавшие части НРА опирались на помощь населения освобождаемых провинций. Главный ло­зунг НРА — «Долой империализм, долой милитаризм!» — вызы­вал активный отклик у всех слоев населения. Находил он опреде­ленный отклик и среди солдат, офицеров и генералов армий милитаристов, ослабляя их сопротивляемость.

Наступление НРА развернулось на двух основных направле­ниях. Главные силы Северного похода в июле-августе заверши­ли освобождение Хунани и повели наступление на важнейший политический и экономический центр среднего течения Янцзы — г. Ухань. В октябре был освобожден Ухань. Войска У Пэйфу по­терпели тяжелейшее поражение.

В сентябре началось наступление НРА на войска Сунь Чуань­фана в Цзянси, где завязались тяжелые бои. переброска из Уханя частей НРА позволила в ноябре освободить г. Наньчан и повести наступление в направлении пров. Фуцзянь, освобождение которой закончилось в декабре, а также начать бои в Чжэцзяне и Цзянсу.

К концу 1926 г. под контролем Национального правительства оказалось семь провинций, а в ряде других НРА вела уже насту­пательные бои. Изменилась вся военно-политическая ситуация в стране. Все это способствовало и активизации «национальной армии» на севере страны. В ноябре части этой армии заняли пров. Шэньси, в декабре вступили в северо-западную часть Хэ­нани, куда двигались части НРА.

В феврале 1927 г. НРА начала продвижение на восток, поста­вив своей целью освобождение главного экономического и по­литического центра восточного Китая — Шанхая. В середине марта передовые части НРА вышли на подступы к городу, в котором

21 марта началось вооруженное рабочее восстание против милитаристских властей. На следующий день передовые части НРА вступили в уже освобожденный город. Через день НРА освободила Нанкин. На этом закончился первый этап Северного похода, наивысшим военно-политическим успехом которого стало освобождение Шанхая и Нанкина, фактически завершавшее объединение под властью Национального правительства не только всего юга страны, но и экономически наиболее важного района — бассейна Янцзы.

Исторические победы Северного похода выявили решающую роль военного фактора в развитии революционного процесса и еще больше усилили политическую роль НРА. Тяжелые поражения милитаристских сил отражали внутренний кризис этих режимов, их полную политическую разобщенность, приводившую и к разобщенности военной. НРА вдохновлялась национальной идеей, встречавшей поддержку самых широких слоев китайской нации, поддержку единого фронта, поддержку Советского Союза. В этом — объяснение ее побед.

Северный поход опирался на массовое рабоче-крестьянское движение и в то же время способствовал его развитию. Это движение ослабляло милитаристские режимы, оно шло как бы впереди наступавшей НРА, а приход НРА, установление гоминьдановской власти создавали новые политические условия для развития этого движения.

Рабочее движение сыграло большую роль в освободительной борьбе. Наиболее яркий тому пример — борьба шанхайских рабочих за освобождение своего города. В начале 1927 г. в Шанхае усилилась борьба всех слоев населения против режима Сунь Чуаньфана, фактически сложился широкий антимилитаристский единый фронт. В феврале была сделана первая попытка свалить ненавистный режим своими силами. 19 февраля началась всеобщая политическая забастовка, переросшая 22 февраля в вооруженное восстание. Однако неблагоприятное соотношение сил привело к неудаче это выступление. Ситуация принципиально изменилась к середине марта, когда Шанхай был почти окружен частями НРА, а войска Сунь Чуаньфана терпели поражение. В этих новых условиях по призыву генсовета профсоюзов, местных организаций Гоминьдана и КПК 21 марта началась всеобщая забастовка, в которой приняло участие около 800 тыс. человек, а затем и вооруженное восстание, наиболее активную роль в котором сыграли вооруженные рабочие пикеты, насчитывавшие около 5 тыс. человек. К вечеру 22 марта вся китайская часть города была занята восставшими. Шанхайские рабочие убедительно показали свою авангардную роль в развитии освободительной борьбы.

Освобождение новых провинций и промышленных центров революционной армией способствовало организованности рабочего класса, о чем говорил рост числа членов профсоюзов: с 1,2 млн человек к началу Северного похода до 2,9 млн к маю 1927 г. Резко возрастает политическая активность рабочего класса. Наглядным примером этого является решающая роль рабочих в борьбе за возвращение английских концессий в Ханькоу и Цзюцзяне в начале 1927 г. Растет число успешных забастовок на иностранных предприятиях, где рабочие добиваются некоторого повышения заработной платы и улучшения условий труда, принуждают иностранных предпринимателей идти на уступки.

В той мере, в какой рабочее движение в этих новых условиях подъема революционной борьбы ставило и решало задачи национального освобождения, борьбы с милитаризмом и империализмом, оно являлось значительным стимулом расширения и углубления национальной революции. Вместе с тем попытки перешагнуть эти достаточно ограниченные рамки осложняли ситуацию в едином фронте. Так постепенно разворачивается борьба за социальные права и на китайских предприятиях, начинаются прямые столкновения с китайскими предпринимателями. Еще в начале Северного похода Национальное правительство ввело принудительный арбитраж конфликтов на китайских предприятиях в Гуанчжоу, а после освобождения Уханя подобная процедура была введена и здесь. Однако такого рода мероприятия, вполне оправданные интересами борьбы с милитаризмом и империализмом и поэтому в определенной мере поддержанные КПК, не устраняли причин рабочего недовольства и не могли устранить роста столкновений рабочего движения с гоминьдановскими властями.

Весьма противоречиво развивалось и крестьянское движение. Недовольство крестьянства, причем всех его слоев, милитаристской политикой ограбления деревни через систему налогов и повинностей приводило к крестьянским выступлениям против милитаристских властей и их налоговой системы. Эти повсеместные выступления ослабляли милитаристские режимы, способствовали их военным поражениям в борьбе с НРА. Крестьянские массы приветствовали наступление НРА, помогали ей (прямое участие крестьянских отрядов в боевых действиях НРА, снабжение продовольствием, обеспечение носильщиками и т.п.), ожидали после освобождения реализации своих основных требований новой властью.

Гоминьдан декларировал свою поддержку крестьянскому движению, стремился опереться на крестьянские организации. Особенно активную работу по организации крестьянства (больше всего через гоминьдановские структуры) вели коммунисты.

Основные положения гоминьдановской программы в крестьянском вопросе (поддержанной и коммунистами) сводились прежде всего к отмене чрезмерных налогов, сокращению арендной платы на 25%, ограничению ростовщического процента, защите крестьянских союзов. Однако приход НРА и установление власти гоминьдановского Национального правительства зачастую не вели, да и не могли вести к выполнению главного крестьянского требования — существенного снижения налогообложения, ибо новая власть не имела других значительных источников доходов для войны с северными милитаристами и была вынуждена продолжать непопулярную налоговую политику.

Такое положение неизбежно вело к глубокому разочарованию крестьянских масс в политике Гоминьдана и даже к выступлениям против новой власти (о наиболее остром из подобных выступлений — восстании «Красных пик» в Хэнани — уже шла речь). Положение, естественно, осложнялось тем, что в освобожденных провинциях росла политическая активность крестьянства, усиливалась их организованность. К весне 1927 г. в крестьянских союзах насчитывалось около 10 млн членов, причем около половины приходилось на Хунань, Хубэй, Цзянси. Бурный рост крестьянского движения в Хунани был вызван прежде всего имевшими здесь место в течение нескольких лет стихийными бедствиями, голодом, милитаристским произволом. Резкое обнищание деревни заставило пауперизированную бедноту организовываться и бороться за свое выживание. Зимой 1926—1927 гг. это и привело к объединению в союзы около четверти крестьянства Хунани, и позволило тем самым добиться удовлетворения некоторых требований бедноты. В других же провинциях крестьянскими союзами было охвачено всего несколько процентов деревенских жителей. Однако реальная слабость этих союзов была даже не в их малочисленности, а в их противопоставленности остальной, более имущей части деревни. В углублении этого раскола деревни — главная слабость крестьянского движения.

Ко времени завершения первого этапа Северного похода относится и наибольший подъем массового рабоче-крестьянского движения, ярким проявлением которого были успешное шанхайское восстание и борьба крестьянских союзов Хунани за власть в некоторых уездах. Этот подъем рабоче-крестьянского движения имел большой и неоднозначный политический резонанс в Гоминьдане и вне его.

Военно-политические успехи Северного похода привели к значительному количественному и качественному изменению Гоминьдана как организации единого фронта. Этот процесс неразрывно связан со становлением и развитием гоминьдановской

государственности. Сама революция под руководством Гоминьдана приобретает характер насаждения новой, «национальной», гоминьдановской государственности, а наиболее зримые, реальные результаты этой победоносной борьбы выражаются в дальнейшем объединении страны под властью Гоминьдана. Так Гоминьдан как подлинный руководитель революции решает главную национальную задачу — задачу политического объединения страны и воссоздания национальной государственности.

Развитие Гоминьдана, размежевание внутри единого фронта неразрывно связаны со становлением этой национальной государственности. Политическая доктрина Гоминьдана, опиравшаяся на суньятсеновскую теорию «политической опеки», способствовала сращиванию партийного и государственного аппаратов, прежде всего сращиванию гоминьдановской и армейской верхушки. Этому же способствовал и реальный процесс становления нового государственного аппарата, опиравшегося в первую очередь на прямой военный контроль в освобожденных провинциях. Играя решающую роль в насаждении новой государственности, сама НРА все больше делается ее важнейшим структурным элементом. При отсутствии демократических традиций и полной неразвитости какой-либо демократической процедуры даже в рамках нового режима, в условиях слома старой и создания новой государственности НРА выступает как современный тип политической организации, способной объединить широкие слои приверженцев нового режима и в рамках этой новой организации идейно-политически противопоставить себя как традиционным корпорациям, так и милитаристским режимам. Тем самым НРА во многом функционально замещала Гоминьдан, играя все большую политическую роль.

Если первоначально политизация НРА была связана с решающей ролью в ее создании Сунь Ятсена, коммунистов, советских специалистов и выражала прежде всего левую, радикальную тенденцию развития Гоминьдана, то в ходе Северного похода облик НРА существенно меняется, меняется и ее политическая роль. В Северном походе НРА пополнялась в основном за счет разгромленных милитаристских армий. Однако, если в первое время это пополнение проходило определенную реорганизацию и политическую подготовку, то в дальнейшем, по мере распада милитаристских режимов, в состав НРА уже включались неперестроенные части, зачастую во главе с прежними генералами и офицерами, довольно легко менявшими старые знамена на новые, гоминьдановские. К весне 1927 г. число корпусов НРА утроилось, соответственно выросла и ее численность. Конечно же, это было большим достижением Гоминьдана, но это оборачивалось изме-

нением политического облика офицерского корпуса НРА — ее костяка. В новой НРА постепенно полностью возобладали правая, консервативная часть офицерства, лидером которой становится Чан Кайши. Его эволюция «слева направо» достаточно точно отражала изменение политического облика и политической роли НРА. С этим связан и процесс постепенного поправления Гоминьдана, который часто называют его «перерождением» и который был, по существу, прежде всего процессом повышения политической роли новой НРА, а следовательно — и всех консервативных элементов в Гоминьдане.

Таким образом, именно военные успехи Северного похода ускорили и углубили размежевание внутри единого фронта, обострили борьбу различных направлений в Гоминьдане, усилили политические разногласия. В октябре 1926 г. на конференции Гоминьдана в Гуанчжоу левым удалось принять решение о тактике Гоминьдана, направленное на развитие постановлений 2-го конгресса Гоминьдана, а также решение пригласить Ван Цзинвэя вновь возглавить правительство. В декабре левым удалось принять решение о переводе Национального правительства из Гуанчжоу в Ухань, вопреки требованию Чан Кайши перевести правительство в Наньчан, где была его ставка. 1 января 1927 г. руководство Гоминьдана провозгласило Ухань столицей Китая и местопребыванием ЦИК Гоминьдана, однако Чан Кайши не торопился подчиниться этому решению. Так стали складываться два политических центра: левых — в Ухане, правых — в Наньчане.

Значительная политическая активность левых гоминьдановцев, поддержанных коммунистами, не могла, однако, приостановить существенного сдвига соотношения сил в Гоминьдане вправо, ибо правые опирались прежде всего на армию. В марте 1927 г. в Ухане состоялся пленум ЦИК Гоминьдана, который сделал еще одну попытку ослабить рост влияния Чан Кайши, лишив его всех постов, кроме, правда, самого главного — поста главнокомандующего НРА. Пленум избрал новый состав Национального правительства во главе с Ван Цзинвэем. В правительство впервые вошли и два коммуниста: Тань Пиншань (министр сельского хозяйства) и Су Чжаочжэн (министр труда). Пленум принял ряд других решений, направленных на определенную радикализацию правительственной политики. Все эти решения, вполне разумые сами по себе, не учитывали, однако, реального соотношения сил и вели дело к обострению разногласий внутри Гоминьдана.

Обострению этих разногласий способствовала и политика империалистических держав, существенно изменившаяся под влиянием исторических побед Северного похода. С одной стороны, империалистические державы, увидев военно-политическую

слабость милитаристских режимов, уже с конца 1926 г. повели «политическое наступление на юг» в попытке расколоть и задержать революционные силы, наступавшие на север. В декабре 1926 г. инициативу установить «новые отношения» с гоминьдановским Национальным правительством проявила Англия, вынужденная в феврале следующего года подписать с ним соглашение об отказе от фактически уже потерянных ею концессий. Затем эту инициативу поддержали США и Япония. Расширение политических контактов с Гоминьданом было рассчитано на стимулирование в нем соглашательских тенденций.

С другой стороны, после исторического успеха национально-освободительной борьбы — освобождения Шанхая и Нанкина — империалистические державы прибегли и к попыткам прямого военного запугивания: 24 марта 1927 г. военные корабли Англии и США под предлогом защиты своих граждан, пострадавших от наступления НРА, подвергли варварскому артиллерийскому обстрелу Нанкин, убив сотни мирных жителей и причинив значительные разрушения городу. 11 апреля представители пяти империалистических держав предъявили ультиматум властям в Ухане и Шанхае с требованием наказать виновных, компенсировать иностранцам потери и т.п. Одновременно милитаристские власти в Пекине не без одобрения держав провели акции против советских представителей в Китае: 6 апреля солдаты Чжан Цзо-линя ворвались в советское посольство и захватили нескольких советских сотрудников, а также нескольких скрывавшихся там китайских коммунистов. 28 апреля арестованные китайские коммунисты (в их числе и Ли Дачжао) были казнены.

Подъем массового рабочего и крестьянского движения во время Северного похода непосредственно связан с большой организаторской работой коммунистов, их самоотверженностью и инициативностью. Вместе с тем сама КПК именно в ходе руководимой ею борьбы рабочих и крестьян стала превращаться в массовую и рабочую партию. К началу 1927 г. в ней было уже около 25 тыс. членов, причем более половины составляли рабочие. Однако преобладающее большинство ее членов лишь недавно приобщилось к политической борьбе и было плохо знакомо с коммунистическими идеями. Костяк профессиональных революционеров был малочислен, связи руководящего ядра партии с низовыми местными организациями слабы. Само становление КПК как политической партии во многом зависело от правильной стратегии и тактики в национально-освободительной революции.

После принципиальных решений, принятых Коминтерном и КПК в связи с «мартовскими» событиями и началом Северно-

го похода, КПК в целом проводила политическую линию на укрепление и развитие единого фронта как главного инструмента революции. Поэтому в рабочем и крестьянском движении КПК, как правило, выступала под гоминьдановским знаменем, от имени Гоминьдана. В своей работе по организации масс КПК зависела от создавшегося гоминьдановского государственного аппарата, от армейского руководства. Вместе с тем коммунисты ощущали себя руководителями широких народных выступлений, осознавали рост своего политического авторитета среди рабочих и крестьян, в некоторых армейских частях, видели новые возможности мобилизации революционной энергии масс. Это не могло не стимулировать настроений революционной нетерпеливости, уже устойчиво бытовавших в КПК.

Военно-политические успехи Северного похода, выход НРА в бассейн Янцзы, приближавшийся разгром северных милитаристов создавали новую политическую ситуацию, предполагали новую группировку политических сил. От политического курса КПК зависело уже многое в перспективах развития революции. В этих условиях 7-й пленум ИККИ (ноябрь—декабрь 1926г.) принял важные решения по китайскому вопросу. Эти решения базировались на весьма оптимистической оценке соотношения классовых сил в Китае, исходили из предпосылки о резко возросшем политическом весе рабочего класса.

В решениях пленума констатировалось, что «...гегемоном движения все более и более становится пролетариат» и что даже «...пролетариат завоевал гегемонию». Поэтому пленум подчеркнул, что в Китае «...оригинальной особенностью текущего положения является его переходный характер, когда пролетариат должен выбирать между перспективой блока со значительными слоями буржуазии и перспективой дальнейшего укрепления своего союза с крестьянством». Пленум безоговорочно высказался за вторую перспективу, за перспективу аграрной революции и тем самым за фактический отказ от концепции единого национального фронта («блок со значительными слоями буржуазии»), хотя в решениях пленума и не было прямой рекомендации о выходе коммунистов из Гоминьдана. Более того, пленум рекомендовал Коммунистам войти в гоминьдановское правительство, использовать его как средство утверждения своего политического руководства революционным процессом. Сама же перспектива развития китайской революции определялась в решениях пленума как борьба за «...демократическую диктатуру пролетариата, крестьянства и других эксплуатируемых классов», за переход к некапиталистическому, социалистическому развитию.

Решения 7-го пленума ИККИ были радикальным ответом на многие вопросы, уже выдвинутые практикой революционного развития, и прежде всего ответом на вопросы о допустимых пределах постановки и реализации «рабоче-крестьянских» (коминтерновских, коммунистических) требований в ходе национальной революции. Ответы, казалось бы, носили тактический характер, однако связанность этих новых тактических установок с перспективой существования единого фронта превращала их в установки стратегические. Решения пленума ИККИ имели фатальное значение для судеб единого фронта, для перспектив развития революции.

Новые установки были восприняты руководством КПК отнюдь не однозначно, однако они, безусловно, соответствовали все усиливавшейся левацкой тенденции интерпретации задач КПК в новых условиях. В этом отношении характерна публикация в марте 1927 г. брошюры «Спорные вопросы китайской революции», написанной одним из лидеров КПК Цюй Цюбо. Автор резко критиковал тех руководителей КПК, которые считали вопрос о гегемонии пролетариата преждевременным, не видели непосредственных возможностей перерастания национальной революции в социалистическую. Хотя отстаиваемый Цюй Цюбо политический курс был во многом умозрительным, он оказывал серьезное воздействие на повседневную практическую работу коммунистов, вел к обострению противоречий в едином фронте.

7. КРИЗИС И АРЬБЕРГАРДНЫЕ БОИ НАЦИОНАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ (АПРЕЛЬ—ДЕКАБРЬ 1927 г.)

В апреле 1927 г. со всей остротой выявился глубокий кризис революции, назревавший в течение последних месяцев. Усиление классовых требований рабочих и крестьян, активизация политической деятельности коммунистов, расширение сотрудничества коммунистов с левыми гоминьдановцами, наконец, прямой нажим империалистических держав привели к почти повсеместному выступлению правых гоминьдановцев, прежде всего гоминьдановского генералитета (или «новых милитаристов», как их называли коммунисты) под общим антикоммунистическим знаменем. Главным, но не единственным центром этих событий стал Шанхай.

Заняв в марте уже освобожденный восставшим народом Шанхай, войска под командованием Чан Кайши сразу же попытались лишить пролетариат Шанхая плодов его победы. В городе вводится военное положение. В противовес революционным

профсоюзам и вооруженным рабочим пикетам Чан Кайши вооружает и финансирует отряды шанхайских тайных обществ Цинбан и Хунбан. Активизируются связи с другими правыми гоминьдановцами и с консулами империалистических держав. 12 апреля наемные банды провоцируют вооруженные столкновения с рабочими пикетами. Воспользовавшись этим, войска разоружают рабочие пикеты, причем около 300 пикетчиков было убито и ранено. Митинги и демонстрации протестующих рабочих разгоняются пулеметами. Растет число убитых и раненых. Разгоняются рабочие организации, коммунисты уходят в подполье. Военщина демонстрирует свою силу, показывая, кто является подлинным политическим хозяином Шанхая. В следующие два-три дня аналогичные выступления гоминьдановских генералов происходят в Нанкине, Ханчжоу, Нинбо, Аньцине, Фучжоу, Гуанчжоу.

Эти события обычно называют «контрреволюционным переворотом», хотя, строго говоря, политических переворотов в этих городах не было — гоминьдановские генералы и правые гоминьдановцы в тех городах и провинциях, где они уже располагали реальной военной и политической властью, предприняли акции против коммунистов, рабочих и крестьянских организаций, находившихся под их влиянием, против левых гоминьдановцев. Это был фактически процесс глубокого размежевания в Гоминьдане, это был его раскол.

18 апреля 1927 г. в Нанкине Чан Кайши провозгласил образование своего «Национального правительства», что означало уже оформление раскола гоминьдановской власти. Нанкинское правительство было поддержано шанхайской буржуазией, «сисяньцами», многими гоминьдановскими «новыми милитаристами», теми правыми силами внутри Гоминьдана, которые после 20 марта 1926 г. стали группироваться вокруг Чан Кайши.

Установив военный режим в Шанхае и Нанкине, выступив против политики Ухани, призывая к чистке Гоминьдана от коммунистов, Чан Кайши в то же самое время провозглашал верность заветам Сунь Ятсена и целям национальной революции, говорил о необходимости сотрудничества с Советским Союзом. Таким образом, весной 1927 г. Гоминьдан и гоминьдановский режим оказались расколотыми, образовались два конкурирующих политических центра — Ухань и Нанкин. Выступление Чан Кайши и его сторонников, раскол Гоминьдана означали существенный социально-политический сдвиг вправо в ходе развития революции.

Сложившаяся обстановка характеризовалась прежде всего изменением соотношения сил, ухудшением положения революционного центра в Ухане, усилением колебаний левых гоминьдановцев

и особенно поддерживавших Ухань гоминьдановских генералов. В этих труднейших условиях в Ухани с 27 апреля по 11 мая 1927 г. легально проходил V съезд КПК, представлявший около 58 тыс. членов (примерно половина из них — рабочие). Более половины членов партии вступили в нее за последние три месяца. Перед съездом встали чрезвычайно сложные задачи — правильно оценить политическую ситуацию в стране и выработать соответствующую политическую линию.

Съезд неоправданно оптимистически оценил сложившееся в стране положение и перспективы развития революции. В документах съезда утверждалось, что объективные условия «...благоприятны для революции», что «...в настоящий момент революция вступает на путь решающих побед». Съезд поставил задачу непосредственной борьбы за гегемонию пролетариата. Расширение социальной базы революции съезд видел в развертывании аграрной революции через выдвижение программы перераспределения земли на принципах уравнительного землепользования путем национализации земли. Однако на текущем этапе революции выдвигалось требование конфискации земли лишь крупных землевладельцев и контрреволюционеров. Съезд также ориентировал партию на смелую борьбу с буржуазией вплоть до реализации требований конфискации и национализации всех крупных предприятий, участия рабочих в управлении предприятиями, установления восьмичасового рабочего дня и т.п. Съезд избрал новый состав ЦК, а также впервые сформировал политбюро в составе Чэнь Дусю, Цюй Цюбо, Тань Пиншаня, Чжан Готао, Цай Хэсэня, Ли Лисаня. Несмотря на острую критику деятельности генерального секретаря Чэнь Дусю, он был избран на этот пост в пятый раз.

Наступательная линия V съезда КПК полностью отвечала букве и духу решений 7-го пленума ИККИ и последующих указаний Коминтерна. Однако попытка провести эти оптимистические решения в жизнь столкнулась с непреодолимыми трудностями и имела роковые последствия для КПК.

Деятельность коммунистов развертывалась прежде всего в районах, находившихся под властью уханьского Гоминьдана, а сфера эффективного правления Уханя сокращалась и оказалась фактически в блокаде. С востока угрожал Чан Кайши, с юга — поддерживавший его гоминьдановский деятель Ли Цицинь, с запада — сычуаньский милитарист Ян Сэнь, с севера по-прежнему угрожала армия Чжан Цзолиня. Ухудшалось экономическое и политическое положение Уханя. В частности, из-за резкого сокращения налоговых поступлений уханьское правительство находилось в состоянии финансового кризиса, правительственные расходы обеспечивались прежде всего работой печатного станка, а вслед-

ствие этого росли цены, усиливалась инфляция. Непокойны были и генералы, пока еще поддерживавшие уханьский Гоминьдан.

В этих сложных условиях КПК попыталась осуществить наметенную партийным съездом наступательную политику, попыталась подтолкнуть уханьский Гоминьдан к углублению революции как к единственному выходу из экономической и политической катастрофы.

В Ухане КПК могла опираться на растущее рабочее движение. В декабре 1926 г. там насчитывалось около 300 тыс. организованных рабочих (в мае 1927 г. — около 500 тыс.) и около 3 тыс. вооруженных пикетчиков. В новых политических условиях, сложившихся здесь после освобождения города, профсоюзы оказались большой политической силой, которую они и стремились использовать для достижения ряда социальных целей. Основными требованиями профсоюзов были повышение зарплаты примерно в два—три раза, сокращение продолжительности рабочего дня до 10—12 часов, улучшение условий труда, контроль за наймом рабочей силы. Однако результаты этой борьбы не были однозначны. Буржуазия по-своему реагировала на завоевания рабочего движения: иностранные и китайские предприятия стали сворачивать производство, закрылось две трети банков Ханькоу, капиталы стали переправляться в Шанхай, падало производство, усилилась безработица. Все это наносило тяжелый удар по экономике Уханя, особенно после 12 апреля, когда Ухань был фактически блокирован. Гоминьдановское правительство оказалось в противоречивом положении: с одной стороны, оно поддерживало профсоюзы, опиралось на них, с другой — пыталось защитить китайских предпринимателей. Недовольство «непомерными требованиями» рабочих высказывало и руководство НРА. В конце концов это привело к столкновению гоминьдановского правительства с рабочими организациями, к проведению «упорядочения рабочего движения». Но министром труда был коммунист и это еще более осложняло ситуацию. Однако частичные уступки со стороны КПК в рабочем вопросе к лету 1927 г. уже не могли ни облегчить экономическое положение блокированного Уханя, ни укрепить единый фронт. Состоявшийся в конце июня 4-й Всекитайский съезд профсоюзов под руководством коммунистов, провозгласивший некапиталистическую перспективу китайской революции, отказ от классового мира, необходимость решительной борьбы с буржуазией и т.п., также не способствовал смягчению противоречий гоминьдановцев и коммунистов.

Еще более серьезные политические последствия имела попытка углубить и расширить крестьянское движение. Речь шла прежде всего о Хунани и Хубэе, где руководимое коммунистами крестьянское

движение к весне 1927 г. добилось наибольших успехов, главным показателем которых был фактический захват власти крестьянскими союзами (во всяком случае, в некоторых уездах). Здесь коммунисты в соответствии с принятой политической линией попытались перенести акцент своих лозунгов на аграрные требования. Возможно, в этом был и определенный политический расчет: не имея возможности снизить налоги, попытаться переключить внимание крестьянства на борьбу за снижение арендной платы, на борьбу за землю. Однако, как оказалось, даже крестьянская беднота не была готова к аграрным требованиям. Фактически крестьянские союзы, в которых верховодила беднота, пытались реализовать более понятные и близкие им требования: конфискация продовольствия и другого имущества у богатей, разорительные «коллективные обеды» у богатых землевладельцев, установление твердых цен на зерно, запрещение вывоза зерна и т.п. Во многом эти действия не выходили за рамки традиционных выступлений крестьянской бедноты, не посягали на основы социально-экономического порядка, были попыткой восстановить «справедливый» уровень эксплуатации. Однако эти выступления обостряли борьбу между имущей и неимущей частью деревни, приводили к столкновению крестьянских союзов с гоминьдановскими властями. Используя свою силу, крестьянские союзы в ряде случаев в ходе борьбы жестоко расправлялись со своими противниками.

Обострение классовой борьбы в деревне сказалось на положении и политических настроениях не только сельских верхов, но и многих социальных слоев города и самое главное — на политической позиции НРА. Объективно эта борьба крестьянских союзов вела к сокращению поступления налогов гоминьдановскому правительству, к повышению цен на продовольствие в городах, вызывала страх у всех собственнических элементов города. Особенно болезненно эта борьба задевала интересы офицерского корпуса и даже части солдатской массы НРА, тесно связанных с землевладельческими слоями деревни. Призывы КПК к аграрной революции лишь обостряли политическую ситуацию, усложняли отношения с Гоминьданом. В мае—июне 1927 г. многие генералы НРА, объединившись с богатыми землевладельцами и миньтуанями, стали наносить удары по политически изолированным крестьянским союзам. Уханьский Гоминьдан, со своей стороны, требовал от КПК сдерживания крестьянской борьбы. КПК шла на тактические уступки, отмежевывалась от «эксцессов» крестьянской борьбы, однако изменить ситуацию было уже невозможно.

Весной 1927 г. после апрельского выступления Чан Кайши рабочее и крестьянское движение оказалось локализованным в весьма ограниченном районе (в основном Хубэй и Хунань) и эта огра-

ниченность рабоче-крестьянского движения для масштабов огромной страны и была его исходной слабостью. Попытки же коммунистов придать рабоче-крестьянскому движению четко выраженный классовый характер в условиях национальной революции лишь оттолкнули от КПК, от организованного рабоче-крестьянского движения всех остальных участников единого фронта, политически изолировали это движение и тем самым обрекли его на поражение. Политика «углубления» революции, начало проведения которой относится еще к зиме 1926—1927 гг. и которая полностью соответствовала решениям 7-го пленума ИККИ, обернулась на практике отказом считаться с социально-экономическими интересами других участников единого фронта и тем самым привела к уничтожению социальной основы политического объединения разнородных классовых сил. Эта политика была по сути отказом от концепции единого антиимпериалистического фронта как политической линии, рассчитанной на весь длительный период национально-освободительной борьбы, как стратегии национально-освободительной революции.

Левые гоминьдановцы и до 12 апреля, и после стремились опереться на массовое рабоче-крестьянское движение, чтобы не быть игрушкой в руках гоминьдановского генералитета. В этом, вероятно, прежде всего и заключалось политическое различие между гоминьдановскими течениями, которые персонифицировались Ван Цзинвэем и Чан Кайши. Однако реальная политическая ситуация в Ухане поставила их перед трудным выбором. С одной стороны, рабочее движение оказалось бессильным перед выступлениями правых в Шанхае, Гуанчжоу и других городах, а крестьянское движение, кроме Хунани и Хубэя, — разгромленным гоминьдановской военщиной. С другой стороны, активизация рабочего и особенно крестьянского движения на контролируемой уханьским Гоминьданом территории лишала их поддержки большинства генералитета НРА, что делало Ван Цзинвэя и его сторонников бессильными перед угрозой со стороны Чан Кайши и других конкурентов. «Коммунисты предлагают нам идти с массами, — говорил Ван Цзинвэй на одном из заседаний Политсовета ЦИК Гоминьдана, — но где эти массы, где видна восхваляемая сила шанхайских рабочих или гуандунских и хунаньских крестьян? Нет этой силы. Вот Чан Кайши без массы держится крепко. А нам предлагают идти с массами, но это значит — идти против армии. Нет, мы пойдем лучше без масс, но вместе с армией».

И уханьский Гоминьдан действительно сделал выбор, что особенно проявилось в генеральских мятежах. В мае—июне 1927 г. генералы Ся Доуинь в Хубэе, Сюй Кэсян в Чанша, Чжу Пэйдэ в Наньчане выступили против коммунистов, против рабочего и

крестьянского движения. Уханьское Национальное правительство не стало подавлять эти мятежи, а стремилось умиротворить генералов, оказывая в то же самое время политическое давление на КПК.

Вместе с тем уханьский Гоминьдан видел единственную перспективу своего военно-политического влияния в завершении Северного похода (на Пекин!), успех которого мог бы сохранить в его руках контроль за НРА и создать благоприятные условия для политического торга с Чан Кайши и другими правыми. Именно поэтому в апреле 1927 г. было принято решение о начале второго этапа Северного похода (одновременно о продолжении Северного похода заявил и Чан Кайши).

Военный план второго этапа Северного похода во многом базировался на совместных действиях с армией Фэн Юйсяна. В апреле уханьская армия во главе с генералом Тан Шэнчжи начала наступление с юга в пров. Хэнань, а войска Фэн Юйсяна наступали с запада. После тяжелых кровопролитных боев в течение месяца фэнтяньские войска потерпели поражение, уханьцы соединились с армией Фэн Юйсяна. Военный успех этих действий был очевиден, но политические последствия весьма неблагоприятны для единого фронта и КПК.

Эта военная победа укрепила политическое влияние Фэн Юйсяна — честолюбивого политика, антикоммунистические настроения которого в последнее время стали усиливаться. На встрече с Ван Цзинвэем в Чжэнчжоу 11—12 июня Фэн Юйсян добился заключения секретного соглашения, направленного против КПК и рабоче-крестьянского движения. Ван Цзинвэй искал военно-политической поддержки Фэн Юйсяна для укрепления своих позиций в борьбе с Чан Кайши за лидерство в Гоминьдане. Однако планы Фэн Юйсяна были иные. Спустя две недели он встретился с Чан Кайши в Сюйчжоу и договорился с ним о совместном нажиме на уханьский Гоминьдан под лозунгом восстановления единства Гоминьдана. Обращаясь к Ван Цзинвэю после этой встречи, он писал: «Я вынужден настаивать на том, что настоящий момент — это самое подходящее время для объединения Гоминьдана в целях борьбы против наших общих врагов. Я хочу, чтобы вы приняли это решение немедленно». Это был по сути ультиматум, фактически поддержанный всем уханьским генералитетом. После этого лидеры уханьского Гоминьдана повели организационную и политическую подготовку к изгнанию коммунистов из Гоминьдана. Совещание ЦИК Гоминьдана 15 июля приняло решение о созыве пленума ЦИК Гоминьдана для рассмотрения этой проблемы, которое можно считать фактическим началом «мирного» изгнания коммунистов из Гоминьдана. 26 июля Политсовет ЦИК Гоминьдана предложил всем коммунистам,

желающим сохранить свои посты в Гоминьдане, отмежевываясь от КПК. Тактика постепенного разрыва диктовалась тем большим влиянием, которым пользовалась КПК в рабоче-крестьянском движении и с которым левый Гоминьдан был вынужден считаться. Вместе с тем уханьский Гоминьдан стремился не обострять своих отношений с Советским Союзом и Коминтерном, все еще рассчитывая на их поддержку. Так, советские советники в июле еще оставались на своих постах, а М.М. Бородин, покидавшего Ханькоу 27 июля, с почестом провожали все уханьские лидеры.

Логика борьбы за власть и нажим НРА подвели уханьский Гоминьдан к разрыву единого фронта. Похожая логика подвела к тому же решению и КПК.

Невозможность выполнить политические задачи, намеченные V съездом КПК, вела к разброду и ослаблению руководства ЦК КПК, к потере политических ориентиров. Фактически летом 1927 г. КПК осталась без твердого и целеустремленного руководства. В начале июля расширенный пленум ЦК КПК высказался за тактику отступления. Это решение, учитывавшее чрезвычайно неблагоприятное соотношение сил, было рассчитано на вывод из-под ударов политических противников рабоче-крестьянского революционного авангарда и на сохранение революционных кадров для нового наступления, а также представляло собой последнюю попытку избежать раскола единого фронта. В сложившихся условиях это было, вероятно, единственно возможное решение.

Почти в то же самое время Исполком Коминтерна, плохо зная реальную ситуацию в Ухани и исходя из того, что уханьское правительство «...становится теперь контрреволюционной силой», в своей директиве от 10 июля дал указание КПК выйти из уханьского правительства, оставаясь, однако, в Гоминьдане с тем, чтобы попытаться сохранить его знамя для продолжения революции. Исполком Коминтерна требовал от КПК одновременно развертывать аграрную революцию, развивать рабочее движение, создавать нелегальный аппарат партии. Во исполнение этих директив ЦК КПК принял «Декларацию о политической обстановке», в которой провозглашался курс на борьбу с гоминьдановскими властями, но в то же самое время провозглашалось желание КПК вести революционную работу «...совместно с партийными массами Гоминьдана, со всеми подлинно революционными элементами. Поэтому у коммунистов нет оснований для выхода из Гоминьдана и даже отказа от политики сотрудничества с Гоминьданом». Министры-коммунисты Тань Пиншань и Су Чжаочжэн заявили о выходе из правительства. Руководство КПК стало переходить на нелегальное положение.

Во второй половине июля происходит смена руководства КПК. Начало было положено отставкой Чэнь Дусю. Снятие Чэнь Дусю с поста генсека было подтверждено и на нелегальном совещании руководящих работников КПК в Ханькоу, на котором был образован Постоянный комитет Временного политбюро ЦК КПК в составе пяти человек: Цюй Цюбо (глава), Чжан Готао, Чжоу Эньлай, Чжан Тайлэй и Ли Лисань.

Новос руководство КПК отказалось от тактики политического отступления и предприняло отчаянную попытку контрнаступления на Гоминьдан. Такой подход был во многом обусловлен оценкой военно-политического положения в стране и уровня рабоче-крестьянского движения как благоприятных для революционного наступления.

Борьба между гоминьдановскими группировками и между Гоминьданом и северными милитаристами рассматривалась как острый «кризис верхов». Действительно, общая антикоммунистическая настроенность гоминьдановских лидеров и гоминьдановского генералитета оказалась недостаточной базой для подлинного политического единства. И после событий в июле 1927 г. в Ухане продолжалась борьба группировки Ван Цзинвэя с Нанкином, не прекратившаяся и с уходом Чан Кайши в отставку 12 августа. Проявляли «самостоятельность» гоминьдановские генералы и лидеры в Гуандуне, Гуанси, Шаньси и других местах. Все эти гоминьдановские группировки имели достаточно общую и достаточно аморфную социальную базу, однако некоторые политические различия и в не меньшей мере личные амбиции вели к острой межгрупповой борьбе. Учитывая, что Гоминьдан пытался продолжать Северный поход и вел войну с северными милитаристами, в стране действительно сложилось положение «войны всех со всеми».

Размах и острота рабочих и особенно крестьянских выступлений весной 1927 г. в уханьском районе, воспоминания о шанхайских восстаниях, традиции рабочего движения в Гуанчжоу и т.п. могли быть истолкованы при определенных условиях как готовность широких масс к вооруженному выступлению. Таким условием оказалось умонастроение новых руководителей КПК, большинство из которых и раньше страдало «революционным нетерпением».

Первым шагом такого революционного наступления было решение о восстании 1 августа в Наньчане частей НРА, находившихся под влиянием коммунистов. Наньчанское восстание стало символом новой политики коммунистов, рубежом во взаимоотношениях КПК и Гоминьдана. После начала Наньчанского восстания уханьский Гоминьдан 5 августа принял решение об окон-

чательном разрыве с КПК и перешел к репрессиям по отношению к коммунистам.

7 августа в Ханькоу состоялось чрезвычайное совещание ЦК КПК, на котором официально были отстранены от руководства «правые оппортунисты» Чэнь Дусю и его сторонники и разработан курс на вооруженное восстание. Общекитайская политическая обстановка была расценена как благоприятная для революционного наступления. Провозглашалась задача борьбы не только с феодализмом и империализмом, но и со всей китайской буржуазией, которая квалифицировалась как контрреволюционная. Сама же китайская революция рассматривалась как «непосредственно перерастающая в социалистическую в ближайшее время». И хотя организуемые восстания предлагалось еще проводить под лозунгами левого Гоминьдана, уже рекомендовался для пропаганды лозунг Советов. Совещание поставило непосредственную задачу организации восстаний под руководством КПК во всех провинциях, в которых, как казалось, созрели предпосылки для свержения старой власти и установления революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Начать предполагалось прежде всего в тех провинциях, где в предшествующий период был высок уровень крестьянского и рабочего движения (Хунань, Цзянси, Хубэй, Хэнань и Гуандун), приурочив начало восстания ко времени уплаты налогов и аренды после осеннего урожая (отсюда — «восстания осеннего урожая»). На совещании было избрано Временное политбюро, а Цюй Цюбо стал генеральным секретарем.

В сентябре 1927 г. Временное политбюро приняло решение перейти от пропаганды идеи Советов к лозунгу непосредственной борьбы за Советы и дополнить план восстаний в сельских районах планом вооруженных восстаний в основных промышленных центрах Китая. Дальнейшее развитие эти идеи получили на расширенном совещании Временного политбюро ЦК КПК в ноябре 1927 г. в Шанхае, которое определило китайскую революцию как «перманентную» и наметило ряд мероприятий, рассчитанных на ускорение темпа перерастания революции. Кроме решений по проблемам организации восстаний и создания Советов большое место в документах совещания занял аграрный вопрос. Было решено перейти к политике безвозмездной конфискации всех земель крупных землевладельцев, национализации всех частнособственнических земель и передачи земли крестьянам в пользование на уравнилельных началах. При этом речь шла уже и о ликвидации кулачества как класса. В свете всех этих решений уже вполне логичным выглядел и курс «на разоблачение реакционной сущности суньятсенизма».

Эта левацкая политическая линия определила практическую деятельность КПК летом и осенью 1927 г. и во многом сказалась на работе КПК в последующий период.

Как уже отмечалось, первое восстание было поднято в Наньчане. Решение об этом выступлении было принято 26 июля на совещании в Ханькоу членов руководства КПК при участии В.К. Блюхера и некоторых других советских товарищей. Начать это выступление предполагалось после серии крестьянских восстаний в сопредельных провинциях, однако изменение обстановки потребовало ускорить выступление, которое теперь стало рассматриваться как пролог «восстаний осеннего урожая». Восстание началось в ночь с 31 июля на 1 августа 1927 г. Основной силой были части НРА, которые находились под влиянием КПК и возглавлялись коммунистами. Для политического руководства восстанием коммунистами был образован Революционный комитет Гоминьдана в соответствии с представлениями о необходимости пока еще выступать под знаменем левого Гоминьдана, однако никто из видных гоминьдановцев, которых предполагали привлечь к этому комитету, не поддержал восставших и реально-го воплощения эта идея не получила. Фактически в состав комитета вошли коммунисты Чжоу Эньлай, Чжан Готао, Ли Лисань, Линь Боцуй, Тань Пиншань, У Юйчжан, Чжу Дэ, Юнь Дайин, Го Можо. Главкомом был назначен Хэ Лун, ставший коммунистом в ходе восстания, а начальником штаба — Лю Бочэн. Основной силой восстания были части, руководимые Хэ Луном, Е Тингом и Чжу Дэ. В восстании также принимали участие видные впоследствии военные деятели Е Цзяньбин, Не Жунчжэнь, Чэнь И, Линь Бяо.

Восставшие провозгласили верность революционным заветам Сунь Ятсена и стремление вернуться в Гуандун, возродить революционную базу и подготовить новый Северный поход. Вместе с тем они выдвинули лозунги аграрной революции и создания органов крестьянской власти, практически предусматривая конфискацию земель крупных землевладельцев. Предполагалось под этими лозунгами поднять крестьянские восстания по пути следования в Гуандун и прийти в Гуанчжоу на волне крестьянского движения, на волне аграрной революции. Однако события развивались не так, как задумали инициаторы восстания. И главный просчет оказался в оценке готовности крестьянства к аграрной революции, не говоря уже о просчете в оценке общей ситуации в стране.

5 августа повстанческая армия, насчитывавшая около 20 тыс. бойцов, покинула Наньчан и после успешных боев в южном Цзянси в начале сентября вышла в западную Фуцзянь. Однако ни в Цзянси, ни в Фуцзяни, ни несколько позже в Гуандуне

повстанцы не сумели поднять крестьянство. «Расчет на поддержку крестьян не оправдался, — отмечает Л.П. Делюсин. — Они, как об этом писали впоследствии сами участники похода, разбегались, услышав о приближении повстанческих войск, и не для кого было расклеивать листовки, пропагандировать идеи аграрной революции. Убегали и крестьяне, и помещики, и в результате борьбу не с кем и некому было вести». Вместе с тем в Гуандуне повстанцы натолкнулись на ожесточенное сопротивление превосходящих сил противника и в районе г. Шаньтоу были разгромлены в тяжелых и кровопролитных боях.

После этого поражения одна группа повстанцев (около 1 тыс. человек) под руководством Чжу Дэ и Чэнь И через южную Цзянси пробилась в Гуандун, отсюда, уже в начале следующего года, вышла в южную Хунань. Другая группа повстанцев вышла в район уездов Хайфэн и Луфэн провинции Гуандун, где руководимое коммунистом Пэн Баем крестьянское движение в предшествующие годы добилося значительных успехов и где повстанцы (наконец-то!) получили поддержку.

С августа по декабрь 1927 г. коммунисты под лозунгами Советов и аграрной революции пытались поднять крестьянские восстания в провинциях Хунань, Хубэй, Цзянси, Гуандун. Однако эти выступления не получили той широкой и массовой поддержки крестьянства, на которую рассчитывали руководители КПК. Восстания носили разрозненный характер, вспыхивали, как правило, только в тех немногих местах, где коммунисты имели прочные позиции в крестьянских союзах, и не превращались во всеобщую войну под аграрными лозунгами. Наибольших успехов восставшие добились в уездах Хайфэн и Луфэн. На основе крестьянских вооруженных отрядов и пришедших сюда наньчанских повстанцев коммунисты создали дивизию Рабоче-крестьянской революционной армии, которая сумела захватить уездные центры. Здесь в ноябре 1927 г. была провозглашена советская власть и образовано советское правительство. Восставшие уничтожали крупных землевладельцев, делили их землю, аннулировали крестьянские долги, снижали налоги. Советская власть продержалась здесь всю зиму.

Одновременно в соответствии с сентябрьским решением Временного политбюро ЦК КПК коммунисты предприняли попытку поднять восстания в городах Ханькоу, Уси, Чанша, Кайфэне и в некоторых уездных центрах. Наибольший политический резонанс имело восстание 11—13 декабря 1927 г. в Гуанчжоу («Кантонская коммуна») — последняя попытка КПК воссоздать южную революционную базу и начать революцию сначала.

Если в ходе некоторых восстаний в сельской местности удавалось создавать революционные базы, то все городские восста-

ния бывали сразу же разгромлены превосходящими силами противника. Все эти восстания, рассматривавшиеся их организаторами как начало нового широкого революционного наступления, фактически стали арьергардными боями Национальной революции 1925—1927 гг., определив, однако, во многом дальнейший маршрут революции.

Завершение арьергардных боев к декабрю 1927 г. означало и завершение Национальной революции 1925—1927 гг. как одной «волны», одного этапа национально-освободительной революции. Именно в эти годы были сделаны первые, а потому и наиболее трудные шаги по преодолению полукOLONиальной зависимости Китая. Главный итог Национальной революции 1925—1927 гг. — восстановление национальной государственности как важнейшего рычага завершения национально-освободительной революции. При всей своей слабости и внутренней противоречивости гоминьдановская государственность, становление которой стало возможно только в результате завоеваний Национальной революции 1925—1927 гг., оказалась в конечном итоге способной к решению ряда национальных задач. Все это заставляет отказаться рассматривать итоги политических битв этих лет как поражение революционного движения. Конечно, эта революция, эта «волна» не завершилась полной победой, но китайский народ сделал решительный шаг по пути своего национального освобождения, во многом предопределивший характер последующего освободительного движения.

Попытка же коммунистов завоевать гегемонию в освободительной борьбе в едином фронте и ускорить ее перерастание, т.е. решительно выйти за рамки национально-освободительной революции, закончилась поражением. Арьергардные бои революции выявили причины этого поражения. Однако провал этой попытки не равнозначен полному поражению коммунистического движения в Китае в ходе данной революционной «волны». Ведь одним из результатов Национальной революции 1925—1927 гг. явилось становление КПК как значительной и самостоятельной политической силы, уже тогда оказавшейся способной бросить политический вызов Гоминьдану. Именно в горниле тяжелых политических битв того времени были заложены предпосылки создания массовой КПК, мощной партийной армии, освобожденных революционных районов.

Вместе с тем печальным итогом Национальной революции 1925—1927 гг. был глубокий раскол национально-освободительного движения. Именно в эти годы сложились два непримиримых идейно-политических течения — «националистическое» и «коммунистическое», смертельная борьба между которыми фак-

тически отодвигала на второй план задачи завершения национального освобождения и обновления Китая. Борьба Гоминьдана и КПК, несмотря на их идейную близость, стала с этого времени определяющим фактором политического развития Китая.

8. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СДВИГИ В КИТАЕ 1918—1927 гг.

Завершение Национальной революции 1925—1927 гг. означало и завершение определенного этапа социально-экономического развития Китая, начатого Синьхайской революцией. Бурные политические события первого послевоенного десятилетия с особой отчетливостью «высветили» глубинные социально-экономические сдвиги, которые прежде всего характеризовались ускорившимся и углубившимся втягиванием Китая в мировое капиталистическое хозяйство и в мировое разделение труда, при котором Китай оставался полуколонией и экономической периферией мирового хозяйства.

Усиление экономической вовлеченности Китая в мировой рынок проявилось в значительном увеличении экспорта капитала в Китай, в увеличении роли иностранного капитала в социально-экономическом развитии страны. Если в годы мировой войны иностранные капиталовложения в Китае почти не возрастали и в 1918 г. составляли 1691 млн ам. дол., то в послевоенное десятилетие они подскочили до гигантской суммы — 3016 млн. Это усиление ввоза иностранного капитала происходило в условиях обострения межимпериалистического соперничества, которое характеризовалось прежде всего активным наступлением Японии, капиталовложения которой по сравнению с 1914 г. выросли примерно в пять раз и достигли 1043 млн, почти догнав главного соперника и основного инвестора — Англию, хотя и ее капиталовложения за это время удвоились и достигли 1168 млн.

На долю этих двух основных инвесторов и соперников приходилась основная часть деловых иностранных вложений, причем географическая и отраслевая направленность этих вложений была различна. Япония вкладывала свои капиталы в первую очередь в Маньчжурии, стремясь создать там своеобразную колониальную хозяйственную структуру при весьма диверсифицированном вложении средств. Значительные японские капиталы вкладывались в добывающую промышленность Северного Китая, в обрабатывающую промышленность других районов. Англия же направляла свои вложения в основном в шанхайский экономический район и рассчитывала на укрепление своих позиций на денежно-товарном

рынке страны и на расширение связей с китайским капиталом через финансирование компрадоров. Существенные различия в характере капиталовложений этих двух держав отражали и существенные отличия в подходах к эксплуатации Китая вообще. Если Япония стремилась к колониальным захватам за счет Китая и к вытеснению китайского капитала и капиталов своих конкурентов, то Англия предпочитала иметь дело с зависимым Китаем в целом и при определенном сотрудничестве с китайским капиталом. К позиции Англии была близка и позиция США, чьи капиталовложения в Китае быстро росли, хотя еще и отставали от Японии и Англии. В условиях обострения японо-американских противоречий в послевоенные годы все это вело к образованию империалистических группировок, вражда которых в дальнейшем существенно повлияла на исторические судьбы Китая.

Перепады конъюнктуры мирового рынка и бурные политические события в Китае делали поступление иностранных капиталов в Китай весьма неравномерными. Наиболее высокий (в среднем 96,9 млн ам. дол.) приток капиталов пришелся на 1920–1923 гг. На эти же годы приходится и рекордный уровень ввоза машин и оборудования. Затем в 1925–1926 гг. приток капиталов падает до 8 млн в год, что ясно свидетельствовало о напуганности инвесторов подъемом антиимпериалистической борьбы. Половина прироста иностранных капиталовложений приходилась на реинвестицию прибылей, что говорило об определенной эффективности функционирования иностранного капитала в Китае и о его расширяющихся взаимосвязях с китайским и мировым рынками.

Усилившаяся и углубившаяся включенность Китая в мировое хозяйство вели в то же самое время к дальнейшему развитию и китайского капитализма. Капиталистическая перестройка китайского народного хозяйства, принципиально ускорившаяся после победы Синьхайской революции, продолжалась и в эти годы достаточно широким фронтом. Наиболее обобщенным показателем этой перестройки являются данные о впечатляющем росте национального капитала с примерно 2 млрд юаней в 1918 г. до 4,7 млрд в 1928 г. Причем наиболее интенсивно возрастал промышленный капитал: с 375 млн юаней до 1225 млн. При всем несовершенстве статистики, не способной учесть развитие низших форм капитала, эти цифры свидетельствуют, безусловно, о большом количественном росте китайского капитала, об увеличении его экономической роли. Более быстрый рост именно промышленного капитала отражал прогрессивную тенденцию несколько ускорившегося «современизации» национального капитала, хотя значительное преобладание капитала сферы обращения еще сохранялось (при-

мерно 3 : 1, против 5 : 1 в 1918 г.). В реальной экономической действительности, которую статистика не в силах была зафиксировать, это преобладание, вероятно, могло быть и большим.

Ускорение капиталистической эволюции проявилось и в сельском хозяйстве, где оно определялось своеобразием производственных и социально-экономических процессов аграрной сферы.

В рассматриваемое десятилетие валовое сельскохозяйственное производство страны росло примерно на 0,89% в год, едва опережая темпы прироста населения (0,8%). Тенденция поступательного развития сельского хозяйства обеспечивалась прежде всего за счет расширения производства основных технических культур (соевые бобы, хлопок, льняные культуры, табак), а также развития животноводства, что свидетельствовало о дальнейшей диверсификации китайского сельского хозяйства под воздействием развития товарно-денежных отношений. Выросло и общее производство пяти основных зерновых культур, однако в целом прирост производства зерна отставал от роста населения и в рассматриваемое время Китай был вынужден импортировать зерновые.

Продолжает развиваться специализация отдельных районов сельскохозяйственного производства, выделяются районы товарного земледелия. Эта специализация была связана прежде всего с ростом производства технических культур. Фактором роста сельскохозяйственного производства стало и расширение пахотных площадей за счет подъема целины на окраинах (в основном в Маньчжурии) примерно на 7 млн га, хотя собственно в Китае имело место некоторое сокращение пашни на душу населения. Примерно на 3 млн га расширилась площадь орошаемых земель. Несколько возросло внесение органических удобрений, начался ввоз в Китай минеральных удобрений. Наиболее же важным фактором роста сельскохозяйственного производства оставалось увеличение рабочей силы, обеспечиваемое за счет прироста сельского населения.

Все процессы роста и развития китайского сельского хозяйства в рассматриваемое десятилетие непосредственно связаны с дальнейшим втягиванием деревенской экономики в рыночные отношения, со специализацией производства, с выделением районов торгового земледелия.

В среднем более половины всей валовой продукции сельского хозяйства принимало в рассматриваемое время товарную форму, причем в специализированных районах торгового земледелия она достигла даже 60–70%. Весьма значительный рост товарности сельского хозяйства был, однако, не результатом роста производительности труда, а прежде всего следствием усиления эксплуатации крестьянства традиционными методами.

Развитие всех этих тенденций стимулировало капиталистические процессы в недрах китайской деревни, но не изменило, да и не могло изменить основных особенностей этой аграрно-капиталистической эволюции: ничтожное развитие крупного капиталистического производства в аграрной сфере как по инициативе традиционного эксплуататора («прусский путь развития»), так и по инициативе разбогатевшего крестьянина («американский путь развития»), с одной стороны, и постепенное обуржуазивание традиционного многоликого сельского эксплуататора (арендодателя, ростовщика, торговца), продолжающего традиционными методами эксплуатировать крестьянина, но уже в условиях вовлеченности в капиталистические рыночные отношения — с другой.

Процесс первоначального накопления в деревне, процесс превращения традиционного сельского богача в буржуа был мучительным и медленным и не мог быть другим в условиях очень постепенного разрушения традиционной «азиатской» социальной системы. Первоначальное накопление в деревне сдерживалось «сверху» налоговым прессом со стороны административно-властных структур, а «снизу» — комплексом общинно-клановых отношений. Развал империи и республиканская политическая реальность в определенной мере подрывали правовую систему регулирования земельных отношений (государственную кодифицированную и общинную, основанную на «обычном праве»), во многом способствовали освобождению землевладельца от обязательств перед арендатором, стимулировали новые шаги по пути вызревания буржуазной земельной собственности. Этому способствовало и гражданское законодательство Китайской республики.

Ускорение капиталистического развития и обострение политической борьбы, особенно в ходе Национальной революции 1925–1927 гг., способствовали усилению процессов расслоения, выявлению классовых сдвигов. Однако было бы ошибочным преувеличивать степень происходивших количественных и качественных изменений.

Рабочий класс в послевоенное десятилетие численно возрос, однако его кадровое ядро существенно не расширилось, ибо именно оно было основной жертвой репрессий, именно оно понесло наибольшие потери в ходе потерпевших неудачу восстаний. Вместе с тем активное участие рабочего класса в политических боях, особенно его участие в антиимпериалистических выступлениях, способствовало принципиальному увеличению его социальной роли в стране. Рабочий класс именно в это время превращается в заметную социально-политическую силу, с которой вынуждены считаться даже правящие круги.

Китайская буржуазия, укрепив свои экономические позиции, попыталась играть и большую политическую роль. Она сделала шаг в сторону своей социально-политической консолидации. В ходе развернувшейся революции буржуазия попыталась отстаивать свои классовые интересы и в борьбе с империализмом и милитаристами, с одной стороны, и в борьбе с рабоче-крестьянским движением — с другой. Но раздробленность буржуазии, вызванная многоукладностью, делала ее позиции слабыми. Лишь шанхайская буржуазия — наиболее социально-политически развитая часть этого класса — сумела сыграть заметную роль в политических битвах и оказать воздействие на характер складывавшейся гоминьдановской власти.

Своеобразие политических столкновений Национальной революции, классовая широта сложившейся социально-политической коалиции, ставшей руководящей силой революции, милитаристско-буржуазная природа пришедшего к власти гоминьдановского правительства, стремившегося сохранить широту коалиции и опереться на нее в новых условиях, свидетельствовали как о незавершенности классовообразовательных процессов в Китае, так и о незавершенности национально-освободительной революции.

Глава XV

КИТАЙ В ГОДЫ «НАНКИНСКОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ» (1928—1937)

1. СТАНОВЛЕНИЕ ГОМИНЬДАНОВСКОЙ ВЛАСТИ

Утверждение власти Гоминьдана и борьба за объединение страны

Разрыв единого фронта летом 1927 г. не привел к восстановлению единства Гоминьдана, как на это рассчитывали некоторые гоминьдановские деятели. Скорее наоборот — после изгнания коммунистов ужесточилась внутригоминьдановская борьба, осложняемая незакончившейся войной с северными милитаристами. Поражение войска Чан Кайши в июне в районе Сюйчжоу резко усилило позиции гуансийских генералов Ли Цзунжэня и Бай Чунси, а сам Чан Кайши вынужден был подать в отставку и уехать в Японию. Однако ставшие хозяевами в нанкинском районе гуансийские генералы вскоре сами столкнулись с наступлением милитариста Сунь Чуаньфана и были вынуждены просить помощи уханьцев. Совместными усилиями Сунь Чуаньфан был отброшен, но это не столько сблизило недавних союзников, сколько обострило между ними борьбу за власть.

Созданное в апреле Чан Кайши нанкинское правительство к этому времени фактически распалось, а переехавшие в сентябре в Нанкин уханьские лидеры столкнулись с сопротивлением гуансийцев и сторонников Чан Кайши. В этой обострившейся внутрипартийной борьбе Сунь Фо (сын Сунь Ятсена и один из видных гоминьдановцев) внес предложение о создании Специального комитета по подготовке IV пленума ЦИК Гоминьдана для объединения Гоминьдана и воссоздания Национального правительства. Как результат определенного политического компромисса такой комитет был создан 15 сентября. Причем это соглашение во многом было достигнуто за счет уханьцев. Подготовка пленума шла в острой политической борьбе, в которой Чан Кайши — как фигура во многом компромиссная — вновь получил возможность выйти на авансцену. В ноябре он возвратился в Китай и в декабре был назначен главнокомандующим НРА.

В феврале 1928 г. состоялся IV пленум ЦИК Гоминьдана, который образовал новое Национальное правительство, возглавлявшееся Чан Кайши. Столица официально переносилась в Нанкин.

Начиналось первое — «нанкинское» — десятилетие гоминьдановского правления. Пленум не сумел объединить все группировки и всех генералов, выступавших под гоминьдановским знаменем, но все-таки способствовал консолидации власти, что и позволило продолжить Северный поход.

В апреле 1928 г. нанкинские войска вновь открыли военные действия против северных милитаристов. Чан Кайши выступал в союзе с генералом Фэн Юйсяном и шаньсийским милитаристом Янь Сишанем. Последнему и удалось в июне 1928 г. захватить Тяньцзинь и Пекин. Гоминьдан в связи с переносом столицы в Нанкин переименовал Пекин (Бэйцзин — северная столица) в Бэйпин (северное спокойствие). Расширению власти Гоминьдана способствовала и смерть в июне того же года милитариста Чжан Цзолиня, устраненного, по всей вероятности, его недавними японскими военными покровителями, почувствовавшими, что он стал тяготиться их опекой и выступать с националистических позиций. Его вотчину — Маньчжурию — наследовал его сын Чжан Сюелян, милитарист уже новой формации, активно выступавший за возрождение величия единого Китая и в декабре признавший власть нанкинского правительства. В марте 1929 г. духовный и светский руководитель Тибета далай-лама также признал власть Нанкина. Тем самым Нанкин формально распространил свою власть почти на всю страну.

Успехи военного объединения Китая позволили ЦИК Гоминьдана к концу 1928 г. заявить о завершении (в соответствии с программой Сунь Ятсена) военного этапа революции и о вступлении страны с начала 1929 г. в период политической опеки, рассчитанной на шесть лет. ЦИК Гоминьдана принял «Программу политической опеки» и «Органический закон национального правительства». На период опеки Гоминьдан объявил верховным органом власти в стране свой конгресс и ЦИК, которому непосредственно и подчинялось Национальное правительство. В основу новой государственной структуры была положена разработанная Сунь Ятсеном система пяти властей (пяти юаней) — законодательной, исполнительной, судебной, экзаменационной и контрольной. Однако это «партийное правление» складывалось в условиях непреодоленного раскола Гоминьдана и продолжавшейся междоусобной борьбы гоминьдановских генералов.

Наиболее влиятельной оппозицией нанкинскому Гоминьдану оказалось «Движение за реорганизацию Гоминьдана», организатором которого выступил Чэнь Гунбо — один из ближайших сподвижников Ван Цзинвэя. Восходя к расколу еще предшествующего периода, это движение, с одной стороны, отражало борьбу за руководство Гоминьданом группировки Ван Цзинвэя, а с другой —

являлось выражением недовольства широких кругов Гоминьдана отходом нанкинского руководства от принципов суньятсенизма.

Пытаясь укрепить единство, Чан Кайши проводит в марте 1929 г. III конгресс Гоминьдана, не получивший однако поддержки реорганизационистов и некоторых других группировок. Оппозиционные гоминьдановские группировки сомкнулись с мятежными генералами. Война все больше становится средством решения и внутрипартийных проблем.

В апреле—июне 1929 г. развернулись военные действия между Нанкином и гуандун-гуансийскими милитаристами. Последние потерпели поражение и были вынуждены признать власть столицы. Однако сразу же начались военные действия Нанкина с его недавними союзниками — генералами Фэн Юйсяном и Янь Сишанем, продолжавшиеся и в 1930 г. Только поддержка Нанкина маршалом Чжан Сюэляном, войска которого заняли Пекин и Тяньцзинь, позволили правительству и здесь одержать победу.

С начала 1931 г. центром объединения враждебных Нанкину сил вновь становится Гуанчжоу. Гуандунского генерала Чэнь Цзитана и гуансийских генералов Ли Цзунжэня и Бай Чунси поддерживали реорганизационисты во главе с Ван Цзинвэем и Ху Ханьмином. Оппозиционеры провозгласили образование в Гуанчжоу параллельных ЦИК Гоминьдана и правительства. Назревал новый военный конфликт. Однако развернувшаяся японская агрессия и вторжение японского империализма в Маньчжурию 18 сентября 1931 г. принципиально изменили политическую ситуацию, резко усилив тенденции к политическому и военному единству.

В этих новых условиях проходил в ноябре 1931 г. объединительный IV конгресс Гоминьдана. Объединение происходило на националистической и антикоммунистической основе. Результатом политического компромисса явилось образование в январе 1932 г. нового Национального правительства, которое возглавил Ван Цзинвэй. За Чан Кайши остался пост главнокомандующего НРА. Компромисс не устранил ни политической борьбы внутри Гоминьдана, ни притязаний на самостоятельность милитаристов. В Нанкине борьба шла прежде всего между группировками Ван Цзинвэя и Чан Кайши, границей между которыми все больше делается вопрос об отношении к японской агрессии. Постепенно паназиатская и японофильская ориентация Ван Цзинвэя, проявлявшаяся в том числе и в уступчивости нанкинского правительства японским притязаниям, вызывает все большее сопротивление в Гоминьдане. Это отчетливо выявилось на V конгрессе Гоминьдана в ноябре 1935 г., где Чан Кайши под лозунгами национального единства и сопротивления удалось существенно укрепить свое положение. Вскоре после конгресса Ван Цзинвэй

был вынужден уйти с поста председателя правительства и покинуть Китай. Во главе национального правительства вновь оказался Чан Кайши.

К этому же времени относится и подчинение Нанкину провинций Гуанси, Гуйчжоу, Цзянси, Сычуань. Таким образом, к середине 30-х гг. Гоминьдану удалось объединить под властью Национального правительства почти все провинции и несколько сплотить собственные ряды. Консолидация гоминьдановского режима во многом оказалась связанной с выдвижением на авансцену политической борьбы Чан Кайши — талантливого политика и военачальника.

Вступив в политическую игру без собственной политической программы, без большой поддержки внутри Гоминьдана, но имея значительное влияние в армии, Чан Кайши стремился действовать как примиритель и объединитель враждующих группировок, выступить как фигура компромиссная. Постепенно он выдвигается на политической арене как последовательный носитель идеи национального и партийного единства, как представитель националистических кругов китайского общества. Путем гибкого политического лавирования Чан Кайши удалось номинально объединить страну и объединить Гоминьдан, добиться перед лицом японской агрессии и угрозы со стороны КПК ликвидации политического хаоса в стране, прекращения «войны всех со всеми». И это сделало его наиболее политически влиятельной фигурой в Китае к концу «нанкинского десятилетия».

Вместе с тем сложившаяся структура гоминьдановского режима даже к середине 30-х гг. политически была чрезвычайно слабой и уязвимой. Центральный государственный аппарат только начинал складываться, а местный по-прежнему оставался старым, в основном милитаристским. Гоминьдан фактически был конгломератом разнородных фракций и группировок, прочно не связанных ни сильной политической организацией, ни объединяющей идеей и программой. Существенно меняет облик Гоминьдана и гипертрофированная политическая роль армии. Это сказывается как в перенесении в партию военных методов решения политических разногласий, в забвении демократической процедуры, в усилении автократического начала, так и в прямом сращивании партийного и военного аппаратов. Повышение политической роли военного фактора отнюдь не свидетельствовало о боевой мощи НРА. Скорее наоборот, военная слабость НРА отчетливо проявилась в столкновениях с японской армией и с вооруженными силами КПК.

Слабостью режима было и отсутствие мощных идеологических скреп. Буржуазный прагматизм формировавшейся гоминьдановской власти, эрозия суньятсеновских принципов, верхушеч-

ный характер политических комбинаций вели к потере Гоминьданом влияния в массах, к ослаблению внутренних идейно-политических связей. Гоминьдановское руководство ощущало это и по-своему пыталось реагировать, усиливая пропаганду официально суньятсенизма. Эта официальная идеология претерпевает в рассматриваемые годы определенные изменения, происходящие в основном в русле традиционалистской интерпретации идей Сунь Ятсена, предпринятой еще в середине 20-х гг. Дай Цзитао. Теперь на роль главного идеолога претендует Чэнь Лифу, философ и министр просвещения в правительстве Чан Кайши, во многом продолжающий линию Дай Цзитао. Он разрабатывает концепцию «философии жизни», которую мыслит как официальную идеологию Гоминьдана, как развитие идей Сунь Ятсена на базе традиционных моральных ценностей. Эта концепция легла в основу «Движения за новую жизнь», начало которого было официально провозглашено Чан Кайши в феврале 1934 г. Эта общегосударственная кампания ставила своей целью обновление и укрепление Китая через восстановление традиционных конфуцианских моральных ценностей. «Движение за новую жизнь» должно было, по мысли его инициаторов, приучить каждого китайца к соблюдению таких традиционных ценностей, как *ли* (ритуал), *и* (справедливость), *цян* (скромность), *чи* (стыдливость). Большое значение придавалось пропаганде конфуцианского понятия *сяо* (уважение к старшим), упрочению трудовой этики, развитию чувства патриотизма и готовности защищать родину.

При всей очевидной благочестивости намерений инициаторов «Движения за новую жизнь» в конкретных условиях середины 30-х гг. оно не могло дать значительных результатов. Вместе с тем в эти же годы растет интерес руководства Гоминьдана не только к этико-моральным аспектам. Суньятсеновская социально-экономическая программа вновь начинает привлекаться к обоснованию гоминьдановской политики.

Слабость гоминьдановской политической структуры существенно сказалась на попытках проведения националистической программы во внешней политике, в экономике, в сфере социальных отношений.

Внешняя политика гоминьдановского правительства и развитие японской агрессии

Уже в январе 1928 г. Чан Кайши заявил о том, что внешняя политика Гоминьдана и Национального правительства будет определяться принципами, сформулированными еще I конгрессом Гоминьдана, и будет направлена в первую очередь на ско-

рейшую отмену неравноправных договоров и соглашений. Становление нового режима в Китае приветствовалось прежде всего США, которые и были первой капиталистической державой, признавшей нанкинское правительство уже 25 июля 1928 г. Эта поддержка способствовала в дальнейшем укреплению связей правящих кругов США с нанкинским Гоминьданом. В декабре дипломатические отношения установила Англия. Иной была позиция Японии, рассматривавшей расширение гоминьдановской власти как угрозу собственным интересам в Китае и пытавшейся воспрепятствовать продвижению НРА на север, в сферу своих главных экономических и политических интересов. В попытке помешать развитию Северного похода японские войска захватили г. Цзинань (пров. Шаньдун) и 3 мая 1928 г. устроили там кровавую резню, убив и ранив более 10 тыс. китайских граждан. Однако нужного политического эффекта японская военщина не добилась — всплеск антияпонских настроений лишь способствовал упрочению националистического курса нанкинского правительства. В январе 1929 г. Япония была вынуждена признать новое правительство.

Начало ликвидации системы неравноправных договоров и соглашений было положено заявлением нанкинского правительства о восстановлении таможенной автономии и объявлением 7 декабря 1928 г. новых тарифных ставок, вступавших в силу с 1 февраля 1929 г. Первыми это решение признали США, подписавшие в июле 1928 г. с нанкинским правительством соответствующее соглашение, что в значительной мере предопределило успех этой акции китайских властей. Вслед за США аналогичные соглашения подписали еще 12 государств. Последней подписать такое соглашение была вынуждена Япония (10 мая 1930 г.).

Нанкинскому правительству путем переговоров удалось добиться возвращения Китаю 20 концессий из 33, что было, несомненно, большим дипломатическим и политическим успехом Китая. Развивался процесс пересмотра неравноправных положений, имевшихся в договорах и соглашениях Китая с рядом государств, в частности положений о консульской юрисдикции и экстерриториальности. К 1931 г. не пересмотренными эти положения оставались только в договорах с США, Англией, Францией и Японией. Но и здесь после заявления нанкинского правительства в мае 1931 г. о своем намерении в одностороннем порядке отменить неравноправные договоры наметился принципиальный сдвиг — державы были вынуждены пойти на уступки. Однако вторжение японского империализма в Маньчжурию 18 сентября 1931 г. принципиально изменило международную ситуацию, заставив Китай временно отложить решение этой проблемы.

Борьба нанкинского правительства против системы неравноправных договоров и соглашений носила антиимпериалистический характер, имела широкую общественную поддержку в Китае. К сожалению, эта борьба не встретила понимания и поддержки московского партийно-государственного руководства. Безоговорочная поддержка борьбы КПК против складывавшегося гоминьдановского режима не позволила московскому руководству объективно оценить историческую роль гоминьдановского режима, увидеть в нем реальную национальную силу, стремящуюся к ликвидации полуколониального положения Китая. По этим же причинам в Москве не разглядели тогда в Чан Кайши крупного национального и патриотического лидера, способного сплотить Китай на платформе национального освобождения.

Прямая поддержка Москвой коммунистического движения привела во второй половине 1927 г. к ухудшению советско-китайских отношений. Вовлеченность советских дипломатических представительств в борьбу КПК приводила к их прямым столкновениям с китайскими властями. В декабре 1928 г. нанкинское правительство в своей ноте Советскому правительству, переданной через консульство в Шанхае, заявило о том, что советские дипломатические и торговые представительства служат убежищем для китайских коммунистов и используются ими для пропаганды и потребовало закрыть советские консульства и торгпредства. Советское правительство ответило, что оно никогда не признавало «так называемого Национального правительства» и отклонило китайские требования.

Вместе с тем Национальное правительство в Нанкине делалось реальной властью в Китае, получало международное признание, вело активную внешнюю политику. Одним из аспектов этой политики было стремление Нанкина вернуть КВЖД, что встречало, естественно, поддержку китайской общественности. Ситуация в Маньчжурии осложнялась антисоветской активностью маньчжурских властей, действовавших зачастую вместе с белогвардейскими формированиями, спасавшимися на этой китайской территории. В мае 1929 г. власти Чжан Сюэляна совершили нападение на советское консульство в Харбине, в июле захватили в одностороннем порядке КВЖД, отстранив советских работников от всех должностей, многих из них арестовав. Эта акция маньчжурских властей встретила полную поддержку Нанкина, была чрезвычайно популярна в глазах китайской общественности, вызвав некоторый раскол мнений даже в коммунистической среде.

В ответ Советское правительство 17 июля 1929 г. официально объявило о разрыве дипломатических отношений с Китаем. Были

предприняты и военно-политические акции. Так, 6 августа объявлено о создании Особой Дальневосточной армии (ОДВА) под командованием недавно вернувшегося из Китая В.К. Блюхера. Обстановка на советско-китайской границе в Забайкалье и Приморье обострялась, участились вооруженные столкновения на границе. Советское правительство обратилось к силовым методам решения проблемы. 17 ноября 1929 г. части ОДВА, включая и большое число танков, пересекли границу в районе станции Маньчжурия и за три дня разгромили две усиленные бригады китайских войск численностью 20 тыс. человек, взяв в плен около половины из них. 21 ноября китайские власти предложили начать переговоры. В конце концов они завершились подписанием 3 декабря 1929 г. в Никольск-Уссурийске протокола с властями Чжан Сюэяна, а 22 декабря в Хабаровске — с представителями нанкинского правительства о восстановлении на КВЖД положения, предусмотренного соглашением 1924 г.

Урегулирование конфликта на КВЖД не привело к восстановлению советско-китайских дипломатических отношений. Хотя переговоры с нанкинским правительством были продолжены, они проходили бесплодно, ибо Нанкин в русле своей политики ликвидации неравноправных договоров настаивал на возвращении КВЖД. Взаимопонимания между Москвой и Нанкином не складывалось. Ситуация стала принципиально меняться после развертывания японской агрессии в Маньчжурии. В Москве и Нанкине стали приходить к новой оценке значимости советско-китайских политических связей перед лицом японской опасности. 12 декабря 1932 г. дипломатические и консульские отношения между Советским Союзом и Китайской республикой были восстановлены.

Расценив объединение Китая под властью Гоминьдана как нарушение своих непосредственных политических и экономических интересов, японский империализм переходит к политике прямых колониальных захватов в Китае и к военно-политической конфронтации с гоминьдановским правительством. 18 сентября 1931 г., спровоцировав инцидент, Квантунская армия начала наступление на основные центры Маньчжурии и почти без боя захватила ее. С этого времени проблема японской агрессии делается основной внешнеполитической (и не только внешнеполитической) проблемой Китая. Пытаясь заставить Нанкин признать эти захваты, японские империалисты в январе 1932 г. предприняли новую крупномасштабную провокацию — высадили десант в устье Янцзы и начали бои в шанхайском районе. Почти двухмесячные бои не принесли японцам ни военных побед, ни

политической капитуляции Нанкина благодаря героическому сопротивлению 19-й армии и жителей города. Тогда японцы пошли на прямое отторжение Маньчжурии, инспирировав предварительно «Движение за независимость от Китая». В марте 1932 г. была провозглашена «независимость» Маньчжоу-го во главе с японской марионеткой Пу И — свергнутым последним императором маньчжурской династии, который в 1934 г. был провозглашен «императором» Маньчжоу-го. Полными хозяевами Маньчжурии стали японская военщина и японский капитал, постепенно «осваивавшие» эту новую колонию.

Однако японский империализм этим захватом не удовлетворился и продолжал оказывать давление на Китай. Гоминьдановское правительство категорически отказывалось признавать японские захваты и притязания. Но вместе с тем оно и не пыталось оказывать военного сопротивления, считая, что до тех пор, пока Китай полностью не объединится, а коммунистическое движение не будет подавлено, у него нет реальных военных сил для разгрома японского агрессора. Во многом уступчивость правительства объяснялась также влиянием японофильских элементов в Гоминьдане (Ван Цзинвэй и др.), рассчитывавших на установление «особых» отношений с Японией, а также фактическим попусту японским захватам со стороны западных держав, несмотря на обострившиеся межимпериалистические противоречия.

В январе 1933 г. японские войска захватили китайскую крепость Шаньхайгуань — ворота в Северный Китай, а к весне — всю пров. Жэхэ, которую затем включили в Маньчжоу-го. 31 мая захватчики заставили китайское правительство подписать соглашение в Тангу, предусматривавшее демилитаризацию пров. Хэбэй. Его продолжением явилось секретное соглашение гоминьдановского военного министра Хэ Инциня и командующего японскими войсками в Северном Китае генерала Умедзу от 9 июня 1935 г., фактически отдававшее Северный Китай под японский военный контроль. В 1935—1936 гг. японцы спровоцировали сепаратистские выступления феодалов Внутренней Монголии («князь» Дэван и т.п.). Военно-политическое давление агрессора сделалось постоянным. Развитие японской агрессии вело к подъему националистических настроений в стране, к стихийным выступлениям в защиту родины представителей самых различных социально-политических слоев, к росту национально-объединительных тенденций. Вместе с тем лозунги национального сопротивления демагогически эксплуатировались и некоторыми милитаристами в их борьбе с централизаторской политикой Нанкина.

Социально-экономическая политика нанкинского правительства

Придя к власти, Гоминьданг заявил о стремлении проводить социально-экономическую политику в духе учения Сунь Ятсена. Однако выработать программу обоснованных экономических и социальных мероприятий, которая могла бы стать основой правительственной политики, Гоминьдану в эти годы так и не удалось, хотя подобные попытки и предпринимались. Политика правительства практически исходила не из концептуальной социально-экономической программы, а скорее прагматически складывалась под воздействием целого ряда разнородных факторов. И прежде всего это интересы укрепления гоминьдановского государства и его правящей группы — гоминьдановской военно-партийной верхушки и крупной шанхайской буржуазии. Вместе с тем большую роль играли и внешние по отношению к этой политике факторы: война за объединение, борьба с коммунистическим движением, агрессия японского империализма, мировой экономический кризис. При всем этом социально-экономическая политика правительства может быть охарактеризована в первую очередь как националистическая и как таковая она имела значительную поддержку в различных слоях китайского общества.

Главной особенностью этой политики была все возрастающая роль государства в экономическом строительстве. Объяснялось это, вероятно, совпадением многих причин. Прежде всего можно напомнить о традиционно большой роли китайского государства в регулировании социально-экономических процессов. Немалое значение имело влияние суньятсеновских представлений о решающей роли национального государства в обеспечении экономических преобразований. Наконец, межвоенные годы были временем повсеместного усиления регулирующей роли государства в хозяйственной жизни. Причем речь идет не только о решающей роли активной правительственной экономической политики в выходе из глубокой депрессии (например, США, Германия), но и о попытках некоторых слаборазвитых стран (например, Турции, Мексики) вырваться из отсталости. В какой-то мере эти этатистские тенденции стимулировались и советским опытом планового проведения форсированной индустриализации. Этатистская политика ощущалась как веление времени.

Активная этатистская экономическая политика гоминьдановского правительства имела значительную поддержку китайской общественности, что и позволило столь успешно провести восстановление таможенной автономии, а затем и радикально воздействовать, используя ее, на развитие внутреннего рынка: после введения нового таможенного тарифа в 1929 г. правительство

еще четырежды существенно повышало ввозные пошлины, особенно на потребительские товары (фактически запретительные пошлины), стремясь надежно оградить «свой» рынок от иностранной конкуренции. Развитию национального рынка способствовало и решение правительства (17 мая 1930 г.) о ликвидации внутренних таможенных барьеров («лицзинь»).

Одним из наиболее значимых экономических мероприятий было создание государственной банковской системы. Начало ей положено основанием в 1928 г. Центрального банка Китая, созданного исключительно на правительственные средства, без участия частного национального или иностранного капитала. Одновременно превращены в смешанные путем внесения правительственного пая в капитал два старых банка — Банк Китая и Банк коммуникаций. Впоследствии правительство организовало Крестьянский банк. Эти банки стали важным правительственным рычагом воздействия на экономику страны, позволив прежде всего постепенно пойти по пути реформирования денежной системы. Проводя политику унификации денежного обращения, правительство в 1933 г. ввело государственную монополию на изготовление монеты и запретило хождение серебра в слитках (лянь). А 3 ноября 1935 г. после тщательной подготовки была объявлена радикальная валютная реформа — с этого времени единственным законным платежным средством становились банкноты правительственных банков, все остальные банки, включая и иностранные, теряли право денежной эмиссии и их банкноты обменивались на банкноты Центрального банка, а их наличное серебро в монетах и слитках также подлежало обмену. В целом по стране реформа была осуществлена за два года, хотя в Шанхае, главном экономическом центре страны, а также в нескольких провинциях, надежно контролировавшихся нанкинским правительством, ее удалось осуществить гораздо быстрее. Результатом денежной реформы было укрепление положения национальной валюты и общая стабилизация китайского денежного рынка, что благоприятно сказалось на всем развитии китайской экономики. Вместе с тем после ноября 1935 г. существенно возросли возможности воздействия гоминьдановского правительства на экономическую жизнь страны.

Так, правительство теперь сумело взять под свой контроль систему сберегательных банков и страховых обществ. В 1936 г. с учетом государственных вложений в частные банки правительство держало в своих руках уже 49% общего капитала банков современного типа и 61% их активов. В изменившейся ситуации в деятельности правительственных банков появляются новые тенденции: они предпринимают попытки включиться в промышленное

предпринимательство, железнодорожное строительство, в создание пароходных компаний, привлечь частный капитал к совместной предпринимательской деятельности.

По мере укрепления власти нанкинского правительства увеличиваются его претензии на регулирование экономической жизни страны. И не только через банковско-финансовые рычаги, но и прямым административным путем. Постепенно в рамках нанкинского правительства складывается аппарат экономического контроля и регулирования, в недрах которого вызревают концепции планирования экономического развития. Делалось это в рамках суньятсеновской традиции и не без прямого воздействия опыта советских пятилеток. К определенному плановому регулированию подталкивали гоминьдановскую администрацию и серьезные экономические трудности, вызванные влиянием мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. на Китай. Правительство проводит ряд мероприятий антикризисного регулирования в спичечной, цементной, сахарной, шерстоткацкой, угольной и некоторых других отраслях промышленности, наиболее пострадавших от кризиса. Направленные прежде всего на стимулирование национального капитала, все эти мероприятия вели в то же время к постепенному складыванию государственного сектора, к созданию довольно сильного механизма государственного вмешательства, к зарождению некоторых предпосылок монополизации важных отраслей производства.

Вмешательству правительственных банков и правительственного аппарата в экономическую деятельность сопутствовала и личная уния гоминьдановской верхушки и представителей крупного китайского капитала: с одной стороны, в состав руководства правительственных банков и экономических организаций вошли многие видные предприниматели, а с другой стороны, многие гоминьдановские чиновники стали руководителями частного бизнеса. Наибольшую активность в этом взаимопроникновении проявили семьи Сун Цзывэня и Кун Сянси — двух видных гоминьдановских и правительственных деятелей, вышедших из крупных финансовых кланов. Этот процесс сращивания бизнеса и партийно-правительственной администрации вел вместе с тем и к росту коррупции на всех уровнях государственного управления.

Политика гоминьдановского правительства по отношению к наиболее развитым секторам экономики может быть охарактеризована как эффективная. Достаточно сказать, что в «нанкинское десятилетие», когда промышленное производство в капиталистическом мире в лучшем случае топталось на месте, в Китае наблюдался заметный промышленный прогресс. Так, производство 15 основных отраслей выросло в 1936 г. по сравнению с 1926 г. на

86%, т.е. среднегодовой прирост промышленной продукции равнялся 6,4%. При этом важно подчеркнуть, что рост этот произошел в основном за счет деятельности национального капитала, вложения которого в промышленность выросли только за три предвоенных года на одну треть. В эти годы усиливается тенденция национального капитала к концентрации, увеличивается роль крупного национального капитала в промышленности, складываются первые промышленные группировки монополистического характера (текстильные предприятия группы Жун Цзунцзиня, химические компании «Цзюда» и «Юнли», цементная компания «Цисинь» и др.).

Еще более активно реагировал на экономическую политику правительства китайский банковский капитал, существенно укрепивший свои позиции на китайском рынке. Общее число коммерческих банков увеличилось с 69 в 1927 г. до 174 в 1937 г. при значительном росте их активов и прибылей. Усилилась и концентрация китайского банковского капитала, выросло экономическое влияние наиболее крупных частных банков. Так, в 1935 г. на долю 14 коммерческих банков приходилось примерно 80% всех ресурсов коммерческих кредитных учреждений страны.

Значительный рост государственного и частного банковского капитала сопровождался постепенным «осовремениванием» денежного рынка, ослаблением роли традиционных кредитных институтов — меняльных контор, ломбардов, мелких банков. В предвоенное десятилетие их число сократилось в два раза. Особенно сильный удар нанесла им денежная реформа 1935 г., прекратившая обращение серебра, сделками с которым в основном и занимались эти учреждения.

Активно сказалась правительственная экономическая политика на развитии транспортной инфраструктуры. Была создана национальная гражданская авиация, как никогда быстро строились шоссейные дороги, расширился национальный паровой флот, и том числе и океанский, существенно выросла протяженность железных дорог и их грузооборот. Характерно, что в новых условиях железные дороги строились уже на 2/3 на китайские капиталы (прежде на национальный капитал приходилось лишь менее 1/10 вкладов в это строительство).

Серьезные изменения произошли и в характере внешней торговли Китая. Под влиянием протекционистской политики гоминьдановского правительства, а также под воздействием общего экономического оживления значительно изменился импорт. Ввоз потребительских товаров и продовольствия — этих традиционных для предшествующих десятилетий предметов импорта — резко сократился. Так, ввоз хлопчатобумажных тканей снизился в 10

раз! С другой стороны, ввоз машин более чем удвоился. Мировой экономический кризис и потеря Маньчжурии резко сократили китайскую внешнюю торговлю. Однако весьма примечательны последующие изменения в товарообороте — происходит постепенное снижение ввоза при постепенном росте вывоза товаров, т.е. уменьшается пассив торгового баланса, так болезненно сказавшийся на экономическом развитии Китая.

Наконец, социальная эффективность гоминьдановской политики во многом проявилась в функционировании иностранного капитала. Борьба с системой неравноправных договоров, которая прежде всего и давала привилегии иностранному капиталу, усиление позиций китайского национального капитала, расширение гоминьдановского государственного регулирования экономики и государственного предпринимательства уменьшили привлекательность китайского рынка, привели к определенному уменьшению притока иностранного капитала, к увеличению вывоза прибыли вместо их реинвестирования (что было характерно прежде для китайского рынка) и даже к репатриации иностранных капиталов. Все это означало ослабление позиций иностранного капитала в гоминьдановском Китае. Однако оценка этого явления не может быть однозначной. Выдвигая свои планы экономической реконструкции, нанкинское правительство в соответствии с суньятсеновской доктриной рассчитывало получить иностранную финансовую помощь. В «нанкинское десятилетие», однако, правительству удалось получить иностранных займов лишь на ничтожную сумму в несколько десятков миллионов ам. дол. Уменьшился ввоз и частного капитала. Все это, усиливая позиции национального капитала, в то же самое время означало провал расчетов нанкинского правительства на получение значительной иностранной помощи.

В рамках общей гоминьдановской националистической социально-экономической политики может быть правильно оценена и политика Гоминьдана в рабочем вопросе. Расправляясь с наиболее революционными элементами рабочего класса, поддерживавшими КПК, гоминьдановский режим вместе с тем основной упор сделал на реформистских методах воздействия на рабочий класс. Более того, утверждаясь у власти в масштабах всей страны, Гоминьдан стремился полностью взять под свой контроль и рабочее движение и стремился сделать руководимое им рабочее движение и рабочие организации одной из социальных опор своей националистической политики. Во многом Гоминьдан преуспел в этом отношении. Опираясь на свою руководящую роль в рабочем движении на предшествующем историческом этапе и пользуясь левацкой политикой КПК, Гоминьдан прилагает большие

усилия по налаживанию контроля за рабочим движением, идя при этом кое в чем навстречу интересам рабочего класса. И прежде всего в рабочем законодательстве. Принятое Гоминьданом рабочее законодательство определяло основные условия труда рабочих, ограничивало рабочее время, устанавливало минимальную зарплату, признавало право рабочих на организацию, право на забастовки, право на заключение коллективных договоров, право рабочих на участие в управлении предприятиями и на участие в прибылях. Можно сказать, что были приняты законы, фиксировавшие требования, за которые рабочие боролись на предыдущем этапе. И хотя это законодательство охватывало только меньшинство рабочего класса, оно для условий полуколониальной страны того времени было, безусловно, весьма прогрессивным. Несмотря на то, что в основу деятельности руководимых Гоминьданом профсоюзов положена суньятсеновская концепция сотрудничества труда и капитала и что эти профсоюзы были прежде всего политическим орудием Гоминьдана, они были вынуждены руководить экономической борьбой рабочих, особенно на иностранных предприятиях, активно участвовать в антиимпериалистических политических акциях. Все это сделало профсоюзы значительной социально-политической силой в городах, укрепило социальные позиции гоминьдановского режима.

Все вышесказанное заставляет сделать вывод, что гоминьдановская политика по отношению к более передовым, прежде всего «городским», секторам народного хозяйства и по отношению к национальной буржуазии и рабочему классу в определенной мере была эффективной, ибо вела к увеличению производства и экономической активности этих секторов, укреплению позиций национального капитала, к нейтрализации рабочего класса и даже к завоеванию поддержки со стороны его некоторых слоев. Этого нельзя сказать о гоминьдановской политике в деревне — там ее социально-экономический эффект был ничтожен.

В «нанкинское десятилетие» гоминьдановский режим пытался проводить в деревне политику, провозглашавшуюся Гоминьданом в годы Национальной революции и выработанную еще Сунь Ятсеном. В ее основе лежала концепция регулирования, а не радикального изменения аграрных отношений в деревне и приоритет материально-технических изменений перед социальными. Аграрный закон, объявленный в июле 1930 г. (и вступивший в силу через шесть лет), а также другие законодательные акты по аграрно-крестьянскому вопросу декларировали ограничение арендной платы до 37,5% собранного арендатором урожая, защиту интересов арендатора (приоритет в покупке арендуемой земли, запрещение субаренды и т.п.), административное регулирование

отношений землевладельца и арендатора, право на создание крестьянских союзов, установление потолка землевладения, прогрессивное налогообложение на излишки земли и т.п. Таким образом, это была программа медленной аграрно-капиталистической эволюции, рассчитанная на сдерживание социальных конфликтов, на «умиротворение» деревни.

Однако эта программа в жизнь проводилась с трудом, ибо ее реализация требовала все-таки политического вмешательства власти на «деревенском» уровне, а гоминьдановский режим для этого реальной силой не располагал. Примечательно, что нанкинское правительство еще в 1928 г. отказалось в пользу местных властей от сбора поземельного налога — важнейшего традиционного источника доходов китайских правительств, ибо оно не располагало реальной властью на местах, столь необходимой для сбора такого налога.

Слабость аграрных преобразований правительство пыталось компенсировать рядом мероприятий, рассматривавшихся как «аграрная реконструкция»: введением системы круговой поруки (*баоцзя*), некоторыми экономическими мерами по стимулированию сельскохозяйственного производства, особенно в экспортных отраслях, развитием мелиорации и агротехники, проведением некоторых мероприятий по улучшению здравоохранения и образования, помощью в создании различных форм кооперации. О влиянии этих мероприятий говорит тот факт, что продукция сельского хозяйства росла не более чем на 1% в год (хотя на производстве и экспорте хлопка, чая и шелка эти мероприятия сказались более заметно: за первую половину 30-х гг. экспорт чая вырос в восемь раз, шелка-сырца в два раза, а производство хлопка увеличилось в 2,5 раза). В рассматриваемое десятилетие, таким образом, определенный рост производительных сил деревни позитивно сказался и на некотором росте благосостояния крестьянства. В памяти крестьянства это десятилетие осталось как относительно благополучное.

Недостаточная экономическая эффективность этой политики дополнялась неэффективностью социальной: Гоминьдан не сумел получить активной поддержки ни господствующих слоев деревни, ни простых тружеников. Более того, в первые годы установления гоминьдановского режима в некоторых районах крупные землевладельцы открыто выступали против гоминьдановской политики в деревне, даже были случаи убийства присылаемых Нанкином чиновников, руководителей местных гоминьдановских организаций. Это была своеобразная реакция «справа» на реформистскую политику Гоминьдана. Все это существенно ослабляло гоминьдановский режим.

Социальная природа гоминьдановской власти

Социальная природа складывавшейся гоминьдановской власти определялась тем, что нанкинское правительство в тот период выражало и представляло интересы классового союза крупной (прежде всего шанхайской) буржуазии с новыми (а частично и со старыми) милитаристами под гоминьдановским националистическим знаменем. Вместе с тем нанкинское правительство стремилось сохранить Гоминьдан как широкую социально-политическую коалицию в качестве своей социальной опоры, стремилось с помощью националистических лозунгов всемерно расширить социальные основы своей власти.

В течение «нанкинского десятилетия» социальная природа гоминьдановской власти претерпевает некоторые изменения. Шанхайской крупной буржуазии не удалось подчинить себе гоминьдановское правительство, превратить его в «комитет по управлению делами буржуазии». Она оказалась слабой в политическом и экономическом отношениях. Многомиллионная масса сельских обуржуазивающихся и традиционных эксплуататоров, экономически полностью господствовавшая в китайской деревне и потенциально обладавшая огромной политической силой, с которой правящая гоминьдановская прослойка была связана своим происхождением, из-за своей социальной и политической аморфности тем более была не способна поставить себе на службу новый режим. Гоминьдан и гоминьдановский режим в «нанкинское десятилетие» выражали интересы капиталистического развития Китая, и их политика была направлена на защиту частного собственника от посягательств неимущих (что и нашло свое выражение, в частности, в войне с советским движением). Однако постепенно влияние китайской буржуазии на режим падает, гоминьдановский режим приобретает все возрастающую автономию от породивших его социальных сил и все больше отдает приоритет в своей политике интересам правящей бюрократии.

В ослаблении буржуазного воздействия на гоминьдановскую политику — особенность ускорившейся капиталистической эволюции в эти годы. Другая особенность — постепенное социальное обособление правящей гоминьдановской элиты в результате сращивания верхушки партийного, военного и административно-хозяйственного аппарата, имевшей собственные групповые социальные интересы, не всегда совпадавшие с интересами буржуазии. К концу рассматриваемого периода социальную природу гоминьдановского режима можно уже скорее определить как военно-бюрократическую по основной тенденции своего развития.

2. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА ПОД ЛОЗУНГОМ СОВЕТОВ

Изменение «маршрута революции»

Новый этап борьбы КПК начинался в условиях гражданской войны. Фактически у КПК уже не было выбора — война с Гоминьданом стала борьбой за сохранение КПК, за выживание. Вместе с тем переход к вооруженным формам борьбы с неумолимой логикой вытекал из принципиальных политических решений зимы 1926—1927 гг. о борьбе за гегемонию, за аграрную революцию, за установление власти трудящихся, реализация которых не могла не вести к гражданской войне. Однако эта борьба шла теперь в принципиально иных условиях. Если предшествующий этап революции был прежде всего «городским», то новый этап можно назвать, с некоторой натяжкой, «деревенским». Объяснялось это, однако, не тем, что теперь горячего социального материала в деревне было больше, чем раньше, а общим изменением политической ситуации в стране.

Восстания, поднятые коммунистами в городах, потерпели тяжелые поражения. Гоминьдановские репрессии и левацко-путчистская линия КПК вели к резкому ослаблению политических позиций коммунистов в рабочем движении и вообще в городе. Города, особенно крупные, делались оплотом Гоминьдана. Иная ситуация складывалась в деревне или, несколько точнее, на периферии провинций, вдалеке от крупных центров. Сюда власть нового, гоминьдановского, режима еще не дошла, да и сам гоминьдановский режим только еще начинал складываться. Фактическая политическая раздробленность страны, отсутствие сильной центральной власти, войны со старыми и новыми милитаристами, раскол внутри самого Гоминьдана, да еще в условиях нараставшей японской агрессии, создавали ситуацию некоторого политического хаоса в стране и ситуацию определенного «политического вакуума» на периферии. Вот этот вакуум и стремилась заполнить КПК, создавая под лозунгом Советов революционные базы и Красную армию, с которыми и было связано развитие гражданской войны на новом этапе.

Тем самым складывалась весьма парадоксальная политическая ситуация: перспективы революционного движения под лозунгом Советов находились в обратно пропорциональной зависимости от темпов фактического объединения страны, ликвидации политической раздробленности, укрепления центральной власти и увеличения ее военно-политического влияния на местах. Вместе с тем участники революционной борьбы конца 20-х гг. могли воспринимать эту политическую ситуацию иначе — не толь-

ко как перманентную, но и как непрерывно обостряющуюся, что и создавало оптимистическую оценку перспектив советского движения, рождало уверенность в быстром перерастании этого политического хаоса в общекитайский политический кризис, в революционную ситуацию.

Уже в ходе арьергардных боев Национальной революции во второй половине 1927 г. выявилось принципиальное изменение «маршрута революции»: только в отдаленных периферийных районах восставшим удавалось закрепиться, создать революционные базы, организовать отряды Красной армии, провозгласить и удержать советскую власть. События в следующем, 1928г. развивались в том же направлении — центр тяжести борьбы переносился из города в деревню. Таким образом, новый маршрут революции, новые тактические установки не складывались априорно, а стали результатом осмысления горького политического опыта кадрами КПК. В оценке этого опыта, в разработке новых тактических установок большое значение имело и политическое влияние Коминтерна.

Значительную роль в формулировании новой политической линии сыграл очередной, VI съезд КПК. Из-за гоминьдановских репрессий съезд пришлось проводить вне пределов Китая. Он проходил с 18 июня по 11 июля 1928 г. недалеко от Москвы. На съезд прибыло более 100 делегатов. Съезд проходил в обстановке острых споров по основным проблемам китайской революции при участии и руководстве работников Коминтерна. В этой дискуссии были теоретически осмыслены изменение маршрута революции, опыт создания революционных баз и организации Красной армии. Съезд сформулировал три основные задачи китайской революции: завоевание национальной независимости и объединение страны; ликвидация феодальных пережитков; свержение власти Гоминьдана и установление революционно-демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства в форме Советов. Впервые КПК приняла развернутую аграрную программу, выдвигавшую требование конфискации всей помещичьей земли и передачи ее малоземельному и безземельному крестьянству. Съезд вслед за оценками Коминтерна указал на спад революционной волны и осудил путчизм и левачество.

Вместе с тем съезд исходил из прежней и, как показал исторический опыт, сектантско-догматической и утопической оценки революции как направленной против китайской буржуазии и прежде всего против Гоминьдана, а поэтому национальные, антиимпериалистические задачи были подчинены задаче свержения гоминьдановского режима и тем самым по сути дела элиминировались. Политическая линия КПК — «сначала свержение

Гоминьдана, потом ликвидация империалистического гнета» — могла только завести КПК в тупик. Эта противоречивость политики КПК во многом была связана с противоречивостью, двойственностью и идеологии и политики Коминтерна. Руководство Коминтерна все время пыталось удержать левацкие элементы КПК от авантюристических политических шагов, которые бы стали самоубийством КПК. Но в то же время у Коминтерна не было противоречий с КПК в выдвижении лозунгов советизации Китая, борьбы за власть трудящихся, за некапиталистическое (социалистическое) развитие страны. Таким образом, руководствуясь трезвым политическим расчетом на тактическом уровне, Коминтерн в вопросах политической стратегии оставался в плену авантюристических и утопических идеологических построений. Во многом это противоречие воздействовало и на политику и на идеологию КПК.

VI съезд избрал новый состав ЦК из 23 членов и 13 кандидатов. Заочно в состав ЦК был избран Мао Цзэдун, не являвшийся делегатом съезда. Первый пленум ЦК КПК избрал политбюро в составе: Сян Чжунфа, Су Чжаочжэн, Сян Ин, Чжоу Энлай, Цюй Цюбо, Цай Хэсэнь, Чжан Готао. На пост генсека были выдвинуты две кандидатуры: Сян Чжунфа и Чжоу Энлай. Большинство голосов был избран Сян Чжунфа. Это был последний съезд КПК, проходивший с соблюдением демократической процедуры.

Развитие советского движения

Создание революционных баз на периферии и организация частей Красной армии в конце 20-х гг. тесно связаны и во многом подготовлены политическими завоеваниями КПК предшествующего, «городского», этапа революции. Влияние в ряде частей НРА, наличие преданных кадров профессиональных революционеров, опыт в организации и политическом просвещении крестьянства позволили КПК оказать на периферии, в деревне сопротивление гоминьдановскому режиму и в ходе этого сопротивления создать значительную военно-политическую силу.

Пример и опыт Наньчанского восстания — «откол» от НРА частей, находившихся под влиянием коммунистов, — оказали решающее воздействие на методы организации Красной армии. Именно «отколовшиеся» части делались ядром новых революционных сил, именно они могли оказать помощь и крестьянскому движению в создании вооруженных сил и революционных баз.

Уже в начале 1928 г. остатки войск Наньчанского восстания под руководством Чжу Дэ вышли из Гуандуна в южную Хунань. В ходе партизанских действий отряд Чжу Дэ значительно пополнился за

счет крестьянских отрядов и превратился в значительную военную силу — около 10 тыс. бойцов. В апреле отряд Чжу Дэ вышел в район Цзинганьшаня, где скрывался небольшой отряд Мао Цзэдуна, сложившийся из пришедших сюда участников потерпевшего поражение «восстания осеннего урожая» и местных отрядов Юань Вэньцзя и Ван Цзо, являвшихся по сути дела бандитскими. Приход сильного и хорошо организованного отряда Чжу Дэ позволил создать на стыке провинций Хунань и Цзянси цзинганьшаньскую революционную базу. Объединенные партизанские части получили наименование 4-го корпуса Красной армии (командующий — Чжу Дэ, комиссар — Мао Цзэдун).

Советский район на стыке провинций Хунань — Хубэй — Цзянси образовался летом 1928 г. после восстания в гоминьдановских войсках, посланных на подавление крестьянского восстания. Командир полка Пэн Дэхуай возглавил это восстание и стал командиром 5-го корпуса Красной армии, образованного из восставших солдат и крестьян (комиссар корпуса — Тэн Дайюань). В конце 1929 г. революционная база возникла в пров. Гуанси после организованного Чжан Юньи и Дэн Сяопином восстания в местных милитаристских войсках. Восставшие создали 7-й корпус Красной армии. Другое восстание в гуансийских войсках позволило в феврале 1930 г. создать 8-й корпус Красной армии. Так было и в некоторых других районах.

Вместе с тем коммунисты, в том числе и участники Наньчанского восстания, сумели использовать для создания частей Красной армии крестьянские отряды самообороны, крестьянские партизанские отряды, военные формирования тайных обществ (хуэйдань), а также отдельные группы гоминьдановских солдат из ликвидируемых воинских частей в ходе кампании по сокращению армии, начатой нанкинским правительством еще летом 1928 г. Так, коммунист Хэ Лун в Хунани в первой половине 1928 г. создал отряд из бывших солдат, участников тайных обществ и местных бандитов, к которым затем присоединились люди клана Хэ Луна. Этот отряд сумел создать на стыке провинций Хунань и Хубэй революционную базу. Здесь отряд Хэ Луна с переменным успехом боролся с карателями, а осенью 1929 г., после перехода на его сторону некоторых карательных частей, преобразовал свой отряд во 2-й корпус Красной армии. Еще в 1928 г. участник Наньчанского восстания Фан Чжиминь организовал отряд в пров. Цзянси из местных крестьянских сил самообороны. К концу 1929 г. его отряд значительно вырос и контролировал уже большой район на стыке провинций Цзянси и Фуцзяни. В 1930 г. его отряд был разнернут в 10-й корпус Красной армии.

В конце 20-х гг., особенно в 1929 г., многие обстоятельства благоприятствовали развертыванию революционного движения под лозунгом Советов. С одной стороны, происходит новое обострение межмилитаристских войн и столкновений, усиливается дезорганизация органов власти, гоминьдановско-милитаристские армии перестают быть надежной опорой, в частности из-за кампании по сокращению военных расходов. Характерен для того времени такой эпизод. Командир бригады правительственных войск в Сычуани Гуань Цзисюнь, находившийся под влиянием коммуниста Юнь Дайина, узнав о «сокращении» своей бригады, заявил своим солдатам и офицерам, что перед ними только два пути — либо разойтись, либо переформировать бригаду в одну из частей Красной армии. Таким образом была создана еще одна часть Красной армии, позже объединившаяся с частями Хэ Луна. С другой стороны, засухи, наводнения, катастрофические неурожай 1929 г. привели к обнищанию определенных слоев крестьянства, обострили социальные противоречия деревни.

КПК сумела использовать эти условия, создав ряд частей и соединений Красной армии и революционные базы, где была установлена советская власть. Однако при количественном росте Красной армии КПК столкнулась со значительными трудностями при попытке обеспечить надежный социальный состав — привлечь в ее ряды рабочих и трудовое крестьянство, как того требовали решения VI съезда КПК. Разгром рабочих организаций в городах, формирование частей Красной армии в отдаленных сельских районах практически лишили ее рабочего пополнения. Ито и трудовые слои деревни оказывались весьма пассивными по отношению к лозунгам советской власти и не спешили пополнять ряды Красной армии. В основном Красная армия состояла из бывших солдат наемных правительственных армий, давно, как правило, порвавших связи с крестьянским трудом (эти солдаты — не «крестьяне, одетые в солдатские шинели»!). Пополнялась она и выходцами из самых низов деревни, зачастую уже вытолкнутыми из сельскохозяйственного производства, т.е. именно теми пауперско-люмпенскими элементами, которые прежде всего и шли в отряды крестьянской самообороны, в тайные союзы, в бандитские отряды и т.п. В командном составе (особенно высшем) преобладали выходцы из привилегированных слоев деревни, бывшие гоминьдановские офицеры. Такой социальный состав Красной армии создавал значительные идейно-политические трудности для КПК, для реализации лозунгов советской власти.

Эти трудности происходили во многом также из того, что формирование Красной армии из «отколовшихся» частей прави-

тельствующих войска и создание ею на периферии революционных баз означали по сути попытку привнесения «сверху» революции в деревню, к которой крестьянство не было, как и на предшествующем этапе революции, готово. Чувствуя пассивность основных масс крестьянства, КПК стремилась «раскачать» бедноту, разжечь классовую борьбу в деревне путем физического уничтожения крупных землевладельцев, шэньши, чиновников, тухао, лешэнь. Усиление влияния «леваков» в КПК приводило к тому, что кулака приравнивали к помещику, к кулакам относили значительную часть середняков, а это могло означать и физическую ликвидацию кулаков и части середняков. Такая политика действительно приводила к чрезвычайному обострению борьбы имущих и неимущих в деревне, приводила к крайнему ожесточению деревенской бедноты, выступления которой сопровождались не только убийством местных эксплуататоров, но и уничтожением целых «враждебных» деревень, вспышками кровавой межклановой борьбы, сжиганием при отходе волостных или уездных городов. Коминтерн и разумные силы в КПК всегда осуждали эту бессмысленную жестокость, однако анархистские настроения имели глубокие корни, они во многом происходили из разрыва между социальной реальностью китайской деревни и политическими схемами руководителей КПК. Характерно, что даже Цюй Цюбо, в принципе выступавший против таких жестокостей, все-таки на VI съезде КПК говорил: «Вся политика нашей аграрной революции, цель этой политики есть именно истребление помещичьего класса как целого класса, но это еще не значит, что нужно физически истреблять всех подряд. Если крестьяне хотят убивать, пусть убивают... Пусть сами убивают, они лучше знают, кто враг... Иногда, конечно, может быть, казнят одного-двух невинных людей, это неважно».

Аграрная программа и политика советских районов складывалась постепенно, мучительно преодолевая левацкие перегибы. Так, разработанный Мао Цзэдуном в 1928 г. в Цзинганьшане аграрный закон предусматривал конфискацию всей земли, в том числе и крестьянской. Такого рода перегибы были свойственны аграрной политике и в некоторых других районах. Во многом этот радикализм провоцировался объективными условиями и прежде всего малоземельем, невозможностью утолить земельный голод за счет крупного землевладельца. Не встречая поддержки в проведении такой политики у большинства крестьянства, руководители советских районов вынуждены были навязывать радикальные аграрные преобразования «сверху». Такое навязывание могло приводить и к обратным результатам — к росту враждебности со сторо-

ны значительной части крестьянства и в отдельных местах даже к восстаниям крестьян против новой власти.

Изменение маршрута революции, перенесение центра тяжести всей партийной и революционной работы на периферию, в деревню привели постепенно к существенному изменению и социально-политического облика КПК. Механизм этого изменения связан прежде всего с превращением гражданской войны в основную (а подчас и единственную) форму борьбы КПК, а революционной армии — в ее основную организацию. По мере утраты позиций в городах, в рабочем классе КПК организационно все больше начинает совпадать со структурой Красной армии, определяться ее социальным составом, ее идеологическим обликом. Из партии «городской», по преимуществу рабочей, КПК превращается в партию периферийную, «деревенскую», с полным преобладанием пауперско-люмпенских элементов, сплоченных военной организацией. Эти изменения привели и к значительным переменам во внутрипартийной жизни, в стиле партийной работы и всей революционной деятельности. К наиболее опасным для судеб партии переменам можно отнести усиление тенденций национализма, политического и военного авантюризма, развития внутрипартийных группировок, автократических методов руководства партией и революционным движением.

Эти негативные тенденции в полной мере уже сказались в политике КПК с конца 1929 г. В обстановке значительного развития советских районов и укрепления Красной армии, с одной стороны, и усиления кризисных явлений в политической и социально-экономической действительности гоминьдановского режима — с другой, к руководству КПК фактически приходит группа Ли Лисаня, расценившая обстановку в Китае как непосредственно революционную ситуацию и попытавшаяся подтолкнуть КПК к немедленному восстанию и захвату власти, что могло иметь трагические последствия для КПК. Летом 1930 г. вопреки возражениям Коминтерна Ли Лисань выдвигает план наступления Красной армии на крупные города в сочетании с рабочими восстаниями. Причем восстание в Маньчжурии мыслилось как способное втянуть Японию в войну против СССР и «явиться прологом к международной войне» и тем самым, как утверждал Ли Лисань, создать возможность «взрыва мировой революции». Курс на провоцирование мировой войны был по сути стержнем политической концепции Ли Лисаня, поддержанной Мао Цзэдуном и другими деятелями КПК. С помощью Коминтерна ЦК КПК сумел преодолеть катастрофическое развитие событий, отстранить Ли Лисаня от руководства.

Националистическая и авантюристическая линия Ли Мисяня была во многом порождена неверной, чрезмерно оптимистической оценкой политической ситуации в стране. Вместе с тем эта левацкая линия была, по-видимому, порождена и определенным пессимизмом ряда руководителей КПК, которые не могли не понимать, что перспективы советского движения связаны с действием временных политических факторов (раздробленность и т.п.), что по мере укрепления гоминьдановского режима перспективы советского движения ухудшаются, что время работает против них. Эта странная смесь сиюминутного оптимизма и перспективного пессимизма и в дальнейшем питала левацкие настроения и других деятелей КПК.

Примерно в это время активизирует свою фракционную деятельность и Мао Цзэдун, правда, пока в основном на «провинциальном» уровне. Во второй половине 1930 г. в советском районе южной Цзянси, опираясь на верные ему войска, Мао Цзэдун под предлогом борьбы с предателями и контрреволюционерами уничтожил руководство провинциальной партийной организации и командиров ряда частей Красной армии, не желавших подчиняться его власти. К сожалению, эта опасная акция Мао Цзэдуна (т.н. «футяньское дело») не встретила должного осуждения со стороны ЦК КПК, что способствовало укреплению автократической власти Мао Цзэдуна в одном из важнейших советских районов. Подобным методам утверждения своего всевластия не были чужды и некоторые другие руководители КПК. Так, в 1931 г. Чжан Готао насаждает свое влияние в советском районе на стыке провинций Хубэй—Хэнань—Аньхуэй путем уничтожения всех не согласных с его политикой. Перенесение во внутрипартийную борьбу террористических методов, усиление фракционности и групповщины постепенно деформируют стиль партийной работы, значительно влияя на изменение идейно-политического облика КПК.

Китайская Советская Республика

Значительное расширение советского движения в 1929—1930 гг., укрупнение революционных баз, все более успешные действия Красной армии не могли не напугать не только местных милитаристов, но и нанкинское правительство. В течение 1931 г. силами местных милитаристов, а частично и нанкинского правительства, были предприняты три карательных похода против Центрального советского района (стык юго-восточной Цзянси и западной Фуцзяни). Умелые партизанские действия Красной армии, а также распри между милитаристами и нанкинским правительством привели к провалу этих карательных походов. По-

следний из них шанкинское правительство было вынуждено прекратить в сентябре 1931 г., ибо ему пришлось срочно перебрасывать свои войска на север в связи с наступлением японских захватчиков в Маньчжурии.

Провал этих карательных операций и продолжающееся развитие советского движения привели к складыванию ряда уже стабильных советских районов: Центрального советского района, районов на стыках провинций Хубэй—Хэнань—Аньхой, Хунань—Хубэй (по обоим берегам Янцзы к западу от Уханя), Цзянси—Фуцзянь—Чжэцзян, Шэньси—Ганьсу, Шэньси—Сычуань и в некоторых других местах.

Стабилизация и укрепление советских районов позволили поставить вопрос и об их политическом объединении. В ноябре 1931 г. в г. Жуйцзинь (юго-восточная Цзянси) состоялся I Всекитайский съезд представителей советских районов. Съезд провозгласил Китайскую Советскую Республику и принял ее Конституцию, а также законы о земле, о труде, об экономической политике. Конституция определяла Советы как органы демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, предоставляя право избирать и быть избранным в Советы всем трудящимся по достижении 16-летнего возраста. Конституция провозглашала право всех наций, населяющих Китай, на самоопределение вплоть до образования самостоятельных государств. Закон о земле предусматривал безвозмездную конфискацию всех земель крупных землевладельцев и кулаков и уравнильное распределение земли между малоземельными и безземельными крестьянами при предоставлении кулаку трудового надела. Председателем ЦИК Китайской Советской Республики и советского правительства был избран Мао Цзэдун, а его заместителями — Чжан Готао и Сян Ин.

Решения съезда, включая и Конституцию, носили прежде всего программный характер. Реальная политика советских районов определялась больше всего потребностями войны с гоминьдановским режимом. Это относится и к деятельности Советов, которые по сути оставались своего рода военно-революционными комитетами по мобилизации масс на борьбу с Гоминьданом, так и не став органами самоуправления трудящихся. Объяснялось это не только условиями войны, но и тем, что усилившиеся в КПК военно-автократические тенденции лишали ее потребности в демократизации политической жизни в советских районах.

Важнейшим фактором расширения советского движения был процесс дальнейшего укрепления Красной армии. Стабилизация территории советских районов позволила значительно пополнить Красную армию за счет мобилизации деревенской молодежи. В 1933 г. ее численность достигла 300 тыс. человек. Именно в армии

складывались и наиболее прочные партийные ячейки, охватывавшие примерно половину всех бойцов и командиров. Другим источником роста партийных рядов стали массовые кампании по вербовке членов партии среди деревенской бедноты в периоды раздела помещичьей земли. Все это привело к значительному росту численности партии. Так, в Центральном советском районе в конце 1931 г. насчитывалось 15 тыс., а в октябре 1933 г. — 240 тыс. членов партии.

Постепенно советские районы делаются не только основной сферой активной политической деятельности КПК, но и почти единственной. Гоминьдановские репрессии и левацкие ошибки партийного руководства лишают партию возможности работать в крупных городах. В этой связи в начале 1933 г. руководство ЦК КПК во главе с исполнявшим обязанности генсека после гибели в 1931 г. Сян Чжунфа Цинь Бансянем (Бо Гу) переехало из Шанхая в Жуйцзинь. Сюда же перемещается и центр внутрипартийной борьбы. Летом 1932 г. во время четвертого карательного похода Гоминьдана Мао Цзэдун и его сторонники попытались выступить против военных установок ЦК КПК, против усиления контроля ЦК за деятельностью Красной армии и органов власти Центрального советского района. На совещании партийных работников в Нинду военные установки Мао Цзэдуна, грозившие полной потерей стабильных районов, а также его левацкая аграрная политика, его террористические методы действий подверглись острой критике. В результате ЦК отстранил его от должности главного политкомиссара Красной армии (заменив Чжоу Эньлаем), но, учитывая его влияние и реальную власть в Центральном советском районе, оставил во главе ЦИК Китайской Советской Республики.

Образование Китайской Советской Республики происходило в своеобразной политической обстановке, определявшейся после 18 сентября 1931 г. усилением агрессии японского империализма. В краткосрочном плане этот новый фактор способствовал укреплению военных позиций советских районов, ослаблял возможности борьбы против них гоминьдановских войск. Однако в долгосрочной перспективе обстановка характеризовалась ростом национально-патриотических чувств китайского народа, повышением политической роли национального фактора, усилением центростремительных тенденций, постепенным укреплением гоминьдановского режима как режима националистического. КПК не сумела учесть этого изменения обстановки. Правда, советское правительство 5 апреля 1932 г. объявило войну Японии и выдвинуло лозунг национально-революционной войны. Коммунисты были наиболее активными организаторами партизанской анти-

японской борьбы в Маньчжурии. Однако при этом основным лозунгом оставалось требование «свержения контрреволюционной власти Гоминьдана, предающего и унижающего Китай», сохранялся курс на победу советской революции во всем Китае. Наметившаяся консолидация гоминьдановского режима, его военнополитическое усиление, постепенное укрепление единства страны принципиально меняли ситуацию для развития советского движения, ибо исчезало основное условие этого успешного развития — состояние политического хаоса в стране. Такой разрыв между политическим курсом КПК и объективными условиями не мог не сказаться трагически на судьбах советского движения.

Поражение советского движения

Уже четвертый карательный поход летом 1932 г., направленный прежде всего против советских районов на стыке провинций Хубэй—Хэнань—Аньхуэй и Хубэй—Хунань (район оз. Хунху), вынудил Красную армию (4-й и 2-й фронты) покинуть эти важные советские районы и перебазироваться в пограничные районы Сычуань—Шэньси и Хунань—Хубэй—Сычуань—Гуйчжоу, хотя Центральный советский район сумел даже расшириться. Однако через год Гоминьдан организовал наиболее крупную в военном отношении операцию против советских районов. Располагая примерно миллионной армией, Гоминьдан около половины ее бросил против Центрального советского района. Гоминьдановская армия не только имела численный перевес, но и была значительно лучше вооружена (артиллерия, авиация), имела квалифицированных немецких военных советников. Все это было военным выражением политической стабилизации гоминьдановского режима. Нанкинские армии наступали с севера и запада, с юга должны были наступать войска гуандунско-гуансийской группировки, а с востока — 19-я армия генерала Цай Тинкая, переведенная в пров. Фуцзянь в 1932 г. после героической защиты Шанхая. Патриотические, антияпонские, а также античанкайшистские настроения руководства этой армии привели к их выступлению в ноябре 1933 г. против политики Нанкина, против войны с КПК. Это выступление поддерживали многие оппозиционные по отношению к Чан Кайши деятели Гоминьдана (Ли Цзишэнь, Чэнь Миншу и др.). Эта, одна из последних, вспышек внутригоминьдановской борьбы задержала развитие пятого карательного похода. Однако КПК заняла выжидательную позицию по отношению к выступлению 19-й армии, дав возможность Нанкину в январе 1934 г. ликвидировать мятеж и возобновить наступление против советских районов.

Гоминьдановским войскам удалось окружить Центральный советский район и заблокировать его. Они проводили тактику медленного концентрического продвижения в глубь советского района по всему фронту. Нанкинские войска поддерживались нерегулярными частями, созданными верхушкой деревни. Аграрная политика Советов, приводившая не только к конфискации земли, но и к физическому уничтожению эксплуататорских элементов, обернулась существенным расширением социальной базы гоминьдановского режима — имущая часть деревни поддерживала его борьбу с КПК.

Лишенная возможности вести маневренную и партизанскую войну, Красная армия оказалась перед угрозой полного уничтожения. В этих условиях в сентябре 1934 г. секретариат ЦК КПК принял решение выйти из окружения и оставить Центральный советский район. Накануне прорыва имевшиеся части были сведены в полевую Красную армию 1-го фронта общей численностью (вместе с тылами и обозом) около 100 тыс. человек. Главкомом был назначен Чжу Дэ, политкомиссаром — Чжоу Эньлай. Прорыв начался 16 октября. С тяжелыми боями Красная армия прорвалась на запад. Начался беспрецедентный по героизму и тяжелейший по потерям переход Красной армии под постоянным давлением гоминьдановской армии в окраинные и малонаселенные районы северо-запада, переход в 25 тыс. ли, получивший название Великого похода. В течение этого года отступления были потеряны все основные советские районы, оказались разгромленными большинство частей Красной армии, что означало также гибель основной массы членов КПК.

Советское движение потерпело тяжелейшее поражение. Его причины носили прежде всего объективный характер. Даже неполное объединение Китая под властью Гоминьдана и военно-политическое укрепление гоминьдановского режима обернулись ликвидацией условий для существования значительных революционных баз КПК в густонаселенных основных провинциях страны. Рост национальных и националистических настроений в связи с консолидацией китайской государственности и не без воздействия угрозы японского империализма еще раз выявил утопичность выдвижения стратегической линии на советизацию Китая, на установление диктатуры трудящихся. Осознание этой политической реальности руководством КПК, выработка им новой политической линии проходили уже и в новом месте — на северо-западной окраине страны, и в новых исторических условиях — в канун войны китайского народа против японских захватчиков.

3. КИТАЙ НАКАНУНЕ ЯПОНО-КИТАЙСКОЙ ВОЙНЫ

Завершение Великого похода и обострение фракционной борьбы в КПК

На изменение положения КПК в политической жизни страны влияли не только тяжелейшее поражение советского движения и гибель большинства членов партии, но и обострение внутрипартийной борьбы. Уже вскоре после выхода частей Красной армии из окружения в начале января 1935 г. в г. Цзуньи (пров. Гуйчжоу) состоялось расширенное совещание политбюро ЦК КПК, созванное по требованию Мао Цзэдуна. Причины поражения докладчики ЦК Цинь Бансянь и Чжоу Энълай видели главным образом в объективных факторах. С иных позиций выступили Мао Цзэдун и его сторонники, сведя все причины поражения по существу к военно-политическим ошибкам партийного руководства. Такой подход в определенной мере импонировал военным, преобладавшим на этом совещании и поддерживавшим Мао Цзэдуна. На совещании Мао Цзэдун был введен в состав секретариата ЦК и фактически занял пост руководителя Военного совета ЦК. Это был важнейший шаг Мао Цзэдуна в его борьбе за власть в партии и в Красной армии. Обостряя разногласия в руководстве партии, Мао Цзэдуну уже в следующем месяце удалось добиться замены Цинь Бансяня на посту генсека ЦК Чжан Вэньтянем.

Летом 1935 г. после встречи в пров. Сычуань армий 1-го и 4-го фронтов в руководстве КПК возник новый острый политический кризис. В Сычуани 4-й фронт, руководимый Чжан Готао, насчитывал примерно 80–100 тыс. бойцов, а пришедшие сюда части 1-го фронта, фактически теперь руководимые Мао Цзэдуном, — только 10–15 тыс. Объективно это объединение военных и партийных сил было большим успехом КПК, однако Мао Цзэдун видел в новой ситуации угрозу своему продвижению к власти и спровоцировал трагический по своим последствиям для Красной армии раскол военного и партийного руководства. Прежде всего он сумел настоять на предложении покинуть революционную базу в северной Сычуани, где он не располагал политическим и военным влиянием, и продолжить перебазирование Красной армии еще дальше на север, теперь уже в северную Шэньси, где был расположен советский район, руководимый Гао Ганом и Лю Чжиданем. Однако уже в ходе начавшегося в августе похода Мао Цзэдун, в полной мере проявив свой политический и военный авантюризм, отдает приказ двум авангардным корпусам оторваться от основных объединенных сил Красной армии и

форсированно двигаться на север. С этим авангардом двигался Мао Цзэдун и часть членов ЦК и политбюро, поддержавших линию Мао Цзэдуна. Этот шаг Мао Цзэдуна был расценен Чжан Готао и многими другими руководителями КПК и Красной армии как расколнический и антипартийный. В ответ они создали в октябре 1935 г. новый ЦК КПК. Этот раскол был преодолен только через год с помощью Коминтерна. Однако военные последствия раскола были более трагическими. Фактически в северную Шэньси пробившись лишь несколько тысяч бойцов и командиров Красной армии, а остальные погибли в боях с превосходящими силами противника, став во многом жертвой партийного раскола и борьбы за власть в партии и Красной армии. Вместе с тем эти события укрепили положение Мао Цзэдуна в КПК и Красной армии. Придя в октябре 1935 г. в северную Шэньси, Мао Цзэдун продолжает борьбу за упрочение своей власти, но теперь эта борьба проходит в новых условиях, определявшихся как общеполитическими изменениями в Китае, так и изменениями в положении КПК и Красной армии.

Общенациональный патриотический подъем

Середина 30-х годов характеризовалась не только усилением японской агрессии, но и постепенным нарастанием сопротивления со стороны гоминьдановского режима, испытывавшего огромное политическое давление со стороны китайской патриотической общественности. Определенное военно-политическое укрепление гоминьдановского режима, упрочение в гоминьдановском руководстве позиций наиболее националистических деятелей, подъем антияпонских настроений в стране позволили нанкинскому правительству занять более твердую позицию, в частности отвергнуть выдвинутые в 1935 г. японским империализмом «три принципа Хирота», принятие которых превращало бы нанкинское правительство в японскую марионетку. Вместе с тем такая политическая позиция нанкинского правительства неизбежно заставляла его искать военно-политических союзников внутри и вне Китая для реализации национальной политики. Таким образом, перед лицом национальной катастрофы в Китае стали складываться определенные предпосылки для постановки вопроса о национальном единстве. Реализации этих предпосылок в значительной степени способствовали решения VII конгресса Коминтерна.

VII конгресс Коминтерна состоялся в июле—августе 1935 г. и внес принципиальные изменения в стратегию и тактику коммунистического движения. Опыт поражений и побед коммунистического движения первой половины 30-х гг. заставил вновь обра-

таться к ленинской концепции национально-колониальной революции, сформулированной в решениях II и IV конгрессов Коминтерна. Подчеркнув исключительное значение широкого антиимпериалистического фронта в колониальных и полуколониальных странах в связи с усилившейся империалистической экспансией, VII конгресс Коминтерна призвал коммунистические партии этих стран по-новому подойти к политике единого фронта.

Однако в это время руководство КПК фактически потеряло связи с Коминтерном, было занято прежде всего фракционной борьбой, не видело принципиального изменения политической ситуации в Китае. Инициативу выработки нового курса КПК в этих условиях взяли на себя Коминтерн и делегация КПК в Коминтерне во главе с Ван Мином. Уже во время работы конгресса — 1 августа — от имени КПК делегация публикует обращение «Ко всему народу Китая об отпоре Японии и спасении родины», знаменовавшее собой начало поворота КПК к политике единого антиимпериалистического фронта. Впервые КПК обращается ко всем политическим партиям и группировкам с призывом прекратить гражданскую войну и объединить силы для отпора японской агрессии. В развитие этого документа и в связи с нарастанием японского давления в Северном Китае делегация КПК от имени партии и Красной армии публикует 25 ноября 1935 г. еще два воззвания ко всем политическим и военным руководителям Китая, включая и Чан Кайши. И хотя в этих первых документах КПК, написанных в Москве, лозунги советского движения еще не пересматриваются, они уже продиктованы не логикой гражданской войны, а логикой борьбы за национальное освобождение. Поэтому политические предложения этих документов, направленные на постепенное достижение национального сплочения, которые сами по себе могут рассматриваться лишь как небольшие тактические изменения, в более широком историческом контексте вели к изменению политической стратегии КПК.

Эти политические выступления КПК были замечены в гоминьдановском Китае, нашли отклик в китайской печати, способствовали росту антиимпериалистических настроений. Для пропаганды нового курса делегация КПК с помощью ИККИ начинает издавать и распространять в Китае партийный орган — газету «Цзюго бао» («Спасение родины»), антиимпериалистические листовки, прокламации, брошюры. Коминтерн направляет в Китай китайских участников VII конгресса, а также китайских коммунистов и комсомольцев, обучавшихся в Москве. В условиях изоляции руководства КПК в окраинном районе страны, разрыва связей между местными парторганизациями эта деятельность делегации КПК в

Коминтерне, помощь Коминтерна послужили первоначальным импульсом возобновления активной политической деятельности коммунистов в крупных городах, включения в общенациональную борьбу, пересмотра методов политической работы в новых условиях.

Борьба за единый национальный фронт

Важным условием складывания единого национального фронта стало нарастание патриотических выступлений китайской общественности, застрельщиком которых, как не раз было в истории Китая, выступила студенческая молодежь. 9 декабря 1935 г. в Пекине состоялась многотысячная студенческая демонстрация под антияпонскими лозунгами. В последующие дни студенческие патриотические демонстрации прокатились по всем крупным городам страны. «Движение 9 декабря» сыграло огромную роль в активизации борьбы китайской общественности за организацию отпора японским агрессорам, за сплочение китайской нации. Ведущую роль в организации этих патриотических выступлений играли городские организации КПК, такие видные коммунисты, как Лю Шаоци, Пэн Чжэнь, Юй Цивэй. Наибольшую активность проявили парторганизации Пекина, Тяньцзиня, Циндао, руководимые Северным бюро ЦК КПК, стремившимся претворить в жизнь концепцию единого антиимпериалистического фронта, выдвинутую VII конгрессом Коминтерна. Постепенно именно крупные города делают основными центрами патриотической борьбы. Здесь создаются организации национального спасения, объединяющие широкие общественные круги. В июне 1936 г. состоялась общенациональная конференция, на которой была создана «Всекитайская ассоциация организаций национального спасения». В следующем месяце был создан Союз китайских работников литературы и искусства, возглавлявшийся Лу Синем и ставивший задачи объединения интеллигенции на платформе антиимпериалистической борьбы. Патриотическое движение китайской интеллигенции имело большое значение для изменения политической атмосферы в стране, для превращения патриотических настроений в мощную политическую силу.

Политические реальности середины 30-х гг. — усиление японской агрессии и подъем патриотического движения — вели к постепенному изменению и политических позиций нанкинского правительства. Наглые требования японского империализма и нежелание западных держав поддержать правительство Чан Кайши заставляют его искать путей сближения с СССР. Уже в конце 1934 и в начале 1935 г. по дипломатическим каналам в Нанкине,

Москве, Лондоне Чан Кайши неофициально (не ставя в известность главу правительства Ван Цзинвэя) зондирует возможность улучшения двусторонних отношений. Заняв пост главы правительства, Чан Кайши активизирует китайско-советские переговоры.

На этих переговорах в 1935—1936 гг. советская сторона не могла не поставить вопроса о прекращении гражданской войны. Вместе с тем Советское правительство заявило, что оно не будет играть никакой посреднической роли и что Чан Кайши сам может найти пути примирения с КПК. И хотя Чан Кайши полагал возможным полностью ликвидировать вооруженные силы КПК, окруженные в северо-западном углу страны, он, понимая, что без военно-политической поддержки СССР не сможет оказать сопротивления японским домогательствам, был вынужден пойти на переговоры с КПК.

Первый контакт Чан Кайши с руководителем КПК Ван Мином был установлен через китайского военного атташе в Москве в начале 1936 г. Затем эти переговоры были перенесены в Китай, где в них принимали участие Чжоу Эньлай и Пань Ханьнянь со стороны КПК и Чжан Цюнь и Чэнь Лифу со стороны Гоминьдана. В ходе этих переговоров постепенно прояснились условия компромисса, выдвигаемые Гоминьданом. Они сводились к признанию КПК трех народных принципов Сунь Ятсена, реорганизации Красной армии в одно из соединений НРА, реорганизации Советов в местную администрацию.

Позиция руководства КПК по вопросу единого фронта была противоречивой. Продолжавшаяся фракционная борьба в КПК затрудняла приспособление к новым политическим условиям. Материалы VII конгресса Коминтерна дошли до руководства КПК северной Шэньси только к концу 1935 г. Ознакомившись с этими материалами, политбюро ЦК КПК 25 декабря провозглашает курс на создание широкого единого антияпонского фронта. Однако из этого фронта исключалась группировка Чан Кайши, которая рассматривалась наряду с японским империализмом в качестве главного врага китайского народа. Эти политические недальновидность и непоследовательность проявились не только в политических заявлениях, но и в военно-политических действиях. Так, в феврале—апреле 1936 г. по инициативе Мао Цзедуна Красная армия предприняла под лозунгом «отпора японским захватчикам» наступление против войск Янь Сишаня в пров. Шаньси (так называемый «Восточный поход»). Нанкинское правительство поддержало генерала Янь Сишаня, наступление было разгромлено, советский район в Шэньси оказался в критическом положении. Все это вынудило Мао Цзедуна в мае 1936 г. предложить нанкинскому правительству прекратить гражданскую войну

и объединить силы для отпора Японии. Однако, когда летом 1936 г. под предлогом продвижения на север для борьбы с Японией выступила юго-западная группировка милитаристов, руководство КПК фактически поддержало эту милитаристскую акцию, заявив, что «...война против японских захватчиков неотделима от войны против Чан Кайши».

Все это заставило Коминтерн летом 1936 г. рекомендовать руководству КПК решительно пересмотреть установку на одновременную борьбу против Гоминьдана и японских захватчиков и тем самым от тактического маневрирования перейти к изменению политической стратегии. В соответствии с этими рекомендациями ЦК КПК 25 августа 1936 г. опубликовал открытое письмо к Гоминьдану, в котором выражалась готовность к воссозданию единого национального фронта двух партий. Этот призыв способствовал расширению и углублению движения за единый антияпонский фронт, сплочению всех патриотов, усилению сопротивления японским домогательствам. Во второй половине 1936 г. в стране складывалась благоприятная политическая обстановка для прекращения гражданской войны, для национального объединения на антиимпериалистической основе. Однако к концу года это развитие оказалось под угрозой полного срыва из-за так называемых «сианьских событий».

В г. Сиане (центр пров. Шэньси) для борьбы с КПК были дислоцированы войска маршала Чжан Сюэляна, отступившие из Маньчжурии, и местные войска генерала Ян Хучэна, во многом настроенные антияпонски и в какой-то мере античанкайшистски. На этой основе представители КПК сумели заключить соглашение с Чжан Сюэляном и Ян Хучэном не только о перемирии, но и фактически о совместной борьбе с Нанкином. В начале декабря 1936 г. Чан Кайши прибыл в Сиань, стремясь полностью восстановить свой контроль над этими армиями. Однако в ночь на 12 декабря он был арестован поднявшими античанкайшистское восстание руководителями северо-западной армии, предполагавшими образовать при поддержке ряда милитаристов правительство, которое вело бы борьбу на два фронта — против японских захватчиков и за свержение нанкинского правительства. Мао Цзэдун и руководство КПК поддержали это выступление и готовились к физической расправе с Чан Кайши.

Эти события вызвали бурную политическую реакцию в Китае. Японофильские элементы в Гоминьдане и правительстве оживились и требовали карательного похода, что могло бы привести к новой вспышке гражданской войны. Патриотические силы выступили за мирное разрешение этого инцидента. Коминтерн и ВКП(б), понимая всю политическую опасность такого развития

событий, недвусмысленно выступили за предотвращение новой вспышки гражданской войны и срыва намечавшегося объединения национальных сил. 14 декабря газета «Правда» опубликовала передовую статью, в которой осуждалось сианьское восстание и содержался призыв к мирному разрешению конфликта. 16 и 19 декабря Коминтерн направил в ЦК КПК директивы, в которых подчеркивалось, что выступление Чжан Сюэяна «...объективно может повредить сплочению сил китайского народа в единый антияпонский фронт и поощрить японскую агрессию» и что Коминтерн придает «...исключительное значение мирному разрешению сианьских событий». Эта четкая позиция Коминтерна и Советского Союза помогла руководству КПК пересмотреть свое отношение к этому восстанию, помогла участникам конфликта принять разумное решение. 25 декабря Чан Кайши был освобожден.

После мирного разрешения этого опасного конфликта военные действия между нанкинскими войсками и Красной армией больше не возобновлялись, начался новый тур переговоров. В апреле 1937 г. в г. Яньань (север. пров. Шэньси) для переговоров прибыл видный деятель Гоминьдана Чжан Цюнь. В июне для встречи с Чан Кайши в Нанкин направилась делегация КПК во главе с Чжоу Эньлаем. Успеху этих переговоров способствовало предложение Москвы Чан Кайши заключить договор о дружбе, а также военно-техническое соглашение, предусматривавшее поставку современной военной техники, кредиты и т.п.

В ходе переговоров было достигнуто неофициальное соглашение о прекращении гражданской войны, о реорганизации Советов в органы демократической власти и Красной армии ... в воинское соединение НРА, программой сотрудничества провозглашались три народных принципа Сунь Ятсена. Таким образом, к лету 1937 г. не только была прекращена гражданская война, но и складывались условия для создания широкого единого национального фронта.

Глава XVI

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА КИТАЙСКОГО НАРОДА ПРОТИВ ЯПОНСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ (1937–1945)

1. НАЧАЛО И ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ВОЙНЫ

Превращение очередного «инцидента» в национально-освободительную войну китайского народа против японских захватчиков

7 июля 1937 г. японская военщина организовала очередную военную провокацию у стратегически важного железнодорожного моста недалеко от Пекина, вошедшую в историю как «инцидент у Лугоуцяо». Привыкнув уже к уступчивости как китайской армии, так и нанкинского правительства, японская военщина на этот раз встретила с неожиданно упорным сопротивлением дивизии Фэн Чжияня (из 29-й армии). Более того, нанкинское правительство хотя и вступило в переговоры с японским правительством, заняло жесткую позицию, не идя на те уступки, которые рассчитывали получить японские милитаристы.

В этот день ни та, ни другая стороны еще не знали, что «инцидент у Лугоуцяо» станет началом национально-освободительной войны китайского народа против японских захватчиков, которая продлится более восьми лет и окажет немалое влияние на судьбы милитаристской Японии в годы второй мировой войны, а для Китая станет поворотным этапом в его современной истории.

Правящие круги Японии в ответ на сопротивление китайской армии и неуступчивость нанкинского правительства приняли решение расширить конфликт, а также, воспользовавшись неготовностью Китая к войне и его международной изолированностью, нанести сильные военные удары не только в Северном, но и в Центральном Китае и быстро заставить гоминьдановское правительство подчиниться своему диктату. У этих расчетов были определенные основания. Западные державы еще по существу продолжали проводить политику попустительства японской экспансии в Китае, лишь на словах сочувствуя ему. А вооруженные силы Китая, несмотря на определенный прогресс в своем развитии, все еще отставали от хорошо отлаженной военной машины японского агрессора. По численности китайские вооруженные силы превосходили японские, однако существенно уступали по технической

оснащенности, по выучке, по моральному состоянию, а главное — по своей организации. Из более чем двух миллионов находившихся в строю солдат и офицеров непосредственно главнокомандующему НРА Чан Кайши подчинялись только 300 тыс., а всего под контролем нанкинского правительства был примерно 1 млн войск, остальные же войска представляли силы местных милитаристов. В Китае не было всеобщей воинской обязанности, не было и системы регулярного пополнения армии, организационная структура не была унифицирована. Командиры частей и соединений рассматривали их как свои «вотчины», от которых они «кормились». Тяжелое наследие традиционного милитаризма, таким образом, ослабляло китайскую армию.

Вот это соотношение сил и привело к быстрым военным успехам захватчиков. Однако, несмотря на расширение военных действий и тяжелейшие поражения китайской армии, гоминьдановское правительство во главе с Чан Кайши не продемонстрировало ожидавшейся агрессорами уступчивости, не пошло на военную капитуляцию или военно-политический компромисс. Это был принципиальный просчет японских правящих кругов, свидетельствовавший об их авантюризме и непонимании ими глубоких перемен, происходивших как в Китае, так и на международной арене.

К середине 1937 г. уже выявилось существенное усиление националистических настроений в правящих кругах гоминьдановского Китая, которым к этому времени удалось в основном объединить страну вокруг нанкинского правительства, укрепить свое военно-политическое положение, добиться определенных успехов в экономическом развитии страны. Летом 1937 г. продолжались начатые значительно раньше переговоры между советским и китайским правительствами, а также между руководством КПК и Гоминьдана, успех которых мог значительно укрепить внутреннее и международное положение страны. Честолюбивый националистический лидер Гоминьдана Чан Кайши претендует в этих новых условиях, принципиально отличающихся от обстановки 1931 г., на роль общенационального лидера, готового вести войну в защиту погрязших национальных интересов Китая.

Чан Кайши хорошо видел значительное военное превосходство Японии, а также отсутствие реальной поддержки западных держав и именно поэтому шел на переговоры с агрессором, стараясь всячески выиграть время, которое, как он полагал, работало против империалистической Японии. Этот расчет Чан Кайши, судя по всему, строился на двух посылах. Во-первых, он резонно полагал, что японская агрессия должна повести к росту патриотических настроений, к усилению центростремительных

тенденций, к сплочению различных социальных сил вокруг национального правительства для ведения войны. Во-вторых, он предполагал, что расширение японской агрессии неминуемо приведет к усилению межимпериалистических противоречий, к расширению международной поддержки сопротивления Китая и в конце концов к военному столкновению Японии с США и СССР. И хотя Чан Кайши несколько переоценил темпы развития этих факторов, однако в целом он гораздо правильное, чем его противники в Токио, понял тенденции развития.

Развитие этих тенденций сказалось прежде всего на быстром завершении советско-китайских переговоров и переговоров КПК с Гоминьданом, что решающим образом сказалось в дальнейшем на судьбах войны сопротивления.

21 августа 1937 г. был заключен советско-китайский договор о ненападении сроком на пять лет. Подписанный в самый тяжелый начальный период войны, договор стал серьезной политической поддержкой сопротивления китайского народа, стал политической основой быстро расширявшегося советско-китайского сотрудничества, которое разорвало фактическую международную изоляцию Китая.

Особенно важное значение имела советская помощь, направленная на повышение боеспособности китайской армии. Для обеспечения поставок советского оружия СССР предоставил Китаю кредиты на общую сумму 450 млн дол., а сами поставки начались уже с осени 1937 г. За первые четыре года войны в Китай было отправлено через пров. Синьцзян 904 самолета, 1140 артиллерийских орудий, 82 танка, 9720 пулеметов, 50 тыс. винтовок и другое оружие и снаряжение. Не меньшее значение имело и прямое участие в боевых действиях советских военных советников, инструкторов и других военных специалистов в рядах китайской армии. Первые военные советники прибыли в Китай весной 1938 г., а к началу 1941 г. их количество достигло 140 человек. Среди них были известные уже советские военачальники, имевшие опыт гражданской войны в России, некоторые из них были советниками во время гражданской войны в Испании и в прежние годы в Китае. Это В.И. Чуйков, А.И. Черепанов, П.Ф. Батицкий, П.Ф. Жигарев, А.Я. Калягин, П.С. Рыбалко, П.В. Рычагов, Г.И. Тхор и другие. Они помогали разрабатывать планы военных операций китайской армии, готовили офицерские кадры, обучали войска и т.п. Непосредственно в боевых операциях участвовали 2 тыс. советских летчиков-добровольцев, более 200 из которых отдали жизнь за свободу китайского народа. Активная помощь советского народа сыграла огромную роль в срыве японских планов молниеносного разгрома не готовой к войне китайской армии.

Прямой военно-политической поддержкой борьбы китайского народа против японских агрессоров был отпор СССР японским провокациям на Дальнем Востоке: разгром Красной Армией японских агрессивных поползновений у оз. Хасан (1938) и на р. Халхин-Гол (1939), стал серьезным уроком для японской военной. В результате японский империализм вынужден был считаться с военной силой Советского Союза в этом регионе.

Важно подчеркнуть, что эта политическая и военная помощь китайскому народу пришла в то критическое время, когда западные державы не оказали поддержки борющемуся Китаю. Однако сам факт возрастающего советского военного и политического влияния на разворачивание событий на Дальнем Востоке не мог не подтолкнуть западные державы изменить свою позицию — осознать необходимость поддержать борьбу Китая, успешный исход которой соответствовал правильно понятым интересам самих этих держав. Все это способствовало не только прорыву международно-политической блокады сопротивлявшегося японской агрессии Китая, но и тому, что Китай оказался участником международной антифашистской коалиции, внося свой вклад в общую победу.

Советско-китайское сближение решающим образом способствовало и ускорению переговоров между Гоминьданом и КПК, имевших своей целью создание единого фронта борьбы против японской агрессии. Уже в воззвании ЦК КПК от 8 июля 1937 г. было требование ускорить создание единого фронта, а 15 июля в ходе переговоров делегаций КПК (Чжоу Эньлай, Цинь Бансянь, Линь Боцюй) и Гоминьдана (Чан Кайши, Шао Лицзы, Чжан Чжичжун) руководству Гоминьдана было вручено обращение ЦК КПК, содержащее важные уступки со стороны КПК, направленные на достижение национального примирения и в основном исходившие из тех условий, которые Гоминьдан предлагал еще до начала войны. В этом документе руководство КПК признавало три народных принципа Сунь Ятсена в качестве идейно-теоретической основы политического сотрудничества, отказывалось от борьбы за свержение гоминьдановского режима и за советизацию Китая, а также от насильственной конфискации помещичьей земли, заявляло о преобразовании советского правительства в местную демократическую администрацию, отказывалось от наименования «Красная армия» для вооруженных сил КПК и соглашалось на их преобразование в соединения национально-революционной армии (НРА). 17 июля Чан Кайши выступил с заявлением о необходимости общенациональной борьбы сопротивления. Наконец, 22 августа, сразу же по завершении советско-китайских переговоров, гоминьдановское правительство

издает приказ о преобразовании вооруженных сил КПК в 8-ую армию НРА. Командиром был назначен Чжу Дэ, его заместителем — Пэн Дэхуай. Численность армии первоначально была определена в 45 тыс. бойцов и армия состояла из трех дивизий: 115-я (командир Линь Бяо), 120-я (командир Хэ Лун), 129-я (командир Лю Бочэн). В октябре правительство дало согласие на создание под руководством коммунистов еще одной, Новой 4-й армии, организованной на основе партизанских отрядов Центрального и Южного Китая (командир Е Тин, заместитель Сян Ин). Все это стало первыми практическими шагами военно-политического сотрудничества Гоминьдана и КПК.

22 сентября гоминьдановское правительство публикует обращение ЦК КПК от 15 июля, а на следующий день — заявление Чан Кайши об установлении сотрудничества двух партий. Так реализуется идея национального примирения с целью создания единого национального фронта борьбы против японской агрессии.

Это военно-политическое соглашение было итогом долгого, сложного и мучительного поиска компромисса между идейно-политически непримиримыми позициями двух основных социально-политических сил Китая. Вынужденный компромисс был найден только под угрозой полного уничтожения КПК, с одной стороны, и под угрозой разгрома гоминьдановской государственности — с другой. Обе партии рассматривали новую политику как вынужденную тактику, что, естественно, делало этот компромисс весьма неустойчивым. Не случайно, что, несмотря на выработку политического соглашения, Гоминьдану и КПК не удалось договориться ни о выработке общей официальной программы, ни о создании организационных форм единого фронта. Отметим также, что если КПК официально прокламировала концепцию единого национального фронта как важнейший компонент своей политической линии, то Гоминьдан не хотел видеть в КПК равноправного политического партнера, а отказ коммунистов от лозунгов советизации страны и признание ими принципов суньятсенизма расценил как полный провал принципов марксизма-ленинизма на китайской почве (не употреблял в этой связи в своих документах самого понятия «единый фронт», а говорил обычно о «присоединении» КПК). Несмотря на эти очевидные слабости, политическое соглашение КПК и Гоминьдана стало реальной основой национального сплочения, сыгравшего столь важную роль в войне сопротивления.

Таким образом, уже в первые дни войны выявился провал авантюристических планов японских агрессоров полностью военно-политически изолировать Китай на международной арене и расколоть национально-патриотические силы. Этот кардинальный

просчет во многом предопределил дальнейший ход войны Японии в Китае, превратив ее из войны ограниченной и краткосрочной в войну затяжную, общенациональную, ставшую частью начавшейся в 1939 г. Второй мировой войны.

Войну 1937—1945 гг. с военно-политической точки зрения с учетом общемировой ситуации можно разделить на четыре основных периода: июль 1937 г. — октябрь 1938 г., ноябрь 1938 г. — декабрь 1941 г., декабрь 1941 г. — август 1945 г. и, наконец, август — сентябрь 1945 г.

Первый период войны (июль 1937 г. — октябрь 1938 г.)

Это время превращения «инцидента» в «большую войну», время значительных военных успехов японских агрессоров. Уже в июле японские войска захватили Пекин и Тяньцзинь и продолжали наступать в Северном Китае. В августе начались бои уже за Шанхай и Нанкин и развернулось широкое японское наступление в Центральном Китае. После тяжелых боев 12 ноября пал Шанхай, а через месяц — Нанкин. Гоминьдановское правительство эвакуировалось в Ухань.

Закрепившись в захваченных районах, японская армия весной и летом 1938 г. развернула новое наступление в Центральном Китае, а также открыла новый фронт в Южном Китае. В марте начались бои за Сюйчжоу, который пал 19 мая, что позволило японцам после захвата этого важного стратегического и транспортного центра соединить свои фронты в Северном и Центральном Китае. В августе японская армия начала наступление на Ухань и столкнулась с упорным сопротивлением китайской армии. Ожесточенные бои продолжались три месяца. В боях за Ухань принимали активное участие советские военные специалисты, в небе Уханя героически сражались советские летчики. В ходе этих боев гоминьдановская армия потерпела еще одно серьезное поражение и 27 октября была вынуждена оставить Ухань. Правительство эвакуировалось в Чунцин. Еще до этого, 22 октября, после высадки японского морского десанта гоминьдановская армия сдала и Гуанчжоу.

Этими поражениями завершается первый период войны. Агрессору удалось добиться значительных военных успехов, захватить обширные районы Северного, Центрального и Южного Китая, овладеть основными промышленными центрами страны и ее главными железными дорогами и портами, фактически блокировав Китай с моря. Вместе с тем агрессору не удалось добиться своей главной цели — заставить гоминьдановское правительство

капитулировать и пойти на унизительные условия соглашения. Япония втягивалась в столь нежелательную для нее затяжную войну, в которой она постепенно могла потерять свое военное преимущество.

Уже в этот период выявилась главная особенность военных действий в условиях непрочного сотрудничества КПК и Гоминьдана — наличие двух фронтов войны с японскими захватчиками: гоминьдановского, сдерживавшего основные силы наступающей японской армии, и фронта освобожденных районов, созданного вооруженными силами КПК в тылу захватчиков. Вместе с тем выявились не только политические, но и военные противоречия между КПК и Гоминьданом: создание освобожденных районов происходило не столько за счет освобождения захваченной территории от агрессоров, сколько за счет установления власти КПК на территориях за линией фронта, «освобождаемых» от вооруженных сил и власти Гоминьдана, подорванной, естественно, военными действиями. В этой борьбе КПК благоприятствовало также наличие большого опыта партизанской войны и создания опорных баз, накопленного в войне против Гоминьдана в период еще советского движения. Эта ситуация была в военном и политическом отношении взрывоопасной, что и вылилось в полной мере в следующий период войны.

В первый период войны китайские войска, ведя оборонительные бои, нанесли захватчикам ощутимые потери, которые грозили японской армии истощением ее людских и материальных ресурсов и делали цену военным победам чрезвычайно высокой. Китайским армиям удавалось испытывать и радость военных побед, хотя они и были редкими. Так, в сентябре 1937 г. руководимая Линь Бяо 115-я дивизия устроила засаду и разгромила японскую бригаду в горном проходе Пинсингуань в северо-восточной Шанси. Весной 1938 г. в начале боев за Сюйчжоу гоминьдановские войска нанесли поражение захватчикам под Тайэрчжуанем. Однако в целом инициатива оставалась за агрессором.

Второй период войны (ноябрь 1938 г. — декабрь 1941 г.)

Этот период характеризовался прекращением общего наступления японских армий, военная активность которых свелась к частным операциям, рассматриваемым как вспомогательные по отношению к политическим мероприятиям, которые делаются основным средством решения «китайской проблемы». Снижение японской военной активности связано также с подготовкой Японии к широкомасштабной агрессии в качестве одного из соучастников оси «Берлин—Рим—Токио».

Именно в этот период национально-освободительная война китайского народа становится частью второй мировой войны, а Китай делается участником антифашистской коалиции. Развитие международной ситуации все больше влияет на военные действия в Китае. Центральным событием в развитии международной обстановки явилось начало Великой Отечественной войны советского народа против гитлеровской Германии, ход которой в решающей мере воздействовал на развитие военных действий на всех других фронтах, включая и войну в Китае. Важное значение в этой связи имел разрыв правительством Чан Кайши в июле 1941 г. дипломатических отношений с гитлеровской Германией, что свидетельствовало о дальнейшем международном размежевании агрессивных и антифашистских сил. Наконец, этот период завершается нападением 7 декабря 1941 г. японской авиации и флота на американскую базу Пирл-Харбор, послужившим началом войны на Тихом океане.

Не сумев быстрым военным ударом решить «китайскую проблему» и опасаясь дальнейшего втягивания в кровопролитные сражения, Япония усиливает политическое наступление на гоминьдановское правительство, стремясь найти с ним общий язык на антикоммунистической основе. В конце 1938 г. японский премьер Коноэ провозглашает три принципа ликвидации «конфликта»: сотрудничество Китая с Японией и Маньчжоу-го в создании «нового порядка в Восточной Азии», совместная борьба с коммунизмом, экономическое сотрудничество, подразумевающее признание «особых» интересов Японии. Это опасное наступление привело к расколу Гоминьдана. Ван Цзинвэй и группа его сторонников, полагая, что война сопротивления может привести только к разрушению всей гоминьдановской структуры и переходу власти к коммунистам, бежали из Чунцина на оккупированную территорию. Однако Чан Кайши не поддавался на эти провокации, отверг «три принципа Коноэ» и продолжал политику сопротивления Японии. Не сумев различными посулами склонить Чан Кайши и руководимый им Гоминьдан к предательству, японские захватчики в марте 1940 г. инспирировали провозглашение так называемого центрального правительства в оккупированном Нанкине во главе с Ван Цзинвэем. Создававшийся аппарат этого марионеточного правительства, в том числе и его армия (около 800 тыс. человек), должны были взять под свой контроль тыл японской армии, облегчив ей борьбу против Гоминьдана и КПК.

Рассматриваемый период характеризовался также значительным ростом вооруженных сил КПК и распространением ее власти в обширных районах за линией фронта, особенно в Северном Китае. Однако вследствие тактики пассивного ведения войны и

накопления сил для последующей борьбы за власть с Гоминьданом вооруженные силы КПК провели в эти годы только одну крупную наступательную операцию (речь идет о наступлении частей 8-й армии в августе—ноябре 1940 г. на опорные пункты и коммуникации японской армии в Северном Китае), известную под названием «битва ста полков». Опасаясь расширения освобожденных районов в своем тылу, японские оккупанты в 1941 г. предприняли ряд операций против вооруженных сил КПК, что привело к сокращению территории и населения освобожденных районов и численности 8-й и Новой 4-й армий.

Вместе с тем военно-политическое усиление КПК вызывало настороженность у правящих кругов Гоминьдана, усугубляло антикоммунистические настроения и стремление всячески ограничить деятельность КПК. Левосектантские тенденции в руководстве КПК, стремление к расширению освобожденных районов за счет Гоминьдана, а не в ходе войны с японскими оккупантами, обостряли отношения в едином фронте, создавали опасность его развала. Это обострение привело в начале 1941 г. к опасному инциденту с Новой 4-й армией на южном берегу Янцзы, закончившемуся разгромом штабной колонны этой армии гоминьдановскими войсками. Обострение отношений внутри единого фронта объективно способствовало усилению капитулянтских настроений в Гоминьдане, служило фактическим оправданием позиции Ван Цзинзэя, было на руку оккупантам.

Третий период войны (декабрь 1941 г. — август 1945 г.)

Пирл-Харбор окончательно завершил военно-политическое размежевание на Дальнем Востоке. Правительство Чан Кайши только теперь (на пятом году фактического состояния войны!) объявляет войну Японии, а затем и Германии. Усиливается финансовая и военная поддержка гоминьдановского правительства со стороны США. Создается совместное союзническое командование на китайско-бирманско-индийском театре военных действий.

В эти годы возрастает влияние войны СССР с Германией на развитие военно-политической обстановки на Дальнем Востоке. Разгром гитлеровцев под Москвой, под Сталинградом, на Курской дуге не только окончательно снял вопрос о нападении Японии на СССР, но и стал важным фактором поддержки в Гоминьдане сторонников решительного сопротивления, серьезным ударом по капитулянтам.

Военная активность агрессора носила неравномерный характер. В 1941—1942 гг. японские войска и войска марионеточного нанкин-ского правительства в основном вели наступательные операции

против освобожденных районов в своем тылу, что привело к сокращению территории этих районов и численности вооруженных сил КПК. В 1944 г. японская армия провела широкие наступательные операции против гоминьдановских войск и добилась крупного успеха на широком фронте, захватив Чжэнчжоу, Лоян, Чанша, Гуйлинь. Однако и в результате этих наступательных операций агрессор не добился своей главной военно-политической цели — капитуляции гоминьдановского правительства и создания прочного «тыла» для своего тихоокеанского фронта.

Вместе с тем продолжавшаяся борьба внутри единого фронта во многом парализовала способность Китая перехватить военную инициативу и внести больший вклад в разгром японских захватчиков. По сути дела обе стороны — и КПК, и Гоминьдан — готовились к борьбе за власть после войны, победа в которой должна быть завоевана, как они рассчитывали, усилиями союзников Китая.

Вступление Советского Союза в соответствии со своими союзническими обязательствами в войну с Японией 9 августа 1945 г. ускорило ход военных событий и привело к быстрому разгрому империалистической Японии. Эти решающие дни войны — с 9 августа по 2 сентября — и составляют ее четвертый, заключительный, период, который рассмотрен вместе с основными итогами войны (см. разд. 5 наст. главы).

Особенности военно-политической ситуации в Китае в годы национально-освободительной войны против японских захватчиков привели к фактическому распаду страны на три части, контролировавшиеся тремя основными силами — японскими оккупантами, гоминьдановскими властями и КПК — и развивавшиеся во многом самостоятельно, что и заставляет рассматривать процессы социально-экономического и идейно-политического развития Китая в годы войны по этим трем регионам.

2. РАЗВИТИЕ ОККУПИРОВАННОЙ ЧАСТИ КИТАЯ

Создание марионеточной государственности на оккупированной территории

Проводя массированные наступления на основные политические и экономические центры Китая, захватив огромные территории, японские агрессоры вскоре столкнулись с проблемой «освоения» захваченных территорий в связи с затяжным характером войны, к которому они не были готовы. Масштабы оккупированной части Китая явно не соответствовали военным возможностям

Японии. Фактический военный контроль захватчики могли установить только за небольшой территорией, примыкавшей к городам, железным и шоссейным дорогам, которые непосредственно контролировались военными гарнизонами и жандармерией. Это была так называемая «зона спокойствия», простиравшаяся от важнейших дорог и опорных пунктов на 10–15 км. За ней еще примерно на 15–20 км проходила «зона полуспокойствия», куда японские патрули и карательные отряды заходили днем, но предпочитали на ночь не задерживаться. Далее, с точки зрения японских властей, была «зона опасности», где сохранялась прежняя гоминьдановская власть или устанавливалась власть КПК. По мере японского наступления необходимость распылять военные гарнизоны по все удлинявшимся коммуникациям требовала огромных военных сил, что вело к существенному ослаблению наступательного потенциала японской армии, но в то же время не гарантировало этой армии спокойного тыла. «Умиротворения» не удавалось добиться и жесточайшими карательными методами. Лозунг захватчиков «все жги, всех убивай, все грабь» претворялся в действительность во время карательных походов в «зоны опасности», однако даже чудовишные репрессии не могли остановить роста национального сопротивления.

В этих условиях оккупанты пошли на создание местных марионеточных китайских властей, рассчитывая таким образом создать механизм политического контроля за захваченной китайской территорией. 14 декабря 1937 г. семнадцать членов Хэбэй-Чахарского политического совета заявили о самороспуске совета и провозгласили создание Временного правительства Северного Китая с центром в г. Пекине. Немедленно это правительство было признано командующим японскими войсками в Северном Китае в качестве «единственной гражданской власти». Внешне эта «власть» была организована по традиционному образцу — законодательный, исполнительный, судебный юани и т.п. По замыслу оккупантов она должна была стать примером для других подобных местных «правительств» как политическая альтернатива единой китайской гоминьдановской государственности. Не случайно инициаторами создания пекинского правительства стали весьма колоритные политические фигуры — Ван Кэмин, Тан Эрхэ, Тун Гуань, Ван Итан, Цзи Шиюань, Чжу Шэн и др., принадлежавшие к старым прояпонским кликам и давно известные своей борьбой против Гоминьдана.

Однако в условиях затяжной войны и нежелания режима Чан Кайши капитулировать, что отражало определенную прочность гоминьдановской государственности, японские власти начинают

искать иные пути решения «китайской проблемы». Раскол в Гоминьдане в 1938 г., измена Ван Цзинвэя и его сторонников, капитуляция ряда гоминьдановских генералов подсказали путь создания альтернативной гоминьдановской государственности на оккупированной территории, которая могла бы стать не только фактором политического давления на Чан Кайши, но и фактором поиска определенного компромисса с наиболее националистическими и патриотическими элементами в Гоминьдане. Так возникла идея создания прояпонского «центрального правительства» в Нанкине.

Уже в 1939 г. Ван Цзинвэй и другие видные гоминьдановцы, ставшие изменниками родины (Чэнь Гунбо, Чжоу Фохай, Тао Сишэн и др.), активизировали свою политическую деятельность на оккупированной территории. В январе 1940 г. в Циндао они провели совещание ряда членов ЦИК Гоминьдана, сотрудничавших с оккупантами, и разработали предложения о «воссоздании» гоминьдановского правительства. Эти предложения были реализованы японскими властями, и 30 марта 1940 г. было торжественно объявлено об образовании «центрального правительства» в Нанкине. Исполняющим обязанности председателя правительства стал Ван Цзинвэй. Правительство опубликовало декларацию, в которой объявляло своей главной целью достижение мира, призывало чунцинское правительство и армию прекратить военные действия и объединиться для борьбы с коммунизмом, признавало новый порядок в Восточной Азии, обязывалось уважать права дружественных держав в Китае. В тот же день японское правительство официально заявило о «признании» нового нанкинского правительства и подчеркнуло, что оно «...приветствует восстановление китайского национального правительства в прежней столице». В этой связи японским властям пришлось пойти даже на роспуск марионеточного пекинского правительства, чтобы подчеркнуть «общенациональный» характер нанкинского правительства.

Перед новыми марионетками японцы ставили две основные задачи. Первая — оказывать политический нажим на Чунцин, добиться прекращения его сопротивления на общей антикоммунистической платформе. Именно на эту цель были ориентированы декларация нового правительства, оставление вакантным поста председателя правительства, роспуск пекинского правительства и т.п. Вторая — создать аппарат «умиротворения» японского тыла.

Стремясь укрепить позиции своих марионеток, помочь им найти какую-то социальную базу, оккупанты были вынуждены пойти на некоторые уступки имущим слоям оккупированных районов

Китая. В 1941 г. японское правительство даже запретило военным властям конфисковывать имущество коллаборационистов, а также приняло решение поощрять предпринимательскую деятельность китайской буржуазии. Начав войну на Тихом океане, японское правительство пытается привлечь марионеточное нанкинское правительство к проведению своей агрессивной политики, а с этой целью поднять его «международный» авторитет. В декабре 1942 г. в Токио принимают решение провести политический спектакль — «отказаться» от неравноправных договоров и соглашений с Китаем, что, по замыслу инициаторов этой акции, должно было произвести соответствующий политический эффект как на Китай, так и на колониальные страны Азии. На основе этого решения 9 января 1943 г. между Токио и Нанкином заключается соглашение о возвращении селтльментов, об отмене права экстерриториальности и т.п. унижительных для Китая ограничений. «Благодарное» правительство Ван Цзинвэя в свою очередь заявляет о вступлении Китая в Тихоокеанскую войну на стороне Японии.

Одновременно японские власти помогают Ван Цзинвэю создать армию, которая, по замыслам японских стратегов, могла бы взять на себя бремя «умиротворения» японского тыла. Она была создана в основном на базе разгромленных и сдавшихся в плен гоминьдановских частей и соединений. Руководство этой армии, численность которой достигла 800 тыс. человек, состояло из гоминьдановских генералов, перешедших на сторону захватчиков или добровольно сдавшихся в плен. Две трети солдат этой армии — бывшие бойцы гоминьдановских войск.

Создавая новую политическую структуру с центром в Нанкине, Ван Цзинвэю и его приспешникам удалось объединить вокруг себя значительную часть прежнего гоминьдановского аппарата, многих старых политических деятелей, некоторые слои приморской буржуазии. Однако коллаборационисты, оказавшись в условиях общенационального подъема войны сопротивления, по сути дела, изолированными от широких слоев китайской нации, не сумели сыграть предназначавшейся им японскими захватчиками роли и на заключительном этапе войны вся эта марионеточная политическая структура стала представлять четко очерченную политическую мишень для патриотических сил.

Социально-экономическое развитие оккупированных районов

Война в Китае рассматривалась японским империализмом как один из этапов реализации претенциозных планов установления своей гегемонии в Азии, а эксплуатация захваченных районов Китая — как важнейший элемент создания колониальной

империи нового типа: «великой восточно-азиатской сферы совместного процветания». Новизна японской колониальной политики заключалась, помимо ее идеологического оформления, в том, что, во-первых, колониальная периферия рассматривалась центром этой «сферы» — Японией — не только как аграрно-сырьевой придаток японского хозяйства, но и отчасти (в Южной Маньчжурии и Северной Корее) как районы развития промышленности, в том числе и тяжелой, строящейся на японские и местные капиталы. И, во-вторых, колонизаторы стремились расширить социальную опору своего господства в «сфере совместного процветания» путем сотрудничества с буржуазными и мелкобуржуазными слоями под лозунгами панasiatизма. В годы войны японские захватчики попытались реализовать свои колониальные планы на китайской земле, что существенно изменило характер социально-экономического развития некоторых районов Китая.

Особое место в японских колониальных планах отводилось Маньчжурии, которая рассматривалась и как экономически наиболее важный район, и как образец «совместного процветания». Объяснялось это прежде всего тем, что этот район несказанно богат природными ресурсами, которых так недоставало в самой Японии, а также тем, что, по представлению захватчиков, здесь сложился уже прочный в политическом отношении колониальный режим (марионеточная империя Маньчжоу-го).

Еще до начала войны в штабе Квантунской армии — фактическом хозяине этого района — захватчики разработали перспективные планы экономического развития Маньчжурии, на основе которых в начале 1937 г. был принят первый пятилетний план, а в 1941 — второй. Планы предусматривали довольно быстрые темпы индустриализации, а для достижения этих целей — высокий уровень японских капиталовложений. И хотя эти планы не были полностью выполнены, ибо ход войны оказался не таким, как его себе представляли в Токио, их реализация изменила социально-экономический облик Маньчжурии. Связано это прежде всего с высоким уровнем японских капиталовложений. С 1936 по 1945 г. японские капиталовложения в этом районе выросли с 2,8 млрд иен до 11,3 млрд, а с учетом вложений правительства Маньчжоу-го (которые мы вправе вслед за китайскими авторами отнести фактически к японским — Токио ими бесконтрольно распоряжался) даже до 24,2 млрд иен, а в ам. дол. — с 1404,1 млн до 5595,9 млн.

Огромный приток капиталовложений (вряд ли сопоставимый в то время с какой-либо другой колониальной страной) происходил

в основном за счет японского государства (около 70—80% всех вложений), что было связано с нежеланием японских монополий (*дзайбацу*) и японских предпринимателей подвергнуть риску свои капиталы, а также с низкой прибыльностью японских вложений в Маньчжурии (например, в 1941 г. — лучшим по конъюнктуре во время войны — японские компании в Маньчжурии получили только 2,5% прибыли на свой капитал). При этом имел место реальный ввоз капитала, вещественная форма которого была связана прежде всего с реализацией планов индустриализации Маньчжурии, т.е. в значительной мере ввозилось промышленное и транспортное оборудование. Характерно, что Маньчжурия, имевшая до 1932 г. в течение многих лет значительный положительный торговый баланс в торговле с Японией, после 1932 г., т.е. после того как начался переход к промышленной стадии колониальной эксплуатации, стала значительно больше ввозить из Японии и стран иенового блока, чем вывозить туда. Причем отрицательное сальдо торгового баланса довольно точно коррелировалось с ростом уровня японских капиталовложений в Маньчжурии.

Еще накануне войны штаб Квантунской армии, отказавшись от прямого военного контроля за экономикой, предпринял некоторую реорганизацию японского хозяйственного аппарата в Маньчжурии с целью интенсификации экономического строительства. В течение долгого времени главным «хозяином» экономической жизни Маньчжурии была японская Компания Южно-маньчжурской железной дороги (по-японски сокращенно «Мантецу»), контролировавшая не только железные дороги, но и всю крупную промышленность. В конце 1937 г. японцами была создана Компания промышленного развития Маньчжурии (по-японски сокращенно «Мангё»), капитал которой был образован из взносов марионеточных властей и японской финансовой группировки Аюкавы. «Мангё» стала держательской компанией, которой были переданы все предприятия тяжелой промышленности (кроме Фушуньских копей), прежде контролировавшиеся «Мантецу». Новая компания, используя предоставленные ей капиталы для создания военно-промышленной базы, субсидировала создание новых промышленных компаний и расширение старых: металлургической компании в Дуньбяньдао на границе с Кореей, горно-металлургических комплексов в Аньшане и Бэньсиху, самолетостроительной компании, компании специальных сталей и многих других. К концу 1941 г. «Мангё» уже держала контрольные пакеты 32 крупнейших промышленных компаний. Кроме того, японские власти способствовали созданию еще нескольких десят-

ков привилегированных компаний, основанных прежде всего на японские частные и государственные средства, фактически охвативших своим контролем остальные отрасли хозяйства. Все эти компании стремились привлечь также и частный китайский капитал.

Хозяйственная активность японских захватчиков, стремившихся превратить Маньчжурию в свою военно-промышленную базу, принципиально изменила экономический облик этой части Китая, причем экономические процессы, наметившиеся еще в предвоенное время, в годы войны ускорились и углубились.

Прежде всего дальнейшее развитие получила тяжелая промышленность. Добыча угля и железной руды утроилась, а выплавка чугуна и стали возросли в пять раз, быстро развивалась цветная металлургия. Особенно большое развитие получило машиностроение: значительно расширился выпуск промышленного оборудования и станков, увеличилось производство локомотивов и автомобилей. Естественно, что захватчики особое внимание уделили производству различных видов вооружения и боеприпасов, в том числе производству такого сложного вооружения, как самолеты и танки. В ином положении находились отрасли, производившие потребительские товары — большие японские капиталовложения сюда не поступали. Исключение составляли текстильная и бумажная промышленности, в которых была заинтересована японская армия и которые поэтому значительно выросли в этот период.

В годы войны продолжалась и политика интенсификации сельского хозяйства Маньчжурии, его дальнейшего подчинения интересам оккупантов. Выразилось это прежде всего в его продолжающейся диверсификации, расширении посевов технических культур, в росте производства которых японцы были особенно заинтересованы. Так, за годы войны производство хлопка удвоилось, а сахарной свеклы выросло даже в десять раз. За счет китайского крестьянства Маньчжурии снабжалась оккупационная армия, в значительных количествах продовольствие и сельскохозяйственное сырье вывозилось в Японию. Постепенно все сельскохозяйственное производство было поставлено под строгий японский контроль. Колонизаторы устанавливали номенклатуру и размеры посевов, а урожай фактически забирали на основах контрактации. Крестьянство постепенно теряло заинтересованность в увеличении производства.

Китайская буржуазия Маньчжурии в годы войны не саботировала экономические мероприятия японских властей, стремясь получить свою долю от значительных военных доходов. Возросли ее вложения в смешанные предприятия и особенно в средний и

мелкий бизнес. В «обмен» на возможность относительно быстрого развития китайская буржуазия вела здесь себя лояльно по отношению к колонизаторам, расширяя и укрепляя тем самым их социальную базу.

Итогом 14-летнего японского хозяйничанья в Маньчжурии было принципиальное изменение социально-экономической структуры этой части Китая. Из отсталой аграрной окраины Маньчжурия превратилась в индустриально-аграрный район с развитой инфраструктурой и преобладанием тяжелой промышленности. Это был первый (наряду с Кореей) в истории колониальной системы империализма пример развития колонии индустриального типа.

Маньчжурия стала действительно *промышленной* колонией, ибо основные экономические интересы захватчиков лежали именно в промышленной сфере. Маньчжурия была превращена в военно-промышленную базу японской агрессии. Но все индустриальное развитие Маньчжурии носило *колониальный* характер, ибо оно определялось японскими интересами. Япония сохраняла полный контроль за всеми ресурсами этого района. Маньчжурская промышленная структура не стала органической частью китайского народного хозяйства.

В определенной мере используя маньчжурский опыт, Япония пыталась реализовать свои колониалистские планы во вновь захваченных районах Китая. Наиболее прочные экономические позиции Япония имела в Северном Китае. По примеру компании «Мантецу» здесь японцы организовали держательскую Компанию развития Северного Китая, которая весной 1944 г. контролировала уже 34 компании различного хозяйственного профиля с общим капиталом в 1,4 млрд иен. Основные вложения приходились на транспорт, связь, портовое хозяйство (73%), на втором месте была горнодобывающая промышленность (9%), а вложения в обрабатывающую промышленность были небольшими. Кроме того, различными льготами оккупанты стремились привлечь сюда и частный японский капитал. Фактически за счет ограбления частного китайского капитала («покупка» предприятий за бесценок, «смешанные» предприятия и т.п.) количество японских фирм здесь в годы войны утроилось. Однако в целом значительного реального ввоза японского капитала в Северный Китай не было (всего за годы войны ввезено сюда около 265 млн ам. дол.) и не проводилось сколько-нибудь значительного промышленного строительства. В этом районе оккупанты прежде всего стремились создать условия для вывоза сырья, для интенсификации эксплуатации местных ресурсов.

Для эксплуатации оккупированных районов бассейна Янцзы (прежде всего шанхайского промышленного района) японцы создали держательскую Компанию развития Центрального Китая, которая в 1944 г. контролировала 12 крупных компаний с оплаченным капиталом в 204 млн иен, охватывавших своей деятельностью весьма широкий круг предприятий: транспорт и связь, добычу угля и металлургию, автобусное сообщение и производство газа, недвижимость и шелководство и т.п. В четыре раза выросло и количество частных японских фирм. Однако общие японские капиталовложения в этом районе за годы войны составили всего 41 млн ам. дол., что свидетельствовало о нежелании японских властей, и тем более частных японских вкладчиков, рисковать значительными средствами в этом районе.

Под свой полный контроль японцы стремились взять не только промышленное производство и транспорт оккупированных районов, но и, естественно, кредитно-банковскую систему, создав с этой целью резервные банки, контролировавшие денежный рынок. Уже в марте 1938 г. в Пекине был открыт Федеральный резервный банк (ФРБ), считавшийся формально китайским, причем половину оплаченного капитала внесли китайские коммерческие банки, а другую половину — марионеточные власти за счет средств, предоставленных японскими банками. Незначительный оплаченный капитал банка (50 млн иен) и значительная денежная эмиссия привели к быстрому обесцениванию банкнотов ФРБ. В декабре 1940 г. марионеточное правительство Ван Цзин-вэя открыло в Шанхае Центральный резервный банк (ЦРБ). Так создавался банковский механизм, имевший китайскую вывеску, но фактически находившийся в руках Японии, который позволил захватчикам поставить под свой полный контроль всю банковско-кредитную систему оккупированных районов. Однако желание японской военщины как можно быстрее и легче использовать материальные ресурсы захваченных районов привели к безудержной эмиссии, не имевшей сколько-нибудь реального обеспечения, и, следовательно, к росту инфляции. К концу войны ее темпы оказались даже выше, чем в гоминьдановских районах Китая. Столь же стремительно росли и цены.

После того как схлынула первая волна грабежей со стороны японских захватчиков, оккупационные власти попытались не только взять под свой контроль экономическую жизнь, но и оживить промышленность и торговлю, наладить сотрудничество с китайской буржуазией, привлечь ее к экономическому строительству «сферы совместного процветания». Действительно, после падения производства в первые два года войны начался процесс его

постепенного восстановления, а в 1939—1941 гг. и определенного роста, что было, в частности, связано с благоприятной внешне-экономической конъюнктурой в первые годы мировой войны. Растет добыча полезных ископаемых (например, угля в северном Китае в 2,5 раза), увеличивается производство и экспорт обрабатывающей (особенно текстильной) промышленности шанхайского района. Однако начало Тихоокеанской войны и последовавшие за этим военные поражения японских агрессоров выявили авантюризм социально-экономической политики захватчиков. Повторить в этих районах Китая опыт маньчжурского сотрудничества, столь выгодного колонизаторам, не удалось. И это объяснялось не только ничтожным объемом японских капиталовложений, не сравнимых с Маньчжурией, но и политикой колонизаторов, стремившихся зачастую неэкономическими методами извлечь из хозяйства оккупированных районов значительные средства для войны. В этих условиях китайская буржуазия оккупированных районов не получила существенных выгод от такого «совместного процветания» и поэтому не оказала политической поддержки захватчикам. Более того, к концу войны ее нежелание сотрудничать с японцами усиливается, и это все более парализует японский тыл.

Несмотря на значительные отличия в социально-экономическом развитии различных оккупированных японцами районов Китая, можно выделить вместе с тем некоторые общие черты. Они могут быть сведены прежде всего к небывалой централизации капиталов всего несколькими крупнейшими компаниями и банками, находившимися в руках японского государственно-монополистического капитала. Если в Маньчжурии эта централизация в основном соответствовала значительной концентрации производства, то в других районах она существенно забежала вперед, отвечая интересам управления и усиления эксплуатации со стороны оккупантов.

3. РАЗВИТИЕ ГОМИНЬДАНОВСКИХ РАЙОНОВ

Социально-экономическая политика Гоминьдана и ее последствия

Характер экономической политики Гоминьдана в это время определяется как нуждами войны, так и социальной эволюцией самого Гоминьдана. Война сделала неизбежным возрастание государственного вмешательства в экономику, т.е. объективная обстановка усилила ту тенденцию социально-экономического развития

Китая, которая достаточно четко уже выявилась в предвоенные годы. Формулируя в новых условиях экономическую программу правительства, Гоминьдан обращается к идейному наследию Сунь Ятсена, заимствуя в учении основателя партии основную аргументацию своей прстенциозной экономической политики. Содержание этой политики не сводилось к экономическому обеспечению войны сопротивления. Оно включало также далеко идущие планы использования обстановки национально-освободительной войны с ее подъемом патриотических чувств для фактического подчинения гоминьдановской власти всей экономической жизни общества. Именно поэтому возрастает интерес к пропаганде суньятсеновского принципа народного благоденствия.

Однако реализация этих целей Гоминьдана происходила на весьма суженной хозяйственной базе неоккупированных районов, т.е. в основном в окраинных районах северо-западного и юго-западного Китая. Хотя эти районы и располагали значительными природными ресурсами, но их промышленное освоение только начиналось. К тому же гоминьдановский Китай оказался фактически почти полностью блокированным японскими захватчиками. Не считая длинной и трудной дороги через Синьцзян в Советский Союз, большую часть войны гоминьдановский Китай был связан с внешним миром только Бирманской шоссейной дорогой и воздушными линиями.

Сложнейшей проблемой военной экономики была инфляция, во многом определявшая весь хозяйственный климат страны. Вполне естественный значительный рост правительственных военных расходов, с одной стороны, и потеря основных источников доходов (прежде всего таможенных поступлений) — с другой, заставляли правительство чем дальше, тем больше обращаться к необеспеченной денежной эмиссии: уже в 1941 г. печатный станок работал почти в 10 раз энергичней, чем до войны, а в начале 1945 г. — уже почти в 300 раз. Если в первые два-три года войны инфляция носила весьма умеренный для военного времени характер и реформируемая в 1935 г. денежная система справлялась со своими функциями, то постепенно инфляция нарастала, приняв к концу войны катастрофический характер — цены 1945 г. более чем в 1000 раз превышали цены предвоенного года. Обстановка нараставшей инфляции наложила существенный отпечаток на всю хозяйственную жизнь гоминьдановского Китая.

Одной из наиболее трудных экономических проблем являлось налаживание налоговой системы военного времени. Потеря основных источников косвенного обложения (серьезное значение сохранил лишь соляной налог) заставила правительство обратить

особое внимание на увеличение прямого налогообложения. Подоходный налог был введен в Китае в предвоенном году, но только теперь он стал играть важную роль. В 1938 г. он был дополнен налогом на военные сверхприбыли, а затем были введены и новые правила его взимания, направленные на повышение его эффективности. В 1940 г. вводится налог на недвижимость, а в 1943 г. — на аренду и продажу собственности. Были введены и некоторые другие налоги. Особо большое значение для гоминьдановских финансов имело изъятие в 1941 г. поземельного налога из рук местных властей. Сам налог стал взиматься в натуральной форме. В следующем году натуральный поземельный налог был дополнен принудительной закупкой зерновых у землевладельцев, причем власти лишь частично расплачивались наличными. Все это позволило правительству в последние годы войны брать в свои руки более 5% валового сбора зерновых и тем самым обеспечивать снабжение армии и госаппарата. С 1943 г. в хлопкопроизводящих районах поземельный налог стал собираться хлопком.

Перенесение основной тяжести налогового обложения на прямые налоги означало в социальном плане увеличение обложения наиболее имущих слоев города и деревни. Землевладельцы, по мнению китайских авторов, были вынуждены отдавать государству (с учетом лихоимства местных властей) основную часть товарного зерна.

На нужды войны правительство пыталось перестроить и банковскую систему. Основные направления этой перестройки — централизация управления государственными банками и увеличение их роли в хозяйственной жизни, дальнейшая специализация банковской деятельности, усиление контроля за частными и местными банками. Эти мероприятия способствовали мобилизации финансовых средств для расширения промышленного производства как в государственном, так и в частном секторе.

Большую роль в укреплении финансовых и экономических позиций гоминьдановского правительства сыграла внешнеэкономическая поддержка. Первую экономическую помощь, как уже указывалось, Китай получил от СССР, причем в наиболее трудное для страны время. Первые американские займы для закупки оружия стали предоставляться только в 1939–1940 гг. В 1941 г. на Китай была распространена система ленд-лиза, ставшая важным источником в снабжении борющегося Китая военными материалами. В феврале 1942 г. США предоставили Китаю заем на очень большую сумму в 500 млн дол. для укрепления китайской денежной системы. Стали предоставлять займы Англия и некоторые другие западные державы. А всего за годы войны гоминьдановский

Китай получил внешнеэкономической помощи на сумму около 1,5 млрд дол.

Для решения задач войны сопротивления особое значение имело промышленное развитие западных районов. Оно начиналось почти с нуля. Основой создания в этих отсталых районах промышленности послужили предприятия, эвакуированные из городов, захваченных японцами. За первые три с половиной года войны из восточных районов на запад было эвакуировано более 600 частных промышленных предприятий, не считая государственных военных заводов. С предприятиями было эвакуировано 12 тыс. квалифицированных рабочих. В 1940 г. уже 70% этих предприятий работали, способствуя созданию военно-промышленного потенциала. Отсталость этих районов и их блокада были, конечно, сдерживающими факторами промышленного развития. Однако были и другие моменты, которые благоприятствовали созданию здесь промышленности: большой спрос в условиях товарного голода на продукцию как тяжелой, так и легкой промышленности, отсутствие конкуренции со стороны импорта и продукции более развитых восточных районов, помощь государства в создании промышленности и т.п. В результате этого количество промышленных предприятий выросло на неоккупированной территории за годы войны в десять раз, достигнув внушительной цифры в 5725 предприятий. Однако преобладали мелкие предприятия с низким техническим уровнем. Фабрично-заводских предприятий к концу войны насчитывалось только около тысячи с 61 тыс. рабочих и служащих. Объем промышленного производства вырос почти в четыре раза, причем особенно значительно выросло производство средств производства, а также военного снаряжения.

Конечно, эти большие цифры не должны вводить в заблуждение, ибо сопоставление идет с очень низким довоенным уровнем. Вместе с тем выплавка в 1943 г. 84 тыс. т чугуна и 10,5 тыс. т стали, добыча 6 млн т каменного угля, производство многих видов промышленного оборудования и военного снаряжения свидетельствовали о заметных изменениях в хозяйственном облике этих отсталых районов, в прошлом почти не знавших фабрично-го производства.

По мере роста промышленности в ней происходили важные структурные изменения, главное из которых — превращение государственного предпринимательства в ведущую и преобладающую силу. Вполне естественно, что в обстановке войны только государственная инициатива, только государственная мобилизация значительных средств могли обеспечивать быстрое строительство военных предприятий, электростанций, металлургических

заводов. К концу войны государственный сектор охватывал примерно 1/10 часть всех предприятий (534), но его доля составляла около трети продукции, причем на одно государственное предприятие приходилось в десять раз больше капиталовложений, чем на одно частное, и каждое государственное предприятие нанимало в среднем в два раза больше рабочих и служащих, т.е. в руках правительства были наиболее крупные и наиболее технически оснащенные предприятия.

В годы войны быстро росла и частная промышленность, однако частный сектор развивался при поддержке правительства и под его контролем. Правительство оказало значительную финансовую и техническую помощь предпринимателям, стремясь увеличить вклад частнокапиталистического сектора в развитие оборонной промышленности. Оказывая финансовую и экономическую поддержку (правительственные субсидии, банковские займы, правительственные заказы и т.п.), правительство одновременно расширяло и углубляло свой контроль за частным сектором промышленности. Особенно усилилась зависимость частной промышленности от правительства в последние два года войны, когда выявился определенный спад производства, связанный прежде всего с резким усилением инфляции. В этих условиях правительственная поддержка помогла выжить многим частным предприятиям, но поставила их в еще большую зависимость.

С целью мобилизации мелкого производства для обеспечения нужд армии и населения правительство всячески поощряло промысловую кооперацию, причем ее развитие было взято под государственный контроль. Развитие кооперативов шло при значительной финансовой поддержке правительства, однако только мелкое ткацкое производство в основном было охвачено кооперативами. Это был первый опыт прямого государственного воздействия на мелкое производство.

Новый и принципиально важный момент в экономической политике Гоминьдана в годы войны — стремление поставить под полный государственный контроль внешнюю и внутреннюю торговлю страны. Аппарат государственного контроля стал складываться уже в первые месяцы войны. Создание административного аппарата дополнялось организацией правительственных внешне-торговых компаний, фактически взявших в свои руки почти всю внешнюю торговлю. Закупка и экспорт традиционных продуктов — шелка-сырца, шерсти, шкур, кишок, чая и т.п. — перешли в руки нескольких компаний, объединившихся к концу войны под названием «Фусин». Весь экспорт минерального сырья находился в руках государственного Комитета национальных

ресурсов. Импорт также попал под строгий государственный контроль. Конечно, в условиях войны и блокады внешняя торговля не играла столь важной экономической роли, как прежде, однако именно в эти годы впервые сложилась в Китае система правительственных организаций, поставивших под свой контроль китайскую внешнюю торговлю, которая прежде была полем безраздельной деятельности иностранного капитала.

Еще большее значение для экономического развития страны имело создание системы государственного контроля за внутренней торговлей. Необходимость обеспечения армии продовольствием и снаряжением, а также предотвращение голода в неоккупированных районах заставили правительство провести разнообразные мероприятия для контроля за рынком. Система регулирования торговли важнейшими потребительскими товарами и товарами производственного назначения складывалась постепенно, по мере нарастания экономических трудностей, не в последнюю очередь связанных с ускорившейся инфляцией. Подход правительства к этой проблеме был чисто эмпирический.

Первоначально наибольшую активность власти проявили в попытках создать административный аппарат контроля за ценами, чтобы таким путем приостановить их быстрый рост. Издавались законы о торговле по «справедливым ценам», о контроле за ценами, делались попытки их заморозить. Естественно, что ни постановления властей, ни чисто бюрократическая видимость деятельности не могли приостановить инфляцию или улучшить снабжение дефицитными товарами. Лишь постепенный переход правительства к прямому контролю за торговлей важнейшими товарами и создание государственных товарных запасов смогли оказать некоторое воздействие на рыночные процессы.

Первым под строгий государственный контроль была поставлена торговля жидким горючим. Уже в мае 1938 г. было издано постановление правительства о контроле за покупкой, продажей и всеми запасами жидкого топлива. Позже был введен и контроль за торговлей каменным углем. После перехода сбора земельного налога в натуральной форме в руки центрального правительства и введения обязательных закупок зерна в руках государственных органов оказались значительные запасы товарного зерна. Опираясь на эти запасы, правительство вводит лицензионную торговлю зерном. В 1944 г. эта система была уже распространена на 18 провинций и 354 города, в которых было выдано почти 26 тыс. лицензий, которые давали право на торговлю зерном, но требовали полной отчетности о запасах, объеме продаж, ценах и т.п. Затем была введена государственная монополия на

торговлю хлопком и фабричными хлопчатобумажными изделиями. Переход запасов хлопка-сырца в руки правительства позволил снабжать хлопком прядильные фабрики в обмен на пряжу, а ткацкие — снабжать пряжей в обмен на готовые ткани, что привело к полному государственному контролю за этими отраслями промышленности и за одним из важнейших потребительских товаров. Под правительственный контроль была передана также торговля растительным маслом и бумагой.

Таким образом, за восемь лет войны принципиально изменилась роль государственного регулирования экономики и государственного предпринимательства. Из второстепенной экономической силы они превратились в важнейший фактор социально-экономического развития неоккупированного Китая. Это изменение обусловлено созданием разветвленного государственного аппарата хозяйственного контроля, фактически охватившего в той или иной степени своим влиянием все народное хозяйство провинций, на которые распространялась власть Гоминьдана. Завершился процесс подчинения банковского дела правительственным банкам, причем теперь они охватили своим влиянием глубокую провинцию, а также не только современные секторы хозяйства. Государственное предпринимательство в промышленности стало ведущим, а частная промышленность оказалась подчинена государству через систему кредитования, заказов продукции, снабжения сырьем и т.п. Под государственный контроль была поставлена внешняя торговля, а во внутренней государству принадлежали решающие позиции — монополия на торговлю важнейшими товарами (зерно, хлопчатобумажные изделия, масло, нефтепродукты и т.п.).

Быстро выросший государственный аппарат хозяйственного регулирования не был, однако, достаточно эффективным, что объяснялось не только объективными причинами (условия войны, неподготовленность административного и технического персонала и т.п.), но и резко возросшей коррупцией гоминьдановских чиновников, получивших доступ к столь разнообразным источникам незаконного обогащения. Эта коррупция не только снижала эффективность государственного регулирования хозяйства, но и болезненно воздействовала на политическую обстановку неоккупированных районов страны.

Социально-политическое развитие неоккупированных районов

Начало национально-освободительной войны китайского народа против японских захватчиков, фактическое создание единого фронта, общий патриотический подъем существенно изменили

политическую атмосферу гоминьдановского Китая. Концентрация национальных усилий с целью сопротивления японским агрессорам на время как бы отодвинула в сторону прежние политические разногласия и противоречия, создавая атмосферу общенационального сплочения. Вот в такой обстановке проходил весной 1938 г. в Ханькоу чрезвычайный конгресс Гоминьдана. Конгресс обсудил новую политическую ситуацию и принял Манифест и Программу сопротивления и строительства страны. Манифест отразил определенные идеологические сдвиги предшествующего периода, а также политический опыт первого периода войны. Это был весьма общий документ о целях и методах гоминьдановской политики. Характерно, что в этом документе заметен возрастающий интерес к суньятсеновским идеям, к суньятсеновской фразеологии. Основные положения Манифеста, но в более сжатой форме изложены в Программе сопротивления и строительства страны.

Несмотря на всю расплывчатость этих документов, они создавали определенные политические, идеологические и правовые предпосылки мобилизации нации на войну сопротивления. Все патриотические силы Китая с одобрением восприняли эти решения конгресса. «Мы одобряем и поддерживаем политический курс нашей страны на период войны сопротивления, выраженный в Манифесте и Программе сопротивления страны, — говорилось в заявлении членов политбюро ЦК КПК Ван Мина, Бо Гу и Чжоу Эньлая. — Он совпадает с основным направлением политической программы на период войны сопротивления, неоднократно провозглашавшейся ЦК КПК».

В соответствии с решением чрезвычайного конгресса 1 июля 1938 г. был сформирован Национально-политический совет (НПС) — совещательный орган при гоминьдановском правительстве. Большинство мест в нем занимали гоминьдановцы, но в его состав были приглашены также и негоминьдановские политические силы. КПК было направлено в НПС семь человек: Бо Гу, Ван Мин, Дуи Биу, Дэн Инчао, Линь Цзухань, Мао Цзэдун, У Юйчжан. Создание НПС в таком составе отражало развитие новой политической ситуации, в которой фактически признавалась легальность КПК. Конечно, возможностей для легальной работы КПК в гоминьдановских районах было немного, но она стремилась их полностью использовать. Активно работало в Ухане, а затем в Чунцине представительство КПК. Большую роль в обеспечении связи Особого района с остальным Китаем играло представительство 8-й армии в г. Сиане. КПК получила возможность публиковать в гоминьдановской столице свою ежедневную газету

«Синьхуа жибао», а также другие издания. Не меньшее значение имели открывшиеся возможности для коммунистов и их сторонников использовать средства массовой информации гоминьдановских районов для патриотической пропаганды, для разоблачения национальных предателей, для критики многих направлений гоминьдановской политики. Хорошо использовала КПК и развернувшуюся политическую деятельность массовых патриотических организаций, профсоюзов, женских, студенческих организаций, быстро расширяя свое влияние среди политически активной массы городского населения. Главным идейно-политическим рычагом усиления влияния КПК в массах была концепция общенационального сопротивления японской агрессии. КПК сумела плодотворно использовать политическую атмосферу национального подъема, уже в первый период войны выдвинувшись как активнейшая патриотическая сила, как центр притяжения патриотов, которых не удовлетворяла гоминьдановская политика.

Расширение освобожденных районов, укрепление 8-й и Новой 4-й армий, рост популярности КПК в неоккупированных гоминьдановских районах — все это постепенно усиливало антикоммунистические настроения в Гоминьдане. В полной мере это сказалось уже на работе V пленума ЦИК Гоминьдана в январе 1939 г., который отверг предложения руководства КПК о поисках форм организационно-политического сближения участников единого фронта и даже принял резолюцию «О мерах по ограничению деятельности чуждых партий», направленную против возросшей активности коммунистов в гоминьдановских районах. В дальнейшем антикоммунистические тенденции в гоминьдановской политике продолжали усиливаться, приводя подчас к таким острым столкновениям, как инцидент с Новой 4-й армией в начале 1941 г. Антикоммунизм вновь делается устойчивым компонентом гоминьдановской пропаганды и политики, не сумев, однако, приостановить возрастание авторитета КПК как национальной силы, предотвратить группировку вокруг КПК сторонников активной борьбы с японской агрессией. Причины этого не только в разработанной с помощью Коминтерна и осуществлявшейся в первые годы войны эффективной политике единого национального фронта антияпонской борьбы, но и в существенных идейно-политических сдвигах китайского общества, вызванных в первую очередь социально-политической трансформацией Гоминьдана.

В «нанкинское десятилетие» Гоминьдан рекрутировался прежде всего за счет новых (гоминьдановских) милитаристов и буржуазных и мелкобуржуазных слоев наиболее экономически развитых

приморских провинций. Война и японская оккупация разорвали связи Гоминьдана с приморской (прежде всего шанхайской) буржуазией, подорвали политическое влияние крупной буржуазии вообще. В годы войны Гоминьдан правил районами с неразвитыми капиталистическими отношениями, где буржуазия была крайне слаба. Гоминьдан как бы терял реальные политические связи с крупной буржуазией. Однако сужение социальной базы Гоминьдана было не только результатом «географии» военного времени, но и результатом социально-экономической политики Гоминьдана в годы войны, которая была направлена на всемерное огосударствление хозяйства, что не могли, конечно, поддерживать буржуазные круги.

В годы войны все явственнее выделяется основная опора гоминьдановского режима — партийная, гражданская и военная бюрократия. Если в предвоенные годы она в определенной мере формировалась за счет буржуазии и буржуазной интеллигенции, то теперь здесь, в отсталых окраинных районах, ее почти единственным источником пополнения остаются землевладельческо-шэньшуйские круги — этот традиционный поставщик бюрократов на протяжении многих веков. Однако это изменение не превратило Гоминьдан в организацию, выражавшую специфические интересы крупных землевладельцев. Гоминьдан по-прежнему оставался весьма противоречивой в социально-политическом отношении организацией.

С одной стороны, национально-освободительная война, особенно ее первый период, привела к расширению социальной базы Гоминьдана как политического руководителя борьбы против японской агрессии. Гоминьдан как бы возвращался к временам Национальной революции 1925—1927 гг., когда он был широким общенациональным объединением, по сути социально-политической коалицией, широту которой Гоминьдан и в «нанкинское десятилетие» пытался, но не сумел сохранить. С другой стороны, в годы войны ускоряются процессы элитарного обособления бюрократической верхушки Гоминьдана, начавшиеся еще на предшествующем историческом этапе и детерминированные всей логикой развития гоминьдановской государственности. В идеологии и политике этой гоминьдановской элиты на первый план выходят интересы самой бюрократии, постепенно сраставшейся с некоторыми группами буржуазии, вливавшимися в государственный хозяйственный аппарат. Эта бюрократия все больше отождествляет свои групповые интересы с интересами национального государства, все больше рассматривает хозяйственную деятельность государства как экономический фундамент своего политического

могущества и своего обогащения. Тем самым эта политическая элита все больше превращается в экономически господствующий и политически правящий слой Китая, в бюрократическую буржуазию, как назовут эту элиту впоследствии.

Свидетельством достаточно значительной зрелости процессов выделения новой социальной общности — бюрократической буржуазии — являлось и складывание специфической идеологии праворадикального типа, относящееся именно к военным годам. Формирование этой идеологии связано прежде всего с именем Чан Кайши и с его двумя книгами — «Судьбы Китая» и «Китайская экономическая теория», — опубликованными в 1943 г.

Во многом эти работы и сформулированные в них взгляды продолжают интерпретацию идей Сунь Ятсена, предпринятую в 20-е и 30-е гг. Дай Цитао и Чэнь Лифу. Эти книги продолжают прежде всего линию на дальнейшую конфуцинизацию суньятсизма, на традиционализацию официальной идеологии Гоминьдана. В условиях войны сопротивления и огромного патриотического подъема эти тенденции получали как бы дополнительные стимулы, проистекавшие из естественного стремления к национально-культурному самосохранению китайской нации.

Основной критический пафос этих работ Чан Кайши направлен против империалистической системы неравноправных договоров, обрекавших Китай на полуколониальное положение. Эта критика острая и доказательная, она как бы продолжает суньятсеновскую традицию. Но если для Сунь Ятсена система неравноправных договоров — лишь одна из причин отсталости и слабости Китая, то для Чан Кайши — главная и практически единственная. В отличие от Сунь Ятсена Чан Кайши выступает с апологией традиционной деспотической социально-политической системы, которая, на его взгляд, не нуждается в существенных переменах. Эта апология деспотизма дополняется столь чуждой для Сунь Ятсена ксенофобией. И все это служит обоснованием претензий Гоминьдана на политическую монополию.

Большое внимание, особенно во второй книге, Чан Кайши уделяет уточнению своих представлений о социальном идеале Гоминьдана, о путях его достижения. Он развивает суньятсеновское представление о «великой гармонии» (*датун*) — традиционной и конфуциански окрашенной идее — как о социальном идеале Гоминьдана, но при этом стремится освободить трактовку этого идеала от привнесенных Сунь Ятсеном новаций, навязанных опытом европейской социалистической мысли. Трактую этот идеал как возможность избежать крайностей капитализма и социализма, Чан Кайши стремился представить «китайский» путь раз-

вития общества как столбовую дорогу человечества, на которую оно может выйти только на примере гоминьдановского Китая.

Однако Чан Кайши, естественно, рассматривает «великую гармонию» как весьма отдаленную цель. Ближайшая же цель Чан Кайши — после победы над Японией утвердить тотальное господство гоминьдановского государства во всех сферах жизни китайской нации. В области социально-экономических отношений это должно означать, по мысли Чан Кайши, полное огосударствление всей крупной собственности и коллективизацию деревни под государственным контролем, развитие экономики под жестким государственным руководством. Такой тип развития рассматривался Чан Кайши как органически присущий Китаю и вытекающий из особенностей китайской цивилизации, в том числе и из особенностей китайской экономической мысли. «Основными принципами китайской экономической теории, — писал Чан Кайши, используя традиционный термин *“цзинцзи”* — являются управление деятельностью людей и распределение товаров, а также учение о национальном планировании и народном благоденствии. Иными словами, китайская политэкономия есть учение о том, как сделать нацию богатой и сильной».

Эти теоретические построения во многом соответствовали гоминьдановской политической и экономической практике: отказ от демократических преобразований, подавление оппозиционных движений, резкое усиление экономической роли государства и т.п. Эта политика оказывалась направленной не только против КПК, хотя антикоммунизм оставался важным ее элементом, но и против буржуазных и близких к ним социально-политических сил, не принимавших ни политических, ни тем более экономических установок Гоминьдана. Это расхождение буржуазных сил с Гоминьданом во многом было новым явлением в политической жизни Китая. Оно нашло свое выражение в создании политических организаций буржуазно-демократического толка и их нарастающей политической активности.

На первый взгляд это может показаться противоречивым: в предвоенные годы, несмотря на значительное усиление экономических позиций китайской буржуазии, она, судя по политическим реальностям тех дней, не нуждалась в каких-либо политических организациях вне Гоминьдана, рассматривая его как главного выразителя своих интересов. В годы войны ситуация стала принципиально иной. Гоминьдан все меньше на программном уровне и тем более на уровне практической политики выражал специфические интересы китайской буржуазии, а общенациональный подъем привел к политической активизации буржуазных

сил. Поэтому вопреки многим политическим трудностям, связанным с репрессивным характером политического режима на гоминьдановской территории, именно в годы войны начинают возникать новые организации и партии или «оживать» старые, в различной мере противопоставляющие себя Гоминьдану.

Показателем этой активизации негоминьдановских политических сил стало создание Демократической лиги Китая, объединившей мелкие политические организации, которые в отдельности вряд ли смогли бы воздействовать на политическую жизнь страны. Демократическая Лига образовалась в марте 1941 г., а в октябре того же года была опубликована ее программа. Основное внимание в ней уделено проблеме демократизации Китая как важнейшей предпосылке достижения победы в войне сопротивления, причем эта задача формулировалась по сути в антигоминьдановском духе — «положить конец однопартийному контролю за государством». Противостояли Гоминьдану и экономические требования Демократической лиги, в которых акцент делался на поддержку свободы предпринимательства, хотя и признавалась ведущая экономическая роль государства. Программные установки и состав руководства Демократической лиги (Чжан Лань, Ло Лунци, Чжан Боцзюнь, Шэнь Цзюньжу, Чжан Цзюньмай, Лян Шумин, Хуан Яньпэй, Чжан Дунсунь и др.) ясно указывали на политические и социальные ориентиры объединения буржуазно-демократических элементов, стремившихся занять промежуточное положение между Гоминьданом и компартией, стать «третьей силой», способной сыграть решающую роль в борьбе за будущее переустройство Китая.

Несмотря на эту промежуточность своей идейно-политической позиции, в реальных политических условиях гоминьдановского Китая буржуазно-демократические силы фактически солидаризировались с КПК в критике гоминьдановской авторитарной власти. Общедемократические тенденции общественной жизни гоминьдановских районов во многом стимулировались и вовлеченностью Китая в международную коалицию антифашистских сил. Лозунги борьбы с фашизмом, с агрессией, с международной реакцией своеобразным политическим эхом отзывались и на активизации борьбы с гоминьдановским однопартийным режимом.

Важным политическим событием жизни Китая явилась отмена еще сохранившихся неравноправных договоров и соглашений. Уже в октябре 1942 г. американские и английские дипломаты начали переговоры с гоминьдановским правительством по этой проблеме, которые завершились подписанием 11 января 1943 г.

соответствующих документов. Договорное оформление уже давно назревшего политического шага, хотя в условиях войны и не имевшего практического значения, отражало рост международного авторитета борющегося Китая. Об этом же свидетельствовало и признание Китая его союзниками в качестве «великой державы». Советский Союз полностью одобрял такое изменение международного статуса Китая. Для империалистических держав это был вынужденный шаг, свидетельствовавший о необходимости для них считаться как с важным значением Китая в борьбе с державами фашистской оси, так и с будущей его ролью в урегулировании послевоенных проблем. Вместе с тем эти международно-правовые акции имели и большое внутривнутриполитическое значение. Повышая авторитет гоминьдановского правительства, они в то же самое время активизировали демократическое движение, придавали национальному подъему антифашистскую, прогрессивную, демократическую направленность.

Противоречивость развития политической обстановки гоминьдановского Китая в полной мере сказалась на работе VI конгресса Гоминьдана в мае 1945 г. Принятые им документы являются определенным компромиссом между Чан Кайши и его ближайшим окружением, с одной стороны, и более прагматичной, либеральной частью гоминьдановских лидеров (Сунь Фо, Сун Цзывэнь, Кун Сянси и др.) — с другой. Сказались на решениях конгресса и определенное давление буржуазно-демократических сил, резкая критика со стороны КПК. Поэтому конгресс, принимая решения, которые должны были определить будущую политику Китая (например, «Программу промышленной реконструкции»), отбросил многие утопические построения своего вождя, хотя и ясно выразил в этих документах претензию Гоминьдана на политическую монополию, а гоминьдановского государства на тотальный контроль за обществом. Отмечая широкую оппозицию чанкайшистской реакционной политике и реакционной утопии вне и внутри Гоминьдана, нельзя забывать о прочной поддержке, которую чанкайшистские политика и идеология имели у ряда фракций Гоминьдана, некоторых политических группировок, видных политических деятелей (братья Чэнь Лифу и Чэнь Гофу, Чжан Цюнь, Дай Цзитао и др.). Всех их объединяли неприятие буржуазно-демократической перспективы развития Китая, ксенофобия, убежденность в превосходстве китайской культурной и политической традиций и, главное, желание отстаивать свои групповые интересы, которые они стремились отождествить с национальными. Чанкайшистская утопия была их знаменем.

4. КПК И РАЗВИТИЕ ОСВОБОЖДЕННЫХ РАЙОНОВ

Освобожденные районы и вооруженные силы КПК в годы войны

Руководство КПК расценило расширение масштабов японской агрессии, тяжелые поражения гоминьдановской армии, слабость японского тыла как благоприятную возможность использования складывавшегося своеобразного военно-политического вакуума за линией фронта для создания революционных баз, а на их основе и создания мощных вооруженных сил, способных стать решающим фактором борьбы за власть. При этом в трактовке военно-политической стратегии КПК в новых исторических условиях национально-освободительной войны выявились две тенденции. Сторонники одной (эта тенденция связана прежде всего с именем Мао Цзэдуна) полагали, что главная задача КПК — всемерно расширять революционные базы за линией фронта и вооруженные силы и готовить их к будущим схваткам с Гоминьданом в борьбе за власть после войны. Этой стратегии должна соответствовать и тактика ведения военных действий партизанскими методами, которые позволяли бы избегать серьезных столкновений с японской армией и вместе с тем использовать перемещение линии фронта на запад для установления власти КПК в периферийных зонах японского тыла. Сторонники другой (Чжу Дэ, Пэн Дэхуай и некоторые другие) также полагали, что нужно готовиться к борьбе за власть, но при этом они настаивали на ведении более активных военных действий против японских захватчиков, координируя их с гоминьдановской армией, которая несла главную тяжесть войны с Японией. Поэтому партизанские действия они считали необходимым дополнять маневренными боевыми действиями.

Общенациональный патриотический подъем, рост стихийных выступлений против японской агрессии, развитие партизанского движения в японском тылу стали объективной основой той огромной работы по организации вооруженного сопротивления, которую вела КПК и ее вооруженные силы. С первых месяцев войны руководство КПК направило значительную часть своих вооруженных сил в тыл быстро наступавших японских войск. Особенно активно части 8-й армии действовали в Северном Китае, где и до войны Гоминьдан не имел прочных военно-политических позиций, а власть фактически принадлежала различным милитаристам. Так, часть 115-й дивизии (около 2 тыс. бойцов) во главе с Не Жунчжэнем была оставлена в горном массиве на стыке

горных хребтов Тайханшань, Утайшань и Хэншань, где коммунистам удалось организовать массовое партизанское движение, на его основе значительно расширить части 115-й дивизии и создать большой освобожденный район на стыке провинций Шаньси—Чахар—Хэбэй с центром в г. Фупине. Части 129-й дивизии под командованием Лю Бочэна стали организаторами партизанского движения, базировавшегося прежде всего в горном районе Тайханшань, а затем распространившегося из юго-западной Шаньси в провинции Хэбэй, Шаньдун и Хэнань, где был пограничный освобожденный район. Части 120-й дивизии во главе с Хэ Луном в первые месяцы войны вели активные боевые действия против японских войск в северной Шаньси, а затем — после падения Тайюаня — стали действовать в японском тылу, развернув партизанское движение в северо-западной Шаньси, а также в центральной, западной и южной Суйюани, вплоть до Чахара. Местные организации КПК и отряды 8-й армии стали организаторами партизанского движения и создавали освобожденные районы и в других местах Северного Китая, в частности в центральной части Шаньдуна. Части Новой 4-й армии, образованные на основе сохранившихся в Центральном и Южном Китае отрядов Красной армии, в начале 1938 г., создали несколько освобожденных районов южнее Янцзы в провинциях Аньхуэй и Цзянсу.

По мере развития японского наступления росли и освобожденные районы, общая численность населения которых в 1940 г. составляла около 100 млн человек. Однако усиление военных действий со стороны японской армии и армий марионеточного правительства привели к уменьшению освобожденных районов и сокращению их населения в 1942 г. вдвое. Этому же способствовало и обострение отношений внутри единого фронта, активизация антикоммунистических кампаний со стороны Гоминьдана. Однако в последние три года войны благодаря общему ослаблению японской военной машины коммунистам удалось добиться значительного расширения освобожденных районов. По данным КПК, на апрель 1945 г. в 19 освобожденных районах (Шаньси—Ганьсу—Нинся, шесть районов в Северном, десять — в Центральном, два — в Южном Китае) проживало 95,5 млн человек.

Освобожденные районы прежде всего складывались вне сферы прямого военного контроля японских оккупантов и зачастую не были результатом непосредственных сражений с японскими войсками. Это были территории, на которых прошедший через них фронт боевых действий уничтожал, подрывал или, во всяком случае, ослаблял прежние органы гоминьдановской власти, а посланные сюда вооруженные силы КПК создавали уже

принципиально новую политическую структуру. Вот как это, например, происходило в пограничном районе Шаньси—Чахар—Хэбэй, куда пришли части во главе с Не Жунчжэнем. Свою политическую работу они начали с повсеместного создания мобилизационных комитетов местного населения, в обязанности которых входили сбор брошенного гоминьдановскими частями оружия, создание местных отрядов самообороны для наведения порядка, подготовка условий для расширения войны сопротивления. Фактически это было создание новых органов местной власти под руководством коммунистов, стремившихся вытеснить старые гоминьдановские учреждения. Сотрудничество этих органов с вооруженными силами КПК, решительность в наведении порядка, активность в проведении некоторых социально-экономических мероприятий (снижение арендной платы и ссудного процента, урегулирование налогов и т.п.) создавали им реальный авторитет у населения. Эти комитеты стали базой для создания партизанских отрядов, массовых патриотических организаций и, по сути, для создания новой государственности. Однако в это время (конец 1937 г.) КПК стремилась создавать органы власти освобожденных районов в сотрудничестве с гоминьдановским правительством. В январе 1938 г. на съезде в г. Фупине 149 представителей воинских частей, мобилизационных комитетов, некоторых массовых организаций было создано временное правительство освобожденного района — Административный комитет, утвержденный гоминьдановским правительством. Реализация политики единого национального фронта позволила провести здесь в январе 1939 г. выборы в деревенские органы власти, летом следующего года избрать волостные, уездные и окружные народно-политические советы, а летом 1943 г. образовать НПС пограничного района.

Во многом по аналогичной схеме складывалась новая власть и в других освобожденных районах. Правда, обострение отношений с Гоминьданом привело к тому, что КПК создавала органы власти уже без санкции гоминьдановского правительства. Однако и в этих условиях КПК при создании новых органов власти стремилась к объединению всех патриотических сил на платформе антияпонской борьбы. Опыт создания новых органов власти был обобщен в решении ЦК КПК в марте 1940 г., которое предусматривало, что члены КПК должны занимать только одну треть мест в органах власти, а остальные места должны быть отданы представителям прогрессивных и промежуточных сил. Политика «трех третей» была рассчитана на приглушение обвинений КПК в монополизации власти и на мобилизацию под руководством

КПК всех патриотически настроенных социально-политических групп освобожденных районов.

Проведение политики единого национального фронта не означало, однако, отказа КПК от безраздельного руководства всей политической жизнью освобожденных районов. Все некоммунистические организации, группы или деятели могли участвовать в органах власти и вообще в политической жизни только в той мере, в которой они поддерживали политический курс КПК. Всякая оппозиционная активность исключалась. Попытки проведения нелегальной деятельности гоминьдановскими организациями решительно пресекались. Объединяющей и руководящей силой складывавшейся новой государственности освобожденных районов была КПК. При отсутствии каких-либо административных органов, которые могли бы связать воедино все освобожденные районы, разбросанные на огромной территории от Маньчжурии до о. Хайнань, именно руководство со стороны КПК являлось той объединяющей силой, которая превращала эти географически оторванные друг от друга освобожденные районы в своеобразное «государство в государстве». В сентябре 1942 г. политбюро ЦК КПК принимает специальное постановление «О едином партийном руководстве в антияпонских опорных базах и об урегулировании отношений между различными организациями», направленное именно на усиление руководящей роли КПК в строительстве новой государственности.

Постепенно в наиболее стабильных освобожденных районах (особенно в Северном Китае) складывается довольно развитый политический механизм, позволяющий КПК осуществлять свою руководящую роль через различные законодательные, исполнительные и юридические органы, действовавшие на основе создававшегося законодательства. Одна из особенностей этой новой государственности заключалась в том, что формально она исходила из признания суверенитета Национального (гоминьдановского) правительства, в своих нормативных актах она указывала на связь с общенациональным (гоминьдановским) законодательством и во многом пользовалась его терминологией. Политическая же реальность функционирования этой власти была принципиально новой. Особенно это хорошо видно на примере безраздельной руководящей роли КПК. Своеобразно эта реальность проявлялась и в проведении социально-экономических преобразований и прежде всего в аграрной сфере.

Аграрная политика КПК в годы антияпонской войны складывалась и развивалась как составная часть политики единого национального фронта, одной из предпосылок создания которого

был отказ КПК от политики радикальной ломки традиционных аграрных отношений, от политики конфискации земель местных богачей. При всех различиях нормативных актов по аграрному вопросу, принимавшихся властями освобожденных районов, они совпадали в некоторых основных положениях: они исходили (декларируя это или нет) из Аграрного закона гоминьдановского правительства 30-х гг., требовали снижения арендной платы на одну четверть (она не должна превышать 37,5% урожая), снижения ссудного процента (он не должен превышать 10% годовых), проведения рациональной и справедливой налоговой политики. Эта политика исходила из признания права частной собственности на землю со всеми вытекающими из этого последствиями (право купли-продажи, сдачи в аренду, заклада и т.п.), но, вместе с тем, эти положения не имели обратной силы и полученная крестьянами до начала антияпонской войны в районе Шэньси—Ганьсу—Нинся земля за ними сохранялась.

Однако Мао Цзэдун и его сторонники рассматривали такую аграрную политику лишь как вынужденную «уступку» Гоминьдану, не понимая ее стратегического значения в условиях национально-освободительной революции. Такой подход, с одной стороны, мешал по достоинству оценить экономическую и особенно социальную эффективность реформистской политики, а с другой, вел к постоянному рецидиву левосектантских перегибов (конфискация земли, уничтожение богачей и т.п.), что ослабляло освобожденные районы. Необходимость преодоления этих ошибок отвлекала силы КПК от решения задач непосредственной борьбы с японскими агрессорами. Как правило, приступая к осуществлению сугубо реформистских мер в рамках политики единого фронта, коммунисты с фатальной неизбежностью соскальзывали в привычную колею «антипомещичьей» борьбы, «аграрной революции» и т.п. Но если раньше это было прежде всего результатом доктринального принятия соответствующей политической ориентации, то теперь это становилось почти неизбежным результатом определенной корыстной заинтересованности новых властных структур, активистов этих преобразований в перераспределении собственности зажиточной части деревни (продовольствия, скота, земли и другого имущества).

Несмотря на это, в целом аграрная политика КПК в годы антияпонской войны может быть оценена как достаточно эффективная, так как 8-я и Новая 4-я армия имели все-таки прочный и спокойный тыл, имели источники пополнения своих рядов и источники материального снабжения. Кроме того, показателем определенной успешности этой политики является некоторый

рост производства продовольствия и сырья в освобожденных районах в годы войны. Это и позволило снабдить продовольствием не только армию, но и государственный и партийный аппарат. Хотя имел место определенный рост налогообложения, его более справедливый характер (прогрессивное обложение в первую очередь сельских богачей и льготы бедноте) способствовал улучшению положения середняков и бедноты. Об этом же говорила и политическая нейтрализация эксплуататорской части деревни в годы войны, не препятствовавшая ее экономической активности. Более того, такая политика способствовала привлечению патристически настроенной зажиточной части деревни к совместной борьбе против японской агрессии, стала экономическим фундаментом политики «трех третей».

Успешное политическое и социально-экономическое развитие освобожденных районов было в первую очередь результатом активной военно-политической деятельности вооруженных сил КПК и, в свою очередь, делалось основой их роста и совершенствования. Создававшие освобожденные районы в тылу японских войск части 8-й и Новой 4-й армий пополнились прежде всего за счет местных военных формирований различного толка. В Северном Китае издавна действовали традиционные тайные общества (типа хорошо известных «Красных пик»), имевшие свои вооруженные отряды. Повсеместно были распространены вооруженные отряды сельской самообороны («миньтуани»). В японском тылу стихийно возникали партизанские отряды, состоявшие зачастую из солдат и офицеров разгромленных гоминьдановских войск. Действовали в японском тылу и отдельные части и подразделения гоминьдановской армии, возглавлявшиеся патристически настроенными офицерами. Коммунисты, обладавшие длительным и большим опытом партизанской войны, выступили организаторами всей этой пестрой массы вооруженных людей, стремившихся включиться в борьбу против японских захватчиков, на защиту своих деревень и своих семей. Под патристическими лозунгами войны сопротивления вооруженные силы КПК вовлекали в свои ряды эти разнородные вооруженные формирования, вступали с ними в сотрудничество, привлекали на свою сторону их руководителей или же их устраняли.

Используя общенациональный (гоминьдановский) закон о воинской обязанности в условиях войны сопротивления, власти освобожденных районов прибегали также к мобилизации лиц призывного возраста для пополнения вооруженных сил. Однако в целом КПК не ощущала недостатка в пополнении своих вооруженных сил. Их расширение скорее сдерживалось нехваткой

вооружения. За первые три года войны вооруженные силы КПК выросли более чем в десять раз, превысив 500 тыс. бойцов. Однако в 1941—1942 гг. в связи с развернувшимся наступлением японских войск на освобожденные районы и сокращением их территории произошло и некоторое сокращение армии (примерно на 100 тыс.). В дальнейшем вооруженные силы КПК вновь значительно выросли, достигнув к апрелю 1945 г. 910 тыс. в регулярных частях и 2,2 млн бойцов ополчения.

Таким образом, КПК располагала мощной военной силой. Однако установки маоистского руководства фактически сдерживали боевую активность этой огромной армии. Мао Цзэдун образно формулировал это так: 10% усилий — на борьбу с японскими захватчиками, 20% — на защиту от Гоминьдана, 70% — на сохранение своего потенциала. Такая установка вела к полному приоритету партизанской тактики, к отказу от сколько-нибудь крупномасштабных операций против японских войск и была рассчитана на победу над агрессором силами своих союзников.

Развитие КПК в годы войны

Активное участие КПК и ее вооруженных сил в антияпонской войне, создание антияпонских опорных баз, быстрый рост популярности КПК в стране как боевой патриотической организации создали принципиально новые условия для развития КПК и прежде всего для существенного расширения ее рядов. Учитывая эти новые обстоятельства, руководство КПК в первые годы войны проводит курс на максимальное расширение рядов партии. За первые три года войны численность членов партии выросла в 20 раз — с 40 тыс. до 800 тыс. В основном партия пополнялась за счет освобожденных районов, где парторганизации создавались в быстро расширявшихся вооруженных силах и в деревне. В гоминьдановских районах нелегальные парторганизации главным образом создавались в городах, где они преимущественно опирались на массовые патриотические организации, которые и служили легальным прикрытием их политической работы. Среди вступавших в партию полностью преобладали (до 90%) крестьяне, рабочая прослойка была крайне немногочисленной. Заметной, хотя и не очень большой, группой среди вновь вступавших в КПК были выходцы из социально привилегированных слоев китайского общества.

Чтобы способствовать расширению рядов партии, руководство КПК фактически отказывается от социальных критериев приема в партию, открыв двери в партию для всех патриотически на-

строенных. Главным побудительным мотивом вступления в КПК делается стремление патриотически настроенных людей принять активное политическое участие в антияпонской борьбе. И этим быстро расширявшаяся КПК военного времени принципиально отличалась от КПК довоенной, где при всей близости социального состава партии мотивация вступления в КПК, как правило, носила иной — классовый — характер. Вместе с тем подавляющее большинство членов партии (примерно 75%) были неграмотными, что во многом и предопределяло невысокий политический уровень основной массы коммунистов. Многие из вступавших недостаточно четко представляли себе идейно-политические различия между КПК и Гоминьданом, видя прежде всего в КПК наиболее активного борца за национальные интересы. Как писал в 1942 г. Пэн Дэхуай, в партию вступали «...из-за боязни быть мобилизованным, из стремления облегчить свое бремя, для ускорения личных дел. Многих завлекли в партию родственники и знакомые. Лучший вариант — это желание бороться с Японией... Очень мало тех, кто пришел с верой в коммунизм... Однако и эти люди крайне неоднородны в идейном отношении». Такой состав партии существенно повышал политическую роль ее образованного меньшинства, происходившего в основном из социально привилегированных слоев. Именно из их среды формировался аппарат, кадровый костяк стремительно расширявшейся КПК.

Внутрипартийная борьба, которая в предвоенные годы в условиях поражения КПК приобрела столь острый характер, продолжалась и в новой исторической обстановке. Ее особенности во многом связаны с быстрым количественным ростом партийных рядов и участием партии в национально-освободительной войне, ставшей неразрывной частью общемировой войны с фашизмом.

Коминтерн с первых дней войны четко сформулировал отношение международного коммунистического движения к справедливой борьбе китайского народа, призвав к солидарности с этой борьбой все прогрессивные силы мира. Вместе с тем Исполком Коминтерна совместно с представителями ЦК КПК 10 августа 1937 г. обсудил и новые задачи КПК в условиях разгоравшейся войны. Коминтерн ориентировал КПК на развертывание национально-освободительной войны, на всемерное укрепление единого антияпонского фронта, на превращение КПК во всекитайскую партию. Совещание одобрило политическую программу, сформулированную в докладе представителя ЦК КПК Ван Мина.

Эти документы легли в основу работы в конце августа 1937 г. совещания политбюро ЦК КПК в Лочуане (пров. Шэньси) и принятой совещанием Программы спасения родины из десяти

пунктов. Совещание выявило совпадение взглядов большинства членов политбюро с линией Коминтерна. Вместе с тем уже в это время постепенно проявляется неприятие Мао Цзэдуном политической линии Коминтерна: ставка на военное поражение Гоминьдана или его капитуляцию, нежелание укреплять единый национальный фронт, отказ от активных боевых действий. Одновременно левосектантская линия Мао Цзэдуна сказывалась и на политике КПК в освобожденных районах, особенно при проведении социально-экономических преобразований.

Столкновение этих двух подходов, истоки которых надо искать в истории КПК еще 20-х гг., проходит через всю внутрипартийную борьбу в годы войны. На расширенном совещании политбюро в декабре 1937 г. левосектантская позиция была подвергнута критике в выступлении вернувшегося в Китай Ван Мина, а также исполнявшего обязанности генерального секретаря Чжан Вэньтяня. Совещание ориентировало партию на укрепление и расширение сотрудничества с Гоминьданом в интересах войны сопротивления. Совещание приняло назревшее решение о созыве в ноябре 1938 г. очередного съезда партии.

Для выполнения намеченных решений по укреплению и расширению сотрудничества с Гоминьданом большое значение имело создание в Ханькоу Янцзыцзянского (Чанцзянского) бюро ЦК КПК, которым руководили видные деятели партии Ван Мин, Чжоу Эньлай, Бо Гу. Это бюро сыграло также важную роль в развертывании партработы в гоминьдановских районах, в организации партизанского движения в оккупированных частях Центрального и Южного Китая, в активизации политической деятельности патриотических организаций.

Однако Мао Цзэдун не примирился с тем, что его позиция была отвергнута большинством руководства КПК, и вел упорную борьбу внутри КПК за укрепление своих позиций. Его первым успехом был срыв проведения намеченного очередного съезда партии. Вместо этого в октябре—ноябре 1938 г. был проведен VI расширенный пленум ЦК КПК, итоги которого противоречивы. С одной стороны, пленум принял решения, направленные на реализацию линии на укрепление и расширение единого фронта, на усиление вооруженного сопротивления японской агрессии, обсудил меры развития сотрудничества с Гоминьданом, высказался за дальнейший поиск путей создания организационных форм единого фронта.

С другой стороны, пленум укрепил руководящее положение Мао Цзэдуна. На пленуме выступил член политбюро Ван Цзясян, только что вернувшийся из Москвы, и довел до сведения

членов ЦК КПК мнение И.В. Сталина и Г.М. Димитрова о том, что они рассматривают Мао Цзэдуна как вождя КПК. В соответствии с тогдашними партийными нравами это означало окончательное утверждение Мао Цзэдуна у власти в партии, это означало получение той высшей санкции, которую Мао Цзэдун ждал уже три года. Характерно, что на этом же пленуме была провозглашена необходимость придать марксизму национальную форму, «китаизировать марксизм».

И хотя после пленума борьба в руководстве партии еще продолжалась, положение Мао Цзэдуна стало прочным. К лету 1939 г. он фактически занимает пост генерального секретаря партии, используя который ему удастся провести огромную работу по изменению всего руководства КПК. Именно в это время складывается группа ближайших политических сподвижников Мао Цзэдуна, сыгравших столь важную роль в его борьбе за власть. Мао Цзэдуну удалось сплотить вокруг себя не только преданных ему и не имевших собственного политического лица деятелей ЦК (вроде Кан Шэна и Чэнь Бода), но и многих видных руководителей партии, в прошлом отнюдь не всегда выступавших вместе с ним (Лю Шаоци, Чжоу Эньлай, Пэн Чжэнь, Дэн Сяопин и др.). «Возникновение маоистской группировки, — писал известный политолог Ф.М. Бурлацкий, — не только результат усилий самого Мао Цзэдуна, но и объективной борьбы внутри КПК. Не только Мао шел к группе, но и группа шла к нему. Она нуждалась в лидере — и для своего возвышения, и... для осуществления определенной суммы идей в области партийного, военного, национального строительства». Общей идейной платформой этой группы стал довольно разнородный круг революционно-националистических представлений, являвшихся подлинной основой их мировоззрения и сочетавшихся с выборочным восприятием ряда марксистских положений. Образование этой группировки стало важным этапом развития маоизма как идейно-политического движения, во многом предопределившим судьбы китайской революции.

Одним из факторов, способствовавших объединению вокруг Мао Цзэдуна широкого круга деятелей КПК, стало превращение Мао Цзэдуна именно в это время в главного и по сути единственного идеолога и теоретика КПК. Идеейно-теоретическая деятельность Мао Цзэдуна в яньаньский период носит весьма противоречивый, даже парадоксальный характер. С одной стороны, именно в Яньани окончательно оформляется утопический социальный идеал Мао Цзэдуна, базировавшийся на идеализации казарменного быта кадровых работников, «яньаньского образа жизни», и вобравший в себя многие традиционные уто-

пические представления (типа *датун* — «великой гармонии»), веками питавшие идеологию народных выступлений. Вместе с национализмом и воинствующим мессианством он стал детерминировать идеологию маоизма. С другой стороны, именно в Яньани Мао Цзэдун активно включается в работу по «китаизации марксизма», которая означала прежде всего попытку представить взятые на вооружение КПК идеологию и социальные идеалы как традиционные, «национальные» по своему происхождению, что было принципиально новым для КПК (и столь же характерным прежде для Дай Цзитао). «Социализм, — говорил на митинге в 1939 г. ближайший сподвижник Мао Цзэдуна и истолкователь его идей Чэнь Бода, — это самая прекрасная мечта, волновавшая людей в Китае на протяжении нескольких тысячелетий. Мо-цзы называл эту мечту “всеобщей любовью”, в “Ли юнь” она именуется “великой гармонией”. Идеал “великой гармонии” — идеал социализма и коммунизма не является для нашей партии привнесенным извне, это внутренняя историческая потребность нашего народа, это — конечная цель нашей партии, и никто, кроме корыстолюбцев, не может отрицать этого... Диалектика истории такова: сначала Восток шел впереди и развитие цивилизации шло с Востока на Запад; затем Запад стал передовым... Однако Восток снова воспрянул... Восток стал передовым... Решающей силой этого Востока является Китай».

Эта новая самооценка партийной идеологии сочетается теперь у Мао Цзэдуна со стремлением приспособить свою версию марксизма-ленинизма к конкретным условиям борющегося за национальное спасение Китая. Прежде всего он усиливает пропаганду ряда положений марксизма-ленинизма (почерпнутых, правда, в основном из статей и книг популяризаторов, а иногда и вульгаризаторов марксизма), приспособлявая их к интересам национально-освободительной войны. Ссылаясь на пресловугую китайскую специфику, он прямо искажает некоторые фундаментальные положения марксизма, в частности об исторической роли рабочего класса, фактически подменяя их собственной идеей о решающей роли крестьянства в китайской революции, которая базировалась на субъективистской оценке положения в китайской деревне и всей социальной структуры Китая.

Вместе с тем эта теоретическая работа, которая рассматривалась Мао Цзэдуном и его соратниками как подготовка идеологического фундамента коммунистического движения, на рубеже 40-х гг. была дополнена разработкой политической программы, которую Мао Цзэдун рассматривал как обращенную не в

будущее, а как программу непосредственной борьбы за власть с Гоминьданом. Речь идет о концепции «новой демократии».

Естественно возникает вопрос о причинах, заставивших Мао Цзэдуна дополнить свою уже сложившуюся версию марксизма «демократической» программой. Почему он был неудовлетворен, как могло показаться, своей вульгаризаторской и субъективистской подгонкой марксизма к своему социально-утопическому идеалу «казарменного коммунизма», почему он был вынужден обратиться к теоретическому наследию Сунь Ятсена, в освоении которого увидел возможность развития марксизма и его китаизации? Ответ мы можем увидеть, вероятно, в существенной новизне внутрипартийной и общеполитической обстановки в это время. Проповедь маоистского «казарменного коммунизма» могла найти и, судя по всему, находила отклик у кадровой части партии, но идейно вооружить уже миллионную партию, подавляющее большинство которой пришло под знамена КПК под воздействием национального импульса, она, конечно же, не могла.

Тем более казарменно-аскетическая апологетика «яньаньского образа жизни» не могла стать той идеей, которая сплотила бы вокруг КПК китайскую нацию в борьбе против японских захватчиков, а затем и против гоминьдановского режима. Мао Цзэдун хорошо уловил новизну ситуации. Он смог увидеть, что именно в это время Гоминьдан вновь потянулся к идейному наследию Сунь Ятсена, но в то же время он правильно оценил невозможность для Гоминьдана удержать в руках знамя революционного национализма, знамя суньятсенизма. Чанкайшистскому Гоминьдану это было не по плечу, узкогрупповые интересы бюрократической буржуазии диктовали Чан Кайши близорукую радикальную политику, отталкивавшую от Гоминьдана его, казалось бы, естественных союзников.

В этих новых условиях Мао Цзэдун начинает рассматривать данное от имени КПК в 1937 г. согласие на признание суньятсенизма не только как плату за создание единого фронта. Он, видимо, принимает решение использовать суньятсеновское идейно-теоретическое наследие в борьбе за власть с Гоминьданом. Можно предположить, что при этом он учел исторический опыт реализации идей Сунь Ятсена после его смерти, опыт борьбы за суньятсеновское наследие. Речь идет не только о таких консервативных, традиционалистских истолкователях суньятсенизма, как Дай Цзитао и Чэнь Лифу. Было и другое направление истолкователей: Чэнь Гуньбо (и другие реорганизационисты), Ху Ханьмин, Ши Цуньтун, Дэн Яньда, Тань Пиншань (и другие члены т.н. Третьей партии) и иные «наследники»,

которые интерпретировали суньятсенизм в национально-демократическом духе. При всех глубоких различиях в позициях участников этих политических и идеологических дискуссий их всех во многом объединяло понимание огромного потенциала суньятсенизма как идеологии особого, «китайского» пути преобразования Китая и всего мира. Формулирование и развитие концепции «новой демократии» во многом опиралось на это наследство и во многом стимулировалось именно поиском «своего» пути.

Основное содержание новой концепции можно рассмотреть в трех аспектах. На первый план Мао Цзэдун выдвигает идею национального спасения, идею сплочения во имя борьбы с японской агрессией и шире — борьбы против империалистического гнета. Национальное освобождение и возрождение величия китайской нации — вот исходный момент концепции «новой демократии». Одна из предпосылок этого сплочения — демократизация китайского общества, отказ от однопартийной диктатуры Гоминьдана, переход к многопартийной системе, в которой КПК будет играть ведущую роль как подлинный выразитель чаяний нации. Вместе с тем национальное освобождение и демократизация должны привести и к обновлению экономической жизни, но при сохранении системы частной собственности и рыночных отношений. Феодальные пережитки в деревне должны быть преодолены путем проведения аграрной реформы, национальное предпринимательство должно поощряться, а национальный рынок защищаться, хотя одновременно должны быть созданы условия и для привлечения иностранного капитала. Предприятия, принадлежащие бюрократическому капиталу, должны быть преобразованы в государственный сектор, которому надлежит занять ведущее место в экономике. Новая власть должна проявлять заботу об улучшении жизни народа, а в области социальных отношений придерживаться принципов взаимовыгодного сотрудничества труда и капитала. Речь, таким образом, шла о своеобразной «смешанной экономике». В разработке концепции «новой демократии» принимали участие и другие руководители КПК, увидевшие в этой концепции мощное идеологическое оружие борьбы за власть.

Легко заметить, что основные положения «новой демократии» во многом восходят к «трем народным принципам» Сунь Ятсена — национализму, народовластию, народному благоденствию, отличаясь от них прежде всего характером постановки вопроса о власти. Концепция «новой демократии», в отличие от суньятсенизма, использовала такие важные для ленинизма понятия, как «классы» и «диктатура». Социальная опора новеде-

мократического строя мыслилась Мао Цзэдуном как весьма широкая, включавшая рабочий класс, крестьянство, буржуазию и патриотическую часть крупных землевладельцев, однако именно крестьянство Мао Цзэдун в это время рассматривал как главную социальную силу нового режима. Самостоятельной и тем более ведущей роли рабочему классу в концепции «новой демократии» не отводилось. Вместе с тем действительным политическим руководителем новодемократического государства должна была стать, по мысли Мао Цзэдуна, КПК, которая в рассматриваемом политическом контексте все больше теряла свой классовый характер, все больше делалась социально автономной.

Обращение Мао Цзэдуна к идеологии «националистического народничества», ее адаптация к некоторым марксистским положениям и некоторым марксистским терминам способствовали превращению эклектического комплекса идей, связанных с именем Мао Цзэдуна, в идейно-теоретическую платформу массовой партии, возглавлявшей национально-освободительную войну, давали КПК ряд тактических преимуществ в борьбе за власть, порождая, однако, значительные идеологические и теоретические трудности, хотя и выявившиеся позже. Речь идет о глубоко внутреннем противоречии между яньаньской идеологией «казарменного коммунизма» и буржуазно-демократической ориентацией «новой демократии», постепенно подтачивавшем изнутри идеологию маоизма. Став не только политическим, но и идеологическим руководителем КПК, Мао Цзэдун стремится расправиться со всеми своими противниками.

В очень трудное для освобожденных районов и для вооруженных сил КПК время — летом 1941 г. — Мао Цзэдун и его группа развернули так называемое движение за упорядочение стиля в партии (*чжэнфэн*).

Подготавливая новое наступление на своих противников в КПК, Мао Цзэдун фабрикует обвинение ряда прежних руководителей деятелей КПК в «субъективизме», в неспособности творчески соединять марксизм с китайской действительностью. Лицемерно обращаясь к решениям VII конгресса Коминтерна, в которых был совершен серьезный поворот в тактике коммунистического движения и были осуждены левосектантские ошибки, он обвиняет видных руководителей партии в проведении в первой половине 30-х гг. так называемой третьей левооппортунистской линии. Создав такую «идеологическую базу», он обрушивается прежде всего на Ван Мина, Бо Гу, Чжан Вэньтяня, а также на многих других руководящих и кадровых работников партии, именно на тех, кто препятствовал утверждению курса Мао Цзэдуна. В сентябре 1941 г. эти видные деяте-

ли КПК были отстранены от работы в высших руководящих органах партии.

В феврале 1942 г. Мао Цзэдун в выступлении перед слушателями партшколы в Яньани провозгласил начало так называемой идеологической революции, ставшей решающей фазой всего «чжэнфэна». Начинается массовая кампания, подобной которой КПК еще не знала. К обязательной «учебе» в Яньани и на местах привлекаются все кадровые работники и партийные активисты, которые должны в течение многих месяцев «изучать марксизм-ленинизм» по программе, составленной Мао Цзэдуном. Программа включала в основном лишь статьи и выступления самого Мао Цзэдуна, а также несколько статей Сталина. «Ключ к овладению марксизмом, — писала партийная газета «Цзефан жибао» в 1942 г., — лежит прежде всего в изучении работ Мао Цзэдуна как более близких и нужных китайцам». Однако кампания отнюдь не сводилась к «учебе». Главным в «чжэнфэне» постепеннo делается искоренение всякого инакомыслия и политическое уничтожение всех противников Мао Цзэдуна. Во внутрипартийной борьбе насаждаются те методы, которые впоследствии расцветут пышным цветом в годы «культурной революции».

Длительность и напряженность этой кампании, изощренность и жестокость методов борьбы указывают на то, что сопротивление партийных кадров насаждению культа личности Мао Цзэдуна и новых порядков в партии оказалось значительно более серьезным, чем рассчитывал Мао Цзэдун. Отсюда и ужесточение методов борьбы, и физическая расправа со всеми, кто оказался не сломленным в результате идеологического террора.

Вместе с тем репрессии обрушивались не только на сопротивлявшихся проведению маоистского курса. Превентивным репрессиям подверглись по сути дела все активисты и кадровые работники, не проявившие энтузиазма в принятии и осуществлению целей и методов «чжэнфэна».

Решение Коминтерна о самороспуске, принятое в мае 1943 г., было использовано Мао Цзэдуном для проведения завершающей стадии кампании «чжэнфэна», отличавшейся уже откровенными нападками на политику Коминтерна и всех деятелей КПК, с ним связанных. С поразительным политическим цинизмом все поражения и ошибки КПК попытались «списать» на счет, якобы, следования коминтерновской линии, а идейно-политическую платформу Мао Цзэдуна представить как залог всех успехов КПК, как «подлинный китайский марксизм». В результате жестокого идеологического террора и прямых репрессий явные и потенциальные противники Мао Цзэдуна потерпели тяжелое

поражение, а многие в недавнем прошлом противники маоистской линии (Чжан Вэньтянь, Бо Гу, Ян Шанкунь и др.) были вынуждены не только выступить с «самокритикой», но и начать восхвалять идеи и деятельность Мао Цзэдуна. Несмотря на значительное сопротивление «чжэнфэну», открытых выступлений видных партийных деятелей против маоистского курса не было, возможно из-за боязни раскола партии, что играло, безусловно, на руку Мао Цзэдуну и во многом определило своеобразие развития внутрипартийной борьбы в КПК в последующие годы.

Кампания маоистской индокринации сопровождалась также большой работой по налаживанию организационной структуры стремительно разраставшейся партии, раздробленной вместе с тем по многим изолированным освобожденным районам и воинским частям. В партии насаждались армейские порядки и прежде всего фактическое единоначалие, в конечном счете сводившееся к подчинению всего партийного аппарата лично Мао Цзэдуну. В результате всей этой напряженной работы удалось укрепить партийную дисциплину, добиться полного подчинения всех местных организаций центру, несмотря на продолжавшийся рост численности партии, обеспечить новые парторганизации и воинские части кадровыми работниками, подготовленными в различных партшколах в Яньани, и тем самым укрепить политическую роль и политические возможности КПК как в войне сопротивления японским агрессорам, так и в борьбе за власть с Гоминьданом. Организационное сплочение партии происходило на принципах армейской дисциплины и принципах личной преданности Мао Цзэдуну, что не могло привести к действительному единству партии, сохраняя предпосылки фракционной борьбы, хотя уже и в иной форме.

Разгромив своих идейных противников, полностью взяв в руки партийный аппарат, маоистское руководство сочло, что пришло время созвать очередной, VII съезд КПК. Последним важным подготовительным мероприятием явился VII расширенный пленум ЦК КПК, принявший 20 апреля 1945 г. «Решение по некоторым вопросам истории нашей партии», являвшееся грубой фальсификацией истории КПК и китайской революции и теоретическим обоснованием нового политического курса. В этом документе как бы завершался разрыв с коминтерновской политической традицией, чинилась «историографическая» расправа со всеми идейно-политическими противниками Мао Цзэдуна. Одновременно делалась примечательная попытка дать теоретическое обоснование новизны революционной стратегии маоизма, которая виделась в «особой» роли крестьянства и деревни в ки-

тайской революции, а также всячески подчеркивалась роль Мао Цзэдуна как теоретика и практика, сумевшего раньше и лучше других увидеть эту особенность китайской революции и воплотить ее в «правильную» стратегию и тактику КПК. И хотя роль крестьянства в китайской революции, как показывал исторический опыт, отнюдь не была большей, чем в других стадияльно сопоставимых революциях, маоистская мифология, сыгравшая столь важную роль в дальнейшем, начала складываться.

VII съезд КПК проходил в Яньани с 23 апреля по 11 июня 1945 г. На нем присутствовало 544 делегата с решающим голосом, представлявших более 1,2 млн членов партии. В основном политическом докладе Мао Цзэдуна «О коалиционном правительстве», исходя из очевидной неизбежности в ближайшее время разгрома японского империализма союзными державами, намечалась программа борьбы против гоминьдановской власти, основанная на тактических принципах «новой демократии». В докладе о новом уставе КПК, сделанном Лю Шаоци, который стал вторым человеком в партии в ходе «чжэнфэна», фиксировались итоги предшествовавшей идейно-политической борьбы и изменение характера самой партии. Залог подлинной революционности и даже «пролетарского характера» новой КПК докладчик видел прежде всего в том, что вся деятельность партии теперь базировалась на китаизированном марксизме. «Идеи Мао Цзэдуна, — заявил Лю Шаоци, — это идеология, объединяющая теорию марксизма-ленинизма с практикой китайской революции, это китайский коммунизм, китайский марксизм. Идеи Мао Цзэдуна — это дальнейшее развитие марксизма в национально-демократической революции в колониальных, полуколониальных и полуфеодальных странах в современную эпоху, это превосходный образец национального марксизма». Исходя из такого подхода и фиксируя идейно-политическую победу в партии Мао Цзэдуна, съезд записал в новом уставе: «КПК во всей своей работе руководствуется идеями Мао Цзэдуна...» Съезд избрал ЦК в составе 44 членов и кандидатов, в основном, естественно, сторонников нового курса. Однако Мао Цзэдун пошел на включение в новый состав ЦК и некоторых своих поверженных противников (Ван Мин, Бо Гу, Чжан Вэньтянь).

Возобладание маоизма означало и усиление левосектантских и националистических тенденций во всей политике КПК. Левосектантские установки Мао Цзэдуна проявлялись прежде всего в нигилистическом отношении к политике единого антияпонского фронта, в нагнетании напряженности в отношениях с Гоминьданом, в перенесении центра тяжести вооруженной борьбы с японских захватчиков на гоминьдановских конкурентов. И в этом

сектантство смыкалось с национализмом, с полным непониманием интернациональных аспектов войны с японскими захватчиками. Наиболее ярко это проявилось в отношении маоистов к предложениям Коминтерна и КПСС в 1941 г. координировать действия вооруженных сил КПК с тем, чтобы сковать силы японской армии и уменьшить риск нападения Японии на Советский Союз в тяжелейшие дни лета и осени 1941 г. Несмотря на словесные заверения в полной поддержке борьбы советского народа (декларация ЦК КПК от 7 июля 1941 г.), маоистское руководство фактически отказалось от такой координации, выявив узконационалистическое непонимание решающего значения, в том числе и для судьбы китайской революции, событий на советско-германском фронте.

«Китаизация марксизма» и активизация пропаганды в духе «новой демократии» создавали предпосылки некоторого сближения или, во всяком случае, определенного взаимного интереса между маоистским руководством КПК и американской дипломатией. Последняя все больше начинает видеть в КПК и ее вооруженных силах важного участника общей войны с японскими захватчиками, с которым необходимо устанавливать деловые военные и политические контакты. Так летом 1944 г. в Яньани появляется «союзническая миссия наблюдателей» (а фактически армии США) во главе с полковником Д. Барретом для координации военных действий с вооруженными силами КПК. В ноябре в Яньань прибывает американский посол Хэрли с целью выработки соглашения между КПК и Гоминьданом для объединения военных усилий на завершающем этапе войны. Однако составленный Хэрли и руководством КПК проект соглашения был отвергнут Гоминьданом из-за значительных политических уступок коммунистам. Несмотря на провал посреднической миссии Хэрли, КПК получила большой политический выигрыш, ибо КПК стала рассматриваться американской дипломатией как полноправный политический партнер Гоминьдана. В это же время в среде наиболее дальновидных американских дипломатов (Дж. Сервис, Дж. Дэвис и др.), хорошо знавших действительную идейно-политическую эволюцию КПК и реальное положение дел в Китае, зреет идея о переориентации американской политики в Китае с Гоминьдана на КПК как наиболее значительную военно-политическую силу послевоенного Китая. В этом же направлении на американское общественное мнение воздействуют корреспонденции левонастроенных журналистов (Э. Сноу, А. Смэдли, Т. Уайт и др.), которым была предоставлена возможность посетить освобожденные районы и встречаться с руководителями КПК. Однако американское правительство рассматри-

вало политику маоистского руководства все-таки как тактическую уловку и не пошло в то время на корректировку своей политики.

5. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП ВОЙНЫ И ЕЕ ИТОГИ

8 августа в соответствии со всеми союзническими обязательствами Советский Союз объявил войну Японии. Началось стремительное наступление Советской армии в Северо-Восточном Китае (Маньчжурии), а также на Сахалине, Курильских островах и Корее. 20 августа были освобождены Харбин, Мукден (Шэньян), Чанчунь, Гирин, 23 августа — Порт-Артур. 2 сентября на борту американского линкора «Миссури» японские власти подписали акт безоговорочной капитуляции. Была перевернута последняя страница второй мировой войны. Закончилась и восьмилетняя национально-освободительная война китайского народа против японских захватчиков, победу в которой он завоевал благодаря наличию единого фронта и военно-политической поддержке союзников по антифашистской коалиции. Решающее значение для принципиального изменения военно-политической обстановки в Китае на заключительном этапе войны имело стремительное наступление Советской Армии, придавшее этому этапу войны чрезвычайно скоротечный характер, а также факт освобождения именно Советской Армией одного из важнейших районов Китая — Маньчжурии. Политическая база действий Советской Армии на китайской территории была создана решениями Ялтинской конференции союзников (СССР, США и Великобритании), а юридическая — подписанием 14 августа 1945 г. в Москве Договора о дружбе и союзе между СССР и Китаем (которому сопутствовала также серия соглашений: о совместной эксплуатации в течение 30 лет Китайско-Чанчуньской железной дороги на правах общей собственности, о совместном использовании военно-морской базы Порт-Артур, объявлении Дальнего свободного порта и др.).

Вооруженные силы как Гоминьдана, так и КПК, хотя и были не способны нанести решающее поражение японским захватчикам, в условиях капитуляции Японии и развала их колониального механизма попытались использовать сложившуюся ситуацию таким образом, чтобы в максимальной степени взять плоды победы в свои руки. Гоминьдан располагал значительными вооруженными силами, насчитывавшими 4,6 млн бойцов, часть из которых была вооружена и подготовлена американцами, но в целом они были уставшими от длительной войны и

деморализованными тяжелыми поражениями. К тому же они располагались в основном в отдаленных западных и юго-западных районах страны и не имели достаточных транспортных средств для быстрой передислокации. Вот почему Чан Кайши, отдав уже 11 августа приказ своим войскам начать быстрое продвижение в оккупированные районы, одновременно потребовал от японских войск капитулировать только перед правительственными войсками. Вскоре американские самолеты и корабли начали переброску гоминьдановских войск в восточные районы для принятия капитуляции в крупнейших городах страны — Шанхае, Нанкине, Пекине, Тяньцзине, Гуанчжоу и др., что и позволило не допустить их освобождения вооруженными силами КПК.

Основные вооруженные силы КПК — 8-я и Новая 4-я армии, а также партизанские отряды отличались хорошей дисциплиной и высоким моральным духом. Они были удачно расположены в стратегически важных районах Северного и Центрального Китая. Их главная слабость — острая нехватка оружия: одна винтовка приходилась на трех бойцов, а тяжелого оружия почти не было. 11 августа Чжу Дэ отдал приказ о переходе в наступление всех сил освобожденных районов. Не имея возможности взять крупнейшие города страны, вооруженные силы КПК постарались в основном освобождать средние и мелкие города, значительно расширяя территорию освобожденных районов севернее р. Янцзы. Это привело к многочисленным столкновениям с гоминьдановскими войсками и к угрозе развязывания гражданской войны. Сознательно обостряя военно-политическую конфронтацию с Гоминьданом, руководство КПК исходило из ошибочной и по сути авантюристической и националистической предпосылки о возможности вовлечения СССР на заключительном этапе войны в прямое военное столкновение с Гоминьданом и, следовательно, с США.

В сложившейся взрывоопасной обстановке огромное значение имела принципиальная позиция Советского Союза, четко выраженная как при подписании договора 14 августа, так и в конфиденциальных контактах с руководством КПК — выполнение своих союзнических обязательств при соблюдении курса на невмешательство во внутренние дела Китая и предотвращение гражданской войны.

Стремясь перехватить инициативу, Чан Кайши трижды — 14, 20 и 23 августа — направляет Мао Цзэдуну приглашения в Чунцин на мирные переговоры. Учтя позицию Советского Союза и получив гарантии своей личной безопасности, Мао Цзэдун 28 августа вылетел в Чунцин. Идя на эти переговоры, руководство

КПК вместе с тем исходило из позиции, сформулированной Мао Цзэдуном в его выступлении 13 августа и полагавшей, что «...война сопротивления японским захватчикам как определенный этап уже миновала: новая обстановка и новая задача — это борьба внутри страны».

Этими переговорами в условиях безоговорочной капитуляции японских агрессоров как бы завершается этап национально-освободительной войны китайского народа и начинается новый исторический этап.

Глава XVII

ПОБЕДА НАРОДНОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1945—1949)

1. ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС И НАЧАЛО НОВОГО ЭТАПА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Завершение восьмилетней национально-освободительной войны против японских захватчиков и решение задач восстановления национального суверенитета не принесли Китаю долгожданного мира. Начавшиеся в ходе капитуляции японской армии столкновения вооруженных сил КПК и Гоминьдана продолжались и после 2 сентября, грозя перерасти в гражданскую войну общекитайского масштаба, что было связано прежде всего с новым соотношением сил КПК и Гоминьдана.

КПК являлась теперь массовой и сплоченной правящей партией в двух десятках освобожденных районов от Маньчжурии до о. Хайнань, в которых проживало около одной четверти населения страны. КПК создала фактически не зависимую от гоминьдановского государства систему власти под своим безраздельным руководством. Эта новая политическая система опиралась на мощные вооруженные силы, способные не только защитить эту новую власть, но и бросить прямой вызов Гоминьдану. КПК стала и влиятельным политическим фактором в масштабах всей страны, выступив постепенно как центр притяжения всех оппозиционных Гоминьдану сил.

Руководство КПК к концу войны сочло необходимым и возможным развернуть решительную борьбу за власть с Гоминьданом. Эта борьба свидетельствовала о бескомпромиссности столкновения и ожесточенности схватки двух исторически соперничавших подходов и социально-политических сил — реформистских и революционных. Завершающий этап национально-освободительной борьбы принимал форму гражданской войны КПК и Гоминьдана, по историографической традиции называемой обычно «народной революцией». Решения VII съезда КПК и отражали этот новый политический курс КПК. Вместе с тем тактическая линия маоистского руководства, четко выявившаяся уже в августе 1945 г. и рассчитанная на немедленное расширение гражданской войны, грозила вовлечением в нее СССР. Такая интернационализация конфликта была чрезвычайно опасна. Резко негативная позиция Советского правительства (подписание 14 августа

договора о дружбе и союзе с правительством Чан Кайши, телеграмма 22 августа И.В. Сталина Мао Цзэду и др.) заставила руководство КПК менять тактическую линию. Психологически и политически это было, конечно, сделать нелегко, однако быстро сказавшаяся эффективность альтернативной тактической линии — линии на всяческое оттягивание войны в общекитайских масштабах и ведение политических переговоров с Гоминьданом — помогла КПК перестроиться на новый лад.

Идя на переговоры, КПК отнюдь не отказывалась от методов вооруженной борьбы, однако использование вооруженной силы было ограничено теперь стремлением не сорвать переговоры, оттянуть широкомасштабные военные действия и тем самым лучше подготовиться к решающим сражениям. Вот почему накануне отъезда делегации КПК в Чунцин ЦК КПК издал закрытую директиву своим вооруженным силам, в которой говорилось, что в Северном Китае надо «завоевать все, что можно завоевать», по мере сил надо расширить свой контроль и в других районах. Переговоры в Чунцине шли под непрерывный аккомпанемент локальных боевых действий.

В новой исторической ситуации переговоры в Чунцине о послевоенном устройстве Китая делают эпицентром политической борьбы. Они продолжаются с августа 1945 по март 1947 г. Американская дипломатия (посол Хэрли, а затем специальный представитель президента США Маршалл) с согласия КПК взяла на себя роль посредника в этих переговорах. При этом американские правящие круги исходили, естественно, из стремления помочь Гоминьдану овладеть политической ситуацией в стране. В результате первого тура переговоров было заключено соглашение о перемирии от 10 октября, в котором, однако, не были решены коренные вопросы об объединении вооруженных сил и характере власти в освобожденных районах, что грозило срывом перемирия. Однако осенью 1945 г. в гоминьдановских районах нарастает демократическое движение за недопущение развития гражданской войны, за демократизацию политической жизни, которое оказывает серьезное воздействие на политическую обстановку, сдерживая дальнейшее обострение военных столкновений. В этом же направлении действуют и некоторые международные факторы. В декабре 1945 г. в Москве состоялось совещание министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, которое по инициативе советского правительства высказалось за прекращение гражданской войны в Китае, за мирное объединение страны, за демократизацию ее политической жизни. При этом участники совещания взяли на себя обязательство придерживаться принципа невмешательства во внутренние дела Китая.

Все это позволило Дж. Маршаллу заставить Гоминьдана и КПК в конце декабря вновь сесть за стол переговоров и 10 января 1946 г. подписать соглашение, которое дало возможность созвать Политическую консультативную конференцию (ПКК) с участием представителей Гоминьдана, КПК, ряда других политических партий и беспартийных деятелей. После напряженной дискуссии ПКК приняла 31 января резолюции, которые определяли переход страны от гоминьдановского единовластия к демократическому правлению. Однако Гоминьдан не хотел в действительности отказываться от политической монополии. В марте пленум ЦИК Гоминьдана одобрил резолюции ПКК от 31 января, но с такими оговорками, что это было равнозначно их отклонению. Руководство Гоминьдана, явно переоценивая свои военно-политические возможности и недооценивая нарастающую силу КПК, вело дело к развязыванию гражданской войны в масштабах уже всей страны. Общее наступление гоминьдановской армии началось в июне 1946 г. С этого времени локальные боевые действия перерастают в гражданскую войну в масштабах всей страны.

Несмотря на продолжавшиеся еще полгода переговоры, военные средства решения политических проблем выходят на первый план. Попытка примирить враждующие стороны и найти взаимоприемлемый компромисс провалилась, провалилась и американская политика посредничества. Значение этой попытки и этого посредничества можно правильно оценить только с учетом общего развития международной обстановки после разгрома фашистской Германии и милитаристской Японии, которая характеризовалась прежде всего принципиальным усилением влияния Советского Союза, ослаблением мирового империализма. Проявилось это и в том, что политика правящих кругов США, претендуя быть глобальной, не могла быть в то время в действительности подкреплена соответствующей военно-политической силой во всемирном масштабе. Понимая, что судьба капитализма решалась тогда в Европе, США свои относительно ограниченные силы были вынуждены сконцентрировать именно там, «оголая» в какой-то мере другие участки противоборства с Советским Союзом и национально-освободительным движением. Вот почему США были вынуждены проводить в Китае политику ограниченной военной поддержки гоминьдановского режима, которая сама по себе не могла гарантировать утверждение власти Гоминьдана. Поэтому, по мысли американских стратегов, она должна была быть дополнена тактикой переговоров, которые при американском посредничестве могли бы спасти страну от гражданской войны, а гоминьдановский режим от разгрома, по справедливому мнению американских стратегов, вполне вероятного

в случае развертывания гражданской войны. Одновременно с поддержкой гоминьдановского режима эта посредническая деятельность ставила своей задачей и развитие особых политических отношений с КПК с целью идейно-политического воздействия на ее развитие.

Независимо от субъективных намерений этого посредничества его военно-политические последствия оказались — явно вопреки расчетам его инициаторов — в пользу КПК. Участие в переговорах подтвердило статус КПК как общекитайской политической силы, без которой даже США не представляли будущее политическое устройство страны. Годичные переговоры, постоянно саботировавшиеся гоминьдановцами, привели к тому, что КПК в общественном мнении не только Китая, но и США стала ассоциироваться с политикой мира и поиском демократического объединения страны. Весьма существенными были и военные последствия этого посредничества, в частности прекращение огня осенью 1945 г., зимой и летом 1946 г., давшие важные передышки вооруженным силам КПК, помогшие им подготовиться к общему гоминьдановскому наступлению.

Эти военно-политические результаты были достигнуты во многом благодаря гибкой политике руководства КПК по отношению к переговорам и американскому посредничеству, благодаря отказу от первоначальной авантюристической политики.

2. КРИЗИС И РАЗВАЛ ГОМИНЬДАНОВСКОГО РЕЖИМА

Начало кризиса гоминьдановского режима было положено еще военными поражениями Китая в первые годы антияпонской войны. Социальная трансформация Гоминьдана в годы войны затрудняла выход из этого кризиса из-за социального обособления правящей гоминьдановской элиты, ослабления ее социальных связей, явного сужения ее социальной базы. Предпринятая Гоминьданом в первые послевоенные годы попытка перенесения сложившейся в годы войны модели социально-политической организации на всю страну привела к углублению кризиса.

Это углубление проявилось в двух основных направлениях. Во-первых, в экономической жизни, где Гоминьдан сделал попытку полностью монополизировать командные экономические выгоды путем расширения государственного сектора за счет иностранного и национального капитала. Эти процессы обернулись для Гоминьдана дальнейшим сужением социальной базы и быстрым нарастанием коррупции. Во-вторых, попытка сохранить и упрочить политическую монополию Гоминьдана, нежелание пойти

по обещанному в годы войны пути демократизации политической жизни обернулись обострением отношений не только с КПК, но и с политическими организациями промежуточных сил, с некоторыми элементами внутри Гоминьдана, обернулись полной политической изоляцией режима.

Захват командных экономических высот, прежде находившихся в руках империализма, осуществлялся путем «освоения» японского «наследства» и перенесения на всю страну модели экономического контроля, сложившейся в Чунцине. В промышленности государственный сектор превратился в господствующую силу в результате огосударствления всей бывшей японской промышленной собственности, которая к 1945 г., как известно, во многом сложилась за счет экспроприации части китайских предприятий и предприятий западных конкурентов. Вот почему этот процесс фактически привел вообще к ликвидации иностранного капитала в промышленности. В 1947 г., по данным промышленного ценза, сохранилось всего 17 иностранных предприятий, на которых было занято менее 1 тыс. рабочих и капитал которых составлял менее 0,5% всех промышленных капиталовложений страны. Однако, поскольку Гоминьдан не пошел по пути приватизации национализированной вражеской собственности, этот процесс означал и сокращение национального промышленного капитала. В руках правительства оказалось, таким образом, более 2/3 промышленных капиталовложений, причем речь шла о наиболее крупных и технически лучше оснащенных предприятиях. Гоминьдановское государство унаследовало не только японский промышленный капитал, но и в значительной мере созданную оккупантами систему управления хозяйством, основывавшуюся на держательских компаниях, фактически контролировавших все основные отрасли хозяйства, в том числе и частного.

В послевоенные годы завершается образование и государственной банковской монополии. Усиливаются позиции государственного сектора на транспорте, особенно железнодорожном. Значительные социально-экономические последствия имело усиление государственного воздействия на внутреннюю и внешнюю торговлю.

Экономические последствия этих процессов ускоренного огосударствления хозяйства не были однозначными. В первые два года после войны промышленность тех районов, которые надежно контролировались Гоминьданом (прежде всего шанхайский экономический район), развивалась весьма высокими темпами, причем государственная промышленность восстанавливалась и развивалась быстрее, чем частная. В потерявших свое прежнее значение районах северо-запада и юго-запада (прежде всего чунцинском

районе) с большим трудом правительство пыталось поддержать высокий военный уровень производства. В районах же, находившихся в зоне боевых действий (прежде всего Маньчжурии), восстановление хозяйства происходило крайне медленно. В целом все это свидетельствовало об ограниченных возможностях гоминьдановского государства стимулировать экономический прогресс. Более того, начавшаяся в 1946 г. инфляция быстро подрывала все усилия по восстановлению и развитию хозяйства, отрицательно сказываясь на положении трудящихся.

В 1946 г. ежемесячный рост цен составлял 12%, а в 1947 г. — 26%, быстро возрастал объем денежной массы, падал курс юаня. Постепенно инфляция и другие последствия развертывания гражданской войны начинают сказываться на положении не только трудящихся, но и предпринимателей, особенно мелких. Растет недовольство китайской буржуазии, городской мелкой буржуазии, интеллигенции экономической политикой правительства, усиливается их раздражение по отношению к мероприятиям по огосударствлению хозяйства, в которых они видят главную причину ухудшения своего положения. Тяжелая экономическая ситуация, связанная прежде всего с последствиями восьмилетней войны и развитием войны гражданской, начинает восприниматься как прямое следствие гоминьдановской экономической политики. Инфляция особенно болезненно сказывалась на тех городских слоях, которые жили на фиксированные доходы, она подрывала их жизненный уровень. Все это стало подлинной экономической причиной роста оппозиционных настроений среди китайской буржуазии, интеллигенции, массы рядовых служащих по отношению к гоминьдановскому правительству.

Еще более тяжелые для Гоминьдана социальные последствия имела его экономическая политика в деревне. Она во многом была продолжением политики периода антияпонской войны, но без учета коренных перемен в социально-политической обстановке. Так, чтобы сдержать инфляцию, сохранить рычаги воздействия на рынок, гоминьдановское правительство продолжает взимать поземельный налог в натуральной форме, дополняя это тяжелое налогообложение принудительными закупками зерна по заниженным ценам. Несколько укрепив правительственные позиции на рынке, эти меры имели катастрофические социальные последствия для режима, ибо это означало, по данным многих китайских авторов, фактическое значительное возрастание налогообложения по сравнению с довоенным уровнем: если крестьянин-собственник теперь был вынужден отдать государству весь прибавочный продукт, то арендодатель — всю или значительную часть земельной ренты.

Потеря несколькими десятками миллионов богатых землевладельцев земельной ренты разрушила экономическую основу союза сельских эксплуататоров с гоминьдановским режимом, сложившегося в ходе борьбы Гоминьдана с «советским движением», в которой Гоминьдан выступал как защитник всех имущих в их борьбе за сохранение частной собственности. Первой и очень опасной для Гоминьдана реакцией крупных землевладельцев на этот «фискальный взрыв» было их нежелание посылать своих сыновей в гоминьдановскую армию и тем самым превращение этой армии в «армию бедняков», делавшуюся легкой добычей целенаправленной пропаганды КПК.

Изменение хода гражданской войны в 1947 г. — переход вооруженных сил КПК в контрнаступление и начавшаяся полоса поражений гоминьдановской армии — усилило кризис гоминьдановского режима и поставило его уже на грань катастрофы. Главным механизмом влияния военных действий на состояние гоминьдановской экономики оставалась инфляция, в основе которой лежало дефицитное финансирование военных расходов. Три четверти правительственных расходов продолжали покрываться работой печатного станка и за один только год (лето 1947 — лето 1948 г.) денежная масса выросла в 25 раз, а цены поднялись почти в 30 раз. Попытка проведения валютной реформы (август 1948 г.) — выпуск новых банкнотов, их принудительный обмен на золото, серебро, иностранную валюту — приостановить эти процессы уже не могла и лишь нанесла последний удар по тем имущим слоям, на которые Гоминьдан еще рассчитывал опереться.

Таким образом, гоминьдановская социально-экономическая политика, исходившая из узкогрупповых интересов бюрократической буржуазии, посягнула на частную собственность проведением огосударствления хозяйства, валютными реформами, усилением налогообложения собственности и т.п. Все это имело для Гоминьдана катастрофические социальные последствия, предельно сузив его социальную базу в условиях гражданской войны с КПК.

Но и последняя опора режима — гоминьдановский партийный, государственный, военный аппарат — в этих условиях подверглась быстрой эрозии. Проявилось это прежде всего в нарастании коррупции всех звеньев аппарата такими темпами и в таких масштабах, которые свидетельствовали уже о развале режима. По мере потери веры в способность добиться военной победы над КПК гоминьдановские функционеры стали превращаться в мародеров, стремившихся урвать хоть что-нибудь с этого гибнущего государственного корабля, уже мало думая о сопротивлении наступлению вооруженных сил КПК. Коррупция как раковая опухоль быстро ослабляла сопротивляемость гоминьдановского режима.

Острота кризиса на политическом уровне в новых условиях проявилась уже не только в усилении антигоминьдановских настроений среди политических представителей промежуточных сил, но и в переходе на античанкайшистские позиции многих деятелей Гоминьдана. Гоминьдан никогда не был достаточно единой и сплоченной организацией ни в идейно-политическом отношении, ни с точки зрения его военной организации. Поражения в гражданской войне и глубокий социально-экономический кризис быстро выявили стремление ряда политических групп и военных деятелей, еще недавно находившихся на антикоммунистических позициях, не связывать свою политическую судьбу с гибнущим режимом.

Главным фактором углубления политического размежевания в гоминьдановских районах было, вполне естественно, развитие военной обстановки. Неслучайно, что именно в 1948 г., после тяжелых поражений гоминьдановских армий, колеблющиеся политические деятели и группы были вынуждены более четко выявить свои позиции по отношению к Гоминьдану и КПК, сформулировать свое отношение к разваливавшемуся гоминьдановскому режиму и к складыванию новой революционной государственности. Сама активизация тех политических сил, которые теперь стремились отмежеваться от Гоминьдана, свидетельствовала не только об их признании неизбежности гибели гоминьдановского режима, но и о стремлении в этих новых условиях сыграть еще какую-то политическую роль.

В 1947 г. в период обострения политических репрессий британская колония Гонконг делается тем центром, где начинают собираться оппозиционно настроенные по отношению к Чан Кайши гоминьдановцы, искавшие каких-то новых политических форм институализации своей политической активности. В ноябре они проводят «съезд демократических групп Гоминьдана», в котором принимали участие некоторые видные гоминьдановские деятели, представители таких организаций, как «Товарищеская ассоциация по осуществлению трех народных принципов», «Общество содействия развитию демократии» и др. 1 января 1948 г. было объявлено о создании Революционного комитета Гоминьдана и его руководящих органов. В качестве почетного председателя была названа Сун Цинлин (вдова Сунь Ятсена). Председателем стал Ли Цишэнь, членами Постоянного комитета — Хэ Сянин, Фэн Юйсян, Ли Чжанда, Тань Пиншань, Цай Тинкай, Чжу Юаньшань. Политическая пестрота организаторов и руководителей этого комитета отражала реальный факт перехода на античанкайшистские позиции не только деятелей, которые в какой-то мере занимали «левый» фланг Гоминьдана, но и политиков, стремив-

шихся удержаться на поверхности политической жизни нового Китая, несмотря на свою прошлую контрреволюционную активность.

Здесь же активизируют свою работу и деятели распущенной гоминьдановскими властями в 1947 г. Демократической лиги. В январе 1948 г. часть ее руководителей во главе с Шэнь Цзюньжу провели совещание, на котором приняли решение возобновить деятельность Демократической лиги и воссоздать ее руководящие органы. В опубликованной декларации совещание выразило решимость продолжать борьбу за мирный, независимый и объединенный Китай, а также подчеркнуло необходимость сотрудничества с КПК в борьбе за новый Китай.

Все эти политические группы в Гонконге прямо воздействовать на развитие политической ситуации в Китае не могли, ибо не имели возможности вести работу на гоминьдановской территории. Однако их пропагандистская работа, их декларации и заявления создавали определенные политические ориентиры для довольно широкого круга гоминьдановских и негоминьдановских деятелей, в том числе и в военной среде, создавали определенные психологические предпосылки, помогавшие им покинуть гибнувший гоминьдановский корабль.

Нарастание кризиса гоминьдановских «верхов» с самого начала происходило на фоне быстро развивавшихся студенческих выступлений как важнейшей составной части общедемократического оппозиционного движения. Студенчество всегда было политически самой подвижной и активной частью китайского общества, наиболее быстро реагирующей на обострение национальных проблем. Послевоенное студенческое движение во многом (особенно первоначально) продолжало развивать сложившиеся еще в годы войны основные требования и задачи, сводившиеся прежде всего к лозунгам патриотизма, демократизма и улучшения жизни студенчества. Однако постепенно на первый план выступают политические требования, сформировавшиеся уже в послевоенных условиях и при прямом воздействии КПК. Коммунисты учли рост в военные и послевоенные годы националистических настроений в студенческой среде и сумели хорошо их использовать для антиамериканской пропаганды и для дискредитации Гоминьдана, материала для чего было достаточно. Так, наиболее массовое студенческое выступление началось в декабре 1946 г. в ответ на надругательство американского солдата над пекинской студенткой. В крупнейших городах страны к началу 1947 г. в демонстрациях и забастовках под антиамериканскими лозунгами приняло участие более 500 тыс. учащихся. Несмотря на то, что и националистические верхи Гоминьдана были достаточно заражены ксенофобией и антиамериканизмом, объективно эти выступления наносили

удар по Гоминьдану и гоминьдановской политике сотрудничества с США.

Продолжались студенческие выступления весной и летом 1947 г., а также в 1948 г., значительно расширив круг своих требований и лозунгов. Эти наиболее мощные в истории последней гражданской войны выступления студенчества стали заметным и важным фактором развития политической обстановки, воздействовавшим в антигоминьдановском плане на общественное мнение страны, усиливавшим неудовлетворенность промежуточных слоев гоминьдановским режимом.

Неслучайно, что именно студенческие выступления руководство КПК оценило как «второй фронт» борьбы с Гоминьданом, не имея возможности дать такую оценку, скажем, крестьянскому или рабочему движению. Забастовочные выступления рабочего класса в гоминьдановских районах были связаны прежде всего со стремлением защитить свои экономические интересы перед угрозой инфляции и фактического падения жизненного уровня. Постепенно происходит и некоторая политизация рабочего движения, вовлечение рабочих и их организаций в выступления против однопартийной власти Гоминьдана, за демократию и мир. Однако в целом в рассматриваемый период рабочее движение значительно отстает от уровня военно-политического обострения борьбы Гоминьдана и КПК и в сущности является частью общедемократического движения в гоминьдановских районах, причем и здесь оно выступает отнюдь не как авангард и руководитель, а скорее как вспомогательная сила более активных и мощных действий средних слоев и прежде всего студенчества.

3. РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Приняв к осени 1945 г. тактику переговоров и лозунг мирного демократического объединения страны, КПК постепенно нащупывала новую политическую линию в этих своеобразных условиях. Учитывая фактически развивавшиеся военные действия между гоминьдановской армией и вооруженными силами КПК (Народно-освободительной армией — НОА), КПК выдвигает лозунг «самозащиты». Так, во внутривластной директиве ЦК КПК от 15 ноября ставилась задача: «...занимая позицию самозащиты, всеми силами разгромить наступление Гоминьдана». В течение всего первого послевоенного года лозунг самозащиты — политически весьма ограниченный, но вместе с тем психологически очень действенный — являлся основным лозунгом НОА и КПК, под которым они защищали освобожденные районы и способствова-

ли реализации политической линии на дискредитацию Гоминьдана. Начало общего гоминьдановского наступления летом 1946 г. и фактическое развертывание гражданской войны в общекитайском масштабе привели не к снятию оправдывавшего себя лозунга, а к его некоторому уточнению. Теперь КПК говорит уже о «войне самозащиты». Во внутрипартийной директиве от 20 июля 1946 г. говорится о такой «войне самозащиты», которая нацеливает на «полный разгром наступления Чан Кайши», но пока еще под прежними лозунгами мира и демократии. Однако эти лозунги не означали, что руководство КПК не ощущало изменения исторической ситуации в ходе гражданской войны и выступало за восстановление «статус кво». Лозунг «восстановление мира» уже нацеливал на принципиальное изменение политической структуры страны — на принуждение Гоминьдана отказаться от однопартийной системы и признание власти освобожденных районов, ибо без этого уже не могло быть «мира».

Реализовать политику «войны самозащиты» с большой политической и военной эффективностью КПК сумела потому, что за период переговоров она значительно укрепила свои вооруженные силы. Основа вооруженных сил КПК была заложена в годы антияпонской войны, однако их количественный и особенно качественный рост связаны уже с созданием Маньчжурской революционной базы после разгрома Квантунской японской армии и освобождения Маньчжурии (Северо-Востока) Советской Армией. Создание этой базы при прямой поддержке Советского Союза существенно сказалось на исходе гражданской войны, ибо на освобожденной Советской Армией и контролируемой ею в течение девяти месяцев территории КПК получила необычайно благоприятные возможности создания военно-революционной базы нового типа. Это связано с масштабами района, его промышленным и военным потенциалом, благоприятным географическим положением. Используя эти возможности, КПК создала базу, ставшую фактическим центром революционного движения страны, но, вместе с тем, сюда перемещается и основной район сражений гражданской войны, ибо Гоминьдан также понял стратегическое значение этой базы.

Сразу же после освобождения Маньчжурии перед КПК встали сложные задачи, так как в этом районе из-за террора японских властей политические позиции КПК были слабыми. С целью ускорения формирования местных партийных организаций и создания новых органов власти из старых освобожденных районов в Маньчжурию было переброшено около 50 тыс. партийных работников, в том числе такие уже известные деятели, как Гао Ган, Пэн Чжэнь, Линь Бяо, Чэнь Юнь, Кай Фэн. Одновременно были

приняты энергичные меры по организации здесь вооруженных сил. Во второй половине 1945 г. сюда перебрасываются из старых освобожденных районов свыше 100 тыс. бойцов, ставших основой более многочисленных и — главное — значительно лучше вооруженных соединений НОА. Вооружение этих соединений было осуществлено за счет военных материалов разгромленной Квантунской армии, переданных коммунистам советским командованием, которое в дальнейшем помогало этим соединениям в снабжении одеждой, продовольствием, а затем и оружием. Пополнялась новая армия за счет жителей Маньчжурии, в том числе и за счет военнослужащих армии бывшей «империи» Маньчжоу-го. Привлечение этих относительно хорошо профессионально подготовленных кадров дало возможность новым соединениям НОА взять на вооружение и отлично освоить тяжелое оружие и технику, которых раньше в НОА практически не было. В начале 1946 г. было объявлено о создании Объединенной демократической армии Северо-Востока численностью около 300 тыс. бойцов (командующий — Линь Бяо, политкомиссар — Пэн Чжэнь).

Значительную работу по укреплению регулярных частей и соединений НОА руководство КПК провело и в других революционных базах. Почти год «мирной передышки» КПК использовала для пополнения и реформирования регулярных частей и соединений НОА, для расширения местного ополчения, для повышения боевой выучки. Вместе с созданием регионального партийного руководства по основным освобожденным районам было реорганизовано и командование НОА — создано шесть военных зон (руководители — Гао Ган, Лю Бочэн, Чэнь И, Не Жунчжэнь, Пэн Дэхуай, Ли Сяньнинь). Общее военное руководство осуществлялось Народно-революционным военным советом (Мао Цзэдун) и Главным командованием НОА (Чжу Дэ).

Все это позволило встретить начавшееся в конце июня 1946 г. наступление гоминьдановской армии во всеоружии. Первые крупномасштабные военные действия развернулись в Маньчжурии, которой гоминьдановское командование придавало решающее значение в своих планах разгрома КПК. И хотя гоминьдановцам удалось захватить ряд городов, НОА нанесла гоминьдановской армии тяжелые удары и, самое главное, сумела в целом сохранить маньчжурскую революционную базу как основную базу освободительной войны. Гоминьдановские войска наступали также на Центральной равнине, в Шаньдуне, на юге Шаньси, в северной Цзянсу.

На это наступление КПК и НОА ответили «войной самозащиты». Стратегия и тактика этой войны во многом опирались на опыт боевых действий китайской Красной армии и опыт анти-

японской войны, однако в первую очередь уже принимались во внимание особенности военно-политической ситуации в новой гражданской войне. Они исходили из представления о длительности развертывающихся боевых действий, в которых время работает на КПК, так как гоминьдановский режим переживает глубокий социально-экономический и политический кризис, который будет лишь обостряться и углубляться по мере развертывания военных действий. Учитывая превосходство сил гоминьдановской армии, НОА применяла прежде всего маневренные военные действия, нацеленные не столько на удержание территории, сколько на сохранение живой силы НОА и нанесение тяжелых потерь противнику.

Сочетание маневренной войны с широким кругом политических мероприятий сорвало попытку Гоминьдана решить «коммунистическую проблему» военным путем в течение нескольких месяцев. Война приняла затяжной характер. Итоги первого года войны неоднозначны. Гоминьдану удалось добиться тактических успехов, захватить ряд освобожденных районов, овладеть в марте 1947 г. даже г. Яньань, политическим центром всех освобожденных районов. Однако НОА сумела в ходе оборонительных боев нанести гоминьдановской армии ряд тяжелых поражений, которые, с точки зрения стратегии, оказались решающими для судьбы всей войны. Эта сторона военных действий первого года войны особенно явственно проявилась в коренных различиях в развитии вооруженных сил КПК и Гоминьдана. Двухмиллионная регулярная гоминьдановская армия потеряла за этот год более половины своих солдат и офицеров, причем 2/3 этих потерь составляли попавшие в плен и добровольно перешедшие на сторону НОА. Такой характер потерь объяснялся как социальным составом, так и глубоким морально-политическим кризисом гоминьдановской армии, в которой солдаты и значительная часть офицерства считали эту войну «чужой», не понимали и не поддерживали ее цели. Вместе с тем такой характер потерь объяснялся и целенаправленной политической работой КПК по разложению армии противника. Весьма примечательна и судьба пленных гоминьдановских солдат: даже в это очень трудное для НОА время около 3/4 пленных после идеологической обработки включались в состав НОА. А это значило, что 0,5 млн относительно хорошо обученных бойцов включались в состав оборонявшейся НОА. Еще примерно столько же человек было мобилизовано в НОА на территории освобожденных районов.

Таким образом, уже в течение первого года гражданской войны соотношение численности НОА и гоминьдановской армии постепенно стало меняться в пользу вооруженных сил КПК, хотя

за счет активной мобилизационной работы, поставок американского оружия и деятельности американских инструкторов некоторое численное превосходство регулярной гоминьдановской армии еще сохранялось.

Это изменение соотношения военных сил соответствовало и политическим изменениям в стране — обострению кризиса гоминьдановского режима и укреплению позиций КПК. Все это позволило НОА летом 1947 г. перейти в контрнаступление, а КПК выдвинуть новые политические лозунги.

Еще во внутривластной директиве от 1 февраля 1947 г. руководство КПК пишет о приближении нового этапа борьбы, который «...будет этапом новой великой народной революции, в которую выльется антиимпериалистическая, антифеодальная борьба в национальном масштабе». Теперь этот этап наступил и КПК на смену лозунгу «война самозащиты» выдвигает лозунг бескомпромиссной борьбы за свержение гоминьдановского режима, лозунг «долой Чан Кайши!». Это коренное изменение политической стратегии происходит в сентябре 1947 г. и свое развернутое выражение получает в «Декларации НОА», опубликованной 10 октября и фактически ставшей первым программным документом КПК в новых исторических условиях.

Декларация открывается лозунгом «национального освобождения Китая» от империалистического гнета и власти гоминьдановских национальных предателей, выражающим принципиальную новизну стратегии КПК, которая складывалась после 1936 г. Эта стратегия полностью учитывала богатейший политический опыт прошедшего десятилетия. Победа в антияпонской войне, объективно в основном решившая задачи национального освобождения, привела вместе с тем к подъему и усилению националистических настроений, к росту национального самосознания. Состояние националистической эйфории — вот характерная черта общественной психологии в стране в первое послевоенное время. В этих условиях китайская общественность чрезвычайно болезненно воспринимала любое ущемление национальных интересов и поправление национальной гордости. И фактически важнейшей национальной проблемой становится воссоздание единого национального государства на демократической основе. Эта проблема делается важнейшим стимулятором китайского национализма, того национализма, который, если использовать известное ленинское выражение, имел «историческое оправдание».

Стратегия КПК, сложившаяся к 1947 г., полностью учитывала эти особенности развертывания национально-освободительного движения в Китае. И прежде всего это относится к определению социального противника. Видя главного противника в бюро-

кратической буржуазии — экономически господствующей и политически правящей элите гоминьдановского общества, КПК в формулировании своих лозунгов полностью использует нарастание националистических настроений, стремясь представить бюрократическую буржуазию как силу антинациональную, проамериканскую, «предательскую». Не случайно в пропаганде КПК объект борьбы суживается до «клики четырех семей» (речь идет о семьях Чан Кайши, Сун Цзывэня, Кун Сянси и братьев Чэнь), что отражает факт понимания узости социальной базы гоминьдановского режима и в то же время стремление до предела изолировать верхи Гоминьдана.

Выдвижение КПК на первый план общенациональных и общедемократических целей освобождения Китая от гнета антинациональной и деспотической «клики четырех семей» создавало условия для провозглашения политики единого национального фронта (ЕНФ). Вот почему среди восьми основных требований «Декларации НОА» первым шло следующее: «Объединить все угнетенные классы и слои населения...; создать единый национальный фронт; свергнуть диктаторское правительство Чан Кайши; образовать демократическое коалиционное правительство». Несмотря на коренной политический поворот, КПК продолжает выступать за создание коалиционного правительства. Однако по своему реальному политическому содержанию этот лозунг имеет уже мало общего с лозунгом 1945—1946 гг. В период VII съезда КПК и мирных переговоров с Гоминьданом этот лозунг подразумевал ликвидацию однопартийного правительства Гоминьдана и создание многопартийного правительства с участием Гоминьдана, КПК и партий промежуточных сил. Это был лозунг ликвидации политической монополии Гоминьдана, лозунг раздела власти. Теперь по-прежнему звучавший лозунг выдвигался в новых исторических условиях и означал по сути дела выдвижение претензии на политическую монополию КПК, вытекавшую из ее полного военно-политического превосходства. Однако КПК стремилась полностью использовать в своих политических интересах отход от Гоминьдана промежуточных сил. На новом историческом этапе лозунг ЕНФ означал не обещание со стороны КПК разделить власть с какими-то «демократическими» (т.е. не выступавшими против КПК) партиями и группами, а обещание сохранить им возможность существования при новом режиме, и то лишь при условии безоговорочной поддержки политики КПК.

После перехода НОА в контрнаступление летом 1947 г. гражданская война прошла еще три основных этапа. На первом этапе (июль 1947 г. — август 1948 г.) НОА завершила изгнание гоминьдановских войск из старых освобожденных районов, пере-

несла военные действия на гоминьдановскую территорию, полностью лишила гоминьдановскую армию инициативы, заставив перейти ее к обороне. За этот год боев были разгромлены гоминьдановские войска численностью свыше 1,5 млн солдат и офицеров. На втором этапе (сентябрь 1948 г. — январь 1949 г.) в ходе трех грандиозных сражений были уничтожены основные силы гоминьдановской армии, что и предопределило развал и крах гоминьдановского режима. В ходе Ляошэньской операции была полностью освобождена Маньчжурия. В ходе Хуайхайской операции были разгромлены гоминьдановские войска, прикрывавшие выход к нижнему течению Янцзы. Наконец, в третьей операции НОА окружила и освободила Пекин и Тяньцзинь, а вместе с этим и весь Северный Китай. В результате этих трех операций были разгромлены гоминьдановские войска численностью свыше 1,5 млн человек.

За время этих наступательных боев численность НОА выросла до 3 млн бойцов и стала превосходить гоминьдановскую армию. Более чем наполовину НОА уже состояла из бывших военнопленных. Перейдя в контрнаступление, руководство КПК поставило перед НОА задачу привлечения в ее ряды до 80—90% пленных солдат и части офицерства. Такой характер пополнения не только снимал часть тяжелого бремени с населения освобожденных районов, но и повышал боеспособность НОА, ибо в нее влиялись не недавно мобилизованные крестьянские парни, а бойцы, прошедшие минимальную профессиональную подготовку и имевшие некоторый опыт боевых действий. По мере нарастания успехов НОА и разложения гоминьдановского режима учащаются случаи перехода на сторону НОА уже целых частей и соединений, а также непосредственное включение в НОА сдавшихся частей и соединений после их реорганизации. Так, после капитуляции в январе 1949 г. пекинская группировка (250 тыс. чел.) была реорганизована и включена в состав НОА. По мере развития успехов НОА такие массовые реорганизации делаются все более обычными. Стали даже говорить о двух методах разгрома гоминьдановских войск — пекинском, означавшем сдачу гоминьдановских войск без боя, их реорганизацию и включение в НОА, тяньцзиньском (Тяньцзинь, в отличие от Пекина, пытался защищаться), означавшем разгром в ходе боевых действий.

Третий, заключительный, этап продолжался до полного освобождения континентального Китая в начале 1950 г. А начался фактически с форсирования Янцзы силами 2-й и 3-й полевых армий в ночь на 21 апреля 1949 г. после того, как гоминьдановское правительство отвергло условия прекращения гражданской войны, выдвинутые КПК и фактически означавшие капитуляцию гоминьдановской армии. 23 апреля был взят Нанкин, 27 мая —

Шанхай, к октябрю НОА вышла уже к Гуандуну. На третьем этапе войны все чаще применялся пекинский метод разгрома. Именно так были освобождены провинции Хунань, Юньнань, Сикан, Синьцзян, а также ряд городов. Характерно, что во второй половине 1949 г. из 1,75 млн солдат и офицеров разгромленных гоминьдановских войск только 92 тыс. (менее 6%!) приходилось на убитых и раненых. По сути дела гоминьдановская армия сдавалась уже без боя. А всего за годы гражданской войны численность разгромленных гоминьдановских войск превысила 8 млн человек.

Развалу гоминьдановского режима способствовали не только военные успехи НОА, но и дальновидная политика единого национального фронта, все активнее проводившаяся КПК в ходе гражданской войны. Опыт реализации этой политики заставлял вносить в нее некоторые уточнения, способствовавшие действенности этой политики. Так, постепенно руководство КПК приходит к выводу о необходимости смягчения радикализма социально-экономической политики, в том числе и в аграрной сфере, для того чтобы создать определенные экономические предпосылки расширения и укрепления ЕНФ. В этой связи в директиве ЦК КПК от 18 января 1948 г. формулируется тезис о том, что реализовать идею ЕНФ и осуществлять руководство ЕНФ коммунисты смогут только в том случае, если они будут «...предоставлять руководимым материальные блага или, по крайней мере, не ущемлять их интересов...». Далее следовали важные указания о необходимости соблюдения интересов собственнической части населения в деревне и городе, о внимательном отношении к нуждам середняка, рекомендации проводить политику «поощрения помещиков и кулаков к промышленно-торговой деятельности», а также «обеспечения интересов и труда, и капитала» в частно-предпринимательском секторе.

Боевые успехи НОА, ускорение развала гоминьдановского режима, укрепление авторитета КПК позволили руководству КПК весной 1948 г. поставить вопрос о практической подготовке создания новой государственности и организационном оформлении ЕНФ. В своем первом обращении 1948 г. ЦК КПК предложил всем демократическим партиям и группам, массовым организациям и отдельным видным политическим деятелям образовать новую Политическую консультативную конференцию, которая должна была стать организационной формой ЕНФ и одновременно взять на себя функции представительного органа по подготовке создания новой системы власти. Обращение КПК к знакомой для китайской общественности форме политической организации — ПКК — способствовало, безусловно, принятию этой идеи многими некоммунистическими деятелями и демократическими

организациями. Провозглашение коммунистами лозунга коалиционного правительства, ранее поддержанного Демократической лигой и некоторыми другими партиями, а затем и лозунга созыва ПКК помогало демократическим партиям, организациям и некоммунистическим деятелям как бы избежать крайне мучительной для них альтернативы — Гоминьдан или КПК — и питать иллюзию, что у страны есть какой-то иной выбор, есть возможность пойти по другому, третьему, «демократическому» пути.

Все это привело к тому, что идея КПК о созыве новой ПКК была встречена с одобрением теми, к кому именно и обращалась КПК, и весной 1948 г. уже устанавливаются контакты КПК с рядом таких организаций и лиц, а летом того же года в освобожденные районы начинают приезжать представители демократических партий и групп для практической подготовки созыва ПКК, который должен был ознаменовать ликвидацию гоминьдановского режима и создание новой государственности.

4. АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА КПК

Завершение антияпонской войны и переход к новому историческому этапу не сразу привел к переменам в аграрно-крестьянской политике КПК. В первое время лозунг «каждому пахарю — свое поле» все еще продолжал трактоваться как политика снижения арендной платы и ссудного процента, реализация которой привнесла в освобожденных районах за годы войны к значительным социально-экономическим сдвигам. Несколько энергичных кампаний по снижению арендной платы и ссудного процента существенно ослабили социальные и экономические позиции крупных землевладельцев, улучшили и стабилизировали жизненный уровень трудового крестьянства, что проявилось, в частности, в расширении середняцкой прослойки. Особенно значительны были социально-политические последствия этой аграрно-крестьянской политики, обеспечившей КПК поддержку трудового крестьянства и нейтрализацию эксплуататорской части деревни. Однако, несмотря на все достижения аграрно-крестьянской политики, вписанной в концепцию единого национального фронта, руководство КПК продолжало ее рассматривать как «уступку» Гоминьдану, как политику, чуждую природе КПК и не рассчитанную на длительную стратегическую перспективу. Такой подход маоистского руководства КПК не давал возможности по достоинству (т.е. очень высоко!) оценить достигнутые результаты этой политики и разумно приспособить ее к новым политическим условиям. Лишь болезненным методом проб и ошибок руко-

водство КПК находило правильное соотношение между политической ЕНФ и мерой радикализма аграрных решений, с большим трудом осознавалась подчиненность аграрной проблемы политике ЕНФ как стратегии победы национально-освободительной борьбы.

Осенью 1945 г. с целью укрепления своих позиций в войне самозащиты руководство КПК провозглашает необходимость проверки выполнения ранее принятых законов и снижения арендной платы и ссудного процента в старых освобожденных районах и организации движения «сведения счетов с предателями» — в новых (т.е. освобожденных после капитуляции Японии). Начавшаяся кампания рассматривалась КПК не только как средство мобилизации крестьянства на поддержку НОА, но и как подготовка к возвращению к политике конфискации земли сельских эксплуататоров. Если первоначально эта кампания еще исходила действительно из прежних установок по аграрному вопросу, то уже с начала 1946 г. руководство КПК всячески стремится радикализовать эту кампанию, что ведет к ликвидации крупного землевладения и насилию (вплоть до убийства) по отношению к сельским эксплуататорам, что расценивается в КПК как «перегибы». Подготовкой к изменению аграрной политики стали, например, «конституционные принципы Пограничного района Шэньси—Ганьсу—Нинся», принятые в апреле 1946 г., в которых провозглашалась еще политика снижения арендной платы и ссудного процента, но не гарантировалось право частной собственности, как это имело место в аналогичных документах 1939 и 1941 гг.

Вскоре после этого принимаются «Указания ЦК КПК о “сведении счетов”, о снижении арендной платы и по земельному вопросу» от 4 мая 1946 г., фактически являвшиеся закрытой партийной директивой о переходе к политике конфискации помещичьей земли. Документ этот весьма противоречив и вместе с тем очень показателен для стиля работы руководства КПК. Оценивая инспирированные сверху «перегибы» как «необычайно широкое массовое движение», документ констатирует, что «...массы с большим подъемом изымают землю прямо из рук помещиков... В местах, где массовое движение приняло глубокий характер, в основном уже разрешен или разрешается земельный вопрос. В некоторых местах в результате массового движения даже осуществлен уравнительный пересел земли...». Однако, несмотря на столь радикальную и оптимистическую вводную часть, рекомендации «Указаний» достаточно осторожны. Так, основной пункт этих «Указаний» гласил: «Выполняя требования широких народных масс, наша партия должна решительно поддержать массы в

борьбе против предателей, за снижение арендной платы за землю и ростовнических процентов по ссудам, за возврат излишков этой платы и этих процентов крестьянам, за изъятие земли у помещиков, за осуществление принципа «каждому пахарю — свое поле». Хорошо видно, что лозунг «изъятия земли» как бы затерялся среди других призывов.

Конкретные рекомендации «Указаний» также достаточно осторожны. Документ требовал «...сосредоточить внимание на решительной борьбе с предателями, тухао, шэньши и деспотами с тем, чтобы полностью изолировать и изъять у них землю». Одновременно рекомендовалось проявлять «осмотрительность» в отношении мелких и средних помещиков, прибегая к методам «примирения и арбитража» при разрешении конфликтов с крестьянами. Земля кулаков вообще не подлежала экспроприации. Предлагалось также «...разрешить в основном земельный вопрос методами, во многом отличными от тех, которые применялись в период гражданской войны при разрешении данного вопроса. Используя указанные методы, крестьяне тем самым остаются на позициях законности и справедливости».

Еще более противоречивой была практика реализации этой партийной директивы. В условиях разворачивавшейся гражданской войны руководство КПК взяло курс на ускорение и радикализацию решения аграрного вопроса, видя именно в этом средство обеспечения поддержки со стороны трудового крестьянства. Во внутрипартийных директивах от 20 июня 1946 г., от 1 февраля 1947 г. и других документах руководство КПК требовало от сельских парторганизаций фактически довести до конца экспроприацию земли (а зачастую и всего имущества) помещиков и кулаков, что резко обостряло классовую борьбу в деревне и в силу специфики социального раскола китайской деревни обеспечивало поддержку политики КПК только со стороны части бедноты. Новый курс КПК в деревне реализовывался с большим трудом.

Ускорение и радикализация проведения в жизнь новой аграрной политики столкнулись с определенными трудностями и внутри партии. На низовом уровне трудности проистекали прежде всего из того факта, что сельские парторганизации, сложившиеся в основном в годы антияпонской войны и включавшие выходцев из привилегированной части деревни, были не способны на такую ломку всего уклада социальной жизни деревни. И для проведения этой радикальной политики в деревню приходилось посылать отряды и бригады, состоявшие из десятков тысяч кадровых работников и коммунистов, привнося преобразования «сверху».

Среди руководящей и кадровой части партии политика радикализации аграрных преобразований не встретила полной под-

держки. Ряд коммунистов выступил против немедленной экспроприации земли, которая, по их мнению, не соответствовала уровню крестьянского движения, обостряла социально-политическую ситуацию в освобожденных районах и, отталкивая промежуточные силы от КПК в гоминьдановских районах, препятствовала тем самым проведению политики ЕНФ. Руководство КПК расценило подобные настроения как правооппортунистические и вело против таких настроений решительную борьбу.

К лету 1947 г. уже выявились весьма противоречивые результаты радикализации аграрных преобразований. Переход к экспроприации земли арендодателей не дал ожидаемого социально-экономического эффекта, да и не мог дать. Освобожденные районы в основном располагались в зоне преимущественного крестьянского землевладения, где всегда, при всех политических режимах изъятие прибавочного продукта происходило прежде всего через налоговую систему, а рентная и ростовщическая эксплуатация была дополнительной. Освобождение от рентных платежей, раздел помещичьей (и даже кулацкой) земли не могли дать здесь значительного экономического выигрыша трудовому крестьянству, не решали проблему малоземелья. В то же время раздел земель сельских эксплуататоров (да еще с уравнительными тенденциями) вел к падению товарности сельскохозяйственного производства и, следовательно, к трудностям в снабжении продовольствием НОА и аппарата КПК.

Еще более сложными были социально-политические последствия. Прежде всего новая аграрная политика требовала направления в деревню освобожденных районов значительных сил кадровых работников КПК и сил НОА для «раскачки» крестьянства, для организации «аграрной революции». С другой стороны, запланированные «перегибы» вели к нарастанию сопротивления, в том числе и вооруженного, экспроприруемых социальных слоев, а бегство в города шэньши, помещиков, кулаков означало отнюдь не устранение этих весьма многочисленных социальных групп от борьбы против аграрных преобразований. В городах они под гоминьдановским руководством создавали «отряды возвращенцев», которые вели вооруженную борьбу против КПК.

Однако эта неэффективность аграрных преобразований была осмыслена руководством КПК как следствие «правых» ошибок, как результат недостаточно радикального проведения в жизнь директив ЦК КПК и в канун стратегического поворота в ходе гражданской войны руководство КПК предпринимает новые политические шаги по «углублению» аграрных преобразований. С 17 июля по 13 сентября 1947 г. в дер. Сибайпо (пров. Хэбэй) проводится Всекитайская аграрная конференция, решения которой

рассматривались как важное средство поддержки начавшегося контрнаступления НОА. Конференция была проведена Рабочим комитетом ЦК КПК под руководством Лю Шаоци. Результатом длительной и сложной работы конференции явилось принятие «Основных положений земельного закона Китая», которые были опубликованы после их утверждения секретариатом ЦК 10 октября 1947 г. вместе с «Декларацией НОА».

Материалы конференции и сама ее продолжительность свидетельствуют, что руководству КПК пришлось провести большую работу с представителями освобожденных районов, чтобы убедить их в необходимости существенного пересмотра аграрно-крестьянской линии партии. Отметив некоторые достижения в деле аграрных преобразований в предшествующий период, основной докладчик на конференции Лю Шаоци вместе с тем подчеркнул, что «...в большинстве районов аграрная реформа не была радикальной», а это теперь рассматривается как главный недостаток. Указав на засоренность рядов КПК и бюрократизм руководства, Лю Шаоци главной причиной этого назвал «...нерадикальный характер политических установок по руководству аграрной реформой». Акцентируя внимание на ошибочности самой политической линии («политические установки»), руководство КПК, однако, признавало и нежелание крестьянства принимать активное участие в «классовой борьбе» в ее маоистском понимании. «Хуже всего, — отмечал докладчик, — что массы еще не пришли в движение, еще не вышли в открытое столкновение с помещиками, только несколько кадровых работников взяли на себя это дело».

Учитывая ход работы конференции и дальнейшую попытку проведения ее решений в жизнь, можно выделить две взаимосвязанные проблемы в постановке и решении аграрно-крестьянского вопроса на новом этапе. С одной стороны, это выдвижение уравнительной радикальной аграрной программы, а с другой — стремление «раскачать» крестьянскую массу.

Первая задача в основном была решена на самой конференции и на последовавших за ней совещаниях кадровых работников по освобожденным районам, на которых эта новая линия доводилась до сведения руководящих работников среднего и низового звена. Новая линия нашла свое отражение в «Основных положениях», требовавших упразднения помещичьего землевладения и уравнительного раздела земли по едокам. Она была также подтверждена в «Декларации НОА», содержавшей аграрные лозунги. Понимая, что партия и даже кадровые работники не вполне готовы к восприятию и реализации такого курса, руководство КПК провозглашает и проводит в жизнь лозунг борьбы с правой опас-

ностью, т.е. с недостаточной радикальностью в деле пропаганды и осуществления аграрной политики. Уже на конференции Лю Шаоци подчеркнул, что теперь «...главное внимание во внутрипартийной идеологической борьбе уделяется борьбе против правого уклона», хотя он и признавал опасность появления «левого уклона» в связи с общей обстановкой наступления.

Руководство КПК предусматривало ряд мер для вовлечения беднейшего крестьянства в аграрные преобразования, для организации поддержки линии КПК с их стороны, что называлось иногда в документах КПК как «бедняцко-батрацкая линия», хотя при этом всегда присутствовал тезис о необходимости сплочения с середняком.

Сразу же после конференции руководство КПК попыталось провести в жизнь новую аграрную программу, однако попытка ее реализации довольно быстро выявила неадекватность этой программы действительным экономическим, социальным и политическим условиям освобожденных районов.

Конечно, в условиях жестко централизованной партийной системы, сложившейся в ходе кампании «чжэнфэна», руководству КПК легко удалось «выправить» так называемый правый уклон, радикализовать аграрные преобразования, но эффект этой радикализации был не совсем такой, на который рассчитывало партийное руководство.

К удивлению партийного руководства деревенская беднота «раскачивалась» с большим трудом; не так легко, как предполагалось, шла организация «союзов бедняков и батраков»; рабочие группы, посылаемые в деревню для проведения аграрной реформы, не встречали достаточного понимания со стороны сельских парторганизаций, которые устранились от руководства этой кампанией. А если уж удавалось «раскачать» бедноту, то она стремилась прежде всего к разделу движимого имущества зажиточной части деревни и с меньшей охотой выступала за раздел земли.

Однако и там, где, казалось бы, «бедняцко-батрацкая линия» успешно проводилась в жизнь, там, где рабочим группам удавалось поднять бедноту на борьбу за уравнительный передел земли, проведение реформы выявило непредвиденные социальные и экономические результаты. Начать с того, что в реальных аграрных условиях освобожденных районов наделить бедноту землей только за счет помещиков и кулаков феодального типа не представлялось возможным. Вот почему некоторые руководители КПК (особенно из ближайшего окружения Мао Цзэдуна — Чэнь Года, Кан Шэн) призывали отказаться от социально-экономического определения классовой принадлежности и, ссылаясь на пресловутую китайскую специфику, предлагали определять

классовую принадлежность прежде всего по политическим взглядам, по размерам имущества, по происхождению («проверка предков до третьего поколения»). Такой подход казался многим кадровым работникам «практичным» и проведение «бедняцко-батрацкой линии» в условиях осередняченных освобожденных районов фактически означало зачисление в разряд экспроприируемых значительной части середняков, а иногда и бедноты. Такие «перегибы» имели место, как свидетельствуют материалы КПК, практически во всех освобожденных районах.

Распространенность подобных явлений может вызвать удивление, ибо в документах КПК всегда говорилось о необходимости «сплочения» с середняком, о необходимости учета его интересов и т.п. Более того, эти документы исходят всегда из презумпции «одобрительного» отношения середняка к уравнительному разделу земли, а также из необходимости заручиться согласием середняка, если приходится забирать у него часть земли. Однако это было несколько умозрительное построение, ибо практически середняк, вполне естественно, не хотел отдавать бедноте свою землю, не хотел уравнительного передела. Учитывая эту реальность, Лю Шаоци на конференции дал следующую инструкцию: «Если какие-то середняки решительно сопротивляются уравнительному разделу земли и даже действуют заодно с помещиками и кулаками, то, естественно, надо вести необходимую борьбу, однако борьба должна вестись все-таки во имя сплочения с середняком». Перед нами удивительное свидетельство политических методов, рожденных «чжэнфэном» и коммунистической идеологией. Средняка фактически ставили перед дилеммой: или самому («добровольно») отдать все «излишки» земли, или быть социально-политически приравненным к помещику и стать объектом беспощадной борьбы. Несудивительно, что в развернувшейся борьбе середняк оказывался зачастую на стороне помещиков и кулаков.

Таким образом, аграрная политика КПК в этих условиях фактически стимулировала и углубляла традиционный раскол китайской деревни на имущих и неимущих, а призыв к расправе с противниками аграрных преобразований вел к чрезвычайному обострению борьбы. «Что касается помещиков, — говорилось в докладе Лю Шаоци на конференции, — то их непременно надо заставить склонить головы и покориться... Если помещики упорствуют, выступают против революции, надо обязательно сурово расправляться с ними». Докладчик к такой же расправе призывал и с кулаками, а расширенное толкование понятия «эксплуаторские слои деревни» делало объектом расправ еще и часть середняков и бедноты. Эти призывы к «расправе» имели серьезные последствия — они привели к массовым убийствам, изби-

ям и даже пыткам в ходе аграрной реформы. Руководство КПК выступало против «эксцессов», однако его противоречивая позиция в этом вопросе (не надо «эксцессов», но надо «сурово расправляться») привела к такой перегруппировке социальных сил в деревне, когда оказывалось уже трудно сломить сопротивление противников радикальной уравнительной аграрной реформы даже силой оружия. В освобожденных районах фактически развернулся «второй фронт» вооруженной борьбы, который мог ослабить наступательный потенциал НОА.

Радикализация аграрной политики негативно сказалась и на развитии сельскохозяйственного производства в освобожденных и освобождаемых районах. Это было результатом уравнивания крестьянских хозяйств на низком, как правило, потребительском уровне, а также следствием потери стимулов производства более зажиточной частью деревни. Вместе с тем ликвидация помещиков и кулаков приводила к тому, что все бремя налогообложения и снабжения армии ложилось на плечи трудового крестьянства, только что получившего какое-то приращение земли и, естественно, рассчитывавшего на некоторое увеличение своего потребления. Это не могло не породить опасность нового социального напряжения.

Подобный ход аграрных преобразований вызвал в различных звеньях партаппарата и руководства КПК сомнения в правильности их исходных установок, привел к новому обострению борьбы по вопросам тактики аграрной реформы. Можно предположить (ибо документальными материалами по этому вопросу мы не располагаем), что обсуждение этих острых проблем внутри партийного руководства в конце 1947 – начале 1948 г. заставило Мао Цзэдуна и его окружение фактически признать провал своей аграрной политики. Осознание экономических, социальных, политических негативных последствий радикальной уравнительной аграрной политики и «бедняцко-батрацкой линии», грозивших поражением в гражданской войне, заставило руководство КПК в первой половине января 1948 г. совершить крутой поворот, отказавшись от уравнительного передела земли как главного аграрного лозунга.

В чем же основные гносеологические и социальные корни ошибочной линии маоистского руководства в аграрном вопросе? В чем причины навязчивого радикализма аграрной политики? Радикальная аграрная программа формулировалась Мао Цзэдуном в рассматриваемое время, также, впрочем, как и в предыдущие периоды, без учета реальностей китайской аграрной структуры. Обратим внимание, по крайней мере, на два важнейших компонента в маоистской трактовке аграрной ситуации в

стране. Выдвигая лозунг уравнительного передела земли, Мао Цзэдун исходил из никогда не доказанного теоретически и не подтвержденного практикой аграрных преобразований тезиса, что в руках помещичье-кулацкой верхушки деревни находилось 70—80% всей земли, что почти вдвое завышает реальные цифры. В этих условиях преодолеть малоземелье бедноты практически не удалось. Вместе с тем Мао Цзэдун исходит из предпосылки (о которой он не раз говорит и пишет) об активном участии в аграрных преобразованиях свыше 90% населения деревни, в том числе 70% ее населения — беднота! — прочная опора в проведении радикальной линии. В действительности радикальную аграрную политику КПК поддержала только часть бедноты — наиболее обездоленная и, как правило, уже выбитая из традиционного производственного процесса. Мао Цзэдун и его окружение (прежде всего Чэнь Бода) фактически рассматривали китайскую деревню как феодальную и произвольно выдвигали противоречия по поводу землевладения на первый план социальной жизни китайской деревни, рассматривали их как детерминирующие и в середине XX в. По сути дела, они полностью игнорировали как «азиатский» (нефеодальный) характер аграрного строя, так и социально-экономические последствия медленной, но уже весьма ощутимой капиталистической эволюции китайской деревни, в частности, не обратили внимание на тот факт, что в наиболее развитых районах социальная дифференциация была уже связана не только, а зачастую и не столько с землевладением.

Настойчивый аграрный радикализм Мао Цзэдуна стимулировался его неизменной социальной ориентацией на бедняцко-люмпенские слои деревни, которые он всегда рассматривал как главную движущую силу китайской революции. Апеллируя как к реальным нуждам этой социальной среды, так и к ее предрассудкам, он всегда рассчитывал получить (и получал!) ее поддержку. Однако эта поддержка зачастую использовалась лишь как средство политического манипулирования массами. Эта социальная ориентация, далекая от трезвой оценки действующих сил, всегда оставалась отличительной чертой маоизма как идейно-политического течения. Поддерживался аграрный радикализм и частью кадровых работников, воспитанных на образцах яньбяньского «казарменного коммунизма».

Отказ от радикальной аграрной линии не был прокламирован ни в одном известном нам партийном документе, хотя, начиная с января 1948 г., судя по изданным в следующие месяцы материалам, руководство КПК принимает директивы, а также предпринимает ряд выступлений перед партийным активом, в которых не только разрабатывается и трактуется новая аграрная

линия, но и дается идейно-пропагандистское прикрытие этого отступления, призванное отстоять «неизменную» правильность политической линии Мао Цзэдуна и вместе с тем найти тех, кто этой линии «не понял».

Первым и наиболее значительным в этом плане документом явилась внутрипартийная директива от 18 января, о которой уже шла речь в предшествующем разделе в связи с объявлением руководством КПК политики ЕНФ, реализовать которую можно было только при создании определенного социально-экономического фундамента для объединения всех античанкайшистских сил. «При определении курса, — говорится в этой директиве о подходе к выработке общей политической линии, — бороться против “левого” уклона или же бороться против “правого” уклона внутри партии, необходимо исходить из конкретной обстановки. Так, например, необходимо предотвращать “левый” уклон, когда войска одерживают победы, и предотвращать “правый” уклон, когда они терпят поражения или не могут добиться победы в большинстве случаев». Поскольку в январе 1948 г. о поражении речи быть не могло, весь этот пассаж означал «деликатный» поворот на сто восемьдесят градусов от установок Всекитайской аграрной конференции.

Что касается собственно аграрной программы, то главной «формулой отступления» делается концепция районирования и многоэтапности проведения аграрных преобразований. Теперь в директивных указаниях руководства КПК прежде всего подчеркивается существенная разница в целях и условиях проведения аграрной реформы между районами, освобожденными до 1945 г., после 1945 г. и, наконец, после начала контрнаступления летом 1947 г. В первых из них преобразования в основном уже завершены, во-вторых — «полустарых» — они должны проводиться сейчас, а в новых — в ближайшем будущем. Вместе с тем из последующих директив, где формулировались условия проведения аграрной реформы, выясняется, что практически «Основные положения» 1947 г. реализовать негде. Так, в одной из директив пояснялось, что реформу проводить следует только там, где прочно утвердилась новая власть, где уравнительного передела требуют батраки, бедняки и середняки (!) и где имеется достаточно партработников для проведения реформы. Если даже предположить, что все эти трудновыполнимые условия и существовали в старых освобожденных районах, то уже не было значительного количества земли для передела, а в «полустарых» и в новых освобожденных районах еще не было названных политических условий.

По мере преодоления левачества и радикализма в документах КПК постепенно формулируется позитивная аграрная програм-

ма, соответствовавшая переживаемому этапу гражданской войны. Теперь партийные документы исходят прежде всего из необходимости добиваться высокой социальной и экономической эффективности аграрной политики. Так, в директиве от 24 мая 1948 г. по поводу аграрной политики в освобождаемых районах говорится: «...в течение сравнительно продолжительного периода времени после их освобождения мы должны проводить социальную политику снижения арендной платы и ссудного процента...»

Накопление опыта проведения аграрной политики в условиях наступления, изучение реальной социально-политической обстановки в освобождаемой деревне ведут к дальнейшему изменению аграрной политики. На II пленуме ЦК КПК (март 1949 г.), обобщая опыт работы в новых освобожденных районах, формулируется установка на подготовку к снижению арендной платы и ссудного процента, которые могут быть осуществлены только через год или два после освобождения. Готовясь к форсированию Янцзы, к решающему удару по гоминьдановскому режиму, руководство КПК на опыте только что освобожденных районов видит неготовность деревни — политическую и социально-психологическую — к немедленным, даже самым умеренным, аграрным преобразованиям. Вторжение в традиционные отношения деревни требовало серьезной подготовки.

В то же время руководство КПК много внимания уделяет созданию рациональной налоговой системы в деревне. Основное бремя налоговых платежей перекладывалось на помещиков и кулаков. В условиях сохранения прежних аграрных отношений эксплуататорские слои деревни, аккумулируя прибавочный продукт и будучи вынужденными затем его основную часть отдать новой власти, выступают фактически как важнейшая часть нового налогового механизма, значительно облегчая новой власти выполнение налоговых задач.

Таким образом, аграрная политика КПК после антияпонской войны претерпела сложную эволюцию. От продолжения политики периода войны (снижение арендной платы и ссудного процента) переход к политике частичной конфискации помещичьей земли («Указания 4 мая 1946 г.») и вскоре к радикальной политике уравнительного раздела земли (Всекитайская аграрная конференция 1947 г.), а затем возвращение к политике снижения арендной платы и ссудного процента (январь 1948 г.) и, наконец, выработка еще более осторожной политики — политики подготовки постепенных преобразований (март 1949 г.). Так весьма мучительно складывалась аграрная политика КПК, ставшая одним из важных факторов победоносного развития гражданс-

кой войны, ибо она подчинила решение аграрного вопроса интересам создания ЕНФ и тем самым решению основной задачи национально-освободительной борьбы. Если первоначально руководство КПК рассчитывало прийти к власти на гребне аграрной революции и крестьянской войны, то постепенно оно было вынуждено признать беспочвенность этих расчетов и правильно увидеть новые возможности в борьбе за власть в социальной изоляции бюрократической буржуазии. Аграрная политика КПК в конце концов не только обеспечила спокойный тыл и продовольственное снабжение НОА, но и нейтрализовала многомиллионные помещичье-кулацкие слои деревни, которые в противном случае могли бы оказать ожесточенное сопротивление политике КПК, стать массовой опорой гоминьдановского режима и сделать победу в гражданской войне весьма проблематичной.

Довольно резкий поворот в аграрной политике КПК сопровождался — по уже установившейся в КПК традиции — поиском виновников допущенных ошибок и «перегибов» с тем, чтобы вывести из-под удара Мао Цзэдуна. И виновники были найдены. На них указал сам Мао Цзэдун. Стремясь отмежеваться от радикализма решений Всекитайской аграрной конференции, Мао Цзэдун в ряде выступлений дает понять, что в неоправданном радикализме решений конференции прежде всего виноват ее руководитель — Лю Шаоци. Последний в свою очередь признал (на II пленуме ЦК КПК) именно себя виновным за «большинство ошибок» в аграрной политике, еще раз способствуя укреплению культа непогрешимости Мао Цзэдуна. Пришлось каяться и руководителям некоторых освобожденных районов. Так, один из руководителей парторганизации Маньчжурии — Чэнь Юнь — признал себя виновным в проведении ошибочной аграрной линии, причем в выражениях, прямо заимствованных из выступлений Мао Цзэдуна.

Но этих признаний, как представлялось руководителям КПК, было недостаточно для спасения своего «лица». Недовольство и неудовлетворенность широких масс крестьянства, в том числе и бедноты, поднятых на борьбу лозунгами существенного улучшения их материального положения, потребовали найти и на низовом уровне «козлов отпущения», на которых должен был обрушиться гнев крестьян. Ими, по замыслу Мао Цзэдуна, должны были стать низовые парторганизации, неспособные проводить «правильную» аграрную линию из-за чуждого классового происхождения многих деревенских коммунистов. Но здесь, судя по некоторым внутрипартийным документам, критическая кампания натолкнулась на несколько неожиданные сложности: в глазах крестьянства подлинным препятствием для улучшения их положения

во многих случаях были кадровые работники, присвоившие себе лучшие земли, имущество и т.п. В директиве ЦК КПК от 22 февраля 1948 г. прямо говорится, что кадровые работники «...бесчинствуют и присваивают себе плоды аграрной реформы». Как оказывалось, радикализм аграрных преобразований в старых освобожденных районах дал наибольшую выгоду — независимо от их происхождения — некоторым активным кадровым работникам, которые вследствие этого стали противниками дальнейшего «углубления» аграрных преобразований.

Таким образом, выработка оптимальной аграрной политики носила в основном эмпирический характер, не сопровождаясь при этом ни подлинной самокритикой, ни попытками научного анализа реальной аграрной ситуации. А это означало, что ни на идейно-теоретическом уровне, ни на уровне социальной ориентации не были преодолены субъективистские, волюнтаристские, левацкие тенденции руководства КПК, и в иных исторических условиях (например, без давления военного фактора) они могли вновь выживиться с полной силой.

5. ПОБЕДА КПК В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

Быстрый распад гоминьдановской государственности, развал гоминьдановской армии, стремительное наступление на юг НОА поставило перед КПК новые сложные задачи, связанные со слабостью политических позиций КПК в гоминьдановских районах. Как уже говорилось, руководство КПК всячески поддерживало выступления демократических партий и групп, студенческих, женских и других организаций за прекращение гражданской войны, за ликвидацию однопартийной власти Гоминьдана, за демократизацию политической жизни. КПК стимулировала и борьбу гоминьдановских профсоюзов за повышение зарплаты рабочих, в поддержку общедемократических требований. Коммунисты (не раскрывая себя, естественно) активно участвовали в работе оппозиционных организаций. Однако все эти движения, видевшие в КПК союзника в борьбе с гоминьдановским самовластием, в момент освобождения сохраняли определенную самостоятельность и некоторую инерцию борьбы за общедемократические цели, а поэтому вполне справедливо не могли рассматриваться КПК как надежная политическая опора в их борьбе за установление политического господства КПК.

Слабым было и влияние КПК в освобождаемой деревне, где так и не развернулось массовое крестьянское движение под

знаменем аграрной революции. Отсюда и слабость партизанского движения в гоминьдановском тылу, в котором, по оценке руководства КПК, участвовало всего около 30 тыс. чел. Сельских партийных организаций в освобождаемых районах практически не было.

В результате гоминьдановских репрессий и многолетнего пренебрежения со стороны руководства КПК работой в гоминьдановских районах очень слабыми и малочисленными были парторганизации даже в крупных городах страны. Так, в Гуанчжоу после его освобождения местная парторганизация насчитывала всего около 100 чел.

Слабостью влияния КПК в гоминьдановских районах определялась и тактика партии, не рассчитанная на открытые и тем более вооруженные выступления против гоминьдановского господства и предполагавшая сохранение и накопление сил, необходимых для последующего «освоения» освобождаемой территории. Этими же причинами объяснялась (однако определялась не только ими) и тактическая линия КПК после освобождения. Так, в директивном указании ЦК КПК от 8 апреля 1948 г. говорилось: «Не следует торопиться с организацией городского населения на борьбу за проведение демократических преобразований и улучшение жизненных условий». В этой линии отразилось уже устойчивое недоверие руководства КПК к унаследованному от гоминьдановского прошлого общедемократическому массовому движению, не находившемуся под жестким контролем КПК, отразилось стремление не допустить развития самостоятельной политической инициативы со стороны городского населения, в том числе и рабочего класса.

В рассматриваемое время отношение руководства КПК к рабочему классу и рабочему движению остается противоречивым. С одной стороны, КПК стремилась усилить организованность рабочего класса и тем самым возможность контролировать рабочее движение. Так, в августе 1948 г. в Харбине под контролем КПК был проведен VI съезд профсоюзов, на котором были представлены как профсоюзы освобожденных районов, так и профсоюзные организации гоминьдановских районов. На съезде была воссоздана Всекитайская федерация профсоюзов, председателем которой был избран Чэнь Юнь. С другой стороны, на уже освобожденной территории руководство КПК считало необходимым сдерживать борьбу профсоюзов за улучшение положения рабочих, критиковало профсоюзы за «экономизм», за «левый» уклон, выражавшийся, по мнению руководства КПК, в «чрезмерном» внимании к материальной стороне жизни рабочего класса. Конечно, экономическое положение освобождаемых районов было сложным

В рассматриваемое время отношение руководства КПК к рабочему классу и рабочему движению остается противоречивым. С одной стороны, КПК стремилась усилить организованность рабочего класса и тем самым возможность контролировать рабочее движение. Так, в августе 1948 г. в Харбине под контролем КПК был проведен VI съезд профсоюзов, на котором были представлены как профсоюзы освобожденных районов, так и профсоюзные организации гоминьдановских районов. На съезде была воссоздана Всекитайская федерация профсоюзов, председателем которой был избран Чэнь Юнь. С другой стороны, на уже освобожденной территории руководство КПК считало необходимым сдерживать борьбу профсоюзов за улучшение положения рабочих, критиковало профсоюзы за «экономизм», за «левый» уклон, выражавшийся, по мнению руководства КПК, в «чрезмерном» внимании к материальной стороне жизни рабочего класса. Конечно, экономическое положение освобождаемых районов было сложным (разрушенность ряда предприятий, инфляция, дороговизна и т.п.) и новая власть не располагала значительными материальными резервами. Однако именно эта сложность условий требовала от руководства КПК и новых профсоюзов внимания к повседневным нуждам рабочих и желания активизировать политическую самостоятельность рабочего класса. Это было тем более важно, что в канун освобождения организации КПК всячески поддерживали экономические и общедемократические требования рабочего движения, стремясь его радикализировать и обострить отношения профсоюзов с властями. Приход НОА и установление новой власти в этих условиях могли вести к определенному разочарованию трудящихся, к их отчуждению от новой власти.

Политика руководства КПК в условиях победоносного наступления НОА выявила, таким образом, со всей отчетливостью по преимуществу военный характер методов революционного действия. Особенно отчетливо этот характер проявился в путях и методах организации новой власти в освобождаемых районах. Глубокий кризис гоминьдановской власти так и не перерос в революционную ситуацию из-за крайней слабости субъективного фактора. Свергаемой наступавшей НОА гоминьдановской власти не было политической альтернативы в освобождаемых районах, не было революционных сил, которые могли бы взять власть в свои руки. Руководство КПК в какой-то мере предвидело это и пыталось подготовить кадровых работников для освобождаемых районов, но сил для этого было недостаточно. Оставалось лишь два пути: использование старого аппарата власти под контролем военных властей НОА и прямое участие офицеров и солдат

НОА в создании нового аппарата. Руководство КПК полностью воспользовалось обоими путями. В связи со стремлением многих гоминьдановских чиновников всех уровней администрации отмежеваться от гибнущего режима КПК имела благоприятные возможности не только для привлечения ряда старых государственных деятелей к делу создания некоторого политического декорума, но и для использования старого низового аппарата, в том числе и полицейского. Но, конечно же, главной политической силой становились кадры и аппарат НОА. Из-за всех этих обстоятельств новый политический режим складывался прежде всего как военно-административный. На освобождаемой территории вся полнота власти переходила в руки военной администрации, учреждаемой наступавшей НОА и из состава НОА. К концу войны вся страна была разделена на шесть больших административных районов: Северо-Восточный, где уже существовало ранее созданное народное правительство, Северный, администрация которого стала основой создания центрального правительственного аппарата в Пекине, а также четыре других — Северо-Западный, Юго-Западный, Восточный, Центрально-Южный, которые фактически охватывали преимущественно новые освобожденные районы и в которых учреждались военно-административные комитеты.

В провинциях и крупных городах им подчинялись военно-контрольные комитеты. Этот военный аппарат обладал всей полнотой власти и на его плечи возлагалось проведение политических и экономических преобразований.

Таким образом, победоносное развитие борьбы за власть все больше сводилось к войне двух государственно-политических структур (гоминьдановской и коммунистической) и двух армий. Нарастание роли военного фактора, все большая милитаризация политики, проведение преобразований в основном «сверху» постепенно оборачивались возрастающей пассивностью широких народных масс, уменьшением их самостоятельного участия в политической борьбе, угасанием самодеятельности трудящихся, все меньше способных наложить отпечаток своей политической активности на ход и результаты гражданской войны. Поэтому возрастающая численность воюющих армий не должна затемнять реального факта снижения подлинной народности революционной борьбы в Китае во второй половине 40-х гг. в традиционном для революционного лексикона смысле.

Превалирование военного фактора в борьбе за власть оказало существенное воздействие на развитие самой КПК. В рассматриваемое время КПК быстро росла численно, не теряя при этом своей жесткой политической структуры и модифицируя свой

идеологический облик, унаследованный от «чжэнфэна». Если к VII съезду партия насчитывала более 1,2 млн членов, то в июле 1946 г. — 1,5 млн, в декабре 1947 г. — 2,7 млн, в октябре 1948 г. — более 3 млн, в октябре 1949 г. — 4,5 млн. По-прежнему партия росла в первую очередь за счет сельских парторганизаций, а с 1948 г. частично и за счет создания парторганизаций в освобожденных городах. Удельный вес армейских парторганизаций продолжал падать, составляя к концу рассматриваемого периода менее четверти партийного состава. Наиболее высокими темпами численность парторганизаций возрастала в новых освобожденных районах. Чтобы добиться повсеместного создания парторганизаций и быстрого увеличения их численности, руководство КПК, следуя принятому еще VII съездом КПК курсу, пошло на снятие ряда социальных ограничений при приеме в ряды партии. В 1949 г. в партии крестьяне и выходцы из крестьян составляли 80%, рабочие — 5%, прочие — 15%. В КПК насчитывалось 150 тыс. партийных ячеек, в том числе более 120 тыс. сельских, около 3 тыс. заводских, а остальные учрежденческие и армейские, причем именно эти последние рассматривались руководством КПК как наиболее крепкие парторганизации.

Социальный состав КПК во многом определялся реальной социально-классовой структурой китайского общества, но также и сознательной политикой руководства КПК. В проводившемся им регулировании социального состава партии проявлялись представление ее руководства о классовой базе партии, социальная направленность всей политической линии. Обратим внимание на два взаимосвязанных фактора развития партии.

С одной стороны, по своему социальному составу КПК является фактически авангардом широкой социальной коалиции общенационального и общедемократического типа, ставшей основной движущей силой национально-освободительного движения. Именно национальный момент выступает как доминирующий при мотивации поддержки КПК широкими массами и при вступлении в ее ряды. И в этом смысле социальный состав КПК соответствовал объективному характеру политической борьбы.

С другой стороны, руководство КПК в рассматриваемое время не видело в рабочем классе наиболее революционной социальной силы, не идентифицировало себя с рабочим классом, не связывало с ним перспектив поступательного развития революции. Представление руководства КПК о ведущей, определяющей социальной группе в партии хорошо видно из одного внутрипартийного документа за май 1949 г.: «В настоящее время подавляющее большинство социального состава партии — выходцы

из крестьян и очень мало рабочих, однако примерно одна треть из 3 млн с лишним членов партии в течение длительного времени находилась на системе снабжения и по уровню своей сознательности по условиям жизни является лучшей частью рабочего класса, в этом — особенность КПК». Очень многозначительное свидетельство. В этом закрытом документе четко сформулировано представление руководства КПК о социальных силах, определяющих природу партии. К ним относится то меньшинство партии, которое фактически составляет кадровый костяк КПК и НОА (*ганьбу*), живет, как правило, на казарменном положении («находится на системе снабжения»), является по сути дела ядром профессиональных революционеров.

Формирование такой партийной элиты было характерным для всей истории КПК, отражая определенные особенности развития революционного процесса. С самого начала КПК складывалась из двух социально, как правило, разнородных частей: партийных «низов», формировавшихся из рабочих, а после 1927 г. — в основном из деревенской бедноты и солдат, и партийных «верхов», состоявших прежде всего из передовой интеллигенции, несшей в «низы» революционное сознание и партийную организацию. В условиях быстрого расширения состава партии и взятия власти роль партийных кадров (*гацьбу*), способных вести партийно-организационную работу, командовать армейскими частями, строить новый административный аппарат, резко возрастала, росла потребность в значительном увеличении их численности. Этим объясняется тот факт, что уровень грамотности, который в условиях Китая достаточно четко коррелируется с социальным происхождением, выступает как необходимая предпосылка продвижения в кадровые работники. Так, в 1949 г. в КПК примерно четверть состава была грамотной и примерно такая же часть партии могла быть отнесена к ее кадровому составу: летом 1949 г. насчитывалось 800 тыс. *ганьбу*, в том числе 500 тыс. в НОА. Грамотность была необходимой, но не достаточной предпосылкой продвижения. При прочих равных условиях наиболее существенным фактором продвижения выступает партийный стаж, причем стремительный рост численности партии после 1937 г. придавал кадровым работникам с длительным стажем особый вес. Все это объясняет и специфику социального состава руководящих органов КПК. Так, даже в 1949 г. удельный вес кадровых работников пролетарского происхождения (всего 0,5%) был в 10 раз меньше, чем удельный вес этой социальной группы в партии, ибо рабочие имели, как правило, невысокий образовательный уровень и небольшой партийный стаж. Поэтому чем выше был

руководящий партийный орган, тем меньше в нем было выходцев из рабочих и беднейшего крестьянства.

Обстановка длительной и ожесточенной гражданской войны способствовала, естественно, сплочению кадров партии, осознанию ими себя политической элитой, призванной руководить неграмотной, политически пассивной частью партии. Именно кадровая часть партии ощущала себя социально достаточно автономной, не испытывала реальной потребности идентифицировать себя с рабочим классом или вообще с какой-либо социальной силой, не рассматривала себя как политического представителя более широких социально-классовых сил и по сути дела таким представителем и не была. В еще большей мере, чем вся партия, ее ведущая часть фактически была своеобразной военизированной организацией, относительно сплоченным братством по оружию, жившим по законам сложившегося в течение двух десятилетий «военного коммунизма» яньаньского образца и ориентированным на некапиталистическое, социалистическое развитие Китая. Вместе с тем это братство испытывало большое воздействие китайских традиционных социальных организаций (тайные общества, секты, землячества и т.п.) и воспринималось многими китайцами скорее как организация примордиального типа, чем как политическая партия.

Эта активная, руководящая часть партии и определяла, строго говоря, характер всей партии: когда мы говорим об идейном, политическом, социальном облике партии, мы, по сути дела, имеем в виду именно эту ее часть, ее кадровый костяк, ее *ганьбу*.

Сами руководители КПК характеризовали свою идейно-теоретическую позицию как «соединение марксизма-ленинизма с практикой китайской революции», хотя в действительности речь шла о комплексе социально-утопических идей национального толка, об «идеях Мао Цзэдуна», о маоизме. В рассматриваемое время происходит определенная корректировка как идейно-политических, так и теоретических позиций руководства КПК, связанная с особенностями превращения КПК в правящую партию в масштабе всей страны.

В этих новых условиях происходит определенное обострение борьбы внутри КПК по вопросам путей развития страны после взятия власти, по проблемам истолкования направлений поступательного развития китайской революции. Противоречивость развития КПК в новых условиях в полной мере проявилась в решениях II пленума ЦК КПК, состоявшегося в марте 1949 г. в дер. Сибайпо (пров. Хэбэй). Основное внимание пленум уделил двум взаимосвязанным проблемам — перенесению центра

тяжести работы партии в город и уточнению оценки характера революции.

В докладе Мао Цзэдуна подчеркивалось, что «...теперь начался период... руководства деревней со стороны города. Центр тяжести работы партии переместился из деревни в город». Обсуждение на пленуме этого решения выявило не только идеологическую, но и социально-политическую трудность для руководства КПК изменения достаточно прочно утвердившейся концепции второстепенного значения работы в городе. Доклад Мао Цзэдуна, выступления Лю Шаоци и некоторых других участников пленума показали, что установка на перенесение центра тяжести работы в город и опоры в городе прежде всего на рабочий класс не означала принципиального изменения социальных ориентиров партии. Речь шла пока что об «освоении» освобождаемых крупных городов, о мобилизации рабочего класса для развития производства, о расширении социальной опоры партии в городах.

Большое значение имело обсуждение на пленуме характера и перспектив развития революции. Примечателен факт почти полного отказа докладчика от употребления понятия «новодемократическая революция» и замены его понятием «народно-демократическая». Эта терминологическая перемена отражала глубокие изменения в политической позиции Мао Цзэдуна, для которого принятие концепции «новой демократии» носило тактический характер, было лишь средством завоевания власти. Его подлинной целью борьбы была реализация по сути дела коммунистической казарменной утопии, сложившейся в долгие годы гражданской войны («яньаньский синдром» и т.п.) и не без большого влияния китайских традиционных утопий различного толка. Теперь, когда завершается разгром Гоминьдана, полагал Мао Цзэдун, и пришло время для реализации подлинных политических и экономических целей коммунистического движения. Однако в руководстве КПК была значительная группа партийных деятелей (Лю Шаоци, Чэнь Юнь, Дэн Цзыхуэй, Дэн Сяопин, Бо Ибо, в какой-то мере Чжоу Эньлай и некоторые другие), которые, учитывая опыт 40-х гг., стали рассматривать концепцию «новой демократии» как политическую стратегию, рассчитанную на обновление Китая в течение довольно длительного времени.

Столкновение этих двух политически различных подходов не могло не произойти на II пленуме ЦК КПК при решении вопросов будущего развития нового Китая. Оно привело к определенному компромиссу. Так, с одной стороны, пленум не поддерживал сторонников «непосредственного перерастания» китайской революции в социалистическую, указав на длительный характер

переживаемого этапа революции, на значительный объем еще не решенных общедемократических и общенациональных задач, на полуколониальный и полуфеодальный характер китайского общества. Однако, с другой стороны, выдавая формулировку о «руководящей роли рабочего класса» за политическую реальность, пленум создавал псевдотеоретическую основу для возрождения в недалеком будущем концепции «непосредственного перерастания» китайской революции, для оживления настроений революционного нетерпения. Неоднозначно впоследствии трактовалась и поставленная пленумом задача «...превратить Китай из аграрной страны в индустриальную и построить великое социалистическое государство».

В полной мере компромиссность работы пленума проявилась и в обсуждении вопроса об отношении к капиталистическому укладу в новом государстве. В решениях пленума по этому вопросу сказано: «Существование и развитие капитализма в Китае, существование и развитие свободной конкуренции и свободной торговли не является таким же неограниченным и необузданным, как в капиталистических странах, но не является также таким же ограниченным и чрезвычайно сокращенным, как в новодемократических странах Восточной Европы, оно носит китайскую форму». Попытка сохранить «новодемократическое» отношение к частному капиталу, найти свой, «особый», «китайский», «суньятсеновский» путь использования капитализма для социалистического переустройства страны видна очень хорошо в этом противоречивом решении.

Решения пленума легли в основу работы КПК на заключительном этапе гражданской войны, определив характер мероприятий в экономической, политической, идеологической сферах.

В ходе гражданской войны постепенно нарастает обращение руководства КПК к имени и идеям Сунь Ятсена, развиваются идеи «новой демократии». Антиимпериалистические задачи, сплочение единого фронта и особенно истолкование экономических задач все больше даются с обращением к заветам «отца китайской революции». В самый канун победы революции Мао Цзэдун назвал коммунистов «преемниками Сунь Ятсена». В этом проявилось стремление КПК перехватить у Гоминьдана знамя революционного национализма и полностью использовать общенациональные и общедемократические лозунги. В ходе гражданской войны КПК сумела во многом преодолеть левачество, уйти в своей практической политике от утопических построений, сформулировать и поставить перед китайским народом близкие и понятные патриотические и демократические цели. Суньятсенизм в его революционно-прагматической (а не в революционно-уто-

пической) ипостаси стал знаменем КПК, под которым и была одержана историческая победа.

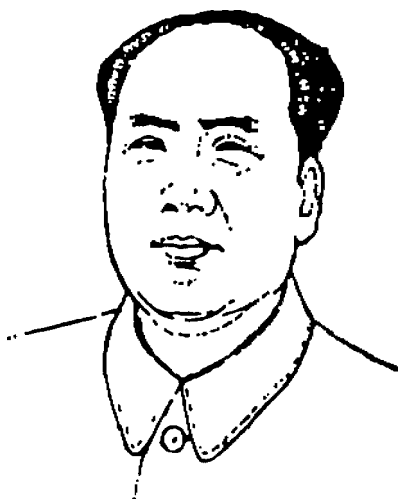
Вслед за развалом гоминьдановского режима и стремительным наступлением НОА на юг происходит утверждение новой власти на местах, а к осени 1949 г. уже встал вопрос и о провозглашении новой государственности. 21 сентября в Пекине, избранном столицей нового китайского государства, открылась сессия Народной политической консультативной конференции (НПКК), которая являлась организацией единого национального фронта, взяв на себя одновременно и функции учредительного собрания. Сессия приняла ряд документов, связанных с созданием нового государства, в том числе Общую программу НПКК, в которой были воплощены разработанные II пленумом ЦК КПК идеи преобразования страны и которая была призвана выполнять функции временной конституции. 30 сентября сессия избрала Центральное народное правительство во главе с Мао Цзэдуном. 1 октября 1949 г. на митинге на пекинской площади Тяньаньмынь торжественно была провозглашена Китайская Народная Республика.

Глава XVIII

КИТАЙ В 1949—1957 гг.: ВЫБОР ПУТИ РАЗВИТИЯ

1. СОЗДАНИЕ НОВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И НАЧАЛО МОДЕРНИЗАЦИИ КИТАЯ

Народная политическая консультативная конференция провозгласила КНР «государством новой демократии», которое «ведет борьбу против империализма, феодализма, бюрократического капитала, за независимость, демократию, мир, единство и создание процветающего и сильного Китая». Сессия НПКК избрала Центральный народный правительственный совет (ЦНПС) в качестве временного высшего органа государственной власти (до демократического избрания Всекитайского собрания народ-

Мао Цзэдун

ных представителей). ЦНПС сформировал Государственный совет (высший исполнительный орган, его премьером стал Чжоу Эньлай), Народно-революционный военный совет, Верховный народный суд и Верховную народную прокуратуру. Все эти органы вместе с ЦНПС и образовали Центральное народное правительство. Председателем Центрального народного правительства стал Мао Цзэдун, он же возглавил ЦНПС и Народно-революционный совет. Мао Цзэдун также был избран Председателем Всекитайского комитета НПКК. Все это свидетельствовало об очень высокой степени кон-

центрации власти в ее высшем эшелоне в руках одного человека — Мао Цзэдуна, который стал к этому времени харизматическим вождем китайского народа.

Если создание центральных государственных органов было новым делом для взявшей власть КПК, то опыт строительства местных административных органов управления у КПК был боль-

шой. Эти органы уже функционировали в старых освобожденных районах и повсеместно создавались в новых. Рожденные в ходе гражданской войны органы местной власти формировались наступавшей Народно-освободительной армией. НОА выступала и как организатор новой структуры власти, и как основной поставщик кадров для этих органов. На уровне крупных административных районов, объединявших несколько провинций, создавались Военно-административные комитеты (ВАК), а в городах - Военно-контрольные комитеты (ВКК). Военные органы обладали всей полнотой власти. В их задачу входило не только утверждение на местах новой администрации, но и налаживание хозяйственной деятельности, решение насущных задач снабжения населения продовольствием, восстановление и развитие социальной инфраструктуры. Даже создание местных организаций КПК возлагалось на военные органы. Такие методы и формы утверждения новой власти, претендовавшей быть «народной», обуславливались политической инертностью населения, малочисленностью в новых освобожденных районах парторганизаций, отсутствием демократических традиций. Эта новая власть представляла собой, по словам Лю Шаоци, «беспощадную открытую военную диктатуру».

Такой характер власти обуславливался, конечно же, и незавершенностью гражданской войны. 1 октября главнокомандующий НОА Чжу Дэ отдал приказ о развертывании наступления на юг с целью завершения освобождения страны от гоминьдановских сил. В октябре развернулось наступление против группировки Бай Чунси, разгром которой позволил НОА уже 14 октября вступить в Гуанчжоу. Гоминьдановское правительство бежало на остров Тайвань. В конце года началось наступление НОА в Сычуане на группировку генерала Ху Цзуннаня и уже 30 ноября был освобожден Чунцин. В Синьцзян части НОА вступили в октябре, не встретив серьезного сопротивления. Весной 1950 г. был освобожден остров Хайнань. Сложнее дело обстояло с Тибетом, власти которого не торопились признать новый порядок. Осенью 1950 г. части НОА начали поход в Тибет, быстро разгромив тибетскую немногочисленную и плохо вооруженную армию. После этого переговоры с тибетскими властями пошли успешнее и 23 мая 1951 г. было подписано Соглашение о мероприятиях по мирному освобождению Тибета. Соглашение предоставляло Тибету значительную автономию, предусматривающую сохранение и уважение местных обычаев и традиций, в том числе сохранение теократической формы правления.

НОА завершила освобождение страны, объединила (за исключением Тайваня) историческую территорию китайского государства, однако гражданская война еще не кончилась. При описании

военных действий, особенно на заключительном этапе гражданской войны, подчеркивалось, что чем дальше, тем больше гоминьдановские армии сдавались без боя, потери убитыми и ранеными с обеих сторон делались минимальными. Однако это не означало, что классово чуждые новой власти элементы полностью сложили оружие в прямом смысле этого слова. Уже после образования КНР новой власти пришлось столкнуться с достаточно сильным сопротивлением, сломить которое удалось только после напряженной борьбы. Так, по официальным данным, к концу 1951 г. в ходе борьбы с контрреволюцией было уничтожено свыше 2 млн человек. Борьба эта продолжалась и в дальнейшем. Официальные данные о потерях той и другой стороны не публиковались, но отдельные сообщения позволяют представить ожесточенность борьбы. Например, в пров. Гуанси только в течение 1950 г. от рук контрреволюционеров погибло более 7 тыс. кадровых работников и местных жителей. Все это говорило об углублении гражданской войны. Если на предшествующем этапе гражданская война велась прежде всего армиями на поле боя, то теперь война была перенесена в социальную толщу страны, она коснулась каждой деревни, каждого города. Усиление социально-классового характера борьбы привело к ее ужесточению, к резкому возрастанию потерь с обеих сторон.

10 октября 1950 г. ЦК КПК принял решение о развертывании кампании борьбы с внутренней контрреволюцией. Репрессии принимали массовый характер и, как об этом позже говорили сами руководители КПК, были не всегда обоснованными. Победа КПК на этом своеобразном этапе гражданской войны была достигнута не только благодаря деятельности армии и репрессивного аппарата, но и благодаря очень эффективной социальной политике, благодаря политике в духе «новой демократии».

Именно в рамках такого политического подхода КПК продолжала политику единого фронта, сыгравшую такую важную роль в победе революции. Поддержавшие КПК в ее борьбе с Гоминьданом политические партии и организации получили возможность продолжать свою деятельность и после образования КНР. Эта деятельность была, как и прежде, обусловлена поддержкой демократическими партиями политики КПК. В 1951 г. между КПК и демократическими партиями было заключено соглашение, которое разрешало работу демократических партий только в крупных и средних городах среди буржуазии и интеллигенции. Несмотря на ограниченные рамки политической деятельности восьми демократических партий, они оставались важным элементом новой политической структуры страны, не только несколько «демократизируя» новый политический режим, но и позволяя не-

коммунистическим силам иметь легальные возможности для продолжения политической деятельности. Сотрудничество КПК и демократических партий сыграло достаточно важную роль в победе КПК над внутренними силами контрреволюции, способствовало решению неотложных социально-экономических задач.

К моменту провозглашения КНР руководство КПК не располагало сколько-нибудь разработанной стратегией социально-экономического развития. Реальная социально-экономическая политика КПК формировалась в ходе решения неотложных задач восстановительного периода. Важную роль в формировании новых социально-экономических задач сыграл III пленум ЦК КПК, состоявшийся в начале июня 1950 г. Пленум подвел первые итоги хозяйственной деятельности новой власти, наметил пути решения неотложных экономических задач. Внимание пленума было сконцентрировано на трех проблемах. Прежде всего пленум обсудил и одобрил проект закона о земельной реформе, подчеркнув историческое значение преобразований в аграрной сфере. Далее пленум указал на необходимость урегулирования отношений между государственным и частным секторами народного хозяйства. И, наконец, пленум наметил пути преодоления инфляции, являвшейся естественным следствием гражданской войны.

Одобренный пленумом ЦК КПК проект земельного закона был рассмотрен Всекитайским комитетом НПКК и 28 июня 1950 г. принят Центральным народным правительственным советом. Такая сложная процедура принятия «Закона о земельной реформе КНР» подчеркивала его значимость для развития нового Китая. Статья 1-я закона гласила: «Помещичья собственность на землю, основанная на феодальной эксплуатации, отменяется и устанавливается крестьянская собственность на землю...». Земля крупных арендодателей («помещиков») конфисковывалась. Земля богатых крестьян («кулаков»), сдававшаяся ими в аренду, реквизировалась, а обрабатываемая силами своей семьи или наемными работниками, не изымалась. Конфискованные и реквизированные земля и имущество (рабочий скот, инвентарь и т.п.) передавались в частную собственность малоземельным и безземельным крестьянам, причем распределение проводилось по едокам. На общих основаниях землю могли получить и бывшие «помещики».

Умеренный, реформаторский характер закона, к тому же рассчитанный на постепенную реализацию, существенно отличался от предшествующей практики и законотворчества КПК в деревне. Закон был рассчитан прежде всего на развитие производительных сил деревни, на создание здорового фундамента для всего народного хозяйства. Об этом свидетельствовало и стремление авторов закона сохранить наиболее активно работающих на рынок

«кулаков». «Принятая нами политика сохранения кулацких хозяйств, — говорил в своем докладе на сессии Всекитайского комитета НПКК Лю Шаоци, — является не временной политикой, а политикой, рассчитанной на длительный срок. Иными словами, хозяйства кулаков будут сохранены в течение всего периода новой демократии. Необходимость сохранения кулацких хозяйств отпадет только тогда, когда созреют условия для широкого использования машин в сельском хозяйстве, для организации колхозов и для осуществления социалистических преобразований в деревне, а для этого потребуется довольно продолжительное время. Вот почему мы поддерживаем в настоящее время политику сохранения кулацких хозяйств».

Осуществление этого закона мыслилось руководителями КПК как массовая политическая кампания, в которой активное участие должны принять члены партии, местные органы власти, НОА, а их опорой в деревне должны стать крестьянские союзы, в которые должно войти трудовое крестьянство. Однако власти столкнулись с пассивностью крестьянства, с их социально-психологической неготовностью к переделу земли, с огромным влиянием общинно-клановых структур, не позволяющих социально изолировать сельских эксплуататоров. Сопrotивление оказывали и сельские богачи, стремившиеся привлечь на свою сторону бедное крестьянство, традиционно связанное с ними общинно-клановыми узами взаимопомощи.

Чтобы «раскачать» трудовое крестьянство, чтобы сломить сопротивление сельских богачей, в деревню из городов направлялись специальные бригады по проведению реформы, в которые входили кадровые работники, партийные активисты, командиры и политработники НОА и т.п. Каждый год в деятельности этих бригад принимало участие около 300 тыс. человек. Их политическая и организационная деятельность поддерживалась народными трибуналами с упрощенным судопроизводством и с правом выносить смертные приговоры. Все это позволило, репрессировав несколько миллионов богачей, в течение трех лет осуществить земельную реформу по сути дела в ходе гражданской войны.

К весне 1953 г. около 300 млн крестьян получили примерно 47 млн га земли. Больше всего от земельной реформы выиграло беднейшее крестьянство, а также активисты аграрных преобразований, местные кадровые работники (*ганьбу*), сумевшие взять лучшую землю, большую часть инвентаря и т.п. Они-то и являлись подлинной социальной опорой КПК в деревне. Завершение аграрной реформы фактически означало революционный переворот в аграрных отношениях, важнейший шаг в разрушении традиционной, «азиатской» социально-экономической системы.

Переход земли в частную крестьянскую собственность и освобождение в этой связи крестьянства от арендной платы в размере примерно 35 млн т зерна, а также умеренное поземельное обложение превращали крестьян в реальных частных собственников и товаропроизводителей, создавали предпосылки для существенного расширения внутреннего рынка.

Проведение аграрной реформы способствовало быстрому восстановлению сельского хозяйства. Уже в 1952 г. был достигнут довоенный уровень производства зерновых культур, а технических — даже превышен. Восстановление сельского хозяйства способствовало восстановлению и всего народного хозяйства — промышленности, торговли, транспорта, финансов и т.д. Причем это восстановление проходило в условиях социально-экономической многоукладности, доставшейся в наследство от гоминьдановского режима, и тем самым в условиях определенного экономического соперничества.

Командные экономические высоты находились в руках нового государства в результате перехода в его руки гоминьдановской правительственной собственности («бюрократический капитал»), что означало концентрацию в руках правительства КНР наиболее развитой части крупной промышленности, современного транспорта, кредитно-банковской системы, внешней торговли и ряда отраслей внутренней оптовой торговли. Идя к власти, КПК провозглашала лозунги «конфискации» (*мошоу*) бюрократического капитала, хотя по сути дела речь шла о переходе государственной (правительственной) собственности «по наследству» в руки нового государства и поэтому в нормативных актах новой власти говорилось лишь о «приемке» (*цзегуань*) правительственной собственности. Складывание бюрократического капитала в годы правления Гоминьдана в основном за счет экспроприации иностранного капитала, а также части крупной собственности национального капитала сняло с новой власти тяжелое бремя действительной экспроприации крупной собственности, и тем самым новая власть могла избежать в трудное время своего становления прямого столкновения с наиболее влиятельной частью буржуазии. Избавлена была новая власть и от прямого столкновения с империалистическими государствами по поводу судеб иностранного предпринимательства в Китае, которые были фактически уже решены при гоминьдановском режиме. Однако это богатое «наследство» новая власть должна была освоить, овладев экономическими методами руководства народным хозяйством. В первый год своего существования новая власть провела комплекс мероприятий, известных как «централизация финансово-экономической работы». Необходимо было на деле взять в свои руки

огромную государственную собственность, наладить функционирование огосударствленного хозяйства, создать предпосылки для быстрого восстановления и развития всех отраслей народного хозяйства. Ключевым моментом в этой работе было овладение новой властью финансовой системой и преодоление одного из тяжелейших последствий гомишьяновского хозяйствования — безудержной инфляции. Взяв в свои руки контроль за производством и распределением важнейших товаров, ограничивая государственные расходы и проводя политику жесткой экономии, правительству уже к концу 1950 г. удалось обуздать инфляцию, создать устойчивую финансовую систему. Эта первая экономическая победа новой власти стала важнейшей предпосылкой действительного овладения новым государством командными экономическими высотами, предпосылкой эффективного контроля за рынком.

Завершение гражданской войны, протекционистские меры правительства, проведение аграрной реформы помогли преодолеть депрессивное состояние рынка. Дальнейшее развитие рыночных отношений способствовало быстрому восстановлению народного хозяйства, вовлечению в производство трудовых ресурсов, росту благосостояния. Именно рыночный механизм в первые же годы существования новой государственности позволил выявить потенциальные возможности народного хозяйства, позволил не только восстановить, но и развивать производство в соответствии с новыми социальными задачами.

Рыночный механизм с его конкуренцией поставил перед руководителями партии и государства принципиально новые задачи и прежде всего задачу регулирования отношений с национальным капиталом, позиции которого в народном хозяйстве были весомы: частнокапиталистическая промышленность в 1949 г. давала примерно две трети промышленной продукции, частный капитал контролировал три четверти оптового и более 80% розничного товарооборота. КПК, развивая линию II пленума ЦК КПК, провозгласила «политику использования, ограничения и преобразования частнокапиталистического уклада», причем в восстановительный период акцент делался на первых двух требованиях. Эта «новодемократическая» политика благоприятствовала развитию частного капитала, поощряла его предпринимательскую активность. В результате число частных промышленных предприятий в 1953 г. по сравнению с 1949 г. возросло со 123 тыс. до 150 тыс. Объем продукции частных предприятий в 1953 г. был в два раза выше чем в 1949 г. Благоприятствовала частному предпринимательству и политика регулирования отношений труда и капитала, которая объективно сдерживала борьбу рабочих за экономические требования.

Однако политика КПК была противоречивой, непоследовательной, отражая борьбу мнений внутри партийного руководства. В 1950 г. правительство оказывало поддержку частным предприятиям с целью восстановления производства. И эта поддержка сыграла свою роль — к концу 1951 г. легкая промышленность была фактически восстановлена. Почти все частные предприятия в 1951 г. были рентабельными. Однако в конце 1951 г. — начале 1952 г. руководство КПК развернуло массовую кампанию борьбы против так называемых «трех зол» (коррупции, расточительства, бюрократизма) в государственном аппарате и «пяти зол» среди буржуазии. Это было по сути дела наступление на буржуазию, на ее политические и экономические позиции. Борьба против «трех зол» выявила, что около 80% работников госаппарата в той или иной степени были подвержены разлагающему влиянию буржуазии, и это заставило власти провести энергичную чистку государственного и партийного аппарата, а 4,5% работников аппарата были репрессированы специальными народными трибуналами (вплоть до вынесения смертных приговоров). Борьба против «пяти зол» была прямым наступлением на частный капитал, в ходе которого было установлено, что три четверти предпринимателей уклонялись от уплаты налогов, занимались спекуляцией, поставляли недоброкачественные товары, расхищали сырье и т.п. Взыскание обнаруженных недоимок и было главным наказанием. Несколько миллиардов юаней, которые буржуазия задолжала государству, стали государственным паевым взносом в частные предприятия, превратив многие частные предприятия в смешанные государственно-частные.

Кажущийся успех этого наступления на буржуазию обернулся сокращением производства, уменьшением товарооборота, ростом безработицы, появлением дефицита на некоторые товары и т.п. Правительство вновь было вынуждено принимать срочные меры для восстановления предпринимательской активности. Однако борьба мнений по этому вопросу в руководстве КПК продолжалась. Сторонники рыночного пути к социализму (Лю Шяоци, Дэн Сяопин, Чэнь Юнь, Бо Ибо, Дэн Цзыхуэй и другие умеренные прагматики) видели в «новой демократии» реальный и эффективный подход к решению задач модернизации Китая. Радикальные утописты, сторонники немедленного перехода к социализму (Мао Цзэдун, Гао Ган и другие) полагали политику «новой демократии» давно исчерпанной и ориентировались на советскую (сталинскую) модель социально-экономического развития.

Завершение процесса восстановления народного хозяйства, успешное осуществление аграрной реформы, активизация частного предпринимательства, усиление государственного контроля

за экономикой — все это подталкивало руководство КПК к выработке модели дальнейшего развития КНР. Большое значение для выявления идеологических разногласий и для формулирования новой концепции имело Всекитайское финансово-экономическое совещание, состоявшееся летом 1953 г. Формально главной темой совещания должно было быть обсуждение и осуждение предложенной министром финансов Бо Ибо новой системы налогообложения, которая поставила бы в равные условия все формы собственности. Государственный совет под председательством Чжоу Эньлая (и при участии его заместителя Дэн Сяопина) одобрил предложения Бо Ибо, не согласовав их с аппаратом ЦК КПК, с Мао Цзэдуном. Собирая это совещание, Мао Цзэдун рассчитывал идейно расправиться со сторонниками «новой демократии», сформулировать и навязать партии свой подход к решению задач модернизации Китая. В совещании участвовали почти все руководители партии и правительства.

Вести совещание Мао Цзэдун поручил Гао Гану, в то время являвшемуся членом политбюро ЦК КПК и председателем Госплана КНР. При всей глубокой личной неприязни Гао Гана и Мао Цзэдуна, идеологически они были очень близки. Гао Ган разделял левацкие, авантюристические взгляды Мао Цзэдуна и вместе с тем негативно относился к Лю Шаоци, видя в нем идеолога капиталистического развития Китая. Руководя совещанием, Гао Ган твердо вел линию на полную дискредитацию идейно-политической платформы Лю Шаоци и его сторонников.

Идеологическая тональность совещания была задана выступлением Мао Цзэдуна на заседании политбюро ЦК КПК 15 июня 1953 г. В своем выступлении он обрушился на тех деятелей КПК, которые стремятся к «прочному установлению новодемократического общественного порядка». «Есть и такие, — говорил Мао Цзэдун о Лю Шаоци и его сторонниках, — которые после победы демократической революции топчутся на одном месте. Они не понимают, что характер революции изменился, и вместо социалистических преобразований продолжают заниматься своей «новой демократией». А это порождает правоуклонистские ошибки». Особое раздражение у Мао Цзэдуна вызывало стремление этих деятелей «прочно охранять частную собственность». Впервые Мао Цзэдун так прямо и четко отмежевался от концепции «новой демократии» и высказался за немедленный переход к социалистической революции.

Совещание под руководством Гао Гана и под давлением Мао Цзэдуна осудило предложения Бо Ибо как пробуржуазные, отвергло концепцию «новой демократии» как исторически изжитую, открыло дорогу для реализации «антирыночных» утопий Мао

Цзэдуна. В эти же дни в руководстве КПК проходило обсуждение генеральной линии партии, которое во многом базировалось на материалах работы совещания. Генеральная линия рассматривалась Мао Цзэдуном и его сторонниками как альтернатива «новодемократическому» подходу к решению насущных задач модернизации Китая, как утверждение курса на социалистическую революцию.

Формулировка генеральной линии обсуждалась на упоминавшемся заседании политбюро ЦК КПК, которое поручило Ли Вэйханю подготовить доклад и выступить с ним на совещании. Такой доклад Ли Вэйхань сделал 23 июля 1953 г. В этом докладе дана следующая формулировка генеральной линии: «Со времени создания Китайской Народной Республики наша страна вступила в переходный период — время постепенного перехода к социалистическому обществу. Генеральная линия и генеральная задача в переходный период состоят в том, чтобы в течение длительного отрезка времени постепенно в основном осуществить индустриализацию страны и постепенно в основном завершить социалистические преобразования сельского хозяйства, кустарной промышленности, а также капиталистической промышленности и торговли». Эта формулировка была результатом довольно острой полемики, в которой Мао Цзэдун стремился максимально радикализировать подход КПК к решению социально-экономических задач. Его же противники пытались придать этой формулировке несколько реформаторский оттенок. Так, Мао Цзэдун в своих выступлениях опускал во многом ключевое слово «постепенно», его же оппоненты как раз подчеркивали идею постепенности преобразований, использование переходных форм, длительность процесса социалистических преобразований. Эта в определенной мере компромиссная формулировка вошла в утвержденные ЦК КПК в декабре 1953 г. «Тезисы для изучения и пропаганды генеральной линии партии в переходный период», а несколько позже, 10 февраля 1954 г., эта формулировка (как бы задним числом) была одобрена IV пленумом ЦК КПК. Однако генеральная линия не была изложена и аргументирована в каком-либо официальном партийном документе. Учитывая остроту полемики и последующие судьбы этой концепции, можно предположить, что Мао Цзэдун не хотел связывать себе руки каким-либо развернутым официальным партийным документом. Постепенно концепция генеральной линии стала пропагандироваться внутри и вне партии и воплощаться в ряде партийно-государственных документов (Конституция, пятилетний план и т.п.), определявших социально-экономическое развитие страны.

Идейно-политическая победа Мао Цзэдуна в этой внутрипартийной борьбе привела к принципиальным переменам в соци-

ально-экономической политике КПК, и прежде всего в аграрной сфере. К 1953 г. ясно выявилась неспособность пореформенного сельского хозяйства, несмотря на его быстрое восстановление, обеспечить страну в достаточной мере продовольствием и сырьем. Основные причины этого связаны прежде всего с низким уровнем развития производительных сил деревни, с малоземельем, с перенаселенностью, со слабым развитием сельской инфраструктуры, с неразвитостью рыночных отношений. Социальные последствия аграрной реформы, и прежде всего осередничивание деревни, обостряли этот кризис недопроизводства, так как они увеличивали крестьянское потребление и уменьшали товарность сельского хозяйства.

Можно сказать, что успешное завершение аграрной реформы как бы размыло социально-экономическую основу традиционных взаимоотношений КПК и крестьянства и требовало поиска нового типа взаимоотношений. Оппоненты Мао Цзэдуна видели решение этой проблемы прежде всего в развитии производительных сил деревни, в развитии рыночных отношений, ориентируясь в какой-то мере на российский «нэповский» опыт. Однако такой подход был полностью и давно отвергнут Мао Цзэдуном. Теперь же был отвергнут собственный опыт — «новодемократический». Выбора практически уже не было. Вот как сам Мао Цзэдун анализирует эту ситуацию: «Сейчас крестьян не удовлетворяет тот союз, который мы установили с ними раньше на базе аграрной революции. Полученные в этот раз выгоды они в какой-то мере начали забывать. Теперь им нужно дать новые выгоды — социализм». Идеология диктовала политику.

Уже в октябре 1953 г. ЦК КПК принимает решение о введении в стране хлебной монополии. Частным лицам было запрещено торговать зерном. В городах вводилась карточная система. На следующий год была введена государственная монополия на торговлю хлопком и хлопчатобумажными тканями, а также государственная монополия на растительное масло. Вскоре карточная система была распространена на все основные предметы потребления.

Осуществление этих решений столкнулось, естественно, с большими трудностями, прежде всего с сопротивлением крестьянства. Ломая это сопротивление, мощная государственная машина сумела обеспечить значительный рост заготовок зерна. В течение 1953–1955 гг. всего ежегодно заготавливалось (налог + закупки при соотношении 2 : 3) соответственно 48, 53 и 50 млн т зерна (для сравнения: в 1952 г. заготавливалось 33 млн т), что означало изъятие у крестьянства в 1954 и 1955 гг. почти третьей части выращенных зерновых. Крестьяне отдавали государству все товарное зерно, отдавали не только весь прибавочный продукт

своего хозяйства, но и часть необходимого. В результате нарушался физический минимальный уровень потребления китайского крестьянина, деревня оставалась на полуголодном пайке. Причем зерно закупалось государством, как правило, ниже себестоимости, крестьяне не могли возместить свои производительные затраты. Это было по сути дела еще одно дополнительное косвенное обложение крестьянства.

Осуществляя централизованные заготовки зерна и других продуктов, государство аккумулировало в своих руках значительную часть производимой деревней продукции, что создавало видимость экономической мощи правительства. Но это была именно видимость, ибо реальные возможности государства способствовать развитию производительности сельского хозяйства снижались. Дело, в частности, и в том, что правительство было вынуждено почти две трети заготовленного зерна направлять обратно в деревню — спасать от голодной смерти крестьянство наиболее бедных районов. Однако рост заготовок вел к снижению заинтересованности крестьянства в увеличении производства, а нуждающихся в государственной помощи становилось все больше. Эта политика загоняла правительство в порочный круг.

Политические решения Всекитайского финансово-экономического совещания и во многом обусловленные этими решениями введение хлебной монополии стали поворотным моментом в социально-экономическом развитии КНР. Китай, развивавшийся до этого в русле естественных, рыночных (хотя и ограниченных) процессов, резко повернул на путь командно-административного функционирования народного хозяйства и сделал это в исторически кратчайшие сроки.

Прежде всего принципиальные перемены произошли в деревне. Если аграрную реформу за ее радикальный буржуазно-демократический характер слома старых аграрных отношений называли иногда подлинной революцией, направленной против традиционного, «азиатского», способа производства и угнетения крестьянства, то мероприятия правительства в 1953—1954 гг. по монополизации рынка и резкому усилению обложения можно называть контрреволюцией, вернувшей китайскую деревню к ее дореформенному состоянию, ибо изъятие примерно 50 млн т зерна у крестьянства означало возвращение прежнего уровня эксплуатации и в основном в тех же формах. Недавно ставшие частными собственниками своей земли крестьяне теперь превращались в фиктивных собственников, а фактически в бесправных арендаторов казенной земли.

По мере проведения аграрной реформы КПК стремилась вовлечь крестьянство в различные типы коллективного труда и прежде

всего во временные (сезонные) и постоянные группы производственной взаимопомощи, организация которых в определенной мере опиралась на общинные традиции трудовой взаимопомощи. К 1952 г. в такие группы (в основном временные, созданные на один сельскохозяйственный год) было вовлечено примерно 45% крестьянских хозяйств. В экспериментальном порядке начали создаваться производственные кооперативы, с развитием которых руководство КПК связывало свои надежды на решение аграрного вопроса. В феврале 1953 г. ЦК КПК принимает решение о развитии трудовой взаимопомощи и сельскохозяйственной производственной кооперации, в котором определяются социальные ориентиры политики партии в деревне. В декабре 1953 г. ЦК КПК принимает еще одно постановление, конкретизировавшее пути и методы преобразования в деревне. В постановлении подчеркивалась постепенность этих преобразований, которые должны были сначала группами (бригадами) трудовой взаимопомощи охватить все крестьянство, а затем через производственные кооперативы низшего типа («полусоциалистические», с сохранением крестьянской частной собственности на землю и орудия производства) перейти к производственным кооперативам высшего типа («социалистическим», с коллективной собственностью на землю и орудия производства, с распределением доходов по труду). Постановление исходило из понимания сложности этого процесса, предполагая к 1957 г. в кооперативы низшего типа вовлечь примерно 20% крестьянства. В деревне также активно развивалась снабженческо-сбытовая кооперация, создавались и первые кредитные кооперативы. КПК настойчиво искала путей социально-политического контроля за крестьянством, китайская деревня была на пороге радикальных перемен своей социально-экономической структуры.

В ходе политического и экономического обновления страны, руководителем и инициатором которого была КПК, развивалась и сама КПК — теперь уже как правящая партия всего Китая. Продолжался рост численности КПК — с 4,5 млн к моменту образования КНР и до 6,1 млн в мае 1953 г. Однако кадровая политика руководства КПК по-прежнему оставалась противоречивой. С одной стороны, партия стремилась расширить свои ряды за счет привлечения всех патристически настроенных сограждан, видевших в КПК руководителя нового Китая, и поэтому партия фактически сняла все классовые ограничения при приеме новых членов, активно старалась привлечь образованную молодежь, стремилась ускорить создание парторганизаций в новых освобожденных районах. Но, с другой стороны, КПК как правящая партия неизбежно стояла перед угрозой засорения своих рядов карьеристами,

политически чуждыми элементами, членство в партии которых могло лишь дискредитировать КПК. Поэтому вскоре после образования КНР руководство КПК принимает решение о регулировании роста рядов партии и о первоочередном привлечении в партию рабочих, о развитии партийной учебы и о чистке партийных рядов. В начале 1951 г. принимается решение в течение трех лет «упорядочить» работу первичных парторганизаций, провести проверку и перерегистрацию членов партии, очистив ее от нежелательных элементов. «Чистка» партии проходила как напряженная политическая кампания, ставившая своей задачей политическое и организационное укрепление партии. К февралю 1953 г. из партии было «вычищено» примерно 10% ее состава.

Превращение КПК из партии «воюющей» в партию «правлящую», «управляющую», не привело к изменению методов и стиля партийного руководства, сложившегося в годы войны и борьбы за власть. Армейские «приказные» взаимоотношения «верхов» и «низов» партии сохранились, не было сделано ни одного шага в сторону демократизации внутрипартийной жизни. В рассматриваемый исторический период не был проведен съезд партии (как требовал устав партии), был проведен только один пленум ЦК. Все важнейшие политические решения принимались узким кругом партийно-государственной номенклатуры (как правило, не выходя за рамки политбюро ЦК КПК) при все возрастающей роли Мао Цзэдуна. В функционировании этой партийно-политической олигархии огромную роль играли личные отношения, по разному складывавшиеся за долгие годы совместной борьбы за власть. Большое значение имели земляческие связи, особенно дополненные совместной военной службой.

Важнейшим фактором внутрипартийной жизни и, следовательно, всего политического развития КНР в начале 50-х годов было все возрастающее насаждение культа личности Мао Цзэдуна. Кампания прославления Мао Цзэдуна была хорошо спланирована и оказалась достаточно эффективной. Усилиями талантливых идеологов и пропагандистов (Лю Шаоци, Чэнь Бода, Ху Цяому и других) создавалась версия истории китайской революции, в которой революционная деятельность и теоретическое творчество Мао Цзэдуна оказывались главным содержанием революционного процесса. В эти годы было предпринято переиздание «Избранных произведений» Мао Цзэдуна, существенно отредактированных с целью сближения «идей Мао Цзэдуна» со сталинской версией марксизма-ленинизма. Этот канонизированный текст стал основой для настойчивой и систематической индокринации членов партии, для широкой пропагандистской и агитационной работы среди населения. Насаждение «идей Мао Цзэдуна» и культа

его личности становится основным направлением идейно-политической деятельности КПК, особенно по отношению к интеллигенции.

Китайская интеллигенция в своей массе поддержала борьбу КПК за власть, видя в коммунистах последовательных борцов за демократизацию страны, за национальное освобождение. Однако теперь национальной идеи было недостаточно, чтобы поставить интеллигенцию на службу КПК. Начинается широкая кампания по идеологическому перевоспитанию интеллигенции. Формальным поводом для начала этой кампании послужило обсуждение кинофильма «Жизнь У Сюня», посвященного жизни и деятельности известного просветителя и гуманиста XIX в. Начатые по инициативе Мао Цзэдуна обсуждение и осуждение («отрицание классовой борьбы», «проповедь феодальной культуры» и т.п.) самого У Сюня и фильма о нем переросло в длительную и назойливую «воспитательную» работу с интеллигенцией. Важной составной частью этого перевоспитания интеллигенции была так называемая идеологическая учеба, сводившаяся по преимуществу к изучению работ Мао Цзэдуна. Начинает складываться система идеологического контроля и политического манипулирования, в полной мере проявившаяся несколько позже.

Становление внешней политики нового китайского государства происходило в сложной международной обстановке, определявшейся прежде всего усилением «холодной войны». Еще в конце гражданской войны Мао Цзэдуну пришлось отказаться от внешнеполитической концепции «держаться двух сторон», т.е. не связывать себя ни с одной из двух противоборствующих мировых систем и попытаться стать третьим центром силы. При всей кажущейся естественности и рациональности такого концептуального подхода к внешней политике для такой великой державы, как Китай, реальные международные обстоятельства конца 40-х гг. заставляли руководителей КПК «держаться одной стороны» — весьма значима была советская поддержка в гражданской войне и не менее значима в строительстве нового государства.

Советский Союз первым признал КНР и установил с ней дипломатические отношения. Отношения сотрудничества и взаимопомощи, которые начали складываться еще в годы гражданской войны, получили теперь простор для своего развития. 16 декабря 1949 г. в Москву прибыла правительственная делегация КНР во главе с Мао Цзэдуном для дальнейшего укрепления и расширения взаимовыгодного сотрудничества. 14 февраля 1950 г. был подписан «Договор о дружбе, союзе и взаимопомощи» сроком на 30 лет. Этот договор оформлял военно-политический союз, столь важный в тот период как для КНР, так и для

СССР. Одновременно был подписан ряд соглашений в развитие этого договора. По этим соглашениям Советский Союз не позднее конца 1952 г. передавал КНР все свои права по совместно-му управлению КВЖД со всем принадлежащим дороге имуществом, обязывался вывести все свои войска из совместно используемой военно-морской базы Порт-Артур, а также передать КНР советское имущество в Дальнем. Советский Союз также взял на себя обязательство оказать Китаю помощь в строительстве и реконструкции 50 крупных промышленных объектов, а также предоставлял Китаю заем в 300 млн дол. на льготных условиях для закупок в СССР оборудования и материалов. Для развития советско-китайских отношений была заложена политическая и юридическая база. И эти взаимовыгодные отношения действительно быстро развивались. Советский Союз сразу же стал основным внешнеторговым партнером КНР. В 1952 г. на долю нашей страны уже приходилось более половины всего растущего товарооборота КНР. Большую помощь в восстановлении хозяйства КНР оказали советские специалисты, приглашенные китайским правительством. Весьма важную роль сыграли советские специалисты в реорганизации системы высшего образования и организации научных учреждений, в создании системы хозяйственного планирования, в реорганизации судебной системы. Тысячи китайских студентов, аспирантов, специалистов были приняты в нашей стране для обучения.

Эта помощь сыграла большую роль в строительстве нового государства и в восстановлении народного хозяйства. Оценивая это, с одной стороны, надо учитывать, что Китаю помогала страна, только что вышедшая из тяжелейшей и разрушительной войны, еще не залечившая своих ран. С другой стороны, значение для КНР этой поддержки во многом определялось еще и тем, что это был единственный источник помощи: в начале 50-х гг. международная изоляция КНР усиливалась, что в первую очередь было связано с корейской войной.

25 июня 1950 г. армия Корейской Народно-демократической Республики начала наступление на юг, вторглась на территорию Корейской Республики. Война была начата по инициативе Ким Ир Сена, одобренной Сталиным, с целью объединения Кореи под властью коммунистического режима. Однако Ким Ир Сен и Сталин на этот раз жестоко просчитались: ООН осудила агрессора, США и их союзники вмешались в военные действия. В сентябре американская армия высадилась в тылу наступавшей армии Ким Ир Сена и разгромила ее. Развивая этот военный успех, американские войска пересекли 38-ю параллель, заняли Пхеньян и приближались к границам КНР.

Перед руководством КНР встал труднейший вопрос — как реагировать на эту ситуацию. После определенных колебаний руководство КНР, включая и Мао Цзэдуна, приняло решение поддержать режим Ким Ир Сена. 25 октября 1950 г. китайская армия под командованием Пэн Дэхуая (в качестве «народных добровольцев») вступила на корейскую землю. Корейско-китайские силы были поддержаны Советским Союзом: поставкой оружия, боеприпасов, амуниции, военной техники, посылкой военных специалистов и военно-воздушных соединений, защищавших важнейшие военные объекты в Северной Корее и Северо-Восточном Китае. После длительных и жестоких боев «китайские народные добровольцы» к лету 1951 г. оттеснили американскую армию к 38-й параллели. В ходе одновременно шедших переговоров было достигнуто соглашение о перемирии, подписанное 27 июля 1953 г.

Эта война стала страшнейшим бедствием не только для корейского народа, но и для китайского. Около миллиона китайских солдат и офицеров было убито и ранено. Война отвлекла колоссальные ресурсы от нормального экономического строительства. Наконец, эта война усилила международную изоляцию Китая, воспрепятствовала почти на два десятилетия сближению КНР с западными державами и как бы обрекла КНР на «дружбу» с Советским Союзом. Однако эта жестко детерминированная близость КНР и СССР, КПК и КПСС, односторонность внешнеполитических и внешнеэкономических связей отнюдь не способствовала, судя по последующим событиям, складыванию подлинно добрососедских отношений между нашими странами, во многом поставив их в зависимость от идеологических факторов и личностных отношений партийных вождей и идеологов. Китайско-американская конфронтация, изолированность КНР от индустриально развитых демократических стран односторонне влияли на политическое и экономическое развития Китая, лишая, в частности, концепцию и политику «новой демократии» так необходимой им международной поддержки, в том числе и взаимовыгодных связей с мировым рынком товаров, капиталов и идей.

2. ПЕРЕХОД КИТАЯ К СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ СТРОИТЕЛЬСТВУ

Победа Мао Цзэдуна во внутрипартийной борьбе, отказ от «новодемократической» ориентации страны, изменение социальной ориентации правящей партии означали, естественно, начало нового периода в истории КНР. Вполне логично, что этот политический поворот совпадал с изменениями в государственном устройстве КНР.

Еще в феврале 1953 г. ЦНПС по инициативе ЦК КПК принял закон о выборах в представительные органы всех ступеней. Закон предусматривал выборы всеобщие, многоступенчатые и неравные. Жители больших городов посылали депутатов в представительные органы власти от округов примерно в 8 раз меньших, чем сельские жители. Избирательная кампания началась уже весной 1953 г. с подготовительных мероприятий, в том числе и с проведения первой в истории Китая всеобщей переписи населения. В мае 1954 г. завершаются выборы в низовые органы власти (уездные, поселковые, волостные), проводившиеся на собраниях избирателей открытым голосованием. В июне и июле 1954 г. прошли сессии низовых собраний народных представителей, на которых были избраны депутаты в провинциальные собрания народных представителей, которые, в свою очередь, в июле 1954 г. тайным голосованием избрали депутатов Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП). В течение этого «избирательного» года представительные органы постепенно заменили военно-контрольные структуры власти на всех уровнях. Одновременно проходило и обсуждение проекта Конституции КНР.

15 сентября 1954 г. в Пекине открылась первая сессия ВСНП, которая 20 сентября единогласно приняла Конституцию КНР, как бы завершая формирование новой китайской государственности. Конституция в 1-й статье определяла КНР как государство народной демократии, руководимое рабочим классом и основанное на союзе рабочих и крестьян. В преамбулу текста Конституции вошла формулировка генеральной линии партии, провозглашенной в предшествующем году руководством КПК. «Китайская Народная Республика, — говорилось в 4-й статье, — опираясь на государственные органы и общественные силы, путем социалистической индустриализации и социалистических преобразований обеспечивает постепенное уничтожение системы эксплуатации и построение социалистического общества». В отличие от «Общей программы НПКК», которая давала гарантии частной собственности, Конституция объявляла «священной и неприкосновенной» общественную собственность. Конституция декларировала не только политические, но и социально-экономические (право на труд и т.п.) права граждан КНР. За неханьскими этносами Конституция признавала право создания национальных автономных областей, округов или уездов.

Принятие Конституции потребовало существенных изменений в структуре государственных органов страны. На пост Председателя КНР, введенный Конституцией, был избран Мао Цзэдун. Председателем Постоянного комитета ВСНП, между его сессиями выполнявшим функции высшего органа власти, избран Лю

Шаоци. Правительство — Государственный совет — снова возглавил Чжоу Энлай. НПКК, временно выполнявшая некоторые функции высшего представительного органа, теперь оставалась организационной структурой единого фронта, играя роль совещательного органа. Все эти «конституционные» нововведения не меняли, однако, тоталитарного характера государственной машины, безраздельно находившейся в руках руководства КПК.

Социально-политический поворот, сделанный руководством КПК в 1953 г., нашел отражение не только в Конституции, но и в завершении составления первого пятилетнего плана развития народного хозяйства. Работа над первым планом началась еще в 1951 г., однако внутрипартийная борьба, неясность социальных ориентиров, корейская война и т.п. заставляли не торопиться авторов первого пятилетнего плана. Китайские экономисты при составлении плана стремились учесть уже накопившийся опыт хозяйствования, обращались, вполне естественно, они и к богатому советскому опыту. Составление первого пятилетнего плана было завершено к началу 1955 г. Пятилетний план (1953–1957 гг.) стал воплощением генеральной линии партии на индустриализацию страны и постепенные социалистические преобразования не социалистических форм хозяйства. План предусматривал строительство 694 так называемых сверхлимитных объектов — крупных электростанций, металлургических комбинатов, машиностроительных заводов и других предприятий по преимуществу тяжелой промышленности. Ввод в действие новых предприятий и реконструкция старых должны были позволить удвоить к концу пятилетки валовую продукцию промышленности. На одну треть должна была возрасти зарплата рабочих и служащих. План предусматривал развитие кооперативного движения в деревне, которое должно было к концу пятилетки охватить примерно 33% крестьянских дворов. Предусматривалось кооперирование примерно 2 млн кустарей. Большинство частнокапиталистических предприятий промышленности и торговли должны были быть охвачены различными формами госкапитализма.

Проект первого пятилетнего плана был 31 марта вынесен на обсуждение Всекитайской конференции КПК, одобрен ею и 30 июля 1955 г. представлен на утверждение II сессии ВСНП. Эта процедура как бы подчеркивала историческую значимость принятого высшим органом власти закона о пятилетнем плане. Так же, как и генеральная линия партии, пятилетний план был компромиссом между умеренно-прагматической и радикально утопической частями руководства КПК. Производственные и социально-экономические ориентиры плана были в основном рационально-умеренными, позволявшими проводить преобразования

постепенно и наименее болезненно для всех социальных слоев китайского общества. Реальность этого политического компромисса могла выявиться только в ходе претворения в жизнь программы социально-экономических преобразований.

Возможность выдвижения развернутой программы исторически весьма быстрой модернизации народного хозяйства во многом связана с существенно возросшей в это время советской экономической и научно-технической помощью. Н.С. Хрущев, возглавивший советское руководство после смерти Сталина, отбросил некоторое недоверие своего предшественника к китайским руководителям и взял курс на всемерную поддержку социалистического переустройства Китая. Именно в 1953—1955 гг. имеет место наибольшее идейно-политическое сближение руководителей КПСС и КПК, именно в эти годы СССР оказывал КНР наибольшую экономическую и научно-техническую помощь.

В 1953—1954 гг. были заключены советско-китайские соглашения о содействии в строительстве и реконструкции 156 промышленных объектов, а также соглашения о льготных кредитах для закупки оборудования для этих строек. В 1954 г. советское руководство приняло решение о безвозмездной передаче китайской стороне свыше 1400 проектов промышленных предприятий и свыше 24 тыс. комплектов различной научно-технической документации. Китай направил в СССР на учебу несколько тысяч студентов, на стажировку — тысячи технических специалистов. Китайское правительство пригласило тысячи высококвалифицированных советских специалистов, которые стали советниками во всех отраслях народного хозяйства. Такого объема экономической и научно-технической помощи и поддержки история еще не знала. Значительную помощь индустриализации Китая оказали и европейские страны народной демократии (помощь в строительстве более 100 предприятий).

В течение 1955—1957 гг. задания первого пятилетнего плана были выполнены и перевыполнены, процесс индустриализации Китая набирал темпы. Промышленное производство в 1957 г. превысило уровень 1952 г. на 141%. Быстро развивалась тяжелая промышленность, в особенности машиностроение: теперь Китай удовлетворял потребности в машинном оборудовании на 60% собственными силами. Быстро росло металлургическое производство. Создавались неизвестные прежде отрасли производства: автомобилей, тракторов, самолетов. На современном уровне развивалась военная промышленность.

Можно сказать, что индустриальная часть пятилетнего плана успешно выполнялась, свидетельствуя о правильности сделанного КПК выбора экономических целей и средств их достижения.

Принципиально иная ситуация сложилась с реализацией плана социальных преобразований в первой пятилетке: в течение первого же года после утверждения пятилетнего плана в руководстве КПК вспыхнула (или, несколько точнее, продолжилась) борьба по вопросу о темпах и формах социалистических преобразований, являвшаяся лишь частью более общего столкновения двух основных идейно-политических тенденций внутри КПК — умеренно-прагматической и радикально-утопической, а также отражавшая развитие культа личности Мао Цзэдуна с его идеологическими и политическими претензиями.

После своей идейно-политической победы летом 1953 г. Мао Цзэдун считал возможным расправиться со своими идейными противниками внутри партийного руководства. Первой жертвой стал член политбюро ЦК КПК, долгие годы возглавлявший парторганизацию Маньчжурии и тесно связанный с руководством КПСС, Гао Ган. Его, а также члена ЦК КПК Жао Шуши, Мао Цзэдун обвинял в подрыве партийного единства, в заговорщической деятельности. «Дело Гао Гана — Жао Шуши» в феврале 1954 г. было вынесено на заседание IV пленума ЦК КПК, который, выслушав доклад Лю Шаоци, «...сделал участникам этой антипартийной группировки серьезное предупреждение», хотя и не исключил их из партии. Несмотря на это, Гао Ган был арестован и погиб в тюрьме (по официальным данным — покончил жизнь самоубийством). Стремясь упрочить свои политические позиции и получить поддержку в своей борьбе за безраздельное руководящее положение в партии, Мао Цзэдун в марте 1955 г. вынес «дело Гао Гана — Жао Шуши» на рассмотрение Всекитайской конференции КПК. Заслушав доклад Дэн Сяопина, конференция осудила Гао Гана, поддержала линию Мао Цзэдуна. Поддержав политическую и физическую расправу над Гао Ганом, руководители КПК создали очень опасный прецедент, во многом обрекая себя на поражение в борьбе с социально-экономическим авантюризмом, с нетерпимостью Мао Цзэдуна к любому инакомыслию или идейной независимости.

«Дело Гао Гана — Жао Шуши» было лишь одним из эпизодов борьбы Мао Цзэдуна за утверждение своей безграничной власти в духовной и политической жизни страны. А борьба эта приобретала уже постоянный характер. Осенью 1954 г. он инспирирует новую проработочную идеологическую кампанию. Начавшись как научная дискуссия о романе XVIII в. «Сон в красном тереме» («Хунлоумэн»), довольно быстро это научное обсуждение превратилось в политическое осуждение Юй Пинбо — известного ученого, исследователя этого классического романа. Но это было только началом. Огонь критики перенесся на Ху Ши — уехавше-

го на Тайвань весьма популярного в Китае общественного деятеля, публициста, философа-прагматика. Юй Пинбо, а за ним и многие другие деятели культуры обвинялись в симпатиях к Ху Ши, к буржуазной идеологии. В конце 1954 г. по инициативе Мао Цзэдуна в продолжение предшествующих кампаний развертывается борьба против Ху Фэна — поэта, публициста, литературоведа, члена КПК, одного из руководителей Союза китайских писателей. Его и многих других работников культуры обвинили в контрреволюционной деятельности, в стремлении восстановить гоминьдановский режим. Реальная же причина заключалась в том, что Ху Фэн, как и многие другие, ставил под сомнение маоистскую теорию и практику руководства культурой. В 1955 г. Ху Фэн и ряд других деятелей культуры были арестованы.

Проработка интеллигенции стала прологом к общекитайскому движению против «контрреволюционеров», начатому во второй половине 1955 г. по решению ЦК КПК и инициированному Мао Цзэдуном. Речь шла о длительной кампании искоренения всех, сомневавшихся в правильности курса Мао Цзэдуна на форсирование социалистических преобразований. Кампания коснулась служащих государственных учреждений и общественных организаций, среди которых за два года было выявлено и репрессировано более 80 тыс. «контрреволюционеров». Одновременно волна репрессий докатилась и до деревни, где в превентивных целях была репрессирована часть бывших «помещиков» и богатых крестьян.

Вся эта энергичная идейно-политическая борьба была направлена на создание условий для форсированного развития процесса социалистических преобразований, на подавление всех несогласных с авантюристическим курсом Мао Цзэдуна. Однако полностью подавить сопротивление своих противников Мао Цзэдун не сумел. Борьба продолжалась уже в ходе социалистических преобразований. Активно противостоял авантюристическому курсу преобразований деревенский Дэн Цзыхуэй — заместитель премьера Госсовета, назначенный в 1953 г. заведующим отделом ЦК КПК по работе в деревне. Он настойчиво пытался вести преобразования по плану, не создавать кооперативы без подготовки, без определенной материальной базы, дабы не опорочить саму идею кооперирования крестьянства. Его позицию поддерживали Лю Шаоци, Чэнь Юнь, Дэн Сяопин и некоторые другие руководители. Именно Дэн Цзыхуэй настаивал на том, чтобы в 1954–1955 гг. кооперирование шло по плану и к концу 1955 г. количество производственных кооперативов не превысило 650 тыс. При обсуждении планов на 1956 год Дэн Цзыхуэй предложил довести численность производственных кооперативов только до 1 млн и сосредоточить усилия на укреплении и развитии уже созданных.

Сторонники форсированного развития требовали по крайней мере удвоить эту цифру. Обсудив эти предложения, политбюро ЦК КПК, однако, одобрило предложения отдела ЦК КПК по работе в деревне.

Реализуя это решение, Дэн Цзыхуэй, поддержанный Лю Шаоци и Дэн Сяопином, организует кампанию за «упорядочение» кооперативов, в ходе которой около 200 тыс. кооперативов распускаются.

Это поражение заставило Мао Цзэдуна изменить тактику своего наступления. 31 июля 1955 г. он созывает совещание секретарей провинциальных, городских и районных комитетов КПК и через голову высшего партийного руководства обращается к руководителям среднего звена. Доклад Мао Цзэдуна «Вопросы кооперирования в сельском хозяйстве» ставил своей задачей убедить слушателей в необходимости форсировать кооперирование деревни, завершение которого должно предшествовать индустриализации и другим социалистическим преобразованиям. Вопреки принятому ВСНП буквально накануне (30 июля) пятилетнему плану, по которому к концу пятилетки 33% крестьянских хозяйств должны быть охвачены кооперативами, Мао Цзэдун настаивал на цифре 50%. Обращение Мао Цзэдуна прямо к партийным активистам нашло у них отклик, льстило их самолюбию. Впервые признав публично факт принципиальных разногласий в партийном руководстве, признав саму возможность несогласия с вождем партии, Мао Цзэдун получил ожидаемую поддержку «снизу», справедливо рассчитывая на левацкие настроения *ганьбу*, на их социальное нетерпение, на свой огромный, харизматический авторитет.

Используя это политическое давление «снизу», Мао Цзэдун сумел заставить политбюро ЦК КПК принять его подход к социалистическим преобразованиям (август 1955 г.), что позволило ему собрать VI расширенный пленум ЦК КПК в октябре 1955 г. Количество приглашенных партработников примерно в 10 раз превосходило число членов ЦК и служило для Мао Цзэдуна гарантией «правильных» решений пленума. Основной доклад Мао Цзэдун поручил сделать недавно назначенному на должность заместителя заведующего отделом ЦК КПК по работе в деревне Чэнь Бода, хорошо известному толкователю «идей Мао Цзэдуна». В своем докладе он изложил подход Мао Цзэдуна к вопросу о темпах преобразований, фактически порывавший с основными положениями недавно принятой генеральной линии партии в переходный период. Подвергшиеся критике за «правый уклон» Дэн Цзыхуэй, Бо Ибо, Ли Фучунь вынуждены были выступить с «самокритикой». Об изменившейся расстановке политических сил в руководстве КПК говорило и выступление Чжоу Энляя, безо-

говорчно поддерживавшего идею форсирования социалистического преобразования деревни. Решения пленума означали политическое осуждение тех противников Мао Цзэдуна, которые выступали против резкого ускорения темпов кооперирования, против «скачка» в социалистических преобразованиях.

Получив одобрение своей политики, Мао Цзэдун развернул бурную пропагандистскую кампанию, стремясь увлечь за собой партию и прежде всего партийно-государственный аппарат. Эта кампания оказалась достаточно эффективной — *ганьбу* всех уровней активно включались в борьбу за реализацию утопических планов своего вождя. Своеобразным теоретическим основанием этой политики являлись широко пропагандируемые идеи Мао Цзэдуна об особой революционности китайского крестьянства («Китайские крестьяне лучше чем английские и американские рабочие...») и особо революционной роли китайского крестьянства в социалистическом строительстве. Именно в ходе этой кампании Мао Цзэдун стал утверждать, что «...можно осуществить строительство социализма, не оглядываясь на Советский Союз».

К началу 1956 г. Мао Цзэдуну и его сторонникам в руководстве КПК удалось убедить партийно-государственный аппарат в необходимости и возможности форсированного и даже «скачкообразного» решения задач модернизации Китая. Опираясь на свой авторитет среди крестьянства, обещая улучшение жизни большинству крестьян, решительно расправляясь с сомневающимися, КПК сумела увлечь значительную часть крестьянства на путь повсеместного создания производственных кооперативов в самые кратчайшие сроки. К июню 1956 г. в производственные кооперативы вступили 110 млн крестьянских хозяйств (92%), причем 75 млн из них вступили в кооперативы высшего типа («социалистические»). Этот процесс продолжался и во второй половине года, охватив производственным кооперированием практически все крестьянство. Одновременно шел процесс укрупнения, слияния мелких кооперативов и преобразования кооперативов низшего типа в кооперативы высшего типа. К концу 1956 г. было создано 756 тыс. производственных кооперативов, охвативших более 96% всех крестьянских хозяйств страны, причем в кооперативы высшего типа было объединено около 88% дворов.

Это была, безусловно, огромная политическая победа Мао Цзэдуна, имевшая, однако, неоднозначные последствия. С одной стороны, быстрый процесс кооперирования деревни подтолкнул и соответствующие процессы социалистических преобразований в городе, предопределив тем самым и общую победу социалистических преобразований. С другой стороны, Мао Цзэдун и вся партия делались заложниками невыполнимых обещаний, с помощью

которых крестьян возлекли в кооперативы (не пренебрегая зачастую и откровенным насилием). Социальная напряженность в деревне, которая стала возникать после введения хлебной монополии, не разрядилась, а наоборот, значительно усилилась. Об этом свидетельствовали волнения в некоторых кооперативах, антиправительственные выступления крестьян во многих районах страны.

Одновременно с кооперированием сельского хозяйства шел процесс ускорения социалистического преобразования частнокапиталистической промышленности и торговли. Начало этому процессу было положено еще борьбой против «пяти зол» (1952) и введением государственных монополий на торговлю основными потребительскими товарами (1953—1954). Постепенно государственные промышленные и торговые компании, используя свое монопольное положение на рынке, ставили под прямой или косвенный контроль частные предприятия. Используя так называемые «низшие формы госкапитализма» (применявшиеся еще гоминьдановским режимом — скупка государством продукции частных предприятий, заказы государства частным предприятиям с поставкой сырья и т.п.), государство в 1955 г. поставило под свой контроль около 80% мелких и средних предприятий. Что касается крупных предприятий (более 500 рабочих и служащих), то они через государственные паевые (акционерные) вложения капитала превращались в смешанные государственно-частные предприятия. В «наследство» от гоминьдановского правительства новая власть получила 193 смешанных промышленных предприятия. В течение 1950—1953 гг. их количество уже достигло 1036, охватив почти все действительно крупные промышленные предприятия. Теперь наступил заключительный этап преобразований, на исходе которого (1955) количество смешанных предприятий достигло 3193 (фактически включая сюда и некоторые средние предприятия).

Более сложным был процесс преобразования мелких и средних предприятий, преобладавших в промышленности и торговле. Здесь принцип индивидуального преобразования предприятий вряд ли был возможен, и ЦК КПК в ноябре принимает по инициативе Мао Цзэдуна решение о поотраслевом преобразовании частной промышленности и торговли.

Это решение предусматривало переход частного мелкого и среднего бизнеса под прямое управление государственных отраслевых компаний. Для пропаганды этого непростого решения Мао Цзэдун в конце октября 1955 г. приглашает на своеобразное собеседование руководство и активистов Всекитайской ассоциации торговцев и промышленников. Выступая перед представителями китайской буржуазной элиты, Мао Цзэдун призвал их

не только не саботировать эти преобразования, но и активно их поддержать, проявить инициативу в добровольном преобразовании, обещая за это материальную компенсацию, трудоустройство и сохранение высокого социального статуса. С этой целью правительство приняло решение о «выкупе» частной собственности: бывшим владельцам обобществленной собственности было обещано в течение 7 лет выплачивать 5% годовых (фактически выплаты продолжались до 1966 г.). Все это привело к тому, что буржуазия серьезно не сопротивлялась социалистическим преобразованиям их собственности. К лету 1956г. процесс преобразования частного предпринимательства был завершен. Не сумев победить частного предпринимателя в рыночной конкурентной борьбе, государство и государственный сектор силовыми методами поглощают своего конкурента.

Быстрые темпы преобразования деревни и частного предпринимательства ускорили и преобразование кустарной промышленности, в которой было занято не менее 10 млн человек в городе и деревне. И среди кустарей шел процесс кооперирования, но шел достаточно осторожно — к концу 1955 г. в промысловые кооперативы было объединено немногим более 2 млн человек. Это «отставание» кустарной промышленности не могло не раздражать Мао Цзэдуна и в марте 1956 г. он дал указание форсировать кооперирование кустарей. К середине года примерно 90% кустарей вошли в промышленные кооперативы.

Таким образом, к середине 1956 г. в масштабах всей страны произошли радикальные социально-экономические перемены — была ликвидирована частная собственность и резко ограничены рыночные отношения. Мао Цзэдун и его единомышленники расценивали эти события как победу социалистической революции в сфере экономики, как досрочное выполнение заданий «генеральной линии» («Генеральная линия, можно сказать, — подчеркивал Мао Цзэдун, — направлена на разрешение вопроса о собственности...»). В рамках маоистской концепции общественного развития такое формальное обобществление или, несколько точнее, огосударствление и означало социалистическое преобразование: «...чем больше обобществления, тем больше социализма». Вместе с тем по сути дела тотальное огосударствление хозяйства означало развитие феномена «власти-собственности», столь характерного для традиционного Китая. Развитие капитализма и рыночных отношений в Китае постепенно подрывало устой этого «азиатского» феномена, однако процесс шел очень медленно и противоречиво. Гоминьдановское правительство, много сделавшее для поощрения капиталистического развития в 30-е гг., в 40-е

пошло по пути поглощения государством частной собственности, что и привело к развитию «бюрократической буржуазии» и «бюрократического капитала». Примерно по той же схеме менялась и социально-экономическая политика пришедшей к власти КПК, что, однако, было результатом не столько влияния гоминьдановского «наследства», сколько влиянием утопических идеологических построений Мао Цзэдуна и его сторонников.

Одновременно с преобразованием собственности Мао Цзэдун и его сторонники попытались резко ускорить промышленное строительство и увеличить промышленное производство. В 1956 г. в определенной мере этого удалось добиться. Предельное напряжение всех ресурсов страны, помощь Советского Союза позволили достигнуть высоких показателей промышленного развития: валовое производство выросло на 31%, производство средств производства почти на 42%, продукция машиностроения почти в два раза. Однако это перенапряжение уже к осени 1956 г. выявило некоторые печальные последствия попытки сделать «скачок» в индустриализации страны — обострились диспропорции народного хозяйства, выявилась нехватка сырья и энергоносителей, недостаточная численность работников высокой квалификации и т.п. Пришлось планировать на следующий год весьма умеренные показатели (рост производства — 4,5%). В 1956 г. не получился «скачок» и в сельском хозяйстве, хотя удалось все-таки не допустить снижения уровня сельскохозяйственного производства.

Неоднозначны были и социальные последствия радикальных и очень быстрых экономических преобразований, которые не могли не привести к росту социальной напряженности в обществе. В ряде сельских мест произошли волнения крестьян, не получивших обещанного увеличения своих доходов или даже ощущавших ухудшение своей жизни. Все эти выступления жестоко подавлялись. Еще более острой была реакция рабочих, занятых на преобразуемых предприятиях. Так, в Шанхае — крупнейшем промышленном центре страны — социалистические преобразования частной промышленности привели к снижению зарплаток рабочих этих предприятий, потере некоторых льгот. Преобразования привели к ликвидации системы рабочего контроля, которая сложилась на частных предприятиях после победы 1949 г. и которая защищала интересы фабрично-заводских рабочих. На ухудшение своего положения рабочие Шанхая ответили «беспорядками» (термин официальной китайской статистики). Весной 1957 г. «большие беспорядки» охватили 587 предприятий (на 90% это были преобразованные предприятия, остальные — государственные), на которых было занято около 30 тыс. рабочих. Главным оружием рабочих была, естественно, забастовка. Традиции

забастовочной борьбы шанхайских рабочих были продолжены в совершенно иных политических условиях. Власти с большим трудом сумели подавить эти выступления. В конце 1956 г. имели место также волнения среди студентов.

Неоднозначной была и политическая обстановка в КПК, особенно среди партийного руководства. Не прекращавшаяся никогда скрытая борьба по вопросам путей и методов обновления Китая получила теперь новые импульсы — решения XX съезда КПСС, направленные на разоблачение культа личности Сталина, и подготовка к очередному VIII съезду КПК. Решения XX съезда КПСС (1956) активизировали борьбу оппонентов Мао Цзэдуна, объективно были поддержкой их сопротивления насаждению культа личности Мао Цзэдуна и его социально-экономическим авантюрам. Но и Мао Цзэдун по-своему с удовлетворением встретил эти решения, увидя в них новые возможности претворения в жизнь своих честолюбивых замыслов идейно-политической гегемонии в национально-освободительном и коммунистическом движениях. При этом, естественно, критику культа личности на свой счет он не воспринимал. Несмотря на то, что среди противников авантюристической политики Мао Цзэдуна была значительная часть руководства КПК и КНР — Лю Шаоци, Чэнь Юань, Дэн Цзыхуэй, Бо Ибо, Дэн Сяопин, министр финансов Ли Сяньнянь, министр сельского хозяйства Ляо Луянь и некоторые другие, они не сумели существенно повлиять на формирование и реализацию политики КПК в это переломное время. Решающее слово оставалось за Мао Цзэдуном. Работа и решения VIII съезда КПК еще раз это доказали.

VIII съезд КПК проходил официально с 15 по 27 сентября 1956 г. и его делегаты представляли более 10 млн членов правящей партии. Официальным заседаниям предшествовало закрытое подготовительное совещание всех участников съезда, проходившее с 29 августа по 12 сентября (т.е. на два дня больше официальной части). Именно на этом совещании и шло реальное обсуждение и утверждение документов съезда, текстов докладов и выступлений делегатов, согласовывались кадровые вопросы. Мао Цзэдун, не выступавший на съезде с докладом, на совещании произнес большую речь, сумев навязать свой подход к анализу идейно-политической ситуации в Китае. В результате съезд поддержал тезис Мао Цзэдуна о том, что «пролетарско-социалистическая» революция «в основном уже завершена». Съезд также фактически одобрил все социальные эксперименты Мао Цзэдуна, высоко оценив результаты социалистических преобразований в городе и деревне. Это была главная политическая победа Мао Цзэдуна. Съезд также одобрил расправу Мао Цзэдуна с Гао Ганом.

Одержав победу в главном политическом вопросе, Мао Цзэдун мог пойти на некоторые уступки в других вопросах. Так, съезд по докладу Дэн Сяопина вычеркнул из устава КПК положение о том, что «идеи Мао Цзэдуна» являются идейной основой партии. Докладчик также подчеркнул необходимость для партии продолжать борьбу против «выпячивания личности, против ее прославления», добавив, однако, что главную роль в борьбе с культом личности в КПК играет Мао Цзэдун.

В резолюцию по политическому отчету ЦК КПК, сделанному Лю Шаоци, противники социально-экономических авантюр вписали определение главного противоречия китайского общества, которое, как им казалось, должно не допустить дальнейшего развития социально-утопического формотворчества и направить усилия партии и всей страны на развитие производительных сил: «В условиях устанавливающегося в нашей стране социалистического строя это противоречие по своей сути является противоречием между передовым социалистическим строем и отсталыми общественными производительными силами. Основная задача партии и всего народа страны в настоящее время состоит в концентрации сил для разрешения этих противоречий с тем, чтобы как можно быстрее превратить нашу страну из отсталой аграрной в передовую индустриальную».

В целом работу и решения съезда можно оценить как компромиссные, отражавшие реальное соотношение сил внутри руководства КПК, при котором оппоненты Мао Цзэдуна продолжали терпеть поражения при каждом столкновении со своими идейными противниками. И новые компромиссы заключались уже на худших для противников линии Мао Цзэдуна условиях. Несмотря на это, Мао Цзэдун болезненно воспринял итоги съезда и вскоре начал подготовку к коренному пересмотру политики КПК.

В предшествующие годы, даже с учетом ряда проработочных идейно-политических кампаний, КПК все-таки основное свое внимание уделяла проблемам социально-экономического развития страны. VIII съезд КПК не был в этом отношении исключением, подведя, как полагал Мао Цзэдун, итоги победы социалистической революции в сфере экономики. Теперь Мао Цзэдун считал необходимым сконцентрировать усилия партии на идейной и политической борьбе.

Уже на II пленуме ЦК КПК в ноябре 1956 г. Мао Цзэдун призывает развернуть кампанию «упорядочения стиля» в партии (*чжэньфэн*) по образцу идеологической кампании в КПК в начале 40-х гг. Это был зловещий призыв развернуть борьбу со всеми теми в партии и вне ее, кто сомневался в правильности политической линии Мао Цзэдуна.

А сомневающимся было достаточно, в том числе и среди руководства КПК. В ноябре 1956 г. на совещании работников министерства торговли Чэнь Юнь и некоторые другие экономисты акцентировали внимание на необходимости разумного сочетания экономического строительства и улучшения жизни народа. В январе 1957 г. на рабочем совещании секретарей парткомов провинций Чжоу Эньлай и Чэнь Юань выступили против авантюризма в экономической политике, высказались за усиление планового начала в развитии экономического строительства и в повышении жизненного уровня трудящихся. Эти и другие выступления такого рода были по сути попыткой отстоять компромиссные решения VIII съезда КПК, направить развитие страны по пути планового экономического строительства.

27 февраля 1957 г. Мао Цзэдун выступил на расширенном заседании Верховного государственного совещания с речью «О правильном разрешении противоречий внутри народа» (опубликованной только в июне), которая стала фактически теоретическим обоснованием начатого им идеологического наступления. В марте Мао Цзэдун принял участие во Всекитайском совещании по пропагандистской работе. В своих выступлениях на этих, а также и других форумах Мао Цзэдун стремился получить и получил поддержку своей программы ускоренной модернизации страны со стороны аппарата КПК. Констатируя победу социализма в экономической сфере, Мао Цзэдун одновременно указывал на идеологическую слабость социалистических сил, на необходимость перенести центр тяжести работы КПК с экономического фронта на идеологический. В такой постановке вопроса была своеобразная парадоксальность. С одной стороны, Мао Цзэдун с удовлетворением констатировал победу социалистических сил на экономическом фронте, а с другой — считал партию еще идеологически не готовой к дальнейшим социалистическим и коммунистическим преобразованиям, которые превратили бы Китай в богатую и мощную державу, с которой бы не могли не считаться и друзья, и враги. И вот эта новая задача обновления КПК и должна была решаться в ходе движения за «упорядочение стиля» (*чжэнфэн*).

27 апреля 1957 г. ЦК КПК принимает «Указания о движении за упорядочение стиля». Целью этого движения провозглашается пропаганда новых задач партии в исторически новых условиях, ликвидация отрыва партаппарата от масс, преодоление бюрократизма и изживание коррупции среди кадровых работников. В качестве одного из главных средств «сближения кадровых работников с массами» предлагается кадровым работникам периодически принимать участие в физическом труде вместе с рабочими и крестьянами. Соответствующие указания ЦК КПК были опубликованы

10 мая 1957 г. В этих указаниях подчеркивалась необходимость обращения к традициям работы и жизни в годы гражданской войны, к «яньанскому образу жизни», необходимость изживания «буржуазного образа жизни».

Одновременно с развитием движения за «упорядочение стиля» начинает активизироваться курс «пусть расцветают все цветы, пусть соперничают все ученые», провозглашенный Мао Цзэ-дунем еще в начале 1956 г., но тогда не реализованный. Руководство КПК призвало членов партии активно высказываться по вопросам внутрипартийной жизни, безбоязненно критиковать партийных и государственных деятелей. Такой же призыв был обращен к членам демократических партий, а затем и ко всем гражданам Китая. Руководство КПК как бы предоставляло полную свободу слова, как бы соглашалось с идейно-политическим плюрализмом китайского общества.

Действительно, с начала мая в течение месяца страницы газет были предоставлены для критических статей. Однако многие выступавшие начали критиковать не «отдельные недостатки», а саму политическую систему КНР, место КПК в этой системе. Критике стала подвергаться и идеологическая основа КПК — марксизм-ленинизм в его китаизированной форме. В некоторых статьях содержались обвинения Советского Союза в имперских поползновениях, в эксплуатации Китая. Наибольшую активность в критике коммунистических порядков проявили некоторые видные лидеры демократических партий (Чжан Найци, Чжан Боцзюнь, Ло Лунци и др.). Их выступления были поддержаны многими университетскими профессорами. Заволновалась студенческая молодежь.

Руководство КПК было обескуражено накалом антикоммунистических выступлений, оно было явно не готово к полемике со своими идеологическими оппонентами. Уже 8 июня ЦК КПК принимает «Указания об организации сил для контрнаступления против правых элементов», ликвидирует недавно дарованную «свободу слова» и начинает борьбу со своими идейными противниками привычными репрессивно-политическими методами. Вскоре официальный орган ЦК КПК газета «Жэньминь жибао», пытаясь как-то объяснить неожиданные политические повороты, писала: «С 8 мая по 7 июня наша газета и вся партийная печать по указанию ЦК почти не выступала против неправильных взглядов. Это было сделано для того, чтобы... ядовитые травы могли разрастись пышно-пышно и народ увидел бы это и содрогнулся, поразившись, что в мире существуют такие явления, чтобы народ своими руками уничтожил всю эту мерзость...». По сути дела газета признавалась в организации руководством КПК крупномасштабной политической провокации.

Развернулась невиданная еще кампания борьбы со всеми оппозиционными элементами, со всеми сомневающимися в правильности политики КПК, с противниками культа личности Мао Цзэдуна. Всем несогласным приклеивали ярлык «правого буржуазного элемента» и тем самым превращали их в объект жестоких преследований. Причем ярлыки «правого элемента» клеились как действительно противникам режима, так и вполне лояльным политическим активистам демократических партий, видным деятелям культуры, а затем и многим членам КПК. Трудно как-то рационально объяснить это стремление Мао Цзэдуна максимально увеличить число репрессированных. Впервые в истории КНР имела место такая массовая расправа над людьми без суда и следствия: репрессировано было несколько миллионов человек, из них около полумиллиона были заключены в «лагеря трудового перевоспитания».

Политические итоги движения за «упорядочение стиля» партийной работы и борьбы с «правыми буржуазными элементами» подвел III расширенный пленум ЦК КПК (сентябрь—октябрь 1957 г.). Мао Цзэдун рассматривал эти итоги как реванш за некоторое отступление, которое он был вынужден сделать на VIII съезде партии. В частности, определив проводившиеся движения как «социалистическую революцию на идеологическом и политическом фронте», он навязывает партии представление о том, что главным противоречием быстро развивающегося Китая является противоречие между буржуазией и пролетариатом. Так возрождается концепция перманентной революции, так партии и обществу навязываются представления о продолжающемся обострении классовой борьбы. И все это должно было служить, как полагал Мао Цзэдун, идеологической подготовкой грандиозных социально-экономических перемен, воплощающих в жизнь его теоретические фантазии. Речь шла о подготовке «большого скачка» в социально-экономическом развитии КНР.

В своем выступлении на пленуме ЦК КПК Мао Цзэдун отметил также определенные идеологические расхождения с КПСС, прежде всего в оценке Сталина. Он выразил несогласие с тем, что КПСС, как он полагал, «втаптывает Сталина в грязь». Защищая сталинизм, Мао Цзэдун, естественно, критически высказался и о поисках КПСС и некоторых других компартий «мирного пути» достижения социализма. С претензией на своеобразное идеологическое новаторство выступил Мао Цзэдун и на Совещании представителей коммунистических и рабочих партий в Москве в ноябре 1957 г., заявив, что если в случае мировой ядерной войны «...половина человечества будет уничтожена, то еще останется половина, зато империализм будет полностью уничтожен и во

всем мире будет лишь социализм, а за полвека или за целый век население опять вырастет, даже больше чем на половину». Однако в целом руководство КПК пока еще сохраняло идеологическое единство с КПСС и другими компартиями, открыто не противопоставляло свое понимание «светлого будущего» и путей его достижения.

3. РАЗВИТИЕ ТАЙВАНЯ В 1949–1957 гг.

Военно-политический разгром Гоминьдана завершился его полным изгнанием из континентальной части страны. Уже в декабре 1949 г. гоминьдановское руководство приняло решение о переезде партийных и правительственных органов Китайской Республики на Тайвань. Одновременно происходит эвакуация на остров значительной части вооруженных сил, на остров бегут функционеры Гоминьдана, видные политические фигуры распадающегося режима, некоторые предприниматели, тесно связанные с режимом деятели науки и культуры. Перевозятся на остров многие культурные ценности, партийные и правительственные архивы. Всего на Тайвань переехало около 2 млн человек (при населении острова в 6 млн).

Народно-освободительная армия, завершив освобождение континента, готовилась к десанту на остров Тайвань. Этой военной операции благоприятствовали не только огромное военное превосходство, но и международная обстановка на Дальнем Востоке. После образования КНР американская администрация президента Г. Трумена, отказав в признании КНР, вместе с тем заявила о своем невмешательстве во внутренние дела Китая, о стремлении избежать военной конфронтации с КНР в тайваньском проливе. Казалось, что судьба гоминьдановского режима на Тайване предreshена. Однако 25 июня 1950 г. северокорейская армия начала наступление на Южную Корею, сразу же принципиально изменив международную обстановку.

Уже 27 июня президент Трумен заявил о посылке 7-го флота в тайваньский пролив, чтобы предотвратить освобождение Тайваня, а также о военно-политической и экономической поддержке гоминьдановского режима. Тем самым гоминьдановский режим получил военно-политические гарантии своего существования. И всю вторую половину XX в. Тайвань фактически развивался под американской защитой. Однако в международном сообществе Тайвань всегда рассматривался как неотъемлемая часть Китая. На этих же позициях стоят и политические противники — Гоминьдан и КПК. Вместе с тем Тайвань — неотъемлемая часть

Китай не только в политическом, но и, что гораздо важнее, в социально-культурном смысле. Развитие КНР и Тайваня во второй половине XX в. выявило значительную качественную общность экономических, социальных, политических процессов, быстро менявших облик континентальной и островной частей исторически единой страны.

Получив военно-политическую передышку, гоминьдановские руководители поспешили укрепить аппарат своей власти на острове, исключив возможность выступления каких-либо оппозиционных сил или проникновения на остров своих противников с континента. Впервые в истории гоминьдановского Китая власть Гоминьдана приобретает действительно диктаторский характер. Однако гоминьдановское руководство не удовлетворяется упрочением жесткого полицейского режима. По инициативе Чан Кайши в Гоминьдане проводится глубокая переоценка прошлой политики и поиск путей создания прочной государственности. И прежде всего в первые три года внимание уделяется перестройке самой правящей партии, которая определяется Чан Кайши как революционная и демократическая политическая организация, базирующаяся на «трех народных принципах» Сунь Ятсена, стремящаяся к освобождению родины и борющаяся против мирового коммунизма. Лидер Гоминьдана особо подчеркивал необходимость освободить партию от бюрократизма и коррупции, а также обновлять состав партии не за счет чиновничества (как было прежде), а за счет молодой интеллигенции, рабочих и крестьян. Уже к 1952 г. в партии почти половина ее состава приходилась на рабочих и крестьян, примерно 30% — на долю лиц, имевших образование выше среднего. Не переоценивая, естественно, этих показателей, нельзя не заметить существенных перемен в развитии правящей партии. Принимаются меры для «тайванизации» местных организаций Гоминьдана, а также для расширения участия тайваньцев в местных органах власти. С целью идеологического укрепления армии в ней вводятся политотделы и политработники, опирающиеся в своей работе на членов Гоминьдана (во многом по аналогии с НОА).

Поражение на континенте не могло не заставить Гоминьдан попытаться переоценить свою прежнюю экономическую политику в свете ее отрицательных социальных последствий. Вернуть поддержку собственнической части города и деревни — таково было требование к новой гоминьдановской программе. Предшествующий печальный опыт требовал отказаться от тоталитарных притязаний к экономике и прежде всего решить две тесно связанные между собой проблемы — аграрный вопрос и стимулирование частного предпринимательства.

Как для партии глубоко идеологизированной, для Гоминьдана такая радикальная трансформация программных установок, совсем недавно принятых VI конгрессом Гоминьдана (курс на тотальное огосударствление хозяйства для непосредственного перехода к реализации своих социальных утопий в духе *датун*), была делом очень трудным. Однако руководство Гоминьдана, и прежде всего Чан Кайши, продемонстрировали разумную гибкость своих идеологических установок.

Характерным примером такой теоретической гибкости может служить выступление Чан Кайши осенью 1953 г. по, казалось бы, чисто академическому вопросу — по трактовке суньятсеновского принципа народного благоденствия. Чан Кайши указывает теперь на невозможность немедленного перехода к обществу всеобщего благоденствия в духе «великой гармонии» (*датун*), на необходимость длительного переходного периода. И аргументирует этот свой тезис опять-таки обращением к классическим книгам.

Чан Кайши напоминает, что в обществе, которое хочет построить в конце концов Гоминьдан, «...целью производства является удовлетворение потребностей населения; в обществе великой гармонии труд служит всему обществу, а не является трудом ради заработной платы. Поэтому экономическая система общества великой гармонии основывается на сотрудничестве, а ее цель — служить народу. Это и есть экономическая система общества всеобщего благоденствия». Иной характер имеют экономические отношения на предшествующем историческом этапе, который сейчас и переживает Китай, отмечает Чан Кайши, — на этапе стабилизации, или «малого спокойствия» (*сяокан*): «В этом обществе товары производятся ради прибыли, а люди трудятся ради получения заработной платы. Предприниматели стремятся к повышению прибыли, трудящиеся стремятся к повышению заработной платы. Это и есть “свободное общество”». Чан Кайши теперь вынужден признать, что своих социальных целей Гоминьдан может достичь, только пройдя через неизбежный этап рыночного, буржуазного развития. «При сопоставлении двух этапов развития общества — *сяокан* и *датун* — выясняется, что строительство общества народного благоденствия идет по ступеням лестницы — от малого спокойствия к великой гармонии. Дело нашей революции и национальной реконструкции должно продвигаться вперед по ступеням этой лестницы, чтобы достичь общества свободы и спокойствия, общества великой гармонии».

Лишь на первый взгляд эти рассуждения могут показаться схоластическими. В реальной духовной атмосфере правящей партии этот историко-философский экскурс был одним из оснований

для коренного изменения программных установок текущего социально-экономического развития.

Важным фактором изменения социально-экономической политики Гоминьдана было политическое и экономическое давление США на Гоминьдан с целью адаптации его программы и политики к китайским и международным реальностям. США создали военные предпосылки сохранения гоминьдановского режима на Тайване. Одновременно они стремились ускорить эволюцию гоминьдановского военно-бюрократического режима на Тайване в режим буржуазно-демократический, сделать Тайвань своеобразной «витриной» возможностей капиталистического развития стран «третьего мира». И хотя основная часть американской помощи шла на укрепление обороны острова, американские средства были важным фактором экономических преобразований. Помощь предоставлялась на весьма льготных в финансовом отношении условиях: более 80% помощи шло безвозмездно, а остальная часть — под невысокие проценты. В отличие от 40-х гг. теперь процедура помощи не заканчивалась передачей финансовых средств гоминьдановскому правительству, но как бы была продолжена во «внутренние» сферы его деятельности — США фактически взяли в свои руки контроль за реализацией предоставлявшихся средств.

Уже при проведении первого важного экономического преобразования — аграрной реформы — проявилось американское воздействие. Реформа проводилась при непосредственном содействии Объединенной комиссии по реконструкции сельского хозяйства, созданной еще в соответствии с законом 1948 г. о помощи Китаю, но только теперь получившей реальную возможность влиять на гоминьдановскую политику в деревне.

Начало реформе было положено проведением в жизнь в мае 1949 г. старого гоминьдановского аграрного закона, ограничившего размеры арендной платы (не более 37,5% годового сбора), что фактически означало для тайваньского крестьянина сокращение арендных платежей в два раза. Крестьяне были также освобождены от задолженности арендодателям и ростовщикам. В 1951 г. 237 тыс. крестьянских семей было продано 110 тыс. га земель, находившихся в руках государства после экспроприации японского колониального землевладения. В 1953 г. был проведен принудительный выкуп сдававшейся в аренду земли — самый трудный этап земельной реформы. Землевладельцам оставляли не более 3 га поливных земель и 6 га — богарных. Стоимость выкупаемых земель выплачивалась государственными облигациями. 56 тыс. га выкупленной таким образом земли было продано 107 тыс.

крестьянских семей. Продажа проводилась на льготных для крестьян условиях — земля оценивалась в размере стоимости 2,5-годового урожая с полученной земли с выплатой в рассрочку на 10 лет. В результате этих преобразований аграрные отношения на острове радикально изменились: если до начала реформы 2/3 крестьян были арендаторами, то теперь почти 90% крестьян стали собственниками земли.

Одновременно правительство оказывало крестьянству значительную помощь. Поощрялось создание снабженческо-сбытовых кооперативов, которые получали государственную поддержку. Стимулировалось производство экспортных культур. Были приняты меры по развитию сельской инфраструктуры, по снабжению деревни химическими удобрениями. Модернизации сельского хозяйства способствовали значительные правительственные кредиты. Сюда же направлялась существенная часть американской помощи. Радикальные изменения земельных отношений и модернизация сельскохозяйственного производства привели к непрерывному росту продуктивности аграрной сферы. Тайваньская деревня сумела накормить быстро растущее население острова, произвести ресурсы для экспорта, обеспечить рост благосостояния крестьянства. Не менее важны для Гоминьдана были и социальные последствия аграрных преобразований: Гоминьдан получил достаточно прочную социальную базу своего режима. Успехи обновленного сельского хозяйства стали надежным фундаментом социально-экономического развития острова.

Так был реализован один из уроков, вынесенных Гоминьданом из своего поражения на континенте. Реализация другого урока — по отношению к национальному и иностранному частному предпринимательству — оказалась делом и более трудным, и более долгим.

Гоминьдановское руководство достаточно быстро приняло идею поощрения частного предпринимательства как программную установку, но практически реализовать эту идею оказалось трудно — слишком велика была инерция и мышления, и производства. В начале 50-х гг. экономическая структура последней гоминьдановской провинции принципиально не отличалась от экономической структуры гоминьдановского Китая: командные экономические высоты — банки, транспорт, внешняя торговля, крупная промышленность — находились в руках гоминьдановских властей. В руках частного капитала было в основном мелкое производство. Иностраннх инвестиций не было. На новом этапе гоминьдановские руководители и их американские советники исходили из признания необходимости сохранения правитель-

ственного контроля за инфраструктурой и немногими отраслями промышленности и стимулирования частного национального и иностранного предпринимательства в большинстве остальных отраслей промышленности.

Однако простого признания желательности структурных изменений хозяйственной жизни было, как показывает опыт Тайваня первой половины 50-х гг., недостаточно для этого. Необходим был процесс продуманной приватизации государственной собственности и система юридических норм и экономических мероприятий, прямо поощрявших частные капиталовложения в промышленность острова. Гоминьдановская власть постепенно, медленно, лишь к концу 50-х гг., не только пришла к пониманию этого императива, но и сумела предпринять эффективные меры.

Глава XIX

КИТАЙ 1957–1976 гг.: ПОПЫТКИ РЕАЛИЗАЦИИ МАОИСТСКОЙ УТОПИИ

1. ПОЛИТИКА «ТРЕХ КРАСНЫХ ЗНАМЕН»

Цель, которую преследовал Мао Цзэдун, приступая к организации «большого скачка», состояла в переходе к коммунизму в кратчайшие сроки на основе утверждения таких форм общественной организации, которые позволили бы добиться небывалой экономической эффективности производства, осуществления главных принципов коммунистической утопии, способствовали бы укреплению главенствующего положения Мао Цзэдуна в КПК, а КПК и КНР — в международном коммунистическом движении и мире. Это была утопическая программа с явным националистическим и мессианским уклоном. При этом методы, предлагавшиеся Мао Цзэдуном, не были вполне беспочвенными, не являлись лишь данью «романтическому революционаризму». Он принимал в расчет особенности общественных условий, в которых предполагал добиваться поставленных целей. Эти особенности состояли прежде всего в огромном людском потенциале Китая, сконцентрировав который на решении основных задач, возможно было, по его мысли, достичь очень многого.

Некоторые очертания грядущего «большого скачка» проступили в выступлениях Мао Цзэдуна уже на III пленуме 8-го созыва (осень 1957 г.). На нем ему удалось добиться в принципе одобрения идеи необходимости ускорения темпов экономических и общественных преобразований. Его конкретные предложения состояли в требовании резкого повышения урожайности и эффективности сельскохозяйственного производства, в привлечении огромных масс населения к ирригационному строительству, что должно было бы обеспечить радикальное изменение положения в сельском хозяйстве. Он предлагал наряду с развитием крупного производства создать среднюю и мелкую промышленность, что позволило бы использовать массу живого труда. В частности, им было выдвинуто предложение развернуть создание небольших сталеплавильных заводов с целью резкого увеличения производства стали. Некоторые из идей, высказанных Мао Цзэдуном, вряд ли можно было воспринимать серьезно, тем не менее впоследствии, в период большого «скачка», они были реализованы.

Большое значение он придавал ликвидации во всей стране «четырёх вредителей»: крыс, воробьев, мух, комаров.

С начала 1958 г. Мао Цзэдун энергично настаивал на осуществлении предлагаемых им мер на совещаниях высшего руководства КПК. Устранить колебания сомневающихся была призвана развернувшаяся по указанию Мао Цзэдуна кампания борьбы «против правого консерватизма». Значительной части руководства КПК призывы Мао Цзэдуна могли показаться заманчивыми. Десятилетний план развития страны он предлагал осуществить за «три года упорного труда». После досрочного выполнения пятилетки он призывал за 15 лет догнать Англию, за 20 — США, сравняться с Японией по развитию сельскохозяйственного производства в течение трех лет. Отвечая на требования Мао Цзэдуна о составлении на местах повышенных планов экономического развития, производственные объединения и местные власти стали брать на себя трудновыполнимые обязательства. К концу весны того же года подготовка к попытке резко ускорить темпы развития страны была завершена.

Для того чтобы приступить к практическому осуществлению этих идей, была необходима санкция высших партийных органов. Этого Мао Цзэдуну удалось добиться на Второй сессии VIII съезда КПК, состоявшейся в мае 1958 г. В решениях сессии, казалось отразивших единство высшего руководства КПК в намерении пересмотреть прежнюю концепцию экономического развития, были очерчены контуры новой генеральной линии, являвшейся в сущности линией на утверждение маоистской модели коммунизма в Китае. Новая программа получила название курса «трех красных знамен»: новой генеральной линии, «большого скачка», народных коммун. В этот период народные коммуны мыслились еще скорее как более крупные кооперативы, нежели основа нового общественного порядка, однако в летние месяцы Мао Цзэдун разработал концепцию коммунизации именно как новую основу нового (коммунистического) общественного строя КНР.

На сессии было постановлено резко увеличить темпы экономического развития, в особенности производства чугуна и стали, что Мао Цзэдун считал ключевым показателем уровня развития экономики, добиться резкого роста сельскохозяйственного производства. Помимо этого были сделаны новые кадровые назначения. Политбюро пополнилось новыми членами. В частности, для будущего политического развития Китая большое значение имело введение в состав политбюро видного военного деятеля, заместителя министра обороны КНР Линь Бяо, известного близостью к Мао Цзэдуну.

Вскоре, выполняя указания партийных органов, Госплан КНР разработал новый вариант пятилетнего плана на 1958—1962 гг. Он предусматривал поистине фантастические темпы экономического развития страны. Предполагалось увеличить выпуск промышленной продукции в 6,5 раза, сельскохозяйственной в 2,5 раза, причем среднегодовой прирост в промышленности должен был составить 45%, а в сельскохозяйственном производстве — 20%. Показатели, определенные для развития металлургии, были поистине фантастическими: выплавку стали страна должна была увеличить в 10 раз, с первоначально намечавшихся примерно 10 млн т до 100 млн т.

Летом 1958 г. под лозунгом «три года упорного труда — десять тысяч лет счастья!» весь Китай был мобилизован для участия в «большом скачке». Огромные массы народа были собраны для осуществления амбициозных ирригационных проектов. Собственно говоря, в этой области «большой скачок» начался еще осенью 1957 г., когда в ноябре на ирригационные работы было направлено более 60 млн человек, а в январе 1958 г. — уже около 100 млн. В отдельные дни на сооружение водохранилищ выходило до 150 млн человек. Эти усилия были продолжены летом 1958 г. Сам Мао Цзэдун выезжал для участия в создании водохранилища в 30 км севернее Пекина, невдалеке от могильного комплекса минской династии. Заниматься физическим трудом были обязаны не только рабочие и крестьяне, но и представители высшей партийно-государственной номенклатуры. Поработав полчаса, Мао Цзэдун отложил в сторону лопату, однако пропагандистское значение этой акции было велико: все китайские газеты напечатали фотографии Председателя ЦК КПК, копающего землю.

Для повышения урожайности использовались нетрадиционные методы обработки земли, в частности глубокая вспашка, загущенные посадки риса. В промежутках между сельскохозяйственными работами крестьянское население, напрягая все силы, боролось с «четырьмя вредителями»: крысами, мухами, комарами и воробьями, которых удалось извести почти полностью.

Под лозунгом «вся страна варит сталь» в Китае развернулось движение за создание базы «малой металлургии». Была поставлена задача соорудить более 10 тыс. малых и средних металлургических печей, ежегодной производительностью 20 млн т чугуна. Небольшие металлургические печи, строившиеся на основе традиционной технологии, создавались как в городах, так и в сельской местности. Миллионы людей приняли участие и в «битве за сталь». К осени того же года в стране варили металл более 700 тыс. кустарных доменных печей, а всего в непромышленном производстве металла было занято до 100 млн человек. В усиленном

темпе работала и вся промышленность, причем предприятия стремились максимально увеличить объем производства, не заботясь о рациональном использовании ресурсов.

Летом 1958 г. группа высших руководителей КПК отправилась в инспекционные поездки по стране, являвшей собой образец трудового энтузиазма. Казалось, задуманное Мао Цзэдуном близко к осуществлению, осталось лишь закрепить достигнутое соответствующими политическими решениями. Эта цель была поставлена перед участниками расширенного совещания политбюро, которое состоялось в августе 1958 г. в курортном местечке Бэйдайхэ. На совещании была не только подтверждена линия на осуществление «большого скачка», но и даны определения политике «коммунизации». Термин «народная коммуна» появился в китайской печати в начале июля 1958 г., а к концу лета именно с созданием народных коммун Мао Цзэдун связал свои надежды на утверждение китайской формы коммунизма. В соответствии с представлениями Мао Цзэдуна, которые он пропагандировал на совещании, коммуна мыслилась, как универсальная форма социальной организации в коммунистическом обществе в Китае. Ее планировалось распространить как на сельскую местность, так и на города.

Основной принцип, на котором должны были основываться народные коммуны, состоял в тотальном обобществлении всей жизни их членов. Начать, разумеется, следовало с экономики, посему в деревне подлежали отмене приусадебные участки, распределение по труду, личные доходы отдельных дворов. Более того, обобществлению в перспективе должны были подвергнуться и бытовые стороны жизни, включая снабжение и питание членов коммун. Выступая в Бэйдайхэ, Мао Цзэдун говорил: «Приусадебные участки ликвидируются. Куры, утки, деревья возле домов пока остаются в собственности крестьян. В дальнейшем и это будет обобществлено... Надо продумать вопрос об отказе от системы денежного жалования и восстановлении системы бесплатного снабжения». Руководитель КПК прямо ставил вопрос о том, что именно народная коммуна должна стать основой будущего идеального общественного строя в Китае: «Народная коммуна, — писал он, — является лучшей формой постепенного перехода от социализма к коммунизму и в своем развитии она будет исходной структурой будущего коммунистического общества».

Мао Цзэдун полагал, что народные коммуны, как универсальная форма перехода к коммунизму и основа будущего коммунистического общества в Китае, должны создаваться не только в сельской местности, но и в городах. Каждый завод и городской район следовало превратить в городскую коммуну на тех же принципах, что и сельские коммуны. Там, где это представлялось возможным,

предполагалось создать сельско-городские коммуны, что означало соединение аграрного и промышленного производства.

Коммуны не только должны были основываться на обобществлении экономической жизни своих членов, быта, но и предполагали полный контроль за духовной жизнью людей. Коммуны мыслились одновременно и как военные структуры, и как надежное средство политической индокринации. Их члены были обязаны совместно трудиться и совместно потреблять произведенное, а также заниматься военным делом и изучением злободневных пропагандистских материалов.

После того как совещание приняло соответствующий документ, по всей стране началось создание народных коммун. В китайской печати это расценивалось как свидетельство ускоренного продвижения к коммунизму, а для простого китайского крестьянина это было равнозначно обещанию царствия Божия на земле, что-то вроде реализации стародавних представлений об идеальном обществе *да тун*.

Руководству КПК удалось добиться феноменальных успехов в реализации идеи «коммунизации» общественной жизни в стране, в первую очередь в сельских районах. Это было результатом не только всевластия тоталитарного государства, способного, опираясь на насилие, добиться от общества почти всего, но и веры значительной части крестьянства в возможность достижения после «трех лет упорного труда» «десяти тысяч лет счастья». Потребовался всего лишь месяц, чтобы в коммуны вошло почти 100% крестьянских дворов. К концу года они были созданы по всей стране — ранее существовавшие 740 тыс. кооперативов были превращены в 26 тыс. коммун, включавших 120 млн крестьянских дворов, причем в каждую коммуну входило в среднем около 20 тыс. человек.

Одновременно в связи с созданием коммун, охватывавших зачастую население целой волости, были введены изменения в политический механизм страны. Коммуны становились низовыми местными административными структурами.

Уже осенью выявились тяжелейшие последствия нового политического курса. Несмотря на то, что с мест рапортовали о все новых достижениях, страна оказалась в катастрофическом экономическом положении. Особенно разрушительные последствия имела «битва за сталь». Формально задание на 1958 г. было выполнено: производство стали по сравнению с предшествующим годом увеличилось в два раза, достигнув примерно 10 млн т, однако в действительности около 3 млн составляли приписки и примерно столько же выплавленного металла оказалось некондиционным, не годившимся даже для переработки. Первые секретари

парткомов, обязанные лично руководить выплавкой стали, зачастую, чтобы отчитаться, выдавали металл, произведенный современными предприятиями, за сталь, выплавленную на кустарных доменных печах.

В целом по стране усилия, затраченные на производство металла кустарным способом, обернулись колоссальными выброшенными на ветер средствами: расходы рабочей силы были почти в десять раз больше, чем в современной промышленности, сырья и материалов — в три раза.

В результате был нанесен тяжелый удар по современной промышленности, которой нехватало сырья и топлива, возникло напряженное положение на транспорте, в стране упало качество продукции и снизилась производительность труда. Огромный расход угля вызвал перебои в снабжении электроэнергией — осенью в ряде провинций Северо-Востока полностью или частично прекратили работу большинство предприятий легкой промышленности. В печати распространились сообщения об успехах, а в кустарных домнах пускали в переплавку металлическую посуду и прочие предметы домашнего обихода.

Политика коммунизации имела самое негативное воздействие и на положение в деревне. Глубокая вспашка, загущенные посадки риса не стали технологической революцией, напротив, отступление от традиционных методов обработки почв и ухода за сельскохозяйственными культурами было чревато серьезным кризисом сельскохозяйственного производства. Для того, чтобы создать видимость больших успехов, местное руководство шло на устройство «потемкинских деревень». По распоряжению партийного секретаря пров. Хубэй вдоль железнодорожной магистрали, которой пользовалось высшее партийное руководство, включая Мао Цзэдуна, совершавшее инспекционные поездки по стране, на поля, расположенные по обеим сторонам магистрали, массами сгоняли местное население, одетое в праздничные одежды. Чтобы создать видимость обильного урожая, прибегали к загущенным посадкам риса, а это вело к тому, что урожай начинал гнить на корню. И тогда для «проветривания» пошедших в рост стеблей риса прямо на поля выносили вентиляторы.

Естественным результатом создания коммун являлась тотальная уравниловка, принудительное обобществление личного имущества, хаос в управлении, которые сопровождались увеличением отчислений в различные общественные фонды. Это не могло не привести к снижению производственной активности, чему в ряде случаев сопутствовала чрезмерная активность в проедании накопленных запасов в «общественных столовых».

В китайской печати было объявлено об огромных достижениях в области сельского хозяйства. Утверждалось, что собранный урожай достиг почти 300 млн т, однако в действительности было собрано намного меньше. Впоследствии в Китае было признано, что приписки коснулись не только показателей промышленного развития, но и сельскохозяйственного: они составляли треть от объявленных показателей, или 100 млн т зерна.

Не удивительно в связи с этим, что, несмотря на объявленные огромные достижения, уже в середине декабря в стране стала ощущаться нехватка продовольствия. К весне следующего 1959 года возник острый дефицит продуктов питания: овощей, рыбы, масла и даже чая. Страна вступила в полосу острого кризиса, что не могло не вызвать обострения политической борьбы в руководстве КПК.

Однако на целом ряде совещаний руководства партии и на очередном VI пленуме ЦК КПК, состоявшемся в ноябре—декабре 1958 г., Мао Цзэду удалось заручиться поддержкой большей части высшей партийной элиты. В частности, была подтверждена правильность политики создания народных коммун. Однако уже в это время различимы признаки некоторого отрезвления руководства партии. В решениях пленума подчеркивалось, что «...переход к коммунизму представляет собой длительный и сложный процесс, требующий большого напряжения сил, и перескочить через этап социализма нельзя». Это было признание того, что выдвигавшиеся ранее лозунги являлись фактически призывом к переходу к коммунизму в течение 2—3 лет и эта попытка закончилась неудачей. Косвенным подтверждением того, что позиции Мао Цзэдуна ослабли в результате бедствий, постигших страну в ходе «большого скачка», было то, что была удовлетворена его просьба не избирать его на пост Председателя КНР на следующий срок. Вслед за этим на состоявшейся сессии ВСНП на этот пост был избран Лю Шаоци.

Тем не менее форумы высшего руководства КПК и китайского государства в эти месяцы высказались за продолжение политики «скачка», приняв явно завышенные и нереалистические планы. В соответствии с ними основные экономические показатели в будущем году вновь следовало удвоить и довести производство стали до 18 млн т, а зерна — до 525 млн т.

К лету 1959 г. катастрофические для страны последствия политики «трех красных знамен» выявились со всей очевидностью. Сельскохозяйственное производство падало, ощущалась нехватка зерна даже для проведения весенних полевых работ, диспропорции между отраслями народного хозяйства и инфляция приняли угрожающие масштабы, еще более ухудшалось снабжение

городов продовольствием, положение, сложившееся на транспорте, было угрожающим.

В середине июля 1958 г. на заседании Постоянного комитета ПБ ЦК КПК было принято решение о необходимости изучения руководящими работниками ЦК положения, сложившегося на местах. С этой целью группа высших руководителей разъехалась по стране. Сам Мао Цзэдун отправился на юг, где имел возможность убедиться в последствиях предпринятой им попытки молниеносного перехода к коммунизму, в том числе на его родине в провинции Хунань.

Мао Цзэдун решил побывать в родной деревне Шаошань, куда он наведывался впервые после 1927 г. В поездке его сопровождал Хуа Гофэн — партийный секретарь уезда, в который входила родная деревня Мао Цзедуна. Поклонившись могилам предков, Председатель ЦК КПК направился к клановой кумирне, однако обнаружил лишь ее остатки. За несколько месяцев до его приезда кумирню разобрали для строительства кустарной доменной печи. Затем состоялась встреча Мао Цзедуна с односельчанами, из беседы с которыми он не мог не понять, что политика «трех красных знамен» завершилась провалом. В Шаошань, подобно другим деревням по всему Китаю, были развернуты энергичные ирригационные работы и построено свое водохранилище. Однако местное партийное руководство настолько спешило с завершением работ, что плотина водохранилища протекала и кроме того оно было слишком мелким — в период дождей из него приходилось выкачивать воду, чтобы избежать наводнения.

Крестьяне критически отзывались и о кампании по выплавке стали, поглотившей предметы домашнего обихода и даже простую мебель сельских домов, которую использовали для растопки печей. Жители деревни были вынуждены питаться в общественной столовой, так как готовить пищу было не в чем, да и сами домашние печи разобраны. Односельчане Мао Цзедуна были недовольны и общественной столовой. Еды, которую они получали, явно не хватало и между односельчанами во время обеда часто вспыхивали драки за лучший кусок. Верх брали, как правило, более молодые и здоровые, а старикам приходилось подбирать остатки еды. Единственным результатом «большого скачка» в родной деревне Мао Цзедуна, таким образом, были горы металла, выплавленного из предметов кухонного обихода, с которыми никто не знал, что делать, и водохранилище, ставшее постоянной угрозой разрушительного наводнения.

Тем не менее Мао Цзэдун продолжал настаивать на принципиальной правильности политического курса, который он стремился навязать китайскому обществу. Именно вокруг оценки этого

курса разгорелись ожесточенные дискуссии накануне и во время VIII (Лушаньского) пленума летом 1959 г., на котором Мао Цзэдун впервые столкнулся с открытой оппозицией части высшего партийного руководства.

Главным оппонентом Мао Цзэдуна стал министр обороны маршал Пэн Дэхуай. В его выступлениях была подвергнута критике общая оценка ситуации, данная Мао Цзэдуном: «Достижения огромны, проблем немало, перспективы светлые». Пэн Дэхуай выразил несогласие с политикой мобилизации всей страны на осуществление кустарной выплавки стали, указал на поспешность в проведении коммунизации, критиковал обстановку, сложившуюся в политбюро ЦК КПК, за отступление от принципов коллективного руководства, поставил вопрос об ответственности всех руководителей партии, «включая товарища Мао Цзэдуна», за ситуацию, сложившуюся в стране.

14 июля министр обороны написал письмо, адресованное Мао Цзэдуну, в котором изложил свое несогласие с политикой «трех красных знамен». Несмотря на то, что Пэн Дэхуай воздержался от того, чтобы возложить на Мао Цзэдуна личную ответственность за кризис, в который было ввергнуто китайское общество, по духу это послание было, конечно, обвинительным приговором лидеру КПК. Письмо носило скорее личный характер. Автор письма не познакомил с его содержанием других высших руководителей партии. Тем не менее Мао Цзэдун распространил его среди партийного руководства. 16 июля Мао Цзэдун созвал заседание ПК ПБ ЦК КПК, в котором участвовали находившиеся в тот момент в Ухане Лю Шаоци, Чжоу Эньлай, Чжу Дэ, Чэнь Юнь. В купальном халате и тапочках на босу ногу Мао Цзэдун принял членов высшего партийного руководства и прокомментировал послание Пэн Дэхуая, назвав его выпадом против партии, пригрозил в случае раскола в КПК создать свою КПК, а если в борьбу будет вовлечена армия, — организовать новую верную ему армию. Это же он подтвердил в одном из своих выступлений и несколько позднее, заявив, что, если критика курса «трех красных знамен» и его лично будет продолжаться, то он прибегнет к военному перевороту: «Я уйду, я пойду в деревню и возглавлю крестьян, чтобы свергнуть правительство. Если освободительная армия не пойдет за мной, то я пойду искать Красную армию».

Руководители КПК, критически относившиеся к политике Мао Цзэдуна, не поддерживали Пэн Дэхуая. Лю Шаоци, Чжоу Эньлай, Чжу Дэ, Чэнь Юнь и некоторые другие предпочли, как они справедливо полагали, не подвергать партию и страну опасности раскола в этот кризисный период. С позицией Пэн Дэхуая солидаризировались немногие — начальник генерального штаба НОАК

Хуан Кэчэн, заместитель министра иностранных дел Чжан Вэньтянь, секретарь партийного комитета пров. Хунань Чжоу Сяочжоу. Это позволило Мао Цзэду отвергнуть критику в свой адрес и направить огонь критики против оппонентов.

Именно критике «антипартийного блока» во главе с Пэн Дэхуаем была посвящена повестка дня VIII пленума, который определил взгляды Пэн Дэхуая как «правооппортунистические» и принял решение снять участников «антипартийного блока» с занимаемых ими постов. На пост министра обороны был назначен близкий к Мао Цзэду Линь Бяо, что усилило влияние Председателя ЦК КПК в армии.

Тем не менее в условиях развивающегося кризиса руководство КПК не могло полностью игнорировать совершенные ошибки. В связи с этим в материалах пленума, с одной стороны, содержалось одобрение политики «трех красных знамен», с другой — указывалось, что статистические данные о сельскохозяйственном производстве в 1958 г. были завышены, подчеркивалось, что дальнейшее производство металла кустарным способом недопустимо, рекомендовалось снизить задания по производству стали, угля, зерна, хлопка.

Надежды на продолжение «большого скачка» оставались у части руководства КПК во главе с Мао Цзэдуном и в начале 1960 г. Как и прежде перед страной ставились нереальные задачи, вроде лозунга досрочно в течение 5 лет выполнить десятилетний план развития и догнать Англию. В действительности итоги развития Китая в 1960 г. были катастрофическими. В 1960 г. сбор зерновых упал ниже уровня 1954 г. Сбор хлопка, масличных культур сократился почти в два раза, резко уменьшилось поголовье крупного рогатого скота и свиней. В результате в стране начался голод, продолжавшийся и в 1961 г.

Осуществление политики «трех красных знамен» сопровождалось ужесточением курса КПК в районах национальной автономии. Здесь в годы «большого скачка» местные кадры были заменены ханьцами, организовано массовое переселение ханьцев в места проживания национальных меньшинств. Во время этих кампаний гонениям подверглась значительная часть местных кадровых работников в Цинхэе, Синьцзяне, Внутренней Монголии, Тибете.

Это не могло не вызвать недовольства местного населения, принимавшего формы вооруженных восстаний или массового ухода за пределы КНР. Весной 1959 г. вооруженное восстание под лозунгами независимости началось в Тибете. В результате подавления этого движения было убито несколько десятков тысяч человек, а около 80 тыс. (включая и Далай-ламу) бежало за пределы

китайской территории. В 1961 г. около 60 тыс. жителей Синьцзяна перешли границу и остались на советской стороне.

Годы большого «скачка» отмечены также и изменениями во внешней политике Китая. Руководство КНР предприняло ряд действий, которые вызвали обострение ситуации на границах страны, включая и явное ухудшение советско-китайских отношений. В самый разгар «скачка» в августе 1958 г. артиллерия НОАК начала обстрелы островов в Тайваньском проливе, занятых гоминьдановскими войсками. Результатом был крупный международный кризис, чреватый столкновением между союзниками «двух Китаев». США ввели в Тайваньский пролив корабли своего 7-ого флота, при этом СССР, связанный с КНР договором 1950 г., не был даже поставлен в известность руководством КПК о готовящихся военных действиях. Осенью 1959 г. Китай развязал пограничный конфликт с Индией, поддерживавшей дружеские отношения с СССР и другими социалистическими странами, поставив их в весьма затруднительную ситуацию.

В конце 50-х гг. ухудшились отношения между КНР и его главным союзником — СССР. Причины ухудшения отношений между двумя социалистическими государствами многообразны и в каком-то смысле они носили объективный характер. Руководство КПК явно стремилось к тому, чтобы в максимальной степени освободиться от опеки со стороны СССР, что было вполне естественным. Это дополнялось желанием руководства КПК занять лидирующие позиции в международном коммунистическом движении, «обогнав» Советский Союз на пути «движения к коммунизму». В рамках этого подхода Китаю отводилось место государства, ускоренными темпами строящего коммунизм, СССР рассматривался как страна, замедлявшая развитие на этапе социализма, а Югославия — как государство, вставшее на путь реставрации капитализма. К этому надо добавить несогласие руководства КПК с оценкой сталинизма, данной в середине 50-х гг. в СССР, а также личные амбиции руководителей двух крупнейших социалистических стран. Несомненно, важным аспектом разногласий между двумя коммунистическими партиями была оценка характера взаимоотношений между капиталистическим и социалистическим мирами. В середине 50-х гг. руководство СССР подчеркивало необходимость мирного сосуществования, в то время как лидеры КПК, прежде всего Мао Цзэдун, призывали не бояться новой мировой войны, видя в ней средство победы коммунизма в мире.

По мере роста напряженности во взаимоотношениях между двумя коммунистическими партиями изменилось отношение к советским специалистам, работавшим в Китае. Сами руководители Китая признавали, что имели место необоснованные случаи отстранения советских специалистов от работы, нередко им вы-

ражали недоверие. В ситуации, когда отношения становились все более отчужденными, советское руководство летом 1960 г. приняло решение об отзыве специалистов, что не могло не сказаться на экономическом развитии Китая. Однако совершенно ясно, что последствия этого решения не могли вызвать глубокий экономический кризис в стране. Тем не менее руководство КНР впоследствии представило его в качестве главной причины бедствий, постигших Китай после «большого скачка». С 1960 г. начались нарушения советско-китайской границы гражданами Китая и в конце того же года Китай отказался от импорта комплектного оборудования из СССР.

Крах, на грани которого Китай оказался в результате политики «большого скачка», не только свидетельствовал о несостоятельности надежд руководства КПК на стремительный переход к коммунизму, но и означал нежизнеспособность маоистской модели социализма.

2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В КПК И ПРЕОДОЛЕНИЕ ПОСЛЕДСТВИЙ «БОЛЬШОГО СКАЧКА» В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 60-х гг.

Результаты «большого скачка» были разрушительны для страны. Возможно, наиболее страшным его следствием было падение сельскохозяйственного производства. В годы «скачка» оно ежегодно сокращалось на 10%, что вызвало голод, унесший не менее 10 млн человек. Реальная заработная плата снизилась в городах на 10%. В целом политика «большого скачка» обошлась Китаю почти в 70 млрд дол., что составляло около одной трети валового национального продукта страны.

Основным политическим следствием курса «трех красных знамен» было нарастание традиционных противоречий в руководстве КПК и формирование двух противоборствующих группировок. Социальному утопизму Мао Цзэдуна и его ближайшего окружения все в большей мере начинает противостоять прагматическая часть партийно-государственной элиты, предлагавшая свое видение перспектив развития страны. Лидером оппозиции являлся Председатель КНР Лю Шаоци, поддержанный генеральным секретарем ЦК КПК Дэн Сяопином, видным специалистом по вопросам экономики в руководстве КПК Чэнь Юнем, популярным военачальником Чжу Дэ, председателем постоянного комитета ВСНП Пэн Чжэнем и другими. Чжоу Эньлай, занимавший неизменно пост руководителя китайского правительства, стремился балансировать между этими группировками, демонстрируя верность

Мао Цзэдуну и при этом склоняясь к предложениям в области экономического строительства, исходившим от «прагматиков».

После ряда совещаний руководства КПК, проведенных летом—осенью 1960 г., на которых обсуждались пути выхода из создавшегося положения, в январе 1961 г. состоялся очередной IX пленум ЦК, на котором были очерчены контуры нового курса, получившего название «урегулирования». На пленуме отчетливо проявилось противостояние двух группировок в руководстве партии, а его решения носили компромиссный характер. В целом, однако, Мао Цзэдуну пришлось отступить. На пленуме было принято решение о сокращении темпов экономического развития, с чем он был вынужден согласиться и что означало отход от линии «большого скачка». В области партийного строительства «прагматикам» удалось провести решение об образовании региональных бюро ЦК, что создавало для них дополнительный канал воздействия на настроения местного партийного руководства.

Несмотря на очевидный провал «скачка», Мао Цзэдун тем не менее продолжал настаивать на принципиальной правильности этого курса, стремясь возложить ответственность за его провал на местные кадры, объяснить его наличием в КПК «врагов» и «плохих элементов». К ним он отнес до 20% кадровых работников низшего уровня, а в целом по стране до 10%, и призвал к проведению чистки партии от «буржуазных и мелкобуржуазных» элементов. Лю Шаоци и поддержавшие его руководители КПК пошли в этом на уступку Мао Цзэдуну, рассчитывая, видимо, в будущем свести на нет инициированное им движение «за упорядочение стиля».

С начала 60-х гг. сложился разрыв между повседневной практической работой, прежде всего в области экономики, которую возглавляли сторонники Лю Шаоци, и руководством идеологией, которое стремился удерживать в своих руках Мао Цзэдун. Мао Цзэдун как бы отошел на второй план, сохранив кроме контроля за проведением идеологических кампаний, образ теоретика партии, лидера, которому принадлежало главное слово в вопросах, связанных с международным коммунистическим движением и внешней политикой Китая.

Столкновение двух группировок, принявшее почти открытые формы, произошло на совещании руководства партии, созванном в начале 1962 г. Это было, пожалуй, самым многочисленным совещанием партийной элиты — в нем участвовало около 7 тыс. кадровых работников всех уровней. Подготовительная работа по его созыву находилась в руках «прагматиков», получивших возможность донести максимально широко свои взгляды до партии. С отчетным докладом ЦК выступил Лю Шаоци, причем письменный

текст доклада не обсуждался на политбюро, а Мао Цзэдун отказался предварительно ознакомиться с ним, мотивируя это стремлением провести совещание в максимально демократической обстановке. На самом деле это была провокация, направленная на выяснение взглядов оппонентов, которых впоследствии можно было обвинить в забвении коммунистических принципов. Председатель ЦК КПК стремился также выявить масштабы оппозиции, складывавшейся в партии, уточнить ее персональный состав.

Выступление Лю Шаоци было открытой критикой политики «трех красных знамен». Он подчеркнул, что «большой скачок» совершен поспешно, и в результате в течение 10 лет теперь придется заниматься урегулированием народного хозяйства, а также поставил под сомнение целесообразность создания народных коммун, что являлось главным моментом курса «трех красных знамен». Для того чтобы выправить положение в сельском хозяйстве, говорил Лю Шаоци, следует не бояться идти на закрепление заданий за отдельными крестьянскими дворами и даже поощрять индивидуальный труд. Фактически это было предложение не только отойти от политики коммунизации, но осуществить деколлективизацию деревни, в первую очередь в районах, где сложилось наиболее тяжелое положение.

Не менее критически он отозвался и о других аспектах «большого скачка». Он назвал «битву за сталь» «мыльным пузырем», призвал отказаться от ставки на ликвидацию рыночных отношений в обществе, помимо государственной торговли восстановить и коллективную, и частную торговлю на сельских рынках. Ответственность за происходящее он возложил в первую очередь на ЦК партии, что можно было интерпретировать как обвинение, брошенное Председателю ЦК КПК. Лю Шаоци прямо заявил, что «...некоторым китайским руководителям не хватает скромности и осмотрительности, у них много зазнайства и самодовольства».

В выступлениях Дэн Сяопина было сказано о том, что для партии опасна ситуация, когда небольшая группа высших партийных лидеров, а тем более один человек, действует самовластно, не желая выслушивать противоположные мнения, а Чжу Дэ назвал «левый» уклон самым опасным для партии. Чэнь Юнь привлек внимание к тому, что в КПК забыт стиль самокритики, и возложил ответственность за последствия «скачка» на ЦК КПК.

Мао Цзэдун в сложившейся ситуации был вынужден взять на себя ответственность за сложившуюся ситуацию, заявив: «За все ошибки, допущенные непосредственно ЦК, ответственность несут я, за косвенные отвечаю также я, поскольку я являюсь Пред-

седателем ЦК». Тем не менее он продолжал упорствовать, настаивая на принципиальной правильности курса «трех красных знамен», и стремился разделить ответственность за результаты «скачка» с партийными кадрами, начиная от руководства провинций и кончая секретарями парткомов предприятий и коммун. Разумеется, происходившее на «совещании семи тысяч» было тяжким ударом по репутации Мао Цзэдуна, было чревато для него политической «потерей лица» в присутствии многих тысяч представителей партийной элиты, таило угрозу ослабления установленного им режима личной власти.

Некоторые из участников совещания стремились поддержать Мао Цзэдуна, подчеркнуть, что они остаются лично преданными ему, несмотря ни на что. Маршал Линь Бяо в своем выступлении заявил, что «...в то время, когда работа выполнялась хорошо, идеи Мао Цзэдуна успешно проводились в жизнь. Когда же в определенные периоды к мнению председателя Мао Цзэдуна не относились с должным уважением, либо чинили помехи, в делах немедленно появились недостатки».

Не могла не понравиться Мао Цзэдуну и финальная часть выступления мало кому известного тогда секретаря уездного парткома из родной Мао Цзэдуну Хунани. Хуа Гофэн, отметивший, что страна в ближайшее время уже не выдержит новых «великих начинаний», заявил: «...если мы хотим преодолеть трудности в сельских районах, мы должны последовательно идти по социалистическому пути и не использовать такие формы, как доведение заданий до отдельного крестьянского двора или индивидуальную обработку земли. В противном случае мы придем к поражению». Мао Цзэдун, внимательно следивший за происходившим на совещании, в одной из частных бесед отметил, что «Хуа Гофэн — это честный человек».

В целом «совещание семи тысяч» было тяжким ударом по репутации и положению Мао Цзэдуна, что вынуждало его искать новые формы борьбы со складывавшейся оппозицией его курсу.

Между тем на протяжении 1962 г. продолжался начавшийся еще ранее процесс возвращения к прежним методам хозяйствования. Народные коммуны претерпевали радикальную перестройку. Вместо коммуны, насчитывавшей тысячи человек, основной производственной единицей становилась производственная бригада, включавшая 10—30 дворов. Крестьяне вновь получили приусадебные участки, им вернули личное имущество, было разрешено держать свиней, открыты сельские и городские рынки. Началось медленное восстановление системы материальной заинтересованности — оплаты труда, учитывающей результаты труда,

премий. Во многих местах шел процесс распада коммун на прежние кооперативы, в некоторых районах использовалась система контрактации и даже индивидуального ведения хозяйства при условии выплаты государственных налогов.

Давая оценку этому опыту, Дэн Сяопин на одном из заседаний, посвященных его изучению, заметил: «Товарищи из провинции Аньхуэй говорят: «Неважно какого цвета кошка — черного либо желтого, хороша та кошка, которая ловит мышей». Эта историческая фраза стала впоследствии символом политики реформ.

Обострение политической борьбы в руководстве КПК сопровождалось размежеванием и в обществе. Складывалась широкая оппозиция политике Мао Цзэдуна, включавшая представителей партийных кругов, часть творческой и научной интеллигенции. Экономисты подвергали сомнению тезис Мао Цзэдуна «политика — командная сила», работники литературы призывали «писать правду», намекая на лицемерие, сопровождавшее политику КПК в годы «большого скачка», некоторые литераторы публиковали произведения, которые воспринимались широкой публикой как критика и даже осмеяние «идей Мао Цзэдуна».

Известный литератор и историк У Хань опубликовал ряд произведений, посвященных жизни Хай Жуя, мужественного сановника времен правления Минской династии, который не побоялся подвергнуть критике самого императора, позабывшего об интересах народа. В результате Хай Жуй был уволен в отставку. Особенно широко была известна пьеса, написанная на этот сюжет и поставленная несколькими театрами. История Хай Жуя в среде китайской интеллигенции легко прочитывалась как намек на конфликт между Мао Цзэдуном и Пэн Дэхуаем.

Известным критиком Мао Цзэдуна стал публицист и партийный деятель Дэн То, бывший в то время главным редактором центральной партийной газеты «Жэньминь жибао». Его фельетоны, хотя в них не называли имя председателя ЦК КПК, воспринимались как насмешка над руководством партии. В значительной мере за этими выступлениями стоял Лю Шаоци. Он в 1962 г. опубликовал обновленный вариант одной из своих статей 30-х гг., в которой писал о «некоторых товарищах», которые «...ничего не смысля в марксизме-ленинизме или жонглируя марксистско-ленинской теорией, мнили себя “китайским Марксом” или “китайским Лениным”. Более того, они без зазрения совести требовали, чтобы их уважали как Маркса и Ленина, чтобы их поддерживали как “вождей”, чтобы к ним питали верность и любовь».

На совещаниях высшего руководства партии, проведенных в первой половине 1962 г., их участники требовали реабилитации тех, кто был репрессирован в период «скачка», предоставления

большей свободы творчества литераторам и людям искусства. В этом оппозиционеры получили одобрение Чжоу Эньлая.

Утратив в значительной мере поддержку со стороны интеллигенции, партийных кадров различного уровня, Мао Цзэдун в этот период возлагал надежды на армию, рассчитывая превратить ее при поддержке верного Линь Бяо в «школу идей Мао Цзэдуна». В армейской газете «Цзэфанзюнь бао» из номера в номер стали печататься в качестве эпиграфа изречения Мао, цитаты из его произведений. Политорганы следили за тем, чтобы бойцы НОАК переписывали их в виде лозунгов и транспарантов. Военнослужащие были обязаны вырезать цитаты, принадлежащие Мао Цзэдуну, из газет и составлять из них своеобразные цитатники, которые следовало заучивать наизусть. Именно в армии по указанию Линь Бяо были изданы первые цитатники Мао Цзэдуна. Несколько позднее в стране была развернута кампания «учиться у НОАК», в ходе которой Мао Цзэдун рассчитывал распространить опыт утверждения своего культа личности в военной среде на все общество.

Уже осенью того же 1962 г. на очередном X пленуме ЦК КПК Мао Цзэдун нанес ответный удар по своим соперникам. На пленуме он призвал развернуть в партии борьбу «против классово чуждых элементов», стремившихся к реставрации капитализма в Китае. Выступил он и против реабилитации кадровых работников, подвергнутых опале в период «большого скачка». В результате на пленуме были приняты решения, подтверждавшие отстранение сторонников Пэн Дэхуая от ранее занимаемых ими постов и от руководящей работы в целом. Он также обратился с недвусмысленным предупреждением к китайской интеллигенции, охарактеризовав «эзопов язык» исторических пьес и романов как «антипартийную деятельность».

Важным для Мао Цзэдуна результатом X пленума было то, что удалось инициировать кампанию за «социалистическое воспитание», открывшуюся весной 1963 г. и продолжавшуюся вплоть до начавшейся осенью 1965 г. «культурной революции». Целью кампании было ликвидировать поддержку «прагматикам» со стороны партийных кадров различного уровня. Кампания проводилась с использованием чрезвычайно жестких методов. От нее не просто пострадали, но и погибли многие партийные работники, причем сторонники Мао Цзэдуна стремились подвергнуть репрессиям в первую очередь тех, кто не боялся взять на себя ответственность за отход от принципов «трех красных знамен».

Продолжал складываться стиль внутривластной борьбы в КПК, присущий для нее и в последующие годы. Наличие принципиальных разногласий между «левыми» и «прагматиками» не

сразу принимало характер открытых персональных выпадов против политических соперников. И сторонники, и противники Мао Цзэдуна отдавали должное его «идеям», не подвергая открыто сомнению их правильность, однако при этом и в сфере политических установок и в области практической политики стремились интерпретировать их в выгодном для себя духе. Эти правила игры вплоть до «культурной революции» и даже некоторое время после ее начала принимались и Мао Цзэдуном.

Примером этого может служить история «Группы пяти по делам культурной революции», созданной в середине 1964 г. и находившейся в непосредственном подчинении ЦК КПК. Группа была образована по инициативе Мао Цзэдуна как орган, призванный руководить репрессиями против тех деятелей литературы и искусства, кто позволил себе критику Мао Цзэдуна. В ее состав были введены как сторонники Мао Цзэдуна (например, Кан Шэн — близкий Мао Цзэдуну руководитель теоретической группы ЦК и, возможно, соавтор многих из его трудов), так и представители «прагматиков». В группу был введен Пэн Чжэнь, занимавший в это время посты члена политбюро ЦК и первого секретаря пекинского горкома и известный своей близостью к Лю Шаоци. Не отреагировать на указания Председателя ЦК КПК члены «Группы пяти по делам культурной революции» не могли и ею в ряде случаев были инициированы кампании резкой критики в отношении отдельных представителей литературной и кинематографической общественности, однако это не сопровождалось ни исключением из партии, ни тем более жесткими репрессиями. Летом 1965 г. ЦК КПК одобрил результаты деятельности группы и принял решение об успешном завершении кампании по «упорядочению» в сфере литературы и искусства.

Если «прагматики» занимали оборонительные позиции, то «левые» во главе с Мао Цзэдуном готовились к началу широкомасштабной борьбы с ними. К этому времени главные фигуры в рядах оппозиции определились, и Мао Цзэдун выжидал удобного момента для объявления о начале грядущей схватки. Можно считать, что это произошло на Всекитайском рабочем совещании ЦК, проходившем с середины декабря 1964 г. до середины января 1965 г. Созванное под руководством Мао Цзэдуна, совещание обсудило и обобщило двухлетний опыт проведения кампании «за социалистическое воспитание». На заседании 28 декабря 1964 г. выступил Мао Цзэдун и заявил о необходимости усилить классовую борьбу, направив ее прежде всего против «группировки, стоящей у власти». В итоговом документе совещания говорилось: «Центр тяжести нынешнего движения — борьба против тех облеченных властью, которые находятся в рядах партии и идут по

капиталистическому пути. Среди этих обремененных властью и идущих по капиталистическому пути одни выступают на сцене, другие же действуют за кулисами». Под «группировкой, стоящей у власти», имелась в виду «прагматическая» часть руководства КПК, возглавляемая Лю Шаоци. О грядущей схватке было объявлено, оставалось ждать развязки.

3. «КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» (1966–1969)

К середине 60-х гг. благодаря усилиям «прагматиков» последствия «большого скачка» в экономике были в основном преодолены. Китай подошел к уровню 1957 г. по показателям как сельскохозяйственного, так и промышленного производства. На протяжении 1963–1964 гг. Китай демонстрировал высокие темпы развития. Сельскохозяйственное производство ежегодно росло на 10%, а темпы роста промышленного производства составляли почти 20%.

Общее возвращение к прежним методам хозяйствования не означало, что Мао Цзэдун оставил свои замыслы. В первой половине 60-х гг. в Китае усиленно пропагандировался опыт большой производственной бригады Дачжай в пров. Шаньси и дацинских нефтепромыслов (пров. Хэйлунцзян). Суть «опыта Дачжая и Дацина» заключалась в создании экономических структур, сочетающих в себе элементы как сельскохозяйственного, так и промышленного производства, ориентированных на почти полное самообеспечение. При этом вся прибыль должна была передаваться государству. Речь вновь шла, таким образом, о создании полунаатуральных хозяйственных единиц, в рамках которых при ничтожных вложениях со стороны государства было возможно довести эксплуатацию работников до предела. За «опытом Дачжая и Дацина» определенно проглядывали очертания народных коммун периода «скачка».

На протяжении 1965 г. Мао Цзэдун в обстановке секретности осуществлял подготовку к началу открытой борьбы со своими соперниками. К этому времени «прагматикам» удалось сосредоточить в своих руках значительную власть. Они пользовались большим влиянием в центральных органах партии благодаря позициям, занимаемым Лю Шаоци (Председатель КНР, заместитель председателя ЦК КПК) и Дэн Сяопином (Генеральный секретарь ЦК КПК). Они контролировали систему пропаганды, опираясь на заведующего отделом пропаганды ЦК КПК Лу Диньи, включая и центральное партийное издание страны, газету «Жэньминь жибао». Их поддерживали некоторые армейские деятели, пользовавшиеся

широкой популярностью в НОАК, в частности маршал Чжу Дэ и начальник генерального штаба НОАК Ло Жуйцин. Весьма прочными были позиции оппонентов Мао в столице. Их поддержал секретарь пекинского горкома партии Пэн Чжэнь, к которому был близок заместитель мэра столицы, литератор и партийный деятель У Хань, автор широко известной драмы о судьбе опального минского сановника Хай Жуя.

В разворачивающейся борьбе Мао Цзэдун мог рассчитывать на свой все еще непререкаемый авторитет харизматического лидера Китая, основателя КНР, на преданность таких руководителей КПК, как Чэнь Бода, Кан Шэн, лояльность министра обороны Линь Бяо. Тем не менее его позиции в центральных органах партии, авторитет в обществе ослабли в результате провала «скачка». Таким образом, для него грядущие междоусобные столкновения являлись не только средством утверждения в стране его представлений об облике «китайского коммунизма», но и были борьбой за ускользающую власть.

Свидетельством ослабления влияния Мао Цзэдуна в партийных структурах было сужение в этот период круга партийных деятелей, на которых он был вынужден опираться. Именно с этим связано усиление в годы «культурной революции» влияния его жены Цзян Цин, которая до этого политической деятельностью не занималась. Именно ее Мао Цзэдун использовал для организации первого удара по своим противникам.

Понимая, что превратить Пекин в базу для начала борьбы вряд ли удастся, Мао Цзэдун нашел опору в Шанхае, где сложилась группа его верных сторонников, которым было суждено сыграть ключевую роль в драматических событиях «культурной революции». В Шанхае он мог рассчитывать на поддержку секретаря горкома Кэ Цинши, заведующего отделом пропаганды горкома Чжан Чуньцяо, главного редактора органа шанхайского горкома КПК газеты «Цзэфан жибао», публициста Яо Вэньюаня.

Именно с ними по поручению Мао Цзэдуна в глубокой тайне Цзян Цин обсуждала содержание статьи, посвященной критике пьесы У Ханя. Эта публикация готовилась несколько месяцев и вышла в свет 10 ноября 1965 г., в день прибытия Мао Цзэдуна в Шанхай, где он оставался вплоть до весны следующего года, направляя отсюда борьбу против своих противников. Выход статьи Яо Вэньюаня «О новой редакции исторической драмы “Разжалование Хай Жуя”», по тексту которой неоднократно пришлось перо лично Мао Цзэдуна, в партии был воспринят как начало новой политической кампании, о результатах которой в тот период можно было лишь гадать. Однако было ясно, что выпад против У Ханя являлся ударом по Пэн Чжэню и в конечном счете по

Лю Шаоци и тем силам в КПК, которые пытались противодействовать осуществлению амбициозных и утопических замыслов Мао Цзэдуна. Первой жертвой стал Ло Жуйцин, подвергнутый домашнему аресту уже в ноябре 1965 года и вскоре снятый со всех военных и партийных постов. Он был обвинен в подготовке заговора, «...попытке узурпировать власть в армии, выступлении против партии».

Несмотря на требование Мао Цзэдуна, центральные и местные газеты дали перепечатку статьи Яо Вэньюаня лишь в конце ноября, что свидетельствовало о нежелании центрального и местного партийного руководства идти на обострение междоусобной борьбы и одновременно говорило о масштабах оппозиции курсу Мао Цзэдуна. Единственной газетой, давшей оценку, которой добивался Председатель ЦК КПК, была армейская «Цзэфанцзюнь бао». В ней пьеса была названа «большой ядовитой травой».

На протяжении последующих месяцев Мао Цзэдун и его ближайшее окружение добивались активизации кампании критики У Ханя, а его противники пытались удержать ее в рамках «научной дискуссии». Отношение в центре и на местах к происходящему развеяли последние сомнения Мао Цзэдуна в том, что отдел пропаганды ЦК КПК, пользовавшийся большим влиянием, пекинский горком партии, не поддерживают его курс.

Впервые призыв к началу «культурной революции» прозвучал 18 апреля 1966 г. со страниц главной армейской газеты. К этому времени, очевидно, сформировались основные представления Мао Цзэдуна о ее целях. Ближайшую задачу «культурной революции» Мао Цзэдун видел в борьбе с «крамолой», поселившейся в среде художественной, преподавательской, научной интеллигенции, позволявшей себе критически относиться к Мао Цзэдуну и тем самым подрывавшей престиж установленного им режима личной власти. Его более далеко идущей целью была ликвидация сопротивления навязываемому им политическому курсу со стороны ряда высших партийных деятелей, занимавших «прагматические» позиции, а также тех руководителей в структурах партийно-государственного аппарата, которые оказывали им поддержку.

7 мая в письме к Линь Бяо Мао Цзэдун изложил свою социально-экономическую программу, реализация которой также должна была стать одной из целей «культурной революции». Суть ее сводилась к созданию во всей стране замкнутых аграрно-промышленных общин, что являлось продолжением его замыслов периода «большого скачка» и отчасти было реализовано в «опыте Дачжая и Дацина». Новым элементом этой программы являлась та роль, которую предстояло играть в общественной жизни ар-

мии, призванной стать моделью организации общества. НОА предполагалось превратить в «великую школу идей Мао Цзэдуна».

Цели «культурной революции» Мао Цзэдун изложил на расширенном совещании политбюро ЦК КПК в мае 1966 г. в Пекине. Пафос совещания состоял в объявлении открытой борьбы против лиц, «...стоящих у власти в партии и идущих по капиталистическому пути». Персонально на совещании были подвергнуты критике Пэн Чжэнь, Ло Жуйцин, Лу Динъи, снятые с занимаемых ими партийных постов. Сразу после завершения работы совещания была образована новая «Группа по делам культурной революции», составленная из лиц, которым Мао Цзэдун мог полностью доверять. Руководство ею возглавил Чэнь Бода, в ее состав вошли Цзян Цин, Чжан Чуньцяо, Яо Вэньюань, Кан Шэн. Уже с конца августа функции руководителя группы, являвшейся ключевой структурой в развязывании и проведении «культурной революции», стала выполнять Цзян Цин, формально не занимавшая видных постов в КПК. Таким образом, возглавлять крупнейшую политическую кампанию, объявленную от имени партии, должна была структура, не имевшая сколько-нибудь законного статуса.

Победа, одержанная Мао Цзэдуном на совещании, досталась ему тяжело и привела к убеждению, что на его стороне находится меньшая часть руководства партии, а большинство будет сопротивляться осуществлению его планов.

В этой ситуации Мао Цзэдуну предстояло найти силу, которую можно было бы использовать в борьбе против тех в партии, кто составлял активную оппозицию. Такой силой стала молодежь, прежде всего студенчество и учащиеся средних школ. За этим стоял точный политический расчет воспользоваться житейской неопытностью и нетерпеливостью молодых людей, в определенной степени ощущавших безвыходность ситуации, когда партия превратилась в корпорацию, существующую по собственным внутренним законам, главный из которых — сохранить обретенное положение и сопутствующие ему привилегии. Нельзя исключить и некоторых романтических мотивов, связанных с надеждой на то, что молодежь, не обремененная постами и прагматическими соображениями, сможет стать той силой, которая способна осуществить революционно-утопические замыслы.

Первые «красные охранники» (*хунвэйбины*) появились в высших и средних заведениях столицы в начале лета 1966 г. Могло показаться, что это стихийное движение молодежи, направленное против руководства партийных комитетов, профессоров и преподавателей, настроенных недостаточно лояльно по отношению к Председателю ЦК КПК. На самом деле хунвэйбиновское движение было инспирировано сверху теми, кто входил в наиболее

близкое окружение Мао Цзэдуна. Первая листовка (*дацзыбао*), направленная против ректора Пекинского университета Лу Пина, который пользовался поддержкой горкома партии, опубликованная в Пекинском университете в конце мая, была инспирирована женой Кан Шэна. Именно она подала эту мысль секретарю парткома философского факультета университета Не Юаньцзы. Вскоре хунвэйбиновское движение охватило и другие учебные заведения столицы.

Кригика, которой подвергали руководство учебными заведениями, распространилась на региональное партийное руководство, в первую очередь связанное с идеологической работой. Происходила массовая смена руководителей провинциальной печати. В Пекин для усиления позиций «левых» были введены дополнительные воинские части.

Летом 1966 г. «культурная революция» достигла большого размаха: в учебных заведениях устраивались массовые судилища, во время которых партийных работников, известных профессоров не только подвергали критике, принуждая сознаваться в несовершенных преступлениях, но и унижали, обряжая в шутовские колпаки, и просто избивали. Появились и первые жертвы. Разгрому подверглись не только партийные комитеты, но и органы китайского комсомола.

С самого начала хунвэйбиновскому движению был придан организованный характер по типу военных структур. Армия принимала самое непосредственное участие в его развитии, создавая специальные пункты по приему хунвэйбинов, центры связи, снабженные транспортными средствами, типографским оборудованием, финансами. К каждой группе из 20–30 человек прикреплялся военнослужащий, призванный обучать их военной дисциплине и осуществлять контроль. Для распространения столичного опыта «красным охранникам» было разрешено разъезжать по стране за государственный счет на всех видах транспорта. За период с осени 1966 г. по весну 1967 г. только по железной дороге было перевезено больше 20 млн участников хунвэйбиновского движения, на что использовалось около 30% всего железнодорожного транспорта.

В такой обстановке состоялся очередной XI пленум ЦК КПК (август 1966 г.). В его работе уже не участвовали члены ЦК, репрессированные к этому времени, и их место заняли представители «массовых революционных организаций». В ответ на доклад Лю Шаоци, который не вызвал поддержки Мао Цзэдуна, последний опубликовал собственную дацзыбао, озаглавленную «Открыть огонь по штабам». Имя главного руководителя «буржуазного штаба», против которого направлена листовка, еще не называлось

открыто, однако присутствующим было понятно, кто именно имеется в виду. Пленум поддержал Мао Цзэдуна в развертывании «культурной революции», вновь объявил его «идеи» руководящей идеологией партии, произвел смену руководства. Лю Шаоци, Чжоу Эньлай, Чжу Дэ, Чэнь Юнь утратили посты заместителей председателя партии, сохранить этот пост удалось только Линь Бяо. В результате принятых решений фактически перестал действовать секретариат ЦК, возглавляемый Дэн Сяопином, а власть в центре безраздельно оказалась в руках Мао Цзэдуна и его сподвижников.

Осенью 1966 г. Пекин был наводнен хунвэйбинами, съезжающими со всех концов страны. Здесь была организована серия митингов, в которых в общей сложности участвовало более 10 млн человек, перед которыми выступали высшие руководители страны во главе с Мао Цзэдуном. На одном из митингов, обращаясь к молодежи, на счету которой были издевательства, а часто и пытки тех, кого считали противниками Мао Цзэдуна, разгром партийных комитетов, Мао Цзэдун заявил: «Я решительно поддерживаю вас!»

В декабре 1966 г. в городах стали создаваться отряды «бунтарей» (*цзаофаней*). В них входила рабочая молодежь, перед которой была поставлена задача распространить «культурную революцию» за пределы учебных заведений на предприятия и в организации, что позволило бы охватить все общественные структуры.

«Прагматики», не представлявшие из себя сплоченной оппозиции с четко выраженной программой действий, а бывшие скорее движением в рамках КПК, стремившимся противодействовать эксцессам «культурной революции», пытались саботировать выполнение планов Мао Цзэдуна. Еще весной и в начале лета 1966 г. ими были посланы в учебные заведения «рабочие группы» для руководства «культурной революцией», которые в действительности стремились поставить разворачивающееся движение под контроль сторонников Лю Шаоци. Члены «рабочих групп» пытались вывести партийные комитеты из-под удара, при этом докладывая центру об успешном развитии кампании.

После того как «левым» удалось добиться осуждения деятельности «рабочих групп», оппозиция стала создавать хунвэйбиновские отряды, которые поддерживали партийные органы, выступая против тех хунвэйбинов, деятельность которых направлялась «группой по делам культурной революции» под руководством Цзян Цин. Осенью 1966 г. оппозицией стали создаваться отряды «красной гвардии», в которые входили рабочие городских промышленных предприятий, поддерживавшие местные власти. Тогда же распространилось движение, инспирированное региональным

руководством и получившее название «экономизма»: рабочие делегаты со всех концов страны направлялись в столицу с требованием стабилизации экономического положения, выплаты заработной платы и т.д. При этом характерно, что для «прагматиков» корпоративные интересы номенклатуры, связанные с ее стремлением увековечить свою власть, были выше, чем чувство самосохранения. Они были вынуждены играть по прежним правилам, выражая на словах преданность «великому кормчему» и пытаясь на деле саботировать его указания. В этой очень опасной игре у них практически не было шансов на победу.

В декабре 1966 г. хунвэйбины провели операцию по захвату Пэн Чжэня. Ночью ворвавшись в его дом, они подняли его с постели, бросили в грузовик и увезли. Тогда же хунвэйбиновский «специальный полк по поимке Пэн Дэхуая» по приказанию Цзян Цин ворвался в его дом в пров. Сычуань, где он в тот период находился, и увез его в Пекин. Здесь опальный министр обороны был заключен в тюрьму. Лишь через год после начала «культурной революции» и после многомесячной кампании критики репрессии были обрушены на Лю Шаоци и Дэн Сяопина. 5 августа 1967 г., в годовщину написания Мао Цзэдуном дацзыбао «Открыть огонь по штабам», в столице были устроены судилища над Лю Шаоци и Дэн Сяопином. На глазах жены и четырех детей Председателя КНР, одетого только в нижнее белье, избивали руками и ногами, били цитатником Мао Цзэдуна по голове.

Ситуация, сложившаяся в стране к началу 1967 г., была весьма неоднозначной. С одной стороны, «левым» удалось захватить в свои руки контроль над высшими партийными органами, с другой — сопротивление курсу Мао Цзэдуна на региональном уровне не ослабевало. Никто не выступал открыто против «культурной революции», все клялись в верности «идеям Мао Цзэдуна», однако добиться коренной персональной реорганизации партийно-государственных структур не удавалось. В этой обстановке «левыми» было принято решение использовать молодежное движение для тотального разрушения прежней партийно-государственной системы.

Центр политического движения вновь переместился в Шанхай. Здесь хунвэйбинам и цзаофаням, в руководстве которыми начинает играть видную роль рабочий одной из текстильных фабрик города Ван Хунвэнь, противостояли рабочие отряды «красной гвардии», созданные местными партийными органами. В январе, ощущая за спиной поддержку армии, выполнявшей указания Линь Бяо, цзаофани развернули движение за «захват власти». Сначала они поставили под свой контроль редакции крупнейших шанхайских газет, а затем после многодневной осады захватили

партийный комитет города. Вслед за этими событиями «захват власти» был организован и в других городах и провинциях.

«Захват власти» происходил под выдвинутым Мао Цзэдуном лозунгом создания новых органов власти по типу Парижской коммуны. Можно только гадать — было ли это проявлением романтического революционаризма Мао Цзэдуна, однако очень скоро стало ясно, что без поддержки военных «бунтари» не способны захватить власть, а там, где она оказывалась в их руках, всякая власть исчезала, растворяясь в междоусобной борьбе среди самих «бунтарей», в противостоянии «левых» и «правых». В результате движения за «захват власти» страна была поставлена на грань хаоса и анархии.

Результатом сложившейся ситуации могло быть только установление в стране военного контроля. Таким образом, вместо провозглашения безбрежной демократии дело шло к утверждению военно-бюрократической диктатуры Мао Цзэдуна, в распоряжении которого оставалась единственная организованная сила в обществе — НОАК. Именно армия сыграла решающую роль в «захвате власти».

В конце января 1967 г. «левые», оценив положение, провели политический маневр, заменив призыв к созданию органов власти по типу Парижской коммуны лозунгом образования «ревкомов», основанных на «соединении трех сторон». Это предполагало вхождение в их состав представителей «революционных левых группировок» (хунвэйбинов и цзаофаней), военных, взявших на себя основную роль в создании ревкомов, а также избежавших пока репрессий деятелей прежнего партийно-государственного аппарата. Таким образом, был достигнут компромисс между группировкой «левых», получивших легальную возможность непосредственно влиять на положение дел в стране на всех уровнях государственного руководства, фракцией «старых кадров», которые продолжали упорное сопротивление, и армией, ближе всего продвинувшейся к реальной власти в обществе. Создание ревкомов свидетельствовало также о коренных изменениях в политическом механизме КНР, утверждении маоистской «модели коммунизма» и в этой сфере общественной жизни.

По замыслу инициаторов их создания, ревкомы были призваны заменить прежние конституционные органы власти снизу доверху, включая и партийные комитеты. Однако процесс их формирования растянулся на полтора года вследствие сопротивления этому курсу и был завершён только осенью 1968 г.

В феврале 1967 г. в обстановке продолжающегося «захвата власти» против «культурной революции» открыто выступила группа высших деятелей КПК. На совещании, состоявшемся в Пекине,

член политбюро ЦК Тань Чжэньлинь охарактеризовал «культурную революцию» как курс, результатом проведения которого может быть только разгром партии, создание обстановки хаоса и экономической разрухи в стране. Он потребовал также снять обвинения с Лю Шаоци, Дэн Сяопина и других представителей «прагматиков». По сути дела, он обвинил членов «Группы по делам культурной революции» в осуществлении контрреволюционного переворота. Это было тяжкое обвинение, однако это выступление не могло достичь цели, поскольку за членами этой группы стоял сам Мао Цзэдун.

Результатом «февральского противотечения» стало лишь усиление репрессий против кадровых работников всех уровней, включая и тех, кто не помышлял о сопротивлении «культурной революции» и пытался всеми силами проводить в жизнь политику Мао Цзедуна.

Тем не менее оппозиция не оставляла попыток противодействия политике Мао Цзедуна. Ее непосредственной целью было подавление наиболее активных хунвэйбиновских группировок, действовавших под контролем пекинской «Группы по делам культурной революции». Под старым лозунгом Мао Цзедуна «деревня окружает города» в деревне, где «культурная революция» проводилась менее активно, стали создаваться вооруженные крестьянские отряды на базе народного ополчения, которые вводились в города для поддержки местных властей. Причем зачастую активную роль в их организации играли местные армейские структуры, ощущавшие себя прежде всего частью регионального истеблишмента и по этой причине саботировавшие указания из центра.

Наиболее широкий размах столкновение между сторонниками Мао Цзедуна и оппозицией приняло в июле 1967 г. в Ухане. Здесь руководитель уханьского военного округа, ветеран НОАК Чэнь Цайдао открыто принял сторону провинциального партийного руководства, укрыв его от преследований хунвэйбинов в расположении командования округом. Одновременно военные прибегли к репрессиям в отношении тех организаций хунвэйбинов, чья деятельность направлялась из Пекина. Всего было арестовано до 50 тыс. человек. Наряду с этим местные партийные руководители инициировали создание собственной хунвэйбиновской организации, названной «Миллион героев», действительно включавшей около миллиона человек. Ее костяк составляли члены народного ополчения города. Направленные из столицы руководители, включая министра общественной безопасности, были подвергнуты аресту. В этой критической ситуации Линь Бяо по указанию Мао Цзедуна перебросил в Ухань верные воздушно-

десантные части, к городу были направлены корабли речной флотилии. Кризис в Ухани едва не стал прологом кровопролитной гражданской войны, хотя в определенном смысле гражданская война уже охватила страну. Мятеж в Ухани был подавлен и завершился репрессиями в отношении как военного, так и партийного руководства.

К осени 1967 г., в сущности, перестали действовать все региональные бюро ЦК, прекратили работу провинциальные, городские, уездные партийные комитеты, была парализована деятельность партийных структур на производстве. Исключение составили лишь партийные организации в армии. Политбюро ЦК КПК прекратило свою деятельность еще раньше и было заменено «Группой по делам культурной революции». Произошла повсеместная ликвидация органов государственной власти на местах.

Осенью 1967 г. Мао Цзэдун заявил о необходимости возобновления деятельности партии, о проведении подготовки к созыву очередного IX съезда. После двух лет «культурной революции» он рассчитывал на то, что восстановить КПК, а по сути дела, создать ее заново, удастся таким образом, чтобы она превратилась в послушное орудие его безраздельной власти. «Реорганизацией» партийных структур должны были руководить представители ревкомов, а «левым» революционным организациям следовало контролировать их лояльность. Однако уже весной 1968 г. процесс «реорганизации» застопорился в результате укрепления позиций в ревкомах возвращенных к работе прежних кадровых работников, находивших поддержку у военных, стремившихся к восстановлению политической стабильности в обществе. Именно это обстоятельство и явилось главной причиной резкого обострения политической ситуации летом 1968 г. Ее особенностью было то, что под удар хунвэйбинов попали представители НОАК, стремившиеся ограничить их влияние. Особенно острая ситуация сложилась в ряде южных провинций страны, где было нарушено железнодорожное сообщение, расхищались грузы, направлявшиеся во Вьетнам, совершались нападения на учреждения и части НОАК, расхищалось оружие, предпринимались вооруженные нападения на военных. Это свидетельствовало о том, что «левые революционные организации» выходят из-под контроля тех сил, которые их породили, а возобновление гражданской войны является более реальным, чем когда бы то ни было. Мао Цзэдуну и его ближайшему окружению предстоял непростой выбор: продолжать поддерживать «бунтарей» ради достижения утопической цели раз и навсегда покончить с возможной оппозицией в восстанавливаемой партии или удовлетвориться достигнутым и попытаться восстановить политическую стабильность в обществе.

В июле 1968 г. на встрече с руководителями хунвэйбиновских организаций Пекина Мао Цзэдун заявил о необходимости прекращения «борьбы с применением силы» и пригрозил, что, если эксцессы будут продолжаться, то последует неминуемая расправа. Вскоре был выдвинут лозунг «рабочий класс должен руководить всем», под прикрытием которого началась широкомасштабная акция по ликвидации хунвэйбиновского движения. Повсеместно были направлены «агитбригады», в которых ключевую роль играли военные — на них и была возложена эта задача. В результате вся страна снизу доверху оказалась охваченной системой военного контроля. Вскоре началась массовая высылка молодежи из городов в деревню, охватившая около 10 млн членов «левых революционных организаций». Выслались в деревню и кадровые работники — их число приблизилось к 6 млн.

В целом воздействие «культурной революции» в ее активной фазе на жизнь страны было не менее разрушительным, чем «большой скачок». Был отмечен спад промышленного производства (в 1967 г. оно снизилось на 20%), сельскохозяйственное же производство в лучшем случае стагнировало, в то время как душевые показатели снижались. Был нанесен огромный ущерб культурной жизни и образованию. Главной книгой стал цитатник Мао Цзэдуна, а признанные образцы мировой классической литературы подвергались публичному сожжению. Высшие и средние учебные заведения в эти годы не работали, в результате чего в стране резко увеличилось число неграмотных, а народное хозяйство не досчиталось миллионов квалифицированных кадров.

Не меньший ущерб был нанесен внешней политике. Министерство иностранных дел было разгромлено, предпринимались провокации против иностранных дипломатов и посольств. Драматически ухудшились советско-китайские отношения, что привело к вооруженным конфликтам на границе. В марте 1969 г. произошел конфликт на дальневосточной границе в районе о. Даманского, повлекший многочисленные жертвы с обеих сторон. В августе 1969 г. произошел конфликт на среднеазиатском участке границы в районе населенного пункта Жаланашколь. Это опасное развитие событий, чреватое вспышкой более масштабных военных действий, было остановлено в результате встречи глав правительств КНР и СССР и достижения договоренности о начале переговоров по пограничным вопросам (октябрь 1969 г.).

В этой обстановке собрался IX съезд КПК (апрель 1969 г.), призванный закрепить результаты, достигнутые группировкой Мао Цзэдуна в годы «культурной революции», и одновременно ознаменовавший завершение ее наиболее ожесточенной фазы. Особенностью этого съезда было то, что его делегаты не избирались

(это было невозможно сделать, поскольку прежние партийные комитеты не действовали), а подбирались активистами «культурной революции» в центре и на местах. В работе съезда не участвовали 2/3 членов прежнего состава ЦК и секретариата ЦК — они были репрессированы. Их место заняли представители армии, а также руководители «левых революционных организаций», доказавшие свою лояльность Председателю ЦК КПК. Основным итогом съезда было одобрение результатов «культурной революции», чего более всего добивался Мао Цзэдун. На съезде был принят новый устав КПК, в котором утверждался режим личной и безграничной власти Председателя ЦК КПК, при этом упразднен секретариат ЦК. В руках председателя ЦК сосредоточивалась вся полнота власти (партия, правительство, армия). «Преемником» Мао Цзэдуна в руководстве КПК был назван Линь Бяо, что было беспрецедентно для коммунистических партий, стремившихся сохранить видимость облика «современных» политических структур. По сути дела, в сфере политических отношений новый устав КПК фиксировал нормы, свидетельствовавшие об откровенном возрождении традиций «восточного деспотизма». Еще одним новым обстоятельством, не сулившем Китаю в близком будущем политического умиротворения, было обещание регулярно проводить кампании широкой чистки партии, т.е. регулярно возвращаться к политическим движениям, подобным «культурной революции».

Результаты «культурной революции» в ее наиболее активной фазе, с точки зрения целей, поставленных «левыми», неоднозначны. Мао Цзэдуну удалось добиться устранения тех фигур в высшем партийном руководстве, которые оказывали ему наибольшее противодействие. Лю Шаоци, Пэн Дэхуай, как и сотни тысяч других членов партии, погибли в заключении, Дэн Сяопин, Чэнь Юнь, как и миллионы других, были репрессированы. Всего за годы «культурной революции» репрессиям подверглись около 5 млн членов партии и многие миллионы беспартийных. Мао Цзэдуну удалось сокрушить прежний и установить новый политический механизм в стране, более соответствовавший его представлениям о сути «китайской модели коммунизма», ядром которого стали ревкомы. Однако перед ним встали и новые проблемы, в первую очередь с точки зрения поддержания режима его личной деспотической власти. Самой серьезной из них было явное возвышение роли военных в политической жизни страны. Ревкомы почти полностью находились в их подчинении (руководство 20 из 29 провинциальных ревкомов было в их руках), они возглавляли 80% ревкомов столиц провинций, автономных районов, уездов. Высшая власть в масштабах провинций была

сосредоточена в партийных комитетах 11 больших военных округов, на которые был поделен весь Китай. Военным принадлежало более половины мест в ЦК КПК. Наконец, высший армейский чин, министр обороны Линь Бяо получил официальное признание в качестве «преемника» Мао Цзэдуна.

4. ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ «КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ» (1969–1976)

Одним из результатов деятельности маоистов на «активном» этапе «культурной революции» стало радикальное изменение внешнеполитической стратегии. После идейно-политического разрыва с КПСС и СССР маоисты стремились представить свою внешнюю политику как вынужденную борьбу на два фронта: против мирового империализма (прежде всего США) и мирового ревизионизма и социал-империализма (КПСС и СССР). Этот тезис был одним из главных в пропаганде КПК во время «культурной революции». Однако под пропагандистским прикрытием Мао Цзэдун готовил почву для пересмотра отношений с США, полагая теперь, что время для нормализации отношений с США пришло. По мнению китайских стратегов, антисоветизм руководства КПК и тем более кровавые события на Даманском ясно сигнализировали американскому руководству, что Пекин готов к далеко идущему сближению. Действительно, мартовские события на Даманском заставили американское руководство пересмотреть свое отношение к КНР. В 1970 г. под покровом секретности начинаются первые контакты между представителями двух держав. В конце 1970 г. президент США направляет секретное послание китайскому руководству. В следующем году госсекретарь Г. Киссинджер приезжает в Пекин, подготавливая визит в КНР американского президента Р. Никсона. Этот визит в КНР в 1972 г. стал подлинной сенсацией — поворот в американо-китайских отношениях был крутым и достаточно неожиданным. Никсон и Чжоу Эньлай, один из главных китайских инициаторов этого поворота, подписали в Шанхае коммюнике, означавшее фактическое взаимное признание и открывавшее дорогу для активного развития межгосударственных отношений, для подготовки условий полной нормализации отношений (дипломатическое признание и т.п.).

Однако этот поворот во внешней политике КНР не всеми в высшем руководстве был встречен с одобрением, став одним из факторов обострения фракционной борьбы.

В результате первого, «активного», этапа «культурной революции» в руководстве КНР сложилась новая расстановка сил. Мао

Цзэдун оставался непререкаемым, в полном смысле единовластным правителем страны, стремившимся играть роль высшего арбитра в борьбе ряда сложившихся к этому времени фракций. Наиболее влиятельной силой среди них были военные, имевшие возможность контролировать ситуацию как в центре, так и на местах. С ними пыталась соперничать фракция деятелей, сделавших политическую карьеру в период 1966—1969 гг., во главе с Цзян Цин. Кроме нее во фракцию «культурной революции», в ее руководящую часть входили Чжан Чуньцяо и Яо Вэньюань, вместе с Цзян Цин поднявшиеся в эти годы до положения членов политбюро ЦК КПК. За ними шли миллионы выдвиженцев «культурной революции», сумевшие занять руководящие посты как в гражданских, так и военных структурах разного уровня. Наконец, третьей, в тот период ослабленной, но потенциально весьма сильной, была фракция «старых кадров». Эти люди, дискриминируемые в предшествующие годы, но обладавшие обширными связями в партийно-государственном аппарате, не понаслышке знакомые с проблемами административного и хозяйственного управления, ориентировались на Чжоу Эньлая. Последнему удалось избежать репрессий и сохранить свой пост премьера Госсовета КНР благодаря тому, что он дистанцировался от наиболее одиозных фигур в «прагматической» оппозиции. Но тем не менее он по мере сил старался сдерживать эксцессы «культурной революции».

Несмотря на созыв IX съезда, партийные структуры ни на одном уровне, за исключением политбюро и ЦК КПК, воссозданы не были. Очевидно, и у самого Мао Цзэдуна не было четкого плана осуществления этой задачи. Подходы к ее решению постоянно менялись, причем каждая из группировок стремилась обеспечить себе преобладание в создаваемой заново КПК. Впрочем, Мао Цзэдун не собирался отказываться от такого привычного для него инструмента реализации его политической воли, как партия. Процесс восстановления партийных комитетов всех уровней потребовал несколько лет и в основном завершился в начале 70-х гг., причем в них, в особенности на уровне провинциального руководства, лидирующее положение удалось занять военным. Серьезные позиции в восстанавливаемых партийных организациях отстаивали представители «кадров», что сопровождалось активным вытеснением из них ставленников «группировки культурной революции». К началу 1971 г. в партийных комитетах провинциального уровня посты секретарей на 60% занимали военные, около 34% имели представители «кадров» и только 6% приходилось на выдвиженцев «культурной революции».

Складывающаяся ситуация не только делала вероятной перспективу обострения соперничества между основными фракциями

в руководстве КНР, но и таила в себе опасность для позиций самого Мао Цзэдуна, мимо внимания которого не могло пройти столь очевидное усиление влияния военных. Эта ситуация усугубилась явными амбициями Линь Бяо, стремившегося занять оставшийся вакантным после падения Лю Шаоци пост Председателя КНР. Сам министр обороны неоднократно предлагал Мао Цзэдуну занять этот пост, подчеркивая его значение в качестве ключевого звена в системе государственного управления, однако Председатель ЦК КПК не выражал желания занять его, предлагая вообще ликвидировать этот пост.

II пленум 9-го созыва (август - сентябрь 1970 г.) выявил обострение этих фракционных противоречий. Линь Бяо пытался использовать пленум для получения поста председателя КНР, рассчитывая на открытую поддержку верхов НОАК. Член политбюро ЦК КПК Е Цюнь (жена Линь Бяо) накануне и в ходе работы пленума активно пыталась склонить ряд руководящих деятелей к поддержке претензий Линь Бяо. Все это не укрылось от внимания Мао Цзэдуна и было, вероятно, расценено им как попытка военного министра подорвать его неограниченную власть. На этом пленуме выявились и разногласия по вопросам внешней политики. На пленуме было впервые объявлено о крутом повороте в отношениях с США. По некоторым сообщениям, Линь Бяо не поддержал инициативы Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая перемены во внешней политике. Взаимоотношения Мао Цзэдуна и его официального преемника явно обострились.

Сложившейся ситуацией воспользовались непримиримые враги — «прагматики» и фракция «культурной революции», на время объединившие свои усилия для ослабления влияния военных. После II пленума сторонники как Чжоу Эньлая, так и Цзян Цин делали все возможное, чтобы убедить Мао Цзэдуна в неизбежности военного переворота, руководителем которого должен стать Линь Бяо.

Развязка наступила в сентябре 1971 г., когда с одной из военно-воздушных баз в Северном Китае поднялся самолет, на борту которого находились Линь Бяо и члены его семьи, и взял курс в направлении границы Китая с Монголией. В воздушном пространстве МНР произошла авиационная катастрофа, в результате которой Линь Бяо и все сопровождавшие его погибли.

В соответствии с официальной версией, распространенной после случившегося в КНР, Линь Бяо вынашивал планы организации военного переворота, а после того, как о них стало известно, решил найти убежище в СССР. Подлинная суть «сентябрьского кризиса» не раскрыта полностью до настоящего времени, однако скорее можно предположить, что реального заговора не

существовало, а Линь Бяо, опасавшийся кары со стороны Мао Цзэдуна за слишком явно и неосторожно выраженные политические амбиции, просто пытался спасти свою жизнь.

Результатом «сентябрьских событий» стали репрессии, обрушенные на военных деятелей, принадлежавших к группировке Линь Бяо, и в целом ослабление влияния этой фракции в руководстве КПК. Непосредственным следствием ослабления военных было усиление двух оставшихся фракций, что естественно должно было привести и к усилению соперничества между ними.

Первой нанесла удар фракция «прагматиков», развернув кампанию критики анархизма и «ультралевого течения» в партии. «Левые», поддержанные Мао Цзэдуном, не замедлили нанести ответный удар и с осени 1972 г. в КНР началось разоблачение «ультраправого уклона». В этой весьма сложной ситуации Мао Цзэдун был вынужден прибегать к политическим маневрам, цель которых состояла в том, чтобы предотвратить чрезмерное влияние каждой из двух главных, принимавших участие в борьбе, фракций. С одной стороны, он оказывал поддержку по духу весьма близкой ему «фракции культурной революции», с другой — санкционировал возвращение в хозяйственной практике к методам, рекомендованным «прагматиками», и одновременно допустил частичную реабилитацию кадров, репрессированных в предшествующие годы. В частности, по инициативе Чжоу Эньлая был возвращен к политической деятельности Дэн Сяопин и многие другие жертвы «культурной революции».

«Прагматики» всеми силами пытались использовать эту ситуацию, блокируясь на уровне провинциальных и региональных структур с военными, избежавшими репрессий после «дела Линь Бяо».

Состоявшийся в августе 1973 г. X съезд КПК свидетельствовал о временном компромиссе между «левыми» и «прагматиками». Слово для доклада было предоставлено как Чжоу Эньлаю, так и выдвиженцу «культурной революции» Ван Хунвэню, одному из организаторов движения за «захват власти» в Шанхае в январе 1967 г. За прошедшие годы этот руководитель хунвэйбинов одной из шанхайских фабрик сделал головокружительную карьеру, приведшую его на самый верх партийной иерархии. Мао Цзэдун рассматривал его как возможного кандидата на пост своего «преемника» в руководстве партии. Компромиссный характер работы и результатов съезда проявился в том, что была подтверждена правильность и дана высокая оценка «культурной революции» и одновременно одобрена реабилитация части кадров. В частности, Дэн Сяопин, назначенный еще до съезда заместителем премьера Госсовета, на съезде вошел в состав ЦК, затем политбюро, а через несколько месяцев стал заместителем Председателя ЦК КПК.

Съезд санкционировал возобновление деятельности Всекитайского собрания народных представителей, профсоюзных и молодежных организаций. Из новой редакции устава, принятой на съезде, было исключено упоминание о Линь Бяо как «преемнике» Мао по партии.

В новом руководстве партии, сформированном в результате работы съезда, резко усилилась позиция группы «культурной революции» во главе с Цзян Цин. В политбюро ЦК КПК под ее руководством они сформировали «группу четырех» (Цзян Цин, Ван Хунвэнь, Чжан Чуньцяо, Яо Вэньюань). Помимо них в политбюро ЦК КПК были введены и другие выдвиженцы «культурной революции», организационно не входившие в «группу четырех», но идейно близкие к ней. Среди них был обративший на себя благосклонное внимание Председателя ЦК КПК Хуа Гофэн, в прошлом секретарь уездного парткома из родной для Мао Цзэдуна Хунани, а теперь министр общественной безопасности. В число заместителей Мао Цзэдуна были включены и деятели умеренной ориентации — Чжоу Эньлай и министр обороны маршал Е Цзяньин, занявший этот пост после устранения Линь Бяо.

После съезда «левые», опираясь на поддержку Мао Цзэдуна, развернули ряд политических кампаний против своих оппонентов. На протяжении 1975 г. политическая жизнь в стране проходила под знаком кампании «критики Линь Бяо и Конфуция». Имя древнего китайского философа использовалось для завуалированной критики Чжоу Эньлая и возглавляемых им «прагматиков». Ее сменила кампания «изучения теории диктатуры пролетариата», у которой был тот же адресат.

Очередной пробой сил в межфракционной борьбе стала созванная после десятилетнего перерыва очередная сессия ВСНП (январь 1975 г.).

Выступивший на сессии глава правительства Чжоу Эньлай, пытаясь переключить политическую энергию фракционных политиков на созидательную работу, выдвинул честолюбивую программу «четырёх модернизаций» (промышленности, сельского хозяйства, науки, армии). По сути дела, это был поиск идеи, которая могла бы объединить нацию, направить энергию великой страны на решение реальных и актуальных задач модернизации Китая. Практически не повлияв на деятельность руководства Китая в то время, эта программа была направлена на поиски выхода из тупиков «культурной революции».

Важным результатом сессии было принятие новой Конституции КНР, с одной стороны, закрепившей то, чего удалось добиться Мао Цзэдуну в результате «культурной революции» в области

организации хозяйственной и политической жизни, с другой — включившей в себя положения, предлагавшиеся «прагматиками». Так, в ней было закреплено существование народных коммун и ревкомов, заменивших собой народные комитеты; наряду с этим в Конституцию были включены положения о праве на приусадебные участки, основной хозяйственной организацией в коммуне признана производственная бригада, восстанавливался принцип оплаты по труду.

Именно эти положения, включенные в основной закон КНР, стали объектом критики разворачивавшейся кампании по «изучению теории диктатуры пролетариата». На местах сторонники «левых» предпринимали практические действия против приусадебных участков, подсобных промыслов, местных рынков.

Смерть в январе 1976 г. Чжоу Эньлая резко обострила политическую ситуацию. Крупнейший лидер «прагматиков» был в какой-то мере гарантом неповторения эксцессов «культурной революции». На роль его преемника мог претендовать только Дэн Сяопин, однако в глазах высшего арбитра в политической борьбе — Мао Цзэдуна — он выглядел явно недостаточно лояльным. Этим стремились воспользоваться «левые». Мао Цзэдун в очередной раз сделал выбор в их пользу, назначив на пост премьера Госсовета не Дэн Сяопина, исполнявшего после смерти Чжоу Эньлая эти функции, а Хуа Гофэна. В каком-то смысле выбор, сделанный Мао Цзэдуном, был точным: Хуа Гофэн был не только выдвиженцем «культурной революции», обязанным своей карьерой Мао Цзэдуну, но и активным сторонником его идей. Не принадлежал он и к группировке Цзян Цин, чрезмерного усиления которой явно опасался Председатель ЦК КПК.

Не прошло и несколько месяцев после смерти Чжоу Эньлая, и в «левой» печати его стали критиковать как «крупнейшего капутиста». Разумеется, при этом главной мишенью был Дэн Сяопин, в судьбе которого вскоре произошел новый драматический поворот. 4 апреля 1976 г. в традиционный день «поминовения усопших» на центральной площади Пекина состоялись массовые демонстрации — более 2 млн человек не только выражали свое почтение Чжоу Эньлаю, но и распространяли листовки и выкрикивали лозунги, осуждавшие Цзян Цин и «левых».

Власти не замедлили обрушиться на участников демонстраций с репрессиями, обвинив их в выступлении «против Председателя Мао и руководимого им ЦК». Во время подавления демонстрантов десятки были убиты и десятки тысяч репрессированы. 7 апреля Дэн Сяопин был обвинен в организации беспорядков и смещен со всех занимаемых постов.

Политическая ситуация в стране вновь резко изменилась. «Прагматики» в очередной раз получили тяжелый удар, потеряв своих лидеров, давно и тяжело больной Мао Цзэдун угасал, «левые» готовились к захвату власти после его смерти. Единственной силой, которая могла противостоять им, была армия, и ей, как и прежде, предстояло сказать свое слово.

5. РАЗВИТИЕ ТАЙВАНЯ В 1957–1976 гг.

Под охраной 7-го американского флота Гоминьдан продолжал политику глубокого реформирования экономической структуры острова. Однако для реализации программы реформ была необходима не только защита гоминьдановского режима, но и прямая экономическая помощь. Эта помощь сыграла очень важную (но не решающую) роль в экономических преобразованиях. За 15 лет (1951–1965) США предоставили Тайваню военную помощь в объеме примерно 2,5 млрд дол. и экономическую — немногим меньше 1,5 млрд дол. Однако фактически 2/3 экономической помощи также составляли военные поставки. Таким образом, непосредственно на экономические нужды за 15 лет было предоставлено только около 0,5 млрд дол., хотя, конечно, военная помощь также могла иметь косвенное экономическое значение (строительство дорог, аэродромов, повышение занятости и т.п.). Размер этой суммы и льготные условия ее предоставления сыграли важную роль в экономическом развитии острова, но это не был «золотой дождь», как иногда представляется. Очень большое значение имела стратегия американской помощи, которая исходила из признания необходимости сохранения правительственного контроля за инфраструктурой и немногими отраслями промышленности и стимулирования частного национального и иностранного предпринимательства в остальных хозяйственных сферах. Вот почему 80% американской помощи пошли в инфраструктуру, сельское хозяйство и подготовку кадров и только 20% — непосредственно в промышленность. Американские советники были справедливо убеждены (и свои взгляды смогли навязать гоминьдановцам), что слабость инфраструктуры является «узким» местом в экономическом развитии провинции, сдерживающим промышленное строительство и приток частных национальных и иностранных капиталов. Вместе с тем США оказывали систематический нажим на гоминьдановские власти с целью изменения методов хозяйствования, сокращения правительственного предпринимательства, принятия действенных мер по стимулированию частного предпринимательства.

Это давление и в не меньшей степени соображения экономической целесообразности постепенно заставили гоминьдановское руководство ускорить перемены в экономической политике. Еще в середине 50-х гг. гоминьдановское правительство принимает первые законодательные акты, предоставлявшие некоторые льготы иностранным инвесторам, в особенности китайским эмигрантам (*хуацяо*). Однако эти льготы были незначительными и не смогли повлиять на движение капитала. Наиболее важные шаги по «либерализации» законодательства были предприняты на рубеже 60-х гг. Теперь иностранным инвесторам предоставлялись уже существенные льготы. Важным законодательным актом было принятие «Положения о поощрении инвестиций», которое касалось уже не только иностранного, но и национального капитала. «Положение» дало большие льготы промышленным вложениям капитала (снижение налогов, предоставление общественных земель под промышленную застройку и т.п.). За частным предпринимательством были зарезервированы новые передовые отрасли промышленности (электроника, нефтехимия и др.).

Активизируется антиинфляционная политика правительства (включая даже сокращение военных расходов), позволяющая стабилизировать курс нового тайваньского юаня (40 нтд = 1 ам. дол.). В 1959 г. правительством была создана «Корпорация развития Китая» для средне- и долгосрочного финансирования частного предпринимательства. В 60-е гг. корпорация вложила в поддержку частного предпринимательства 1,8 млрд дол., сыграв важную роль в становлении тайваньского частного капитала. Чтобы шире привлечь иностранные капиталы, было наконец-то разрешено иностранным банкам открыть свои представительства на Тайване. В 1959 г. первым открыл свое отделение «Ниппон кангё бэнк», за ним последовали американские ведущие банки «Ферст нэшнл бэнк» и «Бэнк оф Америка». Остальные не торопились.

Учитывая накопленный опыт, в 1965 г. частному национальному и иностранному капиталу были предоставлены новые льготы. Для иностранных инвесторов созданы специальные «зоны экспортного производства». И, наконец, самое главное — начался процесс постепенной приватизации государственной собственности. Средства, полученные от продажи государственных предприятий, использовались правительством для поощрения частного предпринимательства.

Новая экономическая политика Гоминьдана не сразу выявила свою экономическую и социальную эффективность. Быстрее и активнее отреагировал, естественно, национальный капитал. С 1951 по 1964 г. в промышленности, торговле и сфере услуг число частных предприятий увеличилось с 68 тыс. до 227 тыс., а частные

капиталовложения возросли на 1353 млн дол. (для сравнения — государственные капиталовложения выросли на 1253 млн дол.). Причем в этот период преобладало открытие средних и мелких предприятий, что оставалось характерным для процесса индустриализации Тайваня. Однако накопление частного капитала в 50-е гг. еще уступало росту правительственных капиталовложений. Вплоть до 1958 г. доля частного капитала в валовом ежегодном приросте основного капитала даже падала. Но правительственная политика поощрения частного капитала резко изменила эту тенденцию: если в 1958 г. доля частного капитала составляла 41%, то в 1964 г. — уже 72%. Эта тенденция сохранялась и в дальнейшем.

Иностранный капитал долгое время пренебрегал тайваньским рынком и на поощрительные мероприятия правительства реагировал весьма пассивно. В 50-х гг. иностранные капиталовложения (в том числе и китайских эмигрантов) имели незначительный размер. За 1952—1960 гг. включительно размеры введенных капиталов составляли только около 36 млн ам. дол. Даже в первой половине 60-х гг. реакция иностранного капитала все еще была слабой: за 1961—1964 гг. ввезено около 58 млн ам. дол. Однако новое законодательство середины 60-х гг. и общее улучшение экономической обстановки открыли путь быстрому притоку иностранных капиталов. За 1965—1968 гг. ввезено 238 млн ам. дол. Кроме американского теперь сюда все больше устремляется японский капитал. Усиливается ввоз капитала из Гонконга, Макао и всей китайской диаспоры. Усилившийся приток иностранных капиталов стал играть заметную роль в развитии новых отраслей (радиоэлектроника, химия, металлообработка), в расширении производства товаров на экспорт.

Поощрение гоминьдановским правительством деятельности частного национального и иностранного капитала отнюдь не означало отказа от государственного регулирования экономики и развития государственного сектора. Скорее наоборот. Сильная авторитарная власть и стабильное политическое положение способствовали проведению активной государственной экономической политики, сыгравшей решающую роль в социально-экономическом развитии Тайваня. Уже с 1953 г. правительство начинает составлять и проводить в жизнь четырехлетние планы экономического развития. Эти планы носили индикативный характер, но вместе с другими рычагами макроэкономического регулирования (налоги, кредит, таможенные пошлины и т.п.) способствовали реализации гоминьдановской социально-экономической стратегии развития. Эта стратегия сумела правильно учесть природные и экономические условия острова (скудость природных ресурсов, демографический фактор, возможности накопления,

емкость внутреннего рынка и т.п.) и найти наилучшие пути осуществления индустриализации и тем самым пути модернизации всей общественно-политической жизни.

Эта стратегия быстро продемонстрировала свою экономическую эффективность. Первоначально (особенно в первой четырехлетке) правительство стремилось ориентировать промышленное производство на импортзамещение, и эта задача была решена уже к концу 50-х гг. Внутренний рынок был полностью освоен. Поэтому сделанная гоминьдановским правительством переориентация промышленности на работу на экспорт была своевременной. При скудности природных ресурсов акцент в развитии производства был сделан прежде всего на трудоемких отраслях, быстро развивавшихся еще на предшествующем этапе (текстильной и пищевой). Относительная дешевизна рабочей силы (среднедневная зарплата тайваньского рабочего в 1972 г. равнялась только 1,61 ам. дол., в Японии в это время рабочий получал 6 дол.) сделали продукцию тайваньской промышленности конкурентоспособной. Постепенно, к середине 60-х гг., разворачивается производство на экспорт уже более капиталоемких отраслей (металлургии, нефтехимии, судостроения и др.). Затем пришла очередь бытовой техники и, наконец, важнейшей статьей экспорта делается электроника. В рассматриваемое время экспорт возрастал более чем на 20% в год, что стало важнейшим ускорителем всего экономического развития.

В 1968 г. промышленность по валовому продукту впервые обошла сельское хозяйство. Задачи индустриализации были решены. Быстрый промышленный рост, успешное развитие сельского хозяйства, значительное расширение сферы услуг вели и к постоянному увеличению валового национального продукта (ВНП) — примерно на 10% в год, и к значительному росту среднедушевого ВНП — со 137 дол. в 1961 г. до 466 дол. в 1973 г. Эти цифры свидетельствовали, что к началу 70-х гг. Тайвань сделал решительный шаг в сторону победы над «слаборазвитостью», сумел разорвать «порочный круг бедности» и продолжал быстро развиваться.

Одним из результатов этого развития был постепенный рост стоимости рабочей силы, рост заработной платы рабочих и служащих, рост доходов крестьянства. Значительный рост доходов трудящихся вел к сокращению разрыва в уровне доходов между богатыми и бедными, что и было одной из причин стабильности и устойчивости политического режима, хотя все это, естественно, повышало издержки производства и могло бы понизить конкурентоспособность тайваньских производителей. Однако быстрый рост производительности труда нейтрализовал эту тенденцию.

Столь быстрый рост производства и торговли вывел Тайвань на уровень наиболее быстро развивающихся стран Дальнего Востока. Именно в это время заговорили о «тайваньском экономическом чуде», причислили Тайвань к новым индустриальным странам, назвали его — наряду с Корейской Республикой, Гонконгом и Сингапуром — «четвертым драконом».

Все это позволяет поставить вопрос об изменении самой социально-экономической сущности гоминьдановского режима на Тайване. Ответ не может быть однозначным. С одной стороны, Гоминьдан инициировал быстрое развитие частной собственности и частного предпринимательства, пошел по пути приватизации, активно поддержал и мелкого, и крупного собственника. Начался процесс отделения власти от собственности, хотя государственное регулирование и государственная собственность продолжали играть в экономической жизни все еще решающую роль. С другой стороны, Гоминьдан полностью сохранил в своих руках властные функции, политическую монополию, строго преследовал любое инакомыслие. Вероятно, можно говорить о складывании определенных социальных предпосылок эволюции политического режима, созданного многолетними усилиями Гоминьдана. Исторический опыт создания «тайваньского экономического чуда» имел большое международное значение. Этот опыт радикальных экономических преобразований при сохранении в неприкосновенности политической структуры не мог не привлечь внимания наиболее прагматических лидеров КПК в Пекине. На Тайване, по сути дела, в 50—70-гг. был поставлен грандиозный социальный эксперимент в масштабе многомиллионной провинции. Влияние на континентальный Китай, содрогавшийся в это время в судорогах «больших скачков» и «культурной революции», — очень важная сторона тайваньского опыта, предлагавшего руководителям КПК и КНР альтернативный и вместе с тем «китайский» путь модернизации своей страны.

Глава XX

КИТАЙ В ЭПОХУ РЕФОРМ (ПОСЛЕ 1976 г.)

1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В КНР ПОСЛЕ СМЕРТИ МАО ЦЗЭДУНА

9 сентября 1976 г. произошло событие, которого ожидали и к которому готовились представители различных фракций в руководстве КПК — на 83 году жизни скончался Мао Цзэдун. Ушедший из жизни руководитель КНР оставил страну в состоянии глубокого экономического и политического кризиса. За годы «культурной революции» жизненный уровень в Китае резко снизился, по некоторым оценкам на политические кампании различного рода было потрачено, а в сущности выброшено на ветер, около 800 млрд юаней. За прошедшие после «большого скачка» годы КНР не только не удалось приблизиться к наиболее развитым странам мира, но этот разрыв еще более увеличился. Особые потери понесла система образования, что стало результатом закрытия школ, университетов, гонений на научную и творческую интеллигенцию, которую было принято именовать не иначе как «девятый поганец». Итогом этого стал лавинообразный рост неграмотного и полуграмотного населения, численность которого приблизилась к четверти всего населения КНР.

Страна не только пребывала в состоянии глубокого экономического и духовного кризиса, но и находилась на грани хаоса и анархии в результате внутрипартийной борьбы, не утихавшей в течение двух десятилетий и принявшей особенно ожесточенные формы в годы «культурной революции». По данным самих китайских авторов, на протяжении «десятилетней смуты» погибло 20 млн человек, а в той или иной мере пострадали от нее 100 млн жителей КНР. Выход из сложившейся ситуации состоял в пересмотре политической линии, которую на протяжении последних десятилетий отстаивал Мао Цзэдун и которую стремилась сохранить «четверка», группа его ближайших сподвижников, сыгравших наиболее активную роль в годы «культурной революции».

Бесспорными преимуществами в грядущей борьбе за власть, как казалось в тот период, обладали именно представители фракции «культурной революции», контролировавшие благодаря поддержке Мао Цзэдуна основные звенья партийно-государственно-

го аппарата, особенно на уровне центральных партийных органов. За десятилетие, предшествовавшее смерти Мао Цзэдуна, в партию, насчитывавшую в середине 70-х гг. более 30 млн человек, вступило примерно 20 млн новых членов. Таким образом, выдвиженцы «культурной революции» составляли более половины общей численности КПК. Эти люди являлись сторонниками продолжения утопического курса Мао Цзэдуна и были готовы бескомпромиссно отстаивать его в борьбе с «прагматиками», ряды которых были серьезно ослаблены в результате политических гонений.

Особым влиянием пользовались представители «четверки», являвшейся наиболее радикальной фракцией среди выдвиженцев «культурной революции». Через своих приверженцев они контролировали примерно 40% мест в ревкомах, пользовались поддержкой около половины членов и кандидатов в члены ЦК КПК. Помимо этого под их контролем находились средства массовой информации и народное ополчение в Шанхае, являвшемся базой «левых» со времен «культурной революции», которое насчитывало несколько сотен тысяч человек. В Постоянном комитете Политбюро ЦК КПК «четверка» также имела прочные позиции, которые отстаивали такие ее члены, как Ван Хунвэнь и Чжан Чуньцяо. Идеологически к ним примыкал официальный преемник Мао Цзэдуна Хуа Гофэн, сосредоточивший в своих руках основные посты в партии и государстве, которые позволяли ему контролировать ситуацию в стране. «Левые» также пользовались поддержкой со стороны ряда деятелей, позиция которых могла сыграть решающую роль в случае обострения политической борьбы в руководстве КПК. Среди них были командующий Пекинским военным округом генерал Чэнь Силян, мэр Пекина У Дэ и начальник службы охраны ЦК партии и воинской части 8341 Ван Дунсин.

Потенциальная оппозиция в центральных партийных органах была представлена членом Постоянного комитета Политбюро, министром обороны, маршалом Е Цзяньином, который мог рассчитывать на содействие такого влиятельного политика, как Ли Сяньнянь, в тот момент занимавшего посты заместителя премьера Госсовета и члена Политбюро. Эти деятели, представлявшие армейские структуры, не ставили под сомнение «идеи Мао Цзэдуна», но ясно понимали, что в случае прихода к власти приверженцев радикального маоизма, страна будет ввергнута в неутрачивающую внутривнутриполитическую борьбу. В результате может быть поставлена под сомнение не только боеспособность китайской армии, но и шансы на выживание социализма в КНР станут весьма сомнительными. Подобно тому как Хуа Гофэн, орга-

низационно не входивший в состав «четверки», являлся ее союзником в силу идеологической близости и благодаря тому, что его молниеносная карьера была результатом чистки «старых кадров», сторонники более умеренного политического курса в руководстве КПК нуждались в своей собственной базе в партии. И здесь им на помощь могли прийти «прагматики», ряды которых были страшно ослаблены за годы репрессий, а также реалистично настроенные представители местного военного руководства страны.

Признанным лидером «прагматиков» являлся Дэн Сяопин, который в этот момент не мог оказывать реального воздействия на расстановку политических сил, в связи с тем, что в очередной раз находился в опале. После апрельских событий на площади Тяньаньмэнь он был смещен со всех постов в партии и государстве и пребывал в ссылке. Не без оснований опасаясь за собственную жизнь, он предпочел на время укрыться на юге страны в Гуанчжоу, где ему покровительствовал видный представитель военных кругов, начальник Гуанчжоуского военного округа генерал Сюй Шию. Понимая неизбежность очередной вспышки внутриполитической борьбы, представители военного крыла высшего руководства накануне ухода из жизни Мао Цзэдуна пошли на тайное соглашение о сотрудничестве с лидером «прагматиков». По некоторым данным, летом 1976 г. в Гуанчжоу для секретных переговоров с Дэном приезжал Е Цзяньин и другие противники полного захвата контроля над партией со стороны «четверки». Однако сам Дэн Сяопин, ограниченный в передвижениях и контактах, не мог реально стать руководителем грядущей борьбы с «четверкой». Эту роль принял на себя Е Цзяньин, еще весной 1976 г. в одной из конфиденциальных бесед заявивший, что, как только Мао Цзэдун покинет этот мир, «четверка» должна быть устранена из политической жизни Китая.

«Группировка четырех» также не строила иллюзий будто ей удастся прийти к власти без обострения внутриполитической борьбы. С этой целью она стремилась укрепить свои позиции там, где они были традиционно сильны, прежде всего — в Шанхае, куда в августе для вооружения народного ополчения было дополнительно доставлено 70 тыс. винтовок, 300 артиллерийских орудий и 10 млн единиц боеприпасов. Tактической ошибкой «левых» стало то, что они в сущности решили не принимать в расчет Хуа Гофэна, который занимал колеблющуюся позицию, не обладал серьезным авторитетом в партии и к тому же благодаря воле Мао занимал основные посты в партии и государстве, которые члены группировки хотели поделить между собой. Цзян Цин, судя по всему, рассчитывала на пост Председателя

ЦК КПК, а Чжан Чуныцяо видел себя будущим премьером Государственного совета.

Уже через два дня после смерти Мао Цзэдуна Ван Хунвэнь распорядился открыть в правительственной резиденции Чжуннаньхай новую дежурную канцелярию в обход той, что действовала при ЦК КПК. Это было воспринято Хуа Гофэном как проявление открытого вызова его собственной власти и ускорило его выбор в пользу политических сил, симпатизировавших «прагматикам». За этим решением, как показали дальнейшие события, стояла не смена идеологических ориентиров, а стремление сохранить власть, заключив союз с идеологически «чуждыми», но зато влиятельными политиками. 11 сентября Хуа Гофэн встретился с Ли Сяньнянем и попросил его связаться с Е Цзяньином, являвшимся руководителем оппозиции, и организовать встречу с ним. Ее тема была определена четко: методы, которые следует использовать для того, чтобы «разрешить» вопрос с «четверкой». Таким образом, инициатива в создании коалиции, направленной на устранение из политической жизни «левых», исходила от самого Председателя ЦК КПК.

Тем не менее Хуа Гофэн продолжал колебаться, предлагая провести устранение «четверки» на ближайшем пленуме ЦК. В этой ситуации инициативу взял на себя Е Цзяньин, который располагал сведениями о том, что «четверка» собирает силы для нанесения удара. Ему, в частности, было известно о том, что бронетанковая дивизия, входившая в состав Шэньянского военного округа, получила приказание начать движение в направлении Пекина. Во время личной встречи с Хуа Гофэном Е Цзяньин прямо заявил ему, что период колебаний закончился и последнему необходимо сделать выбор, если он хочет сохранить власть. Во время последовавшей встречи с начальником воинской 8341 Ван Дунсином министру обороны удалось убедить и его, что в случае прихода к власти «четверки» Китай ожидают большие потрясения, а политическая карьера самого Вана будет поставлена под угрозу.

План государственного переворота, составленный заговорщиками, заключался в том, чтобы под предлогом обсуждения редакции пятого тома сочинений Мао Цзэдуна 6 октября пригласить на заседание Постоянного комитета Политбюро членов группировки «четырех» и затем арестовать их. Этот план удалось блестяще осуществить — последними были взяты под стражу Цзян Цин, вдова Мао и его племянник Мао Юаньсинь, поддерживавший на протяжении нескольких лет близкие отношения с «четверкой».

Участникам победившей, но неустойчивой коалиции следовало, не откладывая, решить несколько важных вопросов: во-первых, легитимировать последствия государственного переворота, во-вторых, определить свое отношение к «прагматикам», и прежде всего к их лидеру Дэн Сяопину. Если первую проблему им удалось решить сразу же после устранения политических соперников, то разногласия по вопросу об отношении к Дэн Сяопину обещали вызвать обострение противоречий в стане самой победившей коалиции.

Уже на следующий день после государственного переворота в Пекине было созвано закрытое совещание первых секретарей парткомов, продолжавшееся целую неделю. Участники совещания были проинформированы о происшедшем, им было предложено объяснение причин, приведших к устранению группировки «четырех». В соответствии с традициями внутрипартийной борьбы интерпретация происшедшего состояла в том, что «четверка» уже давно вынашивала планы государственного переворота, интриговала против самого Мао Цзэдуна и представляла «правый» уклон в партии. Уже в ходе первого заседания проявились разногласия в стане самой коалиции победителей. Если Е Цзяньин призывал готовиться к длительной борьбе со сторонниками «четверки», то в выступлении Хуа Гофэна было подчеркнуто, что «культурная революция» являлась в основном правильным политическим курсом, а партии следует сосредоточиться как на борьбе против сторонников группировки «четырех», так и продолжать кампанию «критики Дэн Сяопина». Таким образом, устранение из политической жизни Китая «четверки» не привело к прекращению ожесточенной политической борьбы. Однако на этот раз ситуация несколько упростилась — теперь это было прямое противостояние выдвиженцев «культурной революции» и «прагматиков».

После получения информации о событиях, происшедших в Пекине, Дэн Сяопин, продолжавший находиться в ссылке, отправил письмо, адресованное Хуа Гофэну. В нем он, с одной стороны, выражал поддержку результатам переворота, в итоге которого Хуа Гофэн сосредоточил в своих руках все высшие партийно-государственные посты, с другой — просил немедленно направить его на «передовой фронт работы». Таким образом, Дэн в сущности обращался к центральному партийному руководству с просьбой о реабилитации. Однако в планы Председателя ЦК КПК не входило усиливать собственными руками идеологически враждебную ему группировку.

В первые месяцы после смерти Мао Цзэдуна не столько немедленная реабилитация Дэн Сяопина, сколько подавление потен-

циальных очагов сопротивления со стороны сторонников «ультра-левых» являлось основной проблемой для нового руководства. В ряде мест «левые» были готовы оказать сопротивление даже в форме вооруженной борьбы. Опасная ситуация складывалась в «колыбели» «культурной революции» — Шанхае: здесь в состоянии боевой готовности находилось несколько тысяч вооруженных ополченцев. Часть шанхайского партийного руководства рассматривала возможность оказания вооруженного сопротивления, однако при этом справедливо полагала, что оно будет обречено на неудачу при отсутствии поддержки со стороны регулярных воинских частей. К счастью, сторонникам «четверки» так и не удалось превратить Шанхай в центр вооруженного противостояния. Однако в некоторых других провинциях Китая — Сычуани, Цзянси, Хэнани, Хунани — сопротивление тех, кто продолжал поддерживать группировку «четырех», пришлось подавлять, используя вооруженную силу. Это в свою очередь привело к установлению к февралю 1977 г., по сути дела, военно-контрольного режима в 19 провинциях КНР. Одновременно в стране началась кампания по устранению наиболее одиозных сторонников группировки «четырех» в провинциальном руководстве и на более низком уровне.

В складывающейся ситуации «прагматики» чувствовали себя все более и более уверенно, что позволяло им усиливать нажим на Хуа Гофэна, который лично не располагал сколько-нибудь широкой поддержкой в партийно-государственных органах. В феврале 1977 г. от имени Гуанчжоуского большого военного округа и парткома провинции Гуандун на имя Хуа Гофэна было направлено закрытое письмо, в котором содержались требования, вряд ли приемлемые для него, в частности была подвергнута критике «культурная революция», говорилось о необходимости реабилитации кадровых работников, подвергшихся репрессиям в период «десятилетней смуты». Назывались имена таких деятелей, как Дэн Сяопин, Лю Шаоци, Пэн Дэхуай, Линь Бяо. Следующий удар по Хуа Гофэну был нанесен вскоре после этого на мартовском рабочем совещании ЦК КПК. В ходе совещания предложение Председателя ЦК КПК воздержаться от обсуждения вопроса о реабилитации Дэн Сяопина не было принято его участниками, часть которых во главе с ветеранами партии Чэнь Юнем и Ху Яобаном призвала вернуть «редкостный талант» (так оценивали соратники по партии своего опального товарища) к руководящей работе.

Реабилитация Дэн Сяопина вряд ли была бы понята в партии без изменения официальной оценки, которая была дана со-бытиям на площади Тяньаньмэнь в апреле 1976 г. В годовщину

этих событий Дэн обратился в ЦК партии с письмом, в котором предложил пересмотреть отношение к ним. В этой ситуации Хуа Гофэн пытался лавировать, стремясь сохранить остатки своего политического влияния и не допустить отхода от критики как «четверки», так и апрельских событий. Предвидя, что под непрекращающимся давлением старых кадров, получавших все более широкую поддержку в партии, ему придется согласиться с возвращением Дэн Сяопина, он через посредников предложил ему признать «контрреволюционный характер» событий, происшедших на площади Тяньаньмэнь годом ранее, в обмен на обещание не препятствовать его реабилитации. Это предложение было с негодованием отвергнуто Дэн Сяопином.

В первые месяцы после смерти Мао ни одна из основных соперничающих группировок не имела достаточно сил, чтобы добиться радикального изменения ситуации в свою пользу. Однако становилось все более очевидным, что «левые» постепенно сдают позиции, уступая давлению «прагматиков», хотя и не без упорного сопротивления со стороны их лидера Хуа Гофэна. В этой обстановке, стараясь избежать крайнего обострения внутривнутрипартийной борьбы, «прагматики» были вынуждены искать компромисс с выдвинутыми «культурной революции». Под этим знаком прошли работа июльского пленума ЦК 1977 г. и последовавшего за ним очередного XI съезда КПК, состоявшегося в августе того же года. В результате работы пленума были приняты решения, касающиеся «антипартийной» деятельности «группировки четырех», а ее члены навечно исключены из рядов КПК. Наряду с этим были осуществлены кадровые изменения в высших партийных органах, свидетельствовавшие об очередном триумфе руководителей партии, принадлежащих к ее прагматически настроенному крылу. Дэн Сяопин был возвращен из опалы, ему были возвращены высшие партийно-государственные посты, которые он занимал до апрельских событий 1976 г. Наряду с этим пленум подтвердил избрание Хуа Гофэна Председателем ЦК КПК и высоко оценил его роль в разгроме «четверки». Едва вернувшись из политического небытия, Дэн Сяопин выступил на пленуме с речью. В ней он подверг критике теоретические положения, которые продолжал отстаивать Хуа Гофэн и которые препятствовали пересмотру истории политической борьбы в КНР на протяжении последних десятилетий.

Решения последовавшего вскоре очередного съезда партии также носили компромиссный характер, но одновременно свидетельствовали о том, что баланс сил медленно, но верно склоняется в пользу оппозиции Хуа Гофэну. Председатель ЦК КПК в отчетном докладе съезду выступил с повторением лозунгов, относя-

щихся к эпохе Мао, включая и такие, как строить социализм по принципу «больше, быстрее, лучше и экономнее», выдвинутому еще в период «большого скачка». Он настаивал на необходимости изучать и шире распространять опыт Дачжая и Дацина; заявлял, с одной стороны, что «культурная революция» завершена, с другой — что подобные политические движения необходимы для упрочения диктатуры пролетариата и будут неоднократно повторяться. В выступлении на съезде, которое произнес Дэн Сяопин, не подвергались явной критике устои идеологии Мао Цзэдуна, однако при этом прозвучал призыв исходить из существующих реальностей (*шиси цюши*), что могло быть воспринято как намек на необходимость отхода от доктринерства прошедшей эпохи, освобождения сознания от догм маоизма.

Одним из весьма существенных результатов работы XI съезда явилось также то, что противникам «левых» удалось серьезно упрочить свои позиции в центральных партийных органах. В ЦК были введены многочисленные представители реалистически мыслящих «старых кадров», в том числе и тех, кто был репрессирован в годы «культурной революции». Более 40% членов ЦК, избранного на съезде, были новые люди, причем около одной трети — кадровые работники, подвергшиеся гонениям в период «десятилетней смуты». Во главе с Дэн Сяопином они, не оспаривая публично руководящей роли Хуа Гофэна и принципы маоистской идеологии, исподволь готовили почву для своеобразной «революции сверху», характер которой им еще предстояло определить как в дискуссиях с оппонентами из «левого» лагеря, так и в полемике между собой.

Одной из важнейших проблем, с которой столкнулось китайское общество после смерти Мао Цзэдуна, являлось определение стратегии дальнейшего экономического развития. Разрушительные для экономики и общества результаты политики, направленной на «мгновенное», с точки зрения исторических сроков, построение в Китае коммунистического общества, были очевидны для противников маоистского курса. Однако давление «неопровержимых» истин сохранялось, а сами сторонники реформ также нуждались в раскрепощении сознания для того, чтобы взглянуть реально на ситуацию, в которой находилась страна.

Характерно, что, сосредоточив усилия на совершении кадрового переворота в партии (на протяжении 1978 г. были освобождены и реабилитированы сотни тысяч репрессированных), «прагматики» пока не выступали со сколько-нибудь целостной программой экономических преобразований. Это противоречие ярко проявилось на очередной сессии ВСНП (февраль—март 1978), на которой стратегию ускоренного экономического развития предло-

жил Хуа Гофэн. План «четырёх модернизаций» в редакции Хуа Гофэна представлял собой в сущности новый вариант «большого скачка», однако в отличие от событий конца 50-х гг., новый «скачок» предполагалось осуществить не только за счет «опоры на собственные силы», но и, используя приток западных кредитов и технологий.

Планы, выдвинутые Хуа Гофэном, были поистине грандиозными. К 1985 г. производство стали планировалось увеличить примерно в два раза — до 60 млн т, производство нефти более чем в два раза — до 250 млн т. За ближайшие годы предполагалось реализовать 120 проектов по строительству промышленных предприятий, из которых 14 предстояло построить в области тяжелой промышленности. Однако, как стало очевидно примерно через год после начала проведения этой политики, попытки добиться молниеносного ускорения экономического развития, не сопровождавшиеся структурными реформами в экономике, не могли привести к ожидаемым результатам. Неудача очередного «большого скачка» не только способствовала подрыву политических позиций Председателя ЦК КПК, но еще раз убедительно продемонстрировала оппозиции очевидный факт, состоявший в том, что без поиска новой стратегии экономического развития модернизация Китая будет невозможна.

Весной 1978 г. в китайской печати началась новая мощная кампания, как казалось первоначально, не обещающая ничего нового, поскольку она проводилась под старым лозунгом «Практика — единственный критерий истины». Автор статьи, которая открыла эту кампанию, провинциальный преподаватель философии, был мало кому известен в Китае, однако он решился посягнуть на святая святых — непогрешимость идей Мао Цзэдуна. Для видимости, сосредоточив весь пыл критики на опальном Линь Бяо, он высказал несогласие с его оценками Мао как абсолютно непогрешимого руководителя. При этом он умело использовал подходившие к случаю цитаты из публикации самого Мао Цзэдуна «Относительно практики». Когда статья поступила в газету «Гуанмин жибао», то в редакции в ней усмотрели не столько философское исследование, сколько намеки на дискуссии, носившие чисто политический характер. Заручившись поддержкой ректора Центральной партийной школы Ху Яобана, редакция решила опубликовать статью. Так было положено начало широкой дискуссии в партии и обществе, в центре которой был поставлен весьма нетрадиционный для идеологической жизни в Китае вопрос: являются ли учение основателей марксизма-ленинизма и идеи самого Мао Цзэдуна абсолютно непогрешимыми. В переработанном варианте статьи проводился вполне баналь-

ный, но крамольный, с точки зрения ортодоксов, тезис о том, что не само по себе коммунистическое учение является критерием истины, а напротив его истинность должна быть подтверждена практическими действиями. В дальнейшем особую роль в развитии дискуссии сыграл Ху Яобан, в прошлом опальный руководитель китайского комсомола, прошедший через трагические испытания «культурной революции».

Против статьи выступили представители «левых» — Хуа Гофэн и присоединившийся к нему Ван Дунсин, сыгравший немаловажную роль в устранении «четверки», но не собиравшийся порывать с основополагающими положениями маоизма. Он расценил эту публикацию, как атаку против самого Мао, дал распоряжение блокировать дальнейшее появление публикаций на эту тему, а инициаторы кампании в страхе ожидали неизбежных репрессий. В сложившейся ситуации Дэн Сяопин и ряд других видных руководителей КПК, поддерживавших его, приняли решение открыто выступить на стороне тех, кто требовал реформ. К этому времени относится широкое распространение в китайской печати цитаты, авторство которой принадлежало Дэн Сяопину и которая впоследствии превратилась в политическую метафору, определившую характер и направленность реформ в КНР: «Не важно, какого цвета кошка, черная или белая, лишь бы она хорошо ловила мышей», — любил повторять Дэн Сяопин, используя поговорку, широко распространенную среди китайского крестьянства.

Смысл идеи, содержащейся в публикациях, подчеркивавших значение практики, был очевиден: условием реформирования китайского общества является раскрепощение сознания. В свою очередь освобождение сознания от пут догматизма является условием выработки такой программы экономического развития, которая сможет обеспечить подъем Китая из руин, в которые его повергла «культурная революция», что в итоге поможет вернуть страну на путь модернизации. Сторонники Дэн Сяопина летом—осенью 1978 г. развернули в печати широкую кампанию под лозунгом «Практика — единственный критерий истины», которая направлялась руководством Центральной партийной школы и в ходе которой в поддержку лозунга, брошенного Дэном, в центральной и местной печати были опубликованы сотни статей. Определенно это был вызов, брошенный «прагматиками» «левым», который свидетельствовал о том, что они готовы перейти от борьбы за реабилитацию репрессированных старых кадров к широкому наступлению на основополагающие положения маоизма. Таким образом, итогом идеологического противостояния на протяжении 1978 г. стало осознание обеими сторонами того фак-

та, что политическая борьба далеко не завершена, а судьба реформ будет зависеть от ее исхода.

В столь сложной обстановке осуществлялась подготовка и проведение III пленума ЦК КПК II созыва (декабрь 1978 г.). Ко времени начала его работы чистка партийного и государственного аппарата достигла уездного уровня. Она проходила под лозунгом очищения партии от сторонников «четверки», однако на самом деле носила более широкий характер и была направлена против выдвиженцев «культурной революции» в целом, в особенности тех из них, кто принадлежал к числу наиболее последовательных сторонников Хуа Гофэна. Те же, кто поддерживал Дэн Сяопина, распространяли дацзыбао с критикой Хуа Гофэна, причем особенно широкая кампания дацзыбао была развернута весной накануне очередной годовщины событий на Тяньаньмэнь. К осени 1978 г. стало очевидно, что региональное партийное руководство, преодолевая понятные опасения, все более склоняется к тому, чтобы оказать поддержку оппозиции политическому курсу, на продолжении которого настаивал Хуа Гофэн.

Накануне III пленума было созвано рабочее совещание ЦК, в котором приняли участие сотрудники центрального партийного аппарата, а также ответственные работники провинциальных парткомов и партийных комитетов больших военных округов. На совещании оппозиционеры открыто потребовали поставить на обсуждение ряд вопросов отдаленной и недавней истории КПК, намереваясь добиться пересмотра существующих оценок, включая и отношение к событиям на площади Тяньаньмэнь. Несмотря на сопротивление «левых», реформаторам удалось добиться поставленных ими целей. В решении, принятом на совещании, говорилось о необходимости переоценки целого ряда эпизодов из истории КПК, в ходе которых репрессиям были подвергнуты политические соперники Мао Цзэдуна, говорилось и о необходимости их реабилитации.

Эта победа реформаторов было закреплена на III пленуме ЦК, которому было суждено сыграть роль поворотного момента в новейшей истории Компартии Китая. После завершения работы пленума было опубликовано всего лишь коммюнике, однако вопросы, затронутые в этом документе, были важны с точки зрения подведения черты под предшествующим периодом в истории КПК. На пленуме было постановлено прекратить массовые политические кампании, что являлось явным отходом от теории и практики маоизма, и перенести центр тяжести на экономическое строительство. В качестве цели экономической политики впервые за десятилетия было названо повышение реального материального уровня жизни народа. Высокую оценку получила по-

литическая деятельность Дэн Сяопина, а апрельские события, из-за которых он был лишен всех постов и отправлен в изгнание, были названы «великим революционным массовым движением». Несмотря на то, что участники пленума не решились осудить «культурную революцию», были приняты решения о реабилитации тех руководителей КПК, кто пал ее жертвой; чрезвычайно важным шагом стала реабилитация Пэн Дэхуая. В высшие органы партии были введены такие последовательные сторонники реформаторов, как Ху Яобан и Чэнь Юнь. Было постановлено провести реорганизацию воинской части 8341, являвшейся оплотом Ван Дунсина, продолжавшего оказывать сопротивление «прагматикам», и переподчинить ее тем, на кого могли положиться Дэн и его соратники.

Проблемы, связанные с реформой экономики, в ходе работы пленума были затронуты лишь отчасти. Главное состояло в том, что под сомнение было поставлено значение опыта Дачжая, что означало отход от теории и практики, ориентированной на утверждение в качестве основы социальных отношений в КНР организаций, подобных народным коммунаам. В реальности это означало, что местное руководство получало санкцию на использование таких форм социальной жизни в деревне, которые соответствовали стремлениям самого крестьянства. Наряду с этим критике была подвергнута политика, направленная на организацию нового «большого скачка», автором которой был Хуа Гофэн, что нанесло еще больший урон его престижу. Значение III пленума далеко выходит за рамки тех вопросов, которые были затронуты в его коммюнике; результаты его работы свидетельствовали о том, что сопротивление «левых», которые были вынуждены уступить давлению реформаторов по всем наиболее важным вопросам, в основном подавлено, а путь для выработки стратегии реформ открыт.

Определенный шаг в этом направлении был совершен в ходе работы очередной сессии ВСНП, проходившей в июне—июле 1979 г. Основываясь на решениях III пленума о перенесении центра работы партии в сферу экономики, на сессии было постановлено перейти к политике «урегулирования» народного хозяйства. Этот подход свидетельствовал о новом определении экономических приоритетов, что означало внесение изменений в инвестиционную политику. Было намечено осуществить сокращение капиталовложений в тяжелую промышленность и за счет этого добиваться ускоренного развития сельского хозяйства и легкой промышленности, прежде всего текстильной. Военная промышленность, капиталовложения в которую были также сокращены, в большей мере ориентировалась на выпуск товаров народ-

ного потребления в рамках конверсионных программ: велосипедов, часов, холодильников, телевизоров, стиральных машин. Сельское хозяйство, ставшее приоритетной сферой, получило серьезный стимул для дальнейшего развития в результате повышения закупочных цен; промышленность была во многом переориентирована на наращивание производства сельскохозяйственного инвентаря, оборудования для создания ирригационных систем, химических удобрений и т.п.

В течение двух-трех лет эта переориентация государственной экономической политики самым серьезным образом изменила ситуацию на рынке потребительских товаров. Произошло сокращение товарного дефицита и, как следствие, начался процесс оздоровления денежного обращения. Возросла доля фонда потребления в народном хозяйстве, начался рост жизненного уровня народа, в том числе и в деревне. Изменения к лучшему условий повседневной жизни означали появление надежды на то, что новое руководство, исходящее из стремления реально помочь собственному народу, сможет вывести страну из кризиса, в который ее завела политика «левого» экспериментирования. Это не могло не привести к росту поддержки реформаторов, которым продолжали противостоять ослабленные, но упорствующие в своей приверженности маоистской идеологии, приверженцы «ультралевой» идеи.

Вскоре на IV пленуме ЦК КПК (сентябрь 1979 г.) сторонникам Дэн Сяопина удалось добиться принятия решений, которые означали бескомпромиссное осуждение «культурной революции». В докладе, который сделал заместитель ЦК КПК, председатель Постоянного комитета ВСНП Е Цзяньин, «культурная революция» была охарактеризована как «чудовищное бедствие», которое привело к насаждению «диктатуры фашизма с примесью феодализма». Естественно, что такая бескомпромиссная и жесткая оценка «десятилетней смуты» заставляла руководителей КПК подойти более критически и ко всей маоистской концепции социалистического переустройства Китая, что в дальнейшем во многом способствовало выработке новой реалистической стратегии развития Китая. В дальнейшем подобные определения в официальных документах более не воспроизводились, однако это означало, что руководство КПК нашло в себе силы отмежеваться от своего печального прошлого, связанного с «десятилетней смутой».

На V пленуме ЦК (январь—февраль 1980 г.) последовали дальнейшие кадровые изменения, говорившие о том, что период пребывания сторонников «левых» в руководящих органах КПК и КНР подходит к концу. На пленуме был воссоздан секретариат ЦК и пост генерального секретаря (который когда-то занимал сам

Дэн Сяопин). На пост генсека был избран сторонник Дэна, один из организаторов кампании в поддержку принципа «практика — единственный критерий истины» — Ху Яобан. Вслед за этим были предприняты действия, целью которых было лишить Хуа Гофэна поста премьера Госсовста. Дэн Сяопин избрал следующую тактику: он предложил осуществить разделение партийных и государственных постов и заявил о том, что сам готов показать пример и покинуть пост заместителя премьера Госсовета КНР. Примеру Дэна последовали другие представители «старой гвардии» и в этой ситуации Хуа Гофэну не оставалось ничего иного, как добровольно сложить с себя обязанности премьера. Этот пост получил другой реформаторски мыслящий руководитель КПК Чжао Цзыян, известный смелыми реформами, которые осуществлялись в провинции Сычуань в середине 70-х гг., в бытность его партийным секретарем провинции. После того как эти решения были приняты в августе 1979 г. на заседании Политбюро ЦК, они были подтверждены в ходе работы очередной сессии ВСНП.

Последним актом во внутрипартийной борьбе, развернувшейся после смерти Мао Цзэдуна, было лишение Хуа Гофэна поста председателя ЦК КПК. На протяжении 1980—1981 гг. он подвергался критике со стороны «прагматиков» за ту роль, которую он сыграл в апрельских событиях 1976 г., а также за провалы в экономической политике. Окончательный удар по нему был нанесен на VI пленуме ЦК (июнь 1981 г.), во время которого он был вынужден покинуть пост председателя ЦК, на который был избран Ху Яобан, некоторое время совмещавший обязанности председателя и генерального секретаря. Впоследствии же пост председателя был упразднен. Победа реформаторов была закреплена на XII съезде партии (сентябрь 1982 г.), когда Хуа Гофэну был оставлен лишь ранг рядового члена ЦК КПК.

Триумф «прагматиков» получил окончательное закрепление в ходе судебного процесса над членами «банды четырех», который продолжался в течение нескольких месяцев осенью 1980 — зимой 1981 г. Процесс, освещавшийся в средствах массовой информации КНР, в сущности означал, что не только «четверка», но и сама «культурная революция» оказались на скамье подсудимых. Это создавало некоторые гарантии от возвращения к трагическому прошлому. Среди 10 обвиняемых на скамье подсудимых оказалось 9 человек, в прошлом членов Политбюро. Руководители «четверки» Цзин Цин и Чжан Чуньцзяо, стремившиеся сложить с себя личную ответственность и не без оснований утверждавшие, что они являлись лишь исполнителями воли Мао Цзэдуна, были приговорены к смертной казни, замененной впо-

следствии пожизненным тюремным заключением. Значение процесса над «четверкой» трудно переоценить — за этим стояло не только желание поквитаться со своими гонителями, но и стремление подчеркнуть, что в прошлое ушла целая историческая эпоха, время тотального террора и запугиваний. За этим, очевидно, крылось также понимание того, что «раскрепощение сознания» в атмосфере всеобщего страха, так успешно насаждавшегося в годы террора, вряд ли было достижимо.

Разоблачения, сделанные в ходе самого процесса и ставшие достоянием общественности, требовали внесения ясности в вопрос о степени личной ответственности Мао Цзэдуна за преступления, совершенные на протяжении последних десятилетий истории КНР. Легитимация нового политического режима была связана, таким образом, с выдвижением обновленной версии истории КПК. Эти вопросы находились в центре внимания в «Решении по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР» (принято на VI пленуме ЦК в 1981 г.). В этом документе, носившем противоречивый характер, Мао Цзэдун был аттестован как выдающийся политический деятель в истории Китая, под чьим руководством КПК добилась власти в 1949 г. Наряду с этим было признано, что, начиная со времени «культурной революции», им были совершены «тяжелые ошибки», повлекшие за собой жесточайшие репрессии, сопровождавшиеся преступлениями. Эти весьма серьезные обвинения, по мысли авторов этого документа, не должны были изменить главное в оценке той роли, которую Мао сыграл в ходе китайской революции: «...его заслуги занимают главное, а ошибки второстепенное место», — говорилось в «Решении...».

Отмеченные глубокие перемены, происшедшие в КНР после смерти Мао Цзэдуна, свидетельствовали о том, что процесс де-маоизации политической жизни, несмотря на упорное сопротивление сторонников прошлого, развивался весьма успешно, в стране произошли глубокие политические перемены. Главная из них — приход к руководству КПК известных партийных деятелей старшего поколения, в разное время и по разным поводам раскритикованных и репрессированных Мао Цзэдуном. А репрессировано Мао Цзэдуном в той или иной мере было большинство кадровых работников государственного и партийного аппарата (к концу 1982 г. было реабилитировано почти 3 млн. *ганьбу*). Теперь они вернулись к руководящей работе, но при этом их взгляды на развитие Китая все больше расходились с идеями Мао Цзэдуна. (В этом смысле Мао Цзэдун их репрессировал не случайно!) Главное в этих расхождениях — нежелание пытаться реализовать маоистские «коллективистские» и «антирыночные»

социальные утопии, стремление прагматически подойти к решению задачи превращения КНР в богатую и мощную державу. По сути дела, это было тяжелейшее идейное и политическое поражение маоистской КПК, завершение межфракционной борьбы и победа сторонников Дэн Сяопина. Эта обновленная политическая структура пришла к руководству после сложной межфракционной борьбы, позволившей устранить от власти наиболее фанатичных последователей Мао Цзэдуна. В ходе этой борьбы происходили большие идейно-политические перемены. Сохраняя словесную и ритуальную верность «идеям Мао Цзэдуна», новое руководство пошло по пути все большей дсидеологизации своей политики, выдвигая на первый план патриотические идеи строительства богатого и могучего Китая. Все эти глубокие политические перемены создали предпосылки для проведения новой экономической политики, для реализации курса модернизации Китая.

Неотъемлемой частью новой стратегии была идея «открытости» Китая для окружающего мира, причем речь шла не только о развитии международных экономических отношений, но и о культурных, научных связях, об открытости границ для зарубежных бизнесменов и журналистов, о возможности для гражданина КНР увидеть большой мир своими глазами. «Нынешний мир -- мир открытых отношений, — говорил позднее Дэн Сяопин. — Китай в прошлом был отсталым именно из-за своей замкнутости. После образования КНР нас блокировали, но мы и сами держались замкнуто... Опыт, накопленный за тридцать с лишним лет, свидетельствует о том, что вести строительство при закрытых дверях нельзя — не добьешься развития». Наряду с развивающимися рыночными отношениями «открытость» страны стала важнейшей составляющей новой экономической и шире — социальной политики нового руководства. Понимание прочной связи перспектив модернизации Китая с его открытием для внешнего мира, включением в глобальные процессы материального и духовного развития всего мира — неоспоримая заслуга нового руководства, пришедшего к власти, прежде всего Дэн Сяопина, сумевшего найти в себе силы выступить против одной из самых стойких традиций, определявших китайскую культуру.

«Открытие» Китая, включение его в мировое хозяйство позволили резко увеличить масштабы внешней торговли. Успешно реализуя задачи импортозамещения, КНР резко увеличила объем экспорта, заняв благодаря дешевизне своих товаров важные позиции на рынках Юго-Восточной Азии, Европы и особенно США. Внешнеторговая экспансия стала мощным локомотивом промыш-

ленного роста всех секторов народного хозяйства Китая. Одновременно шел быстрый рост импорта передовой технологии.

«Открытие» Китая постепенно привело к превращению китайского рынка в привлекательную сферу для зарубежных инвесторов, особенно для *хуацяо*. Вместе с тем одновременно шел процесс вестернизации, особенно быстро сказавшийся на городском быте, на развитии духовной культуры, на стереотипах молодежного поведения. Эти процессы не могут быть оценены однозначно, ибо их воздействие было противоречивым. Во всяком случае эти процессы способствовали размыванию тоталитарной маоистской идеологии.

Особенно важным последствием «открытия» Китая стала возможность широкой подготовки кадров в учебных заведениях наиболее передовых стран. К концу 90-х годов в США, Японии и Западной Европе уже обучалось несколько сот тысяч (!) китайских студентов. К началу нового века на родину вернулись многие тысячи молодых специалистов. Эти молодые вестернизированные специалисты начинают играть все более заметную роль в экономической, культурной и политической жизни страны, придавая строительству «социализма с китайской спецификой» все более технократический характер.

Наряду с развитием рыночных отношений и «открытием» страны «новая» КПК видела свое предназначение, по сути дела, в достижении тех идеальных целей, которые были сформулированы еще основателями китайского национально-освободительного движения — создание развитого, независимого, единого, великого Китая. И в решении этой задачи последователи Дэн Сяопина были готовы идти далеко, не связывая себя догматическими ограничениями прошлого.

Однако, если во внутренней политике новое руководство сумело начать отход от маоистской версии строительства социализма, во внешнеполитическом курсе сдвиги по сравнению с прошлым были не столь заметны. Новое руководство продолжало рассматривать СССР как своего главного противника на международной арене и видело залог будущего обновления Китая в развитии сотрудничества с США на антисоветской основе. Улучшение отношений с Америкой происходило быстрыми темпами и привело к восстановлению в 1978 г. дипломатических связей. В ходе визита в США, совершенного в начале 1979 г. Дэн Сяопином, было подписано коммюнике, в котором стороны провозгласили совместную оппозицию «гегемонизму третьих стран», под которыми в первую очередь имелся в виду СССР. Впрочем, в продолжавшей господствовать в 70-е гг. обстановке «холодной войны», в условиях начавшегося вторжения СССР в Афганистан,

которое рассматривалось КНР и как потенциальная угроза безопасности Китая, вряд ли можно было ожидать кардинальной смены внешнеполитической парадигмы, которой руководствовались лидеры Китая.

После завершения вьетнамской войны и объединения страны произошло серьезное обострение китайско-вьетнамских отношений. Одним из источников этих противоречий была ситуация в Камбодже, где под руководством Пол Пота, объявившего о принятии маоистской концепции социализма, был установлен один из наиболее террористических режимов, известных истории. Парадокс состоял в том, что новые руководители Китая, весьма быстро осуществлявшие отход от маоистских принципов внутри страны, в силу геополитических соображений, а также стремясь закрепить в Индокитае после ослабления влияния на объединенный Вьетнам, продолжали оказывать поддержку правительству Пол Пота. Именно борьба за влияние в Камбодже и стала основной причиной вооруженного конфликта между КНР и СРВ в феврале—марте 1979 г. Вторжение китайских войск было ответом на поддержку, которую Вьетнам оказывал антиполпотовским силам, которым в начале 1979 г. удалось прийти к власти. В ходе двухмесячной войны с Вьетнамом китайские войска с переменным успехом вели военные действия на территории Северного Вьетнама, но продвинуться в глубь страны им так и не удалось. Фактически эта военная акция закончилась поражением, когда Китай был вынужден отвести свои вооруженные силы с территории Вьетнама, так и не добившись целей, поставленных перед этой военной операцией. Неудача этой акции ускорила пересмотр в КНР не только принципов внешней политики, но и продемонстрировала, что стране срочно необходима модернизация, основанная на новых принципах. Становилось все яснее, что без обновления всей общественной жизни и на внешнеполитической арене Китай будет преследовать неудачи.

2. «РЫНОЧНЫЙ СОЦИАЛИЗМ» И ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ КНР

Подвергнув критике утолические идеи, пропагандировавшие Мао Цзэдуном и его сторонниками, новое руководство КПК пока что не имело собственной, сколько-нибудь четкой программы осуществления преобразований. Первоначально принятые меры являлись, в сущности, отходом в рамках «урегулирования» к тем принципам, которые главенствовали до начала экспериментирования с немедленным переходом к посткапиталистическому

обществу в Китае. Это означало возвращение в значительной мере к советской модели, однако к 80-м гг. становилось все более и более очевидно, что эта модель сама нуждается в серьезных коррективах, если не в замене.

Ответ первоначально был найден не в теоретических спорах, его подсказала сама реальная жизнь. Осенью 1978 г. крестьяне народной коммуны в уезде Фэнъян (провинция Аньхуэй), доведенные до отчаяния угрозой голодной смерти, приняли решение о разделе земли по дворам. Крестьяне не требовали изменения форм собственности, их цель состояла лишь в том, чтобы изменить характер землепользования, оставаясь при этом арендаторами земли, продолжавшей принадлежать государству. Так были сделаны первые шаги по введению системы подворного подряда, которая вскоре изменила не только облик китайской деревни, но и всего китайского общества.

Крестьянское движение первоначально не было поддержано в центре. Реформаторы, включая самого Дэн Сяопина, во многом находились под влиянием традиционных представлений о том, каков должен быть социализм, и всякое отступление от этих принципов воспринимали как покушение на его устои. В январе 1979 г. ЦК КПК, рассматривая вопросы развития деревни, с одобрением отозвался о мерах, направленных на восстановление приусадебных участков, подсобных промыслов, местных рынков, но при этом подчеркивалась необходимость сохранения производственных бригад и коллективных форм труда. Однако реальные результаты аньхуэйского эксперимента, приведшие к быстрому росту производства и ликвидации угрозы голода, заставили местное руководство, а затем и партийных руководителей в центре по-другому взглянуть на ситуацию. Летом 1979 г. секретарь парткома провинции Аньхуэй Вань Ли посетил деревню, где хозяйствовало смельчаки, не побоявшиеся гнева начальства, и остался доволен результатами эксперимента. Одной из первых провинций, где при поддержке местного руководства использовали опыт аньхуэйского эксперимента, стала Сычуань, а затем он стихийно распространился и на другие регионы страны. После этого и руководство в Пекине, осознав преимущества новых форм хозяйствования, приняло решение об использовании новой системы и в прочих провинциях Китая. Эта политика была встречена крестьянством с энтузиазмом и явилась первым шагом в утверждении принципов «социализма с китайской спецификой».

Эти события при всей кажущейся будничности носили эпохальный характер. Крестьянский прорыв показал эффективность частных форм производства, важность частной инициативы, ог-

ромное значение рыночных отношений для стимулирования производства. Произошел подлинный переворот в сознании руководства КПК, который был облегчен тем, что во многом инициатива аньхуэйских и сычуаньских смельчаков была своеобразным возвращением к методам восстановления и организации сельского хозяйства, использовавшимися Лю Шаоци и его сторонниками при ликвидации последствий «большого скачка» и сплошной «коммунизации» в начале 60-х гг. Для Дэн Сяопина и его соратников, еще недавно критикуемых и репрессированных как «каплутисты», это было и напоминанием об их борьбе в начале 50-х гг. за сохранение и развитие рыночных отношений, показавших свою социально-экономическую эффективность при восстановлении послевоенного народного хозяйства.

Однако эти экономические реминисценции не могут затемнить факта принципиальной новизны ситуации. Теперь речь шла уже не только о методах восстановления хозяйства, но и о глубоких идеологических переменах, которые должны были коренным образом изменить взгляды руководства КПК на характер социально-экономического развития Китая. Стихийно найденная эффективная форма спасения сельского хозяйства подталкивала руководство КПК к поиску новых путей развития всех отраслей хозяйства в рамках естественного, рыночного, основанного на личной инициативе подхода. Этот поворот не мог быть быстрым, он занял все 80-е гг. Новая стратегия вырабатывалась болезненным методом проб и ошибок. Как говорят в Китае, «переходя реку, ногами ощущаем камни». Постепенность разработки программы реформ стала возможной не в последнюю очередь еще и потому, что острота экономического кризиса, возникшего в результате «культурной революции», была существенно ослаблена успешной политикой «урегулирования». Поэтому перемена экономической стратегии нарастала постепенно, проходя через экономические эксперименты, через критическое осмысление накопленного в Китае и за рубежом опыта реформирования экономики. Такая медлительность и постепенность в повороте почти на 180° экономической политики огромной страны существенно снижала социальные издержки перехода к новой экономической стратегии.

Вместе с тем этот хозяйственно-экономический поиск неизбежно сопровождался напряженными идейно-теоретическими спорами. Наибольшее значение имели результаты дискуссии о том, насколько далеко позволительно отойти не только от принципов, оставленных в наследство Мао Цзэдуном, но и от тех положений, которые считались незыблемыми основами марксизма-ленинизма.

В развернувшейся полемике неизбежным было и размежевание в среде до этого по видимости монолитной группы реформаторов. Отрицание крайностей маоизма было предпосылкой их единения в борьбе против «левых», после же перехода к политике реформ уже в их среде происходит размежевание на радикальную, умеренную и консервативную фракции. Мерилом радикализма становится отношение к идеям рыночной экономики и демократизации политической системы, а также вопрос о темпах экономических и политических преобразований.

В ходе развернувшихся дискуссий высказывались различные точки зрения на характер того общества, которое сложилось в КНР к периоду 80-х гг., и на социализм вообще. По мнению некоторых участников полемики, Китаю уже удалось добиться существенных достижений на пути строительства социализма, и эти успехи были бы неизмеримо значительнее, если бы не тяжкие ошибки, совершенные Мао Цзэдуном. Исправив эти ошибки, Китай сможет вернуться на верный путь построения социализма и использовать все преимущества этой общественной системы. По существу, это была консервативная интерпретация политики реформ, сторонники которой призывали с коррективами возвратиться к той модели социализма, которая утвердилась в СССР и европейских социалистических странах. Другие участники дискуссии, соглашаясь в принципе с тем, что социализм обеспечивает бесспорные преимущества по сравнению с капитализмом, указывали и на недостатки, свойственные «реальному» социализму, и, таким образом, призывали к поиску путей его совершенствования. Наконец, сторонники третьего подхода, представлявшие лагерь реформаторов-радикалов, подчеркивали, что такие принципы, как господство планового начала, несовместимого с институтами рыночной экономики, а также монополия на власть, характерная для однопартийной системы, сковывают общество и мешают ему успешно двигаться по пути прогресса. Следует отметить, что вне зависимости от степени радикализма высказывавшихся взглядов, их авторы в основном подчеркивали свою приверженность социалистической идее, хотя критика радикалов подрывала традиционные представления о социалистическом обществе.

В этой ситуации руководству партии предстояло найти идеологическое оправдание политике углубления процесса реформирования китайского общества, совместив существующие марксистские представления о характере социализма с явным отходом от этих принципов. Идеологически эта дилемма была разрешена в рамках концепции «начального этапа социализма», которую

также описывали при помощи формулы «социализм с китайской спецификой».

Впервые тезис о том, что социалистический строй в КНР находится на начальном этапе развития, был включен в партийные документы на VI пленуме ЦК КПК одиннадцатого созыва (1981 г.), а затем повторен в докладе генерального секретаря Ху Яобана на XII съезде КПК в 1982 г. В развернутом же виде теория начального этапа социализма в КНР была аргументирована на XIII съезде партии (октябрь 1987 г.) в докладе Чжао Цзыяна, сменившего к этому времени на посту генерального секретаря Ху Яобана. Эту концепцию не без оснований связывали в первую очередь с теоретическими исканиями Дэн Сяопина и оценивали в партийных документах как крупнейший вклад в марксистско-ленинскую теорию построения социализма, хотя теоретический вклад Дэна состоял лишь в том, что он признал всем очевидное обстоятельство, а именно то, что Китай продолжает оставаться слаборазвитым обществом, которому потребуются длительный исторический период для того, чтобы создать необходимые предпосылки для перехода к посткапиталистическим общественным отношениям. Однако логическим следствием этого нового подхода была констатация того, что, поскольку КНР находится на стадии перехода к развитым социалистическим отношениям, допустимо использование форм социальных связей, которые в рамках традиционного подхода объединяли с капитализмом. В докладе Чжао Цзыяна XIII съезду было специально подчеркнуто, что будущее Китая связано с социализмом, т.е. с государственной формой собственности как ведущей, но для того, чтобы он мог достичь состояния зрелости, необходимо использовать различные формы экономических и социальных отношений, которые способны обеспечить рост производства и модернизацию страны. Таким образом, было найдено теоретическое обоснование, которое сделало легитимным отход от тех положений марксизма-ленинизма, которые считались незыблемыми, одновременно сохраняя связь с привычной революционной риторикой. Как показало дальнейшее развитие событий, это позволило избежать острого идеологического и эмоционального кризиса в обществе, что вряд ли удалось, если бы руководство страны открыто выступило с призывом отказаться от социалистической перспективы, к чему оно, собственно говоря, и не стремилось.

Итак, 80-е гг. стали для Китая временем действительно глубочайших идеологических и политических перемен, приведших к эволюции мировоззрения господствующей политической элиты, что в свою очередь позволило добиться уникальных с точки

зрения исторического прошлого страны социально-экономических изменений. Как отмечалось выше, этот процесс был начат изменениями в аграрной политике КПК, что стало предпосылкой для смены всей социально-экономической стратегии партии. Успех преобразований в деревне не только явился стимулом для реформ в других отраслях народного хозяйства, но и заложил продовольственные, финансовые, социальные основы для углубления реформаторской политики.

Новая организация общественных отношений на селе была создана не сразу и в течение 1979—1982 гг. прошла стадию экспериментирования в рамках «системы производственной ответственности». К 1982 г. этот этап в основном завершился принятием модели, которая получила название «доведение производственных заданий до отдельного двора». Ее суть состояла в том, что в результате раздела земель, прежде находившихся под прямым хозяйственным контролем народных коммун, крестьяне получили на правах личного пользования участки земли, в ряде случаев принадлежавшие им до коллективизации. После получения земельного участка крестьянский двор заключал договор с руководством производственной бригады, представлявшей в данном случае интересы государства, которое продолжало оставаться верховным собственником земли. Контракт не ограничивал крестьян в области хозяйственного использования земли, одновременно оговаривая величину сельскохозяйственного налога, который следовало уплатить государству и обязательную продажу государственным органам части урожая. Все излишки оставались в распоряжении крестьянского двора и могли использоваться в соответствии с желаниями самого крестьянина и в зависимости от рыночной конъюнктуры. Значительное повышение закупочных цен, которые были тем выше, чем больше сверхплановой продукции сдавалось государству, также стимулировали земледельца увеличивать сельскохозяйственное производство.

В начальный период земельной реформы срок контракта был непродолжительным, однако по мере реформирования производственных отношений пришло понимание того, что это обстоятельство ограничивает инициативу крестьянства, его стремление более продуктивно и бережно использовать пахотные земли. В результате были приняты решения, по сути дела, разрешавшие переход земли в наследственное владение, за которыми последовали меры, снимавшие прежние ограничения на наем батраков и владение современной сельскохозяйственной техникой. Проведенные реформы создали основы для формирования системы фермерского хозяйства, ориентированного на рынок, но ведуще-

гося на арендованной у государства земле. Результаты этих радикальных с точки зрения традиционных представлений о социализме мер не замедлили сказаться — начался рост урожайности и эффективности сельскохозяйственного производства и уже к середине 80-х гг. урожай превысил 400 млн т, что было заветной, но недостижимой ранее целью. Эти беспрецедентные изменения сопровождались и ростом доходов крестьян: через пять лет после начала аграрных преобразований они выросли примерно в три раза.

Разрешение на продажу излишков сельхозпродукции на свободном рынке, данное государством, в качестве своего естественного продолжения имело смягчение государственного контроля над частным производством и в городе. Наряду с государственным сектором в городской экономике, прежде всего в торговле, в сфере обслуживания, а затем и в области мелкого и среднего промышленного предпринимательства стали складываться основы «негосударственных» экономических отношений. Ко второй половине 80-х гг. этот процесс привел к тому, что вне сферы непосредственного государственного контроля и управления в промышленности трудилось около половины всей рабочей силы, при этом одна четверть была занята на предприятиях, принадлежавших частному сектору. Эти изменения сопровождались ростом доходов горожан и созданием новых рабочих мест. Через десять лет после перехода к строительству «социализма с китайской спецификой» доходы горожан в среднем увеличились более чем в два раза, а всего в промышленности было создано более 70 млн мест. Этот процесс происходил в условиях исторически беспрецедентных темпов роста экономики КНР — ежегодный прирост только промышленного производства на протяжении 80-х гг. составил более 10%.

Главной особенностью этого без преувеличения экономического бума было то, что он сопровождался стремлением соединить его с рывком в области использования современных технологий, что должно было явиться важнейшей предпосылкой модернизации всей китайской экономики. В этом смысле большое значение придавалось привлечению иностранных инвестиций для создания рабочих мест в наиболее современных отраслях промышленного производства. Для того чтобы облегчить и стимулировать этот процесс, руководство КНР пошло по пути образования «специальных экономических зон», ставших, по сути дела, «островками» капитализма в китайской экономике, где продолжали преобладать социалистические методы экономического управления. Наиболее крупной и известной «специальной экономической зоной» стал район Шэньчжэнь, расположенный на гра-

нице с английской колонией Гонконг. На основе современных зарубежных технологий, с использованием иностранного капитала, прежде всего средств зарубежных китайцев — *хуацяо*, здесь строились современные предприятия первоначально легкой промышленности, затем электроники. Их продукция предназначалась преимущественно для экспорта, однако они все более и более становились важным резервом пополнения внутреннего рынка КНР. Иностранные предприниматели, вкладывая деньги в экономику Китая, руководствовались, разумеется, не только патристическими чувствами; их прежде всего привлекала низкая стоимость рабочей силы, а также льготный налоговый режим, установленный в «специальных экономических зонах». Встав на путь открытия «специальных экономических зон», руководство КНР рассчитывало не только обеспечить пополнение валютных запасов страны, но и превратить эту «очаговую» индустриализацию в исходный пункт модернизации всей экономической структуры страны.

С наибольшим трудом поддавался реформированию государственный сектор экономики. Проблема заключалась не только в существовании неких идеологических ограничителей, заложенных в концепции «начального периода социализма» (государству следовало заботиться о сохранении «командных высот» в экономике), но и в реальных социальных последствиях реформирования системы госпредприятий. Рабочие, занятые на них, обладали определенными социальными привилегиями и продолжали оставаться социальной опорой КПК. Ее утрата в случае радикальных преобразований форм собственности на госпредприятиях могла привести к ослаблению политического влияния компартии. Кроме этого, такие реформы неизбежно должны были повлечь за собой безработицу и рост социальной напряженности в обществе.

После нескольких лет экономических экспериментов, целью которых было определить границы экономической самостоятельности предприятий государственного сектора, на очередном пленуме ЦК в октябре 1984 г. было принято решение перейти от экспериментов к широким преобразованиям государственной сферы городской промышленности. Суть реформы состояла в сокращении непосредственного государственного управления предприятиями и, как следствие этого, предусматривала постепенный отход от привычной системы директивного планирования. В результате предполагалось создать экономическую структуру, являющуюся во многом аналогом новой организации в деревне: при сохранении верховной государственной собственности предприятия получали права максимально широкой самостоятельности в

рамках хозрасчета. При сохранении неприкосновенности основных фондов руководство предприятия могло использовать их с целью достижения наибольшей эффективности производства, самостоятельно определяя число занятых, оплату труда и материального стимулирования, включая и установление цен на производимую продукцию. Все эти нововведения с неизбежностью вели к перераспределению управленческих функций — они все более переходили из рук партийных секретарей к слою технократов, для которых главной целью становилась экономическая эффективность. Наряду с этим были предприняты первые шаги по акционированию госпредприятий.

Проведение в жизнь этих преобразований, несмотря на противоречия, которые они повлекли за собой, привело к весьма существенным достижениям, сказавшимся на общеэкономических показателях. За период 80-х гг. среднедушевой доход в Китае вырос в два раза, что свидетельствовало о том, что страна начала выходить из отсталости. Хотя КНР и продолжала оставаться в числе наиболее бедных стран мира, однако огромные абсолютные масштабы ее экономики позволили Китаю в первой половине 90-х гг. выйти на первое место в мире по производству зерна, хлопка, мяса, цемента, телевизоров, добыче угля.

Серьезные сдвиги, достигнутые в проведении социально-экономических реформ: деколлективизация сельского хозяйства, развитие рыночных отношений в городе, формирование на этой основе влиятельного частнохозяйственного сектора в экономике — привели к изменению самих основ современного китайского общества. Эти перемены имели своим следствием то, что оно перестало быть в полном смысле тоталитарным, поскольку государство, разжав свои «железные объятия» отпустило в значительной степени на свободу экономическую жизнь. Данное обстоятельство привнесло к тому, что возникло противоречие между формирующимися ростками гражданского общества и политической системой, которая не претерпела существенных изменений по сравнению с эпохой тоталитаризма. КПК продолжала оставаться не только «руководящей и направляющей силой», но и по существу единственной политической партией; все политические структуры, как и прежде, были пронизаны системой партийных комитетов, являвшихся истинной основой политического механизма; отсутствовали политические свободы, степень которых зависела от меняющейся расстановки политических сил в руководстве КПК. Иначе говоря, возник очевидный разрыв между экономическими и политическими реформами, что влекло за собой возникновение предпосылок для зарождения демократическо-

го движения, которое, будучи не поддержанным властями, постепенно делалось все более оппозиционным.

Предтечей демократического движения в современной КНР можно считать апрельские события 1976 г. на площади Тяньаньмэнь, хотя в тот период призывы к демократизации политической жизни явно не преобладали, а цели участников были скромнее: прекратить массовые репрессии, которые связывались не с сущностью политического строя социализма, а скорее с деятельностью «четверки». Первый этап собственно демократического движения может быть отнесен ко времени существования «стены демократии», которая, начиная с 1978 г., стала символом борьбы за демократизацию общественной и политической жизни в КНР. В дацзыбао, которые жители Пекина развешивали на одной из городских стен, они не только призывали разрешить наиболее неотложные экономические проблемы, но и требовали обеспечить права человека и провести демократизацию политической системы. В этот период руководство КПК не только не обрушилось с репрессиями на участников движения, но можно предполагать, что оно было отчасти инспирировано им. Дэн Сяопин и его сторонники, представлявшие лагерь «прагматиков», нуждались в массовой поддержке для борьбы со своими противниками из стана «левой» оппозиции. Однако очень скоро «стена демократии» стала символом стихийного протеста против тоталитарных общественных устоев.

В сложившейся ситуации будущее демократического движения зависело от воли руководства КПК и от позиции самого Дэна, который в этот период уже являлся наиболее авторитетным и влиятельным руководителем в партии и государстве. Первоначально Дэн Сяопин во время обсуждения вопроса о «стене демократии» высказывался против использования силовых методов для борьбы против инакомыслия. Однако впоследствии, опасаясь дальнейшей радикализации требований, направленных на демократическое переустройство общества, а также под давлением консервативной части группировки реформаторов весной 1979 г. он согласился санкционировать закрытие «стены демократии», за чем последовали аресты участников демократического движения. На политическом процессе, состоявшемся осенью 1979 г., они были осуждены на длительные сроки тюремного заключения, а в китайской печати была развернута очередная политическая кампания. Она проходила под лозунгом приверженности «четырем основополагающим принципам»: социалистическому пути, диктатуре пролетариата, руководящей роли КПК, марксизму-ленинизму и идеям Мао Цзэдуна. Происшедшее свидетельствовало о том, что новое руководство, призывая к раскре-

пощению сознания и глубоким экономическим реформам, в то же время полагало, что не демократические свободы, а авторитарная политическая власть, как и прежде остававшаяся в руках КПК, является истинным залогом успешной модернизации общества. Сам Дэн Сяопин отнюдь не скрывал этого, когда, выступая весной 1979 г. на научно-практической конференции, собравшей руководящие кадры со всей страны, утверждал, что «пустая болтовня об абстрактной демократии» с неизбежностью приведет к подрыву обстановки политической стабильности и к полному срыву дела осуществления модернизации Китая.

Следующим этапом в развитии демократического движения можно считать студенческие демонстрации, охватившие страну в самом конце 1986 г. и поддержанные населением ряда крупных городов Китая. Непосредственные причины, которые привели к возникновению этого массового движения, связаны с явлениями, которые можно считать издержками реформ: усиление инфляции, распространение безработицы, рост коррупции в среде партийно-государственного аппарата. Однако демонстрации конца 1986 г. ни в коем случае не были проявлением консервативной оппозиции, призывавшей к свертыванию реформ, напротив, их участники видели разрешение накопившихся проблем на пути развертывания политических реформ, т.е. демократизации общественной жизни.

Это стало очевидно уже после первых демонстраций, прошедших в провинции Аньхуэй в конце декабря 1986 г. под лозунгом «Без демократии — нет реформ!» Вскоре к движению присоединились студенчество и горожане таких крупных центров, как Ухань, Шанхай, «специальной экономической зоны» Шэньчжэнь. Нельзя утверждать, что призывы к прямой демократизации политической системы преобладали повсеместно, но очевидно, что именно эти настроения определяли направленность движения в целом. Демонстранты требовали покончить с бюрократией, коррупцией, призывали провести демократизацию процедуры выборов, расширить представительство интеллигенции и студенчества в органах власти. Демонстрации, первоначально носившие мирный характер, в ряде мест, прежде всего в Шанхае, переросли в схватки с полицией, что и было использовано властями для подавления демократического движения силой.

События, развернувшиеся в конце 1987 г., являлись отражением разногласий, существовавших в самом высшем руководстве КНР по вопросу о демократизации общественной жизни. Очевидно, что крыло «радикальных» реформаторов было представлено в это время генеральным секретарем Ху Яобаном, который, также

как и демонстранты, полагал, что экономические реформы неотделимы от преобразований политической системы КНР. Как и в период дискуссий о судьбе «стены демократии», окончательный приговор — быть или не быть политическим реформам — зависел от позиции Дэн Сяопина, который, как и несколько лет назад, в этом вопросе присоединился к группировке «консервативных» реформаторов. Ху Яобан был обвинен в покровительстве «буржуазной либерализации» и отправлен в отставку, а пост генерального секретаря перешел к Чжао Цзяну, который до этого руководил правительством КНР.

Проблемы стратегии реформирования китайского общества, включая и политические реформы, были в центре дискуссий на XIII съезде КПК, проходившем в сентябре 1987 г. (Выше уже отмечалось, что одним из главных результатов работы съезда стала развернутая трактовка понятия «начальный период социализма» в КНР. Она была дополнена концепцией «сяокан», выдвинутой Дэн Сяпином.) Понятие «сяокан», что можно перевести как «уровень среднезажиточной жизни», восходит к традиционным конфуцианским категориям, связанным со ступенями достижения идеального общественного устройства. Следует отметить также, что оно стало одним из ключевых положений, характеризовавших программу Чан Кайши, нацеленную на модернизацию Тайваня. Обращение к нему Дэн Сяопина свидетельствовало о стремлении соединить конфуцианскую традицию с решением проблем модернизации китайского общества и наполнить движение к современности не только ориентацией на решение практических задач, но и придать ему некий идеальный характер. В определенном смысле за этим также стояло стремление поставить традицию на службу модернизации, осуществив «реформацию» конфуцианства, чему не противоречило преобладание марксистской риторики в построениях Дэна. По мысли Дэн Сяопина, достижение уровня «сяокан» возможно к середине нынешнего века при сохранении темпов экономического развития, которые Китай неизменно демонстрировал после перехода к политике реформ. К этому времени КНР должна достичь уровня, на котором в конце XX в. находились среднеразвитые европейские страны, что будет свидетельствовать о решении в стране проблемы бедности.

В ходе работы XIII съезда было уделено внимание и вопросам осуществления политических преобразований, было признано, что экономическим реформам должно сопутствовать развитие «социалистической политической демократии». Было намечено прийти к осуществлению таких мер, как разграничение функций партийного и административно-хозяйственного аппа-

рата, совершенствование управленческого механизма с целью преодоления проявлений бюрократизма, а также реформировать систему партийной номенклатуры. В этот период в центре дискуссий находились такие вопросы, как некоторая либерализация механизмов формирования представительных органов власти, самовыдвижение кандидатов и выдвижение нескольких кандидатов на один пост.

Однако новая вспышка оппозиционного движения под лозунгами демократизации общественной жизни побудила руководство КПК отложить дальнейшее обсуждение этих проблем. Причины, вызвавшие движение протеста, центром которого на этот раз стал Пекин, были сходны с теми, которые побудили демонстрантов выйти на улицы китайских городов менее двух лет назад. Освобождение цен, вызвавшее инфляцию, последовавшее за этим удорожание продуктов питания, непреодоленные проблемы, связанные с коррупцией и nepotизмом партийного аппарата, — все это в очередной раз привело к росту народного недовольства. Как и ранее, во главе движения стало студенчество, которое требовало разрешать накопившиеся проблемы на путях реформы политической системы и демократизации общественной жизни.

Непосредственным толчком к началу движения стала смерть Ху Яобана, скончавшегося в апреле 1989 г. Имя опального генерального секретаря, отправленного в отставку за поддержку «буржуазной либерализации», ассоциировалось с неудавшимися попытками убедить руководство партии в необходимости не только экономических, но и глубоких политических реформ. Было известно, что незадолго до смерти он дважды обращался с письмами лично к Дэн Сяопину, стремясь убедить его в неотложности политических преобразований. Первое письмо было отправлено им на имя Дэна в октябре 1988 г. В нем Ху Яобан писал о том, что за время проведения реформ возникло острое противоречие между народом и партийной бюрократией, которая все более отдаляется от народных масс и стремится главным образом к удовлетворению собственных эгоистических целей. С его точки зрения, существовал единственный способ разрешить это противоречие, вдохнуть новую жизнь в КПК — это встать на путь политической реформы и широкой демократизации общественной жизни. Во втором письме, отправленном в феврале 1989 г., он критически отзывался о кампании борьбы с «буржуазной либерализацией» и вновь подчеркивал, что без политических реформ, демократизации внутрипартийной жизни сама КПК может превратиться в главное препятствие на пути реформирования китайского социализма.

Массовые демонстрации в Пекине под лозунгами демократизации и искоренения коррупции начались в апреле 1989 г. В них участвовали десятки тысяч студентов из разных городов страны. Этому сопутствовали студенческие забастовки, в том числе на главной столичной площади Тяньаньмэнь, где из бумаги протестующие соорудили подобие американской статуи Свободы. К разгоравшемуся движению присоединились пекинские обыватели, а затем и городские маргиналы. Остается открытым вопрос о степени причастности к происходившему некоторых руководителей КПК, прежде всего Чжао Цзыяня, известного своими либеральными взглядами. Именно с ним протестующие связывали надежды на то, что партия найдет в себе силы встать на путь политических преобразований. Он искренне стремился избежать обострения ситуации и не дать повода консерваторам использовать насилие для подавления демократического движения. Однако этого не случилось. Лидеры студентов упорствовали, они настаивали на немедленном удовлетворении выдвинутых ими требований; маргиналы, которых становилось все больше среди протестующих, создавали угрозу общественному порядку, провоцируя столкновения с полицией. Эти обстоятельства были использованы консервативным крылом в руководстве КПК, призывавшим ввести в дело армию для подавления народного движения. Консерваторы мотивировали это тем, что противостояние между властью и обществом приобретало опасные формы, что было чревато угратой политической стабильности, а, следовательно, неизбежно должно было сказаться на будущем экономических реформ. Как и на предшествующих этапах демократического движения, на этот раз окончательное решение оставалось за признанным лидером китайских коммунистов — Дэн Сяопином. Он, как и прежде, примкнул к консервативным реформаторам, поддержав использование воинских частей для наведения порядка.

В конце мая 1989 г. в столицу были введены воинские части, взявшие под контроль основные стратегические объекты, объявлено о введении военного положения, запрещении демонстраций и забастовок. Тем не менее последний оплот демократического движения на Тяньаньмэнь продолжал существовать. Студенты, разбившие на площади палатки и пользовавшиеся поддержкой горожан, отказывались покинуть площадь, рассуждая, что власти не осмелятся пролить кровь. Однако в ночь с 3 на 4 июня войска при поддержке танков и бронетранспортеров разгромили лагерь протестующих на центральной площади Пекина, за чем последовали столкновения и в других районах города, во время которых было применено оружие. Пролилась кровь, больницы были заполнены ранеными и убитыми.

В этой обстановке в конце июня началась работа IV пленума ЦК КПК 13 созыва, главным вопросом в повестке дня которого было обсуждение итогов происшедшего. Ответственность за трагические последствия, к которым привело подавление движения протеста, была возложена на Чжао Цзыяна, которого обвинили в том, что он потворствовал «буржуазной либерализации», а само демократическое движение было определено как «контрреволюционное», хотя его инициаторы и не выдвигали «антисоциалистических лозунгов». Его участникам приписывали стремление подорвать основы государственного строя, ликвидировать экономическую основу КНР в виде государственной собственности, добиться перехода страны на капиталистический путь развития. Чжао Цзыян был вынужден покинуть пост генерального секретаря, на который был избран Цзян Цзэминь, мэр Шанхая, несколькими годами ранее проявивший твердость в подавлении манифестантов в Шанхае.

Разгром демократического движения 1989 г. свидетельствовал о том, что реформы в КНР подошли к некоей грани, отделявшей реформирование общества в рамках «социалистического выбора» от перехода к более глубоким преобразованиям, которые привели бы к радикальной смене общественных ориентиров. Стремясь добиться политической стабильности и продлить господство партийной бюрократии, руководство КПК предпочло в очередной раз воздержаться от соединения экономических реформ с преобразованиями политической системы, которые были расценены как угроза экономической модернизации. Это был сознательный выбор в пользу авторитаризма, который, впрочем, оставлял некоторые возможности для проведения осторожных реформ политических институтов в рамках существующего порядка.

Важнейшим результатом подавления демократического движения 1989 г. стало наступление консерваторов, в ходе которого уцелевшие «левые» и представители «осторожного» крыла реформаторов выступили с критикой не только планов проведения политических реформ, но и в целом курса на построение «социализма с китайской спецификой». Это имело своим следствием и торможение процесса дальнейших экономических преобразований, прежде всего в государственном секторе экономики, о чем свидетельствовало провозглашение на V пленуме ЦК (ноябрь 1989 г.) политики «урегулирования». Оно положило начало резкому усилению индоктринации в рамках развернувшихся кампаний «возрождения духа Яньани», изучения опыта Дацина и Дачжая и т.д. На V пленуме была принята также отставка Дэи Сяопина с последнего занимаемого им официального

поста — председателя Военного совета при ЦК КПК, однако это лишь подчеркнуло значение того факта, что он продолжал оставаться наиболее влиятельным лидером партии. Именно он определял стратегию партийно-государственного руководства, хотя и был вынужден лавировать, временами уступая давлению «слева».

После разгрома демократического движения сторонники «левой идеи», не решавшиеся до этого выступать с критикой проводимой политики с открытым забралом, усилили нападки на проводимый курс. По их инициативе в стране развернулась дискуссия о соотношении между планом и рынком. Противники теории «начального этапа социализма» подчеркивали, что отход от принципов плановой экономики неизбежно приведет к тому, что экономические основы общественной жизни будут подчинены рыночным механизмам, а это будет означать строительство не социализма, а капитализма с «китайской спецификой». Отдавая отчет в том, к чему ведут дело противники реформ, Дэн Сяопин решил вмешаться в эту дискуссию и использовать свой авторитет для того, чтобы не допустить свертывания преобразований. Во время поездки в Шанхай в начале 1991 г. он заявил о том, что представления о рынке как основе лишь капиталистических общественных отношений ошибочны. Он подчеркнул, что рынок и план, которые также широко используются для регулирования современных западных экономик, являются лишь инструментами достижения экономического роста. При этом главная задача состоит в правильном определении соотношения того и другого. Окончательный приговор дискуссии о соотношении рыночного и планового начал в решении экономических проблем, стоящих перед Китаем, он вынес во время инспекционной поездки по южным районам страны. Его замечания, сделанные на этот счет в беседах с региональными руководителями, позднее были сведены в одну статью, носившую директивный характер. В ней он в очередной раз выступил как прагматично настроенный государственный деятель, для которого не доктринальные положения, а реальные результаты экономической политики являлись единственным критерием правильности или ошибочности политического курса. Если этот курс, указывал он, «благоприятствует развитию производительных сил социалистического общества, росту совокупной мощи социалистического государства, повышению жизненного уровня народа», то его следовало считать верным. Главную опасность продвижению реформ вперед он определил как угрозу «слева», что свидетельствовало о решимости реформаторов завершить отступление, начатое после событий 1989 г., и вновь вернуться к политике реформирования китайского общества.

Новые положения, определявшие китайский социализм не только стадийно, но и по существу — как рыночный, были за-
креплены в решениях XIV съез-
да КПК, проходившего осенью
1992 г. Отстаивая правильность
выбранного курса, Цзян Цзэ-
минь в докладе съезду именно
с понятием «социалистической
рыночной экономики» связал
определение нового этапа ре-
форм. В докладе, наполненном
цитатами из работ Дэн Сяопи-
на, генеральный секретарь стре-
мился провести мысль о том,
что преимущества социализма
над капитализмом не могут
быть реализованы без изучения
и использования наиболее со-
временных методов хозяйст-
вования и управления экономикой,
в том числе и тех, которые ха-
рактерны для развитых стран Запада. Он отмечал также необ-
ходимость сохранения той роли, которую играл государственный
сектор, с точки зрения функций макрорегулирования и макро-
контроля. Осуждая «буржуазную либерализацию», Цзян Цзэминь
определенно указал на главную опасность, которая угрожала ре-
формам. Подобно Дэн Сяопину он определил ее как «левый»
уклон.

Дэн Сяопин

Итак, основное значение XIV съезда состояло в том, что
КПК приняла, в сущности, расширенное по сравнению с про-
шлым определение «социализма с китайской спецификой». Если
ранее одну из его характерных черт усматривали в том, что на
начальном этапе развития социализма допустимо «сочетание пла-
на и рынка», то на XIV съезде сам «начальный этап» был опре-
делен как «рыночный социализм», что открывало новые перспек-
тивы для углубления процесса экономических реформ. Разуме-
ется, с точки зрения «фундаментальных принципов» марксизма-
ленинизма само понятие «рыночный социализм» представляется
терминологическим нонсенсом, и в этом критики политики Дэн
Сяопина «слева» были несомненно правы. Однако в результате
принятия этой концепции руководству КПК удалось добиться ре-
шения двух проблем: придать легитимный характер процессу уг-
лубления преобразований и наряду с этим не утратить легитим-

ных оснований для сохранения политического режима, основанного на господстве КПК.

С конца 1995 г. представители «левой» оппозиции, предвидя скорый уход Дэн Сяопина из жизни, усилили сопротивление проводимому курсу. В ЦК КПК один за другим поступали заявления «десяти тысяч слов», в которых резкой критике подвергалась политика реформ и открытости. Используя факты, связанные с периодом, предшествовавшим распаду СССР, авторы этих меморандумов предрекали сходное будущее и для Китая, подчеркивая, что отныне именно он должен стать во главе мирового движения к коммунизму.

Резкое обострение идеологической борьбы последовало за кончиной «архитектора китайских реформ» Дэн Сяопина в феврале 1997 г. Уже весной того же года в центре критики со стороны левых оказался секретарь Шэньчжэньского горкома партии Ли Ювэй. Во время доклада в Центральной партийной школе он выступил с изложением своих представлений о характере реформ, проводимых в КНР. Собственно говоря, высказанные им идеи, являлись всего лишь более открытым и четким продолжением концепции «начального периода социализма». Ли Ювэй исходил из того, что накануне прихода к власти КПК в стране отсутствовали предпосылки для непосредственного движения к социализму, о которых говорили классики марксизма. По этой причине, с его точки зрения, установление системы общественной собственности, последовавшее за победой в 1949 г., было явно искусственным и не соответствовало уровню экономического развития Китая. Лейтмотивом этого выступления явился призыв отказаться от идеализации государственной собственности и не бояться приватизации, которая является логическим следствием курса на модернизацию страны.

Накануне XV съезда КПК (сентябрь 1997 г.) левая оппозиция усилила критику реформаторов, включая лично Дэн Сяопина. В ЦК продолжали поступать анонимные письма, в которых его обвиняли в потворстве буржуазии и капиталистическому перерождению социализма в КНР. Противники политики, которую олицетворял Дэн, сосредоточили огонь своей критики на таких результатах реформ, как рост индивидуального и частного предпринимательства, призывали к его ограничению или даже запрету. Однако съезд нанес серьезный удар по оппозиционерам и в его решениях были подчеркнуты заслуги покойного лидера Китая в деле обновления страны. Теория Дэна была объявлена новым вкладом в марксистское учение о социализме и признана основой стратегии партии в ходе дальнейшего преобразования Китая. В докладе генерального секретаря ЦК Цзян Цзэминя съез-

ду было подчеркнуто, что эта стратегическая линия будет определять основы политики партии, возможно, на протяжении ста лет — именно на столько может растянуться период «начального этапа социализма» в КНР. За это время Китай должен расстаться с экономической отсталостью, провести модернизацию экономических и социальных отношений. В решениях съезда было отмечено, что для создания основ развитого социалистического общества погребется жизнь многих поколений.

Весьма существенным теоретическим сдвигом в представлениях о сущности «начального этапа социализма», или «рыночного социализма», явилось то, что в докладе генерального секретаря и в документах съезда не только в очередной раз было подчеркнуто позитивное значение рыночных отношений, но и признана роль различных форм собственности в деле модернизации страны. Таким образом, личный и частный секторы экономики получали как бы «легальный» статус и стали рассматриваться наряду с государственным сектором в качестве неотъемлемых составных частей «социалистической модернизации». В целом же решения XV съезда ярко свидетельствовали о том, что Дэн Сяопину удалось оставить в наследство своим преемникам целостную, хотя и теоретически уязвимую, концепцию дальнейшего развития китайского общества. Вместе с тем он сумел подготовить и преемственную смену поколений политиков, готовых отстаивать правильность этого курса в борьбе с приверженцами традиционных представлений о социализме.

Отмеченные теоретические сдвиги в представлениях о сущности «социализма с китайской спецификой» естественным образом корреспондировали с призывами к дальнейшему углублению экономических реформ. Одним из лейтмотивов отчетного доклада была тема реформы государственного сектора экономики, что продолжало оставаться нерешенной проблемой, к которой руководство КПК неоднократно обращалось за годы реформ. В сущности, речь шла о приватизации предприятий государственного сектора экономики, для чего, как следовало из выступления генерального секретаря, был избран путь акционирования. Стремясь обосновать приемлемость этой политики, Цзян Цзэминь использовал следующую аргументацию: поскольку акции должны распространяться среди «народа», то это обстоятельство не изменит характера отношений собственности, которая, как и раньше, будет оставаться «общенародной».

Однако подходы к вопросу о преобразовании политической системы остались прежними. В докладе в очередной раз форма власти была определена как «демократическая диктатура народа», одной из основных функций которой оставалась борьба

против «буржуазной либерализации, подрывной и раскольнической деятельности внутренних и внешних врагов». Как и в прошлом, демократия определялась только как «социалистическая демократия», а политическая реформа мыслилась в категориях усиления контроля со стороны общества над бюрократией, которая в своей деятельности должна строго руководствоваться нормами закона. Еще одним признаком того, что по-настоящему глубокие политические реформы не приемлемы для руководства партии, стала реакция на письмо, направленное съезду Чжао Цзянань, опальным генсеком, отставленным после подавления демократического движения 1989 г. В этом послании Чжао Цзянань подчеркивал, что оценка событий 1989 г., как контрреволюционного движения неверна, поскольку студенчество вдохновлялось благородными идеями освобождения общества от пут коррупции и дополнения экономических преобразований политическими реформами. Он обращался к съезду с предложением пересмотреть эту оценку. Но этот вопрос так и не был поднят на съезде, а сам Чжао в очередной раз обвинен в совершении политических ошибок, в результате чего был ужесточен режим его содержания под домашним арестом.

Одним из весьма существенных результатов работы съезда стало проведение кадровых изменений в руководстве партии и страны. В новом составе ЦК партии, численность которой приближалась к 60 млн человек, процент членов ЦК, имеющих высшее и специальное среднее образование, был увеличен почти до отметки 100 при одновременном сокращении представительства в ЦК военных. Наряду с этим были приняты решения, в результате которых произошла и смена руководства правительства КНР — его прежний руководитель, консервативно настроенный Ли Пэн, в следующем году стал председателем ВСНП, а пост премьера Государственного совета был передан Чжу Жунцзи, талантливому администратору и последовательному стороннику углубления экономических реформ. Проведенные кадровые изменения свидетельствовали о том, что произошло укрепление позиций либерала КПК Цзянь Цзэмина, представлявшего группировку «реформаторов-центристов» и являвшегося последовательным сторонником идей Дэн Сяопина. То, как были осуществлены кадровые перемены, говорило о том, что КПК удалось создать механизм ротации высшего партийно-государственного руководства, что являлось одной из наиболее трудноразрешимых проблем тоталитарных политических систем, основанных на монопольной власти партии ленинского типа.

После XV съезда именно вопросы реформы государственного сектора экономики стали основными во внутренней политике

КПК. Несмотря на то, что на протяжении истории реформ решения о преобразовании государственных предприятий принимались неоднократно, эта проблема продолжала оставаться одной из наиболее трудноразрешимых. Во второй половине 90-х гг. две трети из 120 тыс. ведущих государственных предприятий продолжали оставаться убыточными, что являлось тяжким бременем для экономики и бюджета страны. Повышение эффективности работы предприятий государственного сектора, условием чего было проведение их приватизации в той или иной форме, с неизбежностью обещало усиление социальных антагонизмов в обществе. Это могло стать следствием сокращения числа занятых и ликвидации прежней системы социального обеспечения, которая традиционно лежала на плечах самих предприятий.

В ходе ряда совещаний по вопросам экономической работы, созданных после завершения работы XV съезда, была сформулирована программа реформирования государственного сектора экономики, нацеленная на разрешение возникающих противоречий. Она предусматривала реорганизацию неэффективных предприятий, используя такие методы, как банкротство, расформирование, в некоторых случаях слияние государственных компаний, висевших тяжким грузом на бюджете правительства. Но разработанные меры не исключали и усиления государственной поддержки тем предприятиям, которые представляли наиболее современные отрасли промышленности или были критически важны для поддержания экономического развития. Из более чем 300 тыс. государственных предприятий было постановлено отобрать около 500, обеспечивавших примерно 40% потребностей внутреннего рынка. Именно сюда следовало направить основной поток правительственных инвестиций и осуществить акционирование с размещением акций на внутреннем рынке Китая и за рубежом. Программа реформы государственного сектора экономики предусматривала и целый ряд мер, нацеленных на то, чтобы смягчить неизбежные социальные конфликты, которые должны были стать ее следствием. Как было объявлено, каждый из работающих в государственном секторе, вне зависимости от статуса самого предприятия, должен получить страховой полис, дающий право на медицинское обслуживание и пенсию по старости.

Новый этап экономических преобразований имел своим результатом как некоторое оздоровление структуры и эффективности экономики, так новые проблемы. Уже вскоре стало очевидно, что в результате принятых мер в выигрыше остаются наиболее современные и эффективные компании, в то время как реорганизация проблемных предприятий часто не сопровождается

появлением новых структур, удовлетворяющих требованиям экономической эффективности. Главная причина этого состояла в том, что не собственно мотивы, связанные с экономической рациональностью, а административная целесообразность зачастую лежала в основе того, каким образом проводилась приватизация. Нередко государственные органы вообще отказывались дать зеленый свет приватизации убыточных предприятий, если они играли важную роль в обеспечении занятых широким спектром социальных услуг. Еще одним противоречием проводимого курса явилось то, что и после проведения акционирования контрольный или основной пакет акций оставался в руках государства, а работающим, среди которых распространялись акции, было запрещено свободно продавать их. Впрочем, видя противоречия, которые вызвало к жизни углубление реформы, руководство КПК стремилось вести себя осмотрительно, подчеркивая постепенный характер «реальной» приватизации, а также то, что государство и в будущем намерено оставаться гарантом социальной и политической стабильности.

Решения, принятые на первом партийном съезде, проведенном в XXI веке, — XVI съезде КПК (ноябрь 2002 г.) — определяли стремление подчеркнуть преемственность политики, связанной с именем Дэн Сяопина. На съезде был подтвержден курс на развитие многоукладной экономики «рыночного социализма» в соответствии с формулой «два — без всяких колебаний», что означает, не колеблясь укреплять государственный сектор, а также отбросить все сомнения в необходимости развития «необщественного сектора». Частный сектор экономики в решениях съезда был охарактеризован как «важная часть социалистической рыночной экономики». В несколько необычном плане по сравнению с решениями, принимавшимися ранее, на съезде был поставлен вопрос о дальнейшем развитии сельского хозяйства страны. Было подчеркнуто значение формирования, по сути дела, крупного фермерского хозяйства, за счет безвозмездной уступки прав на подрядное использование земли в пользу наиболее эффективно работающих сельскохозяйственных предприятий.

Однако наибольшее значение с точки зрения идеологического обеспечения реформ имело принятие теории «тройного представительства». Ее основные положения были выдвинуты Цзян Цзэмином еще 1 июля 2001 г. в докладе, сделанном генеральным секретарем ЦК КПК по случаю 80-й годовщины компартии. На первый взгляд, эта теория выглядит как набор маловразумительных положений, которые состоят в том, что КПК представляет передовые производительные силы в Китае, движение вперед прогрессивной китайской культуры, а также то, что КПК

является представителем коренных интересов широких слоев китайского народа. Пожалуй, именно в последнем принципе было скрыто то действительно новое, что в настоящее время определяет идеологические ориентации партии. Можно сказать, что принятие концепции «трех представительств» знаменует собой коренное изменение представлений о коммунистической партии как о партии прежде всего рабочего класса. Тезис о том, что КПК представляет «широкие слои народа» означает, что помимо рабочего класса, это касается в равной степени и крестьянства, и интеллигенции и, что самое главное, тех социальных слоев, появление которых стало результатом создания «социалистической рыночной экономики». Иначе говоря, это распространяется и на предпринимателей и технический персонал, работающий на отечественных и принадлежащих иностранному капиталу предприятиях, на частных бизнесменов и лиц свободных профессий. Главным критерием, определяющим социальный статус, становится полезность деятельности с точки зрения модернизации «рыночного социализма». При этом, как было подчеркнуто на съезде, доходы от частного предпринимательства подлежат охране по закону наравне с государственной собственностью, что означает не только признание многоукладного характера современного китайского общества, но и гарантии незыблемости прав частной собственности.

Весьма показательным является также то обстоятельство, что, выступая от имени всего народа, КПК не закрывает доступ в ряды представителей, по сути дела «эксплуататорских», с точки зрения классического марксизма, социальных групп. Представители предпринимательских слоев отныне получают доступ в ряды КПК, а оценкой деятельности коммуниста, таким образом, становится то, насколько эффективно и прибыльно функционирует принадлежащее ему предприятие, поскольку это влечет за собой ускорение темпов модернизации страны. Можно сказать, что КПК, таким образом, сформулировала своеобразный, в основе своей конфуцианский, вариант «протестантской этики», когда мерилом жизненного успеха становится зарабатывание денег, а подлинное общественное признание наступает через членство в правящей партии, что расценивается как служение государству.

Разумеется, за решением допустить в КПК представителей молодой китайской буржуазии и желанием последних получить партийный билет кроются и более практические соображения. Для руководства КПК это определенный рычаг, позволяющий контролировать и направлять развитие национального предпринимательства, а для самих бизнесменов — возможность устанавли-

вать нужные связи в рамках бюрократической системы и участвовать в принятии решений, касающихся будущего самого предпринимательского класса. Примечательно, что уже в работе XVI съезда приняли участие несколько весьма состоятельных членов КПК, среди которых были два делегата от провинции Цзянсу, входящие в число 100 самых богатых китайцев, причем состояние одного из них превышает 150 млн долларов. Итак, идеологически от XIV съезда КПК к XV съезду партия испытала весьма значительную эволюцию: от легитимации рынка к легализации многоукладного характера китайского общества, и далее от признания многоукладности — к легитимации тех социальных слоев, которые ее представляют.

Решения XVI съезда КПК свидетельствовали о стремлении руководителей КПК активно проводить в жизнь социально-экономические реформы. Они свидетельствуют также и о принципиальном стремлении руководителей КПК более адекватно осмыслить и описать социальные и идеологические последствия бурного экономического развития. А эти последствия в сфере духовной жизни все больше свидетельствовали о поражении тех идей, которые еще недавно вдохновляли КПК на революционные перемены, делая все более ясным, что успехи модернизации Китая связаны прежде всего с реализацией национальной идеи, в свое время убедительно сформулированной Сунь Ятсеном. Национально-освободительное движение в Китае, расколовшееся в середине 20-х гг. на коммунистический и собственно националистический (гоминьдановский) потоки таким образом «воссоединяется» на основе деидеологизированной концепции «богатого и могучего Китая», которая в течение более ста лет вдохновляла китайских патриотов. Вместе с тем на официальном уровне во многом сохраняется прежняя идеологическая и политическая риторика, что связано прежде всего со стремлением не допустить подрыва легитимности власти КПК и что тактически понятно и оправдано. Здесь уместно привести мнение известного ученого КНР, профессора Народного университета (г. Пекин) Ань Циняня в его интервью российскому академическому журналу «Вопросы философии»: «Сейчас, по-моему, иностранцам трудно понимать адекватно происходящее в Китае. Потому что, как и раньше, они воспринимают Китай, главным образом, по идеологическим лозунгам и публикациям, так сказать, по “высоко поднятому знамени”, а не по реальным настроениям тех, кто под этим знаменем идет. Допустим, по улице едет машина. Когда она поворачивает направо, надо сигналить правой лампочкой, когда налево — левой. В Китае сигналист левая лампочка, а поворачивают направо. “Левая лампочка” — левые лозунги, ортодоксальные

взгляды, приверженность марксизму-ленинизму. Направо — значит, в сторону рыночной экономики, капитализма и т.д. Под левыми лозунгами и знаменами в Китае сейчас реализуется правый образ действий».

«Прагматизация» внутривластного курса, отказ от иллюзорных и мессианских надежд в одночасье решить проблемы создания в Китае «посткапиталистического» общества вызвали и позитивные перемены во внешнеполитической стратегии. Отныне она во все большей степени стала базироваться на стремлении обеспечить стабильность международных отношений на основе их деидеологизации и поддержания связей, основанных на взаимовыгодном сотрудничестве, со всеми ведущими державами. При этом центральное внимание уделяется последовательному отстаиванию национальных интересов страны. Уже в решениях XII съезда КПК (1982 г.) можно обнаружить значительное обновление взгляда на внешний мир, что являлось логическим продолжением курса на «открытость» Китая. Эти перемены не могли не сказаться и на изменении характера отношений между КНР и СССР, а затем и Россией.

Что касается китайской политики по отношению к СССР, то здесь заметное улучшение отношений началось в середине 80-х гг., и эти перемены были связаны как с процессами, происходившими в самом Китае, так и с переходом к реформам в СССР. Затухание идеологической полемики, устранение препятствий на пути улучшения отношений между двумя странами в результате изменений во внешней политике Советского Союза в конечном счете привели к полной нормализации отношений между двумя странами. Это было окончательно подтверждено во время визита М. Горбачева в КНР в 1989 г., что стало новой точкой отсчета в отношениях между двумя государствами. Полная нормализация отношений явилась хорошей основой для продолжения сотрудничества между новой Россией и КНР. Эти положительные тенденции получили закрепление во время визита в КНР Б. Ельцина в 1996 г., в ходе которого были подписаны документы, свидетельствовавшие о решимости двух государств строить взаимные отношения на основе «равноправного, доверительного партнерства, устремленного в XXI век».

В июле 2001 г. в отношениях между двумя государствами состоялось поистине эпохальное событие. В Москве Президентом Российской Федерации В. Путиным и Председателем КНР Цзян Цзэмином был подписан «Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве». Следует отметить, что после истечения срока «Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи» от 1950 г. отношения между двумя государствами были в течение 20 лет ли-

шены столь солидной договорной основы. Договор 2001 г. свидетельствовал о стремлении сторон зафиксировать те весьма значительные позитивные перемены, которые произошли в отношениях между двумя странами на протяжении 90-х гг. XX века, и поднять их на новую ступень. В договоре было подчеркнуто, что связи между двумя странами строятся на долгосрочной основе добрососедства, дружбы и сотрудничества, а также «равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия». Обе стороны выразили настойчивое желание «передавать дружбу между своими народами из поколения в поколение». Несмотря на то что между двумя странами и после подписания договора сохраняются некоторые разногласия по проблемам двусторонних отношений, преобладает взаимная заинтересованность в развитии экономических, культурных связей, а также координации политики на международной арене, где позиции двух государств весьма близки по важнейшим международным проблемам.

За 25-летний период проведения политики реформ и открытости облик Китая претерпел кардинальные изменения. Из закрытой для внешнего мира, раздираемой старыми внутренними противоречиями, прозябавшей в бедности страны, он стремительное превращается в развитое современное государство. За первое 20-летие реформ ВВП КНР увеличился примерно в 6 раз при среднем годовом приросте, приближавшемся к 10%. Эти достижения дают основания руководству КНР строить оптимистические планы на будущее, рассчитывая на то, что за первое 20-летие XXI века душевые показатели достигнут 3000 долл., что будет означать достижение уровня среднеразвитости по современным западным меркам. За эти годы произошел прорыв в повышении жизненного уровня простого народа, включая и исторически всегда балансировавшую на грани голода деревню. Средняя продолжительность жизни впервые в истории Китая превысила 70 лет, и даже современная молодежь, как отмечает китайская статистика, стала на 20 сантиметров выше, по сравнению с ровесниками 30 лет назад.

Однако эти поистине эпохальные достижения, ставшие результатом радикального изменения политики КПК, и теперь продолжающей определять направленность развития китайского общества, не означают, что оно в своем движении к модернизации не сталкивается с новыми вызовами.

Так, после периода стремительного роста уже во второй половине 80-х гг. развитие сельскохозяйственного производства несколько замедлилось. Это было в значительной степени связано с тем, что действие такого фактора, как хозяйственная инициа-

тива, в какой-то мере исчерпало себя. Исторически трудноразрешимой остается проблема давления «избыточного» сельскохозяйственного населения на землю. Это обстоятельство находит свое проявление в карликовых размерах крестьянских хозяйств, что ограничивает рост эффективности сельскохозяйственного производства, использование новых технологий и современной техники. В условиях продолжающей сохраняться неопределенности в отношениях собственности, ограничениях в сфере мобилизации земли, крестьянин не всегда заинтересован в повышении плодородия земли, что в перспективе чревато снижением урожайности. Особенно осложнилось положение в сельском хозяйстве КНР на рубеже веков, когда на протяжении трех лет происходило постоянное снижение собираемого урожая (на 60 млн т в 2001 г.). Неслучайно в связи с этим, как отмечалось выше, руководство страны в последнее время признало необходимым скорректировать аграрную политику, поощряя развитие крупных, современных фермерских хозяйств.

Одним из противоречий, возникших в результате реформ государственного сектора экономики, стал рост безработицы и фактическое снижение жизненного уровня ранее привилегированных групп рабочего класса. В ряде случаев после расформирования государственных предприятий лицам, потерявшим работу, в нарушение закона не выплачивались пособия или же выплачивались в размере, не обеспечивавшим даже минимальный прожиточный уровень. Если по официальным данным безработица достигает 6%, то по другим оценкам она может быть вдвое выше, причем, как считается, избыточное трудоспособное население, как и раньше, составляет до трети трудовых ресурсов, или около 200 млн человек. Возник очень существенный и социально тревожный разрыв между наиболее зажиточными и самыми бедными слоями населения, когда примерно 20% граждан контролируют 40% национального богатства.

Не менее тревожно выглядит постоянно усиливающийся разрыв в уровне развития между приморскими провинциями, которые стали центром ускоренной модернизации, и западной периферией, продолжающей прозябать в нищете. К примеру, в конце прошлого века средний уровень потребления городского жителя в западных провинциях КНР был на треть ниже, чем в приморских, а сельского — уже в два раза. Обычно справедливо отмечается значение «специальных экономических зон» и иностранного капитала в качестве важного фактора бурного экономического развития Китая. Но и этот процесс, как оказывается, имеет свою обратную сторону. Западные корпорации стремятся монополизировать наиболее современные секторы внутренне-

го рынка в КНР, вытесняя с него национальные компании. Они захватили господствующие позиции в таких отраслях, как электроника, производство телекоммуникационного оборудования, изделий из пластмасс, имеют сильные позиции в пищевой промышленности, а также в производстве средств транспорта.

Однако наиболее фундаментальной проблемой, с которой уже сталкивается бурно развивающийся Китай, является ограниченность ресурсов, столь необходимых для продолжения экономического роста. По данным экономистов, достижение Китаем, население которого далеко превысило миллиард человек, уровня жизни, существующего в развитых странах, может привести к такой нагрузке на окружающую природу, которой она может и не вынести.

Наконец, серьезным вызовом является также разрыв между экономическими и политическими реформами. Стратегия КПК, направленная на строительство «социализма с китайской спецификой», сформировавшаяся за годы реформ, ясна: используя структуры посттоталитарного, авторитарного политического режима, идти и дальше по пути углубления экономических преобразований. При этом то, что в КНР в настоящее время называют политическими реформами, представляет собой политику рационализации существующей бюрократической системы. Это обычно формулируется как усиление и совершенствование партийного руководства на основе рационализации отношений между партийными и государственными органами; построение системы правительственного управления, функционирующей в соответствии с существующими законами; сокращение управленческого аппарата, борьба с бюрократизмом; упорядочение системы взаимоотношений между центральными и региональными органами власти.

Обострение этих проблем, во многом рожденных успешным развитием реформ, значительно осложняет социально-политическую обстановку в стране, вызывая массовое протестное движение в городе и деревне. Так, по официальным данным в 1999 г. было зарегистрировано около 100 тыс. различных акций протеста, в некоторых из них принимали участие до 20 тыс. человек. В 2000 г. массовые крестьянские волнения охватили примерно половину провинций Китая. В 2002 г. имело место около 200 тыс. забастовок. Это обострение социальной напряженности ставит под удар социально-политическую стабильность, первейшее условие успешной модернизации Китая, по справедливому заявлению китайского руководства.

Развитие КНР на протяжении последней четверти века доказало способность руководства КПК и КНР справляться с воз-

никающими противоречиями как в области экономических реформ, так и в сфере политической борьбы, которая сопровождала их на протяжении этих десятилетий. Однако ирония истории (или законы исторического развития?) состоит в том, что всякое движение вперед в направлении модернизации сопровождается развитием ростков гражданского общества, которые поселяла сама власть. И в этом смысле, с точки зрения более или менее длительной исторической перспективы, реформирование политической жизни представляется неизбежным следствием происходящего процесса модернизации. Какие формы оно примет в будущем — сейчас вряд ли возможно предвидеть в деталях. Есть исторический опыт неотъемлемой части Китая — Тайваня, где в условиях сходной политической культуры начался переход к своеобразной, но, несомненно, демократической политической системе. Возможно, что опыт Тайваня — грандиозной социальной лаборатории — показывает существенные возможности развития китайского общества.

3. РАЗВИТИЕ ТАЙВАНЯ ПОСЛЕ 1976 г.

«Экономическое чудо» создавало, вне зависимости от субъективных замыслов его организаторов, социально-экономические и социально-психологические предпосылки не только качественно нового витка экономического роста и развития, но и назревших глубоких политических перемен.

По мере своего индустриального развития Тайвань все больше втягивался в международное разделение труда, все больше делался интегральной частью мирового рынка. Во многом именно эта «открытость» стимулировала экономическое развитие Тайваня. Однако в то же время эта включенность в мирохозяйственные связи ставила тайваньскую экономику в зависимость от всех перепадов мировой экономики. Так, разразившийся в 1973 г. нефтяной кризис больно ударил по экономике Тайваня, полностью зависимой от импорта нефти, привел к сокращению спроса на тайваньские товары на мировом рынке и сокращению тайваньского экспорта. Но тайваньская экономика сумела преодолеть этот кризис. Решающую роль в этом сыграло сотрудничество государства с частным предпринимательством. В 1974 г. правительство выдвигает программу строительства десятка крупных объектов энергетики, транспорта, тяжелой промышленности (атомная электростанция, железные и шоссейные дороги, металлургия и т.п.). Эта программа не осталась на бумаге, она была выполнена к концу 70-х гг., что помогло тайваньской экономике минимизировать кризисные потери и сохранить высокие темпы накоп-

ления капитала, промышленного производства и экспорта. Успех этой программы позволил правительству продолжать программирование расширения строительства объектов, необходимых для более гармоничного развития экономики острова.

Реализация этих программ и их воздействие на рост производства всех секторов народного хозяйства свидетельствовали о складывании на Тайване эффективной системы «смешанной экономики», в которой государственное и частное предпринимательство не только конкурировали, но и сотрудничали в развитии тайваньской экономики.

В течение второй половины 70-х, в 80-х и 90-х гг. уже на новом качественном уровне продолжается рост и развитие тайваньской экономики. Темпы этого роста значительны (почти 10% ежегодного прироста за рассматриваемый период) и, что очень важно, стабильны. Несмотря на все сложности развития мирового рынка в это время, Тайвань продолжает расширять свой экспорт, на который к началу 90-х гг. приходилось более половины ВВП (в 1952 г. — только 10%). Растет и импорт, в том числе и потребительских товаров в связи с огромным ростом покупательной способности тайваньского населения. Все благоприятнее становится на Тайване инвестиционный климат, который постоянно привлекает зарубежных инвесторов. В 1990 г. размер прямых иностранных капиталовложений уже приближался к 10 млрд дол. (однако отметим, что 3/4 этих средств приходилось на зарубежных китайцев — *хуаянцю*). Стабильный экономический рост, постоянное превышение экспорта над импортом привели к созданию на Тайване огромных валютных резервов: в 90-х гг. они колебались около цифры 100 млрд дол. (деля первое место в мире с Японией). Тайвань начинает активный экспорт капитала.

Интегральным показателем экономического развития Тайваня является увеличение душевого размера ВВП более чем до 10 тыс. дол. в 1992 г., что уже фиксирует выход Тайваня на уровень развитых индустриальных стран. При этом важно, что социальная направленность экономической политики в суньятсеновском духе позволила избежать усиления социальной дифференциации («богатые становятся богаче — бедные становятся беднее»). Более того, если в 1953 г. соотношение между среднедушевым доходом верхних 20% населения («богатые») и нижних 20% («бедные») было 15:1, то теперь оно сократилось до 4:1 (одно из наиболее благополучных соотношений в мире).

Рост благосостояния, повышение уровня образованности населения, расширение слоя высококвалифицированных рабочих и служащих, развитие частного предпринимательства создали ус-

ловия для складывания так называемых новых средних слоев, или «среднего класса», для возникновения элементов гражданского общества. Союзнические и дружеские отношения с западными демократиями (и с восточными тоже — Япония), логика собственного социально-экономического развития подталкивали Гоминьдан к политическим реформам, к либерализации политической жизни вслед за преобразованиями в либеральном духе жизни экономической.

Необходимость этих преобразований становилась все очевиднее в 70-е гг., и Гоминьдан вынужден был начать движение в этом направлении. Постановка и решение этих новых проблем были, однако, связаны уже не с харизматическим лидером Гоминьдана, президентом Китайской Республики Чан Кайши, а с именем его сына и политического наследника Цзян Цзинго (1910—1988). Судьба этого человека неординарна. В 1925 г. Чан Кайши направляет своего сына на учебу в Москву в Университет трудящихся Китая им. Сунь Ятсена — политическую школу китайских революционеров. В 1927 г. после разрыва единого фронта Цзян Цзинго выступил (или был вынужден выступить) с политическим осуждением своего отца и остался в СССР. Здесь он получил два высших образования, работал на заводе, в колхозе, в газете, вступил в ВКП (б), женился на русской девушке. В 1937 г. в условиях постепенного сближения СССР с Китаем сумел вместе с семьей вернуться в Китай. Здесь он стал доверенным человеком Чан Кайши, активно включился в партийно-политическую жизнь гоминьдановского Китая. После эвакуации на Тайвань Цзян Цзинго делает быструю политическую карьеру. В 1949 г. он назначается руководителем тайваньской организации Гоминьдана, вскоре начинает контролировать службу безопасности и одновременно возглавляет Главное политическое управление армии. В 1953 г. становится заместителем министра обороны. В 1972 г. становится Председателем исполнительного юаня, практически взяв в свои руки всю полноту власти при старом и больном отце, скончавшемся в 1975 г. В 1978 г. избирается Национальным собранием Президентом Китайской Республики. Умный, образованный, активный, он на всех постах проявил себя хорошим организатором и талантливым политиком, преданно и честно относившимся ко всем своим обязанностям.

Как идейно-политический лидер Гоминьдана, он был хранителем официальной идеологии суньятсенизма, но хранителем не догматическим, а достаточно прагматическим и гибким. Так, в своем докладе на пленуме ЦИК Гоминьдана в ноябре 1973 г. он повторил и подтвердил приверженность основным принципам

суньятсенизма, но добавил: «Наша экономическая система основывается на свободном предпринимательстве». Так сын продолжил либеральное истолкование суньятсенизма, начатое его отцом еще в начале 50-х гг.

С именем и временем Цзян Цзинго связано начало активной деятельности оппозиционных сил. К этому периоду как бы уже сложились две основные оппозиционные тенденции: сепаратистская оппозиция и оппозиция демократическая. В реальной политической жизни эти тенденции зачастую переплетались, не снимая, однако, их принципиальных различий. При всей авторитарности режима Чан Кайши, этот режим оставлял некоторое политическое пространство для инакомыслия. Прежде всего это возможности журнально-газетной деятельности. Постепенно ослабевает контроль за прессой, появляются издания интеллектуальной оппозиции из академической среды. Некоторые журналы фактически становятся центрами консолидации оппозиционных сил.

Еще более важной сферой оппозиционной деятельности делаются местные выборы, а затем и выборы в парламент. Само по себе проведение местных выборов было определенной данью Гоминьдана своим демократическим союзникам за рубежом, а также и на Тайване, ибо гоминьдановские власти нуждались в создании определенного политического имиджа, тем более что в своей борьбе с китайским и мировым коммунизмом Гоминьдан стремился выступать как альтернативная демократическая сила.

Не имея возможности создать политическую партию, оппозиционные политики выступали на местных выборах как «независимые» кандидаты и во многих случаях добивались успеха. Постепенно происходит консолидация оппозиционных сил, создается, например, Тайваньская беспартийная группа помощи, которая должна была оказывать помощь беспартийным кандидатам в предвыборной борьбе. Эта фактическая либерализация политического режима объясняется прежде всего политической терпимостью нового лидера Гоминьдана Цзян Цзинго, понимавшего историческую неизбежность глубоких политических перемен и справедливо полагавшего, что объективные социальные предпосылки для этого уже созрели.

Так, в сентябре 1986 г. группа тайваньских оппозиционных деятелей провозгласила создание Демократической прогрессивной партии (ДПП), грубо нарушив тем самым все еще действовавший закон о чрезвычайном положении. Власти не реагировали. Новая партия, впервые объединившая оппозиционные элементы, была весьма пестрой по своему составу. Однако можно

отметить, что это была прежде всего партия тайваньцев, стремившихся к независимости Тайваня.

Это был один из сигналов о том, что политические реформы нельзя откладывать. Как лидер Гоминьдана, Цзян Цзинго многое сделал, чтобы подтолкнуть руководство Гоминьдана — старое и консервативное — к проведению политических реформ. Начало процессу демократизации политической жизни положила отмена в июле 1987 г. чрезвычайного положения, которая принципиально изменила внутриполитическую обстановку на Тайване. ДПП стала легальной политической организацией, сумевшей своей предшествующей нелегальной работой создать себе большой авторитет среди коренных тайваньцев. ДПП стала основной политической оппозицией правящей партии. Ее критика Гоминьдана носила общедемократический характер, но со значительными элементами сепаратизма. Так, ДПП требовала отказа Гоминьдана от монополии на средства массовой информации, освобождения политических заключенных, разделения гоминьдановских партийных и государственных структур и денежных средств и т.п. По вопросу о независимости Тайваня в партии не было единства и в тактических целях это требование пока не выходило на первый план, оставаясь, однако, во многом структурообразующей идеей этой партии.

Политический вес ДПП правильно можно оценить при сопоставлении ее с другими политическими партиями, возникшими как грибы после дождя в связи с отменой чрезвычайного положения. Участвуя теперь в выборах на многопартийной основе, только ДПП сумела стать реальной политической оппозицией Гоминьдану. На выборах в Национальное собрание в декабре 1991 г. ДПП получила более 23% голосов, а на выборах в Законодательный юань в декабре 1992 г. — уже 31%, разделив мандаты с Гоминьданом (из 161 парламентских мест Гоминьдан получил 96, ДПП — 50, а остальные — независимые депутаты).

Однако двухпартийной системы не сложилось. Уже в августе 1993 г. группа авторитетных деятелей Гоминьдана образовала Китайскую новую партию (Чжунго синьдан). Эти деятели покинули Гоминьдан не столько по идеологическим соображениям, сколько из-за неприятия, как они сами подчеркивали, политического консерватизма Гоминьдана, разгула коррупции, слабости внутрипартийной демократии и т.п.

В идеологическом плане Новая партия (НП) скорее противостоит ДПП. Основной состав НП — выходцы с континента, отнюдь не стремящиеся к созданию сепаратного государства, а, наоборот, выдвигающие идею воссоединения Китая в будущем, стремящиеся к развитию разнообразных связей с континентом как

предпосылке такого объединения. Новая партия сразу же стала заметной политической силой, с которой должны были считаться ее соперники. Активно участвуя в местных выборах и приобретая некоторый опыт, эта партия добилась значительного успеха на первых для себя парламентских выборах — выборах в Законодательный юань в декабре 1995 г., получив 21 место (Гоминьдан получил 85 мест, ДПП — 54).

Все это говорило о том, что конституционная реформа дала уже свои плоды — на Тайване стала складываться многопартийная парламентская система. Такой ход политического развития Тайваня воздействовал и на внутрипартийные процессы в самом Гоминьдане. Обновление внутрипартийной жизни Гоминьдана начиналось по инициативе Цзян Цзинго, понимавшего связь экономических и политических реформ на Тайване с необходимостью обновления гоминьдановской политической стратегии и стиля самой внутрипартийной жизни. Конечно, в такой политической партии, как Гоминьдан, которую многие политологи определяют как партию ленинского типа (претензии на политическую монополию, жесткая централизация, идеологическое единомыслие и т.п.), процессы демократизации могли идти очень медленно. Цзян Цзинго положил начало омоложению аппарата партии, усилив привлечение в партию и в ее руководство коренных тайваньцев. Среди его выдвиженцев — тайванец Ли Дэнхуэй, ставший мэром Тайбэя, а с 1984 г. вице-президентом. Ему же Цзян Цзинго поручил возглавить комиссию по разработке программы политических реформ. В Гоминьдане все большую роль начинают играть хорошо образованные, вестернизированные молодые технократы. Ли Дэнхуэй, после смерти Цзян Цзинго возглавивший Гоминьдан, продолжал развивать эту тенденцию. В 1993 г. XIV конгресс Гоминьдана по инициативе Ли Дэнхуэя ввел избрание председателя партии путем тайного голосования, а в программных документах Гоминьдан стал определяться не как «революционная» партия (так повелось со времен Сунь Ятсена), а как «демократическая». Вслед за этим и выборы президента Китайской Республики в 1996 г. были проведены путем прямого голосования избирателями Тайваня. Большинство избирателей отдали свои голоса за Ли Дэнхуэя.

Однако уже на президентских выборах 2000 г. Гоминьдан терпит поражение, и президентом Китайской Республики становится кандидат оппозиции Чэнь Шуйбянь. Поражение Гоминьдана, проявившего инициативу в ускорении процесса демократизации, символизирует завершение определенного исторического этапа в жизни Тайваня. Конечно, это поражение не означает отстранение Гоминьдана от власти, вполне возможно Гоминьдан

сможет победить на очередных выборах, продолжая активно участвовать в политической жизни. Но это будет уже на другом историческом этапе. Именно поражение партии, проявившей инициативу в ускорении политических реформ, символизирует победу процесса демократизации Тайваня.

Большое значение для политической атмосферы Тайваня имели перемены в политической стратегии Гоминьдана в решении проблемы воссоединения Китая, предпринятые по инициативе Цзян Цзинго. После смерти Мао Цзэдуна руководство КПК выдвигает формулу «одно государство — две системы» как основу объединения Китая. Отклонив эту формулу, Гоминьдан вместе с тем на своем XII конгрессе (1981) выдвигает идею объединения Китая «на основе трех народных принципов Сунь Ятсена», снимая выдвинутый Чан Кайши лозунг «контрнаступления на материк». Гоминьдан как бы приглашал КПК к мирному соревнованию. Учитывая, что «три народных принципа Сунь Ятсена» были в 1923—1927 и в 1937—1945 гг. идеологической основой сотрудничества Гоминьдана и КПК, а также тот факт, что послереформенное экономическое развитие КНР и Тайваня во многом является реализацией суньятсеновских планов, выдвижение этой идеи не лишено смысла. Эти политико-стратегические изменения открыли огромные возможности для развития не только экономических, но и культурных и политических контактов через Тайваньский пролив. Их бурное развитие в 80-е и 90-е гг. создает принципиально новые объективные предпосылки для объединения Китая.

Развитие политических реформ на Тайване (вслед за глубокими экономическими переменами) подводит к выводу о возможности при определенных условиях самопреобразования авторитарного режима в режим демократический. И, судя по всему, вслед за понятием «тайваньское экономическое чудо» возникает его политический аналог.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Формирование основ государства и общества в Китае	8
1. Археология о претории Китая	8
2. Протогосударство Шан	16
3. Чжоусцы и крушение Шан. Институционализация Чжоу	26
4. Западное Чжоу: государство и общество	36
Глава II. Восточное Чжоу: период Чуньцю	46
1. Период Чуньцю (VII—V вв. до н.э.)	46
2. Социально-политическая структура Китая в VII—VI вв. до н.э.	55
3. Духовная жизнь чжоуского Китая	68
Глава III. Восточное Чжоу: период Чжаньго	74
1. От Чуньцю к Чжаньго: усиление центростремительных тенденций ..	74
2. Конфуций и его учение	82
3. Моисты, легисты, даосы и иные школы древнекитайской мысли	88
4. Политическая борьба и поиски путей к объединению Китая	98
Глава IV. Создание китайской империи. Династии Цинь и Хань	111
1. Возникновение и крах империи Цинь	111
2. Империя Хань. У-ди и его преобразования	120
3. Династия Хань после У-ди. Реформы Ван Мана	133
4. Вторая династия Хань (25—220)	138
Глава V. Китай в эпоху политической раздробленности	148
1. Период Троецарствия и попытки объединения Китая под властью импе- рии Цинь (III—IV вв.)	148
2. Нашествие кочевников на Китай	152
3. Южные и северные государства (IV—VI вв.)	154
4. Китайская культура в контексте взаимодействия буддизма, даосизма и конфуцианства	158
Глава VI. Восстановление и расцвет империи: династии Суй и Тан	165
1. Правление династии Суй (581—618)	165
2. Воцарение династии Тан (618—907)	169
3. Социально-политическая структура Танской империи	172
4. Внешняя политика Танской империи	177
5. Города, ремесло, торговля	179
6. Ослабление танской империи в VII—IX вв.	182
7. Крестьянская война IX в. и крах династии Тан	187
8. Культура танской эпохи	191
Глава VII. Китай в период правления династии Сун (960—1279)	199
1. Политика первых сунских императоров	199
2. Положение в деревне	202
3. Реформаторское движение в 30—80-х годах XI в.	206
4. Новые тенденции в развитии экономики X—XIII вв.	211
5. Культура в X—XIII вв.	216
6. Сунское неоконфуцианство (XI—XIII вв.)	220
7. Нашествие чжурчженей	223
Глава VIII. Китай в эпоху правления династии Юань (1271—1368)	229
1. Завоевание Китая монголами	229

2. Китай под властью Монгольской империи	232
3. Свержение монгольского ига	240
Глава IX. Китай в эпоху правления минской династии (1368—1644)	243
1. Династия Мин: государство и общество	243
2. Императорская власть и оппозиция	251
3. Минский Китай и внешний мир	256
Глава X. Китайская империя в XVII — первой половине XIX в.	261
1. Падение династии Мин и завоевание Китая маньчжурами	261
2. Цинская держава в период расцвета (конец XVII—XVIII вв.)	267
3. Общественный строй Китая накануне вторжения иностранных держав	283
Глава XI. Включение китайской империи в мировые экономические, политические и духовные связи	296
1. Первая «опиумная» война	296
2. Тайпинское восстание	308
3. Китай и иностранные державы во второй половине XIX в.	323
4. Политика самоусиления и попытки реформ в Китае во второй половине XIX в.	333
Глава XII. Назревание революционного кризиса	343
1. Реформаторское движение и Кан Ювэй	343
2. Революционное движение и Сунь Ятсен	350
3. Восстание ихэтуаней	353
4. «Новая политика» и развитие кризиса империи	356
5. Подъем революционного движения	361
Глава XIII. Синьхайская революция и учреждение Китайской республики (1911—1918)	365
1. Победа Синьхайской революции 1911 г.	365
2. Политическая борьба после победы Синьхайской революции	379
3. Развитие духовной жизни китайского общества после Синьхайской революции	389
4. Социально-экономические сдвиги в послесиньхайские годы	412
Глава XIV. Китай после Первой мировой войны (1918—1927)	427
1. «Движение 4 мая» 1919 г. и подъем освободительной борьбы	427
2. Образование Коммунистической партии Китая (КПК)	435
3. Реорганизация Гоминьдана и создание революционной базы в Гуандуне	349
4. Китай накануне Национальной революции 1925—1927 гг.	447
5. Начальный этап Национальной революции (май 1925 г. — июнь 1926 г.)	453
6. Северный поход НРА (июль 1926 г. — март 1927 г.)	462
7. Кризис и арьергардные бои Национальной революции (апрель—декабрь 1927 г.)	472
8. Социально-экономические сдвиги в Китае 1918—1927 гг.	485
Глава XV. Китай в годы «нанкинского десятилетия» (1928—1937)	490
1. Становление гоминьдановской власти	490
Утверждение власти Гоминьдана и борьба за объединение страны	490
Внешняя политика гоминьдановского правительства и развитие японской агрессии	494
Социально-экономическая политика нанкинского правительства	499
Социальная природа гоминьдановской власти	506
2. Гражданская война под лозунгом Советов	507
Изменение «маршрута революции»	507
Развитие советского движения	509

Китайская Советская Республика	514
Поражение советского движения	517
3. Китай накануне японо-китайской войны	519
Завершение Великого похода и обострение фракционной борьбы в КПК	519
Общенациональный патриотический подъем	520
Борьба за единый национальный фронт	522
Глава XVI. Национально-освободительная война китайского народа против японских захватчиков (1937—1945)	526
1. Начало и основные этапы войны	526
Превращение очередного «инцидента» в национально-освободительную войну китайского народа против японских захватчиков	526
Первый период войны (июль 1937 г. — октябрь 1938 г.)	531
Второй период войны (ноябрь 1938 г. — декабрь 1941 г.)	532
Третий период войны (декабрь 1941 г. — август 1945 г.)	534
2. Развитие оккупированной части Китая	535
Создание марионеточной государственности на оккупированной территории	535
Социально-экономическое развитие оккупированных районов	538
3. Развитие гоминьдановских районов	544
Социально-экономическая политика Гоминьдана и ее последствия	544
Социально-политическое развитие неоккупированных районов	550
4. КПК и развитие освобожденных районов	558
Освобожденные районы и вооруженные силы КПК в годы войны	558
Развитие КПК в годы войны	564
5. Заключительный этап войны и ее итоги	576
Глава XVII. Победа народной революции (1945—1949)	579
1. Послевоенный политический кризис и начало нового этапа гражданской войны	579
2. Кризис и развал гоминьдановского режима	582
3. Развитие гражданской войны	588
4. Аграрная политика КПК	596
5. Победа КПК в гражданской войне	608
Глава XVIII. Китай в 1949—1957 гг.: выбор пути развития	618
1. Создание новой государственности и начало модернизации Китая	618
2. Переход Китая к социалистическому строительству	634
3. Развитие Тайваня в 1949—1957 гг.	650
Глава XIX. Китай в 1957—1976 гг.: попытки реализации маоистской утопии ...	656
1. Политика «трех красных знамен»	656
2. Политическая борьба в КПК и преодоление последствий «большого скачка» в первой половине 60-х гг.	667
3. «Культурная революция» (1966—1969)	674
4. Обострение политической борьбы на завершающем этапе «культурной революции» (1969—1976)	686
5. Развитие Тайваня в 1957—1976 гг.	692
Глава XX. Китай в эпоху реформ (после 1976 г.)	697
1. Политическая борьба в КНР после смерти Мао Цзэдуна	697
2. «Рыночный социализм» и особенности современной модернизации КНР	714
3. Развитие Тайваня после 1976 г.	742

Учебное издание

ИСТОРИЯ КИТАЯ

Под редакцией *А.В. Меликсетова*

3-е изд., испр. и доп.

Зав. редакцией
Г.М. Степаненко

Редакторы
Т.М. Ильенко, Л.В. Кутукова

Художественный редактор
Ю.М. Добрянская

Переплет художника
В.В. Гарбузова

Технический редактор
Г.Д. Колоскова

Корректоры
Г.А. Ярошевская, В.А. Ветров, И.В. Бабаева

ISBN 5-211-04948-9

Подписано в печать 11.06.2004.
Формат 60 × 90 ¹/₁₆. Бумага газетная.
Гарнитура Таймс. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 47,0. Уч.-изд. л. 48,31.
Тираж 5000 экз. Заказ 4097. Изд. 7934

Ордена "Знак Почета"
Издательство Московского университета.
125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7.
Тел.: 229—50—91. Факс: 203—66—71
939—33—23 (отдел реализации)
E-mail: kd_mgu@rambler.ru
В Издательстве МГУ
работает служба "КНИГА—ПОЧТОЙ"
Тел.: 229—75—41

ООО «Издательский дом "ОНИКС 21 век"».
105066, Москва, ул. Доброслободская, 5а.
Отдел реализации: тел. (095) 310—75—25, 150—52—11.
Internet: www.opux.ru; e-mail: mail@opux.ru

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.